

БЫЛЫЕ ГОДЫ. 2019. 51(1)
РОССИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Редакционная коллегия:

А. А. Черкасов (г. Волгоград, Россия)
гл. редактор – д-р ист. наук

Е. Ф. Кринко (г. Ростов-на-Дону, Россия)
зам. гл. редактора – д-р ист. наук

С. И. Дегтярев (г. Сумы, Украина)
д-р ист. наук

В. Г. Иванцов (г. Сочи, Россия)
канд. ист. наук

Т. А. Магсумов (г. Набережные Челны,
Россия)
канд. ист. наук

Журнал включен в базу
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index.

Редакционный совет:

Д. Даровец (г. Венеция, Италия)

П. Джозефсон (г. Вотервиль, США)

Р. Марвик (г. Ньюкасл, Австралия)

Р. В. Метревели (г. Тбилиси, Грузия)

Б. Н. Миронов (г. Санкт-Петербург, Россия)

Дж. Санборн (Пенсильвания, США)

В. Сандерлэнд (г. Цинциннати, США)

С. Г. Суляк (г. Тирасполь, Молдавия)

С. Ф. Фоминых (г. Томск, Россия)

Г. Чжан (г. Чанчунь, Китай)

Ф. Б. Шенк (г. Базель, Швейцария)

М. Шмигель (г. Банска Быстрица, Словакия)

Учредитель – International Network Center for Fundamental and Applied Research, США

Издатель – Academic Publishing House Researcher s.r.o., Словакия

Адрес для писем:

831 04, Словакия, г. Братислава – Нове Место,
ул. Стара Вайнорска, 1367/4

Подписано в печать 01.01.2019 г.

Формат 21 × 29,7/4.

Заказ № 56.

Тел.: +421 940 136139 (Словакия)
Тел.: +7 918 2019719 (Россия)
E-mail: bylyegody@sutr.ru
Сайт журнала: <http://ejournal52.com>

Выходит с 2006 г.
Периодичность – 1 раз в 3 месяца

Редактор, корректор,
редактор-переводчик В.С. Молчанова
Технический редактор, электронная
поддержка Н. А. Шевченко

На обложке слева направо:

Князь Владимир Мономах, в центре Император Николай I, княгиня Ольга
В нижней части обложки: герб Черноморской губернии
и фотография из серии «Виды Российской империи»

BYLYE GODY. 2019. 51(1)
RUSSIAN HISTORICAL JOURNAL

Editorial Staff:

A. A. CHERKASOV (VOLGOGRAD, RUSSIA)
Editor in Chief – Dr. (History)

E. F. KRINKO (ROSTOV-ON-DON, RUSSIA)
Deputy Editor in Chief – Dr. (History)

S. I. DEGTYAREV (SUMY, UKRAINE)
Dr. (History)

V. G. IVANTSOV (SOCHI, RUSSIA)
PhD (History)

T. A. MAGSUMOV (NABEREZHNYE CHELNY,
RUSSIA)
PhD (History)

This journal is listed in
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index.

Editorial Board:

D. DAROVEC (VENICE, ITALY)

S. F. FOMINYKH (TOMSK, RUSSIA)

P. JOSEPHSON (WATERVERVILLE, USA)

R. MARKWICK (NEWCASTLE, AUSTRALIA)

R. V. METREVELI (TBILISI, GEORGIA)

B. MIRONOV (ST. PETERSBURG, RUSSIA)

J. SANBORN (PENNSYLVANIA, USA)

F. B. SCHENK (BASEL, SWITZERLAND)

M. SMIGEL (BANSKA BYSTRICA, SLOVAKIA)

S.G. SULYAK (TIRASPOL, MOLDOVA)

W. SUNDERLAND (CINCINNATI, USA)

G. ZHANG (CHANGCHUN, CHINA)

Publisher – International Network Center for Fundamental and Applied Research, USA
Co-publisher – Academic Publishing House Researcher s.r.o., Slovak Republic

Postal Address:

1367/4, Stara Vajnorska str., Bratislava –
Nove Mesto, 831 04

Approved for printing 1.1.2019

Order № 56.

Тел.: +421 940 136139 (Slovak Republic)
Tel.: +7 918 2019719 (Russia)
E-mail: bylyegody@sutr.ru
Website: <http://ejournal52.com>

Editor, Proofreader
editor-translator
V. S. MOLCHANOVA

Issued from 2006
Publication frequency – once in 3 months

Technical Editor, Electronic support by
N. A. SHEVCHENKO

On the cover page from left to right:

Prince Vladimir Monomakh, the Emperor Nicholas I is in the centre, the Princess Olga
At the bottom of the cover page: Chernomorskaya Gubernia (Black Sea Province) emblem
and photo from the series «The views of the Russian Empire»

C O N T E N T S

ARTICLES

Oirat Helmet of the XVII – mid-XVIII centuries from the State Hermitage Museum L.A. Bobrov, V.N. Obraztsov, A.V. Salnikov	5
"... About the Places in which before the Russian People does not Happen ...": Fate, Service, Contribution to the Science of the eighteenth century of Vasilii Andreevich Hmetevskii S.V. Berezniyskiy, I.I. Halechko, P.V. Primak	20
Ethnic and Cultural Space of the Eastern Sami (Skolts) of the Northern Frontier of Russia and Norway-Denmark in the XVIII century K.S. Zaikov, N.S. Avdonina	29
Siberian Branch of Kasimov Tartar Princes of Tonkachev: to the History of Ichkino's Tartars A.V. Belyakov, D.N. Maslyuzhenko, G.H. Samigulov	41
I.G. Gmelin and his Role in the Second Kamchatka Expedition on the Territory of Kazan Province A.K. Salmin	55
The Formation and Development of Human Resources of Health Authorities in the Orenburg Province in the second half of the XVIII – mid XIX centuries S.V. Lyubichankovskiy, D.M. Mifteeva	64
Business Writing as a Source of Studying of the Events in Tyumen and the County Connected with People's Movement under the General Guide of Yemelyan Pugachev of 1773–1775 O.I. Golovanova	72
Orphan Courts in the System of State Institutions of the Russian Empire of the end of the XVIII – 60s of the XIX centuries: Personal Composition, Competence, Rights and Duties of Guardians S.I. Degtyarev, L.G. Polyakova	83
From the History of the Russian Soda Production in the 18th and 19th centuries (as illustrated by the Example of Siberia) V.N. Shaidurov	93
Formation and Development of Enlightenment in the North Caucasus in the late of XVIII – early XX centuries Z.Ya. Emtyl, A.S. Bochkareva	102
To the Issue of the Support by Islamic Divines of Caucasus Movement for the Gazavat Under Leadership of Sheikh Mansur D.V. Ovsjannikov	113
Russian Cartographic Materials of the XVIII–XIX centuries on the History of Kazakhstan: Classification, Overview G.N. Ksenzhiik	121
«For the Fatherland the Death, Healed Wounds and Fetters are Dear»: North Caucasian Trials in the Fate of the Poles in the first half of the XIX century Yu.Yu. Grankin, Yu.Yu. Klychnikov, S.S. Lazarian	131
The Problem of Security of Trade Caravans in Russian-Kazakh Relations in the first half of the XIX century Y.A. Lysenko	138
Part of the Fleet in the Capture of Kokand Fortress of Ak-Mechet Y.F. Katorin, A.P. Nyrkov, O.V. Natolochnaya	149

Everyday Life and Traditions of the East Georgian Tribes in the XIX century (Tushins, Pshavy, Khevsurs) I.A. Ermachkov, E. Vidishcheva, N.V. Svechnikova, J. Gut	158
Expedition in Khevsureti in 1813. The "Assault" of Shatili A.A. Cherkasov, S.N. Bratanovskii, L.A. Koroleva, V.V. Tarakanov	166
Organization of Medical Service in the External Districts of the Middle Zhuz in the 20-60s of the XIX century G.A. Alpyspaeva, S.N. Sayahimova, L.T. Jumaliyeva	176
Hereditary Bureaucracy in East Siberian Government from XIX to the early XX century: Statistical Analysis on the Materials of the Yenisei Province T.G. Karchaeva, D.N. Gergilev, G.M. Luschaeva	188
"Dry Law" on the Russian Soil: the Influence of the American Experience on the Sober Movement and the Struggle for the Prohibition in the Russian Empire at the turn of XIX th and XX th centuries V.V. Prilutskiy	198
Biographical Research in the Modern Historiography of the Don Cossacks of the second half of the XIX century. Part I G. Rajović, E.F. Krinko, A.G. Vazerova, M. Trailovic	209
Marital Relationships Among Orenburg Aristocracy during the Post-Reform Period (Behavioral and Mental Components) E.V. Burlutskaya (Bannikova)	219
Administrative and Economic Structure of Muslims of Western Siberia in the Context of Agrarian Modernization in the Russian Empire in the second half of XIX-early XX century P.K. Dashkovskiy, E.A. Shershneva	231
Handicraft of the Kazakh People in the middle of XIX th – early XX th centuries A.S. Zhanbosinova, A.A. Kulshanova, M.J. Shaimerdenova	241
"Equality of Cossacks under the Law and the Wrong Distribution of Allowances and Duties in Fact": the Land-Use System of the Don and Kuban Cossack Villages in 1860–1890 A.Y. Peretyatko	252
P.A. Valuev and the Formation of Government Policy in Relation to the Western Territory (1861–1865) M.N. Krot, A.I. Narezhny	262
Leisure Societies of the Tomsk Province in 1865–1919 V.P. Zinovyev, V.I. Zinovyeva, S.S. Sulyak	272
Vladimir Nikolaevich Voyeykov is a Statesman, First «Minister of Sport», the Entrepreneur E.G. Lapshina	284
The Jewish Community Beyond the Pale of Settlement in late XIX th – the beginning of the XX th centuries: the Case of Ekaterinodar E.S. Norkina	296
Professor-Archpriest Paul Svetlov on the Problems of Development of Higher Theological Education in the Russian Empire in the late 19 th – early 20 th century G.E. Bokov, M.S. Stetckevich, E.S. Stetckevich	306
Standards of Corporate Ethics in the Russian University Environment in the late XIX – early XX century M.V. Gribovskiy, A.N. Sorokin	314

Aspects of Functioning of the Regional Level of the State Credit Organizations in the second half of the XIXth – beginning of the XXth centuries (on the Example of the Tula Province) E.A. Nazirova, N.I. Shelkopyasova	325
Kazakh Traditional Village in the Works of Russian Scientists (late XIX – early XX century) N. Alimbay, G.U. Orynbayeva	337
Retrospectives of the Formation of the Social-Economic Infrastructure of the Chinese Eastern Railway S.Yu. Tsohla, N.A. Simchenko, I.G. Pavlenko	348
Archive and Memory: The Reconstruction of the Family Memory of the Late Russian Empire Y.A. Zherdeva, E.I. Sumburova, M.V. Cherkasova	357
Siberian Students' Material Situation in the early 20 th century (based on Student Questionnaires) O.V. Ishchenko, T.A. Magsumov	366
Tactical and Technical Characteristics of Armored Cruisers of Russian and Japanese Fleets during the War of 1904–1905 A.M. Mamadaliev, A.V. Venkov, N.V. Miku, A. Médico	380
Conflict of Imperial and Regional Interests on the Introduction of Duty-free Trade Regime in the Mouths of Siberian Rivers during the First World War O.M. Dolidovich, V.I. Fedorova, A.S. Zhulaeva	395
From the History of the Dawn of Aviation: Biplanes of the early XX century V.B. Karataev, S.I. Adinyaev, S.F. Artemova, A.N. Volkov	406
The Last Rector of the Imperial St. Petersburg University: Erwin Davidovich Grimm V.S. Brachev, M.F. Polynov, V.A. Ratchkovskiy, M.V. Fedorov	413
Hurricane of 1914 and its Social Consequences in the South-East Azov Sea Region: Based on Periodicals and Archival Documents I.V. Pashchenko, E.Y. Chuklina	423
The First World War as a Factor of the Political Infantilism of the Russian Intelligentsia T.V. Gryaznukhina, A.G. Gryaznukhin, D.N. Gergilev, L.F. Malyutina	437
The Image of the "German Conqueror" in the British and Russian Propaganda of the First World War Period: A Comparative Analysis P.V. Ulyanov	447

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 51. Is. 1. pp. 5-19. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.1.5
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

ARTICLES

Oirat Helmet of the XVII – mid-XVIII centuries from the State Hermitage Museum

Leonid A. Bobrov ^{a, *}, Vsevolod N. Obratsov ^b, Alexey V. Salnikov ^c

^aNovosibirsk State University, Russian Federation

^bState Hermitage Museum, Saint-Petersburg, Russian Federation

^cMoscow International University, Russian Federation

Abstract

The article describes a riveted iron helmet (Inv. No. VO-1237) from the collection of the State Hermitage Museum (St. Petersburg), originally attributed as “Mongolian Shishak”. The typological analysis allowed to specify the dating and attribution of the head.

According to the material of manufacture, the helmet belongs to the class of iron, according to the design of the crown, to the section riveted, according to the shape of the dome to the type of spherocylindrical. Overall height – 26 cm, diameter: 20.5 – 21.5 cm. Weight – 1.075 kg.

The sill of the helmet is riveted of four S-shaped plate-sector sections, the joints of which are covered with narrow plates with a smooth edge and a longitudinal stiffener. The lining not only connects the elements of the crown to each other, but also strengthens the design of the head, protecting the most vulnerable parts of the dome - docking seams. An additional latch plates of the crown are a cap-shaped exposed and a convex rim along the bottom edge of the crown. A box-shaped visor consisting of a narrow horizontal plate – a "shelf" and a vertical "shield" is riveted to the front part of the helmet. Crowned with a helmet faceted tube for plume. Through holes are punched along the bottom edge of the crown, into which copper loops are inserted for fastening the barmitsa. However, as a protection for the ears and neck, at present, a pair of forged headphones and a headplate are used on the helmet.

It was established that the helmet of VO-1237 belongs to a special group of Oirat (Dzungar, Kalmyk) helmets originating from the territory of the Volga region, the southern regions of Western Siberia, South-Eastern Kazakhstan, Western Mongolia and Tibet (14 copies). A distinctive feature of the helmets of the series is the riveted crown of the characteristic "pitcher-shaped" shape. It is very likely that in making helmets of such an unusual design, Oirat masters were inspired by the image of a Buddhist stupa (Kalm. "Suburgan"). In addition, a high-crowned helmet was clearly visible on the battlefield. In the course of a dynamic equestrian battle, such a helmet helped the unit's troops quickly determine the location of their commander, which probably facilitated the control of troops during the battle.

Design features and design systems suggest that the sample of protective weapons was manufactured by Dzhungar or Kalmyk gunsmiths in the second half of the XVII th – mid-XVIII th centuries. As a combat head, a helmet could be used in a later period.

Keywords: Mongols, Oirats, Dzungars, Kalmyks, Oirat armor, Dzungarian helmet, Kalmyk helmet.

* Corresponding author

E-mail addresses: spsml@mail.ru (L.A. Bobrov), vs.obratsov@yandex.ru (V.N. Obratsov), alexkat_salnikov@mail.ru (A.V. Salnikov)

1. Введение

Эпоха позднего Средневековья и раннего Нового времени являлась важным этапом в истории развития комплекса защитного вооружения монголоязычных народов Центральной Азии. Правители Ойратии и Халхи XVI – середины XVIII вв. прикладывали значительные усилия для увеличения количества конных панцирников в своих войсках. Данная задача решалась за счет комплексного подхода, когда продукция местных мастеров «куяшного дела» дополнялась массовым импортом доспехов с территории Южной Сибири. Кроме того, в 1640 г. по результатам съезда монгольской и ойратской знати на податное кочевое население была наложена новая повинность по изготовлению защитного вооружения. Две семьи из каждой общины в 40 кибиток должны были «делать латы». Даже частичное внедрение подобной меры существенно увеличивало количество панцирей, поставляемых в войска. Так, например, только номады Джунгарии (численность населения 200 тыс. «кибиток») могли передавать в армию своего правителя-*хунтайджи* до 10 тыс. панцирей в год. В первой половине XVIII в. в той же Джунгарии были созданы государственные оружейные мануфактуры, на которых трудились местные и иностранные мастера, а также мобилизованные для отработки государственной барщины рядовые кочевники (Бобров, 2011: 16, 42; Бобров, Худяков, 2008: 327–356).

Проводимая политика дала свои результаты. На протяжении рассматриваемого периода фиксируется постепенный рост числа панцирников-«куяшников» в войсках центральноазиатских правителей. Согласно данным письменных источников, численность всадников в доспехах в армиях кочевников региона обычно колебалась от 10 до 50 % от общего числа воинов. Для повышения устойчивости войск в ближнем бою конные латники нередко сводились в отдельные ударные («куяшные») отряды, насчитывавшие от нескольких сотен до нескольких тысяч панцирников (Бобров, 2011: 16, 17; Бобров, Рюмшин, 2015: 370, 371).

Важное значение имел и тот факт, что количественные изменения сопровождались качественным сдвигом. На XVI – первую половину XVIII вв. приходится расцвет центральноазиатского панцирного комплекса, отличного как от дальневосточных, так и от среднеазиатских образцов. По своему видовому и типовому разнообразию он значительно превосходил комплексы защитного вооружения номадов региона других исторических периодов (Бобров, 2011: 43).

Наличие панцирной конницы стало важным фактором в военных успехах центральноазиатских номадов в «эпоху малого монгольского (ойратского) нашествия» (XVII – первая половина XVIII вв.). В это время ареал военной активности ойратов включал огромные пространства внутренней Евразии – от причерноморских степей на западе до Тибета на востоке, и от лесов Западной Сибири на севере до пустынь Мавераннахра на юге. В конце XVII в. войска Галдана Бошокту-хана оккупировали большую часть Монголии и вышли к Великой Китайской стене. В первой половине XVIII в. джунгарские *хунтайджи* контролировали значительную часть Центрального, Южного и Юго-Восточного Казахстана, практически весь Восточный Туркестан и Горный Алтай. В свою очередь западные ойраты (волжские калмыки) стали одним из основных союзников Российского государства в войнах с крымскими татарами и ногаями. Калмыцкие отряды неоднократно вторгались в Крым и земли черкесов, вели боевые действия на территории Правобережной и Левобережной Украины, в причерноморских степях, на Кубани и в степях Западного Казахстана. Под ударами калмыков пала Большая Ногайская орда. Весьма значительный вклад внесли калмыки и в победы российской армии над войсками Крымского ханства и его союзников в военных конфликтах первой половины – середины XVIII в. Таким образом, ойраты сыграли важную роль в исторической судьбе многих народов Восточной Европы, Северного Кавказа, Центральной, Средней и континентальной Восточной Азии (Чимитдоржиев, 1979: 6–65; Златкин, 1983: 178–209; Цюрюмов, Батыров, 2006: 12–78; Тепкеев, 2012: 11–84, 112–172, 212–215, 318–341; Бобров, Рюмшин, 2015: 357–367). В настоящее время тысячи предметов ойратского вооружения хранятся в музейных и частных собраниях России, Казахстана, Монголии, Китая, Узбекистана, США, Великобритании и других стран. Введение их в научный оборот является актуальной научной задачей (Бобров, 2011: 3, 4, 17–20, 29, 30).

В коллекции отдела «Арсенал» Государственного Эрмитажа (ГЭ, г. Санкт-Петербург) хранится оригинально оформленный железный шлем (инв. № В.О.-1237) представляющий значительный интерес для отечественных и зарубежных оружейников, археологов и военных историков (Рис. 1).

Рис. 1. Шлем инв. №В.О.-1237, Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург (фото К.В. Синявского).

Шлем был передан в Императорский Эрмитаж в составе собрания Царскосельского Арсенала (ЦСА) в 1885–1886 гг. К сожалению, источник поступления наголовья в коллекцию Николая I не известен. Однако данный артефакт уже находился в собрании Арсенала на момент публикации первого каталога в 1840 г.

С самого начала своей «музейной» жизни шлем атрибутировался как монгольский. Именно таким образом он был опубликован в каталоге первого хранителя коллекции Царскосельского Арсенала К. Сэджера (*Каталогъ... 1840: 165, № 163*). Также монгольским шлем значится и в последующих описях и инвентарных книгах 1860-х гг., 1874–1876 гг., рубежа XIX–XX вв., 1950 г.

До настоящего времени указанное наголовье не становилось объектом специального научного исследования.

Целью настоящей статьи является введение шлема В.О.-1237 в научный оборот, описание его конструкции и системы оформления, а также датировка и атрибуция.

2. Материалы и методы

Главным методологическим основанием научных исследований по изучению комплекса защитного вооружения (в том числе боевых наголовий) народов Евразии эпохи Средневековья и раннего Нового времени являются принципы историзма, объективности, а также системный подход, состоящий в целостном рассмотрении совокупности объектов, при котором выясняется, что их взаимосвязь приводит к появлению новых интегративных свойств системы.

В рамках применения системного подхода к изучаемому материалу отдельные панцирные элементы и комплексы защитного вооружения изучаются как обособленное и развивающееся целое, состоящее из согласованных, необходимых и достаточных для существования данной системы элементов, каждый из которых обладает способностью к самостоятельному развитию при сохранении целостных характеристик системы. В рамках системного подхода используются рациональные положения эволюционизма (изменчивость и наследственность) и диффузионизма (заимствование, перенос, смешение).

Методика обработки источников определяется задачами исследования. На этапах анализа и интерпретации материалов в оружейведческих работах традиционно применяются морфологический, классификационный, типологический, сравнительно-описательный методы, метод датированных аналогий, верификации и корреляции полученных результатов. На этапе

реконструкции защитных элементов задействован комплексный подход, основанный на сопоставлении письменных, вещественных и изобразительных источников (Бобров, 2011: 6–8).

3. Обсуждение

По материалу изготовления шлем инв. № В.О.-1237 относится к классу железных, по конструкции тульи – к отделу клепанных, по форме купола – к типу сфероцилиндрических. Общая высота наголовья – 26 см, диаметр лбно-затылочный – 20,5 см, диаметр височный – 21,5 см. Толщина пластин тульи колеблется от 0,63 мм до 1,01 мм. Вес шлема (вместе с наушами и назатыльником) – 1,075 кг (Рис. 2).

Рис. 2. Шлем инв. № В.О.-1237, Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург. Вид спереди (фото К.В. Синявского)

Тулья шлема склепана из четырех пластин-секторов, имеющих S-образное сечение. Благодаря подобному технологическому приему, шлем в собранном виде приобретает характерный сфероцилиндрический силуэт. Стыки секторов тульи прикрыты узкими накладками с ровным краем и ярко выраженным продольным ребром жесткости, выполненным в виде невысокого уплощенного валика. В месте изгиба пластин тульи накладки резко сужаются, доходя почти до края ребра. Ширина накладок в нижней части колеблется в диапазоне от 1,4 см до 1,7 см; в центральной части – от 1,2 до 1,6; в верхней части 0,7–0,8 см. Толщина ребер жесткости 0,36–0,46 см. Накладки крепятся к шлему с помощью двух пар заклепок, расположенных в нижней и верхней части железной полосы соответственно (Рис. 1–4).

Рис. 3. Шлем инв. № В.О.-1237, Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург. Вид справа (фото К.В. Синявского)

Рис. 4. Шлем инв. № В.О.-1237, Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург. Вид слева (фото К.В. Синявского)

Конструктивно накладки выполняют двойную функцию. С одной стороны, они прикрывают стыки пластин тульи – наиболее уязвимые места купола шлема (при этом рельефные валики играют роль ребер жесткости). С другой стороны, накладки соединяют и фиксируют пластины тульи между собой. Плоскости накладок и пластин-секторов снабжены симметричными сквозными отверстиями, в которые вставлены заклепки, головки которых расклепаны на поверхности накладок и внутренней стороне купола шлема соответственно, что обеспечивает всей конструкции необходимую жесткость.

Дополнительным фиксатором пластин тульи выступает комбинированное навершие, состоящее из подвешивания, трубки-втулки для плюмажа и четырех гвоздеобразных штырей (Рис. 5).

Рис. 5. Навершие шлема инв. № В.О.-1237, Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург (фото К.В. Синявского)

Составное подвешение (пластина-основание навершия) имеет «крышкообразную» форму. Высота подвешия – 1,18 см, диаметр – 3,68 см. Поверх вертикального железного бортика приклепан обруч из медного сплава (ширина – 0,65 см). Четыре заклепки с округлыми шляпками соединяют подвешие, декоративный обруч и пластины тульи между собой. По центру подвешия пробито сквозное отверстие, в которое вставлена граненая трубка – втулка для плюмажа (высота – 4,3 см, диаметр в нижней и верхней части – 0,68 см). Примерно по центру втулки расположено шаровидное «яблоко» (диаметр – 0,67 см) в обрамлении двух выпуклых «валиков» (ширина – 0,18 см). Наряду с втулкой, в плоскость подвешия вставлены четыре гвоздеобразных штыря (длина – 3,4 см, диаметр – 0,45 см).

Еще одним фиксатором пластин тульи является узкий выпуклый железный обод, опоясывающий шлем по его нижнему краю (толщина обода на разных участках колеблется от 0,61 до 0,7 см). Особо отметим, что обод является составным и проходит по всему периметру шлема, включая пространство под козырьком. Элементы обода приклепаны к тулье с помощью железных заклепок.

К налобной части шлема прикреплен «коробчатый» козырек, состоящий из горизонтальной полукруглой «полки» и вертикального «щитка» (Рис. 6). Козырек крепится к тулье с помощью железных заклепок, вбитых в боковые лопасти «щитка». Длина козырька – 13,2 см, ширина – 2,1 см.

Рис. 6. Козырек шлема инв. № В.О.-1237, Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург (фото К.В. Синявского).

Защита ушей, щек и шеи состоит из пары массивных железных наушей и назатыльника.

Науши представляют собой кованые пластины подпрямоугольной формы со слабывыпуклым профилем (высота – 14 см, ширина – 10 см). Верхний край наушей – ровный, нижний – округлый (Рис. 1, 3, 4). В нижней части пластин пробиты сквозные отверстия, возможно, служившие для крепления подбородочных ремней или матерчатой подкладки. В настоящее время науши крепятся к тулье с помощью металлических заклепок и полос кожи (Рис. 2–4).

Назатыльник шлема представляет собой цельнокованую слабывыпуклую железную пластину трапецевидной (почти квадратной) формы. Высота – 11,6 см, ширина – 11,3 см (в верхней части), 11,9 см (в нижней части). Как и науши, назатыльник крепится к тулье с помощью заклепок и полосы выделанной кожи (Рис. 7).

Рис. 7. Шлем инв. № В.О.-1237, Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург. Вид сзади (фото К.В. Синявского)

Вдоль нижнего края тульи шлема (несколько выше обода) пробиты восемь сквозных отверстий, в четырех из них сохранились петли из медного сплава (Рис. 1–4, 7, 8). Пропущенные сквозь отверстия «усики» расклепаны по плоскости внутренней стороны купола шлема (Рис. 9). Наличие отверстий и петель позволяет предположить, что шлем мог иметь альтернативную систему защиты ушей и шеи в виде бармицы с кольчатой, пластинчато-нашивной или иной структурой бронирования. Не исключено, что науши и назатыльник представляют собой позднейшие добавления, подвешенные к шлему на завершающих этапах его эксплуатации в качестве боевого наголовья или даже позднее, в период его нахождения в собрании Царскосельского Арсенала.

Рис. 8. Шлем В.О.-1237, Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург. Вид сверху (фото К.В. Синявского)

Рис. 9. Шлем инв. № В.О.-1237, Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург. Вид снизу (фото К.В. Синявского)

Наголовье В.О.-1237 из собрания Государственного Эрмитажа может быть датировано и атрибутировано на основании особенностей конструкции и системы оформления тульи и шлемовых элементов.

Клепаные сфероцилиндрические («кувшинообразные», «вазообразные») шлемы с четырехчастной тульей¹ являются достаточно популярной разновидностью боевых наголовий номадов Центральной Азии эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени. Для более ранних исторических периодов подобные шлемы, в целом, нехарактерны (Gorelik, 1979: 52–59; Горелик, 1983: 262; Горелик, 1987: 187–194; Горелик, 2002: 75–78; Бобров, Худяков, 2003: 144; Ахметжан, 2007: 153, рис. 131, 7; Бобров, Худяков, 2008: 440–445, 459–461).

Наряду с тульей, важным датирующим признаком шлема является «коробчатый» козырек, состоящий из «полки» и «щитка». Подобные козырьки представляют собой одну из основных форм защиты лица на боевых и парадных наголовьях состоятельных кочевников Центральной Азии XV–XVIII вв. (Бобров, Худяков, 2003: 145; LaRocca, 2006: 73–79, 88, 91; Бобров, Худяков, 2008: 418, 426, 432, 440–444, 446, 447, 450–452; Анисимова, 2013: 276, 277; Ахметжан, 2015: 51, 53; Bobrov, Kushkumbayev, Salnikov, 2018: 443–452).

Часто встречающимся элементом конструкции монгольских и ойратских шлемов позднего Средневековья и раннего Нового времени также являются железные трубки-втулки для плюмажа, украшенные шаровидным «яблоком» в обрамлении выпуклых поясков (LaRocca, 2006: 73, 88, 89; Бобров, Худяков, 2008: 418, 440, 441, 444, 445, 460, 461). Подобный тип держателя плюмажа является типичным для сфероцилиндрических шлемов указанного исторического периода (LaRocca, 2006: 88, 89; Бобров, Худяков, 2008: 440, 441, 444, 445, 460, 461).

По совокупности признаков наголовье из Государственного Эрмитажа может быть отнесено к особой группе шлемов, которая в настоящее время насчитывает 14 экз., хранящихся в музейных и частных коллекциях России, Казахстана, Монголии, Китая, США и др. стран.² Отличительной особенностью данных наголовий является характерная сфероцилиндрическая тулья, склепанная из S-образных в сечении пластин-секторов. Стыки последних прикрыты широкими или (реже) узкими накладками с ровным краем. Практически обязательным элементом оформления является более или менее широкий обруч, а также «коробчатый» козырек. В тех случаях, когда шлем сохранил навершие, оно всегда состоит из плоского крышкообразного основания (подвершия), трубки-втулки для плюмажа и ряда дополнительных элементов (как правило, стилизованных изображений бутонов восьмилепесткового лотоса). Все сфероцилиндрические шлемы данного типа соотносятся с комплексом вооружения ойратов XVI – середины XVIII вв. (Бобров, Худяков, 2003: 144, 145; Бобров, Худяков, 2008: 459; 460).

Отмечая несомненную «генетическую» близость рассматриваемого наголовья из Государственного Эрмитажа с другими шлемами указанной серии, зафиксируем некоторые особенности его конструкции и системы оформления.

В отличие от большинства других сфероцилиндрических наголовий, стыки пластин тульи шлема В.О.-1237 прикрыты узкими рельефными накладками с ребрами жесткости. Вместо широкого и плоского обруча его тулью опоясывает узкий и выпуклый обод, склепанный из нескольких элементов. «Щиток» козырька шлема В.О.-1237 – гладкий и лишен вертикального ребра жесткости по центру, благодаря чему козырек имеет полуовальную, а не подтреугольную или пятиугольную форму, характерную для классических «кувшинообразных» наголовий (Бобров, Худяков, 2008: 440, 441, 443, 444, 460, рис. 190, 2, 3; 461, рис. 191, 1, 2). Декоративное оформление навершия шлема из Эрмитажа, по сравнению с его аналогами, более лаконично: на бортике крышковидного подвершия и по краю раструба втулки отсутствуют остроугольные фестоны, число «яблок» уменьшено до одного, вместо более или менее тщательно выполненных объемных бутонов, символизирующих восьмилепестковый лотос, в подвершие шлема вставлены остроугольные «гвозди». В то же время навершие шлема В.О.-1237 имеет ряд дополнительных украшений, которые отсутствуют у других наголовий серии: его плюмажная трубка покрыта продольными гранями, а поверх бортика подвершия приклепан обруч из медного сплава. Также отметим, что по сравнению со многими классическими «кувшинообразными» шлемами из собраний ММК, ТГИАМЗ, ЦГМРК, Музея искусств Метрополитен и др. цилиндрическая часть тульи шлема В.О.-1237 отличается заууженными укороченными пропорциями.³ Эти и другие

¹ Накладки, прикрывающие стыки пластин тульи классических сфероцилиндрических шлемов, настолько широки, что по своим размерам практически не уступают основным пластинам-секторам, образующим купол наголовья. По данной причине тулья сфероцилиндрических шлемов нередко определяется как восьмипластинчатая (Бобров, Худяков, 2003: 144, 145; Бобров, Худяков, 2008: 440–445).

² К данной группе примыкают еще четыре шлема, выполненные в подражание своим сфероцилиндрическим аналогам, но имеющие несколько иной силуэт, конструкцию и систему оформления.

³ Еще одной важной особенностью шлема из Эрмитажа является нестандартный для сфероцилиндрических шлемов тип защиты ушей и шеи в виде кованых гомогенных наушей и назатыльника вместо традиционной пластинчато-нашивной бармицы (Бобров, Худяков, 2008: 441, 442, 449, 464, 465; Бобров, 2009: 251–254). Однако, как уже отмечалось выше, наушы и назатыльник

особенности конструкции и системы оформления позволяют предположить, что шлем из Государственного Эрмитажа несколько моложе большинства своих сфероцилиндрических аналогов. Наиболее вероятной датой его изготовления следует считать вторую половину XVII – середину XVIII вв.

В завершении необходимо хотя бы кратко остановиться на причинах появления шлемов столь необычной формы в комплексе вооружения ойратских племен эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени.

Как показали экспериментальные испытания, сфероцилиндрическое наголовье не имеет каких-то ярко выраженных функциональных преимуществ перед своими сфероконическими или полусферическими аналогами. Более того, сильные рубящие горизонтальные удары по вытянутой цилиндрической тулье создавали дополнительные риски для хозяина «кувшинообразного» шлема (Бобров, Худяков, 2003: 144; Худяков и др., 2005: 98–100). Тем не менее сфероцилиндрические наголовья продолжали активно применяться состоятельными ойратами, воевавшими на территории Восточной Европы, Средней и Центральной Азии.¹ В чем же причина данного военно-исторического феномена?

В первую очередь необходимо отметить, что основное функциональное преимущество сфероцилиндрического шлема является оборотной стороной его главного технологического недостатка. Шлем с высокой вытянутой тульей, увенчанной длинной трубкой-втулкой с плюмажем из лент или перьевого султана, был хорошо заметен на поле боя. В ходе динамичного конного сражения подобный шлем помогал воинам подразделения быстро определить местоположение своего командира, что, вероятно, облегчало управление войсками во время битвы (Бобров, Худяков, 2003: 144).²

Однако, на наш взгляд, факт появления шлемов сфероцилиндрической формы был обусловлен не только (а возможно, и не столько) технологическими и функциональными, но и культурно-религиозными причинами. Во второй половине XVI – начале XVII в. среди монголоязычных кочевников Центральной Азии стремительно распространяется буддизм, что приводит к важным изменениям, как в духовной жизни, так и в материальной культуре номадов (Златкин, 1983: 98–103; Бобров, Орленко, 2017: 127–135; Bobrov i dr., 2018: 449, 451, 452). Буддийской символикой начинают все чаще дополняться не только повседневный и парадный костюмы, но и предметы защитного вооружения кочевников. До нашего времени дошли многочисленные монгольские и ойратские шлемы и панцири, покрытые буддийскими мантрами, символами «триратна» («три драгоценности»), изображениями Будды, докшитов, цветка лотоса, ваджр, свастики, буддийских ступ и др. (LaRocca, 1999: 115, 116; LaRocca, 2006: 75–78, 80, 81, 83, 84, 88–91; Бобров, Худяков, 2008: 433, 440–446, 452, 454, 460–462; Бобров, Ожередов, 2010: 16–20, 30, 33, 34, 36, 38, 40, 42–45, фото 1, 2, 5–10; Бобров, Орленко, 2017: 127–135; Bobrov i dr., 2018: 449, 451, 452). В некоторых случаях отдельные конструктивные элементы наголовий и корпусных доспехов также изготавливались в виде буддийских символов. Так, например, фиксаторы бармицы на ойратском шлеме ГИН 148 из собрания Акмолинского областного историко-краеведческого музея (АОИКМ, г. Кокшетау, Республика Казахстан) выполнены в форме А-образных пластинок, символизирующих санскритский слог «та» (Bobrov i dr., 2018: 449, 451, 452). Схожим образом были оформлены и сотни металлических накладок панцирных пластин джунгарского доспеха из собрания МАЭС ТГУ (Бобров, Ожередов, 2010: 16–20, 30, 33, 34, 36, 38, 40, 42–45, фото 1, 2, 5–10). Крайним проявлением данной тенденции стало стремление придать боевому наголовью форму головного убора буддийского священнослужителя. В. Бехаймом был опубликован клепаный ойратский шлем, хранящийся в Музее Польди-Пеццоли (г. Милан, Италия), изготовленный в виде колпака буддийского ламы (Бехайм, 1995: 47, рис. 43).³

Нам представляется, что феномен сфероцилиндрических шлемов следует рассматривать именно в этом «религиозно-оружейном» контексте. Проведенный анализ показал, что силуэт сфероцилиндрических наголовий в значительной степени повторяет контур традиционной буддийской ступы (монг. «субарга(н)», «суварга», калм. «субурган») – одного из важнейших символов «желтой веры». В буддийской иконографии ступа символизирует «созидательную способность и неизбежность Учения», а также служит «...одним из семантических заместителей образа Будды» (Кравцова, 2004: 466). При подобной интерпретации полусферическая часть тульи будет соответствовать полусферической части ступы, так называемой «вазе», символизирующей семь ветвей Пробуждения: глубокую внимательность, глубокое распознавание явлений, глубокое усердие, глубокую радость, глубокий навык, глубокую медитацию и глубокую уравновешенность. В то же

могут являться позднейшими добавлениями, подвешенными к шлему на завершающих этапах его эксплуатации в качестве боевого наголовья или даже позднее.

¹ Значительный интерес представляет тот факт, что весьма схожие (а иногда даже аналогичные) по конструкции и системе оформления сфероцилиндрические шлемы происходят из разных регионов Евразии, ставших объектом ойратской экспансии (Поволжье, южные районы Западной Сибири, Юго-Восточный Казахстан, Тибет, Западная Монголия и др.).

² Декоративное оформление и конструкция сфероцилиндрических шлемов свидетельствуют в пользу того, что владельцами подобных наголовий являлись состоятельные ойратские воины, в том числе представители командного состава калмыцких и джунгарских армий.

³ Первоначально наголовье было ошибочно атрибутировано как «простой татарский шлем» (там же).

время цилиндрическая часть тульи будет соответствовать «Древу жизни», символизирующему различные аспекты мудрости Будды.

Первичное сопоставление декоративного оформления поверхности ступ (в частности «ступы лотоса») с узорами и орнаментами на поверхности некоторых сфероцилиндрических шлемов подтвердило данное предположение. Весьма вероятно, что необычный для боевых наголовий сфероцилиндрический купол шлема, напоминающий форму буддийской ступы, должен был защитить его владельца как от оружия противника, так и вражеского магического воздействия (Рис. 10).

Рис. 10. Буддийские ступы, XVIII в., Монастырь Эрдэни-Дзу, г. Хархорин, аймак Уверхангай, Монгольская Народная Республика

Данное предположение позволяет уточнить наиболее вероятные хронологические рамки времени изготовления большинства сфероцилиндрических шлемов рассматриваемой серии. Возможная нижняя граница изготовления шлема локализуется временем распространения буддизма среди ойратов, т.е. 10-ми гг. XVII в.¹, а верхняя – серединой XVIII в., когда ремесленные мастерские Джунгарии были разрушены цинскими, кокандскими и казахскими войсками, а традиция массового изготовления оригинального защитного вооружения в Волжской Калмыкии сошла на нет (Златкин, 1983: 98–103; Бобров, Орленко, 2017: 127–135; Bobrov et al., 2018: 452).

В то же время отметим, что сфероцилиндрические шлемы могли применяться и позднее указанной даты. Так, например, их могли использовать ойратские воины, включенные в состав дружин казахских и узбекских правителей после разгрома Джунгарии и откочевки большей части волжских калмыков в Центральную Азию в 1771 г. (Чимитдоржиев, 1979: 25; Национально-освободительная борьба..., 1996: 399; Bobrov et al., 2018: 452). В пользу данной версии свидетельствует использование изображения сфероцилиндрического шлема в качестве купола одного из казахских (?) мавзолеев с территории Западного Казахстана (Ахметжан, 2015: 78, рис. 32, 4).

4. Результаты

Проведенный типологический анализ позволил уточнить датировку и атрибуцию шлема В.О.-1237 из собрания Государственного Эрмитажа.

Установлено, что шлем входит в состав большой группы ойратских сфероцилиндрических («кувшинообразных», «вазообразных») наголовий, датируемых периодами позднего Средневековья и раннего Нового времени. Весьма вероятно, что при изготовлении шлемов столь необычной формы ойратские мастера вдохновлялись образом буддийской ступы (калм. «субурган»).

¹ Что, конечно, не исключает возможности того, что отдельные наголовья серии могли быть изготовлены несколько раньше – во второй половине XVI – начале XVII вв.

Особенности конструкции и системы оформления позволяют предположить, что рассматриваемый образец защитного вооружения был изготовлен калмыцкими или джунгарскими оружейниками во второй половине XVII – середине XVIII вв. В качестве боевого наголовья шлем мог применяться и в более поздний период.

5. Благодарности

Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (проект № 33.5677.2017/8.9).

Литература

Анисимова, 2013 – Анисимова М.А. Оружие Востока XV – первой половины XX веков: из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. СПб.: Атлант, 2013. 527 с.

АОИКМ – Акмолинский областной историко-краеведческий музей.

Ахметжан, 2007 – Ахметжан К.С. Этнография традиционного вооружения казахов. Алматы: Алматыкитап, 2007. 216 с.

Ахметжан, 2015 – Ахметжан К.С. Боевые шлемы казахов (история, истоки, традиции). Астана, 2015. 102 с.

Бехайм, 1995 – Бехайм В. Энциклопедия оружия. СПб.: АО «Санкт-Петербург оркестр», 1995. 576 с.

Бобров, 2009 – Бобров Л.А. «Татарский» шлем с комбинированной бармицей из Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника // *Вестник НГУ. Сер.: История, филология*. 2009. С. 251–254.

Бобров, 2011 – Бобров Л.А. Основные направления эволюции комплексов защитного вооружения народов Центральной, Средней и континентальной Восточной Азии второй половины XIV – XIX вв. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2011. 54 с.

Бобров, Ожередов, 2010 – Бобров Л.А., Ожередов Ю.И. Позднесредневековый панцирь-«халат» воина-буддиста (Из истории «оружейного» собрания МАЭС ТГУ) // *Материалы и исследования Древней, Средневековой и Новой истории Северной и Центральной Азии*. Томск: Томский государственный университет, 2010. Т. III. Вып. 1. С. 7–64.

Бобров, Орленко, 2017 – Бобров Л.А., Орленко С.П. Монгольский шлем конца XVI – первой трети XVII вв. из собрания Оружейной палаты Московского Кремля // *Археология, этнография и антропология Евразии*. № 4. 2017. С. 127–135.

Бобров, Рюмшин, 2015 – Бобров Л.А., Рюмшин М.А. «...И против них не стаивали, они нигде, и биться с ними не умеют». Оружейный и военно-тактический аспект калмыцко-ногайских и калмыцко-татарских войн первой половины – середины XVII в. // *Золотоордынская цивилизация*. 2015. № 8. С. 357–378.

Бобров, Худяков, 2003 – Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Боевые наголовья кочевников Монголии и Калмыкии второй половины XVI – начала XVIII вв. // *Древности Алтая*. Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. ун-т; Ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова, 2003. С. 138–155.

Бобров, Худяков, 2008 – Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII вв.). СПб.: Фак. филологии и искусств СПбГУ, 2008. 770 с.

Горелик, 1983 – Горелик М.В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // *Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины*. М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 244–269.

Горелик, 1987 – Горелик М.В. Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV вв.) // *Археология, этнография и антропология Монголии: Сб. статей / Отв. ред. А.П. Деревянко*. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1987. С. 163–208.

Горелик, 2002 – Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV вв. Воинское искусство, снаряжение, оружие. М.: ООО «Вост. горизонт», 2002. 84 с.

ГЭ – Государственный Эрмитаж.

Златкин, 1983 – Златкин И.Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). М.: Наука, 1983. 332 с.

Каталогъ, 1840 – Каталогъ редкаго, стариннаго и восточнаго оружя, хранящагося въ Собственномъ Его Императорскаго Величества Арсеналѣ въ Царскомъ Селѣ: В 2х частях. СПб., 1840. Ч. I.

Кравцова, 2004 – Кравцова М.Е. Мировая художественная культура. История искусства Китая. СПб.: Лань: TRIADA, 2004. 960 с.

МАЭС ТГУ – Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета.

ММК – Музей Московского Кремля.

Национально-освободительная борьба, 1996 – Национально-освободительная борьба казахского народа под предводительством Кенесары Касымова (Сборник документов). Алматы: Гылым, 1996. 512 с.

ТГИАМЗ – Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник.

Тепкеев, 2012 – Тепкеев В.Т. Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века. Элиста: ЗАО «НПП «Джангар», 2012. 376 с.

Худяков и др., 2005 – Худяков Ю.С., Бобров Л.А., Филиппович Ю.А. Опыт экспериментальной реконструкции и функционального анализа защитного вооружения воинов Центральной Азии эпохи позднего Средневековья // *Вестник НГУ. Сер.: История, филология*. Новосибирск: НГУ, 2005. Т. 4. Вып. 5. С. 95–103.

ЦГМРК – Центральный государственный музей Республики Казахстан.

Цюрюмов, Батыров, 2006 – Цюрюмов А.В., Батыров В.В. Калмыцкое ханство в российско-крымских отношениях (XVIII в.). Элиста: АОр «НПП» Джангар», 2006. 95 с.

Чимитдоржиев, 1979 – Чимитдоржиев Ш.Б. Взаимоотношения Монголии и Средней Азии в XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1979. 86 с.

Bobrov et al., 2018 – Bobrov L.A., Kushkumbayev A.K., Salnikov A.V. Oirat Helmet of the XVII – mid-XVIII centuries from the Akmola Regional History Museum [Ойратский шлем XVII – середины XVIII вв. из Акмолинского областного историко-краеведческого музея] // *Bylye Gody*. 2018. 48(2). pp. 443–455.

Gorelik, 1979 – Gorelik M. Oriental armour of the Near and Middle East from the eighth to the fifteenth centuries as shown in works of art // *Islamic Arms and Armour*. L., 1979. pp. 38–41.

LaRocca, 1999 – LaRocca D. An approach to the study of arms and armour from Tibet // *Royal Armouries Yearbook*. 1999. Vol. 4. pp. 113–132.

LaRocca, 2006 – LaRocca D. Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. New York: Yale University Press, 2006. 307 p.

References

Anisimova, 2013 – Anisimova M.A. (2013). Oruzhie Vostoka XV – pervaya polovina XX veka: iz sobraniya Voennno-Istoricheskogo gosudarstvennogo muzeya artillerii, inzhenernykh voisk i voisk svyazi [Weapons of the East 15 – the first half of the 19th century from the collection of the Military Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Corps]. Sankt-Peterburg, Atlant Publ. 527 p. [in Russian]

ARMLH – Akmolinskii oblastnoi istoriko-kraevedcheskii muzei [Akmola Regional Museum of Local History].

Bobrov, 2009 – Bobrov L. A. (2009). «Tatarskij» shlem s kombinirovannoj barmicej iz Tobol'skogo gosudarstvennogo istoriko-arhitekturnogo muzeya-zapovednika ["Tatar" helmet with Aventail combination of the Tobolsk state historical and architectural Museum-reserve]. *Bulletin of the NSU. Ser.: History, Philology*. pp. 251-254. [in Russian]

Bobrov, 2011 – Bobrov L.A. (2011). Osnovnye napravleniya ehvolucii kompleksov zashchitnogo vooruzheniya narodov Central'noj, Srednej i kontinental'noj Vostochnoj Azii vtoroj poloviny XIV-XIX vv. [The main directions of the evolution of protective weaponry complexes of the peoples of Central, Middle, and continental East Asia in the second half of the XIV-XIX centuries]. Abstract of thesis on competition of a scientific degree of the doctor of historical Sciences. Barnaul, 54 p. [in Russian]

Bobrov, Khudyakov, 2008 – Bobrov L.A., Khudyakov Y.S. (2008). Vooruzhenie i taktika kočevnikov Tsentralnoi Azii i Yuzhnoi Sibiri v epokhu pozdnego Srednevekovya i rannego Novogo vremeni (XV – pervaya polovina XVIIIvv.) [Weapons and military tactics of the nomads from Central Asia and Southern Siberia of the late Middle Ages and Modern Age (15th century – the first half of the 18th century)]. Sankt-Peterburg, Izdatelstvo fakulteta filologii i iskusstv Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta – Department of Philology and Arts of the Sankt-Petersburg State University Publ. 770 p. [in Russian]

Bobrov, Khudyakov, 2011 – Bobrov L.A., Khudyakov Yu.S. (2011). Shlemy sibirskih voinov (iz sobraniya Tobol'skogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya-zapovednika) [Hats Siberian soldiers (from the collections of the Tobolsk state historical Museum-reserve)]. *Medieval Turkic-Tatar States*. No. 3. pp. 43-52. [in Russian]

Bobrov, Khudyakov, 2011 – Bobrov L.A., Khudyakov Yu.S. (2011). Shlemy sibirskih voinov (iz sobraniya Tobol'skogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya-zapovednika) [Hats Siberian soldiers (from the collections of the Tobolsk state historical Museum-reserve)]. *Medieval Turkic-Tatar States*. No. 3. pp. 43-52. [in Russian]

Bobrov et al., 2017 – Bobrov L.A., Zaytsev V.P., Orlenko S.P., Salnikov A.V. (2017). Pozdnij chzhurchzhehn'skij (rannij man'chzhurskij) shlem vtoroj poloviny 10-h–serediny 30-h gg. XVII v. iz sobraniya Oruzhejnoj palaty Moskovskogo Kremlya [The Late Jurchen (Early Manchu) Helmet of the Second Half of the 1610s to the Mid-1630s from the Collection of the Armoury Chamber of the Moscow Kremlin]. *Bylye Gody*. Vol. 46. № 4. pp. 1140–1173. [in Russian]

Chimitdorzhiev, 1979 – Chimitdorzhiev S. B. (1979). Vzaimootnosheniya Mongolii i Srednej Azii v XVII–XVIII vv. [The Relationship of Mongolia and Central Asia in the XVII–XVIII centuries]. Moscow: Nauka. 86 p. [in Russian]

Chimitdorzhiev, 1979 – Chimitdorzhiev Sh.B. (1979). Vzaimootnosheniya Mongolii i Srednei Azii v XVII–XVIII vekah [Relationships Mongolia and Central Asiain XVII-XVIII centuries]. Moskau, Nauka Publ. 86 p. [in Russian]

Churyumov, Batyrov, 2006 – Churyumov A.V., Batyrov V.V. (2006). Kalmyckoe hanstvo v rossijsko-krjmskikh otnosheniyah (XVIII v.) [Kalmyk khanate in the Russian-Crimean relations (XVIII)]. Elista: ZAO NPP Dzhangar. 95 p. [in Russian]

CSMRK – Tsentral'nyi gosudarstvennyi muzei Respubliki Kazakhstan [Central State Museum of the Republic of Kazakhstan].

LaRocca, 2006 – *LaRocca D.* (2006). Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. New York: Yale University Press. 307 p.

MAES TSU – Muzei arkheologii i etnografii Sibiri Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Museum of Archeology and Ethnography of Siberia, Tomsk State University].

MKM – Muzei Moskovskogo Kremlya [Moscow Kremlin Museums].

Natsionalno-svoboditelnayaborba..., 1996 – Natsionalno-osvoboditelnaya borba kazakhskogo naroda pod predvoditelstvom Kenesary Kasymova (Sbornik dokumentov) [The national liberation struggle of the Kazakh people led Kenesary Kasymov (Collection of documents)]. Almaty, Gylym Publ., 1996, 512 p. [in Russian]

SH – Gosudarstvennyi Ermitazh [State Hermitage].

Тепкеев, 2012 – *Тепкеев V.T.* (2012). Kalmyki v Severnom Prikaspii vo vtoroi treti XVII veka [The Kalmyks in the northern Caspian Sea region at the second third of the 17th century]. Elista, ZAO PPP Dzhangar Publ. 376 p. [in Russian]

TSHAMR – Tobol'skii gosudarstvennyi istoriko-arkhitekturnyi muzei-zapovednik [Tobolsk State Historical and Architectural Museum-Reserve].

Ойратский шлем второй половины XVII – середины XVIII вв. из Государственного Эрмитажа

Леонид Александрович Бобров ^{a, *}, Всеволод Николаевич Образцов ^b, Алексей Викторович Сальников ^c

^a Новосибирский государственный университет, Российская Федерация

^b Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

^c Московский международный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрен клепаный железный шлем (инв. № В.О.-1237) из собрания Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург), первоначально атрибутированный как «Шишак монгольский». Проведенный типологический анализ позволил уточнить датировку и атрибуцию наголовья.

По материалу изготовления шлем относится к классу железных, по конструкции тульи – к отделу клепанных, по форме купола – к типу сфероцилиндрических. Общая высота – 26 см, диаметр – 20,5–21,5 см. Вес – 1,075 кг.

Тулья шлема склепана из четырех S-образных в сечении пластин-секторов, стыки которых прикрыты узкими накладками с ровным краем и продольным ребром жесткости. Накладки не только соединяют элементы тульи между собой, но и усиливают конструкцию наголовья, защищая самые уязвимые места купола – стыковочные швы. Дополнительным фиксатором пластин тульи являются крышкovidное подвершие и выпуклый обод по нижнему краю тульи. К налобной части шлема приклепан «коробчатый» козырек, состоящий из узкой горизонтальной пластины – «полки» и вертикального «щитка». Венчает шлем граненая трубка для плюмажа. Вдоль нижнего края тульи пробиты сквозные отверстия, в которые вставлены медные петли для крепления бармицы. Однако в качестве защиты ушей и шеи в настоящее время на шлеме используется пара кованых наушей и назатыльник.

Установлено, что шлем В.О.-1237 относится к особой группе ойратских (джунгарских, калмыцких) шлемов, происходящих с территории Поволжья, южных районов Западной Сибири, Юго-Восточного Казахстана, Западной Монголии и Тибета (14 экз.). Отличительной особенностью шлемов серии является клепанная тулья характерной «кувшинообразной» формы. Весьма вероятно, что при изготовлении шлемов столь необычной конструкции ойратские мастера вдохновлялись образом буддийской ступы (калм. «субурган»). Кроме того, шлем с высокой тульей был хорошо заметен на поле боя. В ходе динамичного конного сражения подобный шлем помогал войскам подразделения быстро определить местоположение своего командира, что, вероятно, облегчало управление войсками во время битвы.

Особенности конструкции и системы оформления позволяют предположить, что рассматриваемый образец защитного вооружения был изготовлен джунгарскими или калмыцкими оружейниками во второй половине XVII – середине XVIII вв. В качестве боевого наголовья шлем мог применяться и в более поздний период.

Ключевые слова: монголы, ойраты, джунгары, калмыки, ойратский доспех, джунгарский шлем, калмыцкий шлем.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: spsml@mail.ru (Л.А. Бобров), vs.obraztsov@yandex.ru (В.Н. Образцов), alexkat_salnikov@mail.ru (А.В. Сальников)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 51. Is. 1. pp. 20-28. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.1.20
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

"... About the Places in which before the Russian People does not Happen ...": Fate, Service, Contribution to the Science of the eighteenth century of Vasilii Andreevich Hmetevskii

Sergey V. Bereznitsky ^{a,*}, Igor I. Halechko ^b, Petr V. Primak ^b

^a Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

^b Sholom Aleichem the Priamursky State University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the main stages of life, services, research activities of a Russian nobleman, naval officer Vasilii Andreevich Hmetevskii (1698-1777). Because of to the fact that he received an excellent education at the School of mathematical and navigational Sciences in Moscow, at the Academy Of the marine guard in St. Petersburg, he was able to honorably perform tasks in the Baltic fleet, while participating in the Second Kamchatka and Nerchinsk expeditions in the North-East of Russia, in various positions, including as commander of Kamchatka. His studies of coast and marine areas of Kamchatka and the Okhotsk coast Hmetevskii made a great contribution to our science of the eighteenth century. His activity was studied on the basis of synthesis of concepts of microhistory, history of everyday life, history of mentalities, historical anthropology. This synthesis allowed us to trace the role of a particular person in a certain historical period, its influence on the historical process, characterized by the peculiarities of the socio-cultural environment in which the person acts at a given time in extreme conditions of life. The materials of the Russian state archive of the Navy and other published documents on the development of the Pacific Ocean by Russia in the XVIIIth century were used as a source base. Their analysis allowed us to clarify some controversial moments of the service Hmetevskii in the North-East of Russia, to refute some of the myths of his biography. The name of the Hmetevskii Peninsula on the Northern coast of the sea of Okhotsk, together with the I.F. Elagin Hmetevskii became a founder future capital of the Kamchatka territory the city of Petropavlovsk - Kamchatskii, an important naval base. Thus, Hmetevskii was engaged not only in scientific research, but also in the implementation of strategic tasks to strengthen Russian power in the North-East of the country in the XVIIIth century, to develop this distant, but important in geopolitical terms of the region.

Keywords: The XVIIIth century, Vasilii Hmetevskii, North-East Asia, the history of Russia and Science.

1. Введение

Особым периодом российской истории являлось XVIII столетие из-за произошедших глобальных изменений, трансформаций, новаций в науке, культуре, промышленности, военном деле, в эволюции общественного развития. Для создания новой России необходимо было образовать социальные институты, учреждения современных естественнонаучных и гуманитарных знаний об окружающей среде и человеческом социуме. Эмпирические данные для этого собирались в ходе экспедиционных исследований по всей территории России: от европейского Севера до Русской Америки. К середине XVIII века российская наука уже располагала этнографическими, географическими, геодезическими, гидрографическими, климатическими, ботаническими и другими сведениями об огромном регионе северо-восточной Азии. Этот период можно определить как время

* Corresponding author

E-mail addresses: svbereznitsky@yandex.ru (S.V. Bereznitsky), halechko@yandex.ru (I.I. Halechko), primakos@yandex.ru (P.V. Primak)

основания русского варианта этнографии, народоведения (Фермойлен, 1994: 101–109 178; Головнев, Киссер, 2015: 66). Одним из изыскателей новых научных материалов на северо-востоке был Василий Андреевич Хметевский (Хметевской, Хметьевский, Хмитевский) (1698–1777). В 2018 г. исполнилось 320 лет со дня рождения этого русского военного моряка, капитана второго ранга, исследователя Камчатки и Охотского моря. Хметевский происходил из старинного дворянского рода, в 1720-х гг. он получил прекрасное образование в Школе математических и навигацких наук в Москве, в Академии морской гвардии в Санкт-Петербурге, в 1730-х гг. служил на Балтийском флоте, в 1740–1750-х гг. был участником Второй Камчатской и Нерчинской экспедиций, в 1760–70-х продолжал службу на северо-востоке в разных должностях, в том числе и в качестве командира Камчатки в 1771–1773 гг., когда ему было поручено расследование крайне запутанного дела о побеге с Камчатки ссыльных под руководством М. Беневского.

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составили материалы Российского государственного архива Военно-морского флота (Санкт-Петербург), в которых содержатся сведения о проблемах освоения и изучения северо-востока, тихоокеанских островов, освещается роль В.А. Хметевского в этих процессах (РГА ВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 48; 56; 67; 72; 73; 75; 76); документы по истории русского флота, об освоении Тихого океана в XVIII в., опубликованные в сборниках XIX–XX вв. (Материалы для истории русского флота, 1888: 351; Рапорт Беринга, 1984: 212–214).

В качестве методологической основы исследования был избран синтез концепций микроистории, истории повседневности, истории ментальностей, исторической антропологии, позволяющий проследить роль человека, исполняющего свою работу, а также его деятельность, которая оказывает влияние на исторический процесс (Кромм, 2003: 179–181; 2010: 162–185; Пушкарева, 2014: 315–325, 333). Специалисты в сфере разработок концепций о роли личности в истории большое значение придают понятию «фактор ситуации», складывающийся из особенностей социокультурной среды, в которой действует личность, из степени развития общества в данный момент времени, дислокации индивидуума в хронотопе центр–периферия, личных качеств этого человека, уровня образования, социального положения, от изменений в обществе, в том числе и от экстремальных условий жизни, существенно влияющих на функционирование этой личности (Гринин, 2014: 260–261). Немаловажное значение для выбранной методологии имеет использование архивных материалов, интерпретация которых показывает особенности социокультурной обстановки изучаемой эпохи.

3. Обсуждение

Основные моменты жизненного пути, службы В.А. Хметевского изучались в XIX–XXI вв. (Соколов, 1855: 7–8; Сгибнев, 1869а: 39; 1869б: 1–3; Пекарский 1873: 600–605; Жданко, 1907: 52–53; Энциклопедический словарь, 1908: 464; Дивин, 1953: 212; 1971: 135; Алексеев, 1966: 46, 51–60; 1987: 102–103; Вернадский, 1988: 145; Барканова, 2001: 8–13; Аров, 2003: 66; Пирагис, 2008: 26; Курохтина, 2012: 238–239). Указанные исследователи в основном обратили свое внимание на факт службы Хметевского в составе Второй Камчатской экспедиции, на его гидрографические обследования Охотского моря, на нахождение в течение нескольких лет под следствием по обвинению в гибели кораблей, людей и грузов, на причастность Хметевского к смерти Г.В. Стеллера. Следует подчеркнуть, что при освещении перечисленных проблем эти авторы практически не затрагивали особенности социокультурной среды, в которой приходилось жить и проводить исследования В. Хметевскому, политической обстановки того времени, огромные сложности, связанные со снабжением необходимыми гражданскими и военными, сухопутными и морскими припасами, снаряжением, денежным жалованием гарнизонов острогов Охотского побережья, Камчатки и Чукотки, с неистребимым бюрократизмом чиновников различных рангов. Выявить это можно из анализа рапортов Хметевского, доношений, промеморий различных учреждений (Правительствующий сенат, Адмиралтейская коллегия, Сибирский приказ, канцелярии сибирских и дальневосточных городов, острогов, портов), в которых освещаются аспекты освоения северо-восточной Азии в XVIII в. В данной статье обобщаются все доступные, разнохарактерные материалы (архивные, документальные, опубликованные) о военной службе и научной деятельности В.А. Хметевского, опровергается его вина в смерти Г.В. Стеллера, вина в гибели кораблей и людей при кораблекрушении у берегов Камчатки в 1753 г., подчеркивается беззаветная преданность России, самопожертвование при выполнении важных задач в суровых условиях северо-восточной Азии.

4. Результаты

С 1734 г. Хметевский был активным участником Второй Камчатской экспедиции. В 1739–1740-х гг. Хметевский, выполняя указание В. Беринга, вместе с И. Елагиним на корабле «Святой Гавриил» отправился на Камчатку для поиска самого удобного места для создания гавани и будущего базирования Второй Камчатской экспедиции. В результате моряки обследовали реку Камчатку и Авачинскую губу, в которой впоследствии и был основан город Петропавловск-Камчатский. В конце 1741 г. Хметевский получил звание мичмана. В первой половине 1740-х гг. Хметевский принял

участие в экспедиции М. Шпанберга к Курильским островам и к Хоккайдо. В 1743–44 г. Хметевский с А. Шагановым, с геодезистом М.В. Неводчиковым впервые сделали глазомерную съемку северного берега Охотского моря: от Охотского порта до Гижигинской губы, западного побережья Камчатки, составили первые карты этих мест. Летом 1743 г. Хметевский получил задание следовать к Юдомскому кресту на морском судне, везти туда припасы, медикаменты, затем ехать в Охотск и вместе со своей командой поступить в подчинение к лейтенанту Д. Овцыну или мичману А. Шхелтингу (РГА ВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 56. Л. 1-2). Из рапорта В. Хметевского М.П. Шпанбергу от 4 августа 1743 г. становятся известны подробности начала измерений окрестностей Пенжинского моря. 19 июня Хметевский прибыл в Охотск из Юдомского креста, и 25 июня мичман Шхелтинг отправил его вместе со штурманом А. Шагановым на дубель-шлюпке «Большерецк» с ордером и инструкцией Шпанберга. В инструкции было сказано, чтобы Хметевский вместе со штурманом Шагановым следовал к реке Ине и оттуда к Тауйскому острогу, к рекам Пенжине, Таловке и Аклану «...подле самого северного берега також и подле камчатской земли до 54 градуса. 28 июня с первым благополучным ветром отправились мы в вояж. И взято в вояж на порученное мне судно «Большерецк» на служителей морского провианта и сухопутного на четырнадцать порций на три месяца...» (РГА ВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 56. Л. 304-305). В рапорте от 20 июля 1743 г. Хметевский писал, что он, выполняя указание капитана Шпанберга, следовал на дубель-шлюпке «Большерецк» для описания восточного берега реки Ина до Туи, Ямы, Таловки, Аклана вдоль камчатской земли до 54 градуса. Прибыл на р. Ину 30 июня, измерил ее и отправился дальше. Однако из-за того, что служители Охотской канцелярии не знали геодезической методики, Хметевскому пришлось для определения конкретной местности взять пешего тунгуса Мигунова, с которым он прошел до Тауйского острога, до реки Яны и от Охотска до берегов Тауи «...и губу описал без пропорции...». Дальнейшей местности Мигунов не знал и вместо него Хметевский обратился за помощью к другим пешим тунгусам. Осложнил работу Хметевского побег из Тауйского острога корякских аманатов. Для их поиска требовались люди и из команды Хметевского: забрали служилого К. Тургина. Кроме того, судно дало течь, его пришлось ремонтировать, а заодно и менять гнилые паруса. По наблюдениям Хметевского, по пройденному им маршруту удобных мест для сооружения гаваней не было, они годились лишь для временной стоянки. Найденные жемчужные раковины Хметевский вместе с рапортом отослал Шпанбергу (РГА ВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 56. Л. 306-307).

В 1746 г. Хметевский занимался подбором морских служителей для отсылки их из Томска в Охотск для перевозки важных грузов на Камчатку, в этом мероприятии были задействованы центральные и местные учреждения: Сенат, Сибирский приказ, Адмиралтейская коллегия, Иркутская, Енисейская и Охотская канцелярии. В архивных документах сохранилась информация о том, какие трудности испытывал Хметевский при выполнении этого задания: никто не хотел ехать в Охотск, многие специалисты были старыми и больными, они опасались умереть даже по дороге в этот далекий край с плохим климатом и сырым воздухом. При этом многие известные морские офицеры (С. Ваксель, М. Шпанберг) поручали это сложное дело именно Хметевскому (РГА ВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 67. Л. 80-83 об., 84-85, 100-102).

Требует дополнительных исследований сюжет, связанный с обвинением Хметевского в смерти адъютанта Академии наук Г.В. Стеллера, последовавшей якобы в результате посланного Хметевским рапорта, полученного в Сенате в 1744 г. В этом рапорте Хметевский сообщал, что Стеллер самовольно освободил из-под ареста из Большерецкого острога бунтующих камчадалов. Сенат распорядился арестовать Стеллера и провести в Иркутской канцелярии следствие. Некоторые исследователи повторяли в своих трудах тезис, высказанный в комментариях работы В.И. Вернадского о том, что в результате рапорта Хметевского Стеллер вынужден был прервать свое возвращение в Санкт-Петербург, сильно переживал по этому поводу и в ноябре 1746 г. преждевременно умер. В составлении этих комментариев участвовали М.С. Бастракова, Ю.Х. Копелевич, А.В. Кольцов, И.И. Мочалов, А.В. Постников. Не секрет, что отношения Стеллера и Хметевского были далеко не дружескими, они жаловались друг на друга в вышестоящие инстанции (Пекарский 1873: 600-605; Вернадский, 1988: 145). Стеллер сообщал в Сенат о том, что Хметевский не выполнял указания российской властей и относился к коренным народам северо-востока без требуемой «ласки». Однако анализ документов показывает, что Хметевский не был повинен в смерти Стеллера, ибо до сих пор никто не смог доказать прямую причинно-следственную связь между рапортами в Сенат Хметевского о самоуправстве Стеллера и смертью этого знаменитого ученого. О причинах кончины Стеллера имеется несколько версий: так, П.С. Паллас был убежден, что Стеллер злоупотреблял спиртными напитками, а А.Ф. Бюшинг писал о том, что Стеллер замерз во сне в Тюмени по дороге в Санкт-Петербург (Гуревич, 1909: 375). В августе 1746 г. Стеллер писал в Академию наук по поводу получения очередного указания Сената следовать обратно в Иркутск: «...Тому причины я не знаю и с нижайшей покорностью беспечально повинуюсь воле Божей и повелениям, куда следовать велят...» (Пекарский 1873: 602). То есть это известие не взволновало Стеллера, да и в целом невозможно узнать, о чем он думал в тот момент, а фантазии некоторых авторов в угоду своей точке зрения не следует принимать в расчет. Имеется архивный документ с информацией солдата И. Пулникова, который сопровождал Стеллера и был вместе с лекарем Камчатской экспедиции Теодором Лау и подлекарем Федором Шефером свидетелем смерти ученого в середине ноября 1746 г. в Тюмени от простуды (Долгушина, 2004: 94-98).

По указу Правительствующего сената от 10 февраля 1752 г. мичман обер-офицерского ранга (корабельного флота лейтенант) В. Хметевский был отправлен в Охотск из Томска, из команды шкипера Коростылева (РГА ВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 72. Л. 139. 143-143 об.). Вместе с ним следовала команда из трех штурманов и пяти матросов. Главная задача Хметевского состояла в организации перевозки на морских судах из Охотского порта на Камчатку различных государственных и купеческих грузов, перевозки пушнины в Охотск, доставки провианта, обмундирования и боеприпасов для военных команд солдат и казаков, занимающихся усмирением бунтующих коряков в окрестностях Пенжинского моря. Это самое мощное и продолжительное восстание коряков против русских происходило в 1745-1757 гг. на огромной территории Охотского побережья и Камчатки (Зуев, 2003: 41). Поэтому снабжение денежным жалованьем, продовольствием, обмундированием, боеприпасами солдат и казаков, противодействующих восставшим «изменникам», имело стратегическое значение.

Кроме того, Хметевскому поручалась научная задача: описание северной губы Пенжинского моря, бассейна рек Аклана и Таловки, изыскание оптимального морского пути для снабжения Анадырского острога.

Прибыв в Охотск, Хметевский в 1752–1754 гг. и позже слал рапорты в Сибирский приказ, в Адмиралтейскую коллегию и другие инстанции о том, что оставшиеся от Второй Камчатской экспедиции морские суда практически все непригодны для морского плавания, так как никто их не ремонтировал и не заменял пришедшие в негодность такелаж, шпангоуты и другие важные детали. В Охотске нет приборов и инструментов для измерения местности, компасов и компасных стрелок, магнитов, мастеров и подмастерьев, учеников компасного и парусного дела, инструментального кузнеца. Определенные на суда для перевозки провианта работные люди умирают от голода. Для выполнения изыскательских работ и перевозки грузов на морских судах не хватало опытных специалистов и двойного жалования для них, голодные матросы не могут управлять морским судном, которое становится неуправляемым, неопытные люди, которые никогда не были в море, «...сбегают с морских судов из-за скудного провианта и бессилия, <...> судам приносится вред...». В Охотске нет людей, которых можно обучить морскому делу, а туда присылают без указов либо пашенных крестьян с реки Лены, «...либо увечных, негодных, подозрительных людей. Этих людей не только нельзя обучить какому-то делу, но даже под караулом нужно содержать с опаской, ...с такими людьми выполнять приказы очень опасно...», а не то, чтобы исследовать Пенжинское море. Командир Охотского порта майор А.Н. Зыбин, не знавший особенностей методики морских плаваний, считал эти требования Хметевского излишними. В ответ на свои просьбы Хметевский получал лишь отписки от чиновников о том, что опытных людей в Охотске и Якутске нет, и грозные предупреждения больше не присылать таких рапортов, «...чтобы Хметевской в будущих своих доношениях имел предосторожность крепкую, чтобы не писать о плохом...» (РГА ВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 72. Л. 157-160 об., 165-170. 174-174 об., 176-176 об., 184-189, 242-248). Лишь иногда в ответ на свои многочисленные просьбы Хметевский получал положительное решение, в частности в 1755 г. ему прислали железо от Якутского завода для ремонта и оборудования морских судов в Охотске, слюду на компасы и нактоузы ординарной и большой руки (ящик, на котором устанавливается судовая компас), верпы (запасной вспомогательный якорь) и дреки (небольшой складной якорь гребного судна) (РГА ВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 48. Л. 615-616, 669-671 об; Д. 72. Л. 227-228 об.).

Огромный объем информации содержится в переписке Хметевского 1750-х гг. с различными учреждениями по поводу крушения в октябре 1753 г. у берегов Камчатки трех морских судов под его общим командованием: пакетбота «Св. Иоанн», гукора «Св. Петр», дубель-шлюпки «Надежда», гибели людей, части экипажей, потоплении денежной казны, государственных и купеческих товаров. На этих судах везли провиант, денежную казну для выплаты жалования военным командам камчатских острогов, везли маркшейдера Яковлева, следующего на остров Медный для изыскания залежей самородной меди: «... Е.И.В. Кабинетского сообщения на морские острова для совершенного географического описания и по горному искусству разведывания самородной меди обер-офицера гиттенфервальтера Яковлева с командой и с горными инструментами...» (Соколов, 1855: 7-8; РГА ВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 73. Л. 372). Весной 1754 г. под командой Хметевского гукор удалось починить, и летом он вернулся в Охотск (РГА ВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 72. Л. 229-232). Несмотря на это, после кораблекрушения Хметевский находился под следствием до 1761 г., продолжая нести службу и научные изыскания (с 1756 г. в чине капитан-лейтенанта, с 1758 г. – капитана третьего ранга). Кроме ремонта пострадавших от шторма судов, Хметевский руководил в 1754–1755 гг. в Охотске постройкой новых большого бота и галиота, а также достройкой бота, заложенного еще в 1742 г. капитаном В. Вальтоном. При этом он использовал все имеющиеся возможности, в том числе и помощь купцов Протасова и Лапина, дававших свои деньги. Купцы были заинтересованы в быстрейшей доставке российских и китайских товаров на Камчатку для обмена их на пушнину, которые от сырого климата в Охотске приходили в негодность (РГА ВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 72. Л. 233-236, 240-241, 496-497).

Анализ архивных документов однозначно показывает, что вины Хметевского в этих кораблекрушениях не было, так как он приложил все силы для спасения судна и грузов во время шторма, после выброски судов на берег, в чем не получил ни малейшей поддержки от командира Камчатки капитана М. Лебедева. Но самое главное заключается в том, что Хметевский заранее неоднократно

предупреждал власти о необходимости ремонта этих судов и даже разборки некоторых на запасные части: «...суда, бывшие в Камчатской экспедиции, содержатся не в порядке, и никакого охранения над ними нет, отчего де оные весьма сгнили, и некоторые за тою гниlostью надлежит разломать, <...> явное божеское милосердие, что такой гнилой пакетбот не разбился в море от волн...» (РГА ВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 73. Л. 258-263, 320-320 об., 324-324 об., 372-388, 518-519). Но именно на этих судах ему и другим морякам пришлось выйти в штормовое Охотское море осенью 1753 г. по указам Сената, Адмиралтейской коллегии, по приказу Охотской канцелярии. На наш взгляд, вина в крушении морских судов лежала на командире Охотского порта майоре А. Зыбине, который, не слушая рекомендаций опытного моряка Хметевского, своим приказом заставлял отправлять коммерческие грузы на Камчатку, значительно превышая норму грузоподъемности судов в осеннюю штормовую погоду (РГА ВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 72. Л. 187-189; Д. 73. Л. 264-271, 276-277 об., 448-461 об., 566-572 об., 573-577; Д. 76. Л. 103, 108-112 об.). Пытавшегося противодействовать нарушению инструкции Хметевского А. Зыбин, злоупотребляя своей властью командира порта, грозил арестовать. Дело дошло даже до сибирского губернатора В.А. Мятлева, который поручил разобраться во всем иркутскому вице-губернатору И. Вульффу. Последний же, опытнейший чиновник, как всегда стал заниматься отписками и отговорками о том, что вместо Зыбина назначить на этот пост некого. Впоследствии Зыбин был все-таки снят с этой должности и вместо него назначен капитан В. Ртищев.

Мало кто писал о том, что В.А. Хметевский был еще и участником Нерчинской экспедиции 1753–1765 гг., работавшей под руководством В.А. Мятлева, Ф.И. Соймонова, других офицеров в качестве проекта возобновления работы Второй Камчатской экспедиции, о его конкретных действиях в этом грандиозном мероприятии. Данные можно найти в архивных материалах, в частности в делах РГА ВМФ. В 1751 г. Хметевский стал лейтенантом корабельного флота, служил в Тобольске и в Охотске начальником морской части порта, продолжал заниматься гидрографическими исследованиями, в том числе и в составе Нерчинской экспедиции. Выполняя указание бывшего начальника Нерчинской экспедиции, а в 1755 г. – губернатора Сибири г.-лейтенанта В.А. Мятлева, Хметевский отобрал из числа учеников Охотской навигацкой школы 10 человек наиболее способных, которым предстояло осуществлять планы экспедиции по прохождению русских судов по реке Амур к Тихому океану (Стибнев, 1866: 13; Артемьев, 2001: 4-5; Березницкий, 2014: 33-34, 39, 43, 72; Горошенова, 2015: 291). В результате принятого в декабре 1753 г. Правительствующим сенатом решения о возобновлении Камчатской экспедиции под руководством г.-лейтенанта В.А. Мятлева в состав этой экспедиции направлялись бывшие ее участники: офицеры и служащие, размещенные временно в сибирских городах, в том числе в Томске, Охотске. В состав Нерчинской экспедиции отправлялись также все морские суда, такелаж, медикаменты и т.п. В Охотске и Томске этими мероприятиями (подбором личного состава, морских судов, такелажа и проч.) в 1754–1755 гг. занимался именно Хметевский. Предписывалось также собрать все имеющиеся карты о территории северо-востока и, сделав с них копии, отослать их В.А. Мятлеву. В их числе были и карты, сделанные Хметевским в 1743–1744 гг., в частности «Карта северного берега Пенжинского моря и западного берега Камчатской земли мичмана Хметевского» (РГА ВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 73. Л. 7-8 об., 17-22, 27, 29-30, 111 об.-112, 127-129, 150-158, 173, 188, 198, 240-241 об., 324-324 об., 372-378, 444 об.-446, 566-572 об.). Прежде, в 1746 г., карта Хметевского и сделанные им описания, журналы об изыскании маршрута для перевоза провианта для команды майора Д.И. Павлуцкого были отосланы в Сибирский приказ, в Адмиралтейскую коллегию. При этом Хметевский подчеркнул, что провиант возить в Пенжинскую губу на бывших при Второй Камчатской экспедиции судах невозможно из-за «...мелкости фарватера и камня, а если только малыми судами, на которых я чинил опись, то безопасно...» (РГА ВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 48. Л. 759-762, 765-765 об.).

Анализ переписки Ф.И. Соймонова с различными учреждениями в 1755–1758 гг. по проблемам Нерчинской экспедиции показывает, что В. Хметевский не только подобрал самых лучших специалистов для этой экспедиции, ходатайствовал об их профессиональном росте и получении заслуженного награждения, но и способствовал обучению служилых людей геодезии и навигации в Охотске, запрашивая необходимые приборы: компасы, квадранты, теодолиты и др. (РГА ВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 67. Л. 469-472; Д. 75. Л. 1-3 об.). Около года Хметевский находился в составе Нерчинской экспедиции, но затем по настоятельной просьбе Охотской канцелярии, майора А. Зыбина был возвращен в Охотск. Одной из причин стало указанное выше восстание оленных и пеших коряков на Камчатке, на борьбу с которыми были посланы солдаты и казаки, а пропитание, обмундирование, боеприпасы и прочее для них приходилось возить судами из Охотска, для чего и требовались опытные морские офицеры.

Не менее важным было проведение обследования Пенжинского моря с целью нахождения оптимального морского пути для снабжения Анадырского острога провиантом и прочими грузами. Кроме того, Хметевский, имевший огромный опыт мореплавания и обладающим багажом ценных знаний, был необходим в Охотске для командования над морскими служителями, «...чтобы они в вояжах времени втуне не тратили и в морской практике и в прочем содержали себя как надлежит быть... А если такого командира в Охотском порту не будет, то штурмана будут плохо нести свою службу, не имея над собой присмотра. А майор А. Зыбин ранга сухопутного и морской практики не знает...» (РГА ВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 48. Л. 609-613 об.; Д. 73. Л. 157-158 об., 160-166 об., 170-170 об.).

В 1760 г. Ф.И. Соймонов дал поручение Хметевскому заниматься описью Пенжинского моря, строительством на реках Пенжина и Аклан крепостей, стараться завести при них хлебопашество, а также продолжать изыскание удобного морского пути для снабжения Анадырского острога. Несмотря на все старания и трудности, испытанные Хметевским при поисках оптимального пути для доставки провианта и других грузов в Анадырский острог, он не смог окончательно выполнить это задание, и впоследствии решение проблемы было возложено сибирским губернатором Ф.И. Соймоновым на командира этого острога Ф.Х. Плениснера (Bereznitsky et al., 2018: 44-47).

В 1761–1762 гг. В.А. Хметевский, И.А. Балакирев и другие моряки по заданию Ф.И. Соймонова занимались обследованием побережья Охотского моря на бригантине «Святая Елизавета», составлением карт внутренних частей залива Шелихова: Гижигинской и Пенжинской губ, созданием подробных планов с описаниями камчатских острогов: Большерецкого, Верхне-Камчатского, Нижне-Камчатского, Тигильского, Охотского порта (Алексеев, 1987: 102-103).

В 1763 г. Ф.И. Соймонов планировал назначить Хметевского командиром Камчатки, но из-за того, что Хметевский находился под следствием из-за кораблекрушения середины 1750-х гг., на эту должность был назначен другой офицер (РГА ВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 76. Л. 150-150 об., 152 об.-157 об., 228, 334-341 об., 396-400 об., 480-499 об., 529-535 об., 546-547). Командиром же Камчатки Хметевский был в 1771–1773 гг., расследовал причины и последствия бунта М. Беневского, впоследствии передал свои полномочия Т.И. Шмалеву (Сгибнев, 1869b: 1-3) и уехал в Иркутск. О последних годах его жизни информация пока не найдена.

5. Заключение

Таким образом, русский морской офицер В.А. Хметевский своими исследованиями Камчатки и Охотского моря внес большой вклад в отечественную науку XVIII в. Дальневосточные остроги и крепости, в которых осуществлял свою нелегкую службу В. Хметевский, представляют большой интерес для междисциплинарных исследований. Ибо, несмотря на свою отдаленность от центра, они были прочно связаны со столицей составом ссыльных людей, включавших бывших высших чиновников, аристократов, лиц, непосредственно приближенных к трону, которые создали особый социокультурный мир в этом регионе. На него наслаивался пласт морских офицеров, десятилетиями служивших на благо России, годами не получая жалованья. Главное предназначение этих русских форпостов заключалось в освоении, изучении и присоединении к российской империи этой огромной территории. Как участник Второй Камчатской экспедиции В. Хметевский сделал первое описание Охотского моря. Несмотря на то, что современные авторы не часто обращаются к анализу многогранной деятельности Хметевского, его фамилия прочно вошла в российскую историю. Именем Хметевского назван полуостров на северном побережье Охотского моря на границе с Тауйской губой, рядом расположен мыс Шестакова и залив Шелтинга. Вместе с И.Ф. Елагиным В.А. Хметевский стал основателем будущей столицы Камчатского края – города Петропавловска-Камчатского, важной военно-морской базы на северо-востоке России. Хметевский занимался не только научными исследованиями, но и выполнением стратегических задач по укреплению российской власти на северо-востоке страны, по освоению этого далекого, но важного в геополитическом отношении региона. При проведении геодезических работ Хметевский использовал методы нарождающейся этнографической науки, в частности опросом информантов из числа коренных народов Камчатки и Охотского побережья. Указанный выше факт отправки в Сибирский приказ и в другие государственные учреждения результатов научных исследований В.А. Хметевского вполне может служить основанием для того, чтобы считать роль его личности достаточно важной в дальневосточной истории и поставить его в один ряд со знаменитыми М. Шпанбергом, С. Вакселем, Х. Лаптевым, А.И. Чириковым, исследователями, собиравшими с риском для своей жизни ценнейшие сведения о посещенных ими местах, в которых «...дотолле российские люди не бывали...».

Литература

- Алексеев, 1987 – Алексеев А.И. Береговая черта. Магадан: Кн. изд-во. 1987. 240 с.
 Алексеев, 1966 – Алексеев А.И. Колумбы росские. Магадан: Кн. изд-во. 1966. 184 с.
 Аров, 2003 – Аров В.Н. Лиша чинов... сослать в Камчатку // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2003. № 2. С. 53-67.
 Артемьев, 2001 – Артемьев А.Р. Навигацкие школы в Восточной Сибири в XVIII веке // Тальцы. 2001. № 1 (12). С. 3-11.
 Барканова, 2001 – Барканова Л.А. Моряк-исследователь Василий Андреевич Хметевский / «Знать свое отечество во всех его пределах...»: тезисы докладов XVIII Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 19 апреля 2001 г. / Отв. ред. И.В. Витер / Камч. обл. науч. б-ка им. С.П. Крашенинникова, Камч. отдел Рус. геогр. об-ва. Петропавловск-Камчатский, 2001. С. 8-13.
 Березницкий, 2014 – Березницкий С.В. Нерчинская экспедиция. СПб.: МАЭ РАН. 2014. 296 с. (Kunstkamera Petropolitana).
 Вернадский, 1988 – Вернадский В.И. Труды по истории науки в России / Сост. М.С. Бахракова, В.С. Неаполитанская, Г.А. Фирсова М.: Наука, 1988. 404 с.
 Головнев, Киссер, 2015 – Головнев А.В., Киссер Т.С. Этнопортрет империи в трудах П.С. Палласа и И.Г. Георги // Уральский исторический вестник. № 3. (48). 2015. С. 59-70.

- Горошенова, 2015** – Горошенова О.А. Особенности развития низшего и среднего технического образования в Восточной Сибири (XVIII в. – 1917 г.) // *Вестник ИрГТУ*. №10 (105). 2015. С. 289-294.
- Гринин, 2014** – Гринин Л.Е. Роль личности в истории // *Теория и методология истории: Учебник для вузов / Отв. ред. В.В. Алексеев, Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев, Л.Е. Гринин*. Волгоград: Учитель, 2014. С. 250-262.
- Гуревич, 1909** – Гуревич П. Стеллер Г.В. // *Русский биографический словарь / Издан под наблюдением председателя Императорского русского исторического общества А.А. Половцева*. Т. 12. Смеловский-Суворина. СПб.: Типография Товарищества «Общественная польза». 1909. С. 370-376.
- Дивин, 1953** – Дивин В.А. Великий русский мореплаватель А.И. Чириков. М.: Гос. изд-во географ. лит-ры. 1953. 280 с.
- Дивин, 1971** – Дивин В.А. Русские мореплавание на Тихом океане в XVIII веке. М. 1971. 374 с.
- Долгушина, 2004** – Долгушина Е.И. «А после смерти Стеллера осталось...». Документы Госархива Тюменской области о кончине ученого. Ноябрь 1746 г. // *Отечественные архивы*. № 1. 2004. С. 94-98.
- Жданко, 1907** – Жданко М.Е. Сообщение о гидрографических работах в морях Беринговом и Охотском // *Записки Общества изучения Амурского края*. Владивосток: Типография Торгово-Промышленного Вестника Дальнего Востока, 1907. Т. X. С. 52-53.
- Зуев, 2003** – Зуев А.С. Восстание коряков-карагинцев в 1746 г. и братья Лазуковы // *Вестник КРАУНЦ*. Гуманитарные науки. 2003. № 2. С. 41-52.
- Кромм, 2010** – Кромм М.М. Историческая антропология: Учебное пособие. СПб., М.: Издательство Европейского университета; Квадрига. 2010. 214 с.
- Кромм, 2003** – Кромм М.М. Отечественная история в антропологической перспективе // *Исторические исследования в России—II. Семь лет спустя / Под ред. Г.А. Бордюгова*. М.: АИРО-XX, 2003. С. 179-202.
- Курохтина, 2012** – Курохтина Н.И. 315 лет со времени рождения Василия Андреевича Хметевского (Хмитевского) // *Время и события: календарь-справочник по Дальневосточному федеральному округу на 2013 год / Сост. и ред. Г.А. Бутрина*. Хабаровск: Дальневосточн. гос. научн. биб-ка. 2012. С. 238-239.
- Материалы по истории русского флота, 1888** – *Материалы по истории русского флота*. Т. 12. СПб.: Типография Морского министерства при Главном Адмиралтействе. 1888. 778 с.
- Пекарский, 1873** – Пекарский П.П. История Академии наук в Петербурге. СПб. Т. 2. 1873. 1042 с.
- Пирагис, 2008** – Пирагис А.П. Правители Камчатки, 1700–2007: краткий биографический справочник. Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2008. 112 с.
- Пушкарева, 2014** – Пушкарева Н.Л. История повседневностей и микроистория // *Теория и методология истории: Учебник для вузов / Отв. ред. В.В. Алексеев, Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев, Л.Е. Гринин*. Волгоград: Учитель, 2014. С. 312-334.
- Рапорт Беринга, 1984** – Рапорт В.И. Беринга в Сенат об описании берегов Камчатки штурманами И. Елагиным и В.А. Хметевским и начале строительства Петропавловского порта в Авачинской губе. 1741 г. апреля 22 // *Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII века: Сб. док. М.: Наука, 1984. С. 212-214.*
- РГА ВМФ** – Российский государственный архив Военно-Морского флота.
- Сгибнев, 1866** – Сгибнев А.С. Навигацкие школы в Сибири // *Морской сборник*. 1866. Т. 87. № 11. Неоф. отдел. С. 3-44.
- Сгибнев, 1869a** – Сгибнев А.С. Охотский порт с 1649 по 1852 г. (Исторический очерк) // *Морской сборник*. 1869a. № 11. Ноябрь. Неоф. Часть. С. 1-93.
- Сгибнев, 1869b** – Сгибнев А.С. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке. Окончание. IV. 1772–1816. // *Морской сборник*. 1869b. № 7. Июль. Неоф. Часть. С. 1-129.
- Соколов, 1855** – Соколов А.П. Летопись крушений и пожаров судов русского флота 1713–1853. СПб.: Типография Императорской Академии наук. 1855. 365 с.
- Фермойлен, 1994** – Фермойлен Х.Ф. Происхождение и институционализация понятия volkerkunde (1771–1843) (Возникновение и развитие понятий «Volkerkunde», «Ethnographie», «Volkskunde» и «Ethnologie» в конце XVIII и начале XIX веков в Европе и США) // *Этнографическое обозрение*. 1994. № 4. С. 101-109.
- Энциклопедический словарь, 1908** – *Энциклопедический словарь*. Т. 37 (73). Хаким – Ходоров. Изд. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. СПб., 1908. 478 с.
- Berezniitsky et al., 2018** – Berezniitsky S.V., Halechko I.I., Petr V. Primak P.V. Guardsman of Anna Ioannovna – Artist of Elizabeth Petrovna – Researcher of Catherine II: the Life and Scientific Legacy of Friedrich Plenisher // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 47. Is. 1. pp. 44-52.

References

- Alekseev, 1987** – Alekseev A.I. (1987). Beregovaya cherta [Coast streak]. Magadan. 240 p. [in Russian]
- Alekseev, 1966** – Alekseev A.I. (1966). Kolumby rosskie [Russian Columbus]. Magadan: Kn. Izd-vo. 184 p. [in Russian]

- Arov, 2003** – *Arov V.N.* (2003). Lisha chinov... soslat' v Kamchatku [Depriving officials exiled to Kamchatka]. *Vestnik KRAUNC. Gumanitarnye nauki.* № 2. pp. 53-67. [in Russian]
- Artem'ev, 2001** – *Artem'ev A.R.* (2001). Navigackie shkoly v Vostochnoj Sibiri v XVIII veke [Navigation schools in Eastern Siberia in the XVIIIth century]. *Tal'cy.* № 1 (12). pp. 3-11. [in Russian]
- Barkanova, 2001** – *Barkanova L. A.* (2001). Moryak-issledovatel' Vasilij Andreevich Hmetevskii [Sailor-Explorer Vasily Hmelevskii]. «Znat' svoe otechestvo vo vseh ego predelah...»: tezisy dokladov XVIII Krashennikovskih chtenij. Petropavlovsk-Kamchatskij, 19 aprelya 2001 g. Otv. red. I.V. Viter. Kamch. obl. nauch. b-ka im. S.P. Krashennikova, Kamch. otdel Rus. geogr. ob-va. Petropavlovsk-Kamchatskii. pp. 8-13. [in Russian]
- Bereznijsky, 2014** – *Bereznijsky S.V.* (2014). Nerchinskaya `ekspediciya [Nerchinskaya expedition]. SPb.: MA `E RAN. 296 p. (Kunstkamera Petropolitana). [in Russian]
- Bereznijsky et al., 2018** – *Bereznijsky S.V., Halechko I.I., Petr V. Primak P.V.* (2018). Guardsman of Anna Ioannovna – Artist of Elizabeth Petrovna – Researcher of Catherine II: the Life and Scientific Legacy of Friedrich Plenisner. *Bylye Gody.* 2018. Vol. 47. Is. 1. pp. 44-52.
- Golovneev, Kisser, 2015** – *Golovneev A.V., Kisser T.S.* (2015). `Etnoportret imperii v trudah P.S. Pallasa i I.G. Georgi [Ethnographies Empire in the works of P. S. Pallas and I. G. Georgi]. *Ural'skij istoricheskij vestnik.* № 3. (48). pp. 59-70. [in Russian]
- Goroshenova, 2015** – *Goroshenova O.A.* (2015). Osobennosti razvitiya nizshego i srednego tehničeskogo obrazovaniya v Vostochnoj Sibiri (XVIII v. – 1917 g.) [Features of development of the lower and middle technical education in Eastern Siberia (the XVIIIth century – 1917)]. *Vestnik IrGTU.* №10 (105). pp. 289-294. [in Russian]
- Grinin, 2014** – *Grinin L.E.* (2014). Rol' lichnosti v istorii [The role of personality in history]. Teoriya i metodologiya istorii: uchebnik dlya vuzov. Otv. red. V.V. Alekseev, N.N. Kradin, A.V. Korotaev, L.E. Grinin. Volgograd: Uchitel'. pp. 250-262. [in Russian]
- Gurevich, 1909** – *Gurevich P.* (1909). Steller G.V. [Steller G.V.]. Russkij biograficheskij slovar'. Izdan pod nablyudeniem predsedatelya Imperatorskogo russkogo istoricheskogo obschestva A.A. Polovceva. T. 12. Smelovskij-Suvorina. SPb.: Tipografiya Tovarischestva «Obschestvennaya pol'za». pp. 370-376. [in Russian]
- Divin, 1953** – *Divin V.A.* (1953). Velikij russkij moreplavatel' A.I. Chirikov [The Great Russian Navigator A. I. Chirikov]. M.: Gos. izd-vo geograf. lit-ry. 280 p. [in Russian]
- Divin, 1971** – *Divin V.A.* (1971). Russkie moreplavaniya na Tihom okeane v XVIII veke [Russian seafaring in the Pacific ocean in the XVIIIth century]. M.: Mysl'. 374 p. [in Russian]
- Dolgushina, 2004** – *Dolgushina E.I.* (2004). «A posle smerti Stellera ostalos'...». Dokumenty Gosarhiva Tyumenskoj oblasti o konchine uchenogo. Noyabr' 1746 g. ["And after the death of Steller left...". Documents of the state Archive of the Tyumen region on the death of the scientist. November 1746]. *Otechestvennyye arhivy.* № 1. pp. 94-98. [in Russian]
- Enciklopedicheskij slovar', 1908** – `Enciklopedicheskij slovar' [Encyclopedic dictionary]. T. 37 (73). Hakim – Hodorov. Izd. Brokgauz F.A., Efron I.A. SPb. 478 p. [in Russian]
- Fermojlen, 1994** – *Fermojlen H.F.* (1994). Proishozhdenie i institucionalizaciya ponyatiya volkerkunde (1771-1843) (Vozniknovenie i razvitie ponyatij «Volkerkunde», «Ethnographie», «Volkskunde» i «Ethnologie» v konce XVIIIth i nachale XIX vekov v Evrope i SSHa) [The Origin and institutionalization of the concept of volkerkunde (1771-1843) (the Emergence and development of the concepts of "Volkerkunde", "Ethnographie", "Volkskunde" and "Ethnologie" at the end of the eighteenth and early nineteenth centuries in Europe and the United States)]. *Etnograficheskoe obozrenie.* № 4. pp. 101-109. [in Russian]
- Kromm 2010** – *Kromm M.M.* (2010). Istoricheskaya antropologiya: uchebnoe posobie [Historical anthropology: a textbook]. SPb., M.: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta; Kvadriga. 214 p. [in Russian]
- Kromm, 2003** – *Kromm M.M.* (2003). Otechestvennaya istoriya v antropologicheskoy perspective [National history in anthropological perspective]. Istoricheskie issledovaniya v Rossii-II. Sem' let spustya / pod red. G. A. Bordjugova. M.: AIRO-HH. pp. 179-202. [in Russian]
- Kurohtina, 2012** – *Kurohtina N.I.* (2012). 315 let so vremeni rozhdeniya Vasiliya Andreevicha Hmetevskogo (Hmitevskogo) [315 years since the birth of Vasily Andreyevich Hmelevskii (Hmitevskii)]. Vremya i sobytiya: kalendar'-spravochnik po Dal'nevostochnomu federal'nomu okrugu na 2013 god. Sost. i red. G.A. Butrina. Habarovsk: Dal'nevostochn. gos. nauchn. bib-ka. pp. 238-239. [in Russian]
- Materialy po istorii russkogo flota, 1888** – Materialy po istorii russkogo flota [Materials on the history of the Russian fleet]. T. 12. SPb.: Tipografiya Morskogo Ministerstva pri Glavnom Admiraltejstve. 778 p. [in Russian]
- Pekarskij, 1873** – *Pekarskij P.P.* (1873). Istoriya Akademii nauk v Peterburge [The history of the Academy of Sciences in St. Petersburg]. SPb.: IAN. T. 2. 1042 p. [in Russian]
- Piragis, 2008** – *Piragis A.P.* (2008). Praviteli Kamchatki, 1700-2007 [Rulers of Kamchatka, 1700-2007]: kratkij biograficheskij spravochnik. Petropavlovsk-Kamchatskij: Novaya kniga. 112 p. [in Russian]
- Pushkareva, 2014** – *Pushkareva N.L.* (2014). Istoriya povsednevnostej i mikroistoriya [History of everyday life and microhistory]. Teoriya i metodologiya istorii: uchebnik dlya vuzov. Otv. red. V.V. Alekseev, N.N. Kradin, A.V. Korotaev, L.E. Grinin. Volgograd: Uchitel'. pp. 312-334. [in Russian]
- Raport Beringa, 1984** – Raport V.J. Beringa v Senat ob opisanih beregov Kamchatki shturmanami I. Elaginym i V.A. Hmetevskim i nachale stroitel'stva Petropavlovskogo porta v Avachinskoj gube. 1741 g.

aprelya 22 [Report Bering to the Senate on the description of the Kamchatka coast by the Navigator I. Elagin and V.A. Hmetevskim the beginning of the construction of the Peter and Paul port in the Avacha Bay. 1741 Apr. 22] // Russkie `ekspedicii po izucheniyu severnoj chasti Tihogo okeana v pervoj polovine XVIII veka: sb. dok. M.: Nauka. pp. 212-214. [in Russian]

RGa VMF – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv Voenno-Morskogo flota.

Sgibnev, 1866 – *Sgibnev A.S.* (1866). Navigackie shkoly v Sibiri [Navigation schools in Siberia]. *Morskoj sbornik*. T. 87, № 11. Neof. otdel. pp. 3-44. [in Russian]

Sgibnev, 1869b – *Sgibnev A.S.* (1869). Istoricheskiy ocherk glavnejshih sobytij v Kamchatke. Okonchanie. IV. 1772 – 1816 [Historical essay of the most important events in Kamchatka. End. IV. 1772 – 1816]. *Morskoj sbornik*. № 7. Iyul'. Neof. Chast'. pp. 1-129. [in Russian]

Sgibnev, 1869a – *Sgibnev A.S.* (1869). Ohotskij port s 1649 po 1852 g. (Istoricheskiy ocherk) [Okhotsk port from 1649 to 1852 (Historical sketch)]. *Morskoj sbornik*. № 11. Noyabr'. pp. 1-93. [in Russian]

Sokolov, 1855 – *Sokolov A.P.* (1855). Letopis' krushenij i pozharov sudov russkogo flota 1713-1853 [The Chronicle of crashes and fires vessels of the Russian fleet 1713-1853]. SPb.: Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk. 365 p. [in Russian]

Vernadskij, 1988 – *Vernadskij V.I.* (1988). Trudy po istorii nauki v Rossii [Works on the history of science in Russia]. Sost. M.S. Bastrakova, V.S. Neapolitanskaya, G.A. Firsova. M.: Nauka. 404 p. [in Russian]

Zhdanko, 1907 – *Zhdanko M.E.* (1907). Soobschenie o gidrograficheskikh rabotah v moryah Beringovym i Ohotskim [Report on hydrographic works in the seas Bering and Okhotsk]. *Zapiski Obschestva izucheniya Amurskogo kraja*. Vladivostok: Tipografiya Torgovo-Promyshlennogo Vestnika Dal'nego Vostoka. T. X. pp. 52-53. [in Russian]

Zuev, 2003 – *Zuev A.S.* (2003). Vosstanie koryakov-karagincev v 1746 g. i brat'ya Lazukovy [The revolt of the Koryak-karachintsev in 1746, and brothers Lazukovs]. *Vestnik KRAUNC*. Gumanitarnye nauki. № 2. pp. 41-52. [in Russian]

«...О местах, в которых дотоле российские люди не бывали...»: судьба, служба и вклад в науку XVIII века Василия Андреевича Хметевского

Сергей Васильевич Березницкий ^{a,*}, Игорь Иванович Галечко ^b, Петр Викторович Примак ^b

^a Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, Российская Федерация

^b Приамурский государственный университет имени Шолом Алейхема, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению основных этапов жизни, службы, научной деятельности русского дворянина, морского офицера Василия Андреевича Хметевского (1698–1777). Благодаря тому, что он получил прекрасное образование в Школе математических и навигационных наук в Москве, в Академии морской гвардии в Санкт-Петербурге, он смог с честью выполнять задания на Балтийском флоте, во время участия в работе Второй Камчатской и Нерчинской экспедиций, на северо-востоке России, в разных должностях, в том числе и в качестве командира Камчатки. Своими исследованиями берегов и морских территорий Камчатки и Охотского побережья Хметевский внес большой вклад в отечественную науку XVIII века. Его деятельность изучалась на основе синтеза концепций микроистории, истории повседневности, истории ментальностей, исторической антропологии. Этот синтез позволил проследить роль конкретного человека в определенный исторический период, его влияние на исторический процесс, характеризующийся особенностями социокультурной среды, в которой действует личность в данный момент времени в экстремальных условиях жизни. В качестве источниковой базы использовались материалы Российского государственного архива Военно-Морского флота и другие опубликованные документы об освоении Россией Тихого океана в XVIII веке. Их анализ позволил уточнить отдельные спорные моменты службы Хметевского на северо-востоке России, опровергнуть некоторые мифы его биографии. Именем Хметевского назван полуостров на северном побережье Охотского моря, вместе с И.Ф. Елагиным Хметевский стал основателем будущей столицы Камчатского края – города Петропавловска-Камчатского, важной военно-морской базы. Таким образом, Хметевский занимался не только научными исследованиями, но и выполнением стратегических задач по укреплению российской власти на северо-востоке страны в XVIII столетии, по освоению этого далекого, но важного в геополитическом отношении региона.

Ключевые слова: XVIII век, Василий Хметевский, северо-восточная Азия, история России и российской науки.

* Корреспондирующий автор

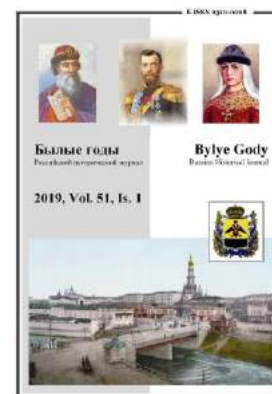
Адреса электронной почты: svbereznitsky@yandex.ru (С.В. Березницкий), halechko@yandex.ru (И.И. Галечко), primakos@yandex.ru (П.В. Примак)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 51. Is. 1. pp. 29-40. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.1.29
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Ethnic and Cultural Space of the Eastern Sami (Skolts) of the Northern Frontier of Russia and Norway-Denmark in the XVIII century

Konstantin S. Zaikov ^{a, *}, Natalia S. Avdonina ^a

^aNorthern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Russian Federation

Abstract

The article focuses on little-known pages of the northern frontier history – the Russian-Norwegian borderlands, specifically the description of the ethnic and cultural space of the Eastern, Orthodox Sami (Skolts) group in the XVIII century. Through the wide range of sources, from the Russian and Norwegian archives, the authors reconstruct the boundaries of the territorial possessions of Sami groups, and the demographics of the Skolts' pogosts. The authors explain that the status position of the village headman, as the administrative and political leader of the pogost among the skolts from the 18th century was growing. The headman served as the executive and judicial authorities of the pogost, which was encouraged by the Russian county administration. Economic activities of the Skolts could be wider than the administrative borders of the Siyits and vice versa. In this regard, the described boundaries of the pogosts in Norwegian and Russian sources is only a representation of local and regional authorities on the presence of fixed administrative and economic boundaries of collectives. This difference is due to the asymmetry in the perception of space by the semi-nomadic Sami population of the borderland and the Russian administration. The reconstruction of the demographics of the skolts demonstrates that during the XVIIIth century, there was a constant decrease in the population with the reduction of the fishing capacity, the elasticity of the economic borders and the gradual settlement of the skolts' territories by the Norwegian Sami.

Keywords: Russian-Norwegian borderland, Far North, frontier, border, Sami, Skolts.

1. Введение

Современное российско-норвежское пограничье, охватывающее Печенгский район Мурманской области и коммуны Южный Варангер губернии Финнмарк, не всегда имело четкие политические границы. До 1826 года пограничье более 500 лет представляло собой пространство с отсутствием четких политических границ – северный фронтир (Zaikov, 2018a: 60-75; Vereshchagin, Zadorin, 2017: 1044-1062). Данная аномалия отчасти объяснима соседством огромной многонациональной Российской империи с малым государством – Норвегией (Troshina et al., 2018: 1125-1139; Zaikov, Troshina, 2017: 139-175; Zadorin, 2018). Кроме того, до 1814 года, несмотря на статус личной унии, Норвегия была фактически сведена до статуса провинции Датской короны (Nakken, 2000).

* Corresponding author

E-mail addresses: k.zaikov@narfu.ru (K.S. Zaikov), n.avdonina@narfu.ru (N.S. Avdonina)

Рис. 1. Карта Печенгского района Мурманской области

Рис. 2. Карта с расположением коммуны Южный Варангер губернии Финнмарк

Политико-географическая асимметрия двух неравнозначных соседей позволяла России не воспринимать норвежское соседство на Крайнем Севере как угрозу своей территориальной целостности. В то же время задача установления политических рубежей в силу отдаленности территорий, расположенных в «полярных пустынях», была хоть и важной, но, по всей вероятности, крайне непривлекательной для Российской империи на протяжении всего XVIII в. (Zaikov, Tamitskiy, 2017: 915-927; Zaikov, Tamitskiy, 2016: 621-641).

Несмотря на глубокую периферийность северного фронта по отношению к национальным и региональным центрам, еще до прихода политической власти на его территорию данное физико-географическое пространство не было пустым в этнокультурном смысле¹ (Zaikov, Troshina, 2017: 140-142; Нильсен, Зайков, 2012: 71-84). На этой территории располагались земли (сиййт/погосты) восточной православной группы саамов (скольтов (Wikan, 1995; Sergejeva, 2000: 5-37; Nielsen, 2014: 643). Будучи коренными жителями северного фронта, скольты были одними из ключевых акторов процесса формирования этнокультурного пространства и России, и Норвегии: именно их земельные владения стали ареной «битвы» двух государств в процессе очерчивания политических рубежей в начале XIX в.

2. Материалы и методы

Статья подготовлена на основе массива исторических документов, имеющих в Государственном архиве Архангельской области, Российском государственном историческом архиве,

¹ К 1613 г. территория северного фронта включала небольшой район вдоль рек Нявдема (норв. – Нейден), Паз/Паесъ (норв. – Пасвиг) и Печенга (норв.– Пейсен). В начале XIX в. эти территории частично входили в состав Кольского уезда Архангельской губернии (Российская империя), и частично – в состав провинции Финнмарк (Швеция–Норвегия).

Архиве внешней политики российской империи, Государственном архиве г. Осло (Норвегия), в том числе впервые вводимых в научный оборот. Методологическую основу анализируемого исторического материала составили мир-системный и функциональный подходы лимологии, признающие мультисубъектность и мультипространственность процесса территориализации физического пространства в исторической перспективе.

В целях изучения и реконструкции системы хозяйственных отношений саамских коллективов проводился анализ и сопоставление документов переписки чиновников Кольского уезда с администрацией Архангельской губернии, а также анализ материалов протоколов майора П. Шнитлера и статистических описаний лопарских погостов 1780-х гг.

3. Обсуждение

В историографии тема этнокультурного пространства скольтов впервые была отражена в работе норвежского историка О.А. Йонсена, который делает довольно точную реконструкцию племенных границ русских саамов посредством сопоставления данных протокола майора П. Шнитлера (середины XVIII в.) с норвежскими и шведскими картами XVIII – начала XX вв. (Johnsen, 1923: 195-200, 211-215). Работы по реконструкции границ сиййт впоследствии были продолжены антропологом В. Таннером и российским историком М.Г. Кучинским.

М.Г. Кучинский существенно дополнил исследования скандинавских исследователей анализом и составлением демографической и половозрастной структуры сиййт, а также попытался реконструировать систему внутренних отношений в коллективах восточных саамов в хронологических рамках XVI–XVIII вв. (Tanner, 1929; Кучинский, 2008).

Отдельные аспекты хозяйственной жизни скольтов и их отношений с норвежскими и российскими подданными и властями освещены в работах антропологов В. Таннера и С. Тоннесена (Tønnesen, 1979). Норвежские историки-краеведы А. Андресен и С. ВIKAN предприняли попытку определить правовой статус земельных владений коллективов русских саамов (Andresen, 1989; Зайков, 2018b: 60-75).

В целом можно отметить, что тема изучения этнокультурного пространства восточной православной группы саамов – скольтов – остается малоизученной в современной российской историографии. Также следует добавить, что недостаток источниковой базы в попытках скандинавских историков и антропологов реконструировать этнокультурное пространство скольтов делает данные интерпретации достаточно неполными и требующими существенных дополнений. Все вышперечисленное обуславливает высокую актуальность темы изучения истории русских саамов и реконструкции пространственных измерений этнокультурного пространства скольтов.

3. Результаты

Территориально этнокультурное пространство скольтов, коренных жителей северного фронта, именовалось «сиййт». Этим термином обозначается коллектив родственников, а также территория, являющаяся их общим владением, на пространстве которой они проживают и ведут совместную хозяйственную деятельность (Tanner, 1929: 86, 338-339; Andresen 1989: 17, 20; Кучинский, 2008: 183-184). В отечественной историографии и российских исторических актах получило распространение другое наименование этнокультурного пространства саамов, а сиййтом именовался «погост» (Кучинский, 2008: 183). В период Новгородской земли «погостом» называлось место сбора дани и организации княжеского суда. По мнению некоторых исследователей, уже с раннего средневековья этот термин стал употребляться не только для обозначения фискальной податной единицы, но и для обозначения самой нижней единицы административно-территориального деления Новгородской земли. Позднее эта система была заимствована Русским государством, а затем и Российской империей (Платонова, 1984: 173-184; Кучинский, 2008: 94-96).

В норвежской историографии термин «погост» впервые употребил О.А. Йонсен. Исследователь использовал определение, данное в «Словаре областного архангельского наречия» А.О. Подвысоцкого, по которому «погостом» обозначалась зимняя деревня русских саамов (Кучинский, 2008: 95). Однако из русских источников XVI–XIX вв. известно, что архангельские и кольские власти не проводили жесткой фиксации административного центра только лишь к зимним поселениям скольтов. Церковные и светские власти России «погостом» равнозначно именовали и сиййт, и зимнюю, и летнюю деревни, куда в XIII–XV вв. приезжали сборщики дани, а с XVI в. – чиновники местной администрации для сбора налогов и разбора судебных дел (Кучинский, 2008). В Норвегии «сиййт» скольтов называли «бу», что схоже современному в норвежском языке понятию «bygda» – деревня (Wikan, 1995: 113; Hansen, 1996: 54).

Система управления сиййтом

Высшим законодательным и административным органом управления у саамов был совет старейшин сиййта «погаз». У скольтов данный совет именовался «соббар» (Solem). Схожий орган административного управления – «собор» – был и у русской православной церкви, который, по мнению археолога Б. Ульсена, был заимствован саами у РПЦ (Olsen, 1987: 65-80). «Соббар» принимал важнейшие административные решения по вопросам внутренней политики сиййта, т.е. по

распределению и наследованию угодий между членами коллектива, а также по вопросам «внешней политики», заключению договоров об изменении границ между сиййтами, сдачи в аренду или продажи угодий, торговле и порядку выплаты налогов колониальным властям (Andresen, 1989: 23).

Исследователь С. Викакан полагает, что глава соббара скольтов – староста, как и у норвежских саами “oaiv olmmai” или по-норвежски “lensmann”, был лицом, представляющим верховную власть сиййта, выбираемого из людей старшего поколения (Wikan, 1995: 14). Однако российский исследователь М.Г. Кучинский свидетельствует, что старосты восточных саамов, в том числе и скольтов, выбирались из молодых членов коллектива в возрасте 30 лет. Они выполняли функцию временного представителя сообщества перед администрацией и реальной власти не имели (Кучинский, 2008: 135). Наиболее важную позицию в сиййте скольтов, пишет М.Г. Кучинский, занимали выборные лица – *посыльщики*, отправляемые сиййтом для переговоров с российскими и норвежскими властями, которых исследователь называет «возможными реальными лидерами сообщества» (Кучинский, 2008: 136).

Материалы о промысловых спорах и различных административных делах XVIII – начала XIX вв. подтверждают предположение о широком распространении института *посыльщиков* в Пазрецьком и Печенгском погостах. В Нявдемском погосте наиболее сильным был институт старосты¹. В первых двух названных погостах *посыльщиками* выступали выборные из глав семей коллектива. Вместе со старостой они выполняли функции представителей сообщества в общении с администрацией, давали показания и визировали вместе со старостой все документы (ГААО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 1356. Л. 1-11; ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 8. Д. 342 Л. 5-5 об.; ГААО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 273; ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 125, 127, 129). Определить их степень подчинения по отношению друг к другу представляется затруднительной задачей. Автор полагает, что они могли быть неким институтом надзора над старостой, выбираемым соббаром, при общении с русской администрацией. Для русской администрации староста был не просто посредником в общении между погостом и государственной властью – он был единственным носителем функций исполнительной и судебной власти погоста. Мы полагаем, что его статусная позиция как административного и политического лидера погостов скольтов с XVIII в. стала усиливаться. Дело в том, что введенные Петром I подушная подать и коллективная фискальная ответственность за уплату налогов и несение государственных повинностей стимулировали развитие самоуправления на локальном уровне, сопровождаемое делегированием управленческих и судебных функций локальным сообществам (Кучинский, 2008: 144). В этом смысле централизация власти погоста в руках старосты была выгодна русским властям, что обуславливалось практическими соображениями и дефицитом кадровых ресурсов в администрации Кольского уезда. Поэтому институт старост фактически замещал дефицит управленческих кадров уезда. Поощряемая русской администрацией централизация власти в руках старосты противоречила демократической традиции сообщества, в связи с чем необходимость в надзоре над старостой в лице специального института *посыльщиков*, безусловно, была.

Границы сиййтов скольтов

Согласно протоколу майора П. Шнитлера самым западным сиййтом общих российско-норвежских владений был округ Нейден (Нявдемский погост / сиййт) (Hansen, Schmidt, 1985, 69-70). Он являлся владением двоеданных нейден (нор.) или нявдемских (рус.) скольтов. На северо-западе от м. Верес-Наволоок (Bug) вниз вдоль правого берега Верес губы (Bugøyfjord) до г. Колмись Ойве (Golmas Øive Madakijtza) она граничила с сиййтом частных, то есть находящихся лишь под юрисдикцией Норвегии, варангерских саамов (Nissen, Kvamenb 1962: 348; ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 6490; ГААО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 3; ГААО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 512; RA/EA-4036/F/L0002). Эта группа саамов делилась на горных, занимающихся преимущественно оленеводством, и морских, которые занимались морскими рыбными промыслами на побережье варангерского залива (Hansen, Schmidt, 1985: 56-57).

¹ О привилегированном положении старосты писал профессор Ратке, посетивший погост в 1802 г. во время поездки по Восточному Финнмарку

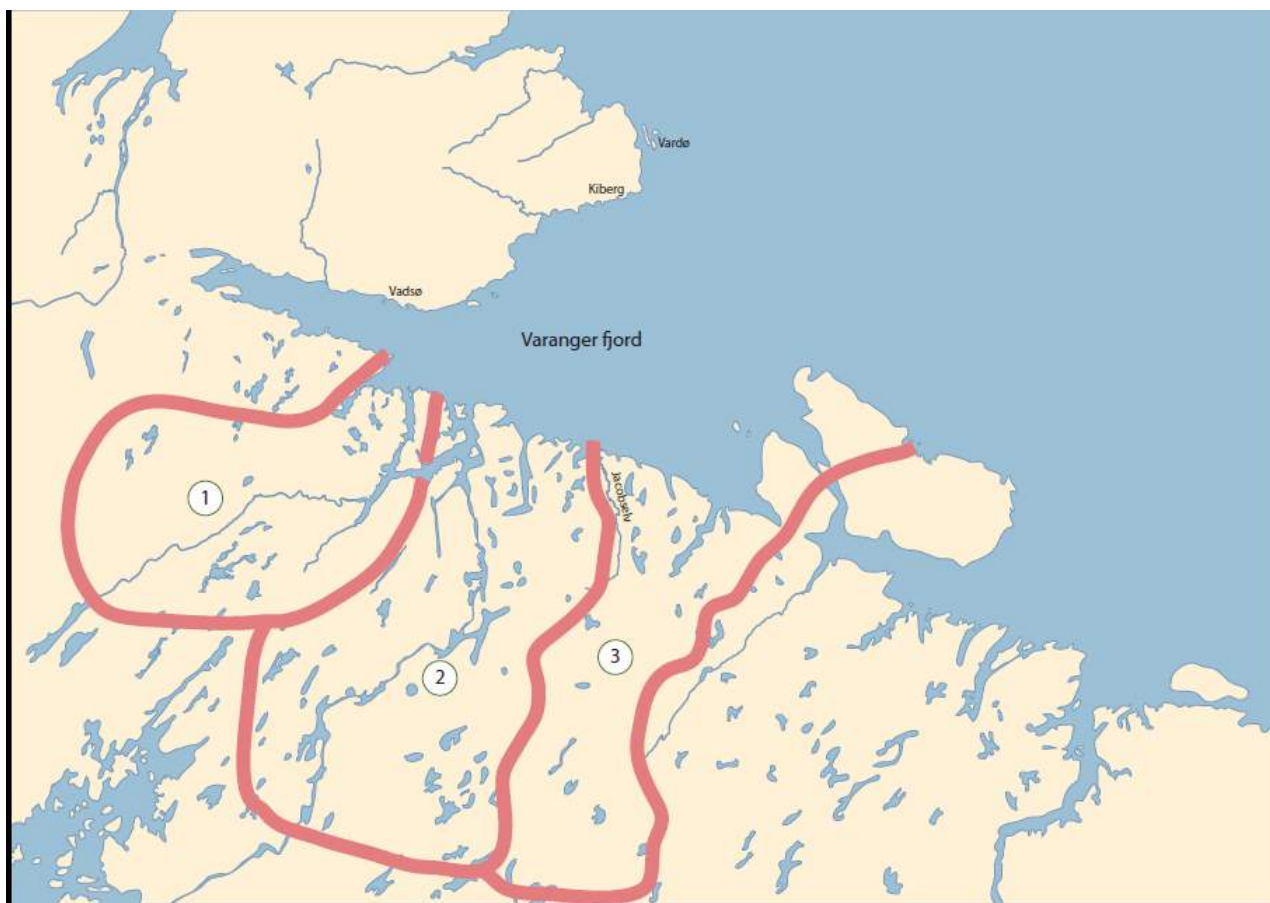

Рис. 3. Карта трех саамских сиййтов, составлявших «общие округа» Норвегии и России в XVII – нач. XIX вв.

1 – Нявдемский сиййт, 2 – Пазрецкий сиййт, 3 – Печенгский сиййт

На юго-западе от о. Ии Ярве (Ji Jaure) до г. Рейса (Reisegieg) Нявдемский сиййт граничил с троеданными Энаре саамами, платившими дань датской, шведской и российской коронам, но находящимся под юрисдикцией Швеции. На севере от г. Рейса вдоль горной гряды Вакиер (Vakier) до Косой губы (Korsfiord) и далее на о. Шалим (Skogerøy) он граничил с округом Пасвиг, территория которого была владением двоеданных пасвиг (нор.) или пазрецких (рус.) скольтов (Пазрецкий погост / сиййт) (Hansen, Schmidt, 1985; ГААО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 512).

Пазрецкий погост на юге от г. Рейса до притока р. Паз (Pasvig) Гельсомио (Gelsomio) граничил с Энаре саамами и далее на юго-востоке от Гельсомио до тайболы Вассенене у южного окончания гряды Печенгских гор (Peisen fjeldene) с российскими сонгельскими саамами. На юго-востоке и востоке вдоль Печенгских гор и левого берега р. Ворьемы (Jacobs elv) до побережья Варангер фиорда располагалась граница с округом Пейсен, территория которого была владением двоеданных пейсен (нор.) или печенгских (рус.) скольтов (Печенгским погостом / сийитом) (Hansen, Schmidt, 1985).

Печенгский погост на юге от т. Вассенене до южного окончания гряды Моткинских гор (Muotkafjeldene) граничил с российскими сонгельскими саамами. На востоке вдоль Моткинских гор и на полуострове Рыбачьем располагалась межа с российским моткинским погостом (Hansen, Schmidt, 1985).

В норвежской и российской историографии сложилась традиция жесткой фиксации границ «общих округов» (норвежское наименование северного фронта) с границами сиййтов скольтов (Andresen, 1989; Wikan, 1995; Johnsen, 1923; Roginsky, 2005: 162-168). М.Г. Кучинский, сравнив документы, касающиеся описания территорий восточных саамов XVI – первой половины XVIII вв., пришел к выводу о достаточной стабильности границ сиййтов. Сопоставление более широкого круга источников по отдельным сообществам, в нашем случае сиййтов скольтов, дает иную картину по границам сиййтов XVIII в. Несовпадение друг другу норвежских, шведских и российских карт и сведений XVIII – начала XIX вв. о границах погостов, которые авторы документов пытались совместить с административными границами сиййтов, свидетельствуют о подвижности границ хозяйственных владений коллективов саамов, по крайней мере отдельных сиййтов скольтов (Hansen, Schmidt, 1985, RA/EA-4036/F/L0002; RA/EA-4036/F/L0002; Pontoppidan, 1795; ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 6490; ГААО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 3; ГААО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 512).

Картографы и чиновники XVIII в., зачастую приняв описанные в ранних исследованиях границы за объективный факт, просто копировали эти сведения в свои работы. В 1745 г. майор П. Шнитлер, составляя описание границ сийитов скольтов «общих округов», использовал данные архива губернатора Финнмарка. К этим материалам относились описания общих округов, составленные губернатором Х. Лиленшельдом и фогдом Н. Кнагом в конце XVII – начале XVIII вв. (Hansen, Schmidt, 1985; Nissen, Kvamen, 1962; Brock, Solberg, 1938; Solberg, 1945). Идентичная картина присутствует с описаниями и картами лейтенанта Х.Ф. Бредаля и картографа Х. Понтопидана в конце XVIII в. Оба исследователя брали за основу экзаменационный протокол и карту, составленные П. Шнитлером (RA/EA-4036/F/L0002; Pontoppidan, 1795). Распространенным явлением было также использование показаний лишь одной из групп саамов. Шведский картограф Т.Г.Х. Кнофф, составивший карту «общих округов» в 1750 г., опирался на показания варангерских саамов. Поэтому уже на карте его современника П. Шнитлера, который использовал более широкий круг источников, мы можем наблюдать существенные отличия в отображении линий границ округа Нейден.

На карте Ганса Кноффа пространство от г. Верес до левого берега Верес Губы, включая о. Чий, Шалим – это часть территории норвежских варангерских саамов. На карте П. Шнитлера граница округа Нейден расположена северо-западнее, и все указанное на карте Т.Г.Х. Кноффа пространство приписано к округу Нейден. Российские описания погостов 1763 и 1795 гг. с некоторыми отклонениями совпадают с данными карты П. Шнитлера. Это позволяет нам предположить некоторую недостоверность сведений карты Ганса Кноффа¹ (Nissen, Kvamen, 1962: 347-348; Johnsen, 1923; ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 6490; ГААО Ф. 4. Оп. 7. Д. 512).

Сравнение этих документов с норвежскими данными XIX в. и российскими свидетельствами иллюстрирует еще большие отличия в пространственном распределении границ погостов (ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 6490; ГААО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 512; D-RA/S-1076/F/Fb/L0001; RA/EA-4036/H/Hc/L0020; РГИА. Ф. 1293. Оп. 166. Д. 1). Расположения отдельных участков границ округов в российских свидетельствах не соответствовали позднему норвежским данным, и со временем показания норвежских и русских саамов о границах сийитов тоже менялись. Расхождения в сведениях о границах могли быть основаны на том, что норвежские, шведские и русские чиновники использовали различные источники информации. При этом нельзя забывать, что носители информации были и активными хозяйствующими субъектами на исследуемой территории. Безусловно, они были заинтересованы исказить в свою пользу информацию об исследуемой администрацией территории, так как взаимодействие соседствующих коллективов сопровождалось острой борьбой и конкуренцией за ресурсы. Большое количество промысловых споров скольтов с норвежскими и финскими саамами в XVIII–XIX вв., которые отмечал еще О.А. Йонсен, подтверждают это (Johnsen, 1923: 211). В такой ситуации российская администрация обладала мощным ресурсом, который позволял решить сложный хозяйственный конфликт в свою пользу. К примеру, северо-западный рубеж Нявдемского погоста в протоколе майора П. Шнитлера начинался от м. Верес и проходил вниз по левому берегу Верес губы (Nissen, Kvamen, 1962: 348). Эти сведения он получил от русских, нявдемских, саамов, но в начале XIX в. норвежские, морские саамы утверждали, что рубеж их погоста с Нявдемским сийитом проходит по правому берегу Верес Губы (D-RA/S-1076/F/Fb/L0001). Отметим, что нявдемские саамы в 1795 г. и позднее в 1823–1824 гг. подтвердили, что их северо-западный рубеж проходит от м. Верес и вниз по левому берегу губы, как это было указано в протоколе П. Шнитлера (ГААО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 512; ГААО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 87. Ч. I. Л. 79 об.-80).

Данный фрагмент иллюстрирует факт, что во второй половине XVIII в. наблюдалось смещение хозяйственных границ Нявдемского погоста. Норвежский историк С. Викан сообщает, что население этого сийита значительно сократилось в XVIII в., и коллектив не мог самостоятельно контролировать границы погоста. В то же время О.А. Йонсен пишет, что с 1730-х гг. морские саамы стали селиться за м. Верес-Наволок (Wikan, 1995: 45-46; Johnsen, 1923: 211-215). Учитывая эти факты, можно сделать вывод, что морские саамы решили легитимировать сложившиеся хозяйственные границы, дав ложные показания об административных границах их сийита Томасу Кноффу и позднее норвежским членам комиссий Финансового департамента и Стортинга². Это говорит нам, что с течением времени хозяйственно-административные границы сийитов скольтов изменялись под влиянием внутренних и внешних факторов.

Дело в том, что хозяйственная жизнь у коллектива родственников носила экстенсивный характер и была сосредоточена на конкретных, богатых природными ресурсами территориях. В результате истощения угодий набор используемых ландшафтов менялся. Часто коллектив родственников мог свободно перемещаться в районы соседствующих сийитов и там по договоренности с соседствующим коллективом вести совместную хозяйственную деятельность (Johnsen, 1923: 209-219; Lunde, 1979: 120-121). Более того, известно, что соседствующие коллективы вступали в договоры о совместных промыслах и могли иметь даже промысловые владения на

¹ RiksArk kartsamling Finnmark MK 1.

² Эти данные были отображены на карте Вибге-Бирха 1824 г., подготовленной на основе материалов, собранных комиссиями Стортинга и Финансового департамента и на карте Галямина – Спорка 1825 г. – RA/UD, Prebensen samling, G05/10/boks 5205

соседствующей территории. Такие соглашения существовали между нявдемскими и пазрецкими саамами. Названные коллективы активно кооперировались в летних промыслах на острове Шалим и имели тесные родственные связи¹. Это также нашло отражение в изменении общей границы сиййтов. В середине XVIII в. нявдемские саамы утверждали, что их общий рубеж с пазрецкими саамами на северо-востоке лежит вдоль левого берега о. Шалим. В 1795 г. оба коллектива свидетельствовали, что их общий рубеж располагался вдоль срединной линии указанного острова (ГААО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 512. Л. 21-22). В данном случае коллектив нявдемских саамов уступил часть своей территории в пользу пазрецких саамов. Этот эпизод снова иллюстрирует смещение хозяйственных и административных границ погостов.

Образ жизни скольтов

Отличительной чертой скольтов от западных, варангерских, саамов была низкая доля домашнего оленеводства в хозяйстве коллектива. По данным исправника Артемия Постникова на 1823 г. наибольшее количество оленей имели печенгские и нявдемские саамы в общем размере 600 голов (ГААО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 87 (ч. 1) Л. 56-59). По типу хозяйства их можно отнести к охотникам-рыболовам. В зависимости от времен года они кочевали по территории сиййта для занятия различными промыслами: с мая по сентябрь – на берега Варангерского залива для ловли рыбы (семга, треска, палтус, мойва, сельдь, сайда) и торговли с датско-норвежскими и русскими промышленниками; с сентября по декабрь и весной с марта по май – во внутренние владения для пастьбы скота (оленей, овец) и охоты (ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 129; ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 125; ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 127). Зимой члены коллектива сиййта собирались в зимней деревне и проводили время за изготовлением одежды, сетей, звериных ловушек и судов. В зимнее время, когда коллектив был вместе, скольты решали административно-хозяйственные вопросы. Границы коллективных владений скольтов определялись районами наследственных угодий, расположенных в округе летних и зимних погостов сиййта² (Andresen, 1989). Наиболее важными были семужьи, сельдяные и охотничьи угодья и районы выпаса скота. Доступ к стратегическим ресурсам и их запас в большинстве случаев определял политическое поведение скольтов в отношении датско-норвежских подданных и русских властей. Фискальная политика Норвегии и России также влияла на набор наиболее важных угодий. Дела по промысловым спорам с датско-норвежской и российской сторонами позволяют нам точно реконструировать характерный набор стратегических ресурсов для каждого сиййта (АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 701; ГААО Ф. 1. Оп. 1. Д. 9571; ГААО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 512; ГААО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 642; АВПРИ. Ф. 1. Адм. дела. II-6. Д. 75. Ч. I. Л. 140-145; ГААО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 273; Nissen, Kvamen, 1962; Hansen, Schmidt, 1985).

Среди них можно выделить наиболее важный ресурс всех трех сиййтов – это семужий промысел. Район лова семги со специальными местами для ловли – тонями – передавался по наследству, и в течение XVIII в. неизвестно ни одного факта передачи семужьих тоней в аренду пришлым русским или датско-норвежским подданным. Второй ресурс – это речная и озерная рыба во внутренних районах сиййта, по берегам рек и в речных долинах, куда, кроме чиновников, не допускались датско-норвежские и русские подданные. Охотничьи угодья простирались вдоль берега от южного побережья Верес губы до полуострова Рыбачий. Сосновый лес тянулся вдоль побережья рек Нявдема, Паз и Печенга. Отдельным стратегическим ресурсом для пазрецких саамов являлись тресковые угодья в губах Пазрецкая и Ровдинская. Для печенгских саамов значимым стал промысел рыбы – «песчанки» – в устье р. Ворьемы. Равноценным ресурсом для печенгских и пазрецких саамов были районы пастьбы оленей, располагавшихся от о. Шалим и далее вдоль юго-восточного побережья Южного Варангера до полуострова Рыбачий. Пределы стратегических угодий формировали административные границы сиййта. Отдельные промыслы, которые не имели большого экономического значения, формировали хозяйственные границы сиййта, более гибкие, чем административные. В целом образ жизни скольтов можно определить как полусоседный, потому как сезонные миграции коллектива были территориально ограничены.

В течение XVIII–XIX вв. расположение летних и зимних деревень Нейден, Пасвиг и Пейсен саами менялось несколько раз. Из сведений, собранных Кольской администрацией в 1782–1785 гг. известно, что летние деревни печенгских саамов находились на юго-западном побережье п-ова Рыбачий и у устья р. Ворьема (ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 125; ГААО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 512. Л. 21-23). У пазрецких саамов зимняя деревня находилась на правом берегу р. Паз, недалеко от церкви Бориса и Глеба, летние находились в устье р. Паз и на о. Шалим (ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 127). Зимняя деревня нявдемских саамов располагалась в среднем течении р. Нявдема и на о. Чеветь, летом, когда они уходили на рыбалку, деревня перемещалась на о. Шалим (ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 129).

¹ В налоговых регистрах обоих погостов встречаются члены коллектива с одинаковыми фамилиями, что свидетельствует о межсиййтовых браках. Nissen, Kvamen 1962, Vol. I.

² Там же.

Демографическая структура сиййтов скольтов

Исследователь С. Викаан полагает, что с конца XVII в. популяция нявдемских саамов начала неуклонно падать, поэтому столь обширная территория не могла контролироваться одним лишь коллективом погоста. Дело в том, что норвежские саамы стали беспрепятственно расширять район оленьей пастбы и переходить к постоянному проживанию на территории погоста, усиливая постепенно хозяйственное давление и провоцируя конфликты с русскими саамами, что в будущем станет одним из формальных поводов к началу переговоров о разграничении северного фронта (Wikan, 1995: 45).

Гипотеза демографического спада имеет рациональное обоснование, хотя и возникает закономерный вопрос: было ли это явление характерным лишь для нявдемских саамов или такая тенденция характерна для всех трех сиййтов скольтов?

Гипотезу демографического спада развили историки О.А. Йонсен, С. Викаан и А. Андресен (Johnsen, 1923; Wikan, 1995; Andresen, 1983, 1989). Норвежские исследователи, используя посемейную систему подсчета населения сиййтов, которая практиковалась норвежскими налоговыми органами в XVI–XVIII вв., пришли к выводу о демографическом кризисе Нявдемского погоста.

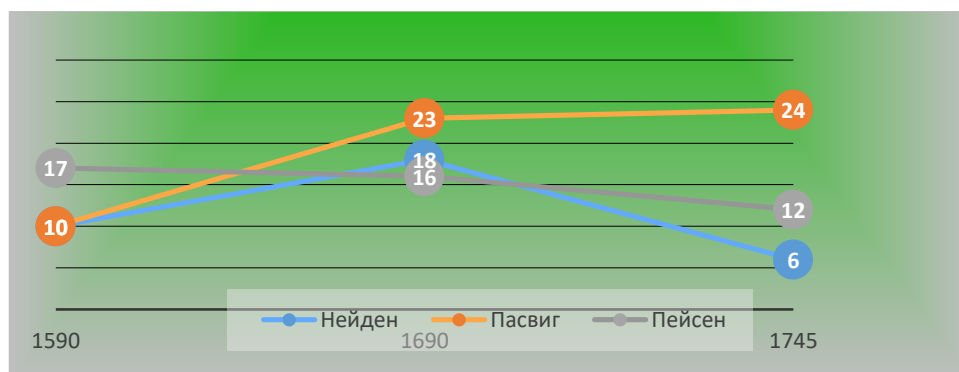

Рис. 4. Численность скольтов в конце XVI – первой половине XVIII вв., по данным О.А. Йонсена

Посемейный подсчет популяции скольтов имеет существенный недостаток – низкую количественную репрезентативность (Johnsen, 1923: 200-202). М.Г. Кучинский, использовавший в своей работе об исторической реконструкции сиййтов также и подушевой метод подсчета, обнаружил расхождение данных о количестве семей и веж с данными о количестве мужских и женских индивидов коллектива в сторону уменьшения первых (Кучинский 2008: 176-182). Также следует отметить наличие очевидных ошибок в сведениях о численности населения Пасвиг сиййта, представленных А. Андресен.

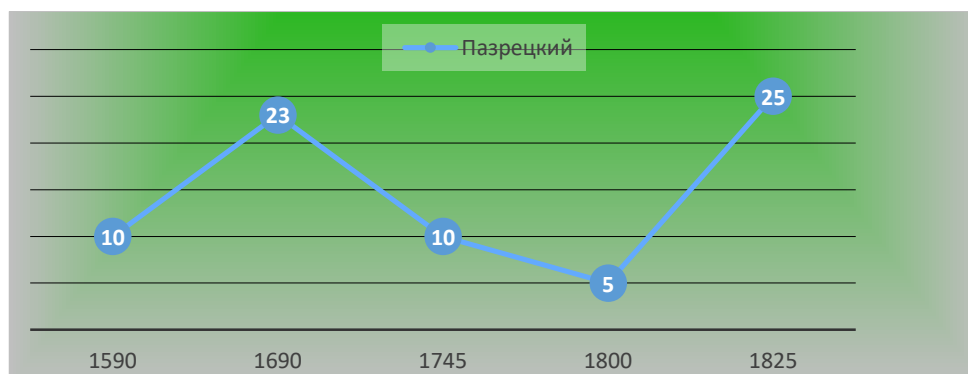

Рис. 5. Численность коллектива Пазрецького сиййта (по данным А. Андресен)

Взяв за основу исследование О.А. Йонсена при описании состава коллектива за 1745 г., исследовательница учла только семьи богатых саамов в сумме 10 единиц, упустив из виду семьи бедных саамов – 14 единиц (Andresen, 1983; Hansen, Schmidt, 1985: 74). Далее А. Андресен указала, что в 1800 г. численность Пазрецьких саамов была лишь 5 семей, а всего через 25 лет в 1825 г. она уже составляла 25 семей, то есть увеличилась в 4 раза (Andresen, 1983).

Российские источники XVIII – начала XIX вв., содержащие данные о количестве мужского и женского населения, говорят следующее: в 1710 г. в Нявдемском погосте числились 29 душ мужского пола и 32 женского, в Пазрецьком – 49 и 40, в Печенгском – 43 и 42 соответственно (Кучинский, 2008:

101–103; ГААО. Ф. 1367. Оп. 2. Д. 705. Л. 13). Всего в первой половине XVIII в. численность скольтов всех трех погостов составляла 235 человек.

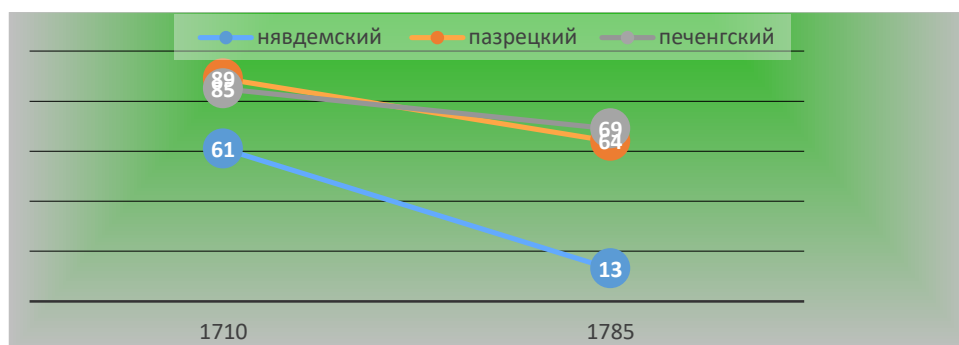

Рис. 6. Динамика численности погостов скольтов XVIII в. по русским источникам

Дальнейшая подушная перепись, проведенная в погостах скольтов в 1785 г., указывает, что население трех погостов после 1710 г. стремительно сокращалось. В Нявдемском погосте проживало лишь 8 душ мужского пола и 5 женского, в Пазрецком погосте – 30 мужского и 34 женского, в Печенгском погосте – 31 мужского и 38 женского (ГААО. Ф. 1367. Оп. 2. Д. 705. Л. 2-3). Всего население трех погостов составляло 146 человек. К началу XIX в. общая численность скольтов уменьшилась почти наполовину, а численность коллектива Нявдемского погоста с 61 в 1710 г. до 13 человек в 1785 г., то есть почти в 4 раза. Таким образом, гипотеза демографического спада в XVIII в. подтверждается. Данное явление было характерно не только для Нявдемского погоста, но и для всех погостов скольтов.

4. Заключение

Анализ российских и норвежских источников, позволяющий реконструировать этнокультурное пространство скольтов в XVIII в., свидетельствует, что пределы хозяйственной деятельности коллективов российских саамов могли быть шире административных границ сийитов и наоборот. Поэтому описываемые границы погостов в норвежских и российских источниках – это лишь представление местной государственной власти о наличии фиксированных административно-хозяйственных границ, представление, привычное для пространственного мышления оседлого населения. В связи с этим можно заключить, что оперирование лишь одним источником-протоколом П. Шнитлера или одной группой источников для реконструкции границ сийитов скольтов, характерное для работ О.А. Йонсена и В. Таннера, – А ошибочный подход. Оно формирует искаженную картину этнокультурного пространства скольтов и динамику хозяйственных отношений коллективов. Границы владений сийита определялись экономическими факторами. Поэтому изменение характера экономической эксплуатации, расширение деятельности внешних экономических субъектов на территории сийитов, безусловно, вело к изменениям административных границ.

Сравнив документы XVIII – начала XIX вв., можно зафиксировать эти изменения. К ним могут быть отнесены изменение северо-западной границы Нявдемского сийита с западного берега Верес губы на восточный к началу XIX в., а также изменение общей границы Нявдемского и Пазрецкого сийитов на о. Шалим с восточного побережья острова на серединную линию острова к концу XVIII в. Границы Печенгского сийита оставались стабильными весь изучаемый период.

5. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-10198 «Политические и этнокультурные границы Российской Арктики: от концептуализации к реконструкции процесса пространственной социализации»).

Литература

- АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.
 ГААО – Государственный архив Архангельской области.
 Зайков, 2018a – Зайков К.С. Российско-норвежское пограничье в зарубежной историографии XX – начала XXI вв. // *Арктика и Север*. № 30. С. 60-75.
 Зайков, 2018b – Зайков К.С. Российско-норвежское пограничье в отечественной историографии XIX – начала XXI века // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: гуманитарные и социальные науки*. № 2. С. 27-39.
 Кучинский, 2008 – Кучинский М.Г. Саами Кольского уезда в XVI–XVIII веках. Модель социальной структуры, Альта.

- Нильсен, Зайков, 2012 – Нильсен Й.П., Зайков К.С. Норвежско-российское арктическое пограничье: от общих округов к поморской зоне // *Арктика и Север*. № 5. С. 71-84.
- Платонова, 1984 – Платонова Н.И. Погосты и волости северо-западных земель Великого Новгорода (к проблеме формирования административной структуры), Археологические исследования Новгородской земли, Ленинград. С. 173-184.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Andresen, 1983 – Andresen A., Russiske Østsamers Rettigheter i Norge 1826–1925. Myndighetspolitikk og Rettighetsproblematikk. Hovedoppgave i Historie, Tromsø.
- Andresen, 1989 – Andresen A., Sii'daen som forsvant. Østsamene i Pasvik etter den norsk-russiske grensetrekningen i 1826, Kirkenes.
- Brock, Solberg, 1938 – Brock U.M., Solberg O. Finnmark omkring 1700, hefte 1. Nordnorske Samlinger I, Oslo.
- D-RA – the Danish National Archive.
- Hansen, 1996 – Hansen L.I. Interaction between Northern European Sub-Arctic Societies during the Middle Ages. Indigenous Peoples, Peasants and State Builders, Two Studies on the Middle Ages, Ed. by M. Rindal. KULTs Skriftserie, no. 66, pp. 31–95.
- Hansen, Schmidt, 1985 – Hansen L.I., Schmidt T. Major Peter Schnitlers. Grenseeksaminasjonsprotokoller 1742-1745, Oslo, vol. III.
- Johnsen, 1923 – Johnsen O.A. Finmarkens politiske historie, aktnæmning fremstillet, *Skrifter utgitt av Det norske videnskapsakademi i Oslo, II, Hist. fil. Klasse*, Kristiania.
- Lunde, 1979 – Lunde A. Sør Varanger Historie Med bidrag av Povl Simonsen og Ørnulv Vorren, Vadsø.
- Nakken, 2000 – Nakken A. Sentraladministrasjonen i København og sentralorganer i Norge 1660–1814, Oslo.
- Nielsen, 2014 – Nielsen J.P. Russland kommer nærmere: Norge og Russland, 1814–1917. Oslo. P. 643.
- Nissen, Kvamen, 1962 – Nissen K., Kvamen I. Major Peter Schnitlers. Grenseeksaminasjonsprotokoller 1742–1745, vol. I, Oslo.
- Olsen, 1987 – Olsen B. Stability and Change in Saami Band Structure in Varanger Area of Arctic Norway, AD 1300–1700, *Norwegian Archaeological Review*, no. 2, vol. 20, pp. 65-80.
- Pontoppidan, 1795 – Pontoppidan C.J. Geographisk Oplysning til Cartet over det nordlige Norge: i tvende Afdeeler: uddragne af de bedste til Cartet brugte locale Efterretninger, København.
- RA – the Norwegian National Archive.
- Roginsky, 2005 – Roginsky V.V. The 1826 Delimitation Convention between Norway and Russia: a Diplomatic Challenge, *Russia – Norway. Physical and Symbolic Borders*, Ed. by T.N. Jackson, J.P. Nielsen, Moscow, pp. 162-168.
- Sergejeva, 2000 – Sergejeva Je. The Eastern Sami: a short account of their history and identity. *Acta Borealia*. No. 17(2). pp. 5–37.
- Solberg, 1945 – Solberg O. Lilienskiolds Speculum Boreale II. I Finnmark omkring 1700. Nordnorske Samlinger IV og VII, bind 3, Oslo.
- Solem – Solem E. 1933/1970. Lappiske Rettsstudier. Institutt for Sammenlignede Kulturforskning. Serie B, Skrifte XXIV. Oslo.
- Tanner, 1929 – Tanner V. Antropogeografiska studier inom Petsamo-området. I. Skolt – Lapparna, Helsingfors.
- Tønnesen, 1979 – Tønnesen S. Retten til jorden i Finnmark, Bergen.
- Troshina et al., 2018 – Troshina T.I., Avdonina N.S., Zadorin M.Yu. «The Last Frontier of the Russian Civilization»: the Economic and Demographic Aspects of the Territorial Integrity of the State in the Far North-East // *Bylye Gody*. 49(3). 1125-1139.
- Vereshchagin, Zadorin, 2017 – Vereshchagin I.F., Zadorin M.Y. Ethnopolitical Landscape of Arkhangelsk Governorate at the turn of the century: the end of XIX – the beginning of XX centuries (based on the materials of the diocesan press) // *Bylye Gody*. 45(3). 1044-1062
- Wikan, 1995 – Wikan S. Grensebygda Neiden. Møte mellom folkegrupper og kampen om ressursene, Svanvik.
- Zadorin, 2018 – Zadorin M. The doctrine of “common territory” versus “terra nullius”: political geography in the political and legal context of Spitsbergen’s status in the late 19th century // *IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci.* 180 012002. [Electronic resource]. URL: <http://iopscience.iop.org/article/10.1088/1755-1315/180/1/012002>.
- Zaikov, Tamitskiy, 2016 – Zaikov K.S., Tamitskiy A.M. Finnish Factor in the History of the Northern Frontier of the Russian Empire 1809-1855 // *Bylye Gody*. 41(3). 621-641.
- Zaikov, Tamitskiy, 2017 – Zaikov K.S., Tamitskiy A.M. Lapp Crafts In The History Of The Russian-Norwegian Borderland In 1855-1900 // *Bylye Gody*. 45(3). 915-927.
- Zaikov, Troshina, 2017 – Zaikov K., Troshina T. Local Society Between Empire And Nation-State: The Russian-Norwegian Borderland In The Context Of Bilateral International Relations In The Far North, 1855-1905 // *Ab Imperio*. № 4. 139-175.

References

- AVPRI** – Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire].
- GAAO** – Gosudarstvennyi arkhiv Arkhangel'skoi oblasti [State Archive of the Arkhangelsk Region].
- Kuchinskii, 2008 – Kuchinskii M.G. (2008). *Saami Kol'skogo uezda v XVI–XVIII vekakh. Model' sotsial'noi struktury* [The Sami of the Kola district in XVI – XVIII centuries. Social structure model], Al'ta. [in Russian]
- Nil'sen, Zaikov, 2012 – Nil'sen I.P., Zaikov K.S. (2012). Norvezhsko-rossiiskoe arkticheskoe pogranič'e: ot obshchikh okrugov k pomorskoj zone [The Norwegian-Russian Arctic frontier: from general districts to the Pomor region]. *Arktika i Sever*, nr. 5, pp. 71-84. [in Russian]
- Platonova, 1984 – Platonova N.I. (1984). Pogosty i volosti severo-zapadnykh zemel' Velikogo Novgorod (k probleme formirovaniya administrativnoi struktury), Arkheologicheskie issledovaniya Novgorodskoi zemli [Pogosty i volosti severo-zapadnykh zemel' Velikogo Novgorod (k probleme formirovaniya administrativnoi struktury), Arkheologicheskie issledovaniya Novgorodskoyo zemli], Leningrad. pp. 173-184. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].
- Zaikov, 2018a – Zaikov K.S. (2018). Rossiisko-norvezhskoe pogranič'e v zarubezhnoi istoriografii XX – nachala XXI vv. [Russian-Norwegian frontier in foreign historiography of the twentieth – early XXI centuries]. *Arktika i Sever*, nr. 30, pp. 60-75. [in Russian]
- Zaikov, 2018b – Zaikov K.S. (2018b). Rossiisko-norvezhskoe pogranič'e v otechestvennoi istoriografii XIX – nachala XXI veka [Russian-Norwegian frontier in the national historiography of the twentieth - early XXI centuries]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, nr. 2, pp. 27-39. [in Russian]
- Andresen, 1983 – Andresen A. (1983). Russiske Østsamers Rettigheter i Norge 1826–1925. Myndighetspolitikk og Rettighetsproblematikk. Hovedoppgave i Historie, Tromsø.
- Andresen, 1989 – Andresen A. (1989). Siidaen som forsvant. Østsamene i Pasvik etter den norsk-russiske grensetrekningen i 1826, Kirkenes.
- Brock, Solberg, 1938 – Brock U.M., Solberg O. (1938). Finnmark omkring 1700, hefte 1. Nordnorske Samlinger I, Oslo.
- D-RA** – the Danish National Archive.
- Hansen, 1996 – Hansen L.I. (1996). Interaction between Northern European Sub-Arctic Societies during the Middle Ages. Indigenous Peoples, Peasants and State Builders, Two Studies on the Middle Ages, Ed. by M. Rindal. *KULTs Skriftserie*, no. 66, pp. 31–95.
- Hansen, Schmidt, 1985 – Hansen L.I., Schmidt T. (1985). Major Peter Schnitlers. Grenseeksaminasjonsprotokoller 1742–1745, Oslo, vol. III.
- Johnsen, 1923 – Johnsen O.A. (1923). Finnmarkens politiske historie, aktmæssing fremstillet, Skrifter utgitt av Det norske videnskapsakademi i Oslo, II, Hist. fil. Klasse, Kristiania.
- Lunde, 1979 – Lunde A. (1979). Sør Varanger Historie Med bidrag av Povl Simonsen og Ørnulv Vorren, Vadsø.
- Nakken, 2000 – Nakken A. (2000). Sentraladministrasjonen i København og sentralorganer i Norge 1660–1814, Oslo.
- Nielsen, 2014 – Nielsen J.P. (2014). Russland kommer nærmere: Norge og Russland, 1814–1917. Oslo. P. 643.
- Nissen, Kvamen, 1962 – Nissen K., Kvamen I. (1962). Major Peter Schnitlers. Grenseeksaminasjonsprotokoller 1742–1745, vol. I, Oslo.
- Olsen, 1987 – Olsen B. (1987). Stability and Change in Saami Band Structure in Varanger Area of Arctic Norway, AD 1300–1700, Norwegian Archaeological Review, no. 2, vol. 20, pp. 65-80.
- Pontoppidan, 1795 – Pontoppidan C.J. (1795). Geographisk Oplysning til Cartet over det nordlige Norge: i tvende Afdeeler: uddragne af de bedste til Cartet brugte locale Efterretninger, Kiøbenhavn.
- RA** – the Norwegian National Archive.
- Roginsky, 2005 – Roginsky V.V. (2005). *The 1826 Delimitation Convention between Norway and Russia: a Diplomatic Challenge, Russia – Norway. Physical and Symbolic Borders*, Ed. by T.N. Jackson, J.P. Nielsen, Moscow, pp. 162-168.
- Sergejeva, 2000 – Sergejeva Je. (2000). The Eastern Sami: a short account of their history and identity. *Acta Borealia*, nr. 17 (2), pp. 5–37.
- Solberg, 1945 – Solberg O. (1945). Lilienskiolds Speculum Boreale II. I Finnmark omkring 1700. Nordnorske Samlinger IV og VII, bind 3, Oslo.
- Solem – Solem E. 1933/1970. Lappiske Rettsstudier. Institutt for Sammenlignende Kulturforskning. Serie B, Skrifte XXIV. Oslo.
- Tanner, 1929 – Tanner V. (1929). Antropogeografiska studier inom Petsamo-området. I. Skolt – Lapparna, Helsingfors.
- Tønnesen, 1979 – Tønnesen S. (1979). Retten til jorden i Finnmark, Bergen.
- Troshina et al., 2018 – Troshina T.I., Avdonina N.S., Zadorin M.Yu. (2018). «The Last Frontier of the Russian Civilization»: the Economic and Demographic Aspects of the Territorial Integrity of the State in the Far North-East. *Bylye Gody*, 49(3), pp. 1125-1139.

Vereshchagin, Zadorin, 2017 – Vereshchagin I.F., Zadorin M.Y. (2017). Ethnopolitical Landscape of Arkhangelsk Governorate at the turn of the century: the end of XIX – the beginning of XX centuries (based on the materials of the diocesan press). *Bylye Gody*, 45(3), pp. 1044-1062.

Wikan, 1995 – Wikan S. (1995). Grensebygda Neiden. Møte mellom folkegrupper og kampen om ressursene, Svanvik.

Zadorin, 2018 – Zadorin M. (2018). The doctrine of “common territory” versus “terra nullius”: political geography in the political and legal context of Spitsbergen’s status in the late 19th century // *IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci.* 180 012002.

Zaikov, Tamitskiy, 2016 – Zaikov K.S., Tamitskiy A.M. (2016). Finnish Factor in the History of the Northern Frontier of the Russian Empire 1809-1855. *Bylye Gody*, 41(3), pp. 621-641.

Zaikov, Tamitskiy, 2017 – Zaikov K.S., Tamitskiy A.M. (2017). Lapp Crafts In The History Of The Russian-Norwegian Borderland In 1855-1900. *Bylye Gody*, 45(3), pp. 915-927.

Zaikov, Troshina, 2017 – Zaikov K., Troshina T. (2017). Local Society Between Empire And Nation-State: The Russian-Norwegian Borderland In The Context Of Bilateral International Relations In The Far North, 1855-1905. *Ab Imperio*, nr. 4, pp. 139-175.

Этнокультурное пространство восточных саамов (скольтов) северного фронта России и Норвегии – Дании в XVIII в.

Константин Сергеевич Зайков ^{a, *}, Наталья Сергеевна Авдонина ^a

^a Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена малоизвестным страницам истории северного фронта – российско-норвежского пограничья, а именно описанию этнокультурного пространства восточной, православной группы саамов (скольтов) в XVIII в. На основе широкого комплекса источников, из архивов России и Норвегии авторы реконструируют границы территориальных владений саамских коллективов, их половозрастную структуру, а также демографическую ситуацию в погостах скольтов.

Авторы статьи демонстрируют, что статусная позиция старосты коллектива как административного и политического лидера погоста среди скольтов с XVIII в. стала усиливаться. Институт старост стал носителем функций исполнительной и судебной власти погоста, что поощрялось российской уездной администрацией.

Пределы хозяйственной деятельности коллективов скольтов, могли быть шире административных границ сийтов и наоборот. В связи с этим описываемые границы погостов в норвежских и российских источниках – это лишь представление локальной и региональной власти о наличии фиксированных административно-хозяйственных границ коллективов. Данное различие обусловлено асимметрией в восприятии пространства полукочевым саамским населением пограничья и российской администрацией.

Реконструкция демографической ситуации в коллективах скольтов свидетельствует, что в течение XVIII в. наблюдалось постоянное снижение популяции коллективов, сопровождавшееся сокращением промысловых угодий, подвижностью хозяйственных границ и постепенным заселением территорий скольтов норвежскими саамами.

Ключевые слова: российско-норвежское пограничье, Крайний Север, фронт, граница, саамы, скольты.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: k.zaikov@narfu.ru (К.С. Зайков), n.avdonina@narfu.ru (Н.С. Авдонина)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 51. Is. 1. pp. 41-54. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.1.41
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Siberian Branch of Kasimov Tartar Princes of Tonkachev: to the History of Ichkino's Tartars

Andrej V. Belyakov ^a, Denis N. Maslyuzhenko ^{b, *}, Gayaz H. Samigulov ^{c, d}

^a Institute of Russian history of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

^b Kurgan state university, Russian Federation

^c South-Ural state university, Russian Federation

^d Foundation Assistance for the Preservation of Cultural Heritage "Public Foundation "South Urals", Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the Siberian branch of Tonkachev's dynasty of service class tartars, and in broader terms it shows the specific nature of formation of groups of service class Tartars/Meshcheriaks in Zauralie. On Tonkachev's example one of the sources of formation of those Zauralie's groups is shown – the groups of service class Tartars of Temnikovskiy, Alatorskiy Saranskiy and other uyezds, emigrating east of the Urals due to the policy of Christianization, going on in 1710. Descendants of Bekmamet Tonkachev, moving into Ichkino's yurts on the Iset, managed to take quite a high position in the group of Ichkino's Tartars, in particular, their names are mentioned in the documents in connection with the elections of deputies into Ulozhennaya commission (the name temporary collegiate organ in Russia in the XVIII century. The main personage of the study, Fazil Ibragim-ogly Tonkachev, was an authoritative personality among the inhabitants of Mogil'skaya (Ichkinskaya) volost of Chelyabinsk uyezd. But his activity was not limited with the volost borders – together with other Ichkino's Tartars he served, and as an educated person took part in diplomatic missions to the East, obviously as an interpreter. The conducted study has given the opportunity to prove the information on F.Tonkachev's gravestone and add to it, the study also shows on the exact examples that the Tonkachevs saved their leadership in a new situation. At the same time empire regime willingly used their authority and education, as well as because of the fact that some members of other branches of this family also served in departments for foreign affairs. The accomplished work arises new problems in a general picture of history of formation and development of service class Tartars in Zauralie in XVIII – the beginning of XIX centuries.

Keywords: Ichkino's Tartars, Kasimov kingdom, service class Tartars, the Tonkachevs.

1. Введение

На территории Среднего Приоболья (территория современной Курганской области) на данный момент фиксируется только одна группа автохтонного татарского населения – так называемые "ичкинские татары". Несмотря на некоторые фольклорные источники, согласно имеющимся архивным документам, начальный этап формирования этой группы относится к последней четверти XVIII в. По всей видимости, ичкинские татары формировались на протяжении второй половины XVII–XVIII вв. в результате взаимодействия четырех основных групп. Среди них выделяются представители тобольских служилых татар Сейдяшевых и их окружение, выходцы из казанского Поволжья, а также довольно большая группа служилых татар, переселившихся в Зауралье ориентировочно в 1710-х гг. (Самигулов, 2015: 105–111). Наличие среди них определенной части населения, связанной именно с западносибирским тюркоязычным населением (возможно, местные

* Corresponding author

E-mail addresses: belafeb@gmail.com (A.V. Belyakov), denmas13@yandex.ru (D.N. Maslyuzhenko), gayas_@mail.ru (G.H. Samigulov)

тюрки Терсятской волости), подтверждается недавно полученными в ходе совместной работы специалистов из Омска, Челябинска и Кургана данными этнографии, в частности наличием на кладбище ичкинских татар с. Кызылбай особых ритуальных деревьев (Татауров, 2017: 170–174). Среди всех групп урало-поволжских и сибирских татар эта группа населения является наименее изученной, так же, как и связи ее представителей с татарами иных территорий. Именно этим фактором определяется актуальность нашей статьи.

2. Материалы и методы

2.1. Своего рода посылом к исследованию стал текст надписи, сохранившейся на могильном камне, и разночтения в его переводах и последующих трактовках. Речь идет об одном (из двух хранящихся в Альменевском районном историко-краеведческом музее Курганской области) могильном камне (высота – 180 см, ширина – 44 см, толщина – 11 см) с двухсторонней надписью арабским шрифтом, которая ежегодно подновлялась тушью.

По информации, предоставленной директором этого музея А.М. Кидрасовым, в конце 1950-х годов местными властями было принято решение о прекращении захоронений на старинном (первоначально бывшем чисто мусульманским) альменевском кладбище, которое постепенно оказалось не на окраине, как было изначально, а в черте села. В начале 1960-х годов на этом месте организовали парк, причем никакого перезахоронения не производилось. Многочисленные надгробные камни, написанные на старотатарском языке, со временем из парка исчезли, в том числе, возможно, были использованы для сооружения фундамента одного из домов райцентра. В парке остались надгробные камни Ф.И. Тонкачеву и имам-хатыбу Тухватулле Анварову, который умер во второй половине XIX века. Плита Тонкачева стояла в парке до начала 1980-х годов. Затем ее свалили и стали обращаться с ней неподобающим образом, после чего по просьбе старейшин села камень перенесли на хранение в альменевский музей «Дружба».

Разночтение в имеющихся переводах текста на плите показывает, что это, скорее, пересказ, чем дословный перевод, который мог бы быть основанием для дальнейшей реконструкции биографии Ф.И. Тонкачева. В связи с этим фотографии плиты были переданы для чтения специалисту из Болгар Джамилю Габдрахимовичу Мухаметшину. Ниже мы предлагаем сделанную им транскрипцию и перевод в текстах, лакуны связаны с тем, что после переноса в музей подновление тушью было прекращено, по этой причине некоторые символы по фотографиям не читаются.

Лицевая сторона

Чтение:

1. һәзиһи мәркаде дәмүлла Фазыйл ибен Ибраһим
 2. Тәнкәчев әл-мәрхүм дәмүлла Фазыйл
 3. ибен Ибраһим Тәнкәчев 1826
 4. нче йылда тәхминә 70 йәшендә
 5. дарел-бәкайә рихләт әйләбдин
 6. Аллаһы Тәгалә гарикы рәхмәт бәхрик
 7. Каргалы шәһәрәндә, вә Кабул шәһәрәндә
 8. Фәисхан ишандин укуб,
 9. хәтем гыйлем вә фәнүн кыйлмышта
 10. падша импиратор – падишаһ әгъзәмнен
 11. фәрмәне берлән Истамбул
 12. шәһәрәнең солтанга илче буллуб
 13. барыб хаж кыйлыб кайтыр йу-
 14. лында Бохара-шәрифкә дибу-
 15. тат- илче кыйлыб йөрөб,
 16. ...ган һәр төр лөгәткә
 17. ... сәбәбле хезмәт кушкан
 18. күб сәйәхәт кыйлыб дәр-
- Перевод.
1. Это гробница муллы (мудариса) Фазила, сына Ибрагима
 2. Танкачева. Покойный мулла (мударис) Фазил сын Ибрагима
 3. Танкачев в 1826
 4. году приблизительно 70 лет (от роду)
 5. в мир вечности ушел.
 6. Да будет милость Аллаха Всевышнего.
 7. В городе Каргали и в городе Кабуле,
 8. получив образование у ишана Фаисхана,
 10. императора падишаха великого
 11. повелению и в Истамбуле
 12. городе, послом султана
 13. побывав, посетил хадж. На обратном пути

14-15. был послом в Бухаре.
 16-17. Зная языки, выполнял много поручений,
 18. много путешествовав...
 Обратная сторона.
 Чтение.

1. гакыйлвэгалымэл-канун буллуб
2. Аллаһы Тэгалә
3. муафик кыйлган
4. айбакин таифәсенен
5. ихтиңма әйдүб күб хәйерләр
6. алыб бирде
7. гөшер әл-Корьән садака
8. бохария калдырган бул-
9. гаенча әл-Корьәнел Кәрим
- 10... буллуб мәшһүр
11. бер газиз әдәм булган. Аллаһуммә
12. нәүвәрә каберини вә .. дахилиһа
13. әл-фирдәүси. Амин. Бу
14. йаднамәне Троицк кальгасендин
15. йаздырыб бирдем
- 16... мулла Мөхәммәд ибен дәмүлла

Перевод.

1. бывший ученым по мусульманскому закону
2. Аллах Всевышний
3. соответствующий
4. из рода айбакин,
5. приложив многие старания, много подаяния
6. собрав,
7. соответственно Корану десятую часть подаяний
8. оставив в Бухаре,
9. Священный Коран
10. ...бывший известным,
11. святым человеком был. Да Аллах
12. освятит его могилу ...
13. райским садом. Аминь. Эту
14. надпись в городе Троицк
15. сделал.
16. мулла Мухаммад, (его) дамүлла.

Как мы увидим далее, отдельные нюансы профессионального перевода, несмотря на имеющиеся лакуны, значительно отличаются от приведенных в краеведческой литературе и Интернете. Кроме того, представленный рассказ не является полностью хронологическим и, возможно, мифологизирует отдельные нюансы биографии так, как их понимали современники Ф.И. Тонкачева. Более сложный вопрос в том, можно ли подтвердить эту информацию иными источниками? Для его решения нами были привлечены неопубликованные источники из фондов Государственных архивов Оренбургской и Рязанской областей, Национального архива Республики Башкортостан, Объединенного государственного архива Челябинской области, Российского государственного архива древних актов и Центрального государственного архива республики Мордовия. Кроме того, были использованы мемуары русского посла в Бухаре Я.П. Гавердовского, отдельные законодательных акты Российской империи из Полного собрания законов Российской империи, а также ревизские сказки за 1811 и 1858 гг. Перечисленные источники позволяют выявить основные этапы формирования сибирской ветви Тонкачевых, их вовлеченность в политику Российской империи.

2.2. Методы исследования

Методы исследований определяются исходной ситуацией и весьма слабой обеспеченностью источниками на момент начала работ. Как будет показано далее, мы столкнулись с ситуацией, когда определенная трактовка истории уже сложилась. В качестве основы интерпретации использовался вольный пересказ перевода надписи на могильном камне, дополненный представлениями о местной истории. При написании текстов предыдущего периода практически не использовались архивные материалы. Совершенно логично, что в качестве методов, используемых в настоящей работе, были выбраны историко-генетический и нарративный.

Первый из указанных методов наиболее оптимален, когда речь идет о формировании первичной источниковой базы и построении на ее основе реконструкции процессов и событий. В результате его использования нам удалось, оттолкнувшись от текста на могильной плите

Ф.И. Тонкачева, собрать материалы, позволившие детализировать некоторые моменты его биографии, объяснить причины возникновения неверных трактовок отдельных эпизодов его жизни. Но есть и второй слой – мы смогли проследить происхождение зауральской линии Тонкачевых, причины их переселения в эти края и достаточно важную роль, которую они играли в сообществе местных служилых мещеряков (татар) на протяжении XVIII–XIX вв. Использование нарративного метода позволило нам изложить выявленные материалы и основанные на них интерпретации в виде непротиворечивого текста, обозначив, однако, оставшиеся непроясненными и вновь возникшие вопросы.

3. Обсуждение

Впервые информацию об этой плите использовали еще в популярной книге о Курганской области в 1993 г.: «В этой могиле покоится прах муллы Фазылы Ибрагим-оглы Тынкачева. Мулла Фазыл Ибрагим-оглы Тынкачев скончался в 1826 году в 70-летнем возрасте, да благословит его Аллах. Фазыл Ибрагим-оглы Тынкачев учился в Каргалах и Кабиле, где изучил разные фарсидские и арабские языки. Ввиду его высокой грамотности по распоряжению государя императора он был назначен посланником в Стамбул к султану для заключения мирного договора. На обратном пути он совершил хадж в Мекку. По возвращении был назначен посланником к бухарскому эмиру, много путешествовал. Как вознаграждение ему были пожалованы земли и пять деревень» ([Курганская область, 1993: 54](#)).

Приведенный вариант адаптации надписи на русский язык неоднократно цитировался на различных ресурсах в интернете, хотя в краеведческой литературе можно встретить и иной перевод: «Фазыл Ибрагим-оглы Тынкачев умер в 1826 году в возрасте 70 лет. Учился он в Каргалах (что под Оренбургом), затем в Кабуле. По поручению императора ездил в Стамбул, далее совместно с султаном совершил хадж (паломничество) в Мекку. Позже был в Бухаре..., вообще много путешествовал. Он был умным, образованным, благородным человеком и много старался за интересы общины ичкин, для которых достал обширные земли» ([Шакирова, 2011: 13–14](#)).

Информацию надписи на могильной плите явно использовал автор главы, посвященной Альменевскому району, в многотомном издании «История Курганской области» В.М. Щур ([Щур, 1999: 298–300](#)). В книге приведен достаточно развернутый рассказ о Ф.И. Тонкачеве. В качестве источника он использовал пересказ текста в газетных публикациях краеведческого характера, в первую очередь Ф.И. Шакировой.

4. Результаты

Начнем с выявления происхождения и основных этапов эволюции династии Тонкачевых, в результате которых часть их представителей оказалась в Западной Сибири. Ризаэдин бин Фахреддин считал, что Тонкачевы были переселенцами из Касимова ([Фахреддин, 2006: 275](#)). О происхождении одного из предков Ф.И. Тонкачева в одном из документов также сказано: «Касимовец Тильмаммет мурза Тонкачев, да темниковец Бегей мурза Ишкаев», касимовцами называл себя и своего отца Тильмаммета и сын Тильмаммета, Давыд ([ЦГАРМ. Ф. 22. Оп. 1. Д. 79. Л. 35](#)).

В настоящее время можно достаточно уверенно говорить о том, что Тонкачевы являются кипчакским родом. При этом в Сибири они появились не ранее первой трети XVIII в. В настоящее время известны три родословные росписи Тонкачевых, обнаруженные в РГАДА, а также Астраханском и Саратовском архивах. Их анализ позволяет довольно подробно представить историю этой семьи. Первый представитель рода появился в русских землях где-то в середине XV в. Это был князь Исень Кипчатский. Скорее всего, в Москву он попал в окружении царевича Касима б. Улуг-Мухаммеда. Наиболее древняя часть родословной росписи выглядит следующим образом: кн. Исень – кн. Бучак – кн. Тонкач – Салтанахмет мирза – Джангалыч мирза – кн. Емаш. Кн. Емаш жил в конце XVI в. ([Акчурин и др., 2018: 319–320, 325](#)). Косвенно это подтверждает и другой документ: «Выписано в Посолском приказе из выезжих книг. Лета 7001-го года выех[ал] из Золотой Орды с цари татарскими с Мухамет ханом с Хезбарах ханом ближний их князь Исень Кипчацкой, Мосин сродской¹, он же Мансырев черной кипчак» ([РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 740. Л. 250](#)).

Первым документально зафиксированным представителем рода стал Тонкач. В 1491 г. он во главе отряда касимовских (городецких) татар принял участие в неудачном походе касимовского царевича Сатылгана против Большой Орды. Можно предположить, что после пресечения первой касимовской династии (царевичи Касим и его сын Даньяр), Тонкач становится лидером оставшихся после них служилых татар. На протяжении XVI – начала XVII вв. отдельные члены семьи также встречаются на страницах российской истории. При этом они всегда связаны с Касимовым. В городе они обладали высоким статусом. Скажем, что в 1600 г. один из Тонкачевых, «кипчак Тукай бик» (кн. Тюгей б. кн. Булуш б. Салтангалыч мирза б. Салтанахиет мирза) был среди четырех касимовских беков, поднимавших на кошке нового касимовского царя Ураз-Мухаммеда б. Ондана при его провозглашении. Его отец, князь Болуш князь Салтангалычев сын, упоминается в трех записях 1594 г., в которых он производит отдел поместья служилому татарину в с. Подлипки, во всех трех документах

¹ по буквам «срдской»

приложена его печать. По всей видимости, он занимал какую-то административную должность. Внучка Болуша, Девлет-пача Смолянова, станет супругой сибирского царевича Алтаная б. Кучума (Беляков, 2018: 383–384). В процессе разрастания семьи из нее выделился ряд родов (Кикечевы, Булушевы (Болушевы), Альшевы, Емашевы, Кипчатцкие). При этом они продолжали помнить о своем едином происхождении и долго не забывали общее родовое прозвище – Тонкачевы (Акчури и др., 2018: 317–324).

Нам известно несколько десятков представителей рода в XVII в. Благодаря сохранившемуся имени предполагаемого деда Фазила – Бекмамета, мы можем предположить, что дальнейшая родословная выглядела следующим образом: кн. Емаш – Ураз мирза – Сорей (Сарбей, Садей, Согей) – Ибрагим – Бек (Бекмаммет) – Ибрагим – Фазил. О Беке нам известно, что ему принадлежало село Михайловское (Рузаевка тож) Саранского уезда и сельцо Семилова Касимовского уезда. За отказ принятия православия по указу от 3 ноября 1713 г. царя Петра Алексеевича, объявленному из Сената о крещении в Казанской и Азовской губерниях магометан, у которых в поместьях и вотчинах находятся крестьяне православной веры (ПСЗ, 1830: т. 5, № 2734, с. 66–67), Бек потерял своих православных крестьян. У отдельных представителей рода отписали в казну и их земли. Давыд Тинмамметев, троюродный дядя Бека, смог вернуть свои угодья только в 1728 г. (Габдуллин, 2006: 257–258). По родословной у Бека было три сына: Иль, Хан и кн. Василий. Ибрагим не упоминается. Возможно, это указывает на то, что будущий сотник Ичкинской волости родился уже после отъезда своего отца из Касимова.

Первоначально землевладение рода находилось в Касимовском и Елатомском уездах. Но постепенно с его разрастанием им жаловались земли на иных территориях. Так, в 1632 г. Уразаю Емашеву дали поместье в Алаторском уезде (Акчури и др., 2018: 314). В 1642 г. он же получил ввозную грамоту на жеребей пустоши дикого поля на р. Пишлее Верхмокшанского стана Темниковского уезда (ГАРО. Ф. 98. Оп. 4. Д. 27. Св. 7. Л. 13). На рубеже XVII–XVIII вв. землевладение рода оказалось разбросано по многим уездам. Помимо уже отмеченных, – это Кадомский, Свяжский (Белокуров, 1906: 146–147), Саранский, Керенский (два последних ранее целиком входили в состав Темниковского уезда) уезды (Габдуллин, 2006: 257–258).

Таким образом, не подтверждается точка зрения И. Биккинина о том, что князья Тонкачевы жили на территории Темниковского княжества. Хотя один из Тонкачевых действительно владел Рузаевкой Саранского уезда, что может косвенно свидетельствовать о том, что ее основателем мог быть Ураза (мирза Ураз из родословной) Тонкачев (Акчури и др., 2018: 324). С помощью документов мы можем уточнить некоторые моменты постепенного разделения этого семейного клана на отдельные ветки в процессе увеличения их владений: «прошлаго 185 году декабря в 19 день написано: велено им ехать в Саранской уезд на дикое поле на степную сторону по реке Инзаре, что смежно с мордовскимю с Кажаем Налитовым, по челобитью посольского приказу перевотчика Абдула Байцына, да саранских и темниковских и касимовских мурз и татар Тилмаметя мурзы Тонкачева, да Кузембая Бегеева, да Княска Дружинина с товарищи дватцати четырех человек» (ЦГАРМ. Ф. 22. Оп. 1. Д. 76. Л. 34 об.). Из текста выписки из указа об «отказе» земли мурзам и татарам можно сделать вывод, что речь шла не о наделении землей на новом месте, а скорее, о пожаловании дополнительных угодий. Об этом свидетельствуют следующие строки: «Телмаметю мурзе Тонкачеву да саранским татаром... против их челобитья посколку им земли объявитца к старым их поместьям: ... Тилмаметю Тонкачеву к сорока двум четвертям... в их оклады ... Тилмаметю Тонкачеву в четыреста четвертей» (ЦГАРМ. Ф. 22. Оп. 1. Д. 76. Л. 35).

Можно уточнить и время ухода части Тонкачевых на восток, на Урал и в Зауралье. В одном из спорных дел о земле в районе Рузаева говорится: «Та земля якобы со всеми крестьянами означенного села Рузаевки бывшими с 1715 года во отписке в казенное ведомство из-за мурз Тонкачевых за невосприятие ими веры греческого исповедания» (ЦГАРМ. Ф. 22. Оп. 1. Д. 76. Л. 254 об.), хотя в приведенном ранее документе говорится о 1713 г. Как бы то ни было, уход части Тонкачевых из Саранского уезда приходится на середину – вторую половину 1710-х годов. Есть версия, что первоначально они ушли в Прикамье, в Таныпскую волость. Так, И. Биккинин пишет, что в конце XVII в. в период христианизации темниковских и касимовских служилых татар часть Тонкачевых, не желавших принимать крещение, переселилась на пермские земли, в Барду (Биккинин, 2013: 15). Опирается он на материалы Д.Б. Рамазановой, в работе которой отмечено: «В архивных документах 1-й половины XVIII в. зафиксирована фамилия (Бекметко) Тонкачев. Этот мурза со служилыми мещеряками деревень Качаровой и Мулиной Таныпской волости (ныне Бардымский район Пермской области) переселился в 1735 г. в ичкинские юрты» (Рамазанова, 1991: 76).

Но при обращении к первоисточнику, то есть архивному документу, на который ссылается Д.Б. Рамазанова, оказалось, что он был несколько неверно интерпретирован. Исходный документ представляет собой доношение начальника Оренбургской комиссии князя Урусова в Правительствующий сенат от 31 декабря 1741 г., в котором сказано: «В доношении Исецкого дистрикта Ичкинских юрт мурза Бекметка Тонкачева написано: в прошлом, 1735-м году в летнее время пришли от башкирского разорения Уфимского уезду Осинской дороги Таныпской волости деревни Качаровой да деревни Мулиной служилых мещеряков дети Ишмет Исенбаев, Умер Чизмакаев в Ичкинские юрты для житья, в которых поныне живут. А на прежних де жилищах в ясак

они не положены, а были праздно. Ныне же желают они записаться в помянутыя Ичкинския юрты и там платить ясак против протчих ясашных татар без доимки и об записании их в объявленный ясак Исетская провинциальная канцелярия требовала резолюции» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 136. Л. 95). Таким образом, в 1735 г. в Ичкинские юрты из Таныпской волости переселился не Бекмет Тонкачев, а некие дети служилых мешчеряков, Исенбаев и Чизмакаев. Из этого же документа следует, что мурза Бекмет Тонкачев в 1741 г. выполнял в Ичкинских юртах некие административные функции.

Есть еще информация 1743 г. о двух представителях рода Тонкачевых: Василье и Алексее. Алексей Тонкачев в 1743 г. занимал должность Оренбургского комиссара городских и акцизных сборов, причем И.И. Неплюев запрашивал в Сибирской губернской канцелярии: «Оной Тонкачев, будучи в ведомстве оной губернии, жалованье получал ли и буде получал, то по какому окладу и по которое время дача ему кончилась, которое известие получа, потому доложить, так же и из губернского штату, выключен ли и когда и для чего» (ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15. Л. 18). Кроме того, у Алексея Тонкачева вычитали из жалованья по 10 руб. для отдачи долга племяннику архиерея Сибирской губернии схимонаха Федора, Ивану Лещинскому (ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15. Л. 20 об.). Кроме того, в 1743 г. разбиралось дело «По челобитью деревни Ичкиной ясашных татар Себердка Тюлекина со товарищи в чинимых той деревни татарам, татаринном Васильем Тонкачевым, который над ними определен старшиной», при этом в записи отмечается, что жалобы на самоуправство Василья Тонкачева неоднократно подавались и ранее (ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15. Л. 35 об.–36).

Здесь необходимо пояснение: территории по Исети, где находились юрты ичкинских татар до 1738 г., относились к ведению Исетского дистрикта (уезда) Сибирской губернии. В 1737–1738 гг. была создана Исетская Зауральская провинция, подчиненная Оренбургской комиссии, а впоследствии вошедшая в состав Оренбургской губернии. Территории Исетского, Шадринского и Окуневского дистриктов были переданы из Сибирской губернии в ведение Исетской провинции. Таким образом, ичкинские татары перешли из ведомства Сибирской губернии в Исетскую провинцию. Исходя из сказанного выше, мы можем предположить, что Тонкачевы переселились в 1710-е годы сразу в Зауралье, в Ичкинские юрты. В таком случае у них было достаточно времени, чтобы освоиться на новом месте и занять довольно высокие позиции в местной иерархии. Как мы видим, Бекмет Тонкачев выступал в 1741 г. от имени ичкинских татар. В 1743 г. Василь Тонкачев являлся старшиной Ичкинских юрт, вполне возможно, тот самый сын Бекмета, упоминавшийся выше. Сложно сказать, кто фигурирует в документах под именем Алексея Тонкачева, может быть, это также сын Бекмета – Аль.

Уточним, что для 1740-х гг. речь идет об ичкинских юртах, располагавшихся в Приисетье. Постоянных поселений ичкинских татар на территории нынешнего Альменевского района Курганской области в это время еще не было, первые 35 дворов были поселены здесь лишь по указу Оренбургского губернского правления 1766 г. (ОГАЧО. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 44. Л. 13–14). Таким образом, Ризаэтдин бин Фахрутдин был прав и не прав одновременно: Тонкачевы были выходцами из касимовских мурз, но с 1670-х гг. они были помещиками земель в Саранском уезде, откуда часть рода ушла в Зауралье, не желая принимать крещение.

Как уже отмечалось, Тонкачевы довольно быстро вошли в верхнюю страту группы ичкинских татар. В 1767 г. сотник Ибрагим Тонкачев был избран одним из выборщиков депутатов Уложенной комиссии от ичкинских татар (Кулбахтин, Кулбахтин, 2005: 259–261). В 1774 г. старшиной ичкинских татар был Селим-Явгер Тонкачев (РГАДА. Ф. 429. Оп. 1. Д. 59г. Л. 10, 18 об.). Если мы обратимся к ревизским сказкам 1811 г. Терсятских юртов, которые входили в состав Ичкинской волости на Исети, то обнаружим там целый клан Тонкачевых. Причем практически все они записаны с полным именем – имя, отчество и фамилия. Двое из них обозначены как мурзы: скончавшийся в 1805 г. «мурза походный старшина Селим-Жегсар Тонкачев» и «мурза Салей Тонкачев», умерший в 1797 г. (Терсятских юрт татара 1811: Л. 220, 221 об.) Примечательно, что Тонкачева (Тынкачева) из Альменева в ревизских сказках 1811 г. можно определить, но без гарантий точности: у него указаны лишь имя и отчество: «Фазыл Ибрагимов», возраст – 57 лет (НА РБ. Ф. И-138. Оп. 1. Д. 129. Л. 75). Такой вариант записи (без фамилии) был совершенно обычным. За редким исключением татары и башкиры стали использовать фамилии лишь в конце XIX – начале XX в.

Во второй половине XVIII в. представители основной линии Тонкачевых занимали различные административные должности в Астрахани, Ирбите и Касимове. При этом в Астрахани в 1790 и 1791 гг. судьей в уездном суде значится коллежский асессор князь Муса Тонкачев (Месяцеслов..., 1790: 366; Месяцеслов..., 1791: 376). Это явно мусульманин, который смог дослужиться до чиновника 8 класса. Но самое главное, он отмечен как князь. Скорее всего он удачно воспользовался указом Екатерины II от 22 февраля 1784 г., дозволявшим возвращение мусульманам (князьям и мурзам татарским) прав дворянского достоинства (ПСЗ, 1830: т. 22, № 15956, с. 51–52). Для нас также немаловажно, что князь Муса являлся дедом подавшего в 1803 г. прошения о признании за ним дворянского происхождения недоросля князя Тонкачевеа Юсупа Сулеймановича. Именно в этом деле сохранилась наиболее детальная из родословных росписей. Важно то, что в ней приводятся сведения о значительном количестве боковых ветвей рода.

Небезынтересен и тот факт, что Муса первоначально нес службу в «ведомстве государственной иностранной коллегии» и только под конец жизни стал судьей. Его сын, Сулейман, предпочел военную службу. По-видимому, он умер довольно молодым, возможно, еще до смерти отца,

дослужившись только до поручика (РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 740. Л. 240–251). Это не первый представитель семьи, несший службу во внешнеполитическом ведомстве. В Посольском приказе с 1675 г. в переводчиках татарского языка служил и дядя Бека Ибрагимов, Сулейман Сагеев. Его, в частности, посылали в Крым с посланником стольником И. Сухотиным в 1679/80 г. и в Стамбул с дьяком П. Возницыным в 1680/81 г. (Белокуров, 1906: 146–147). Он встречается в Посольском приказе до апреля 1706 г. В ноябре 1703 г. здесь же отмечен как переводчик Кутлумабет Тонкачев (Гуськов, 2018: 129–131). Это много говорит нам об образовательном уровне членов семьи. Другим представителем рода был знаменитый суфийский шейх ишан Джагфар аль-Кулатки (1790–1862 гг.) из села Старая Кулатка Хвалынского уезда Саратовской губернии. Он являлся учителем Багаутдина Ваисова, основателя ваисовского движения. В автобиографии Багаутдин Ваисов назвал имя своего учителя как “дердеманд дервиш Хазряти Ишан Ягафар Сани Альбулгари Кипчакский” (Акчурин и др., 2018: 315–316; Кемпер, Усманова, 2001).

Нельзя не отметить, что в астраханской родословной дается подробная роспись рода до начала XVIII в. Далее приводятся сведения только об одной ветви. Говорит ли это о разрыве связей в семье? На настоящий момент мы не можем дать однозначный ответ. Но все же переписку между троюродными братьями, князем Мусой Резеповым и Фазылом Ибрагимовым, полностью отвергать не стоит. Ее наличие объяснило бы отдельные эпизоды из жизни последнего, в частности участие в посольских миссиях.

Фазыл Тонкачев был сыном сотника Ичкинской волости Ибрагима Тонкачева, то есть они были представителями сибирской линии касимовских мурз Тонкачевых. С уже указанного выше издания 1993 года принято писать о том, что он вместе с другим сотником Мансуром, сыном Субханкуल्या, ездил в Москву с наказом от ичкинских татар для участия в работе Уложенной комиссии Екатерины II. Однако, «Наказ ичкинских и устьбагаряцких служилых татар Исетской провинции» показывает несколько иную картину. В заглавной части документа говорится: «Перевод с приобщенного при сем татарского письма, полученного мая 13-го 1767 году, в котором по переводе значит ниже сего: 1767 года апреля 24 дня мы, ниже подписавшиеся от Оренбургской губернии Исетской провинции, выбранные от ичкинских и багарятских юрт служилых татары, поверенные сотники от ичкинцев из мурз Ибрагим Тонкачев, Мансур Супхангулов и команды нашей рядовые Абдулхалил Ашменев, мулла Альмухамет Ибрагимов, от багарятцов сотник же Абдрахман Марзагулов, рядовые Мухсин Уразов, и Валит Тимербеков к посылке в Москву в комиссию о сочинении проекта Нового Уложения, выбранному из наших команд нам по силе Манифеста Ея Императорскаго Величества декабря 14-го числа 1766 году депутату команды Ичкинских юрт мулле Альмухамету Ибрагимову препоручили мы усмотренные нами и всем с обеих сторон народом нашим общие недостатки и нужды представить где надлежит». При этом сотник мурза Тонкачев к подлинному татарскому письму приложил руку, то есть подписал, а остальные представители ичкинцев прикладывали тамги (РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Ч. 11. Л. 205–207; Кулбахтин, Кулбахтин, 2005: 259–261). Таким образом, из документа следует, что отец Ф. Тонкачева действительно был одним из лидеров татар Ичкинских юрт, участвовал в создании наказа для Уложенной комиссии, но в Санкт-Петербурге его в качестве избранного депутата представлял ичкинский мулла Альмухамет Ибрагимов, что подтверждается и известным списком депутатов (Ислаев, 2003). Возможно, Альмухамет был сыном Ибрагима Тонкачева и в документе просто не указана его фамилия, а назван он по имени и отчеству, что было обычным в отношении татарского и башкирского населения. Но это только предположение и подтвердить или опровергнуть его можно будет после выявления дополнительных документов.

Дату рождения Ф.И. Тонкачева определить довольно проблематично. Если верить информации с могильной плиты, то он умер в возрасте около 70 лет, ревизская сказка за 1811 г. дает ему на этот момент 57 лет, а за 1834 г. указывает на то, что в год смерти, то есть 1826 г., ему было 61 год. Таким образом, два из имеющихся документа в качестве года рождения указывают примерно 1754 г., лишь в более позднем она смещается на 1765 г. С учетом известной неточности в определении возраста в переписных документах можно говорить в целом о том, что Ф.И. Тонкачев родился примерно в середине 1750-х гг. (Терсютских юрт татара, 1811: л. 220, 221 об.; Ревизская сказка, 1834: л. 244).

Сын сотника получил хорошее мусульманское образование, причем не все учебные заведения указаны на камне. Первое образование он получил у Абдулвахаба бин Шарифа в Белебеевском уезде (Фахреддин, 2006: 275) или в альменевском медресе (Щур, 1999: 298), а затем уже поехал в Каргалы. Во второй половине XVIII – первой трети XIX вв. крупнейшим комплексом профессионального религиозного образования у татар были каргалинские медресе, которые являлись высшими исламскими учебными заведениями среднеазиатского типа (Хабутдинов, 2009: 72). Из надписи следует, что после этого он обучался в Кабуле у ишана Фаисхана. Скорее всего, речь идет о Фаизхане бин Хазурхане аль-Кабули, шейхе и ишане (руководителе) тариката Накшбанидийа-муджадидийа. У него получали образование многие известные мусульманские деятели этого времени (Фахреддин, 2006: 267, 271). Получение такого образования делало Ф.И. Тонкачева одним из наиболее образованных людей в Ичкинских юртах, что позволило привлекать его к государственной службе, которая отложилась в памяти потомков именно как посольская в Стамбуле и Бухаре.

Отметим, что в традициях Российской империи собственно послами всегда были только чиновники довольно высокого уровня, которые могли иметь дворянские титулы или военные звания

не ниже полковника, однако при них был довольно большой штат сопровождающих, в состав которых могли входить и знатоки мусульманской культуры и арабской письменности. На период жизни Ф.И. Тонкачева приходится деятельность в Стамбуле пяти российских дипломатических миссий: посланника Я.И. Булгакова (1781–1789 гг.), временного поверенного А.С. Хвостова (1792–1794 гг.), посла М.И. Голенищева-Кутузова (1793–1794 гг.), посланников В.П. Кочубея (1794–1798 гг.) и В.С. Томары (1798–1802 гг.). Во время деятельности первого из них отношения между Портой и Россией были более чем прохладными, в 1787 г. Я.И. Булгаков оказался в турецкой тюрьме, а сама возможность хаджа по турецкой территории для официальных членов миссии представляется маловероятной. Гораздо более привлекательным для нашего исследования выглядело известное посольство в Османскую Порту 1793–1794 г. под руководством князя М.И. Голенищева-Кутузова, в состав которого входило более 650 человек. Однако внимательный анализ перечня участников показывает, что, помимо официальных лиц из Санкт-Петербурга, в него входили лишь отобранные лично князем солдаты и мастеровые различных полков, а также многочисленные переводчики, актауриусы, участники хора, оркестра, обслуживающий персонал (Кутузов, 1950: 655–656). На данный момент нам не удалось обнаружить в перечне участников этого посольства Ф.И. Тонкачева. Очевидно, что необходим дополнительный поиск информации в Архиве внешней политики Российской империи в Москве, который бы подтвердил или опроверг эту часть информации на могильной плите. Однако о совершенном хадже из Стамбула в Мекку писал и Ризаэддин бин Фахруддин, который также указывал на посещение в это время Тонкачевым и Дагестана (Фахреддин, 2006: 277), еще одного важного центра ислама.

В начале XIX века Российская империя активно налаживала торговые отношения с государствами Средней Азии, в том числе конкурируя с Великобританией за транзитную торговлю с Индией, Китаем и другими азиатскими странами. Наиболее выгодный торговый путь в Бухару и Хиву пролегал через Оренбург. В 1802 году министр коммерции Н.П. Румянцев предложил ряд мер по налаживанию этой торговли, в том числе в условиях роста агрессивности отдельных казахских племен и предводителей, а также довольно непосредственной политики хивинских и бухарских лидеров. Одной из этих мер была отправка в Бухару чиновника, который сможет «исходатайствовать разные выгоды и преимущества по торговле российских подданных и преподать сюда верные сведения о делах тамошнего края и состоянии окружающих земель» (Гавердовский, б.г.). Им стал поручик Я.П. Гавердовский, который для исполнения миссии 23 февраля 1803 года прибыл в Оренбург. Здесь «...присоединились к сей миссии переводчики татарского, персидского, индейского и других восточных языков, чиновники для письмоводства, 15 человек русских казаков под начальством сотника, 10 тептярей с тремя хорунжими, а всего 50 человек». Среди них были переводчик, коллежский асессор К. Биктяшев и ахун Тонкачев, которые должны были «примечать обряды и обыкновения народов» (Гавердовский 2007: 158). Необходимо понимать, что перед посольством были поставлены цели не только «разведывания» экономики и общественного устройства Бухарского ханства, но и сбора основательных сведений по казахским жузам и территориям, которые они занимают. Для этого несколькими академиками были разработаны подробные инструкции по сбору информации (Ерофеева, 2007: 7–8), что подразумевало и наличие соответствующих знаний у сотрудников посольства.

Безопасность посольства должна была быть обеспечена присягами султана Ширгази, старшины мурзы Буранбая, детей тюрткаринского бия Каракубека и чумякейского батыра Курана (Гавердовский, 2007: 158–159), хотя в дальнейшем оказалось, что эти племена находились во враждебных отношениях (Гавердовский, 2007: 217). Отправившись 21 июля 1803 г. из Оренбурга, 12 августа оно подошло к владениям бия Каракубека, с которым встретилось 2 дня спустя. 23 августа дальнейшее продвижение было приостановлено по причине задержки со стороны бия. При посредничестве бухарского чиновника Мир-Низамудина, старшины Буранбая и ахуна Тонкачева были проведены переговоры, позволившие продолжить поход (Гавердовский, 2007: 221). Отметим, что привлечение представителей знатных семей касимовских татар к переговорам с казахскими ханами не было экстраординарной мерой и упоминается в источниках (ТРУАК, 1901: 276).

7 сентября стало известно, что посольство могут ограбить казахские племена, провозгласившие ханом Абул-Гази. Два дня спустя Я.П. Гавердовский предпринял безуспешную попытку переговоров с ними, для чего были отправлены имевшиеся в караване старейшины («вожаки») и мусульмане, среди которых по статусу должен был быть и Тонкачев (Гавердовский, 2007: 241–243). Однако посольство и караван были разграблены в 70 верстах от Сырдарьи, многие его участники попали в плен, а сам поручик и часть его людей при поддержке лояльных казахов 21 сентября появились в Орской крепости, 30 сентября вернулись в Оренбург (Гавердовский, 2007: 254–256; Ерофеева, 2007: 9–10).

Несмотря на провал официальной миссии Я.П. Гавердовского, в апреле 1806 г. на имя Н.П. Румянцева поступили «Замечания бывшего в 1803 г. в Бухаре поручика Якова Гавердовского о торговле России с Бухарой» (несмотря на всю абсурдность названия). Незадолго до отъезда из Оренбурга Я.П. Гавердовский познакомился с бухарским послом Мир Алауддин Мир Мухаммад Аминовым (Халфин, 1974: 71). В 1804 г. он прибыл в Петербург, и Гавердовский по личной инициативе счел нужным возобновить знакомство. Он сумел убедить ханского посла в необходимости поддерживать отношения, обмениваться текущей информацией как коммерческого, так и

политического характера. Связь между дипломатами не прервалась и после отъезда Аминова на родину. Интересно то, что она велась через бывшего переводчика миссии ахуна Тонкачева, который находился в Бухаре и регулярно переправлял оттуда письма (Никонов, 2009: 26). На данный момент сложно сказать, как именно Тонкачев оказался в Бухаре, но он играл определенную роль в русско-бухарской переписке. Кроме того, в Бухаре он выполнил обязательный закят, который автор надписи рассматривал как десятую часть дохода. Пребывание в Бухаре должно было еще более повысить статус Ф.И. Тонкачева, поскольку Бухара рассматривалась как один из важнейших центров мусульманского образования. Интересно то, что Тонкачев был сторонником татарского богослова и реформатора из аула Курса (ныне Арский район Татарстана), шейха тариката Накшбандийа Абуннасыра аль-Курсави (Фахреддин, 2006: 277), который учился и проповедовал в Бухаре в 1808 году, то есть фактически в то же время, когда там был и Тонкачев.

Получив столь разнообразное образование и опыт, он к концу 1800-х гг. вернулся на родину, где стал имамом общины, с чем связана еще одна легендарная и мифологическая история передачи ему 5 деревень из рук русского императора. На самом деле ситуация была несколько иной. В 1802 г. челябинским уездным землемером Головачевым было проведено межевание земель Могильской волости (так тогда называлась Ичкинская волость в официальных документах, а сама деревня Альменево называлась Могильной). 23 сентября 1810 г. это межевание было утверждено по решению Оренбургской межевой конторы споров землемером Владимировым. Но утверждение не означало простого подписания результатов работы Головачева, Владимиров выехал на место и в присутствии поверенных от всех волостей и слобод, которых касалось это межевание, обновил межевые знаки. Как было обозначено в межевом журнале, утверждалась межа «дачи деревни Могильной с деревнями: Учкулевой Шебай тож, Тузовой, Вишняковой Сорочья тож с их пашенными землями, санными покосы, лесными и протчими угоды, которые состоят во владении ичкинских служилых татар и беломестных казаков, от всех иных посторонних земель», в качестве представителя ичкинских татар указан «поверенный деревни Могильной с деревнями ичкинских служилых татар беломестных казаков Фазыл Ибрагимов сын Тонкачов» (ОГАЧО. Ф. И-46. Оп. 1. Д. 826. Л. 1, 41–41 об.). Фазыл Тонкачев представлял интересы своей волости и, очевидно, делал это вполне успешно, что и сохранилось в памяти земляков в несколько преувеличенном виде. Кстати, заметим, что в новом переводе надписи эта часть текста вообще отсутствует, что говорит даже не о преувеличениях предшествующих переводчиков текста надгробного камня, а, по сути, о добавлении ими отсутствующей информации. При этом была сделана и еще одна ошибка: деревень было не 5, а 4 – Могильная (Альменево), Учкулева (Шебай), Тузова, Вешнякова (Сорочья). Кстати, сам план земель Могильской волости тоже сохранился (ОГАЧО. Ф. И-87. Оп. 1. Д. 1015). В краеведческой литературе также указывается, что была составлена «Васика» (купчая крепость), которая закрепляла эту территорию за жителями волости за их заслуги и делала неприкосновенной (Щур, 1999: 298–299). Скорее всего, речь идет о копиях документов межевания, которые в обязательном порядке передавались жителям той волости, чья территория размежевывалась. Видимо, в сознании потомков эти документы обрели характер купчей или жалованной грамоты, дававших право на землю.

Помимо заведования мечетью, Ф.И. Тонкачев, прозванный аль-Эчкени аль-Альмени, был муллою и мударрисом, то есть знатоком права и мусульманской этики. Именно в этом качестве он, возможно, руководил Альменевским медресе, где преподавал синтаксис, мусульманское право, логику, калян и тафсиру (толкование Корана и сунны). В эти годы он с учениками неоднократно совершал поездки в Троицк, Красноярск, Тобольск, а в 1816 году был приглашен преподавать в медресе в центре сибирского ислама – г. Тару. После отъезда на родину он оставил в Таре в качестве преподавателя своего ученика Ибрагима бин Джагфара. Таким образом, в последние 10 лет своей жизни он был уважаемым мусульманским ученым и проповедником, который оставил после себя многочисленных учеников (Фахреддин, 2006: 277).

Отметим, что такая судьба не была уникальна для Тонкачевых. Известно, что Муса мурза Тонкачев был принят на службу в 1753 г. из «татарских касимовских мурз» (констатация того, что взят на службу из Касимова). Зачислен студентом для обучения персидскому и арабскому языку, до этого уже знал русский, татарский, турецкий, отчасти персидский. Жил в Персии при консуле, коллежском ассессоре Чекалевском, до 1759 г., затем являлся студентом при астраханском губернском правлении. 21 марта 1762 г. стал коллежским регистратором при Коллегии иностранных дел, а 9 августа 1777 г. – капитан-поручиком. В 1786 г. подал рапорт об отставке за старостью (жаловался на зрение). При отставке дали коллежского ассессора и сделали присяжным заседателем (РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 740. Л. 240–251).

Кроме многочисленных учеников, у Ф.И. Тонкачева было 9 детей: 5 сыновей (Фахрудин, Абдулхак, Абдулфаттах, Ахмед, Бахрудин) и 4 дочери (Гильмия, Сабира, Хафифа, Сагира) (Фахреддин, 2006: 277). По ревизской сказке за 1811 год известно о пяти сыновьях: Фахрудин (30 л.), Абдулгафур (27 л.), Абдулхак (22 г.), Абдулфаттах (15 л.), Мухаммет (3 г.) (НА РБ. Ф. И-138. Оп. 1. Д. 129. Л. 75). По сказке за 1834 г. указываются также пять сыновей: Фахрудин (52 г.), Абдулхаман (44 г.), Абдулфаттах (был отпущен по годовому паспорту в 1827 году и позже не явился), Мухамет (умер в 1818 году в возрасте 7 лет), Ахмет (умер в 1823 году в возрасте 4 лет), то есть у него было не менее 7 сыновей, двое из которых скончались в детстве. Кроме того, по сказке 1834 года известно имя

его жены – Назиря, которой к этому времени было уже 67 лет, а также имя одной дочери – Гамиля, 30 лет (Ревизская сказка 1834: л. 244).

В связи с его родственными отношениями интерес представляет еще один сюжет. Ф.А. Байрамова в книге про ичкинских татар пишет, что сестра Ф.И. Тонкачева Гафифа вышла замуж в г. Тару, где у нее родился сын Габдрашит Ибрагимов, известный в будущем богослов, национальный политик и крупный деятель ислама в Японии, который некоторое время с 1867 по 1871 гг. учился в Альменевском медресе (Байрамова, 2013: 249–250). Однако при такой трактовке возникает значительная хронологическая проблема. Ф.И. Тонкачев родился в середине 1750-х годов и умер в 1826 г., а его сестра скончалась в 1871 году, когда ее сыну было 14 лет, то есть он родился в 1857 г. Такой хронологический разрыв невозможен в том случае, если речь идет именно о брате и сестре. В ревизской сказке от 1 июня 1858 г. по городу Тара указан Гумер Ибрагимович Ибрагимов, сын имама Тарской мечети и тарский купец. У него была супруга Гафифа, которой на момент переписи было 33 года, то есть она родилась около 1825 г. Их младшего сына, родившегося в 1857 г., звали Абдрашит (Габдрашит) (Семья Габдрашита Ибрагимова: эл. вариант). При этом сама Ф.А. Байрамова цитирует воспоминания Г.Г. Ибрагимова, который пишет, что «отец моей матери – Ибрагим мулла, выходец из деревни Элман (Альменево). В городе Тара был учителем...» (Байрамова, 2013: 249–251). На данный момент представляется, что речь должна идти об ученике Ф.И. Тонкачева Ибрагиме бин Джагфаре, чья дочь и была матерью Г.Г. Ибрагимова (Татарские интеллектуалы, 2005: 103).

5. Заключение

Таким образом, следует констатировать, что имевшиеся любительские переводы не соответствовали самой надписи на могильной плите альменевского муллы Ф.И. Тонкачева. При этом осуществленная нами проверка информации из этой надписи показала, что уже в то время вокруг личности этого человека начали складываться определенные мифы, отражавшие его большое значение в жизни местной мусульманской общины. Привлечение к реконструкции биографии Ф.И. Тонкачева архивных документов позволило сделать вывод о том, что ичкинская ветвь этой семьи являлась сибирской частью весьма разветвленного клана бывших касимовских мурз Тонкачевых. Ее присутствие среди ичкинских татар еще раз свидетельствует в пользу многокомпонентного характера формирования этой группы населения, добавляя в нее выходцев из бывшего Касимовского юрта. По всей видимости, сибирские Тонкачевы сохраняли связи со своими родственниками, что могло стать основой для получения высокого уровня мусульманского образования и дальнейшего участия в российских дипломатических миссиях в Османской империи и Бухарском эмирате. Особый интерес представляют и реконструированные связи между различными группами уральских и сибирских татар в сфере мусульманского образования.

6. Благодарности

Статья выполнена при поддержке Правительства РФ (Постановление № 211 от 16.03.2013 г.), соглашение № 02.А03.21.0011. Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (государственное задание 33.5494.2017/БЧ)

При написании данной статьи неоценимую помощь в поиске информации оказали директор Альменевского районного историко-краеведческого музея «Дружба» А.М. Кидрасов, специалист из Болгар Д.Г. Мухаметшин и главный библиотекарь отдела обслуживания библиотеки им. Н. Островского МБУК «БИС г. Кургана» П.В. Миронова, а также Т.А. Абдурахманов и И.Д. Биккинин, предоставившие материалы об истории рода Тонкачевых конца XVII – начала XVIII вв., за что мы им чрезвычайно благодарны.

Литература

Акчурин и др., 2018 – Акчурин М.М., Ишеев М., Беляков А.В., Абдурахманов Т.А., Салихов Р.Р. Касимовские татары из рода кипчак // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 2. С. 312–341.

Байрамова, 2013 – Байрамова Ф.А. Степная Атлантида, или История ичкинских татар. Казань, 2013. 344 с.

Белокуров, 1906 – Белокуров С.А. О Посольском приказе. М., 1906. 170 с.

Беляков, 2018 – Беляков А.В. О времени и месте написания продолжения сочинения Утемиша-хаджи «Кара таварих» (комментарии к тексту) // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 2. С. 370–392.

Биккинин – Биккинин И.Д. Татарская аристократия Темниковского княжества и ее потомки [Электронный ресурс]. URL: <http://tatar.yuldash.com/176.html> (последнее обращение: 21.09.2017).

Габдуллин, 2006 – Габдуллин И.Р. От служилых татар к татарскому дворянству. М., 2006. 320 с.

Гавердовский, 2007 – Гавердовский Я.П. Обозрение Киргиз-Кайсакской степи (часть 1-я), или Дневные записки в степи Киргиз-Кайсакской 1803–1804 годов // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. V. Первые историко-этнографические описания Казахских земель. Первая половина XIX века. Алматы, 2007. С. 155–256.

Гавердовский – Гавердовский Ю. От казахских степей до Бородинского поля. [Электронный ресурс]. URL: <http://suzhdenia.ruspole.info/node/6742> (дата обращения: 15.02.2018).

ГАОО – Государственный архив Оренбургской области.

ГАРО – Государственный архив Рязанской области.

Гуськов, 2018 – *Гуськов А.Г.* Материалы к справочнику о служащих Посольского приказа (начало XVIII в.) // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXXI Международной научной конференции. М., 2018. С. 129–131.

Ерофеева, 2007 – *Ерофеева И.В.* Рукописное наследие поручика Я.П. Гавердовского по истории, географии и этнографии Казахской степи // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Том V. Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века. Алматы, 2007. С. 6–14.

Ислаев, 2003 – *Ислаев Ф.* Татары в Екатерининской Уложенной комиссии 1767–1768 гг. // *Гасырлар Авазы – Эхо веков.* 2003. № 3/4 [Электронный ресурс]. URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2003_3_4/02/02_4/ (дата обращения: 25.02.2018).

Кемпер, Усманова, 2001 – *Кемпер М., Усманова Д.М.* Ваисовское движение в зеркале собственных прошений и поэм // *Гасырлар авазы – Эхо веков.* 2001. № 3–4 [Электронный ресурс]. URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2001_3_4/04/04_1 (дата обращения: 25.02.2018).

Кулбахтин, Кулбахтин, 2005 – *Кулбахтин И.Н., Кулбахтин Н.М.* Наказы народов Башкортостана в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. Уфа, 2005. 272 с.

Курганская область, 1993 – *Курганская область.* Курган, 1993. 190 с.

Кутузов, 1950 – *Кутузов М.И.* Документы / Под ред. Л.Г. Бескровного. Т. 1. М., 1950. 793 с.

Месяцеслов..., 1790 – Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1790. СПб., 1790.

Месяцеслов..., 1791 – Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1791. СПб., 1791.

НА РБ – Национальный архив Республики Башкортостан.

Никонов, 2009 – *Никонов О.А.* Формирование восточного курса России в первой трети XIX века // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.* 2009. № 114. С. 24–33.

ОГАЧО – Объединенный государственный архив Челябинской области.

ПСЗ, 1830 – Полное собрание законов Российской империи. В 33 т. СПб, 1830.

Рамазанова, 1991 – *Рамазанова Д.Б.* Термины родства и свойства в татарском языке. Кн. 1 Казань, 1991. 190 с.

Ревизская сказка – Ревизская сказка д. Альменево 1834 г. [Электронный ресурс]. URL: www.edoclib.gasrb.ru/#/?places=Алменево&mode=1&tm=1509299769201&fe=1&_y0=&_y1=&_p=Оренбургская&_d=Челябинский&_dn=&_n=&pNo=1&cnt=1&pSz=100&rc=1 (дата обращения: 17.02.2018).

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

Самигулов, 2015 – *Самигулов Г.Х.* К истории ичкинских татар последней трети XVII–XVIII в. // *Вестник археологии, антропологии и этнографии.* 2015. № 4 (31). С. 105–112.

Семья... – Семья Габдрашита Ибрагимова в ревизских сказках за 1858 г. по г. Тара [Электронный ресурс]. URL: <http://tatar-ile.livejournal.com/203094.html> (дата обращения: 19.02.2018).

Терсютских юрт – Терсютских юрт татара // *Ревизские сказки, 1811* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.edoclib.gasrb.ru/#/?places=%D0%A2%D0%B5%D1%80%D1%81&mode=1&tm=1392983175319&pNo=1&cnt=1&pSz=100&rc=4>. (дата обращения: 21.02.2018)

Татарские интеллектуалы, 2005 – Татарские интеллектуалы: исторические портреты. Для учителей и учащихся старших классов / Сост. Р.М. Мухаметшин. Казань, 2005. 271 с.

Татауров, 2017 – *Татауров С.Ф.* Аялыньские татары, или о чем говорят деревья // *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки».* 2017. № 3 (15). С. 168–175.

ТРУАК 1901 – Труды Рязанской ученой архивной комиссии. Т. 16. Вып. 1. Рязань, 1901.

Фахреддин, 2006 – *Фахреддин Р.* Асар. Книги о биографиях, датах рождения и смерти, других событиях из жизни мусульманских ученых нашего государства. Т. 1. Казань, 2006. 360 с.

Хабутдинов, 2009 – *Хабутдинов А.Ю.* Медресе мусульман округа Оренбургского магометанского духовного собрания как общенациональный институт // *Pax Islamica.* 2009. № 1(2). С. 68–84.

Халфин, 1974 – *Халфин Н.А.* Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века). М., 1974. 406 с.

ЦГАРМ – Центральный государственный архив республики Мордовии.

Шакирова, 2011 – *Шакирова Ф.И.* Вехи истории Альменевского района Курганской области. Альменево, 2011. 123 с.

Шур, 1999 – *Шур В.М.* История Альменевского района // *История Курганской области.* Т. 5. Курган, 1999. С. 283–360.

References

- Akchurin et al., 2018** – Akchurin M.M., Isheev M., Belyakov A.V., Abdurakhmanov T.A., Salikhov R.R. (2018). Kasimovskie tatory iz roda kipchak [Kasimov Tatars from the Kipchak clan]. *Zolotoordynskoe obozrenie*. Vol. 6, no. 2, pp. 312-341. [in Russian]
- Bairamova, 2013** – Bairamova F.A. (2013). Stepnaya Atlantida ili Istoriya ichkinskikh tatar [Steppe Atlantis or History Ichkin Tatars]. Kazan'. 344 p. [In Russian]
- Belokurov, 1906** – Belokurov S.A. (1906). O Posol'skom prikaze [About the Embassy order]. M. 170 p. [in Russian]
- Belyakov, 2018** – Belyakov A.V. (2018). O vremeni i meste napisaniya prodolzheniya sochineniya Utemisha-khadzhi «Kara tavarikh» (kommentarii k tekstu) [The time and place of writing continue the works of Utemish-Khadzhi «Kara tavarikh» (commentary on)]. *Zolotoordynskoe obozrenie*. Vol. 6, no. 2, pp. 312-341. [in Russian]
- Bikkinin** – Bikkinin I.D. Tatarskaya aristokratiya Temnikovskogo knyazhestva i ee potomki [Tatar aristocracy of temnikovsky Principality and its descendants] [Electronic resource]. URL: <http://tatar.yuldash.com/176.html> (last accessed: 21.09.2017). [in Russian]
- Gabdullin, 2006** – Gabdullin I.R. (2006). Ot sluzhilykh tatar k tatarskomu dvoryanstvu [From the serving Tatars for the Tatar nobility]. M. 320 p. [in Russian]
- Gaverdovskii, 2007** – Gaverdovskii Ya.P. (2007). Obozrenie Kirgiz-kaisakskoi stepi (chast' 1-ya), ili Dnevnye zapiski v stepi Kirgiz-Kaisakskoi 1803-1804 godov [See Kirgiz-kazakskoy the desert (part 1) or Day notes in the steppes of the Kirghiz-Kazakskoy 1803-1804 years]. *Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI-XX vekov*. T.V. Pervye istoriko-etnograficheskie opisaniya Kazakhskikh zemel'. Pervaya polovina XIX veka. Almaty. pp. 155-256. [in Russian]
- Gaverdovskii** – Gaverdovskii Yu. Ot kazakhskikh stepei do Borodinskogo polya [From the Kazakh steppes to the Borodino field]. [Electronic resource]. URL: <http://suzhdenia.ruspole.info/node/6742> (last accessed: 15.02.2018). [in Russian]
- GAOO** – Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [State archive of Orenburg region].
- GARO** – Gosudarstvennyi arkhiv Ryazanskoi oblasti [State archive of Ryazan region].
- Gus'kov, 2018** – Gus'kov A.G. (2018). Materialy k spravochniku o sluzhashchikh Posol'skogo prikaza (nachalo XVIII v.) [Materials for the Handbook on employees of the Embassy of the order (the beginning of the XVIII century)]. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny v sovremennom nauchnom znani*. Materialy XXXI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. M. pp. 129-131. [in Russian]
- Erofeeva, 2007** – Erofeeva I.V. (2007). Rukopisnoe nasledie poruchika Ya. P. Gaverdovskogo po istorii, geografii i etnografii Kazakhskoi stepi [The manuscript heritage of Lieutenant J. P. Gaverdovskij on the history, geography and Ethnography of the Kazakh steppe]. *Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI-XX vekov*. T.V. Pervye istoriko-etnograficheskie opisaniya Kazakhskikh zemel'. Pervaya polovina XIX veka. Almaty, pp. 6-14. [in Russian]
- Islaev, 2003** – Islaev F. (2003). Tatory v Ekaterininskoi Ulozhennoi komissii 1767-1768 gg. [Tatars in Catherine's legislative Commission 1767-1768 gg.]. *Gasyrlal Avazy – Ekho*. № 3/4. [Electronic resource]. URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2003_3_4/02/02_4/ (last accessed: 25.02.2018). [in Russian]
- Kemper, Usmanova, 2001** – Kemper M., Usmanova D.M. (2001). Vaisovskoe dvizhenie v zerkale sobstvennykh proshenii i poem [Waisowski movement in the mirror of their own petitions and poems]. *Gasyrlal Avazy – Ekho vekov*. № 3-4 [Electronic resource]. URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2001_3_4/04/04_1 (last accessed: 25.02.2018). [in Russian]
- Kulbakhtin, Kulbakhtin, 2005** – Kulbakhtin I.N., Kulbakhtin N.M. (2005). Nakazy narodov Bashkortostana v Ulozhennuyu komissiyu 1767–1768 gg. [Orders of the peoples of Bashkortostan in the Laid Commission 1767-1768]. Ufa. 272 p. [in Russian]
- Kurganskaya oblast', 1993** – Kurganskaya oblast' [Kurgan region]. Kurgan, 1993. 190 p. [in Russian]
- Kutuzov, 1950** – Kutuzov M.I. (1950). Dokumenty [Documents]. Vol.1. M. 793 p. [in Russian]
- Mesyatseslov, 1790** – Mesyatseslov s rospis'yu chinovnykh osob v gosudarstve na leto ot Rozhdestva Khristova 1790 [A calendar with a list-ranking persons in the state for the summer from Christmas 1790]. SPb., 1790. [in Russian]
- Mesyatseslov..., 1791** – Mesyatseslov s rospis'yu chinovnykh osob v gosudarstve na leto ot Rozhdestva Khristova 1791 [A calendar with a list-ranking persons in the state for the summer from Christmas 1790]. SPb., 1791. [in Russian]
- NA RB** – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Bashkortostan [The national archives of the Republic of Bashkortostan].
- Nikonov, 2009** – Nikonov O.A. (2009). Formirovanie vostochnogo kursa Rossii v pervoi treti XIX veka [Formation of the Eastern course of Russia in the first third of the XIX century]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. № 114. pp. 24-33. [in Russian]

- OGACHO** – Ob»edinennyy gosudarstvennyy arkhiv Chelyabinskoi oblasti [Joint state archive of the Chelyabinsk region].
- PSZ, 1830** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Full collection of laws of the Russian Empire]. In 33 vol. SPb., 1830. [in Russian]
- Ramazanova, 1991** – *Ramazanova D.B.* (1991). Terminy rodstva i svoistva v tatarskom yazyke [Terms of relationship and property in the Tatar language]. Vol.1. Kazan'. 190 p. [in Russian]
- Revizskaya skazka** – Revizskaya skazka d. Al'menevoi 1834 g. [Revizsky tale v. Al'menevo 1834]. [Electronic resource]. URL: www.edoclib.gasrb.ru/#/?places=Алменеева&mode=1&tm=1509299769201&fe=1&y0=&y1=&p=Оренбургская&d=Челябинский&dn=&n=&pNo=1&cnt=1&pSz=100&rc=1 (last accessed: 17.02.2018). [in Russian]
- RGADA** – Rossiiskoi gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov [Russian state archive of ancient acts].
- Samigulov, 2015** – *Samigulov G.Kh.* (2015). K istorii ichkinskikh tatar poslednei treti XVII-XVIII v. [The history of ichkin Tatars in the last third of the XVII-XVIII century]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. № 4 (31). pp. 105-112. [in Russian]
- Sem'ya...** – Sem'ya Gabdrashita Ibragimova v revizskikh skazkakh za 1858 g. po g.Tara [The family of Gabdrashit Ibragimov in revizsky fairy tales in 1858 by Tara] [Electronic resource]. URL: <http://tatar-ile.livejournal.com/203094.html> (last accessed: 19.02.2018). [in Russian]
- Tersyutskikh yurt** – Tersyutskikh yurt tatara [Tersutsky Yurt Tatars]. Revizskie skazki, 1811 [Electronic resource]. URL: <http://www.edoclib.gasrb.ru/#/?places=%D0%A2%D0%B5%D1%80%D1%81&mode=1&tm=1392983175319&pNo=1&cnt=1&pSz=100&rc=4>. (last accessed: 21.02.2018). [in Russian]
- Tatarskie intellektualy, 2005** – *Tatarskie intellektualy: istoricheskie portrety. Dlya uchitelei i uchashchikhsya starshikh klassov* [Tatar intellectuals: historical portraits. For teachers and high school students]. Kazan', 2005. 271 p. [In Russian]
- Tataurov, 2017** – *Tataurov S.F.* (2017). Ayalynskie tatory, ili o chem govoryat derev'ya [Ayanskie Tatars, or talking about trees]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki»*. № 3 (15). pp. 168-175. [in Russian]
- TRUAC, 1901** – Trudy Ryazanskoj uchenoi arkhivnoi komissii [Proceedings of the Ryazan scientific archive Commission]. Vol.16. Is.1. Ryazan, 1901. [in Russian]
- Fakhreddin, 2006** – *Fakhreddin R.* (2006). Asar. Knigi o biografiyakh datakh rozhdeniya i smerti, drugikh sobytiyakh iz zhizni musul'manskikh uchenykh nashego gosudarstva [Asar. Books about biographies of dates of birth and death, other events in the life of Muslim scientists of our state]. Vol.1. Kazan'. 360 p. [in Russian]
- Khabutdinov, 2009** – *Khabutdinov A.Yu.* (2009). Medrese musul'man okruga Orenburgskogo magometanskogo dukhovnogo sobraniya kak obshchenatsional'nyi institut [Madrasah of Muslims of Orenburg Mohammedan spiritual Assembly as a national Institute]. *Pax Islamica*. № 1(2). pp.68-84. [in Russian]
- Khalfin, 1974** – *Khalfin N.A.* (1974). Rossiya i khanstva Srednei Azii (pervaya polovina XIX veka) [Russia and the khanates of Central Asia (first half of the XIX century)]. M., 1974. 406 p. [in Russian]
- CGARM** – Tsentral'nyi gosudarstvennyy arkhiv respubliki Mordovii [Central state archive of the Republic of Mordovia].
- Shakirova, 2011** – *Shakirova F.I.* (2011). Vekhi istorii Al'menevskogo raiona Kurganskoi oblasti [Milestones in the history of Al'menevsky district of Kurgan region]. Al'menevo. 123 p. [in Russian]
- Shchur, 1999** – *Shchur V.M.* (1999). Istoriya Al'menevskogo raiona [The history of Al'menevskaya district]. Istoriya Kurganskoi oblasti [The history of the Kurgan region]. Vol. 5. Kurgan, 1999. pp. 283-360. [in Russian]

Сибирская ветвь касимовских мурз Тонкачевых: к истории ичкинских татар

Андрей Васильевич Беляков ^a, Денис Николаевич Маслюженко ^{b,*}, Гаяз Хамитович Самигулов ^{c,d}

^a Институт российской истории Российской академии наук, Российская Федерация

^b Курганский государственный университет, Российская Федерация

^c Южно-Уральский государственный университет, Российская Федерация

^d Фонд содействия сохранению культурного наследия «Общественный фонд «Южный Урал»

Аннотация. Статья посвящена истории сибирской ветви рода служилых татар Тонкачевых, а в более широком плане раскрывает специфику формирования групп служилых татар/мещеряков в Зауралье. На конкретном примере Тонкачевых показан один из источников формирования этих

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: belafeb@gmail.com (А.В. Беляков),

denmas13@yandex.ru (Д.Н. Маслюженко), gayas_@mail.ru (Г.Х. Самигулов)

зауральских групп – служилые татары Темниковского, Алатурского, Саранского и других уездов, переселившиеся за Урал вследствие политики христианизации, активно проводившейся в 1710-х годах. Потомки Бекмамета Тонкачева, переселившиеся в Ичкинские юрты на р. Исети, сумели занять достаточно высокое положение в группе ичкинских татар, в частности их имена фигурируют в документах в связи с выборами депутатов в Уложенную комиссию. Главный персонаж исследования, Фазыл Ибрагим-оглы Тонкачев, был авторитетной личностью среди жителей Могильской (Ичкинской) волости Челябинского уезда. Но границами волости его деятельность не ограничивалась: наряду с другими ичкинскими татарами он нес службу, как образованный человек участвовал в дипломатических миссиях на Восток, очевидно, в качестве переводчика. Проведенное исследование позволило на основании архивных документов подтвердить и дополнить информацию, содержащуюся на могильной плите Ф. Тонкачева и показать на конкретных примерах, что в Зауралье Тонкачевы сохраняли свое положение лидеров уже в новой ситуации. При этом имперские власти охотно использовали их авторитет и образованность, в том числе и за сохранение связей с иными ветвями этой семьи, также служившей в ведомствах по иностранным делам. Прделанная работа подняла новые проблемы в общей картине истории формирования и развития служилых татар Зауралья XVIII – начала XIX вв.

Ключевые слова: ичкинские татары, Касимовское царство, Мещера, служилые татары, Тонкачевы.

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 51. Is. 1. pp. 55-63. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.1.55
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

I.G. Gmelin and his Role in the Second Kamchatka Expedition on the Territory of Kazan Province

Anton K. Salmin ^{a, *}

^a Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the Kazan period of research of the member of the Second Kamchatka Expedition, professor of Saint-Petersburg Academy of Sciences J.G. Gmelin. In chronological terms, this refers to the period from October to December 1733. In a short period, he, as well as G.F. Miller recorded a unique material that has not lost its relevance so far. It is population of the territory, family composition, rituals and beliefs, food and clothing of local peoples. Language, beliefs were studied, meteorological observations were held. Reports on the obtained results, boxes with images of flora, fauna, and ethnographic exhibits were sent to Kunstkamera and the Academy of Sciences. There are few studies about J.G. Gmelin in Russian. This is explained by the fact that the main work "Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743", published in Göttingen in 1751-52, has not been translated into Russian so far. There is a reprint edition in German, implemented in 2009. For a short period J.G. Gmelin and his colleague G.F. Miller managed to study the daily life of the ethnic groups living in Kazan government thoroughly - the Cheremis, the Chuvash, the Votyaks, the Mordovians, the Tartars and the Russians. For example, the Chuvash field (all-village) praying was recorded for the first time by J.G. Gmelin. This happened halfway between Cheboksary and Kozmodemyansk in Ilyinskaya Pustynka. Here, travellers saw a horse tied to a tree, which was used to travel to a praying place. The participants of praying slaughtered a sheep and cooked the inners and ventricle, filled with fat, blood and cereals in the boiler. On the east side of the boiler there was a site fenced from all sides with sticks. The skin of the sacrificial animal was previously hung on the poles at the praying place. The traveller called his studies in Kazan government a pleasant duty.

Keywords: The Second Kamchatka Expedition, J. G. Gmelin, Kazan province, the Votyaks, the Mordovians, the Russians, the Tartars, the Cheremis, the Chuvash.

«Российское народоведение рождалось как эмпирико-практическое знание, заданное целями самопознания и самоорганизации империи»
(Головнев, 2016: 62).

1. Введение

Гмелин Иоганн Георг – Gmelin Johann George (1709–755 гг.) – родился и умер в Германии. Известен как врач, ботаник, этнограф. В России с 1727 по 1747 гг. Действительный член Петербургской Академии наук.

В статье ставится цель дать системное исследование казанского периода Второй Камчатской экспедиции 1733–1743 гг. с участием И.Г. Гмелина. Хронологически он охватывает октябрь–декабрь 1733 г. Некоторые аспекты, имеющие место в работах И.Г. Гмелина, тем не менее не отражены в статье по причине излишней краткости информации, например, о татарских восемнадцатиструнных гусях.

Следует подчеркнуть, что литература о И.Г. Гмелине на русском языке помещается в весьма

* Corresponding author

E-mail addresses: antsalmin@mail.ru (A.K. Salmin)

короткий список. Объясняется это тем, что основной труд «Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743», изданный в Геттингене в 1751–1752 гг., до сих пор не переведен на русский язык. Имеется репринтное издание на немецком языке, осуществленное в 2009 г.

Количество приведенных фактов делает вынесенную в заголовок тему весьма актуальной и необходимой.

2. Материалы и методы

Основным источником (материалом) для изучения обозначенной темы явилась книга «*Gmelin J.G. Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743: I. Göttingen: Verlegst Abram Vandenhoecks Seel., 1751. 467 S.*». Широко использованы материалы фондов Санкт-Петербургского архива РАН и Материалы для истории Императорской АН. Для полноты картины и придания работе системности широко применяются имеющиеся по теме архивные источники и опубликованная литература.

В статье автор придерживается методологии сравнительно-исторического изучения первоисточников. При этом дневниковые записи И.Г. Гмелина сравниваются с последующими источниками XVIII – XX вв. Системный анализ имеющихся по теме материалов позволил создать цельную этнографическую картину народов Казанской губернии.

3. Обсуждение

Анализ трудов И.Г. Гмелина, а особенно его этнографических записок, содержится в статье А.Н. Пыпина о национальном вопросе в России XVIII в. Он также защищал путешественника от надуманных обвинений в необъективности (Пыпин, 1884: 228–229, 254–255). Обширные комментарии по теме имеются у К.В. Харламповича (Харлампович, 1904). Л.П. Белковец посвятила жизни и творчеству И.Г. Гмелина специальную брошюру (Белковец, 1990). В частности, она указала, что часть личного архива немецкого исследователя (письма, документы и лекции тюбингенского периода) хранится в Марбурге в собрании Людвига Дармштедтера, где также имеются бумаги личного характера.

4. Результаты

Подготовка к экспедиции. Инструкция для экспедиции была составлена Делилем, Бернулли, Миллером и Гмелином (Рисунок 1), а обсуждена на академическом собрании. Члены отряда прошли подготовку по определению координат, проведению метеорологических и астрономических наблюдений.

Рис. 1. Иоганн Георг Гмелин

Кроме И.Г. Гмелина и Г.Ф. Миллера в Академическую экспедицию 1733–1743 гг. вошли профессор астрономии Делиль де-ля-Кройер, живописец И. Беркан, рисовальщик И. Люрсениус, переводчик И. Яхонтов, геодезисты А. Красильников, Н. Чекин, А. Иванов и М. Ушаков, студенты С. Крашенинников, Ф. Попов, В. Третьяков, Л. Иванов, А. Горланов. Отряду был дан конвой из 12 солдат с капралом и барабанщиком (Белковец, 1990: 20).

Каждому ученому было определено двойное жалованье и по 10 лошадей.

Профессора И.Г. Гмелин и Г.Ф. Миллер выехали из Петербурга в Сибирь 8 августа 1733 г. (Пекарский, 1870: 321).

Въезд в Казанский край. От Твери до Казани путешественники ехали по Волге. Все замеченные и представляющие научную ценность детали записывали в дневник. В Казанской губернии в общей сложности они провели два месяца – с середины октября до середины декабря.

Такая задержка по пути в Сибирь произошла по причине бездорожья и ожидания санного пути. Кроме того, И.Г. Гмелин и Г.Ф. Миллер пересекались на шлюпку и выходили на берег с целью изучения местных народов. Например, в пределах Чувашии исследователи обследовали Ильинскую Пустынь. Испытав много приключений из-за потери из вида судна, И.Г. Гмелин и Г.Ф. Миллер 18 октября доплыли до Казани. Затем, уже в Елабужском уезде Вятской губернии, встречались с вотяками (СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 104. Д. 1).

Численность. В Чебоксарах Гмелин и Миллер встречались с местным воеводой. Из расспроса выяснилось, что чувашаи – многочисленная нация. Например, в окрестностях Чебоксар их около 18000 душ, Козьмодемьянска (Kusmademjansk) – более 10000, Сирилсгорода (Sirilsgorod), т.е. Цивильска, – более 12000, Свияжска (Swyaschk) – более 60000 и Кокшайска (Kokschaisk) – более 400 (Gmelin, 1751: 48). Для сравнения: по данным 1-ой ревизии 1723 г. в Чебоксарском уезде чувашей насчитывалось 17551 душ мужского пола. Все они были ясачными, а к этому времени стали государственными крестьянами (Димитриев, Селиванова, 2011: 33).

Семья. В Чебоксарах И.Г. Гмелин и Г.Ф. Миллер остановились у одного портного. Кроме главы дома в семье жили его жена, мать и дочь (Gmelin, 1751: 48). Будучи в татарских селениях, профессору удалось узнать, что количество жен зависит от возможности их содержать. Например, в одной деревне глава дома имел четырех жен.

Обряды и верования. «Моей приятной обязанностью, для исполнения которой во время нашей задержки в Казани мне представилась самая удобная возможность, было обстоятельно познакомиться с нерусскими народностями, проживающими в Казанской губернии: черемисами, чувашами, вотяками, частично и с мордвинами – с их образом жизни, религией, обычаями и нравами», – писал И.Г. Гмелин (Материалы, 1890: 285).

Он также заметил, что у вотяков почти нет религии. У него сложилось впечатление, что вотяки не имеют и праздников. Один из информантов ответил, что у них праздник тогда, когда есть пиво и водка.

Учук. На полпути между Чебоксарами и Козьмодемьянском в Ильинской Пустыньке (Iiinscaja Pustinka) путешественники прошли по суше вглубь на 5 верст и на горе увидели огонь. Сопровождавшие два солдата из крещеных чувашей сказали, что на этом месте чувашаи проводят свои моления. Святилище располагалось в труднодоступном месте: к нему надо было взбираться через лесной массив по крутому склону горы. Достигнув места, путешественники увидели двух чувашей и привязанную к дереву лошадь, которую использовали для поездки на мольбище. Мольщики забили барана и варили в котле потроха и желудок, начиненные жиром, кровью и крупой. На восточной стороне от котла имелась площадка, огороженная со всех сторон палками. Здесь также были люди, которые совершали моление (Gmelin, 1751: 44–46). Несомненно, речь идет об общесельском молении *Учук*. Место для святилища, как рассказали сами участники моления, было выбрано по совету знахаря. Совершив моление, собравшиеся съедали в честь божества жертвенное мясо, сколько могут. Затем клали в расщелину дерева денег. Шкуру жертвенного животного раньше вешали на жерди на мольбище. А теперь эти шкуры они продают. Сам факт продажи шкуры жертвенных животных, по мнению К.В. Харламповича, говорит о том, что данный обряд идет на угасание (Харлампович, 1904: 23).

Этот массовый праздник, писал И.Г. Гмелин, в каждый раз назначается знахарем на свое усмотрение (Gmelin, 1751: 52).

Свадьба. Из записей профессора И.Г. Гмелина видно, что чувашаи отдавали дочь замуж за калым. В доме, где он остановился, была дочь хозяина, калым за которую составлял 18 рублей. Она по какой-то причине ушла от мужа и вернулась в отчий дом. Но отец отвел ее назад к мужу.

Божества. Чувашаи почитают божество *Tora* (*Tora*). Солнце также считают священным и молятся ему. Кроме этих божеств, они знают множество других. А вотяки верят в божество, которого называют *Iutar* и который, по их мнению, живет на солнце. Вотяки не оказывают ему особого почтения (Gmelin, 1751: 46).

Киремет. Рукописи сохранили нам и названия святилищ. Например, *Киремет* д. Старые Щелканы Цивильского уезда представлял собой возвышенное место среди лугов на берегу р. Унга. В отдельных местах полагали, что *Киремет* живет на кургане, образованном от земли, которую вытряхнул из лаптей мифический исполин *Улӓп*. Если жертвенным животным является баран, то с ним отправляются на место, закалывают, варят внутренности и желудок с кровью, крупой и жиром и едят, сколько могут. Затем совершают богослужение, кладут деньги, каждый по возможности, в щель выдолбленного дерева внутри загороженного места. Остатки сваренного жертвенного мяса берут домой и там доедают вместе с другими членами семьи. Могут пригласить и родственников (Gmelin, 1751: 45).

Недалеко от Сарапула путешественники видели черемисское святилище *керемет* – священное, огороженное забором место, где черемисы приносили свои жертвы. Гмелин пишет о нем, что в противоположность другим инородческим *кереметям*, расположенным в лесах, этот был на открытом поле (Харлампович, 1904: 17).

Недалеко от Сарапула путешественники видели вотяцкий *керемет* и опять-таки в открытом поле. Чем вызван такой выбор места, вотяки не могли ответить (Харлампович, 1904: 21).

Пятница – по-чувашски *эрне*. Слово восходит к персидскому этимону. Аналогично у других народов Поволжья и Приуралья финно-угорской и тюркской группы, входивших в состав Булгарского государства. Пятница стала праздничным днем под влиянием ислама. Слово сохранилось на эпитафии чувашки-мусульманки от 1262 г. (Gmelin, 1751: 53).

У мишарей название дня бытует в форме *атна*, у удмуртов этот день значит «большая татарская неделя» (Владыкин, 1994: 223). Расширение семантики *эрне* «день → неделя» – явление позднее. Поскольку этот день до христианизации был почитаем, его еще называли *мӓнарни* (ЧГИ. Д. 808: 71 об.) – «великий пятничный день». Затем конструкция была перенесена и на воскресенье: в моргаушском диалекте *мӓнсарни кун* – «великий воскресный день». Следует заметить, что выражение «в пятницу вечером», в отличие от других вечеров, означает не вечер на субботу, а с четверга на пятницу.

А от двух позванных с рынка чувашей ученые узнали, что чувашки не работают по пятницам. Но, несмотря на это, пятница не считается особенно святым днем (Gmelin, 1751: 52).

Знахарь юмӓс. Источники говорят как о стариках-знахарях, так и о старухах-знахарках. Например, И.Г. Гмелин свидетельствует: «По всем описаниям, какие нам сделаны относительно этих *Jutasse*, они являются жрецами (Priestev), каким достоинством у них облакаются лица обоего пола» (Gmelin, 1751: 46). Все, что они скажут, люди принимают на веру. Это потому, пишет И.Г. Гмелин, что они не знают священное Писание. Власть и авторитет знахарей среди чувашей велики. При всякой болезни они идут к знахарям, при этом оплачивают их труд. Знахари есть в каждой деревне. Но И.Г. Гмелин не смог назвать точное количество. Знахари называют вид жертвы, а люди доставляют животное (например, барана) на святилище (Gmelin, 1751: 45).

В чувашском языке нет грамматической категории рода, поэтому слово *юмӓс* в этом плане ни о чем не говорит. Речь может идти как о знахарке, так и о знахаре. Поэтому при необходимости следует делать оговорки. В текстах о знахарях мужского пола имеются пометки типа «знахарил мужчина», «у меня отец был знахарем», «этот старик все на свете знал». Что касается источников на русском языке, то лакмусовой бумажкой к определению пола *юмӓс* являются применяемые к термину местоимения типа «его», «ей» и т.д. (РНБ. Q.IV. Д. 379: 19 об.). Относительно знахарей женского пола обычно говорят *юмӓс карчӓк* «старуха-знахарка». Притом могут назвать и имя старухи – *Натаси ятлӓ юмӓс карчӓк* «старуха-знахарка по имени Натаси». Нередко обходятся одним словом *карчӓк* «старуха». Например, имея в виду знахарку, говорят: «На лечение от ниш ребенка ведут к старухам». Все же материалы о чувашских знахарях говорят в пользу количественного преобладания старух. К тому же в иных деревнях знахарей-стариков не было и вовсе. Например, в 1906 г. в д. Белая Воложка Тетюшского уезда Казанской губернии все три были старушками (ЧГИ. Д. 160: 275). Тем не менее немало случаев, когда обходятся одним термином *юмӓс*, а контекст не позволяет определить пол.

Обращение к ним и приглашение их по определенному поводу – дело обычное. Что бы ни случилось, чувашки обращались к знахарям. В числе наиболее частых причин – болезни и несчастья, например, обращались при кашле, головной боли, болезни скота и т.д. Обязательное обращение к знахарю – по поводу болезни после безрезультатного жертвоприношения. При необходимости знахаря приглашают домой. Как показывают источники, чаще всего приглашали для очищения прясел и хлебов от порчи. Видимо, эта территория являлась наиболее уязвимой для порчи. Чтобы наладилось скотоводство, следует очистить все те места, где обычно бывает скот. Приглашают знахарку и для облегчения родов, на сорок дней со дня кончины члена семьи, для определения и устранения причины частых смертей в доме (Gmelin, 1751: 46).

Если есть необходимость жертвоприношения, то тут перед знахарем и страдающим возникает ряд задач. Прежде всего *юмӓс* объясняет, что такому-то духу надо принести живность – пернатую или копытную. Может быть, достаточно подарить кашу или *юсман*. Иногда называет более конкретный дар: бычок, барашек. Если клиент принес муку и масло, *юмӓс* печет из них жертвенную лепешку. Приведенную живность закалывает, разводит огонь и варит. Очищенную молитвой еду знахарь делит на части: долю божеств он кладет на древесные сучья, долю людей – на миски, часть берет себе. В зависимости от типа обряда пищу растительного происхождения может скормить курам. Если жертвенным даром является кукла, то ее *юмӓс* относит на жертвенное место (Gmelin, 1751: 46).

И.Г. Гмелин замечает, что у черемисов выше *мушана* (*Muschan* или *Muschangetsch*) *югтюча* (*Jügtüsch*), обязанность которого – назначать жертвы, устраивать священнодействия, совершать при свадьбах некоторые моления в благословение дому и угощать гостей пивом и медом. Путешественникам не удалось познакомиться с черемисским *мушаном*: того, которого они хотели видеть, не оказалось в это время деревне (Харлампович, 1904: 19).

Вотяки при необходимости обращаются к человеку, называемому *дона* (у Миллера *тона* или *туно*), имеющемуся в каждой деревне. Ему сообщают о своей нужде и у него просят совета (Харлампович, 1904: 22).

Пицца. Наиболее широко применяемым полуфабрикатом у чувашей в первой половине XVIII в. являлась крупа (Gmelin, 1751: 45). Путешественников угощали яйцом и молоком. И.Г. Гмелин также писал: «У нас было с собой холодное жаркое из Чебоксар, которое мы с удовольствием отведали» (Gmelin, 1751: 56). Должно быть, под этим блюдом имеется в виду *шӓрттан* – рубец, начиненный мясом и зажаренный. Чувашки пользовались деревянными ложками и деревянными

тарелками (Gmelin, 1751: 48). Также он добавлял, что этот народ не употребляет водку. Причину он объяснял бережливостью.

Татары же угощали путешественников гусятиной, хлебом, медом, орехами и пивом. Вотяки охотятся на медведей, лисиц, волков, кабанов и белок. При этом они пользуются луком, лишь некоторые – ружьями. Пищей здешним народам также служит мясо, лошадиное и коровье. Вотяки и черемисы, хотя и редко держат свиней, не гнушаются свинины (Харлампович, 1904: 16, 21, 25).

Одежда. В нарядах местного населения Казанской губернии профессор И.Г. Гмелин обратил внимание на головные уборы женщин. Он писал о монетах и кораллах, украшавших уборы татарок. В наряде казанских женщин и мужчин он заметил сходство с русскими (Харлампович, 1904: 16).

С черемисами Гмелин и Миллер познакомились в одной деревне по пути из Казани. Они описывают головные уборы девушек и молодых женщин с монетами и бляшками, с кораллами и бусами разных цветов. У одной 15-летней девушки вся грудь была покрыта коралловым панцирем. Отец предлагал отдать ее в жены за 10 рублей калыма, но никто не давал больше 5. Поэтому он решил оставить дочь у себя до лучших времен. Особенностью черемисского костюма было ношение некоторыми женщинами внизу, на ногах, маленьких бубенчиков. Обычным головным убором вотячек, без которого они не появляются, даже будучи разбужены ночью, является особого рода чепчик (Харлампович, 1904: 17–18).

Дом. Профессорам, остановившимся в доме у одного портного в Чебоксарах, запомнилась постель, на которой они ночевали. «Отужинали мы по-чебоксарски и легли спать. Дерево, на котором лежали прошлой ночью, уже казалось нам гораздо мягче. Мы хорошо спали» (Gmelin, 1751: 48–51).

В татарской деревне путешественникам запомнились избы по-черному. В каждой комнате имеется два очага, один – для приготовления пищи, другой – для отопления, пишет И.Г. Гмелин. Их покои выглядят очень чисто. У них нет ни кроватей, ни подушек, вместо того широкие скамьи (нары) и ковры. Вместо стекол служит внешняя плева желудка теленка. Из-за того, что дом освещается лучиной, в избах дымно (Харлампович, 1904: 16, 25).

В обрядовых целях чувашаи пользовались теми же котлами, которые имелись в доме. Наиболее часто используемый – пивной котел. По-другому его еще называли «большой котел». По емкости котлы бывали разные: вместимостью от 5 до 20 ведер. Как известно, раньше пиво варили в котлах у оврагов. Содержимое процеживали в большие корыта. Поскольку в этих же котлах по праздникам варили мясо, их именовали и «котлами для бараньего мяса». Совсем маленькие котлы также использовались в обрядах. Например, в них несли горячие угли в ритуале огораживания деревни от мора (СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 30. Д. 4: 54).

Информанты. Едва вступив в пределы Казанской губернии, Гмелин с Миллером взяли с собой слуг и четырех конвойных солдат, двое из которых оказались чувашами. Путешественники все время держали в уме, что информанты – важный пункт в любой экспедиции. Но, видимо, им не всегда везло.

«После того как мы все подготовили, мы велели доставить нам на квартиру с рынка пару чувашей, чтобы узнать от них еще что-нибудь и тем самым разогнать наше уныние. Мы расспросили их о многих вещах, но по вине плохого толмача, который был из наших солдат, мы мало нового получили из их ответов, и поскольку они совсем мало понимали по-русски, то мы не могли сами их опросить на этом языке» (Gmelin, 1751: 52). Видимо, эти солдаты-чувашаи старались больше скрыть информацию о традициях своего народа, чем рассказать. Об этом в книге И.Г. Гмелина также сказано прямо (Gmelin, 1751: 47). О необходимости отыскать одного или двух старых и толковых здешних татар, черемисов, чувашей и мордвин с целью расспроса об их верованиях, обычаях и промыслах профессора писали и в своих докладных записках в губернскую канцелярию (Материалы, 1886: 403–404).

В Казани Гмелин наблюдал за новобранцами вотяками, принимающими присягу. Текст присяги, произнесенный по-русски, сотник истолковывал на вотяцком языке. В Сарапульском уезде путешественники общались с вотяками. На множество вопросов они отвечали, что не понимают, что им говорят. Елабужские вотяки оказались более общительными. Вероятно, сказало соседство с татарами. Исследователь также отметил, что поговорить с вотяцкими девушками и замужними женщинами не удалось, т.к. они очень боязливы (Харлампович, 1904: 18, 21).

Толмачи. Как только члены экспедиции оказались в пределах многонациональной Казанской губернии, сразу же возникла проблема с переводчиками. Например, из-за плохой погоды и ожидания судна им пришлось задержаться в Чебоксарах больше, чем планировалось. Но и имея время, они смогли извлечь из этого мало пользы. Сопровождавшие экспедицию два солдата-чуваша то ли плохо понимали по-русски, то ли не хотели рассказывать о всех нюансах сакральной жизни своего народа. Поэтому профессорам ничего не оставалось, как довольствоваться возникшими реалиями. По этой причине ученые писали о своих проблемах в губернскую канцелярию. Как они отмечали в своих рапортах от 7 и 20 ноября, имея искусных толмачей, можно было бы свободно ездить по окрестным деревням. Однако толмачи татарского, чувашского и вотского языков были присланы с большим опозданием (Gmelin, 1751: 52).

Толмачи нужны были для общения с местным населением не только путешественникам. Так, в Казани И.Г. Гмелину пришлось присутствовать при присяге новобранцев татар. Читал ее чиновник (Schreiber) по-русски, вслед мулла переводил на татарский язык. При этом новобранцы

стояли на коленях, затем они целовали коран, который мулла держал в руках (Харлампович, 1904: 15).

При экспедиции имелся свой переводчик – студент Илья Яхонтов. Но, видимо, он не справлялся с обязанностями переводчика с языков народностей, проживающих в Казанской губернии. Возможно, он владел языками некоторых народов Сибири. Еще в Академии он получал за свою работу 72 рубля. Как бы ни было, члены экспедиции Людовик Делиль, Герхард Миллер и Иоган Гмелин 8 декабря 1733 г. ходатайствовали перед Академией об увеличении жалованья Илье Яхонтову до 200 рублей. При этом они свидетельствовали, что он все свои дела выполняет прилежно (Материалы, 1886: 398).

В Зилантовском монастыре. 7 ноября 1733 г. участники Камчатской экспедиции подали в Казанскую губернскую канцелярию промеморию о продолжении метеорологических обсерваций. В помощь они пригласили учителя Зилантовского монастыря Василия Григорьева (=Василия Пуцка-Григоровича), обучающего здесь чувашских, черемисских, мордовских, калмыцких и татарских мальчиков. Тот охотно пообещал принять на себя сей труд, притом Василию Григорьеву надобно было подавать рапорты о своей проделанной работе. Полученные от него данные следовало переправить в Сенат. Тем не менее по прошествии двух недель от него ничего не поступило. 24 ноября стало известно, что Василий Григорьев выполнять взятые перед Петербургскими учеными обязательства не будет, ибо он на то от своего архиерея указа не имеет. В Зилантовском монастыре ученые также встретились с архимандритом Епифанием Адамацким и беседовали с ним на философские темы. Вместо Василия Григорьева был приглашен учитель городской школы Семен Куницын, который явился к профессорам 27 ноября. Он получил для метеорологических наблюдений один термометр, анемоскопиум для определения ветра и компас с инструкцией (Материалы, 1886: 405, 406).

Христианизация. Члены экспедиции интересовались вопросами христианизации местного населения. Чиновники ответили, что во всех городах губернии открыты школы для юных чувашей. В них стараются преподнести основы христианского учения. Выпускники этих школ должны будут впредь обратитесь свою нацию в православную веру. Однако дело далеко не продвинулось. Основная причина – отсутствие усердных людей, владеющих искусством обхождения с молодыми чувашами. Хотя многие чуваша формально крещены, христианская религия не может особо похвастаться, поскольку они приняли новую религию с целью избежать наказания и получения выгоды для новообращенных (Gmelin, 1751: 49–50).

Наблюдения И.Г. Гмелина дополняются комментариями К.В. Харламповича. Миссионерские школы были проектированы в 1732 г. казанским архиепископом Илларионом. Их должно было быть четыре: в Казани, Цивильске, Царевококшайске и Елабуге. Проект был осуществлен не скоро, к тому же вместо Цивильска миссионерскую школу открыли в Свияжске (Харлампович, 1904: 13).

Вообще недостаточное освещение раннего этапа христианизации чувашей является серьезным упущением в науке и делает тему актуальной. Православие как одно из направлений христианства среди чувашей ассоциировалось с русским народом. Приобщение к русской культуре и миссионерская деятельность среди чувашей проводились под флагом православия. Середину XVIII в. можно считать началом повального крещения чувашей. Но вначале же крестное движение принимает формальный характер, наблюдается явная погоня за процентами. Так, чувашей Батыревской волости Буинского уезда крестили в реке Буле кучами. Однако неопиты продолжали придерживаться своих старых традиций. Многие из них выбрасывали подаренные им кресты и уходили на новые земли. Например, из Симбирской и Казанской губерний – в Самарскую. Об образовании там деревень до сих пор бытуют предания. Чуваша и другие народы Среднего Поволжья православными стали (а заодно ассимилировались с русскими) не сразу, а поэтапно. Этот процесс имеет историю. А она весьма сложная, с перипетиями (Салмин, 2016: 120–130).

Естественнонаучные исследования. Используя барометры и термометры, профессора И.Г. Гмелин и Делиль ла Кроер проводили метеорологические обсервации на Волге. Свои измерения они фиксировали по несколько раз в день. В целях уточнения ландкарты примечали течение Волги. На основе полученных результатов ученые составляли рапорт и отправляли в Кунсткамеру. Доктор Гмелин также исследовал склонение и силу магнита в здешнем месте, изобретал инструменты, способствующие качеству метеорологических исследований (Материалы, 1886: 400, 409).

Для сечения и обсервации ученые раздобыли разные виды представителей фауны: выхухолей, белуг, осетров и белой рыбы (Там же: 404, 408). К примеру, в рапорте читаем: «Принесены были к нам от здешних рыбаков ноября 28 дня осетр да белуга и 3 выхухоля, из которых мы сих выхухолей купили, и профессор Гмелин над ними анатомию учинил; которые описания находятся при его обсервациях. Осетр и белуга были все мерзлы и к анатомическому сечению уже негодны; к тому же за белугу просили 10 руб., которых мы не хотели» (Материалы, 1886: 407). Свои описания вместе с рисунками он прилагал к рапортам.

Кроме того, доктор Гмелин побывал в монастырской часовне у архиепископа Троифона и обследовал «давно выкопанные кости особой величины». Он определил их как кости от щеки и бедра слона (Материалы, 1886: 401).

Поступление экспонатов в Академию. За все время десятилетней экспедиции И.Г. Гмелин и его коллеги отправляли в Кунсткамеру и Академию рапорта и экспонаты. Например, имеется

рапорт Высокоправительствующему сенату от отправленных в камчатскую экспедицию профессоров от 8 декабря 1733 г. 7 января 1734 г. получено от доктора Гмелина на имя президента Академии письмо, пакет и ящик, отправленные из Казани 15 ноября 1733 г. При распечатке выяснилось, что присланы фигурные камни, собранные на берегу Волги. Решено было материалы сначала представить в Конференцию Академии, а затем передать на хранение в Куншт-камеру ([Материалы, 1886: 398, 431](#)).

В марте 1744 г. в Академию наук от Г.Ф. Миллера и И.Г. Гмелина поступили реестры рисунков и вещей ([СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 121. Л. 130–142 об.](#)).

18 июля 1745 г. профессора И.Г. Гмелин, Иосия Вейтбрехт, Г.Ф. Миллер, П.-Л. Леруа, Г.В. Рихман и И.Г. Сигизбек обратились к кабинет-секретарю И.А. Черкасову с жалобой на И.Д. Шумахера, где, в частности, отмечали, что в альбоме «Палаты Санкт-Петербургской Императорской Академии наук, Библиотеки и Кунсткамеры» ничего не сказано о коллекции, собранной для музея в ходе Второй Камчатской экспедиции ([Хартанович, Хартанович, 2014: 173](#)).

А 7 августа 1746 г. конференц-секретарь Академии наук Николай фон Винсгейм подает президенту АН К.Г. Разумовскому рапорт о том, что «к принятию в архиву подаваемых от профессоров Гмелина и Миллера дел и описаний сибирского их путешествия, за множеством оных, в наличных в архиве шкафах места не достает» ([Материалы, 1895: 214](#)). Поэтому он просит изготовить новые шкафы, особенно – для бумажных папок. Все поступившие материалы он обещает держать «за академическою печатью». В этот же день И.Г. Гмелин и Г.Ф. Миллер представили реестр всех рапортов, донесений и описаний вещей, отправленных из экспедиции в Правительствующий Сенат и в Академию, а также список того, что еще при них имеется ([Материалы, 1895: 194–212](#)).

Из сохранившихся архивных источников также известно, что из Камчатской экспедиции в Петербург были отправлены «восемь рисунков черемисского, чувашского, вотяцкого и татарского платья» ([СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 121: 131 об.](#)). Однако судьба этих рисунков до сих пор неизвестна. С большой долей вероятности можно утверждать, что и сами образцы одежд из этой экспедиции дошли до Кунсткамеры.

В ходе исследования материалов экспедиции И.Г. Гмелина, относящихся к казанскому периоду, получены достоверные данные по истории, религии и этнографии народов края.

5. Заключение

Как видим, работа Камчатской экспедиции в пределах Казанской губернии оказалась напряженной и результативной. И.Г. Гмелиным при участии Г.Ф. Миллера и других членов экспедиции удалось внести значительный вклад в изучение края. Это – уточнение численности населения, состава семьи, исследование традиционных обрядов, пищи и одежды местных народов. Также были изучены язык, верования, проведены метеорологические наблюдения. В Кунсткамеру и Академию отправлены рапорты о полученных результатах, ящики с образцами флоры, фауны и экспонатами этнографического плана.

С 14 по 17 октября 1733 г. члены Камчатской экспедиции И.Г. Гмелин и Г.Ф. Миллер проходили земли, населенные чувашами. Это были деревни, расположенные вдоль правого берега Волги. Передвигались исследователи по воде, а ночевали, питались и отдыхали в прибрежных деревнях. На этом отрезке пути их сопровождали толмач, двое слуг и четыре солдата. Практически побывали среди чувашей всего трое суток, однако записи, оставленные ими, служат незаменимым источником, ибо они являются первыми по времени фиксации.

Из инородцев Казанской губернии наилучшее впечатление на доктора Гмелина произвели татары. Ему понравились их опрятность, общительность, а также сравнительно высокая культура.

Литература

- [Белковец, 1990](#) – Белковец Л.П. Иоганн Георг Гмелин: 1709–1755. М.: Наука, 1990. 112 с.
- [Владыкин, 1994](#) – Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 383 с.
- [Головнев, 2016](#) – Головнев А.В. Этнокультурный потенциал и полиэтничность (российский ракурс) // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2016. № 4. С. 61–67.
- [Димитриев, Селиванова, 2011](#) – Димитриев В.Д., Селиванова С.А. Чебоксары: очерки истории города XVIII века. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. 445 с.
- [Материалы..., 1886](#) – Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 3 (1736–1738). СПб.: Имп. АН, 1886. 898 с.
- [Материалы..., 1890](#) – Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 6: История Академии наук Г.-Ф. Миллера с продолжениями И.-Г. Штриттера (1725–1743). СПб.: Тип. Имп. АН, 1890. 636 с.
- [Материалы..., 1895](#) – Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 8: (1746–1747). СПб.: Имп. АН, 1895. 794 с.
- [Пекарский, 1870](#) – Пекарский П.П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. 1. СПб.: Имп. АН, 1870. LXVIII, 776 с.

- Пыпин, 1884** – *Пыпин А.* Русская наука и национальный вопрос в XVIII веке // Вестник Европы. 1884. Т. III. С. 212–256.
- РНБ** – РНБ (отдел рукописей Российской национальной библиотеки). Q. IV. 379. Щербаков, исправник. Описание об идолопоклонниках-чувашах Буинского у. (1857) г.
- Салмин, 2016** – *Салмин А.К.* Православный фактор в истории чувашей // Вестник Чувашского университета. 2016. № 2. С. 120–130.
- СПбФ АРАН** – СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 30. Д. 4. – Дневник Ив.Ив. Лепехина с записью его наблюдений по экспедиции 1768–1772 г.
- СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 121.** – *Миллер Г.Ф.* Реестры, индексы, каталоги, регистры... 1733–1747 гг.
- СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 104. Д. 1.** – *Gmelin I.G.* Tageregister der Kamtschatkischen Reise zusammen geschrieben. 1733–1736 jj.
- Харлампович, 1904** – *Харлампович К.В.* Известия И. Гмелина о Казани и о казанских инородцах (1733). Казань: Имп. ун-т, 1904. 26 с.
- Хартанович, Хартанович, 2014** – *Хартанович М.Ф., Хартанович М.В.* Летопись Кунсткамеры: 1714–1836. СПб.: МАЭ РАН, 2014. 733 с.
- ЧГИ** – ЧГИ (научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук, отд. I). Д. 160. Никольский Н.В. Этнография, фольклор. 1899–1910 гг.
- ЧГИ. Д. 808.** – *Ашмарин Н.И.* Этнография, фольклор. 1895–1932 гг.
- Gmelin, 1751** – *Gmelin J.G.* Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743: I. Göttingen: Verlegst Abram Vandenhoecks Seel., 1751. 467 p.

References

- Belkovets, 1990** – *Belkovets L.P.* (1990). Iogann Gheorg Gmelin: 1709-1755. M.: Nauka. 112 p. [in Russian]
- Vladykin, 1994** – *Vladykin V.Ye.* (1994). Religiozno-mifologicheskaya kartina mira udmurtov [Religious and mythological world view of the Udmurts]. Izhevsk: Udmurtiya. 383 p. [in Russian]
- Golovnyov, 2016** – *Golovnyov A.V.* (2016). Etnokul'turnyi potentsial i polietnichnost' (rossiiskii rakurs) [Ethnocultural potential and polyethnicity (Russian view)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya.* No. 4, 61-67. [in Russian]
- Dimitriyev, Selivanova, 2011** – *Dimitriyev V.D., Selivanova S.A.* (2011). Cheboksary: ocherki istorii goroda XVIII veka [Cheboksary: Outlines of the city history in XVIII century]. Cheboksary: Chuvash. kn. izd-vo. 445 p. [in Russian]
- Materialy..., 1886** – *Materialy dlya istorii Imperatorskoi akademii nauk* [Materials for the history of the Imperial Academy of Sciences]. T. 3 (1736-1738). SPb.: Imp. AN, 1886. 898 p. [in Russian]
- Materialy..., 1890** – *Materialy dlya istorii Imperatorskoi Akademii nauk.* T. 6: Istoriya Akademii nauk G.-F. Millera s prodolzheniyami I.-G. Shrittera [Materials for the history of the Imperial Academy of Sciences. Vol. 6: History of the Academy of Sciences by H.F. Miller continued by I. G. Schritter] (1725-1743). SPb.: Tip. Imp. AN, 1890. 636 p. [in Russian]
- Materialy..., 1895** – *Materialy dlya istorii Imperatorskoi akademii nauk* [Materials for the history of the Imperial Academy of Sciences]. T. 8: (1746-1747). SPb.: Imp. AN, 1895. 794 p. [in Russian]
- Pekarskii, 1870** – *Pekarskii P.P.* (1870). Istoriya Imperatorskoi Akademii nauk v Peterburghe. T. 1. SPb.: Imp. AN. LXVIII, 776 p. [in Russian]
- Pypin, 1884** – *Pypin A.* (1884). Russkaya nauka i natsional'nyi vopros v XVIII-m veke [Russian science and national issue in XVIII century]. *Vestnik Yevropy.* T. III. pp. 212-256. [in Russian]
- RNB** – РНБ (отдел рукописей Россииской национальной библиотеки). Q. IV. 379. *Shcherbakov, ispravnik.* Opisanie ob idolopoklonnikakh-chuvashakh Buinskogo u. [Essay on the Chuvash idolaters of Buinsk parish] (1857) g. [in Russian]
- Salmin, 2016** – *Salmin A.K.* (2016). Pravoslavnyi faktor v istorii chuvashei [Orthodox factor in the history of the Chuvash]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta.* No. 2. pp. 120-130. [in Russian]
- SPbF АРАН. Ф. 3. Оп. 30. Д. 4** – Дневник Ив.Ив. Лепехина с записью его наблюдений по экспедиции 1768-1772 г. [Iv. Iv. Lepyokhin's diary with record of his observations on the expedition of 1768-1772] [in Russian].
- SPbF АРАН. Ф. 21, оп. 5. Д. 121** – *Miller G.F.* Reyestry, indeksy, kataloghi, reghistry... [Records, indices, catalogues, registers] 1733-1747 gg. [in Russian]
- SPbF АРАН. Р. I. Оп. 104. Д. 1** – *Gmelin I.G.* Tageregister der Kamtschatkischen Reise zusammen geschrieben [The Chronicle of Kamchatka exploration as a handwritten manuscript]. 1733-1736 jj. [in German]
- Kharlampovich, 1904** – *Kharlampovich K.V.* (1904). Izvestiya I. Gmelina o Kazani i o kazanskikh inorodtsakh [I. Gmelin's news about Kazan and Kazan indigenous dwellers] (1733). Kazan': Imp. un-t, 1904. 26 p. [in Russian]
- Khartanovich, Khartanovich, 2014** – *Khartanovich M.F., Khartanovich M.V.* (2014). Letopis' Kunstkamery [Kunstkamera chronicle]: 1714-1836. SPb.: MAE РАН. 733 p. [in Russian]

ChGhI – ChGhI (nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk, otd. I). D. 160 – *Nikol'skii N.V.* Etnografiya, fol'klor [Ethnography, folklore]. 1899-1910 gg. [in Russian]

ChGhI. D. 808 – *Ashmarin N.I.* Etnografiya, fol'klor [Ethnography, folklore]. 1895 – 1932 gg. [in Russian]

Gmelin, 1751 – *Gmelin J.G.* (1751). Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743: I. Göttingen: Verlegst Abram Vandenhoecks Seel. 467 p.

И.Г. Гмелин и его роль во Второй Камчатской экспедиции на территории Казанской губернии

Антон Кириллович Салмин ^{a, *}

^aМузей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена Казанскому периоду исследований члена Второй Камчатской экспедиции профессора Петербургской Академии наук И.Г. Гмелина. В хронологическом плане речь идет о периоде с октября по декабрь 1733 г. За короткий период им, а также Г.Ф. Миллером зафиксирован уникальный материал, не потерявший актуальность и по сей день. Это – численность населения края, состав семьи, обряды, пища и одежда местных народов. Изучены язык, верования, проведены метеорологические наблюдения. В Кунсткамеру и Академию наук отправлены рапорты о полученных результатах, ящики с образцами флоры, фауны, экспонаты этнографического плана.

Исследований о И.Г. Гмелине на русском языке мало. Объясняется это тем, что основной труд «Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743», изданный в Геттингене в 1751–1752 гг., до сих пор не переведен на русский язык. Имеется репринтное издание на немецком языке, осуществленное в 2009 г.

За короткий период И.Г. Гмелин и его коллега Г.Ф. Миллер сумели обстоятельно познакомиться повседневной жизнью народностей, проживающих в Казанской губернии – с черемисами, чувашами, вотяками, мордвой, татарами и русскими. Например, первая фиксация полевого (общесельского) моления чувашей выполнена И.Г. Гмелиным. Произошло это на полпути между Чебоксарами и Козьмодемьянском в Ильинской Пустыньке. Здесь путешественники увидели привязанную к дереву лошадь, которую использовали для поездки на мольбище. Участники моления забили барана и варили в котле потроха и желудок, начиненные жиром, кровью и крупой. На восточной стороне от котла имелась площадка, огороженная со всех сторон палками. Шкуру жертвенного животного раньше вешали на жерди на мольбище. Свои исследования в Казанской губернии путешественник назвал приятной обязанностью.

Ключевые слова: Вторая Камчатская экспедиция, И.Г. Гмелин, Казанская губерния, вотяки, мордва, русские, татары, черемисы, чувашаи.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: antsalmin@mail.ru (А.К. Салмин)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 51. Is. 1. pp. 64-71. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.1.64
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Formation and Development of Human Resources of Health Authorities in the Orenburg Province in the second half of the XVIII – mid XIX centuries

Sergey V. Lyubichankovskiy^{a, *}, Diana M. Mifteeva^a

^aOrenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation

Abstract

The article is based on analysis of federal and regional historical sources and additional literature on this issue. The authors explore problems related to the development of human resources for health authorities in the Orenburg province in the second half of the 18th – mid-19th centuries.

The authors analyze the historical conditions which contributed to the emergence of civil medicine in the center of the empire and in the remote regions. It is reported that the provincial reform of Catherine II (1775) served as an impulse to increase the number of civilian medical officials in the Orenburg province. The increase in the number of medical institutions required the expansion of the medical staff for their staffing. The lack of medical staff, including auxiliary of most medical institutions of the province during the entire study period, led to a deterioration in the quality of medical care and reduced a large extent of its availability.

The peculiarities of staffing of medical institutions were the formation of their staff at the expense of representatives from the Mohammedan (Muslim) community due to the extremely negative attitude of the non-Jewish population to medicine and doctors in the Orenburg province.

Keywords: Orenburg Province, Russian Empire, health care, human resources, medical officials, medical care.

1. Введение

В период правления Петра I на государственном уровне начинает развиваться система подготовки отечественных медицинских кадров, и в целом регламентация их деятельности. После проведенной губернской реформы 1775 г. и развития системы приказной медицины начинает зарождаться и штат гражданских (государственных) медицинских чиновников, тогда как до этого времени в большей степени медицина продолжала оставаться военной. С увеличением числа медицинских учреждений по губерниям Российской империи стала возрастать и потребность в расширении медицинского штата для их укомплектования. Данные процессы коснулись в том числе и учреждений здравоохранения Оренбургской губернии, которые ко времени реформы были уже сформированы. Целью настоящей статьи является исследование процесса становления и развития кадровых ресурсов органов здравоохранения в Оренбургской губернии во второй половине XVIII – середине XIX вв.

2. Материалы и методы

Источниками для написания статьи послужили материалы, сконцентрированные в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА), Национального архива Республики Башкортостан (НАРБ) и Государственного архива Оренбургской области (ГАОО). Также в работе были использованы материалы, опубликованные в Трудах Оренбургской ученой архивной комиссии и сборниках нормативных документов.

* Corresponding author

E-mail addresses: svlubich@yandex.ru (S.V. Lyubichankovskiy)

Объективность и достоверность результатов данного исследования обусловлены использованием принципа объективности. Помимо этого, авторами в ходе написания данной статьи были применены историко-сравнительный и историко-генетический методы. Комплексное использование представленных методов позволило исследовать процесс становления и развития кадровых ресурсов органов здравоохранения в Оренбургской губернии после реформы Екатерины II 1775 года.

3. Обсуждение

Вопросы формирования отечественных кадров и зарождения здравоохранения на территории Российской империи в дореформенный период раскрываются в двух фундаментальных работах первой половины XIX в. – в труде В.М. Рихтера (*Рихтер, 1814–1820*) и в работе доктора медицины, профессора Я.А. Чистовича (*Чистович, 1883*). В них довольно подробно описываются предпосылки, приведшие к замене труда зарубежных врачей на труд отечественных кадров, вопросы развития медицинского образования в России, формирования новых медицинских кадров, а также зарождения в период правления Екатерины Великой новых структур в здравоохранении – врачебных управ и приказов общественного призрения.

Трудами, в которых впервые изучалась деятельность медицинского персонала учреждений здравоохранения в губернии, являются монография А.В. Попова (*Попов, 1910*) и статья С.Н. Севастьянова «К летописи холерной эпидемии в Оренбурге в 1848 г.» (*Севастьянов, 1897*). В данных работах подробно описывается деятельность всего медицинского штата, в том числе и вспомогательного, в период борьбы с холерой в XIX в. Также поднимается довольно острый вопрос, обозначившийся в период эпидемий, – о кадровой необеспеченности большинства медицинских учреждений не только в самом городе Оренбурге, но и в губернии.

Отдельно стоит отметить работу А.В. Васильева (*Васильев, 1896*) и более позднюю статью И.С. Шукшинцева, опубликованную в «Трудах» Оренбургской ученой архивной комиссии (*Шукшинцев, 1903*). В представленных работах наиболее подробно описаны попытки так называемой «медицилизации» мусульман, предпринимаемые администрацией совместно с врачами Оренбургского края в XVIII–XIX вв.

В советский период внимание исследователей было сконцентрировано на изучении положения класса рабочих, их положения и условий труда (*Бейлихис, 1957*). Многочисленным вспышкам эпидемий в России с древнерусского периода и вплоть до середины XX в. посвящены работы К.Г. Васильева и А.Е. Сегала (*Васильев, Сегал, 1960*). В отдельной главе, посвященной проникновению и распространению холеры в России, авторами уделяется внимание в первую очередь описанию событий, связанных с эпидемиями азиатской холеры в Оренбургском крае в XIX в.

Значимым научным трудом конца XX в. является работа М.Б. Мирского (*Мирский, 1995*), отдельная глава которой посвящена реформам Екатерины II 1775 г. и зарождению приказной медицины. Именно после проведения губернской реформы 1775 г. и, как следствие, возрастания числа учреждений здравоохранения возникают предпосылки для увеличения числа медицинских кадров, возникает так называемая «гражданская медицина». Данные процессы были характерны для большинства губерний Российской империи, в том числе и Оренбургской.

На современном этапе значительное внимание уделяется социальным вопросам: демографии, отношению населения России к медицине и врачам, социальному статусу медицинского персонала, их материальному обеспечению (*Гончарова и др., 2004; Зимин, 2003, 2004; Мирский, 2005; Раскин, 2006; Ахатова, 2006; Каган, 2014; Dzhundzhuzov, Lyubichankovskiy, 2017*).

В региональной историографии работ по данной проблематике немного. Среди них следует выделить исследования Т.Ю. Шестовой, в которых автор изучает вопросы кадрового состава медицинских учреждений в контексте становления здравоохранения Урала в дореформенный и более поздний периоды (XVIII–XX вв.) (*Шестова, 2000, 2003*).

Таким образом, вопросы становления и развития кадровых ресурсов органов здравоохранения в Оренбургской губернии в XVIII – середине XIX вв. представлены в региональной историографии немногочисленными работами. В данной статье автором были исследованы источники кадровых ресурсов медицинских учреждений Оренбургской губернии, проанализирована степень обеспеченности врачебным персоналом лечебных учреждений, а также выявлены особенности кадрового обеспечения учреждений здравоохранения Оренбургской губернии в XVIII – середине XIX вв.

4. Результаты

Подготовка медицинских кадров в России в XVIII–XIX вв. происходила в нескольких медицинских учреждениях. Одной из первых в 1707 г. была открыта медико-хирургическая госпитальная школа, созданная на базе госпиталя. Помимо этого, в начале XIX в. были открыты университеты с медицинскими факультетами в Дерпте, Казани, Вильно и т.д.

В штате медицинских учреждений Оренбургской губернии за 1844 г. медицинских работников указано: докторов – 2, штаб-лекарей – 6, лекарей – 13, итого – 21 (*РГИА. Ф. 1297. Оп. 244. Д. 105. Л. 25–26*). Из 21 медицинского чиновника в Московском университете прошли обучение 3 чел., в Московской медико-хирургической академии – 7 чел., в Дерптском университете – 2 чел., в

Казанском университете – 7 чел., в Санкт-Петербургской медико-хирургической академии – 2 чел. (РГИА. Ф. 1297. Оп. 244. Д. 105. Л. 25–26).

После прохождения обучения выпускники получали звание лекаря (врача) и разрешение на осуществление медицинской практики. В связи с тем, что отдельных врачебных специализаций на тот период еще не было, наблюдалась постоянная загруженность уездных лекарей, занимавшихся абсолютно всеми вопросами, относящимися к медицине: судебно-медицинскими, санитарно-эпидемиологическими, ветеринарными и т.д.

Лекарские ученики, повивальные бабки и фельдшера представляли собой в XIX в. вспомогательный медицинский персонал. В 1808 г. для медицинских чинов был установлен обязательный срок службы, который не должен был быть менее шести лет, только потом у них появлялась возможность уйти в отставку или заниматься вольной практикой. В зависимости от выслуги мог меняться и классный чин врача, в большей степени определявший его статус. За ревностную и беспорочную службу медицинские чины награждались знаками отличия: орденами, «похвалой» и «признательностью», которые впоследствии вносились в формуляры (личные дела).

В 1843 г. Бугурусланский уездный врач Кнорр был награжден премией в размере 128 руб. 65 коп., а младший ветеринарный врач Соболев – в размере 85 руб. 80 коп. (РГИА. Ф. 1297. Оп. 244. Д. 38. Л. 11). Были и более значимые награды: в 1844 г. за отлично-ревностную службу в Оренбурге был Всемилостивейше награжден орденом Св. Станислава 3-й степени по статуту инспектор врачебной управы статский советник Резанцев (РГИА. Ф. 1297. Оп. 244. Д. 38. Л. 11 об.).

Однако в ежегодных отчетах врачебных управ Оренбургской губернии штрафов и выговоров значительно больше, чем поощрений, причем взыскания следовали за самые разные проступки. В 1843 г. под следствием оказался белебеевский уездный врач, штаб-лекарь Богинский, обвиненный в злоупотреблении по рекрутскому набору 1841 г. «В Мензелинском рекрутском присутствии под судом оказался Бирский уездный врач Лекарь Кашкадамов за беспорядки, допущенные им при освидетельствовании тела скоропостижно умершаго тептяря Ильухамета Куплуярова» (РГИА. Ф. 1297. Оп. 244. Д. 38. Л. 11). В 1844 г. тот же бирский уездный врач Кашкадамов, а также оренбургский лекарь Молленгауер и бугурусланский лекарь Кнорр подвергались выговорам и замечаниям от Оренбургского губернского правления за ненадлежащую службу (РГИА. Ф. 1297. Оп. 244. Д. 38. Л. 11). В этом же 1844 г. бугурусланский уездный врач состоял под судом «за сожжение кож у государственного крестьянина Упырина и принятия на себя непринадлежащей власти, сверх сего подвергнулся за беспорядки и неосновательное заключение при освидетельствовании девицы Калугиной по заключению Медицинского совета строжайшему выговору со внесением в формуляр» (РГИА. Ф. 1297. Оп. 244. Д. 38. Л. 11).

Таким образом, в XVIII–XIX вв. на территории Российской империи и по ее губерниям почти полностью сформировался класс медицинских чиновников. Во второй половине XIX в. штат гражданских врачей увеличивается и молодеет, появляются городские, помещичьи, фабричные и другие врачи, расширяется круг вольнопрактикующих врачей. Стоит отметить и изменения национального состава основной массы врачебного сообщества и спектра социальных групп.

В Оренбурге в 1843 г. штат медицинских работников состоял: из купеческих детей – 3, иностранных – 2, мещан – 8, казенных воспитанников – 9, обер-офицерских детей – 1, аптекарских детей – 1, солдатских детей – 3, крестьян – 2, вольноотпущенников – 2, духовных – 1 (РГИА. Ф. 1297. Оп. 244. Д. 38. Л. 26–27). А в 1865 г. уже из: купеческих детей – 1, иностранных – 2, мещан – 7, казенных – 7, вольноотпущенников – 3, духовных – 1, дворян – 3, шляхт – 7, почетных граждан – 3 (РГИА. Ф. 1297. Оп. 244. Д. 38. Л. 26–27). Женщинам же разрешалось заниматься лишь акушерством, к медицинской практике их не допускали практически до конца XIX в.

В 1844 г. из МВД гражданскому губернатору было направлено предложение, чтобы штатные вакансии занимались не по старшинству в звании, как было принято, «но учитывалось преимущественно их познания, опытность и усердие к службе, равно служба, проведенная им и в других ведомствах» (НАРБ, Ф. И-385. Оп. 1. Д. 20. Л. 3–3 об.).

В течение XVIII–XIX вв. на территории Российской империи остро стояла проблема кадровой необеспеченности учреждений здравоохранения. В отчете о доходах и расходах оренбургского приказа общественного призрения за 1833 г. в разделе, посвященном штату, также прослеживается кадровая необеспеченность медицинских учреждений. Так, на пять учреждений численность персонала ограничивалась 24 чел. вместе с обслугой (ГАОО. Ф. 6. Оп. 9. Д. 1079815. Л. 106–106 об.).

Набирающий обороты кризис в системе медицинского обеспечения показал, что учрежденные приказы общественного призрения не в полной мере справляются с возложенными на них обязанностями. Приказы, озабоченные в большей степени кредитными операциями, сферу медицинского обеспечения отодвигают на второй план. Особенно плачевной ситуация была в Домах умалишенных. В Оренбургской губернии он был один, в г. Уфе.

14 марта 1847 г. в отчете губернатору Оренбургскому и Самарскому о штатах заведений приказа общественного призрения был описан произошедший в Доме умалишенных «бедственный случай», который наглядно показывает сложившуюся в результате нехватки персонала ситуацию в данном учреждении. «23 февраля сего года одна из умалишенных, киргизка Габдуллина, в болезненном, неистовом ее состоянии, в то время, когда служительница Григорьева хотела одеть ее в горячую

рубашку, выхватив у нее эту рубашку и обмотав ее два раза кругом шеи Григорьевой, начала давить до того, что у Григорьевой бросилась кровь из носа и из рта, и только одна из сумасшедших же, старавшаяся бессознательно оторвать Габдуллину от Григорьевой, и потом вошедший из соседней палаты служитель спасли Григорьеву от предстоящей смерти, а 12 марта сумасшедший откусил у служителя палец; таковые случаи, затрудняющие Начальство заведений в наем служителей, по ограниченности окладов жалованья, повторяются нередко; и при недостатке тех служителей и неудобстве помещений предотвратить их нет возможности» (РГИА. Ф. 1287. Оп. 20. Д. 10106. Л. 4–4 об.).

Нехватка работников влекла за собой серьезные последствия: «а) по всем заведениям в женских отделениях нет надзирательниц и служительниц, в богадельне и при рабочем доме, вопреки порядку и приличию, при женщинах состоят служители; б) при больнице не полагается и не содержится ни одного платного надзирателя, тогда как число больных постепенно бывает от 25–30 и 40 человек; в) определенные ныне по штату служители не имеют форменного одеяния, по рисункам, разосланным МВД в 1831 г., находясь при должностях, кто в крестьянском зипуне, кто в некрытой бараньей шубе и проч. Через что, не говоря уже о приличии, ослабляется сама дисциплина...» (РГИА. Ф. 1287. Оп. 20. Д. 101. Л. 2). Также в отчете указывается, что обязанности кухарок и прачек в заведениях приказов возложена на арестантов.

Ситуация, сложившаяся в заведениях приказа общественного призрения к середине XIX столетия, была довольно критичной, особенно это касалось Дома умалишенных. Основными причинами необеспеченности населения медицинским пособием и высокого коэффициента несчастных случаев в лечебных заведениях стала проблема нехватки медицинского персонала, не только врачебного, но и вспомогательного.

В Оренбургской губернии лекари и подлекари назначались не только в уезды, но и на военные крепости, где обеспечивали медицинским пособием войска. В большинстве случаев за одним подлекарем закреплялось несколько военных крепостей. В том случае, если военная крепость находилась на незначительном расстоянии от города Оренбурга и находящегося в нем военного госпиталя, подлекарь в эту крепость не определялся (НАРБ. Ф. И-146. Оп. 1. Д. 4. Л. 2). Подобная «оптимизация» негативно влияла на качество медицинского обслуживания.

«На тяжелые условия работы при полевых полках и батальонах указывало и то, что многие лекари и подлекари избегали участи быть прикомандированными в военные полки. Командиры в полках различий между лекарями и военнотружущими не проводили, при малейших провинностях физически наказывали лекаря как рядового солдата» (Мифтеева, 2018: 128). В 1798 г. Медицинская комиссия направила сообщение барону А.И. Васильеву такого характера: «Некоторые из государственных Шефов полковых, и полковых командиров с определенными в полки, к их начальству медицинскими Чинами обходятся с крайнею суровостью, и в наказание поступают с такою жестокостью, что подлекарей бьют палками...» (НАРБ. Ф. И-146. Оп. 1. Д. 4. Л. 204).

Обязаны были батальонные лекари присутствовать и при произведении различных наказаний. В Оренбургской губернии наиболее распространенным видом взыскания за различные провинности служилых, особенно башкир, было наказание шпицрутенами, к которому также были привлекаемы лекари и подлекари (НАРБ. И-146. Оп. 1. Д. 106. Л. 4–5 об.).

Исследуя деятельность вспомогательного медицинского персонала, нельзя не уделить внимание вопросам акушерства. Повивальные бабки, как и подлекари, подразделялись на старших и младших. Указом от 30 января 1797 г. в каждой губернии и в уезде обязательно в штате было иметь по старшей и младшей повивальной бабке. В Оренбургской губернии наблюдалась постоянная нехватка образованных повитух, старших и младших учениц, прикреплявшихся к ним для получения опыта в повивальном искусстве, также не имелось.

В связи с обозначенной проблемой вплоть до конца XIX в. в Оренбургской губернии ежегодно в родах умирали и сами роженицы, и их дети. К середине XIX в. по губернии имелось акушерок, определенных от правительства: в Уфе – 2, Оренбурге – 1, Стерлитамаке – 1, Бирске – 1, Челябине – 1, Троицке – 1, Верхнеуральске – 1, Мензелинске – 1, Белебее – 1, таким образом, всего насчитывалось 10 образованных повитух (РГИА. Ф. 1297. Оп. 143. Д. 28. Л. 7 об.). Помимо них, население обслуживали обученные «на дому» повивальные бабки, всего их было 6. «В Дуванейской волости – 2 на 8 026 душ, в Печеновской – 1 на 6 014 душ, в Мысовочелнинской – 1 на 5 125 душ, в Григорьевском отделении – 1 на 1 679 душ, в Касевской волости была 1 повивальная бабка на 6 791 душ, которая за выслугою установленных 5 лет уволена с правом однако ж заниматься вольную практикой» (РГИА. Ф. 1297. Оп. 143. Д. 28. Л. 7 об.).

В 1865 г. Оренбургская губерния была разделена на две губернии — Оренбургскую и Уфимскую. В составе Оренбургской губернии остались Оренбургский, Орский, Верхнеуральский, Троицкий и Челябинский уезды. В 1866 г. на 14 767 чел. женского пола приходилось всего 10 повитух без учениц (РГИА. Ф. 1297. Оп. 239. Д. 60. Л. 5). Таким образом, на один уезд в среднем приходилось по две повитухи.

Впервые в Оренбурге вопросам улучшения качества родовспоможения озаботились еще при губернаторстве В.А. Обручева. 7 марта 1847 г. по всем врачебным управам были разосланы правила испытания женщин из сельского сословия, которые по изучению практики повивального искусства

захотели бы им заниматься. Оренбургским губернатором был собран совет, на котором было выслушано предложение об устройстве при больнице оренбургского приказа повивального училища.

Качество родовспоможения по губернии в исследуемый период оставляло желать лучшего: «Получаемые в министерства сведенья в общем характере своем показывают на отсутствие почти повсеместно, в повитухах самых необходимых сведений в повивальной практике; приемы, употребленные ими в неправильных родах, до сих пор отличаются, кроме своей безчеловечности еще совершенным недостатком простого здравого смысла, так, например, они с силой вытягивают без разбора выпавшую часть ребенка, трясут роженицу, ставят ее верх ногами, парят в жарко истопленной печи, водят по комнате, заставляют прыгать со столов и скамеек и т.п.

Между тем, хотя в большей части городов имеются экзаменованные повивальные бабки, но жители их, как и близких к ним селениям, неохотно обращаются к их помощи, частью по свойственной простолюдину недоверчивости, частью же по искони существующим в этом отношении предрасудкам. Результат такого положения дела высказывается к несчастью слишком ясно годовым числом мертворожденных младенцев и смертных случаев между роженицами, во время самих родов или в после родовом периоде» (РГИА. Ф. 1297. Оп. 143. Д. 28. Л. 2 об.).

Процесс устройства повивального училища растянулся на долгие годы, лишь 19 сентября 1864 г. начальникам всех губерний было поручено озаботиться устройством при больничных заведениях приказа общественного призрения, родильных отделений и повивальных школ, «без указания Министерством особого источника или же ассигнования постоянной суммы в достаточном для содержания ее размере» (РГИА. Ф. 1297. Оп. 143. Д. 28. Л. 27–42). На это губернатор дал свой ответ: «При каждом заводе в здешней губернии, коих 24, находится обученная бабка из местных поселян, и между тем случаи приглашения их очень редки, так что они больше сидят без дела, пространство же здешней губернии будет служить всегда препятствием к добровольному вступлению в центральное училище при губернской больнице, ибо для этого придется отрывать женщин от их семейств за 200 и более верст, на что крестьянки обыкновенно не изъявляют согласия, что видно из отказа их отдавать своих дочерей для обучения в Московское Родильное отделение, предполагая более полезным вместо учреждения при женском отделении училища для образования повитух из сельского сословия, по нахождению в губернии 24 получивших специальное образование акушерок.

По полученным отзывам, крестьяне отдавать детей для обучения повивальному искусству согласия неизъявили» (РГИА. Ф. 1297. Оп. 143. Д. 28. Л. 2 об.). Проблема эта так и не была решена, камнем преткновения продолжал оставаться вопрос финансового обеспечения этих повивальных школ, значительную роль сыграла и косность населения Оренбургской губернии.

В Оренбургской губернии были свои особенности кадрового обеспечения медицинских учреждений. Власти многонационального края способствовали увеличению числа медицинских работников из числа инородческого населения, в первую очередь мусульманского. Магометане не только не признавали медицинской науки, но и сопротивлялись любым попыткам врачей осмотреть их или выписать лекарство. Особенно медицинским осмотрам сопротивлялись мусульманские женщины, поэтому уездным врачам не удавалось своевременно оказать необходимую медицинскую помощь, и даже легкая болезнь со временем приобретала хронические формы.

Решить данную проблему впервые попытался в начале XIX в. губернатор Павел Петрович Сухтелен, введя обучение магометан медицинскому делу. По планам губернатора, успешно окончившие в Казанском университете свое обучение иноверцы должны были быть прикомандированы в города и уезды, где впоследствии лечили бы единоверцев, «но отнюдь не христианского исповедания людей» (Шукшинцев, 1903: 14–15). Для этого обратились за содействием к главному муфтию Габдусаламу Габдрахимову. Муфтий, согласившись с губернатором, разослал всем подведомственным ему учреждениям фетву (наставление), где, ссылаясь на страницы священных писаний, разъяснил народу положительные свойства медицины.

В 1835 г. В.А. Перовский ходатайствовал об увеличении числа обучающихся магометан до 20 чел. «13 января 1836 г. Его Императорское Величество Высочайше утвердить соизволил и повелел исполнить «Правила», которые в свою очередь регулировали порядок принятия на обучение в Казанский университет магометан из Оренбургской губернии.

10 августа 1836 г. был утвержден список мальчиков, отправляемых в Казань. Большая часть этих мальчиков обучение окончить не смогут. Некоторых отчислили «за неудовлетворительным знанием русского языка», некоторые не смогли завершить свое обучение из-за проблем со здоровьем, как, например, Кинзебулат Рамазанов, который потом умрет от горячки. Мухаметрахим Габдрахимов Биглов был отчислен «за буйство и бесчинства». Но опыт обучения мусульман медицинской науке оказался в целом положительным. Это дело в последующие годы будет продолжено.

14 июня 1844 г. Высочайше утвержденным положением об управлении Оренбургскими киргизами было принято решение обучать киргизских мальчиков в школе при оренбургском военном госпитале. Для этого по штату, приложенному к этому положению, отпускалось ежегодно 550 руб. Фельдшерская школа при оренбургском военном госпитале начала свою деятельность 9 августа 1841 г.

Первый опыт обучения киргизских мальчиков в фельдшерской школе оказался неудачным. Так, в 1847 г. в эту школу поступило всего 3 мальчика, в 1849 г. еще 2 мальчика. Из последних оба

скончались уже через 2-3 месяца обучения. В результате и так отрицательно настроенное киргизское население и отказалось отправлять своих детей в школу. В 1857 г. в этой школе обучался всего 1 киргизский мальчик – Хамза Карджасов (из Восточной части орды).

Киргизские родители были против отправления на обучение в Оренбург своих детей, они писали в письмах: «...А находясь в госпитале между больными, где постоянно воздух тяжелый, дети наши, как воспитанные в степи, непривычные и вынести едва могут» (Васильев, 1896: 31).

Обучение киргизских детей в Оренбургской фельдшерской школе продолжалось до 1871 г., всего 5 мальчиков получили звание младшего лекаря. Включение магометанского населения в медицину происходило в крае довольно болезненно. Руководство края, осознавая пользу обучения киргизских мальчиков фельдшерскому делу, пыталось убедить отдавать детей на обучение медицине. «Но у них, очевидно, было против фельдшерского искусства предубеждение, имевшее свое основание в народных обычаях и религиозном веровании, а потому меры, предпринимаемые в этом деле администрацией, действовали на них весьма слабо» (Васильев, 1896: 34).

5. Заключение

Подводя итог, можно заключить, что толчком к увеличению штата гражданских медицинских чиновников в России стала губернская реформа 1775 г. В Оренбургском крае в XVIII–XIX вв. практиковали высококвалифицированные специалисты, окончившие обучение в лучших университетах и академиях империи. Состав медицинского штата губернии охватывал широкий спектр общества. Но женщины в медицину по-прежнему не допускались, за ними оставалось право заниматься лишь повивальным искусством.

Серьезной проблемой для развития медицинского обеспечения стала проблема нехватки медицинского персонала, из-за чего качество медицинского обслуживания снижалось. Отсюда и следующая проблема – чрезвычайная загруженность медицинских кадров.

В Оренбургской губернии были свои особенности кадрового обеспечения медицинских учреждений – власти края из-за негативного отношения верующего населения к медицине пытались увеличить медицинский штат за счет кадров из иноверческой среды.

Литература

Ахатова, 2006 – Ахатова И.А. К вопросу об истории кумысоделия и кумысолечения // *Вестник Башкирского государственного аграрного университета*. Изд-во: Башкирский государственный аграрный университет. 2006. С. 28–32.

Бейлихис, 1957 – Бейлихис Г.А. Из истории борьбы за санитарную охрану труда в царской России (Вопросы гигиены и охраны труда в дореволюционной большевистской печати). М.: Медгиз, 1957.

Васильев, 1896 – Васильев А.В. Исторический очерк русского образования в Тургайской области и современное его состояние. Оренбург: Типо-лит. Жарикова, 1896. С. 34.

Васильев, Сегал, 1960 – Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России. М.: Медгиз, 1960. 397 с.

ГАОО – Государственный архив Оренбургской области.

Гончарова и др., 2004 – Гончарова С.Г., Егорышева И.В., Шерстнева Е.В. Становление приказной системы здравоохранения в России в XVIII веке // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2004. № 5. С. 59–61.

Зимин, 2003 – Зимин И.В. Медицинская интеллигенция в сословной структуре Российской империи XIX века // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2003. № 6. С. 49–51.

Зимин, 2004 – Зимин И.В. Подготовка медицинских кадров в России (XIX – начало XX вв.). СПб.: ГМУ, 2004. 367 с.

Мифтеева, 2018 – Мифтеева Д.М. Особенности медицинского обеспечения населения Оренбургской губернии в последней четверти XVIII – начале XIX века. *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета*. 2018. № 1 (25). С. 122–132.

НАРБ – Национальный архив Республики Башкортостан.

Каган, 2014 – Каган И.И. К истории здравоохранения и медицины г. Оренбурга в XIX–XX вв. // *Оренбургский медицинский вестник*. Изд-во: Оренбургский государственный медицинский университет. 2014. С. 4–8.

Мирский, 2005 – Мирский М.Б. Медицина России X–XX веков: Очерки истории. М.: РОССПЭН, 2005. 631 с.

Мирский, 1995 – Мирский М.Б. Очерки истории медицины в России XVI–XVIII вв. Владикавказ: Реклам. изд. агентство Госкомиздата РСО-А, 1995.

Попов, 1910 – Попов А.В. Холера 1829–33 годов в Оренбургском крае: Ист. исслед. врача А.В. Попова. Оренбург: Электро-паровая типо-лит. т-ва «Каримов, Хусаинов и К°», 1910.

Раскин, 2006 – Раскин Д.И. Несостоявшаяся реформа управления здравоохранением в России // *Вопросы истории*. 2006. № 4. С. 149–154.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

- Рихтер, 1814–1820** – *Рихтер В.М.* История медицины в России: (в 3 ч.). М.: в Университетской тип., 1814–1820.
- Севастьянов, 1897** – *Севастьянов С.Н.* К летописи холерной эпидемии в Оренбурге в 1848 г. // *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии*. Т. 3. Оренбург. 1897. С. 1–15.
- Шестова, 2003** – *Шестова Т.Ю.* История здравоохранения уральских губерний (Пермской, Вятской, Оренбургской) 1864–1900. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2003.
- Шестова, 2000** – *Шестова Т.Ю.* Развитие здравоохранения Пермской и Оренбургской губерний в дореформенный период. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2000.
- Шукшинцев, 1903** – *Шукшинцев И.С.* Первые врачи из башкир в Оренбургском крае // *Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии*. Выпуск XI. Оренбург. 1903. С. 11–37.
- Dzhundzhuzov, Lyubichankovskiy, 2017** – *Dzhundzhuzov S., Lyubichankovskiy S.* Kalmyks of Southern Ural in the XVIII – early XX century: problems of assimilation, acculturation and preservation of ethnic identity // *Bylye Gody*, 2017, Vol. 46, Is. 4. P.1194-1206.

References

- Akhatova, 2006** – *Akhatova I.A.* (2006). K voprosu ob istorii kumysodeliya i kumysolecheniya [On the history of kumysodeliya and kumysolecheniya]. *Bulletin of the Bashkir State Agrarian University*. Publishing house: Bashkir State Agrarian University. 2006. pp. 28-32. [in Russian]
- Beiliihis, 1957** – *Beiliihis G.A.* (1957). Iz istorii bor'by za sanitarnuyu ohranu truda v carskoj Rossii. (Voprosy gigieny i ohrany truda v dorevolucionnoj bol'shevistskoj pechati) [From the history of the struggle for sanitary labor protection in tsarist Russia. (Issues of occupational health and safety in the pre-revolutionary Bolshevik press)]. М.: Medgiz. [in Russian]
- Dzhundzhuzov, Lyubichankovskiy, 2017** – *Dzhundzhuzov S., Lyubichankovskiy S.* Kalmyks of Southern Ural in the XVIII - early XX century: problems of assimilation, acculturation and preservation of ethnic identity // *Bylye Gody*, 2017, Vol. 46, Is. 4. P.1194-1206.
- GAOO** – Gosudarstvennyi Arkhiv Orenburgskoi oblasti [The State Archive of the Orenburg region].
- Goncharova i dr., 2004** – *Goncharova S.G., Egorysheva I.V., Sherstneva E.V.* (2004). Stanovlenie prikaznoj sistemy zdravooohraneniya v Rossii v XVIII veke. [Formation of the mandative health care system in Russia in the XVIII century]. *Problems of social hygiene, health care and the history of medicine*. № 5. pp. 59-61. [in Russian]
- Kagan, 2014** – *Kagan I.I.* (2014). K istorii zdravooohraneniya i mediciny g. Orenburga v XIX-XX vv. [To the history of health and medicine of Orenburg in the XIX-XX centuries]. *Orenburg Medical Gazette*. Publishing house: Orenburg State Medical University. pp. 4-8. [in Russian]
- Mifteeva, 2018** – *Mifteeva D.M.* (2018). Osobennosti meditsinskogo obespecheniya naseleniya Orenburgskoy gubernii v posledney chetverti XVIII – nachale XIX veka [Features of medical support of the population of the Orenburg province in the last quarter of the XVIII – early XIX century]. *Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University*. № 1 (25). pp. 122-132. [in Russian]
- Mirsky, 1995** – *Mirsky M.B.* (1995). Oчерki istorii mediciny v Rossii XVI-XVIII vv. [Essays on the history of medicine in Russia in the XVI-XVIII centuries]. Vladikavkaz: Advertising. ed. Agency Goskomizdat RNO-A. [in Russian]
- Mirsky, 2005** – *Mirsky M.B.* (2005). Medicina Rossii X-XX vekov: Oчерki istorii [Medicine of Russia of the X-XX centuries: Essays on history]. М.: ROSSPEN. 631 p. [in Russian]
- NARB** – Nacional'nyj arhiv Respubliki Bashkortostan [National Archive of the Republic of Bashkortostan].
- Popov, 1910** – *Popov A.V.* (1910). Holera 1829-33 godov v Orenburgskom krae: Ist. issled. vracha A.V. Popova [Cholera 1829-33 years in the Orenburg region: East. researches doctor AV Popov]. Orenburg: Electro steam type-lit. t-va "Karimov, Khusainov and K". [in Russian]
- Raskin, 2006** – *Raskin D.I.* (2006). Nesostoyavshayasya reforma upravleniya zdravooohraneniem v Rossii. [Failed health care management reform in Russia]. *Questions of history*. No. 4. pp. 149-154. [in Russian]
- RGIA** – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive].
- Richter, 1814-1820** – *Richter V.M.* Istoriya mediciny v Rossii: (v 3 ch.). [History of medicine in Russia: (in 3 parts)]. М.: in the University type., 1814-1820. [in Russian]
- Sevastyanov, 1897** – *Sevastyanov S.N.* (1897). K letopisi holernoj ehpidemii v Orenburge v 1848 g. [To the chronicle of the cholera epidemic in Orenburg in 1848]. *Proceedings of the Orenburg Scientific Archival Commission*. Т. 3. Оренбург. pp. 1-15. [in Russian]
- Shestova, 2000** – *Shestova T.Yu.* (2000). Razvitie zdravooohraneniya Permskoj i Orenburgskoj gubernij v doreformennyj period [Development of health care in the Perm and Orenburg provinces in the pre-reform period]. Perm: Publishing house of Perm State University. [in Russian]
- Shestova, 2003** – *Shestova T.Yu., Shestova T.Yu.* (2003). Istoriya zdravooohraneniya ural'skih gubernii (Permskoj, Vyatskoj, Orenburgskoj) 1864-1900. [Health history of the Ural province (Perm, Vyatka, Orenburg) 1864-1900]. Perm: Publishing house of Perm State University. [in Russian]

Shukshintsev, 1903 – *Shukshintsev I.S.* (1903). Pervye vrachi iz bashkir v Orenburgskom krae [The first Bashkir doctors in the Orenburg region]. *Proceedings of the Orenburg Scientific Archival Commission*. Issue XI. Orenburg, pp. 11-37. [In Russian]

Vasiliev, Segal, 1960 – *Vasiliev K.G., Segal A.E.* (1960). Istoriya ehpidemij v Rossii [The history of epidemics in Russia]. M.: Medgiz. 397 p. [in Russian]

Vasilyev, 1896 – *Vasilyev A.V.* (1896). Istoricheskiy ocherk russkogo obrazovaniya v Turgajskoj oblasti i sovremennoe ego sostoyanie. [Historical essay on Russian education in the Turgai region and its current state]. Orenburg: Typ-lit. Zharikova. P. 34 [in Russian]

Zimin, 2003 – *Zimin I.V.* (2003). Medicinskaya intelligenciya v soslovnoj strukture Rossijskoj imperii XIX veka. [Medical intelligentsia in the estate structure of the Russian Empire of the XIX century]. *Problems of social hygiene, health and medical history*. № 6. pp. 49-51. [in Russian]

Zimin, 2004 – *Zimin I.V.* (2004). Podgotovka medicinskih kadrov v Rossii (XIX – nachalo XX vv.). [Training of medical personnel in Russia (XIX – early XX centuries)]. SPb.: State Medical University. 367 p. [in Russian]

Становление и развитие кадровых ресурсов органов здравоохранения в Оренбургской губернии во второй половине XVIII – середине XIX вв.

Сергей Валентинович Любичанковский ^{a, *}, Диана Маратовна Мифтеева ^a

^a Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье на основе анализа архивных источников из федеральных и региональных архивов и научной литературы по данной проблематике авторами исследуются вопросы, связанные со становлением и развитием кадровых ресурсов органов здравоохранения в Оренбургской губернии во второй половине XVIII – середине XIX вв.

Авторами проанализированы исторические условия, которые способствовали зарождению гражданской медицины в центре империи и на местах. Было определено, что импульсом к увеличению штата гражданских медицинских чиновников в Оренбургской губернии послужила губернская реформа Екатерины II (1775). Увеличение числа медицинских учреждений требовало расширения медицинского штата. Неукомплектованность медицинским персоналом приводила к ухудшению качества медицинского обеспечения, снижала в значительной степени его доступность.

В Оренбургской губернии из-за негативного отношения иноверческого населения к медицине и врачам особенностями кадрового обеспечения лечебных заведений стало наращивание их штата за счет представителей из мусульманской среды.

Ключевые слова: Оренбургская губерния, Российская империя, здравоохранение, кадровые ресурсы, медицинские чиновники, медицинское обеспечение.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: svlubich@yandex.ru (С.В. Любичанковский)

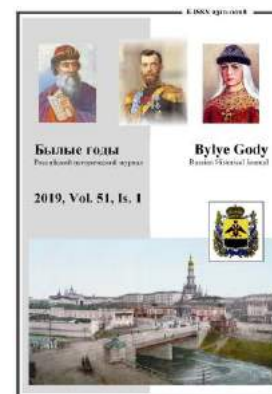
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 51. Is. 1. pp. 72-82. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.1.72
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Business Writing as a Source of Studying of the Events in Tyumen and the County Connected with People's Movement under the General Guide of Yemelyan Pugachev of 1773–1775

Olga I. Golovanova ^{a, *}

^aTyumen industrial university, Russian Federation

Abstract

Through a prism of archival documents events in the Tyumen County in the period of people's movement under the general guide of Yemelyan Pugachev of 1773–1775 are restored. Being the border, the territory was between "world" and "war", and the population has been split into pros and cons. The author considers efficiency of the actions of local government which have found support from the main part, first of all, of urban population. In article the factors and circumstances which have allowed to keep general "silence" and accountability of the central power become clear. The value of the active armed forces which have beaten the main parts of insurgents in adjacent territories and also the local military units which have localized and the giving "Tyumen" rebels is emphasized. In article the attempt to comprehend a complex of actions for stabilization of a situation is given. The reactionary course of the Tyumen administration was shown not only in total repressions, but also in pardon. Archival material has allowed to restore earlier unknown historic figures and also to informatively add already known.

Keywords: source, document, business writing, cursive writing, Yemelyan Pugachev, people's movement, revolt, Catherine II, voivode, commandant, governor, office, government troops.

1. Введение

Материал статьи является продолжением исследования скорописных материалов, связанных с событиями в Тюмени и уезде во время народного движения под руководством Емельяна Пугачева 1773–1775 гг. (Голованова, 2016). Актуальность статьи заключается в расширении источниковой базы и введении в научный оборот новых скорописных документов, представленных как единый тематический комплекс.

Народное движение 1773–1775 гг. было самым масштабным социальным конфликтом в дореволюционной России, охватившим значительные территории России (Урал, Прикамье, Поволжье, Западная Сибирь) и включившим различные слои населения (основные категории – казаки, крестьяне, работные люди). Национальный состав тоже был достаточно пестрым (русские, башкиры, татары, калмыки, чуваш и др.). Сибирская губерния оказалась частично втянутой в эту «кровавую» мясорубку, где были и пугачевцы, и местные повстанцы, и регулярные правительственные части, и местные военные подразделения, а население было поставлено перед выбором в определении своей позиции.

На военном положении оказались Ялуторовский, Краснослободский, Тюменский и Ишимский уезды. Если Ялуторовский уезд был охвачен «внутренним» бунтарским движением, в Краснослободском действовали отряды атамана И.Н. Белобородова, то Тюменский – оказался наиболее «спокойным». Следовательно, почему уезд, находясь на «перепутье двух дорог», в общих своих чертах сохранил «тишину и спокойствие» и оказался в правительственном лагере?

Полученная информация в процессе анализа архивных материалов даст возможность приблизиться к реальности того времени, проанализировать сложность обстановки, «почувствовать»

* Corresponding author

E-mail addresses: golovanova.o@list.ru (O.I. Golovanova)

степень социальной напряженности, выяснить характер «тюменского» бунтарского движения, а также вскрыть причины и обстоятельства, способствовавшие сохранению мирной жизни в Тюменском уезде.

2. Материалы и методы

2.1. Тюменская деловая письменность XVIII в. являлась неотъемлемой составляющей общероссийской системы делопроизводства. Она входила в сеть центробежных и центростремительных документопотоков и обслуживала потребности общества. Под понятием «тюменская деловая письменность» понимаем совокупность документов делового общения, ограниченных территорией, временем, правилами и образцами, идущими из центра (Санкт-Петербург) через Тобольскую губернию. Документы выполняли волеизъявительные, информативные и исполнительные функции в пространстве города и уезда и фокусировались вокруг местной администрации.

На сегодняшний день – это практически единственный источник изучения событий в Тюмени и уезде, связанных с народным движением 1773–1775 гг.

Тематический комплекс представлен документами двух присутственных мест – Тюменская воеводская канцелярия (И-47) и Тюменская комендантская канцелярия (И-6). Состав документов следующий: 1) внешние документы: а) входящие: распорядительная документация из Тобольской губернии – ордера, приказы, указы (оригиналы); отчетно-исполнительная документация из уезда – рапорты, донесения (оригиналы); уведомительная документация из присутственных мест губернии – промемории, донесения (оригиналы); б) исходящие: распорядительная документация в станы – инструкции, предписания, приказы, ордера (копии, черновики); отчетно-исполнительная документация в Тобольское правление – рапорты (черновики); уведомительно-просительная документация в присутственные места губернии – промемории (черновики); 2) внутренние документы для служебного пользования – протоколы заседаний.

2.2. На начальном этапе исследования проводился поиск скорописных источников и их транслитерация. Проблемы: прочтение скорописи и историко-культурная дистанция. В связи с этим использовались источниковедческие методы, связанные с отбором источников, их критическим анализом и выявлением степени информативной содержательности.

На втором этапе – интерпретация и включение информации в общероссийский контекст. Использовались традиционные методы исторического исследования. Один из основных методов – описательный, который позволил максимально приблизиться к реальной истории Тюменского уезда в период активной фазы общероссийского социального конфликта 1773–1775 гг. (для исследуемой территории – 1774 г.).

На основе имеющихся фактов с помощью историко-сравнительного метода попытались выявить, с одной стороны, общее и повторяющееся в «расползании» бунтарского движения и реакции местных властей, а с другой, качественно отличное: те причины и обстоятельства, определившие вектор развития событий в регионе. Историко-типологический метод использовался при выявлении событийных периодов.

В качестве специфических методов следует указать на дипломатический, документоведческий и текстологический. Это позволило членить скорописный текст документа на клаузулы, посмотреть его в «движении», понять и интерпретировать «темные» места.

3. Обсуждение

История изучения народного движения под общим руководством Е.И. Пугачева имеет давнюю традицию и имеет большое количество специальных и обобщающих работ. Исследователи рассматривают различные аспекты, поднимают актуальные проблемы и т.д. Однако на протяжении исторического времени отношение к данному феномену меняется и зависит, прежде всего, от государственной идеологии. Следует обратить внимание на вариативность именования самого феномена: бунт, пугачевщина, восстание, крестьянская война, гражданская война и т.д. Это уже указывает на его сложность и противоречивость.

Обращение к пугачевскому восстанию связано с историческим романом А.С. Пушкина «История Пугачева» (Пушкин, 1834). Историографическая же традиция берет свое начало со второй половины XIX в. Дореволюционные историки провели определенную работу, где впервые были опубликованы ранее засекреченные материалы (Грот, 1876). Одним из первых, кто рассмотрел основные эпизоды сражений, был Н.Ф. Дубровин (Дубровин, 1884). Дмитриев-Мамонов А.И. описывал не только события, но и предшествующую обстановку, вводя новые архивные материалы (Дмитриев-Мамонов, 1907).

Круг основных вопросов – выявление причин и хода военных действий; деятельность властей по подавлению бунтовщиков и т.д. Дореволюционные историки бунту придавали крайне негативную оценку.

В советской исторической науке, базирующейся на идеологии классовой борьбы, изучению пугачевщины придавалось большое значение. Выводы ученых были отличны от их предшественников. На смену понятия «бунт» приходит «крестьянская война». Ставился широкий

круг вопросов, начиная от предпосылок до последствий восстания. В центре внимания были социальные и национальные вопросы.

К числу фундаментальных трудов этого периода следует отнести научные работы В.В. Мавродина, А.Н. Андрущенко, В.И. Буганова и др. (Мавродин, 1961; Андрущенко, 1969; Буганов, 1984). Повстанческое движение рассматривалось территориально (Мартынов, 1930, 1967; Рознер, 1966; Томсинский, 1973 и др.). Деятельности Е. Пугачева и его помощников посвящено также много научных работ (Усманов, 1962; Евстратов, 1973; Лимонов и др., 1974; Гвоздиков, 1982 и др.). Большое внимание уделялось участию нерусских народов (Ищерики, 1933; Вяткин, 1941; Алишев, 1973 и др.).

В советский период была проведена огромнейшая работа по привлечению новых источников, что позволило более широко посмотреть на проблемные точки, сделать обобщающие выводы. Региональный аспект позволил более полно раскрыть ход событий. Были подняты вопросы, связанные с ролью личности и народа в истории страны и т.д. Однако идеологический фактор придал работам некую тенденциозность.

На постсоветском пространстве наблюдается спад к теме, но, тем не менее, появляются исследовательские работы, основанные на современных методологических принципах (Курмачева, 1991; Тоёкава, 1996; Побережников, 2003; Мауль, 2005; Смирнов, 2007; Устинов, 2007 и др.).

В настоящее время, на наш взгляд, не проработанными являются вопросы организации управления в условиях приближения повстанцев и на захваченных ими территориях. Остается открытым вопрос: что было включено в комплекс мероприятий по «усмирению бунтующих народов», только ли карательного характера? Нуждается в современной оценке и само миропонимание восставших, и деятельность правительственных войск, и т.д.

В связи с этим обращение к первоисточникам, включая повседневные делопроизводственные материалы (в данном случае созданные в экстремальных условиях), может дать новый импульс в изучении социального протеста, значение которого нельзя преувеличивать и одновременно нельзя преуменьшать.

4. Результаты

В исследуемый период Тюменский уезд состоял из пяти станов (Городовой, Кармакский, Пышминский, Верхний и Нижний) во главе с выборными. В городе функционировали присутственные места: воеводская и комендантская канцелярии, магистрат, ямское правление, экономическое правление и Духовное правление.

Администрация Тюменского уезда состояла из присутствия и канцелярии во главе с воеводой – коллежским асессором Михаилом Ивановичем Тихомировым. В состав правления входили помощник воеводы («воеводский товарищ») и его «товарищи». Управители (немногочисленные дворяне) направлялись для выполнения особых поручений. Доверенными в уезде были также выборные сотские и десятские. Для сохранения «тишины» администрация опиралась на старост, а также «лучших» людей города и уезда.

Известно, что в Тюменском ведомстве проводились экстренные меры: все дороги (за исключением на Тугулым) были завалены лесом и снегом; на окраинах деревень установлены рогатки; определены караульные посты; введен пропускной режим. В городе организовали народное ополчение; починили старые чугунные пушки; отлили пушечные дробы и т.д. Обозначились проблемы, связанные с недостаточным количеством профессиональных защитников, нехваткой боеприпасов, отсутствием достоверной информации о количестве восставших и их продвижении и т.д. (Голованова, 2016).

В результате изучения архивных материалов выяснено, что в некоторых населенных пунктах Тюменского уезда (д. Теплоухова, д. Киста, с. Спасское, д. Зобнина – список не окончательный) появлялись пугачевцы-агитаторы. Они призывали вступать в их ряды. За ними шли основные отряды. Несмотря на все принятые меры со стороны местной администрации, появлялись очаги бунтарского движения в населенных пунктах уезда (Устьиницкая слобода, с. Тугулым, с. Липчинское, д. Сунгурово, с. Успенское, д. Шехарево, Сунгульские юрты). Не была исключением и Тюмень. Военные действия с отрядами Пугачева зафиксированы в с. Спасское и д. Зобниной (см.: ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Дд. 501, 5458; Ф. И-6. Оп. 1. Дд. 7, 109, 763 а).

Установлено, что в наиболее опасный период времени (в уезде карантин был с 18 февраля по 13 марта 1774 г.), когда вплотную подступили восставшие и были очаги повстанческого движения внутри ведомства, воевода Тихомиров был отозван в Тобольск. Правление передано подполковнику и коменданту города Андрею Петровичу Устьянцеву. Город и уезд оказались на военном положении. В подчинении коменданта находился военный гарнизон (Тобольский второй батальон), который активно участвовал в столкновениях на охваченных восстанием территориях губернии, а также «усмирял» бунтующих крестьян внутри уезда. Состав гарнизона на 24 апреля 1774 г. следующий: сержанты – 2, каптенармусы (унтер-офицеры) – 3, капралы – 4, барабанщики – 3, рядовые – 49, инвалидная рота – 3. Всего – 64 чел. (ГАТО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 109, Лл. 3–4). Кроме того, с 1773 г. в Тюмени были приписные казаки.

Опасность исходила из Исетской провинции. Так, генерал-поручик лейб-гвардии премьер-майор, сибирский губернатор и кавалер Денис Иванович Чичерин сообщает (секретный ордер от

11 февраля 1774 г.) Устьянцеву, что «наместник ханства Калмыцкого измену учинил и с большой частью калмыцкого народа бежал». Восставшие грабят, убивают местных жителей и направляются в Тобольскую губернию. В Ялуторовском, Краснослободском, Тюменском и Ишимском ведомствах иметь особую предосторожность. Комиссарам, совместно со старостами и «лучшими» людьми, принять соответствующие меры: уничтожать отряды восставших, не подпускать к населенным пунктам. Возмутителей брать в плен. Всех подозреваемых, не допрашивая, отправлять в Тобольск (ГАТО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 7. Лл. 2–3, 7–8).

В ходе сплошной выборки были отобраны протоколы заседаний Тюменской воеводской канцелярии, содержащие обсуждение и решение вопросов по исследуемой теме. Протоколы выполнены по определенной форме, установленной Генеральным Регламентом (1720 г.), в обязательном порядке скреплены подписями воеводы (в период его отсутствия – воеводского товарища Степана Аксютинина) и секретаря канцелярии Якова Нефедова. В период карантина заседали и в воскресенье. Для наиболее полной интерпретации событий были введены дополнительные материалы (промемории, ордера, рапорты, описи и др.).

Хроника событий выглядит следующим образом (1774 г.):

10 января, пятница: в Тюменской воеводской канцелярии получен секретный ордер от губернатора Чичерина, в котором сообщается о государственном преступнике Пугачеве и его сообщниках. Приказали: информацию обнародовать во всех присутственных и общественных местах уезда (ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 501. Лл. 17–18).

11 января, суббота: рассматривали предложение от губернатора Чичерина о предосторожности. Приказали: каждому обывателю иметь при себе оружие (ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 501. Лл. 22, 47–48).

15 января, среда: получен приказ губернатора Чичерина о подготовке рогаток для укрепления города. Решили: задействовать всех жителей уезда, за исключением духовенства (ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 501. Лл. 28–29).

29 января, среда: 1) рассматривали ордер от Чичерина, в котором содержится информация о письмах Пугачева, рассылаемых в разные места. Если в селах и деревнях подобные «воровские» письма будут, то их необходимо срочно доставить в воеводскую канцелярию. Не предавая огню, списать с них копии и секретно переправить в губернию, а затем – в Сенат (ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 501. Л. 61); 2) в связи со сложившимися обстоятельствами и возможным хищением товаров «от рук злодеев» рассматривали решение губернского правления о переносе ярмарки в 1774 г. из Ирбитской слободы в Тобольск. Приказали: подготовить (очистить) гостиные дворы Тюмени (ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 5536. Лл. 84–85).

1 февраля, суббота: рассматривали вопрос о закупке дополнительного провианта (ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 501. Л. 62).

6 февраля, четверг: информация от 13 декабря о трагических событиях в Оренбургской губернии. Приказали: разослать копии документа по присутственным местам уезда (ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 501. Л. 78).

10 февраля, понедельник: рапорт из Успенского винокуренного завода, в котором просят порох (ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 501. Л. 88).

11 февраля, вторник: 1) промемория из Тюменской комендантской канцелярии об отправке в разведку прапорщика Н. Поплавского и солдата С. Смолина до Екатеринбурга; 2) поручик Соколов с командой в составе 53 чел. направлен на подавление бунтовщиков в Ялуторовск (ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 501. Лл. 94–95).

15 февраля, суббота: информация от Бибикова (главнокомандующий), что сержант Курлов во время беспорядков на Уковском заводе отлично проявил себя. Главнокомандующий указывает на его поступок, который может служить примером (ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 501. Лл. 96–97).

17 февраля, понедельник: решался вопрос об отправлении 12-ой легкой полевой команды для разгрома отрядов повстанцев в Беляковскую слободу (район Екатеринбурга). План движения: направляться на Уковский винокуренный завод через Сунгульские юрты Тюменского ведомства, не заходя в Долматово и Шадринск. Далее – на винокуренный завод купца Походяшина. Конечная точка маршрута – Беляковская слобода (ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 501. Л. 100).

18 февраля, вторник: в Тюменской воеводской канцелярии получен ордер для воеводы Тихомирова, где велено в связи с чрезвычайными обстоятельствами срочно выехать в Тобольск. В должность воеводы вступить тюменскому коменданту Устьянцеву (ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 501. Л. 103).

19 февраля, среда: 1) из доношения Беляковской конторы, в которой сообщается, что восставшие приближаются к Куяровской слободе. В Камышловской слободе захватили денежную казну и набирают себе в отряд крестьян. На Ертарском винокуренном заводе работные люди взбунтовались и держат под караулом майора Полякова. Администрация Беляковской слободы просит помощи и надеется на скорейшее прибытие 12-ой легкой полевой команды; 2) для 12-ой полевой команды подготовлено триста пятьдесят лошадей (ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 501. Лл. 104–105).

20 февраля, четверг: рассматривали информацию из Беляковской слободы, где сообщается, что 19 февраля «злодейская партия» подошла уже к Пышминской слободе (ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 501. Л. 107).

21 февраля, пятница: 1) по рапорту дворянина И. Воинова, который находился при сборе оброчных денег в селах и деревнях уезда. 15 февраля он был в Белослудской слободе. В мирскую избу ворвались повстанцы и объявили о Манифесте Пугачева, после чего крестьяне взбунтовались. Копиист Яков оказал сопротивление, однако взбунтовавшиеся крестьяне избили его. Находящегося также в доме подканцеляриста Баюнова увели неизвестно куда. Поэтому И. Воинов, оставив собранную казну, бежал; 2) по рапорту из Краснослободска от комиссара дворянина Загорского значится, что «злодейские шайки» стоят в Канашенском погосте Шадринского ведомства, что в пятидесяти верстах от Беляковской слободы. В рапорте сообщалось, что напряженная обстановка на Ертарском винокуренном заводе. Работные люди поднимают бунт (ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 501. Лл. 108–109; Ф. И.-6. Оп. 1. Д. 763 а. Лл. 7–8, 10); 3) поступила информация о возможном проезде до Екатеринбурга только через Сусанинский завод и Имуртглинскую слободу (ГАТО. Ф. И.-47. Оп. 1. Д. 5536. Л. 300).

22 февраля, суббота: рассматривался вопрос об отправлении всех немногочисленных дворян в Тобольск. Однако дворяне, являясь опорой местной администрации, отказывались покидать город. Так, например, Андрей Рескин организовывал оборону на заставе вблизи д. Галашево (ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 501. Л. 111).

26 февраля, среда: 1) сообщается, что по требованию коменданта Устьянцева командирован из Тобольска секунд-майор Давыдов для ведения военных действий (ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 501. Л. 115; Д. 5536. Л. 333); 2) капрал Соколов направлен на Успенский винокуренный завод, чтобы организовать из работных людей караул и заблокировать все проезды. Приказали: на заставе находиться постоянно и следить за движением преступников (ГАТО. Ф. И.-47. Оп. 1. Д. 5536. Л. 367).

4 марта, вторник: в воеводское правление поступили прошения от местных крестьян о желании участвовать в подавлении восставших (ГАТО. Ф. И.-47. Оп. 1. Д. 501. Лл. 443–444).

6 марта, четверг: 1) рапорт от 5 марта 1774 г. из деревни Ирюмской от старосты, который сообщал, что около деревень Киста и Теплоуховой (Тюменский уезд) стоит вооруженный отряд возмущателей. О количестве восставших информации нет. В этих деревнях каждый день появляются пугачевцы-агитаторы (ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 501. Л. 122); 2) информация о том, что в Ирбитской слободе взбунтовались крестьяне. Однако местными усилиями их усмирили: «злодеи повешены, затем сняты и разрублены на части в страх толпе» (ГАТО. Ф. И.-47. Оп. 1. Д. 5536. Лл. 456–457).

7 марта, пятница: рассматривался вопрос о пересылке иеромонаха Верхотурского Николаевского монастыря Гая в Тобольск, обвиненного в пособничестве пугачевцам (ГАТО, Ф. И-47. Оп. 1. Д. 501. Лл. 123-124; Д. 5536. Л. 448).

8 марта, суббота; 10 марта, понедельник; 12 марта, среда: обсуждали вопросы о доставке пороха и свинца, починке кузнецами казенных оружий, участии тюменской военной команды в освобождении территорий и т.д. (ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 501. Лл. 126–128). Тюменская команда капитана Тешивцова и подпоручика Фифелова «усмиряла» бунтующих крестьян в близлежащих населенных пунктах (с. Байкаловское, с. Юрмач и др.). В Куяровской и Пышминской слободах явились старосты с повинными от обывателей. Крестьяне этих поселений были приведены к присяге (далее идет обрыв листа) (ГАТО. Ф. И.-6. Оп. 1. Д. 763 а. Л. 67). Если в феврале 1774 г. всех подозреваемых следовало направлять в Тобольск без предварительного расследования, то с марта 1774 г. допрашивать на месте, собирая на каждого доказательства и определяя степень вины. Вернувшихся приписных казаков взять на особый контроль: всех допросить с пристрастием; верноподданных привести к присяге и вернуть в строй; участвовавших в «злодейских партиях» – повесить (ГАТО. Ф. И.-6. Оп. 1. Д. 7. Лл. 7–8).

11 марта, вторник: добровольный отряд ясачных татар в составе 100 чел. готов выступить против «злодеев», для чего просят порох и свинец. Сотник – Абдула Кучаков (ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 5536. Л. 465).

12 марта, среда: получен и рассмотрен ордер из Тобольского правления о том, что проезжающих из Тобольска до Екатеринбурга без паспортов не пропускать (ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 5536. Л. 532).

13 марта, четверг: рассматривали вопрос о снятии в Тюменском уезде карантина (ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 501. Л. 129).

14 марта, пятница: решали вопрос о сокращении численности на караульных постах. В Тюмени для несения караула оставить 470 чел.: посадских конных – 50, посадских пеших – 100, ямщиков конных – 50, ямщиков пеших – 50, крестьян пеших – 200, бухарцев и ясачных татар конных – 20. Остальных (1066 чел.) – отпустить по домам. Следовательно, на период карантина в Тюмени находилось 1530 чел. (ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 5536. Лл. 513, 515).

24 марта, понедельник: рассматривали информацию губернатора Чичерина о секретных депешах. В воеводскую канцелярию поступили документы о победах правительственных войск: 22 марта 1774 г. поражение основной армии Пугачева у Татищевой крепости (см.: Голованова, 2016: 1132–1133; ГАТО. Ф. И.-6. Оп. 1. Д. 763 а, Лл. 35–36; Ф. И-47. Оп. 1. Д. 501. Лл. 144, 148, 159). В разгроме повстанцев участвовали и местные военные подразделения. Так, в начале марта 1774 г. тюменский военный гарнизон разгромил в д. Пуховой отряд атамана Ковалевского. В конце марта 1774 г. – сражение военной команды капитана Огнева в д. Зобниной Тюменского уезда. После ее

освобождения для разбирательства был направлен комиссар П. Венгерский. Было выяснено, что в ту деревню вначале приехало 50 пугачевцев. На следующий день прибыл основной отряд, к которому присоединилась часть местных крестьян. Повстанцы учинили погромы. В деревне подожгли дома обывателей со скотом и хлебными припасами, увели лошадей, а главное, были человеческие жертвы: застрелено и заколото 4 чел., в том числе один двухлетний ребенок, ранено 6 чел. (ГАТО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 763 а, Лл. 36–37);

4 апреля, пятница: прибытие воеводы в Тюмень и вступление его в должность (ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 501. Л. 164).

5 апреля, суббота: рассмотрение указа о заготовке леса для колес артиллерии. Обращение к выборным сотникам и десятникам, «лучшим» людям уезда, цеховым кузнецам: «в назначенное время подготовить» (ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 501. Л. 166).

5 мая, понедельник: информация из Исетской провинции от воеводы Лазарева о победе под Оренбургом (ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 501. Лл. 193, 213).

15 мая, четверг: получены секретные письма от Чичерина. Рассматривалась информация о поражении армии Пугачева у Сакмарского городка. Пугачев, имея четырех лошадей, бежал в Пречистенскую крепость, а оттуда ушел на Южный Урал. Князь Голицын вступил в Оренбург: «город приносит молитву за здравие ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, что избавлен от варварской толпы» (ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 501. Лл. 212–21; Голованова, 2016: 1132).

26 мая, понедельник: слушали по промемории из Шадринской канцелярии о захвате Пугачевым Троицкой крепости. Приказали: печальную информацию опубликовать (ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 501. Л. 225);

28 мая, среда: слушали по указу из Исетской провинциальной канцелярии о победах правительственных войск. В документе также описаны приметы Емельяна Пугачева (ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 501. Л. 22).

2 июня, понедельник: слушали по промемории из Тюменской комендантской канцелярии о поражении пугачевцев, восстановлении в губерниях «спокойствия» и приведении бунтующих народов в повиновение (ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 501. Л. 227). Мансуров занял крепость Озерную, взял город Яик, жену самозванца и некоторых предводителей. Часть восставших обратилась с раскаянием, другая – бежала в степь; Михельсон – под Уфой (ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 5556. Лл. 672–673).

7 июня, суббота: 1) слушали по промемории из Тюменской комендантской канцелярии о возможном возвращении раскаяющихся повстанцев домой. Срок возвращения – до 1 июля 1774 г. Приказали: документ размножить и разослать по всему ведомству (ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 501. Лл. 246–247).

13 июня, пятница: слушали: 1) информацию из Сибирской губернской канцелярии о снятии карантина в губернии. Приказали: печатные экземпляры опубликовать; 2) крестьянам, участвовавшим в несении караула, облегчить подушные сборы (ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 501. Лл. 255, 266–267).

14 июля, понедельник; 21 июля, понедельник; 31 июля, четверг; 11 августа, понедельник: 1) по объявлению: государственные преступники (казаки Иван Юрин, Максим Рынков, Иван Голованов и др.), направленные в Иркутск на каторжные работы, бежали. В Тюменском уезде объявлен их розыск. Приметы: головы бриты. При поимке следует заковать в ручные и ножные кандалы и доставить с караулом в Тобольск. Если окажут сопротивление, то убить на месте. В розыске также солдаты, крестьяне, казаки (ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 501. Лл. 297, 307, 314, 327). В документах содержится много информации о беглых, участвовавших в восстании (см.: ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 501. Лл. 26–28, 297, 307, 314, 324, 327, 507–508; Ф. И-6. Оп. 1. Д. 763 а. Лл. 24–25 и т.д.); 2) в Тобольское правление подготовить отчет: в какие селения Тюменского ведомства входили «злодейские партии»; кто из местных крестьян примкнул к ним (ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 501. Л. 345).

11 августа, понедельник: изучали приказ – на территориях, граничащих с Исетской провинцией, «с крестьян подушных денег не брать до резолюции», т.е. до нормализации обстановки (ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 501. Лл. 342, 357).

5 сентября, пятница: тюменский сын боярский Степан Рескин командирован в Шадринск для передачи командующему войсками Сибирских пограничных линий генерал-поручику И.А. Деколонгу деньги в размере 1959 руб. 37 коп. (ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 501. Л. 369).

27 сентября, суббота: слушали Указ из губернской канцелярии, направленный из Сената, о являющихся с раскаянием сообщниках Емельяна Пугачева (ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 501. Л. 402).

16 октября, четверг: слушали Указ из губернской канцелярии, направленный из Сената, в пресечении бунта и восстановлении порядка (ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 501. Лл. 435, 450).

20 ноября, четверг: из Тобольского правления прислана копия Манифеста о поимке Пугачева. Приказали: для каждого населенного пункта подготовить копию документа не канцелярским служащим, а обученным грамоте старостам или крестьянам. Известить во всех селениях без исключения (ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 501. Л. 494). Распространять копии Манифеста поручено А. Рескину и П. Сабурову (ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 5536. Лл. 724–733).

5. Заключение

Проанализировав архивные документы, можно выделить следующие периоды: 1) январь–февраль 1774 г. – приближение пугачевцев к Тюменскому уезду; мобилизация человеческих и материальных ресурсов; подготовка к обороне; 2) март–май 1774 г. – появление правительственных карательных отрядов на сопредельных территориях; участие местных военных частей в подавлении повстанческих очагов в уезде; «распубликование» воеводской канцелярией значимых побед (взятие Татищевой и Троицкой крепостей, освобождение Оренбурга и т.п.) и т.д.; 3) июнь–декабрь 1774 г. – отчеты воеводской канцелярии в Тобольское правление об убитых, причастных к восстанию, разбое и грабежах; переход к реакционным мероприятиям.

Доказательством вышесказанному являются прагматические части документов: «теперь линия в опасности» → «к обороне подготовиться» → «жителей вооружить» → «опасность уменьшилась в связи с боевыми действиями» → «о победе в Татищевой крепости радость» → «злойской партии нет, все обстоит благополучно» → «успокоение бунтующего народа» → «установить виселицы».

В Тюменском уезде и городе была сложная ситуация: территория находилась на военном положении, а общество раскололось на два лагеря – «за» и «против». Наблюдалась активизация определенной части населения в поддержку восставших и готовность ее влиться в общую массу. Появились эпицентры повстанческого движения. На период карантина воевода был отозван в Тобольск, и правление было передано военному коменданту. Также была налажена эвакуация из города всех немногочисленных дворян. Однако, как свидетельствуют источники, дворяне не оставили предел уезда, а направлялись на опасные и ответственные мероприятия.

Чем ближе приближались отряды восставших к границам уезда, тем тревожнее была информация. Любопытным моментом является процедура ее распространения, по так называемой «цепочке» (минуя Тобольск), например, Куртамышская управительная канцелярия → Шадринская управительная канцелярия → Тюменская воеводская канцелярия, которая посылает в: а) Краснослободскую управительную канцелярию; б) Туринскую воеводскую канцелярию; в) Верхотурскую воеводскую канцелярию и далее (жанр – промемории).

Исследуемые документы содержат информацию о том, что часть уездных крестьян уходит к восставшим, часть возвращается и в заблуждении своем раскаивается и т.д. Есть примеры о желании местных обывателей включиться в борьбу с пугачевцами. Имеет место и благотворительность городского населения. Присутствует большое количество источников о пересылке и сопровождении колодников через уезд, розыске бежавших бунтовщиков и их атаманов. Приписные казаки проявляют себя тоже по-разному: от героических поступков до побегов в армию Пугачева.

Назреванию конфликта способствовала отдаленность от центра и формирование пенитенциарной системы в регионе, что позволяло, с одной стороны, проявляться произволу со стороны местной администрации, с другой – концентрироваться оппозиционно настроенной части населения. Можем предположить, что основным мотивом социальной напряженности в уезде могли быть противоречия в отношениях между местной администрацией и населением. Что касается преступного мира, то причин может быть много: от общей обиды до «наслаждать душу: вспороть животы начальникам».

Факторы, сдерживающие конфронтацию, кроются в особенностях социально-экономического и политического развития Сибири (отсутствие помещичьего землевладения, низкая плотность населения, плохие пути сообщения, наличие свободных земель, пригодных для хлебопашества и т.д.). Следует подчеркнуть слаженность и оперативность местной власти, которая нашла поддержку у основной части, в первую очередь городского населения (купцы, ямщики, мастеровые). И, как нам представляется, для самостоятельного общеуездного мятежа отсутствовала максимальная степень напряженности.

Однако, если бы вступила основная армия пугачевцев в пределы уезда, то стихийное присоединение местных обывателей (в основной части – крестьян) имело бы место. И все пошло «по сценарию»... Столкновение имперского сознания с бунтарским в наиболее острой форме было неизбежным и, как следствие, – пролитая кровь.

Определили «судьбу» Тюменского уезда сложившиеся обстоятельства – победа над пугачевцами на сопредельных с уездом территориях подоспевшей регулярной армией под руководством А.И. Бибикова, после его смерти – П.И. Панина. Примкнувшие местные вооруженные отряды профессиональных военных, включая добровольцев, смогли устранить волнения внутри уезда.

Примерно с середины июня 1774 г. обстановка стабилизируется, а в деятельности местной администрации прослеживается усиление реакционного курса (закономерно в общероссийском масштабе). Мероприятия по «усмирению» были различны: тем, кто стоял в карауле, «смягчить тяготы»; в селах, где было неспокойно, временно не брать налог; выдать всем жалованье; привести раскаивающихся крестьян к присяге; не допускать укрывательство преступников и т.д. В отношении бунтовщиков – дать возможность до 1 июля 1774 г. вернуться домой; определить степень вины; сыск беглых. И в назидание всем обывателям: сделать в «неблагонадежных» селениях виселицы, колеса, глаголи и поставить «по краю на выездах ..., чтоб неповадно было».

Литература

- Алишев, 1973** – Алишев С.Х. Татары Среднего Поволжья в Пугачевском восстании. Казань: Татарское книжное изд-во, 1973. 216 с.
- Андрущенко, 1969** – Андрущенко А.И. Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. М.: Наука, 1969. 360 с.
- Буганов, 1984** – Буганов В.И. Пугачев. М.: Молодая гвардия, 1984. 384 с.
- Вяткин, 1941** – Вяткин М.П. Очерки по истории Казахской ССР. В 2 т. Т. 1. ОГИЗ: Госполитиздат, 1941. 367 с.
- ГАТО** – Государственный архив Тюменской области.
- Гвоздикова, 1982** – Гвоздикова И.М. Салават Юлаев. Исследование документальных источников. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1982. 208 с.
- Грот, 1876** – Грот Я.К. Материалы для истории Пугачевского бунта: Бумаги, относящиеся к последнему периоду мятежа и к поимке Пугачева. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1876. 144 с.
- Дмитриев-Мамонов, 1907** – Дмитриев-Мамонов А.И. Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири. СПб., 1907. 256 с.
- Дубровин, 1884** – Дубровин Н.Ф. Пугачев и его сообщники. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1884. Т. 1. 411 с.; Т. 2. 424 с.; Т. 3. 415 с.
- Евстратов, 1973** – Евстратов Н.Г. «Набеглый царь» В.Г. Короленко // Под знаменами Пугачева: К 200-летию крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева: Сб. ст. Челябинск: Юж-Урал. кн. изд-во, 1973. С. 76–95.
- Ищерики, 1933** – Ищерики П.Ф. Очерки по колонизации Башкирии. Уфа: Башкирское гос. изд-во, 1933. 40 с.
- Курмачева, 1991** – Курмачева М.Д. Города Урала и Поволжья в крестьянской войне 1773–1775 гг. М.: Наука, 1991. 232 с.
- Лимонов и др., 1974** – Лимонов Ю.А., Мавродин В.В., Панях В.М. Пугачев и пугачевцы. Л.: Наука, 1974. 188 с.
- Мавродин, 1961** – Мавродин В.В. Крестьянская война в России в 1773–1775 годах. Восстание Пугачева. Т. 1. Л.: Изд-во ЛГУ, 1961. 588 с.
- Мартынов, 1930** – Мартынов М.Н. Пугачевское движение на заводах Прикамского края // Крепостная Россия. Сборник статей. Л.: Прибой, 1930. С. 125–179.
- Мартынов, 1967** – Мартынов М.Н. Воскресенский завод в Крестьянской войне 1773–1775 гг. // Исторические записки, 1967. С. 287–304.
- Мауль, 2005** – Мауль В.Я. Русский бунт как поиск традиционной идентичности (историографические и методологические заметки) // Клио. 2005. № 1(28). С. 17–25.
- Побережников, 2003** – Побережников И.В. Новый источник пугачевщины на Урале и в Западной Сибири («Допрос» А.Н. Свешникова 1774 г.) / Источники по истории Западной Сибири: Мат. регион. науч. конф. Ч. II. Сургут, 2003. С. 16–23.
- Пушкин, 1834** – Пушкин А.С. История Пугачевского бунта, СПб., 1834. Т. 2. 344 с.
- Рознер, 1966** – Рознер И.Г. Яик перед бурей. М.: Мысль, 1966, 207 с.
- Смирнов, 2007** – Смирнов Ю.Н. Современные подходы к истории восстания 1773–1775 гг. // Вестник Самарского государственного университета. 2007. № 5/3 (55). С. 158–166.
- Тоёкава, 1996** – Тоёкава К. Оренбургское казачество во время восстания Пугачева 1773–1775 гг. М.: Археографический центр, 1996. 248 с.
- Томсинский, 1973** – Томсинский С.М. Под предводительством Пугачева. Повстанческое движение в Прикамье во время крестьянской войны 1773–1775 годов. Пермь: Книжн. изд-во, 1973. 76 с.
- Усманов, 1962** – Усманов Н.А. Кинзя Арсланов – выдающийся сподвижник Пугачева // Исторические записки АН СССР. № 7. 1962. С. 113–133.
- Устинов, 2007** – Устинов А.Л. Взаимодействие казачества и приписных крестьян в восстании 1773–1774 гг. на Урале // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Екатеринбург, 2007. Вып. 7. С. 17–29.
- Golovanova, 2016** – Golovanova O.I. The Tyumen County in the Period of People's Movement under Yemelyan Pugachev's Leadership 1773–1775 // Bylye Gody. 2016. 42 (4): 1127–1136.

References

- Alishev, 1973** – Alishev S.X. (1973). Tatars of the Middle Volga region in the Pugachev rebellion. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izd-vo, 216 p. [in Russian]
- Andrushhenko, 1969** – Andrushhenko, A. I. (1969). Krest'yanskaya vojna 1773-1775 gg. na Yaike, v Priural'e, na Urale i v Sibiri [The peasant war of 1773-1775. on Yaik, in the Urals, in the Urals and in Siberia]. M.: Nauka, 360 p. [in Russian]
- Buganov, 1984** – Buganov V.I. (1984). Pugachev [Pugachev]. M.: Molodaya gvardiya, 384 p. [in Russian]
- Dmitriev-Mamonov, 1907** – Dmitriev-Mamonov A.I. (1907). Pugachevskij bunt v Zaural'e i Sibiri [Pugachev rebellion in the Urals and Siberia]. SPb. 256 p. [in Russian]

- Dubrovin, 1884** – *Dubrovin N. F.* (1884). Pugachev i ego soobshhniki [Pugachev and his accomplices]. SPb.: Tipografiya I.N. Skorokhodova. T.1. 411 s.; T.2. 424 p.; T. 3. 415 p. [in Russian]
- Evstratov, 1973** – *Evstratov N.G.* (1973). «Nabegly`j czar`» V.G. Korolenko [“The King of Flay” V.G. Korolenko]. *Pod znamenami Pugacheva: K 200-letiyu krest`yanskoj vojny` pod predvoditel`stvom E.I. Pugacheva*: sb. st. Chelyabinsk: Yuzh-Ural. kn. izd-vo, pp. 76-95. [in Russian]
- GATO** – Gosudarstvenny`j arxiv Tyumenskoj oblasti [State archive of the Tyumen region].
- Golovanova, 2016** – *Golovanova O.I.* (2016). The Tyumen County in the Period of People's Movement under Yemelyan Pugachev's Leadership 1773–1775. *Bylye Gody*. Vol. 42, Is. 4. pp. 1127-1136. [in Russian]
- Grot, 1876** – *Grot Ya.K.* (1876). Materialy` dlya istorii Pugachevskogo bunta: Bumagi, odnosyashiesya k poslednemu periodu myatezha i k poimke Pugacheva [Materials for the history of the Pugachev rebellion: Papers relating to the last period of the insurrection and the capture of Pugachev]. SPb.: tip. Imp. Akad. nauk, 144 p. [in Russian]
- Gvozdikova, 1982** – *Gvozdikova I.M.* (1982). Salavat Yulaev. Issledovanie dokumental`ny`x istochnikov [Study of documentary sources]. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izd-vo, 208 p. [in Russian]
- Ishherikov, 1933** – *Ishherikov P.F.* (1933). Ocherki po kolonizacii Bashkirii [Essays on the colonization of Bashkiria]. Ufa: Bashkirskoe gos. izd-vo, 40 p. [in Russian]
- Kurmacheva, 1991** – *Kurmacheva M.D.* (1991). Goroda Urala i Povolzh`ya v krest`yanskoj vojne 1773-1775 gg. [The cities of the Urals and the Volga region in the peasant war of 1773-1775]. M.: Nauka, 232 p. [in Russian]
- Limonov et al., 1974** – *Limonov Yu.A., Mavrodin V.V., Paneyax V.M.* (1974). Pugachev i pugachevcy [Pugachev and Pugachev]. L.: Nauka, 188 p. [in Russian]
- Marty`nov, 1930** – *Marty`nov M.N.* (1930). Pugachevskoe dvizhenie na zavodax Prikamskogo kraja [Pugachev movement in the factories of the Prikamsky territory]. *Krepostnaya Rossiya. Sbornik statej*. L.: Priboj, pp. 125-179. [in Russian]
- Marty`nov, 1967** – *Marty`nov M.N.* (1967). Voskresenskij zavod v Krest`yanskoj vojne 1773 -1775 gg. [Resurrection Plant in the Peasant War, 1773-1775]. *Istoricheskie zapiski*, pp. 287-304. [in Russian]
- Maul`, 2005** – *Maul` V.Ya.* (2005). Russkij bunt kak poisk tradicionnoj identichnosti (istoriograficheskie i metodologicheskie zametki) [Russian revolt as a search for traditional identity (historiographical and methodological notes)]. *Klio*. № 1(28). pp. 17-25. [in Russian]
- Mavrodin, 1961** – *Mavrodin V.V.* (1961). Krest`yanskaya vojna v Rossii v 1773-1775 godax. Vosstanie Pugacheva [The peasant war in Russia in the years 1773-1775. Pugachev's Uprising]. T.1. L.: Izd-vo LGU, 588 p. [in Russian]
- Poberezhnikov, 2003** – *Poberezhnikov I.V.* (2003). Novy`j istochnik pugachevshhiny` na Urale i v Zapadnoj Sibiri («Dopros» A.N. Sveshnikova 1774 g.) [New source of the Pugachev region in the Urals and in Western Siberia (“Interrogation” by AN Sveshnikov, 1774)]. *Istochniki po istorii Zapadnoj Sibiri: mat. region. nauch. konf.* Ch. II. Surgut, pp. 16-23. [in Russian]
- Pushkin, 1834** – *Pushkin A.S.* (1834). Istoriya Pugachevskogo bunta [The Story of the Pugachev Rebellion]. SPb., T.2. 344 p. [in Russian]
- Rozner, 1966** – *Rozner I.G.* (1966). Yaik pered burej [Yaik before the storm]. M.: My`sl`, 207 p. [in Russian]
- Smirnov, 2007** – *Smirnov Yu.N.* (2007). Sovremenny`e podxody` k istorii vosstaniya 1773-1775 gg. [Modern approaches to the history of the uprising of 1773-1775]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*. №5/3 (55). pp. 158-166. [in Russian]
- Tomsinskij, 1973** – *Tomsinskij S.M.* (1973). Pod predvoditel`stvom Pugacheva. Povstanchesкое dvizhenie v Prikam`e vo vremya krest`yanskoj vojny` 1773-1775 godov [Under the leadership of Pugachev. The insurgency in the Kama region during the peasant war of 1773-1775]. Perm`: Knizhn. izd-vo, 76 p. [in Russian]
- Toyokava, 1996** – *Toyokava K.* (1996). Orenburgskoe kazachestvo vo vremya vosstaniya Pugacheva 1773-1775 gg. [Orenburg Cossacks during the Pugachev Uprising 1773-1775 Uprising 1773-1774 in Bashkortostan]. M.: Arxeograficheskij centr, 248 p. [in Russian]
- Usmanov, 1962** – *Usmanov H.A.* (1962). Kinzya Arslanov – vy`dayushhijsya spodvizhnik Pugacheva [Kinzya Arslanov – an outstanding associate of Pugachev]. *Istoricheskie zapiski AN SSSR*. №7, pp. 113-133. [in Russian]
- Ustinov, 2007** – *Ustinov A.L.* (2007). Vzaimodejstvie kazachestva i pripisny`x krest`yan v vosstanii 1773-1774 gg. na Urale [The interaction of the Cossacks and ascribed peasants in the uprising of 1773-1774 in the Urals]. *Dokument. Arxiv. Istoriya. Sovremennost`*: sb. nauch.tr. Ekaterinburg, Vy`p. 7. pp. 17-29. [in Russian]
- Vyatkin, 1941** – *Vyatkin M.P.* (1941). Ocherki po istorii Kazaxskoj SSR [Essays on the history of the Kazakh SSR]. V 2 t. T.1. OGIZ: Gospolitizdat, 367 p. [in Russian]

Деловая письменность как источник изучения событий в Тюмени и уезде, связанных с народным движением под руководством Емельяна Пугачева 1773–1775 гг.

Ольга Ивановна Голованова ^а, *

^аТюменский индустриальный университет, Российская Федерация

Аннотация. Сквозь призму архивных документов восстанавливаются события в Тюменском уезде в период народного движения под общим руководством Емельяна Пугачева 1773–1775 гг. Являясь пограничным районом, территория находилась между «миром» и «войной», а население было расколото на два лагеря – «за» и «против». Автор рассматривает оперативность действий местной власти, нашедших поддержку у основной части, в первую очередь городского населения. В статье выясняются факторы и обстоятельства, позволившие сохранить общую «тишину» и подконтрольность центральной власти. Подчеркивается значение регулярных войск, разгромивших основные части повстанцев на сопредельных территориях, а также местных военных подразделений, локализовавших и подававших «тюменских» бунтовщиков. В статье дается попытка осмыслить комплекс мероприятий по стабилизации обстановки. Реакционный курс тюменской администрации проявлялся не только в тотальных репрессиях, но и в помиловании. Архивный материал позволил восстановить ранее неизвестные исторические личности, а также информативно дополнить уже известные.

Ключевые слова: источник, документ, деловая письменность, скоропись, Емельян Пугачев, народное движение, бунт, Екатерина II, воевода, комендант, губернатор, канцелярия, правительственные войска.

* Корреспондирующий автор

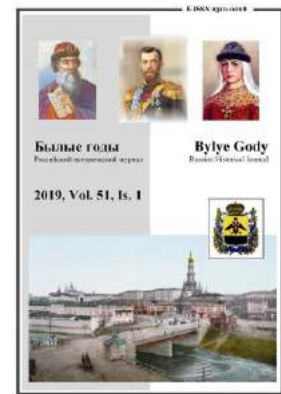
Адреса электронной почты: golovanova.o@list.ru (О.И. Голованова)

Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 51. Is. 1. pp. 83-92. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.1.83
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Orphan Courts in the System of State Institutions of the Russian Empire of the end of the XVIII – 60s of the XIX centuries: Personal Composition, Competence, Rights and Duties of Guardians

Sergey I. Degtyarev ^{a, b, *}, Lybov G. Polyakova ^{b, c, d}

^a Sumy State University, Sumy, Ukraine

^b International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^d East European History Society, Russian Federation

Abstract

This article is devoted to the guardianship agencies that are created to protect the interests of representatives of urban estates – orphan courts. The authors analyzed the competence of these institutions in the context of the evolution of Russian imperial legislation, which regulated their activities. Orphan courts in the Russian Empire were created in 1775 and existed until the beginning of the XX century. But this article chronologically covers the period from the administrative reform of Catherine II to the reforms of the management system of the 1860s.

Particular attention is paid to the interaction of orphan courts with guardians. Considered the rights and duties of guardians, various aspects of the implementation of the guardianship of minors orphans, the property of the deceased burghers and merchants.

The paper discusses the regional features of the functioning of orphan courts. According to the authors, they often depended on the number of people in a particular region or village of the empire, its social and national composition.

Keywords: orphan court, guardian, merchants, petty bourgeois, urban estates, Russian Empire, property, state institutions, XVIII-XIX centuries.

1. Введение

В 1775 г. Екатерина II издала «Учреждение о управлении губерний» – документ, ознаменовавший начало административной реформы в Российской империи. В ее основе лежал сословный принцип управления, соответственно которому была создана система государственных учреждений. Основной целью реформы было усиление самодержавной власти на местах. Но среди задач правительства была также модернизация сословно-социальных отношений. Для представителей разных сословий создавались свои судебные инстанции, опекунские органы.

В данной работе пойдет речь о сиротских судах – органах опеки, призванных защищать интересы представителей городских сословий (купцов, мещан, разночинцев и др.). Судом это учреждение было лишь по названию. Судебные функции на нем не лежали, а занимался этот орган исключительно вопросами опеки.

2. Материалы и методы

Источниковой основой данного исследования стали законодательные документы, в разной мере касающиеся деятельности сиротских судов Российской империи изучаемого периода, а также

* Corresponding author

E-mail addresses: starsergo2014@gmail.com (S.I. Degtyarev)

архивные материалы Государственного архива Сумской области (Украина), которые позволили проиллюстрировать отдельные аспекты деятельности указанных судов.

Законодательство, регламентирующее деятельность сиротских судов в Российской империи, в том числе на недавно инкорпорированных в ее состав землях, почти полностью сформировалось к 1825 г. Нормативные акты, издаваемые после этого, в подавляющем большинстве касались вопросов назначения/увольнения служащих сиротских судов, создания или упразднения этих органов в тех или иных городах империи, их финансирования, вопросов, связанных с организацией делопроизводства и т.п. Все постановления по данному вопросу, входящие в хронологические рамки нашего исследования, были опубликованы в первых двух собраниях «Полного собрания законов Российской империи» (ПСЗ-I; ПСЗ-II).

В 1833 г. свет увидела вторая часть справочника «Свод учреждений государственных и губернских». В нем были кратко изложены основные нормы, регулирующие (а скорее, очерчивающие) компетенцию сиротских судов и их состав (Свод учреждений, 1833: 248-249).

Что касается количества нормативных актов, регулирующих деятельность сиротских судов, то за период с 1775 г. до середины 1860-х годов их было издано всего несколько десятков. Их можно объединить в своеобразные тематические блоки:

- нормативные акты, регламентирующие состав и компетенцию сиротских судов;
- постановления, фиксирующие региональные особенности функционирования этих учреждений (в Сибири, Прибалтике, кавказских и других регионах);
- решения по конкретным делам, находящимся в ведении сиротских судов;
- распоряжения об учреждении, ликвидации, переподчинении сиротских судов в тех или иных местностях.

Использованные архивные материалы позволили изучить особенности документооборота сиротских судов, их деятельности, а также ввести в научный оборот новый фактологический материал.

В основу работы положены такие общенаучные принципы познания, как принципы историзма, системности, объективности. Принципы историзма и объективности позволили четко выделить и проанализировать суть исследуемой проблемы, уровень ее научной разработанности. С помощью принципа системности были определены особенности функционирования сиротских судов Российской империи исследуемого периода, место и роль в этом процессе опекунов. Использованные нами проблемно-хронологический и формально-юридический исследовательские методы позволили реконструировать эволюцию законодательной базы, регулирующей деятельность изучаемых органов.

3. Обсуждение

Проблема сиротских судов в Российской империи чрезвычайно редко становилась предметом исследовательского внимания историков. Комплексные работы по этой теме почти отсутствуют. Чаще всего сиротские суды упоминались исследователями как элемент системы государственных учреждений Российской империи, появившийся в результате реформы Екатерины II 1775 г. и продолжавший функционировать до начала XX в. (Ерошкин, 1968: 134; Ефремова, 1993: 123-124).

В контексте изучения проблем сиротства, организации и деятельности детских приютов, самоорганизации городских сословий Российской империи исследователи касались некоторых аспектов функционирования сиротских судов (Зуева, 1990; Рудий, 2012; Шандра, 2016). Многие работы хронологически охватывают период с последней четверти XIX до начала XX в. (что не соответствует рамкам нашего исследования). Н.В. Середа в работе, посвященной реформе городского управления периода Екатерины II, вскользь коснулась и некоторых аспектов деятельности сиротских судов. В частности, были освещены несколько эпизодов из истории этого учреждения в г. Торжок (Середа, 2004: 357-358).

Исключением являются исторические и историко-правовые наработки по указанной тематике О.Е. Думенко, Ю.А. Коротковой, С.С. Ниметуллаевой, А.О. Малышева (Думенко, 2010а; Думенко, 2010б; Короткова, 2014; Малишев, 2012; Ниметуллаева, 2014). Это довольно фундаментальные исследования, посвященные различным аспектам деятельности сиротских судов, но ограниченные географически – работа О.Е. Думенко охватывает деятельность этих органов в Тверской губернии, С.С. Ниметуллаевой – Таврической губернии, Ю.А. Коротковой – Владимирской губернии, а А.О. Малышева – украинских земель, входивших в исследуемый период в состав Российской империи. О.Е. Думенко в одной из своих работ проанализировала законодательную базу, регулировавшую деятельность сиротских судов (Думенко, 2010а).

4. Результаты

Персональный состав сиротских судов был небольшим. Председателем суда был городской глава (он же возглавлял городскую думу). В столицах (Москва и Петербург) этот орган возглавляли особые первоприсутствующие, избираемые городским обществом из числа купцов I гильдии. А в 1861 г. право избирать особого первоприсутствующего получили и жители Одессы (ПСЗ-II. Т. XXXVI, отд. 2. №37573: 404). Кроме того, в состав сиротского суда входили два члена городского магистрата и городской староста. Староста избирался сроком на три года (Ефремова, 1993: 123; ПСЗ-I. Т. XX.

№14392: 261; ПСЗ-II. Т. XXXIII, отд. 1. №33120: 577). С мая 1858 г. городской староста назначался в сиротский суд исключительно по выбору городской думы. В полном составе суд утверждался губернатором.

При всех сиротских судах служили секретари. Они контролировали весь делопроизводственный процесс, следили за надлежащим документооборотом. Работу с документами обеспечивали канцелярские чиновники (составление, прием, упорядочивание документов). К основным видам документации сиротских судов относились протоколы заседаний, книги записей прихода и расхода денежных сумм, книги учета предоставляемых в суд документов (купчих крепостей, векселей, квитанций и др.), служебная переписка с другими учреждениями или чиновниками.

Деньги на содержание этих учреждений и на жалование их служащим чаще всего выделялись из городских доходов. В 1831 г. правительственным распоряжением было постановлено, что чиновники, служащие в городских учреждениях, к которым относились и сиротские суды, пенсии получать должны были также из городских доходов (ПСЗ-II. Т. VI, отд. 2. №4804: 44-45).

Полномочия сиротских судов территориально распространялись только на те города, в которых они функционировали. К основным вопросам, находящимся в компетенции сиротских судов относились: опека над малолетними сиротами, вдовами купцов, мещан, личных дворян и разночинцев, а также над их имуществом; забота о секвестрованных (изъятых) по казенным взысканиям имениях «купцов, мещан и прочих лиц одинакового с ними состояния до продажи оных» (Свод учреждений, 1833: 248).

Заседания в сиротских судах назначались по мере надобности («когда дело будет»). В крупных городах работы у сиротских судов было много, поэтому и заседания собирались часто. В небольших уездных городах работы было значительно меньше. Например, в протоколах Конотопского сиротского суда за 1784 г. значится, что в течение трех месяцев (февраля, марта и апреля) «за невходом никаких дел присутствия не было». В последующие месяцы опекунские дела разбирались, но в очень малом количестве (не более 1-2 в месяц) (ГАСО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 8. Л. 106-2).

Авторы работы, посвященной городскому самоуправлению Харькова, описали эпизод, когда Харьковский губернский магистрат в 1808 г. уволил в отпуск одновременно ратмана и старосту местного сиротского суда, собираясь отпустить и городского голову тоже, оставив, таким образом, на рабочем месте одного лишь бургомистра (Антонов и др., 2004: 73). Это было, безусловно, неразумное решение магистратского руководства, могшее парализовать работу Харьковского сиротского суда, учитывая многочисленность городского населения Харькова.

Городской глава обязан был собирать сведения обо всех вдовах или осиротевших детях и оповещать о таких случаях сиротский суд. При этом сиротский суд, даже имея соответствующую информацию, не начинал по собственной инициативе дела о назначении опеки над имуществом или детьми умерших горожан. Для начала такого производства необходимо было соответствующее прошение от вдовы или обращение городского главы, кого-либо из родственников или двух посторонних свидетелей и приходского священника. Священники чаще всего уведомляли городского главу о вдовах и сиротах, так как именно они вели учет умерших прихожан, фиксируя эти факты в метрических книгах. Начать опекунское дело сиротский суд мог также по распоряжению вышестоящих органов (губернского магистрата, губернского/наместнического правления, судебных палат) или по сообщению другого судебного учреждения (ПСЗ-I. Т. XX. №14392: 261).

По вопросам опеки сиротские суды подчинялись, в первую очередь губернским магистратам. После того, как вследствие административных реформ Павла I были ликвидированы верхние земские суды и губернская магистраты, все органы опеки, в том числе и сиротские суды, с сентября 1798 г. стали подчиняться палатам гражданского суда (ПСЗ-I. Т. XXV. №18667: 385). Именно туда следовало подавать жалобы на неправильные действия указанных судов.

Вследствие указанной реформы многие недовольные действиями сиротских судов стали подавать свои жалобы сразу в высший правительственный орган – Сенат, минуя губернские инстанции. Это затруднило работу Сената, так как жалобы стали поступать со всей империи и часто даже не содержали необходимых для принятия решений по делам сведений. В связи с этим в 1801 г. был определен порядок подачи жалоб на опекунов и сиротские суды в целом. Жалобы следовало подавать в судебные палаты при губернских правлениях (ПСЗ-I. Т. XXVI. №19741: 518-520).

К заботам сиротских судов также могли относиться организация богаделен для содержания там брошенных детей. Малолетние сироты если оставались без наследства (без имения) могли определяться также в городские школы или в заведения, где их могли обучить ремеслу и т.п. (Середа, 2004: 357-358). С 1864 г. в круг обязанностей сиротских судов вошли также дела по опеке над малолетними детьми евреев, проживающих «на владельческих и собственных землях» (ПСЗ-II. Т. XXXIX, отд. 1. №40477: 43).

Если после умершего остается вдова, то сиротский суд брал на себя обязанность представлять ее интересы в других судебных инстанциях, предоставлял услуги стряпчих бесплатно, следил за сохранностью принадлежащего ей движимого и недвижимого имущества. По желанию вдовы суд мог назначить ей попечителя, который выбирался по таким же качествам, как и опекуны. Если же вдова оставалась без имущества, то в обязанность сиротского суда входил поиск ей средств для существования или «работу, приличную их [вдов] состоянию» (ПСЗ-I. Т. XX. №14392: 262).

Ю.А. Короткова упоминает в своей работе случай, когда в 1793 г. Владимирский сиротский суд учредил опеку над мещанкой И. Хабаровой, но не по факту ее вдовства, а по причине отдачи ее мужа в рекруты. Принадлежавшее мужу имение было разделено между его родственниками (жена была устранена от участия в этом разделе). Сиротский суд вынес решение, пока будет выясняться порядок раздела этого имения, И. Хабаровой, «живущей без мужа впроголодь оказать содействие в жилье и продовольствии со стороны родственников и соседей, живущих поблизости» (Короткова, 2014: 60).

В 1822 г. был отрегулирован механизм опеки над вдовами и имуществом умерших мастеровых казенных заводов и фабрик, находящихся в содержании частных лиц. Его реализация возлагалась также на сиротские суды. Но в таких случаях лишь одного опекуна назначали по рекомендации этого суда, а другого – со стороны содержателя фабрики (ПСЗ-И. Т.XXXVIII. №28986: 139-140).

Особым был механизм опеки над малолетними наследниками умерших личных дворян и их имуществом. Дети таких дворян не наследовали социальный статус родителей, поэтому сами относились уже к так называемым разночинцам. Соответственно они не имели права владения дворянским имуществом, в том числе и крепостными людьми если таковые были. Чтобы разрешить эту ситуацию, в 1818 г. на уровне Государственного Совета и Сената было принято решение поручить опеку над детьми личных дворян сиротским судам, а над имуществом – дворянским опекам. При этом функция дворянских опекунов заключалась в том, чтобы распродать все дворянское имущество, а вырученные деньги обратить в пользу малолетних наследников. Для продажи крепостных (при их наличии) устанавливался срок – не более полугода. Все остальное имущество продавалось постепенно, а все доходы с него до момента окончательной продажи передавались «особо определенным к самим малолетним наследникам опекунам, кои в употреблении их должны давать отчет сиротским судам» (ПСЗ-И. Т.XXXV. №27356: 221).

Роменским сиротским судом (Полтавская губерния) в 1844 и 1846 гг. производились дела об имениях, оставшихся после смерти помещика Ксенофонта Свирского (ГАСО. Ф. 996. Оп. 1. Д. 134), и дворян Григория и Петра Фостиковых (ГАСО. Ф. 996. Оп. 1. Д. 144). Далее по этому суду все чаще встречаются дела, связанные с опекой дворянского имущества. По нашему мнению, одним из объяснений этого может быть увеличение количества личных дворян, получивших свой статус вследствие государственной службы (по выслуге). Ведь к этому времени бюрократический аппарат Российской империи разросся колоссально и продолжал увеличиваться (чиновники фактически стали отдельной социальной прослойкой), а классы чинов, дающих право на потомственное дворянство, в 1845 г. были повышены, поэтому стало больше появляться государственных служащих низшего и среднего звена, выслуживших чины, предоставляющие именно права личных дворян.

Распространенным явлением в изучаемый период были внутрисемейные имущественные тяжбы. Многие из них бывали очень продолжительными. С целью уменьшить их количество в феврале 1786 г. был издан императорский указ «О разделе наследственного имения в двухгодичный срок, и о взятии такового в опеку, если наследники в течение сего срока не учинят полюбовного раздела». Согласно этому документу, если родственники в течение двух и более лет не могли разделить между собой имущество (по причине, если в «семье окажутся столь развращенные нравы, что по ябеде и беспокойству участвующих, в 2-годовой срок дележа окончить не могут»), его забирали в опеку: дворянское имущество в ведение дворянской опеки, а мещанское – сиротского суда. При этом со всего взятого имения взыскивалась штрафная пеня в размере 6 % в пользу местного приказа общественного призрения. Опекуны назначались сроком до тех пор, пока уездный суд или городской магистрат не произведут раздел имущества по законам (ПСЗ-И. Т.XXII. №16327: 533).

Проблема секвестрированного имущества и распоряжения им остро стояла в этот период. К ее решению в определенный момент были привлечены и сиротские суды. Долгое время имущество, секвестрированное по государственным взысканиям у разных лиц, находилось под контролем земской полиции. Это очень усложняло работу полицейских органов, на которых лежал колоссальный объем различных обязанностей. В 1828 г. указом Сената секвестрированное имущество мещан, купцов и прочих лиц «одинакового с ними состояния» было передано в компетенцию сиротских судов. Такую передачу полномочий сиротским судам перед правительством инициировали представители высшей власти Таврической губернии при поддержке исполняющего должность Новороссийского генерал-губернатора, полномочного наместника Бессарабской области, министра внутренних дел (ПСЗ-И. Т.III. №1736: 53-54).

Во время составления описи секвестрированного имущества мещанина или купца помимо чиновника сиротского суда должны были присутствовать чиновник от городской или уездной полиции (в зависимости от местонахождения описываемого имения), а также два или три свидетеля из сословия, к которому принадлежал владелец этого имущества (ПСЗ-И. Т.VII. №5464: 437).

Некоторые правила, определенные сиротским судам для временного управления описанным за долги и т.п. имуществом, были изложены в «Положении о порядке описи, оценки и публичной продажи имуществ» 1832 г. Так, в зависимости от характера и условий долгов все доходы с описанного имения сиротский суд должен был или отсылать в кредитные учреждения, или использовать на покрытие долгов и исков. При этом владельцу этого имущества запрещался «въезд в оное [имение] и жительство, равно как и участие в распоряжениях по управлению его и доходам» (ПСЗ-И. Т.VII. №5464: 449-450).

Сиротские суды также занимались выдачей различных разрешений, свидетельств. С 1830 г. сиротские суды должны были выдавать свидетельства об имуществе (или его отсутствии) лицам протестантского исповедания, желающим вступить в брак во второй раз. Это делалось с целью контроля, чтобы дети от первого брака не могли терпеть убытков по имуществу, на которое претендовали по закону после смерти родителя. Для таких детей прежде вступления живого родителя во второй брак должна была выделяться законная часть имения (ПСЗ-II. Т.V, отд. 1. №3710: 523-524). А в Уставе евангелическо-лютеранской церкви в России 1832 г. было закреплено право сиротских судов выдавать опекунам протестантского исповедания или их детям специального разрешения на заключение их брака с лицами, состоящими под их опекой (ПСЗ-II. Т.VII. №5870: 964).

По достижении совершеннолетия лицами, состоящими под опекой, сиротские суды могли выдавать им свидетельство на получение принадлежащих им капиталов (если таковые имелись), положенных в свое время умершим наследодателем в так называемую сохранный казну. Такое право за этими органами было окончательно закреплено в 1832 г. (ПСЗ-II. Т.VII. №5856: 925-927).

Каждый год гражданские губернаторы проводили ревизию вверенных им губерний. Основное внимание уделялось состоянию дел во всех государственных учреждениях. Проверая работу сиротских судов, губернатор обращал внимание на то, насколько добросовестно велось делопроизводство; какое количество имений находилось в ведомстве этих судов; насколько исправно опекунами подавались отчеты; сколько в опеке состояло сирот и вдов; не было ли нарушений в «употреблении доходов и капиталов в сиротских судах находящихся» (ПСЗ-II. Т.VI, отд. 1. №4689: 669).

Например, в 1859 г. такую проверку совершал гражданский губернатор Черниговской губернии. Документ, в котором были освещены результаты этой ревизии содержит и некоторую информацию о положении дел в сиротских судах (Дегтярьев, 2010). Так, он отмечал, что по Глуховскому сиротскому суду в опекуновом управлении находилось 34 имения, но по трем из них отчеты на момент ревизии доставлены не были. Во всем же остальном там «безпорядков и упущений» не было обнаружено. Полный порядок был отмечен и по Борзенскому, Конотопскому, Новозыбковскому, Суражскому, Мглинскому сиротским судам. Незначительные упущения (чаще всего отсутствие некоторых отчетов по опекаемым имениям) обнаружены по Городницкому, Новгородсеверскому судам (ГАСО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 1. Л. 140б, 15, 150б, 18, 19, 190б, 200б, 22).

Значительно хуже была ситуация в Нежинском сиротском суде. Здесь в опеке находилось 78 имений, при этом «неразрешенных бумаг» оставалось по 44 из них. Отдельно отмечалось, что делопроизводство суда со времени предыдущей проверки 1858 г. не улучшилось, а «особенно же замечена беспечность в несвоевременном истребовании от опекунов отчетов» (ГАСО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 1. Л. 16). Были претензии и по Кролевецкому сиротскому суду. По двум из 23 имений не были поданы отчеты. Еще 10 имений так и не были взяты в опекуновое управление по причине «нераспорядительности и незаботливости Ратуши». Отмечена также по суду «весьма медленная отписка по резолюциям указов и предписаний», не смотря на то, что их поступало сюда крайне мало (ГАСО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 1. Л. 170б). Стародубский сиротский суд отличался большой пассивностью в истребовании опекуновских отчетов (отсутствовали отчеты по 13 имениям из 33) (ГАСО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 1. Л. 21).

За упущения в работе сиротских судов их служащие подвергались различным взысканиям. Так, по результатам губернаторской ревизии 1858 г. членам и секретарям Нежинского, Стародубского и Суражского сиротских судов за «допущение беспорядков» было объявлено «замечание». А по результатам описанной выше проверки 1859 г. члены Кролевецкого и Мглинского судов получили «замечание», Стародубского – «выговор», Нежинского – «строгий выговор», а по Городницкому и Новгородсеверскому – предписание «немедленно исправить» замеченные упущения.

За добросовестное исполнение служебных обязанностей назначались поощрения. В 1859 г. члены Борзенского, Глуховского, Конотопского и Новозыбковского сиротских судов «за усердие и успешное делопроизводство» удостоились от губернатора «искренней благодарности» (ГАСО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 1. Л. 220б-23).

Органы опеки учреждались во всех регионах Российской империи, но могли при этом функционировать с некоторыми особенностями, часто обусловленными количеством населения в том или ином районе или населенном пункте, его социальным и национальным составом. Такие особенности были характерны и для сиротских судов (или органов, на которые возлагались их функции). Так, в 1823 г. в Грузии при уездных и временных окружных судах были учреждены дворянские опеки, которые в своих действиях руководствовались российским законодательством. Но в Елисаветполе по причине отсутствия дворян опека создана не была. Здесь был учрежден при окружном суде сиротский суд, возглавляемый окружным начальником. До этого, с 1801 г., такие опекуновские учреждения в Грузии вообще не полагались (ПСЗ-I. Т.XXXVIII. №29417: 908-909).

В губерниях, присоединенных в свое время к Российской империи в следствие разделов Речи Посполитой, сиротские суды были учреждены лишь в 1836 г. (ПСЗ-II. Т.XI, отд. 1. №9226: 607).

В некоторых сиротских судах так называемых Остзейских губерний (прибалтийский регион в составе Российской империи) существовал порядок, по которому канцелярские служащие помимо жалования получали 1 % с имений, «доставшихся сиротам по наследству». Указом министра юстиции

от 21 июня 1845 г. такое правило отменялось для Нарвского сиротского суда (ПСЗ-II. Т. XX, отд. 1. №19119: 470).

В г. Николаев, например, не было дворянской опеки, поэтому местный сиротский суд заведовал и дворянскими именьями. За эту дополнительную нагрузку по ходатайству Николаевского и Севастопольского военного губернатора адмирала Грейга на канцелярию Николаевского сиротского суда из государственной казны с 1830 г. начали выделять 450 руб. в год (ПСЗ-II. Т. V, отд. 1. №3824: 755).

Еще в большей степени делами был обременен Одесский сиротский суд после того, как ему была передана часть дел из местного коммерческого суда. На содержание этого сиротского суда выделялось 2200 руб. в год. Теперь, ввиду увеличившейся нагрузки, по просьбе министра внутренних дел в 1837 г. Государственный Совет утвердил дополнительные 1100 руб. в год, которые должны были выделяться из городских доходов Одессы. Из этих денег предполагалось использовать 600 руб. на содержание дополнительного помощника письмоводителя, 200 руб. на канцелярские нужды и 300 руб. на содержание сторожа, почтовые и другие издержки суда (ПСЗ-II. Т. XII, отд. 1. №10226: 312-313).

В исследуемый период часто изменялись центры уездов и даже губерний, учреждались новые административно-территориальные единицы. Все это влияло и на появление, ликвидацию, перемещения государственных учреждений, а иногда даже на круг их полномочий. Например, в марте 1838 г. было объявлено об учреждении в Таврической губернии Ялтинского уезда. После этого здесь стали появляться положенные городские и уездные органы власти и управления. Было объявлено и о создании в Ялте со временем сиротского суда. До тех пор, пока этот орган не будет создан, его функции возлагались на Симферопольский сиротский суд (ПСЗ-II. Т. XIII, отд. 1. №11080: 196-197). Также еще в 1835 г. в Саратовской губернии статус уездных городов получили Николаевск и Царев. Но по причине малочисленности городского населения сиротские суды в них были учреждены лишь указом Сената от 15 января 1844 г. (ПСЗ-II. Т. XIX, отд. 1. №17525: 36). В 1845 г. местечко Бердичев Киевской губернии получило статус города, который стал и уездным центром. В числе новоучреждаемых органов здесь был и сиротский суд (ПСЗ-II. Т. XX, отд. 2. №19503: 167). А существование Старобельского сиротского суда (Харьковская губерния) в 1859 г. вообще было признано нецелесообразным. Он был упразднен, а все его дела переданы в местную ратушу (ПСЗ-II. Т. XXXIV, отд. 1. №34333: 273). Город Маяки Херсонской губернии в 1862 г. утратил свой уездный статус. Все судебные и опекунские дела, возникающие в этом городе, теперь передавались на рассмотрение в Одесский магистрат и Одесский сиротский суд. А обществу г. Маяки разрешалось командировать для присутствия в этих учреждениях своих представителей из числа купцов и мещан (ПСЗ-II. Т. XXXVII, отд. 1. №38097: 272). А в уездном городе Слободской (Вятская губерния) в городской магистрат в 1860 г. был назначен особый чиновник, который занимался исключительно делами, относящимися к компетенции сиротского суда. За это он получал жалование в размере 150 руб. серебром в год и имел ряд служебных привилегий (должность XIV класса, право на ношение мундира X разряда и право на пенсию по IX разряду) (ПСЗ-II. Т. XXXV, отд. 1. №35533: 193).

Одно из последних изменений в особенностях функционирования сиротских судов Российской империи произошло в конце исследуемого периода. В результате реформ 1860-х годов городские магистраты и ратуши были ликвидированы. На их месте в некоторых городах было установлено так называемое упрощенное общественное управление. Состав сиротских судов здесь временно также упрощался («впредь до издания нового положения об опеках»). Согласно с постановлением Государственного Совета от 20 февраля 1867 г. в состав этих органов теперь входили городской староста (председательствовал в суде) и два члена, избираемых городским обществом (ПСЗ-II. Т. XLII, отд. 1. №44267: 161-162).

Особую роль в реализации сиротскими судами их функций играли опекуны, которые сами не являлись служащими этих учреждений. Опекунов к малолетнему сироте и его имуществу (имению) следовало назначать, если в родительском завещании они не были определены заранее. Опекунами могли стать, в первую очередь, родственники («из родственников или свойственников») или лица из числа посторонних людей, но такие, которые «добродетельными качествами, честностью и незазорным поведением более поведают надежды к призрению малолетнего в здравии, добронравном воспитании и достаточном содержании по его состоянию, и от которых отеческого попечения к малолетнему непременно можно ожидать». Запрещалось выбирать лиц с отрицательными качествами: расточителей своего или родительского имущества; обанкротившихся мещан и купцов; находящихся под судом или известных своим аморальным поведением («кто в явных и гласных пороках находится»); людей жестоких; лиц, находившихся в конфликте с родителями малолетнего (ПСЗ-I. Т. XX. №14392: 261, 262).

Хотя в «Учреждении для управления губерний» содержалась общая инструкция для опекунов, более конкретные и подробные наставления по опеке они получали от сиротского суда в момент назначения. Это было предусмотрено законодательно: «Подробного наставления опекунам о правлении имением малолетнего здесь не предписывается: ибо каждому Городовому Сиротскому Суду, по положению именья малолетнего, сходственное о том предписание учинить оставляется» (ПСЗ-I. Т. XX. №14392: 264).

В качестве вознаграждения опекуны имели право получать 5 % из доходов, получаемых в пользу малолетнего (не зависимо от количества опекунов 5 % делились на всех и эта сумма не могла быть изменена).

На действия опекунов, как и на решения сиротских судов в целом, недовольные могли жаловаться в высшие инстанции. При этом опекуны, на которых были поданы жалобы, могли подать апелляцию, чтобы оправдать свои действия. Если апелляция признавалась несправедливой, то опекун должен был уплатить штраф. Средства для его уплаты при этом взимались с имущества, находящегося в опеке (по управлению которым и имел место конфликт) (ПСЗ-І. Т. XXXIII. №25978: 329-330). Часто дела, связанные с апелляциями опекунов, рассматривались очень долго. Так, в Роменском сиротском суде в течение 1853-1860 гг. в производстве находилось дело «О взыскании с бывших кураторов купцов Павла Петровского и Ивана Андрусаченко штрафа, следующего за неправую апелляцию по делу мещанина Семенчинова с купцом Черновым за неустойку на мировом акте» (ГАСО. Ф. 996. Оп. 1. Д. 168).

После утверждения кандидатур опекунов делалась подробная опись всего имущества, одна копия которой, заверенная опекунами, передавалась на хранение в сиротский суд, а вторая – опекунам. Ежегодно они подавали в сиротский суд отчет, включающий сведения о прибылях и расходах по опекаемому имуществу, а также о содержании и воспитании подопечного. По достижении же последним совершеннолетия опекуны подавали в сиротский суд большой отчет за весь срок опеки (ПСЗ-І. Т. XX. №14392: 261-262, 264-265).

Часто годовые отчеты в сиротские суды подавались опекунами несвоевременно. Соответственно в высшие инстанции для ревизии они тоже поступали в разное время, что затрудняло вести правильный и точный учет опекунских дел. В связи с этим в январе 1816 г. Комитет Министров и Сенат указом обязали всех опекунов подавать ежегодные отчеты без задержек и обязательно в январе месяце. Дворянские же опеки и сиротские суды, в свою очередь, должны были сразу же доставлять эти отчеты в «Гражданские Палаты, Генеральные и Главные Суды». Виновным в несвоевременной подаче этих отчетов угрожалось наказание (ПСЗ-І. Т. XXXIII. №26107: 464-465).

Существовал целый свод правил, которых опекуны должны были неукоснительно придерживаться. Они были закреплены в ст. 305 «Учреждения для управления губерний» (мы упоминали о них выше) (ПСЗ-І. Т. XX. №14392: 263-265). Эти правила в виде инструктажа полностью или в сокращенной версии зачитывались опекунам в сиротском суде при их назначении. Это «Примерное, или повальное наставление опекунам» состояло из 17-ти пунктов и содержало перечень характеристик, которым должны соответствовать опекуны, их права и обязанности по отношению к подопечным и их имуществу.

В частности, опекуны были обязаны сохранять все документы, имеющие отношение к вверенному им имуществу («крепости, векселя, контракты, закладные и т.п.»). Кроме того, они должны вести специальные приходные и расходные книги, где фиксировались все доходы и расходы. Отдельное внимание опекуны должны были уделять воспитанию подопечных – следить за тем, чтобы «малолетний воспитан был в страхе Божии, в познании тоя веры, в которой родился, в правилах добронравия, в удалении от всех злых примеров, сердце и нрав от самого детства развращающих и повреждающих». Для этого следовало подбирать воспитателей из числа лиц с высокими моральными качествами, а содержание для сироты выделять не слишком большое (но достаточное), чтобы он «от самой юности поважен был к большей умеренности и чрез то приуготовился... вести жизнь порядочную, трудолюбивую, умеренную и весьма удаленную от мотовства и всякого рода непорядков и неистовств» (ПСЗ-І. Т. XX. №14392: 263).

В конце 1785 г. права несовершеннолетних, к которым были назначены опекуны, были несколько расширены. Теперь лица, которым исполнилось 14 лет, имели право испросить у сиротского суда или дворянской опеки (в зависимости от социального статуса несовершеннолетнего) разрешения на назначение им попечителя «для совета и защищения во всех делах». Лица, достигшие 17-летнего возраста теперь могли самостоятельно управлять своим имуществом, но продавать или закладывать его без разрешения опекунов или попечителя запрещалось до достижения 20-летия (ПСЗ-І. Т. XXII. № 16300: 502).

В случае если находящееся в опеке имущество было «отягощено» долгами, то опекуны из прибылей должны были их выплачивать, приводя его таким образом в нормальное состояние. С целью уплаты долгов по находящемуся в опеке имуществу они могли продать какую-либо его часть, но для этого нужно было получить разрешение сиротского суда, который, в свою очередь, уведомлял об этом вышестоящие инстанции (ПСЗ-І. Т. XX. №14392: 262). В то же время по имеющимся векселям и закладным документам опекуны также должны были вовремя взыскивать с заемщиков должные средства в пользу опекаемых сирот. На них же возлагалась обязанность представлять интересы малолетних в судебных местах.

Отношения между приказчиками и опекунами над имуществом регулировались законодательно, их условия фиксировались в заключенных между ними контрактах (Шандра, 2016: 137). За нарушения или преступления, совершаемые приказчиками или другими лицами, значащимися при имениях или предприятиях, опекуны не имели права назначать телесные наказания. Это делали, в зависимости от рода и степени нарушения, соответствующие органы

(судебные, полицейские, сходы). Лишь за нарушения по управлению имуществом опекуны имели право отрешать от этого занятия виновных, а на их место назначать новых людей (ПСЗ-И. Т. XX. №14392: 264).

Продавать и оставлять в залог имущество, находящееся в опеке лишь по разрешению губернского магистрата (для городских сословий) или верхнего земского суда (для дворян) опекуны могли до 1793 г. Согласно с сенатским указом от 11 марта 1793 г. это можно было сделать только с разрешения Правительствующего Сената (ПСЗ-И. Т. XXIII. №17107: 408-410). По мнению правительства, это должно было в большей степени защитить имущественные интересы опекаемых сирот. В 1807 г. опекунам было разрешено без дозволения Сената продавать продукты («жизненные припасы»), могущие испортиться. В данном случае Сенат руководствовался тем, что пока бы выдавалось такое разрешение опекунам, порча тех или иных продуктов привела бы к убыткам. Но, совершая такие продажи, опекуны обязаны были упоминать о них в своих годовых отчетах сиротским судам (ПСЗ-И. Т. XXIX. №22541: 1208). В 1824 г. последовало Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, которым уточнялись условия, при которых опекуны могли продавать некоторые вещи из числа движимого имущества их подопечных. Имелись в виду не портящиеся предметы («тлению неподверженные»), в частности золотые, серебряные, жемчуг, драгоценные камни. Такие вещи можно было продавать, предварительно испросив разрешение Сената через дворянскую опеку или сиротский суд, лишь в трех случаях:

- 1) если продажа была необходима для уплаты долгов малолетнего, «наследованных вместе с имением»;
- 2) если это было нужно для содержания малолетнего;
- 3) «если означенные вещи составляли товар того лица, от которого они перешли к малолетнему» (ПСЗ-И. Т. XXXIX. №29837: 217-218).

В тех случаях, когда малолетние сироты оказывались наследниками торговых или промышленных предприятий, то опекунам вменялось в обязанность вести по ним дела, вовремя выплачивая все необходимые пошлины и налоги, не допуская, чтобы они были разорены, «но напротив того были приведены в самое лучшее и цветущее состояние». Недвижимое имущество также должно было сохраняться в надлежащем виде, все ремонты и починки следовало делать вовремя, не допуская разрушений. Если при имениях или коммерческих предприятиях, находящихся в опеке, находились приказчики или другие лица, отвечающие за их надлежащее состояние, то они все свои действия должны были согласовывать с опекунами (без согласования разрешалось делать выплаты «людям на содержание и на корм птицам и всякому скоту») (ПСЗ-И. Т. XX. №14392: 263-264).

5. Заключение

В целом роль сиротских судов в течение всего периода их существования была очень важной. Даже после реформ Александра II они продолжали функционировать, став уже всесословными органами (в их компетенцию были включены и опекунские дела дворян). Фактически основной их задачей всегда являлось сохранение собственности. Это было важно для поддержания социальной и экономической стабильности в государстве.

Сиротские суды были ликвидированы декретом Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов и Совета народных комиссаров РСФСР «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» от 23 ноября 1917 г. (Бурян, 2003: 484). Но в некоторых национальных регионах, ранее входивших в состав Российской империи и неподконтрольных большевикам, они еще продолжали некоторое время функционировать. В частности, сиротские суды в 1917-1919 гг. в уездных городах Западной Волины продолжали заведовать опекунскими и сиротскими делами (Гуцалюк, 2012: 71). А архивные документы свидетельствуют, что, например, Роменский сиротский суд (возможно в каком-то изменившемся статусе) разбирал опекунские дела еще в 1918-1921 гг. (ГАСО. Ф. 996. Оп. 1. Д. 338; ГАСО. Ф. 996. Оп. 1. Д. 339; ГАСО. Ф. 996. Оп. 1. Д. 340; ГАСО. Ф. 996. Оп. 1. Д. 341).

Дальнейшее изучение истории сиротских судов, их места в системе государственных учреждений Российской империи, роли в повседневной жизни общества того времени, по нашему мнению, являются перспективными направлениями для дальнейших исследований. Они позволят с большей точностью реконструировать социокультурное положение разных слоев общества конца XVIII – XIX веков.

Литература

Антонов и др., 2004 – Антонов А.Л., Парамонов А.Ф., Маслийчук В.Л. История Харьковского городского самоуправления. 1654-1917 гг. Харьков: Регион-Информ, 2004. 200 с.

Бурян, 2003 – Бурян В.В. Сирітський суд // Юридична енциклопедія: в 6 т. К.: «Українська енциклопедія», 1998. Т.5.: П-С. 2003.

ГАСО – Государственный архив Сумской области.

Гуцалюк, 2012 – Гуцалюк І.О. Суд та судочинство в Західній Волині за «Другої» Української Народної Республіки // Гілея: науковий вісник. Зб. наук. праць. К., 2012. Вип. 60 (№5). С. 69-76.

- Дегтярьов, 2010** – Дегтярьов С.І. Губернаторська перевірка державних установ Чернігівської губернії 1859 р. та її результати // *Сумська старовина*. 2010. №XXX. С.152-164.
- Думенко, 2010a** – Думенко О.Е. Сиротские суды в законодательстве Российской империи // *Вестник ТвГУ*. Серия: История (3). 2010. С. 106-115.
- Думенко, 2010b** – Думенко О.Е. Сиротские суды Тверской губернии в последней четверти XVIII – первой половине XIX века: дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.02. Тверь, 2010. 192 с.
- Ерошкин, 1968** – Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1968. 368 с.
- Ефремова, 1993** – Ефремова Н.Н. Судостроительство России в XVIII – первой половине XIX в. (историко-правовое исследование). Москва: Наука, 1993. 192 с.
- Зуева, 1990** – Зуева Е.А. Опекa и попечительство у сибирского купечества в последней четверти XVIII – первой половины XIX в. // *Социально-культурное развитие Сибири: Бахрушинские чтения 1991 г.* Новосибирск, 1990. С. 25-34.
- Короткова, 2014** – Короткова Ю.А. Социальная деятельность судебных учреждений России в 18 веке (сиротские суды Владимирской губернии) // *Пробелы в российском законодательстве*. №3. 2014. С. 59-62.
- Малишев, 2012** – Малишев О.О. Міські сирітські суди в Україні: історико-правове дослідження: монографія. Київ: Прінт-Сервіс, 2012. 351 с.
- Німетуллаєва, 2014** – Німетуллаєва С.С. Правові засади діяльності сирітських судів в Таврійській губернії (кінець XVIII – початок XX ст.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Київ, 2014. 19 с.
- ПСЗ-І** – Полное собрание законов Российской империи, собр. 1.
- ПСЗ-ІІ** – Полное собрание законов Российской империи, собр. 2.
- Рудий, 2012** – Рудий Н.Я. Інститут опіки і піклування в Україні: історико-правове дослідження: монографія. Львів: ЛДУВС, 2012. 215 с.
- Свод учреждений, 1833** – Свод учреждений государственных и губернских. Часть вторая. Учреждения губернский. СПб.: В Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1833. 903 с.
- Середа, 2004** – Середа Н.В. Реформа управления Екатерины Второй: источниковедческое исследование. М.: Памятники исторической мысли, 2004. 446 с.
- Шандра, 2016** – Шандра В. Міщанські органи станового самоврядування в Україні (кінець XVIII – початок XX ст.). Київ: Інститут історії України НАН України, 2016. 344 с.

References

- Antonov et al., 2004** – Antonov A.L., Paramonov A.F., Maslijchuk V.L. (2004). Istorija Har'kovskogo gorodskogo samoupravleniya. 1654-1917 gg. [History of Kharkiv city government. 1654-1917]. Har'kov: Region-Inform. 200 p. [in Russian]
- Buran, 2003** – Buran V.V. (2003). Syrytskiy sud [Orphan court]. *Yurydychna entsyklopediia*: v 6 t. K.: «Ukrainska entsyklopediia», 1998. T.5.: P-S. [in Ukrainian]
- Dehtiarov, 2010** – Dehtiarov S.I. (2010). Hubernatorska perevirka derzhavnykh ustanov Chernihivskoi hubernii 1859 r. ta yii rezultaty [Governor's examination of state institutions of Chernihiv province in 1859 and its results]. *Sumska starovyna*. №XXX. pp. 152-164. [in Ukrainian]
- Dumenko, 2010a** – Dumenko O.E. (2010). Sirotskie sudy v zakonodatel'stve Rossijskoj imperii [Orphan courts in the legislation of the Russian Empire]. *Vestnik TvGU*. Seriya: Istorija (3). pp. 106-115. [in Russian]
- Dumenko, 2010b** – Dumenko O.E. (2010). Sirotskie sudy Tverskoj gubernii v poslednej chetverti XVIII – pervoj polovine XIX veka [Orphan courts of the Tver province in the last quarter of the XVIII – first half of the XIX century]: diss. ... kand. istor. nauk: 07.00.02. Tver'. 192 p. [in Russian]
- Efremova, 1993** – Efremova N.N. (1993). Sudoustrojstvo Rossii v XVIII – pervoj polovine XIX v. (istoriko-pravovoe issledovanie) [The judicial system of Russia in the XVIII – the first half of the nineteenth century (historical and legal research)]. Moskva: Nauka. 192 p. [in Russian]
- Eroshkin, 1968** – Eroshkin N.P. (1968). Istorija gosudarstvennyh uchrezhdenij dorevolucionnoj Rossii [The history of state institutions of pre-revolutionary Russia]. M.: Vysshaya shkola. 368 p. [in Russian]
- GASO** – Gosudarstvennyj arhiv Sumskoj oblasti [State Archive of Sumy region].
- Hutsaliuk, 2012** – Hutsaliuk I.O. (2012). Sud ta sudochynstvo v Zakhidni Volyni za «Druhoi» Ukrainskoi Narodnoi Respubliki [The court and legal proceedings in the Western Volhynia for the "Second" of the Ukrainian People's Republic]. *Hileia*: naukovyi visnyk. Zb. nauk. prats. K. Vyp. 60 (№5). pp. 69-76. [in Ukrainian]
- Korotkova, 2014** – Korotkova Yu.A. (2014). Social'naya deyatel'nost' sudebnyh uchrezhdenij Rossii v 18 veke (sirotskie sudy Vladimirskoj gubernii) [Social activities of judicial institutions in Russia in the 18th century (orphan courts of Vladimir Province)]. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve*. №3. pp. 59-62. [in Russian]

Malyshev, 2012 – *Malyshev O.O.* (2012). Miski syritski sudy v Ukraini: istoryko-pravove doslidzhennia: monohrafiia [City Orphan Courts in Ukraine: Historical and Legal Research: Monograph]. Kyiv: Print-Servis. 351 p. [in Ukrainian]

Nimetullaieva, 2014 – *Nimetullaieva S.S.* (2014). Pravovi zasady diialnosti syritskykh sudiv v Tavriiskii hubernii (kinets XVIII – pochatok XX st.) [Legal principles of the activity of orphan courts in the Tavriya province (end of the XVIII – the beginning of the XX century).]: avtoref. dys. ... kand. yuryd. nauk: 12.00.01. Kyiv. 19 p. [in Ukrainian]

PSZ-I – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire], sobr. 1.

PSZ-II – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire], sobr. 2.

Rudyi, 2012 – *Rudyi N.Ia.* (2012). Instytut opiky i pikluvannia v Ukraini: istoryko-pravove doslidzhennia: monohrafiia [Institute of guardianship in Ukraine: historical and legal research: Monograph]. Lviv: LDUVS. 215 p. [in Ukrainian]

Sereda, 2004 – *Sereda N.V.* (2004). Reforma upravleniya Ekateriny Vtoroj: istochnikovedcheskoe issledovanie [Catherine the Second Governance Reform: Source Study]. M.: Pamyatniki istoricheskoy mysli. 446 p. [in Russian]

Shandra, 2016 – *Shandra V.* (2016). Mishchanski orhany stanovoho samovriaduvannia v Ukraini (kinets XVIII – pochatok XX st.) [Burgher government authorities of social classes municipality in Ukraine (the end of XVIII – the beginning of XX centuries)]. Kyiv: Instytut istorii Ukrainy NAN Ukrainy. 344 p. [in Ukrainian]

Svod uchrezhdenij, 1833 – Svod uchrezhdenij gosudarstvennyh i gubernskih. Chast' vtoraya. Uchrezhdeniya gubernskie [Code of state and provincial institutions. Part two. Provincial institutions]. SPb.: V Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii, 1833. 903 p.

Zueva, 1990 – *Zueva E.A.* (1990). Opeka i popechitel'stvo u sibirskogo kupechestva v poslednej chetverti XVIII – pervoj poloviny XIX v. [Guardianship and trusteeship of the Siberian merchants in the last quarter of the XVIII – the first half of the XIX century]. *Social'no-kul'turnoe razvitie Sibiri: Bahrushinskie chteniya 1991 g.* Novosibirsk. pp. 25-34. [in Russian]

Сиротские суды в системе государственных учреждений Российской империи конца XVIII – 60-х годов XIX вв.: персональный состав, компетенция, права и обязанности опекунов

Сергей Иванович Дегтярев ^{a, b, *}, Любовь Георгиевна Полякова ^{b, c, d}

^a Сумский государственный университет, Сумы, Украина

^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^d Восточно-европейское историческое общество, Российская Федерация

Аннотация. Данная статья посвящена органам опеки, созданным защищать интересы представителей городских сословий – сиротским судам. Авторы проанализировали компетенцию этих учреждений в контексте эволюции российского имперского законодательства, которое регламентировало их деятельность. Сиротские суды в Российской империи были созданы в 1775 г. и просуществовали до начала XX века. Но данная статья хронологически охватывает период от административной реформы Екатерины II до реформ системы управления 1860-х годов.

Особое внимание уделено взаимодействию сиротских судов с опекунами. Рассмотрены права и обязанности опекунов, различные аспекты реализации опеки над малолетними сиротами, имуществом умерших мещан и купцов.

В работе рассмотрены региональные особенности функционирования сиротских судов, которые, по мнению авторов, часто зависели от количества населения в том или ином районе или населенном пункте империи, его социального и национального состава.

Ключевые слова: сиротский суд, опекун, купцы, мещане, городские сословия, Российская империя, имущество, государственные учреждения, XVIII-XIX вв.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: starsergo2014@gmail.com (С.И. Дегтярев)

Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 51. Is. 1. pp. 93-101. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.1.93
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

From the History of the Russian Soda Production in the 18th and 19th centuries (as illustrated by the Example of Siberia)

Vladimir N. Shaidurov ^{a, b, *}

^a Saint-Petersburg Mining University (Mining University), Russian Federation

^b East European Historical Society, Russian Federation

Abstract

The industrial growth between the late 18th and 19th century was largely facilitated by advancing science, which led to the technical and technological revolution. For example, evolving chemistry crystallized into new industrial sectors, one of which was the soda production. Soda was an essential element for the textile, leather, glass and soap industries in this period. Soda was produced in the potash process in Russia before the 1780s. It was not until the late 18th century that Academician Erich Laxmann was able to achieve a commercial process for soda. However, the first soda plant was opened in the Russian Empire in Altai in 1864 by Prang brothers. Since the second half of the 19th century, Western Siberia was a major center in the soda production in Russia. The new sector formed in the environment of protectionist policies for soda plant owners, carried out by the government. This paper will examine some aspects of the history of the soda production in Russia, using the example of Siberia, i.e. sources and specifications of raw materials, history and business operations of soda plants as well as description of their respective owners. The work made use of documents from a range of Russia's central and regional archives and published results of field studies conducted by mining engineers in the late 19th century.

Keywords: soda production, Leblanc process, “Prang i K^o”, Siberia, Altai bitter lakes.

1. Introduction

The major milestones in the evolution of the global chemical industry in the period under review include: development of production methods for soda based on the Nicolas Leblanc's process (1791), for sulfuric acid based on the chamber process (1746), for superphosphate (1840), for soda based on the Ernest Solvay ammonia process (1863). An idea of obtaining sulfuric acid using the contact process was put forward (1831).

Before the 19th century, soda ash (sodium carbonate) was obtained primarily from the ashes of some algae and coastal plants. Key European importers of soda until the end of the 18th century were Spain and France, whose production capacities were concentrated on the Mediterranean coast.

In the late 18th century, Russia emerged as an active player in the industrial production of soda that replaced potash in the second half of the 19th century. The main contributors to the transition were both scientific and technological discoveries and rich deposits of Glauber's salt (sodium sulphate), which became the primary raw material for soda manufacturing. One of the centers of the soda production was the Altai (South of Western Siberia) that boasted many bitter lakes rich in Glauber's salt.

The soda industry today uses four methods – the ammonia process (from sodium chloride), natron process, nepheline processing, as well as the carbonization of sodium hydroxide. The leading position is still held by the first method of the soda production, although its share, which has more recently amounted to 100 %, is now gradually decreasing. Advantages of the ammonia-soda process include: A relatively cost-efficient method, widespread availability and extraction affordability of the required raw materials,

* Corresponding author

E-mail addresses: s-w-n@mail.ru (V.N. Shaidurov)

insignificant temperatures (up to 100°C), under which main process reactions take place, a well-established method of the soda production and low production cost of soda ash.

2. Materials and methods

This paper will examine some aspects of the history of the Russian soda production. At the turn of the 19th century, Siberia was one of the major centers for the industrial production of soda. We will provide a description of the production.

The work employed documents from central and regional archives of Russia, such as acts of legislation, decisions of the Government and ministries, business letters, statistical data about industrial enterprises and published statistical materials.

The paper uses various historical methods. The chronological approach has given us the opportunity to study the problems which represented the essence of the research subject, by arranging them in the chronological sequence and identifying quantitative and qualitative changes that took place in them. Making use of the retrospective method has allowed us to turn to the past for a deeper understanding of historical processes and see them from a certain distance, when it became clear what historical results they produced. The genetic technique has enabled us to look from the historical perspective at how the research subject evolved in a specific area in a particular time period.

3. Discussion

The history of the soda production in Russia in the pre-Soviet period was largely unexplored. The distinctive feature of historiography is that it analyzes this problem in the context of the progression in the industry in general or in the chemical sector in particular.

First publications came out already in the late 18th century. It was Academician A.I. Gldenstdt who wrote in his reports to the Imperial Academy of Sciences in St. Petersburg, that it was crucial for Russia to develop the soda production and it had its own raw materials available for its production (Gldenstdt, 1780).

In 1893, the journal "Bulletin of gold mining and mining in general" (Vestnik zolotopromyshlennosti i gornogo dela voobshche) published an article by a Professor of Chemistry at the Tomsk State University, S.I. Zalesky. This was the first article that delivered a general description of the soda plant owned by M. Prang, the only business of its kind in Asian Russia (Zalesky, 1893: 3-4). The article was the summary of Professor Zalesky's trip to Siberia when he personally visited the soda plant and assessed its operation.

In the late 19th – early 20th century, a central scientific magazine, which published materials in mining, metallurgy, chemical and electrical engineering sectors in the Russian industry was "Gornyi Zhurnal" (Mining Journal) (published from 1825 up to the present). It published two articles which raised the issue of the soda production in Russia. Their authors were mining engineers who graduated from the St. Petersburg Mining Institute.

In 1894, mining engineer N. Zavadovsky published the article "Soda production in Siberia" in "Gornyi Zhurnal," which was dedicated to the 30th anniversary of the Prang soda plant in Barnaul, Tomsk province (Zavadovsky, 1894: 383-391). It focused on the early days and history of the company. It particularly pointed at Matvey Prang's interest to foreign practices in the soda production and his commitment to upgrading the production using the latest technology. To this end, the entrepreneur made three trips to England (Zavadovsky, 1894: 387-388). At the same time, it provided only fragmentary references to Matvey's older brothers, mining engineers, who initiated and financed the enterprise. Zavadovsky did not go into details of the production cycle deliberately, saying that it was "unlikely to be of interest to the layman reader" (Zavadovsky 1894: 390).

In 1897, mining engineer A. Bobyatinsky was commissioned by the Chief of the Altai district, V.K. Boldyrev, to explore bitter lakes in the South of Western Siberia. In 1898, his findings were published by Gornyi Zhurnal in the article "Description of bitter lakes of the Altai District." (Bobyatinsky, 1898: 372-397). It paid attention to the chemical characterization of Glauber's salt sources, which was supplied to soda plants in the region. Bobyatinsky revealed that the government created considerable impact on the development of the soda industry in Siberia, by linking the excise policy to the successful start and progression of the enterprises (Bobyatinsky, 1898: 375-376).

In 1897, a famous exiled revolutionary S.P. Shvetsov, who lived in the Altai (1888-1896) and was a local statistician, published an article in Moscow, entitled "The situation of workers at private plants in the Altai district." As he analyzes the working conditions and the situation of workers at private capitalist enterprises in the South of Western Siberia, the author concentrates on the Prang soda plant and noted paternalistic relations between hired workers and the entrepreneur (Shvetsov, 1897: 130-180).

A distinguishing feature of pre-Soviet publications was their reliance on local sources. Authors, professionally connected with Siberia for a long time, personally knew Siberian businessmen and had credible information on them.

The Soviet period featured a number of works that became classics in the history of the Russian industry in its imperial period. 1951 brought about the publication of the 3d volume of "History of chemical works and chemical industry in Russia until the end of 19th century" by Professor P.M. Lukyanov (Lukyanov, 1951). Volumes 1 and 2 were awarded the Stalin Prize. The first chapter of the monograph turned to the

problem of extraction and production of Glauber's salt, sodium sulphate and hydrochloric acid. Lukyanov delivered an in-depth analysis of the role, that Academician E.G. Laxmann played, not only in devising a glass melting process using Glauber's salt, but also named him the founder of the Russian industrial production of soda. Lukyanov gave a brief description of the Prang soda plant. One of the major drawbacks to Lukyanov's research was the fact that it only resorted to published works and did not take into account archival materials.

In the post-Soviet era, Russian historians addressed the problem of ethnic entrepreneurship. This interest resulted into individual studies that examined how German businessmen, the Prangs, facilitated the growth of the Russian soda production (Skubnevsky, 2010: 198-202; Shaidurov, 2016: 666-674). Contemporary authors merit praise because they make use of a wide array of archival documents that allow us to have a close look at various aspects of the industry.

The history of soda production in Europe is of interest to researchers. Archaeologists are studying the use of soda for the production of glass in the Ancient world. Historians of science study the problem of the invention and the production of soda ash in the industry (Kragh, 1995: 285-301).

Hence, the history of soda production in Siberia between the 18 and 19th century was not thoroughly covered by researchers. The key aspects that need further attention include the following: analysis of the laws that existed in the Russian Empire and served as the platform for the industry; the impact of government policies on the industry in different historical periods; the involvement of Russian soda manufacturers in the global soda production, etc.

4. Results

The general scientific progress at the turn of the 19th century and foundation of higher technical institutes and schools with a primary focus on chemistry and chemical technology were predetermined by needs of the industry. The industrial revolution added powerful impetus to almost all sectors, especially to the textile industry and metallurgy, which played an enormous role in the development of chemical plants. There was rising demand for raw materials. With the growth of the mining industry, chemical products received the increasingly higher value in total volume of raw materials produced. The prerequisite for their production was the goal to substitute scarce types of traditional raw materials with cheaper and more available chemical materials. The industry started to use "surrogates" and production waste.

Core areas took clear shape in the evolution of chemical plants, related to finding new sources of raw materials to manufacture soda, sulfuric acid, more effective bleaching, mordant and dyeing chemicals required for textile, metal, glass, leather, fats and oils and other industries.

Soda was called "zoda" or "suds" in Russia. When in 1720 Emperor Peter I answered to the question asked by Prince Golitsyn, why we need "zoda," he wrote: "Zoda can be used to soften wool" (Güldenstädt, 1780: 152).

One of the first researchers who addressed the problem of the soda production in Russia was Academician A.I. Güldenstädt. He wrote in 1780 that "soda can be considered an important commodity in the Russian trade. Glass makers and dyers use it in large quantities, and now it will be spent even more when white glass production will increase" (Güldenstädt, 1780: 152). According to Güldenstädt, Russia needed to develop its own sources of soda. At the time, key soda suppliers were Spain and France which extracted in seaweed burning. But the same seaweed was discovered during travel across southern Russia and the Caucasus. For example, according to Güldenstädt, Tatars, who lived in the North Caucasus, used it to produce soda and added it to the black soap.

This technology was developed in Siberia in the first half of the 19th century. Improvements in leather, soap and glass technology was impossible without the use of potash (potassium carbonate – K_2CO_3). However, one of the main sources of the chemical in Russia was wood. In Siberia, the peasants, who were engaged in potash works, faced prohibitive laws that protected forests. As a result, they were forced to seek new ways to produce potash.

In the 1840s, peasants and townspeople in the Tobolsk province used primitive technology to extract potash and soda from ashes of wild herbs that grew in the place of dried bitter lakes. In 1843, 1844, 1846, a tradesman of the Tobolsk province, Klyukin, submitted to the Ministry of Finance and to the Emperor Nicholas I applications to grant him privileges (monopolies) on soda production in Siberia. However, the correspondence with Governor-General of Western Siberia Petr Gorchakov brought to light nuances of soda production. For example, Gorchakov wrote to St. Petersburg that already in 1841, Klyukin in partnership with townsman Kolmakov organized a plant manufacturing potash and soda and "bought from farmers ashes burnt from herbs" (RGIA. F. 40. Op. 1. D. 11. L. 301). However, they never invented the method which local peasants had long been aware of. An enterprise of this type was established by peasant Bukarin in Kurgan, Tobolsk province, in the mid-1840s (RGIA. F. 40. Op. 1. D. 11. L. 301). Although Gorchakov accepted the need for the potash and soda production, he opposed the common technology applied for the purpose. Herbs were to be picked to be further burnt for ashes near saline lakes. With the lack of control, this process could lead to thefts of salt from the lakes and cause losses to the Crown (RGIA. F. 40. Op. 1. D. 11. L. 301 ob.). (At that time, a state monopoly on salt production was in force in Russia). For this reason, the soda production remained at the handicraft form.

The first industrial process of producing soda was pioneered in Russia. In 1764, a Russian chemist, Academician Erik Gustav Laxmann¹, a Swede by birth, reported that soda could be obtained by sintering natural sodium sulphate with charcoal. Laxmann obtained soda using his own process at a glass factory in Taltzinsk near Irkutsk (the factory was built on the money of merchant Alexander Baranov – the future head of the Russian-American Company and Governor of Russian America) in 1784 (Lukyanov, 1951: 14). Soda was received as a by-product following years of experiments in glass melting, which Laxmann started already in Barnaul in 1764–1766. Many years of chemical experiments enabled him to open a new era in the glass manufacture which at that time used only wood ash (potash). However, Academician Laxmann was not the founder of industrial production of soda based on Glauber's salt.

Russia's demand for soda was huge. This is illustrated by statistics of the Department of Mining and Salt Affairs under the Ministry of Finance (see Table 1).

Table 1. Imports of soda in Russia in 1852–1856 (RGIA. F. 18. Op. 2. D. 1711. L. 14)

Year	Import volume, poods ²	Import amount, rubles	Unit cost, rubles
1852	176,502	388,362	2.20
1853	174,199	328,606	1.88
1854	100,425	215,558	2.15
1855	74,607	196,805	2.68
1856	251,016	564,378	2.25

For example, soda imports from Europe grew by 142 % only between 1852 and 1856. The decline in imports in 1854–1855 was brought about by the Crimean campaign when Russia was at war with France and Britain – major producers of soda at the time. In this situation, it was necessary to reduce reliance of the booming Russian industry on Europe.

Realization of the need for economic security took place in the reign of Alexander II (1855–1881). In the late 1850s, the government concluded that it was necessary to arrange industrial production of soda in Russia. A covering note by the Minister of Finance to the regulation issued by the Committee of Ministers, which granted a retired lieutenant Benardaki a 10 year right to extract bitter salt from the Astrakhan lakes for soda production (PSZ – II. Vol. 33. Sec. 1. No.33339), indicated that “Most soda used in Russia, one of the most important products in factory and plant business, especially in glass manufacturing, is imported from abroad at a very large price, whereas we have all basic materials to manufacture the above-mentioned soda in abundance and the localized production of soda, in addition to meeting the needs of our factories, could constitute a new item of trade, create a separate source of income, relieve manufacturers from foreign dependence, namely the purchase of the above-mentioned soda, and retain the capital designated to this end in the state” (PSZ – II. Vol. 33. Sec. 1. No.33339).

The Government shared the views of scientists and entrepreneurs. For example, a renowned chemist, Dmitri Mendeleev, when making a review of the Paris World Exhibition, pointed to the need to organize industrial production of soda in Russia (Shaidurov, 2016: 668). In 1867, the Department of Commerce and Manufactures at the Ministry of Finance received a petition from textile manufacturers of Voznesensky Posad and the Ivanovo village, Vladimir province, which were Russia's largest textile centers.

Another significant milestone in the development of soda production in Asian Russia was reached in 1856 by an Omsk merchant, Vladimir Kuznetsov, who requested for permission to build a plant in the Altai mining district or near Tomsk. Bitter salt and wood were supposed to be supplied by the Cabinet of His Majesty, which owned the right of the use of all natural resources in the Altai (RGIA. F. 468. Op. 23. D. 518. L.1-10b.).

Initially, the situation was extremely favorable for Kuznetsov. His initiative was supported by the Chief Director of the Altai factories, Major General Bekman. In his report to Chairman of the Cabinet of His Majesty Adlerberg, Beckman, in particular, pointed out that “Altai plants and factories have low need for bitter salt to melt metals..., <...>, the plant can be established by Kuznetsov as he himself wishes in the neighborhood of the city of Tomsk, and Altai plants will have no shortage” (RGIA. F. 468. Op. 23. D. 518. L.1).

St. Petersburg officials were well aware of the cardinal importance that the domestic soda ash production had. For example, one of the documents of the time cites the following: “It [the soda – V.Sh.] has applications at many factories and plants... It has been so far the case in Russia that it is most often replaced by potash, whose production involves large-scale destruction of forests, and those applications, which rely on soda in production, have to order it at a high price from abroad” (RGIA. F. 468. Op. 23. D. 518. L. 4-4 ob.). This allowed the Omsk merchant to obtain the prior consent of the Cabinet. But the decisive word was to be said by the Ministry of Finance which chose not to hinder local initiatives from being implemented.

¹ Laxmann Erik Gustav (1737-1796) – a Russian scientist and explorer of Swedish origin, a naturalist, academician at the Royal Swedish Academy of Sciences (1769) and the Imperial Academy of Sciences and Arts in St. Petersburg (1770); a chemist, botanist and geographer.

² Pood – a unit of weight in pre-Soviet Russia, 1 pood is equivalent to 16 kg.

One year later, on September 11, 1857, Kuznetsov received the Cabinet's approval to construct a soda plant near Tomsk (RGIA. F. 468. Op. 23. D. 518. L. 18-20). However, the production unit was never founded. The failure seems to have had objective reasons. Firstly, the plant owner was to face financial expenses associated with the organization of salt production and its delivery to Tomsk using animal transport over a distance of about 600 km. Secondly, he had to have an idea of the potential that soda consumption market could offer. There was no such market in Siberia, in the 1850s. Kuznetsov's followers would also face this problem. Additionally, he also needed chemical engineers that would be experienced in the practices of industrial soda production based on the Leblanc process (the only method at the time), and Russia did not have such subject matter specialists yet. This unhappy combination of geographic, economic and human factors did not allow this project essential for Russia to become reality (Plotkin, Khaikin, 2017: 139–140).

One of the first private factories in the Altai in the post-reform period was the soda plant of the Prang brothers. Ivan Bogdanovich (Johann Gottlieb) (1812–1886) and Yegor Bogdanovich (Georg) (1814 – before 1879) were trained at the St. Petersburg Mining Cadet Corps which they graduated from in 1835 and 1836 (CGIA SPb. F. 963. Op. 1. DD. 4245, 4559). Both brothers brilliantly knew chemistry which was demonstrated by their management of the Central Laboratory at the Altai Mining Plants in various years. In the 1860s, Yegor Prang taught analytical chemistry at the Barnaul School of Mines. In the second half of the 1850s, they already held high positions: Ivan Prang was the manager at the Pavlovsk Silver Foundry and Yegor Prang was the manager of the Altai plants Central Laboratory.

In the late 1850s – early 1860s, the chemical industry received little attention of potential business because there were other ways to earn additional income. For example, colossal profits at low costs were generated by distilling and gold mining business.

In 1861, a company of four mining engineers, including colonels Prang, submitted an application addressed to Emperor Alexander II for a permission to establish a distillery in the Altai mining district (RGIA. F. 468. Op. 23. D. 523. L. 10-19). Of course, the prime goal of an enterprise was to improve the financial prosperity. However, their project received no support.

A favorable combination of circumstances enabled them to actually establish their own monopolistic soda production in Siberia. Their position in the Altai plant management hierarchy suggests that they had some idea of Vladimir Kuznetsov's project mentioned above. Zavadovsky's article mentioned earlier indicated younger brother Matvey Bogdanovich (Matthias Johann Theodor) (1830–1890) as the initiator of the production plant, while limiting the role of Ivan and Yegor to only financial participation (Zavadovsky, 1894: 385). As an important reminder, unlike his brothers mining engineers, Matvey completed a course at the Academy of Arts (1852–1859) and received the qualification of the unclassed mosaic artist and, therefore, it is unlikely that he could understand all the nuances of chemical soda in the early 1860s (RGIA. F. 789. Op. 10. Lit. "P". D. 1. L. 3). He would accumulate the experience over the years.

Realizing the multidimensional challenge the enterprise was, the Prangs approached the matter with utmost thoroughness. Already at the project preparation stage, Matvey made a 6-month tour of Western Europe at the end of 1862, where he was to study the local expertise in soda production (Zavadovsky, 1894: 386).

Brothers Ivan and Yegor Prang obtained a right to the excise free extraction of Glauber's salt; a similar license was received by Benardaki mentioned above (Skubnevsky, 2010: 199). The foundations of the soda plant were laid near the city of Barnaul September 14, 1864, and at the end of 1864, the plant already finished its first products.

With the natural resources in the South of Western Siberia, the mining engineers were able to adjust the production of soda on the basis of the Leblanc process. For example, it was no longer needed to extract sodium sulfate from cooking salt. The central bitter salt production was concentrated around the Mormyshanskie lakes in the Kulunda steppe of the Altai mining district. According to Tomsk Professor Zalessky, it already contained 97 % of pure sodium sulfate (Zalessky, 1893: 3-4). Coal was supplied by the Kolchugino mines in Kuznetsk coal basin, and limestone was quarried in the Barnaul area. All raw materials for the production were delivered to the plant on horses.

Until 1878, Glauber's salt was delivered mainly from the Maloe Mormyshanskoe lake, and then the salt production center moved to the Bolshoe Mormyshanskoe lake. The average annual production amounted to 2.1 tonnes between 1878 and 1896 (Bobyatinsky, 1898: 375). Commercial reserves of Glauber's salt in the Bolshoe Mormyshanskoe lake were estimated by contemporaries to have from 360,000 to 800,000 tonnes (Bobyatinsky, 1898: 388-389), which was supposed to provide raw materials to the then Siberian production for at least 90-110 years.

The period from 1865 to 1875 was the most difficult time to the Barnaul soda plant. The Prangs had to deal with a thin Siberian soda market. Local soap-making business used ash liquor and as result the soap quality was very poor. At the same time, soap makers were unprepared to switch to the new raw material. In these circumstances, the Prangs took an unconventional decision – to continue the production chain, launch their own glassworks and soap production based on the own soda and promote soda on the Siberian market of soap making and leather industry.

So, in January 1863, Matvey Prang applied for a license to open their own glass and soap factories to meet local needs (high quality soap was transported from European Russia at that time and sold at very high prices) (RGIA. F. 468. Op. 23. D. 529. L. 1-2). He was supported by the Mining Board of the Altai mining district, represented by the Chief of the Altai plants, Colonel Ozersky (a mining engineer and a graduate of

the Mining Cadet Corps in 1831). According to him, for this purpose the district had the required raw material that was used inefficiently or was not used at all. Opening the new plant would provide the population with “cheap glassware and good soap” (RGIA. F. 468. Op. 23. D. 529. L. 3). But they only managed to establish an upgraded soap factory.

Meanwhile, Matvey Prang also initiated promotional activities among local soap-makers, trying to convince them of the benefits offered by the transition from ash liquor to soda (potash). To this end, he distributed printed brochures and leaflets. However, illiterate peasants, who were mainly engaged in this business, were unwilling to retrofit their production process.

The bet on other regions, in the first place, on the Urals was also lost. The absence of a developed transport infrastructure led to a dramatic rise in the cost of the Altai soda on the Urals market.

In 1870, the brothers sold their enterprise to Matvey. This step resulted in further difficulties. In 1870–1872, he had to struggle with the excise department which obliged the new owner to pay the excise tax, motivating the decision by the fact that the excise free right was possessed by the former owners (Ivan and Yegor Prang), who were granted the privilege, rather than the enterprise. For this reason, Yegor Prang had to take the lead in the production facility over again.

It was until January 21, 1875 that Matvey Prang gained a right to excise free salt extraction over the next 10 years (RGIA. F. 1263. Op. 1. D. 3767. L. 186). Later, he personally managed the plant until his death in 1890, after which the plant was taken over by his widow Yulia Prang.

Initially, the plant was technically fitted with primitive equipment. Mechanisms were actuated by the force of water. It was the reason why the Prangs built it on the bank of the Pivovarka river. The plant used hand-worked furnaces until the end of 1870.

In 1874, Matvey Prang made a second trip to Europe where he visited soda plants. The outcome of this trip was the partial modernization of the plant, which included the reconstruction and extension of production facilities and introduction of better production technology. We should note that the industry at that time already knew a new soda production method patented by a Belgian chemist, Ernest Solvay in 1861 (the so-called industrial ammonia soda process). The technological innovations enabled Prang to receive caustic soda which came into common use in soap making instead of soda ash. Following it, the company was able to improve its finances. This allowed Prang to pay off his debts, in the first place, to his brothers.

In 1879, Matvey Prang made a third and longest trip to Europe. He visited soda plants in France and England which were opened by the time. In England, he bought a steam engine and latest equipment for his plant. The purchased equipment was to be delivered using the newly discovered Northern Sea Route. However, the attempt was unsuccessful. The English ship was unable to come through the ice of the Arctic Ocean and brought the equipment to St. Petersburg from where only part of it was sent to Siberia (Zavadovsky, 1894: 388). The latter fact was explained by new financial difficulties.

The English equipment allowed Matvey Prang to once again enhance his technology processes and production cycle in the early 1880s. However, despite the ongoing ban (steam engines were not used as their installation was prohibited at private plants located in the Cabinet lands), the director of the Altai mining district, A. Freze, permitted the installation of steam engines at the Prang plant. This gave Matvey Prang an opportunity to boost production levels. By 1888, the plant installed a new 4 hp steam engine used in parallel with outdated 3 hp horse-drawn machines (GATO. F. 234. Op. 1. D. 116. L. 160).

The statistics show that from the very beginning the enterprise continuously increased volumes of output. Already in 1866, the plant produced 3 thousand poods of soda, and in the 1870s the annual production capacity already was approx. 6.2 thousand poods (Skubnevsky, 2010: 199). Without any doubt, the installation of the steam engine made it possible to significantly raise the volume of production. For example, according to information given by M. Prang himself, in 1887 the plant made almost 17 thousand poods of soda products for almost 25 thousand rubles (GATO. F. 234. Op. 1. D. 116. L. 160).

According to Orlov, as of the end of the 1890s, the “Prang i K^o” soda plant produced 14.2 thousand poods of caustic soda and 4 thousand poods of refined soda (Orlov 1900: 185). By the end of the 19th century, the enterprise was a major soda supplier for tanneries, glassworks and soap factories in Siberia and the Far East. The Prangs had only one rival in the region at that time – the plant owned by K. Zanevsky in the Trans-Baikal oblast, which produced only 450 poods of caustic soda at that time (Orlov, 1900: 185).

The growth of the Prang soda plant was also contributed by the fiscal policy carried out in the late 19th century. For example, until the mid 1880s, the plant received the bitter salt without paying the mandatory excise duty in the amount of 10 kopecks per pood. This was achieved through the privileges given to him in 1865 and 1875. In 1895, the production of various salts in the South of Western Siberia was financed by the Treasury Chamber. In this case, the Prang plant was in a better position than other bitter salt customers – to him, the excise was 3 kopecks per pood, while other manufacturers had to pay 5 kopecks (Bobyatinsky, 1898: 376).

As the soda market gradually developed, it encouraged Prang to expand his workforce. For example, his plant employed 55 people, mostly men (50 pers.) in 1888. The company was strongly dependent on customers, and as a result was seasonal: the capacity utilization rate rose to its peak in the period from December to May, hit the lowest level from July to September (GATO. F. 234. Op. 1. D. 116. L. 160).

The seasonal operations affected salaries and other aspects of the social situation of the workers. For example, the plant had shift schedule in place with each shift (day and night) lasting 11 hours – it was

commonplace for the time. Compensations were calculated on a per shift basis and amounted to the sum from 25 kopecks to 1 ruble 20 kopecks, depending on qualifications. The level of training remained extremely low – none of the workers had special education. As the business owner pointed out, “the works in the shops are done under the supervision of the six foreman’s assistants selected from workers and belonging to lower middle class and peasants... directly supervised by the owner of the plant” (GATO. F. 234. Op. 1. D. 116. L. 160).

Early 20th century studies into the work organization at private plants in the Altai mining district preserved information on the organization of production and workers’ life at the “Prang i K^o” plant. For example, S.P. Shvetsov noted that the plant buildings were in a terrible condition: “The first section of the plant, which has a number of so-called sulfate furnaces, is nothing but an shabby log barn with no windows and ceiling; gates instead of the door, earthen floor” (Shvetsov, 1897: 160). That fact there were no basic safety measures in place at the plant is suggested by the quotation saying that “it was impossible to take a single step without assistance, risking to fall down in a boiler or furnace” (Shvetsov, 1897: 161).

Despite the significant personnel (there were over 60 workers at the end of the 1890s (Orlov, 1900: 185)), the soda plant had no medical doctor or feldsher on the staff (feldsher – a medical doctor's assistant). The lack of medical personnel at such a dangerous facility was compensated with free first aid medications available for workers. If they needed more serious treatment, they were sent to Red Cross Hospital in Barnaul. In this case, expenses were covered by the owner of the enterprise (Shvetsov, 1897: 170).

The soda plant was one of the few enterprises in the Altai, which maintained its own school. Shvetsov pointed out that children were taught for a long time by Julia Prang, Matvey Prang’s wife. In 1890, after her husband's death, she assumed control over the company and had to take a graduate from the Barnaul pre-gymnasium for the vacant position of teacher (Shvetsov, 1897: 172). Since the plant was located near Barnaul, children of workers and clerks at the plant office were also students at the school.

According to the production organization, production volumes, and number of employees, Prang’s soda plant can be characterized as a factory type enterprise. In addition, the value of the plant is that it was Russia’s first enterprise in the industrial production of soda.

The plant won renown in the Russian industrial community. In 1870, it was awarded a silver medal at the All-Russian Manufacturing Exhibition. At the All-Russia Industrial and Art Exhibition 1882, M.B. Prang was awarded a gold medal with the inscription: “For the foundation of the first and the only existing soda plant in Russia so far, as well as for the assistance provided by the exhibitor in the development of the Siberian soap and other industries” (Zavadovsky, 1894: 389), and at the 1896 All-Russia Industrial and Art Exhibition in Nizhny Novgorod, he was given an entire stand.

By the end of the 19th century, the enterprise successfully operated an even managed to slightly increase its production output but then with the construction of the Trans-Siberian Railway, the situation changed dramatically. The isolation of the Siberian market, which closed it for companies from European Russia, was removed. Moreover, by the end of the 19th century, the European part of our country developed a strong soda industry. For example, the Berezniki Soda Plant in the Perm province, which still exists, produced 24 thousand tonnes of soda in 1900, and in total, the country produced 82 thousand tonnes.

The Berezniki Soda Plant was owned by Lyubimov, Solvay i K^o and the company was quite likely to have decided to remove the only competitor in Siberia. Although the exact date when it bought the Barnaul soda plant was not identified, it is known only that in 1904 the plant already belonged to new owners. The exact date on which the enterprise was shut down also remains unknown. In any case, overviews of the Tomsk Province published the information on the Barnaul soda plant up to and including 1905. According to V.A. Skubnevsky, the soda plant was acquired in 1907 by Lyubimov, Solvay i K^o which ran a larger similar facility in the Urals. In 1912, the Barnaul soda plant was closed down (Skubnevsky, 2010: 199).

This case makes it clear that the method of “hostile takeover” employed to eliminate a competitor was a widespread practice in the early 20th century. It was that period that witnessed an extensive system of monopolies forming in Russia, such as Prodamet and Prodvagon. They controlled sales and distribution and influenced prices. Actually, it is completely natural for a large company to strive to monopolize the market.

5. Conclusion

The turn of the 19th century brought about a new upsurge in the development of textile, glass, leather, soap and other sectors of the Russian industry. Further economic growth was possible only with the increased production of raw materials. Handicraft production of soda ash could no longer address constantly growing needs of industrial enterprises. Imports of soda from Europe made the Russian industry dependent on the world market and international environment. This was clearly demonstrated by the Crimean War of 1853-1856. Moreover, imports resulted in the more costly production. In this situation, it was essential to find a solution for the “soda question.”

The crucial role of the national soda ash production was realized by the government, business and academia by mid-19th century. The new branch needed support from the state and the state provided it in the form of protectionist policies.

The survey of mineral resources in the late 18th and early 19th century, improving chemical technologies in Russia and Europe and continuously growing demand provided a solid foundation for a Russian soda industry with Western Siberia as one of its first centers. But its development was slowed

because the region had no appropriate transport infrastructure. This problem will be resolved only at the turn of the 20th century. As result, Russia was not only able to completely supply the domestic soda market but also start its exports.

References

- Bobyatinsky, 1898** – *Bobyatinsky A.* (1898). Opisanie gor'kikh ozer Altaiskogo okruga [Description of bitter lakes of the Altai District]. *Gornyi Zhurnal*. Vol. II. June: 372-397. [in Russian]
- CGIA SPb** – Centralnyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga [Central State Historical Archive of Saint-Petersburg].
- GATO** – Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti [State Archive of the Tomsk Region].
- Güldenstädt, 1780** – *Güldenstädt A.I.* (1780). Rech' o proizvedeniyakh rossiiskikh, sposobnykh k soderzhaniyu vseгда vygodnogo prevoskhodstva v prodazhe v chuzhie kraya rossiiskikh tovarov pered pokupkoi inostrannykh [The speech on Russian goods capable to offer superior advantages in selling Russian goods to foreign lands before buying the foreign ones]. *Academic new for 1780*. Issue V. Petersburg, Printing house of the St. Petersburg Imperial Academy of Sciences: 141-165. [in Russian]
- Kragh, 1995** – *Kragh Helge* (1995). From curiosity to industry: The early history of cryolite soda manufacture. *Annals of Science*. 52 (3): 285-301. DOI: 10.1080/00033799500200241
- Lukyanov, 1951** – *Lukyanov P.M.* (1951). Istoriya khimicheskikh promyslov i khimicheskoi promyshlennosti v Rossii do kontsa 19 veka [History of chemical works and chemical industry in Russia until the end of 19th century]. Vol. III. Moscow. [in Russian]
- Orlov, 1900** – *Orlov P.A.* (1900). Ukazatel' fabrik i zavodov okrain Rossii: Tsarstva Pol'skogo, Kavkaza, Sibiri i Sredne-Aziatskikh vladenii [Guide to factories and plants in border regions of Russia: Kingdom of Poland, the Caucasus, Siberia and the Central Asian lands]. St. Petersburg. [in Russian]
- Plotkin, Khaikin, 2017** – *Plotkin B., Khaikin M.* (2017). Formation and development of theoretical principles for mineral resources logistics. *Zapiski Gornogo instituta*. Vol. 223: 139–146. DOI: 10.18454/PMI.2017.1.139
- PSZ - II** – Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii [Complete Code of Laws of the Russian empire]. Code II. St. Petersburg, 1830. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].
- Shaidurov, 2016** – *Shaidurov V.N.* (2016). Ethnic entrepreneurship in the Russian Empire in the era of economic modernization in the second half of the 19th – early 20th century (as illustrated in the example of Siberia). *Bylye gody*. 41 (3): 666-674.
- Shvetsov, 1897** – *Shvetsov S.P.* (1897). Polozhenie truda na chastnykh zavodakh Altaiskogo okruga [The situation of workers at private plants in the Altai district] / *Collection of papers in legal and social studies: Works of the Law Society established at the Imperial Moscow University*. Vol. VII: 130–180. [in Russian]
- Skubnevsky, 2010** – *Skubnevsky V.A.* (2010). Nemetskoe predprinimatel'stvo na Altae vo vtoroi polovine XIX – nachale KhKh vv. [German free entrepreneurship in the Altai in the second half of 19th and early 20th centuries]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. History Series*. No. 3-4: 198–202. [in Russian]
- Zalessky, 1893** – *Zalessky S.I.* (1893). K voprosu o sodovom proizvodstve s Sibiri [On the question of the soda production in Siberia]. *Bulletin of gold mining and mining in general*. No. 10: 3-4. [in Russian]
- Zavadovsky, 1894** – *Zavadovsky N.* (1894). Sodovoe proizvodstvo v Sibiri [Soda production in Siberia]. *Gornyi Zhurnal*. Vol. III. No. 9. September: 383-391. [in Russian]

Из истории содового производства в России в XVIII–XIX вв. (на примере Сибири)

Владимир Шайдуров ^{a, b, *}

^a Санкт-Петербургский горный университет (Горный университет), Российская Федерация

^b Восточно-Европейское историческое общество, Российская Федерация

Аннотация. Научно-техническая революция второй половины XVIII – начала XIX вв. спровоцировала резкий скачок в развитии промышленности. Развитие химии породило новые направления в промышленности, одним из которых стало содовое производство. Сода в этот период была важным элементом для текстильной, кожевенной, стекольной, мыловаренной отраслей. Процесс ее производства в первой половине XIX в. совершенствовался, что привело к открытию аммиачного способа (метод Сольве). Первый промышленный содовый завод в Российской империи был открыт в 1864 г. братьями Прангами на Алтае. Со второй половины XIX в. Западная Сибирь, где имелись богатые месторождения глауберовой соли, стала одним из центров содового производства в

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: s-w-n@mail.ru (В.Н. Шайдуров)

России. Становление новой отрасли проходило в условиях протекционистской политики правительства, что свидетельствовало о его заинтересованности в преодолении зависимости отечественной промышленности от иностранных поставщиков. В статье проанализированы особенности развития содовой промышленности в России на примере Сибири в досоветский период на примере завода «Пранг и К^о». Впервые представлены проекты по организации содовых заводов в Западной Сибири и выявлены причины, по которым они не были реализованы. В работе были использованы документы из центральных и региональных архивов России, опубликованные результаты полевых исследований горных инженеров конца XIX в.

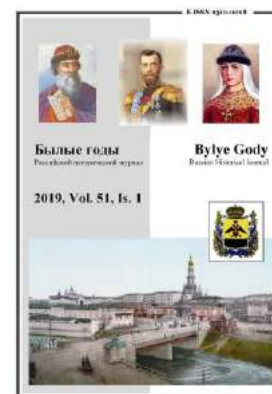
Ключевые слова: содовое производство в России, содовый завод «Пранг и К^о», Матвей Пранг, Западная Сибирь, алтайские горько-соленые озера.

Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 51. Is. 1. pp. 102-112. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.1.102
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Formation and Development of Enlightenment in the North Caucasus in the late of XVIII – early XX centuries

Zarema Ya. Emytl^{a, *}, Anna S. Bochkareva^a

^a Kuban State Technological University, Russian Federation

Abstract

In the article, the historical conditions for the emergence of enlightenment in the Northern Caucasus are studied on a broad factual basis; specific features and main directions of public activities of educators. The authors of the article try to move away from the tradition established in the Caucasus, according to which the development of enlightenment is associated with the establishment of political, socioeconomic and cultural influence of Russia in the region and reflect the influence of ethnopolitical and socio-cultural processes taking place in the North Caucasian society, connected with internal impulses of its development, and also the influence of the progressive ideas of the Muslim world.

On the basis of the study, a new periodization of the history of North Caucasian enlightenment is proposed in the evolution of which two stages are identified: the formation of enlightenment thought (the end of the eighteenth century – the end of the nineteenth century) and mature enlightenment (late 19th – early 20th centuries).

It is noted that the public activities of the North Caucasian enlighteners, along with traditional features for enlightenment, had a pronounced specificity that was determined by the complex socio-political conditions of life of the mountain people. In view of the severe cultural and ideological pressure exerted by the Russian Empire, the lack of a corresponding level of political and social recognition, the creation of conditions in which the self-preservation of the mountain people and the development of their national life was possible was of paramount importance for the educators, while the solution of social problems was postponed to the background.

A specific feature of enlightenment in the North Caucasus, according to the authors, was the lack of an anticlerical orientation typical of European enlightenment. Moreover, it is emphasized that the beginning of active scientific and pedagogical activity of the advanced representatives of the confessional line of educational thought preceded the formation of a secular direction.

Keywords: mountain people of the North Caucasus, patriarchal vestiges, enlightenment, the North Caucasus, traditional culture.

1. Введение

Одним из явлений социокультурной истории, традиционно привлекающим к себе широкое исследовательское внимание, является просветительское движение, в силу того, что с ним были связаны существенные изменения в общественной жизни Европы, а затем и других частях мирового цивилизационного пространства, знаменовавшие собой переход от Средневековья к Новому времени. В свете изменений в теоретических основаниях современной исторической науки приобретает актуальность выработка новых подходов к исследованию данного явления с тем, чтобы расширить границы научных изысканий и углубить научное осмысление проблемы. Изучение становления и развития просветительства на Северном Кавказе в специфической ситуации, характеризующейся принципиальными изменениями среды функционирования горских народов, дает возможность

* Corresponding author

E-mail addresses: adg1070@gmail.com (Z.Ya. Emytl), Bochka78@mail.ru (A.S. Bochkareva)

определить своеобразный тип просветительства, свойственный малочисленным этносам в составе многонациональных, поликонфессиональных государственных образований.

Исследование проблемы имеет и большое практическое значение. Результаты осмысления опыта экономической, социально-политической и культурной модернизации горских народов Северного Кавказа могут быть учтены в модернизационных процессах, происходящих в современном многонациональном российском обществе.

2. Материалы и методы

2.1. Характер исследуемой проблемы предопределил тот факт, что основную часть источников составили историографические. Это многочисленные публикации представителей северокавказского просветительства, которые дают возможность исследовать систему взглядов просветителей, их культурно-просветительскую и общественно-политическую деятельность. На основе жанровой и тематической направленности публикации просветителей возможно разделить на две основные группы: публицистические статьи и историко-этнографические материалы. Первая группа посвящена анализу социально-политического развития народов региона и решению актуальных просветительских задач. Вторая отражает роль просветителей в фиксации и изучении истории и культуры народов Северного Кавказа.

Богатый фактический материал, позволяющий воссоздать процесс развития просветительства, был обнаружен в региональных архивах Северного Кавказа. Выявленные документы различаются по видам, степени информативности и достоверности. Особое место среди них занимает делопроизводственная документация, исходящая от государственных учреждений, организаций и отдельных лиц, в том числе просветителей и их родственников. Данная группа источников позволяет исследовать влияние российской государственной политики на развитие просветительского движения в регионе, изучить социальную основу просветительства, установить факты, отражающие общественную деятельность просветителей.

2.2. Большое значение в процессе исследования таких сложных явлений, как просветительство, приобретает применение системного подхода. Он позволяет осуществить комплексное изучение северокавказского просветительства во взаимодействии политических, экономических и социокультурных процессов в регионе, государстве и мире.

Основополагающую роль в осуществлении исследования играет применение историко-генетического метода. Он дает возможность установить причинно-следственные связи в процессах, связанных с формированием и деятельностью северокавказских просветителей в исторической динамике конца XVIII – начала XX вв.

Универсальность просветительства как явления создает предпосылки для использования историко-сравнительного метода. Так как просветительство у различных народов имеет конкретное проявление, отражающее многообразие общего и своеобразие единичного, применение историко-сравнительного метода позволяет выявить общие и индивидуальные черты процесса становления и развития просветительства на Северном Кавказе.

3. Обсуждение

В кавказоведении сформировалась обширная историография просветительства конца XVIII – начала XX вв. (Аушев, 1967; Биттирова, 2002; Блейх, 2017; Голубева, 1977; Кумыков, 1976; Хакушев, 1978; Хашхожева, 1993 и др.). Однако она характеризуется тенденциозностью в осмыслении происхождения и системы взглядов северокавказских просветителей. Зарождение и эволюция просветительского движения, как правило, связывается с утверждением региональных систем административного управления и контроля, а также политического, экономического и социокультурного преобладания Российской империи в присоединенных национальных окраинах. В то же время место и роль политических и этнокультурных процессов, протекавших в самом северокавказском обществе в целом, а также под влиянием прогрессивных движений в мусульманском мире, не получили достаточно глубокого осмысления. Как следствие, исследования по истории просветительского движения на Северном Кавказе концентрируются на деятельности европейски ориентированной части просветителей.

Негативно на развитии историографии проблемы отразилось существование на протяжении многих лет в советской исторической науке «закрытых тем» для исследования. В результате более комплексно изучались общественная деятельность и наследие просветителей XIX в., в то время как деятельность просветителей начала XX в., значительная часть которых была уличена в антисоветской деятельности в годы Гражданской войны и была репрессирована советской властью, оставалась вне поля исследовательского внимания. В постсоветский период предпринимаются шаги в направлении преодоления данного пробела в изучении проблемы. Появились исследования деятельности просветителей, незаслуженно преданных забвению, которые представляют благодатный материал для воссоздания сложной и противоречивой истории северокавказского просветительства.

Характерной особенностью сложившейся историографии является и обращенность, главным образом, к истории просветительства отдельных народов Северного Кавказа, что не создает комплексного видения процесса развития просветительской мысли в регионе. Сложившийся

характер и уровень осмысления проблемы формирует потребность создания обобщающих исследований по истории северокавказского просветительства, отражающих многообразие и специфику факторов его становления и развития.

4. Результаты

Важным аспектом исследуемой проблемы является осмысление исторических условий формирования и развития просветительской мысли на Северном Кавказе. Основополагающее значение имеет понимание того, что данный процесс происходил в условиях трансформации всей системы общественных связей, обусловленной потребностью адаптации к принципиально менявшимся политическим и социально-экономическим условиям существования, связанным, в первую очередь, с вхождением в состав Российской империи.

Рассматриваемый исторический период имел для народов Северного Кавказа переломный характер. Важнейшим процессом этого периода было утверждение российского политического влияния, который стимулировал этнизацию сознания горских народов и способствовал активизации их этнического сплочения. Консолидационные процессы на Северном Кавказе пробуждали развитие интеллектуально-творческих сил северокавказских народов, предопределяли выделение из их среды людей, способных выработать такой комплекс идей, который бы соответствовал новому уровню их национального развития, так как национальное сознание, как любая форма общественного сознания, могло быть оформлено исключительно интеллектуальной деятельностью людей.

Сложность ситуации для северокавказских народов состояла в том, что утверждение Российской империи в регионе привело к изменениям в демографической структуре населения, его расселению, правовом и административном положении. Исторически сложилось так, что горское общество было разобщено, и осуществлялась активная колонизация региона, в особенности его Северо-Западной части, казаками и крестьянами из внутренних губерний. Одновременно по ряду причин как социально-экономического, так и политического плана происходило массовое переселение горцев в Османскую империю («махаджирство»). Данные процессы резко изменили традиционный облик Северного Кавказа и отразились на этнической психологии горских народов (Пронштейн, Патракова, 1994: 124). Усилилась эмоциональная острота восприятия северокавказскими народами этнической принадлежности, приобрела актуальность проблема их самосохранения и дальнейшего развития в новых геополитических реалиях.

В свою очередь, российские власти первоочередной задачей в регионе признавали «нравственное развитие» чуждых российским культурным ценностям горцев, а также воспитание их в духе приверженности России (ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 149. Л. 15). Важно подчеркнуть, что включавшиеся в Россию территории никогда не рассматривались властью как «отдельные провинциальные особи» (Данилевский, 1991: 485). С целью реализации масштабных социально-политических и экономических задач, связанных с успешной интеграцией региона в российское геополитическое пространство, правительство стремилось сформировать из среды горских народов группу-транслятора российской культуры как проводника своего влияния, для чего использовались разнообразные методы. Наряду с жалованием чинов и земель, активизацией миссионерской деятельности Русской православной церкви большая роль отводилась политике в области образования.

Следует обратить внимание на то, что в формировании группы-транслятора русской культуры были заинтересованы не только российские власти, но и собственно горское общество, наиболее дальновидные представители которого постепенно осознавали, что их положение в российском государстве, в первую очередь, определяется способностью адаптироваться к новым социально-политическим условиям через освоение нормативных, ценностных структур, господствовавших в русском обществе.

Таким образом, принципиальные изменения социально-политической ситуации, связанные с этническими процессами, протекавшими в северокавказском обществе, а также с утверждением российского политического влияния в регионе, обусловили необходимость выработки такого комплекса идей и ценностных структур, которые бы соответствовали новым общественным реалиям и обеспечивали дальнейшую эволюцию северокавказских этносов. Актуальность реализации этой цели стала ключевым фактором становления и развития просветительства в регионе.

Одной из центральных проблем истории северокавказского просветительства является его периодизация. В кавказоведении утвердилась традиция, согласно которой выделяется три основных этапа развития северокавказского просветительства: 1 – генезис просветительства (конец XVIII в. – завершение Кавказской войны); 2 – пореформенный (60–80-е гг. XIX в.); 3 этап – предреволюционный (конец XIX в. – 1917 г.) (Блейх, 2017: 12).

В целом, данная периодизация укладывается в традиционную историографию развития общественно-политической мысли в России и связана с основными политическими и социально-экономическими процессами в стране и регионе. Как самостоятельный этап в эволюции просветительства выделяется просветительство пореформенного периода. Его начало связывается с завершением Кавказской войны, переходом к мирной жизни, отменой крепостного права. Под влиянием этих процессов в

общественно-политической и духовной жизни горцев происходили значимые изменения. В этот период, по справедливому замечанию исследователей, изменился (демократизировался) социальный состав просветителей светского направления, в деятельности которых стала прослеживаться антифеодалная направленность. Однако представляется, что в контексте развития северокавказского просветительства говорить о существенных изменениях в содержании деятельности просветителей в пореформенный период все-таки не приходится.

Основываясь на анализе идейной и практической сторон деятельности просветителей, представляется возможным говорить о целесообразности выделения в развитии северокавказского просветительства двух основных этапов: с конца XVIII по конец XIX вв. – этап становления просветительства, связанный с осмыслением основных просветительских идей, их пропагандой, разработкой национальной письменности, истории и фольклористики; второй – с конца XIX в. по 1917 г. – этап зрелого просветительства, связанный с широкой практической деятельностью, направленной на реализацию просветительских задач в культурно-просветительской и общественно-политической сферах.

Зарождение просветительской мысли на Северном Кавказе совпало с утверждением российского государства в регионе. В российском кавказоведении этот процесс традиционно связывают с деятельностью политически ориентированной на Россию горской знати, в числе которой были И. Атажукин, Ш. Ногмов, С. Хан-Гирей, С. Адиль-Гирей, А. Колиев, У. Лаудаев, И. Ялгузидзе и др. Не отрицая общественной значимости их деятельности, все же следует отметить, что зарождение и развитие просветительской мысли на Северном Кавказе происходило в двух направлениях: светском и конфессиональном, что являлось одним из проявлений своеобразия северокавказского просветительства. При этом становлению светского направления предшествовало начало активной научно-педагогической деятельности передовых представителей мусульманского духовенства, особенно масштабно проявившееся на Северо-Восточном Кавказе. Именно с их деятельностью в конце XVIII в. была связана постановка важных вопросов как духовно-нравственного развития горцев, так и развития национального конфессионального образования, предполагавшего изучение светских наук; книгопечатание; создание национальной письменности и оригинальной литературы. Масштаб и значение этой деятельности позволили известному ориенталисту И.Ю. Крачковскому говорить о том, что «...в крае происходил «Ренессанс» (Крачковский, 1960: 40).

Активизация просветительской деятельности ученых-улемов способствовала формированию на Северном Кавказе центров научного знания, таких, как Акуша, Ахты, Дербент, Кумух, Согратль, Хунзах, Усиша и др. (Шамаев, 2017: 149). Особый интерес вызывает тот факт, что именно либеральное крыло мусульманского просветительства отстаивало идеи социальной справедливости и осуждало феодальный произвол. Были случаи, когда оно само принимало активное участие в освободительной борьбе против национального и феодального угнетения. Как это ни парадоксально, антифеодалная направленность мусульманского просветительства социально его больше сближала с европейским просветительством, нежели представителей светского направления просветительской мысли, которое первоначально оставалось в стороне от критики феодальных устоев.

Важную роль в оформлении северокавказского просветительского движения играло светское направление. Именно с усилиями этой части представителей просветительского движения были связаны первые серьезные шаги по разработке национальной письменности и истории.

Просветители понимали, что язык является одним из ключевых элементов этнической культуры, составляющим основу самоидентификации. Однако северокавказские народы в основной своей массе были бесписьменными. Именно поэтому на создании национальной письменности концентрировались значительные усилия просветителей. В 1840 г. Ш. Ногмовым были составлены «Начальные правила адыгской грамматики», в 1853 г. У. Берсеем разработана азбука черкесского языка. Совместно с известным российским исследователем бароном П. Усларом первый чеченский букварь на кириллической основе в 1862 г. составил Кеди Досов. В 1864 г. К. Атажукин разработал «Кабардинскую азбуку». Особо следует отметить, что данная работа имела поддержку со стороны российских властей и ученых (Ю. Клапорта, В. Миллера, П. Услара и др.), а зачастую инициировалась ими в связи с тем, что являлась важнейшим условием приобщения горцев к обучению в российских светских учебных заведениях, создававшихся в регионе.

Предметом особого внимания просветителей являлась история народов Северного Кавказа. В 40–80-е гг. XIX в. в свет вышла целая серия исторических публикаций (С. Адиль-Гирей «Поход в 1845 г. в Дарго», «Очерк горских народов правого крыла Кавказской линии»; Крым Гирей Инагов «Несколько слов о нашей старине», Ш. Ногмов «История адыгского народа»; С. Хан-Гирей «Записки о Черкесии», У. Лаудаев «Чеченское племя» и др.). Их характерной чертой была идеализация исторического прошлого, сфокусированность на его героических страницах. Историческая память народа, отраженная в них, должна была способствовать сплочению горцев, развитию чувства национальной гордости. Просветители стремились таким образом организовать историческое сознание горских народов, чтобы оно в наибольшей степени формировало и развивало их национальное самосознание.

Обращение просветителей к историческому прошлому обуславливалось недостаточностью знаний о горцах, а порой и внедрением в российское общественное сознание часто недостоверных сведений об их истории и культуре. В этой связи преследовались публицистические цели, связанные с желанием показать объективную историю горцев, повысить уровень осведомленности российской общественности об их традициях и обычаях.

Понимая судьбоносность своего исторического времени, заботясь о будущем горских народов, просветители направили свое внимание на создание проектов их «гражданского устройства». Они полагали, что высокие посты на царской службе помогут им воздействовать на исползуемые российскими властями методы установления своей власти на присоединенных территориях Северного Кавказа. В начале XIX в. на рассмотрение Министерства внутренних дел И. Атажукин подал «Записку по делам кабардинского народа», С. Хан-Гирей разработал проекты по устройству общественного быта адыгов (Хашхожева, 1993: 12, 28). В них подчеркивалась недопустимость применения силы и языка ультиматумов в отношении горцев. В то же время, оценивая политическую обстановку в регионе, представители светского направления просветительской мысли связывали историческое будущее и культурный прогресс северокавказских народов с Россией.

В конце XIX – начале XX вв. произошел важный качественный сдвиг в северокавказском просветительстве, которое от осмысления просветительских идей перешло к широким практическим мерам по реализации основных просвещенческих задач. Большая роль отводилась созданию национальной системы образования как системообразующего компонента цивилизационного развития общества. Образование горцев на рубеже веков находилось в стадии становления и не представляло собой целостной системы. Одновременное влияние со стороны России и исламского мира обусловили развитие образования в регионе в конфессиональном и светском направлениях, обособленных друг от друга.

Важное значение в деле просвещения горцев имело светское образование, развитию которого большое внимание уделяли просветители. Говоря об их усилиях, связанных с развитием светского образования, следует отметить, что они были тесно связаны с деятельностью российских властей в данной области. Во второй половине XIX в. происходило постепенное формирование российской политики в области образования горцев цивилизаторского типа. Она ставила целью социальную адаптацию инородцев, укрепление в регионе общегосударственного законодательства, развитие производительных сил, формирование местной власти с участием представителей горских народов. В этой связи осуществлялись шаги по расширению сети учебных заведений (в первую очередь начальных школ) и объединение их в систему.

Считая школу важнейшим достижением современной цивилизации, горские просветители активно включились в работу по развитию школьного дела. Однако им приходилось констатировать отсутствие серьезных успехов в данной области. Основанные властями к тому времени однотипные школы они считали не достигшими своего прямого назначения (К вопросу о всеобщем обучении на Кавказе, 1908: 23). К тому же нежелание «обрусеть» и «охристианиться» диктовали горцам необыкновенное упрямство и стойкость, которую они проявляли против осуществления школьного вопроса (Сефербий Сиюхов – адыгский просветитель, 1991: 65). По мнению просветителей, эти страхи имели под собой основания. В результате анализа методов и тактики российских властей в области просвещения горцев, они сумели обозначить ряд факторов, препятствовавших прогрессу в развитии светского образования. Главным из них просветители считали игнорирование родного языка и как предмета преподавания, и как орудия обучения (К вопросу о всеобщем обучении на Кавказе, 1908: 23; Сефербий Сиюхов – адыгский просветитель, 1991: 107).

Немаловажной причиной отсутствия популярности светского образования среди горцев просветители считали его бесперспективность, обусловленную как правовыми ограничениями, существовавшими в отношении малочисленных народов окраин Российской империи, так и качеством самого образования. Выпускники начальных школ получали элементарный набор знаний, не позволявший им продолжить обучение в реальном училище или гимназии. В сельской же повседневности горцев эти знания оказывались не применимы (Шарданов, 1906: 3).

Негативно на процессе развития светского образования, по мнению просветителей, отразилась активно поддерживаемая властями деятельность православного миссионерского общества, стремившегося к распространению «веры христовой» среди горцев и настаивавшего на том, что процесс обрусения инородцев должен начинаться именно с религии. Приходилось констатировать, что данная практика оказывалась совершенно непригодной, так как разжигала в горцах «тлеющие искры религиозного и национального фанатизма» (Сефербий Сиюхов – адыгский просветитель, 1991: 85).

Осмыслив имевшийся к тому времени опыт, просветители пришли к выводу, что важнейшими условиями эффективного развития школьного дела среди горцев являются исключение из школы политики, организация обучения на родном языке, формирование национальных кадров педагогов, подготовка учебной литературы на родном языке, создание условий для практического применения полученных знаний (Сефербий Сиюхов – адыгский просветитель, 1991: 118).

Ключевую роль в формировании национального образования и в реализации культурно-просветительских задач, в целом, играла проблема разработки национальной письменности. Как уже

было отмечено, отдельные попытки создания письменности просветителями предпринимались на всем протяжении XIX в. Однако систематическая работа в этом направлении была развернута только в начале XX в. в связи с активизацией деятельности государства по формированию широкой сети начальных светских школ в горских селениях, а также усилиями просветителей по созданию национальной школы с преподаванием на родном языке. В 1906 г. П. Тамбиев составил краткую кабардинскую грамматику; в 1908 году учителем Т. Эльдархановым был составлен новый чеченский букварь, в 1910 г. адыгскую азбуку на арабской графической основе составили Н. Цагов и С. Нагуч, в 1913 г. кабардинскую азбуку на арабской графической основе составил А. Дымов, а в 1916 г. – Т.-С. Шеретлуков (Исаев, 1979: 187), в 1916 году по поручению комиссии учителей духовных и светских школ Карачая И. Акбаев разработал букварь карачаево-балкарского языка (Койчугев, 2012: 57). Данные пособия использовались в работе целого ряда светских и духовных школ, что свидетельствовало о начале нового периода в истории национальной письменности, характеризовавшегося переводом вопроса в область практической деятельности.

В начале XX в. под влиянием идей джадидизма стали происходить серьезные сущностные изменения в сфере духовного образования горцев, связанные с введением в программу мусульманских школ светских дисциплин и организацией процесса обучения на родном языке. Выделившееся из конфессиональной среды новое (его называли также прогрессивным) духовенство находилось под воздействием идей передовой общественной мысли мусульманского мира. В ее числе были А. Дымов, Н. Цагов, М. Набоков, С. Натхо, Г. Баев, А. Кодзаев, А. Каев, Г. Гузунов и др. Активное участие в просветительском движении принимали представители северокавказских диаспор в Турции. Разрабатывавшиеся ими буквари и другие учебные пособия широко использовались в деятельности мусульманских школ на исторической родине. Главным делом мусульманские просветители считали национальное возрождение, культурное развитие северокавказских народов. Благодаря им, на средства верующих стали открываться первые национальные новометодные медресе.

Следует обратить внимание, что прогрессивные изменения в развитии мусульманского образования народов России являлись предметом серьезного беспокойства властей, считавших школу «неотъемлемым достоянием государства». Остерегаясь культурного отчуждения мусульман от господствующих в государстве начал, власти признавали необходимым «устранить из конфессиональных мусульманских школ общеобразовательные предметы...» (РГИА. Ф. 1276. Оп. 7. Д. 6. Л. 94, 98). Несмотря на противодействие властей, благодаря усилиям нового духовенства, конфессиональное образование постепенно приобретало национальный характер, становилось привлекательным и общедоступным.

Качественное отличие северокавказского просветительства конца XIX – начала XX вв. от предшествующего периода было связано не только с успехами в культурно-просветительской сфере. Просветители развернули активную общественно-политическую деятельность, направленную на повышение правового статуса северокавказских народов в Российской империи.

Важно подчеркнуть, что начало XX в. было отмечено усилением национального движения на окраинах государства, и власти были вынуждены учитывать это обстоятельство. Но в ходе обсуждения национального вопроса правительство и общество брали во внимание только большие национальные образования. Решение вопроса ставилось в прямую зависимость от численности и «значения» народа (Мадем, 1912: 163).

Северокавказские просветители хорошо осознавали, что национальное самосохранение горских народов находилось в зависимости от их правового положения в системе российского государства. Наличие политических ограничений горцев вызывало, как отмечал С. Сихов, равнодушие и безразличие горского населения к политическим вопросам и происходившим событиям в целом (Сефербий Сихов – адыгский просветитель, 1991: 127).

Особое внимание просветители уделяли сложившейся на Северном Кавказе системе «управления». Проанализировав ее, Б. Шарданов пришел к выводу о том, что в системе регионального административного управления горцы допускались лишь на низшей ступени (Шарданов, 1906: 3). В данных обстоятельствах приобретала актуальность деятельность просветителей, стремившихся привлечь внимание не только властей, но и широкой российской общественности к этой проблеме. Поднимался вопрос о представительстве горцев в органах административного и судебного управления всех уровней. Особые надежды возлагались на октябрьский Манифест 1905 г., который заявлял о намерении властей предоставить инородцам места в Государственной думе. Просветители полагали, что депутаты от горских народов получат возможность с трибуны Думы открыто заявить о своих потребностях и проблемах (Шарданов, 1906: 3). Однако северокавказские народы не получили права иметь представителя в новом органе власти, так как Положение о выборах в Думу на Кавказ не распространялось (Шарданов, 1906: 3).

Следует отметить, что конец XIX – начало XX вв. характеризовались подъемом религиозно-национального движения мусульманских народов России. Наиболее ярко вовлеченность просветителей в данный процесс прослеживается в работе по изданию с 1908 г. в Париже журнала «Мусульманин». Одной из главных задач издания было объединение сил горской интеллигенции с

тем, чтобы «послужить своим братьям, внося в их сознание свет науки, искусства и жажду технических знаний, непрерывно доказывая, что только при наличии этих факторов возможно улучшить свою собственную жизнь...» (Хаджетлаше, 1908: 2). Издание осуществляло широкие просветительские функции, освещая на своих страницах вопросы общественной и бытовой жизни мусульманских народов Северного Кавказа, народного образования, истории и этнографии народов региона, а также знакомя их с научными открытиями и техническими знаниями. Издатели и подписчики журнала из числа горской интеллигенции были едины в понимании того, что одной из самых серьезных задач является «правдивое освещение многообразных нужд горских племен Кавказа: чеченцев, кабардинцев, осетин, ингушей, кумыков и др. в области общественно-политической, культурно-просветительской и экономической во всех их яркости и полноте..» (Вниманию горской интеллигенции, 1910: 55). Большое внимание редколлегии журнала уделяла проблемам мусульманской веры. С ней связывалось развитие национальных культур и прогресс мусульман России (Кумыков, 1976: 35).

Значительные усилия в начале XX в. просветители направили на решение вопроса о выделении северокавказского духовенства в специальное ведомство. Следует пояснить, что Северный Кавказ официально был подчинен Оренбургскому магометанскому духовному собранию в Уфе. Фактически же его функции в регионе осуществляла местная администрация. Областное начальство давало разрешение на постройку мечетей, утверждало в духовных должностях лиц, выдержавших испытания в горском суде (ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5299. Л. 115).

Просветители пытались преодолеть существующее положение. Важным шагом в решении этой задачи была организация в г. Екатеринодаре в 1908 г. съезда духовенства и представителей мусульман Кубанской области, который был посвящен проблемам управления духовными делами горцев. Они связывались с отсутствием на Северном Кавказе высшего магометанского управления. В результате их обсуждения участниками форума была высказана потребность создания на Северном Кавказе мусульманского духовного правления (Кабардей, 1910: 295).

Однако в переплетении этнического и религиозного власти видели серьезную угрозу. В записке «О мерах для противодействия панисламскому и пантуранскому (пантюристскому) влиянию среди мусульманского населения» от 15 января 1911 г. министр внутренних дел П.А. Столыпин выражал озабоченность чрезвычайным подъемом религиозного и национально-культурного самосознания обнаруживавшимся среди населявших Россию разноплеменных и разноязычных народностей, а также их стремлением к сплочению между собой, которое способствовало, по его мнению, «обособлению от общегосударственных культурных задач и к духовному сближению с единоверными государствами, главным образом с Турцией» (РГИА. Ф. 1276. Оп. 7. Д. 6. Л. 92). Исходя из вышесказанного, правительство отказывалось от образования высших магометанских учреждений в тех местностях, которые ранее не имели такого управления (РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 922. Л. 11).

Значительные усилия просветителей были сосредоточены на прекращении продолжавшегося в начале XX в. переселения горцев Северного Кавказа в Турцию (махаджирства). В большой серии публицистических работ Д.-Г. Хатакокор, Ю. Ахметуко, М. Ечерух, Х. Хаджимокр показывали трагическую судьбу горцев, решившихся переселиться в Турцию, а также жестокое предательство по отношению к ним со стороны единоверной Османской империи. Подчеркивалось, что обещания, щедро раздававшиеся Турцией, оказались пустыми словами, в реальности же тысячи молодых горцев были обречены на смерть (Хатакокор, 1910: 45).

Критика роли Турции в начале XX в. имела большое общественное значение, так как многие представители горской интеллигенции возлагали надежды на социально-политические изменения, происходившие в этой стране. В отличие от них, Д.-Г. Хатакокор и другие просветители настаивали на том, что эти перемены не имеют к переселенцам с Кавказа никакого отношения и они «исправно продолжают умирать от голода и холода». Более того, в предостережение горцам, думающим о возможности переселения в Турцию, отмечалось: «Воровство, взяточничество, грабежи и убийства процветают, как и в старь. Насилия и преступления совершаются без малейшего изменения, и несчастны те, которые воображают, что в новой стране найдут правду» (Хатакокор, 1910: 45).

Общественно-политическая деятельность просветителей не ограничивалась исключительно отстаиванием национально-политических прав народов Северного Кавказа. Под влиянием передовых общественных идей и теорий происходило осмысление проблем социально-политического и социально-экономического характера.

Особое внимание представители демократически настроенного крыла просветительского движения уделяли социально-экономическим условиям жизни народа. Они отмечали, что тяжелое положение простых горцев являлось следствием сочетания социально-экономического и национального неравенства. При этом просветителей, стоявших на социал-демократических позициях, отличало отсутствие радикализма и открытой оппозиционности по отношению к власти, присущих русской социал-демократии.

Достаточно широкое распространение среди горской интеллигенции имели либеральные буржуазно-демократические идеи. Анализ источников и историографии приводит к выводу о том, что осмысление социально-политических вопросов в среде сторонников буржуазно-демократических ценностей шло по широкому кругу проблем. Однако, в основном, их требования ограничивались

уравниванием в правах с русской буржуазией и ликвидацией наиболее явных проявлений национального неравенства. «Мы стремимся к тому, – отмечал В. Гаджимуков, – чтобы нас признали за людей, простерли бы и на нас все свободы и дали бы нам полную возможность отстаивать те или иные наши интересы» ([Черкесское собрание, 1917: 3](#)).

Существовавшие среди просветителей идейно-политические разногласия не вели к нарушению их относительной однородности. Своей основной общественно-политической задачей они считали не социальную борьбу, а борьбу за национальное самосохранение.

5. Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что формирование просветительской мысли на Северном Кавказе происходило под сильным влиянием геополитических и этносоциальных факторов, обуславливавших новые социокультурные устремления горских народов. Основная задача просветителей в условиях трансформации всей системы общественных связей заключалась в формировании ценностно-ориентированной основы общественной жизни северокавказских народов. Важно отметить, что развитие просветительской мысли происходило в двух направлениях – светском и конфессиональном – и отражало влияние двух культурных каналов: «западного» и «восточного».

Специфической чертой северокавказского просветительства являлось отсутствие антиклерикальной направленности, свойственной европейскому просветительству. Более того, начало активной научно-педагогической деятельности передовых представителей мусульманского духовенства предшествовало становлению светского направления просветительства и особенно масштабно проявилось в начале XX века в движении прогрессивного духовенства за реформацию образования и социальной сферы жизни мусульманских народов региона. Представители как конфессионального, так и светского направления просветительской мысли выступали за культурный прогресс горских народов и рост их национального самосознания на базе достижений современной цивилизации и поддержания значимых для дальнейшей эволюции северокавказских этносов элементов культуры.

Содержание, направления и формы общественной деятельности северокавказских просветителей, наряду с традиционными для просветительства чертами, имели выраженную специфику, которая определялась сложными социально-политическими условиями жизни народов Северного Кавказа. В условиях преобладания Российской империи в культурно-идеологической сфере, отсутствия достаточного политического и социального признания наибольшую важность для просветителей имело создание таких условий, в которых было бы возможно самосохранение горских народов и развитие их национальной жизни, в то время как решение социальных проблем отодвигалось на второй план. При этом характерной чертой общественно-политической деятельности просветителей являлось то, что она, как правило, не приводила к конфронтации во взаимоотношениях с властью.

Особенности исторического процесса, связанные с существованием малочисленных горских народов в составе полиэтничного, поликультурного и поликонфессионального государства, предопределили гипертрофированное внимание просветителей к таким областям культурно-просветительской деятельности, как развитие национального образования, разработка национальной письменности, истории и этнографии – как тем областям, которые в наибольшей степени способствовали сохранению и развитию этнокультурной идентичности и национального самосознания горцев.

Литература

- [Аушев, 1967](#) – *Аушев П.И.* Просветительство в Чечне и Ингушетии // *Советская этнография*. 1967. № 11. С. 44–48.
- [Биттирова, 2002](#) – *Биттирова Т.Ш.* Карачаевские и балкарские просветители второй половины XIX – начала XX вв. Нальчик: Эльбрус, 2002. 108 с.
- [Блейх, 2017](#) – *Блейх Н.О.* Исторические вехи становления и развития просветительства на Северном Кавказе в русле российской цивилизационной политики. М.: РУСАЙНС, 2017. 288 с.
- [Вниманию горской интеллигенции](#) – Вниманию горской интеллигенции // *Мусульманин*. Париж, 1910. № 2. С. 55.
- [ГАКК](#) – Государственный архив Краснодарского края.
- [Голубева, 1977](#) – *Голубева Л.Г.* О некоторых проблемах изучения просветительской мысли на Северном Кавказе в XIX веке // *Филологические труды*. Вып. 1. Нальчик, 1977. С. 93–109.
- [Данилевский, 1991](#) – *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 568 с.
- [Емтыль, 2016](#) – *Емтыль З.Я.* Жернова истории. Социально-политическая история адыгов конца XIX в. – 20-х гг. XX в. в очерках и документах. Краснодар: Издательский Дом – Юг, 2016. 228 с.
- [Исаев, 1979](#) – *Исаев М.И.* Языковое строительство в СССР. М.: Наука, 1979. 351 с.
- [К вопросу о всеобщем обучении на Кавказе, 1908](#) – К вопросу о всеобщем обучении на Кавказе // *Мусульманин*. Париж, 1908. №. С. 23–24.

- Кабардей, 1910** – *Кабардей П.* Духовно-религиозные нужды мусульман Терской и Кубанской областей // *Мусульманин*. Париж, 1910. № 13. С. 294–296.
- Койчуев, 2012** – *Койчуев А.Д.* Исмаил Акбаев – просветитель, создатель первой письменности Карачая и Балкарии, автор и переводчик первых учебников // *Научные проблемы гуманитарных исследований*. 2012. Вып. 4. С. 50–57.
- Крачковский, 1960** – *Крачковский И.Ю.* *Китаб ал-адаб* // Избранные сочинения. Т. 6. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР. 1960. 376 с.
- Кумыков, 1976** – *Кумыков Т.Х.* Этапы и особенности развития общественно-политической мысли Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии и Адыгеи в XIX – начале XX века // *Общественно-политическая мысль адыгов, балкарцев и карачаевцев в XIX – начале XX века*. Нальчик: Эльбрус, 1976. С. 11–39.
- Мадем, 1912** – *Мадем В.* К постановке национального вопроса в России // *Вестник Европы*. СПб., 1912. С. 149–163.
- Пронштейн, 1994** – *Пронштейн А.П., Патракова В.Ф.* Советская историческая наука и вопросы изучения кавказского мухаджирства XIX в. / *Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства*. Материалы всесоюзной научно-практической конференции 24–26 октября 1990 г. Нальчик: Эльбрус, 1994.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Сефербий Сيوخов** – адыгский просветитель, 1991 – *Сефербий Сيوخов* – адыгский просветитель. Майкоп: Адыгейское книжное издательство, 1991. 192 с.
- Хаджетлаше, 1908** – *Хаджетлаше М.-Б.* От редакции // *Мусульманин*. Париж, 1908. № 1. С. 2.
- Хакуашев, 1978** – *Хакуашев А.Х.* Адыгские просветители. Нальчик: Эльбрус, 1978.
- Хатакокор, 1908** – *Хатакокор Д.-Г.* Турция для турок // *Мусульманин*. Париж, 1908. № 2. С. 31–32.
- Хатакокор, 1910** – *Хатакокор Д.-Г.* Мухаджиры (к вопросу положения переселенцев) // *Мусульманин*. Париж, 1910. № 2. С. 44–45.
- Хашхожева, 1993** – *Хашхожева Р.Х.* Адыгские просветители XIX – начала XX века. Нальчик: Эльбрус, 1993. 184с.
- Черкесское собрание, 1917** – Черкесское собрание // *Кубанский курьер*. Екатеринодар, 1917. 14 марта. С. 3.
- Шамаев, 2017** – *Шамаев А.М.* Просветительская парадигма горцев-мусульман Северо-Восточного Кавказа (вторая половина XVIII века) // *Социально-политические науки*. 2017. № 6. С. 148–152.
- Шарданов, 1908** – *Шарданов Б.* Черкесы. Забываемый народ // *Кубань*. Екатеринодар, 1906. № 117. С. 3.
- Шарданов, 1908** – *Шарданов Б.* Черкесы. Забытый народ // *Кубань*. Екатеринодар, 1906. № 76.

References

- Attention mountain intelligentsia, 1910** – Vnimanuyu gorskoy intelligentsii [Attention mountain intelligentsia]. *Musul'manin*. Parizh, 1910. №2. P. 55. [in Russian]
- Aushev, 1967** – *Aushev P.I.* (1967). Prosvetitel'stvo v Chechne i Ingushetii [Enlightenment in Chechnya and Ingushetia]. *Sovetskaya etnografiya*. № 11. pp. 44–48. [in Russian]
- Bittirova, 2002** – *Bittirova T.Sh.* (2002). Karachayevskiyе i balkarskiye prosvetiteli vtoroy poloviny XIX – nachala XX v. [Karachayevsky and Balkarian enlighteners of the second half of the XIX – early XX century]. *Nal'chik: El'brus*. 108 p. [in Russian]
- Bleikh, 2017** – *Bleikh N.O.* (2017). Istoricheskiye vekhi stanovleniya i razvitiya prosveti-tel'stva na Severnom Kavkaze v rusle rossiyskoy tsivilizatsionnoy politiki [Historical milestones of the formation and development of enlightenment in the North Caucasus in the mainstream of Russian civilizational policy]. М.: RUSAYNS.288 p. [in Russian]
- Circassian meeting, 1917** – Cherkesskoye sobraniye [Circassian Meeting] *Kubanskiy kur'yer*. Yekaterinodar, 1917. March 14. P. 3.
- Danilevsky, 1991** – *Danilevsky N.Ya.* (1991). Rossiya i Yevropa [Russia and Europe]. М.: *Kniga*. 568 p. [in Russian]
- Emtyl, 2016** – *Yemtyl Z.Ya.* (2016). Zhernova istorii. Sotsial'no-politicheskaya isto-riya adygov kontsa XIX v. – 20-kh gg. XIX v. v ocherkakh i dokumentah [Millstones of history. Socio-political history of the Adygs of the late nineteenth century]. Krasnodar: Izdatel'skiy Dom – Yug. 228 p. [in Russian]
- GAKK** – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraya [State Archives of the Krasnodar Territory].
- Golubeva, 1977** – *Golubeva L.G.* O nekotorykh problemakh izucheniya prosvetitel'skoy mysli na Severnom Kavkaze v XIX veke [On Some Problems of the Study of Enlightenment Thought in the North Caucasus in the Nineteenth Century] *Filologicheskiye trudy*. Vyp.1. Nal'chik, 1977. pp.93–109. [In Russian]
- Hadjitlasche, 1908** – *Hadjitlasche M.B.* (1908). Ot redaktsii [From the Editor]. *Musul'manin*. Parizh. № 1. P. 2. [in Russian]
- Hakuashev, 1978** – *Hakushev A.Kh.* (1978). Adygskiyе prosvetiteli [Adygean enlighteners]. *Nal'chik: El'brus*. [in Russian]

- [Hatakodor, 1908](#) – *Hatakodor D.G.* (1908). Turtsiya dlya turok [Turkey for the Turks]. *Musul'manin*. Parizh. № 2. pp. 31-32. [in Russian]
- [Hatakodor, 1910](#) – *Hatakodor D.G.* (1910). Mukhadzhiry (k voprosu polozheniya perese-lentsev) [Muhajirs (to the question of the situation of migrants)]. *Musul'manin*. Parizh. № 2. pp. 44-45. [in Russian]
- [Isayev, 1979](#) – *Isaev M.I.* (1979). Yazykovoye stroitel'stvo v SSSR [Language construction in the USSR]. M.: Nauka. 351 p. [in Russian]
- [K voprosu o vseobshchem obuchenii na Kavkaze, 1908](#) – K voprosu o vseobshchem obuchenii na Kavkaze [On the issue of universal education in the Caucasus]. *Musul'manin*. Parizh, 1908. №2. pp. 23-24. [in Russian]
- [Kabardey, 1910](#) – *Kabardey P. Kabardey P.* (1910). Dukhovno-religioznye nuzhdy musul'man Terskoy i Kubanskoj oblasti [Spiritually-religious needs of Muslims of the Ter-Kaya and Kuban regions] *Musul'manin*. Parizh. № 13. pp. 294-296. [in Russian]
- [Khashkhozheva, 1993](#) – *Khashkhozheva R.Kh.* (1993). Adygskiye prosvetiteli XIX – nachala XX veka [Adygek educators of the XIX – early XX century]. *Nal'chik: El'brus*. 184 p. [in Russian]
- [Koychuev, 2012](#) – *Koychuev A.D.* (2012). Ismail Akbaev – prosvetitel', sozdatel' pervoy pis'mennosti Karachaya i Balkarii, avtor i perevodchik pervykh uchebnikov [Ismail Akbaev is an educator, the creator of the first Karachai and Balkarian written language, the author and translator of the first textbooks]. *Nauchnyye problemy gumanitarnykh issledovaniy*. Issue. 4. pp. 50-57. [in Russian]
- [Krachkovsky, 1960](#) – *Krachkovsky I.Yu.* (1960). Kitab al-adab [Kitab al-adab]. *Izbrannyye sochineniya*. T. 6. M.-L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR. 376 p. [in Russian]
- [Kumykov, 1976](#) – *Kumykov T.H.* (1976). Etapy i osobennosti razvitiya obshchestvenno-politicheskoy mysli Kabardino-Balkarii, Karachayevo-Cherkessii i Adygei v XIX – nachale XX veka [Stages and features of the development of socio-political thought in Kabardino-Balkaria, Karachaevo-Circassia and Adygea in the XIX – early XX century]. *Obshchestvenno-politicheskaya mysl' adygov, balkartsev i karachayevtsev v XIX – nachale XX veka*. *Nal'chik: El'brus*, 1976. pp. 11-39. [in Russian]
- [Madem, 1912](#) – *Madem V.* (1912). K postanovke natsional'nogo voprosa v Rossii [To the formulation of the national question in Russia]. *Vest-nik Yevropy*. SPb. pp. 149-163. [in Russian]
- [Pronshtein, 1994](#) – *Pronshtein A.P., Patrakova V.F.* (1994). Sovetskaya istoriche-skaya nauka i voprosy izucheniya kavkazskogo mukhadzhirstva XIX v [Soviet historical science and issues of studying the Caucasian Muhajire of the XIX century]. *Natsional'no-osvoboditel'naya bor'ba narodov Severnogo Kavkaza i problemy mukhadzhirstva*. Materialy vsesoyuznoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 24-26 oktyabrya 1990 g. *Nal'chik: El'brus*. [in Russian]
- [RGIA](#) – Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv. [Russian State Historical Archive].
- [Seferbiy Siyuhov](#) – Adyghe enlightener, 1991 – adygskiy prosvetitel' [Adyghe enlightener]. Maykop: Adygeysoye knizhnoye izdatel'stvo, 1991. 192 p. [in Russian]
- [Shamaev, 2017](#) – *Shamayev A.M.* (2017). Prosvetitel'skaya paradigma gortsev-musul'man Severo-Vostochnogo Kavkaza (vtoraya polovina XVIII veka) [The educational paradigm of the mountaineers-Muslims of the North-Eastern Caucasus (second half of the XVIII century)]. *Sotsial'no-politicheskiye nauki*. №6. pp. 148-152. [in Russian]
- [Shardanov, 1908](#) – *Shardanov B.* (1908). Cherkesy. Zabytyy narod [Circassians. The forgotten people]. *Kuban'*. Yekaterinodar. № 76. [in Russian]
- [Shardanov, 1908](#) – *Shardanov B.* (1908). Zabyvayemyy narod [Circassians. Forgotten people]. *Kuban'*. Yekaterinodar. № 117. P. 3. [in Russian]

Становление и развитие просветительства на Северном Кавказе в конце XVIII – начале XX вв.

Зарема Январбиевна Емтыль ^{a, *}, Анна Станиславовна Бочкарева ^a

^a Кубанский государственный технологический университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье на широком фактическом материале исследуются исторические условия зарождения просветительства на Северном Кавказе; специфические черты и основные направления общественной деятельности просветителей. Авторы статьи пытаются отойти от сложившейся в кавказоведении традиции, согласно которой развитие просветительства связывается с установлением политического, социально-экономического и культурного влияния России в регионе и отражают влияние этнополитических и социокультурных процессов, происходивших в самом северокавказском обществе, связанных с внутренними импульсами его развития, а также влиянием прогрессивных идей мусульманского мира.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: adg1070@gmail.com (З.Я. Емтыль), Bochka78@mail.ru (А.С. Бочкарева)

На основе проведенного исследования предлагается новая периодизация истории северокавказского просветительства, в эволюции которого выделяется два этапа – становление просветительской мысли (конец XVIII – конец XIX вв.) и зрелого просветительства (конец XIX – начало XX вв.).

Отмечается, что общественная деятельность северокавказских просветителей, наряду с традиционными для просветительства чертами, имела выраженную специфику, которая определялась сложными социально-политическими условиями жизни горских народов. В условиях выраженного культурно-идеологического влияния со стороны Российской империи, отсутствия соответствующего уровня политического и социального признания первостепенное значение для просветителей приобретало создание таких условий, в которых было бы возможно самосохранение горских народов и развитие их национальной жизни, в то время как решение социальных проблем отодвигалось на второй план.

Специфической чертой просветительства на Северном Кавказе, по мнению авторов, являлось и отсутствие антиклерикальной направленности, свойственной европейскому просветительству. Более того, подчеркивается, что начало активной научно-педагогической деятельности передовых представителей конфессионального направления просветительской мысли предшествовало становлению светского направления.

Ключевые слова: горские народы Северного Кавказа, патриархальные пережитки, просветительство, Северный Кавказ, традиционная культура.

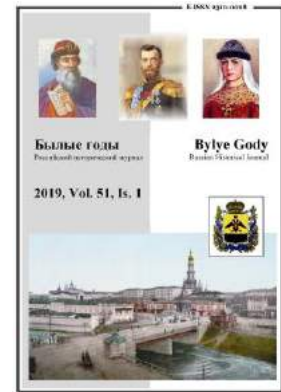
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 51. Is. 1. pp. 113-120. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.1.113
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

To the Issue of the Support by Islamic Divines of Caucasus Movement for the Gazavat Under Leadership of Sheikh Mansur

Dmitry V. Ovsjannikov ^{a, *}

^a St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract

The article attempts to consider the spectrum of views of Muslim scientists (Ulama) of the Caucasus, the differentiation of which occurred against the background of the military-political events associated with the movement of the Sheikh/Imam Mansur. The resistance of the Russian empire by the Chechen societies, as well as the mountaineers of the Central and Western Caucasus, which took place from 1785 to 1791, served as a factor that had a noticeable resonance among the corporation of Islamic theologians. The key issue was the attitude to the struggle against Russia under the banner of Gazavat. The conclusions are based on the consideration of the social nature of the «clergy» in Muslim society. In particular, the regional differences of Dagestan, on the one hand, and Chechen societies, on the other, which are based on various historical forms of the social order, became an important reason why a number of Dagestan divines opposed Mansur's leadership claims. In this regard, the reasons why Mansur, after military luck turned away from him, are considered, sought support not in neighboring Dagestan, where the positions of Islam were very strong, and Russia's influence is relatively small, but among Ossetian and Adyghe rulers of the Turkish orientation.

All this is analyzed on the basis of the developments of domestic and foreign historiography, as well as a wide range of sources, including in Arabic and unpublished archival data.

Keywords: Islam, the Caucasus, Chechnya, Dagestan, Abu Bakr Aimakinskiy, Mansour, Sharia, Gazavat, Ulama.

1. Введение

Первым крупным лидером горцев Северного Кавказа, поднявшим знамя «газавата» – войны против немусульман в лице Российской империи, – стал человек, прославившийся под именем Мансура. По наиболее распространенной версии это был выходец из равнинного чеченского селения Алды («уроженец сел. Алтыкабак») (*Каталог...*, 2011: 86), принадлежащий к тейпу Элистанжхой («Арестенжоевской фамилии») (*Лаудаев, 1872: 59; Фарфоровский, 1914: 456*) Ушурма.

Однако его современники и исследователи XIX века неоднозначно трактовали его происхождение. Версия о том, что под личиной Мансура скрывался итальянский авантюрист Джованни Боэтти заслуживает внимания. С одной стороны, стоит учесть имеющиеся косвенные сведения, такие, как разнящиеся данные о месте погребения имама (Шлиссельбург и Соловки), а также информацию касательно опознания князем Г.А. Потемкиным-Таврическим в пленном некоего итальянца, девятью годами ранее имевшем аудиенцию у него (*Meskhidze, 2002: 318*). С другой же стороны, у исследователя имеется противоположное утверждение авторитетного кавказоведа П.Г. Буткова, присутствовавшего при героическом взятии русскими войсками Анапы и видевшего Мансура лично, о том, что имам был «природным» чеченцем (*Россия и Кавказ, 2001: 31*). Исходя из этого, стоит предположить действительное существование двух человек, которые называли себя Мансуром, а впоследствии были взяты в плен и умерли в заточении. Это объясняет версию о Мансуре как ставленнике и марионетке Высокой Порты, посланном на Кавказ турками (*Алкадари, 1994: 90*).

* Corresponding author

E-mail addresses: d.ovsiannikov@spbu.ru (D.V. Ovsjannikov)

Не останавливаясь подробно на событийной канве, касающейся военно-тактического аспекта, мы постараемся проанализировать, какую роль в движении, которое он возглавил, сыграли исламские богословы. Препятствием для воссоздания наиболее полной картины событий является тот факт, что в распоряжении исследователей данного периода содержится крайне скудная и отрывочная информация по сравнению с более поздним периодом. Русское присутствие в регионе еще не стало столь явным, как в XIX веке, поэтому и сама информация, содержащаяся в исторических источниках, носит опосредованный характер. Это затрудняет как конкретизацию отдельных персоналий, так и выяснение внутренней подоплеки событий. Учитывая это, наши выводы не претендуют на завершенность, а лишь являются авторской точкой зрения.

2. Материалы и методы

Взаимодействие Российской империи, с одной стороны, и союзов сельских общин горцев Северо-Восточного Кавказа – с другой, мы рассматриваем в качестве отношений сложных (хотя и разного порядка) социальных систем. При исследовании мусульманских обществ и их социальной структуры мы сталкиваемся с первостепенным по значимости феноменом, а именно с исламом как системой единой в своей основе, которая реализует себя и как религия, и как политика в европейском понимании. Также считаем важным сделать оговорку касательно объекта нашего исследования. Социальная группа лиц, профессионально задействованная не только в отправлении мусульманского культа (*муллы* и *имамы* в мечетях), но и вносящая вклад в развитие мусульманской мысли, не ограничиваясь сугубо богословскими вопросами (*улама*), в научной литературе нередко фигурирует как «духовенство». Во избежание ошибочных аналогий с христианскими реалиями мы стараемся по возможности избегать подобных дефиниций или брать их в кавычки, а взамен именовать эту категорию исламскими учеными, т.е. следовать дословному переводу с арабского языка. Однако при этом обязательно учитывать, что «наука» в исламском мире и та форма организации рационального знания, которая в Европе пришла на смену схоластике и стала собственно наукой в эпоху Модерна, являются отнюдь не тождественными явлениями. Европейская наука стала порождением секуляризации. В отличие от нее исламская «наука» основывается на догме Корана. Таким образом, для нашего анализа считаем целесообразным употребление терминов (исламская наука/исламские ученые) без кавычек, поскольку речь будет идти исключительно о мусульманском социуме. Избежать же невольных аналогий с Европой поможет оговоренная выше мысль. Тем самым мы хотели развернуто продемонстрировать использование историко-типологического и сравнительно-исторического методов, наряду с традиционными в отечественной науке принципами системности, историзма и объективности.

3. Обсуждение

Интерес к судьбе загадочной фигуры Мансура нашел отражение в русской исторической науке уже вскоре после окончания войны на Кавказе и пленения имама Шамиля. В дальнейшем ряд историков положил начало научному дискурсу о движении Мансура на страницах дореволюционных изданий (Лаудаев, 1872; Фарфоровский, 1914; Юдин, 1914; Корольков, 1914). Отсутствие ссылок у ряда авторов и пусть объяснимые, но серьезные фактологические ошибки были восполнены уже советскими историками (Скитский, 1932; Смирнов, 1950). Движение Мансура рассматривалось ими в русле классового подхода, при этом акцент делался на прогрессивной составляющей движения Мансура. Однако советские исследователи не могли не отмечать внешнеполитическую составляющую данных событий, а именно – деструктивный фактор Османской империи. Вместе с тем вопросы, связанные с ролью мусульманских ученых, не получили должного освещения. В 1980–1990-е гг. на волне центробежных процессов и после развала СССР в научной среде стали преобладать апологетические оценки движения Мансура, при этом вводились в оборот новые источники, однако методология исследований не претерпела качественных изменений (Ахмадов, 1991; Ахмадов, 1992).

Интерес к мусульманской культуре чеченцев и народов Дагестана, включая и биографии отдельных персоналий, наметился еще в рамках региональной советской историографии. Большой вклад в изучение этого вопроса внес авторский коллектив под руководством историка-арабиста А.Р. Шихсаидова. Показательными для понимания этого историографического направления являются труды М.А. Абдуллаева, в которых он с применением терминологического аппарата европейской науки (не совсем подходящего для исследования мусульманского общества) анализирует развитие исламской мысли и борьбу различных ее течений (реакционного и прогрессивного) (Абдуллаев, 1963: 22–23). Однако для нашего исследования представляют особую ценность работы М.А. Гизбулаева, в которых внимание уделено личности одного из главных антагонистов Мансура в Дагестане – Абу Бакра из Аймаки (Гизбулаев, 2005).

В работах англоязычных авторов внимание к Мансуру обусловлено обоснованием преемственности сопротивления вхождению в состав России и расширению хронологических рамок Кавказской войны. Сильной стороной подобных исследований стало освещение различных локальных сюжетов движения, тем не менее вниманием оказался обойден предложенный нами сюжет (Баддели, 2011; Gammer, 1996; Meskhidze, 2002; Güne-Yadcy, 2003).

Существенную информацию представляет собой корпус арабоязычных источников по данной теме. Стоит выделить те труды, в которых отношение исламских ученых к газавату нашло некоторое отражение. В первую очередь стоит отдать должное энциклопедическому труду, обобщающему биографии мусульманских ученых, а также их основные произведения и взгляды на те или иные вопросы – «Нузхат ал-азхан фи тараджим улама Дагистан» (Услада умов в биографиях ученых Дагестана), составленный дагестанским арабистом Назиром Магомедгаджиевым (1891–1935 гг.) из кумыкского сел. Доргели (ад-Дургели, 2012). Другим произведением, так и не переведенным с арабского языка, где содержится интересующая нас оценка деятельности Мансура, является поэтический сборник «Диван ал-Мамнун» выдающего арабиста Гасана Алкадари (Алкадари, 1913).

Неопубликованные архивные документы по изучаемому вопросу были извлечены из фондов Российского государственного исторического архива (РГИА), в частности из Ф. 1280 («Управление коменданта Петроградской крепости департамента государственной полиции МВД»). Обобщая сказанное, стоит сказать, что если социально-экономическая ситуация на Северном Кавказе в конце XVIII века, личность Мансура и военная сторона вопроса, касающегося движения под его руководством освещены довольно подробно, то вопросы, связанные с полемикой улама по поводу газавата, требуют дальнейшей разработки.

4. Результаты

Важный вопрос в контексте нашего повествования касается ближайшего окружения Мансура. Получив лишь основы исламских знаний, он не был вправе причислить себя к категории улама. Возможно, что компенсировать пробелы в знаниях (которые не ставит под сомнение наиболее авторитетный биограф Мансура Ш.Б. Ахмадов) (Ахмадов, 2008: 6–7) на первоначальном этапе ему помогали ближайшие соратники – чеченские муллы, ряд из которых совершил паломничество в Мекку и стал хаджи. Известны некоторые из них: Умар-Хаджи из Шали, заведовавший перепиской от имени Мансура, а также муллы Нагай-Мирза-Хаджи, Бисултан-Хаджи и Хамбе-Хаджи (в документах фигурирует искаженное «аджи» – прим. авт.). Они убеждали чеченцев признать Мансура имамом, а также писали воззвания от его имени (Смирнов, 1950: 24). Историк В.В. Дегоев интерпретировал сотрудничество чеченских мулл с Мансуром в сугубо прагматическом ключе со стороны первых (Дегоев, 2013: 114). Однако стоит заметить, что «отступные» местному духовенству вряд ли были так необходимы. Мусульманское «духовенство» в Чечне (как и в соседнем Дагестане) пользовалось достаточно большим влиянием и авторитетом, поскольку зачастую это были представители сильных *тейпов* («фамилий»), и дополнительные дивиденды от сомнительного в перспективе союза с элистанжхоевским узденем были весьма призрачны. Уже в середине XVIII в. наметилась тенденция вхождения части мусульманского «духовенства» в «сословную верхушку» чеченцев и рост ее роли в общественной и политической жизни горцев. Стоит учитывать, что в чеченских обществах нормы ислама (на тот момент преимущественно его внешняя обрядовая сторона) вполне уживались с доисламскими горскими обычаями, включая *адат*. В связи с этим стоит соотносить реальное положение вещей и призывы поддержавших Мансура представителей «духовенства». Последние действительно провозглашали утверждение шариата как общей цели, но фактически это движение будет характерно для более позднего периода. Движение за смену адата шариатом, а также «усиление роли духовенства и некоторое ослабление адатской верхушки» (Юдин, 1914: 218; Яндаров, 1975: 96) будет характерно для Дагестана только в XIX в., где на адат опирались местные правители.

В начале марта 1785 г. собравшиеся в Алды приняли решение обратиться в ислам западные вайнахские общества, а фактически взять над ними власть и установить контроль над стратегически важным Дарьялом. Это не могло не встревожить коменданта Кизляра. Призывы Мансура к газавату и угрозы карами и несчастьями тем, кто уклонится от участия в борьбе, были восприняты русскими чинами с большим опасением. «Мятеж» против России, а также объединение горцев-мусульман для ведения совместной борьбы были сочтены за главные цели Мансура (Бларамберг, 1999: 361–362).

Чтобы нейтрализовать возникшую угрозу, в конце июня русский отряд в 2000 человек и при двух орудиях под командованием полковника Ю.Н. Пиери выступил в сторону Алды. А 6 июля 1785 г. селение было сожжено, но на обратном пути отряд был окружен в лесу и потерпел поражение, среди погибших был и сам командующий полковник Пиери.

Эта катастрофа выявила непрочность вассальных отношений горских владетелей к империи. Так, сочувствие чеченцам проявили кумыкские князья, а шамхал Тарковский отправил к Мансуру кадия Аджи (Ахмадов, 1991: 109). Исходя из этого, стоит оспорить мнение В.В. Дегоева о том, что «квалифицированных законовладельцев и служителей веры у горцев не было» (Дегоев, 2013: 30). Другой вопрос в том, как много дагестанских и кабардинских мулл (исламская просвещенность коих, в отличие от чеченцев, обычно не ставится под сомнение) поддержали Мансура. На этот счет имеются различные сведения. Так, с одной стороны, кумык Хаджи Юнус рассказывал туркам, что сначала дагестанские богословы обвинили Мансура в отсутствии должных знаний и говорили, что он «лишен всякой культурности», в ответ Мансур сказал: «Приведите ваших, они могут задать мне любые вопросы, которые захотят» – и, бросив им такой вызов, он ответил на все вопросы дагестанских мулл. «Теперь они выполняют его приказания», – отмечается в источнике (Беннигсен, 1994: 50–51).

Из письма кабардинского кадия Боруки старшему правителю (*вали*) Кабарды Мисосту Баматову также становится вполне очевидным, что муллы и кадии Чечни и ближайших районов Дагестана («чиркеевские, кумыцкие, салатовские кадью») приняли непосредственное участие в движении и поддержали требования Мансура (Ахмадов, 1999). Неопубликованные архивные данные свидетельствуют, что отдельные дагестанские соратники Мансура пошли с ним до конца и разделили с ним тяготы заключения (РГИА Ф. 1280. Оп. 2. Д. 47. Л. 34).

Крайне важную в контексте нашего исследования информацию приводит немецкий исламовед С. Рейхмут. Так, он отметил факт присутствия в отрядах горцев под командованием Мансура молодого татарского богослова Файзуллы сына Усмана аль-Булгари («Faydallah b. 'Uthman al-Bulghari») (Reichmuth, 1998: 35). Этот случай показателен, т.к. сведения об аль-Булгари Рейхмут приводит в связи с описанием широты связей известного индийского исламского ученого и суфия Муртады аз-Забиди (1732–1790 гг.), которому Файзулла поведал о движении Мансура и своем участии в нем. В какой-то степени это объясняет версию о бухарском или татарском происхождении Мансура (Юдин, 1914: 217).

Другая же часть кавказских богословов не приняла проповедника из Алды. Уже в конце XIX века традиция неприятия Мансура авторитетными учеными Дагестана (скорее всего, не без влияния имперской цензуры) закрепились и отразилась в работах Гасана Алкадари. Однако слишком категоричным и неверным будет идти вслед за Алкадари, который оценивал итоги деятельности Мансура как бесполезные для народа и трагичные по своим последствиям (Алкадари, 1913: 60).

Заслуживает внимания сведение, согласно которому один из представителей мусульманского духовенства предложил русской военной администрации убить Мансура за вознаграждение в 2000 рублей при условии сохранения в тайне его имени. Русские чины посчитали, за запросы муллы несколько чрезмерны, и оценили это предприятие в 500 рублей (Ходарковский, 1999). Однако подобные инициативы не получили дальнейшего продолжения.

Стоит выделить наиболее авторитетного и известного представителя противной Мансуре партии в Дагестане. Им был Абу-Бакра, сын Муавии из Аймаки (ал-Аймаки) (1737–1791 гг.) – ученик широко известного ученого Мусалава (Мухаммада) из Кудутля (ал-Кудуки), а также дед и учитель Саида Араканского (одного из учителей будущих имамов Гази-Магомед и Шамиля). Ему принадлежит целый ряд богословских трудов, которые демонстрируют его систему ценностей и взгляды. По вопросам газавата и приверженности нормам шариата мы не найдем идейных расхождений между Абу-Бакром и Мансуром. Так, в рукописи «И'лам ат-тилмиз би ахкам ан-набиз» («Уведомление ученика по суждениям о вине») подвергается критике традиция отдельных преподавателей, касающаяся дозволения употреблять алкоголь (Гизбулаев, 2005: 38–39). А относительно газавата показательной является его работа «аз-Заджир 'ан мувалат ал-куффар» («Сдерживающее средство от вступления в дружбу с неверными»), где содержатся взгляды Абу Бакра об отношениях между мусульманскими и немусульманскими странами (Гизбулаев, 2014). Он также был автором письма к жителям Эндирея, Акса и других селений, в котором призывал вести борьбу против неверующих за чистоту ислама (ад-Дургели, 2012: 57). Тем не менее, существуют многочисленные свидетельства о его непризнании Мансура как имама (Абдуллаев, 1993: 111, 159; Беннигсен, 1994: 9; Магомедов, 1957: 356; Хайбуллаев, 1974: 17). Возможно, что антагонизм аварского ученого был той же природы, что и у другого дагестанского богослова из Табасарана. О том, что к событиям в Чечне было приковано внимание также и в Южном Дагестане и им придавалось немалое значение, свидетельствует тот факт, что в библиотеке Зияуддина Юсуфа-Хаджи (Дийа'аддин Йусуф-хаджи) из сел. Гурик (ал-Курихи) в Табасаране был обнаружен краткий хронограф событий конца XVIII – первой четверти XIX в. в этом регионе Дагестана. На первом месте стоит упоминание о появлении «имама Мансура в дагу пророка, – мир ему: 1199 (1784/85 г. прим. авт.)» (Каталог..., 2011: 46). Один из «аджи» Табасарана в крайне негативном ключе отзывался о Мансуре. Ш.Б. Ахмадов привел дословно фрагмент письма табасаранского ученого: «О подвигах и делах назвавшегося имамом слышно, что они противны сущь закону и священному нашему писанию: 1-е, что упущение поста и богослужения довершать он уже возбраняет; 2-е – богослужение отправляет он не так, как по закону следует; 3-е – чинит поборы с народа и приемлет подарки» (Ахмадов, 1991: 118).

Написанный на арабском языке изысканным стилем текст должен был, по мнению В.В. Дегоева, повлиять не на отношение народа к Мансуре, а на владевших грамотой мулл и хаджи, показать им корыстность имама. Мансур якобы не был похож на тех «преподобных, в коих почивает благодать Божия» и чьи деяния «сами по себе доказывают свое достояние» (Дегоев, 2013: 78). Однако примеры чудес, приписываемых очевидцами Мансуре, прочно удерживали (до серьезных военных неудач) народные симпатии на его стороне. Так, во время своеобразной проверки имама дагестанскими «духовниками», последние пригласили сесть его на подушку, под которую был подложен Коран. В ответ Мансур сказал: «О вы, которые боитесь Бога! Вы сами садитесь на эту подушку, но я на нее никогда не сяду!» (Беннигсен, 1994: 74).

С одной стороны, вполне логичным звучит мнение Дегоева В.В., который считает, что «клерикальная среда оппонентов Мансура» выступила против имама, потому что он оттягивал на себя часть «паствы» и становился, таким образом, их «идеологическим конкурентом». Однако это положение не срабатывает в случае с относительно отдаленными от Чечни и Кумыкии территориями

Дагестана (Табасаран и Койсубулинское общество, в которое входило сел. Аймаки). Здешние ученые, вероятно, не считали Мансура авторитетной фигурой в вопросах ислама. На наш взгляд, уместным будет предположить, что их критика в его адрес была, скорее всего, проявлением своеобразной «корпоративной этики», которая предполагала обучение после медресе у известных богословов, а также взаимную полемику и переписку. Мансур не соответствовал данным требованиям.

В свою очередь в чеченской среде ситуация для Мансура также складывалась неоднозначно. Характерным явлением для ислама, исторически сложившегося в чеченских обществах, было почтение к убогим и юродивым, которые по своей сути были выразителями чаяний широких народных масс, настроения которых они выражали, облекая их в исламскую форму. Один из таких блаженных фигурировал и в описываемых нами событиях. Ориентировочно в августе 1785 года распространился слух о том, что в сел. Шали (откуда родом была жена Мансура) мальчик Юсуп читает во сне суры из Корана, прекрасно знает арабский язык, и обучил его этому якобы таинственный незнакомец, возносивший его на небеса и беседовавший там с ним. Юсуп стал вещать о недозволенности воровства и прочих пороков, исцелял односельчан молитвами, а Мансуру предрекал поражение в походе на Кизляр (Дегоев, 2013: 67–68; Юдин, 1914: 220–221).

Дегоев В.В. делает предположение, что за мальчиком стояли представители «традиционного исламского духовенства», которое со скепсисом относились к Мансуру как к имаму (Дегоев, 2013: 77). К сожалению, в распоряжении историков нет надежных данных об этих событиях и неизбежная умозрительность суждений становится единственным способом выстроить некую гипотезу. На наш взгляд, юноша Юсуп все-таки значил намного меньше, чем та группа соратников Мансура из числа чеченских мулл и хаджи (Умар-Хаджи, Нагай-Мирза-Хаджи, Бисултан-Хаджи и Хамбе-Хаджи), которые играли роль его «наставников» и союзников на начальном этапе его движения в Чечне.

5. Заключение

Подводя итог, необходимо отметить, что призывы Мансура к горским народам Кавказа подняться на газават против Российской империи были неоднозначно восприняты исламскими учеными Дагестана и Чечни. Так, в большинстве своем чеченские и кумыкские улама («хаджи» и «муллы») встали на сторону Мансура и внесли большой вклад в оформление идейной составляющей движения за независимость. В то время как, особенно в Южном и частично в Нагорном Дагестане, где издревле сформировалась социальная группа профессиональных ученых-богословов, поддерживавшая контакты с мусульманским миром, претензии Мансура на власть в качестве имама были подвергнуты критике. Эта ситуация частично объясняет то, почему в дальнейшем, потерпев ряд поражений, Мансур пытался найти поддержку на Северо-Западном Кавказе, у адыгских народов, а не в соседнем с Чечней Дагестане. Различие в отношении к Мансуру продемонстрировало поляризацию горских улама по ключевому вопросу – вопросу о власти. Традиционная исламская риторика же использовалась в качестве средства легитимации и придания веса аргументам.

Литература

- Абдуллаев, 1963 – Абдуллаев М.А. Мыслители народов Дагестана XIX и начала XX вв. Махачкала: Дагучпедгиз, 1963. 268 с.
- Абдуллаев, 1993 – Абдуллаев М.А. Из истории философской и общественно-политической мысли народов Дагестана. Махачкала: «Юпитер», 1993. 356 с.
- ад-Дургели, 2012 – ад-Дургели Назир. Усила умов в биографиях ученых Дагестана = A Journey of the minds through the biographies of the islamic scholars of Daghestan: дагестанские ученые X–XX вв. и их сочинения. М.: Изд. дом Марджани, 2012. 223 с.
- Алкадари, 1913 – Алкадари Г.-Э. Диван ал-Мамнун. Темир-Хан-Шура, 1913. (на араб. яз.)
- Алкадари, 1994 – Алкадари Г.-Э. Асари-Дагестан (Исторические сведения о Дагестане). Махачкала: Юпитер, 1994. 158 с.
- Ахмадов, 1991 – Ахмадов Ш.Б. Имам Мансур (народно-освободительное движение в Чечне и на Северном Кавказе в конце XVIII века). Грозный: Книга, 1991. 287 с.
- Ахмадов, 1992 – Ахмадов Ш.Б. Народно-освободительное движение горцев Северного Кавказа под предводительством Мансура в 1785–1795 гг. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ростов-на-Дону, 1992.
- Ахмадов, 2008 – Ахмадов Ш.Б. Имам Мансур и народно-освободительное движение в Чечне и на Северном Кавказе в 1785–1791 гг. в новейшей отечественной историографии // *Вестник Академии наук Чеченской Республики: Естественные науки*. Т. 2. № 2. Назрань: Пилигрим, 2008. С. 4–36.
- Ахмадов, 1999 – Ахмадов Я.З. К изучению исламской идеологии в Чечне конца XVIII в. (Воззвания имама Мансура) // *Научная мысль Кавказа*. 1999. № 1 (17). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/21924/> (дата обращения: 11.03.2018).
- Баддели, 2011 – Баддели Дж. Завоевание Кавказа русскими. 1720–1860. М.: «Центрполиграф», 2011. 362 с.
- Беннигсен, 1994 – Беннигсен А. Народное движение на Кавказе в XVIII в. (Священная война Шейха Мансура (1785–1791 гг.). Малоизвестный период и соперничество в русско-турецких отношениях). Махачкала: КИФ «Тарих», 1994. 80 с.

- Бларамберг, 1999 – *Бларамберг И.* Историческое, топографическое, статистическое и этнографическое описание Кавказа. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 403 с.
- Гизбулаев, 2005 – *Гизбулаев М.А.* Абубакар-хаджи из Аймаки – жизнь, творчество и научное наследие. Дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2005. 153 с.
- Гизбулаев, 2014 – *Гизбулаев М.А.* «Аз-Заджир ‘ан мувалат ал-куффар» как источник по истории развития мусульманского международного права в Дагестане в XVIII в. // *Современные проблемы науки и образования.* 2014. № 5. [Электронный ресурс]. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=14628> (дата обращения: 11.03.2018).
- Дегоев, 2013 – *Дегоев В.В.* Непостижимая Чечня: Шейх-Мансур и его время (XVIII век). М.: Издатель Модест Колеров, 2013. 256 с.
- Дубровин, 1886 – *Дубровин Н.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 2. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1886. 318 с.
- Каталог..., 2011 – Каталог арабских рукописей и старопечатных книг: коллекция Дийа’аддина Йусуф-хаджи ал-Курихи. Отв. ред. А.Р. Шихсаидов. М.: Восточная литература, 2011. 192 с.
- Корольков, 1914 – *Корольков М.Я.* Шейх-Мансур Анапский. Эпизод из первых лет завоевания Кавказа // *Русская старина.* Вып. 45. 1914. С. 410–417.
- Лаудаев, 1872 – *Лаудаев У.* Чеченское племя // *Сборник сведений о кавказских горцах.* Вып. 6. Тифлис: Типография Главного управления наместника Кавказского, 1872. С. 1–62.
- Магомедов, 1957 – *Магомедов Р.М.* Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1957. 408 с.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Россия и Кавказ, 2001 – Россия и Кавказ сквозь два столетия. СПб.: «Звезда», 2001. 415 с.
- Скитский, 1932 – *Скитский Б.В.* Социальный характер движения имама Мансура // *Известия 2-го Северо-Кавказского пединститута им. Т. Гадиева.* Т. IX. Орджоникидзе, 1932. С. 97–126.
- Смирнов, 1950 – *Смирнов Н.А.* Турецкая агентура под флагом ислама (восстание шейха Мансура на Северном Кавказе) // *Вопросы истории религии и атеизма.* Сб. статей. Т. 1. М.: Изд-во Академии наук, 1950. С. 11–63.
- Фарфоровский, 1914 – *Фарфоровский С.* Борьба чеченцев с русскими // *Русский архив.* 1914. № 1–4. С. 455–457.
- Хайбуллаев, 1974 – *Хайбуллаев С.* О дореволюционной аварской литературе. Махачкала: Дагучпедгиз, 1974. 150 с.
- Ходарковский, 1999 – *Ходарковский М.* В королевстве кривых зеркал (Основы российской политики на Северном Кавказе до завоевательных войн XIX в.) // Чечня и Россия: общества и государства. М.: «Полиформ-Галбури», 1999. [Электронный ресурс]. URL: http://old.sakharov-center.ru/chr/chruso2_2.htm (дата обращения: 11.03.2018).
- Юдин, 1914 – *Юдин П.* Лжепророк Ушурма – Ших Мансур (Из истории религиозных движений на Кавказе) // *Русский архив.* № 10. М.: Синодальная типография, 1914. С. 217–229.
- Яндаров, 1975 – *Яндаров А.Д.* Суфизм и идеология национально-освободительного движения. Алма-Ата: Наука, 1975. 178 с.
- Gammer, 1996 – *Gammer M.* A preliminary to decolonizing the historiography of Shaykh Mansur // *Middle Eastern Studies.* 1996. Vol. 32. № 1. Pp. 191 – 202.
- Güne-Yadcy, 2003 – *Güne-Yadcy Z.* A Chechen national hero of the Caucasus in the 18th century: Sheikh Mansur // *Central Asian Survey.* 2003. №22 (1). pp. 103-115.
- Meskhidze, 2002 – *Meskhidze J.* Imam Shaykh Mansur: a few stanzas to a familiar portrait // *Central Asian Survey.* 2002. Vol. 21 (3). pp. 301-324.
- Reichmuth, 1998 – *Reichmuth S.* The Interplay of Local Developments and Transnational Relations in the Islamic World: Perceptions and Perspectives // *Muslim culture in Russia and Central Asia from the 18th to the early 20th centuries.* Vol. 2. Inter-regional and inter-ethnic relations. Berlin: Schwarz, 1998. pp. 5-38.

References

- Abdullaev, 1963 – *Abdullaev M.A.* (1963). Mysliteli narodov Dagestana XIX i nachala XX vv. [Thinkers of the peoples of Dagestan XIX and early XX centuries]. Makhachkala: Daguchpedgiz. 268 p. [in Russian]
- Abdullaev, 1993 – *Abdullaev M.A.* (1993). Iz istorii filosofskoi i obshchestvenno-politicheskoi mysli narodov Dagestana [From the history of philosophical and socio-political thought of the peoples of Dagestan]. Makhachkala: «Yupiter». 356 p. [in Russian]
- ad-Durgeli, 2012 – *ad-Durgeli Nazir* (2012). Uslada umov v biografiiyakh uchenykh Dagestana [A Journey of the minds through the biographies of the islamic scholars of Daghestan]: dagestanskie uchenye X–XX vv. i ikh sochineniya [Dagestan scholars of the 10th – 20th centuries and their writings]. М.: Izd. dom Mardzhani. 223 p. [in Russian]
- Akhmadov, 1991 – *Akhmadov Sh.B.* (1991). Imam Mansur (narodno-osvoboditel'noe dvizhenie v Chechne i na Severnom Kavkaze v kontse XVIII veka) [Imam Mansur (the national liberation movement in Chechnya and the North Caucasus at the end of the 18th century)]. Grozny: Kniga. 287 p. [in Russian]
- Akhmadov, 1992 – *Akhmadov Sh.B.* (1992). Narodno-osvoboditel'noe dvizhenie gortsev Severnogo Kavkaza pod predvoditel'stvom Mansura v 1785 – 1795 gg. [People's Liberation Movement of the

- Highlanders of the North Caucasus, led by Mansur in 1785 – 1795]. Avtoref. na soisk. uchen. step. d.i.n. Rostov-na-Donu. [in Russian]
- Akhmadov, 1999** – *Akhmadov Ya.Z.* (1999). K izucheniyu islamskoi ideologii v Chechne kontsa XVIII v. (Vozzvaniya imama Mansura) [To the study of Islamic ideology in Chechnya at the end of the XVIII century. (Appeals of Imam Mansur)]. Nauchnaya mysl' Kavkaza. №1 (17). [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/21924/> (data obrashheniya: 11.03.2018). [in Russian]
- Akhmadov, 2008** – *Akhmadov Sh.B.* (2008). Imam Mansur i narodno-osvoboditel'noe dvizhenie v Chechne i na Severnom Kavkaze v 1785-1791gg. v noveishei otechestvennoi istoriografii [Imam Mansur and the national liberation movement in Chechnya and the North Caucasus in 1785-1791. in the newest national historiography]. *Vestnik Akademii nauk Chechenskoj Respubliki: Estestvennye nauki*. T. 2. № 2. Nazran` : Pilgrim. pp. 4-36. [in Russian]
- Alkadari, 1913** – *Alkadari G.-E.* (1913). Divan al-Mamnun [Divan al-Mamnun]. Temir-Khan-Shura. [in Arabic]
- Alkadari, 1994** – *Alkadari G.-E.* (1994). Asari-Dagestan (Istoricheskie svedeniya o Dagestane) [Asari-Dagestan (Historical information about Dagestan)]. Makhachkala: Yupiter. 158 p. [in Russian]
- Baddeli, 2011** – *Baddeli Dzh.* (2011). Zavoevanie Kavkaza russkimi. 1720-1860 [The Conquest of the Caucasus by the Russians. 1720-1860]. M.: « Tsentrpoligraf ». 362 p. [in Russian]
- Bennigsen, 1994** – *Bennigsen A.* (1994). Narodnoe dvizhenie na Kavkaze v XVIII v. (Svyashchennaya voina Sheikha Mansura (1785 – 1791 gg.). Maloizvestnyi period i sopernichestvo v rusko-turetskikh otnosheniyakh) [The popular movement in the Caucasus in the 18th century. (The holy war of Sheikh Mansur (1785 – 1791). A little-known period and rivalry in Russian-Turkish relations)]. Makhachkala: KIF «Tarikh». 80 p. [in Russian]
- Blaramberg, 1999** – *Blaramberg I.* (1999). Istoricheskoe, topograficheskoe, statisticheskoe i etnograficheskoe opisanie Kavkaza [Historical, topographical, statistical and ethnographic description of the Caucasus]. Nal` chik: El'-Fa. 403 p. [in Russian]
- Degoev, 2013** – *Degoev V.V.* (2013). Nepostizhimaya Chechnya: Sheikh-Mansur i ego vremena (XVIII vek) [Incomprehensible Chechnya: Sheikh Mansur and his time (XVIII century)]. M. Izdatel` Modest Kolerov. 256 p. [in Russian]
- Dubrovin, 1886** – *Dubrovin N.* (1886). Istoriya voiny i vladychestva russkikh na Kavkaze [History of wars and dominion of Russian in the Caucasus]. T. 2. S-Pb: Tipografiya I.N. Skorokhodova. 318 p. [in Russian]
- Farforovskii, 1914** – *Farforovskii S.* (1914). Bor'ba chechentsev s russkimi [Fighting Chechens against Russians]. *Russkii arkhiv*. №1-4. pp. 455-457. [in Russian]
- Gammer, 1996** – *Gammer M.* (1996). A preliminary to decolonizing the historiography of Shaykh Mansur. *Middle Eastern Studies*. Vol. 32. № 1. pp. 191-202.
- Gizbulaev, 2005** – *Gizbulaev M.A.* (2005). Abubakar-khadzhi iz Aimaki – zhizn', tvorchestvo i nauchnoe nasledie [Abubakar-haji from Aimaki – life, creativity and scientific heritage]. Dis. na soisk. uch. step. kand. ist. nauk. Makhachkala. 153 p. [in Russian]
- Gizbulaev, 2014** – *Gizbulaev M.A.* (2014). «Az-Zadzhir 'an muvalat al-kuffar» kak istochnik po istorii razvitiya musul'manskogo mezhdunarodnogo prava v Dagestane v XVIII v. [«Az-Zadzhir' an muvalat al-Kuffar» as a source on the history of the development of Muslim international law in Dagestan in the XVIII century]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. № 5. [Elektronny`j resurs]. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=14628> (data obrashheniya: 11.03.2018). [in Russian]
- Güne-Yadcy, 2003** – *Güne-Yadcy Z.* (2003). A Chechen national hero of the Caucasus in the 18th century: Sheikh Mansur. *Central Asian Survey*. №22 (1). pp. 103-115.
- Katalog, 2011** – Katalog arabskikh rukopisei i staropechatnykh knig: kolleksiya Diia'addina Iusuf-khadzhzhi al-Kurikhi [Catalog of Arabic manuscripts and early printed books: Diya'addin Yusuf-Hajji al-Kurikhi collection]. Otv. red. A.R. Shikhsaidov. M.: Vostochnaya literatura. 192 p. [in Russian]
- Khajbullaev, 1974** – *Khajbullaev S.* (1974). O dorevolyutsionnoi avarskoi literature [About the pre-revolutionary Avar literature]. Makhachkala: Daguchpedgiz. 150 p. [in Russian]
- Khodarkovskii, 1999** – *Khodarkovskii M.* (1999). V korolevstve krivykh zerkal (Osnovy rossijskoi politiki na Severnom Kavkaze do zavoevatel'nykh vojn XIX v.) [In the kingdom of crooked mirrors (Fundamentals of Russian politics in the North Caucasus before the 19th-century wars of conquest)] // Chechnya i Rossiya: obshchestva i gosudarstva. M.: «Polinform-Talburi». [Elektronnyi resurs]. URL: http://old.sakharov-center.ru/chr/chruso2_2.htm (data obrashheniya: 11.03.2018). [in Russian]
- Korol`kov, 1914** – *Korol`kov M.Ya.* (1914). Sheikh-Mansur Anapskii. Epizod iz pervykh let zavoevaniya Kavkaza [Sheikh-Mansur Anapsky. Episode of the early years of the conquest of the Caucasus]. *Russkaya starina*. Vyp. 45. pp. 410-417. [in Russian]
- Laudaev, 1872** – *Laudaev U.* (1872). Chechenskoe plemya [Chechen tribe]. *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh*. Vyp. 6. Tiflis: Tipografiya Glavnogo upravleniya namestnika Kavkazskogo. pp. 1-62. [in Russian]
- Magomedov, 1957** – *Magomedov R.M.* (1957). Obshchestvenno-ekonomicheskii i politicheskii stroi Dagestana v XVIII – nachale XIX vekov [The socio-economic and political system of Dagestan in the XVIII – early XIX centuries]. Makhachkala: Dagkniгоizdat. 408 p. [in Russian]

Meskhidze, 2002 – *Meskhidze J.* (2002). Imam Shaykh Mansur: a few stanzas to a familiar portrait. *Central Asian Survey*. Vol. 21 (3). pp. 301-324.

Reichmuth, 1998 – *Reichmuth S.* (1998). The Interplay of Local Developments and Transnational Relations in the Islamic World: Perceptions and Perspectives. *Muslim culture in Russia and Central Asia from the 18th to the early 20th centuries*. Vol. 2. Inter-regional and inter-ethnic relations. Berlin: Schwarz. pp. 5-38.

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive]. [in Russian]

Rossiia i Kavkaz, 2001 – *Rossiia i Kavkaz skvoz' dva stoletiya* [Russia and the Caucasus through two centuries]. SPb.: «Zvezda». 415 p.

Skitskii, 1932 – *Skitskii B.V.* (1932). Sotsial'nyi kharakter dvizheniya imama Mansura [The social nature of the imam Mansur movement]. *Izvestiya 2-go Severo-Kavkazskogo pedinstituta im. T. Gadieva*. T. IX. Ordzhonikidze. pp. 97-126. [in Russian]

Smirnov, 1950 – *Smirnov N.A.* (1950). Turetskaya agentura pod flagom islama (vosstanie sheikha Mansura na Severnom Kavkaze) [Turkish agents under the flag of Islam (Sheikh Mansur uprising in the North Caucasus)]. *Voprosy istorii religii i ateizma*. Sb. statei. T 1. M: Izd-vo Akademii nauk. pp. 11-63. [in Russian]

Yandarov, 1975 – *Yandarov A.D.* (1975). Sufizm i ideologiya Natsional'no-osvoboditel'nogo dvizheniya [Sufism and ideology of the National Liberation Movement]. Alma-Ata: Nauka. 178 p. [in Russian]

Yudin, 1914 – *Yudin P.* (1914). Lzheprorok Ushurma – Shikh Mansur (Iz istorii religioznykh dvizhenii na Kavkaze) [The False Prophet Ushurma – Shih Mansur (From the history of religious movements in the Caucasus)]. *Russkii arkhiv*. №10. M.: Sinodal'naya tipografiya. pp. 217-229. [in Russian]

К вопросу о поддержке мусульманскими учеными Кавказа движения за газават под руководством шейха Мансура

Дмитрий Владиславович Овсянников ^{a, *}

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье делается попытка рассмотреть спектр взглядов мусульманских ученых (улама) Кавказа, дифференциация которых произошла на фоне военно-политических событий, связанных с движением шейха/имамом Мансура. Сопrotивление Российской империи со стороны чеченских обществ, а также горцев Центрального и Западного Кавказа, проходившее с 1785 по 1791 гг. послужило фактором, оказавшим заметный резонанс в среде корпорации исламских богословов. Ключевым вопросом стало отношение к борьбе против России под знаменами газавата. Выводы базируются на основе рассмотрения социальной природы «духовенства» в мусульманском обществе. В частности, региональные различия Дагестана, с одной стороны, и чеченских обществ – с другой, в основе которых лежат различные исторически сложившиеся формы общественного уклада, стали важной причиной, по которой ряд дагестанских ученых выступил против претензий Мансура на лидерство. В связи с этим рассматриваются причины, по которым Мансур, после того как военная удача отвернулась от него, искал поддержки не в соседнем Дагестане (где позиции ислама были очень прочными, а влияние России относительно невелико), а у осетинских и адыгских владетелей турецкой ориентации.

Все это разбирается на основе наработок отечественной и зарубежной историографии, а также широкого круга источников, в том числе на арабском языке, и неопубликованных архивных данных.

Ключевые слова: ислам, Кавказ, Чечня, Дагестан, Абу Бакр Аймакинский, Мансур, шариат, газават, улама.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: d.ovsiannikov@spbu.ru (Д.В. Овсянников)

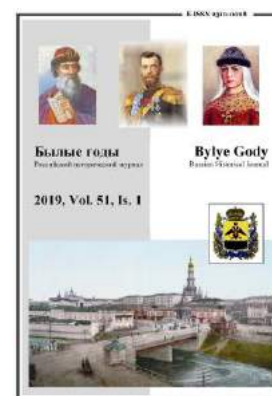
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 51. Is. 1. pp. 121-130. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.1.121
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Russian Cartographic Materials of the XVIII–XIX centuries on the History of Kazakhstan: Classification, Overview

Galina N. Ksenzhek ^{a, *}

^a Kazakh National agrarian university, Republic Kazakhstan

Abstract

The priority task of the Russian Empire, in order to successfully advance into the depths of the Kazakh steppes, was a cartographic study. The greatest contribution to the topographic study of the territory of Kazakhstan was made by officers of the Military Topographic Depot and members of the Russian Geographical Society. In the process of studying the history of Kazakhstan in modern times, the task of identifying, describing and further using cartographic sources inevitably arises. In order to successfully study the spatial aspects of the historical process, orienting in a huge number of maps of all kinds and types, as well as systematization and storage, the article analyzes classification problems and provides a brief overview of Russian cartographic materials on the history of Kazakhstan in the XVIIIth and XIXth centuries, from the collection of documents collected during the study. The classification should satisfy the logical requirement of the study. The basis for the classification of identified old maps was laid down the main features: territorial, chronological, thematic, scale, purpose and content. In this case, first of all, the dominant feature of the map was taken into account and the classification was carried out according to it, additional features were secondary and filled the classification.

Keywords: interdisciplinary study, Kazakh steppe, Russian Empire, old maps, classification, description.

1. Введение

Картографическое исследование казахских степей в основном связано с заинтересованностью Российской империи в присоединении сопредельной территории Казахстана и, как следствие, повышенным спросом на точную и оперативную информацию об особенностях местности. Влияние на эволюцию картографических материалов оказывало совершенствование технической оснащённости армии Российской империи. Начало отсчета основного русского картографического наследия XVIII в. по истории Казахстана исследователи истории картографии связывают с военным ведомством Российской империи и отсчитывают с 1797 г. – с момента создания императорского Депо карт, на основе которого в 1812 г. возникло Военно-топографическое депо, основное картографическое ведомство России первой половины XIX в. (Кусов, 2003: 63). Этим было положено начало организации военно-топографической службы в России, внесшей значительный вклад в исследование земель Казахстана. Дальнейшее развитие картографическое обследование территории Казахстана в XIX в. получило в рамках военно-топографических съемок, что хорошо прослеживается по различным архивным документам, положениям, указам, инструкциям и картам, издававшимся в данный период военным ведомством. К его работам «привязываются» и на них опираются все съемочные работы других ведомств. Военными картами пользовались все изыскательные и научные экспедиции (Багров, 1914: 1-4). Изучение картографических материалов XVIII–XIX вв. по истории Казахстана представляет особый интерес ввиду того, что они являются источниками комплексного изучения истории и позволяют провести визуальную демонстрацию общего контекста событий

* Corresponding author

E-mail addresses: migkz@ya.ru (G.N. Ksenzhek)

подлинной историко-культурной среды на территории Казахстана во времени и в пространстве. Следует заметить, что подавляющее большинство исследователей до настоящего времени привлекает в качестве историко-картографических источников довольно ограниченный круг картографических материалов, а специальные исследования по данной проблематике отсутствуют. При этом сами карты по существу вообще не анализируются в исторической и историко-географической литературе (Ерофеева, 2011: 330-358).

Но как тогда возможно проводить выявление, исследование и дальнейшее хранение картографического материала исследуемого периода и развивать цифровое картографирование? Такая постановка проблемы обращает внимание на то, что в исторической литературе не исследовались принципы классификации карт и не выполнялись анализ и обзор картографических материалов по истории Казахстана нового времени. Предлагаемая схема классификации картографического материала основана на непосредственном анализе архивных комплексов русских карт XVIII–XIX вв. по истории Казахстана и знании систем квалификации прошлого периода.

2. Материалы и методы

Методологическую основу исследования составил принцип междисциплинарности, который предполагает взаимодействие различных методов. При воссоздании целостной картины исследования мы опирались на целостный массив источниковедческой базы:

- Русские картографические материалы по ареалу расселения казахских родов, составившие основу изучения и хранящиеся в архивах и библиотеках России и Казахстана. В исследовании использованы картографические материалы, в том числе Российского государственного архива древних актов (Москва, Российская Федерация), Российского государственного военно-исторического архива (Москва, Российская Федерация).

- Законодательные документы Российской империи, утверждающие порядок межевания территорий и отражающие законодательные принципы административно-территориальных реформ на территории Казахстана, а именно: О ландкартах и чертежах государевых (ПСЗРИ – 1. Т. VI, 1720: 141); О порядке межевания земель и производстве межевых дел (ПСЗРИ – 1. Т. XXIX, 1806: 266) и т.д.

- Исследования дореволюционных, советских, российских, зарубежных и отечественных авторов, занимающихся изучением истории картографии.

В качестве основных используется картографический метод, позволяющий проследить эволюцию идей и методов картографии, направленный на получение информации о качественных и количественных характеристиках карт, изучение динамики исторических событий, их взаимосвязей и возможность выполнить классификацию картографического материала. Одним из эффективных методов изучения содержания старых карт, выявления их достоверности как исторических источников является метод сравнения картографических произведений, позволяющий выполнить сопоставление разновременных карт, проанализировать их содержание и выявить, к какой классификационной группе они относятся. Метод описания позволяет провести системный, логический и упорядоченный поиск интересующих исторических фактов. Для анализа старого картографического материала очень важен метод историзма, так как позволяет проследить динамику процесса межевания и картографирования территории Казахстана в результате административно-территориальных преобразований имперской властью. Общегеографический метод способствует объективному анализу и оценке физико-географических данных картографических материалов нового времени, позволяет локализовать определенные исторические события, проследить географию развития исторических явлений и определиться с классификацией карт по тематике и назначению. Все перечисленные методы применялись в комплексе.

3. Обсуждение

Одним из приоритетных направлений в мировой истории является историческая картография, позволяющая классифицировать и переосмыслить с новых методологических позиций картографические источники. Изучение проблем классификации и источниковедения русского картографического материала по истории Казахстана XVIII–XIX вв. актуально, так как способствует успешному проведению научного исследования, а также систематизации и хранению старых карт. В современной историографии вопрос классификации и описания картографического материала по истории Казахстана XVIII–XIX вв. практически не изучен. Тем не менее осмысление отдельных аспектов исследования проводилось в рамках изучения истории картографии в ряде дореволюционных, советских, российских, зарубежных и казахстанских ученых.

Дореволюционной историографии присуща тенденция изучения деятельности офицеров Генерального штаба Российской империи и формирования границ в контексте политики царского правительства. Тем не менее ряд исследований весьма ценен и в наши дни, к нему можно отнести труды Н.В. Соколова (Соколов, 1872), Э.А. Коверского (Коверский, 1893), В.В. Витковского (Витковский, 1904), Л.С. Багрова (Багров, 1914) и т.д.

В советской исторической науке преобладали работы по изучению источниковедения и методологии старого картографического материала, видовых особенностей картографических документов. В связи с этим наибольший интерес представляют работы таких авторов, как

Л.А. Гольденберг (Гольденберг, 1965), О.М. Медушевская (Медушевская, 1977), К.А. Салищев (Салищев, 1990), С.И. Сотникова (Сотникова, 1989) и т.д.

В современной российской историографии уделяют внимание картографическому изучению России и общим проблемам теории картографического метода исследования, в частности А.С. Постников (Постников, 2007), А.М. Берлянт (Берлянт, 2002), В.С. Кусов (Кусов, 2003), О.Н. Катионов (Катионов, 2007) и т.д.

Британский картограф Д.Б. Харли (Harley, 1975) рассматривает методику исследования старых карт. Среди внешних источников, которые могли бы пролить свет на старые карты, автор называет самые разнообразные материалы – каталоги, проспекты изданий и другие документальные, графические и устные источники.

Широко использует в исторических исследованиях методы исторической географии и картографии американский профессор, доктор Марк Бассин (Bassin, 1999). Его публикации содействуют развитию исследований, посвященных методологическим вопросам исторической картографии.

Немецкий исследователь Д. Дальман (Dalman, 2009) является знатоком истории присоединения Сибири и Дальнего Востока к Российской империи. Автор занимается историей русской картографии и ранних описаний Сибири. Он отмечает в историческом исследовании, что территориальные разграничения в Азии складывались в результате борьбы за власть и гегемонию между Британской и Российской империями.

Современный казахстанский историк Ерофеева И.В. (Ерофеева, 2011: 330-358) – одна из первых отечественных исследователей, которая обратила внимание на важность использования географических карт как исторических источников.

В этих исследованиях дана только фрагментарная информация по классификации и обзору картографического материала по истории Казахстана XVIII–XIX вв. Тем не менее исследования ученых дореволюционного и современного периода дают возможность всесторонне и объективно решать поставленные задачи работы. Для глубокого понимания политико-социальной и культурной жизни казахского общества XVIII–XIX вв. назрела необходимость обращения к источниковедению и классификации картографического материала, которая вызвана обогащением знаний мировой науки по исторической картографии. Данное направление, благодаря своей междисциплинарности, вносит в свой арсенал научные достижения и методологические знания из отдаленных от истории дисциплин. Фронтальная проработка картографических материалов с использованием междисциплинарных подходов приведет к расширению проблематики исследования и позволит объединить имеющиеся разрозненные сведения по истории Казахстана нового времени.

4. Результаты

В основу классификации выявленных русских картографических материалов XVIII–XIX вв. по истории Казахстана были положены следующие признаки: территориальный, хронологический, тематический (социально-экономические, исторические, геологические, населения, границ, дорожные, прочие), масштабный (мелкомасштабные, среднемасштабные и крупномасштабные), назначения (научно-справочные, культурно-образовательные, учебные) и содержания (общегеографические; тематические карты, специальные). При этом в первую очередь учитывался доминирующий признак у карты и выполнялась по нему классификация, дополнительные признаки являлись второстепенными и восполняли классификацию. В зависимости от практической надобности целесообразнее выполнять классификацию по одному признаку или в некоторых случаях одновременно по нескольким признакам, их сочетаниям и комплексам, к примеру: территориальный, хронологический, масштабный и тематический. К дополнительным, но эффективным признакам классификации карт можно отнести такие, как дата составления карты, дата отображения событий на карте, автор, заглавие, место издания, рукописная, язык, эпоха и способ раскрытия содержания (атласы, глобусы). Большинство выявленных нами картографических материалов по степени выраженности математической основы и в терминологии исследуемого периода озаглавлены как «ландкарта», «карта» и «план». Они представлены двумя основными видами карт: общегеографическими и тематическими. Довольно значительное количество карт вполне можно классифицировать как политико-административные, что отражает их основное содержание и назначение.

Среди большого количества выявленных и оцифрованных нами картографических материалов особый научный интерес представляет серия рукописных карт XVIII–XIX вв., на которых впервые в истории картографии Евразии изображены различные регионы Казахстана. В качестве примера классификации, обзора, описания и оценки источниковедческого значения остановимся на ландкартах, составленных по решению Оренбургской губернаторской канцелярии от 9 декабря 1752 г. В общий перечень входит «Генеральная карта Оренбургской губернии и смежных с ней мест», а также десять дополняющих ее ландкарт, шесть из которых имеют непосредственное отношение к территории расселения казахских родов. Наибольший интерес для исследователей представляет «Ландкарта генеральная всей Оренбургской со внесением как части Казанской и Сибирской губерний и прочих Азиатских владений, так и ведомств, Оренбургскому принадлежащих мест» (РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 7). Карта рукописная, цветная, оформлена рисунками, имеется градусная сетка. Без

масштаба. На рукописной цветной ландкарте обозначены границы, изображена гидросеть региона, горы и озера, часть Каспийского моря и населенные пункты. На карте крупными буквами обозначена территория «Степь кочующих киргис кайсаков», тем самым однозначно идентифицировав этот регион как традиционный ареал расселения казахских родов и занимающий территорию от реки Яик до реки Иртыш. На ландкарте вполне достоверно показаны русла самых протяженных и крупных рек Казахстана: Яик (Урал), Иртыш, Сыр-Дарья, Тобола, Уй, Ишим с притоками. Изображено северо-западное побережье Каспийского моря и озеро Норд-Зайсан (Зайсан). Аральское озеро показано более полноводным, чем на современных картах, и с принимающими притоками, к югу от него отмечена территория Аральских владений. Стационарные населенные пункты на карте представлены российскими крепостями и форпостами. По берегу Яика отмечены все построенные к тому времени укрепления: Гурьев (современный Атырау), Илецкая, Орская, Таналыцкая; на реке Уй: Усть-уйская, Нуртамышская; на реке Иртыш: Чернолуцкая, Железинская, Ямышевская, Семипалатинская. Обозначены города Ташкент, Туркестан и старинный городок Сарайчик. На карте зафиксирован важный караванный путь – Ногайская дорога, связывавшая в XVIII в. казахскую степь с Волго-Яицким междуречьем. Показаны пограничные линии, ограничивающую Оренбургскую губернию и «Степь кочующих киргиз кайсаков», исследование которых имеет научное значение по изучению истории формирования границ Казахстана. Согласно разработанной классификации, данная карта является рукописной, общегеографической и мелкомасштабной.

Примером рукописной общегеографической и крупномасштабной карты середины XVIII в. по истории Казахстана является ландкарта «Карта тракта инженер-топографа поручика Ивана Гельмана в Киргизскую орду от Оренбурга до реки Темир и обратно». 1750 г. (РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 7), входившая в состав общего перечня к генеральной ландкарте. Карта рукописная, цветная, ориентирована на юг. Масштаб – 5 верст в дюйме. Имеется градусная сетка. На рукописной цветной ландкарте изображена подробная гидросеть Западного Казахстана с названиями рек и притоков, обозначены горы, населенные пункты, названия урочищ и зимовок казахов. Пунктиром показан путь поручика Ивана Гельмана в «Киргизскую орду» от Оренбурга до реки Темир и обратно. На карте обозначены населенные пункты – г. Оренбург и Илецкая соль. Отмечены урочища: на реке малая Хобда (Корсанбаша); на реке Терсакань (Терсакань баша); на реке Большая Хобда (Баштау). Ландкарта содержит ценную информацию о местоположении двух ставок в устье реки Карасу с названием «Астана» и «Астана батак Янта», которые отсутствуют на других картах XVIII в., и этим самым дают интересную информацию для дальнейших исследований историков Казахстана. Из всего этого можно сделать вывод, что ландкарты из данного комплекса представляет собой оригинальные исторические документы, аналогов которых нет, имеющие важное практическое значение для изучения истории Казахстана нового времени.

Несомненную ценность представляет собой общегеографическая рукописная карта XVIII в. – «Ландкарта пограничной Оренбургской и Сибирской губернии», рукописная, цветная (год оторван, XVIII в.) (РГАДА. Ф. 192. Оп.1. Д. 6). Ландкарта выполнена в Оренбургском географическом департаменте, мелкомасштабная, но при этом несущая большую информационную нагрузку. Без масштаба. На ней локализованы места кочевания казахов Младшего, Среднего и Старшего жузов. Имеется градусная сетка. Изображены гидросеть, озера, часть Каспийского моря, горы, колодцы, дороги, урочища, населенные пункты, места зимовок казахских родов и обозначены границы. Из стационарных населенных пунктов на карте представлены российские крепости и форпосты по всему западному, северному и восточному периметру казахской степи. По берегу Яика нанесены все построенные к тому времени укрепления от г. Гурьева (Сарайчиковая, Баксакайская, Калмыковская, Сахарная и т.д.). На Уйской укрепительной линии отмечены месторасположения укреплений (Троицкая, Каракульская, Крутоярская, Звериноголовская); на Ишимской линии (Пресногорьковская, Кабанья, Пресновская, Становая, крепость Святого Петра (современный г. Петропавловск), Полуденная, Лебедева, Омская). На реке Иртыш отмечены укрепления: Чернолуцкая, Железинская, Ямышевская, Семипалатинская. Пограничные линии показаны здесь очень точно и подробно, что имеет большое практическое значение для изучения истории освоения казахских степей Российской империей. Обозначены города Астрахань, Оренбург, старинный городок Сарайчик и т.д. В районе верхнего течения Сыр-Дарьи указаны города Карнак, Угустай (не упоминающийся на географических картах Центральной Азии), Атрап (Отрар), Ташкент, Сарань (Сайрам), Хождань (Ходжент). Большой интерес для археологов и этнографов представляют сведения ландкарты о могиле хана Младшего жуза Абулхаира в районах бассейнов рек Орь, Тамды и Тургай; развалины старинного города Джанкента (называемого Барсуки) около Аральского моря; развалины древнего города Татагая в устье реки Нуры. Данная информация существенно облегчает задачу обнаружения объектов современным исследователям на местности. Пунктиром изображен участок караванной дороги через казахскую степь, проходившую южнее урочища Берга на города Карнак, Угустай, далее на северо-запад и крепость Орскую. Визуальные данные с ландкарты отражают геополитическую и этническую историю Казахстана середины XVIII в.

Наглядным примером тематической исторической карты из собранной коллекции служит рукописная «Карта генеральная России. Историческая карта Российской империи. 1793, 2 сентября» (РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 11), которая была одной из первых, имеющих в заглавии термин

«историческая карта». Она отображает исторические явления и события во взаимосвязи с географическими факторами. Карта показывает «приобретения» Российской империи после войны с Турцией. Термин «генеральная карта» в ее заглавии соответствует географической мелкомасштабной карте страны и современной обзорной, общегеографической карте. Генеральные карты выполнялись с помощью процесса генерализации, так как на мелкомасштабной карте невозможно показать все объекты со всеми подробностями и деталями. Поэтому применялся процесс отбора и обобщения изображаемых на карте объектов, что называется генерализацией, которая позволяет подчеркнуть главные географические особенности. Обозначение «генеральная карта» впервые было официально введено Генеральным Регламентом в 1720 г., в специальной его главе «О ландкартах и чертежах государевых» (ПСЗРИ – 1. Т. VI, 1720: 141). Данный термин использовался в России до начала XX в. Постепенно исчез по мере развития масштабных классификаций общегеографических карт, сопровождавшихся сменой терминологии. Карта цветная. Имеется градусная сетка. На полях карты написан большой объем исторических данных. Крупными буквами на карте отмечено месторасположение Младшего и Среднего жуза казахов («Степь кочующих киргиз кайсаков меньшей орды» и «Степь кочующих киргиз кайсаков средней орды»). Показана гидросеть и горы. Названия географических объектов отсутствуют. Данные карты важны для исследователей, изучающих влияние геополитических событий нового времени на формирование границ. Научная информация, относящаяся к территории Казахстана по данному вопросу, отражена в комментариях под пунктом VII, расположенных по краям карты. «По завладении Россиянами Сибири с одной только Китайской Империей утверждена граница, начинающаяся от Восточного Океана и кончающаяся в Саянских горах. От сего места к западу до Каспийского моря по обстоятельствам соседствующих народов границы многократно переменялись между тем в разные времена для безопасности от набегов от Омской крепости вниз по Иртышу, а на запад по Тоболу, и по реке Уй к Уралу, а по Уралу до Гурьева городка построенные крепости составляли тогда Российскую границу. Но тогда малая и средняя Киргизская Орда пришли под покровительство Скипетра Российского, и последняя по разорении Китайцами Зюнгарских селений распространилась на реку Иртыш и хребет Улун-тань. То есть их кочевья и улусы причисляются ныне к Российской Империи, и от Саянских гор по горам до хребта Улун-тана, и до Каспийского моря граница утвердилась, которая означена оранжевой краской», – отмечается в легенде карты. Представленная карта в обзоре позволяет исследователям установить исторические взаимосвязи политических и природных объектов с миграционными процессами на территории Евразийского континента в новое время.

Большое практическое значение для развития научных знаний об историческом прошлом казахского народа нового времени представляет общегеографическая мелкомасштабная карта первой половины XIX в. «Средней киргиз-кайсацкой орды и сопредельных с оной ордой и владений». 1833 г., рукописная. Составлена при экспедиции для Военно-топографической рекогносцировки Омской области, назначенной в 1832 г. под руководством Генерального Штаба подполковника Бутовского. Омск 1833 г. М.: 150 верст в дюйме. Карту составил топограф Бабинов. Чертил топограф Цикарев, Майоров и Лебедев (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 3. Д. 20305). Карта цветная, имеется градусная сетка. Данная карта примечательна своей легендой и сопровождающей ее пояснительной информацией (описью и условными знаками). Карта ориентирована на север. Изображение рельефа местности представлено перспективно, штрихами и отмывкой. В описи представлена история картографической съемки, список маршрутов топографов и кто выполнял путевые записи при исследовании казахской степи. Отмечено, что при составлении карты использовались следующие инструментальные съемки и данные с других карт, а именно: «1) Сибирская линия, снятая инструментально с 1819 по 1826 года топографами под руководством Генерального Штаба полковника Дьяконова. 2) Использовалась часть материалов военно-топографической рекогносцировки Омской области, снятой инструментально в 1832 году другими топографами. 3) Карта земель, принадлежащих Киргиз-казакам, при описании Киргизских Кайсацких орд и степей. Сочинения Левшина 1832 года. 4) Карта Бухарии, составленная в 1820 году полковником Мейендорфом. 5) Карта, составленная подполковником Набоковым из описания Г. Шангина 1816 г. 6) Карта части Средней Азии, сочиненная при Депо карт в 1816 г. 7) Атлас мира пяти частей света, 1827 г.». При составлении карты использовались следующие описания: «1) Описания чиновника 12 класса Лещева в 1821 г. от крепости Семипалатинской по направлению к городу Кошкару до хребта снежных гор Ала-тау. 2) Топографа Козлова, описания снятого маршрута в 1824 г. от крепости Петропавловской до г. Кокчетая. 3) Сотника Шахматова, описания маршрута, снятого в 1825 г. от крепости Семипалатинской до семи рек и замечания Зиберштейна о семь же. 4) Топографа Козлова и Кокоулина, описание маршрута, снятого в 1829 г. от форпоста Семиарский до реки Чу. 5) Есаула Потанина, описание маршрута, снятого в 1829 г. от крепости Петропавловской в Коканд. 6) Сотника Шахматова и топографа Козлова описание маршрута, снятого в 1830 г. от крепости Петропавловской до озера Кургалджина. 7) Хорунжева Рыбина описание маршрута снятого в 1830 г. от редута Сибирского до урочища Амань-Карагая. 8) Сотника Петрова описание маршрута снятого в 1830 г. от крепости Николаевской до урочища Чаптыргань. 9). Есаула Герасимова описание маршрута, снятого в 1830 г. от крепости Усть-Каменогорской до кочевья волости Кырджинской и до места водворения нынешнего Каркаралинского округа. 10). Хорунжева Дедова описание маршрута, снятого в 1830 г. от форда Коржковского до округа Баянаульского. 11). Сотника

Шахматова описание маршрута, снятого в 1831 г. от Каркаралинского округа до озера Кургалджинского и обратно через Акмолинский округ по реке Ишим».

При подготовке рукописной карты были использованы путевые журналы и прочие сведения: «1) Сведения атамана Телятникова, написанные в 1803 г. при исследовании маршрута от форпоста Семиярского до Ташкента. 2) Коллежского регистратора Путинцева от крепости Бухтарминской до китайских городов: Чугучака и Кульджи. 3) Губернского секретаря Бубенцева, написанные в 1813 г. при исследовании маршрута от крепости Семипалатинска до окрестности г. Аксу. 4) Журнал тарского купца Ниязы Айтыкина, веденного им в 1827 г. от г. Омска до Коканда и с примечаниями о местности. 5) Сведения о многих местах данной части Азии, полученных от старшины Джазы-Джанова, удостоившегося получить денежную награду и медаль за показание путей Российской экспедиции и караванам». Данная информация позволяет выполнить источниковый анализ картографического материала и представляет научный интерес для исследований истории освоения территории Казахстана. На карте изображены залежи изумруда (оз. Карасор), минеральные ключи, грязи, показана подробная гидросеть, горы, озера (солёные, пресные), часть Каспийского моря, колодцы, урочища с названиями, пески, русла высохших рек. Эти данные представляют интерес для исследователей казахских географических названий и экологов. На карте обозначены границы, крепости, форпосты, населённые пункты, приказы, место для водворения округа Амань-Карагайского, города, караванные дороги. Определено месторасположение казахских жузов: «Малая киргизь-кайсацкая орда», «Средняя киргизь-кайсацкая орда», «Большая киргизь-кайсацкая орда». Карта содержит большую историко-этнографическую информацию, которая достаточно достоверно и подробно отражает пространственную локализацию расселения казахских родов: Киреевцы, Уваковцы, Увак-Киреевцы, Атыгай, Канжигалы, Карабалык, Сюгурь, Тюбень Чикты, Танабуга – Кульдюнунь, Кипчак, Карсаловцы, Джильдерь – Карасакал, Каратамырь – Сарыгаска, Тока Чумекевцы, Джапашь-Кирейит, Алтын-Алчинцы, Кидель-Туру-Айгырь, Аргинцы, Крык-Малтык, Чак-Чак-Джугары Чикты, Тюбень Джугары Чикты Аргинцы, Баганалинцы, Ногаевцы, Туртугуль, Караульцы, Багышевцы, Ногай и Кылды, Чанчаровцы, Басентейцы, Тараклинцы, Карпыковцы, Калкамановцы, Очинцы, Куянчи-Тагаевцы, Кырджинцы, Семизь-Найманцы, Джелаиры, Кунгыр-Бурыковцы, Дулатцы, Каптагамайцы, Садырматайцы, Чапрастинцы, Каптагамайцы. Карта «Средней киргизь-кайсацкой орды и сопредельных с оной ордой и владений» примечательна тем, что позволяет визуально проверить и сопоставить письменные и устные источники о кочевании казахских родов и их месторасположении. На карте обозначено урочище Джаилма пик Калкаман, где в 1817 г. был возведен в ханское достоинство султан Букей – Чаракъ – Хаповъ. Отмечено зимнее Ханское кочевье в «Малой киргизь-кайсацкой орде», а в «Большой киргизь-кайсацкой орде» – кочевья султанов Суванских и Сюка Аблайханова. На карте определено месторасположение могил: Джанибек (о. Сары-куль), Ак-мурзы (пески Акчатъ), Джеббирак (Арал-бай), Бай мурзы, Аще Булак, Супанына Бекета, Тюлень, Кусак, Киака (Утвинская долина), Кадырь-Ходжы (о. Сары-куль), Баянас (Тусь-тюбе), Мулдаторунь (залив Сарамасать Аральского моря). Эти данные имеют ценность для исследователей родословий (жешире), духовного наследия казахского народа и этнографов. Имеется полезная и научная информация для археологов о месторасположении древних строений: Харлыстамъ, Сулутам, Бытыгай (оз. Чалкар), Утесъ (залив Кара-су Каспийского моря), древнее каменное жилище (р. Кунгур), древнее укрепление около р. Каратал.

Среди выявленных нами источников особый интерес представляет тематическая карта по истории исследования территории Казахстана «Карта Северо-Западной части Средней Азии, с показанием мест, которые положено определено астрономически, и пространств, исследованных европейцами». Составлена действительным членом императорского русского императорского географического общества Яковым Ханьковым в 1854 г. (РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 38). Карта рукописная, выполнена в литографии Шпарварта. Без масштаба. Имеется градусная сетка. Определение объектов проводилось астрономическим способом и методом рекогносцировки береговой съемки. Обозначены географические объекты: Каспийское море, Аральское море, изображена гидросеть Казахстана (Сыр-Дарья, Чу, Талас, Или, Лепса, Аягуз, Нура, Иртыш, Ишим, Убаган, Уй, Тугузак, Урал, Тургай, Большой Джиланчик, Сагиз, Эмба, Узень и т.д.); озера (Балхаш, Норд-Зайсан, Денгиз, Куш-мурун, Кирель-куль, Челкар, Сармань куль, Кара-коль и т.д.); горы и возвышенности (Устюрт и т.д.), колодцы (Серке-кудук, Токобай, Акай, Моргунь-кудук, Шошаде, Терекли и т.д.). На карте отмечены русла высохших рек, данная информация имеет научно-практическое значение для экологов. На карте приведены некоторые важные исторические топонимы, которые не встречаются в более ранних картографических материалах. Из стационарных населённых пунктов на карте представлены российские крепости и форпосты по Уральской, Ишимской и Иртышской линии. Отмечены месторасположения приказов и укреплений внутри казахской степи: Кокчетавский, Акмолинский, Баянаульский, Каркаралинский, Аягузский; укрепления Актауское, Кумань-Кургань и Копальское – тем самым визуально показывающие продвижение царских войск в середине XIX в. до реки Сыр-Дарья. На карте показаны города: Гурьев, Оренбург, Уральск, Петропавловск, Семипалатинск, Ташкент. В районе течения реки Сыр-Дарья отмечены города Коканд (Хаохань), Ходжентд, Намгань (Намкань), Таликань (Изиталхань), Маргильянь (Мархалань), Андижсянь (Ангийень). На карте указана ставка хана Джангира, селение

Улу-Тау, могила Акмембета и Эмбетей. Карта представляет научный интерес для исследователей истории изучения территории Казахстана. Показаны маршруты дипломатических миссий, путешественников и исследователей в XVIII – первой половине XIX вв., проходящих по территории Казахстана и Центральной Азии: Флорио Беневени – 1725 г. (руководитель Российского посольства в Бухаре); Муравин – 1741 г. (Итогом исследования геодезиста являлась карта, содержащая первые достоверные сведения об очертаниях восточного берега Арала, которая давала также верное представление о дельте Сыр-Дарьи.); Миллер – 1743 г. (исследователь Сибири и Казахстана, собрал богатейшую коллекцию этнографических и архивных материалов.); Форстер – 1784 г. (немецкий путешественник, естествоиспытатель и этнограф Туркестанского региона); Поспелов – 1800 г. (исследовал караванный путь от Иртышской линии из Семиярского форпоста до г. Ташкента); Назаров – 1813– 1814 гг. (переводчик Сибирского корпуса, исследовал Северо-Восточный и Южный Казахстан. Посетил г. Петропавловск и добрался до г. Коканда по караванной дороге); Генс и Тафаев – 1815 г. (подготовили карту обследуемого пространства от г. Троицка до селения Улу-Тау и составили обзорное), Муравьев – 1819 г. (принял участие в экспедиции в Хиву, составил географическое описание берегов Каспийского моря.); Негри и Мейендорф – 1820 г. (Негри А.Ф. – статский советник, возглавил дипломатическую миссию в Бухару с целью установления торговых отношений и освобождения пленных русских, захваченных хивинцами и проданных в Бухару. Путешествие имело и научный интерес ввиду того, что в экспедицию входил полковник барон Мейендорф, который выполнял картографические, географические и этнографические наблюдения. Данные исследования в дальнейшем вышли в свет под названием «Вояж из Оренбурга в Бухару». Мейендорф подготовил «Карту Бухары».); Федоров – 1833–1837 гг. (профессор астрономии, командирован на 3 года в Юго-Западную Сибирь для определения точек между 50 и 60 градусами широты.); Хони-бергер и Демезон – 1834 г. (приняли участие в дипломатической миссии в Бухару. В то же время П.И. Демезон выполнял научные исследования, которые легли в основу издания «Записки о Бухарском ханстве»); Виткевич – 1836 г. (участвовал в путешествии с торговым караваном из Орской крепости в Бухару для сбора информации политического характера о положении дел в Центральной Азии, занимался также научной деятельностью. Выполнял заметки по географии казахских степей и нравах местного населения.); Лемм – 1839 г. (военный геодезист, исследователь Каспийского моря.); Ковалевский – 1839 г. (востоковед, внес вклад в исследование истории и культуры казахского народа Западного Казахстана); Жемчужников – 1840 г. (обследовал земли Западного Казахстана на наличие золотых и серебряных руд. Путь его проходил от г. Оренбурга до Аральского моря.); Рехенберг – 1840 г. (исследователь Западного Казахстана от реки Эмбы до Устюрта); Аббот и Шекспир – 1840 г. (английские офицеры, капитаны Ост-Индской службы. Цель их путешествия – установление дипломатических отношений между Англией и Хивой.); Никифоров – 1841 г. (в целях упрочения положения Российской империи в среднеазиатских ханствах капитан возглавил дипломатическую миссию России в Хиве); Конолли – 1841 г. (британский путешественник, деятельность его была направлена на противостояние проникновения России в Центральную Азию. Обвинен в 1842 г. в шпионаже и обезглавлен по приказу бухарского эмира Насруллы. Его дневники и письма хранятся в Британской библиотеке и библиотеке Даремского университета.); Бларамберг и Романов – 1841 г., Бларамберг и Бутенев – 1841 г., (Бларамберг И.Ф. являлся командиром миссии русского дипломата Бутенева в Бухаре); Ханьков – 1841 г. (талантливым географ и картограф, составил карты Аральского моря и Хивинского ханства с их окрестностями, озера Иссык-Куль с окрестностями и т.д.); Бутенев, Ханьков – 1841–1842 гг.; Данилевский и Базинер – 1843 г.; (полковник Данилевский возглавлял миссию азиатского департамента в Хиве. Ботаник Базинер во время путешествия изучал и собирал растительность казахской степи и установил много новых и важных данных по географии растений Центральной Азии. В дальнейшем обнародовал их в сочинении: «Wissenschaftliche Reise durch die Kirgisensteppe nach Chiwa», изд. при Академии наук. Т. XV, СПб. 1848); Бларамберг – 1846 г.; Лемм – 1847 и т.д. На карте указаны маршруты более 30 зарубежных и русских исследователей Центральной Азии XVIII – первой половины XIX вв., сделавших значительный вклад в исследование географии, гидрографии, растительности и этнографии Казахстана. Причем о некоторых из путешественников в историографии имеются крайне отрывочные сведения, а при условии более детального изучения материалов и записок данных исследователей можно почерпнуть новую дополнительную информацию по истории нового времени Казахстана.

С началом массового переселенческого движения в Степной край Казахстана во второй половине XIX в. начинается процесс межевания земель. С помощью межевых планов решались задачи выявления и графического учета земель, пригодных для переселения. «План – это изображение на плоскости в крупном масштабе. Градусной сетки не имеет. Масштаб планов колебался от 40 сажень до 2 верст в дюйме» (Ерошкина, 1997: 133).

К картографическому материалу по классификации «план» из нашей коллекции относится: «Межевой план Тургайской области Иргизского уезда и города Иргиза и его выгонных земель», выполненный специалистом Коньковым от 21 июня 1891 за № 3799. Работа произведена землемером 1-го разряда межевой канцелярии советником Ухватовым (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 1. Д. 1). На плане изображен г. Иргиз с окрестностями. Отмечено, что «под усадьбами Иргиза находилось – 1080 сажень, под городским садом – 3 десятины 840 сажень, под огородами – 5 десятин, под выгоном

– 423 десятины 1800 сажень; под сенном покосом – 120 сажень, для корма скота отведено – 10 десятин 2280 саж. В городе Иргиз имеется следующее количество душ: дворян потомственных – 108, духовенства – 1, потомственных почетных граждан – 4, киргизов и мещан – 54, поселян и казаков – 83, военных сословий – 166, запасных и отставных нижних чинов с их семьями – 43, иностранных подданных – 94, временно проживающих татар, крестьян, башкир и киргиз – 66, запасных казаков – 11, а всего душ – 547». Межевой план заверен «от киргиз Кизильярской волости первого аула Аминь Тбешканбаевым, который по неграмотности приложил свою тамгу, от киргиз 2 аула Берден Таибештбекбаевым, от киргиз Аманкульской волости четвертого аула Кунгбай Баймуратовым» и т.д. План представляет научный интерес для исследователей, изучающих историю образования городов в Казахстане и социально-экономическую историю нового время, а также для интересующихся историей своего рода. В связи с крупномасштабностью и большими объемами «планы» остаются все еще наименее изученными по сравнению с другими картами.

5. Заключение

Научную классификацию картографических материалов по истории Казахстана XVIII–XIX вв. следует осуществлять на базе глубоких знаний по истории картографии, социально-экономических и политических условий, а также уровня развития картографической мысли периода создания изучаемых произведений и знания систем квалификации прошлого периода. Теоретическое обоснование классификации карт должно быть основано на анализе имеющегося многообразия, изучении происхождения картографических материалов, определении различных видов карт в историческом развитии, выявлении особых признаков, черт, элементов, присущих конкретным картам. Необходимым условием эффективной классификации для исследователей Казахстана является охват всего разнообразия картографического материала нового времени. Основой классификации русского картографического материала XVIII–XIX вв. по истории Казахстана являются следующие признаки: географический (территория) и источниковедческий (дата, содержание). Каждая из вышеуказанных рукописных карт в обзоре содержит информацию о ситуации политико-административного, экономического и научного порядка на определенном пространстве, в конкретное время, которая отчасти повторяется и на других картах казахских земель, созданных в данном периоде. Тем не менее вместе взятые, они в целом взаимно дополняют и уточняют друг друга, демонстрируют пространственную динамику событий и предоставляют современным историкам ценные фактические данные по социально-экономическим отношениям, военно-политической истории и культурному наследию кочевого населения Казахстана нового времени. При условии наличия карт административных образований, отражающих различные исторические периоды, можно проследить эволюцию политико-социальных отношений. В целом, благодаря деятельности русских картографов и центральных картографических заведений Российской империи, в течение XVIII–XIX вв. при помощи глазомерной и инструментальной съемки были созданы в крупном и мелком масштабе разноплановые карты по истории Казахстана. Картографические материалы следует подвергать источниковедческому критическому анализу, не относиться к ним, как к простым иллюстрациям, так как они создавались в интересах Российской империи. Тем не менее в большей массе своей картографические материалы не должны вызывать сомнения в своей объективности и достоверности как источники информации. Между тем встречаются карты, когда необходимы определенные комментарии, дабы воспрепятствовать созданию ложных представлений об объекте или событии. Информативность карт усиливается при использовании их совместного изучения с другими материалами (статистические описания областей, уездов и др.). Введение в научный оборот картографических материалов нового времени, различных по классификации, позволит научной общественности Казахстана визуально проследить процесс исторического развития того или иного явления и найти верное решение сложных вопросов этнической, военно-политической и социально-экономической истории казахского народа.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Министерства образования и науки Республики Казахстан (МОН РК) (№ АР05131222).

Литература

- Багров, 1914 – Багров Л.С. Картография Азиатской России // Атлас Азиатской России. СПб., 1914. С. 1-4.
- Берлянт, 2002 – Берлянт А.М. Картография. М., 2002. 336 с.
- Витковский, 1904 – Витковский В.В. Топография. СПб., 1904. 568 с.
- Гольденберг, 1965 – Гольденберг Л.А. Семен Ульянович Ремезов: Сибирский картограф и географ (1692 – после 1720). М., 1965. 265 с.
- Ерофеева, 2011 – Ерофеева И.В. Географические карты XVIII века как источник по истории, этнологии и исторической топонимике Казахстана // История Казахстана в документах и материалах. Алматы, 2011. С. 330-358.

- Ерошкина, 1997** – *Ерошкина А.Н.* Российская историческая картография: (XV – нач. XX вв.). М., 1997. 206 с.
- Катионов, 2007** – *Катионов О.Н.* Картографическое сопровождение государственной политики по освоению Сибири в XVII – начале XX века / *Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVI – XX века. Сборник материалов региональной научной конференции.* Новосибирск, 2007. С. 217-226.
- Коверский, 1893** – *Коверский Э.А.* Объяснительная записка к отчетным картам астрономических, геодезических и топографических работ, произведенных в России // *Записки Военно-топографического отдела Главного штаба.* СПб., 1893. 51 с.
- Кусов, 2003** – *Кусов В.С.* Памятники отечественной картографии. М., 2003. 146 с.
- Медушевская, 1977** – *Медушевская О.М.* Теоретические проблемы источниковедения. М., 1977. 86 с.
- Постников, 2007** – *Постников А.В.* Становление рубежей России в Центральной и Средней Азии (в XVIII–XIX вв.). М., 2007. 416 с.
- ПСЗРИ, 1720** – Полный Свод Законов Российской империи. Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб., 1830. 48 т.: т. 6. 1720. № 3534. 815 с.
- ПСЗРИ, 1806** – Полный Свод Законов Российской империи. Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб., 1830. 48 т.: т. 29. 1806. № 22130. 1392 с.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- Салищев, 1990** – *Салищев К.А.* Картоведение. М., 1990. 400 с.
- Соколов, 1872** – *Соколов Н.В.* Исторический очерк деятельности корпуса военных топографов 1822–1872. СПб., 1872. 791 с.
- Сотникова, 1989** – *Сотникова С.И.* Картографические документы государственных архивов. М., 1989. 86 с.
- Bassin, 1999** – *Bassin M.* Imperial Visions: Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840-1865. New York, 1999. 280 p.
- Dalman, 2009** – *Dalman D.* Siberiten vom 16. Jahrhundert bis zur Gegenwart. Munchen, 2009. 559 p.
- Harley, 1975** – *Harley J.B.* Cartography in the traditional Islamic and South Asian Society. Chicago, 1975. 578 p.

References

- Bagrov, 1914** – *Bagrov L.S.* (1914). Kartografiia Aziatskoi Rossii [Mapping the Asian part of Russia]. Atlas Aziatskoi Rossii. SPb. pp. 1-4. [in Russian]
- Bassin, 1999** – *Bassin M.* (1999). Imperial Visions: Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865. New York. 280 p.
- Berliant, 2002** – *Berliant A.M.* (2002). Kartografiia [Cartography]. М. 336 p. [in Russian]
- Dalman, 2009** – *Dalman D.* (2009). Siberiten vom 16. Jahrhundert bis zur Gegenwart. Munchen. 559 p. [in German]
- Erofeeva, 2011** – *Erofeeva I.V.* (2011). Geograficheskie karty XVIII veka: kak istochnik po istorii, etnologii i istoricheskoi toponimike Kazakhstana. Istoriia Kazakhstana v dokumentakh i materialakh [Geographical maps of the XVIII century: as a source on the history, Ethnology and historical toponymy of Kazakhstan. History of Kazakhstan in documents and materials]. Almaty. pp. 330-358. [in Russian]
- Eroshkina, 1997** – *Eroshkina A.N.* (1997). Rossiiskaia istoricheskaia kartografiia: (XV – nach. XX vv.) [Russian historical cartography: (XV-early XX centuries)]. М. 206 p.
- Gol'denberg, 1965** – *Gol'denberg L.A.* (1965). Semen Ul'ianovich Remezov: Sibirskii kartograf i geograf (1692–posle 1720) [Semyon Remezov: Siberian cartographer and geographer (1692–after 1720)]. М. 265 p. [in Russian]
- Harley, 1975** – *Harley J.B.* (1975). Cartography in the traditional Islamic and South Asian Society. Chicago. 578 p.
- Kationov, 2007** – *Kationov O.N.* (2007). Kartograficheskoe soprovozhdenie gosudarstvennoi politiki po osvoeniiu Sibiri v XVII – nachale XX veka [Cartographic support of state policy on the development of Siberia in the XVII – early XX century]. *Rol' gosudarstva v khoziaistvennom i sotsiokul'turnom osvoenii Aziatskoi Rossii XVII – XX veka. Sbornik materialov regional'noi nauchnoi konferentsii.* Novosibirsk. pp. 217-226. [in Russian]
- Koverskii, 1893** – *Koverskii E.A.* (1893). Ob"iasnitel'naia zapiska k otchetnym kartam astronomicheskikh, geodezicheskikh i topograficheskikh rabot, proizvedennykh v Rossii [Explanatory note to the reporting maps of astronomical, geodetic and topographic works performed in Russia]. *Zapiski Voенно-topograficheskogo otdela Glavnogo shtaba.* SPb. 51 p. [in Russian]
- Kusov, 2003** – *Kusov V.S.* (2003). Pamiatniki otechestvennoi kartografii [Monuments of russian cartography]. М. 146 p. [in Russian]
- Medushevskaja, 1977** – *Medushevskaja O.M.* (1977). Teoreticheskie problemy istochnikovedeniia. [Theoretical problems of source studies]. М. 86 p. [in Russian]

Postnikov, 2007 – *Postnikov A.V.* (2007). Stanovlenie rubezhei Rossii v Tsentral'noi i Srednei Azii (v XVIII – XIX vv.) [Formation of borders of Russia in Central and Central Asia (in XVIII–XIX centuries)]. M. 416 p. [in Russian]

PSZRI, 1720 – Polnyi Svod Zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe: s 1649 po 12 dekabria 1825 goda. SPb., 1830. 48 t. [Full Set of Laws of the Russian Empire. The collection first: from 1649 to December 12, 1825. SPb., 1830. 48 vol]: t. 6. 1720. № 3534. 815 p. [in Russian]

PSZRI, 1806 – Polnyi Svod Zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe: s 1649 po 12 dekabria 1825 goda. SPb., 1830. 48 vol]: t. 29. 1806. № 22130. 1392 p. [in Russian]

RGADA – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian state archive of ancient acts].

RGVIA – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian state military-historical archive].

Salishchev, 1990 – *Salishchev K.A.* (1990). Kartovedenie [Cartography]. M. 400 p. [in Russian]

Sokolov, 1872 – *Sokolov N.V.* (1872). Istoricheskii ocherk deiatel'nosti korpusa voennykh topografov 1822–1872 [Historical sketch of the activities of the corps of military topographers 1822–1872]. SPb. 791 p. [in Russian]

Sotnikova, 1989 – *Sotnikova S.I.* (1989). Kartograficheskie dokumenty gosudarstvennykh arkhivov [Cartographic documents of the state archives]. M. 86 p. [in Russian]

Vitkovskii, 1904 – *Vitkovskii V.V.* (1904). Topografiia [Topography]. SPb. 568 p. [in Russian]

Русские картографические материалы XVIII–XIX вв. по истории Казахстана: классификация, обзор

Галина Николаевна Ксенжик ^{a, *}

^a Казахский Национальный аграрный университет, Республика Казахстан

Аннотация. Приоритетной задачей Российской империи в целях успешного продвижения вглубь казахских степей являлось картографическое исследование. Наибольший вклад в топографическое исследование территории Казахстана внесли офицеры Военно-топографического депо и члены Русского географического общества. В процессе изучения истории Казахстана нового времени неизбежно встает задача выявления, описания и дальнейшего использования картографических источников. В целях успешного изучения пространственных аспектов исторического процесса, ориентирования в огромном количестве карт всевозможных видов и типов, а также систематизации и хранения в статье проанализированы проблемы классификации и осуществлен краткий обзор русских картографических материалов по истории Казахстана XVIII–XIX вв. из коллекции документов, собранных в ходе исследования. Классификация должна удовлетворять логическому требованию исследования. В основу классификации выявленных старых карт были положены основные признаки: территориальный, хронологический, тематический, масштабный, назначения и содержания. При этом в первую очередь учитывался доминирующий признак у карты и выполнялась по нему классификация, дополнительные признаки являлись второстепенными и восполняли классификацию.

Ключевые слова: междисциплинарное исследование, казахская степь, Российская империя, старые карты, классификация, описание.

* Корреспондирующий автор

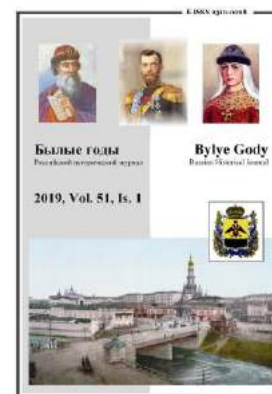
Адреса электронной почты: migkz@ya.ru (Г.Н. Ксенжик)

Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
 Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 51. Is. 1. pp. 131-137. 2019
 DOI: 10.13187/bg.2019.1.131
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

«For the Fatherland the Death, Healed Wounds and Fetters are Dear»: North Caucasian Trials in the Fate of the Poles in the first half of the XIX century

Yu.Yu. Grankin ^{a, *}, Yu.Yu. Klychnikov ^a, S.S. Lazarian ^a

^a Pyatigorsk State University, Russian Federation

Abstract

The article reveals the circumstances of the appearance in the Northern Caucasus of Polish prisoners of war and exiles in the first half of the 19th century. The reasons that led to the use of the region for the resocialization of the population disloyal to the Russian Empire are considered. An appraisal of the steps taken by the administration to organize the process of sending Poles to the Caucasus and using their potential for the needs of the region is made. The consequences of such actions in the fate of the exiles are elucidated.

The authorities had ponderable reasons not to trust the loyalty of the contingent under their arm, and therefore the Poles were used not so much in the combat units as on the construction of fortifications, the construction of dams, the mining of stone, etc. Some Poles expected to flee to the "non-peaceful" mountaineers and with their help find freedom. But this often led to the new captivity for them, in much worse conditions, and they hoped to return to their homeland only with flight to the protection of the Russian army.

Far from all the Poles who found themselves in the North Caucasus regarded the incident as a personal tragedy. For many, it was a chance to improve their financial situation and make a career in the service of the Russian Empire.

Keywords: Poles, highlanders, captivity, bondage, war, border, empire, soldiers, officers, rebellion.

1. Введение

Достаточно противоречивые отношения между Россией и Польшей знали как конфликтные, так и вполне мирные, комплиментарные страницы общего прошлого. Каждая из сторон может адресовать своему историческому партнеру немало претензий и обвинений в покушении на суверенитет и в причинении урона. Между тем такой подход бесперспективен и вряд ли позволит разобраться в непростых коллизиях русско-польской истории. Особенно наглядно это понимаешь, когда анализируешь обстоятельства появления на Северном Кавказе польских военнопленных и политических ссыльных, в большинстве своем ставших жертвами тех глобальных потрясений, которыми была богата европейская история первой половины XIX столетия, знавшая и кровопролитные войны, и социально-политические катаклизмы. «Теплая Сибирь», как порой называли южный фронт империи, должна была способствовать ресоциализации тех подданных, в лояльности которых были основания сомневаться. Власти попытались таким образом использовать их потенциал в интересах державной политики России.

2. Материалы и методы

В ходе проделанной работы были использованы труды авторов, которые рассматривают различные аспекты Отечественной войны 1812 г., в частности судьбы пленных солдат и офицеров

* Corresponding author

E-mail addresses: grankinj@pgu.ru (Yu.Yu. Grankin), klichnikov@mail.ru (Yu.Yu. Klychnikov), aflost@yandex.ru (S.S. Lazarian)

армии Наполеона. Данная проблема начала изучаться еще в дореволюционный период (Прозрителев, 1914), и интерес к ней сохраняется и в наше время (Иванов, 1997; Бессонов, Миловидов, 2006; Пантелеев, 2011; Прохоров, Шубин, 2012 и др.). Среди пленников было немало поляков, которых в дальнейшем отправят на Северный Кавказ. Оказались востребованы материалы тематических сборников документов, в которых были опубликованы сведения, раскрывающие обстоятельства принятия решения о ссылке на Кавказ выходцев из Польши (АКАК, 1881; Труды, 1912; Кутузов, 1955). Судьба тех из них, которые оказались в плену у горцев, нашла отражение в опросных листах, хранящихся в фондах Государственного архива Ставропольского края (ГАСК), а также и в мемуарной литературе (Kalinowski, 1883; Петерс, 2015).

В ходе написания статьи использовались общ исторические принципы и методы. В качестве методологической основы делался упор на диалектический метод, конкретно-исторический и системный подходы. При определении специально-исторических (фактологических, оценочных, конкретно-исторических и др.) аспектов авторы основывались на фундаментальных исторических трудах обобщающего характера. Историко-генетический метод дал возможность показать причины и обстоятельства появления на Северном Кавказе выходцев из Польши.

3. Обсуждение и результаты

Чтобы уяснить обстоятельства появления польских войск в составе армии Наполеона в России, необходимо вспомнить предысторию этих событий. В результате Тильзитского мира 1807 г. появилось вассальное от Франции Варшавское княжество, которое стало плацдармом для будущей войны. Для многих поляков оно ассоциировалось с началом восстановления их государственности, а потому они в первое время готовы были помогать Наполеону в его дальнейшей экспансии. Но очень скоро население столкнулось со всеми трудностями и издержками, которые нес установившийся режим. Бонапарт вынужден был преодолевать скрытый саботаж и нежелание поляков участвовать в формировании 40-тысячной армии, которую он потребовал создать. Большинство польских солдат воевало за чуждые интересы, в частности сражаясь с народом Испании, боровшимся с французской оккупацией (Вилар, 2006: 86–89).

На территории самой Польши находилось около 15 тысяч солдат, что имело роковые последствия, после того как началась война с Австрией. Вторгшаяся в апреле 1809 г. армия эрцгерцога Фердинанда сумела занять Варшаву, но дальше продвинуться не смогла. Польские войска тем временем успешно начали наступление в Галиции, сумели взять Львов и Краков. В результате в Вене 14 октября 1809 г. был заключен мир, и Варшавское княжество вернуло себе часть территорий, потерянных в результате разделов Польши. Но оно по-прежнему действовало от имени французского императора, не являясь суверенным государством. Тем не менее, иллюзии относительно будущего восстановления своей страны с помощью французов часть польской элиты не утратила, а потому приняла активное участие в подготовке к войне с Россией, задуманной Наполеоном. Император требовал создать 60-тысячную армию, а военный бюджет непрерывно увеличивался, достигнув в 1811 г. 50 млн. злотых, тогда как в 1807 г. он был лишь 11 млн. Кроме того, население нередко привлекалось для выполнения различных фортификационных работ, обременялось поборами и реквизициями в интересах армии (История, 1954: 401). Все это приводило к обнищанию населения и росту протестных настроений. Далеко не все горели желанием участвовать в предстоящей кампании против России, что наглядно демонстрировали участвовавшие случаи дезертирства. В свою очередь русское правительство старалось привлечь шляхту на свою сторону, используя для этого различные дипломатические усилия.

Однако, пока Наполеон одерживал победы, число его сторонников преобладало. Весной 1812 г. в герцогстве провели очередную мобилизацию и вернули польские части из Испании. Общая численность их войск оценивалась в 90 тыс. человек, но все они были рассеяны между французскими частями.

Начавшееся 24 июня 1812 г. вторжение в Россию вызвало бурный ажиотаж среди части населения герцогства Варшавского. К полякам, проживающим в Литве, Белоруссии и Украине, обратились с призывом поддерживать армию Наполеона, но ожидаемой реакции не последовало. Население устало от тягот и поборов, а когда французы стали нести серьезные потери и терпеть неудачи в России, то число их приверженцев быстро сократилось. В качестве иллюстрации приведем слова известного офицера-партизана Д.В. Давыдова, с которыми он обратился к жителям города Гродно, когда туда вошли русские войска: «...По приему, сделанному русскому войску польскими жителями Гродны, я вижу, что до них еще не дошел слух о событиях; вот они: Россия свободна, все наши силы вступили в Вильну 1-го декабря, теперь они за Неманом. Из полумиллионной неприятельской армии и тысячи орудий, при ней находившихся, только пятнадцать тысяч солдат и четыре пушки перешли обратно за Неман. Господа поляки! В черное платье! Редкий из вас не лишился ближнего по родству или по дружбе: из 80 тысяч ваших войск, дерзнувших вступить в пределы наши, пятьсот только бегут восвояси; прочие – валяются на большой дороге, морозом окостенелые и засыпанные снегом русским. Я вошел сюда по средству мирного договора: мог то же сделать силою оружия, но я пожертвовал славою отряда моего для спасения города, принадлежащего

России, ибо вам известно, что битва на улицах кончается грабежами в домах, а грабеж – пожарами...» (Цит. по: Госцэў, Швед, 1993: 57).

В действующих польских частях было немало тех, кто предпочитал сдаваться в плен, а не умирать за чуждые интересы. Часть этих людей в дальнейшем и оказалась на Кавказе. Примечательно, что из планируемого в конце 1812 г. призыва в посполитое рушение (ополчение) 30 тыс. человек удалось собрать лишь около четырехсот. В итоге победили сторонники мира с Александром I, который к тому же объявил амнистию участникам войны против России (История, 1954: 404–405).

За время войны в плен по официальным данным попало около 211000 солдат и офицеров «Великой армии» (Пантелеев, 2011: 249). Это создало существенные проблемы для российской казны, которая и без того была опустошена огромными затратами, уходившими на вооруженное противостояние с Бонапартом. Предполагалось затрачивать на содержание генерала 3 руб., полковника и подполковника 1 руб. 50 коп., майора 1 руб., обер-офицера 53 коп., унтер-офицера и рядового 5 коп. в сутки. Известны случаи, когда сумма на содержание пленных увеличивалась. Помимо этого, выдавался еще и провиант (Иванов, 1997: 190).

Уже в сентябре 1812 г. главнокомандующий Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов обратился к военному министру, князю Алексею Ивановичу Горчакову со следующим предложением: «Число пленных столь значительно, что во избежание скопления оных в большом количестве, не разсудите-ли, Ваше С-ство, доложить Государю Императору, чтобы пленных поляков отсылать на Кавказскую линию, где и можно-бы употребить их в полки на службу... Если на сие последует Высочайшее соизволение, то следоват будет из Петербурга предписать г.г. губернаторам тех губерний, где пленные ныне находятся, для отсылки их в означенные места...» (Труды, 1912: 359).

Озабоченность главнокомандующего была с пониманием встречена в столице, и 16 октября 1812 г. он был уведомлен о высочайшем утверждении своих предложений (Кутузов, 1955: 236). Командующий отдельным Грузинским корпусом генерал-лейтенант Николай Федорович Ртищев и командующий на Кавказской линии генерал-майор Семен Андреевич Портнягин получили предписание о распределении поляков между 19-й и 20-й пехотными дивизиями, которые дислоцировались в крае (Бессонов, Миловидов, 2006: 290).

Комитет министров, занимающийся этим вопросом, своей главной целью счел «сократить казенные издержки на содержание пленных и доставить им более удобностей жизни» (Цит. по: Пантелеев, 2011: 250). Поляки, прибывшие на Кавказ, первоначально собирались в Георгиевске, а уже оттуда направлялись непосредственно к месту службы. Это были не только рядовые и офицеры, но даже генералы, которым предстояло уже под новыми знаменами заниматься своей профессиональной деятельностью (Пантелеев, 2011: 251). Благодаря этому пополнению можно было использовать собственных рекрутов для компенсации потерь армии, действовавшей против французов (Бессонов, Миловидов, 2006: 290).

Несмотря на сложность ситуации, отправка военнопленных постоянно откладывалась. Власти опасались, что они не выдержат зимнего перехода, и это может привести к массовой гибели людей. В декабре 1812 г. и январе 1813 г. правительственными распоряжениями продвижение всех партий было приостановлено. Довести до сведения этот приказ успели не везде, а потому первая партия из 19 человек прибыла в Георгиевск в конце января 1813 г. Офицеров разместили на жительство под надзором, а нижних чинов определили в военнорабочие. Следующие группы военнопленных добрались до Георгиевска в начале марта 1813 г. Всего ожидалось прибытие 6409 рядовых, которые направлялись сюда из Витебской, Черниговской, Московской, Костромской, Саратовской, Киевской, Тамбовской, Минской, Тверской, Курской, Полтавской, Лифляндской, Курляндской, Новгородской, Орловской и Смоленской губерний (Бессонов, Миловидов, 2006: 293–294). Фактически число поляков оказалось еще больше, и по официальным данным на май 1814 г. на Северном Кавказе и в Грузии их было 8963 человека (Бессонов, Миловидов, 2006: 300). Предполагалось, что среди прибывших могут оказаться и женщины (жены, вдовы, незамужние), а потому обсуждался вопрос, за счет каких средств обеспечивать им продовольствие.

Поляков активно привлекали на различные строительные работы, они участвовали в укреплении берегов Терека. Помимо выделяемого провианта, такие работники получали за свой труд по 15 копеек в сутки. Тех, кого не удавалось пристроить на казенные объекты, власти были не прочь передавать партикулярным людям и за счет этого сэкономить на их содержании.

В 1914 г. были опубликованы материалы Г.Н. Прозрителева, который зафиксировал весьма необычную находку, связанную с поляками. Будучи в селении Ореховка, расположенном «от г. Ставрополя в 80 верстах на восток», он сфотографировал выбитые на скальном выступе на польском языке шестнадцать фамилий и надпись: «Для отчизны мила смерть, зарубцевавшиеся раны и кандалы. – Поляки в 1813 году». Столь горькие слова, оставленные потомкам, свидетельствовали о достаточно мрачном психологическом состоянии людей. Исследователь предположил, что авторство надписи принадлежит тем пленным, которые работали здесь на каменоломне. Он попытался установить судьбу этих людей, но сумел узнать лишь о некоем подпоручике В. Милодовском, который, видимо, вернулся на родину, т.к. упоминался среди лиц, переданных представителем Кавказской

администрации «партионным начальником Мироновым» властям в Минской губернии в 1814 г. (Прозрителев, 1914: 11–14).

Кавказское командование было не в восторге от нового пополнения. Оно не без оснований сомневалось в надежности поляков, которые то и дело дезертировали по пути следования к новому месту службы, отказывались принимать присягу. Дошло до того, что Александр I отдал распоряжение отправлять наиболее непримиримых в Сибирь (Бессонов, Миловидов, 2006: 294). Но полностью отказаться от польского контингента было невозможно. В трудные для России времена они составили до четверти личного состава войск, прикрывающих Кавказскую линию (Бессонов, Миловидов, 2006: 301). Когда стал вопрос об освобождении военнопленных, власти даже решили задержать их до прибытия пополнения, т.к. заменить этих людей было попросту нечем, а оголять беспокойное пограничье было нельзя.

Репатриация военнопленных началась уже с 1813 г., а окончательно она завершилась в мае 1814 г. (Прохоров, Шубин 2012: 156). Это позволило многим полякам вернуться домой, но к тому времени некоторые из них оказались в горской неволе, и для них путь на родину стал невозможен. Кроме того, отношение к полякам, по мнению ряда исследователей, у властей было двойственным. На них смотрели не только как на пленников, но и как на мятежников и преступников, а потому их возвращение домой затягивалось (Прохоров, Шубин, 2012: 158).

Еще одним событием, спровоцировавшим ссылку поляков на Кавказ, были массовые волнения 1830–1831 гг., сопровождавшиеся вооруженными столкновениями инсургентов с правительственными войсками. Хотя власти и объявили амнистию участникам этих выступлений и не применяли казни, но наиболее активных повстанцев отправляли на каторгу, записывали в солдаты, переселяли в глубинные губернии империи (История, 1954: 464). Достаточно жесткая позиция российского правительства была обусловлена теми угрозами, с которыми пришлось столкнуться в результате выхода из-под контроля этой части империи. Учитывая, что ядром мятежа стали регулярные формирования польской армии, речь шла о войне между Россией и Польшей (Краткая..., 1993: 128). Выступление началось 29 ноября 1830 г., когда сторонники тайной организации Патриотическое общество попытались захватить в Варшаве резиденцию русского наместника великого князя Константина – Белведер. В то же время были атакованы казармы русской армии, и к концу дня город оказался в руках восставших.

Попытки решить возникший кризис с помощью переговоров успехом не увенчались. В Польшу были направлены дополнительные войска, которые возглавил И.И. Дибич, впоследствии замененный на И.Ф. Паскевича. С боями они вышли к Варшаве, и в сентябре 1831 г. польская столица капитулировала. Наиболее непримиримая часть повстанцев эмигрировала за границу. Рассчитывая продолжить сопротивление, она присылала в Польшу своих эмиссаров с призывом вновь взяться за оружие. В 1833 г. с целью организации нового восстания была устроена экспедиция полковника Юзефа Заливского, которая, впрочем, успеха не имела (Краткая..., 1993: 130). Но сам факт такой угрозы заставлял Петербург идти на изоляцию наиболее проблемных, с его точки зрения, людей, высылая их подальше от исторической родины. И здесь Кавказ, где не прекращались вооруженные столкновения с «немирными» горцами, оказался подходящим для них местом.

Установить численность поляков, которые были отправлены служить на Кавказ, затруднительно. Фигурируют разные цифры, но наиболее достоверными представляются следующие: 8901 человек в 1832 г. и около 20 тыс. человек за период с 1834 по 1855 гг. Опасаясь бунтов, власти старались не допускать, чтобы их количество в конкретном подразделении превышало 20 % от общего числа личного состава (Боголюбов, 2008: 39–40).

Некоторые ссыльные поляки оказались захваченными в плен горцами и лишь спустя годы сумели обрести свободу (ГАСК. Ф. 63. Оп. 6. Д. 65; ГАСК. Ф. 63. Оп. 1. Д. 96; ГАСК. Ф. 63. Оп. 5. Д. 595 и др.). Кто-то стал жертвой неблагоприятных обстоятельств (Kalinowski, 1883), а кто-то целенаправленно искал способ бежать и присоединиться к племенам, ведущим непримиримую борьбу против русских. Но реалии горской жизни очень скоро развеивали мечты таких романтиков, которые нередко меняли один плен на другой, куда более тяжкий для европейского человека (Петерс, 2015: 423). Для них произошла переоценка роли России, которая в условиях северокавказского фронта стала выглядеть в культурном плане близкой и несшей желанное избавление от неволи чуждой горской архаики.

На Кавказе несли службу и те поляки, которые не были занесены в списки неблагонадежных подданных. Нередко для шляхтичей это был весьма желанный способ сделать военную карьеру, поправить собственное материальное положение (Матвеев, 2015: 202–203). Такие люди, как правило, были на хорошем счету у руководства, поощрялись наградами и различными преференциями (АКАК, 1881: 594).

4. Заключение

Российско-польское соперничество на протяжении длительного времени приводило к вооруженным столкновениям и взаимным претензиям. Утрата Польшей своего суверенитета и переход части земель, некогда входивших в состав Речи Посполитой, к Российской империи стало еще одной причиной к сохранению неприязни. Часть польской элиты эмигрировала во Францию,

рассчитывая с ее помощью вернуть себе потерянный суверенитет. В результате Тильзитского мира 1807 г. появилось зависимое от Франции Варшавское княжество, которое стало плацдармом для будущей войны. Для многих поляков оно ассоциировалось с началом восстановления их государственности, а потому первое время они готовы были помогать Наполеону в его дальнейшей экспансии. У немалой части поляков сохранялась иллюзия относительно будущего восстановления своей страны с помощью французов, а потому они приняли активное участие в подготовке к войне с Россией, задуманной Наполеоном. Однако дальнейшие события показали всю тщетность таких ожиданий, ведь французский император, охотно используя материальные и людские ресурсы Польши, отнюдь не собирався выполнять свои обещания.

В ходе военных действий на территории России часть польских военнослужащих оказалась в плену и была отправлена на Кавказ, где была задействована для усиления войск Отдельного Грузинского корпуса. В дальнейшем их вернули на родину, но часть солдат и офицеров оказалась захвачена горцами, и для тех, кто сумел пережить это испытание, произошла переоценка роли России, с которой они начали себя ассоциировать, находясь в непривычных условиях местной архаики.

Опыт ресоциализации противников власти империи был использован и против польских инсургентов в 30-е годы XIX в. Их тоже отправляли на Кавказ, где они могли заработать амнистию в случае беспорочной службы на благо государства. Такая практика была признана достаточно успешной и позволила оградить немалую часть беспокойных подданных от дальнейших проступков.

Литература

- АКАК, 1881** – *Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею* / Под ред. А.П. Берже. Тифлис, 1881. Т. VIII. 1009 с.
- Бессонов, Миловидов, 2006** – *Бессонов В.А., Миловидов Б.П.* Польские военнопленные Великой армии в России в 1812–1814 гг. // *Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XIII Всероссийской научной конференции*. М., 2006. С. 289–305.
- Боголюбов, 2008** – *Боголюбов А.А.* Поляки на Северном Кавказе в XIX–XX вв. / Под ред. А.И. Селицкого. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2008. 260 с.
- Вилар, 2006** – *Вилар П.* История Испании / Пер. с фр. И. Борисовой. М.: АСТ: Астрель, 2006. 222 с.
- ГАСК** – Государственный архив Ставропольского края.
- Госцэў, Швед, 1993** – *Госцэў А.П., Швед В.В.* Кронан. Летапіс горада на Немане (1116–1990 гг.). Гродна: НВК «Пергамент», 1993. 320 с.
- Иванов, 1997** – *Иванов К.В.* Система финансирования военнопленных 1812–1814 гг. // *Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы IV и V Всероссийской научной конференции (Бородино, 1995–1996 гг.)*. Бородино, 1997. С. 190–197.
- История, 1954** – *История Польши в трех томах. Т. I.* / Под ред. В.Д. Королюка, И.С. Миллера, П.Н. Третьякова. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 584 с.
- Краткая..., 1993** – *Краткая история Польши*. М.: Наука, 1993. 584 с.
- Кутузов, 1955** – *Кутузов М.И.* Сборник документов. Т. IV. Ч. II (октябрь–декабрь 1812 г.) / Под ред. полковника Л.Г. Бескровного. М.: Военное издательство МО СССР, 1955. 851 с.
- Матвеев, 2015** – *Матвеев О.В.* Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки. Краснодар: Эдви, 2015. 272 с.
- Пантелеев, 2011** – *Пантелеев А.Н.* Пленные 1812 г. в России и обращение с ними царского правительства // *Вестник Тамбовского государственного университета*. 2011. Вып. 10 (102). С. 249–253.
- Петерс, 2015** – *Петерс Т.П.* Судьбы участников и пленных Отечественной войны 1812 года на страницах дневника путешествия в Крым и на Кавказ Поля Гибала в 1818–1820 гг. // *Бородино и освободительные походы русской армии 1813–1814 годов: Материалы международной научной конференции, 3–6 сентября 2014 г.* / Сост. А.В. Горбунов. Бородино, 2015. С. 417–426.
- Прозрителев, 1914** – *Прозрителев Г.Н.* О военнопленных поляках на Северном Кавказе в войну 1812 года. Надпись на скале близ сел Ореховки и Высоцкого Ставропольской губернии // *Записки разряда военной археологии и археографии императорского русского военно-исторического общества* / Под ред. Н.И. Веселовского. Петроград, 1914. Т. III. С. 11–14.
- Прохоров, Шубин, 2012** – *Прохоров М.Ф., Шубин Н.А.* Современная отечественная историография о положении военнопленных французской армии в России в 1812 г. // *Сервис в России и за рубежом*. 2012. № 4 (31). С. 153–201.
- Труды, 1912** – *Труды Московского Отдела императорского русского военно-исторического общества. Т. II.* Материалы по отечественной войне. Подробный журнал исходящих бумаг Собственной канцелярии Главнокомандующего Соединенными Армиями генерал-фельдмаршала князя Кутузова-Смоленского в 1812 году / Под редакцией В.П. Никольского. С толкованиями и приложениями, составленными В.П. Никольским и Н.П. Поликарповым. М., 1912. 433 с.
- Kalinowski, 1883** – *Kalinowski K.* Pamiętnik mojej żołnierki na Kaukazie i niewoli u Szamila, od roku 1844 do 1854. Warszawa, 1883. 139 с.

References

- AKAK, 1881** – Akty, sobrannye Kavkazskoyu arheograficheskoyu komissiiyeyu [Acts of the Caucasian Archeographical Commission]. Pod red. A.P. Berzhe. Tiflis, 1881. T.VIII. 1009 p. [in Russian]
- Bessonov, Milovidov, 2006** – Bessonov V.A., Milovidov B.P. (2006). Polskie voennoplennyye Velikoj armii v Rossii v 1812-1814 gg. [The Polish prisoners of war of the Great Army in Russian in 1812-1814 yy.] // *Otechestvennaya vojna 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy: Materialy XIII Vserossijskoj nauchnoj konferencii*. M. pp. 289-305. [in Russian]
- Bogolyubov, 2008** – Bogolyubov A.A. (2008). Polyaki na Severnom Kavkaze v XIX-XX vv. [Poles in the Northern Caucasus in the XIX-XX cc.]. Pod red. A.I. Selitskogo. Krasnodar: Kubanskiy gos. un-t. 260 p. [in Russian]
- Goscey, Shved, 1993** – Goscey A.P., Shved V. V. (1993). Kronan. Letapis gorada na Nyomane (1116-1990 gg.) [Koran. The chronicle of the town-on-Neman (1116-1990 yy.)]. Grodna: NVK «Pergament». 320 p. [in Russian]
- GASK** – Gosudarstvennyy arkhiv Stavropol'skogo kraya [State Archives of the Stavropol region].
- Istoriya, 1954** – Istoriya (1954). Pol'shi v tryokh tomakh. T.I. [The history of Poland in 3 volumes. V.1.]. Pod red. V.D. Korolyuka, I.S. Millera, P.N. Tret'yakova. M.: Izd-vo AN SSSR, 1954. 584 p. [in Russian]
- Ivanov, 1997** – Ivanov K.V. (1997). Sistema finansirovaniya voennoplennykh 1812-1814 gg. [The system of financing of 1812 war-prisoners]. *Otechestvennaya vojna 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy: Materialy IV i V Vserossijskoj nauchnoj konferentsii (Borodino, 1995-1996 gg.)*. Borodino. pp. 190-197. [in Russian]
- Kalinowski, 1883** – Kalinowski K. (1883). Pamiętnik mojej żolnierki na Kaukazie i niewoli u Szamila, od roku 1844 do 1854 [The diary of my exile to the Caucasus and being in Shamil's captivity from 1844 till 1854]. Warsaw. 139 p. [in Polish]
- Kratkaya..., 1993** – Kratkaya istoriya Pol'shi [The brief history of Poland]. M.: Nauka. 584 p. [in Russian]
- Kutuzov, 1955** – Kutuzov M.I. (1955). Sbornik dokumentov. T.IV. CH.II (oktyabr'-dekabr' 1812 g.) [The collection of documents. V.IV. Part II (October-December of 1812 y.)]. Pod red. polkovnika L.G. Beskrovnogo. M.: Voennoe izdatel'stvo MO SSSR. 851 p. [in Russian]
- Matveev, 2015** – Matveev O.V. (2015) Kavkazskaya vojna: ot fronta k frontiru. Istoriko-antropologicheskie ocherki [The Caucasian war: from front to frontier. Historic and anthropologic essays]. Krasnodar: EHdvi. 272 p. [in Russian]
- Panteleev, 2011** – Panteleev A.N. (2011). Plennyye 1812 g. v Rossii i obrashhenie s nimi tsarskogo pravitel'stva [Prisoners of the 1812 war in Russia and the Russian government treatment of them]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vyp.10 (102). pp. 249-253. [in Russian]
- Peters, 2015** – Peters T.P. (2015). Sud'by uchastnikov i plennykh Otechestvennoy vojny 1812 goda na stranicah dnevnika puteshestviya v Krym i na Kavkaz Polya Gibalya v 1818-1820 gg. [Fates of the participants and captives of the Patriotic war 1812 year in diary pages of the Crimean and Caucasian journey of Paul Gibal in 1818-1820 yy.]. *Borodino and liberating campaigns of the Russian army of 1813-1814: Materials of the international scientific conferention, 3-6 september 2014*. Compiler A.V. Gorbunov. Borodino. pp. 417-426. [in Russian]
- Prohorov, Shubin, 2012** – Prohorov M.F., Shubin N.A. (2012). Sovremennaya otechestvennaya istoriografiya o polozhenii voennoplennykh francuzskoj armii v Rossii v 1812 g. [The modern national historiography about the situation of war prisoners of the French army in Russia in 1812]. *Servis v Rossii i za rubezhom*. №4 (31). pp. 153-201. [in Russian]
- Prozritelev, 1914** – Prozritelev G.N. (1914) O voennoplennykh polyakakh na Severnom Kavkaze v vojnu 1812 goda. Nadpis' na skale bliz syol Orekhovki i Vysotskogo Stavropol'skoy gubernii [About Polish prisoners in the Northern Caucasus in the war of 1812 year. Inscription on the cliff near Orehovka and Vysotski village of the Stavropol province]. *Zapiski razryada voennoj arkheologii i arkheografii imperatorskogo russkogo voenno-istoricheskogo obshhestva*. Pod red. N.I. Veselovskogo. Petrograd. T.III. pp. 11-14 [in Russian]
- Trudy, 1912** – Trudy Moskovskogo Otdela imperatorskogo russkogo voenno-istoricheskogo obshhestva. T.II. Materialy po otechestvennoy vojne. Podrobnyy zhurnal iskhodyashhikh bumag Sobstvennoj kantselyarii Glavnokomanduyushhego Soedinyonnymi Armiyami general-fel'dmarshala knyazy Kutuzova-Smolenskogo v 1812 godu [The works of the Moscow department of the imperial Russian military and historical society. V.II. The materials on the Patriotic war. The detailed diary of proceeding papers of the office of the Commander-in-Chief of the United Armies of General-Field Marshal Prince Kutuzov-Smolenski in 1812]. Pod redaktsiej V.P. Nikol'skogo. S tolkovaniyami i prilozheniyami, sostavlennymi V.P. Nikol'skim i N.P. Polikarpovym. M., 1912. 433 p. [in Russian]
- Vilar, 2006** – Vilar P. (2006). Istoriya Ispanii [The history of Spain]. Per. s fr. I. Borisovoj. M.: AST: Astrel'. 222 p. [in Russian]

«Для отчизны мила смерть, зарубцевавшиеся раны и кандалы»: северокавказские испытания в судьбах поляков в первой половине XIX века

Юрий Юрьевич Гранкин ^{a, *}, Юрий Юрьевич Клычников ^a, Сергей Степанович Лазарян ^a

^a Пятигорский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье раскрываются обстоятельства появления на Северном Кавказе польских военнопленных и ссыльных в первой половине XIX в. Рассматриваются причины, приведшие к использованию региона для ресоциализации нелояльного к Российской империи населения. Дается оценка шагов администрации по организации процесса отправки поляков на Кавказ и использования их потенциала для нужд края. Выясняются последствия таких действий в судьбе ссыльнопоселенцев.

У властей были веские причины не доверять лояльности оказавшегося под их рукой контингента, а потому поляков старались использовать не столько в строевых частях, сколько на строительстве укреплений, возведении дамб, добыче камня и т.п. Некоторые поляки рассчитывали бежать к «немирным» горцам и с их помощью обрести свободу. Но это нередко приводило к тому, что они оказывали в новом плену, в гораздо худших условиях, а надежды вернуться на родину они связывали лишь с бегством под защиту русской армии.

Далеко не все поляки, оказавшиеся на Северном Кавказе, расценивали произошедшее как личную трагедию. Для многих это был шанс поправить свое материальное положение и сделать карьеру на службе Российской империи.

Ключевые слова: поляки, горцы, плен, неволя, война, граница, империя, солдаты, офицеры, мятеж.

* Корреспондирующий автор

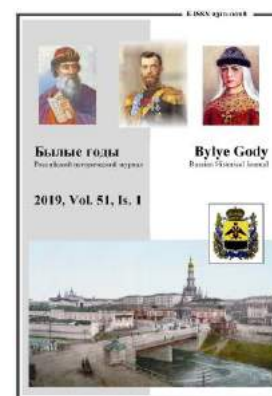
Адреса электронной почты: grankinj@pgu.ru (Ю.Ю. Гранкин), klichnikov@mail.ru (Ю.Ю. Клычников), aflost@yandex.ru (С.С. Лазарян)

Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
 Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 51. Is. 1. pp. 138-148 2019
 DOI: 10.13187/bg.2019.1.138
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Problem of Security of Trade Caravans in Russian-Kazakh Relations in the first half of the XIX century

Yuliya A. Lysenko ^{a, *}

^a Altai State University, Russian Federation

^b International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The mass attack on Russian trade caravans in the Kazakh steppe, which began at the turn of the XVIII–XIX century, followed by transit to the markets of Central Asia, actualized the issue of their security in the Russian-Kazakh relations. The emergence of this problem was due to the departure from the political arena of the authoritative khans of the XVIII century and the growing struggle for power between their numerous descendants. The ability to accompany Russian caravans through the Kazakh steppe, ensuring their safety, was considered by the Kazakh ethno-elite as a strong argument for strengthening political influence. Competition between it for this right led to attacks on trade caravans of those sultans who could not use it.

At the beginning of the XIX century the problem of safety of trade caravans was discussed with members of "Deputy missions" of Junior and Middle zhuzes, who came to the court of Russian emperors. At the conversations, the issues of strengthening the protection of caravans, the responsibility of sultans for their support, mechanisms for identifying those responsible for the attacks were discussed. The regional government called the governors of clans to strengthen control over situations in the wilderness, and to prevent new attempts of attacks. However, diplomatic measures did not bring the desired effect. Therefore, since the 20-ies of the previous century Russian authorities began to consider the robbery of Russian trade caravans as a criminal offense and to determine the measure of responsibility of the guilty within the framework of the current legislation. At the regional level, stronger measures have been taken to capture and punish those responsible.

Keywords: Russian Empire, Kazakhs, Xinjiang, Bukhara, Khiva, transit trade, security.

1. Введение

С началом присоединения территорий Младшего и Среднего жузов к Российской империи, правительство уделяло значительное внимание расширению азиатской торговли. На протяжении XVIII в. была сформирована сеть таможенных застав в Оренбурге, Троицке, Усть-Каменогорске и Семипалатинске. Разгром Джунгарского ханства в середине того столетия и последовавшая стабилизация международной ситуации в центральноазиатском регионе способствовали расширению внешней торговли России с китайской провинцией Синьцзян, Бухарским эмиратом и Хивинским ханством (Апполова, 1976). Для торгующих в крепостях Урало-Иртышской укрепленной линии российских и иностранных купцов создавался режим налогового благоприятствования. В 1777 г. был разрешен беспошлинный обмен товарами казахам, активно поставлявшим на рынок скот и продукцию животноводства.

Признанным центром российско-азиатской торговли XVIII в. являлся Оренбург. Именно из этого города отправлялись русские купеческие караваны в хивинские и бухарские владения через

* Corresponding author

E-mail addresses: iulia_199674@mail.ru (Y.A. Lysenko)

кочевья казахов Младшего жуза. Из Ташкента и Коканда они имели возможность следовать в города Восточного Туркестана (провинция Синьцзян) (Политика России..., 2014: 123-125). Второй не менее важный торговый маршрут передвижения русских караванов на рынки Синьцзяна проходил через кочевья казахов Среднего жуза: из Семипалатинска по долине Верхнего Иртыша и Тарбагатай в Чугучак и оттуда по китайским пограничным пикетам в Кульджу (Сладковский, 1977: 211). Таким образом, казахская степь приобретала важное транзитное значение для расширения торговли России в Азии.

Торговлю между Российской и Цинской империями монополизировали бухарские, кокандские и хивинские купцы, поволжские и сибирские татары. Однако посредниками между ними и китайскими купцами выступали казахские родоправители. Все торговые караваны из России в Синьцзян направлялись как «посольства» от казахских султанов, «под именем их собственности»; обязательным условием являлось наличие рекомендательных писем от них китайским властям. Ситуация объяснялась тем, что казахи – российские подданные, кочевавшие на сопредельных российско-китайских территориях, как правило, формально признавали и китайское подданство. Это давало им возможность беспрепятственно торговать в Синьцзяне. Таким образом, казахские родоправители выполняли посреднические функции, сопровождая караваны по пути следования, предоставляя им безопасность и протекцию на рынках Чугучака и городов Восточного Туркестана. За это родоплеменная верхушка взимала с владельцев караванов пошлину (История Казахстана..., 2000: 196-197; Материалы по истории..., 1948: 352).

В то же время предпринимаемые коммерческими кругами Российской империи попытки расширения центральноазиатской торговли в первые десятилетия XIX в. неизменно наталкивались на проблему безопасности торговых караванов. Несмотря на гарантированную казахскими султанами неприкосновенность, российские караваны, следовавшие транзитом через территорию Младшего и Среднего жузов, подвергались массовым нападениям и грабежам. Вопрос об их безопасности стал важным аспектом российско-казахских отношений первой половины XIX в.

2. Материалы и методы

Для выявления механизмов решения российскими властями проблемы безопасности торговых караванов, следовавших транзитом через казахскую степь на центральноазиатские рынки, использовались архивные источники, отложившиеся в РГИА. Среди них, прежде всего, материалы «депутатских миссий» казахских ханов, султанов Младшего и Среднего жузов ко двору российских императоров в первой половине XIX в. В ходе этих визитов сторонами обсуждались механизмы расширения азиатской торговли, способы усиления охраны торговых караванов и ответственности казахских родоправителей за их сопровождение, поимку и наказание виновных в разграблении того или иного каравана. Кроме этого, использовались документы делопроизводства центральных (Азиатский департамент МИД, Земский отдел МВД) и региональных (Сибирская администрация, Оренбургская пограничная комиссия) органов власти, отражающих их позицию и конкретные предложения по устранению существующей проблемы.

Методической основой статьи выступили конкретно-исторические методы исследования. Историко-генетический метод позволил выявить причины возникновения проблемы безопасности российских караванов, следовавших на центральноазиатские рынки транзитом через казахскую степь, рассматривать ее во взаимосвязи с динамикой внутривосточной ситуации в Младшем и Среднем жузах первой половины XIX в., а также политикой Российской империи в отношении данного этнорегиона. Историко-сравнительный метод позволил проследить эволюцию в подходах правительственных кругов к решению проблемы безопасности российских торговых караванов и сделать выводы об использовании более решительных/силовых методов ее преодоления в конце 20-х–30-е гг. XIX в.

3. Обсуждение

В историографии накоплен значительный эмпирический материал по истории торгово-экономических отношений Российской империи с государственными образованиями Центральной Азии и Китаем в XVIII–XIX вв. Так, работы Н.Г. Апполовой, Е. Бекмаханова, С.З. Зиманова и др. посвящены вопросам российско-казахской торговли (Апполова, 1960; Бекмаханов, 1947; Зиманов, 1960). В целой серии исследований Н.А. Халфина анализируется динамика торгового баланса между Российской империей и Бухарским эмиратом, Кокандским и Хивинским ханствами (Халфин, 1960; Халфин, 1974). Вопросы российско-китайской торговли, в том числе в Синьцзяне и Внутренней Монголии, рассматривались М.И. Сладковским, А.В. Старцевым, С.Б. Кожировой, В.В. Галиевым и др. (Галиев, 2003; Кожирова, 2000; Сладковский, 1977; Старцев, 2003).

Следует отметить, что в поле зрения вышеперечисленных исследователей находился целый спектр вопросов российско-азиатской торговли: влияние внешнеполитической ситуации в центральноазиатском регионе на динамику межгосударственных торговых отношений, формирование их нормативно-правовой базы; таможенная политика и создание системы таможенных округов в регионе; развитие инфраструктурных объектов, прежде всего дорожных трактов; структура товарооборота, контрабанды и т.д. Однако при всем многообразии сюжетных

композиций истории российско-центральноазиатской торговли в XVIII – начале XX вв. проблема безопасности российских торговых караванов оставалась за рамками специального научного исследования. Представленная статья являет собой попытку восполнить существующий в историографии пробел.

4. Результаты

В начале XIX в. российская караванная торговля продолжала оставаться традиционным и единственным способом ведения внешней торговли в Центральной Азии. Караваны численностью 50–60 верблюдов отправлялись, как правило, в июле–августе; в Кульджу и Чугучак они выходили из Семипалатинска, Петропавловска и Усть-Каменогорска; в Хиву и Бухару – из Оренбурга, Орска и Троицка. Время следования каравана составляло 50–60 дней. На зимовку они оставались в центральноазиатских владениях, а в Россию возвращались в марте следующего года (Сладковский, 1977: 213). Периодичность отправки караванов установить достаточно сложно. По косвенным свидетельствам очевидно, что они снаряжались ежегодно из всех вышеуказанных городов Урало-Иртышской военно-оборонительной линии (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 12. Л. 24).

Казахские правители на рубеже XVIII–XIX вв. продолжали выступать посредниками в расширении российско-центральноазиатской торговли. Нередко в «официальных прошениях», передаваемых ханами и султанами российским властям, содержались просьбы казахских правителей «разрешить торговать в российский пределах хивинским, бухарским и даже кокандским купцам» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 12. Л. 28 об.–29 об.). Например, в 1805 г. в ходе визита в Санкт-Петербург султанов Среднего жуза Газы Букеева, Габидуллы Худай Мендина и Карадила и Пшеня Урусовых ими было передано «расположение куканского (кокандского – авт.) бека завести с российскими купцами торговлю и впускать их для того в свой город». Данное «расположение» было получено от кокандского бека внуком султана Букея, Али-султаном, который в 1804 г. сопровождал караван татарского купца Тобольской губернии Нерпина в г. Туркестан. Кокандский бек, узнав об этом караване, выслал с ним письмо султану Букею со своей просьбой. В Петербурге сын султана Букея, Газы, пояснял, что путь в Коканд «достаточно сложный», «не прям путем лежит, а через горы и камни; а наипаче опасности от народов, называемых каменными киргизами». Поэтому Газы Букеев предлагал услуги своего отца по сопровождению и охране каравана в случае его отправки в Коканд (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 12. Л. 28 об.–29 об.).

Коммерц-коллегия признала «сие домогательство надобными», поскольку «такое домогательство кокандского правителя лежит дальше Ташкента, то посредством прохождения наших караванов чрез разные области можно будет и более приобрести сведения об азиатской торговле и далее расширить торговое поле наше» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 12. Л. 36). Сибирской администрации было отдано распоряжение «проработать вопрос», а султану Букею донести, что «о принимаемых к установлению с Коканом торговых сношений он, Букей, в свое время извещен будет» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 12. Л. 76).

Важно отметить, что российские власти признавали посредническую роль казахских правителей и султанов в развитии азиатской торговли. Выполнение данных обязательств, по их мнению, определялось «верноподданнической верностью», «верноподданнической непоколебимостью и преданностью» того или иного родопрарителя и являлось основанием для назначения денежных выплат, пенсий, пособий, наград, присвоения гражданских чинов и офицерских званий. Заслуги ханов и султанов, связанные с обеспечением безопасности российских купеческих караванов, «предохранением их от разграбления неблагонамеренных киргиз-кайсаков», выступали основанием для разрешения на прибытие к императорскому дворцу в Петербург (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 27. Л. 1-1 об.). Данные поездки депутатских миссий казахской этнолиты активно практиковались в первой половине XIX в. и являлись важной формой российско-казахского межцивилизационного диалога (Lysenko, 2018).

Относительное равновесие в транзитной торговле России через казахские степи в первые десятилетия XIX в. осложнялось проблемой безопасности купеческих караванов. Так, в 1800 г. торговый караван, следовавший в Кашгар и охраняемый султаном Среднего жуза Букеем, подвергся нападению и разграблению со стороны его ближайшего родственника хана Среднего жуза Вали (Уали). Об этом происшествии стало известно императору Павлу I, который предписал хану Вали найти виновных в разграблении каравана и «дать объяснение». Некоторое время спустя инспектор от инфантерий Сибирской инспекции генерал-майор Лавров сообщил: «...Хотя хану (Вали – авт.) многократно писано и предшественником моим и мною, чтобы он приказал виновным удовлетворить обиженных, но вместо требуемого удостоверял, что на сию сумму товаров взято в караване не подчиненными его киргизцами, а им самим, в пошлину, по существующим издревле обыкновениям и что он, хан, имеет расчет с киргизцами каракисецкой волости, состоящими под управлением султана Букея, кой караван он тогда сопровождал» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 12. Л. 131). Из приведенной цитаты документа следует, что хан Вали себя виновным не признавал и был убежден, что действовал вполне законно, опираясь на существующие в степи обычаи. Уже упомянутая выше депутатская миссия Газы Букеева, Габидуллы Худай Мендина, Карадила и Пшеня Урусовых, отправленная султаном Букеем (обеспечивающим безопасность разграбленного Вали ханом

каравана) в Петербург в 1905 г., вновь подняла вопрос о призвании хана Вали к ответственности и просила российские власти усилить на последнего давление для положительного разрешения проблемы (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 10. Л. 29-30 об.).

В 1803 г. по пути в Бухару была разграблена торгово-дипломатическая миссия Я.П. Гавердовского. Ей придавалось огромное государственное значение в центральноазиатской политике Российской империи. Министр коммерции Н.П. Румянцев ставил перед миссией задачу «лучшего разведания о торговле тамошнего края во всех ее отношениях» (Халфин, 1974: 62). В этой связи официальная инструкция царского правительства, утвержденная Александром I 14 ноября 1802 г., нацеливала Я.П. Гавердовского на выяснение проблем, препятствующих развитию двухсторонних торговых отношений с Бухарой и нормализации транзитной торговли между двумя странами как по пути следования российских и бухарских караванов через казахскую степь, так и на территории самого ханства. Для выполнения этой цели поручику рекомендовалось наряду с обстоятельным «разведанием» состояния экономики и общественного устройства Бухарского эмирата собирать «основательные» сведения о казахских жузах: «которые роды их кочуют в тех местах, где... проезжать должно будет; кто старшины и солтаны управляют ими и преданы ли они Российской державе» (Внешняя политика, 1960: 332-337).

К дипломатической миссии, выехавшей из Оренбурга в Бухару 23 июля 1803 г. присоединился караван русских купцов, который вез на 55 верблюдах товаров на сумму 260 тысяч рублей (Халфин, 1974: 70-72). В течение почти 1,5 месяцев оно достаточно благополучно продвигалось по западному региону казахской степи, но 6 сентября, оказавшись в урочище Ходжаберган, подверглось внезапному нападению группы казахов племени шекты, поколения алимулы Младшего жуза во главе с их ханом Абулгазы Каиповым и биями Жаназаром, Жанузакком и некоторыми другими степными лидерами. Караван был почти полностью разграблен, поручик Я.П. Гавердовский 30 сентября 1803 г. с основной частью своих людей был вынужден бесславно завершить экспедицию и возвратиться в Оренбург. Как справедливо отмечает Н.А. Халфин, «российская дипломатическая миссия 1803 г. в Бухарское ханство потерпела на территории казахских кочевий полный провал, а пресловутое в официальных документах тех лет урочище Ходжаберган стало местом краха надежд царского правительства на установление относительно регулярных торговых отношений с Бухарой и возможность дальнейшего беспрепятственного развития транзитной караванной торговли в регионе (Халфин, 1974: 72-73).

Нападение на торгово-дипломатическую миссию Я.П. Гавердовского вызвало значительный резонанс в российском обществе. Уже в конце 1803 г. из Петербурга было получено разрешение на проезд в столицу депутатской миссии родоправителей Среднего жуза, родственников хана Абулгазы Каипова, организовавшего нападение на караван Я.П. Гавердовского, – султанов Джангира Каипова, Джантиля Джаныбекова, Игимурата Балтина, Джимантая Таштемирова. Главной целью их поездки стало «объяснение причин, по коим разграблены наши караваны Гавердовского» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 10. Л. 1). Казахским султанам было крайне важно доказать свою непричастность к разбойному нападению, поскольку российские власти по факту грабежа сразу лишали их монаршей милости и прекращали выплаты им денежных пособий, пенсий и т.д. По приезду ко двору делегаты представили письма-объяснения, в которых приводились аргументы их непричастности к противозаконным действиям соплеменников (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 10. Л. 54).

Уже к концу 1803 г. военный губернатор Оренбургского края Г.С. Волконский располагал достаточно объективной информацией о казахских родовых подразделениях Младшего жуза, занимавшихся грабежом российских караванов. Согласно представленной им в МИД «Записке о численности, местах кочевок и торговле отдельных родов Большой, Средней и Малой Орд, составленной старшиною Кобек Шукур-Али улы и казанским татаринном Галием Шахмутаровым» из 41 рода Младшего жуза, торгующего или занимающегося обменом товаров в Оренбурге, Троицке и на рынках Бухары и Хивы, 10 родов параллельно систематически занимались грабежом торговых караванов. Среди них в документе были названы следующие родовые подразделения: алимулы карасакальского рода (правители Суяндук бий и Айтуйвар бий), каракитинский род (правители Кунгурбаш бий и Кунурбаш бий), чумекей-джилдерский род (правители – старшины Китябай бий, Куран батырь, Аителяш бий и Ярмамать бий), «более виновный по грабежам караванов» чумекей-каратамырский род (старшины Айтим бий и Мурзагул бий), чумекей-тукинский род (старшина Самет батырь), чумекей-куитовский род (старшины Сийдали бий и Ирак бий), чумекей-кунякский род (Буликей султан Иралаи ханов), «главные грабители караванов» алим улы дюртъкаринский род (Каракубек бий, Баши Кара бий, Кара Алтай, Сары Алтай, Яныш бий, Акбута бий, Тикмиюз, Алтай бий и зять Кара-Кубека, Сир Гази султан), чиклинский род, ограбивший караван Я.П. Гавердовского (старшины Янназар, Янузак, Ходжа берган, Чун гай бий, Мусульман бий и «назвавший себя ханом Аблязи султан»), алимулы каракиятский род (старшины Айдарбег и Тукман) (Материалы по истории..., 1940).

Примечательно, что в «Записке» не было названо ни одного казахского рода Среднего и Старшего жуза, занимавшихся нападениями на торговые караваны. Данный факт является косвенным свидетельством того, что в этот период российско-бухарско-хивинская торговля носила более оживленный характер по сравнению с российско-китайской торговлей на рынках Синьцзяна.

Кроме этого, военный губернатор Оренбургского края Г.С. Волконский вполне мог не владеть полной информацией о казахских родах Среднего жуза, занимавшихся грабежом караванов, поскольку последние не входили в сферу его компетенций и подчинялись сибирской администрации.

Тем не менее, из представленной «Записки» становилось очевидно, что грабеж российских и центральноазиатских купцов являлся доходным промыслом казахов Младшего жуза. Награбленное вместе со своим товаром они имели возможность беспрепятственно сбывать на рынках Бухары и Хивы. По свидетельствам путешественников первой половины XIX в., помимо грабежа караванов, «весьма распространенным видом нападения» являлась барымта – насильственный угон лошадей, когда, подкравшись ночью к пасущимся лошадям, с невероятной быстротой похищалась часть из них. Этим действиям следовало опасаться, потому что несколько грабителей, соединившись вместе и напад врасплох на наших часовых, могли причинить ...непоправимый урон. Даже в том случае, если киргизы не осмелятся напасть на ...многочисленный эскорт, ...не исключено, что они подожгут траву и камыш в степи, где мы будем проходить, чтобы тем самым умножить трудности путешествия или даже сделать его невозможным» (Мейендорф, 1975: 23).

Представляется, что причин нападения казахов на российские торговые караваны, следовавшие транзитом через степь, было несколько. В сложившейся системе традиций казахского общества барымта – угон скота у соплеменников – являлась нормой социальных отношений. В рамках судебного права кочевников – адату – барымта/имущественная компенсация назначалась судом биев мерой наказания виновных в том или ином преступлении. Вполне очевидно, что захват имущества, лошадей и верблюдов у российских и азиатских купцов казахами не расценивался как уголовное преступление и ментально вписывался в традиционный институт барымты. Кроме этого, как отмечали еще путешественники первой половины XIX в., «киргизы, недовольные тем, что русские исследуют их пустыни, нередко совершают нападения на проходящие караваны» (Мейендорф, 1975: 23). Действительно, на протяжении XVIII – начала XIX вв. российские власти целенаправленно проводили комплексное исследование территорий Младшего и Среднего жузов, пытались выявить их демографический и экономический потенциал. Данный процесс сопровождался строительством военно-оборонительных линий, которые в начале девятнадцатого столетия стали выдвигаться вглубь казахской степи. Однако в большей степени увеличение количества нападений на торговые караваны нужно связывать, по нашему мнению, с уходом с политической арены авторитетных ханов XVIII в. и ростом борьбы за власть между их многочисленными потомками. Право сопровождать российские караваны через казахскую степь, обеспечивая их безопасность, стало рассматриваться казахской этноэлитой как веский аргумент усиления ее политического влияния. Конкурентная борьба между ней за это право приводила к межродовым столкновениям, проявлявшимся в форме барымты – насильственного угона скота – и нападений на торговые караваны тех султанов, которые смогли им воспользоваться.

Нужно отметить, что российские власти проблему безопасности транзитных торговых караванов рассматривали в привязке к международной ситуации в центральноазиатском регионе и российско-хивинским отношениям. По мнению чиновников, инициаторами и покровителями казахов Младшего жуза в нападениях на торговые караваны выступали хивинские ханы, подданные которых также принимали участие в грабежах. Члены торгово-дипломатических миссий 20-х гг. XIX в. отмечали, что «они (хивинцы – авт.), не менее проворные, чем киргизы, но более сплоченные, неоднократно совершали набеги отрядами в четыре-пять тысяч человек. ...Нападения грабителей столь же быстры, сколь и неожиданны. Они наводят панику криком и воем, и верблюды, разбежавшись, легко попадают в их руки. Лучшее средство предупредить такое замешательство – заставить животных опуститься на задние ноги: тогда их с трудом можно поднять. Но часто не остается времени, чтобы прибегнуть к этой предосторожности, и тогда караван пропал: очутиться в киргизской степи без верблюдов – значит погибнуть» (Мейендорф, 1975: 32). Наиболее резонансным стало нападение хивинцев в 1824 г. на отправленный в Бухару вооруженный караван полковника Циолковского под конвоем из 625 человек и двух орудий.

В связи с этим решение проблемы безопасности торговых караванов российскими властями виделось, прежде всего, в урегулировании российско-хивинских отношений. Принявшие массовый характер нападения на торговые караваны актуализировали принятие более решительных действий в данном направлении. Поэтому в начале XIX в. впервые в азиатской политике России была высказана идея о необходимости отказа от дипломатического давления на Хиву и перехода к ее военному захвату и возможному политическому подчинению. Уже зимой 1824 г. состоялась военная экспедиция к устьям Эмбы под командованием полковника Генерального штаба Берга для исследования маршрутов передвижения в Хиву. В 1831 г. полковник Генс провел рекогносцировку рек Карт, Аят, Суяндук. Все эти мероприятия подготовили и сделали осуществимым первый военный поход на Хиву в 1839–1840 гг. под командованием военного губернатора Оренбургского края В.А. Перовского.

Реакцией российской власти на грабеж торговых караванов казахами Младшего и Среднего жузов стало появление проектов, направленных на их «обуздание». Так, в 1804 г. военным губернатором Оренбургского края Г.С. Волконским был подготовлен и представлен императору Александру I проект «Мер к усмирению казахов, отучению их от хищничества и приучению к оседлой

жизни для большей безопасности русских торговых караванов» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 14. Л. 1–1 об.). При всей утопичности и даже некой абсурдности проекта в нем поражает, прежде всего, убежденность автора в необходимости принятия жестких и репрессивных мер, направленных на «усмирение степи». Его центральная идея – организация массового/сто процентного и насильственного переселения казахов «с настоящего их гнезда» «во внутренние степи России – Астраханскую, Саратовскую и Сибирскую губернии». Для этого предлагалось «наполнить оные (казахские степи – авт.) твердыми гарнизонами, высылать ежегодно экспедиции для пленения киргиз со скотом».

Г.С. Волконский признавал, что «меря эта может показаться жестокою и кровопролитною», но был убежден, что она оправдана, т.к. «необходимо действовать всеми средствами на пресечение грабительств, тем более что насильно переселить удастся какую-то часть, а остальные переселятся сами, через убеждение» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 14. Л. 4-5 об.). На освободившиеся территории губернатор считал рациональным организовать переселение крестьян, которые «сами будут охранять земли и границу, поэтому войска содержать здесь не придется». Получив данный проект, Александр I отдал приказ военному министру сухопутных сил С.К. Вязмитинову и министру иностранных дел князю Чарторыйскому обсудить его (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 14. Л. 29). Однако, к счастью, дальше обсуждения дело не продвинулось.

После неудачного завершения миссии и возвращения в Петербург предлагал свои проекты «усмирения степи» и поручик Я.П. Гавердовский. К числу составленных им в первые месяцы после возвращения в столицу аналитических документов, представленных правительству, следует отнести следующие записки: «Система к преобразованию и устройению киргизского народа, для возвращения разграбленного капитала, успокоения караванных ходов и приведения в порядок киргизские роды и всей Оренбургской линии»; «О средствах для успокоения в Оренбургском краю киргизского народа и к благосостоянию торговли при нынешних обстоятельствах», заметки «О мероприятиях для успокоения в Оренбургском краю киргизского народа» (Халфин, 1974: 73-75). В них Я.П. Гавердовский, констатируя факт политической нестабильности на караванных путях и многочисленные случаи грабежей казахами торговых караванов, предлагал российскому правительству наказывать военно-полицейскими мерами только правящую верхушку казахских родов, участвующих в них, но не рядовых кочевников-скотоводов. Как отмечает И.В. Ерофеева, «предлагая своим высокопоставленным адресатам различные способы обуздания «своеволия» казахов и наказания виновников за совершенные грабежи, Я.П. Гавердовский настойчиво стремился избежать ненужного насилия и причинения материального ущерба основной массе казахского населения, что не может не вызывать определенного уважения и симпатии к нему» (Ерофеева, 2007).

Несмотря на присутствие в правительственных кругах и региональных органах власти сторонников решительных действий в отношении казахов, российское правительство придерживалось более умеренных позиций в решении проблемы безопасности торговых караванов и рекомендовало действовать исключительно дипломатическими методами. Так, весной 1804 г. в Оренбург был вызван хан Младшего жуза Айчувак и султан Среднего жуза Джангир Каипов. Из контекста документов этой встречи следует, что к моменту ее проведения грабеж российских караванов принял массовый характер. Поэтому наряду с вопросом «о прекращении разграбления русских караванов», в ходе встречи обсуждалась проблема «возвращения пограбленного русскому купечеству», «которое почти уже столь чувствительно, что оставляет сей довольной важный торг» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 14. Л. 13). Свидетельством того, что на эту встречу возлагались большие надежды, является тот факт, что вся информация о ней в срочном порядке должна была быть передана вице-канцлеру Воронцову.

В ходе совещания, состоявшегося 24 марта 1804 г., военный губернатор Оренбургского края граф Г.С. Волконский представил позицию российской стороны и потребовал от хана Младшего жуза Айчувака принятия конкретных мер, направленных на возвращение награбленного товара у российских купцов. Хан, в свою очередь, обещал поддержку в данном процессе. Однако в письме, отправленном в Оренбург через несколько дней после встречи, он отказался содействовать возвращению награбленного у русских купцов, мотивируя отказ тем, что «роды, в грабежах участвовавшие, явно и совсем отложились от подчинения ему». На требование прекратить дальнейшие грабежи караванов, следующих в Хиву и Бухару, хан выразил согласие и «обещал в благонамеренных расположениях пребывать» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 14. Л. 20-20 об.).

Однако было очевидно, что в условиях набирающего темпы противостояния этноэлиты Степного края в борьбе за власть и дестабилизации социально-политической ситуации в жузах, роста барымты, ожидать прекращения грабежей было напрасной надеждой. Поэтому в направленной в Петербург депеше генерал-губернатор Г.С. Волконский сделал заключение: «Хан Айчувак весьма мало подал надежды о себе, чтобы мог содействовать в чем-нибудь относительно удовлетворения за разграбленные киргизами (казахами – авт.) купеческие караваны, и решительно отозвался, что он не в силах ни удержат киргизов (казахов – авт.) от наглостей, ни восстановить среди них спокойствия» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 14. Л. 21).

В 1812 г. оренбургскому губернатору Г.С. Волконскому неожиданно удалось заключить договор с депутатами от аргынского и епасского родов Среднего и Младшего жузов «О примирении казахов с

Россией и мерах к обеспечению безопасности русских караванов». Накануне этого события произошло очередное разграбление торгового каравана численностью в 1000 верблюдов, шедшего из Бухары в Троицк. В ходе столкновения пострадало значительное количество казахов как со стороны сопровождавших караваны, так и со стороны нападавших. Уставшие от взаимных набегов и барымты султаны, старшины, бии и родоначальники аргынского, кипчакского и епаского родов Младшего и Среднего жузов собрались 10 августа 1812 г. при урочище Биль Карагай. На съезде «при стечении большого количества их народа» они заключили между собой «миролюбивое условие» о прекращении «международных раздоров и претензий» и «нащел бережения караванов от грабежей дали обязательство». О своем решении они сообщили Г.С. Волконскому (АВПРИ. Ф. 724. Оп. 724. Д. 100. Л. 24-24 об).

В рамках подписанного соглашения казахи взяли обязательство «собрать три тысячи человек вооруженных людей», послать их в аулы подразделений узун и тур аргынского рода, организовавших нападение, «для возвращения ограбленного». По договору они также гарантировали безопасность прохождения «купеческих караванов в Бухарию от России» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 14. Л. 36-37). Взамен казахи требовали предоставления им права «избрать своего аргынского хана» и в случае положительного решения вопроса просили Г.С. Волконского ходатайствовать перед императором о его приезде со свитой в Санкт-Петербург. Это подтверждает тезис об усилении межродовой борьбы и центробежных тенденций в Младшем и Среднем жузах в первые десятилетия XIX в. В связи с этим нужно отметить, что во главе аргынского рода находился влиятельный султан Худай Мендин (именно он претендовал на титул хана), на протяжении нескольких лет контролировавший торговые маршруты в Бухару и сопровождавший туда российские караваны (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 14. Л. 13).

Определенный эффект от заключенного договора имел место. Так, по сообщениям губернатора Волконского в МИД и Управление генерального штаба в 1816 г. «все караваны вернулись в наши пределы благополучно, как начальник бухарского купечества, так и ордынские султаны и бии в сем меня удостоверили лично. Безопасность обеспечивали в Младшем жузе султаны Арынгазы Аблаев и Ширгазы Каипов, Среднего жуза султан Худай Мендин» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 14. Л. 46-46 об.).

На территории казахов Среднего жуза, подведомственных сибирской администрации, случаи нападения на торговые караваны, направляемые в Бухару и Синьцзян участились в 10-е гг. XIX в. Сибирский губернатор Г.И. Глазенап неоднократно запрашивал МИД «о дозволении отправить военный наряд для усмирения киргизцев (казахов – авт.)», грабивших караваны. Однако каждый раз ему рекомендовалось «стараться о доставлении купцам удовлетворения за разграбленные киргизцами караваны чрез их хана; для обеспечения же предбудущее время торговли по Сибирской линии производимой, караван впредь отправлять с надежным прикрытием воинской команды» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 21. Л. 45-46 об).

Однако в условиях отсутствия в регионе значительного воинского контингента сибирская администрация не была способна обеспечивать безопасность караванов. Единственным для нее выходом стало принятие «официальных прошений» казахских правителей о предоставлении им права сопровождать торговые караваны по территории Младшего и Среднего жузов «в бухарские владения и обратно». Но даже эти меры давали слабый эффект. Грабежи продолжались и к началу 20-х гг. XIX в., движение караванов по степи фактически прекратилось. Это могло привести к полному прекращению российско-азиатской торговли.

Упадок внешней торговли России с центральноазиатскими владениями совпал по времени с началом нового этапа ее политики в отношении казахов Младшего и Среднего жузов. В 1822 и 1824 гг. были утверждены Уставы о сибирских и оренбургских казахах, ликвидировавшие ханскую власть в Среднем и Младшем жузах и введшие российскую административно-территориальную, судебную и налоговую системы. Таким образом, началась политическая и социально-экономическая интеграция данного этнорегиона в общеимперское пространство. Все дела, касающиеся казахов, были переданы из Азиатского департамента МИД в МВД. И уже с 30-х гг. XIX в. Младший и Средний жузы стали рассматриваться российской политической элитой как внутренняя провинция империи (Традиционное казахское общество..., 2014).

Все это давало основание для принятия более решительных и силовых методов в решении проблемы безопасности торговых караванов, следующих транзитом через казахскую степь. Так, по Уставу о сибирских казахах 1822 г. нападение на торговые караваны было отнесено к разряду преступлений против государственной власти с соответствующим наказанием. В 1837 г. указом Николая I казахи Оренбургского ведомства, виновные в барымте, измене, убийствах, разбоях, грабежах караванов, захвате русских для продажи в рабство, также были переданы в ведение военных судов. Данный указ был подтвержден «Положением об управлении оренбургскими киргизами» 1844 г. Кроме того, на султанов-правителей Младшего жуза и старших султанов Среднего жуза российская администрация возложила обязанность по отслеживанию ситуации в степи и недопущению беспорядков и конфликтов между родами (Перфильев, 2010: 6). Другой важной мерой предотвращения нападений на торговые караваны стало возведение в степи новой сети укреплений и редутов.

Военно-оборонительные и нормативно-правовые мероприятия российской администрации, направленные на решение проблемы безопасности торговых караванов, подкреплялись усилиями

дипломатических кругов. Так, в 1821 г. посольству А.Ф. Негри дважды удалось встретиться с бухарским эмиром Хайдар-ханом и договориться с ним о расширении российско-бухарской торговли. В 1830 г. по инициативе Азиатского департамента МИД состоялась поездка Н.Г. Потанина через казахскую степь в Коканд, в 1835–1836 гг. были совершены дипломатические миссии П.И. Демезона и И.В. Витевского в Бухару. Через три года в Бухаре вновь побывала российская дипломатическая миссия Е.П. Ковалевского, в 1841 г. – посольство К.Ф. Бутенева (*Политика России и Китая...*, 2014: 33).

Прорывом российской дипломатии следует признать миссию Г. Данилевского в Хиву в декабре 1842 г. Ей удалось убедить взошедшего на престол за месяц до этих событий Рахимкул-хана поставить печать на «Обязательном акте». Его девять пунктов обязывали Хиву отказаться от враждебных действий против России, в том числе совместных с казахами нападений на русские караваны. Важное значение для развития российско-центральноазиатской торговли имел пункт «обязательного акта», устанавливающий 5 % сбор со стоимости товаров, ввозившихся в Хиву российскими купцами (в Бухаре он составлял 10 %) и гарантировавший беспрошлый транзит через ее территорию в Бухару и Коканд (*Политика России и Китая...*, 2014: 33).

Изменение подходов России к решению проблемы безопасности транзитных торговых караванов, следовавших через казахские степи, сразу отразилось на политике региональной администрации в данном вопросе. В 1822 г. генерал-губернатор Западной Сибири П.М. Капцевич, абсолютно убежденный, что «мирные увещания и переговоры с султанами не дают положительного эффекта, так как грабители знают, что они не будут наказаны», разработал план неожиданного вторжения вооруженного отряда в пределы кочевания двух волостей табуклинского рода Среднего жуза, наиболее активно грабивших торговые караваны (*РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 14. Л. 111-112 об.*).

По итогам военной экспедиции П.М. Канцевич разослал всем султанам, старшинам и биям Среднего и Старшего жузов письмо, в котором были представлены результаты этого похода. В нем сообщалось, что у табуклинцев кучуковского, юзмаметского, мурза-мамайского и джуван-таякского отделений было конфисковано 1340 лошадей, 560 верблюдов, 831 голова крупного рогатого скота, 2600 баранов. Саких табуклинцев «очень большое число было захвачено в плен, но выбраны были из них более отличившиеся в грабежах 62 человека, из которых на основании узаконений и согласно моему повелению (генерал-губернатора Западной Сибири П.М. Капцевича – *авт.*) 13 человек прогнано сквозь строй, трое через 1000 человек, прочие же по одному разу». Сообщая о наказании, постигшем табуклинскую волость, П.М. Капцевич рекомендовал казахским правителям «иметь строгий надзор за подведомственными казахами и прекратить грабежи караванов и барымты, жить мирно между собой, как подданным Великого Государя подлежит» (*РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 14. Л. 111-112 об.*).

Не менее решительные действия были предприняты оренбургской администрацией. В 1825 г., полковник Шапов с 500 казаками и 2 орудиями вторгся в аулы «сообщников Юлашана (руководителя грабительского отряда казахов – *авт.*), взял 128 человек пленных». В 1836 г. состоялась зимняя экспедиция полковника Мансурова по льду на полуостров Бузачи (в Каспийском море) «для наказания киргизского рода адаевцев, у которых преимущественно находили убежище морские разбойники и эмиссары хивинские». Действия отряда уральских казаков оказались крайне неожиданными для казахов. В результате было взято в плен 53 человека и значительное количество скота. Следует отметить, что для наказания виновных в грабежах российских караванов казахов оренбургские власти использовали башкир. Так, в 1836 г. для наказания казахов, в очередной раз ограбивших в Больших Барсуках российский караван, Перовский направил «башкир 1000 охотников и напустил их на виновных... Наказание было довольно чувствительно и не стоило нам ни гроша» (*Терентьев, 2010: 37*).

Вся предпринятая совокупность мер российских властей дала положительный эффект. Судя по делопроизводственной переписке центральных и региональных органов власти, в 40-е гг. XIX в. проблема безопасности торговых караванов, следующих транзитом через казахскую степь, была решена.

5. Заключение

Проблема безопасности российских купеческих караванов являлась важным аспектом российско-казахских отношений первой половины XIX в. Причиной массового разграбления российских и центральноазиатских караванов в казахской степи следует считать уход с политической арены влиятельных ханов XVIII в., спровоцировавший усиление борьбы за власть между их многочисленными потомками. Возможность сопровождать российские торговые караваны через казахскую степь, обеспечивая их безопасность, стала рассматриваться казахской этноэлитой как дополнительный аргумент усиления своего влияния и могущества в степи. Борьба между ними за это право приводила к многочисленным нападениям на торговые караваны тех султанов, которые не смогли его получить.

Российская администрация уделяла огромное внимание проблеме безопасности своих караванов, следовавших на центральноазиатские рынки через казахскую степь. Данная проблема обсуждалась с членами «депутатских миссий» казахских ханов, султанов Младшего и Среднего жузов, которые приезжали ко двору российских императоров в первой половине XIX в. В ходе переговоров

стороны рассматривали вопросы расширения азиатской торговли, усиления мер безопасности торговых караванов, ответственности казахских родоправителей за их сопровождение, поимки и наказания виновных в разграблении караванов. Региональные власти проводили расследования, выявляли виновных в разграблении того или иного каравана, требовали с них возврата награбленного. Однако все это дипломатические меры не приносили желаемого успеха. Поэтому, начиная с 20-х гг. XIX в., после введения Уставов о сибирских и оренбургских киргизах 1822 и 1824 гг. российский власти стали рассматривать нападение на русские торговые караваны как уголовное преступление и наказывать виновных в рамках российского законодательства. На региональном уровне для этого стали использоваться более решительные меры по поимке и наказанию виновных. Вся данная совокупность мер позволила российским властям решить к концу 40-х гг. XIX в. проблему безопасности транзитных торговых караванов в казахской степи.

Литература

- АВПРИ** – Архив внешней политики Российской империи.
- Апполова, 1976** – *Апполова Н.Г.* Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX в. Москва, 1976. 371 с.
- Бекмаханов, 1947** – *Бекмаханов Е.Б.* Казахстан в 20–40 гг. XIX в. М., 1947. 230 с.
- Внешняя политика..., 1960** – Внешняя политика России XIX – начала XX в. Сб. документов. М., 1960. 750 с.
- Галиев, 2003** – *Галиев В.В.* Казахстан в системе российско-китайских торгово-экономических отношений в Синьцзяне (конец XIX – начало XX в.) Алма-Ата, 2003. 189 с.
- Ерофеева, 2007** – *Ерофеева И.В.* Рукописное наследие поручика Я.П. Гавердовского по истории, географии и этнографии Казахской степи // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. V. Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века. Алматы, 2007. 620 с.
- Зиманов, 1960** – *Зиманов С.З.* Политический строй Казахстана в конце XVIII века и первой половине XIX века. Алма-Ата. 1960. 247 с.
- История Казахстана..., 2000** – История Казахстана в пяти томах. Алматы, 2000. Т. 3. 765 с.
- Кожирова, 2000** – *Кожирова С.Б.* Российско-китайская торговля в Центральной Азии (вторая половина XIX – начало XX в.). Астана, 2000. 138 с.
- Материалы по истории..., 1940** – Материалы по истории Казахской ССР. 1785–1828 гг. М., 1940. Т. 4. 543 с.
- Материалы по истории..., 1948** – Материалы по истории Казахской ССР. 1741–1751. Алма-Ата, 1948. Т. 2. Ч. II. 456 с.
- Мейендорф, 1975** – *Мейендорф Е.К.* Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. 183 с.
- Перфильев, 2010** – *Перфильев А.Л.* Политика Российской империи по урегулированию межродовых конфликтов казахов Младшего и Среднего жузов // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 3 (11). С. 5-8.
- Политика России и Китая..., 2014** – Политика России и Китая в Центральной Азии во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул, 2014. 459 с.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив
- Сладковский, 1977** – *Сладковский М.И.* История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1977. 440 с.
- Старцев, 2003** – *Старцев А.В.* Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX – начало XX в. Барнаул, 2003. 308 с.
- Терентьев, 2010** – *Терентьев М.* Хивинские походы русской армии. М., 2010. 448 с.
- Традиционное казахское общество..., 2014** – Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.) / Под редакцией Ю.А. Лысенко. Барнаул, 2014. 271 с.
- Халфин, 1960** – *Халфин Н.А.* Политика России в Средней Азии (1857–1868) М., 1960. 272 с.
- Халфин, 1974** – *Халфин Н.А.* Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). М., 1974. 406 с.
- Lysenko, 2018** – Lysenko Yu. A. (2018) «Deputative missions» of the Kazakh khans, sultans and family governs in the court of the Russian emperors in the first half of the 19th century // *Bylye Gody.* № 50(4). pp. 1518-1529.

References

- AVPRI** – Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy imperii. [Archive of foreign policy of the Russian Empire].
- Appolova, 1976** – *Appolova N.G.* (1976). Khozyaystvennoye osvoyeniye Priirtyshia v kontse XVI – pervoy polovine XIX v. [Economic development of Priirtyshje at the end of XVI– to the first half of the 19th century]. Moscow. 371 p. [in Russian]
- Bekmakhanov, 1947** – *Bekmakhanov E.B.* (1947). Kazakhstan v 20–40 gg. XIX v. [Kazakhstan in 20–40 of XIX century]. Moscow. 230 p. [in Russian]

- [Vneshnyayaya politika..., 1960](#) – Vneshnyaya politika Rossii XIX – nachala XX v. [Foreign policy of Russia XIX – the beginnings of the 20th century]. Sb. Dokumentov, Moscow, 1960, 750 p. [in Russian]
- [Galiyev, 2003](#) – *Galiyev V.V.* (2003). Kazakhstan v sisteme rossiysko-kitayskikh torgovo-ekonomicheskikh otnosheniy v Sintszyane (konets XIX– nachalo XX v.). [Kazakhstan in the system of the Russian-Chinese trade and economic relations in Xinjiang (the end of XIX – the beginning of the 20-th century)]. Alma-Ata. 189 p. [in Russian]
- [Erofeyeva, 2007](#) – *Erofeyeva I.V.* (2007). Rukopisnoye naslediyе poruchika Ya. P. Gaverdovskogo po istorii. geografii i etnografii Kazakhskoy stepi. [Hand-written heritage of the lieutenant Ya.P. Gaverdovsky on stories. geography and ethnography of the Kazakh steppe]. // Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov. T. V. Pervyye istoriko-etnograficheskiye opisaniya kazakhskikh zemel. Pervaya polovina XIX veka. Almaty. 620 p. [in Russian]
- [Zimanov, 1960](#) – *Zimanov S.Z.* (1960). Politicheskiy stroy Kazakhstana v kontse XVIII veka i pervoy polovine XIX veka. [Political system of Kazakhstan at the end of the 18th century and the first half of the 19th century]. Alma-Ata. 247 p. [in Russian]
- [Istoriya Kazakhstana..., 2000](#) – Istoriya Kazakhstana v pyati tomakh. [The history of Kazakhstan in five volumes]. Almaty, 2000, T. 3. P. 765. [in Russian]
- [Kozhirova, 2000](#) – *Kozhirova S.B.* (2000). Rossiysko-kitayskaya torgovlya v Tsentralnoy Azii (vtoraya polovina XIX– nachalo XX v.). [The Russian-Chinese trade in Central Asia (the second half of XIX – the beginning of the 20-th century)]. Astana. 138 p. [in Russian]
- [Materialy po istorii..., 1940](#) – Materialy po istorii Kazakhskoy SSR. (1940). 1785–1828 gg. [Materials on the history of the Kazakh SSR. 1785–1828]. Moscow. T. 4, 543 p. [in Russian]
- [Materialy po istorii..., 1948](#) – Materialy po istorii Kazakhskoy SSR. (1948). 1741–1751. [Materials on the history of the Kazakh SSR. 1741–1751]. Alma-Ata. T. 2, Ch. II, 456 p. [in Russian]
- [Meyendorf, 1975](#) – *Meyendorf E.K.* (1975). Puteshestviye iz Orenburga v Bukharu. [Travel from Orenburg to Bukhara]. Moscow. 183 p. [in Russian]
- [Perfilyev, 2010](#) – *Perfilyev A.L.* (2010). Politika Rossiyskoy imperii po uregulirovaniyu mezhrodovyykh konfliktov kazakhov Mladshhego i Srednego zhuzov. [Policy of the Russian Empire on settlement of the intergeneric conflicts of Kazakhs of Younger and Average zhuzes]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 3(11). pp. 5–8. [in Russian]
- [Politika Rossii i Kitaya..., 2014](#) – Politika Rossii i Kitaya v Tsentralnoy Azii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [Policy of Russia and China in Central Asia in the second half of XIX – the beginning of the 20th century]. Barnaul, 2014, 459 p. [in Russian]
- [RGIA](#) – Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv. [The Russian state historical archive].
- [Sladkovskiy, 1977](#) – *Sladkovskiy M.I.* (1977). Istoriya torgovo-ekonomicheskikh otnosheniy narodov Rossii s Kitayem (do 1917 g.). [A story of trade and economic relations of the people of Russia with China (till 1917)]. Moscow. 440 p. [in Russian]
- [Startsev, 2003](#) – *Startsev A.V.* (2003). Russkaya torgovlya v Mongolii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.). [The Russian trade in Mongolia (the second half of XIX – the beginning of the 20th century)]. Barnaul. 308 p. [in Russian]
- [Terentyev, 2010](#) – *Terentyev M.* (2010). Khivinskiye pokhody russkoy armii. [Khivan campaigns of the Russian army]. Moscow. 448 p. [in Russian]
- [Traditsionnoye kazakhskoye obshchestvo..., 2014](#) – Traditsionnoye kazakhskoye obshchestvo v natsionalnoy politike Rossiyskoy imperii: kontseptualnyye osnovy i mekhanizmy realizatsii (XIX – nachalo XX v.) (2014). [Traditional Kazakh society in national policy of the Russian Empire: conceptual bases and mechanisms of realization (XIX – the beginning of the 20th century)] / Pod redaktsiyey Yu. A. Lysenko. Barnaul. P. 271. [in Russian]
- [Khalfin, 1960](#) – *Khalfin N.A.* (1960). Politika Rossii v Sredney Azii (1857–1868). [Policy of Russia in Central Asia (1857–1868)]. Moscow. 272 p. [in Russian]
- [Khalfin, 1974](#) – *Khalfin N.A.* (1974). Rossiya i khanstva Sredney Azii (pervaya polovina XIXv.). [Russia and khanates of Central Asia (the first half of XIX century)]. Moscow. 406 p. [in Russian]
- [Lysenko, 2018](#) – *Lysenko Yu. A.* (2018). «Deputative missions» of the Kazakh khans, sultans and family governs in the court of the Russian emperors in the first half of the 19th century. *Bylye Gody*. № 50(4). pp. 1518–1529.

Проблема безопасности торговых караванов в российско-казахских отношениях первой половины XIX в.

Юлия Александровна Лысенко ^{а, *}

^а Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

^б Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^с Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Начавшееся на рубеже XVIII–XIX вв. массовое нападение на русские торговые караваны в казахской степи, следовавшие через нее транзитом на рынки Центральной Азии, актуализировало в российско-казахских отношениях вопрос о их безопасности. Возникновение данной проблемы было связано с уходом с политической арены авторитетных ханов XVIII в. и ростом борьбы за власть между их многочисленными потомками. Возможность сопровождать российские караваны через казахскую степь, обеспечивая их безопасность, стала рассматриваться казахской этноэлитой как веский аргумент усиления политического влияния. Конкурентная борьба между ней за это право приводила к нападениям на торговые караваны тех султанов, которые не смогли им воспользоваться.

В начале XIX в. проблема безопасности торговых караванов обсуждалась с членами «депутатских миссий» Младшего и Среднего жузов, приезжавших ко двору российских императоров. На переговорах рассматривались вопросы усиления охраны караванов, ответственности султанов за их сопровождение, механизмы выявления виновных в нападениях. Региональные власти призывали родоправителей усилить контроль за ситуацией в степи и пресекать новые попытки нападений. Однако дипломатические меры не приносили желаемого эффекта. Поэтому, начиная с 20-х гг. XIX в., российские власти стали рассматривать грабеж русских торговых караванов как уголовное преступление и определять меру ответственности виновным в рамках действующего законодательства. На региональном уровне были задействованы более решительные меры по поимке и наказанию виновных.

Ключевые слова: Российская империя, казахи, Синьцзян, Бухара, Хива, транзитная торговля, безопасность.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: iulia_199674@mail.ru (Ю.А. Лысенко)

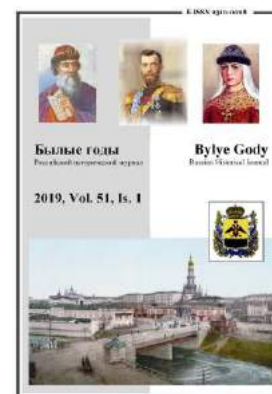
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 51. Is. 1. pp. 149-157. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.1.149
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Part of the Fleet in the Capture of Kokand Fortress of Ak-Mechet

Yuri F. Katorin ^{a,*}, Anatoliy P. Nyrkov ^a, Olga V. Natolochnaya ^{b,c}

^a Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping, Russian Federation

^b International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

This article describes some aspects of the history of the conquest of Central Asia by the Russian Empire in the 19-th century, described in detail the training expedition to capture Kokand fortress of Ak-Mechet, examines the forces of the parties, described in detail progress in the siege and storming of the fortress, the loss of detail parts, as well as the importance of capturing the fortress for the further advancement of the Russian Empire in Central Asia. Materials are of particular interest to participate in the expedition military sailors, who were not only the delivery of supplies and amphibious landing, but for the first time fired reconnaissance soundings, determined the speed of flow of the Syr Darya, researched the nature of DNA and made navigation and hydrographic description of river that had great significance for future expeditions.

Keywords: Achievement of Central Asia, Aral sea, Syrdarya, Earl V.A. Perovskitethe lieutenant commander A.I. Butakov, siege and storming of the fortress of Ak-Mechet in 1853, Aral flotilla.

1. Введение

С завоеванием царств Казанского (1552) и Астраханского (1556), с покорением Сибири (1581) Россия приобрела новых соседей – мирных, и беспокойных. Мирных пришлось защищать, а от врагов защищаться самим. Между реками Узбой и Амударья с одной стороны и границами с Афганистаном и Персией с другой простирались огромные земли, которые, по единодушному мнению русских путешественников, представляли собой «безотрадную пустыню». Обитали там племена кочевников, которые испокон веков занимались не столько разведением скота и сельским хозяйством, сколько работорговлей и грабежами. Похищали, как правило, персов, казахов, а потом попробовали переключиться и на русских колонистов – по мере приближения границ Российской империи к Каспию ([Военная энциклопедия, 1911](#)).

Кочевые племена и банды буквально терроризировали российские окраины. Причем действовали они не сами по себе. За ними стояли азиатские государства – Кокандское и Хивинское ханства, Бухарский эмират. Подстрекали набеги, финансировали их, а потом скупали добычу. Большая часть казахов с XVIII в. приняли подданство России, но соседи не только грабили, но и разлагали их, подбивали к бунтам и соблазняли подключаться к набегам. Столкновения 1847–1848 гг. показали, что русские не только прочно утвердились на Сырдарье, но и намерены защищать тех казахов, которых считают подданными своей державы. В 1849–1850 гг. крупных набегов из кокандских земель не было. Весной 1852 г. полуторатысячное войско под командованием Якуб-бека, правителя кокандской крепости Ак-Мечеть на Сырдарье, вновь вторглось в русские владения, но было вовремя обнаружено и бежало от русского отряда, бросив награбленный у казахов скот ([Терентьев, 1903: 128](#)).

* Corresponding author

E-mail addresses: katorin@mail.ru (Yu.F. Katorin), kaf.koib@gmail.com (A.P. Nyrkov)

После этого стало понятно, что одними оборонительными действиями не обойтись и вопрос следует решить радикально. Поэтому русским войскам была поставлена задача – прекратить дерзкие набеги местных племен на приграничные земли, покорив их силой оружия, что также позволило бы защитить караванные пути и обеспечить развитие торговли с Персией, Афганистаном и Индией.

2. Материалы и методы

2.1. Материалами послужили документы Российского государственного военно-исторического архива, Центрального государственного архива Военно-морского флота, Государственного архива Оренбургской области, мемуары участников похода, опубликованные отчеты, а также материалы периодической печати того времени. Важное место занимают дореволюционные и современные исследования по истории присоединения Средней Азии к Российской империи.

2.2. Методологической основой работы послужили основополагающие методы объективности, системности и диалектической взаимосвязи явлений, методы историзма, сравнительного анализа и синтеза, способствующие критически-аналитическому осмыслению событий и фактов далекого прошлого, критическое отношение к источникам, вынесение суждений в результате анализа совокупности фактов, а также показ явлений в развитии и контексте исторической обстановки.

Обоснованность и достоверность исследования базируется на основе анализа большого количества архивных материалов и литературных источников и обеспечивается научной методологией, комплексным характером исследования, системным подходом и подтверждается строгой логикой выводов в соответствии с поставленными целями и задачами.

Результаты исследования могут быть использованы в образовательном процессе высших учебных заведений, а также в качестве справочно-аналитического материала специалистами.

3. Обсуждение

В целом экспедиция русских войск с целью захвата крепости Ак-Мечеть, несмотря на малую численность войск, принимавших в ней участие, довольно подробно освещена в военной и исторической литературе, поскольку ее результаты имели стратегическое значение. Однако при этом практически полностью умалчивается участие в этом деле военных моряков. Лишь в нескольких работах вскользь упомянуто присутствие у крепости парохода Аральской флотилии «Перовский». В целом изучение доступных публикаций по указанной теме свидетельствует, что никакого анализа роли флота в этом походе мы не находим. Эта статья призвана в какой-то мере ликвидировать данный пробел. При работе над ней, помимо архивных материалов и мемуарной литературы, были использованы «Памятные книжки Морского министерства» и официальные списки или регистры речных судов России, поскольку справочники по корабельному составу рассматривают Аральскую флотилию лишь эпизодично.

Вновь назначенный оренбургский генерал-губернатор граф Василий Алексеевич Перовский (1795–1857) (Рис. 1) решил предпринять операцию первостепенной важности: овладеть кокандской крепостью Ак-Мечеть, запиравшей у Аральского моря все пути в Среднюю Азию и считавшейся среднеазиатскими народами неприступной. Более того, в рапорте на имя императора Николая I Перовский настаивал на уничтожении всех кокандских и хивинских крепостей на обоих берегах Сырдарьи. «Допущение коканцев и хивинцев к водворению на том или другом берегу Сыра, — писал он, — было бы в равной степени несовместимо с плаванием наших пароходов и с устройством, согласно Высочайшей воле, промежуточных постов для соединения Аральского укрепления с крайним пунктом Сибирской линии». Перовский (до губернаторства), немало преуспевший и на ниве разведки, хорошо понимал это. Правда, в 1840 г. хивинский Кули-хан издал указ о запрете взятия в плен русских и даже запретил покупать русских пленников у других степных народов. Тем самым хивинский хан намеревался нормализовать отношения с могущественным северным соседом, но в реальной жизни мало что изменилось (Присоединение, 1960: 238).

Рис. 1. Граф В.А. Перовский (1795–1857)

Крепость Ак-Мечеть была заложена на расстоянии четверти версты от правого берега реки Сырдарья Омар-ханом (Amir Umarxon; 1787–1822), правителем Кокандского ханства, в 1820 году как форпост Коканда в казахских степях и опорный пункт для совершения набегов, гарнизон состоял из 300 воинов при 3 орудиях. Укрепления Ак-Мечети, как это часто бывает в средневековых городах, образовывали две линии: внешнюю и собственно крепость, которая была окружена рвом с водой и имела глинобитные стены высотой около 9 м с башнями на углах и на серединах фасов, имевших более 50 сажень (100 м) длины каждый. Дополнительной защитой городу служили также протоки Сырдарьи. Внутри крепости находились три колодца с пресной водой, две мечети, медресе и около 50 глинобитных домиков (Макшеев, 1896: 189).

Весь отряд состоял из 2168 военнослужащих, в том числе 89 офицеров и чиновников (3 генерала, 12 штаб-офицеров, 50 обер-офицеров, 10 зауряд-офицеров, 14 чиновников разных ведомств), при 12 орудиях и 5 мортирах, а также 500 киргизов-волонтеров, служивших разведчиками и перевозивших грузы. Перевозочные средства заключались в 1333 верблюдах, 2605 лошадях, 18 волах и 506 телегах. Кроме того, при отряде находился султан Илекей и с ним свита в 200 киргизов. Пройдя 410 км в 16 переходов за 18 дней, головные эшелоны прибыли к вражеской крепости 3 (15) июля 1853 г. (Рис. 2). Отряду на переходе пришлось преодолеть большие трудности: стояла сильная жара, растительность была уничтожена саранчой и палами, пущенными кокандцами (РГВИА. Ф. 1376. Оп. 1. Д. 230. Л. 68).

5 июля по Сырдарье пришел с баржой на буксире вооруженный пушками пароход «Перовский» под командованием капитан-лейтенанта Алексея Ивановича Бутакова (1816–1869). Кроме него в экипаже были капитан-лейтенант Николай Алексеевич Ивашинцев (1819–1871), присланный из Морского ведомства для определения астрономических пунктов на Сырдарье, лейтенант Христофор Петрович Эрдели (1824–1872), Корпуса флотских штурманов подпоручик Ксенофонт Егорович Поспелов (1820–1853), Корпуса корабельных инженеров прапорщик Александр Семенович Синкони (1824–1879) (Каторин, Кузнецов, 2014: 138).

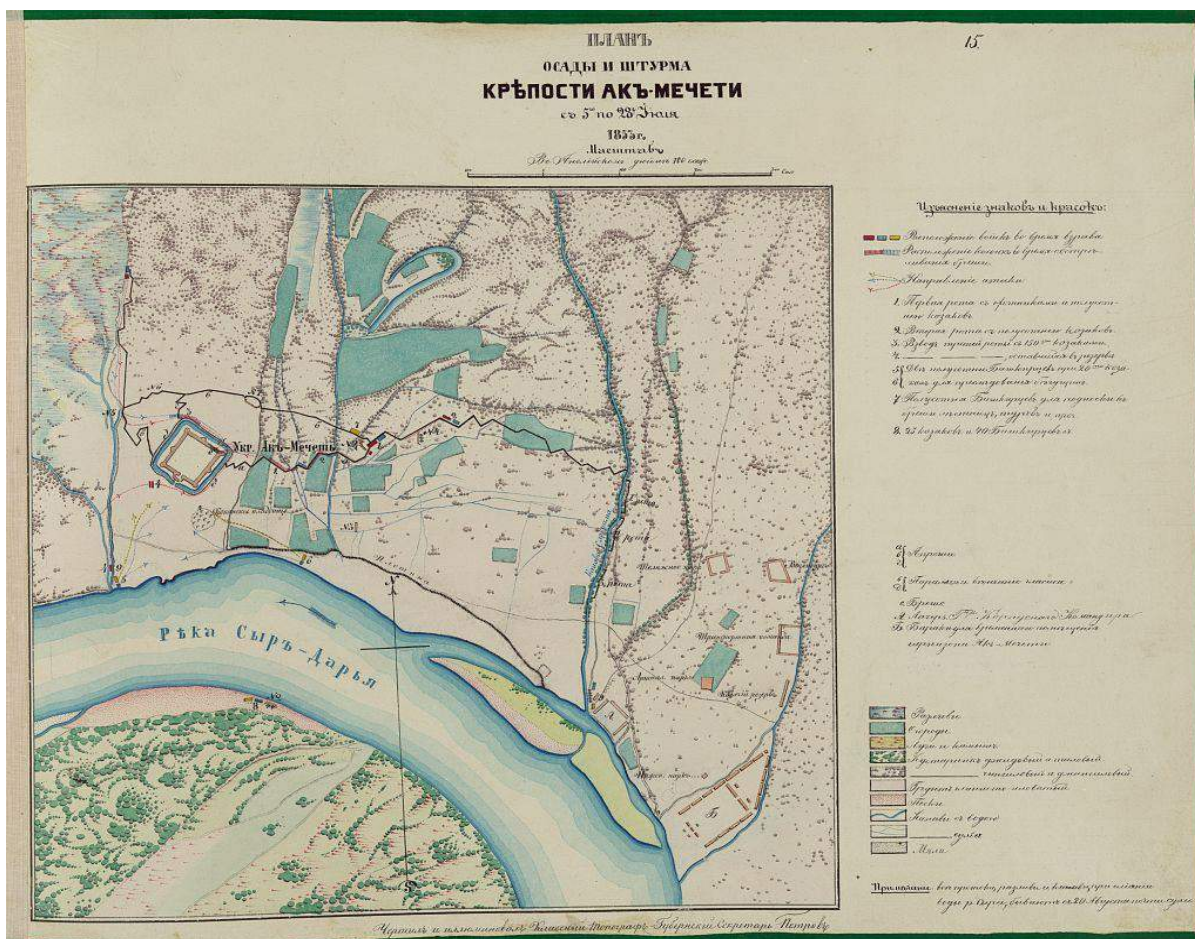

Рис. 2. План окрестностей крепости Ак-Мечеть

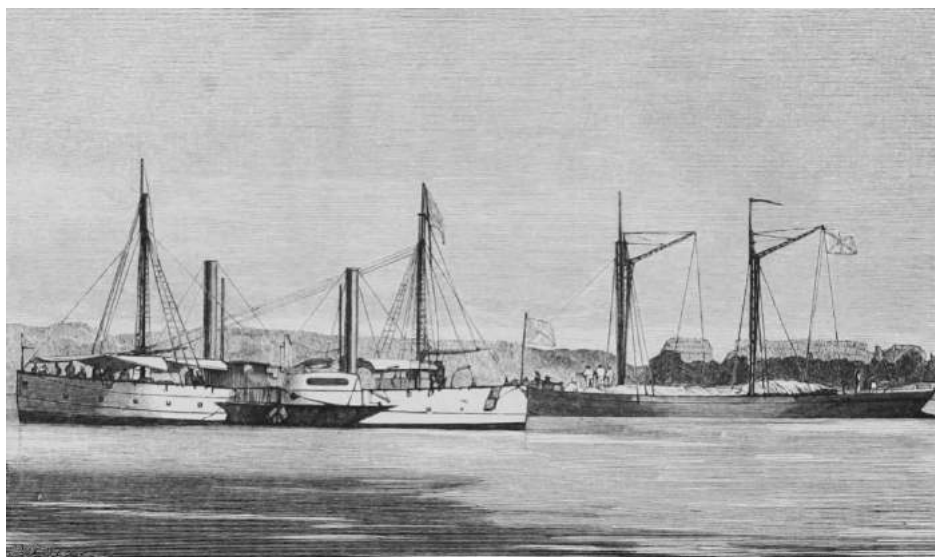

Рис. 3. Пароход «Перовский»

Пароход «Перовский» (Рисунок 3): водоизмещение 140 т, главные размеры: 35,81 x 6,55 x 0,91 м; вооружение – один 3/4-пуд. (121,92-мм) медный единорог со станком на вращающейся платформе в носу и два горных единорога на станках типа карронадных – в корме (позже заменены одной 4-фунтовой (92,96-мм) нарезной пушкой); корпус железный; мощность паровой машины 40 н.л.с. Заказан заводу «Motala Verkstad», Motala (Швеция) в начале 1851 г. Стапельный номер – 85. Весной 1852 г. в разобранном виде привезен в Санкт-Петербург и по водным путям – в Самару (прибыл в июле 1852 г.), откуда гужевым транспортом доставлен в Раимское укрепление. Прибыл на место в ноябре 1852 г. По сборке был спущен на воду 26 февраля 1853 г., зимой 1863–1864 гг. при капремонте

ставят новые паровые котлы, исключен из списков судов флота в 1883 г. Назван в честь графа В.А. Перовского, с 1851 г. генерал-губернатора Оренбургской и Самарской губерний (Лапшин и др., 2012: 146).

Рис. 4. Вид крепости Ак-Мечеть с левого берега реки Сыр-Дарьи. (Русский художественный листок, № 8, 1856, худ. Тимм В.Ф.; 1820–1895)

4. Результаты

Предложение сдать кокандцы отклонили. Парламентеру прокричали со стен, чтобы Перовский сам озвучил свои требования, но когда он приблизился к крепости со своей свитой, его обстреляли. Начались осадные работы – к ночи на 8 (20) июля осаждавшие возвели пять батарей. Как сообщает участвовавший в осаде капитан Генерального штаба Алексей Иванович Макшеев (1822–1892), по неприятелю было выпущено около 160 снарядов из пушек и мортир и 40 ракет. Но огонь артиллерии оказался малоэффективным: русские снаряды не пробивали глинобитные стены крепости толщиной более 8 м, сбивали только иногда зубцы с них, а осажденные отвечали довольно метким огнем из ружей, поэтому строительство батарей производили преимущественно по ночам. Артиллерия крепости, напротив, сразу же показала свою слабость. У кокандцев было всего три медных пушки небольшого калибра, которые они переносили с башни на башню. Ядра летали версты на две, не причиняя осаждавшим большого вреда, также за неимением гранат осажденные стреляли кожаными шарами, начиненными порохом (Макшеев, 1896: 186).

11 июля осаждавшим удалось разбить артиллерийским огнем восточную башню. После этого успеха в данном месте сосредоточили все 12 орудий, пробивших наконец в крепостных стенах большую брешь. Воспользоваться достигнутым успехом, увы, не удалось: штурм сразу не начали, а в ночь на 13 июля кокандцы брешь заделали. Днем 20 июля группа осажденных совершила вылазку, захватила двух солдат и быстро вернулась в крепость. В Ак-Мечети пленных жестоко казнили: с них живых содрали кожу (Макшеев, 1896: 188).

Осада была тяжелой: кроме землекопных работ в жаркую летнюю пору, первое время отряд терпел еще некоторый недостаток в мясе, так как киргизы, боясь, что русские, взяв и разорив Ак-Мечеть, уйдут и оставят их мести кокандцев, упорно отказывались поставлять войскам скот, несмотря на предложенную очень выгодную цену. Только когда они увидели, что отряд заготавливает запасы сена и топлива и, следовательно, намеревается остаться в Ак-Мечети, киргизы успокоились и не только стали доставлять скот, но 150 человек из них нанялись на работы в госпитали и магазины.

В ночь на 28 июля (10 августа), через 25 дней после начала осады, назначили генеральный штурм. При этом особо отличилась прибывшая из Санкт-Петербурга саперная команда Лейб-гвардии Саперного батальона (23 человека), под начальством штабс-капитана Николая Осиповича Орловского (1822–1895), который «За боевые отличия» был награжден 6 февраля 1854 г. орденом св. Георгия 4-й степени (№ 9294). Саперы привезли с собой гальванические батареи и провода для подрыва мин. Работы были трудные, потому что подкоп велся в местности, изрезанной оросительными каналами, так что потребовался 21 день, чтобы добраться до крепостного рва. Гарнизон всячески пытался затруднить осаду, но саперы, работавшие неустанно день и ночь, прорыли крытый проход через ров, соорудили минную камеру и взорвали стену (заложено 40 пудов пороха). Над крепостью поднялось густое облако порохового дыма и пыли, и из цитадели слышались крики отчаяния, испускаемые гарнизоном, женщинами и детьми, которые осознали все отчаянность своего положения. Едва дым и пыль рассеялись, как обнаружилось страшное действие мины. Толстая глиняная стена, сорванная с фундамента, обрушилась, и образовалась широкая брешь; земля перед нею была усеяна глиняными глыбами (Макшеев, 1896: 191).

Был дан сигнал к штурму. Перед взрывом войска были отведены на 500 м от стены, что дало возможность защитникам оправиться после первого испуга и два раза успешно отбить атаку брешни. Только после третьей попытки атакующие заняли обвал и стены, откуда открыли огонь по внутренности

крепости. Затем с громкими криками «ура!» ворвались в цитадель, в ходе штурма было убито 212 кокандцев (206 мужчин, в основном воинов, 4 женщины и 2 ребенка), сам комендант Ак-Мечети Мухаммед-Вали в погиб в начале схватки. Уцелевшие джигиты бежали из крепости, спустившись по веревкам с юго-западной башни к Сырдарье, но там были встречены казаками и башкирами, которые забирали их в плен, а не сдававшихся добивали на суше и на реке. Всего в плен было взято 74 мужчины, в том числе 35 раненых, и 136 женщин и детей (17 раненых). Еще 30 защитников крепости погибли в ходе осады. Лошадей выведено из крепости – 120 (Макшеев, 1896: 192).

Рис. 5. Н.О. Орловский (1822–1895)

Пленники были отпущены Перовским по домам, им даже выдали средства для возвращения в Туркестан. Исключение сделали для одного русского, который, как выяснилось из расспросов пленных, сам бежал к ним из России, принял ислам, самым активным образом участвовал в обороне Ак-Мечети, постоянно восставал против сдачи крепости и больше всех настаивал на жестокой казни двух русских солдат, попавшихся в руки кокандцев. Когда Перовский узнал про все его проделки, то хотел немедленно расстрелять, но опытный авантюрист бросился к священнику и заявил, что осознал свой грех и давно желает возвратиться в лоно православной церкви. Священник донес об этом Перовскому, прибавив, что до возвращения в недра церкви казнить его смертью нельзя. «Ну, так возвращайте скорее, – возразил Перовский, – а потом я его расстреляю». Священник отвечал, что по церковным уставам он не имеет права этого сделать без полномочия от архиерея. Чем кончилось это дело, неизвестно, но предатель, похоже, ухитрился избавиться от вполне заслуженной им казни, ибо Перовский срочно убыл из крепости, так и не решив его судьбу (ГАОО. Ф. И-1. Оп. 16. Д. 636. Л. 11).

Потери русских во время штурма составили 13 убитыми, среди них 1 офицер – прапорщик Порфирий Федорович Гурьев, и 34 (2 офицера) ранеными. За все время Ак-мечетской экспедиции потери состояли, по официальным показаниям, из 10 умерших во время перехода, 27 убитых и смертельно раненных (1 офицер), 58 раненых (3 офицера), 16 контуженных и ушибленных (3 офицера) (Макшеев, 1896: 194).

За взятие кокандских крепостей генерал от кавалерии Перовский удостоился императорского рескрипта с благодарностью и решения о переименовании крепости Ак-Мечеть в форт Перовский, ибо все высшие российские ордена он уже имел – орден св. Андрея Первозванного получил 06.12.1852. Всем чинам экспедиционного отряда выдано было «не в зачет» годовое жалованье, по окладу каждому из них получаемому. 36 офицеров-участников экспедиции получили ордена или золотые сабли, 64 – очередные чины, 14 – денежные награды. Нижним чинам, наиболее отличившимся в походе, роздано было 50 Знаков отличия военного ордена и 12 таких же Знаков, установленных для чинов мусульманского вероисповедания. Перовский недолго прослужил в Туркестане – 7 апреля 1857 г. по болезни он вышел в отставку и 8 декабря того же года скончался в Алушке, имении Воронцовых, холостым и бездетным (РГВИА. Ф. 1376. Оп. 1. Д. 230. Л. 74).

Высоких наград были удостоены и моряки, участвовавшие в этой операции. Лейтенант Х.П. Эрдели при штурме Ак-Мечети командовал флотским десантом. В ходе приступа он со штуцерной командой из 12 человек, в том числе 6 матросов с парохода «Перовский» (остановившегося в 2-х верстах выше Ак-Мечети) и 6 солдат из числа лучших стрелков, которым и даны были штуцеры, бросился в сделанную взрывом мины брешь. Его отряду удалось первым ворваться в крепость, несмотря на отчаянное сопротивление осажденных, при этом был ранен 1 матрос. Согласно диспозиции, лейтенант со штуцерами и мушкетонами немедленно должен был отыскать пороховой погреб и приставить к нему караул (захвачено 5 пудов 17 фун. пороха и 33 пуда 18 фун. свинца). Эрдели 19.12.1853 «за отличие в военных действиях» был произведен в капитан-

лейтенанты, а 26.12.1853 Высочайшим Указом награжден орденом св. Георгия 4-й ст. В 1854 г. он вернулся в Балтийский флот, командовал загородной батареей № 1 «Генерал Граббе» в Кронштадте. В 1856–1860 гг. командовал разными судами, в 1861 г. «уволился от службы для определения к статским делам» с чином надворного советника (VII класс в Табели о рангах). Служил в Министерстве государственных имуществ, был произведен в коллежские советники и награжден орденом св. Станислава 2-й ст. В 1867 г. ушел в отставку в чине капитана 2-го ранга. Прапорщик А.С. Синкони получил орден св. Станислава 3 ст. (Katorin et al., 2017: 54).

Рис. 6. Памятник солдатам, павшим при захвате Ак-Мечети

5. Заключение

После взятия Ак-Мечети туркмены перестали переправляться через Сырдарью и нападать на казахские племена, принявшие российское подданство, кроме того, это способствовало в дальнейшем завоеванию всего Кокандского ханства. С этого времени кокандцы больше не возобновляли попыток совершать набеги на русские владения, и кочующие, а также оседлые киргизы нижней Сырдарьи были навсегда освобождены от кокандского притеснения.

Вскоре после этого вдоль нижнего течения Сырдарьи был возведен ряд укреплений, названный Сырдарьинской линией – Казалинск, Карамакчи, Карабутак и с 1861 года Джулек. На линии несли службу солдаты оренбургских линейных батальонов, полк уральских казаков и сотня башкир, часть которых использовалась в качестве рабочих команд. Впоследствии, после начала завоевания Туркестана в 1864 г., Сырдарьинская линия утратила свое стратегическое значение и была упразднена. В 1867 г. в Средней Азии на основе завоеванных царскими войсками территорий казахских степей было образовано Туркестанское генерал-губернаторство. При этом в 1867 г. форт Перовск получил статус города и стал центром уезда.

Свой вклад в освоении Средней Азии внесла и Аральская флотилия и не только доставкой предметов снабжения и десантами. Несмотря на то, что целью плавания являлось содействие русским войскам при взятии кокандской крепости Ак-Мечеть, А.И. Бутаков совместно с прибывшим для участия в этом походе гидрографом капитан-лейтенантом Н.А. Ивашинцовым произвел рекогносцировочный промер, определил скорость течения реки, исследовал характер дна и составил навигационно-гидрографическое описание Сырдарьи. За эти работы Ивашинцов получил орден св. Владимира 4-й степени с бантом, а с 1856 г. он приступил к исследованиям Каспийского моря в качестве начальника экспедиции, продолжавшейся 15 лет, на многих пунктах моря произвел астрономические и магнитные наблюдения, исследовал рельеф дна и нанес на карту береговую линию.

Литература

Военная энциклопедия, 1911 – Военная энциклопедия / Под ред. В.О. Новицкого, А.В. фон Шварца, В.А. Апушкина и Г.К. фон Шульца. 2-е изд., СПб.: Товарищество И.Д. Сытина, 1911–1915 г.

ГАОО – Государственный архив Оренбургской области.

Гродеков, 1883 – *Гродеков Н.И.* Поездка ген. шт. полковника Гродекова из Самарканда через Герат в Афганистан (в 1878 году) // *Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии*. Вып. V. СПб., 1883.

Кадырбаев, 2011 – *Кадырбаев А.Ш.* Андреевский флаг в центре Азии // *Восточный архив*, № 1 (23), 2011. С. 17-26.

Каторин, Кузнецов, 2014 – *Каторин Ю.Ф., Кузнецов Л.А.* Из истории Аральской флотилии // *Гангут*, 2014. № 82. С. 135-150.

Лапшин и др., 2012 – *Лапшин Р.В., Митюков Н.В., Порцева Л.П.* Корабельный состав Аральской военной флотилии // *Научные ведомости Белгородского государственного университета (История. Политология. Экономика. Информатика)*. 2012. №7 (126). С. 141-149.

Макшеев, 1896 – *Макшеев А.* Путешествия по киргизским степям и Туркестанскому краю. СПб., Военная типография, 1896.

Присоединение, 1960 – Присоединение Туркмении к России (сборник архивных документов). Ашхабад: Изд-во АН ТССР, 1960. 823 с.

Терентьев, 1903 – *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. 1–3. СПб., Типолитография В.В. Комарова, 1903.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

ЦГАВМФ – Центральный государственный архив военно-морского флота.

Katorin et al., 2017 – *Katorin Yu.F., Shadymov A.V., Glebanova A.Yu.* Participation of Aral military flotilla and the accession of Central Asia to the Russian Empire // *Bylye Gody*. 2017. № 43 (1). pp. 48-58.

References

GAOO – Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [State archive of the Orenburg region].

Grodekov, 1883 – *Grodekov N.I.* (1883). Poezdka gen. sht. polkovnika Grodekova iz Samarkanda cherez Gerat v Afganistan (v 1878 godu) [Trip of gen. st. colonel Grodekova from Samarkand through Herat to Afghanistan (in 1878 the year)]. *Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii*. Vyp. V. SPb. [in Russian]

Kadyrbaev, 2011 – *Kadyrbaev A.Sh.* (2011). Andreevskii flag v tsentre Azii [Andreev's flag in the center of Asia]. *Vostochnyi arkhiv*, № 1 (23). pp. 17-26. [in Russian]

Katorin et al., 2017 – *Katorin Yu.F., Shadymov A.V., Glebanova A.Yu.* (2017). Participation of Aral military flotilla and the accession of Central Asia to the Russian Empire. *Bylye Gody*. № 43 (1). pp. 48-58.

Katorin, Kuznetsov, 2014 – *Katorin Yu.F., Kuznetsov L.A.* (2014). Iz istorii Aral'skoi flotilii [From the history of Aral flotilla]. *Gangut*. № 82. pp. 135-150. [in Russian]

Lapshin i dr., 2012 – *Lapshin R.V., Mityukov N.V., Portseva L.P.* (2012). Korabel'nyi sostav Aral'skoi voennoi flotilii [Ship composition of Aral military flotilla]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta (Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika)*. №7 (126). pp. 141-149. [in Russian]

Maksheev, 1896 – *Maksheev A.* (1896). Puteshestviya po kirgizskim stepyam i Turkestanskomu kraju [Journeys through the kirghiz steppes and the Turkestan region]. SPb., Voennaya tipografiya. [in Russian]

Prisoedinenie, 1960 – Prisoedinenie Turkmenii k Rossii (sbornik arkhivnykh dokumentov) [The connection of Turkmenia to Russia (collection of archive documents)]. Ashkhabad: Izd-vo AN TSSR, 1960. 823 p. [in Russian]

RGVIA – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian state military history archive].

Terent'ev, 1903 – *Terent'ev M.A.* (1903). Istoriya zavoevaniya Srednei Azii [History of the achievement of Central Asia]. Т. 1–3. SPb., Tipolitografiya V.V. Komarova. [in Russian]

TsGAVMF – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv voenno-morskogo flota [The central public archive of navy].

Voennaya entsiklopediya, 1911 – Voennaya entsiklopediya [Military encyclopedia]. Pod red. V.O. Novitskogo, A.V. fon Shvartsa, V.A. Apushkina i G.K. fon Shul'tsa. 2-e izd., SPb.: Tovarishchestvo I.D. Sytina, 1911–1915 g. [in Russian]

Участие флота во взятии кокандской крепости Ак-Мечеть

Юрий Федорович Каторин ^{a, *}, Анатолий Павлович Нырков ^a, Ольга Васильевна Натолочная ^{b, c}

^a Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова, Российская Федерация

^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье рассказывается о некоторых аспектах истории завоевания Средней Азии Российской империей в XIX веке, подробно описывается подготовка экспедиции с целью захвата кокандской крепости Ак-Мечеть, анализируются силы сторон, подробно описывается ход осады и штурм крепости, приводятся потери сторон, а также значение захвата крепости для дальнейшего продвижения Российской империи в Средней Азии. Особый интерес представляют материалы по участию в экспедиции военных моряков, которые занимались не только доставкой предметов снабжения и высадкой десантов, но и впервые произвели рекогносцировочные промеры, определили скорость течения Сырдарья, исследовали характер дна и составили навигационно-гидрографическое описание реки, что имело огромное значение при проведении дальнейших экспедиций.

Ключевые слова: завоевание Средней Азии, Аральское море, Сырдарья, граф В.А. Перовский, капитан-лейтенант А.И. Бутаков, осада и штурм крепости Ак-Мечеть в 1853 г., Аральская флотилия.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: katorin@mail.ru (Ю.Ф. Каторин), kaf.koib@gmail.com (А.П. Нырков)

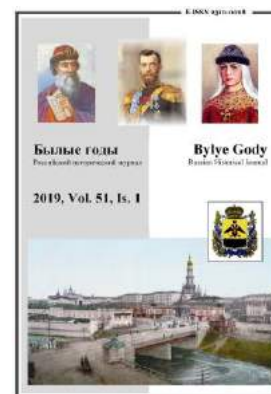
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 51. Is. 1. pp. 158-165. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.1.158
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Everyday Life and Traditions of the East Georgian Tribes in the XIX century (Tushins, Pshavy, Khevsurs)

Ivan A. Ermachkov ^{a, b, *}, Evgeniya V. Vidishcheva ^c, Natalia V. Svechnikova ^d, Jasmin Gut ^e

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Sochi State University, Sochi, Russian Federation

^d Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^e University of Geneva, Geneva, Switzerland

Abstract

The article discusses the everyday life and traditions of the mountain tribes of the eastern part of Georgia, namely, tushins, pshavy, khevsurs. The attention is paid to the anthropological appearance, traditions and religious rules of these peoples.

There were involved as materials the reference, local history and memoirs literature, in which issues of traditions and life of the population of eastern Georgia, namely Tushetii, Pshavii and Khevsureti, were considered.

The methodological basis of the study was the traditional historiography principles of historicism, scientific objectivity and consistency. In the process, the following general historical methods were used – the problem-chronological method, which allowed studying individual facts of changes in the customary law of the mountain peoples of eastern Georgia in their temporal sequence; as well as historical and comparative, which allowed to compare the peculiarities of life and traditions with other peoples of the Caucasus, to identify the common and the particular.

In conclusion, the authors state that the everyday life and traditions of the mountain peoples of eastern Georgia have much in common with the life and traditions of the christian peoples of the Caucasus. Nevertheless, the peoples of eastern Georgia had their own features, namely the implementation of rituals (for example, the rite of reconciliation of krovnik), the worship of their gods (with the mountaineers' hierarchy of gods), etc. It is important to note the inherent belligerence of mountain people with the worship of courage in all its manifestations.

Keywords: everyday life, traditions, tushins, pshavy, khevsurs, XIX century.

1. Введение

Северный и южный скаты Главного Кавказского хребта, верховья рек Арагвы, Аргуна, Алазани, Иоры и Эрцойское ущелье населены тушинами, пшавами и хевсурами. Эти народности к середине XIX века, составлявшими особый округ, имели территорию в 3,932 кв. км с населением около 32 тыс. человек. Ввиду отдаленности данных территорий от центральной Грузии жители сумели сохранить многочисленные памятники историко-культурного наследия, а также предания своих народов.

* Corresponding author

E-mail addresses: eiao7sochi@yandex.ru (I.A. Ermachkov), evgenia-vv@mail.ru (E.V. Vidishcheva), Svechnikova.NV@rea.ru (N.V. Svechnikova), jasmin.gut@etu.unige.ch (J. Gut)

2. Материалы и методы

В качестве материалов была привлечена справочная, краеведческая и мемуарная литература, в которой рассматривались вопросы традиций и быта населения Восточной Грузии, а именно Тушетии, Пшавии и Хевсуретии.

Методологическую основу исследования составили традиционные для историографии принципы историзма, научной объективности и системности. В процессе работы использовались следующие общеисторические методы – проблемно-хронологический, который позволил изучить отдельные факты изменения обычного права горных народов Восточной Грузии в их временной последовательности; а также историко-сравнительный, позволивший сопоставить особенности быта и традиций с другими народами Кавказа, выявить общее и особенное.

3. Обсуждение

Приступая к обзору историографии, важно отметить, что она не отличается многочисленностью, тем не менее, в дореволюционный, советский и современный периоды исследования в этой области проводились.

Первые публикации появились еще в условиях Кавказской войны. Так, в 1835 г. вышла работа Р. Эривова о Тушино-Пшаво-Хевсурском округе (Эривов, 1835). После окончания Кавказской войны исследования горных племен Кавказа обрели постоянную основу, чему способствовали Русское географическое общество и его многочисленные экспедиции. Благодаря таким экспедициям собирался первичный материал, который впоследствии нашел свое отражение в 8-ми томной работе «Народы России» (Народы России, 4). 4-й том этого труда был посвящен Кавказу.

В 1870–1880-х гг. свои исследования о Хевсуретии публиковал Г. Радде (Радде, 1877; Радде, 1881). В 1890 г. свет увидела работа М. Ковалевского о народном праве хевсур и тушин (Ковалевский, 1890), в это же время вышел труд Н. Урбнели «Очерки Пшаво-Хевсуретии» (Урбнели, 1890).

Важно отметить, что и в начале XX века исследователи продолжали посещать горные районы Восточной Грузии. Так, по результатам этих поездок в 1904 г. была издана работа Уваровой (Уварова, 1904), а уже в период Первой мировой войны епископ Горийский Антоний опубликовал работу «Религиозно-этнографический очерк Пшаво-Тушино-Хевсуретии» (Антоний, 1915).

В советское время изучение быта и традиций горных грузинских племен продолжилось. В 1932 г. к теме социологического изучения хевсурских верований обратился В. Вардавелидзе (Бардавелидзе, 1932), а в 1940 г. значительную работу по изучению хевсуров опубликовал С.И. Макалатия (Макалатия, 1940).

Тем не менее и сегодня на эту тему продолжают обращать внимание историки. Так, в 2017 г. о языческих традициях населения Кавказа писала группа исследователей в составе Б.А. Булгаровой и других (Bulgarova et al., 2017), а в 2018 г. этой же теме уделила внимание другая группа исследователей в составе А.А. Черкасова и других (Cherkasov et al., 2018).

4. Результаты

4.1. Антропологический облик и одежда

Основываясь на том, что в языке тушин, пшавов и хевсуров слышится древний грузинский язык, сохранившийся даже в их книгах священного писания, многие считают их народом грузинского происхождения.

Хевсур сложен непропорционально своему высокому росту. Смуглое лицо, длинный нос, серые или карие глаза, бритая голова, рыжеватые усы и борода, составляют тип хевсура. Он достаточно груб, придиричив, горд и беспечен, уважает только храбрых и считает себя, как и многие другие кавказские народы, выше всех народов. Шапка его из бараньего меха; на ней вышиты кресты из красной бязи (бумажная ткань) и иногда она обвязана куском полосатой материи или тряпки, концы которой висят на бок в роде кокард; синяя или красная чеха с короткими разрезными рукавами и сборками на них, с нашитыми также, на груди и плечах, красными крестами, составляют его костюм. Под чехой надет архалук и рубашка; шаровары короткие и узкие, обшитые тесьмой; сапожки, вязанные из разноцветной шерсти и, кроме того кожаные башмаки (Народы России, 4: 410).

До 16-ти лет хевсурские девушки очень милы и стройны, но изнурительные работы, неопрятность и грубая пища делают их уже в 25 лет выглядящими гораздо старше своего возраста.

Хевсурки носят довольно красивую одежду. Черная шаль охватывает их голову, не закрывая маковки, и оканчивается кисточкою над правым ухом; в ушах огромные серебряные или медные серьги. Заплетенные волосы, обогнув щеки и уши, связывают на затылке.

Почти все женщины курят из коротких трубок, которые носят за головной повязкой; в 30 лет они начинают нюхать табак.

Пшавец среднего роста, крепкого телосложения; круглое лицо, карие глаза, каштановые волосы, голова и борода бритые; на голове оставляется чуб, похожий на тот, какой носят малороссияне. Походка пшавы важная, характер добродушный. Пшавские женщины большею частью блондинки, миловидны, не так скоро стареют, как у хевсуров, но за то скоро тучнеют.

В настоящем своем местопребывании, в соседстве тушин и хевсуров, пшавы живут только весной и летом, потому что имеют там свои сенокосы и пастбища. Осенью и зимою они откочевывают на далекое расстояние от своих жилищ, туда, где находят больше подножного корма для своих стад.

Многие пшавы сознают, что кочевая жизнь вредно отзывается на их благосостоянии, но изменить свой образ жизни они не решаются из одной приверженности к старине и примеру отцов (Народы России, 4: 410).

Пшав одевается в черную чеху с небольшими откидными рукавами, зеленый или синий архалук и широкие шаровары из черного или бурого сукна собственного приготовления. На ногах носит каламяны из сыромятной кожи.

Женщины одеваются почти также, как и грузинки. Белое покрывало на голове, красная рубаха и шаровары, обувь та же, что и у мужчин.

4.2. Традиции

О храбрости тушин рассказывают во всех уголках Кавказа. Горцы редко хвалят и воспевают храбрость, считая ее делом весьма обыкновенным, но про тушин в центре самого Дагестана, в Аварии и других местах, сложены и поются песни. Тушин решится лучше умереть, чем попасться в плен; но если бы это случилось каким-нибудь образом, по независящим от него обстоятельствам, то он умрет в тяжелой неволе, как говорится, со славою, но не согласится быть вымененным на неприятельскую пленную девушку (Народы России, 4: 411).

Верность этих народов была причиною того, что грузинские цари всегда имели при себе телохранителей из тушин, пшавов и хевсуров. По востребованию их, они шли на войну под предводительством своих духовных пастырей.

Собираясь в дело, хевсур весь замыкается в железо. На голову надевает чачкани (шишак с сеткой, покрывающей шею), рубаху плетеную из железной проволоки, рукавицы, прямые палаши и дашна-короткая сабля, употребляемая вместо кинжала. Обыкновенное ружье в чехле из медвежьей шкуры и щит, в защиту от неприятельских выстрелов, дополняют его вооружение. Пика, как оружие, есть принадлежность стариков, точно также как и стрелы (Народы России, 4: 411).

Пшавы и тушины не столько заботятся о средствах защиты сколько хевсуры. Хорошая винтовка и сабля составляют все их оружие. Все три народа эти дрались всегда храбро, и получить рану в спину считалось весьма постыдным.

На уступах скал едва доступных, по узким тропинкам, как орлиные гнезда, повисли хевсурские деревни, выстроенные из дерева или плитняка без извести и в несколько ярусов с бойницами. Башни, построенные на извести, очень редки в Хевсурии, а те, которые есть, представляют особую надежду на их защиту.

Селения пшавов, разбросанные в долинах и по скатам гор, не многолюдны. Так, например, редко когда селения хевсур имели до 30 дворов и население от 100 человек (Макалатия, 1940: 16). Дома пшавов сколочены на скорую руку, а землянки едва виднеются над поверхностью земли.

Внутренность дома не затейлива и состоит из одной, часто обширной комнаты. Она темна, стены ее покрыты копотью и облеплены паутиною. Посреди комнаты виден очаг или, скорее, костер, выстланный плитняком, в котором разведен огонь. Вокруг него собирается вся семья.

В одном углу комнаты стоят корова, лошадь и телята; в другом – плетеные носилки с соломою. Растянувшись на них, спит глава семейства, прикрывшись буркою или нагольным тулупом. Прочие члены семьи спят у огня; по одну сторону лица мужского пола, а по другую – женского.

Пшавы очень нечистоплотны. Дома их не более как хлевы, никогда не выметаемые в служащие жилищем одновременно для людей и для скота. Пшавец отдыхал на пыльных войлоках, разостланных на земле.

Мужчины любят бывать в обществе и посещать друг друга. Гостеприимство у этих народов развито до высшей степени, и гость, кто-бы он ни был, считается священной особою.

Туземец проводит время среди рассказов о геройских подвигах предков, непрерывного курения и бряцания на пандуре¹, сопровождаемого песнями. В таком положении отец поучает семью или рассказывает ей случаи из житейского опыта. Он рассказывает о народных поверьях, о приметах, которые должен знать каждый, чтобы избежать многих невзгод в жизни (Народы России, 4: 412).

Браки в восточно-грузинских землях не имели прочного основания.

Женщина считается едва ли рабою, с нею обходятся чрезвычайно грубо, без всякой нежности и привязанности. Муж может прогнать жену в любое время, хоть через неделю после свадьбы, и без всяких поводов со стороны последней. Муж говорит просто, что она ему не нравится, или что плохая хозяйка. Поступок этот не порочит женщины: она отправляется в дом родительский и скоро выходит замуж за другого. Бывали случаи, когда женщина выходила замуж по 5–6 раз (Макалатия, 1940: 149).

У пшавов прогнанной и забракованной жене выдается сайтцу-небро, т. е. пять коров, а забракованному жениху родители невесты должны выдать за бесчестие 16 коров, если только перед отказом дочь их была обручена с ним. У тушин муж, за нарушение супружеской верности, может

¹ Пандура – струнный щипковый музыкальный инструмент.

обрезать жене руку и нос, и в таком виде отправить ее к родителям, или же, прогнав просто, налагает срок, раньше которого она не может выйти замуж за другого (Народы России, 4: 412).

Если муж оставлял жену, с которой жил много лет, он обязан был дать столько коров, сколько лет она с ним прожила, исключая первый и последний годы (Макалатия, 1940: 150).

Интересно отметить правовое положение вдов. Так, например, выход замуж вдову у хевсуров не одобрялся. Вдова не должна была выходить замуж раньше, чем по прошествии года после смерти мужа. Имеющая сына вдова не могла вторично выйти замуж, иначе бы ее обвинили в распутстве. Молодой же вдове, имеющей только дочь, разрешалось выйти замуж, чтобы не остаться одинокой (Макалатия, 1940: 150).

Вдовец обычно женится во второй раз, так как в семье невозможно обойтись без женщины, так как экономическое благосостояние семьи было основано на женском труде.

По установившимся местным законам туземцев важнейшими уголовными преступлениями считаются: смертоубийство, прелюбодеяние и воровство. Все три вида этого рода преступлений почти всегда сопровождаются кровомщением. Оскорбление чести женщины у тушин всегда влечет за собою кровомщение.

За оклеветание в неверности жены у другого, обиженный может зарезать корову у обидчика, отправляет свою жену к ее родителям, а те требуют обидчика к суду и взыскивают с него 60 коров; если обидчик публично сознается в своей клевете, то муж берет жену обратно, а обидчика удовлетворяет за убитую корову.

Кровомщение существовало не только у всех этих народов, но и повсеместно на Кавказе, например, у черкесов, дагестанцев, абхазов, осетин и т.д. (Cherkasov et al., 2015; Cherkasov et al., 2016a). У хевсуров и тушин, как бы ни было совершено убийство, т. е. нечаянно или с намерением, убийца подлежит кровомщению. Родственники убитого хевсура предадут огню все имущество убийцы, скрывающегося со всем своим семейством в соседнюю деревню, которая принимает его под свое покровительство. Кровомщение составляло часть адата и поэтому хевсур не отомстивший за кровь своего родственника, встречал презрение всей общины, так как по представлениям хевсуров неудовлетворенная душа убитого продолжала мучиться на том свете (Макалатия, 1940: 71).

Интересно, что по обычному праву кровь убитого должна пасть на убийцу и его ближайших родственников. Вражда распространяется также на братьев убитого и дядей по матери, но члены мстящего рода имеют право только ранить их (Макалатия, 1940: 72).

Убийца не имел права без дела пройти по селу убитого. Если убийца ехал верхом, он должен был, вступая в седло, сойти с лошади и пройти все село пешком, в противном случае он облагался штрафом в размере одного быка. Убийца считался «рабом семьи убитого», в общине он был унижен и лишен прав. Ему всегда грозила опасность со стороны враждующего рода. Жизнь в таких условиях делалась подчас невыносимой и убийца бывал вынужден примириться с кровником.

Примирение происходило следующим образом. Убийца вместе с посредниками тайно пробирался в родовую молельню убитого, приводил с собой быка и трех баранов, а также приносил с собой серебряную чашу. Все это он оставлял в молельне и также тайно покидал ее. Этот обряд назывался «засесть в молельне», то есть отдаться под покровительство святого. Жрец молельни совершал молебствие, резал посвященную скотину и, пригласив родных убитого, говорил им: «враг ваш засел в молельне и просит примирения». После этого, согласно адата, семья убитого не могла отказать убийце в примирении (Макалатия, 1940: 74). Важно отметить, что такой обряд примирения был характерен только горным районам Грузии, в соседней же Черкесии его не существовало.

У пшавов и хевсуров, каждый месяц, в течение трех лет, убийца присылает семейству убитого по одному барану. На четвертый год, через своих родственников, он просит принять в плату за кровь 280 баранов и 70 коров. Если плата принята, то он может возвратиться в свою деревню, но не избавляется от мщения (Народы России, 4: 412). Важно отметить, что стоимость за кровь была не везде одинакова. Так, например у хевсур плата за кровь мужчины составляла 80 коров, а за кровь женщины – 30 (Макалатия, 1940: 75).

Интересно, что обычай кровомщения мог захватывать до 7–8 поколений одной семьи, однако примерно в XVIII веке, срок кровомщения был сокращен до 80 лет (Макалатия, 1940: 75).

4.3. Религия

Трудно уверить хевсура в том, что Бог один. По его понятию, есть Бог востока и Бог запада; есть Бог душ, Христос Бог, большой Бог и маленький Бог. Народ более всего уважает Бога войны и сына Божия, но никто не может объяснить истинных догматов своей религии. Постороннему человеку определить религию этих народов еще труднее. Уважая крест Господень, поклоняясь св. Георгию, апостолам Петру и Павлу и другим святым христианской церкви, они в то же время почитают своих собственных, или изобретенных, богов (Народы России, 4: 412-413). В хевсурском языческом пантеоне божества занимали различные места иерархической лестницы в зависимости от своего могущества и значения. Именно богов хевсуры считали владельцами Хевсурети, а себя – их рабами (Макалатия, 1940: 191). Самым главным хевсурским богом являлся Мориге – вершитель мирового порядка, он устанавливал, по представлению хевсуров, ход вещей и управлял ангелами.

Следующим по старшинству был бог Квириа, которого величали управителем суши; он имел при боге-распорядителе Мориге свою канцелярию. Бог Квириа ведал всеми делами на суше и без его согласия ангелы не могли ничего предпринимать (Макалатия, 1940: 192).

Следующим по могуществу и уважению был Гуданский крест, который называли именем святого Георгия. Как известно, в общине Хевсурети особое внимание уделялось защите родовой собственности и безопасности рода; поэтому организация обороны, военные походы и прочее имели исключительно большое значение. Руководство всеми военными делами хевсуры приписывали Гуданской святыне, у которой, перед тем как предпринять поход, испрашивали совета. Для этого в молельню Гуданского креста сажали вещуна-прорицателя, который возвещал народу волю святыни – одобрение или неодобрение предстоящего похода. Повеление бога, переданное через вещуна-прорицателя считалось законом (Макалатия, 1940: 192).

Тушины исповедуют христианскую веру греко-восточной церкви. Водворение здесь христианской религии надо отнести к незапамтным временам царствования первых христианских царей Грузии. Впоследствии учение Магомета имело сильное влияние и на судьбу веры в Тушетии. Для защиты христианства тушины должны были вести беспрестанную борьбу с мусульманскими горцами, и хотя с твердостью и успехом отстаивали свою независимость, но воинственный звук оружия стал заглушать голос проповедников Евангелия. Духовенство грузинское не в состоянии было поддержать падающее христианство, в особенности, когда прекратилось сообщение с Тушетиею, окруженною врагами.

В Тушетии не стало священников, богослужение прекратилось, церкви обветшали и рушились, а сами тушины представляли собою осиротевших христиан, без наставников религии, как стадо, лишенное пастыря. Аналогичной была ситуация и в прибрежной Черкесии (Cherkasov et al., 2018), а также в Абхазии (А...ь, 1874).

Хевсуров, пшавов и тушин нельзя назвать язычниками, потому что они веруют в истинного Бога и его святых; но их нельзя назвать и христианами, потому что они слишком далеки от догматов христианской церкви. Сами себя они называют христианами, а всех иноверцев считают бусурманами.

Смесь верований не мешала, однако же, тушинам, пшавам и хевсурам, самим по себе, быть уверенными, что они исповедуют христианскую религию и принадлежат к греческой церкви. Из грузинских церквей, в прежнее время, им посылался ежегодно, под видом мура, обыкновенный елей, который они употребляли, по обрядам своим, при крещении младенца, умершего до крещения, поливали в гробе елеем и окропляли святою водою. Все три народа верили в существование рая и ада и содержали несколько постов в году.

Вообще верования их весьма неопределенны и шатки. Суеверие отражается в обычаях, соблюдающихся при рождении и смерти.

Чувствуя приближение родов, беременная женщина обыкновенно просит своих подруг построить ей сачехи-шалаш, воздвигаемый в одной версте от деревни. Переселившись в этот шалаш, родильница остается там все время, пока, но разрешится от бремени, что весьма часто сопровождается ужасными мучениями. Если больная мучится родами, и крики ее слышны в селении, то жители подкрадываются к шалашу и производят залп из ружей, чтобы испугом облегчить страдание больной.

На другой день после родов, больной приносят хлеба и, боясь всякого с нею сообщения, кладут его вдали от шалаша. Больная живет в шалаше у хевсуров месяц, у пшавов 40 дней, а у тушин шесть недель (Народы России, 4: 413).

Выдержав этот карантин, женщина возвращается к своему семейству.

Существующее между горцами суеверное обыкновение не прикасаться к беременным женщинам и к родильницам перешло и на покойников. Поэтому избегают того, чтобы больной скончался в самом доме. Заметив приближение кончины, родственники больного выносят его тотчас же или в сенцы, или просто на двор, где он и умирает.

На четвертый день после кончины является священник. По окончании последнего обряда оплакивания, он берет в руки зажженную свечу и произносит над усопшим молитвы. С покойника снимают оружие и относят на кладбище, где, выложив могилу досками или плитняком, опускают в нее тело без гроба, воздвигнув на нем насыпь без креста и надписей. По окончании всех этих обрядов, гости должны выкурить за упокой души усопшего трубки, набитые махоркой. Потом гостей угощают вареной бараниной, слоевыми лепешками, пивом и водкой.

В день похорон назначается скачка и стрельба в цель на призы. Родственники во время поминок стараются угостить на славу; гости объедаются бараниною и напиваются пивом, а многие выпивают всю теплую кровь зарезанного барана. Напившись и наевшись, народ расходится по домам с веселым шумом (Народы России, 4: 413). Важно отметить, что эта же традиция имеется и у абхазов (Cherkasov et al., 2016).

Несколько слов необходимо сказать о культовых строениях на востоке Грузии. Здесь большим распространением пользовались так называемые «хати» – молельни. Молельни сооружались обычно на окраине деревни. Главные божества обычно имели по две молельни – одну на вершине, а другую в низине около деревни.

Рис. 1. Хати в Шатили (Хевсурети) (Cherkasov et al., 2018: 62)

Молельни считались святыми местами, поэтому они обносились каменной оградой и обсаживались деревьями. Женщинам доступ в хати был запрещен. Молельня заключала в себя несколько культовых сооружений, среди них главное – ниши или башня, представляемая самый распространенный у грузинских горцев вид молельни (Макалатия, 1940: 200). «Ниши» представляли собой каменный столб четырехугольной формы; высота его достигала двух метров. Ниши строились из плитняка, без извести; спереди они обычно имели небольшое квадратное углубление с полкой для приношений и свечей. Верхушка ниши разукрашена турьими и оленьими рогами, пожертвованными охотниками.

Следующая часть молельни – «дарбази». Это большая, просторная комната, стены которой сложены из шиферного камня на сухой кладке. В дарбазе совершаются культовые обряды. Сюда во время праздников собирались служители хати; здесь же хранится знамя святого, утварь и сокровища хати, как-то серебряные чаши, стаканы и чаши жрецов, украшенные серебряными цепочками, монетами, крестиками и разными подвесками (Уварова, 1904: 132).

Поодаль от дарбази находится небольшая колокольня. Около нее расположена пивоварня хати, где стоят большие медные котлы, посуда и прочая утварь. Одно отделение пивоварни для женщин. Здесь выбранная прислужниками хати, пожилая женщина выпекает к празднику культовые хлебцы. Каждое хати имело свои поместья, по размерам которых можно было судить о могуществе хати (Макалатия, 1940: 201).

5. Заключение

Завершая хочется отметить, что быт и традиции горных народов восточной Грузии имеют много общего с бытом и традициями христианских народов Кавказа. Тем не менее, народы восточной Грузии имели и свои характерные особенности, а именно осуществление обрядов (например, обряд примирения кровников), поклонение своим богам (с присущей горцам иерархией богов) и т.д. Важно отметить и присущую горным жителям воинственность с почитанием храбрости во всех ее проявлениях.

Литература

- Антоний, 1915 – Антоний, епископ Горийский. Религиозно-этнографический очерк Пшаво-Тушино-Хевсуретии. Тифлис, 1915.
- А...ъ, 1874 – А...ъ. Религиозные верования абхазцев // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1874. Вып. 5.
- Бардавелидзе, 1932 – Бардавелидзе В. Опыт социологического изучения хевсурских верований. Тифлис, 1932.
- Ковалевский, 1890 – Ковалевский М. Народное право хевсур и тушин. // Закон и обычай на Кавказе. В. 2 т. Т. 2. Москва, 1890.
- Макалатия, 1940 – Макалатия С.И. Хевсурети. Историко-этнографический очерк дореволюционного быта хевсуров. Тбилиси, 1940.
- Народы России, 4 – Народы России. В 8 т. Т. 4. СПб., 1879.
- Радде, 1877 – Радде Г. Заметки о Хевсуретии. Кавказский календарь. Тифлис, 1877.
- Радде, 1881 – Радде Г. Хевсурия и хевсуры. Тифлис. 1881.
- Уварова, 1904 – Уварова. Поездка в Пшавию, Хевсуретию и Сванию. // Материалы по археологии Кавказа. Вып. 10. С. 14-230.
- Урбнели, 1890 – Урбнели Н. Очерки Пшаво-Хевсуретии // Записки Кавказского отделения Русского географического общества. 1890. № 14(1). С. 142-198.
- Эристов, 1835 – Эристов Р. О Тушино-Пшаво-Хевсурском округе. // Записки Кавказского отделения Русского географического общества. 1835. № 3. С. 75-145.

- [Bulgarova et al., 2017](#) – *Bulgarova B.A., Vazerova A.G., Ochirov O.R.* Religious Culture in the Caucasus: Pagan Temples and Traditions // *Bylye Gody*. 2017. 44(2), pp. 420-427.
- [Cherkasov et al., 2015](#) – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* The Daily Life and Morals of Circassian Society: A Historical-Comparative Investigation based on sources from the period between the Mid-16th and the First Half of the 19th centuries // *Brukenthal. Acta Musei*, 2015, X. 1: 76-77.
- [Cherkasov et al., 2016](#) – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* The Demographic Characteristics of the Tribes of the Black Sea Region in the first half of the XIX century // *Bylye Gody*. 2016, (2), 40: 382-391.
- [Cherkasov et al., 2016a](#) – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Shmigel M., Molchanova V.S.* Demographic characteristics of the Aristocratic Abkhazia in 1800–1860 years // *Bylye Gody*, 2016, (1). 39: 53-66.
- [Cherkasov et al., 2018](#) – *Cherkasov A., Koroleva L., Bratanovskii S., Smigel M.* Sacred pagan temples in the caucasus region: Characteristic features // *Muzeologia a Kulturne Dedicstvo*. 2018. 6(2). pp. 59-69.

References

- [A...", 1874 – A...".](#) (1874). Religioznye verovaniya abkhaztsev [The religious beliefs of the abkhazians]. Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh. Tiflis, 1874. Vyp. 5. [in Russian]
- [Antonii, 1915](#) – Antonii, episkop Goriiskii [Anthony, Bishop of Gori]. Religiozno-etnograficheskii ocherk Pshavo-Tushino-Khevsuretii. Tiflis, 1915. [in Russian]
- [Bardavelidze, 1932](#) – *Bardavelidze V.* (1932). Opyt sotsiologicheskogo izucheniya khevsurskikh verovaniy [Experience of a sociological study of Khevsurian beliefs]. Tiflis. [in Russian]
- [Bulgarova et al., 2017](#) – *Bulgarova B.A., Vazerova A.G., Ochirov O.R.* Religious Culture in the Caucasus: Pagan Temples and Traditions. *Bylye Gody*. 2017. 44(2), pp. 420-427.
- [Cherkasov et al., 2015](#) – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* The Daily Life and Morals of Circassian Society: A Historical-Comparative Investigation based on sources from the period between the Mid-16th and the First Half of the 19th centuries. *Brukenthal. Acta Musei*, 2015, X. 1: 76-77.
- [Cherkasov et al., 2016](#) – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* The Demographic Characteristics of the Tribes of the Black Sea Region in the first half of the XIX century. *Bylye Gody*. 2016, (2), 40: 382-391.
- [Cherkasov et al., 2016a](#) – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Shmigel M., Molchanova V.S.* Demographic characteristics of the Aristocratic Abkhazia in 1800–1860 years. *Bylye Gody*, 2016, (1). 39: 53-66.
- [Cherkasov et al., 2018](#) – *Cherkasov A., Koroleva L., Bratanovskii S., Smigel M.* Sacred pagan temples in the caucasus region: Characteristic features. *Muzeologia a Kulturne Dedicstvo*. 2018. 6(2). pp. 59-69.
- [Eristov, 1835](#) – *Eristov R.* (1835). O Tushino-Pshavo-Khevsurskom okruge [About Tushino-Pshavo-Khevsursky district]. Zapiski Kavkazskogo otdeleniya Russkogo geograficheskogo obshchestva. № 3. pp. 75-145. [in Russian]
- [Kovalevskii, 1890](#) – *Kovalevskii M.* (1890). Narodnoe pravo khevsur i tushin [National Law of khevsurs and tushins]. Zakon i obychai na Kavkaze. V. 2 t. T. 2. Moskva. [in Russian]
- [Makalatiya, 1940](#) – *Makalatiya S.I.* (1940). Khevsureti. Istoriko-etnograficheskii ocherk dorevolutsionnogo byta khevsurov [Khevsureti. Historical and ethnographic essay of pre-revolutionary life of khevsurs]. Tbilisi. [in Russian]
- [Narody Rossii, 4](#) – *Narody Rossii* [Peoples of Russia]. V 8 t. T. 4. SPb., 1879. [in Russian]
- [Radde, 1877](#) – *Radde G.* (1877). Zametki o Khevsuretii. Kavkazskii kalendar' [Notes on Khevsureti. Caucasian calendar]. Tiflis. [in Russian]
- [Radde, 1881](#) – *Radde G.* (1881). Khevsuriya i khevsury [Khevsuriya and khevsurs]. Tiflis. [in Russian]
- [Urbneli, 1890](#) – *Urbneli N.* (1890). Ocherki Pshavo-Khevsuretii [Essays on Pshavo-Khevsureti]. Zapiski Kavkazskogo otdeleniya Russkogo geograficheskogo obshchestva. № 14(1). pp. 142-198. [in Russian]
- [Uvarova, 1904](#) – *Uvarova* (1904). Poezdka v Pshaviyu, Khevsuretiyu i Svaniyu [A trip to Pshavia, Khevsureti and Svania]. Materialy po arkheologii Kavkaza. Vyp. 10. pp. 14-230. [in Russian]

Быт и традиции восточно-грузинских племен в XIX веке (тушины, пшавы, хевсуры)

Иван Анатольевич Ермачков ^{a, b, *}, Евгения Владимировна Видищева ^c,
Наталья Викторовна Свечникова ^d, Ясмин Гут ^e

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация

^d Российский экономический университет им Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^e Университет г. Женева, Женева, Швейцария

* Корреспондирующий автор

Адрес электронной почты: eia07sochi@yandex.ru (И.А. Ермачков), evgenia-vv@mail.ru (Е.В.Видищева), Svetchnikova.NV@rea.ru (Н.В. Свечникова), jasmin.gut@etu.unige.ch (Я. Гут)

Аннотация. В статье рассматриваются быт и традиции горных племен восточной части Грузии, а именно тушин, пшавов и хевсур. Уделено внимание антропологическому облику, традициям и религиозным правилам данных народов.

В качестве материалов была привлечена справочная, краеведческая и мемуарная литература, в которой рассматривались вопросы традиций и быта населения восточной Грузии, а именно Тушетии, Пшавии и Хевсуретии.

Методологическую основу исследования составили традиционные для историографии принципы историзма, научной объективности и системности. В процессе работы использовались следующие общеисторические методы – проблемно-хронологический, который позволил изучить отдельные факты изменения обычного права горных народов восточной Грузии в их временной последовательности; а также историко-сравнительный, позволивший сопоставить особенности быта и традиций с другими народами Кавказа, выявить общее и особенное.

В заключении авторы отмечают, что быт и традиции горных народов восточной Грузии имеют много общего с бытом и традициями христианских народов Кавказа. Тем не менее, народы восточной Грузии имели и свои характерные особенности, а именно осуществление обрядов (например, обряд примирения кровников), поклонение своим богам (с присущей горцам иерархией богов) и т.д. Важно отметить и присущую горным жителям воинственность с почитанием храбрости во всех ее проявлениях.

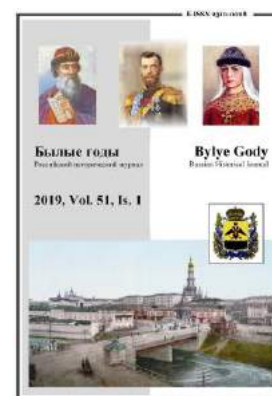
Ключевые слова: быт, традиции, тушины, пшавы, хевсуры, XIX век.

Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 51. Is. 1. pp. 166-175. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.1.166
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Expedition in Khevsureti in 1813. The "Assault" of Shatili

Aleksandr A. Cherkasov ^{a, b, *}, Sergei N. Bratanovskii ^{c, d}, Larisa A. Koroleva ^e, Vasilii V. Tarakanov ^b

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^d Institute of State and Law of RAS, Moscow, Russian Federation

^e Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russian Federation

Abstract

The article deals with the Russian expedition in Khevsureti in 1813 during the final stage of the Kakhetian uprising. The attention is paid to the circumstances of the capture of the village-fortress Shatili. The dates of the expedition from May 23 to June 15, as well as the distribution of losses of Russian troops were specified.

There were used as materials the results of field research on the territory of the village-fortress Shatili, conducted in September 2018. The documents published in the Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission are an important source.

In conclusion, the authors state that the capture of the main refuge of the rebellious Georgian prince Alexander – the village-fortress Shatili, occurred without assault. The authors hypothesized that the Shatilians practically surrendered the fortress in order to avoid its destruction from the artillery fire of the Russian army.

The commander of the expedition, General Simonovich, reported to the commander-in-chief of Russian troops in Georgia, General Rtschev, who, in turn, the emperor, about the complete destruction of the rebel fortress, misled his superiors. In an effort to preserve the fortress for the further protection of Georgia from the invasion of Lezgin, General Simonovich destroyed only the lower tier of defense, which was responsible for the defense of Georgia. In addition, the overlaps were burned in a small number of other towers, without destroying the towers themselves. Thus, the defense capability of the fortress was reduced only in a secondary area, which practically did not participate in the defense of the fortress against the invasion of Lezgins.

Keywords: expedition in Khevsureti, 1813, the "assault" of Shatili, village-fortress.

1. Введение

В 1813 г. состоялась экспедиция русских войск в Хевсурети, в ходе боевых действий была взята знаменитая деревня-крепость Шатили, которая находится на высоте 1400 метров над уровнем моря, на территории Хевсурети в северной части современной Грузии. В данной статье мы хотели бы еще раз обратиться к событиям экспедиции, и в частности к штурму Шатили, а также выявить некоторые ранее неизвестные обстоятельства, которые до сих пор не нашли отражения в научной литературе.

* Corresponding author

E-mail addresses: sochio03@rambler.ru (A.A. Cherkasov), la-koro@yandex.ru (L.A. Koroleva)

2. Материалы и методы

Материалами послужили результаты полевых исследований на территории деревни-крепости Шатили, проведенные в сентябре 2018 г. Важным источником стали документы, опубликованные в Актах, собранных Кавказской археографической комиссией (АКАК).

Методологическую основу исследования составили традиционные для историографии принципы историзма, научной объективности и системности. В процессе работы использовались следующие общеисторические методы – проблемно-хронологический, который позволил изучить отдельные факты войсковой операции в Хевсурети в их исторической последовательности; историко-сравнительный, позволивший сопоставить дореволюционные отчетные материалы об экспедиции с тем, что было обнаружено во время полевых исследований.

3. Обсуждение

Главнокомандующий русскими войсками в Грузии генерал Ртищев, описывая хевсуров в своем письме к императору Александру I, писал: «Настоящее происхождение сих пришельцев, поселившихся в кавказских горах гораздо более 1 тыс. лет, потеряно через многие века и покрыто неизвестностью. До сего времени хевсурцы, имеющие язык, смешанный с разными народами, их окружающими, сохранили одно только древнее вооружение, состоящее наподобие Римского в железном шишаке, панцире и налокотниках, также в железном щите, бердыше и в сабле, употребляя теперь, сверх сих воинских орудий, пистолеты и ружья длиннее обыкновенных (АКАК, 5: 532). Специфика огнестрельного оружия хевсуров объяснялась тем, что они воевали в горной местности, где требовалась точная стрельба на большие расстояния. В начале XIX века такая стрельба достигалась за счет удлинения стволов.

Собираясь на дело, хевсур весь замыкался в железо. На голову он одевал чачкани (шишак с сеткой, покрывающей шею), рубаху, плетеную из железной проволоки, рукавицы, прямые палаши и дашна – короткая сабля употреблялась вместо кинжала. Обыкновенное ружье в чехле из медвежьей шкуры и щит, в защиту от неприятельских выстрелов, дополняли его вооружение. Пика как оружие, была принадлежностью только стариков, точно также как лук и стрелы (Народы России, 4: 411).

Об этой экспедиции, и в частности штурме Шатили, имеется сравнительно мало информации. К примеру, С.И. Макалатия в своем труде о Хевсурети отмечал, что генерал Симонович «двинулся на Шатили и взял его» (Макалатия, 1940: 40), то есть автор практически не уделил штурму никакого внимания, как это сделал и военный историк В. Потто, который лишь отметил, что генерал Симонович разгромил Хевсурию и заставил царевича Александра бежать в Дагестан (Потто, 1887: 495).

Важно отметить, что экспедиция в Хевсурети, предпринятая в мае–июне 1813 г., имела ряд столкновений, причем наиболее сильное у селения Гуро.

Вот как описал экспедицию С.И. Макалатия: «23 мая 1813 г. русские войска под командованием Симоновича, Тихановского, Сталя и Казбегии двинулись по направлению к Хевсурети и 30 мая через Лебаис-кари вступили в Ардотское ущелье. По пути им приходилось выдерживать крупные стычки с отрядами хевсуров и кистин. Хевсуры мужественно сражались в своих узких ущельях, затрудняя продвижение русского войска. Из Лебаис-кари Симонович отправил Александру¹ письмо, в котором предлагал ему сдаться, но курьер был в пути убит хевсурами, письмо не дошло до Александра, и он, конечно, не мог ничего ответить Симоновичу. Разгневанный этим, генерал двинулся на Шатили. У селения Гуро между хевсурами и русскими войсками произошло большое сражение. Хевсуры укрепили теснину Гуро и храбро встретили наводнившие ущелье русские войска, предводительствуемые четырьмя военачальниками. На помощь хевсурам пришли кистины и объединенными силами они нанесли русским большой урон. Однако численное превосходство и лучшее вооружение русского войска дали ему возможность разбить малочисленного противника. Одержав победу, Симонович предал огню и мечу селение Гуро, которое было уничтожено до основания; затем он двинулся на Шатили...» (Макалатия, 1940: 39-40).

Из других работ по истории Кахетинского восстания необходимо отметить изданную в советское время работу О.П. Марковой (Маркова, 1951), а также целый ряд произведений краеведческого характера, посвященных традициям и быту хевсуров. Среди авторов дореволюционных краеведческих работ необходимо назвать К. Гана (Ган, 1900), М. Ковалевского (Ковалевский, 1890), Г. Радде (Радде, 1881), В.Е. Романовского (Романовский, 1909), Н. Урбнели (Урбнели, 1888; Урбнели, 1890), а также Р. Эристова (Эристов, 1835).

Среди авторов советского периода помимо уже указанных выделяются работы В. Гурко-Кряжина (Гурко-Кряжин, 1928) и Л. Панека (Панек, 1928). Среди современных трудов можно назвать работу по истории религиозных обрядов в Шатили Б.А. Булгаровой с авторским коллективом (Bulgarova et al., 2017).

¹ Имеется в виду грузинский царевич Александр. – Авт.

4. Результаты

Экспедиция в Хевсурети произошла в заключительный период Кахетинского восстания. Весной 1813 г. в Хевсурети находился мятежный грузинский царевич Александр, который предпринимал попытки консолидировать хевсуров, пшавов, а также кистинов и других наемников для похода на Тифлис. Не располагая финансовыми средствами, царевич запросил деньги так же, как в 1812 г., у персов. В середине весны через русскую агентуру стало известно, что персы выделили значительную сумму для царевича Александра. Не дожидаясь, когда он получит деньги и начнет поход, русским войскам был отдан приказ о начале экспедиции (Маркова, 1951: 136).

Важно отметить, что русская группа войск, как правильно отметил в своем исследовании С.И. Макалатия, состояла из 4 отрядов: первым – руководил сам генерал-майор Симонович, и он выдвигался из Ахмета; второй – находился под командованием шефа Нижегородского драгунского полка, генерал-майора Сталя 2-го и выдвигался из Пасанаур; третий – под командованием полковника Тихановского шел из Тианети; четвертый – полковника Казбека из селения Степанцминда (четвертый отряд находился ближе остальных к предполагаемому театру военных действий). Согласно планированию все отряды должны были соединиться 27-го мая в районе Хахматис-джвари (АКАК, 5: 530).

Какова же была численность экспедиционного отряда? Каждый из четырех отрядов имел более 700 военнослужащих (АКАК, 5: 534), то есть экспедиционный отряд состоял из сводного полка 4-х батальонного состава. Первые три отряда состояли из регулярных подразделений русской армии, а четвертый отряд полковника Казбека был составлен из горских народов (ополчения), усиленных двумя ротами русской пехоты (АКАК, 5: 534). Помимо этого при отряде генерал-майора Сталя 2-го было одно легкое орудие (АКАК, 5: 530). При отряде Симоновича также была артиллерия (АКАК, 5: 534). По всей вероятности, в экспедиции принимало участие около 2,5 тыс. военнослужащих при 4 легких орудиях. При отряде также находились не поддержавшие Кахетинское восстание и царевича Александра представители тушинского народа, которые использовались в качестве проводников (АКАК, 5: 534) и, мы не исключаем, ополчения.

По пути следования отряд генерал-майора Сталя 2-го 25-го мая был остановлен отрядами хевсуров у горы, занесенной снегом и разделявшей земли гудамакарцев и хевсуров. Генерал Сталь потребовал от повстанцев выдачи царевича Александра, пригрозив наказанием. Хевсуры, в свою очередь, ответили, что они довольно сильны и готовы защищаться. Начались боевые действия. Несмотря на невыгодные позиции (атаковать пришлось по глубокому снегу), в ходе 2-часового боя мятежники были разбиты. Потери русского отряда – 1 убитый и 3 раненых (АКАК, 5: 530). 27-го мая отряд Сталя нанес поражение хевсурам при переправе отряда через реку Арагву, близ селения Барисахо (АКАК, 5: 534).

В боевых действиях принял участие и отряд полковника Казбека, который 30-го и 31-го мая отражал сопротивление хевсуров при селении Гули (АКАК, 5: 534).

30 мая отряды Симоновича, Сталя и Тихановского объединились в хевсурском селении Лебайскари (АКАК, 5: 534). Здесь генерал-майор Симанович, оставив раненых, слабых и тяжести под охраной 300 человек пехоты, 31-го мая выступил к селению Шатели. Он знал от лазутчиков, что хевсуры и кистины заняли так называемое Аргунское дефиле – сильную позицию на утесе. Русские войска были развернуты в три колонны: первая – во главе со Сталем пошла с правой стороны ущелья по хребту, вторая – под командованием Тихановского с левой стороны по хребту. В центре прямо по ущелью шли войска во главе с Симоновичем (АКАК, 5: 534).

Фланговые русские отряды вступили в штыковой бой с противником и выбили его с занимаемых позиций, в то же время центральная колонна ввиду полноводности реки Аргун была вынуждена повернуть налево и выйти к селению Гуро, преодолевая сопротивление мятежников. При селении Гуро сражение продолжалось в течение всего дня, но 1-го июня хевсуры и кистины потерпели поражение и, потеряв убитыми до 600 человек, разошлись в разные ущелья. После этого селение Гуро было взято штурмом. Хевсуры потеряли 80 человек убитыми (АКАК, 5: 535).

Важно отметить, что лезгины, в данном случае одно из их племен – кистины, принимали самое активное участие в восстании в качестве наемников. Лезгин нанимали для ведения боевых действий на персидские деньги (Rajović et al., 2018).

2-го июня при следовании объединенного отряда к Шатели случилась лишь небольшая перестрелка с арбергардом (АКАК, 5: 535).

3-го июня хевсуры совместно с кистинами заняли все утесы и высоты, надеясь не допустить русские войска к крепости-деревне Шатели (Рис. 1). Однако фланговыми группами мятежники были сбиты с высот с ошутимым уроном. При этом они, как отмечал Ртищев, «предались такой робости, что самую крепость Шатели оставили во власти победителей, которая тотчас и была занята войсками» (АКАК, 5: 535). Между тем часть неприятеля, перебежав через мост на другую сторону горы, а другая часть – вниз по ущелью и влево на гору, начали производить сильный ружейный огонь по крепости. Генерал Симонович тотчас отправил одну колонну на лошадях вплавь через р. Аргун под прикрытием стрелков и пушечных выстрелов, а другую – влево на гору. Эти отряды выбили мятежников с позиций и сами их заняли.

Рис. 1. Деревня-крепость Шатили (Фото А.А. Черкасова)

Заняв Шатили, 4-го июня генерал-майор Симонович отправил отряд под командованием полковника Тихановского в кистинские деревни. Мятежники из кистинов и здесь были разбиты русским отрядом. 9 селений кистинов были преданы огню (АКАК, 5: 536). 5-го июня отряд благополучно вернулся в Шатили. 6-го июня Симонович повел войска в обратный путь и 7-го июня прибыл в селение Лебайс-кари. С 9-го до 12-го июня войска участвовали в боевых действиях, стремясь наказать хевсуров за участие в мятеже путем сжигания их деревень. В эти дни были преданы огню 20 деревень (АКАК, 5: 536). Практически все из них были взяты штурмом, а именно: Хахматисджвари, Чормети, Гудани, Ликоки, Акушо, Бацалиго, Циклидо, Атабети, Худа, Хорнаули, Рошкиони, Кмости, Гелегули, Барис-ахо, Укан-ахо, Чрдили, Гвелети, Датвиси и Моцма. И здесь войска несли потери, среди раненых был майор, князь Орбелиани (АКАК, 5: 536).

Важно пояснить, что как в Черкесии, так и в Грузии постройки в селениях носили временный характер, так как они находились в зоне постоянных набегов соседей. Именно поэтому, как только приближались враги, все самое ценное уносилось или уводилось в башню, включая рогатый скот, и местное население находилось в крепости до тех пор, пока враг не уходил, затем возвращалось к своим постройкам. Строительство хижины в среднем занимало два дня, она состояла из четырех жердей, вбитых в землю с четырех сторон, по периметру от одного столба к другому натягивали выюн с ветками и такую «стену» обмазывали глиной. В качестве крыши стелили солому (Путешествие Шардена, 1902: 102). Бросить такое жилище в случае набега было совершенно не жалко, его и бросали. Гораздо большее имущество составляло то, что согласно отчетным документам уничтожено не было..., а именно посевы ржи и ячменя. Важно понимать, что в апреле–мае такие посадки в Хевсурети уже были сделаны (Макалатия, 1940: 50).

После этого 15-го июня войска благополучно достигли кахетинского села Тианети и были распущены на прежние места расквартирования (АКАК, 5: 536).

10 июня 1813 г. от генерала Симоновича главнокомандующему русскими войсками на Кавказе генералу Ртищеву пришло сообщение о том, что его войска, посланные с четырех разных направлений в хевсурские земли за помощь беглому грузинскому царевичу Александру, вошли «через четыре наитруднейших ущелья, ведущие через жилища народов тушинских, пшавских, гудамкарских и прямо от Степан-цминда, кои доселе считаемы были непроходимыми ни для каких войск, и, перебравшись через хребты высочайших снеговых гор, разбили многочисленные скопища соединившихся хевсурцев и других горцев..., ниспровергли все укрепления и засады, ими устроенные на вершинах гор, на стремнинах каменистых скал и в глубоких безднах, достигли до самого главного хевсурского селения Шатили, весьма укрепленного не только искусством, но и самой природой, и где имел пристанище царевич Александр, и взяли оное штурмом, истребив до основания. Таковому же жребию подвергли себя и другие 22 хевсурские деревни и 9 кистинских за соединение их с хевсурцами и за сопротивление против неодолимого оружия Е.И.В.» (АКАК, 5: 531). Более того, генерал Симонович сообщал, что мятежники потеряли убитыми до 900 человек и много пленными (АКАК, 5: 531), при этом их число не уточнялось. В то же время Симонович сообщал, что потери русских войск составили не более 80 человек убитыми и ранеными (АКАК, 5: 531). Информация о потерях была дана по состоянию на 7–8 июня, то есть еще до того как была осуществлена экспедиция по наказанию хевсурских деревень. Спустя месяц в докладе на имя императора от 11 июля 1813 г. генерал Ртищев дал практически полные данные о потерях во время экспедиции: 45 убитых (включая 1 офицера) и 78 раненых, среди них 1 офицер (АКАК, 5: 536). Через 80 лет военно-исторический отдел Кавказского военного округа опубликовал уточненные потери русской армии во время экспедиции в

Хевсурети. Итак, общие потери русских войск во время экспедиции с 23 мая по 7 июня составили 45 человек убитыми, среди которых один офицер (майор Алексеев из Суздальского пехотного полка), а также 82 человека ранеными, среди них 5 офицеров (*Сборник сведений о потерях, 1901: 13*). Таким образом, общие потери убитыми и ранеными составили 127 человек, пленных не было. Единственное, в чем ошиблись составители «Сборника сведений о потерях», так это в периодизации: экспедиция продолжалась не до 7 июня, а до 15 июня, то есть до роспуска частей к месту расквартирования (*Таблица 1*).

Таблица 1. Основные события экспедиции в Хевсурети и потери

№ пп	Боевые действия	Потери		
		Русские		Мятежники
		убитые	ранены	убитые
1	25 мая (отряд Сталя) на границе	1	3	данных нет
2	30–31 мая (отряд Казбека) при сел. Гули	Общие потери не более 80 человек убитыми и ранеными		до 600
3	31 мая – 1 июня (отряды Симоновича, Сталя и Тихановского) Аргунское дефиле			80
4	1 июня (отряды Симоновича, Сталя и Тихановского) сел. Гуро			данных нет
5	2 июня перестрелка арьергарда объединенного отряда с противником			
6	3 июня столкновения на подступах к Шатили			
7	4–5 июня (отряд Тихановского) в 9 кистинских деревнях	данных нет		
8	9–12 июня экспедиция по наказанию хевсуров. 19 деревень из 20 взяты штурмом			
Всего за экспедицию		45	82	около 900

Данные *Таблицы 1* показывают, что до 9 июня общие потери русского отряда составляли не более 80 человек, при этом общие потери за всю экспедицию составили 127 человек. Это означает, что при штурме 19-ти хевсурских деревень русская армия потеряла около 50 человек убитыми и ранеными.

Таким образом, экспедиция в Хевсурети продолжалась 24 дня. Среднесуточные потери русской армии составили 1,9 убитыми и 3,4 человека ранеными. Операция в Хевсурети была самой кровопролитной за весь 1813 г. во время Кавказской войны (*Cherkasov et al., 2017: 74*).

Интересным представляется также то, что генерал Ртищев рапортуя царю, сообщал, что укрепленное село Шатили пало «под тяжестью победоносного оружия Вашего Императорского Величества, будучи превращено в пепел, а башни и укрепления оно разрушены до основания» (*АКАК, 5: 536*). Примерно то же самое докладывал генерал Симонович и самому генералу Ртищеву¹, на самом же деле русские войска разрушили несколько башен в нижнем ярусе крепости, которые отвечали за оборону со стороны Грузии, и совершенно не тронули башни в центре и сверху, а также находящиеся на фронте со стороны Чечни. Дело в том, что в 1813 г. продолжалась борьба русской армии с вторжениями лезгин на территорию Грузии, разрушить укрепления Шатили означало практически уничтожить местных хевсуров, так как они становились уязвимыми для набегов, что касалось и северной Кахетии. Удивлено было и русское командование, обнаружив, что хевсуры покинули крепость. Мы можем выдвинуть гипотезу о том, что хевсуры принципиально не стали оборонять крепость, дабы не подвергать ее разрушению от артиллерийского огня, чтобы продолжать выполнять свой основной функционал – защиту бывшей территории Картли-Кахетинского царства от лезгин.

В подтверждение этой гипотезы можно отметить, что к моменту подхода русских войск к Шатили царевич Александр еще 1-го июня под предлогом нового сбора людей у кистинских народов покинул крепость, то есть никакого смысла хевсурам устраивать из родного села «Брестскую крепость» уже не было. Также важно пояснить, что жители Шатили не располагали средствами для постройки крепости вновь, если она была бы разрушена. Известно, что в ряде башен русские войска сожгли этажные перекрытия, разумеется, без обрушения башен. Следы этих пожаров в башнях можно увидеть и сегодня (*Рис. 2*).

¹ Эта информация вошла и в советскую историографию. Так, О.П. Маркова в работе «Восстание в Кахетии в 1812 г.» отмечала, что селение Шатили было совершенно разрушено (*Маркова, 1951: 137*).

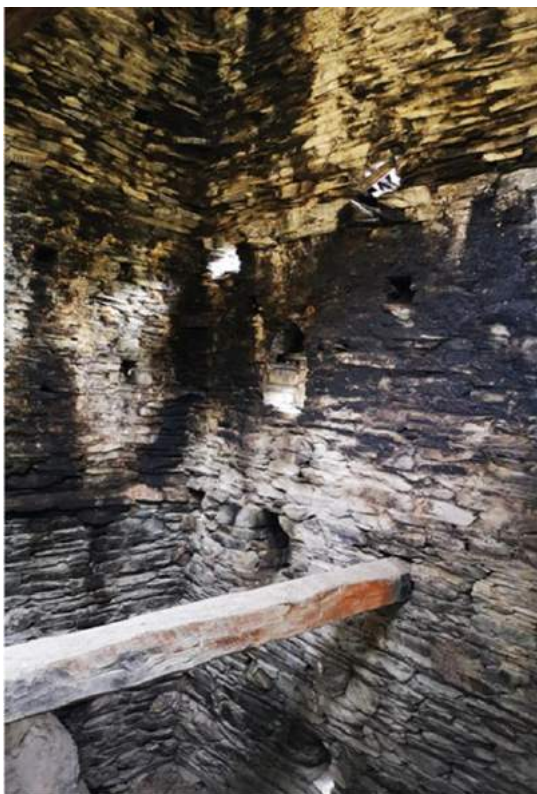

Рис. 2. Следы пожара в башне (Фото А.А. Черкасова)

Также это наглядно демонстрирует и современное состояние крепости. Сделанные нами изыскания на местности в сентябре 2018 г. в Шатили показывают следующее:

Рис. 3. Вид на Шатили с соседней горы (Фото А.А. Черкасова)

На [Рис. 3](#) представлен вид на крепость с соседней горы. Именно с этой высоты шатильцы обстреливали русские войска в крепости, после того как они вошли в нее. С левой стороны от крепости идет дорога в сторону Грузии, башни, обеспечивающие прикрытие этого участка, мы условно назовем грузинским фронтом, а башни с правой стороны – в сторону Чечни – назовем чеченским фронтом.

Рис. 4. Вид на крепость при движении со стороны Грузии (Фото А.А. Черкасова)

Более детальное изучение крепости показывает, что со стороны грузинского фронта имеются масштабные разрушения крепости.

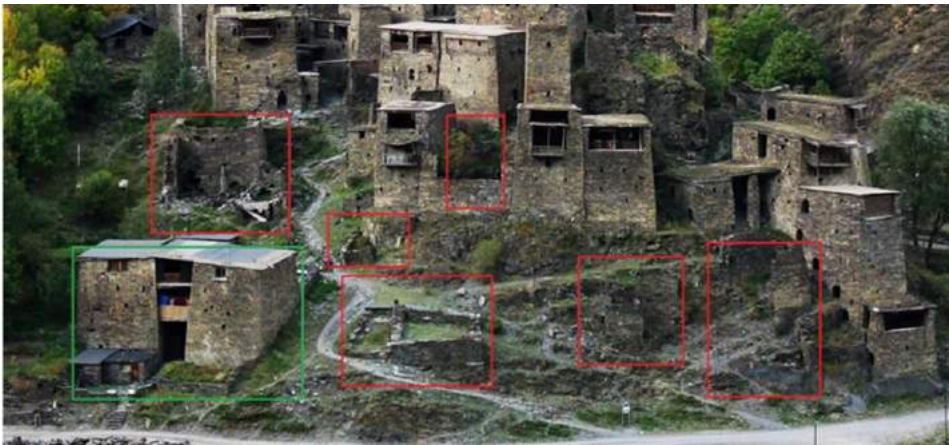

Рис. 5. Крепость Шатили, нижний ярус обороны грузинского фронта (Фото А.А. Черкасова)

На [Рис. 5](#) в квадратах красного цвета представлены руины башен на грузинском фронте. Нарушает логику полностью сохранившаяся двойная башня в квадрате зеленого цвета. Детальное изучение сохранившейся башни показало, что она была построена без связующего раствора ([Рис. 6](#)), в то время как в кладке других башен связующий раствор имеется ([Рис. 7](#)). Таким образом, это доказывает, что сохранившаяся башня была построена позднее.

Рис. 6. Кладка сохранившейся башни (Фото А.А. Черкасова)

Рис. 7. Кладка других башен крепости (Фото А.А. Черкасова)

Иными словами, русскими войсками были снесены все башни нижнего яруса, в которых шатильцы могли оказывать сопротивление со стороны грузинского фронта.

В то же время укрепления на чеченском фронте остались невредимыми (Рис. 8).

Рис. 8. Вид крепости со стороны Чечни (Фото А.А. Черкасова)

Важно отметить, что сохранение крепости сыграло хорошую службу России в последующем. Спустя 30 лет, в 1843 г. союзник Шамиля Ахмед-Махмед потребовал покорности шатильцев и прибыл туда с войском. Получив отказ, лезгины приступили к штурму. Трое суток происходили боевые действия, и лишь когда выстрелом был убит сам Ахмед-Махмед, лезгины отступили (Макалатия, 1940: 41).

Небезынтересным будет отметить и то, что одновременно с проведением боевых действий русские военные топографы составляли карты региона с указанием дорог, то есть производили картографическое описание местности, чего до этого времени еще не делалось (АКАК, 5: 537).

5. Заключение

Подводя итоги, мы хотели бы обратить внимание на следующее:

Согласно отчетным русским документам при кажущейся жестокости русских войск в Хевсурети ничего ценного в хевсурских или кистинских деревнях уничтожено не было, а информация об уничтожении посевов отсутствует.

Уточнены даты проведения экспедиции – с 23 мая по 15 июня, а также распределение потерь русских войск.

Взятие главного убежища мятежного грузинского царевича Александра – крепости-деревни Шатели – произошло без штурма. Нами выдвигается гипотеза о том, что шатильцы практически сдали крепость с целью избежать ее разрушения от артиллерийского огня русской армии.

Командующий экспедицией генерал Симонович, доложив главнокомандующему русских войск в Грузии генералу Ртищеву, а тот в свою очередь императору, о полном уничтожении мятежной крепости, ввел вышестоящее начальство в заблуждение. Стремясь сохранить крепость для дальнейшей защиты Грузии от вторжений лезгин, генерал Симонович разрушил только нижний ярус обороны, который отвечал за оборону со стороны Грузии. Помимо этого в незначительном количестве других башен были сожжены перекрытия, без разрушения самих башен. Таким образом, обороноспособность крепости была снижена лишь на второстепенном участке, практически не участвующем в защите крепости от вторжения лезгин.

Литература

АКАК, 5 – Акты Кавказской археографической комиссии. В 12 т. Т. 5. Тифлис, 1873.

Ган, 1900 – Ган К. Путешествие в страну пшавов, хевсур, кистин и ингушей // Кавказский вестник. 1900. № 4. С. 93-110.

Гурко-Кряжин, 1928 – Гурко-Кряжин В. Хевсуры. Москва, 1928.

Ковалевский, 1890 – Ковалевский М. Народное право хевсур и тушин. Москва, 1890.

Макалатия, 1940 – Макалатия С.И. Хевсурети. Историко-этнографический очерк дореволюционного быта хевсуров. Тбилиси: Грузинское краеведческое общество, 1940. 224 с.

Маркова, 1951 – Маркова О.П. Восстание в Кахетии 1812 г. Москва, 1951.

Народы России, 4 – Народы России. В 8 т. Т. 4. Санкт-Петербург, 1879.

- Панек, 1928 – Панек Л. Хевсуры. Ленинград, 1928.
- Потто, 1887 – Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. В 5 т. Т. 1. СПб.: Издание книжного склада В.А. Березовского, 1887. 378 с.
- Путешествие Шардена, 1902 – Путешествие Шардена по Закавказью в 1672–1673 гг. Тифлис, 1902.
- Радде, 1881 – Радде Г. Хевсурия и хевсуры. Тифлис, 1881.
- Романовский, 1909 – Романовский В.Е. Хевсуры. Москва, 1909.
- Сборник сведений о потерях, 1901 – Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае 1801–1885 гг. / Составлен А.Л. Гизетти. Тифлис, 1901. 222 с.
- Урбнели, 1888 – Урбнели Н. Хевсуры. Москва, 1888.
- Урбнели, 1890 – Урбнели Н. Очерки Пшаво-Хевсуретии // *Записки Кавказского отделения русского географического общества*. 1890. 14 (1). С. 142-198.
- Эристов, 1835 – Эристов Р. О Тушино-Пшаво-Хевсурском округе. // *Записки Кавказского отделения русского географического общества*. 1835. № 3. С. 75-145.
- Bulgarova et al., 2017 – Bulgarova B.A., Vazerova A.G., Ochirov O.R. Religious culture in the Caucasus: pagan temples and traditions // *Bylye Gody*. 2017. № 44 (2). pp. 420-427.
- Cherkasov et al., 2017 – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. The Losses of the Russian Army during the Caucasian War (1801–1864): Historical and Statistical Research // *Bylye Gody*. 2017. № 1 (43). pp. 68–85.
- Rajović et al., 2018 – Rajović G., Ezhevski D.O., Vazerova A.G., Trailovic M. Letters as a source of propaganda during the Kakheti uprising of 1812 // *Bylye Gody*. 2018. № 48 (2). pp. 570-575.

References

- АКАК, 5 – Akty Kavkazskoi arkheograficheskoi komissii [Acts of the Caucasus archaeographic commission]. V 12 t. T. 5. Tiflis, 1873. [in Russian]
- Bulgarova et al., 2017 – Bulgarova B.A., Vazerova A.G., Ochirov O.R. (2017). Religious culture in the Caucasus: pagan temples and traditions. *Bylye Gody*. № 44 (2). pp. 420-427.
- Cherkasov et al., 2017 – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. (2017). The Losses of the Russian Army during the Caucasian War (1801–1864): Historical and Statistical Research. *Bylye Gody*. № 1 (43). pp. 68–85.
- Eristov, 1835 – Eristov R.O. (1835). Tushino-Pshavo-Khevsurskom okruge [About Tushino-Pshavo-Khevsursky district]. *Zapiski Kavkazskogo otdeleniya russkogo geograficheskogo obshchestva*. № 3. pp. 75-145. [in Russian]
- Gan, 1900 – Gan K. (1900). Puteshestvie v stranu pshavov, khevsur, kistin i ingushei [Journey to the country of Pshavs, Khevsur, Kistins and Ingushs]. *Kavkazskii vestnik*. № 4. pp. 93-110. [in Russian]
- Gurko-Kryazhin, 1928 – Gurko-Kryazhin V. (1928). Khevsury [Khevsuri]. Moskva.
- Kovalevskii, 1890 – Kovalevskii M. (1890). Narodnoe pravo khevsur i tushin [National Law of khevsur and tushin]. Moskva.
- Makalatiya, 1940 – Makalatiya S.I. (1940). Khevsureti. Istoriko-etnograficheskii ocherk dorevolutsionnogo byta khevsurov [Khevsureti. Historical and ethnographic essay pre-revolutionary life Khevsurov.]. Tbilisi: Gruzinskoe kraevedcheskoe obshchestvo, 224 p.
- Markova, 1951 – Markova O.P. (1951). Vosstanie v Kakhetii 1812 g. [The uprising in Kakheti in 1812]. Moskva.
- Narody Rossii, 4 – Narody Rossii [Peoples of Russia]. V 8 t. T. 4. Sankt-Peterburg, 1879.
- Panek, 1928 – Panek L. (1928). Khevsury [Khevsuri.]. Leningrad.
- Potto, 1887 – Potto V. (1887). Kavkazskaya voyna v otdel'nykh ocherkakh, epizodakh, legendakh i biografiiakh [The Caucasian War in separate essays, episodes, legends and biographies]. V 5 t. T. 1. SPb.: Izdanie knizhnogo sklada V.A. Berezovskogo, 378 p.
- Puteshestvie Shardeny, 1902 – Puteshestvie Shardeny po Zakavkaz'yu v 1672–1673 gg. [Chardin's journey through the Caucasus in 1672–1673]. Tiflis, 1902. [in Russian]
- Radde, 1881 – Radde G. (1881). Khevsuriya i khevsury [Khevsuriya and Khevsuri]. Tiflis.
- Rajović et al., 2018 – Rajović G., Ezhevski D.O., Vazerova A.G., Trailovic M. (2018). Letters as a source of propaganda during the Kakheti uprising of 1812. *Bylye Gody*. № 48 (2). pp. 570-575.
- Romanovskii, 1909 – Romanovskii V.E. (1909). Khevsury [Khevsuri]. Moskva.
- Sbornik svedenii o poteryakh, 1901 – Sbornik svedenii o poteryakh Kavkazskikh voisk vo vremya voyn Kavkazsko-gorskoj, persidskikh, turetskikh i v Zakaspijskom krae 1801–1885 gg. [The collection of data on the losses of the Caucasian troops during the wars of the Caucasian-Gorskiy, Persian, Turkish and in the Transcaspien region 1801–1885 years] / Sostavlen A.L. Gizetti. Tiflis, 1901. 222 p. [in Russian]
- Urbneli, 1888 – Urbneli N. (1888). Khevsury [Khevsuri]. Moskva.
- Urbneli, 1890 – Urbneli N. (1890). Ocherki Pshavo-Khevsureti [Essays on Pshavo-Khevsureti]. *Zapiski Kavkazskogo otdeleniya russkogo geograficheskogo obshchestva*. 14(1). pp. 142-198. [in Russian]

Экспедиция в Хевсурети 1813 года. «Штурм» Шатели

Александр Черкасов ^{a, b, *}, Сергей Братановский ^{c, d}, Лариса Александровна Королева ^e,
Василий Валерьевич Тараканов ^b

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Российский экономический университет им Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^d Институт государства и права РАН РФ, Москва, Российская Федерация

^e Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается русская экспедиция в Хевсурети 1813 г. в период заключительной стадии Кахетинского восстания. Уделено внимание обстоятельствам взятия деревни-крепости Шатели. Уточнены даты проведения экспедиции – с 23 мая по 15 июня, а также распределение потерь русских войск.

Материалами послужили результаты полевых исследований на территории деревни-крепости Шатели, проведенные в сентябре 2018 г. Важным источником стали документы, опубликованные в Актах, собранных Кавказской археографической комиссией.

В заключении авторы отмечают, что взятие главного убежища мятежного грузинского царевича Александра – крепости-деревни Шатели – произошло без штурма. Авторами была выдвинута гипотеза о том, что шатильцы практически сдали крепость с целью избежать ее разрушения от артиллерийского огня русской армии.

Командующий экспедицией генерал Симонович, доложив главнокомандующему русских войск в Грузии генералу Ртищеву, а тот в свою очередь императору, о полном уничтожении мятежной крепости, ввел вышестоящее начальство в заблуждение. Стремясь сохранить крепость для дальнейшей защиты Грузии от вторжений лезгин, генерал Симонович разрушил только ее нижний ярус, который отвечал за оборону со стороны Грузии. Помимо этого в незначительном количестве других башен были сожжены перекрытия, без разрушения самих башен. Таким образом, обороноспособность крепости была снижена лишь на второстепенном участке, практически не участвующем в защите крепости от вторжения лезгин.

Ключевые слова: экспедиция в Хевсурети, 1813 г., штурм Шатели, деревня-крепость.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sochio03@rambler.ru (А.А. Черкасов), la-koro@yandex.ru (Л.А. Королева)

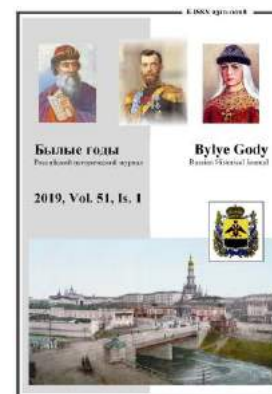
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 51. Is. 1. pp. 176-187. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.1.176
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Organization of Medical Service in the External Districts of the Middle Zhuz in the 20-60s of the XIX century

Galya A. Alpyspaeva ^{a, *}, Sholpan N. Sayahimova ^a, Lazzat T. Jumaliyeva ^a

^a Saken Seifullin Kazakh Agrotechnical University, Kazakhstan

Abstract

The article discusses the first experience of the organization of medical care by the Russian Empire in the Kazakh steppes of the Middle Zhuz in the 20-60s of the XIX century in the implementation of the administrative reforms. The origin base is made up of the documentary sources from the archives of the cities of Kazakhstan and published materials systematized in collections, as well as the work of Russian researchers of the traditional Kazakh society of the nineteenth century. The policy of the Russian empire for the dissemination of medical knowledge in the region is analyzed, the dynamics of the epidemiological situation in the region and measures to combat infectious diseases is characterized, and the reasons for the weak involvement of Kazakhs in the field of medical care are justified.

The authors come to the conclusion that the provisions of the “Charter on Siberian Kyrgyz” of 1822 regarding the construction of hospitals and the distribution of medical knowledge among Kazakhs of the Middle Zhuz were not fully realized. However, in the course of the colonization of the region, it became necessary to carry out preventive measures and smallpox in response to outbreaks of infectious diseases caused by resettlement of the European population to the steppe. The infirmaries and hospitals served not only the military, but also the civilian population of the districts, and training of medical workers among the Kazakh people began.

Keywords: medical care, Middle Zhuz, Kazakh steppe, external districts, “Charter of Siberian Kirghiz” of 1822, hospital, infirmary, smallpox.

1. Введение

Первые медицинские учреждения в Среднем жузе появляются в первой четверти XIX в. в процессе присоединения казахской степи к Российской империи и в связи с началом административной колонизации края. До XIX в. казахи Среднего жуза лишь номинально состояли в российском подданстве, ибо царское правительство не имело реальной власти в казахских степях, за исключением правобережья реки Иртыш. Усиление на востоке Цинской империи и укрепление ее политического влияния на Средний жуз стало фактором, ускорившим административную колонизацию казахской степи.

Основной задачей правительственной политики в отношении народов, населявших окраины империи, было постепенное интегрирование коренного населения в состав империи и слияние их территории с российскими губерниями. По «Уставу о сибирских киргизах» 1822 г., разработанному М.М. Сперанским при участии Г.С. Батенькова и доктора Ф. Буттаца, территория Среднего жуза (ныне территория Северного, Восточного и Центрального Казахстана) была объявлена «Областью сибирских киргизов» и разделена на крупные административные единицы – округа, именовавшиеся «внешними округами». Для их управления создавались окружные приказы, в которых предполагалось открыть больницы и военные лазареты.

* Corresponding author

E-mail addresses: galpyspaeva@mail.ru (G.A. Alpyspaeva)

2. Материалы и методы

При написании статьи авторы опирались на документальные источники и материалы, выявленные в фондах Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК) в г. Алматы, Государственного архива г. Астаны (ГАГА), Государственного бюджетного учреждения «Государственный архив Республики Татарстан» (ГБУ ГА РТ) в г. Казань. По большей части это делопроизводственная документация окружных приказов: годовые и квартальные медицинские отчеты, рапорты и донесения окружных чиновников, переписка окружных приказов с канцелярией Западно-Сибирского генерал-губернатора, ведомости об оспопрививании населения, ведомости расходов на содержание больниц и военных госпиталей в округах и пр.

Анализируемые материалы о традиционной медицине казахов были почерпнуты из трудов русских исследователей, изучавших казахское общество в XIX в.: С.Б. Броневского, А.И. Левшина, Г.И. Спасского. В своих работах они описали медицинские познания казахов и традиционные методы лечения разных заболеваний у кочевников.

Работа выполнена с применением методов дискурсивного анализа архивных документов, статистической обработки архивных данных об оспопрививании населения края, рождаемости и смертности в регионе. Применение историко-системного и сравнительно-исторического методов работы с источниками позволило изучить историю становления и развития медицинского обслуживания во внешних округах Среднего жуза в 20–60-е гг. XIX века.

3. Обсуждение

Научный интерес к проблеме истории распространения медицинских знаний и становления здравоохранения в регионах Российской империи в XIX веке достаточно высок, поскольку с развитием здравоохранения качество жизни населения регионов существенно менялось.

В основу изучения темы положен региональный подход, поэтому вполне актуально и правомерно обращение к работам, освещающим региональные аспекты проблемы. История развития медицины и здравоохранения Западной Сибири и Казахстана в XVII–XIX вв. освещена в работе Б.Н. Палкина. Написанная на основе архивных материалов и литературных источников, она содержит сведения о научных исследованиях врачей, работавших в Казахстане в этот период (Палкин, 1967: 530).

В контексте предлагаемой темы интерес представляет статья О.В. Бабенко (Бабенко, 2018: 7–13), в которой представлен обзор современных публикаций ученых по проблемам развития медицины в регионах Российской империи в конце XVIII – начале XX веков. В содержательной части обзор охватывает различные вопросы развития здравоохранения: управление медицинскими учреждениями, юридическую базу медицины, особенности лечебного дела в губерниях, состояние военной и земской медицины и др.

Региональный подход к изучению проблем развития медицины конца XVIII – середины XIX вв. на материалах Дальнего Востока реализуется в работе А. Князькиной (Князькина, 2017: 64–69). Автор обосновывает роль военных медиков в оказании медицинской помощи гражданскому населению, а в качестве сдерживающих факторов развития медицины в регионе отмечает удаленность дальневосточных портов от пунктов снабжения и ограниченность материальных ресурсов.

Деятельность региональных органов Киевской губернии в сфере здравоохранения после медицинской реформы 1797 г. рассматривается в работе Т.В. Морей (Morei, 2017: 29–34), которая построена на анализе неопубликованных архивных материалов, характеризующих обеспечение больниц лекарственными препаратами и материалами, эпидемиологическую ситуацию и меры правительства по контролю уровня заболеваемости в регионе.

В работе Ш.Э. Хенце рассматриваются проблемы здравоохранения и эпидемиологическая ситуация в Поволжском регионе Российской империи в позднецарский период, определяемый автором хронологическими датами 1823–1914 гг. (Henze, 2011: 227).

Проблемы становления здравоохранения во второй половине XIX – начале XX вв. в отдельно взятом Акмолинском внешнем округе рассматривают казахстанские авторы Н.Ж. Агубаев, Ж.К. Касымбаев (Агубаев, 1998: 49–52; Касымбаев, 1995: 211).

4. Результаты

С 1824 по 1844 гг. в Среднем жузе в рамках реализации положений «Устава о Сибирских киргизах» 1822 г. было образовано 8 внешних округов: Каркаралинский, Кокчетавский, Аягузский, Акмолинский, Баянаульский, Уч-Булакский, Аман-Карагайский и Кокпектинский. Хронология их открытия представлена в [Таблице 1](#).

Таблица 1. Список внешних округов с количеством вошедших в них волостей и численностью населения, открытых с 1824 по 1834 гг.

№	название округа	дата открытия	число волостей	количество населения (чел.)
1	Каркаралинский	08.04.1824 г.	17	146655
2	Кокчетавский	29.04. 1824 г.	10	56918
3	Аягузский	17.06.1831 г.	13	63376
4	Акмолинский	22.08.1832 г.	15	67081
5	Баянаульский	22.08.1833 г.	12	65457
6	Уч-Булакский	22.08.1833 г.	11	52341
7	Аман-Карагайский (Кусмурынский)	30.08. 1834 г.	13	73021

Источник: [Бекмаханов, 1993: 125](#)

Каркаралинский округ был основан и открыт весной 1824 г. одним из первых. Последним по времени основания был Кокпектинский внешний округ, открытие которого состоялось 13 июля 1844 года. В него вошло 14 волостей, в округе на момент открытия проживало 53699 чел., насчитывалось 10649 юрт ([ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 540. Л. 241](#)).

Строительство внешних приказов и их деятельность определялись содержанием «Устава о Сибирских киргизах» 1822 года. Параграф 124 Устава предусматривал строительство в каждом округе следующих объектов: дом для помещения приказа; дома для проживания чиновников канцелярии приказа, толмачей и переводчиков; молитвенный дом с жилищем для духовенства; больничный дом на 150–200 человек; казармы для солдат и казаков ([Материалы по истории политического строя Казахстана, 1960: 99](#)).

В соответствии с параграфом 230 Устава во всех вновь учреждаемых округах «надлежало открыть неподвижные больницы для обслуживания служащих, обывателей и тяжело больных местных жителей» ([ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 2. Л. 16](#)). В каждый округ определялось по два лекаря. Согласно утвержденному штату расходов для управления Средним жузом одному лекарю полагался годовой оклад в сумме 1000 руб. ([ГАГА. Ф. 430. Оп. 2. Д. 2. Л. 26](#)).

Порядок организации медицинского обслуживания в учреждаемых округах был отражен в разделе «Устройстве медицинской части» официального документа «О правах киргизов» 1822 года. В соответствии с ним главный надзор за медицинской частью возлагался на врачей Дивизионных войск, расположенных в областях. Им предоставлялись права и обязанности губернских врачебных инспекторов. Согласно параграфу 251 данного документа, для подачи медицинской помощи назначался уездный врач и повивальная бабка. В крупных населенных пунктах и городах по штату полагались городские врачи и повивальные бабки ([ГАГА. Ф. 430. Оп. 2. Д. 2. Л. 7](#)).

Открытие больниц во всех округах происходило по общему сценарию. На первых порах медицинские учреждения размещались в приспособленных временных помещениях. К примеру, в Каркаралинском внешнем округе больница изначально располагалась в юрте, а к зиме, когда были построены землянки, ее переместили в одну из построек ([Палкин, 1967: 184](#)). Составление проектов и смет для строительства больниц поручалось инженерному отделу штаба Сибирского корпуса. Для ухода за больными в каждой больнице первоначально назначалось по 2 солдата инвалидной команды, а с 1830 г., в связи с увеличением числа больных, количество служителей было доведено до 4-х человек.

В соответствии с Уставом возведение окружных приказов находилось на общем контроле генерал-губернатора Западной Сибири. На местах обязаны были в первую очередь построить здание больницы, а только потом казармы для казаков и солдат, в последнюю очередь – дома для приказа и чиновников. Строительство надлежало производить «...со строгим наблюдением, не окончив строительство одного здания, не приступать к возведению другого» ([Палкин, 1967: 184](#)).

Однако строительство больниц в округах, на котором настаивал Г.С. Батеньков, один из разработчиков «Устава о Сибирских киргизах» 1822 г., встретило яростное сопротивление генерал-губернатора М. Капцевича, который неоднократно жаловался на Батенькова, обвиняя его в пристрастии к Сибири и населявшим его народам ([Палкин, 1967: 184](#)). Г.С. Батеньков – активный участник движения декабристов, ученый-географ – владел восточными языками и в совершенстве знал татарский язык. Будучи уроженцем города Тобольска, он хорошо знал местные условия, выступал против ущемления национального достоинства народов Сибири и Казахстана. В своих воззрениях при работе над проектами реформ Г. Батеньков шел дальше главного руководителя работ М. Сперанского, в связи с чем между ними часто и возникали разногласия ([Жиренчин, 1996: 14–150](#)).

В процессе строительства приказов нередко появлялись проблемы с финансированием, не хватало средств, вследствие чего объемы строительства сокращали за счет уменьшения размеров возводимых больниц. Так, в Каркаралинском округе построили больницу не на 200 мест, как предполагалось по Уставу, а только на 50. Это позволило существенно сэкономить средства, о чем

свидетельствуют сметы строительных работ; вместо 30-ти тыс. руб. потребовалось всего 18939 руб. (ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 594. Л. 25). В целях экономии средств по согласованию с генерал-губернатором строительные работы проводились силами гарнизонных солдат.

Технический надзор за строительством больниц и административных зданий в округах осуществляло Омское областное архитектурное управление, для руководства строительными работами в округа командировались архитекторы из области. К примеру, в Каркаралинский округ был командирован областной архитектор Данилов. Строительство больницы началось в 1826 г., а к осени 1827 г. были полностью отделаны 4 комнаты: аптекарская, прозекторская, прачечная и кухня. Позже завершили строительство больничного здания на 50 мест. Больницы строились из двух отдельных половин: на 35 коек для русских и на 15 коек для казахов (Палкин, 1967: 187). При больнице выстроили дом для врачей и другие подсобные помещения. Каркаралинская окружная больница работала недолго: в декабре 1829 г. во время пожара она полностью сгорела (ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 827. Л. 160).

Не без проблем проходила организация больницы в Акмолинском округе. Здание больницы к моменту открытия округа в августе 1832 г. еще не было готово, а для нее уже были приобретены постельные принадлежности, инвентарь и продукты на сумму 2154 руб. 42 коп. (ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 553. Л. 286). Здание построили к зиме того же года. В 1834 г. Акмолинская больница в связи с открытием военного лазарета была упразднена.

В Баянаульском округе больничные дома всего на 10 коек, состоящий из двух комнат, был построен и начал работать зимой 1833 г., уже после официального открытия округа весной этого же года. На первых порах врача не было, руководил больницей младший фельдшер Оконечников, который, согласно статистике, с 1834 по 1835 гг. лечил 16 человек. Вскоре больница была превращена в военный лазарет.

В Кокчетавском внешнем округе построили больницу на 16 человек. Она была открыта в начале 30-х гг. XIX в., хотя сам округ начал свои действия весной 1824 года. Прием и лечение больных вел один лекарь и один фельдшер. Архивные источники свидетельствуют, что за время существования больницы ни один местный житель из числа казахов так и не обратился за медицинской помощью (ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 827. Л. 160).

Рацион питания пациентов больниц в округах состоял из местных продуктов и был достаточно разнообразен. Он включал изделия из пшеничной и ржаной муки, крупу ячневую, мясо говяжье и баранье, свежую рыбу, молоко, яйца, сало, лук, капусту, мед, чай, кисели, квас. Пациенты обеспечивались койкой, бельем, посудой, мылом. Содержание одного больного в окружной больнице Каркаралинского округа в 1830 г. обходилось государству в 78 копеек в день (ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 519. Л. 3–3 об., 4). Расходы на содержание больницы ложились на бюджет округов и составляли десятки тысяч рублей в год. К примеру, анализ ведомости расходов Каркаралинской больницы выявляет годовую сумму расходов 17828 руб. 3 коп.

Таблица 2. Ведомость расходов Каркаралинской больницы с 1 августа 1829 г. по 1 августа 1830 г.

№	статьи расходов	сумма расходов
1	На покупку пшеничной и ржаной муки, крупы ячневой, соли, мяса, молока, лука, капусты, меда	407 руб. 29 коп.
2	На покупку мыла, вина, яиц, сала	263 руб. 33 коп.
3	На больничное белье и починку старого	44 руб. 63 коп.
4	На посуду	10 руб. 50 коп.
5	На деревянную посуду	8 руб. 80 коп.
6	На закупку сена для тюков	3 руб.
7	На железные замки	11 руб. 30 коп.
8	На кровати, столы, комоды	119 руб.
9	На материалы и прочие вещи	279 руб. 27 коп.
10	За присланные хирургические инструменты	386 руб. 47 коп.
11	На разные мелочи	32 руб. 39 коп.
12	За стирку белья прачке	105 руб.
13	За чистку при больнице очага, труб	21 руб. 50 коп.
14	Вольнонаемной застряпку булок, печенья, варение киселя и кваса	96 руб. 60 коп.
	Итого:	17828 руб. 3 коп.

Источник: ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 519. Л. 8–8 об.

Окружные больницы просуществовали недолго. Уже вскоре их стали закрывать по причине незначительного обращения в них местного населения, а вместо них открывали военные лазареты.

Игнорирование казахами лечебных учреждений и отказ от обращения в них обусловлен был рядом причин. Одна из них заключалась в том, что казахи редко болели простудными

заболеваниями. Генерал-майор С.Б. Броневский, прослуживший в области сибирских киргизов около двадцати лет, с 1808 по 1827 гг., о казахах Среднего жуза писал: «Нахождение всегда на свежем воздухе, единообразная пища предохраняют их от болезней, они доживают до глубокой старости, много встречается 100-летних, а 70-летние переносят все труды наравне с молодыми. Зрение их иногда преждевременно повреждается от дыма в юртах и отражения на снегу солнечных лучей, против чего употребляют род очков, сплетенных из черных конских волос, а зубы в невредимости сохраняются до кончины, казахи мало страдают от простуды» (Броневский, 2007: 69).

Другая причина заключалась в том, что среди местного населения продолжали бытовать традиционные методы лечения болезней. «Раны и ушибы искусно врачуют некоторым родом пластырей, мазей и прижиганием раскаленным железом; нашатырь, имбирь, перец (особенно стручковый), бадян, калган, гвоздика, дорогая трава (сассапарель) и скипидар составляют аптеку. Русская водка как лекарство принимается; они чужды страсти пьянства», – писал С.Б. Броневский в своих заметках (Броневский, 2007: 70).

Функцию врачевания в казахском традиционном обществе выполняли баксы – народные лекари. О распространении среди казахов лечебной магии писал русский историк, исследователь культуры народов Сибири и казахской степи Г.И. Спасский, которого Чокан Валиханов назвал «знатоком сибирской истории и народов» (Валиханов, 1984: 351). Г.И. Спасский отмечал, что казахи «...во всех болезнях в месте изыскания надежных средств прибегают к муллам, бахам и другим чародействам» (Спасский, 1818: 95). Он подробно описал «искусство врачевания» казахских баксы.

Другой русский исследователь XIX в., один из основателей Русского географического общества А.И. Левшин, сообщая о баксах у казахов, писал об их способах лечения музыкой, а также определенными «телодвижениями и кривляниями» (Левшин, 1832: 65). Автор отмечал, что колдовство казахов составляет не только часть религии, но и главнейшую часть медицины. При этом ученый совершенно справедливо отмечал, что «пустые и суеверные обряды мнимых лекарей не составляет всего врачебного искусства казахов: они знают многие полезные лекарства» (Левшин, 1832: 65). В качестве доказательства автор приводит данные о народной медицине. «От боли в груди казахи пьют навар из корня дикой розы, от чесотки купались в соленой воде, опухоли разгоняли приправами из разных трав, от переломов пили третью медь» (Левшин, 1832: 65).

Открытие военных лазаретов в округах взамен больниц обусловлено было также тем, что по своему прямому назначению они должны были обслуживать военных. Однако по сведениям комиссии, командированной в казахскую степь в 1860-е гг., известно, что в военные лазареты обращалось и гражданское население. «Особого больничного дома в Каркаралинском округе нет, больные же гражданского ведомства помещаются в военном лазарете и пользуются медикаментами из гражданской аптеки, для чего отпускается из казны ежегодно 142 руб. 86 коп., почему до сих пор не устроено особого больничного дома для киргиз, приказу не известно» (История Каркаралы в документах и материалах, 2009: 289).

Лазареты открывались не только в приказах, но и при крупных горных приисках, о чем свидетельствуют отчеты с мест. Горный ревизор Ковригин, отчитываясь по вопросу о бытовом обслуживании рабочих на приисках Кокпектинского округа, отмечал: «Устройство медицинской части на всех промыслах в 1860 г. оставалось прежнее: везде существуют лазареты, снабженные приличными медикаментами, и при каждом находится особый фельдшер» (Казахско-русские отношения, 1964: 466). Главный надзор за лазаретами приисков возлагался на медика Кокпектинского военного госпиталя и на окружного лекаря.

Военный лазарет в Каркаралинском округе был построен взамен сгоревшей больницы (ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 827. Л. 160). Благодаря ходатайству местного доктора Маршева, в 1830 г. вышел указ генерал-губернатора об учреждении лазарета на 16 мест. Строительство продолжалось несколько лет. В 1840-е гг. военный лазарет включал нескольких построек: капитальный дом на фундаменте из дикого камня – здание лазарета, отдельную кухню с сениями, кладовую, баню в два отделения, амбар, конюшню. Внутри лазаретного двора находился колодец со срубом из сосновых бревен (ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 3049. Л. 167–169).

Военный лазарет в Акмолинске размещался первоначально в одной из комнат солдатской казармы. Для хранения лазаретных вещей использовалось временное сооружение – «плетенюшка, покрытая дерном и без пола» (ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 553. Л. 107). Здание военного лазарета в виде деревянного флигеля из четырех комнат с кухней было построено к середине 1830-х гг., о чем свидетельствует донесение Акмолинского окружного приказа управляющему Омской областью от 3 сентября 1836 г. (ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 889. Л. 11). Первым смотрителем Акмолинского военного лазарета был фельдшер Бурцов, позже его сменил Вавилов.

В Баянаульском округе военный лазарет начал работу на базе бывшей окружной больницы. В 1855 г. в нем работали первые фельдшеры-казахи: Жусуп Мантекин и Абсамат Тычкантаев (Опабекова, 2009: 116).

В Кокчетавском округе военный госпиталь, как и лазареты в других округах, принимал на лечение не только чиновников приказа, но и гражданское население округа, а также и казахов-кочевников. Комиссия, командированная в августе 1865 г. императором Александром II в казахские степи для проведения административной реформы, в своем донесении отмечала, что «...здесь они

содержатся и лечатся на счет общих госпитальных средств; впоследствии с киргиз и других разночинцев гражданского ведомства комиссариат чрез приказ взыскивает деньги – или с них самих, или, по несостоятельности их, с обществ, к которым они принадлежат» ([Казахско-русские отношения, 1964: 415](#)).

При лазаретах работали аптеки, состоящие в ведении окружного врача, который вел контроль расходов медикаментов на лечение всех категорий больных, как военных, так и гражданских. Медикаменты для лазаретов приобретались в областных городах.

Обращения казахов в военные лазареты, как и ранее в окружные больницы, было редким явлением, о чем свидетельствуют отчеты чиновников. В отчете о деятельности частной горной промышленности в Семипалатинской области за 1860 г. сообщалось, что «...промысловые лазареты существуют только для русских, потому что киргизы лечатся постоянно у своих знахарей, к которым питают неограниченную веру, и к русским фельдшерам прибегают только за кровопусканием» ([ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 32. Л. 6](#)).

Большой проблемой в развитии здравоохранения в регионе было отсутствие медицинских кадров, их частая сменяемость и низкая квалификация имеющихся. Вследствие нехватки профессиональных медицинских работников, особенно в гражданском ведомстве, медицинскую помощь населению нередко оказывали слабо подготовленные фельдшера казачьих отрядов. Например, штаб-лекарь Никитин, направленный в Каркаралинский округ по настоятельной просьбе окружного приказа, после длительных препирательств между военными властями и областным правлением был разжалован в фельдшера по причине слабого профессионализма ([ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 442. Л. 10](#)).

Одной из причин нехватки и текучести медицинских кадров было небольшое жалование лекарей. Медицинские работники получали значительно меньше, чем полагалось по штатному составу. К примеру, в феврале 1824 г. на должность окружного лекаря Каркаралинского окружного приказа был прикомандирован из Омского гарнизонного полка военный врач Зибберштейн. Он получал годовое жалованье в сумме 500 руб. вместо положенных по штату 1000 руб. ([ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 366. Л. 37](#)). Вторым лекарем был Никитин, командированный весной 1825 г. из Усть-Каменогорского гарнизонного батальона в Каркаралинск на должность лекаря с окладом всего в 45 руб. в год ([ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 442. Л. 8](#)). Он также долго не задержался. Его сменил окружной врач Ерофалов. При нем больница была приведена в порядок, стала регулярно оказываться медицинская помощь казахскому населению, внедрялась практика оспопрививания. Однако работал он недолго, и после конфликта с командиром местного отряда сотником Карбышевым в 1829 г. перевелся в Томск ([Палкин, 1967: 204](#)).

Если известные им болезни казахи лечили испытанными традиционными методами, то настоящей проблемой для них были незнакомые инфекционные заболевания, привнесенные извне в ходе колонизационных процессов и переселения в степь европейского населения. Именно таким и очень опасным инфекционным заболеванием в XIX в. в казахской степи была оспа. Не случайно поэтому в 252 параграфе главы «Устройство медицинской части» официального документа «О правах киргизов» 1822 г. отмечалось, что «...в особенную заботливость врачей постановляется принятие мер к распространению оспаривания между киргизами и в каждой волости для оспаривания полагаются «оспенные ученики» из киргизов, по одному или два человека, смотря по величине волости». Положения документа обязывали врачей объезжать аулы и оказывать медицинскую помощь безвозмездно ([ГАГА. Ф. 430. Оп. 2. Д. 2. Л. 9](#)).

В своих записках С. Броневский отмечал, что «...натуральная оспа причиняет большую смертность, сия болезнь, так и любострастная, вовсе не были известны до тех пор, пока они не вступили в частыя сношения со своими соседями» ([Броневский, 2007: 70](#)). Появление оспы нередко вызывало страх у всего аула. Боясь заразиться, казахи снабжали больных пищей и безжалостно оставляли в степи, перекочевывая на новые места. Нередко оспенных больных отдавали русским, в связи с чем областной оспенный комитет распорядился о том, чтобы больных оспой казахов, брошенных родственниками на произвол судьбы, помещать в окружные больницы ([Палкин, 1967: 345](#)).

Для борьбы с заразой были намечены обязательные к исполнению мероприятия по оспопрививанию всего казахского населения внешних округов. Не подлежали оспопрививанию только беременные женщины и кормящие матери ([ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 1289. Л. 53](#)). Авторы Устава предполагали последствия переселения в степь европейского населения в части возможного распространения среди казахов инфекционных заболеваний и оказались правы. На обязательном оспопрививании казахов настаивал Г.С. Батеньков ([Жиренчин, 1996: 14–150](#)).

В октябре 1842 г. в Байбуринской волости Каркаралинского округа, пограничной с Акмолинским округом, появились первые заболевшие оспой. Источником заражения стала окружная гауптвахта, где в декабре 1842 г. совместно с заболевшими людьми европейского происхождения содержались заключенные казахи. Они и принесли оспу в казахские аулы. По настоянию окружного врача Д.Н. Сукина был оборудован стационар-изолятор. В связи с вспышкой заболевания окружному врачу удалось начать и развить практику оспопрививания в данном округе.

Большую роль в распространении оспопрививания среди казахского населения Каркаралинского и Кокчетавского внешних округов Омской области сыграл семипалатинский окружной врач С.А. Яроцкий. За время работы в округе ему удалось привить оспу двум казахским детям и обучить оспопрививанию письмоводителя окружного приказа А. Мухтарова. Тот, в свою очередь, под присмотром Яроцкого привил оспу еще девяти казахским детям, начав со своих собственных (Палкин, 1967: 339). В 1828 г. С.А. Яроцкий представил в Семипалатинский областной оспенный комитет проект организации противооспепных прививок среди казахов и, получив одобрение, приступил к его осуществлению. В первый же год им были достигнуты значительные успехи.

Архивные данные о численности привитого населения свидетельствуют о незначительном количестве на первых порах непосредственно в округах, где проживало коренное население. По числу привитых от оспы среди всех степных округов лидировал Каркаралинский (Палкин, 1967: 345). В 1843 г. здесь было привито 128 человек казахского и русского населения (ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 1289. Л. 53). Динамику роста количества людей, привитых против оспы в Каркаралинском внешнем округе за десятилетие, с 1855 по 1866 гг., отмечает Б. Палкин. В 1855 г. по округу было привито всего 23 чел., из которых 11 были казахами, в 1856 г. – 115 чел., в том числе 32 казаха, в 1865 г. – 220 чел., в том числе 207 казахов, в 1866 г. привилось 210 чел., в том числе 74 казаха (Палкин, 1967: 392). Для сравнения, в 1856 г. в Аягузском округе привилось только 28 чел., в Кокпектинском округе – 66 чел. (ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 1657. Л. 44).

Распространение такого опасного инфекционного заболевания, как оспа, вынуждало колониальные власти принимать меры к подготовке кадров из числа местных казахов, которые могли бы проводить оспопрививание среди коренного населения. По распоряжению областного начальства в Каркаралинский окружной приказ в 1856 г. было прислано из волостей 17 казахских мальчиков для обучения медицинскому делу при окружном военном лазарете (История Каркаралы ..., 2009: 243). Уже с 1860 г. начали проводить прививки среди казахского населения в указанном округе первые, подготовленные окружным врачом юноши-казахи: Аяган Кунанбаев, брат великого казахского философа и просветителя Абая Кунанбаева, Акбас Мадженов, а в 1862 г. к ним присоединился Маутанов (Палкин, 1967: 349).

В 1854 г. в Кокпектах, административном центре одноименного округа, при военном лазарете открылось двухгодичное училище для подготовки фельдшеров из казахов (Алтынбаев, 2002: 35). Сохранились поименные списки первых выпускников, фельдшеров-казахов, обучившихся в училище при Кокпектинском лазарете. Это были 26 молодых людей разного сословного происхождения (Палкин, 1967: 349). Многие из них были направлены на работу на прииски и в казахские волости, расположенные в Кокпектинском внешнем округе, активно участвовали в оспопрививании казахского населения округа.

Оспопрививание проводилось под контролем окружных чиновников, которые обязаны были официально освидетельствовать факт проведения вакцинации. В отчетных ведомостях об оспопрививании заполнялась графа «Кто свидетельствовал», куда записывались конкретные данные свидетеля (фамилия, должность). Как правило, это были участковые окружные заседатели, либо командующие военными отрядами (ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 1289. Л. 53).

Кроме того, в ведомостях имелась графа «Кто прививал», в которой в обязательном порядке указывались сведения о медицинском персонале, производившем оспопрививание. Это были как военные, так и гражданские фельдшера и лекари, а также лекарские и фельдшерские ученики, специально обученные этому делу. Среди них были казахи Б. Жуманов, Т. Субебаев, Ж. Балтагарин и др. (ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 1289. Л. 53).

Оспопрививание в степях Казахстана осуществлялось не на должном уровне, зачастую использовались некачественные препараты, что снижало эффективность мероприятия. Об этом свидетельствуют данные отчетов и ведомостей об оспопрививании за разные годы и в разных округах. Так, в отчете за 1845 г. «О состоянии народного населения» в Кокпектинском округе отмечалось, что «оспенная материя, привитая, вероятно, по худшему качеству, надлежащего действия не оказала» (ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 1657. Л. 34). В отчете за 1847 г. по Кокчетавскому окружному приказу указывалось, что оспопрививание между киргизами не имеет надлежащего успеха (ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 1890. Л. 23). Из данных ведомости об оспопрививании в Каркаралинском округе за 1862 г. следует, что из 126 привитых из числа казахов принялось только у 101 человека, в то время как из 54 привитых из числа русского населения принялось у 52-х человек (История Каркаралы, 2009: 252). Более высокая результативность оспопрививания европейского населения могла быть обусловлена качеством вакцины.

В то же время анализ отчетов выявляет сложности в работе, связанные не только с нехваткой медицинского персонала, но и непониманием со стороны казахского населения сущности данного мероприятия, а нередко и нежеланием окружных чиновников заниматься проблемой. Ч. Валиханов писал, что «...доктора обязаны прививать киргизам оспу, но киргизы боятся их, от оспопрививания убегают или откупаются» (Валиханов, 1985: 75). Чиновники окружных приказов Каркаралинского и Кокчетавского внешних округов Омской области на запрос областного начальника, возможно ли проведение оспопрививания среди казахского населения этих округов и известно ли оно им,

сообщали, что данное мероприятие противоречит магометанскому закону и вести его среди казахов невозможно (Палкин, 1967: 339).

Несмотря на несомненные успехи оспопрививания, оно охватывало далеко не всех жителей края, в том числе и детей, вследствие чего вспышки оспы продолжались здесь до конца XIX века.

В источниках отмечается высокая смертность среди коренного населения, в особенности детей до 15 лет. Из их числа более половины составляли дети первого года жизни. Показатель детской смертности в отдельные годы по округам в связи с эпидемией оспы и дизентерии достигал невероятной величины, временами превышая половину числа родившихся детей. В Баянаульском округе в 1843 г. умерло 900 детей; в Кокчетавском округе в 1846 г. умерло 558 детей; в Кокпектинском округе в 1847 г. – 765 детей (ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 1657. Л. 44)

В первой половине XIX в. заболеваемость в целом по России, особенно эпидемическая и детская, а также смертность оставались чрезвычайно высокими (Общественная медицина в России, 1963: 37). Сказывались слабые материальные условия жизни простого народа, отсутствие должного количества медицинских работников и качества медицины. Статистика такова: в 1846 г. в России насчитывалось 8072 врача, из них 654 – неполноправных, имеющих право на неполную практику. На одного врача приходилось 12 тысяч жителей (Общественная медицина в России, 1963: 51). В Казахстане ситуация была еще хуже. К примеру, в Акмолинском внешнем округе один уездный врач обслуживал 100 тысяч человек (Агубаев, 1998: 49). В Каркаралинском округе, согласно статистическим отчетам за 1861 г., два военных лазарета обслуживали 59744 жителей (ЦГА РК. Ф. 345. Оп. 1. Д. 1796. Л. 164).

Как и в регионах России, на территории Казахстана показатели детской смертности были высокими. Исследователь Б.Н. Палкин приводит такие данные по Кокпектинскому округу в первые годы его существования, в 1844–1846 годы: в 1844 г. взрослая смертность составляла 6,6 чел. на 1000 жителей, а детская – 55,8 чел. на 1000 родившихся. В 1845 г. взрослая смертность составляла 7,9 чел. на 1000 жителей, а детская – 72,6 чел. на 1000 родившихся. В 1846 г. взрослая смертность составляла уже 8,5 чел. на 1000 жителей, а детская – 100,6 детей на 1000 родившихся (Палкин, 1967: 392). Статистические данные вывеляют рост смертности, как взрослой, так и детской, причем детская смертность росла быстрее.

По причине высокой смертности, особенно детской, естественный прирост населения был незначительным. В некоторых округах в отдельные годы естественного прироста населения не наблюдалось вообще, а число умерших превышало число родившихся. По данным Б. Палкина, в 1843 г. в этот список вошли Акмолинский, Баянаульский и Аман-Карагайский округа, в 1844 г. – Акмолинский, Аман-Карагайский, Аягузский и Каркаралинский; в 1847 г. – Кокпектинский (в связи с высокой смертностью); в 1848 г. – Аягузский и Кус-Мурунский округа (Палкин, 1967: 392).

Все это отрицательно влияло на демографическую ситуацию в крае. Кроме того, на состояние демографии в регионе влияло преобладание численности мужчин над женщинами, о чем свидетельствуют статистические данные по округам. По статистическим сведениям в 1863 г. в Баян-Ауле проживало 280 человек, из них 180 мужчин и 100 женщин (Материалы по истории, 1960: 118). По данным Б. Палкина, в Кокпектинском округе в 1844, 1845 и 1846 гг. на 100 мужчин приходилось 88,3, 86,4, 87,9 женщин соответственно (Палкин, 1967: 392). Согласно архивным данным, в Кокпектинском окружном приказе в 1847 г. родилось 3 ребенка женского пола, а умерло в этом же году 10 человек женского пола (ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 1890. Л. 47).

В рассматриваемый период среди казахского населения получили распространения венерические болезни, в частности сифилис. До прихода в степь казаков и крестьян-переселенцев широкого распространения этого инфекционного заболевания не наблюдалось среди казахов. Власти предпринимали меры борьбы с распространением сифилиса.

Областной доктор С.Т. Чучкин разработал проект по организации борьбы с сифилисом, в котором предложил ряд мер по выявлению заразившихся и их лечению. Прежде всего, необходимо было выявить заболевших. С этой целью стали проводить медицинские осмотры в округах и в тех аулах, которые располагались вблизи русских поселений, а также казахов, работающих по найму на рудниках и промыслах. Во-вторых, предлагалось организовать бесплатное лечение в военных лазаретах, открыв при каждом из них отдельную палату для женщин-казашек. В-третьих, предлагалось установить поощрение за успешную борьбу с венерическими болезнями не только для врачей, но и для волостных правителей и чиновников окружных приказов, а за не принятие мер – строго взыскивать с должностных лиц.

Совет областного управления согласился с предложениями областного доктора и предписал волостным управителям и аульным старшинам всемерно убеждать больных сифилисом казахов в необходимости лечения в лазаретах, а о тех, кто уклонялся от лечения, доносить окружным приказам. Медицинский совет Министерства внутренних дел, ознакомившись с решением, признал, что меры эти «могут оказать действительную пользу». Но практически вся эта продуманная система в силу недостатка врачей, а также чиновничье-бюрократического отношения к этим новшествам в большинстве окружных приказов ощутимых результатов не дала (Палкин, 1967: 317).

Кроме оспы и сифилиса, в округах стали фиксироваться и такие, ранее неизвестные казахам инфекционные заболевания, как тиф и холера. Весной 1853 г. в Каркаралинском округе началась

эпидемия тифа, которую занесли переселенцы, арестанты и новобранцы, а осенью впервые зарегистрирована холера. Врач военного лазарета Н.К. Гольфтер выявил, что болезнь занесена из внутренних округов Тобольской губернии (Палкин, 1967: 392).

Как отмечается в официальных медицинских отчетах, такие довольно распространенные тогда болезни, как скарлатина и коклюш, более всего были распространены среди крестьян-переселенцев и были завезены ими из России (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 10075. Л. 2). Среди детей периодически наблюдались локальные эпидемии кори, гриппа и коклюша.

Инфекционные болезни, такие, как холера, тиф, корь, грипп, не получали широкого распространения и характер эпидемии. По мнению исследователей, большая территориальная разобщенность казахских аулов и суровый зимний климат были основными факторами, сдерживающими быстрое распространение инфекционных заболеваний (Палкин, 1967: 392). Тем не менее власти опасались эпидемий инфекционных заболеваний в степи и принимали меры предосторожности. Когда в начале 1830-х гг. в Персии свирепствовала эпидемия чумы, российское правительство, проявляя заботу о благосостоянии своих подданных, приняло решение «сделать всеобщее объявление на татарском языке ...всему киргизскому народу, султанам, старшинам, биям обнародовать в киргиз-кайсацкой степи, чтобы не осталось ни одного аула, который был бы не извещен о появлении сей ужасной болезни и об угрожающей опасности» (ГБУ ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3530. Л. 1).

Самым распространенным инфекционным кожным заболеванием среди казахов оставалась чесотка. Источником заболевания нередко была одежда из плохо обработанной шкуры животных. С.Б. Броневский писал, что казахи «редко избавляются от чесотки – нерадением о чистоте порождаемой» (Броневский, 2007: 70).

В документах изредка встречаются сведения о случаях заболевания цингой. В отчетах за 1847 г. «О состоянии народного населения» указывается, что в Киши-Мурунской волости Кокпектинского внешнего округа появилась цинга, но «без гибельных, однако, последствий» (ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 1657. Л. 44). Заболевали цингой кочевники, как правило, в периоды затянувшейся зимы, но с наступлением весны и лета, когда рацион питания улучшался, население поправляло свое здоровье.

С проникновением в край медицинских знаний началось изучение местных целебных природных источников, которыми были богаты некоторые регионы Среднего жуза. Одним из богатейших регионов был Каркаралинский округ, славившийся своими целительными природными источниками. Силами медицинских работников в 1820-е гг. началось его обследование. Так как врача в округе не было, обследование источников было поручено местному фельдшеру Никитину и окружному заседателю Дарту. В июне 1827 г. они провели исследование нескольких источников на предмет температурного режима, минерального состава воды и ее целебного воздействия на разные виды заболеваний, по результатам которого подготовили отчет. В нем отмечалось, что «в округе в 80-ти верстах от Каркаралы находятся три ключевые колодца минеральных вод, свойство сих вод полезно от разных болезней, что подтверждено опытами, но заведением при них нет» (ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 8090. Л. 32). Температура главного ключа, названного исследователями Николаевским, оказалось равной плюс 13 градусов, а двух других ключей, Джусалинского и Аулие-Булак, не превышала плюс 7 градусов.

Изучив химический состав минеральных вод, авторы отчета отмечали, что «внутреннее и наружное употребление воды источника Аулие-булак приносит киргизам в разных болезнях облегчение, а особенно употреблявших оную, страдавших ломотою и недугами, от старости и слабости происходящих; женщины через употребление воды сей во время родов и после – неоднократно пользовались благодатными свойствами и поэтому считают источник святым местом» (Палкин, 1967: 515).

Более подробно результаты химического анализа присланных проб воды изучил совет врачей Омского гарнизона, он определил показания к ее лечебному применению: при кожных заболеваниях, для восстановления сил, при гинекологических болезнях. Первое опытное применение воды источника для лечения больных было осуществлено лишь в 1830 г. окружным врачом Яроцким, командированным в округ из Семипалатинска (Палкин, 1967: 515). Несмотря на организационные и финансовые сложности, начало освоению природных источников было положено.

5. Заключение

Изучив проблемы организации медицинского обслуживания во внешних округах Среднего жуза в 20–60-е годы XIX века, авторы пришли к следующим выводам. Положения «Устава о сибирских киргизах» 1822 г. в части организации медицинского обслуживания края были оторваны от жизни и носили больше характер благих пожеланий. В ходе их реализации при окружных приказах строились больницы, а позже военные лазареты, где лечились военные и местное гражданское население. Масштабы строительства гражданских больниц и военных лазаретов не соответствовали принятым планам не только по причине нехватки средств и отсутствия административной поддержки, но и вследствие невостремленности их со стороны казахов. В этом смысле статьи Устава не были реализованы в полной мере.

Введение положений «Устава о Сибирских киргизах» 1822 г., несмотря на половинчатость реализации, положило начало формированию системы здравоохранения в казахской степи, развитие которой происходило медленно. В ходе колонизации края возникла необходимость проведения профилактических мер в связи со вспышками инфекционных заболеваний, вызванных переселением в степь европейского населения. Казахи, ранее не знакомые с такими заболеваниями, как оспа, тиф, корь и др., не имели опыта их врачевания традиционными методами, что повышало риск распространения эпидемий. Официальными властями принимались меры по организации противоэпидемиологической работы, вовлечению казахов в процесс оспопрививания. В условиях нехватки медицинских работников началась подготовка кадров из числа коренного населения. Территориальная отдаленность казахских степей от городских центров, ограниченность материальных ресурсов осложняли охрану здоровья казахского и переселенческого населения.

Литература

- Агубаев, 1998 – Агубаев Н.Ж. Здравоохранение, образование и общественные организации дореволюционной Акмолы // *Вестник науки Аграрного университета им. С. Сейфуллина*, 1998. № 4. С. 49–52.
- Алтынбаев, 2002 – Алтынбаев К. Кокпекты. Новосибирск, 2002. 172 с.
- Астана. История столицы, 2006 – Астана. История столицы и края в XVII–XIX вв. Астана, 2006. 290 с.
- Бабенко, 2018 – Бабенко О.В. Медицина Российской империи конца XVIII – начала XX века в новой научной литературе // *История и археология: материалы V Международной научной конференции (г. Краснодар, февраль 2018 г.)*. Краснодар: Новация, 2018. С. 7–13.
- Бекмаханов, 1993 – Бекмаханов Е. Казахстан в 20–40-е годы XIX века. А., 1993. 375 с.
- Броневский, 2007 – Броневский С.Б. О казахах Средней Орды. 2-е изд. доп. Астана: «Алтын кітап», 2007. Т. 5. 168 с.
- Валиханов, 1984 – Валиханов Ч. Сборник сочинений в 5-ти томах. Т. 1. Алма-Ата, 1984. 432 с.
- Валиханов, 1985 – Валиханов Ч. Сборник сочинений в 5-ти томах. Т. 4. Алма-Ата, 1985. 460 с.
- ГАГА – Государственный архив города Астаны.
- ГБУ ГА РТ – Государственное бюджетное учреждение «Государственный архив Республики Татарстан».
- Жиренчин, 1996 – Жиренчин К.А. Политическое развитие Казахстана в XIX – начале XX вв. Алматы, 1996. 352 с.
- История Каркаралы, 2009 – История Каркаралы в документах и материалах. Т. 2. Алматы, 2009. 508 с.
- Казахско-русские отношения, 1964 – *Казахско-русские отношения в XVIII–XIX вв. (1771–1867 гг.)*. Сборник документов и материалов. Алма-Ата: Наука, 1964. 574 с.
- Касымбаев, 1995 – Касымбаев Ж.К. История Акмолы (1832–1917 гг.). А.: Атамұра, 1995. 211 с.
- Князькина, 2017 – Князькина Т.А. Первые военные госпитали на Дальнем Востоке России (конец XVIII – середина XIX вв.) // *Военно-медицинский журнал*. М., 2017. Т. 338. № 7. С. 64–69.
- Левшин, 1832 – Левшин А.И. Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казацких орд и степей. Ч. 3. СПб., 1832.
- Материалы по истории, 1960 – Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1. Алма-Ата: Изд. Академии наук КазССР, 1960. 441 с.
- Общественная медицина, 1963 – *Общественная медицина в России в период революционной ситуации 1859–1861 годов. Очерки по истории общественной медицины середины XIX века*. Москва: Медгиз, 1963. 80 с.
- Опабекова, 2009 – Опабекова Д.К. Некоторые аспекты истории организации Баянаульского внешнего округа (1833–1868 гг.) // *Вестник ЗКГУ*, 2009. № 1 (33). С. 11–17.
- Палкин, 1967 – Палкин Б.Н. Очерки истории медицины и здравоохранения Западной Сибири и Казахстана в период присоединения к России (1716–1868). Новосибирск, 1967. 530 с.
- Спаский, 1818 – Спаский Г.И. Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой орды // *Сибирский вестник*. СПб., 1818. Ч. X.
- ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- Henze, 2011 – Henze C.E. Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia: Life and Death on the Volga, 1823–1914. L., 2011. 227 p.
- Morei, 2017 – Morei T. V. Archival Materials about the Situation of Medical Institutions in the Kiev Province at the end of the XVIII – first half of the XIX century // *European Journal of Social and Human Sciences*. 2017. № 4. pp. 29–34.

References

- Agubayev, 1998 – Agubayev N.Zh. (1998). Zdravooxranenie, obrazovanie i obshhestvenny`e organizacii dorevolucionnoj Akmoly` [Health care, education and social organizations of the pre-revolutionary Akmolai]. *Vestnik nauki Agrarnogo universiteta im. S. Seifullina*. № 4. pp. 49–52. [in Russian]

- [Altynbayev, 2002](#) – *Altynbayev K.* (2002). Kokpekty [Kokpekty]. Novosibirsk. 172 p. [in Russian]
- [Astana. Istoriya stolicy, 2006](#) – Astana. Istoriya stolicy i kraya v XVII-XIX vv. [The history of the capital and the region in the XVII-XIX centuries]. Astana. 2006. 290 p. [in Russian]
- [Babenko, 2018](#) – *Babenko O.B.* (2018). Medicina Rossijskoj imperii konceza XVIII – nachala XX veka v novoj nauchnoj literature [Medicine of the Russian Empire of the end of the XVIII – beginning of the XX century in the new scientific literature]. *Istoriya i arxeologiya: materialy` V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (g. Krasnodar, fevral` 2018 g.)*. Krasnodar: Novaciya. pp. 7-13. [in Russian]
- [Bekmahanov, 1993](#) – *Bekmahanov E.* (1993). Kazaxstan v 20-40-e gody` XIX veka [Kazakhstan in the 20-40s of the XIX century]. Almaty. 375 p. [in Russian]
- [Bronevskii, 2007](#) – *Bronevskii S.B.* (2007). O kazahah Srednej Ordy [About Kazakhs of the Middle Horde]. 2-e izd. dop. Astana: «Alty`n kitap». T. 5. 168 p. [in Russian]
- [GAGA](#) – Gosudarstvennyi arhiv goroda Astany. [The State archive of the Astana city].
- [GBU GA RT](#) – Gosudarstvennoe byudzhethnoe uchrezhdenie «Gosudarstvenny`j arxiv Respubliki Tatarstan» [The State Budgetary Establishment «The State archive of the Republik of Tatarstan»].
- [Henze, 2011](#) – *Henze C. E.* (2011). Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia: Life and Death on the Volga, 1823–1914. L. 227 p.
- [Istoriya Karkaraly`, 2009](#) – *Istoriya Karkaraly` v dokumentax i materialax* [History of Karkaraly in documents and materials]. Almaty. 2009. 508 p. [in Russian]
- [Kasymbayev, 1995](#) – *Kasymbayev Zh.K.* (1995). Istoriya Akmoly` (1832-1917 gg.) [History of Akmola (1832-1917)]. A.: Atamura. 211 p. [in Russian]
- [Kazahsko-russkie otnosheniya, 1964](#) – *Kazahsko-russkie otnosheniya v XVIII -XIX vv. (1771-1867 gg.)*. Sbornik dokumentov i materialov [Kazakh-Russian relations in the XVIII-XIX centuries (1771-1867). Collection of documents and materials]. Almaty: Science. 1964. 574 p. [in Russian]
- [Knyaz`kina, 2017](#) – *Knyaz`kina T.A.* (2017). Pervy`e voenny`e gositali na Dal`nem Vostoke Rossii (konec XVIII – seredina XIX v.) [The first military hospitals in the Far East of Russia (late XVIII – mid XIX century)]. *Voенno-medicinskij zhurnal*. Vol. 338, №. 7. pp. 64–69. [in Russian]
- [Levshin, 1832](#) – *Levshin A. I.* (1832). Opisanie kirgiz-kajsaczkix ili kirgiz-kazach`ix ord i stepej. [Description of the Kirghiz-Kaysak or Kirghiz-Cossack hordes and steppes]. Part. 3 SPb. [in Russian]
- [Materialy` po istorii, 1960](#) – *Materialy` po istorii politicheskogo stroya Kazaxstana* [Materials on the history of the political system of Kazakhstan]. T. 1. Alma-Ata: Izd. Akademii nauk KazSSR, 1960, 441 p. [in Russian]
- [Morei, 2017](#) – *Morei T.V.* (2017). Archival Materials about the Situation of Medical Institutions in the Kiev Province at the end of the XVIII – first half of the XIX century. *European Journal of Social and Human Sciences*. № 4. pp. 29–34.
- [Obshhestvennaya medicina, 1963](#) – *Obshhestvennaya medicina v Rossii v period revolyucionnoj situacii 1859-1861 godov. Oчерki po istorii obshhestvennoj mediciny` serediny` XIX veka (1963)* [Social medicine in Russia in the period of the revolutionary situation of 1859-1861. Essays on the history of social medicine of the middle of the XIX century]. M.: Medgiz. 80 p. [in Russian]
- [Opabekova, 2009](#) – *Opabekova D.K.* (2009). Nekotory`e aspekty` istorii organizacii Bayanaul`skogo vneshnego okruga (1833-1868 gg.) [Some aspects of the history of the organization of t Bayanaul external district (1833-1868)]. *Vestnik ZKGU*. № 1 (33). pp. 11-17. [in Russian]
- [Palkin, 1967](#) – *Palkin B.N.* (1967). Oчерki istorii mediciny` i zdravooxraneniya Zapadnoj Sibiri i Kazaxstana v period prisoedineniya k Rossii (1716-1868) [Essays on the history of medicine and public health in Western Siberia and Kazakhstan during the period of their accession to Russia (1716-1868)]. Novosibirsk. 530 p. [in Russian]
- [Spassky, 1818](#) – *Spassky G.I.* (1818). Kirgiz-kajsaki Bol`shoj, srednej i Maloj ordy` [Kirghiz Kaisaks of the Great, Medium and Small Hordes]. *Sibirskij vestnik*. SPb., Ch. X. [in Russian]
- [TsGA RK](#) – Tsentral'nyi Gosudarstvennyi arhiv Respubliki Kazahstan [Central State archive of the Republik of Kazakhstan].
- [Valikhanov, 1984](#) – *Valikhanov Ch.* (1984). Sbornik sochinenij v 5-ti tomax [Collected works in 5 volumes]. T.1. Alma-Ata. 432 p. [in Russian]
- [Valikhanov, 1985](#) – *Valikhanov Ch.* (1985). Sbornik sochinenij v 5-ti tomax [Collected works in 5 volumes]. T. 4. Alma-Ata. 460 p. [in Russian]
- [Zhirenchin, 1996](#) – *Zhirenchin K. A.* (1996). Politicheskoe razvitie Kazaxstana v XIX – nachale XX vv. [Political development of Kazakhstan in the XIX – early XX centuries]. Almaty. 352 p. [in Russian]

Организация медицинского обслуживания во внешних округах среднего жуза в 20–60 годы XIX века

Галья Айтпаевна Алпыспаева ^{а, *}, Шолпан Назарбековна Саяхимова ^а,
Ляззат Туребековна Джумалиева ^а

^а Казахский агротехнический университет им. С.Сейфуллина, Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассматривается первый опыт организации Российской империей медицинского обслуживания в казахских степях Среднего жуза в 20–60 годы XIX века в ходе реализации административных реформ. Источниковую базу составляют документальные источники из фондов архивов городов Казахстана и опубликованные материалы, систематизированные в сборниках, а также работы русских исследователей традиционного казахского общества XIX века. Анализируется политика российской империи по распространению медицинских знаний в регионе, характеризуется динамика эпидемиологической ситуации в крае и меры борьбы с инфекционными заболеваниями, обосновываются причины слабой вовлеченности казахов в сферу медицинского обслуживания.

Авторы пришли к выводу о том, что положения «Устава о сибирских киргизах» 1822 года в части строительства больниц и распространения среди казахов Среднего жуза медицинских знаний не были в полной мере реализованы. Однако в ходе колонизационного освоения края возникла необходимость проведения профилактических мероприятий и оспопрививания в связи со вспышками инфекционных заболеваний, вызванных переселением в степь европейского населения. Лазареты и больницы обслуживали не только военных, но и гражданское население округов, началась подготовка медицинских работников из числа казахов.

Ключевые слова: медицинское обслуживание, Средний жуз, внешний округ, «Устав о сибирских киргизах» 1822 года, больница, лазарет, оспопрививание.

* Корреспондирующий автор

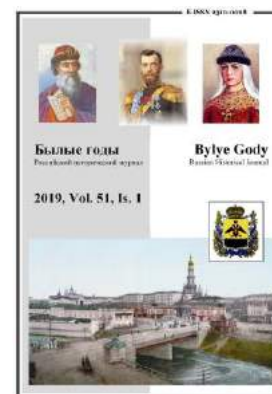
Адреса электронной почты: galpyspaeva@mail.ru (Г.А. Алпыспаева)

Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
 Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 51. Is. 1. pp. 188-197. 2019
 DOI: 10.13187/bg.2019.1.188
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Hereditary Bureaucracy in East Siberian Government from XIX to the early XX century: Statistical Analysis on the Materials of the Yenisei Province

Tatyana G. Karchaeva ^{a, 1}, Denis N. Gergilev ^a, Galina M. Luschaeva ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The question of the presence of hereditary officials in the personnel structure of the administrative apparatus in remote areas of the Russian Empire is considered on the example of Eastern Siberia in the XIX – early XX centuries. Russian and foreign literature examined related issues about the supreme administration of Siberia. We analyzed new archival data about 1462 different-level civilian officials which served in the Yenisei province from 1822 to the 1917. The authors of this article found that hereditary bureaucracy took leading positions with the staffing of all categories of provincial and district posts, but at the same time there were different dynamics and different factors of their replenishment. The top general posts of the Yenisei province (governors, their deputies and heads of institutions for departments) were formed steadily at the expense of noblemen appointed from Central Russia. Among them, more than 50 % took the form of employment in the field of public administration from their fathers and, when they were appointed to Siberia, increased their official status. Headquarters (advisers to the governor, department heads, special assignment officers, etc.) had a systematic increase in the presence of the hereditary bureaucracy in 4 times, the highest rate of which at the end of the XIX century reached more than 70 % and was stipulated, as in senior officials, by the legislation that allowed more quickly move up the career ladder. The chief officers of table-heads, secretaries, clerks, etc., the lowest in the hierarchy, were originally half filled with hereditary civil servants, first visiting, and from the second half of the XIX century entirely by siberians of clerical origin who gained access to public service through education.

Keywords: officials, hereditary bureaucracy, public administration, grassroots, state employees, Yenisei Province, Siberia, Russian Imperia.

1. Введение

Влияние человеческого фактора в историческом процессе – доказанный факт, не требующий дальнейшего подтверждения, который обуславливает возрастающий интерес к провинциальному чиновничеству дореволюционной России. Предметом данного исследования являются гражданские служащие Енисейской губернии (губернского и окружного звеньев управления) в период с 1822 по 1917 гг., имевшие чиновничье сословно-социальное происхождение, по-другому – дети чиновников. Цель работы заключается в выявлении статистической доли наследственной бюрократии в процессе формирования кадрового аппарата управления регионом, что соотносится с одним из основных направлений исторической науки по изучению истории общественной жизни на основе статистических данных, обобщающих конкретно иллюстративный материал (Зиновьев, Зиновьева, 2016: 9).

¹ Corresponding author

E-mail addresses: tatyana-verkhoturova@yandex.ru (T.G. Karchaeva), turilak@yandex.ru (D.N. Gergilev), lusgalina@yandex.ru (G.M. Luschaeva)

2. Материалы и методы исследования

2.1. Источниковая база работы – индивидуальные формулярные списки государственных служащих, личные дела, списки чиновников по ведомствам, историческая и энциклопедическая литература. Наиболее массовым и информативным среди использованных источников был формулярный (послужной) список – обязательный служебный документ всех чиновников до 1917 г., в котором, как и в личных делах и списках чиновников по министерствам, обязательно содержалась информация о сословно-социальном происхождении. Причастность отцов-чиновников к государственной гражданской службе была установлена через фразы: «сын обер-офицера», «сын коллежского советника», «сын титулярного советника», «сын коллежского асессора», «сын канцеляриста» и пр., а для первой половины XIX в. – «из детей приказнослужителей». Разумеется, большинство высших чиновников происходили «из дворян», поэтому обращение к формулярам и личным делам их родителя (при наличии) было способом установления «чиновничьей наследственности».

2.2. Методология работы основывается на концепции понимания чиновничества как социальной группы с характерными идентификацией и внутренней организацией. Анализ кадрового состава высших чиновников Енисейской губернии проведен с учетом их разделения на три разряда должностей: высшие губернские чиновники (IV–V кл.), служащие на штаб-офицерских (VI, VII, VIII кл.) и обер-офицерских должностях (IX, X, XII, XIV кл.) (Зайончковский, 1965: 65).

В группу высших чиновников Енисейской губернии в 1822–1917 гг. вошли лица, занимавшие должности только по губернскому управлению (согласно штатным расписаниям), соответствовавшие IV–V классным чинам, т.е. действительного статского советника и статского советника: губернаторы, вице-губернаторы (председатели губернского правления), управляющие (председатели) казенной палаты, председатели губернского суда, а также выделенные в особую группу высшие чиновники, возглавлявшие контрольную палату, акцизное управление, губернское учреждение по управлению государственными имуществами, тюремную и врачебную части и главы управлений по крестьянским делам.

В состав штаб-офицерских чиновников (VI–VIII кл.) по звену губернского управления вошли губернский прокурор и стряпчие, советники губернатора, чиновники особых поручений, начальники отделений, архитектор, тюремные инспекторы, казначей, контролеры, землемер и пр.; по окружному управлению – окружные стряпчие, окружные судьи, исправники, окружные начальники, окружные казначей, окружные землемеры и пр. Нижними обер-офицерскими служащими губернской администрации (IX–XIV кл.) являлись бухгалтеры, столоначальники, журналисты, секретари, делопроизводители, архивариусы, регистраторы, протоколисты и их помощники соответственно; по окружному управлению – начальники столов, секретари, заседатели окружных судов, ревизоры поселений, городничие, квартирные надзиратели, смотрители и пр.

Сословно-социальное положение служащих выявлено у 80 чел. высших чиновников (86 %), 360 чел., занимавших штаб-офицерские должности (311 чел. – из губернской администрации), 511 чел. – обер-офицерские (470 чел. – также из губернской администрации) Следует заметить, что состав высших чиновников проанализирован за весь хронологический период, состав служащих на штаб- и обер-офицерских должностях – за отдельные выбранные годы (1823, 1831, 1842, 1851, 1865, 1882, 1893, 1905, 1915). При этом рассмотрены все учреждения гражданской государственной службы по министерствам внутренних дел, финансов, юстиции, государственных имуществ (земледелия и государственных имуществ).

Таким образом, полученные в статье сведения, основанные, в основном, на архивном материале, являются репрезентативными, а большая часть самих архивных материалов – зачастую впервые введенными в научный оборот.

3. Обсуждение

Обзор литературы по вопросу показал, что в русско- и англоязычной историографии присутствуют статистические работы как о сибирской элите, так и о чиновниках всех уровней власти (Дегтярев, 2013; Зайончковский, 1978; Зиновьев, 2016; Миронов, 2012; Миронов, 2014, Bloch, 2005; Gentes, 2003; Pintner, 1970; Raeff, 1979).

Несомненно, большой вклад в изучение государственной власти в Сибири внесли труды Л.М. Дамешек и И.Л. Дамешек, А.В. Ремнева по законодательству, определявшему формирование бюрократического аппарата в Сибири (Ремнев, 2005; Сибирь в составе... 2007), и работы Н.П. Матхановой – по кадровому составу высшей администрации Восточной Сибири (Матханова, 2002).

Ежегодно в периодических изданиях систематически выходят научные статьи, посвященные общим и частным вопросам государственного управления отдаленной азиатской частью Российской империи, которые, на наш взгляд, в какой-то степени систематизируют уже ранее известную информацию, опубликованную в научных статьях и диссертационных исследованиях, но и, разумеется, вносят новые сведения по частным вопросам управления сибирским регионом (Гергилев, 2018; Мамкина и др., 2017; Матханова, 2016; Съемщиков, 2016; Mironov, Tumanova, 2012; Gryaznukhina et al., 2017).

История административного управления Енисейской губернии рассмотрена в периодических публицистических изданиях, примером которых могут служить очерки о жизни и службе высших местных чиновников, оказавших наибольшее влияние на жизнь сибиряков (Бердников, 2009; Енисейская губерния ..., 2004; Karchaeva et al., 2018). В свою очередь, тема определения доли участия наследственной бюрократии в составе кадрового аппарата управления Восточной Сибири не изучена, что доказывает необходимость комплексного ее рассмотрения, что можно сделать на примере Енисейской губернии в 1822–1917 гг.

4. Результаты

4.1. Наследственная бюрократия в кадровом составе высших чиновников Енисейской губернии в 1822–1917 гг.

Высшие администраторы Енисейской губернии, занимавшие посты IV–V рангов, имели различное сословно-социальное происхождение и, несмотря на общий перевес потомственных чиновников (52,5 %), их процентное соотношение между различными высшими должностями было различным (Таблица 1).

Таблица 1. Количество потомственных чиновников среди высших служащих Енисейской губернской администрации, 1822–1917 гг.

Категория служащих	Общее число служащих на должности		Количество служащих, о которых имеются сведения		Из них потомственные чиновники	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Высшие чиновники, из них:	93	100	80	86	42	52,5
губернаторы	17	100	16	100	10	62,5
председатели губернского правления (с 1895 г. – вице-губернаторы)	22	100	21	95,5	14	66,7
председатели казенной палаты	15	100	13	86,7	7	53,8
председатели губернского суда (до 1897 г.)	14	100	10	71,4	5	50
управленцы «особых» ведомственных учреждений	25	100	20	80	6	30

Бердников, 1995: 95, 98–99; Бердников, 2003: 68–72; Волков, 2009: 385, 461; ГАКК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1365. Л. 1, 4–4 об., 30–33; Д. 1482. Л. 1–16, 19 об.–31; Д. 717. Л. 29 об.; Ф. 156. Оп. 1. Д. 351. Л. 1–7; Д. 460. Л. 25 об.–29; Д. 589. Л. 2 об.–7; Ф. 160. Оп. 1. Д. 335. Л. 1 об.–27; Д. 1083. Л. 5 об.–21; Д. 1107. Л. 54; Ф. 401. Оп. 1. Д. 398. Л. 1 об.–19, 186; Д. 433. Л. 2–7; Д. 587. Л. 1, 179–182; Ф. 595. Оп. 1. Д. 694. Л. 5 об.–27; Д. 4308. Л. 3; Оп. 45. Д. 91. Л. 83–90; Д. 95. Л. 1 об.–31; Д. 96. Л. 53–54; Д. 151. Л. 1 об.–27; Д. 152. Л. 6 об.–11; Д. 152. Л. 63 об.–65 об.; Д. 153. Л. 23 об.–38; Д. 165. Л. 42 об.–47; Д. 189. Л. 2–24; Д. 193. Л. 44 об.–50; Д. 212. Л. 65 об.–70; Д. 215. Л. 37–38; Д. 230. Л. 29–36; Д. 325. Л. 42 – 50; Д. 326. Л. 37–38; Д. 357. Л. 66–76; Д. 390. Л. 3–21, 152; Д. 451. Л. 1 об.–39; Д. 474. Л. 1–4; Д. 482. Л. 23 об.; Коротенко, 2005: 68–289; Матханова, 2002: 79, 80–82, 90–92, 95–96, 148, 149; Мерцалов, 1917: 38–89; Попов, 1995: 69–70; Потапов, 2007: 374–375; РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 2570. Л. 109–120; Оп. 4. 1823 г. Д. 108. Л. 1 об.–5, 36 об.–38; 194 об.–198, 202 об.–207, 221 об.–224; Оп. 6. 1831 г. Д. 102. Л. 110 об.–116; Д. 829. Л. 47 об.–49; 1842 г. Д. 404. Л. 337 об.–345; Оп. 5. 1851 г. Д. 2916. Л. 42 об.–45; Ф. 1284. Оп. 42. 1861 г. Д. 90. Л. 3 об.–5; Оп. 46. 1903 г. Д. 74. Л. 61–71; Ромашкевич, 1910:120; Список высшим чинам..., 1837: 240; ... 1904: 389;... 1905: 183; ... 1906: 182;... 1908: 47; ... 1910: 44, 379; ... 1912: 371;... 1914: 42; ... 1916: 42; Список личного состава..., 1904: 280, 589, 591; 1906: 485; 1908: 498; 1910: 272; 1911: 616; 1912: 305; Список чинам ведомства..., 1872: 231

Анализ формуляров, личных дел, списков по ведомствам и литературы показал, что более 60% губернаторов и председателей губернского правления (с 1895 г. – вице-губернаторов) унаследовали чиновничью профессию от своих отцов. Каждый второй потомственный чиновник присутствовал на местах председателей казенной палаты и губернского суда; каждый третий – среди управленцев «особых» ведомственных учреждений (управляющих государственными имуществами, акцизным управлением, контрольной палатой, врачебных и тюремных инспекторов, непрременных членов по крестьянским делам).

Кроме того, на генеральские должности в Енисейской губернии назначались в основном приезжие, как говорили в те времена, «навезенные» из Центральной России: 93,7 % – губернаторы (15 из 16 чел.), 57,9 % – председатели губернского правления или вице-губернаторы (11 из 19 чел.),

70 % – председатели казенной палаты (7 из 10 чел.), 81,8 % – председатели губернского суда (9 из 11 чел.), 81,3 % – управленцы «особых» ведомственных учреждений (13 из 16 чел.).

Среднестатистической является служебная биография председателя губернского правления И.П. Бобылева, 1790 года рождения, из «приказнослужительских детей» города Москвы, начавшего службу в возрасте 16 лет учеником своего отца копииста в архиве Межевой канцелярии (Межевого архива, хранившего сведения о помещичьих землевладениях Российской империи). Его карьерный рост был объяснен переводом из Центральной России на службу в Сибирь. Именно перевод сначала в новгородскую палату уголовного суда (в город Новгород Новгородской губернии), а затем на должность советника нерчинского окружного судьи (в каторжный город Нерчинск Иркутской губернии) позволил И.П. Бобылеву получить преждевременно следующий классный чин коллежского асессора. Следующим поворотом в его карьере стал переезд на службу в только что «открытую» Енисейскую губернию и назначение советником председателя губернского правления, на посту которого он находился с 1823 г. по 1836 г., вплоть до назначения заместителем енисейского губернатора. А вот его единственный сын Николай Иванович Бобылев, 1819 года рождения, не стал чиновником, а всю свою жизнь посвятил описанию в поэзии красот Сибири (РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1823. Д. 108. Л. 203–209).

К вопросу о льготах гражданской службы в Сибири следует заметить, что до 1835 г. официально переведенные приезжие чиновники пользовались не только материальными привилегиями (сверхурочное годовое жалованье, двойные «прогонные» деньги до места службы, льготные сроки выслуги пенсии, увеличенный отпуск и пр.), но и послаблениями в сроках получения чинов за выслугу лет и требованиях при назначении на должности, так как в отличие от Центральной России сословие и уровень образования в Сибири не учитывались. После 1835 г. материальные привилегии имели только приезжие, начиная с должности не ниже столоначальника; на льготы в чинопроизводстве могли рассчитывать переведенные из Центральной России только канцелярские служащие, продолжавшие получать первый классный чин через 6 лет выслуги вместо обязательных 12 лет. Однако возможность поступления на должности государственной службы в Сибири и после 1835 г. присутствовала и у податных сословий при условии минимальной грамотности (Положение, 1895: Ст. 8–16, 30, 32, 34–38). Кроме того, по личному ходатайству цесаревича Николая с 1891 г. в ранг канцеляристов могли поступать и ссыльные (ПСЗ РИ. Собр. II. № 10470).

Интересен тот факт, что в отдаленной Енисейской губернии были случаи назначения на пост губернатора близких родственников высокопоставленных чинов центральной власти. Так, в Сибири служили младший брат министра внутренних дел Российской империи Павел Николаевич Замятин (1861–1868 гг.), один из сыновей министра иностранных дел Александр Николаевич Гирс (1906–1909 гг.) (РГИА. Ф. 1349. Оп. 42. 1861 г. Д. 90. Л. 3 об.–5; Список высших чинам... 1908: 47).

А вот дети енисейских губернаторов не стремились продолжать службу своих отцов в Сибири. Только сын первого губернатора Николай Александрович Степанов, получивший в 20-летнем возрасте чин губернского секретаря, находился на службе в Иркутске в 1829–1831 гг. (РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1831 г. Д. 102. Л. 27 об.–29).

В целом, выявленные статистические показатели чиновничьего сословно-социального происхождения высших служащих Енисейской губернии соотносятся в процентном соотношении с установленными данными об их принадлежности к дворянству: губернаторы – более 90 %, председатели губернского правления, губернского суда, казенной палаты – около 70 %, а управленцы ведомственных учреждений – всего 50 %. Следовательно, установлено, что значительная часть высших чиновников из дворянства имела чиновничье происхождение, так как родом деятельности их отцов-дворян была именно гражданская служба. А наличие послаблений в чинопроизводстве (до 1835 г.) и многочисленных служебных льгот (до 1917 г.) делали привлекательным их переезд в Сибирь, что, впрочем, было в рамках только одного поколения, так как дети сибирских на генеральских должностях чиновников службу уже своих отцов не продолжили.

4.2. Наследственная бюрократия в кадровом составе средних и низших по статусу служащих Енисейской губернии в 1822–1917 гг.

Анализ архивных материалов показал, что количество потомственных чиновников на штаб-офицерских должностях (VI–VIII кл.) неуклонно росло на протяжении всего рассматриваемого периода: с 1823 по 1915 г. – от 18,2 до 77,8 %. Если в 1820–1830-е гг. «сыновья приказнослужительские, канцеляристские и обер-офицерские» занимали еще отнюдь не лидерские позиции, уступив дворянству и духовенству, то в 1840–1860-е гг. дети чиновников заменили собой «сыновей священнослужителей», а в 1880–1910-е гг. имели абсолютное превосходство при незначительном наличии выходцев из ранее упомянутых сословий (Karchaeva, 2017: 242, 248).

Следует заметить, что определение кандидатур на замещение должностей среднего и нижнего по служебной иерархии уровней происходило посредством делегирования данных полномочий верховной властью на места, т.е. начальникам по отделам и ведомствам, губернаторам, генерал-губернаторам (снизу вверх). Лишь только в качестве поставленного перед фактом Правительствующий Сенат в лице Императора утверждал предложенных кандидатов. Однако нельзя говорить о том, что, получив в распоряжение почти не контролируемую власть в кадровых вопросах, сибирские чиновники использовали ее себе на благо. Возможность доступа на государственную

службу в Сибири хоть и предоставлялась всем сословиям, за исключением отдельных политически ненадежных категорий граждан, но обязательным условием был критерий наличия образования, возможность получения которого была высока у лиц, получавших стабильный доход в виде жалованья, а именно – у чиновников, поэтому дети гражданских служащих и замещали вакантные должности по примеру своих отцов.

Ярким образцом семейственности среди чиновников среднего ранга в енисейской губернской администрации явилась семья Куртуковых, находившаяся в управлении в течение 50-ти лет – с момента создания Енисейской губернии. Два брата – Борис Матвеевич, 1788 года рождения, и Петр Матвеевич, 1801 года рождения, – были уроженцами Сибири, в частности г. Красноярска. Согласно их формулярным спискам, старший Борис происходил еще из «канцелярских детей» (при рождении его отец находился в ранге канцеляриста), а младший брат Петр – из «обер-офицерских детей». Службу оба начали после домашнего образования в должности копииста в красноярском земском суде: 22-летний Борис – в 1810 г., 14-летний Петр – в 1815 г. После «открытия» Енисейской губернии Борис Матвеевич Куртуков, имея 13 лет стажа, был переведен на место секретаря в енисейское губернское правление, а Петр Матвеевич Куртуков при стаже 8 лет – столоначальником в губернский совет. Позже, уже в классном чине титулярного советника, они были назначены на штаб-офицерские должности: Борис – советником губернского правления, Петр – начальником третьего отделения губернского совета. В 1864 г. Петр Матвеевич Куртуков стал председателем енисейской казенной палаты, по сути первым заместителем губернатора по финансовым вопросам. А старший, Борис Матвеевич Куртуков, ушел на пенсию с должности советника губернского правления. Его сын, названный в честь младшего брата, Петр Борисович Куртуков, 1839 года рождения, происходил уже «из дворян» и, продолжив семейную традицию, служил в енисейском губернском суде. Нужно отметить, у Петра Матвеевича было трое дочерей, которые не служили (РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1823 г. Д. 102. Л. 56 об.–59; ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 335. Л. 1 об.–26; Ф. 595. Оп. 45. Д. 3. Л. 3–4; Д. 7. Л. 90–94; Д. 222. Л. 1–8).

В свою очередь, должности обер-офицерского уровня (IX–XIV кл.) в первые десятилетия Енисейской губернии комплектовались почти так же, как и штаб-офицерские, в основном за счет выходцев из дворянской среды, духовенства и чиновничества. В 1820–1830-е гг. на должностях секретарей, столоначальников, делопроизводителей потомственных чиновников было около 38 %. В 1840–1880-е гг. их стало больше и составило в среднем 50 %. В 1890–1910 гг. их лидерские позиции заняли представители разночинных сословий, в основном мещане местного происхождения. А количество служащих, унаследовавших свою профессию от отцов, например в 1915 г., равнялось всего 24,6 % (Карчаева, 2017: 248).

Анализ формулярных списков показал, что число сибиряков среди назначенных на штаб- и обер-офицерские должности неуклонно увеличивалось: 1823 г. – 15,8 и 50 %, 1851 г. – 38,7 и 71 %, 1865 г. – 68 и 73,1 %, 1915 г. – 61,7 и 93,7 % соответственно (Карчаева, 2017: 248). Но если низшие места гражданской службы формировались местными сибирскими чиновниками наполовину изначально, то посты среднего уровня – только с 1860-х гг.

Согласно служебным биографиям, официальные назначения и перемещения на должности не носили упорядоченного характера. Чиновники назначались на обер- и штаб-офицерские должности без учета подведомственности учреждений, что, конечно, вряд ли могло подтверждать их универсальную подготовку. Существовала и преемственность между окружным и губернским звеньями власти: с окружных мест перемещались на должности губернские. Единственным способом проверки годности служащего к исполнению своих обязанностей служил последовательный механизм назначения сначала к «исполнению должности», а при положительной оценке работы – уже к «утверждению в должности». Разумеется, строго соблюдался восходящий принцип назначения на посты. В 1820–1880-е гг. приезжие гражданские служащие, происходившие в основном из привилегированных слоев населения (дворян, духовенства, чиновничества), поступившие сначала в соответствии с правилами канцеляристами или обер-офицерами, при условии 15–20-летней беспорочной службы обязательно дослуживались до штаб-офицерских постов, а в первой половине XIX в. – и до генеральских (например, 34-летний енисейский губернатор А.П. Степанов и др.).

В свою очередь, в 1890–1910-е гг. чиновники, начинавшие с должностей копиистов, если еще могли вовремя дослужиться до столоначальников, то столоначальники, секретари, делопроизводители, заседатели окружных судов и др. уже не были потенциальными кадрами для постов чиновников особых поручений, советников губернатора, начальников отделений, окружных судей и пр. Динамика в карьере обер-офицерских чиновников в конце XIX – начале XX вв. определялась перемещениями между должностями равного нижнего уровня по окружному и губернскому управлениям на протяжении десятилетий. И даже независимо от революционных событий 1917 г. служащие на обер-офицерских должностях, как показали данные, происходившие в основном из разночинцев и мещан, вряд ли сумели бы поспеть до постов даже штаб-офицерского статуса, формирование которых стало носить закрытый характер за счет выходцев из чиновничьей среды или дворян, поступивших на столь высокие должности благодаря образованию. В качестве примера данного утверждения приведем служебную биографию Евгения Николаевича Налабардина, 1856 года рождения, сына иркутского чиновника, по сословному происхождению – потомственного

дворянина. Им был окончен юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета в статусе действительного студента, что и позволило ему быть назначенным в возрасте 25 лет в классном чине губернского секретаря чиновником особых поручений (без содержания) при енисейском губернаторе. Интересно, что через две недели он был определен в камеру губернского прокурора «казенных дел стряпчим», на посту которого находился в течение 5 лет вплоть до перевода его в Западную Сибирь заместителем томского губернского прокурора (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 80. Л. 5–8).

Таким образом, согласно временным срезам массива служебных биографий среднего (штаб-офицерского) и нижнего (обер-офицерского) чиновничества, можно сделать вывод о возросшей к концу XIX в. закрытости чиновничества разного уровня как социальных групп за счет увеличившегося их пополнения по принципу семейственности. На протяжении всего рассматриваемого периода из поколения в поколение в Енисейской губернии служили чиновники Афанасьевы, Артемьевы, Авринские, Баршевские, Бурундуковы, Виноградские, Вахрушевы, Волковы, Гоголевы, Галкины, Глеймы, Гончарские, Гоштовты, Дингильштедты, Дьяченко, Ильинские, Ильницкие, Ивановские, Козловы, Костинские, Корытовы, Криницкие, Куртуковы, Курылевы, Кошкарковы, Липай, Любимовы, Мешковы, Миропольские, Моховы, Немчиновы, Нечаевы, Никитины, Поповы, Рагозины, Родюковы, Рудольфы, Романовы, Суриковы, Терентьевы, Тыжновы, Уфтюжаниновы, Федоровы, Фенелоновы, Фон-Эзерские, Худяковы, Шадрины, Юшковы, Яковлевы и др. Следует заметить, что со стороны монархического государства присутствовало согласие на существовавший порядок «определения к должностям» среднего и нижнего по служебной иерархии уровня лиц потомственного чиновничьего происхождения. Именно за счет детей местных гражданских служащих был ликвидирован дефицит в подготовленных кадрах, участвовавших в местном управлении отдаленными сибирскими территориями.

5. Заключение

Согласно общепризнанному мнению, неоднократно повторявшемуся как в популярно-публицистической, так и в научной литературе англо- и русскофонного происхождения, Сибирь на протяжении всей своей российской дореволюционной истории испытывала трудности в системе государственного управления. Суровый климат, богатство ресурсами, сословно-социальный, национальный состав местного населения, как и дефицит административных кадров, стали особенностями развития Сибири, и Енисейской губернии в частности, до начала XX в. включительно.

Проведенный анализ сословно-социального происхождения 1462 гражданских чиновников, находившихся на службе с 1822 по 1917 гг. в Енисейской губернии Восточной Сибири показал, что значительная доля мест губернского и окружного уровней власти комплектовалась за счет наследственной бюрократии. Установлено, что процентная составляющая потомственных гражданских служащих была далеко не равной среди высшего, среднего и низшего чиновничества.

Генеральские посты (IV–V рангов) были заняты выходцами из чиновничьей среды в среднем на половину своего состава: губернаторы и их заместители – более 60 %, председатели губернских казенной палаты и суда – чуть более 50 %. Управленцы так называемых особых ведомственных учреждений, работавших в губернии непродолжительное время и имевших особые функции и систему соподчинения (управляющие контрольной палатой, государственными имуществами (земледелия и государственными имуществами), акцизным управлением, тюремные и врачебные инспекторы, непрременные члены по крестьянским делам) были скомплектованы потомственными чиновниками всего лишь на 30 %.

В губернском и окружном звеньях управления места среднего штаб-офицерского (VI–VIII) и низшего обер-офицерского (IX–XIV) уровней были заняты в среднем наполовину наследственной бюрократией.

Доля потомственных чиновников на должностях советников губернатора, начальников отделений, чиновников особых поручений, окружных стряпчих, окружных судей и пр. выросла с 1823 по 1915 гг. более чем в 4 раза, последовательно достигнув своего максимума почти в 79 %.

В свою очередь, среди лиц, занимавших места столоначальников, бухгалтеров, секретарей, делопроизводителей, регистраторов, протоколистов и их помощников соответственно, однозначной динамики не было. Так, на данных должностях уже в 1820–1830-е гг. количество потомственных гражданских служащих уже было велико и составляло более третьей части от всех сословно-социальных групп. На протяжении последующих четырех десятилетий они имели абсолютное большинство – в среднем 50 %. В 1880–1910-е гг. обер-офицерские места губернской и окружной администрации стали все чаще занимать выходцы из разночинных слоев, в основном мещане сибирского происхождения. И в начале XX в. потомственные чиновники составили уже менее третьей части служащих, занимавших обер-офицерские должности.

Выявленные тенденции изменения роли наследственной бюрократии в формировании административных кадров Енисейской губернии были обусловлены фактором участия чиновников сибирского происхождения в управлении регионом. Установлено, что рост количества сибиряков был пропорционален увеличению числа потомственных чиновников среди служащих, занимавших штаб- и обер-офицерские должности. Разумеется, определенным исключением являлись высшие

чиновники, назначавшиеся на протяжении всего периода в основном из Центральной России. Можно предположить, что доля наследственной бюрократии в процессе формирования кадрового аппарата управления регионом в разные временные этапы менялась под воздействием и личностного фактора, и объективных модернизационных процессов, определявших основные направления развития политической системы в XIX – начале XX вв.

Так, фактором, обуславливавшим степень присутствия потомственных государственных служащих на должностях среднего и низшего уровней, определен признак их территориального происхождения, а роль социального лифта в первой половине XIX в. выполняло законодательство с наличием служебных льгот для приезжих, а затем – образование, которое также допустило проникновение сибирских мещан к началу XX в. на низшие административные должности. Все эти изменения подтвердили гипотезу о постепенном закрытии разностатусного чиновничества, распределявшегося на отдельные социальные группы, имевшие строго определенные источники кадрового пополнения.

Литература

Бердников, Лони́на, 2009 – Бердников Л.П., Лони́на С.Л. От денежной кладовой до Министерства финансов: очерки истории административно-хозяйственного управления Енисейской губернии Красноярского края (1822–2009). Ч. 1. Столетний путь Енисейской Казенной палаты Красноярск, 2009. 264 с.

Волков, 2009 – Волков С.В. Генералитет Российской империи. Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II: В 2 т. Т. 2. М., 2009. 831 с.

Герги́лев, 2018 – Герги́лев Д.Н. Исторические особенности административного управления Восточной Сибирью (с 1822 г. до середины XIX в.) // *Известия Алтайского государственного университета*. 2018. № 2 (100). С. 41–45.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

Дамешек, Дамешек, 2018 – Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Российские окраины в имперской модели управления XIX в. // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 433. С. 59–63.

Зайончковский, 1978 – Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. 288 с.

Зиновьев, Зиновьева, 2016 – Зиновьев В.П., Зиновьева В.И. Общественная деятельность купечества Томской губернии в 1880 – феврале 1917 гг. // *Сибирские исторические исследования*. 2016. № 2. С. 9–20.

Карчаева, 2017 – Карчаева Т. Г. Енисейская губернская администрация: численность и состав (1822–1917 гг.). Красноярск, 2017. 252 с.

Коротенко, 2005 – Коротенко В.В. Стеблин-Каменские (Стеблинские, Стеблин-Каминские). Опыт историко-генеалогического исследования. СПб., 2005. 311 с.

Мерцалов, 1917 – Мерцалов В.И. Мимоходом. Моя губернаторская эпопея // *Русская старина*. 1917. № 7. С. 38–89.

Миронов, 2014 – Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. СПб., 2014. 892+907+989 с.

Общий состав..., 1874 – Общий состав Министерства финансов. СПб., 1874. 512 с.

Положение..., 1897 – Положение о преимуществах гражданской службы в Сибири // Сборник узаконений, относящихся до преобразования суда в Сибири. Житомир, 1897. 104 с.

Потапов, 2007 – Потапов И.Ф. История в фотографиях и документах. Красноярск, 2007. 416 с.

ПСЗ РИ – Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. 12. Ч. 1.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Ромашкевич, 1910 – Ромашкевич А.Д. История Петровского Полтавского кадетского корпуса. Год седьмой. Полтава, 1910. 183 с.

Сибирь в составе..., 2007 – Сибирь в составе Российской империи / И.Л. Дамешек и др.; отв. ред.: Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. М., 2007. 362 с.

Список высшим чинам..., 1837 – Список высшим чинам Министерства внутренних дел местных установлений // Список высшим чинам Министерства внутренних дел центральных и местных установлений: Испр. по 1837 г.: в 2 ч. Ч. 2. СПб., 1837. 227 с.

Список высшим чинам..., 1905–1906 – Список высшим чинам Министерства внутренних дел местных установлений // Список высшим чинам центральных и местных установлений Министерства внутренних дел: Испр. по 1905–1906 г.: в 2 ч. Ч. 2. СПб., 1905–1906. 448 с.

Список высшим чинам..., 1908 – Список высшим чинам Министерства внутренних дел местных установлений // Список высшим чинам центральных и местных установлений Министерства внутренних дел: Испр. по 20 июля 1908 г.: в 2 ч. Ч. 2. СПб., 1908. 224 с.

Список высшим чинам..., 1910 – Список высшим чинам Министерства внутренних дел местных установлений // Список высшим чинам центральных и местных установлений Министерства внутренних дел: Испр. по 1 янв. 1910 г.: в 2 ч. Ч. 2. СПб., 1910. 226 с.

Список высшим чинам..., 1912 – Список высшим чинам Министерства внутренних дел местных установлений // Список высшим чинам центральных и местных установлений Министерства внутренних дел: Испр. по 1 февр. 1912 г.: в 2 ч. Ч. 2. СПб., 1912. 226 с.

Список высшим чинам..., 1914 – Список высшим чинам Министерства внутренних дел местных установлений // Список высшим чинам центральных и местных установлений Министерства внутренних дел: Испр. по 7 мая 1914 г.: в 2 ч. Ч. 2. СПб., 1914. 229 с.

Список высшим чинам..., 1916 – Список высшим чинам Министерства внутренних дел местных установлений // Список высшим чинам центральных и местных установлений Министерства внутренних дел: Испр. по 10 окт. 1916 г.: в 2 ч. Ч. 2. СПб., 1916. 226 с.

Список личного состава..., 1904 – Список личного состава по Министерству финансов на 1904/1905 год. СПб.: Вестник финансов, 1904. 55 с.

Список личного состава, 1911 – Список личного состава по Министерству финансов на 1911 год. СПб.: Вестник финансов, 1911. 57 с.

Список чинам ведомства..., 1872 – Список чинам ведомства Министерства юстиции: Испр. по 1 мая 1872 г.: в 2 ч. Ч. 1. СПб.: Изд-во Мин. Юстиции, 1872. 239 с.

Mironov, Tumanova, 2012 – *Mironov B.A., Tumanova S.* Self-organization of the Russian public in the last third of the XVIII – early XX century // *The Russian Review*. 2012. Vol. 71. Is. 4. pp. 694–696.

Bloch, 2005 – *Bloch A.* Longing for the kollektiv: Gender, power, and residential schools in central Siberia // *Cultural Anthropology*. 2005. Vol. 20 (4). pp. 534–569.

Gentes, 2003 – *Gentes A.* Licentious girls' and frontier domesticators: women and Siberian exile from the late 16th to the early 19th centuries // *Sibirica*. 2003. Vol. 3(1). pp. 3–20.

Gryaznukhina et al., 2017 – *Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G., Gaydin S.T., Reut G.A.* The Siberia of the 19th century through the Russian Intelligentsia's eyes // *Bylye Gody*. 2017, Vol. 45. Is. 3. pp. 811–820.

Karchaeva et al., 2018 – *Karchaeva T.G., Garin E.N., Severyanov M.D.* // *Bylye Gody*. 2018, Vol. 49. Is. 3, pp. 1287–1295.

References

Berdnikov, 1995 – *Berdnikov L. P., Lonina S. L.* (2009). Ot denezhnoy kladovoy do Ministerstva finansov: ocherki istorii administrativno-khozyaystvennogo upravleniya Yeniseyskoy gubernii Krasnoyarskogo kraya (1822–2009). CH. 1. Stoletniy put' Yeniseyskoy Kazennoy palaty [From the money storage room to the Ministry of Finance: essays on the history of the administrative and economic management of the Yenisei province of the Krasnoyarsk Territory (1822–2009). Part 1. The 100-year journey of the Yenisei State Chamber]. Krasnoyarsk, 264 p. [in Russian]

Volkov, 2009 – *Volkov S.V.* (2009). Generalitet Rossiyskoy Imperii. Entsiklopedicheskiy slovar generalov i admiralov ot Petra I do Nikolaya II [General of the Russian Empire. Encyclopedic dictionary of generals and admirals from Peter I to Nicholas II]. Vol. 2. M. 831 p. [in Russian]

Gergilev, 2018 – *Gergilev D.N.* Istoricheskiye osobennosti administrativnogo upravleniya vostochnoy Sibir'yu (s 1822 g. do serediny XIX v.) (2018) [Historical features of the administrative management of Eastern Siberia (from 1822 to the middle of the XIX century)]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2 (100), pp. 41–45 [in Russian]

ГАКК – Gosudarstvennyy arhiv Krasnoyarskogo kraya.

Dameshek, Dameshek, 2018 – *Dameshek L.M., Dameshek I.L.* (2018). Rossiyskiye okrainy v imperskoy modeli upravleniya XIX v (2018) [Russian outskirts in the imperial management model of the XIX century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 433, pp. 59–63. [in Russian]

Zayonchkovskiy, 1978 – *Zayonchkovskiy P.A.* (1978). Pravitelstvennyy apparat samoderzhavnoy Rossii v XIX v. [The Government Staff of Russia in the XIX century]. M. 288 p. [in Russian]

Zinovev, Zinoveva, 2016 – *Zinovev V.P., Zinoveva V.I.* (2016). Obschestvennaya deyatelnost kupechestva Tomskoy gubernii v 1880 – fevrale 1917 g. [Merchants' public activity in Tomsk province from 1880 to February 1917]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, Nr 2, pp. 9–20. [in Russian]

Karchaeva, 2017 – *Karchaeva T.G.* (2017). Enisejskaya gubernskaya administraciya: chislennost' i sostav (1822–1917 gg.) [The Enisei province administration: number and composition from 1822 to 1917]. Krasnoyarsk. 252 p. [in Russian]

Korotenko, 2005 – *Korotenko V.V.* (2005). Steblin-Kamenskiye (Steblińskiye. Cteblin-Kaminskiye). Opyt istoriko-genealogicheskogo issledovaniya [Steblin-Kamensky (Stebliński. Steblin-Kaminsky). The experience of historical genealogical research]. SPb. 311 p. [in Russian]

Mertsalov, 1917 – *Mertsalov V.I.* (1917). Mimokhodom. Moya gubernatorskaya epopeya [In passing. My governor's epic]. *Russkaya starina*. Nr 7, pp. 38–89. [in Russian]

Mironov, 2014 – *Mironov B.N.* (2014). Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu [The situation about the benefits of the civil service in Siberia The Russian Empire: from tradition to modernity]. In 3 issues. SPb. 892+907+989 p. [in Russian]

Obshchiy sostav..., 1874 – *Obshchiy sostav Ministerstva finansov (1874)*. [The total composition of the Ministry of Finance]. SPb. 512 p. [in Russian]

[Polozhenie..., 1897](#) – Polozhenie o preimuschestvah grazhdanskoy sluzhbyi v Sibiri (1897). [The situation about the benefits of the civil service in Siberia]. Sbornik uzakonenyi, odnosyaschihsya do preobrazovaniya suda v Sibiri. Zhitomir. 104 p. [in Russian]

[Potapov. 2007](#) – *Potapov I.F.* (2007). Istoriya v fotografiyakh i dokumentakh [History in photos and documents]. Krasnoyarsk. 416 p. [in Russian]

[PSZ RI](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobr. II, vol. 12. cp. 1.

[RGIA](#) – Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arhiv [Russian State history archive].

[Romashkevich, 1910](#) – *Romashkevich A.D.* (1910). Materialy k istorii Petrovskogo Poltavskogo kadetskogo korpusa s 1-go oktyabrya 1909 g. po 1-e oktyabrya 1910 g. God sedmoy. [Materials on the history of Petrovsky Poltava cadet corps from October 1, 1909 to October 1, 1910. Seventh year]. Poltava. 183 p.

[Sibir v sostave..., 2007](#) – Sibir v sostave Rossiyskoy Imperii (2007) [Siberia in the Russian Empire]. I. L. Dameshek i dr.; otv. red.: L.M. Dameshek. A.V. Remnev. M. 362 p. [in Russian]

[Spisok vysshim chinam..., 1837](#) – *Spisok vysshim chinam* Ministerstva vnutrennikh del mestnykh ustanovleniy [List of high ranking officials of the Ministry of the Interior]. Spisok vysshikh chinov Ministerstva vnutrennikh del tsentralnykh i mestnykh ustanovleniy: Ispr. po 1837 g.: in 2 ch. Ch. 2. SPb.. 1837. 227 p. [in Russian]

[Spisok vysshim chinam..., 1905–1906](#) – Spisok vysshim chinam Ministerstva vnutrennikh del mestnykh ustanovleniy (1905–1906) [List of high ranking officials of the Ministry of the Interior]. Spisok vysshikh chinov tsentralnykh i mestnykh ustanovleniy Ministerstva vnutrennikh del: Ispr. po 1905–1906 g.: in 2 ch. Ch. 2. SPb. 448 p. [in Russian]

[Spisok vysshim chinam..., 1908](#) – Spisok vysshim chinam Ministerstva vnutrennikh del mestnykh ustanovleniy (1908). [List of high ranking officials of the Ministry of the Interior]. Spisok vysshikh chinov tsentralnykh i mestnykh ustanovleniy Ministerstva vnutrennikh del: Ispr. po 20 iyul. 1908 g.: in 2 ch. Ch. 2. SPb. 224 p. [in Russian]

[Spisok vysshim chinam..., 1910](#) – Spisok vysshim chinam Ministerstva vnutrennikh del mestnykh ustanovleniy (1910). [List of high ranking officials of the Ministry of the Interior]. Spisok vysshikh chinov tsentralnykh i mestnykh ustanovleniy Ministerstva vnutrennikh del: Ispr. po 1 yanv. 1910 g.: in 2 ch. Ch. 2. SPb.. 226 p. [in Russian]

[Spisok vysshim chinam..., 1912](#) – Spisok vysshim chinam Ministerstva vnutrennikh del mestnykh ustanovleniy (1912). [List of high ranking officials of the Ministry of the Interior]. Spisok vysshikh chinov tsentralnykh i mestnykh ustanovleniy Ministerstva vnutrennikh del: Ispr. po 1 fevr. 1912 g.: in 2 ch. Ch. 2. SPb.. 226 p. [in Russian]

[Spisok vysshim chinam..., 1914](#) – Spisok vysshim chinam Ministerstva vnutrennikh del mestnykh ustanovleniy (1914). [List of high ranking officials of the Ministry of the Interior]. Spisok vysshikh chinov tsentralnykh i mestnykh ustanovleniy Ministerstva vnutrennikh del: Ispr. po 7 maya 1914 g.: in 2 ch. Ch. 2. SPb. 229 p. [in Russian]

[Spisok vysshim chinam..., 1916](#) – Spisok vysshim chinam Ministerstva vnutrennikh del mestnykh ustanovleniy (1916). [List of high ranking officials of the Ministry of the Interior]. Spisok vysshikh chinov tsentralnykh i mestnykh ustanovleniy Ministerstva vnutrennikh del: Ispr. po 10 okt. 1916 g.: in 2 ch. Ch. 2. SPb.. 226 p. [in Russian]

[Spisok lichnogo sostava..., 1904](#) – Spisok lichnogo sostava po Ministerstvu finansov na 1904/1905 god (1904). [List of personnel of the Ministry of Finance for the year 1904/1905]. SPb. 55 p. [in Russian]

[Spisok lichnogo sostava..., 1911](#) – Spisok lichnogo sostava po Ministerstvu finansov na 1911 god (1911). [List of personnel of the Ministry of Finance for the year 1911]. SPb. 57 p. [in Russian]

[Spisok chinam vedomstva..., 1872](#) – Spisok chinam vedomstva Ministerstva yustitsii: Ispr. po 1 maya 1872 g. (1872). [List of ranks of the Ministry of Justice: Ispr. on May 1, 1872]: in 2 ch. Ch. 1. SPb. 239 p. [in Russian]

[Mironov, Tumanova, 2012](#) – *Mironov B.A., Tumanova S.* (2012). Self-organization of the russian public in the last third of the XVIII – early XX century. *The Russian Review*. 71(4): 694–696.

[Gentes, 2003](#) – *Gentes A.* (2003). Licentious girls' and frontier domesticators: women and Siberian exile from the late 16th to the early 19th centuries. *Sibirica*. 3(1): 3–20.

[Gryaznukhina et al., 2017](#) – *Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G., Gaydin S.T., Reut G.A.* (2017). The Siberia of the 19th century through the Russian Intelligentsia' eyes. *Bylye Gody*. 2017 45 (3): 811–820. [in Russian]

[Karchaeva et al., 2018](#) – *Karchaeva T.G., Garin E.N., Severyanov M.D.* (2018). “Little Speransky” of Siberia: on the activities of Yakutsk, Yenisei Governor Ivan Kraft from 1906 to 1914. *Bylye Gody*. 49 (3): 1287–1295. [in Russian]

Наследственная бюрократия в управлении Восточной Сибирью XIX – начала XX в.: статистический анализ на материалах Енисейской губернииТатьяна Карчаева ^{а, 1}, Денис Гергилев ^а, Галина Лущаева ^а^а Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Рассмотрен вопрос присутствия потомственных чиновников в кадровом составе управленческого аппарата в отдаленных территориях Российской империи на примере Восточной Сибири XIX – начала XX в. В российской и зарубежной научной литературе уже исследованы смежные проблемы по организации управления Сибирью, но, как правило, только высшего уровня. В данной статье на основе формулярных списков, личных дел, списков местных чинов по ведомствам проведен анализ сословно-социального происхождения 1462 разностатусных гражданских чиновников, находившихся на службе в Енисейской губернии с 1822 по 1917 г. Авторами данной статьи установлено, что наследственная бюрократия заняла ведущие позиции при кадровом обеспечении всех категорий губернских и окружных должностей, но при этом присутствовала различная динамика и разные факторы их пополнения. Высшие генеральские посты Енисейской губернии (губернаторы, их заместители и руководители учреждений по ведомствам) были сформированы стабильно за счет назначенных из Центральной России дворян. Среди них более 50 % приняли род занятости в сфере государственного управления от своих отцов и при назначении в Сибирь повысили свой служебный статус. Штаб-офицерские должности (советники губернатора, начальники отделений, чиновники особых поручений и пр.) имели систематический рост присутствия наследственной бюрократии в 4 раза, высший показатель которого в конце XIX в. достиг более 70 % и обуславливался, как и у высших чиновников, законодательством, позволявшим более быстро продвигаться по служебной лестнице. Обер-офицерские места столоначальников, секретарей, делопроизводителей и пр., низшие в иерархии, уже изначально наполовину были заполнены потомственными гражданскими служащими, сначала приезжими, а со второй половины XIX в. сплошь сибиряками канцелярского происхождения, получившими доступ на государственную службу посредством образования.

Ключевые слова: чиновники, наследственная бюрократия, государственное управление, Енисейская губерния, Сибирь, Российская империя.

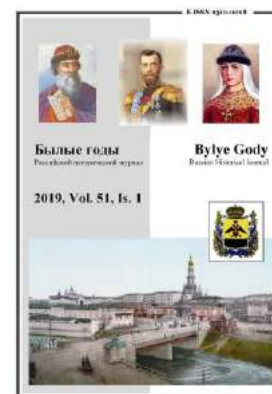
¹ Корреспондирующий авторАдреса электронной почты: tatyana-verkhoturova@yandex.ru (Т.Г. Карчаева), turilak@yandex.ru (Д.Н. Гергилев), lusgalina@yandex.ru (Г.М. Лущаева)

Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
 Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 51. Is. 1. pp. 198-208. 2019
 DOI: 10.13187/bg.2019.1.198
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

“Dry Law” on the Russian Soil: the Influence of the American Experience on the Sober Movement and the Struggle for the Prohibition in the Russian Empire at the turn of XIXth and XXth centuries

Vitaliy V. Prilutskiy ^{a, *}

^a Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky, Russian Federation

Abstract

The article studied the influence of american experience on the temperance movement and the struggle for the prohibition of alcohol in the Russian Empire in the late XIXth – early XXth centuries. It is noted that, in the national historiography, due attention was not paid to the problem of the impact of the practice of the United States in the field of the struggle for the “dry law” on Russia. The article considered debate about how to combat alcoholism in the country. It is revealed that russian officials, who expressed the interests of the financial department, defended the wine monopoly, which allegedly contributed to the decrease of drunkenness. Representatives of the intelligentsia and medical workers advocated for a significant restriction of the sale of alcoholic beverages, and only a small group of radical non-drinkers insisted on an “absolute ban” on alcohol. For a long time, advocates of “restrictive measures” and “moderate consumption” prevailed in sobriety societies, but ultimately in wartime conditions advocates of “Prohibition” took the upper hand. It is concluded that public organizations, religious corporations and political parties played a significant role in the fight against drunkenness in America. In the Russian Empire the main function in carrying out anti-alcohol propaganda and establishing popular sobriety was assumed by the state. For radical Russian teetotalers North America (USA and Canada) has become an ideal example of the implementation of state and public anti-alcohol policy based on the prohibition system. The radicals, who sought to transfer the practice defended by prohibitionists to Russia, influenced the adoption by the authorities of the “dry law” in 1914.

Keywords: Russian Empire at the turn of XIXth and XXth centuries, the history of the struggle for temperance in Russia and America, the American temperance movement, Russian sobriety, the “dry law” in Russia.

1. Введение

Проблемы пьянства и борьбы с ним всегда волновали человечество. Родиной же современного трезвенного движения и антиалкогольного законодательства по праву считается Америка. Отдельные меры по ограничению или запрещению употребления алкоголя и пропаганда трезвости в ней имели место еще в XVII–XVIII вв. Можно утверждать с большой долей достоверности, что именно в США возникло первое в мире общество трезвости в 1789 г. (Winskill, 1891–1892: 32). Тусклость и монотонность жизни в колониальную эпоху и потрясения в эпоху войны за независимость, вызвавшие экономический упадок, разруху, рост преступности и бедности, способствовали широкому распространению пьянства. Страна превратилась в настоящую «алкогольную республику» в период 1750–1825 гг. Не случайно поэтому появление в Соединенных Штатах не только массового и относительно успешного движения за трезвость, но и первого в новейшей истории запретительного законодательства. Наиболее радикальным способом борьбы за трезвость, крайней формой антиалкогольной политики являлся «сухой закон», который начали принимать в отдельных штатах

* Corresponding author

E-mail addresses: vitaliypr@yandex.ru (V.V. Prilutskiy)

США еще в середине XIX в. Впоследствии подобная практика распространилась и на другие страны, включая Россию.

Российские исследователи еще в конце XIX – начале XX вв. пытались осмыслить деятельность трезвенников и значение введения запретительного законодательства для современного им общества (*Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством, 1910; Мендельсон, 1913; Канель, 1914*). В советский период (1917–1991 гг.) трезвенничество и запретительный закон анализировались в трудах исследователей, изучавших историю Российской империи предреволюционной эпохи, а также в работах историков медицины (*Влассак, 1928; Страшун, 1964; Протько, 1988*). В современной отечественной историографии история борьбы с пьянством в Америке, роль общественности и государства в данном процессе, а также движение за «сухой закон» («воздержание от питья», «полную трезвость», «абстинентизм») в нашей стране остаются недостаточно исследованными проблемами. Мало изучена специфика зарубежного (американского) опыта в сфере трезвости и его влияние на Российскую империю, что предопределяет особую актуальность выбранной темы исследования.

2. Материалы и методы

В процессе работы над темой были исследованы следующие материалы: документы ведомственного происхождения Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация) (изучена нормативно-правовая база регулирования торговли спиртными напитками, представленная в фондах департамента и главного управления Министерства финансов, занимавшихся неокладными сборами и казенной продажей питей); документы зарубежных и отечественных обществ трезвости, общественных организаций и государственных учреждений, осуществлявших борьбу с пьянством (материалы съездов трезвенников, ежегодные отчеты, доклады комиссий и комитетов по вопросам алкоголизма). Были также проанализированы публицистические произведения и научные труды по проблеме пьянства и противодействия ему выдающихся деятелей российского трезвенного движения конца XIX – начала XX вв. (активистов-общественников, врачей, политиков). При написании работы автор опирался на основные научные достижения по проблематике трезвости, «сухого закона» и антиалкогольного движения, содержащиеся в исследованиях советских ученых и современных историков.

Проблема влияния американского опыта на Россию в области трезвости и борьбы за «сухой закон» может быть решена с использованием следующих методов:

1. Историко-сравнительного и историко-генетического – предполагающих изучение различий и общих особенностей антиалкогольной политики и антиалкогольных движений в Америке и России. Метод эффективен при сравнении целей, задач, форм реализации и результатов введения запретительной системы в обеих странах.

2. Применение основных концептуальных положений «новой культурной истории», позволяющих лучше осмыслить взаимодействие и взаимовлияние стран, эволюцию культурных контактов и культурного обмена.

3. Социально-психологический подход позволит понять, насколько успешно проходили антиалкогольные кампании в Новом Свете и как борьба с пьянством осуществлялась в условиях России. Применение последнего метода способствует созданию общего представления о том, как на усилия трезвенников реагировала общественность и воспринимали их широкие народные массы. Предполагается, что такой подход поможет приблизиться к объективной оценке политики по ограничению и запрещению алкоголя в Российской империи в последние десятилетия существования, а также определить дополнительные предпосылки роста социальной напряженности, которые становились определенным основанием для формирования впоследствии протестной активности.

4. С целью охвата всего многообразия процессов и связей, характеризующих объект изучения, необходимо привлечение междисциплинарного подхода к исследованию, позволяющего использовать некоторые достижения и методологические приемы социологии, политологии, экономической теории, культурной антропологии, этнической истории, этнопсихологии. Структурно-функциональный анализ и системный подход позволят осуществить углубленное исследование как активности трезвенного движения, так и деятельности противников «сухого закона» в лице государственных органов, представителей элиты, общественности и народных масс.

3. Обсуждение

В дореволюционный период данной проблеме уделяли внимание преимущественно публицисты-трезвенники, среди которых вспыхнули жаркие дискуссии по вопросу о целесообразности введения в США и России запретительного закона. При этом радикальные трезвенники не замечали его непопулярности, негативного отношения к нему значительных групп американского населения и несоблюдения во многих городах и районах страны (*Речи М.Д. Чельшов, 1912; Мендельсон, 1916; Чельшов, 2016*)).

В советской исторической науке, как правило, отдельно исследовались процессы, происходившие в России и Америке (*Дейчман, 1929: 148-160*). Советские ученые упоминали в своих

трудах Америку как родину трезвенного движения, но негативно относились к итогам деятельности обществ трезвости. Они утверждали, что «во второй половине XIX в. большинство из них превратилось в узкие секты». По их мнению, «такой оценки заслуживает деятельность обществ трезвости как в Америке и Западной Европе, так и в России» (Протьюко, 1988: 82-83). Крайне низко оценивались созданные в 1894 г. правительственные учреждения – попечительства о народной трезвости, носившие «бюрократический характер», и вся антиалкогольная политика государства вплоть до 1917 г. В период «перестройки» (1985–1991 гг.), когда в нашей стране был принят новый «сухой закон», в научной литературе произошла переоценка событий. Появились позитивные отзывы о введенной в 1914 г. запретительной системе, поскольку «отсутствие алкоголя» способствовало снижению пьянства, «оказало положительное влияние на крестьянский хозяйственный уклад» (Протьюко, 1988: 41-50).

В новейший (постсоветский) период борцы за трезвость высоко оценивали «сухие законы» в США и России. В то же время существовали и прямо противоположные оценки, в которых главное внимание уделялось негативным последствиям запретительных мер правительства, приведших к серьезному снижению денежных поступлений в государственный бюджет, к увеличению числа отравлений некачественным алкоголем, росту нелегального производства и продажи самодельных спиртных напитков, потреблению суррогатов и т.п. Современные исследователи указывают на прямое влияние зарубежного опыта на российскую политику в алкогольном вопросе, но детально его не рассматривают (Афанасьев, 1997; Афанасьев, 2007; Афанасьев, 2014; Быкова, 2006а; Николаев, 2008; Пашков, 2010; Веселие Руси, 2012; Маюров, 2014а; Маюров, 2014b).

4. Результаты

Трезвенничество считается одним из наиболее массовых и долговременных (более 200 лет) социальных реформаторских движений в истории США. Антиалкогольную пропаганду в стране начали методисты, пресвитериане, баптисты и другие протестанты. В алкоголизме религиозные проповедники видели главную причину всех социальных бед и проблем отдельной личности. Уже на ранних этапах американские трезвенники рассматривали себя как часть большого международного движения и составляли обращения ко всем странам мира (Permanent Temperance Documents, 1835: 429-434). Любопытно, что тексты их докладов еще в середине XIX в. целенаправленно пересылались для ознакомления во многие государства мира, включая Россию.

Первоначально речь шла не о полном отказе от спиртных напитков, а только об их умеренном потреблении, ограничении продажи и транспортировки, переориентации с крепкого алкоголя на пиво и вино (движение «модератистов»). Впоследствии трезвенники заговорили о «полном запрете». В 1826–1836 гг. сформировались «Американское общество трезвости» и «Американский союз трезвости», объединившие до 5 млн. трезвенников. К сторонникам «отказа от употребления» присоединились ведущие политики, включая губернаторов, министров, президентов страны. В конце XIX в. в широкое употребление вошли термины: «сухой закон», «прогибиционизм» и «прогибиционисты» (от англ. prohibition – запрет). В 1846 г. имела место первая попытка введения регионального «сухого закона», который к 1855 г. был принят в 13 северных штатах (Behr, 1996: 28-31). Идею и практику поддержало сельское протестантское население страны. Но поначалу эксперимент не удался и был впоследствии отменен во многих районах под давлением взбунтовавшихся в городах католиков и иммигрантов.

Борьба с алкоголизацией привела к позитивным результатам (Permanent Temperance Documents, 1853: 28-29, 35-38, 341-342). К середине XIX в. ежегодное потребление крепкого алкоголя сократилось более чем вдвое (по некоторым оценкам на каждого жителя США приходилось до 18,5 л., что, однако, было намного выше условной годовой нормы в 8 л.) (Шейд, 2011: 103-119). В период Гражданской войны 1861–1865 гг. наблюдалось резкое сокращение потребления алкоголя (до 7–7,5 л. в год на душу населения). В 1869 г. была учреждена политическая Партия запрета (Партия сухого закона). В последней трети XIX в., помимо многочисленных обществ и организаций трезвенников, создаются Католический союз, Женский христианский союз, Антиалкогольная и Антипивная лиги, а также лоббистские структуры в государственных органах (Behr, 1996: 35-49). Усилия прогибиционистов привели к тому, что к 1914 г. «сухой закон» был принят в 26 штатах. Вступление США в Первую мировую войну в апреле 1917 г. и необходимость экономии запасов зерна ускорили принятие решений о запрещении производства виски и пива в военный период. В 1917–1919 гг. происходил процесс принятия Конгрессом и ратификации отдельными штатами 18-й поправки к Конституции. Поправка, запрещающая производство, продажу и транспортировку спиртных напитков, вступила в силу в январе 1920 г. и действовала до конца 1933 г. В этот период в США были перепрофилированы более 1,3 тыс. заводов по производству алкоголя, а также почти 18 тыс. питейных заведений. В результате потребление алкогольной продукции уменьшилось вдвое, что способствовало резкому улучшению криминогенной обстановки, уменьшению общей смертности, сокращению травматизма и т.п. В некоторых регионах, несмотря на его отмену на национальном уровне, «сухой закон» продолжал действовать до 1948 г., а в штате Миссисипи – до 1966 г. (Slavicek, 2009: 36-49, 96-97).

Американское трезвенное движение оказало влияние не только на другие страны англосаксонского мира, Европы, но и на Россию. Одним из носителей идей трезвости в Российской империи, как и в Америке, стало сектантское движение. Отрывочные и противоречивые сведения имеются о «русских мормонах» – одной из сект середины – второй половины XIX в., близкой к хлыстам (христоверам) центральных губерний и старообрядцам-беспоповцам Поволжья (кулугурам). Их вероучение было основано на рационалистических началах. «Русские мормоны», название и религиозные представления которых были заимствованы из возникшего в Америке религиозного объединения, относились к трезвенническому направлению. За трезвый образ жизни также ратовали русские христоверы – постники, прыгуны, молокане, духоборы, чуриковцы, скакуны-лютеране, штундисты, баптисты, часть старообрядцев (часовенные) (Смолянский, Лифляндский: 141-142, 145-154).

Первые народные общества трезвости появились в России в 1858 г. в условиях кризиса, предшествовавшего отмене крепостного права в 1861 г. Они возникли на волне стихийного протестного крестьянского движения 1858–1859 гг. в 32 губерниях, сопровождавшегося разгромом питейных заведений. Беспорядки были вызваны недовольством крестьян своим положением и винной откупной системой, приносившей большую прибыль государству и узкой группе купцов-откупщиков (Крестьянское движение, 1931: 134-136; Зайончковский, 1968: 99-101). Способствовавшая злоупотреблениям откупная система, просуществовавшая столетие, правительством была заменена акцизной, действовавшей до середины 1890-х гг. (Жолобова, 2015) Введенная в 1894 г. казенная винная монополия упорядочила производство и продажу водки (Быкова, 2006b). Она также должна была способствовать повышению качества спиртных напитков, уменьшить пьянство и привить населению культуру потребления алкоголя. С 1874 по 1882 гг. началось создание нового типа обществ (братств) трезвости, имевших свой устав и официальную регистрацию. Большую роль в их образовании и деятельности играли представители интеллигенции и православные священники. Одним из деятелей трезвенного движения был святой Иоанн Кронштадтский. В 1889 г. появился циркулярный указ Синода, потребовавший от православного духовенства включения в борьбу за народную трезвость. Общества трезвости были преимущественно светскими в городах, церковно-приходскими – в сельской местности. Они действовали вплоть до революции 1917 г.

Деятели дореволюционного русского трезвенного движения постоянно обращались к североамериканскому опыту и шире – практике англоязычных народов в решении алкогольной проблемы. Так, российские трезвенники позитивно отзывались о прошедшем в 1898 г. в Канаде национальном консультативном референдуме, одоббившем «самый радикальный из доселе существующих подобных запретительных законов». В качестве примера для России рассматривалась эта близкая ей по природным условиям северная «высококультурная страна». Вообще же пальма первенства в деле «решительной и радикальной борьбы с алкоголизмом» за «полную трезвость» и введение «полного запрета» отдавалась англоязычным народам. «Нет сомнения, что руководящая роль в этом вопросе принадлежит англосаксонской расе или вернее – цивилизации» (Нижегородцев, 1899). Многие российские эксперты, наблюдатели и путешественники, побывавшие в Америке, восхищались этой «гигантской страной железа и электричества». Она поражала «своей оригинальностью, смелостью, энергией проведения в жизнь самых сложных и рискованных мероприятий», в том числе и политики в отношении алкоголя. В начале XX в. в «Соединенных Штатах Северной Америки» побывали в качестве экспертов по спиртным напиткам и составили свои доклады социолог из Финляндии Матти Гелениус-Сеппэлэ (1870–1920) и чиновник особых поручений российского министерства финансов Людовик Брониславович Скаржинский (1852 – после 1914).

М. Гелениус по результатам командировки сделал еще более убежденным сторонником и пропагандистом «полной запретительной системы производства, ввоза и продажи каких бы то ни было спиртных напитков». Данная система, нашедшая поддержку со стороны властей, основывается на сильном желании граждан запретить употребление алкоголя, поскольку пьянство «увеличивает в высокой степени нищету и преступления» (Речи М.Д. Чельшова, 1912: 458). В то же время Гелениус, объездивший «сухие» штаты, свидетельствовал о том, что «в мелких деревнях закон в общем соблюдался хорошо». «В более крупных городах запретительные меры прививались с большим трудом, и во многих местах с действующим законом совершенно не считались». Он указывал на «политическую незрелость населения», неспособного оказать «действительную поддержку осуществлению новых мер». Политические партии часто привлекали в своих интересах голоса «абстинентов» (сторонников полного воздержания). «Запрещение являлось нередко результатом случайной игры политических страстей» и потому оказалось недолговечным во многих штатах (Канель, 1914: 508-509, 511).

Присяжный поверенный В.А. Смирнов, член крупнейшего церковного Александро-Невского общества трезвости, в своем докладе на I Всероссийском съезде по борьбе с пьянством утверждал: «...С первых же шагов вы замечаете в Америке страшное ограничение мест продажи спиртных напитков», существование множества «сухих» городов и округов. ...Запрещение торговли спиртными напитками, в том числе и пивом, ... обнимает в настоящее время целых 2/3 территории Соединенных Штатов, и около 40–45 % американского населения живет при абсолютном запрете торговли спиртуозами. Так осуществляется в Америке главная задача тамошних борцов за трезвость – держать народ вдали от крепких напитков и держать крепкие напитки вдали от народа» (Смирнов, 1910: 1062-

1063). Делясь личными впечатлениями о посещении США, Смирнов отмечал большую роль в стране общественного мнения и активистов-трезвенников, заставивших власти принять антиалкогольные законы: «Такова сила общественной организации в Америке, и на этой почве выросла та гигантская борьба с пьянством, примера которой мы не знаем в Европе, смелости опыта которой можно только удивляться. Мы говорим о запретительной системе, зародыши которой можно наблюдать лишь в Швеции и Финляндии...». Потребление спиртных напитков в Америке в 1,5–3 раза меньше, чем в европейских странах. Алкоголь употребляют в ней якобы преимущественно иммигранты, «прибывая ежегодно в количестве более миллиона человек» (Смирнов, 1910: 1064-1065).

Американским трезвенникам пришлось выдержать тяжелую борьбу с «содержателями питейных заведений, с пивными и спиртовыми заводчиками», которые «объединились в борьбе с трезвенниками в один огромный трест». «Общая стоимость винного дела в Соединенных Штатах оценивается в 13 млрд. руб., равная почти стоимости всех железных дорог в Америке, составляющая 1/30 общего национального богатства». «С торговлею спиртными напитками связаны заработком до 1,2 млн. чел.». «Натиск кабатчиков тем более жесток для трезвенников, что кабатчики опираются на такую силу, как чувство плательщиков налогов. Почти половина доходов федерального правительства получается от винной торговли». Алкогольный бизнес («винные люди») делает рекламные объявления в периодической печати, стремится влиять на прессу. «Винный трест» «рассылает письма, циркуляры, памфлеты к отдельным лицам и властям; устраивает публичные митинги, для чего содержит особых ораторов; входит в непосредственные отношения с политиками и политическими деятелями парламента и др.» (Смирнов, 1910: 1078-1081). Любопытно, что российские пивовары, винокуры, вино- и пивоторговцы, несмотря на полученную в военное время от правительства денежную компенсацию за введение «сухого закона», также предпринимали подобные действия.

Медицинские работники призывали с чрезвычайной осторожностью относиться к «запретительным противоалкогольным законам», которые уже потерпели в Англии и многих регионах США «полное фиаско». Петербургский психиатр, доктор медицины Александр Леонтьевич Мендельсон (1865–1940) утверждал, что в Америке при введении «сухого закона» («принудительной трезвости») пьянство значительно уменьшилось, но «окончательного отрезвления населения» так и не произошло. Запрет крепких спиртных напитков в Российской империи может привести к возникновению «новых форм пьянства»: пивного алкоголизма, употребления спиртосодержащих жидкостей из аптек, одеколona, вежеталя, самодельных напитков («кумышка», «ханжа»), а также суррогатов водки в виде разведенного древесного (метилового) спирта (денатурата, политуры, лака), которые широко распространились после 1914 г. (Воронов, 1916: 46-53; Мендельсон, 1916: 42-49; Введенский, 2008: 22-26).

Близкий к большевикам профессор медицины Вениамин Яковлевич Канель (1873–1919) в своей фундаментальной монографии «Алкоголизм и борьба с ним» (М., 1914) писал о том, что «опыт Соединенных Штатов представляется для нас чрезвычайно поучительным». Наибольший успех «сухой закон» имел в Юте, где господствовала церковь мормонов, проповедовавшая трезвость, а также в Мэне, Канзасе и Северной Дакоте, «отличающихся редким населением и преимущественно земледельческим». «Запретительные противоалкогольные меры не дали в городах никаких положительных результатов», иногда приводя даже к росту алкоголизма среди рабочих (Канель, 1914: 425, 513). Борьба с пьянством, по мнению Канеля, имеет одинаковые черты «во всех англо-саксонских странах». Повсеместно трезвенники создавали «особую секту», изолированную от широких народных масс, и на «падении алкоголизма как социального явления, они оказали едва заметное действие». Братства трезвости не просуществовали бы так долго, если бы они не примкнули к мощным религиозным корпорациям, очень влиятельным в Америке и Англии. Американский опыт введения «сухого закона» показал, что произошло резкое уменьшение «публичного пьянства» и открытого проявления «питейных нравов». Но алкоголизм ушел в семью, тайные притоны и пивные, привел к развитию самогонарения. Из «мокрых» штатов в «сухие» доставляли контрабандную водку. «Возможность легкого нарушения действующих правил оказало деморализующее влияние на население». В России также попытки принятия «сухого закона» приведут к аналогичным негативным последствиям. Например, временное введение «системы запрещения» в Восточной Сибири уже способствовало тому, что местное население начало употреблять «мухоморы опьяняющие». Российские общества трезвости из-за недостатка средств, отсутствия возможностей для личной инициативы, а также «необходимых прав для свободной просветительной работы», «влачат жалкое существование». Им не хватило «ни воодушевления, ни широты размаха, ни интеллигентных сил для того, чтобы развить деятельность, хоть несколько напоминающую собой американскую или английскую» (Канель, 1914: 428, 431, 509-514).

Представители леворадикальной и либеральной интеллигенции критиковали политику государства в сфере производства и продажи алкогольной продукции. Они настаивали на том, что успех в этой сфере возможен только на «совместной деятельности» «общества и правительства», на «поддержке народа» (Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством: 204-205). По их мнению, местные власти должны были вернуть себе право на закрытие винных лавок, питейных заведений и активно бороться с тайной продажей крепких напитков населению (корчемством)

(Мендельсон, 1913: 184-185). Высокопоставленные чиновники Министерства финансов возражали им, утверждая, что невозможно с помощью «питейной реформы» в «короткий срок победить вековой социальный недуг». «Рост цивилизации, городов, сети железных дорог и фабрично-заводской промышленности, а также повсеместный упадок веры, семейных и других нравственных начал» привели в странах Европы и Америки к увеличению потребления вина и водки. В России же винная монополия, упорядочившая процесс реализации спиртных напитков, стала средством решения алкогольной проблемы. В начале XX в. «роста потребления вина в стране не замечается». Наблюдается даже «постепенное» понижение «душевого и абсолютного потребления» (Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством: 148-150).

В дореволюционном российском экспертном сообществе существовали и умеренные подходы к «алкогольному вопросу». Так, чиновник Л.Б. Скаржинский выступал за ограничение торговли «опьяняющими напитками», усиление мер борьбы с пьянством, но отрицательно относился к идее полного запрета алкоголя в стране (Скаржинский, 1907; Скаржинский, 1912). Скаржинский утверждал, что «в штатах с запретительной системой» преступность растет, «материальное благосостояние граждан ниже», а «смертность от пьянства выше». Принятые по настоянию «частных общественных организаций» «законодательные меры» «не возымели никакого действия». Напротив, за период 1899–1907 гг. в США «душевое потребление всех спиртных жидкостей (водки, пива) возросло с 16,81 до 23,53 галлонов», увеличившись на 40–50 %. Скаржинский отстаивал ведомственные интересы Министерства финансов, поскольку финансовые поступления от винной монополии («казенной продажи питей») являлись главной статьёй доходов государственного бюджета (26–32 %), который называли «пьяным». Винная монополия, существовавшая в 1894–1914 гг., приносила чистую прибыль, составляющую в среднем 0,5 млрд. руб. в год. Чиновники финансового ведомства, опираясь на исследования Скаржинского, утверждали, что «принятые в Северо-Американских Соединенных Штатах попытки борьбы с пьянством» лишь «привели к обратному результату» (Речи М.Д. Чельшова, 1912: 456-457). Из этих доводов можно было легко сделать вывод о том, что «сухой закон» является вредным и ненужным для Российской империи.

Резко осуждал доводы Министерства финансов городской голова Самары Михаил Дмитриевич Чельшов (1866–1915). «Апостол трезвости», провинциальный промышленник и коммерсант прославился на всю страну своими выступлениями против алкоголизации. После избрания в III Государственную Думу он вошел в ее комиссию по борьбе с пьянством и произнес десятки ярких речей против спиртных напитков, винокурения и виноторговли. Чельшов часто ссылался на иностранный опыт, приводя примеры из Америки. Он цитировал слова президента Теодора Рузвельта, заявившего в 1904 г.: «Если американский народ не сможет обуздать алкогольную промышленность, то она завладеет народом». «Запретительные меры в ряде регионов США привели к уменьшению потребления водки с 1,63 галлона на душу в 1907 г. до 1,37 галлона в 1909 г. (Речи М.Д. Чельшова, 1912: 414, 416, 457). Образцами для подражания и идеальными примерами для России наши трезвенники считали штаты Мэн и Канзас, где эффективно действовала «запретительная система». Данные статистики «доказывали», что трезвость привела в них к «народному благосостоянию в смысле собственности, сбережений на черный день и задолженности», поскольку «поднялась трудоспособность, уменьшилась нищета и заболеваемость душевной болезнью». «С введением «сухого закона» «многие из тюрем опустели; работа полицейских властей в больших городах уменьшилась на одну четверть, а в городах третьего и четвертого рангов она свелась на нет...». Единственный способ избавления от «зла», «яда», опасных социальных проблем, вызванных алкоголем, – это «радикальные меры», «полная трезвость», а не «умеренное питье», введение «общего запретительного закона» в Российской империи (Речи М.Д. Чельшова, 1912: 458-462).

Отдельные запретительные меры принимались российским правительством и до 1914 г. Так, существенные ограничения на торговлю алкоголем (элементы «сухого закона») были введены в 1860-е гг., в эпоху реформ Александра II. Касались они отдельных учреждений, заведений или территорий (например, зоны строительства каналов, районов проживания «отсталых» «самоедов» и кочевников Сибири, «кочевых инородцев» Калмыкии, Киргизской степи и других национальных окраин) (РГИА. Ф. 574. Оп. 9. Д. 63. Л. 1–107; Ф. 574. Оп. 9. Д. 67. Л. 1-21; Ф. 574. Оп. 9. Д. 70. Л. 1-46; Ф. 574. Оп. 9. Д. 74. Л. 1-16; Ф. 574. Оп. 9. Д. 80. Л. 1-6). В июле–октябре 1914 г. несколькими царскими указами и правительственными постановлениями в Российской империи была запрещена продажа водки, а также введены запреты и ограничения на иные виды алкогольной продукции «до окончания военного времени» (РГИА. Ф. 575. Оп. 6. Д. 844. Л. 1-10; Ф. 575. Оп. 6. Д. 846. Л. 1-15). Трезвенники утверждали, что российский «сухой закон» высоко оценивали некоторые западные политики, включая премьер-министра Великобритании (1916–1922 гг.) Д. Ллойда Джорджа. Известный британский либеральный государственный деятель считал, что это был «самый величественный акт национального героизма», который он «только знает» (Бондаренко, 2014; Углов, 2014).

Многие отечественные медицинские работники, публицисты, политики с воодушевлением и даже восторгом приняли «сухой закон» и избавление народа от «отравления» «ядовитым продуктом». Они положительно отзывались о «беспримерном социальном эксперименте», «небывалом в истории человечества опыте внезапного отрезвления многомиллионного народа» (Мендельсон, 1916: 4). Россия освободилась от «питейного ига», от «системы, обогащавшей

государственные доходы и губившей население». «Благодетельная мера ... преобразила всю Россию, ... поставила грандиозную задачу перестройки народного быта на новых началах культуры и гражданства» (Бородин, 1915: 9, 22). Запрещение «питейной торговли» привело к «сокращению шинкарства», «падению потребления водки», быстрому и радикальному решению «злостного пьяного вопроса». «Принудительная трезвость» действительно резко снизила пьянство, благотворно повлияла на «народное здравие». Известный врач-психиатр Иван Николаевич Введенский (1875–1960) утверждал, что утопия, казавшаяся неосуществимой «даже фанатикам трезвости», была реализована на практике. «Новый порядок вещей ... неизменно изменил облик всех сфер народной жизни» (Введенский, 2008: 6). Современникам казалось, что благодаря «беспримерному в истории героическому средству насаждения народной трезвости» «свершилось библейское чудо», «наступил рай на земле» (Воронов, 1916: 2, 31).

Апологеты трезвого образа жизни писали: «В земледельческих штатах Северной Америки, главным образом в сельских местностях, особенно успешно применяется запретительная система, популярность которой все растет под влиянием агитации более демократических слоев населения», которые добились в декабре 1914 г. принятия палатой представителей решения о «запрещении» на всей территории США. «Но наиболее разительный пример глубоких симпатий народных масс к идее запрета мы видим теперь у нас, где благодаря только им так блестяще удался грандиозный опыт принудительного насаждения трезвости» (Воронов, 1916: 62).

Однако население встретило «вынужденное воздержание» неоднозначно. В 1914–1915 гг. винные погромы и пьяные бунты, несмотря на военное время, имели место в разных регионах страны (Крайкин, 2009: 52-53; Аксенов, 2011: 131). В действительности «сухой закон» 1914 г. в России отличался противоречивостью, непоследовательностью и полностью не запрещал крепкие спиртные напитки. Допускались продажа вина и пива во многих регионах, крепкого алкоголя – в дорогих ресторанах, а также производство и потребление самогона для собственных нужд в домашних условиях. В этом было его отличие от более жесткого и последовательного запретительного закона, вступившего в силу в США с 1 января 1920 г. и продержавшегося 13 лет.

5. Заключение

В Российской империи борьба за трезвость и внедрение антиалкогольных мер происходила с запозданием, с небольшой задержкой во времени, но повторила во многом те же стадии и даже сюжетные линии, которые были в Соединенных Штатах. Большинство российских исследователей и аналитиков положительно отзывались о «смелом американском эксперименте», указывая на огромные успехи «общественной борьбы с пьянством и шинкарством». Но среди общественности, в экспертном и управленческом сообществах возникли разногласия в его оценках и возможных заимствованиях с учетом российских условий.

Как в Америке, так и в Российской империи в деле противостояния «пьянству, как общественному злу» значительную роль играли религиозные организации. В более богатых и развитых Соединенных Штатах с их демократическим устройством, наличием многочисленного среднего класса, существованием относительно независимой от правительства бизнес-элиты были гораздо сильнее негосударственные структуры. В условиях США имелось больше возможностей для оказания влияния на курс властей со стороны «общественного мнения», чтобы осуществить «осушение» городов и штатов. Исторически в России значительную роль играло государство, стремившееся регулировать социальную жизнь, а не частный бизнес и общественность. В течение почти всего времени российское движение борцов за трезвость действовало под контролем правительства. Государство создавало попечительство и общества трезвости, при поддержке церкви проводило пропаганду здорового образа жизни, основывало медицинские учреждения и т.п.

Американцы проводили кампании по борьбе с алкогольным лобби – «кабатчиками», «шинкарями», пивоваренными компаниями, водочными заводами. А в России в роли главного фактического противника «запретительных мероприятий» (но не ограничительных мер) была влиятельная государственная структура – Министерство финансов. Оно заботилось о пополнении бюджета любыми возможными законными способами, включая винную монополию. Тем не менее национальный «сухой закон» в России был даже с опережением на 5,5 лет введен в действие раньше, чем в США. Несомненно, на его принятие оказала влияние антиалкогольная политика в Америке и других странах. Таким образом, справедливо свидетельствовать о значительном (прямом и косвенном) воздействии американского опыта в сфере борьбы с пьянством на Российскую империю на рубеже XIX и XX вв. Но все же противодействие алкоголизации в нашей стране имело свою специфику, связанную с большой ролью государства в форме самодержавной монархии в жизни российского общества, существенным влиянием православной церкви, а также с господством консервативно-охранительной идеологии.

6. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ № МД-978.2018.6. Соглашение № 075-02-2018-404.

Литература

- Аксенов, 2011** – Аксенов В.Б. «Сухой закон» 1914 г.: от придворной интриги до революции // *Российская история*. 2011. № 4. С. 126-139.
- Афанасьев, 1997** – Афанасьев А.Л. Трезвенное движение в России, Европе, США как движение за самосохранение человечества (XIX век – 1914 г.) // *Социологические исследования*. 1997. № 9. С. 117-122.
- Афанасьев, 2007** – Афанасьев А.Л. Трезвенное движение в России в период мирного развития. 1907–1914 годы: опыт оздоровления общества. Томск, 2007. 200 с.
- Афанасьев, 2014** – Афанасьев А.Л. Трезвенное движение в России в 1907–1914 гг.: характер, этапы, значение // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2014. № 5 (31). С. 27-32.
- Бондаренко, 2014** – Бондаренко В. «Величественный акт национального героизма»: «сухой закон» 1914 года и его последствия [Электронный ресурс]. URL: <http://news.tut.by/culture/381366.html> (дата обращения: 20.06.2018).
- Бородин, 1915** – Бородин Д.Н. В защиту трезвости. Пг., 1915. 25 с.
- Быкова, 2006а** – Быкова А.Г. Алкоголизм и пьянство в России в XIX – начале XX вв. Из истории проблемы. Омск, 2006. 135 с.
- Быкова, 2006б** – Быкова А.Г. Казенная винная монополия в 1895/1904–1914 гг.: некоторые аспекты проблемы // *Омский научный вестник*. 2006. № 8 (45). С. 222-225.
- Введенский, 2008** – Введенский И.Н. Опыт принудительной трезвости. Екатеринбург, 2008 (1-е изд. – 1915). 51 с.
- Веселие Руси, 2012** – *Веселие Руси. XX век. Градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона»*. М., 2012. 476 с.
- Влассак, 1928** – Влассак Р.В., Страшун И.Д., Дейчман Э.И., Политов Л.Г. Алкоголизм как научная и бытовая проблема / Под ред. А.В. Молькова. 1928. 285 с.
- Воронов, 1916** – Воронов Д.Н. Жизнь деревни в дни трезвости (по данным земских и других анкет): доклады, прочитанные в марте 1916 г. в заседаниях Комиссии по вопросу об алкоголизме при Русском обществе охранения народного здоровья. Пг., 1916. 70 с.
- Дейчман, 1929** – Дейчман Э.И. Алкоголизм и борьба с ним. М.; Л., 1929. 224 с.
- Жолобова, 2015** – Жолобова Г.А. Виды питейных заведений и правовой режим розничной торговли спиртными напитками в России в царствование Александра III // *Актуальные проблемы российского права*. 2015. № 1 (50). С. 18-24.
- Зайончковский, 1968** – Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М., 1968. 369 с.
- Канель, 1914** – Канель В.Я. Алкоголизм и борьба с ним. М., 1914. 532 с.
- Крайкин, 2009** – Крайкин В.В. Начальный период Первой мировой войны в сознании провинциальных жителей (на материале Орловской губернии) // *Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена*. 2009. № 96. С. 51-55.
- Крестьянское движение, 1931** – *Крестьянское движение 1827–1869 гг.* / Под ред. Е.А. Мороховец. М.– Л., 1931. В 2 т. Вып. 1. 1827–1860. 164 с.
- Маюров, 2014а** – Маюров А.Н. Партия Сухого закона в США и Сухой закон [Электронный ресурс]. URL: <http://partia-tr.ru/2014/04/a-mayurov-partiya-suhogo-zakona-v-ssha-i-suhoy-zakon.html> (дата обращения: 25.08.2018).
- Маюров, 2014б** – Маюров А.Н. Сухой закон в Российской империи – РСФСР (1914–1920 гг.) [Электронный ресурс]. URL: <http://partia-tr.ru/2014/08/professor-a-n-mayurov-suhoy-zakon-v-rossiyskoy-imperii-rsfsr-1914-1920-gg.html> (дата обращения: 10.09.2018).
- Мендельсон, 1913** – Мендельсон А.Л. Учебник трезвости. Сост. по соч. Жюля Дени для нач. и сред. шк. СПб., 1913. 200 с.
- Мендельсон, 1916** – Мендельсон А.Л. Итоги принудительной трезвости и новые формы пьянства: Докл. противоалкогол. совещ. О-ва рус. врачей в память Н.И. Пирогова в Москве. Пг., 1916. 55 с.
- Нижегородцев, 1899** – Нижегородцев М.Н. Краткое сообщение о народном голосовании по поводу запрещения винного дела в Канаде // *Труды Комиссии по вопросу об алкоголизме*. СПб., 1899. Т. 3. С. 115-117.
- Николаев, 2008** – Николаев А.В. Антиалкогольная кампания в России 1894–1914 годов: исторический опыт решения проблемы // *Вестник Челябинского государственного университета. История*. 2008. № 35 (136). Вып. 28. С. 60-72.
- Пашков, 2010** – Пашков Е.В. Антиалкогольная кампания в России в годы Первой мировой войны // *Вопросы истории*. 2010. № 10. С. 80-93.
- Протьюко, 1988** – Протьюко Т.С. В борьбе за трезвость: Страницы истории / Под ред. М.О. Бича. Минск, 1988. 165 с.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Речи М.Д. Чельшова, 1912** – Речи М.Д. Чельшова, произнесенные в Третей Государственной Думе о необходимости борьбы с пьянством и по другим вопросам. СПб., 1912. 786 с.

- Скаржинский, 1907** – *Скаржинский Л.Б.* Современное положение антиалкогольного движения: Доклад комиссии по вопросам об алкоголизме 18 апреля 1907 г. СПб., 1907. 72 с.
- Скаржинский, 1912** – *Скаржинский Л.Б.* Международный комитет по алкогольному делу и причины его возникновения. СПб., 1912. 26 с.
- Смирнов, 1910** – *Смирнов В.А.* Как американцы борются с пьянством // *Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством*. В 3 т. СПб., 1910. Т. 2. С. 1062-1081.
- Смолянский, Лифляндский, 2015** – *Смолянский Б.Л., Лифляндский В.Г.* Священная кухня: Религия и питание. М., 2015. 542 с.
- Страшун, 1964** – *Страшун И.Д.* Русская общественная медицина в период между двумя революциями. 1907–1917 гг. М., 1964. 206 с.
- Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством, 1910** – *Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством. 28 декабря 1909 г. – 6 января 1910 г.* В 3 т. СПб., 1910. 1585 с.
- Углов, 2014** – *Углов Ф.Г.* Правда и ложь о «сухом законе» (1914–1925 гг.) [Электронный ресурс]. URL: <http://partia-tr.ru/2014/04/f-g-uglov-pravda-i-lozh-o-suhom-zakone-1914-1925-gg.html> (дата обращения: 15.10.2018).
- Чельшов, 2016** – *Чельшов Михаил Дмитриевич* (высказывания депутата Государственной Думы Российской империи. 1907–1915 гг.) / Под ред. А.Н. Маюрова. Нижний Новгород, 2016. 95 с.
- Шейд, 2011** – *Шейд У.* «Реформация трезвости»: евангелический протестантизм и консолидация буржуазной культуры // *Американистика: актуальные подходы и современные исследования*. Вып. 3 / Под ред. С.Н. Белевцевой, М.А. Филимоновой. Курск, 2011. С. 103-119.
- Behr, 1996** – *Behr E.* Prohibition: Thirteen Years That Changed America. N.Y., 1996. 262 p.
- Permanent Temperance Documents, 1835** – *Permanent Temperance Documents of the American Temperance Society*. Boston, 1835. Vol. I. 541 p.
- Permanent Temperance Documents, 1853** – *Permanent Temperance Documents*. N.Y., 1853. In 3 vol. Vol. II. Annual report of the American Temperance Union, 1st-8th, 1837-1844. 369 p.
- Slavicek, 2009** – *Slavicek L.C.* The Prohibition Era: Temperance in the United States. N.Y., 2009. 127 p.
- Winskill, 1891-1892** – *Winskill P.T.* The temperance movement and its workers: A record of social, moral, religious, and political progress. L., 1891-1892. In 4 volumes. Vol. I. 259 p.

References

- Afanas'ev, 1997** – *Afanas'ev A.L.* (1997). Trezvennoe dvizhenie v Rossii, Evrope, SSHA kak dvizhenie za samosohranenie chelovechestva (XIX vek – 1914 g.) [Sober movement in Russia, Europe, the USA as movement for self-preservation of mankind (XIX century – 1914)]. *Sociologicheskie issledovaniya*. № 9, pp. 117-122. [in Russian]
- Afanas'ev, 2007** – *Afanas'ev A.L.* (2007). Trezvennoe dvizhenie v Rossii v period mirnogo razvitiya. 1907–1914 gody: opyt ozdorovleniya obshchestva [Sober movement in Russia in the period of peaceful development. 1907-1914: the experience of the improvement of the society]. Tomsk. 200 p. [in Russian]
- Afanas'ev, 2014** – *Afanas'ev A.L.* (2014). Trezvennoe dvizhenie v Rossii v 1907-1914 gg.: harakter, ehtapy, znachenie [Sober movement in Russia in 1907-1914: character, stages, meaning]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Istoriya. №5 (31), pp. 27-32. [in Russian]
- Aksenov, 2011** – *Aksenov V.B.* (2011). «Suhoy zakon» 1914 g.: ot pridvornoy intrigi do revolyucii [“Dry law” of 1914: from courtly intrigue to the revolution]. *Rossiyskaya istoriya*. №4, pp. 126-139.
- Behr, 1996** – *Behr E.* (1996). Prohibition: Thirteen Years That Changed America. N.Y. 262 p.
- Bondarenko, 2014** – *Bondarenko V.* (2014). «Velichestvennyy akt nacional'nogo geroizma»: «suhoy zakon» 1914 goda i ego posledstviya [“The majestic act of national heroism”: the “dry law” of 1914 and its consequences]. [Electronic resource] URL: <http://news.tut.by/culture/381366.html> (accessed: 20.06.2018). [in Russian]
- Borodin, 1915** – *Borodin D.N.* (1915). V zashchitu trezvosti [In defense of sobriety]. Pg. 25 p. [in Russian]
- Bykova, 2006a** – *Bykova A.G.* (2006). Alkoholizm i p'yanstvo v Rossii v XIX – nachale XX vv. Iz istorii problem [Alcoholism and drunkenness in Russia in the XIX – early XX centuries. From the history of the problem.]. Omsk. 135 p. [in Russian]
- Bykova, 2006b** – *Bykova A.G.* (2006). Kazennaya vinnaya monopoliya v 1895/1904-1914 gg.: nekotorye aspekty problem [State wine monopoly in 1895/1904-1914: some aspects of the problem.]. *Omskiy nauchnyy vestnik*. №8 (45), pp. 222-225. [in Russian]
- Chelyshov, 2016** – *Chelyshov Mihail Dmitrievich* (vyskazyvaniya deputata Gosudarstvennoy Dumy Rossiyskoy Imperii. 1907-1915 gg. [Chelyshev Mikhail Dmitrievich (statements of the Deputy of the state Duma of the Russian Empire. 1907-1915)]. Edited by A.N. Mayurova. Nizhniy Novgorod. 95 p. [in Russian]
- Deychman, 1929** – *Deychman Eh.I.* (1929). Alkoholizm i bor'ba s nim [Alcoholism and the fight against it]. М.; L. 224 p. [in Russian]
- Kanel', 1914** – *Kanel' V.Ya.* (1914). Alkoholizm i bor'ba s nim [Alcoholism and the fight against it]. М. 532 p. [in Russian]

- Kraykin, 2009** – *Kraykin V.V.* (2009). Nachal'nyy period Pervoy mirovoy voyny v soznanii provincial'nykh zhiteley (na materiale Orlovskoy gubernii) [The initial period of the First World War in the minds of provincial residents (on the material of the Oryol province)]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gercena*. № 96, pp. 51-55. [in Russian]
- Krest'yanskoe dvizhenie, 1931** – *Krest'yanskoe dvizhenie 1827-1869 gg.* [The peasant movement in 1827-1869]. Edited by E.A. Morohovec. M.; L. In 2 vol. Vol. 1. 1827-1860. 164 p. [in Russian]
- Mayurov, 2014a** – *Mayurov A.N.* (2014). Partiya Suhogo zakona v SSHA i Suhoy zakon [The Party of Prohibition in the USA and the Dry Law]. [Electronic resource] URL: <http://partia-tr.ru/2014/04/a-mayurov-partiya-suhogo-zakona-v-ssha-i-suhoy-zakon.html> (accessed: 25.08.2018). [in Russian]
- Mayurov, 2014b** – *Mayurov A.N.* (2014). Suhoy zakon v Rossiyskoy imperii – RSFSR (1914-1920 gg.) [Prohibition in the Russian Empire – RSFSR (1914-1920)]. Available at: <http://partia-tr.ru/2014/08/professor-a-n-mayurov-suhoy-zakon-v-rossiyskoy-imperii-rsfsr-1914-1920-gg.html> (accessed: 10.09.2018). [in Russian]
- Mendel'son, 1913** – *Mendel'son A.L.* (1913). Uchebnik trezvosti. Sost. po soch. Zhyulya Deni dlya nach. i sred. shk. [Textbook sobriety. Compiled by Jules Denis for primary and secondary schools]. SPb. 200 p. [in Russian]
- Mendel'son, 1916** – *Mendel'son A.L.* (1916). Itogi prinuditel'noy trezvosti i novye formy p'yanstva: Dokl. Protivoalkogol. soveshch. O-va rus. vrachey v pamyat' N.I. Pirogova v Moskve [Results of forced sobriety and new forms of drunkenness: Report of the Antialcoholic Meeting of the Society of Russian Doctors in memory of N.I. Pirogov in Moscow]. Pg. 55 p. [in Russian]
- Nikolaev, 2008** – *Nikolaev A.V.* (2008). Antialkogol'naya kampaniya v Rossii 1894-1914 godov: istoricheskiy opyt resheniya problem [Anti-alcohol campaign in Russia in 1894-1914: historical experience of solving the problem]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 35 (136). Istoriya. Vol. 28, pp. 60-72. [in Russian]
- Nizhegorodcev, 1899** – (1899). *Nizhegorodcev M.N.* Kratkoe soobshchenie o narodnom golosovanii po povodu zapreshcheniya vinnogo dela v Kanade [A brief message about the popular vote on the prohibition of wine business in Canada]. *Trudy Komissii po voprosu ob alkogolizme*. SPb. Vol. 3, pp. 115-117. [in Russian]
- Pashkov, 2010** – *Pashkov E.V.* (2010). Antialkogol'naya kampaniya v Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny [Anti-alcohol campaign in Russia during the First World War]. *Voprosy istorii*. № 10, pp. 80-93. [in Russian]
- Permanent Temperance Documents, 1835** – *Permanent Temperance Documents of the American Temperance Society*. Boston. Vol. I. 541 p.
- Permanent Temperance Documents, 1853** – *Permanent Temperance Documents*. N.Y. In 3 vol. Vol. II. Annual report of the American Temperance Union, 1st-8th, 1837-1844. 369 p.
- Prot'ko, 1988** – *Prot'ko T.S.* (1988). V bor'be za trezvost': Stranicy istorii [In the struggle for sobriety: Pages of history]. Edited by M.O. Bich. Minsk. 165 p. [in Russian]
- RGIA** – Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arhiv [Russian State Historical Archive].
- Rechi M.D. Chelyshova, 1912** – *Rechi M.D. Chelyshova, proiznesennyye v Tre't'ey Gosudarstvennoy Dume o neobhodimosti bor'by s p'yanstvom i po drugim voprosam* [M.D. Chelyshov's speeches, uttered in the Third State Duma on the need to combat drunkenness and other issues.]. SPb. 786 p. [in Russian]
- Sheyd, 2011** – *Sheyd U.* (2011). «Reformaciya trezvosti»: evangelicheskiy protestantizm i konsolidaciya burzhuaznoy kul'tury [“Reformation of temperance”: Evangelical Protestantism and consolidation of bourgeois culture]. *Amerikanistika: aktual'nye podhody i sovremennyye issledovaniya*. Vol. 3 / Edited by. S.N. Belevceva, M.A. Filimonova. Kursk, pp. 103-119. [in Russian]
- Skarzhinskiy, 1907** – *Skarzhinskiy L.B.* (1907). Sovremennoe polozhenie antialkogol'nogo dvizheniya: Doklad komissii po voprosam ob alkogolizme 18 aprelya 1907 g. [The current situation of the anti-alcohol movement: Report of the Commission on Alcoholism on April 18, 1907]. SPb. 72 p. [in Russian]
- Skarzhinskiy, 1912** – *Skarzhinskiy L.B.* (1912). Mezhdunarodnyy komitet po alkogol'nomu delu i prichiny ego vozniknoveniya [International Committee on alcohol and its causes]. SPb. 26 p. [in Russian]
- Slavicek, 2009** – *Slavicek L.C.* (2009). The Prohibition Era: Temperance in the United States. N.Y. 127 p.
- Smirnov, 1910** – *Smirnov V.A.* (1910). Kak amerikancy boryutsya s p'yanstvom [How Americans are struggling with drunkenness]. *Trudy Pervogo Vserossiyskogo s"ezda po bor'be s p'yanstvom*. In 3 vol. SPb. Vol. 2, pp. 1062-1081. [in Russian]
- Smolyanskiy, Lifyandskiy, 2015** – *Smolyanskiy B.L., Lifyandskiy V.G.* (2015). Svyashchennaya kuhnya: Religiya i pitanie [Sacred cuisine: Religion and food]. M. 542 p. [in Russian]
- Strashun, 1964** – *Strashun I.D.* (1964). Russkaya obshchestvennaya medicina v period mezhdvu dvumya revolyuciyami. 1907-1917 gg. [Russian public medicine in the period between the two revolutions. 1907-1917]. M. 206 p. [in Russian]
- Trudy Pervogo Vserossiyskogo s"ezda po bor'be s p'yanstvom, 1910** – *Trudy Pervogo Vserossiyskogo s"ezda po bor'be s p'yanstvom*. 28 dekabrya 1909 g. – 6 yanvary 1910 g. [Proceedings of the First All-Russian Congress on the fight against drunkenness. December 28, 1909 – January 6, 1910]. In 3 vol. SPb. 1585 p. [in Russian]
- Uglov, 2014** – *Uglov F.G.* (2014). Pravda i lozh' o «suhom zakone» (1914-1925 gg.) [Truth and lies about the “dry law” (1914-1925)]. Available at: <http://partia-tr.ru/2014/04/f-g-uglov-pravda-i-lozh-o-suhom-zakone-1914-1925-gg.html> (accessed: 15.10.2018). [in Russian]

Veseliye Rusi, 2012 – *Veseliye Rusi. XX vek. Gradus noveyshey rossiyskoy istorii: ot «p'yanogo byudzhet» do «suhogo zakona»* [Fun of Russia. XX century. The degree of the latest Russian history: from the “drunken budget” to the “dry law”]. M., 2012. 476 p. [in Russian]

Vlassak, 1928 – *Vlassak R.V., Strashun I.D., Deychman Eh.I., Politov L.G. (1928). Alkogolizm kak nauchnaya i bytovaya problema* [Alcoholism as a scientific and domestic problem]. Edited by. A.V. Mol'kov. 285 p. [in Russian]

Voronov, 1916 – *Voronov D.N. (1916). Zhizn' derevni v dni trezvosti (po dannym zemskih i drugih anket): doklady, pročitannye v marte 1916 g. v zasedaniyah Komissii po voprosu ob alkogolizme pri Russkom obshchestve ohraneniya narodnogo zdравиya* [The life of the village in the days of sobriety (according to Zemstvo and other questionnaires): reports read in March 1916 in the meetings of the Commission on the issue of alcoholism at the Russian society of public health]. Pg., 1916. 70 p. [in Russian]

Vvedenskiy, 2008 – *Vvedenskiy I.N. (1915). Opyt prinuditel'noy trezvosti* [Experience of forced sobriety]. Ekaterinburg, 2008 (1-e izd. – 1915). 51 p. [in Russian]

Winskill, 1891-1892 – *Winskill P.T. (1891-1892). The temperance movement and its workers: A record of social, moral, religious, and political progress. L. In 4 vol. Vol. I. 259 p.*

Zayonchkovski, 1968 – *Zayonchkovski P.A. (1968). Otmena krepostnogo prava v Rossii* [The abolition of serfdom in Russia]. M. 369 p. [in Russian]

Zholobova, 2015 – *Zholobova G.A. (2015). Vidy piteynykh zavedeniy i pravovoy rezhim roznichnoy trgovli spirtnymi napitkami v Rossii v carstvovanie Aleksandra III* [Types of drinking establishments and the legal regime of retail trade of alcoholic beverages in Russia in the reign of Alexander III]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. №1 (50), pp. 18-24. [in Russian]

«Сухой закон» на русской почве: влияние американского опыта на борьбу за трезвую жизнь в Российской империи на рубеже XIX и XX вв.

Виталий Викторович Прилуцкий ^{а, *}

^а Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Российская Федерация

Аннотация. В статье изучено влияние американского опыта на трезвенное движение и борьбу за запрет алкоголя в Российской империи в конце XIX – начале XX вв. Отмечается, что в отечественной историографии не уделялось должного внимания проблеме воздействия практики Соединенных Штатов в сфере борьбы за «сухой закон» на Россию. Рассмотрены дискуссии о путях противодействия алкоголизации страны. Выявлено, что российские чиновники, выражая интересы финансового ведомства, отстаивали винную монополию, которая якобы способствовала снижению пьянства. Представители интеллигенции и медицинские работники выступали за существенное ограничение торговли спиртными напитками, и только небольшая группа радикальных трезвенников настаивала на «абсолютном запрете» алкоголя. Длительное время в обществах трезвости преобладали сторонники «ограничительных мер» и «умеренного употребления», но в конечном итоге в условиях военного времени верх взяли поборники «сухого закона». Делается вывод о том, что в борьбе с пьянством в Америке значительную роль играли общественные организации, религиозные корпорации и политические партии. В Российской империи же главную функцию в проведении антиалкогольной пропаганды и утверждении народной трезвости взяло на себя государство. Для радикальных российских трезвенников Северная Америка (США и Канада) стала идеальным примером реализации государственной и общественной антиалкогольной политики, основанной на запретительной системе. Радикалы, стремившиеся перенести в Россию отстаиваемую прогибиционистами практику, повлияли на принятие властями «сухого закона» в 1914 г.

Ключевые слова: Российская империя на рубеже XIX и XX вв., история борьбы за трезвость в России и Америке, американское антиалкогольное движение, российское трезвенничество, «сухой закон» в России.

* Корреспондирующий автор

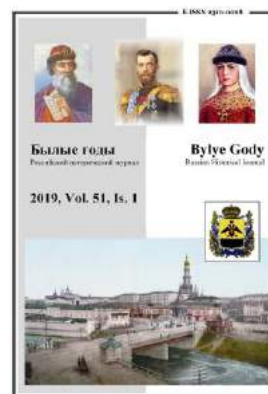
Адреса электронной почты: vitaliypr@yandex.ru (В.В. Прилуцкий)

Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
 Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 51. Is. 1. pp. 209-218. 2019
 DOI: 10.13187/bg.2019.1.209
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Biographical Research in the Modern Historiography of the Don Cossacks of the second half of the XIX century. Part I

Goran Rajović ^{a, b, *}, Evgeniy F. Krinko ^c, Alla G. Vazerova ^d, Milica Trailovic ^e

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

^d Penza state university of architecture and construction, Penza, Russian Federation

^e University of Geneva, Geneva, Switzerland

Abstract

In recent years, historians created a number of biographical works about figures of the Don Cossacks of the second half of the XIX century. These studies are an interesting and promising new direction in modern historiography. We have prepared their review so that do not mix with other, extremely numerous scientific articles of Cossack subjects. At the same time, we tried to determine which personalities in the history of the post-reform Don have been relatively studied, and which, on the contrary, leave room for further research. Finally, we paid special attention to the question of which approaches are used by various historians, and why there is an interest in the personality factor in the history of the Don Cossacks of the second half of the XIX century, manifested in recent years. The results of our research are the following conclusions: most of the personalities are chosen by historians to study based not on their real significance, but on the volume of archival materials remaining, and as a result the choice of these personalities is quite random (the only relatively developed category is Don atamans); most of the articles are written by several historians who are trying to get away from impersonality in the perception of the government policy of this period; Despite this, most of the work was written in 2010, which makes it possible to speak about real changes in modern Don historiography.

Keywords: modern historiography, biographical research, Don Cossacks of the second half of the XIX century, Ministry of War of the Russian Empire, military officials on the Don, Don scientists.

1. Введение

В 2016 г. О.Е. Чуйков, И.А. Гордеев и В.В. Батыров опубликовали любопытную статью под названием «Открытия и достижения современной историографии донского казачества второй половины XIX в.» (Chuikov et al., 2016). Появление подобных обзорных статей по современной историографии донского казачества и казачества в целом следует считать характерной приметой времени: так, только в 2018 г. вышли работы этого жанра А.И. Агафонова (Агафонов, 2018) и Ю.И. Юрченко (Юрченко, 2018), причем последний пишет, что число ежегодных научных публикаций о казачестве «измеряется сотнями в год» (Юрченко, 2018: 151). В 2017 г. различным вопросам казачьей истории были посвящены 303 статьи в научных журналах и 222 отдельные публикации в материалах конференций (Юрченко, 2018: 152)! Понятно, что в подобных условиях, с учетом не всегда высокого научного уровня публикуемых работ, обзорные статьи приобретают особое значение, и рост их числа неизбежен, поскольку они служат важнейшим ориентиром для исследователей, и помогают определить, какие публикации заслуживают внимания.

* Corresponding author

E-mail addresses: dkgoran.rajovic@gmail.com (G. Rajović), history@pguas.ru (A.G. Vazerova)

Однако О.Е. Чуйков, И.А. Гордеев и В.В. Батыров не ограничились перечислением и краткой характеристикой исследований последних десятилетий о донском казачестве второй половины XIX в. Они попытались выделить важнейшие тенденции в историографии этого периода, фактически противопоставляя историков, исходящих из традиционного представления о казачестве как о «пассивном объекте правительственных реформ» (О.Б. Герман, А.Н. Карпенко, Р.Г. Тикиджьян), тем авторам, которые, несмотря на различие в концепциях, доказывают существование «высокой автономии казачества на местном уровне» и «существенного влияния местной элиты и рядовых казаков на реальное положение дел» (А.А. Волвенко, С.Ю. Краснов, А.Ю. Перетяtko) (Chuikov et al., 2016: 681). О том, что подобное разделение соответствует действительности, свидетельствует тот факт, что через год после выхода статьи О.Е. Чуйкова, И.А. Гордеева и В.В. Батырова А.Ю. Перетяtko опубликовал работу, в которой пытался ответить на вопросы: «Нужны ли были Великие реформы на Дону местным жителям, решали ли они какие-то реально существующие проблемы региона? Или эти преобразования, повлекшие неожиданные негативные последствия, частично свернутые и раскритикованные многими влиятельными современниками, проводились столичными чиновниками исключительно из-за либерального духа времени?», причем на последний вопрос исследователь отвечал отрицательно (Peretyatko, 2017a: 937-948). Таким образом, правота О.Е. Чуйкова, И.А. Гордеева и В.В. Батырова подтвердилась, и в настоящее время в донской историографии остро стоит вопрос о соотношении ролей центральной власти, местных элит и рядовых казаков в истории Дона второй половины XIX в., причем ряд исследователей пытается доказать, что традиционная историография вопроса преувеличивала значение первой из этих сил за счет двух оставшихся. И для этого они неизбежно обращаются к биографиям отдельных личностей, чтобы установить их личный вклад в судьбы донского казачества.

Разумеется, биографический подход в исследованиях Дона второй половины XIX в. применялся и ранее. Хронологически приоритет здесь, среди современных историков, принадлежит Р.Г. Тикиджьяну, еще в 1998 г. опубликовавшему статью о донском атамане Н.И. Святополк-Мирском (Тикиджьян, 1998). Более того, этот автор, придерживающийся вполне традиционного взгляда на донское казачество пореформенного периода, тем не менее, и в дальнейшем неоднократно указывал на важность изучения роли отдельных личностей в его истории. «Немаловажной, в связи с этим, нам представляется проблема политического лидерства, влияния на выработку государственной и социальной политики личностей российских Императоров и реформаторов, войсковых и выборных атаманов, лидеров политических партий в центре и на местах, преемственности и преемников в реализации стратегического курса модернизации и революционных преобразований», – пишет он в своей последней монографии (Тикиджьян, 2013: 88). Однако представляется далеко не случайным тот факт, что к проблеме личности в истории Дона второй половины XIX в. чаще всего обращаются представители нетрадиционного мнения о относительно высокой автономии донского казачества, точнее А.А. Волвенко и А.Ю. Перетяtko. С учетом многочисленности их работ по данной теме, а так же обращения к ней в последние годы ряда авторов, вовсе не упомянутых О.Е. Чуйковым, И.А. Гордеевым и В.В. Батыровым, представляется, что настало время для создания обзорной статьи о современных биографических исследованиях, посвященных деятелям донского казачества второй половины XIX в.

В своей статье мы предполагаем наметить определенные ориентиры для интересующихся данной темой, выявить достигнутые результаты и установить недостаточно изученные области. Нам представляется интересным понять, почему те или иные личности привлекают внимание современных исследователей, почему некоторым важным деятелям Дона пореформенного времени не посвящено ни одной работы, а другие, сыгравшие меньшую роль в истории, вызывают повышенный интерес у исследователей.

2. Материалы и методы

Обилие вышедших в последние годы статей стало серьезной проблемой для проведения нашего исследования. Нередко биографические разделы и сюжеты, относящиеся к биографии отдельной личности, включаются в состав небиографической статьи. С другой стороны, многие биографические исследования (особенно о донских ученых) опубликованы в малотиражных и почти не доступных простому читателю сборниках научных конференций. Мы решили при отборе исследований для анализа руководствоваться двумя факторами: публикацией материалов в научном журнале или в качестве полноценной монографии и полноценно-биографической направленностью текста (как правило, имя героя будет вынесено в название). Исключения мы допускали в тех случаях, когда у современного историка есть исследование о деятеле Дона пореформенного периода, однако дополнительная информация о нем содержится и в других работах. Кроме того, мы проанализировали статью Р.Г. Тикиджьяна «Войсковой наказной атаман, князь Н.И. Святополк-Мирский (1881–1898)», которая, хотя и опубликована в местном краеведческом альманахе, однако доступна в Интернете и закрывает важную лауну в донской историографии.

Мы использовали методы структурного анализа и системного подхода, чтобы сформировать у читателя целостную картину персональных биографий в историографии Дона второй половины XIX в.

3. Обсуждение и результаты

I. Военные министры Российской империи. С 1862 г. до русско-японской войны 1904–1905 гг. во главе военного ведомства Российской империи стояло всего три человека: Д.А. Милютин (1861–1881), П.С. Ванновский (1881–1898) и А.Н. Куропаткин (1898–1904). Казалось бы, их политика в казачьем вопросе должна была быть хорошо изучена, особенно с учетом традиционного восприятия казачества как пассивного объекта для правительственных реформ. Однако на практике этого не произошло, и в работах историков «традиционалистов» военное министерство выступает обезличенным бюрократическим механизмом. Показательна в этом отношении монография Р.Г. Тикиджьяна, в которой он пишет о важности «личностного фактора» в истории Дона, но ни Д.А. Милютин, ни П.С. Ванновский в ней не упоминаются, а имя А.Н. Куропаткина встречается один раз, в следующем контексте: «Между тем, уровень образования «торговых казаков» был невысоким. Подтвердил это сам военный министр А.Н. Куропаткин во время инспекционной поездки по ОВД в 1900 году» (Тикиджьян, 2013: 103).

До настоящего времени внимание историков донского казачества из трех военных министров пореформенной России привлек только Д.А. Милютин. Как мы помним, в рамках того подхода, который предлагают историки, противопоставляемые О.Е. Чуйковым, И.А. Гордеевым и В.В. Батыровым «традиционалистам», анализ правительственной политики предполагает выявление тех ее элементов, которые исходили от центральной власти, и тех, которые предлагались местными элитами, а так же рядовыми казаками. Поэтому одного из этих историков, А.А. Волвенко, закономерно не устроил традиционный обезличенный подход к политике военного министерства 1860–1870 гг., того хронологического периода, исследованием которого он занимается. Он пишет: «Вопросы формирования правительственной политики, ее акценты и этапы проведения в казачьих войсках в 1860–1870-х гг. по-разному отражены в историографии. Однако тема личного отношения Д.А. Милютина к казачеству и казачьим преобразованиям в научной и публицистической литературе остается почти не тронутой» (Volvenko, 2016a: 398). А.А. Волвенко первым попытался определить «милютинское отношение как в целом к казачеству, так и отдельным войскам», которое, по его мнению, «многое значило в планировании и корректировке тех или иных крупных казачьих реформ, в продвижении того или иного проекта через бюрократические процедуры и в его лоббировании на пути превращения в закон» (Volvenko, 2016a: 398).

В итоге, на основании как дневников и воспоминаний Д.А. Милютина, так и архивных материалов Российского государственного военно-исторического архива (далее – РГВИА) и отдела рукописей Российской государственной библиотеки, А.А. Волвенко пришел к выводу о неразрывной связи между правительственной политикой по отношению к казачьим войскам в 1860–1870 гг. и личностью Д.А. Милютина. «Вне зависимости от своих чувств к казакам Милютин четко исповедовал инструменталистский подход к их оценке и использованию в имперской практике. Этот подход подразумевал игнорирование истории, традиции, былых заслуг казачества, если необходимо было эффективно, с точки зрения Милютина, решить актуальные государственные задачи во внешней и внутренней политике» (Volvenko, 2016a: 408). Подобный подход Д.А. Милютина к казачеству, как к инструменту, предназначенному для выполнения актуальных для государства задач, а не самоценному образованию, позволил исследователю объяснить кажущееся противоречие между правительственной политикой на Дону в 1860 и 1870 гг.: «Именно в таком ключе следует понимать и четко просматриваемую эволюцию милютинского взгляда на экономическую сторону жизнедеятельности казачества, и выбор Военным министерством в 1870-х гг. донской, а не новоявленной оренбургской системы военной службы. <...>. Не донские казаки были убедительны для министра в их отстаивании своего традиционного порядка службы, а просто принцип поголовности не противоречил главной реформе Милютина – всеобщей воинской повинности» (Volvenko, 2016a: 408). Таким образом, по мнению А.А. Волвенко, Д.А. Милютин на каждом этапе своей деятельности ставил перед донским казачеством конкретную цель, и кажущаяся непоследовательность его политики на самом деле объяснялась сменой этой цели.

Однако у нас возникли определенные сомнения в полной достоверности образа Д.А. Милютина, который рисует А.А. Волвенко. При всей ценности и важности для объяснения правительственной политики 1860–1870 гг. этот образ откровенно схематичен, и противоречит некоторым фактам, содержащимся в других работах, не посвященных специально Д.А. Милютину, но описывающих его действия по отношению к донскому казачеству. Так, в статье А.Ю. Перетятко «Спор о Миусском округе в 1874 г.: неприкосновенная часть Области Войска Донского или историческая Малороссия?» основное место уделено конфликту между Д.А. Милютиным и министром внутренних дел А.Е. Тимашевым вокруг возможного отторжения Миусского округа, населенного украинцами (малороссами), а не казаками, от Войска Донского (Peretyatko, 2016a: 448-456). В рамках этого конфликта, Д.А. Милютин не проявил себя как холодный инструменталист, оценивающий предложения другого министра с точки зрения их пользы для Российской Империи. Как пишет А.Ю. Перетятко, «не понимать убедительность доводов своего оппонента Д.А. Милютин не мог», однако отношение военного министра к возможной реформе было «эмоциональным», и он даже «называл в своем дневнике проектируемое территориальное образование «безобразным» (Peretyatko, 2016a: 451). Крайне неоднозначную картину отношений Д.А. Милютина и начальника штаба

Донского Войска А.М. Дондукова-Корсакова рисует сам А.А. Волвенко в цикле статей «Казакоманство. Донской случай». Современный историк прямо обвиняет военного министра в «пристрастном взгляде на роль и деятельность Дондукова-Корсакова», выступившего с критикой политики Д.А. Милютин в отношении донского казачества (Volvenko, 2015b: 29). Исходя из этого, можно с уверенностью говорить, что Д.А. Милютин был не только инструменталистом, но и достаточно эмоциональным человеком, на многие поступки и действия которого влияло отношение к реальным и выдуманному «врагам», в которых он записывал своих политических оппонентов.

Тем не менее, роль Д.А. Милютин в истории донского казачества и его персональный вклад в донские реформы 1860–1870 гг. в последние годы начали последовательно изучаться, и можно ожидать дальнейших достижений в этом направлении. Личности же П.С. Ванновского и А.Н. Куропаткина вовсе не привлекали внимания исследователей Дона, хотя во время пребывания первого из них во главе военного ведомства Российской Империи в Области Войска Донского начала реализовываться политика контрреформ, а по длительности пребывания на своем посту он лишь немногим уступает Д.А. Милютину.

II. Чиновники центрального аппарата военного министерства. Как и в случае с военными министрами, между реальным вкладом чиновника военного министерства в историю донского казачества и шансом на создание исследования этого вклада современным историком не прослеживается прямой связи. Ни один начальник Главного управления казачьих войск¹ не удостоился подобного исследования. Внимание историков привлекали чиновники меньшего ранга, но с очевидным донским прошлым. И снова эту тенденцию задал А.А. Волвенко, в 2015 году опубликовавший статью «А.П. Чеботарев – «серый кардинал» казачьих реформ эпохи освобождения?» (Volvenko, 2015a). Статья показательна для того направления донской историографии, которое О.Е. Чуйков, И.А. Гордеев и В.В. Батыров противопоставляют традиционному. А.А. Волвенко не просто связал правительственную политику с конкретной личностью, но и выбрал личность малоизвестную, относящуюся к донской, а не имперской элите. Сам он определяет своего героя, донского казака по происхождению, родившегося и прожившего много лет на Дону, как «помощника начальника Управления иррегулярных войск Военного министерства с 1858 по 1870 г., т.е. в период проведения радикальных «милютинских» реформ в отношении казачества» (Volvenko, 2015a: 106). Несмотря на подобную незаметную должность, А.П. Чеботарев имел серьезное влияние на Д.А. Милютин. Именно он в 1861 г. предложил проводить «колонизацию закубанских земель казаками-охотниками с «пожалованием в их собственность по несколько десятин земли из вновь запашенных земель за Кубанью», с чего началось введение в казачьих войсках частной собственности вообще (Volvenko, 2015a: 110). В дальнейшем он передавал конфиденциальные пожелания Д.А. Милютин другим чиновникам и был одним из вдохновителей «Соображений Комитета о главных началах, которые должны быть приняты в руководство при составлении новых положений о казачьих войсках», легших в основу правительственного курса реформ в 1860 гг. (Volvenko, 2015a: 110-111). На основании всех этих фактов А.А. Волвенко ставит вопрос о том, не был ли А.П.Чеботарев тайным «серым кардиналом» милютинских реформ по отношению к донскому казачеству, исподволь направляя военного министра. Хотя это смелое предположение современного историка фактически ни чем не подкреплено и остается не доказанным, А.А. Волвенко удалось продемонстрировать важность изучения чиновников второго плана центрального аппарата военного министерства второй половины XIX в. Однако выбор им фигуры для изучения был случайным: А.А. Волвенко признается, что его интерес к личности А.П. Чеботарева «подогрет найденными в РГВИА источниками личного происхождения» (Volvenko, 2015a: 106).

Современный исследователь частично опубликовал эти источники. Для публикации он выбрал записку А.П. Чеботарева «Сведения о посещении в 1837 г. Войска Донского блаженной памяти Императором Николаем I и наследником цесаревичем, ныне царствующим государем императором» (Волвенко, 2016). Документ был выбран им не случайно: он демонстрирует близость А.П. Чеботарева к самым высшим кругам Российской империи. Записка писалась не для публикации, но для внутреннего использования российским правительством, причем ее история любопытна сама по себе. В начале 1863 г., когда планировалось посещение Земли Войска Донского цесаревичем, «военный министр Д.А. Милютин дал указание разыскать в архивах Управления иррегулярных войск материалы о визите Николая I и будущего императора Александра II в Земли войска Донского в 1837 г.», однако «соответствующих материалов найдено не было» (Волвенко, 2016: 125). Чтобы заполнить эту лауну, А.П. Чеботарев, бывший в 1837 г. адъютантом донского атамана, подготовил собственное описание событий, которое затем дополнил и уточнил лично Александр II, чьи пометы современный историк обнаружил на оригинале документа (Волвенко, 2016: 125-127). Таким образом, записка А.П. Чеботарева одновременно свидетельствует о доверии, которым он пользовался в военном министерстве, и важна для того, что А.А. Волвенко зовет «дискурсом, иллюстрирующим «миф о царе и казаке» (Волвенко, 2016: 127).

¹ Называвшегося в разные периоды времени так же главным управлением иррегулярных войск и управлением иррегулярных войск.

Статьи А.Ю. Перетяцько о второстепенных чиновниках центрального аппарата военного министерства по происхождению близки к текстам А.А. Волвенко. Толчком для их написания стало знакомство автора с найденными другими авторами, но не разработанными архивными материалами. Из чиновников 1860 гг. современного исследователя заинтересовал Н.И. Краснов, занимавший в это время еще более скромные, чем А.П. Чеботарев должности в Главном управлении иррегулярных войск (чиновника для особых поручений и начальника одного из отделений). Однако в 1865 г. он получил от начальства задачу «сопоставить траты на казачьи и регулярные части, исходя из данных по Оренбургскому войску» (Peretyatko, 2017b: 12). В результате Н.И. Красновым был создан значительный по объему и использованному фактографическому материалу текст, названный им «Соображениями о том, выгодна ли для государства в финансовом отношении система выставления иррегулярных войск от особых населений, пользующихся за отбывание этой воинской повинности льготами и привилегиями», в котором доказывалась экономическая невыгода казачьих войск для государства (Peretyatko, 2016b: 301). Этот текст, подобно «Сведениям о посещении в 1837 г. Войска Донского блаженной памяти Императором Николаем I и наследником цесаревичем, ныне царствующим государем императором» А.П. Чеботарева, был предназначен для внутреннего использования в военном министерстве и никогда не публиковался. Обнаружил его в РГВИА уже в 2000 гг. А.А. Волвенко, написавший об этом небольшую статью, в которой призывал пересмотреть вопрос о стоимости казачьих частей для казны (Волвенко, 2007).

Фактически, А.Ю. Перетяцько в своих статьях занимается исследованием этого вопроса, однако рассматривая его через призму личности Н.И. Краснова. Он опубликовал «Соображения о том, выгодна ли для государства в финансовом отношении система выставления иррегулярных войск от особых населений, пользующихся за отбывание этой воинской повинности льготами и привилегиями» с многочисленными комментариями, в которых по ряду вопросов не соглашается с Н.И. Красновым, но, тем не менее, признает его общий вывод о том, что в 1860 гг. Российская Империя несла серьезные финансовые потери из-за существования казачьих войск (Peretyatko, 2016b). В статье «О значении «Соображений о том, выгодна ли для государства в финансовом отношении система выставления иррегулярных войск от особых населений, пользующихся за отбывание этой воинской повинности льготами и привилегиями» Н.И. Краснова в творчестве автора и общественно-политической жизни Дона 1860 гг.» А.Ю. Перетяцько попытался проанализировать значение указанного текста в творчестве его автора, предложив делить это творчество на два этапа, ранний, когда «статистик выступал в качестве исследователя донского казачества и донского региона, причем недостаток информации заставлял его лично собирать сведения по всем областям, от истории до метеорологии» и поздний, во время которого «творчество Н.И. Краснова, потеряв в достоверности сообщаемых сведений, за счет этого обрело дополнительную широту охвата» (Peretyatko, 2017b: 9). Отметим, впрочем, что эта статья трактует Н.И. Краснова не только как чиновника, но и как ученого, а в отношении донских ученых биографический подход, как мы увидим ниже, более распространен в современной историографии.

Другим чиновником центрального аппарата военного министерства, привлечшим внимание А.Ю. Перетяцько, является Н.А. Маслаковец. Н.А. Маслаковец был военным чиновником неказачьего (украинского) происхождения, в 1860–1880 гг. занимавшим различные должности в донской администрации, а в 1890–1900 гг. выполнявшим специальные задачи военных министров в различных казачьих войсках. Его личный архив, в отличие от архивов многих современников, сохранился до наших дней, и хранится в отделе рукописей Российской национальной библиотеки, причем на ценность этого архива указывали еще в советское время (Стецкевич, 1959: 434-444). В историю донского казачества Н.А. Маслаковец вошел главным образом как руководитель ряда комиссий, о которых писали и сторонники традиционного представления о донском казачестве, в частности, А.П. Скорик (Скорик, 2014). Однако в их работах эти комиссии и их председатель остаются такими же обезличенными, как и военные министры. В частности, А.П. Скорик указывает исключительно на хорошее знание Н.А. Маслаковцем донского края (Скорик, 2014: 269-270). На основании личного архива Н.А. Маслаковца А.Ю. Перетяцько попытался показать личные качества военного чиновника: «к началу XX в. военная служба для Н. А. Маслаковца была не столько источником заработка, сколько местом самореализации» (Перетяцько, 2018a: 555); «своих симпатий к консервативной идеологии и неприятия либеральных идей военный чиновник не скрывал с 1880-х годов» (Перетяцько, 2018a: 564). Таким образом, только в этом случае из всех рассмотренных в данном разделе для исследования была избрана личность, бесспорно определяющая для политики военного министерства по отношению к донскому казачеству.

Однако в центре внимания А.Ю. Перетяцько первоначально оказался хотя и любопытный, однако незначительный эпизод написания Н.А. Маслаковцем программы для официальной истории донского казачества. А.Ю. Перетяцько выпустил статью, посвященную работе Н.А. Маслаковца над ней (Перетяцько, 2018a). Только затем современный исследователь обратился к основной деятельности Н.А. Маслаковца, административной, обрисовав его конфликт с видным общественным деятелем Дона А.А. Донецким (Перетяцько, 2018b).

Как мы видим, в отношении чиновников военного министерства в современной историографии донского казачества второй половины XIX в. господствует та же тенденция, что и в отношении

военных министров. Хотя в последние годы вышел целый ряд биографических работ о них, фактически эти работы создаются двумя авторами, выбирающими героев для своих статей не на основании их реальной значимости, но исходя из найденных архивных материалов. В результате ведется проработка биографий только трех чиновников, Н.И. Краснова, Н.А. Маслаковца и А.П. Чеботарева, зато о каждом из них в последние годы вышло не менее двух статей. При этом историки исследуют не их биографии целиком, но отдельные сюжеты, не всегда первостепенные для дальнейшей истории казачества. На основании этого и предыдущего разделов нашей статьи можно сделать вывод, что от «обезличенности» политики военного министерства по отношению к донскому казачеству современным историкам удалось уйти частично в отношении периода 1860 г., когда инициаторами этой политики были Д.А. Милютин, А.П. Чеботарев и Н.И. Краснов, и, в меньшей степени, 1890 г., когда некоторые решения принимались согласно экспертным заключениям Н.А. Маслаковца. Но военное министерство 1870–1880 гг. по-прежнему предстает в работах современных историков донского казачества абсолютно обезличенным бюрократическим механизмом.

4. Заключение

Проведенный нами анализ современной историографии донского казачества второй половины XIX в. показал, что в ней в последние годы действительно резко усилился интерес к персоналиям донской истории второй половины XIX в. Подавляющее число рассмотренных нами текстов (статьи А.А. Волвенко, А.Ю. Перетягко вышли в 2010-е гг. Однако выбор героев для статей осуществляется авторами чаще всего по причине сохранности архивных документов тех или иных лиц, без прямой взаимосвязи с их значением в истории края. В результате единственной категорией, относительно полно и равномерно освященной в современной историографии, являются донские атаманы (за исключением Н.А. Краснокутского). Чаще всего для исследования выбираются личности и сюжеты 1860 гг., несколько реже – 1890 гг., а промежуток между этими двумя периодами освящен хуже всего. В итоге мы можем говорить о том, что «обезличенность» донской истории второй половины XIX в. начинает сходить на нет, однако мы находимся в самом начале этого процесса. Перечислим тех деятелей, которые удостоились персональных статей от современных историков, с указанием тех хронологических отрезков, которым преимущественно посвящены эти статьи: военный министр Д.А. Милютин (1860–1870 гг.), чиновники центрального аппарата военного министерства Н.И. Краснов (1860 гг.), Н.А. Маслаковец (1890 гг.) и А.П. Чеботарев (1860 гг.), атаманы П.Х. Граббе (1860 гг.), А.Л. Потапов (1860 гг.), М.И. Чертков (1870 гг.), Н.И. Святополк-Мирской (1880–1890 гг.), местные чиновники И.С. Ульянов (1860 гг.), А.А. Донецкий (1890 гг.), В.И. Денисов (1890 гг.), И.И. Краснов (1860 гг.), ученые Х.И. Попов, И.В. Тимощенко, Ф.К. Траилин (вся вторая половина XIX в.).

5. Благодарности

Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта АААА-А19-119011190182-8

Литература

Агафонов, 2018 – Агафонов А.И. Донское казачество в современной научной литературе: проблемы, поиски, решения // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки*. 2018. № 1 (197). С. 52-70.

Братолобова, 2016 – Братолобова М.В. Беспокойный элемент // *Родина*. 2016. № 2. С. 130-131.

Волвенко, 2007 – Волвенко А.А. Два подхода к расчетам стоимости донского казачества для Российской империи в 60–70 гг. XIX века // *Актуальные проблемы социальной истории*. Сборник научных статей. Вып. 8. Новочеркасск – Ростов-на-Дону, 2007. С. 47-56.

Волвенко, 2016 – Волвенко А.А. «Сведения о посещении в 1837 г. Войска Донского блаженной памяти Императором Николаем I и наследником цесаревичем, ныне царствующим государем императором»: записка А.П. Чеботарева // *Вестник архивиста*. 2016. № 3. С. 121-134.

Волвенко, 2017 – Волвенко А.А. Очерки по истории донского казачества в позднеимперский период (II пол. XIX – нач. XX вв.). Ростов-на-Дону, 2017. 226 с.

Камозин, 2006 – Камозин Э.Э. Неопубликованные исторические заметки Х.И. Попова и развитие донской региональной исторической науки второй половины XIX – начала XX века // *Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2006. № 2. С. 33-36.

Мининков, 2016 – Мининков Н.А. Исследователи Дона Иван Васильевич Тимощенко и Федор Калинич Траилин. Ростов-на-Дону, 2016. 164 с.

Мининков, 2018 – Мининков Н.А. Научная школа источниковедения, методологии истории и специальных исторических дисциплин А.П. Пронштейна в ИИМО ЮФУ // *Новое прошлое/The New Past*. 2018. № 1. С. 98-119.

Морозова, 2007 – Морозова О.М. «Выдающийся донец»: генерал-майор И.С. Ульянов // *Человек второго плана в истории*. Вып. 4. Ростов-на-Дону, 2007. С. 308-327.

- Морозова, 2008** – Морозова О.М. Ульяновы. Семья донских казаков за сто лет // *Диалог со временем*. 2008. № 23. С. 298-318.
- Морозова, 2009** – Морозова О.М. Василий Ильич Денисов и другие донские помещики в эпоху первых рыночных реформ // Под сенью Святого Георгия. Краснодар, 2009. С. 173–180.
- Морозова, 2010** – Морозова О.М. Цари, казаки, красные командиры... Семь очерков в жанре историко-психологического портрета. Ростов-на-Дону, 2010. 276 с.
- Морозова, 2011** – Морозова О.М. Фонды донских казаков в Госархиве Ростовской области // *Отечественные архивы*. 2011. № 6. С. 41-49.
- Перетяцько, 2017** – Перетяцько А.Ю. «Мы ненавидим всю силу нашего сердца рабский произвол, который царствовал во всех частях Вашего управления»: о причинах непопулярности атамана М.И. Черткова на Дону // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2017. № 48. С. 118-127.
- Перетяцько, 2018a** – Перетяцько А.Ю. Разработка принципов составления официальной истории казачества в Военном министерстве // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2018. Т. 63. Вып. 2. С. 546-571.
- Перетяцько, 2018b** – Перетяцько А.Ю. Либерал против консерватора: противостояние А.А. Донецкого и Н.А. Маслаковца, его идейные предпосылки и роль в истории Донского края // *Научная мысль Кавказа*. 2018. № 3. С. 33-40.
- Стецкевич, 1959** – Стецкевич М.Я. Материалы по социально-экономической истории России в 1890-1917 гг. в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина // Из истории империализма в России: труды Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР. Вып. 1. М.; Л., 1959. С. 434-444.
- Скорик, 2014** – Скорик А.П. Проблемы и противоречия традиционного быта донских казаков на рубеже XIX–XX вв. (о результатах работы комиссии Н.А. Маслаковца) // Модернизация полиэтничного макрорегиона и сопредельных государств: опыт, проблемы, сценарии развития. Ростов-на-Дону, 2014. С. 268-273.
- Тикиджьян, 1998** – Тикиджьян Р.Г. Войсковой наказной атаман, князь Н.И. Святополк–Мирский (1881–1898) // *Донской временник*. 1998. [Электронный ресурс]. URL: http://donvrem.dspl.ru/Files/article/m3/o/art.aspx?art_id=97 (дата обращения: 5.01.2019).
- Тикиджьян, 2013** – Тикиджьян Р.Г. Донское казачество в конце XIX – начале XX века. Исторический портрет. Саарбрюккен, 2013. 228 с.
- Юрченко, 2018** – Юрченко Ю.И. Новейшая историография казачества: статистика научных статей в РИНЦ за 2017 г. // *Вестник Научно-методического совета по природообустройству и водопользованию*. 2018. № 11 (11). С. 151-159.
- Bratolyubova et al., 2015** – Bratolyubova M.V., Brizgalova I.G., Samarina N.V. Vasilii Ilich Denisov: Historical Portrait at the Backdrop of the Russian Modernization (End of XIX – Beginning of XX Century) // *Bylye Gody*, 2015, Vol. 38, Is. 4. pp. 948-954.
- Chuikov et al., 2016** – Chuikov O.E., Gordeev I.A., Batyrov V.V. The Discoveries and Achievements of Modern Historiography of the Don Cossacks in the Second Half of the XIX Century // *Bylye Gody*, 2016, Vol. 41, Is. 3. pp. 675-687.
- Peretyatko, 2016a** – Peretyatko A.Y. Dispute about the Mius district in 1874: inviolable part of the Don Host Oblast or historical Little Russia? // *Bylye Gody*, 2016, Vol. 40, Is. 2. pp. 448-456.
- Peretyatko, 2016b** – Peretyatko A.Y. N.I. Krasnov and his “Thoughts on being profitable for the state in the financial relation of the system of contributing irregular troops by special population groups, enjoying for this military service exemptions and privileges” // *Russkii Arkhiv*. 2016. Vol. 14. Is. 4. pp. 301–320
- Peretyatko, 2016c** – Peretyatko A.Y. The dark side of the Emancipation Reform of 1861 on the Don region: the history of the resettlement of one of the peasant community according the material of atamanskaya kontselyariya // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 39. Is. 1. pp. 137-145.
- Peretyatko, 2017a** – Peretyatko A.Y. "Before Giving to the Nation or Tribe A New Order, One Must First Ask the People of this Nation whether they Need this Order": the Local Prerequisites for the Reforms of 1860–1870 On the Don. Part I // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 45. Is. 3. pp. 937-948.
- Peretyatko, 2017b** – Peretyatko A.Y. The importance of “Thoughts on being profitable for the state in the financial relation of the system of contributing irregular troops by special population groups, enjoying for this military service exemptions and privileges” of N.I. Krasnov in the legacy of the author, and social-political life of the Don 1860. // *History and Historians in the Context of the Time*. 2017. 15(1). pp. 4-22.
- Volvenko, 2015a** – Volvenko A.A. Chebotarev A.P. – "the Grey Cardinal" of Cossack Reforms of the Epoch of Liberation? // *History and Historians in the Context of the Time*. 2015. Vol. 15. Is. 2. pp. 106-114.
- Volvenko, 2015b** – Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I // *Russkaya Starina*. 2015. Vol.13. Is. 1. pp. 19-37.
- Volvenko, 2015c** – Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II // *Russkaya Starina*. 2015. Vol.14. Is. 2. pp. 94-107.
- Volvenko, 2016a** – Volvenko A.A. D.A. Milyutin and Cossacks // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 40. Is. 2. pp. 398-411.

[Volvenko, 2016b](#) – *Volvenko A.A.* Ivan Krasnov about “the Cossack nationality” and “the Don patriotism” (Based on Periodicals of the 1860s) // *Russkaya Starina*, 2016, Vol. (17), Is. 1. pp. 33-40.

[Volvenko, 2017](#) – *Volvenko A.A.* Don Atamans of the Age of “Great Reforms” (the 1860s – 1870s) // *Russkaya Starina*, 2017, 8(1). pp. 34-54.

References

[Agafonov, 2018](#) – *Agafonov A.I.* (2018). Donskoe kazachestvo v sovremennoi nauchnoi literature: problemy, poiski, resheniya [Don Cossacks in the modern scientific literature: problems, searches, decisions]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Seriya: Obshchestvennye nauki*. № 1. pp. 52-70. [in Russian]

[Bratolyubova et al., 2015](#) – *Bratolyubova M.V., Brizgalova I.G., Samarina N.V.* (2015). Vasilii Ilich Denisov: Historical Portrait at the Backdrop of the Russian Modernization (end of XIX – beginning of XX century). *Bylye Gody*, Vol. 38, Is. 4. pp. 948-954. [in Russian]

[Bratolyubova, 2016](#) – *Bratolyubova M.V.* (2016). Bespokoinyi element [Restless Element]. *Rodina*. № 2. pp. 130-131. [in Russian]

[Chuikov et al., 2016](#) – *Chuikov O.E., Gordeev I.A., Batyrov V.V.* (2016). The Discoveries and Achievements of Modern Historiography of the Don Cossacks in the Second Half of the XIX Century. *Bylye Gody*, Vol. 41, Is. 3. pp. 675-687. [in Russian]

[Kamozin, 2006](#) – *Kamozin E.E.* (2006). Neopublikovannye istoricheskie zametki Kh.I. Popova i razvitie donskoi regional'noi istoricheskoi nauki vtoroi poloviny XIX - nachala XX veka [Unpublished historical notes of H. I. Popov and the development of the Don regional historical science of the second half of XIX-beginning of XX century]. *Izvestiya VUZov. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*. № 2. pp. 33-36. [in Russian]

[Mininkov, 2016](#) – *Mininkov N.A.* (2016). Issledovateli Dona Ivan Vasil'evich Timoshchenkov i Fedor Kalinich Trailin [Don researchers Ivan Vasilyevich Timoshchenkov and Fedor Kalinich Trailin]. Rostov-on-Don. P. 164. [in Russian]

[Mininkov, 2018](#) – *Mininkov N.A.* (2018). Nauchnaya shkola istochnikovedeniya, metodologii istorii i spetsial'nykh istoricheskikh distsiplin A.P. Pronshteina v IIMO YuFU [Scientific School of Source Study, Methodology of History and Special Historical Disciplines of A.P. Pronshtein in IHIR SFedU]. *Novoe proshloe*. № 1. pp. 98-119. [in Russian]

[Morozova, 2007](#) – *Morozova O.M.* (2007). «Vydayushchiysya donets»: general-maior I.S. Ul'yanov [«Outstanding Donets»: Major General I.S. Ulyanov]. *Chelovek vtorogo plana v istorii*. Issue 4. Rostov-on-Don. pp. 308-327. [in Russian]

[Morozova, 2008](#) – *Morozova O.M.* (2008). Ul'yanovy. Sem'ya donskikh kazakov za sto let [Ulyanovs. Family of Don Cossacks for a hundred years]. *Dialog so vremenem*. № 23. pp. 298-318. [in Russian]

[Morozova, 2009](#) – *Morozova O.M.* (2009). Vasilii Il'ich Denisov i drugie donskie pomeshchiki v epokhu pervykh rynochnykh reform [Vasily Ilyich Denisov and other Don landowners in the era of the first market reforms]. *Pod sen'yu Svyatogo Georgiya. Krasnodar*. pp. 173–180. [in Russian]

[Morozova, 2010](#) – *Morozova O.M.* (2010). Tsari, kazaki, krasnye komandiry... Sem' ocherkov v zhanre istoriko-psikhologicheskogo portreta [Tsars, Cossacks, Red Commanders ... Seven essays in the genre of historical and psychological portrait]. Rostov-on-don. P. 276. [in Russian]

[Morozova, 2011](#) – *Morozova O.M.* (2011). Fondy donskikh kazakov v Gosarkhive Rostovskoi oblasti [Funds of the Don Cossacks in the State Archive of the Rostov Region]. *Otechestvennye arkhivy*. № 6. pp. 41-49. [in Russian]

[Peretyatko, 2016a](#) – *Peretyatko A.Y.* (2016). Dispute about the Mius district in 1874: inviolable part of the Don Host Oblast or historical Little Russia? *Bylye Gody*, Vol. 40, Is. 2. pp. 448-456. [in Russian]

[Peretyatko, 2016b](#) – *Peretyatko A.Y.* (2016). N.I. Krasnov and his “Thoughts on being profitable for the state in the financial relation of the system of contributing irregular troops by special population groups, enjoying for this military service exemptions and privileges”. *Russkii Arkhiv*. Vol. 14. Is. 4. pp. 301–320. [in Russian]

[Peretyatko, 2016c](#) – *Peretyatko A.Y.* (2016). The dark side of the Emancipation Reform of 1861 on the Don region: the history of the resettlement of one of the peasant community according the material of atamanskaya kontselyariya. *Bylye Gody*. Vol. 39. Is. 1. pp. 137-145. [in Russian]

[Peretyat'ko, 2017](#) – *Peretyatko A.Y.* (2017). «My nenavidim vseyu siloyu nashego serdtsa rabskii proizvod, kotoryi tsarstvoval vo vsekhn chastyakh Vashego upravleniya»: o prichinakh nepopulyarnosti atamana M.I. Chertkova na Donu [«We hate with the all force of our hearts slave tyranny, which reigned in every part of your governance»: about the reasons for the unpopularity of the ataman M.I. Chertkov on the Don]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. № 48. pp. 118-127. [in Russian]

[Peretyatko, 2017b](#) – *Peretyatko A.Y.* (2017). The importance of “Thoughts on being profitable for the state in the financial relation of the system of contributing irregular troops by special population groups, enjoying for this military service exemptions and privileges” of N.I. Krasnov in the legacy of the author, and social-political life of the Don 1860. *History and Historians in the Context of the Time*. 15(1). pp. 4-22. [in Russian]

Peretyatko, 2017a – *Peretyatko A.Y.* (2016). "Before Giving to the Nation or Tribe A New Order, One Must First Ask the People of this Nation whether they Need this Order": the Local Prerequisites for the Reforms of 1860–1870 On the Don. Part I. *Bylye Gody*. Vol. 45. Is. 3. pp. 937-948. [in Russian]

Peretyat'ko, 2018a – *Peretyatko A.Y.* (2018). Razrabotka printsipov sostavleniya ofitsial'noi istorii kazachestva v Voennom ministerstve [Development of principles of the official history of the Cossacks in the War Ministry]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. Vol. 63. Issue. 2. pp. 546-571. [in Russian]

Peretyat'ko, 2018b – *Peretyatko A.Y.* (2018). Liberal protiv konservatora: protivostoyanie A.A. Donetskogo i N.A. Maslakovtsa, ego ideinye predposylki i rol' v istorii Donskogo kraya [Liberal vs. Conservative: A.A. Donetskii and N.A. Maslakovets, his ideological background and role in the history of the Don region]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. № 3. pp. 33-40. [in Russian]

Skorik, 2014 – *Skorik A.P.* (2014). Problemy i protivorechiya traditsionnogo byta donskikh kazakov na rubezhe XIX-XX vv. (o rezul'tatakh raboty komissii N. A. Maslakovtsa) [Problems and contradictions of traditional life of don Cossacks in the XIX-XX centuries (based on the results of the work of the Commission of N.A. Maslakovets)]. Modernization of the polyethnic macroregion and neighboring countries: experience, problems, scenarios of development. Rostov-on-Don. pp. 268-273. [in Russian]

Stetskevich, 1959 – *Stetskevich M.Ya.* (1959) Materialy po sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Rossii v 1890-1917 gg. v otdele rukopisei Gosudarstvennoi publichnoi biblioteki im. M.E. Saltykova-Shchedrina [Materials on the socio-economic history of Russia in 1890-1917 in the Department of manuscripts of the State public library of M. E. Saltykov-Shchedrin]. Iz istorii imperializma v Rossii: trudy Leningradskogo otdeleniya Instituta istorii Akademii nauk SSSR. Vol. 1. M.; L. pp. 434-444. [in Russian]

Tikidzh'jan, 1998 – *Tikidzh'jan R.G.* (2018). Vojskovej nakaznoj ataman, knjaz' N.I. Svjatopolk–Mirskij (1881–1898) [Vojskovoy ataman Prince N.I. Svyatopolk–Mirsky (1881-1898)]. Don vremennik. [Electronic resource]. URL: http://donvrem.dspl.ru/Files/article/m3/o/art.aspx?art_id=97 (reference date: 27.02.2017) [in Russian]

Tikidzh'jan, 2013 – *Tikidzh'jan R.G.* (2013). Donskoe kazachestvo v konce XIX – nachale XX veka. Istoricheskij portret [Don Cossacks in late XIX – early XX century. A historical portrait]. Saarbrücken. P. 228. [in Russian]

Volvenko, 2007 – *Volvenko A.A.* (2007). Dva podhoda k raschetam stoimosti donskogo kazachestva dlja Rossijskoj imperii v 60–70 gg. XIX veka [Two approaches to the calculation of the cost of the Don Cossacks to the Russian Empire in 60-70th of XIX century]. *Aktual'nye problemy sotsial'noi istorii. Sbornik nauchnykh statei*. Vol. 8. Novocheerkassk; Rostov-on-Don. pp. 47-56. [in Russian]

Volvenko, 2015a – *Volvenko A.A.* (2015). Chebotarev A.P. – "the Grey Cardinal" of Cossack Reforms of the Epoch of Liberation? *History and Historians in the Context of the Time*. 2015. Vol. 15. Is. 2. pp. 106-114. [in Russian]

Volvenko, 2015b – *Volvenko A.A.* (2015). Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I. *Russkaya Starina*. Vol.13. Is. 1. pp. 19-37. [in Russian]

Volvenko, 2015c – *Volvenko A.A.* (2015). Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II. *Russkaya Starina*. Vol.14. Is. 2. pp. 94-107. [in Russian]

Volvenko, 2016 – *Volvenko, A.A.* (2016). «Svedeniya o poseshchenii v 1837 G. Voiska Donskogo blazhennoi pamyati Imperatorom Nikolaem I I naslednikom tsesarevichem, nyne tsarstvuyushchim gosudarem imperatorom» zapiska A.P. Chebotareva [«Details of the Visit of Blessed Memory Emperor Nicholas I and of Tsesarevich and Heir Apparent, Nowadays Reigning Sovereign Emperor, to the Don Cossack Host in 1837»: A Note of A.P. Chebotaryov]. *Vestnik arkhivista*. № 3. pp. 121-134. [in Russian]

Volvenko, 2016a – *Volvenko A.A.* (2016). D.A. Milyutin and Cossacks. *Bylye Gody*. Vol. 40. Is. 2. pp. 398-411. [in Russian]

Volvenko, 2016b – *Volvenko A.A.* (2016). Ivan Krasnov about “the Cossack nationality” and “the Don patriotism” (Based on Periodicals of the 1860s). *Russkaya Starina*, Vol. (17), Is. 1. pp. 33-40. [in Russian]

Volvenko, 2017 – *Volvenko A.A.* (2017). Don Atamans of the Age of “Great Reforms” (the 1860s – 1870s). *Russkaya Starina*, 8(1). pp. 34-54. [in Russian]

Volvenko, 2017 – *Volvenko, A.A.* (2017). Ocherki po istorii donskogo kazachestva v pozdneimperskij period (II pol. XIX – nach. XX vv.) [Essays about the history of the Don Cossacks in the late imperial period (II half XIX – beginning of XX centuries)]. Rostov-on-Don. P. 226. [in Russian]

Yurchenko, 2018 – *Yurchenko Yu.I.* (2018). Noveishaya istoriografiya kazachestva: statistika nauchnykh statei v RINTs za 2017 g. [The latest historiography of the Cossacks: statistics of scientific articles in RSCI for 2017]. *Vestnik Nauchno-metodicheskogo soveta po prirodoobustroistvu i vodopol'zovaniyu*. № 11 (11). pp. 151-159. [in Russian]

Биографические исследования в современной историографии донского казачества второй половины XIX в. Часть 1

Горан Райович ^{a, b, *}, Евгений Федорович Кринко ^c, Алла Геннадьевна Вазерова ^d,
Милица Трайлович ^e

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

^d Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Российская Федерация

^e Университет г. Женева, Швейцария

Аннотация. В последние годы исследователями был создан целый ряд биографических работ, посвященных деятелям донского казачества второй половины XIX в. Мы подготовили их обзор, чтобы эти исследования, представляющие собой интересное и многообещающее новое направление в современной историографии, не смешались с другими, крайне многочисленными научными статьями казачьей тематики. Одновременно мы пытались определить, какие персоналии в истории пореформенного Дона относительно изучены, а какие, напротив, оставляют место дальнейшим исследованиям. Наконец, отдельное внимание мы уделили вопросу о том, какие подходы применяют различные историки, и с чем связан интерес к личностному фактору в истории донского казачества второй половины XIX в., проявившийся в последние годы.

Результатами нашего исследования являются следующие выводы: большая часть персоналий выбирается историками для изучения исходя не из их реальной значимости, но из объема сохранившихся архивных материалов, и в итоге выбор этих персоналий достаточно случаен (единственной относительно проработанной категорией являются донские атаманы); большая часть статей написана несколькими историками, пытающимися уйти от обезличенности в восприятии правительственной политики этого периода; несмотря на это, большая часть работ написана в 2010 гг., что позволяет говорить о реальных изменениях в современной донской историографии.

Ключевые слова: современная историография, биографические исследования, донское казачество второй половины XIX в., военные министры Российской империи, военное чиновничество на Дону, донские ученые.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dkgoran.rajovic@gmail.com (Г. Райович), history@pguas.ru (А.Г. Вазерова)

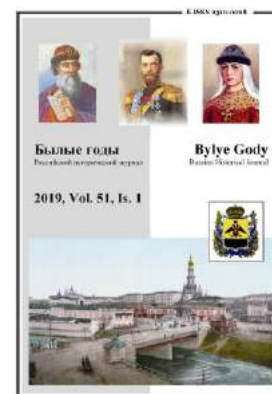
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 51. Is. 1. pp. 219-230. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.1.219
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Marital Relationships Among Orenburg Aristocracy during the Post-Reform Period (Behavioral and Mental Components)

Elena V. Burlutskaya (Bannikova) ^{a, *}

^a Federal State Educational Institution of Higher Education Orenburg State Pedagogical University, Russian Federation

Abstract

The article provides an analysis of relationships between spouses in the families of noblewomen living in the towns of the Orenburg region during the post-reform era within the framework of history of everyday life. The objects of this study are behavioral and mental components of women's daily family life, i.e., the actions and consciousness of noblewomen related to the sphere of marital relations. Sources used in this study allow us to argue that by the second half of the 19th – early 20th century intrafamily relations had significantly transformed as a result of the overall modernization of Russian society. Women began to proclaim their personal interests more often, both openly and in indirect manner, showing more and more freedom of behavior within the family. The number of unmarried women increased.

In the towns of the Orenburg province these processes had some distinct traits due to the non-standard composition of the urban nobility. Those nobles usually came from another province or even another country; they moved to this region only for the period of their service and did not plan to use the Orenburg province as a place of their permanent residence. This significantly reduced the level of social control and led to greater freedom of morals, especially in the upper strata of the nobility. Noblewomen of the middle strata were more inclined to preserve the traditional family, and were not against unequal marriages. However, a significant difference in the number of noblemen and noblewomen in the Orenburg province, as well as a high level of education of local noblewomen significantly reduced the total number of marriages.

Keywords: province, daily life, women, noblewomen, family, marriage.

1. Введение

Обращение к обстоятельствам семейной сферы повседневной жизни различных категорий населения Российской империи в настоящий момент представляет собой одно из наиболее популярных направлений исследований в рамках социальной истории, истории повседневности, исторической психологии. Интерес к частной истории, возникший в России относительно недавно, около полувека назад, вызван, во-первых, изменением парадигмы исторического научного знания, для которого теперь история малого и история великого стали почти равнозначными понятиями. Во-вторых, все большее число россиян стремится выяснить историю жизни своих предков, открывая домашние архивы, обращаясь к воспоминаниям старших родственников. А эти источники, как правило, дают материал, связанный именно с семейными взаимоотношениями и семейным бытом.

В рамках различных российских регионов поднятая научная проблема уже становилась предметом научного исследования (Гончаров, 2002; 2014), что позволяет осуществлять сравнительный анализ семейной повседневности дворян различных губерний Российской империи. Даже в Оренбуржье усадебная жизнь дворян была изучена и получила освещение на страницах монографии Е.В. Мишаниной (Мишанина, 2017). В то же время частная жизнь дворян в городах

* Corresponding author

E-mail addresses: ida777@yandex.ru (E.V. Burlutskaya (Bannikova))

Оренбургской губернии пока еще остается неисследованной сферой. Главной причиной такого положения дел, вероятнее всего, является малое число дворян, проживающих в губернском и уездных центрах региона, и отсутствие каких-либо нарративов, авторами которых были бы оренбургские городские чиновники и офицеры.

Тем не менее, обширный комплекс других источников вполне позволяет обратиться к изучению семейной жизни женщин дворянского сословия в пореформенную эпоху. Решению указанной научной задачи и будет посвящена данная статья.

2. Материалы и методы

Информация о семьях оренбургских дворянок содержится в источниках разного плана. Это и статистические материалы (ПВПН РИ, 1905), и сообщения современников (Чернов, 2007; Залесов, 1903), и архивные документы, представленные метрическими книгами (ГАОО. Ф. 173. Оп. 16) и бракоразводными делами из фонда Оренбургской духовной консистории (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5). К источникам можно также отнести произведения художественной литературы, написанные в исследуемый период (Плещеев, 1960), поскольку освоение действительности через художественный образ позволяет глубже проникнуть в те сферы повседневности, которые малодоступны через иные способы познания. Речь идет, прежде всего, о ментальности, которая понимается как своеобразие проявления группового сознания. Современные историки считают литературные произведения одним из важных видов исторических источников, во многом достоверно отражавших реалии повседневной жизни общества, современного автору произведения (Рябова, 2015).

Комплексное изучение источников, сбор научных фактов, составление первичной картины семейной жизни дворянок Оренбургской губернии были осуществлены на основе агрегативного метода в сочетании с методом казуальным, предполагающим детальное рассмотрение отдельных, нетипичных явлений в поведении и психологии оренбургских аристократок. Был задействован статистический метод, позволяющий дать количественный анализ различных показателей жизни дворянской семьи. Проведение анализа совокупности выявленных исторических фактов, выяснение причин тенденций и явлений, наблюдающихся в семейной повседневности оренбургских дворянок, потребовало обращения к принципу исторического объективизма.

Научная обработка названных документов в рамках статьи была осуществлена на основе процессуальной концепции повседневности, разработанной в начале 2010-х гг. (Банникова, 2014). Согласно этому взгляду на повседневность, семейная ее сфера представляет одну из трех составляющих повседневной жизни (трудовая, семейная, досуговая) и выражается через бытовую, поведенческий и ментальный ее компоненты. Бытовой компонент семейной повседневности дворянок в городах Оренбургской губернии может стать самостоятельной темой для изучения, поскольку архитектура дворянских усадеб, их интерьеры, предметы утилитарного использования дают прекрасные характеристики своим владельцам. Однако дворянский быт, очевидно, был примерно одинаков во всех российских губерниях, поскольку ориентировался на господствовавшие представления о моде и красоте, идущие из столиц. В рамках же данной статьи основное внимание было уделено поведению и психологии оренбургских аристократок в семейной сфере повседневности, как представляется, максимально полно выражающим специфику дворянского сословия провинциальной Оренбургской губернии в пореформенный период.

3. Обсуждение

Проблематика статьи находится в рамках так называемой истории женской повседневности, которая оформилась в самостоятельное направление первоначально в западной историографии в середине XX в. В российской исторической парадигме история повседневности стала предметом специального анализа лишь на рубеже XX–XXI вв., однако она по-прежнему остается не вполне институционализированной областью исследований. Именно поэтому исследований, посвященных повседневным семейным практикам женщин-дворянок, в рамках отечественной историографии было создано немного.

Большая часть работ при этом была посвящена дворянству XVIII – первой половины XIX вв., находившемуся в эту эпоху в состоянии расцвета. Отмена крепостного права и последовавшие за ним кризисные явления в экономическом и социальном положении дворянского сословия несколько снижают интерес исследователей к указанным проблемам.

Тем не менее, различные аспекты семейной жизни дворянства второй половины XIX – начала XX вв. в настоящее время активно осваиваются научным сообществом. По мнению Е.А. Пашковой, «общее направление, в котором происходило развитие дворянской семьи в пореформенный период, шло в сторону либерализма и гуманизации внутрисемейных отношений» (Пашкова, 2002: 112).

Этот вывод подтверждается и в фундаментальном исследовании Б.Н. Миронова, посвященном социальной истории Российской империи. Автор утверждал, что трансформирующийся «менталитет образованного русского общества оказывал положительное влияние на демократизацию отношений в семье, на превращение патриархальных семей в эгалитарные, в которых отношения между супругами строятся на основе равенства» (Миронов, 2003: 263).

Среди десятков различных публикаций следует выделить работы В.А. Веременко. Она подчеркивает, что исследуемый период представляет собой эпоху «кардинального изменения структуры российского общества. Патриархальные традиции уходили как из сферы межсословных отношений, так и из межличностных внутрисемейных связей» (Веременко, 2017: 180). В монографии «Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX – начало XX вв.)» (Веременко, 2009) В.А. Веременко проанализировала изменения, произошедшие в дворянской семье в условиях модернизации, выделила этапы ее эволюции. По мнению автора, на рубеже XIX–XX вв. дворянская семья переживала кризис, проявлениями которого стали разъезды супругов, постоянно увеличивающееся число разводов, конфликты отцов и детей в законных семьях и рост числа незаконнорожденных детей.

Государственная политика в сфере дворянской семьи сочетала в себе детальную регламентацию имущественной сферы семейной жизни и предельно общее, построенное не на правовых, а на моральных принципах, определение взаимных прав членов семьи, опору на неписанные обычаи и применение практики нарушения закона в форме монаршей милости.

Из публикаций А.В. Беловой следует, что женские взгляды на брак, семью и другие бытовые вопросы отличались крайним разнообразием реакций, часто выходявших за рамки нормативных и поведенческих стереотипов. Как отмечает автор, при «меньшем динамизме, большей размерности и консерватизме провинциальной повседневности некоторые социокультурные условности, накладывавшие ограничения на индивидуальные самопроявления дворянок, отменялись в ней гораздо легче, чем в условиях неукоснительного соблюдения норм столичного этикета» (Белова, 2007: 9–10).

В статье С.С. Селиверстова также утверждалось, что повседневная жизнь дворянина «во многом зависела от его социального статуса и выполняемых им служебных обязанностей» (Селиверстов, 2009: 134), то есть отличалась существенным разнообразием.

Таким образом, практически все современные авторы сходятся во мнении, что дворянство было той социальной группой, в которой модернизация внутрисемейных отношений в пореформенный период проявила себя наиболее ярко. В зависимости от столичности или провинциальности региона, его исконности или новизны в составе империи семейная повседневность дворян различных губерний могла разительно отличаться. Поскольку на материалах Оренбургской губернии подобных исследований еще не проводилось, анализ семейной составляющей повседневной жизни дворянок, проживающих в городах региона, представляется научнообоснованным, актуальным и современным.

4. Результаты

По данным Переписи 1897 г. в Оренбургской губернии в составе городского населения дворяне насчитывали 5,56 %, представляя третью по численности сословную группу после мещан (60 %) и крестьян (23,91 %) (ПВПН РИ, 1905: XII). В городских центрах региона процент дворян был не одинаков, варьируясь от 8,04 % в Оренбурге до 0,6 % в Илецкой Защите.

К 1897 г. Оренбург по своей дворянской составляющей населения был похож на столичный Санкт-Петербург, в котором дворянство составляло в 1900 г. 8,1% жителей (Рашин, 1956: 129). Среднероссийский показатель, демонстрирующий процент дворянства в городском населении, согласно данным А.Г. Рашина, составлял в 1897 г. 6,2 % (Рашин, 1956: 122). В Оренбурге процент дворянского населения превосходил этот показатель, что объяснялось значительным присутствием здесь воинского контингента. Челябинск по этому параметру вполне соответствовал среднероссийской норме, а вот другие города Оренбургской губернии сосредотачивали в себе значительно меньшее число дворян.

Почти 45 % дворянок, проживавших в городах Оренбургской губернии, были рождены за ее пределами. Это были жены или дочери офицеров либо чиновников, приехавшие вместе с мужьями и родителями к месту их службы. Так, например, в Оренбурге иногубернское происхождение имели 1 281 дворянок (42 % от общего числа дворянок в городе), в Челябинске – 408 (66 %), в Троицке – 171 (40 %), в Орске – 35 (39 %), в Верхнеуральске – 66 (30,5 %) и в Илецкой Защите – 17 (39,5 %) (ПВПН РИ, 1905: 22–23). Разница мест рождения усугубляла и без того ощутимую пестроту местной аристократии, о которой писали оренбургские авторы. Как подмечал Ф.И. Лобысевич, ротация чиновничества происходила в городе непрерывно, «так что Оренбург прозван весьма верно почтовой станцией; дворянства местного почти нет, или, по крайней мере, оно здесь не играет никакой роли ...» (Лобысевич, 1878: 21).

Таблица 1. Дворянство городов Оренбургской губернии во второй половине XIX века (ПВПН РИ, 1905: 26)

Сословия	Сословия, проживающие в городах	Города губернии						Всего в городах губернии (человек)
		Оренбург	Орск	Челябинск	Троицк	Верхнеуральск	Илецкая Защита	
Дворянство (личное и потомственное)	Дворянок	3 045	90	616	422	216	43	8 483 (5,56 % горожан)
	Всего человек обоего пола	5 821	166	1 224	838	367	67	
	% от дворян губернии	68,62	1,96	14,43	9,88	4,33	0,78	
	% от жителей города	8,04	1,18	6,12	3,60	3,31	0,6	

Отсутствие сплоченного сообщества городских старожилов «от аристократии» приводило к тому, что нравы в городской верхушке царили самые что ни на есть свободные. Н.Г. Залесов в своих «Записках», рассказывая о жизни высшего общества при губернаторе В.А. Перовском, писал, что «большинство хорошеньких дам высшего оренбургского общества ... веселились до упаду на балах Перовского, дома жили привольно, благодаря его же милостям и в силу этого и прекрасной его наружности только и хлопотали о том, чтобы сойтись с ним поближе. К сожалению, желающих было много, а избранных мало, и потому многие удовлетворились тем, что отдали свои симпатии кому-либо из близких Перовскому лиц из той блестящей толпы светской молодежи, которую привез он с собой из Петербурга». В результате к моменту появления в Оренбургской губернии следующего губернатора Обручева, «половина молодых дам из высшего круга уже была замешана в разных интригах» (Залесов, 1903: 282).

В статье «Оренбургское высшее общество глазами писателя. Повесть А.Н. Плещеева "Пашинцев" как источник по истории женской провинциальной повседневности» (Бурлуцкая, 2018: 237–238) было подробно рассказано о похождениях оренбургских аристократок. По версии современников, во время первого губернаторства В.А. Перовского (1833–1842 гг.) к нему в Оренбург приехала баронесса Зальц, оставившая в Петербурге мужа, важного сановника. Через некоторое время она родила мальчика, которого В.А. Перовский назвал Алексеем и воспитывал как своего приемного сына. Во время второго губернаторства Василия Алексеевича (1851–1857 гг.) «привлечь к себе Перовского» сумела Анна Осиповна Жидкова, жена адъютанта наказного атамана Оренбургского казачьего войска. Однако Жидков, переведенный адъютантом к Перовскому и быстро пошедший по служебной лестнице, в итоге разошелся с женой, возвратил ей приданое и уехал в Петербург. Оренбургский генерал-губернатор А.П. Безак (1860–1864 гг.) состоял в близких отношениях с женой управляющего винным откупом Ромер, а до этого – с женой уездного предводителя дворянства Виталия Станиславовича Циолковского.

Плещеев утверждал, что добродетелью среди женщин, принадлежавших к высшим аристократическим кругам города и губернии, отличались лишь те, кто не мог похвастаться особой красотой: «Вон его половина; белобрысая, с буклями. Тоже, говорят, добродетельная: да кто же с этакою рожей добродетелен не будет. Рада-радешенька, чай, что мужа сыскала» (Плещеев, 1960: 561). В результате «большая часть молодых замужних женщин высшего круга, имевших хотя тень красоты, вела довольно свободную жизнь» (Залесов, 1903: 282).

Причинами подобной вольности могли служить различные обстоятельства. Мужья часто были вынуждены покидать своих супруг по делам службы, предоставляя их самим себе. А значит, женщины начинали искать себе внимания и чувств на стороне. Или большая разница в возрасте между мужем и женой создавала ситуацию, когда молодая женщина развлекалась, пока ее муж мирно отдыхал дома. Так, А. Плещеев, рассказывал о Софье Михайловне, жене отставного ротмистра, который «принадлежал к числу самых снисходительных и добрых мужей. Он предоставлял жене полнейшую свободу действий и даже был очень доволен, что у нее столько поклонников. Сам же он проводил все вечера свои в клубе за картами, играя, впрочем, по маленькой, потому что приехал в Ухабинск для поправления своих обстоятельств, сильно порасстроенных поездкой с молодою женой за границу и зимой, проведенной в вихре петербургских удовольствий. Он ожидал места, которое

должно было скоро открыться, и надеялся, что, просидев на этом месте годика три–четыре, будет опять в состоянии катнуть если не в чужие края, так в Петербург» (Плещеев, 1960: 617).

Несмотря на существующую свободу нравов, официально разведенных дворянок в губернии, по данным переписи 1897 г., насчитывалось всего 3, и все они проживали в Оренбурге (ПВПН РИ, 1905: 52). Как писал Плещеев, в Оренбурге-Ухабинске, «если и пошаливали, то келейно, семейным образом» (Плещеев, 1960: 618). Но иногда разногласия между супругами требовали вмешательства Духовной консистории и официального развода.

Причины для развода в дворянских семьях могли быть совершенно различными. Так, например, в фонде Оренбургской духовной консистории Государственного архива Оренбургской области сохранилось дело «О расторжении брака дворянки Евгении Александровны Шотт с мужем Ипполитом Львовичем» (1915 г.). Согласно материалам дела, потомственная дворянка Е.А. Шотт (дочь действительного статского советника Александра Станиславовича Старнавского) обвиняла мужа в том, что последние три года их супружеской жизни Ипполит Львович Шотт (потомственный дворянин, сын действительного статского советника), с которым они обвенчались в Варшаве 15 июня 1907 года, «стал нарушать святость брака прелюбодеяниями с другими женщинами; наконец два года тому сошелся с одной женщиною, живет с нею в одном помещении; женщина эта родила от него ребенка» (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10484. Л. 1). На момент расторжения первого для обоих супругов брака Ипполиту Львовичу исполнилось 32 года, а Евгении Александровне – 25 лет. Общих детей у супругов Шотт не было.

Шотты представляли высшую иерархию дворянства Оренбургской губернии. С середины XIX века чин действительного статского советника входил в высшую группу чиновничества, которая определяла основное направление государственной политики. Отец И.Л. Шотта, Лев Ипполитович, служил оренбургским губернским предводителем дворянства, в 1906–1907 гг. был членом Государственного совета.

Сам Ипполит Львович утверждал, что в семейном разладе виноват не он, а супруга. Как утверждал И.Л. Шотт, «более трех лет тому назад у нас с женой начались семейные несогласия и недоразумения, а затем жена моя Евгения уехала учиться на высшие курсы, а я сошелся с другою женщиною, с которой и начал сожительствовать; теперь от этой женщины я имею ребенка, которого и воспитываю» (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10484. Л. 12). Женщиной этой была «девица Екатерина Федоровна Лотко», действительно родившая в сентябре 1913 г. Ипполиту Львовичу сына Льва.

Такие «свободные» браки во второй половине XIX в. были частым явлением в дворянской среде. По словам Е.А. Пашковой, их существование «было санкционировано обществом и оценивалось такими мемуаристами, как Е.А. Штакеншнейдер, Н.В. Шелгунов и др. с большим пафосом» (Пашкова, 2002: 113). Проживали Ипполит Львович и Екатерина Федоровна в г. Сухуме «на горе Чернявского в собственном доме» (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10484. Л. 33 об., 78), в одном из самых красивых аристократичных районов старого Сухума, где располагались виллы и дачи купцов, художников, представителей интеллигенции. Законная же супруга Ипполита Львовича, Екатерина Александровна в это же время жила в Москве на Старо-Монетной улице (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10484. Л. 1).

По итогам судебного разбирательства брак был расторгнут. Евгении Александровне было разрешено вступить в новый брак «беспрепятственно», а на Ипполита Львовича была наложена 7-летняя епитимья, после исполнения которой он также мог вступить в новый брак (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10484. Л. 53 об.). Решение Консистории противоречило нормам статьи 253 Устава духовных консисторий, согласно которому супруг, уличенный в «нарушении святости брака прелюбодеянием», осуждался на «всегдашнее безбрачие» (Устав, 1883: 93). На исход дела явно повлиял статус ответчика и его вероятные связи в высших властных кругах.

О широком распространении незаконных «гражданских» браков писал в своих воспоминаниях Л.Ф. Пантелеев: «Еще до моей ссылки ... мне пришлось столкнуться с расстройством первоначального брака и новой комбинацией на принципе гражданских отношений. Но насколько широко это явление развернулось за время моего пребывания в Сибири! Мой товарищ разошелся с своей первой женой и сожительствовал с особой, которая в свою очередь покинула своего прежнего мужа. За обедом, однако, присутствовала и прежняя жена моего товарища вместе со своим новым мужем, из чего можно было заключать, что расхождение и новые комбинации состоялись без острых воспоминаний с обеих сторон» (Пантелеев, 1958: 625).

Совершенно по-иному складывались супружеские отношения в ситуации взаимных претензий мужа и жены. Так, в ГАОО сохранилось дело о расторжении брака штабс-капитана 92 резервного пехотного кадрового батальона Константина Августиновича Генисаретского. 15 февраля 1880 г. Константин Августинович в возрасте 24 лет вступил в брак с дочерью надворного советника, секретаря Саратовского городского полицейского управления Александра Сергеевича Смирнова Манефой 17-ти лет (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 8815. Л. 6, 10 об.).

Следует сразу подчеркнуть, что установленные законом правила вступления в брак лиц, служащих по военному ведомству, оговаривались особо в Своде военных постановлений 1869 г. В соответствии со статьей 254 Свода офицеры для вступления в брак должны были получить разрешение своего командира, который был «обязан рассматривать и окончательно решать вопрос о

пристойности брака». Для «пристойности» требовалось, чтобы «невеста была доброй нравственности и благовоспитанна. Кроме того, при разрешении брака должно быть принято во внимание общественное положение невесты» (Свод, 1907: 224).

Для получения права на вступление в брак офицер должен был иметь не менее 23 лет от роду, а те, кто еще не достиг 28-летнего возраста, могли жениться только «при представлении имущественного обозначения» (ст. 256) в виде недвижимости, приносящей 300 руб. годового дохода, или банковского вклада в 5000 р. (ст. 257) (Свод, 1907: 224). Следовательно, вступивший в брак в возрасте 24-х лет К.А. Генисаретский был человеком не бедным.

Как писал сам Генисаретский, «я ее [жену – Е.Б.] лелеял, хранил и делил с ней свой трудовой кусок хлеба, она же, Манефа Александровна, всем этим пренебрегла, сменив меня на более зажиточного» (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 8815. Л. 22 об.). Таким образом, постоянные отлучки мужа по делам службы и отсутствие свободных денег привели его супругу к идее отдельного проживания, в чем, по-видимому, ее поддержали и родители.

Примерно через год после свадьбы Манефа Александровна «стала уклоняться ... от семейной и супружеской жизни», изыскивая средства, чтобы разойтись с мужем и жить самостоятельно. В Саратове, где проживали на тот момент супруги, Манефа Александровна сошлась с «не имеющим чина дворянином Алексеем Сергеевичем Колесниковым, впоследствии бывшим в г. Аткарске нотариусом, бросившим в свою очередь жену свою в г. Саратове на произвол судьбы». Сам Колесников при этом откровенно признавался Генисаретскому: «Я люблю вашу жену, уступите мне ее» (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 8815. Л. 30 об.).

Тесть и теща Генисаретского заявляли ему, что с женой они не сошлись характерами, просили оставить ее в покое: «... Она полюбила другого, ты ее не любишь, и с тобою ей трудно жить; средств у тебя нет, пройдет некоторое время – найдешь себе подругу жизни и успокоишься» (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 8815. Л. 30 об.). В итоге Манефа Александровна с Колесниковым стали жить открыто, «предварительно с помощью и по проискам отца своего заручившись от меня [К.А. Генисаретского – Е.Б.] письменным согласием на свободное проживание во всех городах России» (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 8815. Л. 3–3 об.).

Как пишет в своей монографии Б.Н. Миронов, в 1860 г. было принято дополнение к статье 103 Свода законов об обязательном совместном проживании супругов, дававшее право женщинам без развода уклоняться от совместного жительства. Такая возможность появлялась у женщин, чьи мужья были приговорены к ссылке, отличались жестоким обращением с женой или «развратным поведением» (Миронов, 2003: 254). Для получения согласия Алексея Сергеевича на свободное проживание супруги брату Манефы Александровны, Аристарху, даже пришлось инсценировать факт супружеской измены, заманив Генисаретского в гостиницу «Г. Деттерер» и устроив там его «свидание» с проституткой, которое было прервано вторжением тестя и полицейского чиновника. В письме Генисаретского, выданном жене, сообщалось, что «по сложившимся обстоятельствам» он «недостойн своей жены и, сознавая себя виноватым пред нею», дает ей «полную свободу и иск на расторжение брака с правом за ней» (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 8815. Л. 31).

19 августа 1883 г. в г. Орле Манефа Александровна родила сына Николая (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 8815. Л. 3–3 об.). Ее родственники восприняли это обстоятельство спокойно и даже принимали женщину с ребенком у себя во время ее визитов в Саратов (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 8815. Л. 6). В Оренбурге Манефа Александровна и А.С. Колесников жили «на Цейхгаузной улице в доме Левиных». Колесников служил делопроизводителем Губернского правления (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 8815. Л. 28 об.).

На требование супруга вернуть ему выданную бумагу Манефа Александровна отвечала отказом, как она объясняла, «во-первых, потому что документ этот служит мне как единственное удостоверение о моей личности, во-вторых, он необходим мне для снискания себе средств к жизни, так как я, не имея никакого имущества, приносящего доход, содержу себя единственно личным трудом» (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 8815. Л. 8–8 об.).

В 1891 г. Манефа Александровна обратилась в Консistorию со встречным иском, обвиняя своего мужа в прелюбодейной связи с «дочерью поручика Евгенией Константиновной Смердовой, чему выставляла свидетелей и указывала, что вследствие связи Смердовой и ее мужа Смердова в 1888 г. родила дочь Надежду» (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 8815. Л. 316 об.). Решением Оренбургской духовной консистории супруги Генисаретские как совершившие обоюдное прелюбодеяние были оба преданы семилетней епитимии и оставлены в брачном союзе (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 8815. Л. 324 об.).

В разводе же оренбургского адвоката Евсевия Марковича Городисского с женой Евдокией Захаровной был виноват исключительно сам супруг. Как показывали в бракоразводных документах супруги Городисские, «несчастная встреча в лето 1897 года одного из нас, Евсевия Городисского, в вокзале Белова [знаменитом в Оренбурге ресторане на набережной Урала – Е.Б.] с хористкой Пелагеей Яковлевной Смирновой, с которой он вступил в связь, оказала роковое влияние на нашу дальнейшую семейную жизнь. Небольшие семейные раздоры, к сожалению, происходящие во многих семействах, приняли после этого более острый характер. Смирнова сумела его взять в руки, своими изменами разжигая в нем чувство ревности. Я, Евдокия Городисская, несколько раз покидала свой

дом, а я, Евсевий Городисский, в это время окончательно устраивался вместе со Смирновой в одном доме» (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 9351. Л. 3).

9 ноября 1906 г. Городисские подписали прошение в Оренбургскую духовную консисторию о нежелании продолжать совместную жизнь (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 9351. Л. 3 об.). Евсевию Марковичу на тот момент исполнилось 38 лет, «разлучнице» П. Я. Смирновой – 30. Возраст жены установить не удалось. Ситуация в этой семье была немного нестандартной, потому что Евсевий Маркович в 1894 г. был крещен в православие (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 9351. Л. 2 об.), а его супруга сохранила иудейское вероисповедание. При крещении Евсевия Марковича обоими супругами были даны расписки о сохранении их брака и о том, что рождаемые в браке дети будут крещены по православному обряду, как того требовало законодательство. Евдокия Захаровна показывала, что она «давно имела намерение принять православие, но препятствием к этому сначала служило опасение огорчить старуху мать, ныне уже умершую», а впоследствии из-за связи мужа со Смирновой, «нежелание этим актом как бы ... закрепить сильнее брачные узы» (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 9351. Л. 4–4 об.).

Несмотря на имеющуюся расписку, Оренбургская духовная консистория, не проведя никаких бесед с Городисскими, не пытаясь примирить супругов, 11 ноября 1906 г. просто признала брак расторгнутым с разрешением Евсевию Марковичу вступить в новый брак «с лицом христианского вероисповедания, о чем последовал указ причту Градо-Оренбургской Иоанно-Богословской церкви, где на другой день произошло венчание Евсевия Городисского с вышеуказанной девицей Пелагеей Яковлевной Смирновой. Все сделано было с крайней поспешностью, так сказать, очертя голову!» (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 9351. Л. 4).

Такая поспешность не могла не повлечь за собой печальных последствий. В апреле 1910 г. Оренбургская духовная консистория приступила к разбирательству по делу о расторжении брака теперь уже новой жены присяжного поверенного Пелагеи Яковлевны Городисской с мужем Евсевию Марковичем «по его прелюбодеянию» (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10223). В ходе судебного разбирательства факт прелюбодеяния Городисского подтвержден свидетелями не был, и в иске Пелагее Яковлевне было отказано «по недоказанности» преступления (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10223. Л. 36 об.).

Если высшее дворянство городов Оренбургской губернии ориентировалось на жизнь столицы, рядовое дворянство вело жизнь, во многом схожую с существованием мещанства или купечества. В этой среде дольше сохранялись традиционные семейные устои, а требования к заключению официального брака носили обязательный характер.

В сохранившихся метрических книгах оренбургских Петропавловской и Троицкой церквей за 1870–1871 гг. содержится информация о браках, заключенных в ней оренбургскими дворянами. Ориентируясь на Табель о рангах и российское законодательство, удалось определить, что на личное дворянство во второй половине XIX в. имели право гражданские чиновники, дослужившиеся до 9 чина (титулярного советника) и выше (коллежские асессоры 8-го чина, надворные советники 7-го чина). В Таблице 2 представлены дочери гражданских чиновников, поскольку на их примерах легче прослеживаются тенденции, существующие в брачном поведении оренбургского дворянства.

Судя по имеющимся данным, в Оренбурге дворяне не слишком заботились о сохранении социального статуса своих дочерей. Девушек чаще всего отдавали замуж за носителей более низких социальных статусов, в том числе за крестьян и солдат. Так, из 9 брачных пар, перечисленных в таблице, в 8 парах отцы невест находились в более высоком статусе, нежели их мужья, а в 1 паре статус отца и мужа был одинаков.

Таблица 2. Сведения о бракосочетании представительниц дворянского сословия по метрическим книгам Петропавловской и Троицкой церквей Оренбурга, 1870–1871 гг.

№	Сведения о невесте/ возраст невесты	Сведения о женихе/ возраст жениха
Петропавловская церковь. 1870 год (ГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 39)		
1	Дочь юнкерского чиновника Оренбургской инженерной дистанции, титулярного советника Петрова девица Татьяна Григорьевна. Возраст – 17 лет. (Л. 47–48)	Аудитор Окружного штаба, коллежский асессор Лука Захарьевич Александров. Возраст – 35 лет.
2	Дочь умершего коллежского асессора Ходаровича девица Людмила Гвидановна. Возраст – 15,5 лет. (Л. 130 об.–131)	Корпуса военных топографов подпоручик Гавриил Егорович Родионов. Возраст – 28 лет.
3	Дочь титулярного советника Ивана Колоднова девица Елизавета. Возраст – 17 лет. (Л. 132 об.–133)	Аудитор Комиссии военного суда, коллежский секретарь Василий Яковлев. Вторым браком. Возраст – 33 года.

Троицкая церковь. 1870 год (ГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 41)		
4	Титулярного советника дочь, девица Анастасия Алексеевна Сероева. Возраст – 33 года. (Л. 77 об.–78)	Уфимской губернии новокрещенный из татар дворянин Алексей Алексеевич Еникеев. Возраст – 26 лет.
Троицкая церковь. 1871 год (ГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 67)		
5	Надворного советника Василия Тимофеевича Сахарова, дочь девица Юлия. Возраст – 19 лет. (Л. 136 об.–137)	Младший помощник правительственной канцелярии губернатора коллежский регистратор Александр Михайлович Пустовалов. Возраст – 28,5 лет.
6	Неслужащего дворянина Николая Кузьмича Павлова, дочь девица Мария. Возраст – 18 лет. (Л. 136 об.–137)	Отставного рядового сын Василий Семенович Макаров. Возраст – 27 лет.
7	Неслужащего дворянина Николая Павлова дочь девица Татьяна. Возраст – 17 лет. (Л. 145 об.–146)	Неслужащего дворянина Евфимия Григорьевца Емаева сын Стефан Евфимиев. Возраст – 28 лет.
8	Неслужащего дворянина дочь девица Мария Федорова Никонова. Возраст – 22 года. (Л. 146 об.–147)	Симбирской губернии город Ардатова крестьянин собственник Яков Герасимов Абызов. Брак второй. Возраст – 36 лет.
9	Умершего коллежского асессора Павла Карпова дочь девица Акилина Павлова. Возраст – 19 лет. (Л. 160 об.–161)	Оренбургской военной исправительной роты младший помощник начальника роты поручик Аполлон Емилианов Аряшнов. Возраст – 34 года.

Второй момент, на который также следует обратить внимание, это значительная разница в возрасте жениха и невесты. В 8 парах из 9 жених был старше невесты. Разница в возрасте составляла от 9 до 18 лет. Такие супружеские союзы, в которых мужчина был старше жены на 10 и более лет, было принято относить к категории «неравных браков» (Гончаров, 2014: 217). Дворяне-чиновники, как правило, вступали в брачный союз достаточно поздно, стремясь вначале получить хорошую должность или дослужиться до высокого чина. В одной паре старше была невеста (на 7 лет). Как правило, оба будущих супруга вступали в первые браки. Возраст вступления в брак для девушки, как правило, составлял 17–19 лет (6 пар из 9).

Информация о дочерях дворян-офицеров поддается анализу с большими трудностями, поскольку большинство из них были дочерьми унтер-офицеров, которые могли иметь как дворянское, так и недворянское происхождение. Если же брать сведения только о дочерях высших офицеров, то таковых было выявлено немного. Согласно записям в метрических книгах Петропавловской и Троицкой церквей за 1870–1871 гг., дочь умершего генерал-майора Людмила Осиповна Парамонова (21 год) венчалась с коллежским асессором Матвеем Васильевичем Сверкуновым (34 года) (ГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 39. Л. 132 об.–133), дочь капитана Мария Степановна Соблукова (25 лет) – с капитаном Оренбургского губернского 4-го батальона по части строевой Владимиром Погоршемским (38 лет) (ГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 39. Л. 137 об.–138), дочь отставного поручика, «артистка имперских московских театров», девица Клавдия Александровна Зыбина (23 года) – с врачом Илецкого уезда Тургайской области Николаем Павловичем Чебатаревым (24 года) (ГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 67. Л. 134 об.–135), дочь поручика Мария Николаевна Крашенникова (18 лет) – с исполняющим должность полицейского пристава 1-й части города Оренбурга коллежским регистратором Александром Андреевичем Прокофьевым (28 лет) (ГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 67. Л. 141 об.–142), дочь умершего поручика Вера Тимофеевна Васина (17 лет) – с коллежским регистратором Герасимом Авкинтиевичем Ахмашетевым (26 лет) (ГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 67. Л. 160 об.–161).

В этих брачных союзах также имело место неравенство статусов невесты и жениха. Так, дочь генерал-майора, имевшего 4-й чин по Табели о рангах, вышла замуж за носителя 8-го чина, а чин поручика (10) был выше чина коллежского регистратора (14). Разница в возрасте жениха и невесты, как и в ситуации с браками дочерей гражданских чиновников, сохранялась практически во всех случаях, хотя была несколько меньше, в диапазоне от 9 до 13 лет. Лишь в одном случае в брак вступили практически ровесники 23 и 24 лет. Для всех перечисленных супругов браки были первыми. Возраст вступления в брак для девушек этой категории составлял 17–25 лет.

В качестве брачной партии дочери дворян-офицеров, как правило, выбирали гражданских чиновников или представителей интеллигенции. Браки с дворянами, служащими по военному ведомству, были, по-видимому, менее предпочтительными, поскольку предполагали значительные бытовые трудности, связанные с частым изменением места службы супруга.

Исходя из приведенных данных, можно сделать вывод о том, что в среде оренбургских гражданских чиновников и офицеров в условиях постоянной изменчивости состава этих социальных

групп, а также отдаленности и малой привлекательности Оренбургской губернии для поместного дворянства, найти достойную партию для дочери на выданье было сложно. Поэтому родители соглашались на ее брак с носителем более низкого чина, мужчиной младшего или значительно более старшего возраста. Ситуация усугублялась, если отец девушки, определяющий ее принадлежность к определенной социальной группе, а также достаток семьи, к моменту вступления дочери в брачный возраст уже скончался, и родственникам приходилось соглашаться, по сути, на любого жениха.

Общую картину семейного положения дворянок в городах Оренбургской губернии можно проследить по данным Переписи 1897 г., размещенным в таблице 3. Исходя из приведенных сведений, в браке состояло 32,4 % дворянок. В то же время в среднем по губернии горожанок, состоящих в браке, насчитывалось 63,68 % (ПВПН РИ, 1905: XV), то есть в два раза больше.

Во вдовстве находились 15 % дворянок (по губернии в среднем 16,41 % горожанок (ПВПН РИ, 1905: 52), 52,4 % дворянок были не замужем. Учитывая то обстоятельство, что среди 2323 дворянок, не состоявших в браке, 1847 входили в возрастную группу до 19 лет (79,5 %) (ПВПН РИ, 1905: 28), дворянок брачного возраста, не создавших семью, было всего 476 (10,7 %) или немногим более (учитывая, что брачный возраст девушек достигался в 16 лет). Дворянок, находившихся в разводе, насчитывалось всего 0,07 %. Таким образом, женщин дворянского сословия, достигших брачного возраста, но не состоявших в браке на момент Переписи было 25–30 %. Каждая 3–4 женщина брачного возраста, принадлежавшая к дворянскому сословию в городах Оренбургской губернии, проживала вне брака.

Таблица 3. Семейное положение дворянок в городах Оренбургской губернии (ПВПН РИ, 1905: 52)

	Оренбург	Орск	Челябинск	Троицк	Верхнеуральск	Илецкая Защита	Всего
Девушки	1 614	43	318	219	115	14	2 323
В браке	950	30	229	142	70	17	1 438
Вдовы	475	17	69	61	31	12	665
Разведенные	3	0	0	0	0	0	3
Не указано	3	0	0	0	0	0	3
Всего	3 045	90	616	422	216	43	4 432

Одной из причин могла быть существенная диспропорция в соотношении мужской и женской части дворянства. На 100 мужчин-дворян в губернии приходилось 111,4 женщин того же сословия (ПВПН РИ, 1905: XII). И это была самая большая разница между мужским и женским населением среди всех сословий, проживающих в регионе. В Оренбурге женщин-дворянок было на 269 чел. больше, чем мужчин-дворян, в Верхнеуральске – на 65 чел., в Илецкой защите – на 19 чел., в Орске – на 14 чел., в Челябинске – на 8 чел. и в Троицке – на 6 чел. Здесь крылись корни и высокой степени половой свободы, и основания для неравных браков. В то же время какая-то часть дворянок могла сознательно сохранять свой статус «свободной женщины».

Свою роль играла и высокая степень образованности горожанок дворянского сословия. Общий уровень грамотности дворянок городов Оренбургской губернии в конце XIX в. составлял 76 % (грамотными были 3374 дворянки из 4432, проживающих в городах) (ПВПН РИ, 1905: 28). В Оренбурге таковых насчитывалось 2360 (77,5 % дворянок в городе), в Челябинске – 459 (74,5 %), в Троицке – 328 (77,7 %), в Верхнеуральске – 148 (68,5 %), в Орске – 59 (65,6 %) и в Илецкой защите – 20 (46,5 %). В Оренбурге, Троицке и Челябинске даже проживали дворянки, имеющие университетское образование (3, 5 и 1 человек соответственно) (ПВПН РИ, 1905: 36, 44). При наличии такого уровня образованности стремление к личностному самовыражению, личностному комфорту приобретало значимые ценностные характеристики.

5. Заключение

Изучив имеющиеся источники, следует констатировать, что во второй половине XIX – начале XX вв. в дворянских семьях городов Оренбургской губернии стали происходить серьезные перемены. Росло число дворянок, предпочитавших вести свободную жизнь, либо не вступая в брачный союз, либо расторгая имеющиеся брачные узы. Развод в дворянской среде стал распространенным явлением. Наиболее распространенным основанием для расторжения брака было «нарушение святости брака прелюбодеянием», которое объяснялось ответчиками длительным отсутствием одного из супругов или сильным любовным увлечением. Городское сообщество относилось к этому терпимо, что было обусловлено отсутствием крепких родственных или корпоративных связей в местном дворянстве, имеющем чаще всего иногубернское происхождение и пребывающем в губернии временно, по делам службы.

Общий тон свободному поведению дворянок, принадлежавших к высшей городской аристократии, задавали высшие губернские чиновники, включая губернаторов. Именно они поощряли адюльтер среди своих подчиненных и сами часто становились участниками любовных интриг. Высокий уровень образованности оренбургских дворянок смещал аксиологический акцент в сторону личного счастья, самовыражения, ставя на первое место понятия любви, но не супружеского долга. Супруги могли развестись относительно мирно, но иногда бракоразводный процесс растягивался на годы.

В дворянстве средней руки традиционные семейные взаимоотношения сохранялись более длительное время. Институт брака продолжал сохранять свою социальную ценность. Однако в ситуации существенного преобладания женской составляющей оренбургского дворянства над мужской, а также постоянной сменяемости чиновничье-офицерского состава городских жителей дворянкам приходилось соглашаться на неравные браки с носителями более низких социальных статусов, мужчинами значительно старше или даже младше себя.

В целом, изложенные в статье факты позволяют говорить о глубинной трансформации семейной сферы женской повседневности провинциальных горожанок дворянского сословия, произошедшей в пореформенную эпоху. Вектором этих изменений было расширение степени женской свободы в сфере супружеских взаимоотношений, происходившее вопреки стремлению Церкви сохранить институт брака в рамках традиционных устоев.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках гранта РФФИ на реализацию научного проекта № 17-31-00010-ОГН «Повседневная жизнь провинциальной горожанки в пореформенной России (на материалах Оренбургской губернии второй половины XIX века)»

Литература

- Банникова, 2014** – Банникова Е.В. Повседневная жизнь провинциального купечества (на материалах губерний Урала дореформенного периода). СПб.: ООО «Полтораки», 2014. 440 с.
- Белова, 2007** – Белова А.В. Женская дворянская повседневность в контексте гендерно чувствительной социальной истории // *Вестник российского университета дружбы народов. Серия: история России*. 2007. № 2 (8). С. 5–14.
- Бурлуцкая, 2018** – Бурлуцкая (Банникова) Е.В. Оренбургское высшее общество глазами писателя. Повесть А.Н. Плещеева "Пашинцев" как источник по истории женской провинциальной повседневности / *Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность. Материалы международной научной конференции: в 2-х томах*. Ответственный редактор В.А. Веремченко. СПб.: Изд-во ЛГУ, 2018. Т. 2. С. 232–239.
- Веремченко, 2009** – Веремченко В.А. Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX – начало XX вв.). СПб.: Изд-во «Европейский Дом», 2009. 682 с.
- Веремченко, 2017** – Веремченко В.А. "Кухонная модернизация" и дворянская семья в России второй половины XIX – начала XX века // *Государство, капитализм и общество в России второй половины XIX – начала XX вв. Материалы Всероссийского (с международным участием) научного семинара. Сборник научных работ*. Череповец: Череповецкий государственный ун-т, 2017. С. 180–185.
- ГАОО** – Государственный архив Оренбургской области.
- Гончаров, 2002** – Гончаров Ю.М. Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 384 с.
- Гончаров, 2014** – Гончаров Ю.М. Очерки повседневной жизни горожан Сибири второй половины XIX – начала XX вв. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. 348 с.
- Залесов, 1903** – Залесов Н.Г. Записки // *Русская старина*. 1903. № 114. Май. С. 267–289.
- Лобысевич, 1878** – Лобысевич Ф.И. Город Оренбург: историко-статистический очерк. СПб.: Типография Э. Гоппе, 1878. 60 с.
- Миронов, 2003** – Миронов Б.Н. Социальная история России. XVIII – начало XX вв. Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2003. Т. 1. 548 с.
- Мишанина, 2017** – Мишанина Е.В. Оренбургское поместное дворянство: история, быт, культура. Оренбург: Университет, 2017. 336 с.

- Пантелеев, 1958** – *Пантелеев Л.Ф.* По возвращении из Сибири // Пантелеев Л.Ф. Воспоминания. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. С. 619–638.
- Пашкова, 2002** – *Пашкова Е.А.* Трансформация культурных ценностей в пореформенный период и проблемы семьи в дворянской среде // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.* 2002. № 1 (13). С. 112–113.
- ПВПН РИ, 1905** – Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Издание Центрального статистического комитета МВД под ред. Н.А. Тройницкого. Том XXVIII: Оренбургская губерния. СПб.; Типография «Товарищества Художественной печати», 1905. 198 с.
- Плещеев, 1960** – *Плещеев А.Н.* Пашинцев // Плещеев А.Н. Избранное: Стихотворения. Проза. М.: Гослитиздат, 1960. С. 508–632.
- Рашин, 1956** – *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1811–1913). Статистические очерки. М.: Государственное статистическое издательство, 1956. 352 с.
- Рябова, 2015** – *Рябова Т.И.* Художественная литература как исторический источник // Вопросы современной филологии и проблемы методики обучения языкам. Материалы третьей международной научно-практической конференции. Под редакцией В.С. Артемовой. Брянск: изд-во Брянской государственной инженерно-технологической академии, 2015. С. 88–92.
- Свод, 1907** – Свод военных постановлений 1869 года. СПб.: Государственная типография, 1907. Книга VII: Прохождение службы по военному ведомству. 396 с.
- Селиверстов, 2009** – *Селиверстов С.С.* Повседневная жизнь дворянской семьи Наумовых // *Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского.* 2009. № 11 (15). С. 130–134.
- Устав, 1883** – Устав духовных консисторий. СПб.: Синодальная типография, 1883. 200 с.
- Чернов, 2007** – *Чернов И.В.* Заметки по истории Оренбургской губернии генерал-майора И.В. Чернова. Оренбург: Изд-во «Оренбургская губерния», 2007. 272 с.

References

- Bannikova, 2014** – *Bannikova E.V.* (2014). Povsednevnyaya zhizn' provintsial'nogo kupechestva (na materialakh gubernii Urals doreformennogo perioda) [Daily life of provincial merchants (based on materials of Ural Governorates of the pre-reform period)]. SPb.: OOO «Poltorak». 440 p. [in Russian]
- Belova, 2007** – *Belova A.V.* (2007). Zhenskaya dvoryanskaya povsednevnost' v kontekste genderno chuvstvitel'noi sotsial'noi istorii [Everyday life of noblewomen in the context of gender-sensitive social history]. *Vestnik rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: istoriya Rossii.* № 2 (8). pp. 5–14. [in Russian]
- Burlutskaya, 2018** – *Burlutskaya (Bannikova) E.V.* (2018). Orenburgskoe vysshee obshchestvo glazami pisatelya. Povest' A.N. Pleshcheeva "Pashintsev" kak istochnik po istorii zhenskoj provintsial'noi povsednevnosti [Orenburg high society as seen through the eyes of a writer. Novella «Pashintsev» by A.N. Pleshcheyev as a source of historical data about everyday life of provincial women]. *Chastnoe i obshchestvennoe v povsednevnoi zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost'.* Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii: v 2-kh tomakh. Otvetstvennyi redaktor V.A. Veremenko. SPb.: Izd-vo LGU. T. 2. pp. 232–239. [in Russian]
- Chernov, 2007** – *Chernov I.V.* (2007). Zаметки по истории Оренбургской губернии генерал-майора И.В. Чернова [Notes on the history of Orenburg Province, Major-General I.V. Chernov]. Orenburg: Izd-vo «Orenburgskaya guberniya». 272 p. [in Russian]
- GAOO** – Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [State archive of the Orenburg region].
- Goncharov, 2002** – *Goncharov Yu.M.* (2002). Gorodskaya sem'ya Sibiri vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. [City family of Siberia in the second half of the XIX – early XX century]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. 384 p.
- Goncharov, 2014** – *Goncharov Yu.M.* (2014). Oчерки повседневной жизни горожан Сибири второй половины XIX – начала XX вв. [Essays of the daily life of Siberian townspeople of the second half of the XIX – beginning of the XX century]. Barnaul: Izd-vo AltGU. 348 p. [in Russian]
- Lobysevich, 1878** – *Lobysevich F.I.* (1878). Gorod Orenburg: istoriko-statisticheskii oчерk [The city of Orenburg: a historical and statistical essay]. SPb.: Tipografiya E. Goppe. 60 p. [in Russian]
- Mironov, 2003** – *Mironov B.N.* (2003). Sotsial'naya istoriya Rossii. XVIII – nachalo XX vv. Genezis lichnosti, demokraticheskoj sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva [Social history of Russia. XVIII – early XX century. Genesis of personality, democratic family, civil society and the constitutional state]: V 2 t. SPb.: Izd-vo «Dmitrii Bulanin». T. 1. 548 p. [in Russian]
- Mishanina, 2017** – *Mishanina, E.V.* (2017). Orenburgskoe pomestnoe dvoryanstvo: istoriya, byt, kul'tura [Orenburg land-owning nobility: history, daily life, culture]. Orenburg: Universitet. 336 p. [in Russian]
- Panteleev, 1958** – *Panteleev L.F.* (1958). Po vozvrashchenii iz Sibiri [After returning from Siberia]. Panteleev L.F. Vospomnaniya. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. pp. 619–638.
- Pashkova, 2002** – *Pashkova E.A.* (2002). Transformatsiya kul'turnykh tsennostei v poreformennyi period i problemy sem'i v dvoryanskoi srede [The transformation of cultural values during the post-reform period and the problems of the family in the aristocratic environment]. *Magistra Vitae: elektronnyi zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii.* № 1 (13). pp. 112–113. [in Russian]

- Pleshcheev, 1960** – Pleshcheev A.N. (1960). Pashintsev [Pashincev]. Pleshcheev A.N. Izbrannoe: Ctkhotvoreniya. Proza. M.: Goslitizdat., pp. 508–632. [in Russian]
- PVPN RI, 1905** – Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii, 1897 [The First Census of the Russian Empire, 1897]. Izdanie Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta MVD pod red. N.A. Troinitskogo. Tom XXVIII: Orenburgskaya guberniya. SPb.; Tipografiya «Tovarishchestva Khudozhestvennoi pečhati», 1905. 198 p. [in Russian]
- Rashin, 1956** – Rashin A.G. (1956). Naselenie Rossii za 100 let (1811–1913). Statisticheskie ocherki [The population of Russia for 100 years (1811–1913). Statistical essays]. M.: Gosudarstvennoe statisticheskoe izdatel'stvo. 352 p. [in Russian]
- Ryabova, 2015** – Ryabova T.I. (2015). Khudozhestvennaya literatura kak istoricheskii istochnik [Fiction as a historical source]. *Voprosy sovremennoi filologii i problemy metodiki obucheniya yazykam. Materialy tret'ei mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Pod redaktsiei V.S. Artemovoi. Bryansk: izd-vo Bryanskoj gosudarstvennoj inzhenerno-tehnologicheskoi akademii. pp. 88–92. [in Russian]
- Seliverstov, 2009** – Seliverstov S.S. (2009). Povsednevnyaya zhizn' dvoryanskoi sem'i Naumovykh [The daily life of the noble family of Naumovs]. *Izvestiya PGPU im. V.G. Belinskogo*. № 11 (15). pp. 130–134. [in Russian]
- Svod, 1907** – Svod voennykh postanovlenii 1869 goda. [The Code of Military Decrees of 1869]. SPb.: Gosudarstvennaya tipografiya, 1907. Kniga VII: Prokhozhdenie sluzhby po voennomu vedomstvu. 396 p. [in Russian]
- Ustav, 1883** – Ustav dukhovnykh konsistorii [Statute of Diocesan Consistories]. SPb.: Sinodal'naya tipografiya, 1883. 200 p. [in Russian]
- Veremenko, 2009** – Veremenko V.A. (2009). Dvoryanskaya sem'ya i gosudarstvennaya politika Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [Noble family and state policy of Russia (second half of XIX – beginning of XX century)]. SPb.: Izd-vo «Evropeiskii Dom». 682 p. [in Russian]
- Veremenko, 2017** – Veremenko V.A. (2017). "Kukhonnaya modernizatsiya" i dvoryanskaya sem'ya v Rossii vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka ["Kitchen modernization" and noble families in Russia in the second half of the 19th – early 20th century]. *Gosudarstvo, kapitalizm i obshchestvo v Rossii vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv. Materialy Vserossiiskogo (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnogo seminara. Sbornik nauchnykh rabot*. Cherepovets: Cherepovetskii gosudarstvennyi un-t. pp. 180–185. [in Russian]
- Zalesov, 1903** – Zalesov N.G. (1903). Zapiski [Notes]. *Russkaya starina*. № 114. Mai. pp. 267–289.

Супружеские отношения в семьях оренбургских аристократок в пореформенный период (поведенческий и ментальный компоненты)

Елена Вадимовна Бурлуцкая (Банникова) ^{а,*}

^а Оренбургский государственный педагогический университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье в рамках такого направления научных исследований, как история повседневности, анализируются взаимоотношения между супругами в семьях дворянок, проживающих в городах Оренбургской губернии в пореформенную эпоху. В качестве объекта изучения берутся поведенческий и ментальный компоненты женской семейной повседневности, то есть поступки и сознание дворянок, относящиеся к сфере отношений супругов. Привлеченные к исследованию источники позволяют констатировать, что вторая половина XIX – начало XX вв. демонстрировали существенную трансформацию внутрисемейных связей, вызванную общей модернизацией российского общества. Женщины начинали все чаще открыто или косвенно заявлять о своих личностных интересах, проявляя все большую свободу поведения в рамках семьи. Увеличивалось число женщин, живущих вне брака.

В городах Оренбургской губернии эти процессы получили дополнительное своеобразие, которое объяснялось нестандартным составом городской дворянской аристократии. Ее представители, как правило, имели иногубернское или иностранное происхождение, прибывали в регион только на время службы и не рассматривали губернию в качестве места своего постоянного пребывания. Это существенно снижало уровень социального контроля и обуславливало большую свободу нравов, особенно в высших слоях дворянства. Дворянки среднего уровня в большей степени тяготели к сохранению традиционных семейных устоев, не исключая при вступлении в брак даже «неравных» союзов. Однако существенная разница в численности мужского и женского населения губернии, принадлежавшего к дворянскому сословию, высокий уровень образованности проживающих здесь дворянок заметно снижали показатели брачности.

Ключевые слова: провинция, повседневность, женщины, дворянки, семья, брак.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ida777@yandex.ru (Е.В. Бурлуцкая (Банникова))

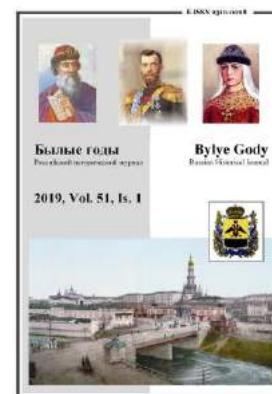
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 51. Is. 1. pp. 231-240. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.1.231
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Administrative and Economic Structure of Muslims of Western Siberia in the Context of Agrarian Modernization in the Russian Empire in the second half of XIX-early XX century

Petr K. Dashkovskiy ^{a, *}, Elena A. Shershneva ^a

^a Altay State University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the problem of organization of life of Muslim communities in Western Siberia in the context of modernization of the agricultural sector of the country in the second half of XIX – early XX century. The special interest of the state was caused by the involvement of foreign population of the Russian suburbs in the state system through the use of new political, administrative and economic methods. Agrarian reforms initiated in the second half of the XIX century, set one of the objectives of the creation of resettlement land fund for the purpose of further integration of the alien population in a foreign environment and the creation of a unified system of government. Since the second half of the XIX century tougher policy towards Muslim Nations that are part of the reforms, was to obey the laws, spread to all the peasant population. Discontent on the part of the foreign population of Siberia was caused by the process of their unification with Russian settlements, as well as the creation of volost offices on the principle of Russian volosts. The government sought to restrict the rights of the foreign population, prohibiting the acquisition of land in the property of persons not of the Orthodox religion. These measures were extended to the territory of the steppe region, which caused discontent among the traditional population of the region. The increase in the number of immigrants in Siberia forced the government to adopt a number of legislative acts regulating the allocation of land to both alien and alien population. At the same time, all measures to reform and organize the life of rural communities led only to the institutionalization of ethnic diasporas on religious grounds. In the end, the foreign population aspired to even greater unity and organization of spiritual life in the settlements where immigrants from the European part of the Russian empire appeared.

Keywords: Russian Empire, Church-state policy, Western Siberia, aliens, immigration policy, Muslims, agricultural modernization.

1. Введение

В середине XIX в. Российская империя вступила на путь реформационных преобразований, которые затрагивали административные, социальные, правовые и другие государственные институты. Аграрный вопрос, занимавший важное место в социально-экономической жизни страны, не мог остаться в стороне от преобразований, проходивших в государстве. Реформы, начатые в 60-х гг. XIX в., были направлены на серьезные социально-экономические преобразования, которые коснулись и территории Сибири. В этот период правительство стремилось к приобщению «инородческого» населения к российскому социокультурному пространству. Такая тенденция наиболее хорошо просматривается не только через реформирование системы образования, но и административно-хозяйственное преобразование быта инородческого населения сибирского региона (Шершнева, 2013). Земельный вопрос, став одним из ведущих для большей части населения страны, должен был решить проблему управления российскими окраинами во второй половине XIX – начале XX в. Российское государство, вставая на путь модернизации, постепенно все сильнее в этот процесс втягивало свои регионы (Лысенко и др., 2014: 127–129 и др.).

* Corresponding author

E-mail addresses: dashkovskiy@fpn.asu.ru (P.K. Dashkovskiy), D2703@yandex.ru (E.A. Shershneva)

2. Материалы и методы

Наиболее объективно оценить политику государства в отношении модернизации аграрного сектора страны позволяют архивные материалы, а также правовые акты, принятые в данный период в России. Архивные материалы представлены отчетами губернских органов, распоряжениями и запросами губернатора, а также жалобами и обращениями самих мусульман в различные государственные учреждения. При подготовке статьи использовались архивные источники, хранящиеся в Государственном архиве Алтайского края, Государственном архиве в г. Тобольске, Историческом архиве Омской области и Государственном архиве Республики Алтай. Статья построена на методологических принципах историзма и объективности, что позволяет рассмотреть проводимые правительством реформы в аграрном секторе с учетом не только социально-экономической, но и государственно-конфессиональной политики в отношении народов, исповедующих ислам. Использование авторами проблемно-хронологического и ретроспективного методов дает возможность всесторонне рассмотреть проблему организации устройства жизни сельских инородческих общин на территории Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.

3. Обсуждение

Проблемами реформирования аграрного сектора страны во второй половине XIX – начале XX в. занимались Г.Т. Бакиева, И.Л. Дамешек, Д.Я. Резун, М.В. Шиловский и другие исследователи. В работах указанных авторов отмечается роль государства в организации жизни инородческих общин на территории Сибири. Особое внимание исследователями уделяется проблеме организации управления инородческими общинами и их отношению с русскими переселенцами (Карих, 2004; Леттецкая, 2005). Другим направлением изучения проблемы организации жизни сельских общин на территории Западной Сибири является роль религиозного фактора в модернизации аграрного сектора, что подробно затрагивалось в работах различных ученых (Бакиева, 2003; Конев, 2008; Шерстова, 2005b). Кроме того, отдельное внимание исследователями уделяется инородческому населению, ведущему кочевой образ жизни (Шерстова, 2003; Октябрьская, 2005; Карих, 2003).

4. Результаты

Во второй половине XIX в. правительство Российской империи начинает активно использовать политико-административные и экономические методы для вовлечения инородческого населения российских окраин в государственную систему страны. Особый интерес для государства представляла Сибирь с ее богатыми и слабо освоенными территориями, которые были населены разными традиционными народами. При этом в рамках процессов, направленных по освоению просторов Сибири, заметно увеличивается поток пришлого населения из центральных губерний, который формирует переселенческие участки и поселки (Бобкова, 2009: 93). Переселенческое движение, поддерживаемое государством в ходе проводимых реформ, придавало им определенную этническую окраску (Шерстова, 2003; Соколовский, 2001: 48). Данный факт подтверждается переписью 1897 г., согласно которой практически все мусульманское население, проживающее на территории Западной Сибири, было занято сельским хозяйством (Томилов, 1992: 193). Однако из отчета генерал-губернатора Западной Сибири за 1858 г., отправленного на имя министра государственных имуществ видно, что в середине XIX в. среди инородцев Западной Сибири хлебопашеством занимались только татары. При этом, как указывалось в отчете, татары серьезных успехов в данной области не достигли из-за своей беспечности. Кроме того, особое внимание было уделено так называемым «бродячим», т.е. кочевым инородцам Березовского, Туринского и Томского округов, которых пытались привлечь к оседлому образу жизни. Отдельной проблемой являлось расселение их между русскими волостями, к которым их следовало отнести по месту расположения. В отчете указывалось также, что допускалось существование инородных управ для компактно проживающего мусульманского населения. При этом подчеркивалось, что Тобольскому и Томскому губернаторам существенное внимание нужно было обратить на хлебопашество татар и развитие в их среде промышленности. Это нужно было для того, чтобы улучшить быт инородцев и обеспечить исправную выплату податей (КУИсАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4217. Л. 1–6).

Важно отметить, что аграрные реформы второй половины XIX в. ставили одной из главных своих задач формирование переселенческого земельного фонда с целью последующей интеграции пришлого населения в регионе. Попытки решить проблему малоземелья в центральной части империи привели к существенному росту числа переселенцев на территории Сибири. В 1861–1895 гг., по подсчетам специалистов, в районы Западной Сибири переселилось 750 тысяч человек (Файзрахманов, 2002: 330). При этом правительство всячески стремилось поддерживать крестьянские миграции из малоземельных районов страны (Шиловский, 2003). В результате к началу XX в. наблюдался значительный прирост населения в Томской и Тобольской губерниях (Карих, 2004).

С началом реформ второй половины XIX в. основными центрами переселения на территории Сибири становятся Томская и Тобольская губернии. Переселенческий земельный фонд при этом зачастую формировался за счет захвата земли, принадлежавшей автохтонному населению. Отмечались факты и мирного заключения договоров между пришлым и инородческим населением

на владение землей. Это, например, подтверждается договором между переселенцами и инородцами юрт Ургульских Барабинской инородной управы Каинского округа, заключенного в 1868 г. Однако постепенно крестьяне, не спрашивая разрешений, стали все более активно принимать к себе в поселок пришлое население, чем окончательно стеснили исконных владельцев этих земель (Шерстова, 2005b: 150; Леттецкая, 2005: 33).

Нужно обратить внимание на то, что увеличение числа переселенцев в Западной Сибири приводило к постепенному обнищанию коренного населения, в частности довольно заметно уменьшается число так называемых «середняков» в татарских общинах. Если до начала проведения аграрных реформ татарское население Сибири было достаточно зажиточным, то с началом их проведения они стали заметно нищать. В результате оказалось, что земли у многих представителей татарского этноса заложены, уровень земледелия невысок, а поголовье скота значительно сократилось. Кроме того, сами татары воспринимались этническими русскими как ленивое и апатичное население (Ядринцев, 2003: 142–143). Не случайно генерал-губернатор Западной Сибири в 1860 г. сообщал министру государственных имуществ о недоимках из-за бедности инородцев Томской губернии с целью предоставления им некоторых налоговых послаблений. Однако было принято решение отказать в послаблении выплат, т.к. это дало бы повод на поблажки и другим инородцам Томской и Тобольской губерний. Со стороны Министерства государственных имуществ было предложено инородцев, имеющих годовую задолженность, зачислять в войска, как это делалось в отношении государственных крестьян. К тому же государство обращало внимание на то, что выселять инородцев следует в Восточную Сибирь, т.к. в Киргизской степи (т.е. в Казахстане) преобладало мусульманское население, что считалось недопустимым в рамках проводимой государством политики (КУИсАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4610. Л. 1а–2). Подобные меры были направлены на лишение инородцев особого сословного статуса и уравнивание их в правах с крестьянами. По мнению инородцев, к их обнищанию и разорению хозяйств также приводило стремление правительства изменить их быт, присоединив к русским волостям. В связи с этим в 1973 г. инородцами юрт Больше-Красноярских Калогмской волости было отправлено прошение Тобольскому губернатору с просьбой исключить их из русских селений, к которым они были причислены ранее (ГБУ ТО ГАВТ. Ф. 152. Оп. 39. Д. 171. Л. 103, 261).

Следует подчеркнуть, что инородческое население сталкивалось с еще одной проблемой в рамках проводимой государством переселенческой политики. Она была связана с тем, что часть автохтонного населения вела кочевой образ жизни, а их земли оказались заняты русскими переселенцами. Данный факт подтверждается ограничением, введенным для казахов, прибывших в 1880 г. в Алтайский округ. С началом реформ казахское население ограничивалось в правах пользования кабинетными землями, и лишь присоединение их к крестьянскому сословию давало право на получение надела земли (Октябрьская, 2005: 29). Казахское население обращалось с просьбами к правительству о выделении им земель в местах их кочевий. Однако получить землю в аренду они смогли только в 1909 г. (Карих, 2003: 50–51). Нужно обратить внимание на то, что политика, проводимая правительством в отношении кочевого мусульманского населения, не была единой. Так, в степных областях привлечение казахского населения к оседлому образу жизни считалось вредным. Практика переселения в данные районы также вызывала определенные опасения в правительственных кругах (Чуркин, Токмурз, 2015: 197).

С проблемой владения землей сталкивалось не только кочевое, но и оседлое население. Земли, принадлежавшие татарскому населению, нередко передавались монастырям, русским слободам, а также использовались на усмотрение государства. Данные меры, предпринимаемые правительством по распределению земли, приводили к неравномерному расселению пришлое и инородческого населения на территории Сибири. Указанные действия привели к чересполосному расположению земель автохтонного населения и русских переселенцев. В результате многие наделы имели не только общие границы, но нередко составляли одно целое (Леттецкая, 2005: 34; Октябрьская, 2005: 27). В итоге во второй половине XIX в. проблему размежевания земель так и не удалось быстро решить, поэтому она была отложена на неопределенный срок, до генерального размежевания сибирского региона (Шерстова, 2005a: 64).

Начатые во второй половине XIX в. реформы были направлены на ужесточение мер в отношении мусульманского населения страны. Аборигенное население должно было выстраивать жизнь своей общины по русскому образцу, подчиняясь законодательству, применяемому к крестьянам и крестьянским учреждениям. (Свод законов Российской империи, 1912, Т. 2: 532). Указ 1861 г. «О преобразовании общественного управления государственных крестьян Западной Сибири» вызвал недовольство в татарской среде. Согласно данному закону, татарское население следовало включить в состав русских деревень, что и было сделано в 1864 г. путем упразднения инородческих волостей (Дамешек, 1986: 59). В 1876 г. генерал-губернатор Западной Сибири предлагал причислять оседлых инородцев к русским волостям. При этом волостное управление должно было строиться по русскому образцу, уравнивая тем самым аборигенное население с крестьянами. При выборе должностных лиц следовало отдавать предпочтение крещеным «инородцам» (Дамешек, 1986: 61–62). Ранее Тобольским губернатором в 1873 г. было направлено распоряжение Тобольскому, Тюменскому, Ялутовскому и Тарскому окружным исправникам собрать сведения о татарских и

бухарских волостях и возможности их причисления к русским поселениям. Данная мера рассматривалась правительством как способствующая более усердному ведению хозяйства инородческим населением и должна была содействовать исправной выплате податей и других сборов. Кроме того, отмечалось, что содержание инородческих волостей и управ несостоятельно по малочисленности душ. В распоряжении указывалось, что следует определить, к каким русским волостям они могут быть отнесены для скорейшего устройства оседлого быта инородцев Западной Сибири (ГБУ ТО ГАВТ. Ф. 152. Оп. 39. Д. 171. Л. 8–9).

Несмотря на недовольство со стороны инородческого населения данными мерами, процесс их объединения с русскими поселениями был неизбежен, т.к. коренное татарское население в процессе проведения переселенческой политики оказалось в конце XIX в. в меньшинстве по отношению к русским переселенцам (Томилов, 1992: 212). Это противоречило российскому законодательству, регламентирующему существование самостоятельных селений (Свод законов Российской империи, 1912, Т. 2: 534).

В Российской империи в конце XIX – начале XX вв. все земли принадлежали государству, а население выступало только арендатором, который должен согласовывать свои действия с государственными органами. Однако данный факт не всегда учитывался населением при приеме на жительство своих соплеменников. Так, в 1877 г. кабинетному сельскому старшине было направлено распоряжение Волостного правления. Оно касалось вопроса контроля за сельскими обществами, т.к. инородцами, проживающими на кабинетных землях, принимались на жительство все без исключения. При этом никакого согласования с начальством по этому вопросу не проводилось. Сельские образования в черневых стойбищах, как подчеркивалось в распоряжении, были подчинены полиции и Духовной миссии. В связи с этим только они могли решать вопрос о возможности поселения (ГАСПД РА. Ф. 1. Оп. 1 Д. 1). Государство, в свою очередь, приветствовало выдачу земли в пользование именно крестьянам, тем самым ограничивая инородцев в праве пользования землей. Например, летом 1878 г. Алтайским горным правлением были допущены крестьяне на заводские земли, ранее принадлежавшие кочующим киргизам (казахам) (ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 545).

Важно подчеркнуть, что непрекращающийся приток русского населения в Сибирь постепенно приводит к сокращению выделяемых земельных наделов (Шерстова, 2005б: 152) и недовольству со стороны инородческого населения. В результате правительство принимает ряд законов, направленных на решение сложившейся ситуации в сибирском регионе. Так, закон о «Главном основании поземельного устройства населения Забайкальской области», принятый 5 июня 1900 г., определял максимальную величину надела для аборигенного населения – до 30 десятин. Для получения земли инородцы должны были перейти в категорию оседлого населения (Полное собрание законов Российской империи, 1902: 598–601). Принятый 8 июля 1901 г. закон «Об отводе частным лицам земель в Сибири» запрещал приобретение земли в собственность инородческим населением (Полное собрание законов Российской империи, 1903: 614–617).

Важно отметить, что запрет на приобретение земли в собственность лицами нехристианского вероисповедания касался не только Сибири, но и Степного края. Только в связи с наметившимися в начале XX в. политическими преобразованиями в стране в 1906 г. были поданы прошения министру внутренних дел от лиц мусульманского вероисповедания Оренбургской губернии с просьбой отменить ограничительные законы о владении землей в Степном крае. Опираясь на принятый 17 октября 1905 г. Манифест, Министерство внутренних дел сочло возможным приступить к подготовке проекта об отмене ранее существовавших запретительных законов. В рамках подготовки проекта следовало оценить, возможна ли данная процедура или же закон по какому-либо важному причинам должен был сохранить свою силу (КУИсАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2360. Л. 1–2). Следует подчеркнуть, что принятые законодательные акты, а также процесс массового переселения, приведшие к сокращению земельных наделов и их перераспределению, вызвали противостояние аборигенного населения и переселенцев (Резун, Шиловский, 2005). Оно было вызвано также опасением со стороны инородческого населения процессов русификации и аккультурации. Подчеркнем, что такие опасения были не случайны, т.к. правительство своей задачей видело унификацию прав инородческого сословия с крестьянским, а также уравнивание их обязанностей и органов управления ими (Шерстова, 2003). Уравнивание в правах и обязанностях инородческого крестьянского населения в Сибири произошло только в 1898 г., благодаря принятому закону «О замене взимаемых в Сибири подушных сборов государственной и земельной податью» (Полное собрание законов Российской империи, 1901: 40–43).

Следует подчеркнуть, что предпринимаемые правительством меры еще больше вызвали недовольство со стороны инородцев и приводили к столкновениям с русским населением. Главным объектом споров становилась земля, которой владели общины, а также отказ от уплаты поземельных сборов инородческим населением (Шерстова, 2005б: 156–157). О сложности отношения инородцев с русскими свидетельствует также проведенное в 1910 г. дознание по делу о нападении черныярского поселкового атамана с 8 казаками на казахские зимовки. Данное дело было направлено уездному начальнику г. Петропавловска с целью дать распоряжение о запрете казахам свободного пользования землями, которые принадлежали казакам, т.к. за нее была установлена плата (КУИсАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2608). Сложность отношений подтверждал и обер-квартирмейстер корпусного штаба в г. Омске

генерал И.Ф. Бабков. Главную проблему отношений между казахским и русским (казацким) населением он видел в том, что казаки обрабатывали лучшие земли. Казахи же, в свою очередь, очень часто переходили самовольно в приграничные местности Томской губернии (Чуркин, Токмурз, 2015: 200). Именно несоблюдение законов обеими сторонами и приводило к постоянным столкновениям.

Важно отметить, что аграрная реформа второй половины XIX в. носила глубокий характер и в определенной степени была направлена на полное преобразование инородческих общин. В рамках проводимых преобразований задачей татар стало создание волостных управлений по принципу русских волостей. Во главе волости избирался волостной голова сроком на 3 года, который получал жалованье и являлся государственным служащим (Бакиева, 2003: 74–75). Задачей правительства в период реформирования административной системы инородческого населения стало подчинение инородцев имперскому законодательству. Предложенные иркутским генерал-губернатором А.П. Игнатьевым преобразования легли в основу закона от 2 июня 1898 г., получившего название «Временное положение о крестьянских начальниках» (Полное собрание законов Российской империи, 1901: 403–416), который стал началом полного подчинения аборигенов общероссийскому законодательству.

В обязанности крестьянских начальников входил контроль за всеми органами крестьянского и инородческого самоуправления. Особое внимание уделялось контролю за нравственностью сельских жителей. В рамках проводимых реформ предпринимались меры по реформированию системы управления. Так, на территории Томской губернии были введено 29 новых должностей. Со своей стороны инородческое население всячески препятствовало организации новой системы управления (Шерстова, 2003; Дамешек, 1986: 107).

Реформирование системы управления приводило и к уравниванию в правах инородческого и крестьянского населения. Татарское население должно было платить подати и нести повинности, возлагаемые на все крестьянское население (Бакиева, 2002: 129–130). Государственным советом было принято решение о применении в Сибири положения о поземельном и административном устройстве крестьянских общин европейской части России. Данные меры должны были способствовать, по мнению правительства, сближению крестьянского и инородческого населения (Дамешек, 1986: 57).

В рамках проведенной в 1910 г. административной реформы в основу устройства татарских волостей был положен территориальный принцип (Бакиева, 2003: 58). В 1911 г. Государственной Думой был принят закон, передававший землю в частную собственность и закрепляющий за владельцем границы его участка (Резун, Шиловский, 2005: 104). Наличие в собственности земельных наделов позволяло инородцам принимать активное участие в политической жизни страны. Данное утверждение подтверждается отправленным Тобольским губернатором запроса в Министерство внутренних дел о возможности участия инородцев Тобольской губернии в думских выборах (ГБУ ТО ГАВТ. Ф. 463. Оп. 1. Д. 6. Л. 12–14). Политический статус владеющего землей инородческого населения привел к новым столкновениям внутри сельских общин за владение землей. Так, в 1910 г. крестьянским начальником I участка Тобольского уезда было проведено разбирательство по жалобе татар Шамшинских юрт Вагайской волости. В своей жалобе ясачные татары указывали, что после 1909 г. они оказались ограничены в пользовании землей, т.к. в юртах еще проживали бухарцы и казаки. До 1909 г. деление земли происходило по лицам мужского пола, достигших 18-летнего возраста. 21 февраля 1909 г. было принято постановление, после которого казаки и бухарцы получили землю для всех лиц мужского пола, а ясачные татары, по-прежнему, с учетом возрастного ценза. В итоге было решено пересмотреть данное наделение землей и переделить все земельные угодья без различия по возрасту на душу мужского населения (ГБУ ТО ГАВТ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 76. Л. 12–13 об.).

Нужно подчеркнуть, что аграрные реформы, проводимые во второй половине XIX – начале XX в. в Сибири, получили еще конфессиональную окраску. С начала проведения преобразований встал вопрос о привнесении русским населением православной культуры в инородческую среду традиционных этносов региона. При этом принятие православия рассматривалось правительством как мера интеграции инородческого населения в российскую государственную систему. Именно на русское крестьянство возлагались надежды на сплочение сельского населения Сибирского региона (Сибирь в составе Российской империи, 2007: 209; Дамешек, 2005: 260). Однако все реформы, проводимые правительством, не дали желаемых результатов, т.к. количество коренного населения, желающего вступить в категорию крестьян, было незначительным. Согласно Всероссийской переписи населения 1897 г., мусульманское население Томской губернии по-прежнему в основной своей массе относилось к разряду инородцев (Первая всероссийская перепись населения...: XVII). Проводимые реформы привели только к усилению этнического и религиозного самосознания в инородческой среде. При этом инородцы, как и ранее, подчинялись единоверческому (мусульманскому) старшине, а не христианскому старосте. Миграционные процессы, поддерживаемые правительством, приводили к институционализации этнических диаспор по конфессиональному признаку. В результате в населенных пунктах, где появлялись переселенцы, наблюдался процесс организации духовной жизни, а жители стремились к открытию культовых зданий (Нам, 2014: 42; Бобкова, 2009: 101–103).

5. Заключение

Таким образом, аграрная политика России в рассматриваемый период была тесным образом связана с этническим и религиозным процессами. При этом усилия государства, направленные на интеграции инородческого населения в русское социокультурное пространство, в целом не принесли желаемых результатов. Появление на территории Западной Сибири переселенцев, исповедующих ислам, способствовали их сближению с традиционным населением и попыткам организации духовной и экономической жизни в регионе. На протяжении всего пореформенного периода инородцы связывали процесс упадка своих хозяйств именно с переселенческой политикой государства, а также с причислением их поселений к русским волостям. Негативно были восприняты меры и по привлечению в систему управления инородцами представителей традиционных этносов региона, принявших православие. Реформы, проводимые правительством в данном секторе экономики, рассматривались мусульманским населением как ущемление не только их экономических, но и религиозных прав.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках госзадания Минобрнауки РФ по теме «Развитие этнорелигиозной ситуации в трансграничном пространстве Алтая, Казахстана и Монголии в контексте государственно-конфессиональной политики: исторический опыт и современные тенденции» (проект №33.2177.2017/4.6) и гранта Президента РФ по теме «Положение религиозных общин Западной Сибири в системе государственно-конфессиональных отношений во второй половине XIX – XX вв.» (№МК-701.2018.6).

Литература

Бакиева, 2002 – Бакиева Г.Т. К вопросу о фискальной политике Российского государства в отношении сибирских татар (XVII – начало XX вв.) // *Тюркские народы: Мат. V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири»* / Отв. ред. А.В. Нескоров. Тобольск; Омск, 2002. С. 128–130.

Бакиева, 2003 – Бакиева Г.Т. Сельская община тоболо-иртышских татар (XVIII – начало XX вв.). Тюмень; М., 2003. 258 с.

Бобкова, 2009 – Бобкова Г.И. Татарские общины Иркутской губернии (конец XIX – начало XX вв.). Иркутск, 2009. 219 с.

ГААК – Государственный архив Алтайского края.

ГАСПД РА – Государственный архив социально-правовой документации Республики Алтай.

ГБУ ТО ГАВТ – Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске».

Дамешек, 2005 – Дамешек И.Л. Сибирские инородцы в имперской стратегии власти // *Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX вв.*: Сб. науч. тр. / Под ред. Ю.М. Гончарова. Барнаул, 2005. С. 257–266.

Дамешек, 1986 – Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX вв.). Иркутск, 1986. 168 с.

Карих, 2004 – Карих Е.В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. XIX – начало XX вв. Томск, 2004. 232 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://sibistorik.narod.ru/project/frontier/abbr.html> (дата обращения: 27.01.2018).

Карих, 2003 – Карих Е.В. Проникновение казахов на Алтай в XIX в. и их хозяйственное взаимодействие с русскими // *Этнография Алтая и сопредельных территорий: Мат. междунар. конф.* / Под ред. М.А. Демина, Т.К. Щегловой. Барнаул, 2003. Вып. 5. С. 49–52.

Конев, 2008 – Конев А.Ю. Влияние религиозного фактора на правовой статус сибирских аборигенов (XVIII–XIX вв.) // *Народонаселение Сибири: стратегии и практики межкультурной коммуникации (XVII – начало XX вв.)*: Сб. ст. / Отв. ред. А.В. Бауло. Новосибирск, 2008. С. 303–319.

КУИСАОО – Казенное учреждение Исторически архив Омской области.

Леттецкая, 2005 – Леттецкая О.М. Инородческое земледелие в Томской губернии: истоки аграрной проблемы начала XX в. // *Этнография Алтая и сопредельных территорий: Мат. междунар. конф.* / Под ред. М.А. Демина, Т.К. Щегловой. Барнаул, 2005. Вып. 6. С. 30–36.

Лысенко и др., 2014 – Лысенко Ю.А., Анисимова И.В., Тарасова Е.В., Стурова М.В. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.). Барнаул, 2014. 272 с.

Нам, 2014 – Нам И.В. Институционализация этничности в сибирском переселенческом обществе (конец XIX – начало XX вв.) // *Известия Иркутского государственного университета*. 2014. Т. 10. Серия «Политология. Религиоведение». С. 34–49.

Октябрьская, 2005 – Октябрьская И.В. Казахи Юго-Восточного Алтая: этническая история и этническая идентичность // *Народы Евразии. Этнос, этническое самосознание, этничность: проблемы формирования и трансформации*. Новосибирск, 2005. С. 27–46.

- [Первая Всероссийская перепись населения..., 1904](#) – Первая Всероссийская перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904.
- [Полное собрание законов Российской империи, 1901](#) – Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1901. Собрание III. Т. XVIII. Ч. 1. 1120 с.
- [Полное собрание законов Российской империи, 1902](#) – Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1902. Собрание. III. Т. XX. Ч. 1. 1168 с.
- [Полное собрание законов Российской империи, 1903](#) – Полное собрание Законов Российской империи. СПб., 1903. Собрание. III. Т. XXI. Ч. 1. 1265 с.
- [Резун, Шиловский, 2005](#) – *Резун Д.Я., Шиловский М.В.* Сибирь, конец XVI – начало XX вв.: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005. 192 с.
- [Свод законов Российской империи, 1912](#) – Свод законов Российской империи. СПб., 1912. Т. 2. 757 с.
- [Сибирь в составе Российской империи, 2007](#) – Сибирь в составе Российской империи / И.Л. Дамешек, М.М. Дамешек, В.П. Зиновьев, А.В. Ремнев, Н.Г. Суворова, В.П. Шахеров, М.В. Шиловский. М., 2007. 368 с.
- [Соколовский, 2001](#) – *Соколовский С.В.* Образы других в российских науке, политике и праве. М., 2001. 235 с.
- [Томилов, 1992](#) – *Томилов Н.А.* Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI – начала XX вв. Новосибирск, 1992. 271 с.
- [Файзрахманов, 2002](#) – *Файзрахманов Г.Л.* История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX в.). Казань, 2002. 488 с.
- [Чуркин, Токмурз, 2015](#) – *Чуркин М.К., Токмурз Б.С.* Перспективы аграрного освоения территорий Степного края в колонизационных планах российской власти во второй половине XIX – начале XX вв. // *Вестник Томского государственного университета.* 2015. № 401. С. 196–206.
- [Шерстова, 2003](#) – *Шерстова Л.И.* Аборигены Южной Сибири в контексте российской модернизации начала XX в.: выбор пути // *Сибирское общество в контексте модернизации. XVIII–XX вв.* Новосибирск, 2003 [Электронный ресурс]. URL: <http://sibistorik.narod.ru/project/modern/index.html> (дата обращения: 15.11.2017).
- [Шерстова, 2005a](#) – *Шерстова Л.И.* Аграрный вопрос и межэтнические отношения в Южной Сибири в XIX в. // *Этнография Алтая и сопредельных территорий: Мат. междунар. конф.* / Под ред. М.А. Демина, Т.К. Щегловой. Барнаул, 2005а. Вып. 6. С. 63–68.
- [Шерстова, 2005b](#) – *Шерстова Л.И.* Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX вв. Новосибирск, 2005. 311 с.
- [Шершнева, 2013](#) – *Шершнева Е.А.* Положение мусульманских общин Томской губернии в контексте государственно-конфессиональной политики Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алтайский государственный университет, Барнаул, 2013. 23 с.
- [Шиловский, 2003](#) – *Шиловский М.В.* Основные направления политики правительства по отношению к Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // *Сибирское общество в контексте модернизации. XVIII–XX вв.: Сб. мат. конф.* / Под ред. В.А. Ламина. Новосибирск, 2003 [Электронный ресурс]. URL: <http://sibistorik.narod.ru/project/modern/index.html> (дата обращения: 15.11.2017).
- [Ядринцев, 2003](#) – *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск, 2003. 555 с.

References

- [Bakieva, 2002](#) – *Bakieva G.T.* (2002). K voprosu o fiskal'noi politike Rossiiskogo gosudarstva v otnoshenii sibirskikh tatar (XVII – nachalo XX v.) [On the fiscal policy of the Russian state towards Siberian Tatars (XVII – beginning of XX century)]. *Turkic peoples: mate. V Siberian Symposium " Cultural heritage of the peoples of Western Siberia»* / Executive editor A.V. Nesterov. Tobolsk; Omsk, pp. 128–130. [in Russian]
- [Bakieva, 2003](#) – *Bakieva G.T.* (2003). Sel'skaya obshchina tobolo-irtyshskikh tatar (XVIII – nachalo XX v.) [Rural community of Tobol-Irtysh Tatars (XVIII – early XX century)]. Tyumen; M. 258 p. [in Russian]
- [Bobkova, 2009](#) – *Bobkova G.I.* (2009). Tatarskie obshchiny Irkutskoi gubernii (konets XIX – nachalo XX v.) [Tatar communities of Irkutsk province (late XIX – early XX century)]. Irkutsk. 219 p. [in Russian]
- [GAAK](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia [State archive of Altai Krai].
- [GASPD RA](#) – Gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-pravovoi dokumentatsii Respubliki Altai [State archive of social and legal documentation of the Republic of Altai].
- [GBU TO GAVT](#) – Gosudarstvennoe byudzhethnoe uchrezhdenie Tyumenskoii oblasti «Gosudarstvennyi arkhiv v g. Tobol'ske» [State budgetary institution of the Tyumen region " state archive in Tobolsk"].

[Dameshek, 2005](#) – *Dameshek I.L.* (2005). Sibirskie inorodtsy v imperskoj strategii vlasti [Siberian foreigners in Imperial strategies of power]. *Modern historical Siberian studies XVII – beginning of XX centuries: collection of scientific papers* / under the editorship of J. M. Goncharov. Barnaul, pp. 257–266. [in Russian]

[Dameshek, 1986](#) – *Dameshek L.M.* (1986). Vnutrennyaya politika tsarizma i narody Sibiri (XIX – nachalo XX v.) [Internal policy of the tsarist government and the peoples of Siberia (XIX – early XX century)]. Irkutsk. 168 p. [in Russian]

[Karikh, 2004](#) – *Karikh E.V.* (2004). Mezhetnicheskie otnosheniya v Zapadnoi Sibiri v protsesse ee khozyaistvennogo osvoen XIX – nachalo XX v. [Interethnic relations in Western Siberia in the process of its economic development. XIX-early XX century]. Tomsk. 232 p. [Electronic resource]. URL: <http://sibistorik.narod.ru/project/frontier/abbr.html> (date accessed: 27.01.2018). [in Russian]

[Karikh, 2003](#) – *Karikh E.V.* (2003). Proniknovenie kazakhov na Altai v XIX v. i ikh khozyaistvennoe vzaimodeistvie s russkimi [The penetration of Kazakhs in Altai in the XIX century and their economic interaction with the Russian]. *Ethnography of Altai and adjacent territories: Materiales. international. conference* / under the editorship of M.A. Demina, T.K. Shcheglova. Barnaul, Vol. 5. pp. 49–52. [in Russian]

[Konev, 2008](#) – *Konev A.Yu.* (2008). Vliyanie religioznogo faktora na pravovoi status sibirskikh aborigenov (XVIII–XIX vv.) [Influence of religious factor on the legal status of Siberian aborigines (XVIII–XIX centuries)]. *The population of Siberia: strategy and practice of intercultural communication (XVII – beginning of XX centuries): collection of articles* / ed. edited by A. V. Baulo. Novosibirsk, pp. 303–319. [in Russian]

[KUIsA00](#) – Kazennoe uchrezhdenie Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti [Public institution Historical archive of the Omsk region].

[Lettetskaya, 2005](#) – *Lettetskaya O.M.* (2005). Inorodcheskoe zemledelie v Tomskoi gubernii: istoki agrarnoi problemy nachala XX v. [Foreign agriculture in Tomsk province: the origins of the agricultural problem of the early XX century]. *Ethnography of Altai and adjacent territories: Mat. international. scientific.- prakt. Conf.* / under the editorship of M. A. Demina, T. K. Shcheglova. Barnaul, Vol. 6. pp. 30–36. [in Russian]

[Lysenko et al., 2014](#) – *Lysenko Yu.A., Anisimova I.V., Tarasova E.V., Sturova M.V.* (2014). Traditsionnoe kazakhskoe obshchestvo v natsional'noi politike Rossiiskoi imperii: kontseptual'nye osnovy i mekhanizmy realizatsii (XIX – nachalo XX v.) [Traditional Kazakh society in the national policy of the Russian Empire: conceptual foundations and mechanisms of implementation (XIX – early XX century)]. Barnaul. 272 p. [in Russian]

[Nam, 2014](#) – *Nam I.V.* (2014). Institutsionalizatsiya etnichnosti v sibirskom pereselencheskom obshchestve (konets XIX – nachalo XX v.) [The institutionalization of ethnicity in the Siberian colonization society (the end of XIX – beginning of XX century)]. *News of Irkutsk state University*. Vol. 10. Series «Political Science. Religious studies.» pp. 34–49. [in Russian]

[Oktyabr'skaya, 2005](#) – *Oktyabr'skaya I.V.* (2005). Kazakhi Yugo-Vostochnogo Altaya: etnicheskaya istoriya i etnicheskaya identichnost' [Kazakhs of South-Eastern Altai: ethnic history and ethnic identity]. *The Peoples Of Eurasia. Ethnos, ethnic identity, ethnicity: problems of formation and transformation*. Novosibirsk, pp. 27–46 [in Russian]

[Pervaya Vserossiiskaya perepis' naseleniya..., 1904](#) – The first all-Russian census of the population of the Russian Empire in 1897 St. Petersburg., 1904. [in Russian]

[Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, 1901](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. SPb., 1901. The meeting III. T. XVIII. Part 1. 1120 p. [in Russian]

[Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, 1902](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. SPb., 1902. The meeting III. T. XX. Part 1. 1168 p. [in Russian]

[Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, 1903](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. SPb., 1903. The meeting III. T. XXI. Part 1. 1265 p. [in Russian]

[Rezun, Shilovskii, 2005](#) – *Rezun D.Ya., Shilovskii M.V.* (2005). Sibir', konets XVI – nachalo XX v.: frontir v kontekste etnosotsial'nykh i etnokul'turnykh protsessov [Siberia, end of XVI-beginning of XX century: frontier in the context of ethno-social and ethno-cultural processes]. Novosibirsk. 192 p. [in Russian]

[Svod zakonov Rossiiskoi imperii, 1912](#) – Svod zakonov Rossiiskoi imperii [The laws of the Russian Empire]. SPb., 1912. T. 2. 757 p. [in Russian]

[Sibir' v sostave Rossiiskoi imperii, 2007](#) – Sibir' v sostave Rossiiskoi imperii [Siberia as part of the Russian Empire] M., 2007. 368 p. [in Russian]

- Sokolovskii, 2001** – Sokolovskii S.V. (2001). Obrazy drugikh v rossiiskikh nauke, politike i prave [Images of others in Russian science, politics and law]. M. 235 p. [in Russian]
- Tomilov, 1992** – Tomilov N.A. (1992). Etnicheskaya istoriya tyurkoyazychnogo naseleniya Zapadno-Sibirskoi ravniny kontsa XVI – nachala XX v. [Ethnic history of the Turkic-speaking population of the West Siberian plain of the late XVI – early XX century]. Novosibirsk. 271 p. [in Russian]
- Faizrakhmanov, 2002** – Faizrakhmanov G.L. (2002). Istoriya sibirskikh tatar (s drevneishikh vremen do nachala XX v.) [History of Siberian Tatars (from ancient times to the beginning of XX century)]. Kazan. 488 p. [in Russian]
- Churkin, Tokmurz, 2015** – Churkin M.K., Tokmurz B.S. (2015). Perspektivy agrarnogo osvoeniya territorii Stepnogo kraya v kolonizatsionnykh planakh rossiiskoi vlasti vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [Prospects for agricultural development of the Steppe region in the colonization plans of the Russian government in the second half of XIX – early XX century]. *Bulletin of Tomsk state University*. Nr. 401. pp. 196–206. [in Russian]
- Sherstova, 2003** – Sherstova L.I. (2003). Aborigeny Yuzhnoi Sibiri v kontekste rossiiskoi modernizatsii nachala KhKh v.: vybor puti [Aborigines of southern Siberia in the context of Russian modernization of the early twentieth century: the choice of the way]. *Siberian society in the context of modernization. XVIII–XX centuries*. Novosibirsk. [Electronic resource]. URL: <http://sibistorik.narod.ru/project/modern/index.html> (date accessed: 15.11.2017). [in Russian]
- Sherstova, 2005a** – Sherstova L.I. (2005a). Agrarnyi vopros i mezhetnicheskie otnosheniya v Yuzhnoi Sibiri v XIX v. [Agrarian question and interethnic relations in southern Siberia in the XIX century]. *Ethnography of Altai and adjacent territories: Mat. international. scientific.- prakt. Conf.* / under the editorship of M.A. Demina, T.K. Sheglova. Barnaul, Vol. 6. pp. 63–68. [in Russian]
- Sherstova, 2005b** – Sherstova L.I. (2005b). Tyurki i russkie v Yuzhnoi Sibiri: etnopoliticheskie protsessy i etnokul'turnaya dinamika XVII – nachala XX v. [The Turks and Russians in southern Siberia: ethno-political processes and cultural dynamics of XVII – beginning of XX century]. Novosibirsk. 311 p. [in Russian]
- Shershneva, 2013** – Shershneva E.A. (2013). Polozhenie musul'manskikh obshchin Tomskoi gubernii v kontekste gosudarstvenno-konfessional'noi politiki Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [The situation of the Muslim communities of Tomsk province in the context of the state and confessional policy of the Russian Empire in the second half of the XIX - the beginning of the XX century.: avtoref ... dis. cand. east. sciences. Altai State University]. Barnaul. 23 p. [in Russian]
- Shilovskii, 2003** – Shilovskii M.V. (2003). Osnovnye napravleniya politiki pravitel'stva po otnosheniyu k Sibiri vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [The main directions of the government's policy towards Siberia in the second half of XIX-early XX century]. *Siberian society in the context of modernization. XVIII–XX centuries. Coll. Mat. Conf.* / under the editorship of V.A. lamina. Novosibirsk, 2003 [Electronic resource]. URL: <http://sibistorik.narod.ru/project/modern/index.html> (date accessed: 15.11.2017). [in Russian]
- Yadrintsev, 2003** – Yadrintsev N.M. (2003). Sibir' kak koloniya v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom otnoshenii [Siberia as a colony geographically, ethnographically and historically]. Novosibirsk. 555 p. [in Russian]

Административно-хозяйственное устройство мусульман Западной Сибири в контексте аграрной модернизации в Российской империи во второй половине XIX – начала XX вв.

Петр Константинович Дашковский^{a, *}, Елена Александровна Шершнева^a

^a Алтайский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена проблеме организации жизни мусульманских общин Западной Сибири в контексте модернизации аграрного сектора страны во второй половине XIX – начале XX в. Особый интерес государства был вызван вовлечением инородческого населения российских окраин в государственную систему страны путем применения новых политико-административных и экономических методов. Аграрные реформы, начатые во второй половине XIX в., ставили одной из задач создание переселенческого земельного фонда с целью дальнейшей интеграции пришлого населения в инородческую среду и создания единой системы государственного устройства. Со второй половины XIX в. ужесточается политика в отношении мусульманских народов, которые в рамках проводимых реформ должны были подчиняться законам, распространившимся на все крестьянское население. Недовольство со стороны инородческого населения Сибири было вызвано процессом их

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dashkovskiy@fpm.asu.ru (П.К. Дашковский), D2703@yandex.ru (Е.А. Shershneva)

объединения с русскими поселениями, а также созданием волостных управлений по принципу русских волостей. Правительство стремилось ограничить в правах инородческое население, запрещая приобретать землю в собственность лицам неправославного вероисповедания. Данные меры распространялись и на территорию Степного края, что вызывало недовольство в среде традиционного населения региона. Увеличение численности переселенцев на территории Сибири заставило правительство принять ряд законодательных актов, регламентирующих наделение землею как пришлого, так и инородческого населения. При этом все меры по реформированию и организации жизни сельских общин приводили только к институционализации этнических диаспор по конфессиональному признаку. В итоге инородческое население стремилось к еще большему сплочению и организации духовной жизни в населенных пунктах, где появлялись переселенцы из европейской части Российской империи.

Ключевые слова: Российская империя, государственно-конфессиональная политика, Западная Сибирь, инородцы, переселенческая политика, мусульмане, аграрная модернизация.

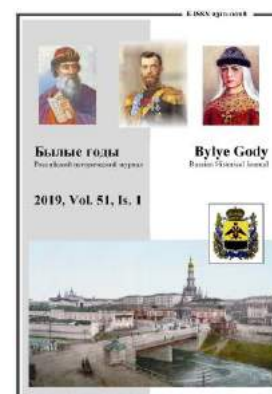
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 51. Is. 1. pp. 241-251. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.1.241
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Handicraft of the Kazakh People in the middle of XIXth – early XXth centuries

Albina S. Zhanbosinova^{a, *}, Arman A. Kulshanova^b,
Mendyganym J. Shaimerdenova^b

^aS. Amanzholov East-Kazakhstan State University, Republic of Kazakhstan

^bT.K. Zhurgenov Kazakh National Academy of Arts, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article is devoted to the history of the development of handicraft of the Kazakh people in the focus of evaluation by the scientists of the XIX century, who left the richest historical heritage. The content of the article is based on a wide range of sources stored in the Central State Archives of the Republic of Kazakhstan, a rare fund in Abay National Library in Almaty. The general scientific methods of analysis, synthesis, and generalization subordinated to the main goal of the scientific subject, as well as theoretical studies on the problems of socio-economic development, economic and cultural activities of the population of Kazakhstan and the border regions were used.

The economy of Kazakhstan in the second half of the XIX century underwent significant changes caused by the development of capitalism in Russia, the spread of commodity-money relations and the disintegration of natural forms of management. The authors believe that the degree of involvement of the population of Kazakhstan in handicraft and, accordingly, the level of their development was different, which depended on many circumstances and factors. The nature of the development of the craft was determined by the natural-consumer activities of the nomadic area and the marginal zone.

Keywords: handicraft, craft, Kazakhstan, fair, trade, kazakh population, resettlement.

1. Введение

История развития домашних промыслов и кустарного ремесла в Казахстане имеет двоякое значение: с одной стороны, это неотъемлемая часть традиционной культуры и этнографии народа; с другой – самодостаточная повседневность кочевого образа жизни, обусловленная скотоводческо-земледельческой экономикой.

Вхождение Казахского ханства в состав России, последующая трансформация традиционных устоев в условиях имперского управления Средней Азией повлияли на экономику Казахстана, которая во второй половине XIX века претерпела существенные изменения, вызванные развитием капитализма в России, распространением товарно-денежных отношений и распадом натуральных форм хозяйствования. Активизация ярмарочной торговли, торговых связей населения Казахстана благоприятно сказались на товарности некоторых видов продукции промыслово-ремесленных занятий. Внедрение товарного производства в скотоводство и земледелие, достижение рядом отраслей домашней промышленности уровня ремесла и кустарничества, рост добывающей и обрабатывающей промышленности означали развитие новых экономических элементов в Казахстане.

Авторы полагают, что предложенная тема представляет научный интерес в фокусе оценки развития промыслово-ремесленных занятий казахского населения учеными XIX века, оставившими богатейшее историческое наследие. Следует отметить, что труды написаны исследователями казахской степи в ходе экспедиций, командировок. Учитывая нарративный характер отдельных работ

* Corresponding author

E-mail addresses: kaznai@art-oner.kz (A.S. Zhanbosinova)

нового времени, содержащих интересный фактический материал по промыслово-ремесленным занятиям казахов, показывая высокий уровень развития ремесел, совершенство и красоту, их научно-аналитический обзор имеет, на наш взгляд, особую актуальность.

2. Материалы и методы

Авторами использован обширный круг источников, хранящихся в Центральном Государственном архиве Республики Казахстан, редком фонде Национальной библиотеки им. Абая г. Алматы.

Авторами был определен научный аппарат ключевых понятий по изучаемой проблематике. Содержание понятия «промысел» означает занятие, приносящее доход или выгоду, промышленность в поисках дополнительного дохода либо добывать дополнительный доход, т.е. производить что-либо либо добывать что-либо в семью, в дом, что, в общем, приводит в словосочетание «домашние промыслы» или «семейные промыслы». Домашние промыслы – это старинная отрасль натурального хозяйства, переработка сырых материалов в самом хозяйстве, подсобное или побочное занятие по отношению к основной отрасли сельского хозяйства. В процессе разрушения замкнутого хозяйства из сельского выделяется ремесло, которое становится первой фазой промышленности.

Методологической основой явился принцип объективного исторического исследования данной проблемы, различных ее аспектов, оценка прошлого с позиций исторической правды. При написании научной статьи были использованы соподчиненные основной цели научной тематики общенаучные методы анализа, синтеза, обобщения, а также теоретические исследования по проблемам социально-экономического развития, хозяйственно-культурной деятельности населения Казахстана и приграничных регионов.

Указанные методы исследования позволили охарактеризовать изучаемые вопросы с учетом материальной, социальной, духовной сторон, раскрыть их культурно-исторические и социальные функции, выявить и установить как общие закономерности процессов развития, так и их специфические особенности.

В конце XIX – начале XX вв. в регионе шел процесс взаимовлияния промыслово-ремесленных занятий, росла численность многонационального состава промысловиков.

3. Обсуждение

Начальный этап разработки изучаемой проблемы относится к XIX веку, когда шло чисто эмпирически-описательное накопление материала о развитии промыслов и ремесел населения Казахстана. При работе с историческими материалами нового времени можно заметить, что, с одной стороны, они служат источниками публикации, а с другой – ее историографией. Труды авторов XIX века раскрывают географические, экономические и социальные особенности развития промыслово-ремесленных занятий, анализируют отдельные вопросы изучаемой проблемы в контексте природно-географической среды Казахстана, переселенческих процессов, разнообразия видов хозяйственной деятельности, становления торговых путей и сообщений. Официальный материал в них дополнялся данными личных опросов и наблюдений, что, несомненно, повышало его ценность.

Первую попытку выделения этапов развития ремесленных занятий в Казахстане предпринял Г. Колмогоров: «Если в XVII веке ремесло у казахов существовало как домашнее производство, то к середине XIX века происходят сдвиги в сторону отделения некоторых ремесел от сельского хозяйства и специализация ремесла по отдельным районам. Выделяются специальные мастера по плотничьему, столярному и кузнечному делу, которым занималась только беднейшая часть казахов» (Колмогоров, 1856: 7).

Заслуживают внимания труды членов Русского географического общества А. Добросмылова (Добросмылов, 1895; Добросмылов, 1898; Добросмылов, 1889), Н. Коншина (Коншин, 1899а; Коншин, 1899b; Коншин, 1902), М. Красовского (Красовский, 1868), Г. Колмогорова (Колмогоров, 1856) и др. Содержание работ Александра Ивановича Добросмылова освещает различные стороны истории Средней Азии и в том числе Казахстана, затрагивают вопросы развития народных ремесел.

С именем и работами Н. Коншина связана история краеведения Восточного Казахстана. Он был одним из руководителей Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского РГО и занимался вопросами краеведения, изучением бытовой жизни аула. Его работы содержат интереснейший фактический материал о социально-экономическом развитии Семипалатинской области, о ее возможных перспективах, в них затрагиваются вопросы кустарно-ремесленного производства (Коншин, 1899а; Коншин, 1899b; Коншин, 1902).

М. Красовский систематизировал материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генштаба, представив обширные данные по истории казахского народа, русских переселенцев, сведения об их хозяйственной деятельности. М. Красовский обратил внимание на тот факт, что в казахской семье девочек с детства приучают к женским ремеслам – учат шить, вышивать, прясть, ткать. Наличие фактологического материала по экономике края усиливает значимость его исследования, подробная информация преимущественно дается о северной части Казахстана, более близкой к районам русских городов Сибирской линии и к крестьянским поселениям. Его труд не

утратил своего научного значения и по сей день. (Красовский, 1868).

Немаловажное значение представляют исследования (Тетеревников, 1867; Васильев, 1898), раскрывающие развитие товарно-денежных отношений в Казахстане, их взаимосвязь с ремесленными и кустарными промыслами, дающие статистические сведения о товарообороте и продукции проводимых ярмарок.

Отдельные отрывочные сведения, прямо или косвенно затрагивающие вопросы нашей публикации, имеются у Р. Карутца (Карутц, 1910), И. Словцова (Словцов, 1897), Я. Полферова (Полферов, 1896), В. Григорьева (Григорьев, 1882), П. Суцинского (Суцинский, 1898а; Суцинский, 1907b), Н. Турчанинова (Турчанинов, 1910).

Нарративный характер историографии нового времени придает художественную огранку ремесленным занятиям казахов, показывая высокий уровень развития ремесел, совершенство и красоту народных изделий.

В отдельных работах можно встретить мифологизацию возникновения ремесленных занятий, как, например, седельного: «Несколько тысяч лет назад жил мусульманский царь Джам-Шит. В один из продолжительных походов своих от езды верхом он натер себе ссадины. Чтобы облегчить боль, он при проезде своем через один из городов приказал положить на лошадь кусок густо замешанного теста и сел поверх него. Вскоре он почувствовал облегчение и заметил, что затвердевшее тесто приняло известную форму, очень удобную для сидения на лошади. Тогда он попробовал облегчить боль в ногах от их затекания, для чего перекинул через лошадь веревку с петлями и продел в них ноги; боль тотчас унялась, тогда он приказал сделать из кожи и дерева, по готовой форме из теста, изделие для верховой езды на лошади, которое получило название седла»; однако нынешняя форма седла, пишет автор, ведет свое начало «от богатыря Хазрет-Али, племянника Магомета. Бог дал ему в награду за его подвиги лошадь с неба и для управления ею – седло, это седло послужило образцом для изготовления ныне употребляемых седел» (Габбин, 1899: 29).

Приоритетной задачей исследователей того времени было изучение хозяйственных, политико-правовых условий жизни казахского населения и выявление изменения их быта под влиянием переселенческого движения. Несмотря на некоторую тенденциозность положений и выводов авторов о позитивных началах проводимой колониальной политики царизма в казахской степи, их работы, благодаря наличию историко-этнографического и статистического материала, до сих пор востребованы учеными.

4. Результаты

Развитие промыслово-ремесленных занятий в Казахстане детерминировалось комплексом различных факторов в условиях, неоднозначно влиявших на характер и основные направления материального производства. Среди них можно выделить 5 групп факторов: природно-географические, культурно-исторические, демографические, экономические, политические.

Первые три группы включают в себя экстенсивные факторы, способствующие распространению новых форм промысловых занятий. Последние две группы факторов, носивших интенсивные свойства, содействовали ускоренному переходу этих занятий, имевших натуральный характер, к товарно-денежным отношениям.

Природно-географические условия Казахстана определили сущность и основные направления материального производства, структуру хозяйственных занятий, экономический потенциал кочевого общества. Единственной доминирующей отраслью, созданной географической средой Казахстана и возможной в пустынной, полупустынной и степной зонах (это 90 % всей территории Казахстана), являлось кочевое скотоводство.

Природно-географический фактор играл не последнюю роль в развитии промыслово-ремесленных занятий. Надо отметить, что в процессе эволюции кочевого скотоводства шла трансформация материального производства и культуры кочевников применительно к новым условиям и образу жизни. В частности, имело место изживание нетранспортабельных материалов, следствием чего явилось сокращение стекольного, керамического и других видов ремесел, конечными продуктами которых являлись достаточно хрупкие изделия. С другой стороны, увеличивалось производство кожаных, кошенильных, деревянных изделий, поддающихся транспортировке, т.е. весь комплекс предметов материальной культуры был адаптирован к кочевым условиям. Необходимо подчеркнуть, что при определении типологизации кочевого хозяйства и его промыслово-ремесленных занятий немаловажным природно-географическим фактором являются водные ресурсы (искусственные или естественные). При изучении данного фактора можно увидеть следующую закономерность: при искусственном типе водоснабжения (Западная, Северо-Западная, Юго-Западная области) наблюдается отсутствие не скотоводческих занятий; при естественном же типе водоснабжения (Восточная, Северо- и Юго-Восточная, Южная, Центральная области) развиты различные виды промыслово-ремесленных занятий (в данном случае фактор естественного водоснабжения, на наш взгляд, служил побудительным мотивом для строительства и развития городов, возникновения караванных путей, а отсюда – и различных промыслово-ремесленных занятий).

Учитывая природно-географический фактор, можно увидеть некоторую специализацию областей. Так, например, резьба по дереву, плотничье и столярное ремесла получили широкое

распространение там, где были большие лесные массивы, – это в основном районы Центрального Казахстана, Северо-Западная и Северо-Восточная области. Мастера этой профессии использовали только лиственные породы дерева, распространенные именно в этих областях. В Записках Западно-Сибирского отдела РГО можно встретить такую запись: «В постройке домов нужно отдать справедливость казахам Баян аульского округа и Басентинской волости долины Иртыша, которые даже в настоящее время строят дома в городе Павлодаре для русских» (Чорманов, 1885: 13–14). Указанный выше регион относился к территории Среднего жуза, согласно народным преданиям самые прославленные резчики по дереву происходят родом из племени кипчаков, аргынов, кереев. Даже существует поговорка: «Коль родился сын у керей, и дерево увидит свет».

Развитие материального производства в различных природно-географических зонах происходило неравномерно. В структуре экономики края повысился удельный вес тех районов, которые располагались близко к промышленным центрам России; в частности, это северо-западный, северо-восточный и центральный ареалы. Если в лесных и лесостепных зонах были распространены промыслы, связанные с обработкой дерева, то наличие водных ресурсов способствовало развитию рыболовного, кожевенного, шерстоечного и др. промыслов.

Природно-географический фактор оказал определенное влияние на специализацию и структуру промыслового хозяйства. Исходным пунктом дифференциации промысловых занятий являются природно-климатические условия и среда обитания.

Начальным фактором развития того или иного вида промыслов является группа причин культурно-исторического характера. Основным способом материального производства казахов было скотоводческо-земледельческое хозяйство, все побочные промыслы и ремесла дополняли главные отрасли экономики края. Как отмечено в дневниковых записях А. Гейнса в 1865 г., «рубahi, чапаны (халаты), тулупы, аргаки на шубы, малахай, шалбары, бешметы, камзолы, тубетейки, вышивка кошем – все это составляет предмет домашних забот, не покупаются, а шьются женщинами» (Казахи, 1995: 61).

Традиционными видами домашних промыслов казахов являлись войлочное производство, основным сырьем для которого служила шерсть овец, верблюдов и пр.; ткачество, предметы которого были главным украшением жилища казахов, ковроделие – отрасль ткачества; вышивка и плетение циновки и пр. С середины XIX века в Казахстане растет производство войлока на продажу. Войлочное производство носило сезонный характер; ковровщицы ткали искусные ковры, однако производство войлочных изделий с орнаментальными узорами на продажу не могло получить широкого развития потому, что оно наталкивалось на конкуренцию фабричных изделий. Но вместе с тем быстрыми темпами развивается производство простого войлока на продажу.

Древним регионом ковроделия в Казахстане называют «бассейн Сырдарьи» (Казахи, 1995: 109), однако это не означало, что в других районах этот вид промысла отсутствовал. Труд А. Добросмыслова «Киргизские изделия из шерсти и волоса» содержит цветные иллюстрации орнаментированных предметов, чертежи узконового ткацкого станка (Добросмыслов, 1889). Для каждого вида промыслового занятия казахов характерен экстерриториальный признак, связанный с этническими процессами и историко-географическим ареалом края.

Ремесленные занятия казахов были связаны с главной отраслью хозяйства. Обработка дерева – традиционное занятие коренных жителей региона, производящих деревянные части юрты, седла, повозок, необходимые орудия труда для земледелия и т.д. Изделия мастеров кузнечного ремесла – предметы хозяйственного и бытового назначения, впоследствии из-за объективных и субъективных условий кузнецы переходят от производства металлических изделий к их ремонту по заказу потребителя. Искусство ювелиров служило для создания различных украшений и убора коня, одежды, предметов быта. Кости и рога, как отходы продуктов скотоводства, использовались казахами в косторезном ремесле. Немаловажное значение для казахов имели предметы из кожи, сырьем для которых служили шкуры животных.

Кожевенное производство было разнообразно – это и сапожное, скорняжное ремесла, изготовление кожаных сосудов, одежды и т.д. В 1863 г. И. Русанов писал: «Казахские шорники шьют обувь, строгают ремни и шьют из сырых ремней узды, подпруги и вожжи, и все эти вещи по прочности пользуются известностью у жителей Сибири» (Русанов, 1863).

Русское население покупало у казахских мастеров кожаные потники (тебинги) с тиснением по коже. В 1897 г. мастер Б. Тюнетов в Тургайской области выделывал круглый год тебинги на продажу. Он периодически ездил на ярмарку и сбывал там очередные партии своих изделий. На большую часть вырученных денег Б. Тюнетов приобретал материал, т.е. кожу для своего производства (Обзор, 1897: 53).

Все вышеперечисленные виды промыслово-ремесленных занятий были характерны не только для казахского населения, однако именно они исходили из основной отрасли экономики края, что являлось своеобразием домашней промышленности казахского народа.

В результате переселенческого движения в Казахстане получили развитие новые виды промыслов. В какой-то степени это подтверждается авторскими исследованиями А. Буругина (Буругин, 1861), Б. Семевского (Семевский, 1893), А. Алекторов (Алекторов, 1883), А. Кауфмана (Кауфман, 1891; Кауфман, 1897), опубликованных в рамках деятельности Министерства внутренних

дел, Переселенческого управления. Вышеуказанные авторы пытались дать количественную и качественную характеристику социального слоя промысловиков и ремесленников, проанализировать причины отсталости кустарного производства, однако большинство из них интерпретировало сведения, используемые в работах, в духе официальной имперской идеологии правительства.

Все новые явления, касающиеся казахского населения, в частности состояние ремесленных и кустарных промыслов, указанные авторы рассматривали как результат переселенческой политики царского правительства. В разных частях региона они были различны и зависели от наличия сырья, специфики естественной исторических зон, национальных особенностей и трудовых традиций на местах. Влияние переселенцев сказывалось на технике и технологии домашней промышленности. В крае, благодаря им, стал применяться ножной гончарный станок, анилиновые краски в текстильном производстве, купоросное масло – в пимокатном, получили распространение тележный и санный промыслы (Бекмаханова, 1986: 195–196).

При благоприятных условиях переселенцы становились новаторами в промысловых занятиях, на что указывает Н. Бекмаханова, «новые промыслы и ремесла несли с собой в Казахстан ... переселенцы» (Бекмаханова, 1986: 197). Эстонские переселенцы сохраняли свой быт и традиционные виды хозяйствования. В каждом доме находились верстак, прялка, ткацкий станок (Бекмаханова, 1986: 217). Наметились перемены в шорном и кожевенном производстве, получили более широкое развитие столярное и плотничье ремесла.

В конце XIX – начале XX вв. в регионе шел процесс взаимовлияния промыслово-ремесленных занятий, росла численность многонационального состава промысловиков. Под влиянием русских и среднеазиатских мастеров совершенствовались кузнечное и ювелирное дело. Особое место среди металлообрабатывающих ремесел принадлежало ювелирному делу, им занимались «золотых дел мастера» или «мастера по изготовлению серебряных украшений». Ювелиры Казахстана имели различную специализацию. Среди них были золотари – алтын согуши, серебряники – кумис согуши. В рукописи русского купца Д. Белова сказано: «Киргиз (казах – авт.) от природы очень способен к разного рода ремеслам, и только нужно удивляться, как он с самым незатейливым инструментом выделывает прекрасные ленчики для седел, как из его, по-видимому, неуклюжих рук выходят прекрасные серебряные и золотые вещи, обувь киргизской (казахской – авт.) работы очень прочна и замечательно ловко обтягивает ногу» (Ибрагимов, 1966: 32).

Брошюра «Влияние колонизации на киргизское хозяйство», изданная в 1907 г. Переселенческим управлением Главного управления землеустройства и земледелия, была составлена по данным повторного исследования Аманкарагайской волости Кустанайского уезда Тургайской области, специально организованного с целью доказать плодотворное влияние царских изъятий на нужды переселенцев, а также показать, насколько выше поднялся уровень развития ремесленных и кустарных промыслов у коренного населения. Однако А. Кауфман подверг сомнению тезис о прогрессивном влиянии переселенцев на хозяйственные приемы коренного населения, считая, что нововведения носили частный характер. «Конечно, переселенческое движение влияет на развитие форм хозяйства, но это чисто механическое...» (Кауфман, 1891). Он выступал против преувеличения «культурной роли» переселенцев, отрицая какое-либо значительное влияние переселенческого движения на различные сферы хозяйственной жизни. «Все новые явления, – писал он, – это следствие созревших внутренних хозяйственных условий» (Кауфман, 1891: 50–51). Стоит отметить еще одну его работу – «Переселенцы-арендаторы Тургайской области», где описывались хозяйства крестьян-старожилов, социально-экономическое положение крестьян-переселенцев и их отношения с казахским населением (Кауфман, 1897b).

Новые культурно-исторические условия способствовали развитию более совершенных промыслов применительно к природно-географическим, демографическим и экономическим потребностям края.

К демографической группе факторов следует отнести степень расселения народностей региона, их удельный вес и плотность, соотношение численности коренного и переселенческого населения. На фоне данной группы причин можно сделать попытку выявить долю занятости населения домашними промыслами, а также проделать сопоставительный анализ динамики численности населения и видов занятий.

В результате переселенческого движения в исследуемых хронологических рамках произошли изменения в численном, этническом составе и плотности населения, соответственно в сфере материального производства. Те районы, которые были благоприятны в природно-климатическом и экономическом отношении, осваивались и заселялись более активно.

Согласно данным переписи 1897 года численность казахов составляла 81,7 %, русских – 11 %, украинцев – 1,91 %, татар – 1,33 %, уйгур – 1,33 %, узбеков – 0,7 %, мордвы – 0,28 %, дунган – 0,11 %. Процентный состав народностей, занятых в выделенных отраслях (обработка дерева, металла, изготовление одежды, керамики, ювелирных украшений, производство экипажей, строительные работы) представлен следующими данными: казахи – 0,22 %, русские – 2,16 %, татары – 2,5 %, узбеки – 1,8 %, немцы – 2,7 %, дунгане – 4,6 %, поляки – 7,4 %.¹

¹ Подсчет сделан автором по данным Переписи населения Российской империи 1897 г.

Немаловажное значение представляют исследования (Тетеревников, 1867; Васильев, 1898), раскрывающие развитие товарно-денежных отношений в Казахстане, их взаимосвязь с ремесленными и кустарными промыслами, дающие статистические сведения о товарообороте и продукции проводимых ярмарок. Рост товарно-денежных отношений усиливает роль денег в хозяйстве, несмотря на преобладание в казахских хозяйствах натуральной формы доходов и расходов, однако 1/3 их осуществлялась в денежной форме. Хозяйства края ежегодно затрачивали крупные суммы на приобретение промышленных товаров. «Киргизская степная газета» в одной из статей попыталась дать описание того, как изменился быт казаха-кочевника: «В старину в степи жили при иных условиях, которые сложились в последнее время. Тогда наши деды занимались исключительно скотоводством, которое давало им все необходимое. Словом, ничего не покупали. Условия окружающей нас жизни изменились и сделали невозможным жить прадедовской жизнью. Нам теперь приходится все покупать, за все платить. Нам теперь стыдно носить сапоги из сыромятной кожи, которую мы продаем от 1 рубля до 4 рублей, чтобы получить ее обратно уже выделанной за 6–12 рублей, овчины своей выделки совсем перестали носить, сбываем их за 30–60 копеек, шерсть скота продаем от 2 до 3 рублей пуд, аршин шерстяной материи, изготовленной на фабрике из этой шерсти, мы покупаем от 80 копеек до 6 рублей». Годовой доход семьи из 4 человек корреспондент сравнивает с бюджетом своего деда: «В старину мой дед имел 30 лошадей, 40 баранов, 3 верблюда, 10 коз, 5 коров, жил он состоятельно, кожи убитых животных шли на предметы домашнего обихода. Я, его внук, имею столько же, но не ношу платье домашнего приготовления, кожа от трех лошадей по 3 рубля за штуку, мясо – на еду. Кожа от 5 баранов по 60 копеек за штуку, выходит – 3 рубля, шерсть 40 баранов – 200 фун. Половина – на обновление юрты, половина на продажу по 3 рубля за пуд – 7,50 рублей, итого выходит 22 рубля 50 копеек. Годовой расход составляет 24 рубля 59 копеек на одного члена семьи, на четверых – 106 рублей 36 копеек, с учетом расходов на продукты – 138 рублей 82 копейки, дефицит бюджета – 116 рублей 39 копеек» (Киргизская..., 1899).

Развитие товарно-денежных отношений и возрастающая потребность в деньгах обуславливали связь с рынком, порождая экономическую необходимость этих отношений для всех хозяйств. «Под влиянием изменяющихся условий жизни кочевого народа у киргизов (казахов – авт.) постепенно возникают новые потребности, удовлетворение которых возможно только на наличные деньги: ему нужны деньги для уплаты податей и повинностей, для покупки чая, сахара, сбри, земледельческих орудий, для найма рабочих на страду и т.д.» (Крафт, 1899: 478).

Вначале XX в. продолжало расти количество, обороты и экономическое значение ярмарок, что вызывалось ростом товарной продукции населения, улучшением качества и увеличением сбыта привозимых промышленных товаров. Недалеко от Каркаралинска, основанного в 1824 году, ялаторовский купец Варнава Ботов недалеко от речушки Тадды, впадающей в озеро Карасор впервые произвел обмен мануфактурных, бакалейных и других различных товаров, в которых нуждалась степь, на продукцию кочевого хозяйства. И, начиная с 1848 года, в указанной местности возникла неофициальная ярмарка, правительственное признание она получила лишь в 1869 году по ходатайству губернатора Семипалатинской области и Каркаралинского уездного начальника. «Ежегодно ...Таллинская долина, безлюдная и молчаливая до того, оглашается шумом тысячеголовой толпы... В двух главных рядах... помещаются мануфактурные, чайные и прочие магазины, лавки скобяным товаром. В соседних с ними рядах помещаются ташкентцы со своими товарами (бязь, шелковые материи, ковры, сушеные фрукты и прочее...)», – сообщалось в одном из томов «Полного географического описания нашего отечества» (Киргизский край, 1903). Там же сообщалось, что на ярмарке было продано товаров на сумму 1 миллион 731 тысяча рублей, в основном это продукция скотоводческого хозяйства. По размерам торговых оборотов Куяндинская ярмарка практически всегда занимала первое место. В 1901 г. на ней было продано разного товара на 1403409 рублей, скота – на 657794 рубля, разных продуктов казахского скотоводства – на 207783 рубля (ЦГА РК. Ф. 427. оп. 1. Д. 84. Л. 51,53).

Торговля скотом и животными продуктами играла видную роль в домашних промыслах, она производилась на ярмарках и в городских кожевенных артелях. В 1915 г. в Акмолинской области состоялось 280 ярмарок, которые проходили круглый год. Из наиболее известных можно назвать Покровскую ярмарку в с. Никольском, Казанскую на ст. Зелесинской, Ивановскую в с. Максимовском и др. Эти ярмарки имели большое значение не только для населения Акмолинской области, но и других районов; жители отдаленных от городов местностей получали возможность как купить промышленные товары, так и попробовать раз в год произвести обмен своего скота на товары фабрично-заводской промышленности. На всех ярмарках было продано 692910 голов скота, 45473 лошади, 890 верблюдов, 173181 овца и коза, 3002 свиньи, 631226 шкур крупнорогатого скота, 25778 конских шкур, 1816195 овечьих шкур, 22356 верблюжьих, 9211 пудов конского волоса, 322448 пудов овечьей шерсти, 2989 пудов козьей шерсти, 81458 пудов верблюжьей шерсти (Обзор, 1916: 24, 25).

Существование ярмарочной и базарной торговли обусловлено рядом причин: это, во-первых, изменение экономической конъюнктуры, вызванное развитием капиталистических отношений и увеличением доли населения, потребляющего сельскохозяйственную продукцию. Во-вторых, это

усложнение и удорожание труда, возрастание спроса на сырье для промышленности и продукты питания, что вызвало повышение цен на потребительском рынке. Это, в свою очередь, стимулировало рост ярмарочной и базарной торговли, делало ее выгодным занятием не только для многочисленных скупщиков и перекупщиков, но и для крестьян и скотоводов, часто нуждавшихся в живых деньгах. По мнению российского историка Т. Щегловой, «во второй половине XIX в. формирование ярмарочной сети было вызвано рыночными потребностями. На развитие регионального рынка оказывали влияние новые факторы – рост товарности народного хозяйства, развитие рыночного производства» (Щеглова, 2004: 99).

1 мая 1851 года и в начале февраля 1852 года Советом управления Западной Сибири были учреждены три ярмарки: Воздвиженская (осенняя) в Кокчетавском округе и две в Акмолинском округе – Константиновская и Солумская (Казахско-русские, 1961: 307). Намечалось открытие ярмарочной торговли в Аягузе и Копале с расчетом, что «эти ярмарки будут придавать степной торговле характер некоторой оседлости» (Идаров, 1876: 31–32).

Анализ документов ярмарочной торговли позволил выявить некоторые своеобразные закономерности: во-первых, существовавшие и вновь открываемые ярмарки располагались по радиусу от какого-либо крупного села или местечка на расстоянии 1–2 часов пути, т.е. к самому отдаленному ярмарочному пункту можно было добраться не более чем за 4 часа; во-вторых, хотя каждая ярмарка имела утвержденный властями срок действия, тем не менее все они последовательно функционировали в данной местности на протяжении года; таким образом, экономическая необходимость превратила мелкие розничные ярмарки в один из видов постоянной торговли.

Развитие домашней промышленности региона находилось под контролем торгового капитала России, который занимал доминирующее положение в торговле и определял сырьевую направленность промыслово-ремесленных занятий. Например, на ярмарках Семипалатинской области с каждым годом возрастала продажа животноводческого сырья: в 1883 г. его продано на 252485 руб., в 1896 году – на 635496 руб., в 1898 году – на 678620 руб.¹

Надо отметить значительное расширение сети железных дорог и системы водного транспорта в Казахстане. Торговая буржуазия воспользовалась развитием путей сообщения, прежде всего для расширения вывоза продуктов скотоводческого хозяйства. В начале XX века многие российские фирмы открывали в различных регионах Казахстана специальные пункты по скупке скотоводческих продуктов. Железнодорожное сообщение ускорило внутренний и внешний товароборот в Казахстане, удешевило перевозку грузов, способствовало росту товарности сельского хозяйства и промыслово-ремесленной продукции, в то же время рост ввоза фабрично-заводских изделий изживал отдельные виды продукции кустарных заведений. Однако влиянию железных дорог на развитие промысловых занятий не следует придавать особого значения, т.к. их сооружение в Казахстане было результатом определенного уровня российского капитализма, оно было вызвано назревшими потребностями общества. Надо отметить, что развитие железнодорожного транспорта резко сузило извозный промысел и связанные с ним шорное, деревообделочное ремесла, а также производство экипажей.

Рассматривая группу политических факторов, оказавших влияние на развитие промысловых занятий, следует отметить, что в результате административно-территориальных реформ Казахстан был включен в единый полиэтничный и экономический регион Российской империи. Это означало создание на территории края общей системы административно-политического устройства, направленной на обеспечение необходимых условий для преобразования традиционных экономических отношений в Казахстане на отношения, соответствующие потребностям российского торгового капитала. Законодательные акты были направлены на превращение края в сырьевой придаток Российской империи.

В «Материалах по истории политического строя Казахстана» говорилось, что «инородцы имеют полную свободу заниматься земледелием, и скотоводством, и местными промыслами...». Однако в следующих пунктах оговаривалось, что без предварительной договоренности с окружным приказом и без его согласия, не имея на руках письменного разрешения, промыслами заниматься запрещается, ослушавшихся ждало наказание (Материалы, 1960: 145). Для занятия отхожим промыслом в русских селениях казахи обязаны брать установленные билеты, с платой билетного сбора по 20 копеек за месяц, что вызывало естественные трудности при развитии отходничества.

В обязанность казахам вменялось устройство внутренних сообщений, содержание почтовых трактов, развитие извозного промысла. «Очередные повинности киргизов состоят в одном устройении внутренних сообщений, в мирное время перевозочные средства под войска и военные тяжести подражаются вольным наймом, в случае же чрезвычайной надобности в высылке войск или военных транспортов губернаторы и уездные начальники имеют право прибегнуть к наряду перевозочных средств натурою с уплатою за перевозку по определенной губернатором таксе» (Материалы, 1960: 100, 336). По платежу государственного промыслового налога Акмолинская, Семипалатинская, Семиреченская области относились к 3 классу, Сырдарьинская (г. Ташкент) – ко 2 классу (Положение, 1902). В основание классификации отнесены следующие критерии: число жителей в

¹ По материалам Обзоров Семипалатинской области за соответствующие годы.

городах и плотность населения в уездах, степень прироста населения за последние 30 лет, состояние сельского хозяйства, данные о фабрично-заводской промышленности и пр. От промыслового налога освобождались кустарные промыслы и склады кустарных изделий, содержащих образцы изделий и материалов для их производства, а также учебные и ремесленные заведения и мастерские (Положение, 1902: 40, 690). Здесь же, в «Уставе о промышленности», определялись права и положение ремесленника, мастера. Мастер имел право завести мастерскую, держать в найме подмастерьев и учеников. О вступлении в цех говорилось: «Дозволяется записываться в цехи: 1) мещанам и разночинцам; 2) крестьянам; 3) иностранцам (Положение, 1902: 691).

Отсутствие промышленных площадей и промышленных машин являлось главной отличительной особенностью ремесленных мастерских от фабрично-заводской промышленности. Царская администрация предусматривала поощрение тех казахов, которые будут заниматься различными промыслами в значительных размерах (Положение, 1902: 102).

Казахстан был рынком сбыта и источником сырья для капиталистической промышленности Российской империи. Надо отметить, что фабрично-заводская промышленность России производила не все товары, необходимые для населения края. По этой причине можно было наблюдать упадок одних отраслей кустарного производства и дальнейшее развитие других. Например, сворачивалось производство металлических изделий, кожевенно-овчинное ремесло, керамическое производство и некоторые другие, в то же время в области изготовления деревянных каркасов для юрт, отдельных видов мебели, ювелирных, войлочных, тканых изделий можно было видеть их неизменное развитие. Но в данном случае эти виды ремесла не могли конкурировать с продукцией фабрично-заводской промышленности, т.к. данные кустарные товары изготавливались только на заказ, а на рынок попадали от случая к случаю. Кустарное производство не отвечало интересам торгового капитала России, т.к. представляло для него конкуренцию, и в будущем или закрывалось, или оказывалось у него в подчинении.

5. Заключение

Таким образом, исследуя группу основных факторов, влиявших на развитие промысловых занятий, следует сделать вывод, что степень вовлеченности населения Казахстана в промысловые занятия и соответственно уровень их развития были различными, что зависело от многих обстоятельств и факторов: природно-географический фактор, с одной стороны, влиял на интенсивность развития сельского хозяйства в крае, а с другой – оказал свое влияние на специализацию района и экономическую структуру промыслового хозяйства; характер развития промыслово-ремесленных занятий определялся натурально-потребительской деятельностью кочевого ареала и маргинальной зоной. В кочевых ареалах удельный вес промысловых занятий ничтожен, в оседло-земледельческих их доля значительно выше. Культурно-исторический фактор предопределил для каждой этнической группы свои традиционные виды ведения хозяйства, которые в ходе культурно-исторических контактов получили дальнейшее, более усовершенствованное развитие, а также процесс взаимодействия способствовал появлению новых видов побочных промыслов, ранее не развивавшихся в отдельных этнических группах.

Демографический фактор, внося изменения в численность и размещение населения, в его этническую структуру, в целом не изменил основу материального производства края, однако, способствуя усилению зональной специализации и углублению структурных изменений в промысловом хозяйстве, сыграл роль своеобразного ускорителя в развитии как новых, так и старых видов промыслов.

Экономический фактор вызвал рост товарно-денежных отношений, расширение ярмарочной торговли и вовлечение в ее орбиту домашней промышленности, способствовал ее ускоренной специализации, изживанию старых форм хозяйствования и появлению новых форм промыслово-ремесленной деятельности с товарной продукцией, созданию водного и железнодорожного транспорта, что обеспечило регулярные хозяйственные связи и повысило роль региона в общероссийском разделении труда. В группе причин экономического фактора следует учитывать уровень экономического состояния самого хозяйства и то, к какому типу оно относится; чем это хозяйство малоимущее, тем больше у него поводов искать дополнительные средства к существованию.

Политический фактор сыграл в развитии промысловых занятий двоякую роль: с одной стороны, административно-территориальные реформы поощряли развитие промыслового хозяйства, а с другой – предусматривали распространение и совершенствование тех отраслей, которые не представляли конкуренции фабрично-заводской промышленности России. Система государственно-административного управления стала играть большую роль как в социально-экономической, так и в политической жизни края. Шел значительный рост внеэкономических форм эксплуатации населения. Следует заметить, что, несмотря на значительные изменения, происшедшие в регионе в ходе административного реформирования, основа материального производства экономики Казахстана не подверглась каким-либо изменениям. Единственным позитивным аспектом экономического развития края в политической системе Российского государства является развитие отхожего промысла, безусловно, с учетом развития и роста промышленности, городской инфраструктуры и пр.

Литература

- Бекмаханова, 1986** – Бекмаханова Н. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIX в. – 1917 г.). М.: Наука, 1986. 243 с.
- Васильев, 1898** – Васильев А. Материалы к характеристике взаимных отношений татар и киргизов с предварительным кратким очерком этих отношений. Оренбург, 1898.
- Габбин, 1899** – Габбин Н. Кустарные промыслы. Производства седел (ленчиков) // Сборник материалов для статистики Сырдарьинской области. Ташкент: Изд. Сырдарьинского областного статистического комитета, 1899. Т. VII. С. 1–54.
- Григорьев, 1882** – Григорьев В. Кочевой быт и исследования в степях // *Восточное обозрение*, 1882, № 12.
- Добросмыслов, 1889** – Добросмыслов А. Киргизские изделия из шерсти и волоса // *Известия Оренбургского отдела РГО*. Оренбург, 1889.
- Добросмыслов, 1895** – Добросмыслов А. Овцеводство и его значение в экономике киргизского населения Тургайской области. Оренбург, 1895.
- Добросмыслов, 1898** – Добросмыслов А. Торговля в Тургайской области. Оренбург, 1898.
- Ибрагимов, 1966** – Ибрагимов С. Рукопись по истории развития земледелия у казахов к середине XIX в. // *Известия АН КазССР*. Вып. 2. Алма-Ата, 1966.
- Идаров, 1876** – Идаров С. Киргизская степь: Сибирские ведомства и новоучрежденное в ней. Семипалатинская область, 1876.
- Казахи, 1995** – Казахи. Историко-этнографическое исследование. Алматы: Казахстан, 1995. 352 с.
- Казахско-русские, 1961** – Казахско-русские отношения в XVII–XIX вв. Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1961. 746 с.
- Карутц, 1910** – Карутц Р. Среди киргиз и туркмен на Мангышлаке. СПб., 1910.
- Кауфман, 1891** – Кауфман А. Влияние переселенческого элемента на развитие сельского хозяйства и общественной жизни в Западной Сибири // *Сев. вестник*. 1891. № 4.
- Кауфман, 1897** – Кауфман А. Переселенцы-арендаторы Тургайской области. СПб., 1897. 140 с.
- Киргизская..., 1899** – Киргизская степная газета, 17 января 1899 г. № 3.
- Киргизский край, 1903** – Киргизский край. Т. 18. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. С-Петербург. Изд-во. А. Дефриева, 1903. 479 с.
- Колмогоров, 1856** – Колмогоров Г. О промышленности и торговле в киргизских степях Оренбургского ведомства // *Вестник РГО*. 1856. Кн. 1.
- Коншин, 1899а** – Коншин Н. К вопросу о переходе киргизской Семипалатинской области в оседлое состояние. Семипалатинск, 1899.
- Коншин, 1899б** – Коншин Н. По Усть-Каменогорскому уезду. Путевые заметки. Семипалатинск, 1899.
- Коншин, 1902** – Коншин Н. Материалы по истории Степного края. Семипалатинск, 1902.
- Красовский, 1868** – Красовский М. Область сибирских киргизов. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генштаба. СПб., 1868. Ч. 2.
- Крафт, 1899** – Крафт И. Памятная книжка Тургайской области за 1898 г. Т. 1. Оренбург, 1899. 504 с.
- Материалы, 1960** – Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1. Алма-Ата. 1960. 442 с.
- Обзор, 1897** – Обзор Акмолинской области за 1895 г. Омск, 1897.
- Обзор, 1916** – Обзор Акмолинской области за 1915 г. Омск, 1916.
- Положение, 1902** – Положение о государственном промысловом налоге. СПб, 1902. 540 с.
- Полферов, 1896** – Полферов Я. Тургайская область на Всероссийской художественной выставке в Н. Новгороде 1896 г. (очерк). Москва, 1896.
- Русанов, 1863** – Русанов И. О ремесленности у киргизов // *Воронежский листок*, 1863. № 10.
- Словцов, 1897** – Словцов И. Путевые записки, веденные во время поездки в Кокчетавский уезд Акмолинской области в 1876 г. // *Записки ЗСОРГО*, Омск, 1897. Кн. XX.
- Сущинский, 1898** – Сущинский П. Экономический быт и правовые отношения старожилов и новоселов на Алтае, СПб, 1898.
- Сущинский, 1907б** – Сущинский П. Переселение и кочевники-киргизы // *Новое время*. 1907. № 11.
- Тетереvников, 1867** – Тетереvников А. Очерки внутренней торговли киргизской степи. СПб, 1867.
- Турчанинов, 1910** – Турчанинов Н. Итоги переселенческого движения за время с 1896–1909 гг. СПб, 1910.
- ЦГА РК** – Центральный Государственный архив Республики Казахстан.
- Чорманов, 1885** – Чорманов Б. Заметка о киргизах Павлодарского уезда // записки Западно-Сибирского Императорского русского географического общества. Омск: Окружной штаб, 1885. Кн. 32. С.1–30.
- Щеглова, 2004** – Щеглова Т. Городские ярмарки Западной Сибири во второй половине XIX века // *Города Сибири XVIII – начала XX вв. Выпуск 2. История повседневности: Сборник научных статей* // Под ред. В.А. Скубневского, Ю.М. Гончарова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 230 с.

References

- Bekmahanova, 1986** – *Bekmahanova N.* (1986). Mnogonacional'noe naselenie Kazahstana i Kirgizii v ehpohe kapitalizma (60-egody XIX v. – 1917 g.) [The multinational population of Kazakhstan and Kyrgyzstan in the era of capitalism (the 60s of the XIX century – 1917)]. M.: Nauka. 243 p. [in Russian]
- CGA RK** – Central'nyj Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].
- Chormanov, 1885** – *Chormanov B.* (1885). Zametka o kirgizah Pavlodarskogo uezda [A Note on the Kirghiz of Pavlodar county]. Zapiski Zapadno-Sibirskogo Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva. Omsk: Okruzhnoj shtab, 1885. Kn. 32. pp. 1-30. [in Russian]
- Dobrosmyslov, 1895** – *Dobrosmyslov A.* (1895). Ovcevodstvo i ego znachenie v ehkonomike kirgizskogo naseleniya Turgajskoj oblasti [Sheep breeding and its importance in the economy of the Kirghiz population of the Turgay region]. Orenburg. [in Russian]
- Dobrosmyslov, 1889** – *Dobrosmyslov A.* (1889). Kirgizskie izdeliya iz shersti i volosa [Kirghiz products from wool and hair]. *Izvestiya Orenburgskogo otdela RGO-Orenburg.* [in Russian]
- Dobrosmyslov, 1898** – *Dobrosmyslov A.* (1898). Torgovlya v Turgajskoj oblasti [Trade in the Turgay region]. Orenburg. [in Russian]
- Gabbin, 1899** – *Gabbin N.* (1899). Kustarnye promysly. Proizvodstva sedel (lenchikov) [Handicraft industries. Production saddles (lenchik)]. Sbornik materialov dlya statistiki Syrdar'inskoj oblasti. Tashkent: Izd. Syrdar'inskogo oblastnogo statisticheskogo komiteta. T.VII. pp. 1-54. [in Russian]
- Grigor'ev, 1882** – *Grigor'ev V.* (1882). Kochevoj byt i issledovaniya v stepyah [The nomadic way of life and research in the steppes]. *Vostochnoe obozrenie*, №12. [in Russian]
- Ibragimov, 1966** – *Ibragimov S.* (1966). Rukopis' po istorii razvitiya zemledeliya u kazahov k seredine XIX v. [Manuscript on the history of the development of agriculture among the Kazakhs by the middle of the nineteenth century]. *Izvestiya AN KazSSR.*, vyp.2. Alma-Ata. [in Russian]
- Idarov, 1876** – *Idarov S.* (1876). Kirgizskaya step': Sibirskie vedomstva i novouchrezhdennoe v nej [Kyrgyz Steppe: Siberian departments and the newly established in it]. Semipalatinskaya oblast'. [in Russian]
- Karutc, 1910** – *Karutc R.* (1910). Sredi kirgiz i turkmen na Mangyshlake [Among kyrgyz and turkmen in Mangyshlak]. SPb. [in Russian]
- Kaufman, 1891** – *Kaufman A.* (1891). Vliyanie pereselencheskogo ehlementa na razvitie sel'skogo hozyajstva i obshchinnoj zhizni v Zapadnoj Sibiri [Influence of the resettlement element on the development of agriculture and community life in Western Siberia]. *Sev. vestnik*. №4. [in Russian]
- Kaufman, 1897** – *Kaufman A.* (1897). Pereselency-arendatory Turgajskoj oblasti [Migrants-tenants of the Turgai region]. SPb. 140 p. [in Russian]
- Kazahi, 1995** – Kazahi. Istoriko-ehtnograficheskoe issledovanie [Kazakhs. Historical and ethnographic research]. Almaty: Kazahstan, 1995. 352 p. [in Russian]
- Kazahsko-russkie, 1961** – Kazahsko-russkie otnosheniya v XVII-XIX vv. [Kazakh-Russian relations in the XVII – XIX centuries]. Sbornik dokumentov i materialov. Alma-Ata, 1961. 746 p. [in Russian]
- Kirgizskaya..., 1899** – Kirgizskaya stepnaya gazeta [Kyrgyz steppe newspaper], 17 yanvarya 1899 g. №3. [in Russian]
- Kirgizskij kraj, 1903** – Kirgizskij kraj. T. 18. Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva [Russia. Complete geographical description of our fatherland]. S-Peterburg. Izd-vo. A.Defrieva, 1903. 479 p. [in Russian]
- Kolmogorov, 1856** – *Kolmogorov G.* (1856). O promyshlennosti i torgovle v kirgizskih stepyah Orenburgskogo vedomstva [On industry and commerce in the kirghiz steppes of the Orenburg Office]. *Vestnik RGO*. kn. 1. [in Russian]
- Konshin, 1899a** – *Konshin N.* (1899). K voprosu o perekhode kirgizskoj Semipalatinskoj oblasti v osedloe sostoyanie [To the issue of the transition of the Kyrgyz Semipalatinsk region to a sedentary state]. Semipalatinsk. [in Russian]
- Konshin, 1899b** – *Konshin N.* (1899). Po Ust'-Kamenogorskomu uezdu [In Ust'-Kamenogorsk district]. Putevye zametki. Semipalatinsk. [in Russian]
- Konshin, 1902** – *Konshin N.* (1902). Materialy po istorii Stepnogo kraya [Materials on the history of the Steppe territory.]. Semipalatinsk. [in Russian]
- Kraft, 1899** – *Kraft I.* (1899). Pamyatnaya knizhka Turgajskoj oblasti za 1898 g. [The memorial book of the Turgai region for 1898]. T. 1. Orenburg. 504 p. [in Russian]
- Krasovskij, 1868** – *Krasovskij M.* (1868). Oblast' Sibirskih kirgizov [Region of Siberian Kyrgyz]. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami Genshtaba. SPb. CH. 2. [in Russian]
- Materialy, 1960** – Materialy po istorii politicheskogo stroya Kazahstana [Materials on the history of the political system of Kazakhstan]. T.1. Alma-Ata. 1960. 442 p. [in Russian]
- Obzor, 1897** – Obzor Akmolinskoj oblasti za 1895 g. [Review of Akmola Oblast for 1895.]. Omsk, 1897. [in Russian]
- Obzor, 1916** – Obzor Akmolinskoj oblasti za 1915 g. [Review of the Akmola region for 1915]. Omsk 1916. [in Russian]
- Polferov, 1896** – *Polferov Y.A.* (1896). Turgajskaya oblast' na Vserossijskoj hudozhestvennoj vystavke v N.Novgorode 1896 g. (ocherk) [Turgay region at the All-Russian Art Exhibition in N. Novgorod (sketch)].

Moskva. [in Russian]

Polozhenie, 1902 – Polozhenie o gosudarstvennom promyslovom naloge [Regulations on the state trade tax]. SPb, 1902. 540 p. [in Russian]

Rusanov, 1863 – *Rusanov I.* (1863) O remeslennosti u kirgizov [On the craft of the kirghiz]. *Voronezhskij listok*. № 10. [in Russian]

Shcheglova, 2004 – *Shcheglova T.* (2004). Gorodskie yarmarki Zapadnoj Sibiri vo vtoroj polovine XIX veka [Urban fairs of Western Siberia in the second half of the XIX century]. *Goroda Sibiri XVIII – nachala XX vv. Vypusk 2. Istoriya povsednevnosti: Sbornik nauchnyh statej.* // Pod red. V.A. Skubnevskogo, YU.M. Goncharova. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2004. 230 p. [in Russian]

Slovcov, 1897 – *Slovcov I.* (1897). Putevye zapiski, vedennye vo vremya poezdki v Kokchetavskij uezd Akmolinskoj oblasti v 1876 g. [Travel notes, kept during a trip to the Kokchetav district of the Akmola region in 1876]. *Zapiski ZSoRGO*, Omsk. kn. XX. [in Russian]

Sushchinskij, 1898 – *Sushchinskij P.* (1898). Ehkonomicheskij byt i pravovye otnosheniya starozhilov i novoselov na Altae [Economic life and legal relations of old-timers and new settlers in Altai]. SPb. [in Russian]

Sushchinskij, 1907b – *Sushchinskij P.* (1907). Pereselenie i kochevniki – kirgizy [Relocation and nomadic Kyrgyz]. *Novoe vremya*, №11. [in Russian]

Teterevnikov, 1867 – *Teterevnikov A.* (1867). Oчерки vnutrennej trgovli kirgizskoj stepi [Essays on the domestic trade of the Kyrgyz steppe]. SPb. [in Russian]

Turchaninov, 1910 – *Turchaninov N.* (1910). Itogi pereselencheskogo dvizheniya za vremya s 1896-1909 gg. [Results of the migration movement in the period from 1896–1909]. SPb. [in Russian]

Vasil'ev, 1898 – *Vasil'ev A.* (1898). Materialy k harakteristike vzaimnyh otnoshenij tatar i kirgizov s predvaritel'nym kratkim oчерkom ehtih otnoshenij [Materials for the characterization of the mutual relations of the Tatars and Kyrgyz with a preliminary brief outline of these relations]. Orenburg. [in Russian]

Промыслово-ремесленные занятия казахского населения в середине XIX – начале XX веков

Альбина Советовна Жанбосинова^{a, *}, Арман Айвыпбековна Кульшанова^b, Мендыганым Джамалбековна Шаймерденова^b

^a Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова, Республика Казахстан

^b Казахская национальная академия искусств им. Т.К. Жургенова. Республика Казахстан

Аннотация. Статья посвящена истории развития промыслово-ремесленных занятий казахского населения в фокусе оценки учеными XIX века, оставившими богатейшее историческое наследие. Содержание статьи опирается на обширный круг источников, хранящихся в Центральном Государственном архиве Республики Казахстан, редком фонде Национальной библиотеки им. Абая г. Алматы. При написании научной статьи были использованы соподчиненные основной цели научной тематики общенаучные методы анализа, синтеза, обобщения, а также теоретические исследования по проблемам социально-экономического развития, хозяйственно-культурной деятельности населения Казахстана и приграничных регионов.

Экономика Казахстана во второй половине XIX века претерпела существенные изменения, вызванные развитием капитализма в России, распространением товарно-денежных отношений и распадом натуральных форм хозяйствования. Авторы полагают, что степень вовлеченности населения Казахстана в промысловые занятия и соответственно уровень их развития был различным, что зависело от многих обстоятельств и факторов, характер развития промыслово-ремесленных занятий определялся натурально-потребительской деятельностью кочевого ареала и маргинальной зоной.

Ключевые слова: домашние промыслы, ремесло, Казахстан, ярмарка, торговля, казахское население, переселенческое движение.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kaznai@art-oner.kz (А.С. Жанбосинова)

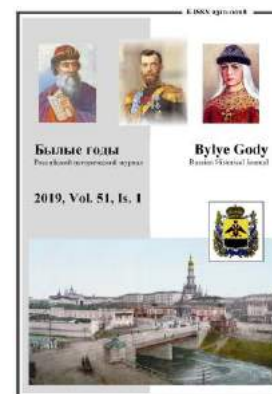
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 51. Is. 1. pp. 252-261. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.1.252
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

"Equality of Cossacks under the Law and the Wrong Distribution of Allowances and Duties in Fact": the Land-Use System of the Don and Kuban Cossack Villages in 1860–1890

Artyom Y. Peretyatko ^{a, b, *}

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the evolution of the land-use system in the villages of the Don and Kuban Cossack Hosts in 1860–1890. Based on the materials of the State Archives of the Rostov Region, the State Archives of the Krasnodar Region and the Manuscripts Department of the Russian National Library, the author concludes that at this time there was a transition from the “free” land-use system to a share land-use system. The first of these systems, traditional for Cossack Hosts, assumed that each Cossack smells as much land as he wants. Since most of the Cossacks before 1860 engaged in cattle breeding, this system worked quite successfully, but its consequence was the strengthening of social inequality in the villages: the Cossacks, plowing large areas of land, quickly enriched themselves. Under these conditions, the government tried to protect the poor Cossacks by allowing them to lease their share according to the law to non-residents. This measure and the increase in land shortage in the villages led to a gradual transition of the Cossacks to a share land use system. However, as a result of mass delivery of shares to nonresident, the landlessness of not separate Cossack households, but Cossack villages as a whole began: by 1899 about 20% of the village lands of Don Cossacks were transferred to nonresident leases.

Keywords: Don Cossack Host, Kuban Cossack Host, the land-use system in the villages, M.N. Kharuzin, N.N. Karmalin, N.A. Maslakovets.

1. Введение

Наверное, почти каждый человек, интересующийся историей казачества конца XIX – начала XX вв., знает, что после принятия «Положения об управлении Донского войска» в 1835 г. для большинства станиц казачьих войск постепенно была установлена норма земли в 30 десятин на мужскую душу войскового сословия (*Столетие...*, 1911: 61). Теоретически надел подобных размеров был более чем достаточен для удовлетворения всех казачьих нужд, особенно в первое время после его принятия, когда казаки выходили на службу с частью снаряжения своих родителей и братьев, вследствие чего служба обходилась казачьему хозяйству не слишком дорого (*Маслаковец*, 1899: 13). Однако на практике дело обстояло совершенно иначе. Вот что отмечал по этому поводу высокопоставленный военный чиновник и видный статистик Н.И. Краснов, автор первого опубликованного историко-статистического описания Донского войска: «Главная выгода казаков есть равномерное распределение угодий. Каждый казак имеет право на 30 десятин удобной земли, находящейся в общественном владении станиц. На деле это выглядит иначе. Богатый захватывает 25 и более десятин, ставит 50 стогов сена, рубит лес на хозяйственные постройки. Бедный же для себя не пашет и не косит, а нанимается работником богатому <...>. Равноправность казаков по закону и неправильное распределение довольствий и повинностей на самом деле будут всегда главными причинами, побуждающими правительство к изменениям в их положении» (*Краснов*, 1863: 233–234). О том, что несовершенная система землепользования препятствует достижению благосостояния

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Y. Peretyatko)

многих казачьих хозяйств, писали исследователь Дона М.Н. Харузин и кубанский атаман Н.Н. Кармалин, оренбургский атаман Н.А. Маслаковец и начальники уездов в казачьих войсках. Всю вторую половину XIX в. Военное министерство пыталось улучшить ситуацию, а местные чиновники даже прямо требовали делить станичные юрты на равные пай. Увы, результаты этой деятельности оказались далеко не блестящими: в 1899 г. специальная комиссия, созданная для выяснения причин обеднения Донского войска, потребовала законодательно отказаться от паевой системы землепользования (*Протоколы...*, 1899: 141). Почему же так произошло? Почему разделить казачью землю на равные пай оказалось так сложно? И наконец, почему преобразования, направленные к этой цели, привели к катастрофическим последствиям? На эти вопросы мы и постараемся ответить в своей статье, обратившись к истории двух крупнейших казачьих войск, Донского и Кубанского.

2. Материалы и методы

Проблемам землепользования в казачьих войсках во второй половине XIX в. современники уделяли много внимания. Поэтому, не перечисляя всех опубликованных работ на данную тему, укажем книгу М.Н. Харузина «Сведения о казацких общинах на Дону: материалы для обычного права», в которой содержатся как личные наблюдения автора, так и компиляция материалов донской печати 1870–1880 гг. по данному вопросу (*Харузин, 1885*). Менее подробную, но более исчерпывающую картину, к тому же отстоящую на полтора десятилетия вперед, содержат опубликованные доклады и протоколы упомянутой выше «Высочайше утвержденной комиссии для исследования причин, подрывающих хозяйственный быт войска Донского, и для изыскания мер к восстановлению его экономического благосостояния» (*Маслаковец, 1899; Протоколы...*, 1899). Эти опубликованные источники органично дополняют архивные документы: материалы о казачьем землепользовании сохранились как в Государственном архиве Ростовской области (*ГАРО*), так и в Государственном архиве Краснодарского края (*ГАКК*). Наконец, любопытнейшие сведения по экономической истории казачества вообще содержит фонд видного военного чиновника генерала от инфантерии Н.А. Маслаковца в отделе рукописей Российской национальной библиотеки (*ОР РНБ*).

При помощи всех этих материалов, используя историко-описательный метод, мы планируем создать общую картину эволюции системы землепользования в Донском и Кубанском казачьих войсках во второй половине XIX в. Кроме того, нами будет использован историко-сравнительный метод, чтобы понять, почему переход к паевой системе землепользования только обострил проблемы казачьих войск.

3. Обсуждение

Исторически для казачьих областей было характерно крайнее многоземелье и отсутствие частной собственности на землю. Согласно официальному «Столетию Военного министерства» «в 1870 г. на каждого казака причиталось земли: в Донском войске – 23, в Кубанском – 31, в Терском – 25, Астраханском – 33 и в Оренбургском – 55 десятин» (*Столетие...*, 1911: 91). Вся земля на территории казачьего войска и законодательно, и в представлении самих казаков принадлежала этому войску. Вот что писали об этом в 1863 г. депутаты от донских станиц: «Земли Войска Донского принадлежат в собственность не одному какому-либо сословию, но всему войску» (*ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 70. Л. 5*); «Мнение помещиков, желающих продавать иногородним земли, полученные ими от войска в виде дара, с таким же ограничением, которое положено и теперь, основано на одних видах личной их выгоды и противоречит общему праву на владение землями Войска Донского» (*ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 16 об.*). Таким образом, до 1860 гг. казаки могли выступать только пользователями своих участков. И лишь в 1861–1862 гг. Военное министерство решило передать казакам, колонизирующим предгорья Западного Кавказа, земельные наделы в полную собственность (*Volvenko, 2015: 110*). В этих условиях господствовала система землепользования, которую М.Н. Харузин называл «вольной». Вот как он описывал ее вариант, принятый в донских станицах: «Остальную же (кроме лугов, участков у хуторов и земель, специально выделенных для посевов льна, проса и бахчеводства – А.П.) степь волен каждый казак распахать, где угодно и сколько угодно. По обычаю, раз захваченные пашни остаются во владении захватившего, доколе он их обрабатывает. <...> Земля в этих общинах пашется не сплошными десятинами, а небольшими полосами, так называемыми загонами, которые разбросаны по степи в различных направлениях и в страшном беспорядке» (*Харузин, 1885: 10–11*). В других казачьих войсках технические детали «вольной» системы землепользования могли существенно отличаться. Например, в кубанских станицах Баталпашинского уезда хорошая пахотная земля делилась на равные пай, а распахать в любом количестве дозволялось только «земли сорные», причем один и тот же участок мог использоваться для земледелия не более двух лет подряд, а потом передавался под выпас скота (*ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 67. Л. 34 об.*). Тем не менее неизменным оставался основной принцип «вольной» системы землепользования, который мы бы сформулировали следующим образом: официально фиксировался только станичный земельный надел, а за его равным разделом между казаками не следили ни станичные, ни войсковые власти, вследствие чего каждый хозяин запахивал столько земли, сколько мог, ограничиваясь в этом только возможностями своего хозяйства и местным традиционным правом.

Причины возникновения такой на первый взгляд странной системы землепользования на самом деле очевидны. Современниками отмечалось, что казаки еще в середине XIX в. обычно предпочитали тяжелому земледельческому труду иные, «более легкие» источники пропитания, например скотоводство или торговлю (Краснов, 1863: 248). С другой стороны, иногородним людям, пришедшим на территорию казачьих войск из других губерний, вплоть до этого времени запрещалось покупать или арендовать любую недвижимость в станицах, включая земельные участки, а попытки изменения законодательства в этой сфере вызывали возмущение у казаков (так, в 1858 г. в Донском войске из-за негативной реакции станичных обществ было отклонено ходатайство группы торговцев о разрешении приобретения не казаками недвижимости на территории донских станиц) (Peretyatko, 2017: 994). В результате казаки нуждались в том, чтобы у станиц были обширные общинные угодья для выпаса скота, а вот их заинтересованность в личных участках была куда слабее. Характерно, что в 1863 г. депутаты от Хоперского округа предлагали передать их станицам для увеличения юртовых земель удаленные «чересполосные участки», мотивируя это тем, что «для пользы целого общества (станичного – А.П.) первое всего нужны пастбища для табунов», которые, в отличие от пахотных наделов, могли находиться достаточно далеко от станиц (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 13 об.–15). И это при том, что, как писал в том же 1863 г. Н.И. Краснов, «только в бедных угодьями и запасною землею округах Усть-Медведицком и Хоперском казаки стали обращать внимание на земледелие (курсив мой – А.П.)» (Краснов, 1863: 248). Следовательно, в других округах ситуация с земледелием обстояла еще хуже! Подводя итог, можно констатировать, что значительный личный надел до середины XIX в. не имел в глазах казаков особенной ценности, в таких участках нуждались только станичники, желающие лично заниматься земледелием, а их скромные запросы удавалось удовлетворить без какого-либо правильного раздела земель.

Однако как раз в середине XIX в. ситуация начала быстро меняться. Как отмечал все тот же Н.И. Краснов, «богатые казаки, имевшие случай уклониться от службы или в цвете лет вышедшие в отставку, при подобном распределении поземельного надела могли скоро начинаться, лишь бы приложили труд и хотя маленький капитал» (Краснов, 1863: 249). По его сведениям, некоторые станичники легально захватывали участки по 200 десятин для запашки (Краснов, 1863: 249)! Подобное положение дел, особенно в наиболее малоземельных станицах, вызывало законное возмущение у большинства, и в 1860 г. впервые на Дону в нескольких станицах Хоперского округа был произведен правильный раздел пашенных земель на равные пайи между всеми членами общины (Краснов, 1863: 249). Однако архивные документы дополняют эту на первый взгляд невинную картину иными красками. Дело в том, что в это же время, в 1863 г., в ходе разработки нового законодательства для казачьих войск выяснилось, что многие бедные казаки Хоперского округа планировали не обрабатывать полученные пайи, но сдавать их... прежним пользователям, богатым казакам (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 17–18 об.). Таким образом, изменение системы землепользования было нужно части бедных станичников только для того, чтобы, не прилагая собственных усилий, получать денежную ренту.

Впрочем, важнейший удар по исторически сложившейся системе «вольного» пользования землей в казачьих станицах был нанесен позже, когда 21 апреля 1869 г. Государственный совет разработал новое «Положение» о поземельном устройстве в казачьих войсках. Вот как определял значение данного законодательного акта вскоре после его принятия донской чиновник Н.А. Маслаковец, будущий оренбургский атаман: «Установлены известные правила относительно пользования юртовыми дольствиями для каждого из членов станичного общества, впервые утверждено за ними право как личного распоряжения предоставленными паями, *так и передачи оных другим лицам, хотя бы и не принадлежащим к войсковому сословию* (курсив мой – А.П.)» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 99. Л. 45 об.–46). Идя на такой шаг, правительство надеялось добиться «предоставления казачьему сословию всех способов к развитию экономической деятельности» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 99. Л. 49). Иными словами, теперь даже беднейшие из казаков официально получили источник для упрочения финансового благосостояния – земельный пай, который можно было не только обрабатывать самостоятельно, для чего требовался специальный сельхозинвентарь, не всегда доступный беднякам, но и легально сдавать в аренду.

И в первое десятилетие после принятия нового закона его последствия казались самыми благотворными. В «Столетии Военного министерства» по этому поводу говорится следующее: «На первых порах поселение в станицах лиц, занимающихся сельским хозяйством, было выгодно как для них, так и для казаков. <...> Казаки имели полную возможность часть земли, на обработку коей не доставало своих средств, отдавать в аренду лицам невойскового сословия, поселяющимся в станицах, по цене, выгодной и для иногородних, и для себя» (Столетие..., 1911: 91). Так, пахотная земля в казачьих войсках обрела цену, а вопрос о смене системы землепользования в станицах вполне предсказуемо обострился.

М.Н. Харузин, описывавший ситуацию на Дону через два десятилетия после Н.И. Краснова, отмечал, что разница в размере наделов бедных и богатых казаков, при их законодательно закрепленном равенстве, в станицах с «вольным» использованием земель обрела еще более уродливые формы. Из-за роста населения и увеличения площадей запашки появились станицы, где вообще не осталось свободной пахотной земли. В результате молодые казаки, чьи семьи прежде не занимались

земледелием, не могли получить для запашки и самого маленького участка, в то время как станичные богачи обрабатывали по 400–500 десятин на душевой пай (т.е. более 1 000 десятин на семью) (Харузин, 1885: 13–14). Понятно, что подобный порядок был крайне выгоден для богатых станичников, бесплатно захватывающих дополнительные участки, и столь же невыгоден для бедных, теряющих возможность хотя бы сдать свою землю в аренду. И в Кубанском войске исправить эту несправедливость попытались местные власти: в марте 1879 г. лично атаман этого войска Н.Н. Кармалин обратился к своим подчиненным с циркулярным распоряжением, в котором требовал «разделения юртовых земель на паевые участки по возможности на долгие сроки с целью обеспечения в равной степени материальными средствами всех чинов станичных обществ» (ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 67. Л. 10).

Хотя само это распоряжение нам обнаружить не удалось, в Государственном архиве Краснодарского края хранятся связанные с ним документы. В них Н.Н. Кармалин так обосновывал свое желание уничтожить «вольное» пользование землей в станицах: «Прежний порядок пользования землею представляет выгоды богатым жителям, а потому и поддерживается ими на общественных сходах, тогда как преобладающее большинство недостаточных членов обществ вследствие этого лишаются возможности достигнуть желаемой степени благосостояния и терпят нужду, не имея средств для удовлетворения всех нужд своих» (ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 67. Л. 10). Однако к декабрю 1879 г. стало ясно, что выполнить приказ атамана не удастся. Во многих станицах не отказались от «вольной» системы землепользования, и тогда Н.Н. Кармалин попытался пойти на компромисс. Генерал предложил вести особые списки «жителей, которые производят распашку полей и занимают сенокосы в размерах, превышающих норму, определенную сходами для каждой семьи или души данного общества» и «лиц, имеющих больше противу допускаемого для бесплатной пастбы на юртовых землях количество лошадей, рогатого скота и овец» (ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 67. Л. 10 об.). С 1 января 1880 г. предполагалось, не отбирая у попавших в эти списки казаков захваченных участков и сверхштатного скота, начать взимать с них особые взносы (ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 67. Л. 10 об.–11). В заключение Н.Н. Кармалин писал: «Капитал, имеющий образоваться от взносов этих, должен служить для вспомоществования жителям, не пользующимся земельными угодьями или же пользующимся ими в незначительных размерах, главным образом для снаряжения недостаточных казаков на полевую службу или для поправления расстроенных хозяйств» (ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 67. Л. 11).

Однако даже компромиссный вариант реформы системы землепользования в кубанских станицах, предложенной Н.Н. Кармалиным, натолкнулся на сопротивление местных чиновников. Уже феврале 1880 г. начальник Закубанского уезда (его фамилия в документе неразборчива) сообщил о ряде сложностей, связанных с предполагаемыми преобразованиями. Правда, в начале довольно подобострастной записки он утверждал, что казаки на станичных сходах «с радостью принимают предложенную им меру и сознают всю полезность для себя деления пахотных земель на пай» (ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 67. Л. 31 об.). Однако весь дальнейший текст фактически сводил это утверждение на нет. Прежде всего, как часто бывало в казачьих войсках, реализации исходящего сверху проекта мешали частности: для правильного раздела земли на пай требовался профессиональный землемер, но межевое управление категорически отказалось командировать такового, вполне резонно замечая, что не обязано обеспечивать передел земель между жителями одной станицы (ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 67. Л. 31 об.–32). Что еще хуже, приказ Н.Н. Кармалина о сборе специальных взносов с казаков, запахивающих слишком много земли или имеющих излишек скота, оказался абсолютно невыполним. Как жаловался начальник уезда, на вверенной ему территории «по малочисленности населения сравнительно с юртовыми наделами, земельных угодий считается с избытком (подчеркнуто автором – А.П.)», и поэтому бессмысленно облагать обязательными взносами казаков, запахивающих земли, которые в ином случае просто пустовали бы (ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 67. Л. 32). С другой стороны, в силу этого же многоземелья далеко не все станицы находили иногородних, готовых платить за пользование частью их юртов. И поэтому, чтобы удовлетворять «свои насущные потребности по содержанию станичных правлений, общественных почтовых троек и проч.», закубанские станицы давно ввели особый денежный сбор со всех своих жителей, рассчитываемый именно исходя из количества скота в хозяйстве. Заменять этот сбор обязательными взносами с богатых казаков, владеющих большими стадами, уездный начальник считал преждевременным, поскольку в итоге доходы и без того бедных станиц серьезно упали бы (ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 67. Л. 32 об.). В целом, ситуация в Закубанском уезде наглядно показывала, что разработать единую систему землепользования для всех казачьих войск или даже одного крупного казачьего войска было едва ли возможно: предложения Н.Н. Кармалина, логичные в условиях, сложившихся в малоземельных станицах, были абсолютно бессмысленны в станицах многоземельных.

В том же феврале 1880 г. в Екатеринодар Н.Н. Кармалину пришла еще одна записка, критикующая его проект системы землепользования. Ее автором выступил начальник другого уезда, Баталпашинского (к сожалению, его фамилия в документе так же не читаема). Основная идея данного текста представляется нам настолько интересной, что мы приведем ее полностью. «Уравнительное пользование землей возможно лишь тогда, если само общество сознает его полезность и необходимость и члены общества будут контролировать один другого; но как

распоряжение власти оно применится на короткий срок и затем все пойдет по заведенному старому порядку» (ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 67. Л. 33). Далее чиновник доказывал, что деление земли на пай характерно для российских крестьян, поскольку для них земля является основным источником доходов, и они, соответственно, несут повинности внутри общины в соответствии с количеством паев в семье (ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 67. Л. 33 об.). Однако в казачьей среде, по мнению баталпашинского уездного начальника, подобная система землепользования носила бы искусственный характер: «Не то в станицах, где главное богатство составляет скот; по количеству же скота и душ делается и расклад денежных сборов на общественные надобности. Земли много: каждый берет, сколько может; с пользованием землей не соединено никаких повинностей и потому станичников не тревожит, если кто запашет или выкосит лишнюю десятину (подчеркнуто автором – А.П.)» (ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 67. Л. 33 об.). Поэтому, считая в принципе полезным предложение Н.Н. Кармалина, баталпашинский уездный начальник призывал сначала принять меры к распространению в казачьей среде представлений о ценности земли. Первейшей мерой к этому, по его мнению, было бы не просто ввести правильное разделение станичных юртов на пай, но и следить за тем, чтобы недоимки с казаков взыскивались за счет их паевых земель, принудительно сдаваемых в аренду (ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 67. Л. 34). Мы еще увидим ниже, что схожая мысль приходила в головы и высокопоставленных чиновников Военного министерства, приведя в итоге к катастрофическим последствиям.

Но еще более любопытные сведения баталпашинский уездный начальник собрал среди казаков. Он специально опрашивал их, чтобы понять, почему в станицах затягивают реализацию на первый взгляд разумной идеи кубанского атамана (ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 67. Л. 33). Ему удалось выяснить, что при всех своих очевидных несовершенствах «вольная» система землепользования имела одно важнейшее преимущество над паевой, из-за чего в кубанских станицах не спешили от нее отказываться. Парадокс заключался в том, что с точки зрения еще не понявшей всей ситуации власти этот плюс и был главным недостатком «вольной» системы землепользования. С точки зрения Государственного совета и Н.Н. Кармалина традиционная система раздела земли мешала бедным казакам извлекать хоть какую-то пользу из положенных им по закону участков, сдавая их в аренду иногородним. Однако богатые казаки предупреждали о крайней опасности такой аренды, о возможности неконтролируемых последствий от нее. «При выдаче участка, увлекшись выгодой или понуженный крайностью, он (казак – А.П.) отдаст землю лет на пять, проживет деньги в один год, а затем получит землю, негодную ни для покоса, ни для пахоты, и станет бобылем (подчеркнуто автором – А.П.)» (ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 67. Л. 35). Иными словами, «вольная» система землепользования, не защищая от обезземеливания отдельных хозяев, в то же время предохраняла от него станицу в целом, не давая уменьшить ее юрт путем сдачи части земель в долгосрочную аренду. Раздел же юрта на пай, формально обеспечивая всех казаков станицы равными наделами, фактически приводил к тому, что казачья община лишалась части земель, которые сначала отдавались в аренду иногородним, а затем возвращались истощенными и негодными к полноценному использованию. Сообщивший вышеприведенную цитату начальник баталпашинского уезда в принципе соглашался с ней, сообщая по этому поводу следующее: «Закон запрещает доставшийся по разделу пай продавать кому-либо без согласия общества. Но для этого необходим общественный контроль, который может существовать только при круговой ответственности членов общества (подчеркнуто автором – А.П.)» (ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 67. Л. 35).

Увы, в 1880 г. эти предупреждения не были услышаны. А следующее десятилетие наглядно продемонстрировало, что казаки баталпашинского уезда оценили последствия введения паевой системы землепользования куда точнее вышестоящего начальства. Снова дадим слово современникам, на сей раз приведя цитату из «Столетия Военного министерства»: «Пользуясь высокими арендными платами, казаки стали бросать свое хозяйство, предпочитая сдавать всю свою землю в аренду. Полученные деньги в громадном большинстве случаев истрачивались самым непроизводительным способом, и в результате получалось не только материальное разорение казаков и их семейств, но и нравственная порча населения, так как деньги, добытые таким легким способом, давали казаку предаваться праздности, а в случае нужды рассчитывать на помощь общества или войска» (Столетие..., 1911: 91).

Так, может быть, местным властям вовсе не следовало лезть в проблемы станичного землепользования, позволив событиям развиваться естественным путем? Именно так поступила администрация Донского войска. Впрочем, и на его территории на смену «вольной» системе землепользования постепенно приходила паевая, однако этот процесс был долгим и сложным. Как мы писали выше, первые разделы юртовых земель на равные пай были произведены в 1860 г. в Хоперском округе. А к 1873 г. землю делили уже в 40 донских станицах из 110 (Харузин, 1885: 10). М.Н. Харузин утверждал, что и в дальнейшем, во второй половине 1870 гг. и первой половине 1880 гг., станица за станицей переходили от свободной запашки к делению земель на пай. Однако даже в 1885 г., когда он писал свою книгу, во многих станицах земля все еще не была разделена и запахивалась свободно (Харузин, 1885: 10). Как и на Кубани, главным доводом богатых казаков против раздела юртовых земель было указание на непредсказуемые последствия такого действия. А, поскольку сторонники паевого раздела на Дону не имели поддержки войсковой администрации, к голосам богачей нередко прислушивались. «Многие среднего состояния придерживаются богатых в

том опасении, что земля по разделе, попавши в руки иногородних, может быть доведена пахотой до состояния золы, так что в течение многих лет не будет в состоянии ничего производить» (Харузин, 1885: 18). Собранные М.Н. Харузиным сведения, кстати, в очередной раз подтверждают, что за раздел часто стояли не те казаки, которым не хватало земли для посевов, но те, которые вовсе не занимались земледелием и которым пай был нужен для сдачи в аренду. «К партии несогласных (на раздел – А.П.) принадлежат закоренелые приверженцы старины и вместе с тем твердые блюстители своих собственных интересов. К партии согласных – все, не занимающиеся лично земледелием, особенно бедные и большесемейные» (Харузин, 1885: 18–19). В этих условиях во многих станицах пытались найти какой-то компромиссный вариант, не отказавшись от «вольной» системы землепользования, но, смягчив ее, как на Кубани: отдавали запаханную землю в пользование запахавшему не навсегда, но на несколько лет, отводили часть юрта для деления на пахотные пай, сохранив вольную запашку на остальной территории и т.д. (Харузин, 1885: 19). Однако из-за нарастающего малоземелья «вольную» систему землепользования становилось все сложнее сохранить. Едва ли не большая часть раздела книги М.Н. Харузина о пользовании землей в донских станицах посвящена конфликтам из-за спорных участков. Как писал сам исследователь, ссылаясь на известного донского экономиста И.В. Тимощенко, там, где юрт не был четко разделен на пай, дело доходило до «совершенной войны соседа с соседом, поселка с поселком» из-за захвата наделов (Харузин, 1885: 20).

Паевая система предотвращала эту войну, но, к сожалению, на практике далеко не всегда обеспечивала действительно равный раздел земли. Дело в том, что профессиональных землемеров для паевых разделов найти было не всегда возможно, а правила этих разделов обычно определялись самими станичниками, и часто неудачно. В итоге ошибки, порой намеренные, а порой случайные, при паевом разделе земли стали нормой. Снова дадим слово М.Н. Харузину, собравшему много материала на данную тему: «В станице Старочеркасской, по прошествии двух лет после первого раздела, в пользовании землею оказалась невообразимая неурядица: кто пользовался большим пространством, кто меньшим; у иного пай оказались в нескольких местах, а другой совсем не мог отыскать своего пая» (Харузин, 1885: 23). Но даже в тех случаях, когда удавалось провести правильный раздел, нередко выяснялось, что остались непродуманными важные детали. Например, в Нижнекурмоярской станице удалось разделить юрт на пахотные пай по 8 десятин, однако станичники забыли учесть рост населения. В результате паев через несколько лет стало не хватать на всех жителей. А новый передел большинство казачьей общины проводить отказывалось, понимая, что из-за него их пай уменьшатся (Харузин, 1885: 21–22).

Но, пожалуй, самым плохим было то, что даже в том случае, если раздел земель на пай проводился при помощи землемера и на четко оговоренный срок, он, хотя и прекращал конфликты между пользователями земель, не решал той проблемы, которую надеялись разрешить с его помощью власти: и в новых условиях богатые станичники оказывались в значительно лучших условиях, чем бедные, в итоге все равно остающиеся ни с чем. Саму возможность аренды паев богачи обращали в свою пользу! Даже М.Н. Харузин, в целом явно являвшийся сторонником паевой системы землепользования, не мог не признавать, что бедные казаки часто сдают свои пай в аренду крайне дешево. Он приводил примеры того, как земля сдавалась из того расчета, что ее реальный пользователь отдаст казаку 1/3 урожая, или даже на основании следующего «договора»: «сейчас давай мне 24 четверика хлеба, а тебе – что Бог даст» (Харузин, 1885: 33). И в итоге имели место случаи, когда бедные казаки задешево сдавали свои пай богатым, а уже те по рыночной цене передавали их иногородним (Харузин, 1885: 39). Характеризуя результаты распространения паевой системы землепользования на Дону, М.Н. Харузин был вынужден цитировать И.В. Тимощенко: «Пай многих граждан очутились в руках иногородних, которые, получив их в безусловное распоряжение за самую ничтожную цену, пользуются плодородием почвы их без всякого расчета» (Харузин, 1885: 32–33).

Нам остается констатировать, что и в Донском, и в Кубанском войсках «вольная» система землепользования ко второй половине XIX в. изжила себя. Рост населения и развитие сельского хозяйства уничтожили главный фактор, обеспечивавший эффективность этой системы, уничтожили многоземелье. А власти дополнительно ускорили этот процесс: сначала в государственном масштабе было принято «Положение» от 21 апреля 1869 г., разрешившее казакам легально сдавать землю иногородним, а затем на Кубани местный атаман начал лично бороться с традиционной вольной запашкой. Земля стала ценным ресурсом, и бедные казаки, прежде не нуждавшиеся в личных участках, захотели получить таковые. С другой стороны, отсутствие закрепленных границ между наделами порождало постоянные конфликты, поскольку многие пытались захватить владения соседей. Переход к иной системе землепользования в этих условиях был неизбежен, но, к сожалению, единственным предложенным вариантом оказалась паевая система раздела земли. Формально она решала обе возникшие проблемы: каждый казак в станице получал строго отмеренный одинаковый пай, с которого даже бедняк мог получать доход, сдавая его в аренду. Но на практике именно право казака передать свой пай в чужие руки оказалось настоящим проклятием для казачьих войск. Нерадивые или понуждаемые нуждой хозяева по дешевке сдавали свои наделы иногородним, после чего, быстро потратив деньги, отягощали своими повинностями общину. Община помогала своим бедным членам и ранее (баталпашинскому уездному начальнику богатые казаки говорили, что «и так

снаряжают казаков, когда встречается надобность» (ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 67. Л. 35 об.), однако при «вольном» пользовании землей своеобразной компенсацией за эту помощь было сохранение юртового участка, положенного бедному казаку, в общинном пользовании. Теперь же бедные казаки не только снаряжались и платили недоимки за счет общины, но и уводили свой пай из ее пользования, передав его иногороднему.

Но только в 1880 гг. правительственные чиновники начали понимать, что ситуация с казачьим землепользованием приобретает катастрофический характер. Вот что писал в 1889 г. Н.А. Маслаковец, чьи прежние надежды на то, что паевая система «предоставит казачьему сословию все способы к развитию экономической деятельности», не оправдались. «Положение 1869 года о поземельном устройстве в казачьих войсках, в свою очередь, нарушив прежний принцип исключительно общинного пользования казаками их станичными земельными угодьями, не замедлило оказать свое вредное на поддержание благосостояния казачьих обществ влияние. Станичные довольствия стали разбиваться на отдельные пай, захватываться у недавних хозяев-казаков и часто на весьма невыгодных для них условиях иногородними промышленниками. Усиленная культура станичных земель при совершенно хищнической системе хозяйства повела к быстрому ослаблению производственных их сил, казаки же, воспользовавшиеся правом передачи земельных паев для обработки в посторонние руки, сдав таковые на более или менее продолжительные сроки и часто за незначительную арендную плату, очутились без земли и без денег на тягость как собственным семьям, так и целому обществу. Последнее же, несмотря на всю видимость зла, оказывалось совершенно бессильным в устранении оногo» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 104. Л. 7–7 об.). И Н.А. Маслаковец надеялся, что Военное министерство обратит внимание на вскрывшиеся проблемы, тем более что к этому времени уже шла разработка новых положений о станичном самоуправлении (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 104. Л. 7 об.–8).

К сожалению, понять проблему было куда проще, чем принять устраняющие ее меры. Как мы показали выше, возврат к «вольному» пользованию землей был невозможен, а предложить новую систему землепользования правительство не сумело. Правда, 3 июня 1891 г. новым «Положением об общественном управлении станиц казачьих войск» было запрещено отдавать казачьи пай в аренду на срок более одного года (Столетие..., 1911: 92). Однако на практике этот запрет так и не был воплощен в жизнь. Дело в том, что то же «Положение» включало в себя статью, сформулированную следующим образом: «Статья 154. В отношении отдельных членов станичного общества, замеченных в расточительности и неисправно отбывающих воинскую, земскую и станичные повинности, или являющихся неисправными плательщиками лежащих на них долгов в войсковые и общественные суммы, станичный сбор имеет право принимать следующие меры: 1) распоряжаться доходом с принадлежащего сим лицам недвижимого имущества; 2) отдавать их в посторонние заработки и распоряжаться выработанными ими суммами; 3) назначать к ним опекунов; 4) продавать движимое и недвижимое их имущество, согласно статьям 92–96; 5) *лишить таких лиц на известный срок права распоряжения предоставленными им поземельными паями, принимая эти пай в свое распоряжение* (курсив мой – А.П.)» (Протоколы..., 1899: 47–48). Таким образом, хотя сам казак больше не мог сдавать свой пай в аренду на длительный срок, в случае неисправного отбывания им денежных повинностей станичное общество не просто могло, но было обязано передать этот пай в чужие руки, за счет доходов с него компенсировав свои потери. Это решение на первый взгляд казалось логичным, и, как мы помним, еще в 1880 г. за него ратовал баталпашинский уездный начальник. Увы, на практике действия властей в очередной раз привели совершенно не к тем последствиям, которые ожидались.

«Станицы, предоставленные самим себе в способах удовлетворения всех общественных потребностей и поддержания имущественной правоспособности своих членов, вынуждены обратиться к юртовым земельным довольствиям как единственному, находящемуся в их распоряжении источнику, казачье население, в свою очередь, в силу естественного своего возрастания, все более и более стесняется в земельных довольствиях и мало-помалу развивает в среде своей тот имущественный пауперизм, который, несмотря, по-видимому, на все, препятствующие земельному пролетариату, условия общинного пользования землею, развивается с поразительной быстротой» (Маслаковец, 1899: 43), – сообщалась в 1899 г. в итоговом отчете специальной комиссии под председательством все того же Н.А. Маслаковца, призванной понять причины обеднения донских казаков. Сам ее председатель добавлял к этому, что «принятая в станицах мера переукладывания затрат на снаряжение неимущих казаков на их наделы» приносит «ничтожный материальный результат», а «стеснительность меры этой для казаков граничит с их конечным разорением» (Маслаковец, 1899: 43). Судя по этим цитатам, после принятия нового «Положения об общественном управлении станиц казачьих войск» ситуация с арендой казачьих паев ничуть не улучшилась, а может, и обострилась. К сожалению, мы не можем сказать, сколько к началу XX в. было на Дону казаков, лишенных пая за долги, но к 1899 г. уже 18–20 % от общей площади юртовых земель было отчуждено у казачьих хозяев, и только 11 станиц из 121 сумели избежать образования специальных отводов для сдачи их иногородним лицам (Маслаковец, 1899: 42).

И поэтому нет ничего удивительного в том, что комиссия Н.А. Маслаковца признала как раз паевую систему землепользования одной из причин обеднения казачьего сословия. Ее председатель

включил следующий пункт в свой проект преобразований Донского войска: «Признать практикуемую ныне в станицах паевую систему землепользования казаками их юртовыми довольствиями не соответствующую как пользам казаков в ведении ими личного хозяйства, так и вредно влияющую на сохранение производительной силы находящихся под обработкой земель, почему и допустить сохранение ее на будущее время лишь временно, до усвоения станичными обществами более правильных взглядов на способы ведения общественного и частного хозяйства в станицах» (Протоколы..., 1899: 141). Большинство комиссии согласилось с этим предложением, причем член комиссии П.Г. Мордвинцев сделал следующее любознательное замечание: «Законодатель, разрешивши лицам невойскового сословия приобретать в пределах области войска Донского собственность и право аренды казачьих земель, несомненно, руководствовался соображениями увеличения благосостояния в области через прилив в нее новых трудовых сил, которые на почве свободной конкуренции должны создать новые ценности и при эксплуатации свободных земель. Так оно вначале и было. Но через тридцать лет, когда казачье население почти удвоилось, а пришлый элемент между тем твердо осел на казачьих землях, борьба между коренным населением и пришлецами из-за этих земель стала проявляться в размерах, обуславливаемых не обстановкой свободной конкуренции, а условиями борьбы за существование, со всеми острыми ее последствиями. В этой борьбе казаку должно помочь, потому что он обстановкой своей службы поставлен в менее благоприятные трудовые условия сравнительно с лицами невойскового сословия» (Протоколы..., 1899: 185–187). Однако комиссия Н.А. Маслаковца только осудила паевой раздел земли в станицах, не сумев предложить ему реальной альтернативы. В результате ни к каким практическим изменениям в системе землепользования на Дону работа этой комиссии не привела. Общие утверждения о необходимости создания в неопределенном будущем какой-то новой системы землепользования, предполагающей «более правильные взгляды на способы ведения общественного и частного хозяйства в станицах» в силу своей расплывчатости не могли стать основанием для конкретных реформ. И в 1900 г., когда предложения комиссии Н.А. Маслаковца рассматривались съездом окружных атаманов и начальников Войска Донского, пункт о необходимости постепенного отказа от паевой системы землепользования был просто опущен (ГАРО. Ф. 301. Оп. 7. Ч. 2. Д. 5085. Л. 23 об.–24об.).

4. Заключение

Итак, формальное право казака на 30 десятин земли мало было законодательно закрепить, его нужно было еще и реализовать на практике, а с этим в казачьих войсках наблюдались большие проблемы. До 1860 гг. в станицах применялось только «вольное» землепользование, в рамках которого большая часть станичного юрта предназначалась для скотоводства и не делилась на личные участки. В условиях многоземелья казаки, желающие заняться земледелием, все равно могли свободно запахать столько неиспользуемой земли, сколько хотели. В результате в одной станице богатый казак мог иметь в личном пользовании до 200 десятин, а бедный оставался безземельным. При всем несовершенстве эта система вполне успешно работала в условиях своеобразного постфронта, на котором основой благосостояния казачьих хозяйств было скотоводство, а земли у станиц имелось в избытке.

Однако с середины XIX в. ситуация начала быстро меняться. Этот процесс не был одновременным во всех казачьих войсках: если в малоземельном Хоперском округе Донского войска уже в 1860 г., до официального разрешения сдавать казачьи пай в аренду, бедные казаки поняли ценность земли и стали требовать ее равного раздела, то в многоземельных Закубанском и Баталпашинском уездах Кубанской области и в 1880 г. никто не протестовал, «если кто запашет или выкосит лишнюю десятину». Поэтому, возможно, если бы процесс перехода казаков от скотоводства к земледелию шел естественным путем, то «вольная» система землепользования продержалась бы дольше, и отказ от нее не имел бы таких катастрофических для станиц последствий. Но правительство подстегнуло этот процесс, 21 апреля 1869 г. официально разрешив казакам сдавать пай иногородним. Принимая этот закон, власти рассчитывали «предоставить казачьему сословию все способы к развитию экономической деятельности» (Н.А. Маслаковец) и дать бедным казакам за счет получения земли «возможность достигнуть желаемой степени благосостояния» (Н.Н. Кармалин). Увы, на практике многие бедные казаки изначально хотели не работать на полученном участке, но сдавать его в аренду. В результате по мере перехода от «вольной» системы землепользования к паевой казачьи станицы втягивались в процесс обезземеливания не отдельных хозяев, но всей общины в целом: хотя формально они и сохраняли свою землю, фактически все большая часть этой земли сдавалась в долгосрочную аренду чужакам и возвращалась сильно истощенной. Более того, бедные казаки успевали потратить вырученные деньги задолго до конца срока аренды, и в итоге община была вынуждена платить за них все повинности, не располагая уже их землей.

Богатые казаки предупреждали о возможности такого развития событий и выступали против введения паевых разделов. Однако «вольная» система землепользования была обречена: на Дону к 1885 г. в тех станицах, где она все еще применялась, часто не оставалось свободной земли, при том, что богатые семьи запахивали больше 1000 десятин на хозяйство. Сам процесс перехода от «вольной» системы землепользования к паевой был долгим и сложным: на Кубани, где инициатором этого процесса был местный атаман Н.Н. Кармалин, многоземельные станицы оказались не готовы

даже к введению особых налогов с казаков, обрабатывающих «лишнюю» землю, поскольку в них земля все еще не представляла особой ценности; зато на Дону, где данный процесс развивался без контроля местных властей, он шел крайне медленно, и в некоторых станицах дело доходило до постоянных стычек между желающими захватить свободную или якобы свободную землю. В 1880-х гг. «вольная» система землепользования практиковалась еще во многих донских станицах, и, вероятно, окончательный удар ей нанесло только «Положение об общественном управлении станиц казачьих войск» от 3 июня 1891 г.

Данным документом предписывалось не только обязательно делить на паи станичную землю, но и принудительно отчуждать и сдавать в аренду паи казаков, не справляющихся с несением своих повинностей, причем оплата этой аренды должна была идти в станичный капитал. Учитывая дороговизну несения военной службы, новый законодательный акт обрекал станицы на дальнейшее обезземеливание из-за массовой сдачи паев иногородним, причем уже не по воле их владельцев, но по распоряжению Военного министерства. В конечном счете из-за перехода на паевую систему землепользования казаки лишились значительной части своих земель: на Дону в 1899 г. 18–20 % от общей площади станичных юртов оказалось в чужих руках.

К началу XX в. даже Военному министерству стало ясно, что паевая система не соответствует важнейшим особенностям казачьих войск. В условиях все возрастающего малоземелья она обрекала казаков и арендаторов их паев на взаимную «борьбу за существование, со всеми острыми ее последствиями». Безусловно, в этой ситуации можно было найти и определенные положительные стороны, в частности быстрое развитие сельского хозяйства на казачьих территориях. Однако Военное министерство к этому времени ставило перед казачьими войсками не экономические, но военные цели, и было готово сохранить их как военную силу даже ценой хозяйственной стагнации. Любопытно, что в 1899 г. подобное целеполагание повлекло даже конфликт между С.Ю. Витте и А.Н. Куропаткиным: будущего главу правительства Российской империи возмутило «мнение Военного Министра, что с развитием промышленности в казачьих войсках не следует пока спешить» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 59. Л. 3 об.–4). Как ясно из материалов комиссии Н.А. Маслаковца, в том же 1899 г. военные чиновники признали желательным вовсе отказаться от деления казачьих юртов на паи, но найти альтернативу этому делению до наступления нового столетия не удалось даже на бумаге.

Литература

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.

ГАРО – Государственный архив Ростовской области.

Краснов, 1863 – Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб., 1863. 596 с.

Маслаковец, 1899 – Маслаковец Н.А. О занятиях высочайше учрежденной 16-го июня 1898 года Комиссии в области войска Донского и о достигнутых ею результатах: Доклад состоящего в распоряжении военного министра Генерального штаба генерал-лейтенанта Маслаковца 23 авг. 1899 г. СПб., 1899. 123 с.

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

Положение, 1891 – Положение об общественном управлении станиц казачьих войск, Высочайше утвержденное 3 июня 1891 года. Новочеркасск, 1891. 51 с.

Протоколы..., 1899 – Протоколы Комиссии по исследованию нужд казачьего населения Донской области. Б.м., 1899. 289 с.

Столетия..., 1911 – Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. XI. Ч. 4. СПб., 1911. 462 с.

Харузин, 1885 – Харузин М.Н. Сведения о казацких общинах на Дону: материалы для обычного права: Вып. 1. М., 1885. 432 с.

Volvenko, 2015 – Volvenko A.A. Chebotarev A.P. "The Grey Cardinal" of Cossack Reforms of the Epoch of Liberation? // *History and Historians in the Context of the Time*. 2015. Vol. 15. Is. 2. pp. 106-114.

Peretyatko, 2017 – Peretyatko A.Y. "Before Giving to the Nation or Tribe A New Order, One Must First Ask the People of this Nation whether they Need this Order": the Local Prerequisites for the Reforms of 1860–1870 On the Don. Part I // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 45. Is. 3. pp. 937-948.

References

ГАКК – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraia [State archive of Krasnodar region].

ГАРО – Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti [State archive of the Rostov region].

Kharuzin, 1885 – Kharuzin M.N. (1885). Svedeniya o kazatskikh obshchinakh na Donu: materialy dlya obychnogo prava: vyp. 1. [Information about the Cossack communities on the Don: materials for customary law: vol. 1]. М. Р. 432. [in Russian]

Krasnov, 1863 – Krasnov N.I. (1863). Materialy dlja geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami General'nogo shtaba. Zemlja vojska Donskogo [Materials for geography and statistics of Russia collected by officers of the General staff. Don Host Oblast]. SPb. P. 596. [in Russian]

Maslakovets, 1899 – Maslakovets N.A. (1899). O zanyatiyakh vysochaishe uchrezhdennoi 16-go iyunya 1898 goda Komissii v oblasti vojska Donskogo i o dostignutykh eyu rezul'tatakh: Doklad sostoyashchego v rasporyazhenii voennogo ministra General'nogo shtaba general-leitenanta Maslakovtza 23 avg. 1899 g.

[About the activity of the Commission in Don Cossack Hosts which was supreme approved on June 16 1898 and about its results: Report of the Lieutenant-General of the General Staff Maslakovets, which is the order of the War Minister. Aug. 23 1899]. SPb. P. 123. [in Russian]

OR RNB – Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki [Department of manuscripts of Russian national library].

Peretyatko, 2017 – Peretyatko A.Y. (2017). "Before Giving to the Nation or Tribe A New Order, One Must First Ask the People of this Nation whether they Need this Order": the Local Prerequisites for the Reforms of 1860–1870 On the Don. Part I. *Bylye Gody*. Vol. 45. Is. 3. pp. 937–948.

Polozhenie..., 1891 – Polozhenie ob obshchestvennom upravlenii stanits kazach'ikh voisk, Vysochaishe utverzhdennoe 3 iyunya 1891 goda [Regulations about the public administration of the villages of Cossack Hosts, Highest approved on June 3, 1891]. Novocherkassk, 1891. P. 51. [in Russian]

Protokoly..., 1899 – Protokoly Komissii po issledovaniyu nuzhd kazach'ego naseleniya Donskoi oblasti [Logs of the Commission for the Study of needs of the Cossack Population of the Don Region]. Without a place, 1899. P. 289. [in Russian]

Stoletie, 1911 – Stoletie Voennogo ministerstva 1802-1902 [Century of the Ministry of Defence of 1802-1902]. T.11. Ch.4. SPb., 1911. P. 462. [in Russian]

Volvenko, 2015 – Volvenko A.A. (2015). Chebotarev A.P. – "the Grey Cardinal" of Cossack Reforms of the Epoch of Liberation? *History and Historians in the Context of the Time*. Vol. 15. Is. 2. pp. 106–114.

«Равноправность казаков по закону и неправильное распределение дольностей и повинностей на самом деле»: система землепользования в донских и кубанских казачьих станицах в 1860–1890 гг.

Артем Юрьевич Перетяtko ^{a, b, *}

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена эволюции системы землепользования в станицах Донского и Кубанского казачьих войск в 1860–1890 гг. На основании материалов Государственнго архива Ростовской области, Государственнго архива Краснодарского края и отдела рукописей Российской национальнгой библиотеки автор приходит к выводу, что в это время происходил переход от «вольнгой» системы землепользования к паевой. Первая из этих систем, традиционнгой для казачьих войск, предполагала, что каждый казак запахивает столько земли, сколько хочет. Поскольку большгой часть казаков до 1860 гг. занималась скотоводством, эта система работала достаточно успешно, однако ее следствием стало усиление социального неравенства в станицах: казаки, запахивающие большгой площади земель, быстро обогащались. В этих условиях правительство попыталось защитить бедных казаков, разрешив им сдавать положенные по закону паи в аренду иногородним. Эта мера и нарастание малоземелья в станицах привели к постепенному переходу казаков к паевой системе землепользования. Однако в результате массовой сдачи паев иногородним началось обезземеливание не отдельных казачьих хозяйств, но казачьих станиц в целом: к 1899 г. около 20 % станичных земель донских казаков были переданы в долгосрочную аренду иногородним.

Ключевые слова: Донское казачье войско, Кубанское казачье войско, система землепользования в станицах, М.Н. Харузин, Н.Н. Кармалин, Н.А. Маслаковец.

* Корреспондирующий автор

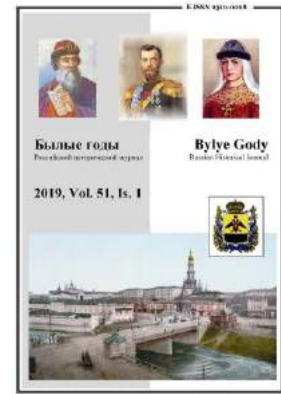
Адреса электроннгой почты: ArtPerettko@yandex.ru (А.Ю. Перетяtko)

Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 51. Is. 1. pp. 262-271. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.1.262
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

P.A. Valuev and the Formation of Government Policy in Relation to the Western Territory (1861–1865)

Maxim N. Krot ^{a, b, *}, Anatoly I. Narezhny ^b

^a Moscow State University of Technology and Management named after K.G. Razumovsky, Russian Federation

^b Southern Federal University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the development of the concept of government policy towards the Western Territory in the first half of the 60s of the XIX century, when the country entered a period of broad modernization transformations. The contradictory and indecisive policies of the imperial authorities regarding one of the most “problematic” suburbs in the first years of the reign of Alexander II contributed greatly to the exacerbation of the situation in the region, which led to the beginning of an open uprising in Poland in early 1863. As a result, a controversy is underway in the reconstituted Western Committee on the development of a new management model for the Western Territory, one of the most active of which was Minister of the Interior P.A. Valuev. They were offered a compromise program focused on integrating the region into a single imperial space, establishing contacts with the loyal part of the Polish elite, supporting the Orthodox peasant population and comprehensively strengthening the Russian principle in the province. Another approach to this problem was defended by the Governor-General of the Western Territory M.N. Muravyev, who was a supporter of the dominant power methods and the suppression of the Polish beginning in the province. The article presents a comparative analysis of the main provisions of these concepts, set out in notes reviewed at meetings of the Western Committee, which made it possible to establish the existence of an internal ideological unity of these approaches with a different understanding of the methodology for their implementation.

The authors conclude that Valuev built his policy concept on the Western Territory in a single context with the general process of modernization of Russia, since its success was largely due to the need to reorganize the government apparatus of the Russian Empire and the success of the planned and ongoing reforms in Russia.

Keywords: Russian Empire, Western Territory, Poland, the Great Reforms of the 60–70s XIX century, the Polish uprising of 1863–1864, Alexander II, P.A. Valuev, M.N. Muravyev, Western Committee.

1. Введение

Новый виток модернизации, начавшийся в России с приходом к власти Александра II, актуализировал необходимость выработки новой концепции политики имперских властей в отношении национальных окраин. Характерной особенностью самодержавной власти является личностный характер формирования стратегии различных направлений внутренней политики. В силу этого обстоятельства политический процесс в России представлял собою поле идейного взаимодействия и противостояния конкретных носителей государственной власти. Это обуславливает необходимость изучения идейного противостояния в высших эшелонах власти в отношении

* Corresponding author

E-mail addresses: mnkrot@sfedu.ru (M.N. Krot), ain@sfedu.ru (A.I. Narezhny)

Западного края, который в начале 1860-х гг. являлся наиболее «проблемной» национальной окраиной Российской империи.

В данный период в российском правительстве сформировалось несколько подходов к решению проблемы Западного края. Одну из наиболее взвешенных и компромиссных программ, ориентированных не только на силовое «покорение» края, но, в первую очередь, на его органическое приобщение к единому имперскому пространству, выдвинул один из наиболее видных государственных деятелей эпохи Великих реформ, министр внутренних дел Петр Александрович Валуев. Именно к нему Александр II обратился с предложением «принять на себя роль Ростовцева» по делам Западного комитета. В силу этого проблему борьбы идей и поиска адекватных путей выстраивания политики в отношении национальных окраин следует рассматривать как составную и неотъемлемую часть формирования общей программы Великих реформ 1860–1870-х гг. Однако реализация данной программы подверглась некоторой корректировке в силу объективных обстоятельств. Польское восстание, вспыхнувшее в начале 1863 года, побудило правительство прибегнуть не только к его силовому подавлению, но и принятию репрессивной модели управления краем, которая была сформулирована и апробирована генерал-губернатором Михаилом Николаевичем Муравьевым. Анализ и сопоставление основных подходов к управлению Западным краем, предлагаемых Валуевым и Муравьевым, позволит не только составить полное представление о политике имперских властей в отношении этого региона в данный период, но и рассмотреть сам механизм принятия управленческих решений в аппарате власти Российской империи.

2. Материалы и методы

Источниковую базу данной статьи составили как опубликованные документы, так и архивные материалы, впервые вводимые в научный оборот, отражающие полемику в высших правительственных кругах по вопросу выработки концепции политики в отношении Западного края. Среди них особое значение для рассматриваемой темы имеют записки П.А. Валуева, журналы заседаний Западного комитета, записки отдельных его членов, в частности графа П.П. Гагарина, а также записки М.Н. Муравьева и дневник П.А. Валуева, в котором отражена его позиция по многим вопросам внутренней политики России.

В основе теоретико-методологического инструментария изучения данной проблемы лежат классические методы исторического исследования, такие, как историко-сравнительный, позволяющий выявить точки пересечения и концептуальную основу расхождений в программах правительственной политики в отношении Западного края, и историко-генетический, дающий возможность проследить становление и идейно-теоретические основы рассматриваемых концепций. Изучение роли личностей в формировании правительственной политики осуществляется в рамках методологии персональной истории, где основным исследовательским объектом выступают персональные тексты, в которых раскрывается самоидентификация личности, ее интересы, индивидуальный рациональный выбор. Поскольку формирование правительственной политики в отношении Западного края происходило в контексте трансформации политического курса самодержавия в эпоху Великих реформ 1860–1870-х годов, представляется целесообразным рассмотреть данную проблему в исследовательском поле теории модернизации.

При анализе взглядов Валуева по основным принципам политики в отношении национальных окраин следует исходить из понимания власти, предложенного французским ученым М. Фуко, согласно которому она представляет собой поле социального взаимодействия различных сил и личностей, своеобразную «игру», в рамках которой сталкиваются и трансформируются различные стратегии, воплощающиеся в многообразных институциональных формах, законах или формах социального господства (Фуко, 1996: 191–192). В рамках такого подхода позиция Валуева может рассматриваться как отдельная партия в политической симфонии российской власти, взаимообусловленная ее стратегическими интересами и целями.

3. Обсуждение

Процесс выработки концепции правительственной политики в отношении национальных окраин в период Великих реформ длительное время не был предметом специальных исследований. Общим местом отечественной историографии являлось отрицание самого факта существования единой четкой концепции, лежащей в основе данного направления правительственной политики. Оценки действий власти сводились, как правило, к характеристике взглядов действующего самодержца и отдельных представителей правящей элиты по конкретным вопросам. В исследованиях, посвященных политической деятельности и воззрениям П.А. Валуева, данный вопрос также не являлся предметом самостоятельного изучения и рассматривался в контексте общей характеристики политического развития пореформенного самодержавия и его наиболее видных представителей.

Начало довольно обширной историографии деятельности П.А. Валуева было положено подробным и достаточно объективным биографическим очерком П.А. Зайончковского, предваряющим публикацию дневника министра внутренних дел. В данной публикации, являющейся практически первой попыткой научного осмысления позиции министра в отношении западных

окраин, признавалась «особенность» его взглядов по целому ряду вопросов внутренней политики в среде российской правящей элиты. Советский исследователь отмечал, что, «занимая в польском вопросе позицию, несколько отличающуюся от официальной, и признавая необходимость известных уступок в решении национального вопроса, Валуев весьма критически относится к действиям властей» (Зайончковский, 1961: 6). Общий анализ вклада Валуева в выработку внутривластного курса пореформенного самодержавия был осуществлен в исследованиях Л.Г. Захаровой и В.Г. Чернухи (Захарова, 1968; Захарова, 1984; Чернуха, 1978; Чернуха, 1994).

В постсоветский период государственная деятельность Валуева и его политические воззрения рассматривались в исследованиях С.С. Секиринского (Секиринский, 1997) и А.В. Мамонова (Мамонов, 2013).

При достаточно значительном количестве исследований, посвященных Валуеву, представляется несколько удивительной заметная неопределенность суждений авторов относительно его политических предпочтений. Справедливости ради следует отметить, что большинство исследователей относит его к консерваторам, хотя и с некоторыми оговорками. Пожалуй, наиболее серьезную корректировку данной характеристики предложила В.Г. Чернуха, которая, детально проанализировав политическую программу Валуева, назвала его либерал-консерватором (Чернуха, 1994: 104). По сути, соглашался с такой оценкой и американский историк А.Дж. Рибер (Рибер, 1992: 50–51). Другие исследователи идут еще дальше, напрямую характеризуют Валуева как «реформатора» (Римский, 1998).

Различные аспекты концептуального оформления и практического воплощения имперской политики в отношении западных окраин раскрываются в исследованиях А.И. Миллера (Миллер, 2000) и М.Д. Долбилова (Долбилов, 2010). В 2006 году в серии «Окраины Российской империи» вышла работа «Западные окраины Российской империи», открывшая новые подходы к изучению данной темы, однако не все ее направления в представленном исследовании изучены одинаково основательно (Западные окраины, 2006). Ее авторы указывают на отсутствие единой политической линии и последовательного курса в окраинной политике правительства, подчеркивая ситуативность и спонтанность многих мер, представлявших собой, как правило, реакцию на поведение элит соответствующих территорий («интриг») и возникновение кризисных ситуаций (Западные окраины, 2006: 7).

В полной мере это проявилось при рассмотрении процессов выработки и осуществления мер в отношении Западного края в период польского восстания 1863 года. Следует особо отметить работы А.А. Комзоловой (Комзолова, 2005: 162, 170, 189) и Э.П. Федосовой (Федосова, 2015: 189), в которых детально исследуются различные аспекты противостояния Валуева и Муравьева при формировании правительственной политики в Западном крае. Историками признается «наличие двух программ с различающимися подходами к действиям правительства в Северо-Западном крае», а также тот факт, что «наиболее последовательным противником М.Н. Муравьева в правительственных «верхах» был П.А. Валуев», который имел «свое представление о государственной политике в Северо-Западном крае» (Федосова, 2015: 162).

4. Результаты

Петра Александровича Валуева с полным основанием можно назвать одним из наиболее талантливых и влиятельных государственных деятелей эпохи царствования Александра II. Представитель старинного знатного дворянского рода, получивший прекрасное домашнее образование, он еще в юном возрасте был удостоен внимания императора Николая I как один из самых блестящих молодых людей своего времени. Благодаря образованию и высокой трудоспособности он уже в 30 лет приобрел известность в правительственных кругах, получив пост чиновника по особым поручениям при рижском генерал-губернаторе. Именно Валуев, занимая пост курляндского генерал-губернатора, в 1855 году одним из первых выступил с резкой и аргументированной критикой системы государственного управления николаевской эпохи, изложенной им в получившей широкую известность записке «Дума русского» (Валуев, 1999). Выступление Валуева являло собой важную веху в перерастании патриотического подъема периода Крымской войны в общественно-политическое оживление русского общества во второй половине 1850-х годов, прямым следствием которого стало проведение Великих реформ (Krot, Zav'yalova, 2016: 132). В 1861 году он занял влиятельный в тогдашней России пост министра внутренних дел, дававший ему возможность выработать внутривластный курс в течение многих лет.

Сложности, с которыми сталкиваются исследователи при характеристике политических воззрений Валуева, во многом обусловлены неоднозначным характером его воззрений, представлявших собой сложное переплетение либерально-реформационных и консервативно-охранительных идей. Зайончковский указывал на то, что министр «не примыкал целиком ни к одной из правительственных группировок: ни к либеральным бюрократам – сторонникам буржуазных преобразований, ни к реакционерам – крепостникам» (Зайончковский, 1961: 28).

Концепция правительственной политики в отношении западных окраин империи, отстаиваемая Валуевым, сложилась в период Польского восстания 1863–1864 гг. в ходе острого противостояния с его «усмирителем», генерал-губернатором М.Н. Муравьевым, сторонником

жесткой силовой модели управления Западным краем. По оценке самого Валугева, системное противостояние этих политиков и отстаиваемых ими подходов пришлось на время, когда Муравьев «с мятежом справился и начал пересоздавать край, законодательствуя и распоряжаясь по своему благоусмотрению» (Дневник Валугева, 1961: 351). Министр просвещения А.В. Головин, сам не одобрявший политики М.Н. Муравьева, «видя в ней крайнюю систему самовластия, отсутствие всякой законности, произвол, основанный на страсти и сопровождаемый жестокостью», отмечал, что именно Валугев открыто оказывал «противодействие жестокому самоуправству Муравьева в Западных губерниях» (Головин, 1997: 115, 126). При этом нельзя не признать, что наличие различных подходов к преодолению проблемной ситуации имело весьма позитивное значение, способствуя выработке наиболее оптимальной модели ответа на вызов действительности. Следует согласиться с точкой зрения, согласно которой дифференциация мнений по различным проблемам как в общественных, так и в правительственных кругах, ставшая одним из знаковых явлений эпохи Великих реформ, способствовала ускорению общественного прогресса, хотя и в значительной степени затрудняла сам процесс управления, предъявляя к власти новые требования (Ustinovich, 2015: 83).

Формирование представлений Валугева о путях оптимизации окраинной политики империи началось задолго до польского восстания 1863 года. В этой связи требует уточнения представление некоторых историков о том, что «доминантой этого противоборства (Валугева и Муравьева – А.Н., М.К.) стало столкновение концепций преобразований», при том, что оно связывается с запиской Валугева от 12 декабря 1862 года, когда о столкновении с Муравьевым речь не шла вовсе (Федосова, 2015: 172). Размышляя о содержании правительственной политики в отношении окраин, Валугев выделял две ключевые проблемы, сводившие на нет ее эффективность.

В первую очередь, он указывал на отсутствие у власти сколько-нибудь плодотворных идей, способных увлечь население национальных окраин. 6 декабря 1863 года, описывая в дневнике протесты поляков, Валугев отмечал: «У них идея. У нас – никакой. В западном крае и в царстве повторяются теперь проскрипции Мария и Суллы. Это не идея. Мы говорим о владычестве России или православия. Это идея для нас, а не для поляков, и мы сами употребляем их названия неискренно. Здесь собственно нет речи о России, а речь о самодержце русском, царе польском, конституционном князе Финляндском. Это не идея, а аномалия. Нужна идея, которую мог бы усвоить хотя бы один поляк» (Дневник Валугева, 1961: 29).

Другой проблемой, по мнению Валугева, являлась чрезвычайная разобщенность системы управления в стране, на что он неоднократно указывал в своих докладах и записках государю, заявляя, что в России нет «органически действующего правительства». Основные направления внутренней и внешней политики вырабатывались и реализовывались изолированно друг от друга. Единственным координирующим началом выступал исключительно сам монарх, однако этого было совершенно недостаточно, поскольку правительственная деятельность есть «деятельность непрерывная», а верховная воля «может проявляться только отрывочно». Эффективность такой модели управления не могла быть высока как вследствие ограниченности уровня компетенции государя, так и из-за отсутствия «всякой солидарности интересов» начальников правительственных частей. В условиях существующего порядка, когда в правительстве отсутствовало единство мысли и действия, министры вели себя «не как советники, но как приказчики. Не перед государем и для государя, а перед барином и для барина» (Дневник Валугева, 1961b: 92), а на местах процветало самоуправство генерал-губернаторов, проведение какой-либо целенаправленной политики без серьезной модернизации системы государственного управления, по мнению Валугева, было невозможно.

Признание наличия отмеченных проблем повлекло за собой решение Александра II воссоздать Западный комитет во главе с князем Гагариным, в котором должна была вырабатываться единая линия политики относительно западных окраин.

Исходный материал для работы Западного комитета изначально был представлен Валугевым в «Очерке о положении дел в Западном крае» и дополнениях к нему, датированных 11 декабря 1862 года. Детальная характеристика положения дел в Западном крае и попытка осмысления масштаба проблем были представлены им и во Всеподданнейшей записке от 12 декабря 1862 года. В архиве Валугева сохранилась копия данного документа с многозначительными пометками государя.

Записка начинается с характеристики правительственной политики в Западном крае, к результатам которой автор относится весьма скептически, отмечая, что «в течение тридцати лет Правительство не достигло в отношении к сближению Западного края с коренной Россией никаких положительных результатов» (РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 185. Л. 1). Также скептически Валугев оценивает и деятельность правительства в течение «последних 18 месяцев», когда ситуация в Польше стала стремительно обостряться, называя «паллиативными» результаты усилий «к охранению общественного порядка в крае и к обеспечению его связи с Империей». Меры, принимаемые правительством, «почти все основаны на устрашении» и силе, что, по мнению автора, не может давать положительного эффекта в длительной перспективе, возбуждая еще большее недовольство польского населения (РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 185. Л. 4). Анализ недостатков прежней политики сочетается у Валугева с поиском неких пограничных условий статуса западных земель в составе империи. В этом отношении автор весьма категоричен. По его убеждению, западные губернии

должны быть неотъемлемой составной частью страны, здесь «не может быть допускаемо отдельных областных учреждений, существенно различающихся от общих губернских учреждений Империи», официальным, а, следовательно, господствующим, языком «может быть только Русский язык», и, наконец, «православная церковь должна быть первенствующей». Александр II был вполне согласен с таким подходом по каждой из приведенных позиций (РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 185. Л. 1).

Поставив данную стратегическую цель, Валуев невольно признает невозможность полностью отказаться от силовых методов, что проявилось в обсуждении вопроса о предложении «предоставить польским помещикам переселиться в Царство, с продажей в известный срок принадлежащих им в империи имений». Валуев отмечал, что поскольку пользоваться этим правом добровольно шляхта не желает, то эта цель может быть реализована только «в форме обязательного переселения». Несколько нерешительный тон автора дополняется нерешительностью монарха, пометившего на полях: «разумеется, если мы решимся к ней прибегнуть» (РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 185. Л. 6). Министр внутренних дел подчеркивает, что поскольку польский элемент остается в силе, то «правительственные меры могут быть направлены только к тому, чтобы ослабить этот элемент и затем примирить его с понятиями о его неразрывной связи с Россией» (РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 185. Л. 6). Валуев признает сложность этой задачи, но надеется, что ее решению будут способствовать «последовательность и стойкость правительственных распоряжений, сила частных интересов и чувства общего благосостояния» (РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 185. Л. 7).

В историографии сложилось устойчивое убеждение в том, что в данном тезисе выражена суть представлений Валуева. Однако при такой трактовке остаются незамеченными меры, предлагаемые им на период до установления прочного соединения края с империей, призванные «сдерживать всякое против него направленное движение», а также разъединять «неприятельные силы», препятствуя их приращению. Для достижения данных целей министр внутренних дел предлагал восстановление таможенной пограничной черты между империей и Царством, против чего сразу возразил царь, пересмотр настоящего разграничения губерний, «поддержание осторожной рукой всякого нерасположения крестьян и помещиков», быстрое учреждение сельских школ «на основаниях, обеспечивающих не только поддержание, но и распространение Русской народности в крае», «немедленное оказание пособий Православным церквам и духовенству в западных губерниях» при одновременном предоставлении им «известных прав участия в управлении школами» и всяческом усилении ее роли (РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 185. Л. 7). Содержательно данные предложения во многом совпадали с планами и мерами Муравьева, с той лишь разницей, что Валуев был менее эмоционален в методах их проведения.

Отдельный раздел рассматриваемого плана был посвящен характеристике «мер карательных», от использования которых Валуев не отказывался. Они включали в себя «судебное преследование во всех случаях, где оно возможно, по примерам Пруссии и Австрии», при одновременном сокращении случаев административных взысканий (РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 185. Л. 9–10). В исключительных случаях допускались также и административные меры, объявление военного положения, суд «по полевым законам», но непременно при твердом, последовательном и неуклонном их применении (РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 185. Л. 10).

Силовой компонент программы Валуева можно проследить и в мерах воздействия на материальные интересы мятежников, к которым относилось «обращение тяжести содержания войск» на те слои народонаселения, «которые своими поступками вызовут необходимость этой меры или будут участвовать в манифестациях», поземельный добавочный налог на землевладельцев на покрытые «чрезвычайных издержек по управлению краем», обращение на них «расходов по реформированию губерний», а также «невыгодные условия при обязательном выкупе» (РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 185. Л. 11). Валуев особо подчеркивал, что успех данных мероприятий будет «невозможен при отсутствии взаимного содействия между генерал-губернаторами и Министерством внутренних дел», на что Александр II отозвался резолюцией: «вот почему я и возобновил Западный Комитет» (РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 185. Л. 11).

Безусловно, стратегическая цель приобщения Западного края к единому имперскому пространству, по мнению Валуева, может быть достигнута не только силовыми методами. В заключительной части своей записки он осторожно намекал на возможность призыва экспертов из западных губерний для решения насущных проблем края, возможность чего не исключал и император, необходимость привлечения в Петербург «влиятельных лиц из уроженцев Западного края». Тщательно преграждая пути к распространению польского языка и католицизма в народных массах, Валуев призывал не делать этого в высших слоях населения, поскольку «эти элементы насильно на давлены быть не могут». Он считал возможным разрешить свободно употреблять и изучать польский язык в качестве языка неофициального, а также восстановить работу Виленского университета (РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 185. Л. 12). Министр внутренних дел выражал уверенность в том, что последствия принятых и планируемых мер, успокоение в Западном крае и преуспевание внутренних областей страны вследствие проводимых в стране преобразований неизбежно приведут к возрастанию «числа отпавших» от революционного движения и окончательному закреплению края в составе империи.

Обсуждение вопросов, поставленных Валугевым, уже на первом заседании Западного комитета выявило значительные расхождения в позициях его членов. Особый интерес представляют замечания весьма авторитетного бюрократа и политика, князя П.П. Гагарина, высказанные им в нескольких записках. Он подчеркивал, что стратегическая цель правительства состоит не в том, чтобы «окончательно соединить край с Россией», так как он уже есть наш, а в том, чтобы «окончательно сделать невозможным даже попытку отторжения его от России» (РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 21. Л. 124).

Гагарин выступал против поощрения раздора между крестьянами и помещиками, что было противно самой сущности правительственной деятельности, призванной соблюдать порядок и законность. По отношению к местной элите он предлагал продолжать политику «умиротворения», воздерживаясь «от всяких мер, не оправдываемых строгой справедливостью или крайней нуждой и могущих раздражать население» (РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 21. Л. 101). На места предлагалось передать ряд вопросов, в том числе такого чувствительного, как преподавание народу и богослужение «на местном наречии» (РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 21. Л. 105). По вопросу оказания всесторонней помощи православному духовенству Западного края позиция Гагарина в полной мере совпадала с точкой зрения Валугева. Князь считал православную церковь силой, наиболее близкой к народным массам, обладающей огромным влиянием, которое нужно «в интересах порядка и благоустройства», а посему его поддержка со стороны властей становится едва ли не ключевой линией правительственной политики в регионе (РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 21. Л. 132).

Иначе развивалась дискуссия Валугева с генерал-губернатором Западного края М.Н. Муравьевым, с которым в конце 1863 – начале 1864 гг. они активно обменивались письмами, анализ которых свидетельствует о наличии у них различных подходов к решению проблем Западного края. Расхождения эти касались как частных вопросов, например, оснований высылки и характера размещения поляков, принудительно направляемых во внутренние области империи (Муравьев настаивал на размещении высылаемых «по политической неблагонадежности» поляков в наиболее отдаленных пунктах империи – на крайнем севере, в целесообразности чего Валугев высказывал осторожные сомнения) (Переписка Муравьева, 1883: 194–204), так и общих методов реализации правительственной политики на западных окраинах империи.

В концептуальном смысле ответ Муравьева содержится в его записке «О некоторых вопросах по устройству Северо-Западного края» от 14 мая 1864 года, которая обсуждалась в Западном комитете. Основная идея документа состояла в том, что, несмотря на подавление польского мятежа и усмирение края, возвращение к «прежней системе уступчивого управления» недопустимо (Муравьев, 1885а: 186). Генерал предлагал признать край «окончательно русским» и принять «деятельные меры к подавлению пришлого Польского элемента».

Следует признать, что предлагаемые Муравьевым меры «для утверждения Русского владычества» не отличаются оригинальностью. К ним относятся укрепление русской народности и православной веры в крае, устройство быта крестьян, распространение народного образования, замещение чиновниками русского происхождения высших служебных мест в крае, привлечение в край русских крестьян и землевладельцев, а также «изгнание из края всех тех, которые участвовали в мятеже и крамолах и недопущением их возвращаться на родину» (Муравьев, 1885а: 187). Идея Валугева об установлении противостояния крестьян с помещиками вполне разделяется и развивается Муравьевым, предлагавшим предоставлять крестьянам право отсрочки оброчных платежей без взыскания пеней (Муравьев, 1885а: 187).

Большую роль в деле водворения русского начала в Западном крае Муравьев отводил народному образованию, которое он предлагал полностью изъять из польских рук и по возможности передавать в руки православного духовенства. Крайне категоричен генерал в отношении гимназий и прогимназий, число которых он призывает максимально сократить как вследствие дороговизны содержания, так и в силу того, что «даже православные, которые получили образование в сих гимназиях и училищах, с особенным чувством озлобления против России содействовали мятежникам» (Муравьев, 1885а: 189–191). Сэкономленные средства предлагалось направить на открытие русских училищ, а также нескольких женских гимназий взамен частных женских пансионов, «в коих сосредоточивается вредная язва Польской фанатической пропаганды». Из всех учебных заведений требовалось исключить преподавание польского языка, а также запретить продажу польских букварей ввиду того, что «в оных намеренно везде распространяются мысли об отделении Северо-Западного края от России» (Муравьев, 1885а: 190).

В наибольшей степени конфронтационный пафос записки Муравьева проявился в вопросе о мерах относительно римско-католического духовенства. Он предлагал немедленно упразднить монастыри, которые «принимали большее или меньшее участие в восстании», установить жесткий контроль начальника края над всеми вопросами деятельности католической церкви – от поступления в монашество и определения ксендзов в приходы до учреждения и возобновления работы костелов (Муравьев, 1885а: 193).

Административная жесткость, пронизывавшая весь рассматриваемый документ, особо проявлялась в его заключительной части, где говорилось о введении русского языка во всех официальных сношениях, колонизации края русскими, о высылке «в видах административного взыскания» неблагонадежных лиц, а также о необходимости создания квот для учащих в

великорусских учебных заведениях поляков, число которых там не должно было превышать 1/10 от всего числа учащихся (Муравьев, 1885а: 194–195).

Валуев весьма критически оценивал предложения Муравьева, усматривая главный недостаток в том, что «общий характер записки – употребление силы, во всех ее видах. Другого начала нет...» (РГИА. Ф. 908. Оп. 1 Д. 536. Л. 300). При этом примечателен тот факт, что с основными идеями записки, такими, как возвышение в Западном крае русской народности и православной церкви, он был принципиально согласен, отмечая, что средства к достижению этих целей указываются генерал-губернатором «с замечательной неразборчивостью».

Спор Валуева с Муравьевым разрешился на заседаниях Западного комитета 17 и 19 мая 1864 года. На них обсуждалась записка Муравьева, но опосредованно были даны ответы на вопросы и предложения, сформулированные Валуевым. Члены комитета безусловно поддержали тезис о признании Северо-Западного края составляющим «древнее достояние России», согласились с необходимостью не допускать в крае польской пропаганды и принимать «строгие и неуклонные меры для противодействия польскому элементу, чуждому стране и враждебному законному Правительству и русской народности» (РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 346. Л. 21). В силу этого были одобрены предложения по поддержке православного духовенства в крае, водворению русского элемента в край посредством поселения русских крестьян и продажи имений русским всех сословий, замещению русскими высших служебных постов, а также по усилению надзора за католическим духовенством в целях противодействия его антиправительственной пропагандистской деятельности (РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 346. Л. 22).

Иначе выглядела ситуация с принятием решений по другим предложениям записки Муравьева. Вопрос устройства быта крестьян по формальным основаниям был отложен. Крайне неохотно члены комитета согласились разрешить отсрочку оброчных платежей, настояв на необходимости информирования по каждому из таких случаев непосредственно министра финансов. Идея восстановления таможенной линии в Царстве Польском, предлагаемая Валуевым, была отвергнута. Предложения в сфере образования были также отложены для согласования их с Министерством народного просвещения. Острые споры в Комитете развернулись по вопросу о введении 10 % квоты в российских учебных заведениях для польских студентов. Это предложение было поддержано четырьмя членами комитета, в то время как семеро высказалось за предоставление принятия подобного решения руководству учебных заведений. Принципиально против данного подхода высказался только министр просвещения Головин, заявив, что было бы крайне несправедливо лишать уроженцев Западного края (который, как это постоянно утверждалось, есть край русский) «без всякой с их стороны вины и единственно по их происхождению средств общественного образования, одинаково доступных для всех подданных Его Императорского Величества» (РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 346. Л. 31–32). Александр II не принял во внимание данные возражения, утвердив мнение меньшинства «как меру временную, впредь до дальнейшего усмотрения» (РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 346. Л. 33).

Свой подход к управлению Западным краем Муравьев продолжал отстаивать и развивать и в дальнейшем. Подводя итоги своей деятельности в крае в «Записке, лично представленной Государю Императору в Петербурге 5 апреля 1865 года», генерал подчеркивал, что единственным средством его удержания под властью империи является подавление в нем польского элемента (Муравьев, 1885b: 197). Муравьев настаивал на сохранении дискриминационных положений, продолжении репрессивной политики в отношении неблагонадежных элементов. Крестьяне рассматривались им как главный оплот русского владычества в крае, в связи с чем указывалась необходимость поставить их «в полную независимость от владельцев-поляков, всегда нам враждебных» (Муравьев, 1885b: 198). Генерал искренне верил в то, что жесткая правительственная политика, моральное перерождение и полное уничтожение польско-литовской пропаганды сможет упрочить русское владычество в Западном крае (Муравьев, 1885b: 198).

5. Заключение

Модели управления Западным краем, предлагаемые министром внутренних дел П.А. Валуевым и генерал-губернатором М.Н. Муравьевым, легли в основу правительственной политики в отношении данного региона, проводимой фактически на всем протяжении второй половины XIX века. При детальном анализе основных положений предложенных ими программ становится очевидной их внутренняя схожесть, наличие общих стратегических целей. Основные предложения Валуева, направленные на укрепление первенства русского элемента в крае, поддержку православной церкви, деполонизацию системы управления Западным краем, насаждение русского языка, в той или иной степени проводились как Муравьевым, так и последующими генерал-губернаторами. Разница состояла не столько в содержании программ, сколько в методах ее реализации. Основные элементы политики «усмирения» Польши и интеграции ее в единое имперское пространство проводились Муравьевым по-солдатски прямолинейно, по выражению Валуева, с каким-то «дьявольским ожесточением». Министр внутренних дел не отказывался от возможности применения силовых методов для решения проблемы западных окраин, однако в его концепции они носили вспомогательный характер, рассматривались как «крайние меры», направленные на то, чтобы

побудить польские элементы отказаться от конфронтации и склонить их к сотрудничеству. Муравьев же силовое начало ставил во главу угла имперской политики в отношении западных окраин, стремясь к уничтожению, полному подавлению «враждебного России польского начала».

Таким образом, подход Валуева к проблеме интеграции Западного края можно считать концептуально встроенным в общий процесс модернизации России, поскольку окончательный успех имперской политики он ставил в прямую зависимость от успешности задумываемых и проводимых в России в 1860-е годы реформ. Министр внутренних дел подчеркивал, что без серьезной реорганизации высшего управленческого аппарата страны проведение сколь-нибудь осмысленной и единой политики в любой сфере жизни государства и общества представляется невозможным. Исходя из этого, полемику в высших эшелонах российской власти по вопросу о характере имперской политики по отношению к Западному краю можно считать неотъемлемой частью разработки концепции модернизации России во второй половине XIX века, которая должна была стать ответом на многочисленные вызовы современности, от успешности и эффективности которых зависела будущность и целостность Российского государства.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках гранта Южного федерального университета (ЮФУ) «Модернизация России: исследовательский опыт и образовательные практики» (проект № ВнГр-07/2017-16).

Литература

- Валуев, 1999 – Валуев П.А. Дума русского во второй половине 1855 года // Крымская война в художественной литературе и документах / Сост. С.Н. Семанов. М.: Вече, 1999. 639 с.
- Головин, 1997 – Головин А.В. Записки для немногих // *Вопросы истории*. 1997. № 1. С. 98–118.
- Дневник Валуева, 1961 – Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел: В 2-х т. Т. 1. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. 423 с.
- Долбилов, 2006 – Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 206 с.
- Зайончковский, 1961 – Зайончковский П.А. П.А. Валуев (биографический очерк) // Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел: В 2-х т. Т. 1. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. С. 17–54.
- Западные окраины, 2006 – Западные окраины Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 608 с.
- Захарова, 1968 – Захарова Л.Г. Земская контрреформа 1890 г. М.: Изд-во Московского ун-та, 1968. 178 с.
- Захарова, 1984 – Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856–1861. М.: Изд-во Московского ун-та, 1984. 256 с.
- Комзолова, 2005 – Комзолова А.А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М.: Наука, 2005. 383 с.
- Мамонов, 2013 – Мамонов А.В. П.А. Валуев в «Отголосках» 1879–1880 годов // Историк и художник. М.: Изд-во центр Института российской истории РАН, 2013. С. 225–252.
- Миллер, 2000 – Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века). СПб.: Алетейя, 2000. 260 с.
- Муравьев, 1885а – Муравьев М.Н. Записка о некоторых вопросах по устройству Северо-Западного края 14 мая 1864 года // *Русский Архив*. 1885. № 6. С. 186–197.
- Муравьев, 1885б – Муравьев М.Н. Записка, лично представленная Государю Императору в Петербурге 5 апреля 1865 года // *Русский Архив*. 1885. № 6. С. 197–199.
- Переписка Муравьева, 1883 – Переписка М.Н. Муравьева о поселении лиц, высылаемых из Западной России // *Русская старина*. Т. XXXVIII. Вып. 4. 1883. С. 193–206.
- Рибер, 1992 – Рибер А.Д. Групповые интересы в борьбе вокруг Великих реформ // Великие реформы в России. 1856–1874. М.: Изд-во Московского ун-та, 1992. 336 с.
- Римский, 1998 – Римский С.В. Православная Церковь и государство в XIX в. Ростов-на-Дону: Гефест, 1997. 384 с.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Секиринский, 1997 – Секиринский С.С. Петр Александрович Валуев // Российские консерваторы. М.: Русский мир, 1997. 384 с.
- Федосова, 2015 – Федосова Э.П. Граф М.Н. Муравьев-Виленский (1796–1866): Жизнь на службе империи. М.: Институт российской истории РАН, 2015. 256 с.
- Фуко, 1996 – Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. 448 с.
- Чернуха, 1978 – Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х годов XIX века. Л.: Наука, 1978. 248 с.
- Чернуха, 1994 – Чернуха В.Г. Государственный деятель 1860-х: Петр Александрович Валуев (1814–1890 гг.) // *Из глубины времен*. 1994. № 3. С. 97–106.

[Krot, Zav'yalova, 2016](#) – *Krot M.N., Zav'lova O.O.* Reflection in Russian public opinion accession to the throne of Emperor Alexander II // *Bylye Gody*. 2016. № 1 (39). pp. 129-136.

[Ustinovich, 2015](#) – *Ustinovich E.S.* The Development of Information Policy of the Russian Empire During the Reign of Alexander II // *Bylye Gody*. 2015. № 1 (35). pp. 81-86.

References

[Chernukha, 1978](#) – *Chernukha V.G.* (1978). Vnutrennyaya politika tsarizma s serediny 50-kh do nachala 80-kh godov XIX veka [The internal policy of tsarism from the mid-50s to the early 80s of the XIX century]. St. Petersburg: The Science Publ., 248 p. [in Russian]

[Chernukha, 1994](#) – *Chernukha V.G.* (1994). Gosudarstvennyy deyatel 1860-kh: Petr Aleksandrovich Valuyev (1814–1890 gg.) [Statesman of the 1860s: Pyotr Aleksandrovich Valuev (1814–1890)]. *From the depths of time*, Nr 3, pp. 97-106. [in Russian]

[Dnevnik Valueva, 1961](#) – *Dnevnik P.A. Valuyeva*, ministra vnutrennikh del. V 2-kh t. (1961). [Diary of P.A. Valuev, Minister of the Interior]. In 2 vol. Vol. 1. Moscow: The Academy of Sciences of the USSR Publ., 423 p. [in Russian]

[Dolbilov, 2006](#) – *Dolbilov M.D.* (2006). Russkij kraj, chuzhaya vera: E`tnokonfessional`naya politika imperii v Litve i Belorussii pri Aleksandre II [Russian land, alien faith: Ethnic and confessional policy of the empire in Lithuania and Belarus under Alexander II]. Moscow: New Literary Review Publ., 206 p. [in Russian]

[Fedosova, 2015](#) – *Fedosova E.P.* (2015). Graf M.N. Muravyev-Vilenskiy (1796–1866): Zhizn na sluzhbe imperii [Count M.N. Muravyov-Vilensky (1796-1866): Life in the Service of the Empire]. Moscow: Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences Publ., 256 p. [in Russian]

[Foucault, 1996](#) – *Foucault M.* (1996). Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksualnosti. Raboty raznykh let [The will to truth: on the other side of knowledge, power and sexuality. Works of different years]. Moscow: Castal Publ., 448 p. [in Russian]

[Golovin, 1997](#) – *Golovin A.V.* (1997). Zapiski dlya nemnogix [Notes for few]. *Questions of history*, Nr 1, pp. 98-118. [in Russian]

[Komzolova, 2005](#) – *Komzolova A.A.* (2005). Politika samodержaviya v Severo-Zapadnom kraje v epokhu Velikikh reform [The policy of autocracy in the Northwest Territory in the era of the Great Reforms]. Moscow: The Science Publ., 383 p. [in Russian]

[Krot, Zav'yalova, 2016](#) – *Krot M.N., Zav'lova O.O.* (2016). Reflection in Russian public opinion accession to the throne of Emperor Alexander II. *Past years. Russian Historical Journal*, Nr 1 (39), pp. 129-136. [in Russian]

[Mamonov, 2013](#) – *Mamonov A.V.* (2013) P.A. Valuyev v «Otgoloskakh» 1879–1880 godov [P.A. Valuev in “The Echoes” of 1879–1880]. *Historian and artist*. Moscow: Center of the Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences Publ., pp. 225-252. [in Russian]

[Miller, 2000](#) – *Miller A.I.* (2000). «Ukrainskiy vopros» v politike vlastey i russkom obshchestvennom mnenii (vtoraya polovina XIX veka) [“Ukrainian Question” in the policy of the authorities and the Russian public opinion (second half of the XIX century)]. St. Petersburg: Aletheia Publ., 260 p. [in Russian]

[Muravyev, 1885a](#) – *Muravyev M.N.* (1885). Zapiska o nekotorykh voprosakh po ustroystvu Severo-Zapadnogo kraja 14 maya 1864 goda [Note on some issues on the design of the North-West Territory May 14, 1864]. *Russian Archive*, Nr 6, pp. 186-197. [in Russian]

[Muravyev, 1885b](#) – *Muravyev M.N.* (1885). Zapiska, lichno predstavlenaya Gosudaryu Imperatoru v Peterburge 5 aprelya 1865 goda [Note personally submitted to the Emperor in St. Petersburg on April 5, 1865]. *Russian Archive*, Nr 6, pp. 197-199. [in Russian]

[Perepiska Muravyeva, 1883](#) – *Perepiska M.N. Muravyeva* o poselenii lits, vysylayemykh iz Zapadnoy Rossii (1883) [Correspondence M.N. Muraveva about the settlement of persons expelled from Western Russia]. *Russian antiquity*. Vol. 38. Is. 4, pp. 193-206. [in Russian]

[RGIA](#) – Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv [Russian State Historical Archive].

[Riber, 1992](#) – *Riber A.D.* (1992). Gruppyvyye interesy v borbe vokrug Velikikh reform [Group interests in the struggle around the Great Reforms]. *Great reforms in Russia. 1856-1874*. Moscow: Moscow University Publ., 336 p. [in Russian]

[Rimskiy, 1998](#) – *Rimskiy S.V.* (1998). Pravoslavnaya Tserkov i gosudarstvo v XIX v. [The Orthodox Church and the state in the XIX century]. Rostov-on-Don: Hephaestus Publ., 384 p. [in Russian]

[Sekirinskiy, 1997](#) – *Sekirinskiy S.S.* (1997). Petr Aleksandrovich Valuyev [Petr Aleksandrovich Valuev]. *Russian conservatives*. Moscow: Russian world Publ., 384 p. [in Russian]

[Ustinovich, 2015](#) – *Ustinovich E.S.* (2015). The Development of Information Policy of the Russian Empire During the Reign of Alexander II. *Past years. Russian Historical Journal*, Nr 1 (35), pp. 81-86. [in Russian]

[Valuev, 1999](#) – *Valuev P.A.* (1999). Duma russkogo vo vtoroj polovine 1855 goda [Thought of Russian in the second half of 1855]. *Crimean War in fiction and documents* / edited by S. N. Semanov. Moscow: Veche Publ., 639 p. [in Russian]

Zajonchkovskij, 1961 – *Zajonchkovskij P.A.* (1961). P.A. Valuev (biograficheskiy ocherk) [P.A. Valuev (biographical sketch)]. *Diary of P.A. Valuev, Minister of the Interior*. In 2 vol. Vol. 1. Moscow: The Academy of Sciences of the USSR Publ., pp. 17-54. [in Russian]

Zakharova, 1968 – *Zakharova L.G.* (1968) *Zemskaya kontrreforma 1890 g.* [Zemsky Counter Reform of 1890]. Moscow: Moscow University Publ., 178 p. [in Russian]

Zakharova, 1984 – *Zakharova L.G.* (1984) *Samoderzhaviye i otmena krepostnogo prava v Rossii. 1856–1861* [Autocracy and the abolition of serfdom in Russia. 1856–1861]. Moscow: Moscow University Publ., 256 p. [in Russian]

Zapadny`e okrainy`, 2006 – *Zapadny`e okrainy` Rossijskoj imperii* (2006). [Western outskirts of the Russian Empire]. Moscow: New Literary Review Publ., 608 p. [in Russian]

П.А. Валуев и формирование правительственной политики в отношении Западного края (1861–1865 гг.)

Максим Николаевич Крот ^{a, b, *}, Анатолий Иванович Нарезный ^b

^a Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ), Российская Федерация

^b Южный федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена разработке концепции правительственной политики в отношении Западного края в первой половине 60-х годов XIX века, когда страна вступила в период широких модернизационных трансформаций. Противоречивость и нерешительность политики имперских властей в отношении одной из наиболее «проблемных» окраин в первые годы царствования Александра II во многом способствовала обострению ситуации в регионе, что привело к началу открытого восстания в Польше в начале 1863 года. Вследствие этого в воссозданном Западном комитете ведется полемика по вопросу о выработке новой модели управления Западным краем, одним из наиболее активных участников которой был министр внутренних дел П.А. Валуев. Им была предложена компромиссная программа, ориентированная на интеграцию региона в единое имперское пространство, налаживание контактов с лояльной частью польской элиты, поддержку православного крестьянского населения и всестороннее укрепление русского начала в крае. Другой подход к данной проблеме отстаивал генерал-губернатор Западного края М.Н. Муравьев, являвшийся сторонником доминанты силовых методов и подавления польского начала в крае. В статье предпринят сравнительный анализ основных положений указанных концепций, изложенных в записках, которые были рассмотрены на заседаниях Западного комитета. Он позволил установить наличие внутреннего идейного единства данных подходов при различном понимании методики их реализации. Авторы приходят к выводу о том, что Валуев выстраивал свою концепцию политики в отношении Западного края в едином контексте с общим процессом модернизации России, поскольку ее успех во многом связывался им с необходимостью реорганизации правительственного аппарата Российской империи и успешностью планируемых и проводимых в России преобразований.

Ключевые слова: Российская империя, Западный край, Польша, Великие реформы 60–70-х гг. XIX века, Польское восстание 1863–1864 гг. Александр II, П.А. Валуев, М.Н. Муравьев, Западный комитет.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: mnkrot@sfedu.ru (М.Н. Крот), ain@sfedu.ru (А.И. Нарезный)

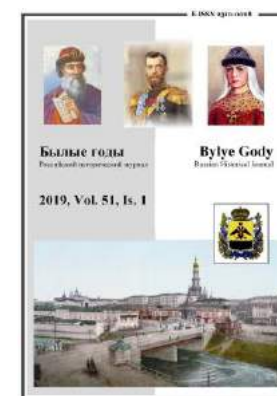
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 51. Is. 1. pp. 272-283. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.1.272
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Leisure Societies of the Tomsk Province in 1865–1919

Vasily P. Zinovyev ^{a, *}, Valentina I. Zinovyeva ^b, Sergey S. Sulyak ^c

^a Tomsk State University, Russian Federation

^b Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Russian Federation

^c St. Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

The authors turned to the history of leisure coteries and societies of the Tomsk province in the second half of the 19th – early 20th centuries, the largest province of Russia in population. Public organizations, specially formed by their members to spend their free time with a specific purpose, were considered as leisure ones. Such organizations were state-registered music-literary-drama (societies, coteries), horseracing, hunting, sporting, photo amateur, artistic, for organizing folk entertainment, gardening, Esperantists, aviation enthusiasts, public urban, commercial, railway meetings and clubs. The main source of information for analyzing the activities of leisure organizations was the chronicle of public life in Tomsk province in 1880 – February 1917, which in turn includes information from the archives, periodicals, and historical researches. The chronicle is supplemented with information from local statistical reference and local history publications. The authors set the goal of identifying the role of leisure organizations in the public life of the population of the Tomsk province in the second half of the 19th – early 20th century. The classification of organizations by subject led to the following results: literary-musical-dramatic societies – 21, public meetings – 18, horseracing – 7, sports – 7, lovers of sports hunting and photography – 3, folk entertainment – 2, art societies, Esperanto lovers, aviation circles, gardening lovers – 1 each, 65 in total. It is two times more than it was thought in historical literature.

The authors believe that in the Siberian province there were gradually going processes of constructing an urban society with a new forms of spending free time, different from the medieval cities and the peasant world. They included primarily prosperous citizens who were the initiators, organizers and sponsors of new forms of leisure. These are officials, persons of intelligent professions, entrepreneurs. The center of innovation was the provincial city of Tomsk, from which the innovations spread to district towns and commercial and industrial settlements. Firstly, the leisure was an entertainment, and then a creativity and intellectual way of development. Organized leisure covered a small proportion of the population of the province, but there was an obvious trend towards the formation of the traditions of the emerging industrial urban society. Soviet and modern leisure culture had its origins in pre-revolutionary urban culture.

Keywords: leisure societies, Tomsk province, amateur, sports.

1. Введение

Организация досуга – заметная часть культуры и общественной жизни. Формы и масштабы организации коллективного отдыха, развлечений, познавательной и творческой деятельности свидетельствуют об уровне развития общества, в связи с чем изучение организации свободного времени населения представляет интерес для историков общественного движения. В данной статье авторы обратились к истории досуговых кружков и обществ в самой большой по численности населения губерний России – Томской – во второй половине XIX – начале XX вв. Общество

* Corresponding author

E-mail addresses: vpz@tsu.ru (V.P. Zinovyev), vizaneferty@yandex.ru (V.I. Zinovyeva), sergei_suleak@rambler.ru (S.S. Sulyak)

переживает раннеиндустриальный период. На реках ходят пароходы, строятся железные дороги, фабрики и заводы, появляются электричество, телеграф, телефон, водопровод, магазины. В это время происходят значительные изменения в жизни города и губернии: появляются первые библиотека и книжные магазины, растет число образовательных заведений, включая гимназии, профессиональные и средние специальные училища, идет подготовка и открытие первого в азиатской части страны университета. В сельской местности открываются свои библиотеки, разрабатываются проекты о введении всеобщего начального образования в губернии. Популярность грамотности, стремление людей к расширению знаний и общению, желание проявить себя в общественно-полезной сфере выразились в том, что досуг стал средством выражения социальной активности.

2. Материалы и методы

В качестве досуговых рассматривались общественные организации, специально образованные их членами для проведения свободного времени с определенной целью. К таким в статье были отнесены зарегистрированные государством организации (общества, кружки): музыкально-литературно-драматические, любителей конных бегов, охотничьи, спортивные, фотолюбителей, художественные, для организации народных развлечений, садоводческие, эсперантистов, любителей авиации, общественные городские, коммерческие, железнодорожные собрания и клубы. Организацией досуга занимались, кроме официально признанных, неформальные объединения, благотворительные организации, общества трезвости, взаимопомощи, однако предметом исследования в этой статье будут только общества и кружки, специализированные в организации какого-либо вида досуга. Они менее других получили освещение в отечественной исторической литературе.

Основным источником информации для анализа деятельности досуговых кружков и обществ послужила хроника общественной жизни Томской губернии в 1880 г. – феврале 1917 г. (Зиновьев, Харусь, 2013: 51-383), которая в свою очередь включает информацию из архивов, периодической печати, исторических исследований. Хроника дополнена информацией из местных статистико-справочных и краеведческих изданий.

3. Обсуждение

Неполитические организации России дореволюционного времени изучались в советской историографии значительно слабее, нежели политические. В постсоветское время мало изучается все дореволюционное общественное движение. Исключение сделано для благотворительных обществ, которые рассматриваются как часть истории филантропии и меценатства буржуазии и чиновничества (Боханов, 1989; Бочанова и др., 2000; Бобровников, 2000; Власов, 2001; Ульянов, 2005). Е.А. Дегальцева предприняла единственную в отечественной историографии плодотворную попытку исследования истории неполитических организаций всех видов применительно к крупному региону, конкретно – к территории Западной Сибири (Дегальцева, 2002; Дегальцева, 2006). Конечно, собранные ею сведения не полны и их интерпретация порой спорна. Так, в Томской губернии ею учтены 46 благотворительных организаций (Дегальцева, 2002), хроника общественной жизни, составленная томскими учеными, – 73 (Зиновьев, Харусь, 2013: 51-383), а специальное исследование – 86 (Zinovyev et al., 2018). Досуговых организаций ею учтено в Томской губернии 31 (Дегальцева, 2002), нами – 65 (Таблица 1). Это не отменяет новаторства Е.А. Дегальцевой, однако указывает на необходимость продолжения исследований такого направления общественной жизни как деятельность неполитических объединений. В данной статье авторы поставили целью выявить роль досуговых организаций в общественной жизни населения Томской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.

4. Результаты

Количественные параметры досугового сегмента общественной жизни Томской губернии сведены в Таблицу 1. В ней 65 зарегистрированных нами занимавшихся организацией свободного времени общественных объединений распределены по трем критериям: по видам деятельности, по местонахождению, по времени создания (первого упоминания в источниках). Классификация организаций по видам занятий дала следующие результаты: литературно-музыкально-драматических обществ – 21, общественных собраний – 18, конно-спортивных – 7, спортивных – 7, любителей спортивной охоты и фотодела – по 3, народных развлечений – 2, художественных обществ, любителей эсперанто, аэрокружков, любителей садоводства – по 1. Очевидно, что большая часть досуговых обществ занималась тем, что называлось в советские годы художественной (литературно-музыкально-театральной) самодеятельностью. Еще более простыми были цели общественных собраний и организаторов народных развлечений – проведение коллективных и массовых народных праздников. В сумме это составит 41 организацию, разных спортивных обществ (конные, охотничьи, гимнастические и прочие) – 17, технических кружков и обществ – 4. Уникальными были общество художников, кружок любителей эсперанто, общество по благоустройству дачной местности «Городок» в казенном Тимерчинском бору близ Томска. Деление обществ и кружков на примитивные (по целям отдыхательно-развлекательные) и на более высокие

(познавательные и творческие) невозможно, так как общества одного и того же вида деятельности были весьма различны по творческому и организационному потенциалу.

Наиболее интеллектуально развитыми, финансово обеспеченными были общества в губернском, университетском Томске (29), горнозаводском Барнауле (10), торгово-промышленном Новониколаевске (5). Уездные города, крупные села, железнодорожные станции имели 1–2 организационных центра – общественное собрание и литературно-музыкально-драматическое общество, реже – общество любителей конных бегов. Активное ядро обществ составляли чиновники и предприниматели, служащие Сибирской железной дороги и пароходств. По большей части они концентрировались в трех крупнейших городах губернии. Уездные общества были весьма скромными по масштабам и уровню развлечений.

Первые досуговые общества всех видов деятельности открывались, как правило, в Томске, лет через 10–15 они появлялись в других городах губернии. Хронологически первым досуговым центром губернии стало Благородное собрание города Томска, открывшее свое действие в конце 1850-х гг., в 1865 г. оно было переименовано в Общественное собрание, что, вероятно, отразило рост влияния купечества на общественную жизнь города. Общественное собрание заняло дворец обанкротившегося золотопромышленника Философа Горохова на Почтамтской улице и находилось в нем до 1897 г. Пожар уничтожил дворец полностью, и совет старшин принял решение построить каменное здание, возведенное на деньги членов собрания по проекту архитектора К.К. Лыгина в 1898–1900 гг. Здание (памятник федерального значения) до сих пор украшает главную улицу Томска, хотя требует серьезного ремонта.

Общественным собранием руководил совет старшин, так, в 1913 г. председателем совета был горный инженер И.П. Бересневич, членами совета – адвокат П.В. Вологодский, купцы Г.Р. Бейлин, П.А. Толкачев, М.И. Хейсин, учитель гимназии И.И. Попов, гласные городской думы В.В. Смитрович, С.В. Александровский (*Памятная книжка...*, 2013: 120). Члены клуба платили годовой взнос 10 руб. в конце XIX в. и по 15 руб. в начале XX в. Численность действительных членов клуба составляла в 1893 г. 230 чел., включая 45 членов военного собрания и 6 почетных членов (*Сибирский...*, 1893). В начале XX века число членов собрания достигало 300–400 чел. Посетители могли приходиться в собрание, заплатив за вход 50 коп. по рекомендации действительных членов собрания. На первом этаже здания находились библиотека, бильярдная, столовая, малая карточная комната, гардероб, дамская уборная, на втором – буфет, посудная, зрительный зал, мужская уборная. Зал вмещал до 1000 зрителей. Общественное собрание проводило спектакли, балы-маскарады, праздничные представления, благотворительные вечера. Зал сдавался в аренду для проведения мероприятий благотворительным и культурно-просветительным обществам. Члены клуба играли в карты, на бильярде, отдыхали в буфете. При собрании действовал шахматный кружок, хороший оркестр, столярная, иконописная, шляпная мастерские, магазины.

С 1905 г., когда был сожжен погромщиками городской театр, Общественное собрание принимало театральные гастроли. В 1909 г. здесь выступала Вера Комиссаржевская, в 1910 г. – Леонид Витальевич Собинов, Константин Варламов, Анастасия Дмитриевна Вяльцева, в 1910, 1911, 1915 гг. – Павел Николаевич Орленев, актеры Григорий Ге, Мамонт Дальский, Василий Далматов, Мария Петипа. В 1903 г. именно в Общественном собрании торжественно отметили 15-летие Томского университета, а в 1915 г. – 80-летний юбилей знаменитого путешественника и ученого Г.Н. Потанина (*Ширко, Ширко*).

Общественное собрание не могло пройти мимо политических событий. 27 ноября 1905 г. оно исключило губернатора В.Н. Азанчеева-Азанчевского и полицмейстера Никольского из числа своих членов без права появления в собрании даже в качестве гостей как виновников многочисленных жертв во время октябрьского погрома (*Сибирская жизнь, 1905: 29 ноября*). В 1917 г. в Общественном собрании проходили заседания Совета солдатских депутатов под председательством известного революционера Н.Н. Яковлева. В 1920 г., после восстановления Советской власти в Томске, здание было национализировано и служило клубом для томских военных, оставшись в истории города как Дом офицеров (*Ширко, Ширко*).

Кроме Общественного собрания, в Томске в 1887–1895 гг. действовало Ремесленное собрание, в котором собиралась публика попроще – мастеровые и торговые люди. В 1893 г. оно насчитывало 186 действительных членов с 5-рублевым годовым взносом (*Сибирский...*, 1893). Ремесленное собрание закрылось за неимением средств в 1895 г. (Летопись). Досуговая деятельность ремесленников продолжилась с 1903 г., когда цеховая управа была преобразована в Общество взаимопомощи лиц, занимающихся ремесленным трудом (*Зиновьев, Харусь, 2013: 112*).

К городским собраниям, имевшим сословное происхождение, относились также Коммерческое собрание в Новониколаевске, Общественное собрание в Мариинске, открытое в 1907 г. с небольшим числом членов. В газете «Сибирская жизнь» в 1907 г. сообщалось, что в помещении общественного собрания по инициативе местного фотографа состоялось собрание избирателей для выдвижения выборщиков в Государственную Думу, присутствовало около 100 чел. (*Сибирская жизнь. 1907: 13 мая*).

В Бийске Народный дом был открыт в 1914 г. на средства купца А.П. Копылова. Бийские краеведы сообщают, что «сразу после открытия Народный дом стал истинным центром культурной, просветительской и общественной жизни города Бийска. Несмотря на тяготы военного времени,

грянувшей затем революции и хаоса гражданской войны, в Народном доме регулярно проходили праздники, театральные представления, концерты, читались лекции (после революции в нашем городе несколько лет работала профессура Петербургского университета). Тут были общественная библиотека, биржа труда, зрительный зал для концертов и спектаклей, воскресная школа для взрослых и даже дешёвая чайная и столовая» (Советская...).

Другого происхождения был Народный дом в Барнауле. Он возник по инициативе Общества попечения о начальном образовании в Барнауле, которое организовал политический ссыльный, общественный деятель города В.К. Штильке. Идея получила широкую поддержку, Николай II велел выделить место под здание и 10 тыс. руб., столько же дали купцы сибирских городов, остальное добавили Городская дума, Главное управление Алтайского округа Кабинета Е.И.В., горожане. На руинах горнозаводской тюрьмы в 1900 г. вырос трехэтажный особняк по проекту академика архитектуры И.П. Ропета (И.Н. Петрова). Дом стал центром организации культурно-просветительской жизни города, здесь гнездились два кружка местных театралов, выступали гастролирующие труппы, проводились балы-маскарады, утренники для детей. Так, за 1914 г. на сцене Народного дома было поставлено 127 спектаклей, в том числе 20 утренних для детей. Кроме того, прошло 6 концертов, 8 общественных литературно-музыкальных вечеров, устроено 4 маскарада, 5 спектаклей. Даже в 1917 г. было поставлено 32 спектакля с числом зрителей – 14121 человек (Скубневский, 2012: 192). В период Первой русской революции в Барнауле именно с Народным домом были связаны основные события: здесь проходили митинги, отсюда начинались демонстрации, сюда пришли погромщики 22 октября 1905 г. В период Первой мировой войны Народный дом приютил две школы, получив второе название – Школьный дом, сейчас в нем размещается областная филармония. Можно согласиться с известным историком В.А. Скубневским: «Таким образом, народный дом, который горожане также называли «школьным», играл исключительно важную роль не только как центр образования, культуры, но и как место, где концентрировалась общественная жизнь в общем-то провинциального и относительно спокойного города» (Скубневский, 2012: 193).

В начале XX в. общественные собрания были образованы также в уездном городе Змеиногорске, торгово-промышленных селах Курьинское, Кольванский завод, в г. Камень-на-Оби. В Новониколаевске ту же роль играло Коммерческое собрание. На крупных станциях Сибирской железной дороги (Томск, Тайга, Обь, Каинск, Боготол) открылись собрания служащих, ставшие досуговыми центрами для персонала станций. Наиболее крупным было Собрание железнодорожных служащих в Томске, в котором находилось управление Сибирской железной дороги и до 3 тыс. служащих и рабочих. Устав «Собрания служащих Сибирской железной дороги в г. Томске» был утвержден в 1903 г. «Цель – доставлять своим членам и их семьям возможность проводить свободное от занятий время с удовольствием, с приятностью и пользой и дать возможность служащим пользоваться дешевой и здоровой пищей в учреждаемой столовой. Для достижения этих целей Собранию предоставляется право приобретать на основании общих законов недвижимость, иметь библиотеку, читальню, столовую, устраивать балы, маскарады, танцевальные, музыкальные и литературные вечера и драматические представления, детские вечера и утра и т.п.». 14 июня 1906 г. были приняты изменения в Уставе: в число действительных членов Собрания допускались женщины, служившие на Сибирской железной дороге (ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 4229. Л. 6; Оп. 3. Д. 5596).

Таблица 1. Досуговые общества Томской губернии в 1865–1919 гг.

Города и села	Направления деятельности организаций									
	Общественные собрания	Музыкально-драматические	Конно-спортивные	Охотничьи	Народные развлечения	Фото	Художественные	Спортивные	Прочие	Итого
Томск	Конец 1850-х гг.*, 1887, 1898, 1903, 1905	1879, 1897, 1898, 1908, 1909, 1909, 1910, 1913	1879	1893	1908, 1915	1902, 1909, 1911	1909	1896, 1898, 1911, 1912, 1915	1909, 1910, 1912	29
Барнаул	1900, 1913	1894, 1898, 1900, 1903	1897	1909				1901, 1909		10
Бийск	1914	1887	1904							3
Новониколаевск	1913	1902	1903, 1909	1910						5
Кузнецк		1908								1
Каинск	1913	1909	1899							3
Маринск	1907	1908								2
Змеиногорск	1913	1907								2
Кольвань		1906								1
Камень	1913	1909								2
Тайга	1903		1913							2
ст. Обь	1903									1
с. Усть-Чарышская пристань		1908								1
с. Кольванский завод	1913									1
с. Курьинское	1913									1
ст. Боготол	1913									1
Итого	18	21	7	3	2	3	1	7	3	65

* Год основания или первого упоминания об организации

Инициатор создания железнодорожных собраний – начальник Сибирской железной дороги, инженер В.М. Павловский стремился посредством клубов консолидировать корпорацию служащих и рабочих дороги, субсидировал деятельность собраний, хотя большую часть денег клубы добывали сами организацией спектаклей, вечеров, лекций, киносеансов. Томский клуб включал до 300 действительных членов, 3–4 десятка членов-посетителей, сам В.М. Павловский был пожизненным почетным членом собрания, как и последующие за ним начальники Сибирской и Томской железных дорог. Железнодорожное собрание стало одним из главных досуговых центров Томска. Действовали театральный, шахматный, детский кружки, детский сад. Так, в сезоне 1907/08 гг. театралы клуба было устроено 2 семейно-танцевальных вечера, 2 маскарада, 1 сеанс кинематографа, 2 детских вечера и 20 спектаклей с танцами. В спектаклях приняли участие 54 члена театрального кружка, спектакли и вечера посетили 1 899 членов железнодорожного собрания и 2 875 посторонних человек. Клуб помогал средствами просветительским и благотворительным обществам города. Историк В.А. Сердюк, специально изучавший историю клуба, сделал вывод о том, что, «соединяя в своей деятельности культурно-развлекательные программы, благотворительные акции, материально и морально поддерживая своих членов, томский железнодорожный клуб стремился к удовлетворению культурных и духовных потребностей служащих. В конечном итоге эти действия были направлены на формирование единого, постоянного коллектива служащих на Сибирской дороге с осознанием принадлежности к одной общей железнодорожной семье» (Сердюк, 2012: 95-97). Удалась ли консолидация персонала железной дороги – вопрос спорный, но в 1905 г. железнодорожные комитеты, а в 1917 г. ВИКЖЕЛЬ были серьезной политической силой, что говорит о позитивных результатах корпоративной политики администрации и профсоюзов железных дорог России.

В 1905 г. либеральная общественность Томска предприняла попытку создать якобы неполитический элитный клуб под названием «Парус» по инициативе Г.Н. Потанина и А.В. Витте. Состоялось три заседания в августе–декабре, после чего клуб, вероятно, прекратил существование за неустойчивостью, так как образовались местные организации либеральных партий (Зиновьев, Харусь, 2013: 142-143, 169).

Наибольшее распространение в Томской губернии получили литературно-музыкально-театральные общества. Для их организации не требовалось много средств, массы участников и больших талантов. Уровень творчества таких корпораций сильно разнился – от профессионального в губернском городе до чрезвычайно дилетантского в городках и селах, что, однако, мало печалило их участников. Главная цель – самовыражение и осмысленное заполнение досуга – достигалась.

Первое такое общество образовалось в Томске в 1879 г. По мнению историка Т.Ю. Зимы, именно в Томске совпали три составляющие стабильного функционирования обществ любителей музыки: инициаторы, социальная среда и финансовые средства (Зима, 2014: 74). Жены чиновников, профессоров, предпринимателей были инициаторами и организаторами музыкальных сообществ. Персонал учебных заведений, территориальных управлений ряда министерств и ведомств, семьи предпринимателей обеспечивали необходимую среду и финансы для их действия. Томское отделение Императорского Русского музыкального общества открылось по инициативе жены томского вице-губернатора Александра Ипполитовича Дмитриева-Мамонова – Елизаветы Алексеевны, затем долгое время делами общества занималась жена правителя канцелярии попечителя Западно-Сибирского учебного округа Григория Севериновича Томашинского – Камилла Ивановна (председатель) и коммивояжер Андрей Андреевич Ауэрбах (казначей). Их стараниями общество открыло в Томске в 1893 г. музыкальные классы. Учеба в них стоила не дешево – 50 руб. в год, членский взнос общества тоже был высок – 10 руб. в год (Сибирский..., 1893). Тем не менее желающие учиться и посещать концерты всегда были.

23 февраля 1898 г. в Томске было открыто Общество мужского пения. Устав Томского общества мужского пения был списан с устава Санкт-Петербургского общества мужского пения. Цель – предоставление возможности членам собираться для упражнений и усовершенствований в квартетном и хоровом пении и в инструментальной музыке, способствуя тем музыкальному развитию своих членов. Для достижения цели устраивались как домашние, так и публичные музыкальные и танцевальные вечера и сценические представления. Была открыта библиотека – нотная и для чтения. 19 января 1904 г. в устав Министерством внутренних дел были внесены изменения и дополнения. Общество стало именоваться Томским обществом любителей пения и музыки (Зиновьев, Харусь, 2013: 76).

К.И. Томашинская в 1901 г. открыла в Томске первую частную музыкальную школу, в 1908 г. она способствовала открытию первого Сибирского хорового певческого общества (Зиновьев, Харусь, 2013: 271). В том же году пианистка Феофания Николаевна Тютрюмова открыла вторую музыкальную школу, а в 1912 г. музыкальные классы общества были преобразованы в музыкальное училище (Зима, 2014: 79). Теперь это музыкальный колледж имени Эдисона Денисова. Музыкальная жизнь в Томске всегда была тесно связана с университетом, сейчас эти традиции продолжает институт искусств и культуры ТГУ, хоровая капелла и джазовый оркестр ТГУ-62.

Литературно-музыкально-драматические общества действовали во всех уездных центрах, в крупных городах и селах губернии: в Бийске (основано в 1887), Барнауле (1894), Новониколаевске (1902), Кольвани (1906), Змеиногорске (1907), Мариинске, Кузнецке, с. Усть-Чарышская пристань

(1908), Камне (1909). Порой они были единственными организаторами досуга обывателей городков и сел. В Томске, кроме музыкальных обществ, были еще литературно-театральные. Действовал литературно-артистический кружок, литературно-музыкально-драматическое общество, Томский отдел еврейского литературного общества, кружок друзей театра. Театральные общества были в Бийске (1887 г.) и Барнауле (1903 г.), Каинске (1909 г.). В Томске губернатором были разрешены к действию также Общества народных развлечений (1908 г.) и Общество содействия устройству в селах и деревнях Томской губернии разумных развлечений (см.: Зиновьев, Харусь, 2013). К сожалению, об их деятельности мало что известно.

Однако пример литературно-артистического кружка в Томске показывает, что жизнь всех названных обществ была насыщена значимыми событиями. Так, сообщение о кружке литераторов, образованном в Томске в 1909 г. по инициативе Г.Н. Потанина, в Хронике общественной жизни Томской губернии заняло две строчки (Зиновьев, Харусь, 2013: 283). Но только перечисление лиц, входивших в кружок, свидетельствует о серьезном значении этого собрания для истории российской литературы. Кружок собирался на квартирах путешественника Г.Н. Потанина, профессора Технологического института Б.П. Вейнберга, инженера В.Я. Шишкова. Председателем кружка была В.П. Соболева, жена профессора Томского университета, экономиста М.Н. Соболева; участниками – инженер, писатель В.Я. Шишков; геолог, профессор Технологического университета, писатель-фантаст В.А. Обручев; геолог, поэт и писатель П.А. Драверт; профессор, физик и гляциолог Б.П. Вейнберг; писатели и поэты В. Бахметьев, Г.А. Вяткин, Г.Д. Гребенщиков, А. Жиляков, А. Новоселов, Ф. Наврузова и др. Они обсуждали литературные произведения, издавали в 1909 г. журнал «Молодая Сибирь» (ред. студент Н.Н. Алексеев), в 1910 г. журнал «Сибирская новь» (ред. Г.Д. Гребенщиков, Г.Я. Крекнин) (Казаркин, 2004; Колесникова, 2004; История города, 2004: 157-158; Косых, Яковенко, 2011: 94, 104-105). Кружок существенно повлиял на формирование творческого багажа сибирских писателей.

В городах Томской губернии во второй половине XIX – начале XX века были исключительно популярны занятия спортом. Спортивная жизнь была разнообразна: от шахмат и бильярда до футбольных, лыжных соревнований, велогонок, конных бегов и бега на коньках, спортивной охоты, гимнастики, плавания, атлетизма и т.д. Любители спорта неизбежно приходили к организационному оформлению спортивных занятий и соревнований. Не все получили официальную регистрацию и уставы: например, шахматисты, футболисты, лыжники, конькобежцы, пловцы, автомобилисты, велосипедисты не имели постоянных организаций и финансового обеспечения, хотя и устраивали соревнования. Шахматисты и поклонники бильярда проводили первенства в клубах; автомобилисты, велосипедисты, мотоциклисты, лыжники, футболисты старались быть ближе к беговой дорожке ипподрома. В Томске было до 15 футбольных команд. В качестве организатора выступал спортивно-атлетический клуб, организованный в 1912 г. (Жилякова). Также было и в других городах губернии, демократическим видам спорта трудно было организоваться, пока интересы состоятельных граждан были обращены к охоте и конным бегам.

Раньше других в городах Томской губернии организовались любители конных бегов. В этом ничего удивительного нет, даже герб губернии представляет собой изображение бегущей в правую сторону серебряной лошади на зеленом поле, а в извозе по трактам были заняты десятки тысяч человек. Первыми открыли общество поощрения коннозаводства и построили ипподром томские чиновники и предприниматели в 1879 г. (новый ипподром – в 1906 г. по проекту К.К. Лыгина), в Барнауле общество открылось в 1897 г. (ипподром – в 1914 г.), в Каинске – в 1899 г., в Новониколаевске – в 1903 г. (ипподром – в 1912 г.), в Бийске – в 1904 г., в Тайге – в 1913 г. (См.: Зиновьев, Харусь, 2013; Сто десять лет...; Алтайский...). На ипподромах проходили скачки, испытания скаковых лошадей. Это было невозможно без разведения и воспитания лошадей, т.е. без коннозаводства, поэтому общества ньюзаводчиков и любителей бегов обычно взаимодействовали. Лошади были предметом гордости заводчиков. Конные бега – азартные, праздничные зрелища с тотализаторами и ставками проводились и зимой, и летом. Ипподромы притягивали к себе другие спортивные состязания и зрителей. Они были центрами спортивной жизни городов губернии. Конноспортивные общества пользовались покровительством великих князей из дома Романовых, так как лошади являлись основной тягловой силой армии, ее мобильным потенциалом, а значит стратегическим ресурсом империи. О характере деятельности Томского общества свидетельствуют его публичные ежегодные отчеты. Приведем выдержки из отчета за сезон 1904–1905 гг. В обществе состояли 6 почетных членов, 105 – действительных, 85 – членов-посетителей, почетный президент общества великий князь Дмитрий Константинович, главноуправляющий государственным коннозаводством, президент – томский губернатор (в данном случае В.Н. Азанчевский-Азанчев), вице-президент Г.И. Фуксман, старшие члены П.А. Толкачев, М.Ф. Сапожников, казначей В.П. Редников. Проведено 15 скачек с участием 119 лошадей, выдано 14 тыс. руб. призовых. Доход общества составил 33,4 тыс. руб., расход 26,2 тыс. руб. Доход от скачек и пожертвования членов общества позволили запланировать строительство нового здания ипподрома. Членские взносы установлены в 5 руб. в год (Отчет Томского общества..., 1905: 1-4).

Судьба ипподромов и обществ коннозаводства в губернии очень разная. Томский ипподром действовал до 1970 г., пока территория не понадобилась под дворец спорта и зрелищ, в городе

действуют конноспортивные клубы. В Барнауле и в Новосибирске ипподромы и конные заводы оттеснены на окраины, но продолжают действовать и радовать любителей конных бегов. В Новосибирске о старом времени напоминает одна из центральных в городе Ипподромская улица. В Бийске конные бега вытеснены в соседние села, в Каинске и Тайге о них нет воспоминаний.

Уникальным явлением в организации досуга не только в Сибири, но и в России было Общество содействия физическому развитию в Томске, организованное по инициативе доктора Владислава Станиславовича Пирусского в 1896 г. Первое собрание членов-учредителей Общества состоялось 3 марта. Его председателем был избран губернатор А.А. Ломачевский, председателем Совета общества – горный инженер Г.М. Яцевич, секретарем – В.С. Пирусский. Цель – содействовать улучшению физического здоровья населения г. Томска. Для ее достижения устраивались физические упражнения, игры и занятия, загородные прогулки учащихся под руководством опытных наставников, экскурсии и публичные состязания на лодках, велосипедах и т.д., практические и систематические курсы гимнастики, ручного труда, плавания, катания на коньках и т.п., на станции Басандайка (ныне Межениновка) действовала летняя колония для физически слабых детей. Общество заботилось о распространении научных взглядов на физическое воспитание и развитие, с этой целью устраивались публичные лекции и беседы. Средства Общества состояли из пожертвований и субсидий, членских взносов, сборов, выручаемых за отдачу в наймы помещений, ему принадлежащих, доходов от публичных лекций, выставок, спектаклей, концертов и т.п. Управление делами Общества возлагалось на общее собрание членов и Совет общества. В 1904–1913 гг. обществом был построен манеж, который стал центром организации физкультуры и спорта в Томске. В 1919 г. Общество прекратило деятельность в связи с отсутствием средств. В советское время в манеже работали Сибирский институт физической культуры, горбольница № 1. Ныне прошедший реставрацию манеж – это Центр реабилитации Томского НИИ курортологии и физиотерапии (Зиновьев, Харусь, 2013: 71; Иконников, 2005; Сарычева, 2014).

В Томске, Барнауле действовали также гимнастические, атлетические общества, в период войны было организовано единственное досуговое общество – «Гладиатор» в Томске.

Более закрытыми были общества правильной охоты. Они действовали в Томске (1893 г.), Барнауле (1909 г.), Новониколаевске (1910 г.) и занимались организацией охотничьих соревнований, разведением охотничьих пород собак, выездами на облавные охоты (на волков, зайцев, лис), устройством быта во время коллективных выездов на охоту и отдых. Для охоты на дичь снимались лесные дачи и болота у крестьянских обществ близ городов. Томское общество включало 90–110 действительных членов, 5–6 почетных членов и несколько кандидатов, при взносе 10–12 руб. в год состав общества постоянно обновлялся из-за неуплаты взносов. Томское общество имело охотничий дом и библиотеку. О характере его деятельности можно судить по отчетам. В отчете за 1904 г. написано: «Отчетный год, как и в 1903 г., был беден зверем и птицей. По отзыву зав. общ. ох. Н.А. Кондакова, волков в окрестностях Томска не было и потому охоты не назначались. Зайцев было мало, даже в лучших угодьях с. Спасского, всегда обиловавшего этим зверьком, где преимущественно устраивались общественные охоты, дали ничтожные результаты. Охоты по перу с собакой не порадовали охотников: дупелей и бекасов почти не было, тетеревей мало ... На частных охотах убито медведей С.Н. Хомичем 1 (в Петуховской тайге), там же убиты еще три медведя. Г.К. Реш и П.Н. Копыловым убиты рысь на даче Кисловой» (Отчеты..., 1904: 4-5). Нужно пояснить, что указанные территории сейчас либо являются частью Томска, либо находятся очень близко к нему.

Накануне войны Томское Общество правильной охоты активно ратовало за ограничение охоты на дичь возле города и арендовало для охоты окрестности заповедных Тимерчинской и Бурундуковской лесных дач (Отчет, 2014: 5). Наследником Общества правильной охоты является Томское областное общество охотников и рыболовов, отметившее 20 октября 2018 г. свое 125-летие.

Наступление индустриального мира уже начало влиять на характер досуга горожан, что проявилось в соревнованиях велосипедистов, мотоциклистов, автомобилистов, в гонках пароходов и катеров, в сеансах кинематографа, в появлении кружков любителей техники. Первыми организовались поклонники фотографии. В 1902 г. был утвержден устав Фотографического общества в Томске. 1 декабря состоялось открытие общества в составе 20 человек. Председателем был избран профессор Технологического института А.И. Ефимов. В 1909 г. образовался фотографический кружок в университете, а в 1911 г. появилось Сибирское фотографическое общество (Зиновьев, Харусь, 2013). Благодаря томичам, увлеченным фотографией, нам остались образы дореволюционного Томска (История города, 2004: 155; Томск, 2004).

Глубокий след в истории Томска и страны в целом оставили участники аэрокружка Томского технологического института, который действовал с 1910 г. Руководил им профессор В.П. Вейнберг. В 1911 г. кружком был куплен у архитектора А.И. Лангера самолет Блерио-11 бис (деньги дал купец А.Е. Кухтерин). В 1913 г. студенты Трапезников, Голубков, Добровидов, Козырев, Гутьяр совершили полеты с площадки у Лагерного сада. Кружок возобновил действия после Гражданской войны под руководством профессоров института Г.В. Трапезникова и А.В. Квасникова. Кружковцы конструировали самолеты и модели летательных аппаратов. В 1927 г. совершил первый полет самолет с первым отечественным двигателем конструктора А.А. Усталова. В кружок входили будущие

знаменитые конструкторы вертолетов М.А. Миль и Н.И. Камов, именем которого назван Томский аэропорт. Аэроклуб действует до сих пор ([История города. 2004: 154](#); [Зыкова, 2004: 21-22](#)).

Единственными в своем роде в губернии были Общество любителей художеств, кружок эсперантистов, общество садоводов-любителей. Образовавшееся в 1909 г. в Томске общество художников устраивало регулярные выставки картин, организовало рисовальные классы. Председателем общества был архитектор В.Ф. Оржешко, членов общества насчитывалось 100–120, в т.ч. 44 члена-учредителя, 30–35 практикующих художников и архитекторов. Известность из них получили художники Г. Гуркин, Л. Базанова, В. Вучичевич, архитекторы К. Лыгин, А. Крячков. ([История города. 2004: 156](#); [Отчет о деятельности..., 1912](#)).

Предшественником широчайшего в советское время движения «мичуринцев», любителей проводить время в саду и огороде, в Томске было Общество по благоустройству дачной местности «Городок» в казенном Тимерчинском бору вблизи г. Томска. В справочнике «Город Томск» сообщается что «общество занято обеспечением удобного сообщения с городом, охранением благоприятных гигиенических условий, организацией противопожарных мер и устройством развлечений. В Обществе до 40 членов, членский взнос 3 руб., бюджет общества достигает 1000 руб.» ([Дагаева, 1912: 318](#)). Всего в Городке считалось тогда до 100 дач, была налажена моторная переправа через Томь и озеро Тояново (Нестояново). Теперь это микрорайон г Томска, который сохранил свою дачную функцию.

Кружок любителей эсперанто можно отнести к культурно-просветительным организациям, однако по своей практической применимости знания эсперанто скорее носят досуговый характер. В Томске интерес к эсперанто появился еще в 1890-е гг. Первые томичи, занимавшиеся изучением эсперанто – студенты Томского университета: в 1892 – К. Краусефф, в 1893 – А. Нонява, М. Соколов. В 1908 г. были организованы кружки эсперантистов в Томском технологическом институте под руководством С. Обручева, в университете под руководством студента медицинского факультета А. Скальского. Члены студенческих кружков вели активную работу по распространению международного языка, организации курсов по изучению эсперанто (в т.ч. благотворительные при Высших женских курсах), выступали с просветительскими лекциями, проводили выставки и ярмарки литературы и сувениров. В 1910 г. два студенческих кружка объединились в эсперанто-группу, в комитет которой вошли активисты из обоих томских вузов – А. Скальский, Ф. Орлов, Калашников, Красин, С. Ашихмин. В марте 1912 г. в помещении Общества сибирских инженеров состоялось учредительное собрание Томского общества эсперантистов. Учредителями общества стали инженеры К.М. Стрижев, И.С. Калиновский, Н.А. Гурьев, профессора Томского университета Ф.К. Крюгер и А.А. Кулябко. В общество вступило 102 человека. Председателем Общества избран К.М. Стрижев, членами комитета – Ф.К. Крюгер, И.С. Калиновский, студенты Г.И. Поляков и В.А. Гурьев. В мае 1912 г. в Обществе уже состояло 200 человек, и в октябре 1912 городской магистрат выделил ему в бесплатное пользование помещение в городском училищном доме (Гоголевский дом) для проведения курсов и собраний. В общество входили не только учащиеся. В.Е. Воложанин пишет в своих воспоминаниях, что эсперанто увлекался рабочий-ремонтник с разъезда Предтеченск Иван Осипович Селезнев, который свободное время проводил в библиотеках, знал несколько языков и свободно говорил на эсперанто. Он переписывался с эсперантистами разных стран и стал редактором журнала эсперантистов в Париже ([Зиновьев, 2007: 93-94](#)). В годы Первой мировой войны, революционных событий и Гражданской войны эсперанто-движение в Томской губернии пошло на спад и вновь оживилось с восстановлением советской власти (декабрь 1919). Клуб «Эсперанто» до сих пор объединяет любителей общаться на этом искусственном языке в томских вузах ([Бирюлин, Кан](#)).

5. Заключение

Краткий обзор деятельности досуговых организаций в Томской губернии показал, что в сибирской провинции постепенно шли процессы складывания городского общества с новыми формами проведения свободного времени, отличными от средневековых городов и крестьянского мира. Они включали в свою орбиту прежде всего состоятельных горожан, которые были инициаторами, организаторами и спонсорами новых форм досуга. Это были чиновники, лица интеллигентных профессий, предприниматели. Средоточием новшеств был губернский город Томск, от которого шло распространение новаций на уездные города и торгово-промышленные поселения. Наиболее был распространен досуг как публичное времяпрепровождение и развлечение, в который втягивались пассивные слои городского общества. В меньшей степени он отражал потребность в творчестве и интеллектуальном развитии. На 360 тыс. человек, составлявших население городов губернии к 1917 г., было всего около 60 организаций, занимавшихся досугом. Судя по известным данным о численности организаций, они могли охватить максимум 6 тыс. человек, оказать влияние на публику, в десять раз большую по числу. Все равно это составит не более шестой части горожан, не учитывая того факта, что 4 млн. крестьян губернии проводили свой досуг традиционно – народными играми, гуляньями, застольями.

Однако количественный анализ не может отметить тенденцию формирования традиций зарождающегося индустриального городского общества. В этом отношении значение первых досуговых организаций невозможно переоценить. Советские и современные формы художественной

самодеятельности, физкультура и спорт, техническое творчество имели истоки в дореволюционной городской культуре.

6. Благодарности

Результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1687.2017/4.6.

Результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 28.8279.2017/8.9.

Литература

[Алтайский...](#) – Алтайский краевой ипподром [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата посещения – 22.01. 2019)

[Бирюлин, Кан](#) – *Бирюлин А., Кан Г.* Томский эсперанто-клуб [Электронный ресурс]. URL: <https://cdnito.tomsk.ru/2009/04/04/> (дата посещения – 23.01. 2019)

[Бобровников, 2000](#) – *Бобровников В.Г.* Благотворительность и призрение в России. Волгоград: РПК «Политехник», 2000, 208 с.

[Боханов, 1989](#) – *Боханов А.Н.* Коллекционеры и меценаты в России. М., 1989: Наука, 192 с.

[Бочанова и др., 2000](#) – *Бочанова Г.А., Горюшкин Л.М., Ноздрин Г.А.* Очерки истории благотворительности в Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. Новосибирск: Издательство СО РАН, филиал Гео, 2000. 212 с.

[Власов, 2001](#) – *Власов П.В.* Благотворительность и милосердие в России. М.: Центрполиграф, 2001. 446 с.

[ГАТО](#) – Государственный архив Томской области.

[Дагаева, 1912](#) – *Дагаева И.* Дачные места в окрестностях Томска // Город Томск. Справочник. Томск, 1912. С. 314-323.

[Дегальцева, 2002](#) – *Дегальцева Е.А.* Общественные неполитические организации Западной Сибири (1861–1917 гг.). Монография. Барнаул. 2002. 288 с.

[Дегальцева, 2006](#) – *Дегальцева Е.А.* Общественные неполитические организации Западной Сибири (вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.). дисс. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 2006. 382 с.

[Жилякова](#) – *Жилякова Наталья.* Дореволюционный футбол по-томски [Электронный ресурс]. URL: <https://news.vtomske.ru/details/154756-dorevolucionnyy-futbol-po-tomski> (дата посещения – 15.01. 2019)

[Зима, 2014](#) – *Зима Т.Ю.* Томское отделение императорского Русского музыкального общества как социокультурный феномен Сибири конца XIX – начала XX в. // *Вестник Томского государственного университета. История.* 2014. № 2 (28). С. 74-79.

[Зиновьев, 2007](#) – *Зиновьев В.П.* Индустриальные кадры старой Сибири. Томск, 2007. 258 с.

[Зиновьев, Харусь, 2013](#) – *Хроника общественно-политической жизни Томской губернии в 1880–1919 гг. Т. 1: 1880 – февраль 1917 г. / Сост. В.П. Зиновьев, О.А. Харусь.* Томск: Издательство Томского университета, 2013. С. 51-383.

[Зыкова, 2004](#) – *Зыкова В.Г.* Аэроклуб // Томск от А до Я. Томск, 2004. С. 21-22.

[Иконников, 2005](#) – *Иконников С.К.* Доктор Пирусский. Томск, 2005. 372 с.

[История города, 2004](#) – *История города от основания до наших дней / Под ред. Н.М. Дмитриенко.* Томск, 2004. 464 с.

[Казаркин](#) – *Казаркин А.П.* Гребенщиков Георгий Дмитриевич // Томск от А до Я. Томск, 2004. С. 90.

[Колесникова](#) – *Колесникова Р.И.* Вяткин Георгий Андреевич // Томск от А до Я. Томск, 2004. С. 65-66.

[Косых, Яковенко, 2011](#) – *Косых Е.Н., Яковенко А.В.* Повременная печать Сибири (вторая половина XIX века – февраль 1917 г.). Сводный указатель периодических и продолжающихся изданий. Томск, 2011. 376 с.

[Летопись](#) – *Летопись. Хроника жизни Томской. Конец 19 века (1860–1900 гг.).* [Электронный ресурс]. URL: <http://tomich.tomintech.ru/hronika/57/> (дата посещения 15.01.2019).

[Отчет о деятельности, 1912](#) – *Отчет о деятельности Томского общества любителей художеств за 1909–11 год: по 1-е сентября 1911 г.* Томск: Товарищество «Печатня С. П. Яковлева», 1912. 46 с.

[Отчет Томского общества, 1905](#) – *Отчет Томского общества поощрения коннозаводства с 1 ноября 1904 года по 1 ноября 1905 года. (1905).* Томск. 69 с.

[Отчет..., 1915](#) – *Отчет состоящего под августейшим покровительством его императорского высочества великого князя Николая Николаевича Томского общества правильной охоты за 1914 год (21 год существования).* Томск, 1915. 25 с.

[Отчеты..., 1904](#) – *Отчеты состоящего под августейшим покровительством его императорского высочества великого князя Николая Николаевича Томского общества правильной охоты за 1903/4 год (10–11 год существования общества).* Томск, 1904. 25, 18 с.

[Памятная книжка..., 2013](#) – *Памятная книжка Томской губернии на 1913 год.* Томск, 1913. 2, 200, 40, 57 с.

Сарычева, 2014 – Сарычева Т.В. История становления и распространения физического воспитания детей в Западной Сибири в 1920-х гг. // *Вестник Томского государственного университета*. 2014. № 381. С. 147-152. DOI: 10.17223/15617793/381/24

Сердюк, 2012 – Сердюк В.А. Деятельность томского железнодорожного (клубного) собрания в начале XX в.: социокультурный аспект // *Вестник Томского государственного университета*. 2012. № 359. С. 95-97.

Сибирская... – Сибирская жизнь. Томск.

Сибирский..., 1893 – Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1894 год. Томск, 1893.

Скубневский, 2012 – Скубневский В.А. Народный дом – центр культуры и общественной жизни дореволюционного Барнаула // *Известия Алтайского государственного университета*. 2012. Т. 2. № 4. С. 191-193.

Советская... – Советская – самая старая улица нашего города... [Электронный ресурс]. URL: <http://altaizhemchuzhina.ru/ulitsyi-kupecheskogo-biyska/sovetskaya-uspenskaya-omsкая> (дата посещения 16.01.2019).

Сто десять лет... – Сто десять лет с начала истории конных бегов в Новониколаевске [Электронный ресурс]. URL: bsk.nios.ru/content/sto-desyat-let-s-nachala-istorii-konnyh-begov-v-novonikolaevske (дата посещения 22.01.2019)

Томск, 2004 – Томск. История города в иллюстрациях. 1604–2004. Томск: Издательство Томского университета, 2004. 600 с.

Ульянова, 2005 – Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи, XIX – начало XX века. М.: Наука, 2005. 403 с.

Ширко, Ширко – Ширко И.И., Ширко К.Н. Здание Общественного собрания (Дом офицеров) (Историческая справка) [Электронный ресурс]. URL: <http://memorials.lib.tomsk.ru/page.phtml?p=20> (дата посещения 15.01.2019).

Zinovyev et al., 2018 – Zinovyev V.P., Zinovyeva V.I., Fominykh S.S. Charitable Associations of Tomsk Province in 1844–1917 // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 47. Is. 1. pp. 208-216.

References

Altayskiy... – Altayskiy kravevoy ippodrom [Altai regional racetrack] [Electronic resource]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (accessed: 22.01.2019) [in Russian]

Biryulin, Kan – Biryulin A., Kan G. Tomskiy Esperanto-klub [Tomsk Esperanto club]. [Electronic resource]. URL: <https://cdnito.tomsk.ru/2009/04/04/> (accessed: 23.01.2019). [in Russian]

Bobrovnikov, 2000 – Bobrovnikov V.G. (2000). Blagotvoritelnost i prizrenie v Rossii [Charity and social work in Russia]. Volgograd: RPK «Politehnik», 208 p. [in Russian]

Bochanova et al., 2000 – Bochanova, G.A., Goryushkin L.M., Nozdrin G.A. (2000). Ocherki istorii blagotvoritelnosti v Sibirivj vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. [Essays on the history of charity in Siberia in the second half of XIX-early XX centuries]. Novosibirsk: Izdatelstvo SO RAN, Filial GEO, 212 p. [in Russian]

Bokhanov, 1989 – Bokhanov A.N. (1989). Kolleksionery i metsenaty v Rossii [Collectors and patrons of art in Russia]. М.: Nauka, 192 p. [in Russian]

Dagaeva, 1912 – Dagaeva I. (1912). Dachnye mesta v okrestnostyakh Tomska [Country places in the vicinity of Tomsk]. *Gorod Tomsk. Spravochnik*. Tomsk. pp. 314-323. [in Russian]

Degalzeva, 2002 – Degalzeva E.A. (2002). Obzhchestvennye nepoliticheskie organizatsii Zapadnoy Sibiri (1861-1917) [Public non-political organizations of Western Siberia (1861-1917)]. Monograph. Barnaul. 288 p. [in Russian]

Degalzeva, 2006 – Degalzeva E.A. (2006). Obshchestvennye nepoliticheskie organizatsii Zapadnoi Sibiri (vtoraya polovina XIX v. – fevral' 1917 g.) [[Public non-political organizations of Western Siberia (the second half of the XIX century – February 1917)]. diss. ... dokt. ist. nauk. Novosibirsk. 382 p. [in Russian]

GATO – Gosudarstvennyy arhiv Tomskoy oblasti [State archive of Tomsk region].

Ikonnikov, 2005 – Ikonnikov C.K. (2005). Doktor Pirusskiy [Doktor Pirusskiy]. Tomsk. 372 p. [in Russian]

Istoria goroda, 2004 – Istoria goroda Tomska ot osnovaniya do nashih dney [History of Tomsk from its Foundation to the present day]. Pod red. N.M. Dmitrienko. Tomsk. 2004. 464 p. [in Russian]

Kazarkin – Kazarkin A.P. (2004). Grebenschikov Georgiy Dmitrievich [Grebenschikov Georgiy Dmitrievich]. *Tomsk ot A do Ya*. Tomsk. P. 90. [in Russian]

Kolesnikova – Kolesnikova R.I. (2004). Vyatkin Georgiy Andreevich [Vyatkin Georgiy Andreevich]. *Tomsk ot A do Ya*. Tomsk. pp. 65-66. [in Russian]

Kosykh, Yakovenko, 2011 – Kosykh E.N., Yakovenko A.V. (2011). Povremennaya pechat Sibiri (vtoraya polovina XIX veka – fevral' 1917 g.). Svodnyi ukazatel periodicheskikh i prodolzhayushchihsy izdaniy [Press of Siberia (the second half of the XIX century – February 1917). Summary index of periodicals and continuing editions]. Tomsk. 376 p. [in Russian]

Letopis – Letopis. Khronoka zhizni Tomskoy. Konez 19 veka (1860-1900 gg.) [Chronicle. Chronicle of life of Tomsk. Late 19th century (1860-1900)]. [Electronic resource]. URL: <http://tomich.tomintech.ru/>

hronika/57/ (accessed: 15.01.2019). [in Russian] *Otchet o deyatelnosti...*, 1912 – Otchet o deyatelnosti Tomskogo obshchestva lyubiteley hudozhestv za 1909-11 god: po 1-e sentyabrya 1911 g. [Report on the activities of the Tomsk society of art lovers for 1909-11: on September 1, 1911]. Tomsk: Tovarishchestvo "Pechatnaya S. P. Yakovleva". 1912. 46 p. [in Russian]

Otchet Tomskogo obzhchestva, 1905 – Otchet Tomskogo obshchestva pooshchreniya konnozavodstva s 1 noyabrya 1904 goda po 1 noyabrya 1905 goda. [Report of the Tomsk society for the promotion of horse breeding from November 1, 1904 to November 1, 1905]. Tomsk. 1905. 69 p. [in Russian]

Otchet..., 1915 – Otchet sostoyashchego pod avgusteyshim pokrovitelstvom ego imperatorskogo vysochestva velikogo knyazya Nikolaya Nikolavicha Tomskogo obshchestva pravilnoy ohoty za 1914 god. (21 god sushchestvovaniya). [Report consisting under the August patronage of his Imperial Highness Grand Duke Nikolai Nikolaevich Tomsk society correct hunting for 1914 (21 years of existence)]. Tomsk. 1915. 25 p. [in Russian]

Otchety..., 1904 – *Otchet sostoyashchego pod avgusteyshim pokrovitelstvom ego imperatorskogo vysochestva velikogo knyazya Nikolaya Nikolavicha Tomskogo obzhchestva pravilnoy ohoty za 1903/4 god (10-11 god sushchestvovaniya obshchestva)* [Reports consisting under the August patronage of his Imperial Highness Grand Duke Nikolai Nikolaevich Tomsk society of correct hunting for 1903/4 (10-11 year of existence of the society)]. Tomsk, 1904. 25, 18 p. [in Russian]

Pamyatnaya knizhka..., 2013 – Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1913 god. (1913). [The memorial book of Tomsk province in 1913]. Tomsk. P. 2, 200, 40, 57. [in Russian]

Sarycheva, 2014 – Sarycheva T.V. (2014). Istoria stanovleniya i razvitiya fizicheskogo vospitaniya detey v 1920-h gg. [History of formation and distribution of physical education of children in Western Siberia in the 1920s.]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 381. pp. 147–152. DOI: 10.17223/15617793/381/24 [in Russian]

Serdyuk, 2012 – Serdyuk V.A. (2012). Deyatelnost tomnskogo zheleznodorozhnogo (klubnogo) sobraniya v nachale XX v.: soziokulturnyi aspekt [Activities of the Tomsk railway (club) meeting in the early twentieth century: socio-cultural aspect]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 359. pp. 95-97. [in Russian]

Shirko, Shirko – Shirko I.I., Shirko K.N. Zdanie Obshchestvennogo sobraniya (Dom ofizerov) (Istoricheskaia spravka) [Public Assembly building (house of officers) (Historical reference)]. [Electronic resource]. URL: <http://memorials.lib.tomsk.ru/page.phtml?p=20> (accessed: 15.01.2019). [in Russian]

Sibirskaaia... – Sibirskaaia zhizn. Tomsk. [in Russian]

Sibirskiy..., 1893 – Sibirskiy torгово-promyshlennyi i spravochnyi kalendar na 1894 god. Tomsk, 1893. [in Russian]

Skubnevskii, 2012 – Skubnevskii V.A. (2012). Narodnyi dom – zentr kultury i obshchestvennoy zhizni dorevoluzionnogo Barnaula [People's house-the center of culture and social life of pre-revolutionary Barnaul]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* T. 2, № 4. pp. 191–193. [in Russian]

Sovetskaya... – Sovetskay – samaya staraya uliza nashego goroda... [Soviet-the oldest street of our city] [Electronic resource]. URL: <http://altaizhemchuzhina.ru/ulitsyi-kupecheskogo-biyska/sovetskaya-uspenskaya-omskaya> (accessed: 16.01.2019). [in Russian]

Sto decyat let... – Sto decyat let s nachala istorii konnykh begov v Novonikolaevske [One hundred and ten years since the beginning of the history of horse racing in Novonikolaevsk]. [Electronic resource]. URL: bsk.nios.ru/content/sto-desyat-let-s-nachala-istorii-konnykh-begov-v-novonikolaevske (accessed: 22.01.2019). [in Russian]

Tomsk, 2004 – Tomsk. Istoria goroda v illyustraziyah. 1604-2004. [Tomsk. History of the city in illustrations]. Tomsk: Izdatelstvo Tomskogo universiteta. 2004. 600 p. [in Russian]

Uyanova, 2005 – Uyanova G.N. (2005). Blagotvoritelnost v Rossiskoy imperii, XIX – nachalo XX veka [Charity in the Russian Empire. XIX early XX century]. M.: Nauka. 403 p. [in Russian]

Vlasov, 2001 – Vlasov P.V. (2001). Blagotvoritelnost i miloserdie v Rossii [Charity and mercy in Russia] M.: Zentrpoligraf. 446 p. [in Russian]

Zhilyakova – Zhilyakova Natalya. Dorevoluzionnyi futbol po tomski [Pre-revolutionary football in Tomsk] [Electronic resource]. URL: <https://news.vtomske.ru/details/154756-dorevolucionnyi-futbol-po-tomski> (accessed: 15.01.2019) [in Russian]

Zima, 2014 – Zima T.Yu. (2014). Tomskoe otdelenie imperatorskogo Russkogo muzykalnogo obzhchestva kak soziokulturnyi fenomen Sibiri konza XIX – nachala XX v. [Tomsk branch of the Imperial Russian music society as a socio-cultural phenomenon of Siberia in the late XIX – early XX centuries]. *Vestnik Tomskogo universiteta. Istoria*. № 2(28). pp. 74-79. [in Russian]

Zinovyev, 2007 – Zinovyev V.P. (2007). Industrial personnel of old Siberia. Tomsk. 258 p. [in Russian]

Zinovyev, Kharus, 2013 – Zinovyev V.P., Kharus O.A. (2013). Khronika Obshchestvenno-politicheskoy zhizni Tomskoy gubernii v 1880 – fevrale 1917 g. [Chronicle of social and political life of Tomsk province in 1880-February 1917]. Obshchestvenno-politicheskaya zhizn Tomskoy gubernii v 1880 – 1919 gg. T. 1. 1880 – fevral 1917 g. Tomsk: Izdatelstvo Tomskogo universiteta. 402 p. [in Russian]

Zinovyev et al., 2018 – Zinovyev V.P., Zinovyeva V.I., Fominykh S.S. (2018). Charitable Associations of Tomsk Province in 1844–1917. *Bylye Gody*. Vol. 47. Is. 1. pp. 208-216.

Zykova, 2004 – Zykova V.G. (2004) Aeroklub [Aeroclub]. *Tomsk ot A do Ya*. Tomsk. pp. 21-22. [in Russian]

Досуговые общества Томской губернии в 1865–1919 гг.

Василий Павлович Зиновьев ^{a,*}, Валентина Ивановна Зиновьева ^b, Сергей Георгиевич Суляк ^c

^aТомский государственный университет, Российская Федерация

^bТомский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Российская Федерация

^cСанкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Авторы обратились к истории досуговых кружков и обществ в самой большой по численности населения губерний России – Томской – во второй половине XIX – начале XX вв. В качестве досуговых рассматривались общественные организации, специально образованные их членами для проведения свободного времени с определенной целью. К таким в статье были отнесены зарегистрированные государством организации (общества, кружки): музыкально-литературно-драматические, любителей конных бегов, охотничьи, спортивные, фотолюбителей, художественные, для организации народных развлечений, садоводческие, эсперантистов, любителей авиации, общественные городские, коммерческие, железнодорожные собрания и клубы. Основным источником информации для анализа деятельности досуговых организаций послужила хроника общественной жизни Томской губернии в 1880 г. – феврале 1917 г., которая в свою очередь включает информацию из архивов, периодической печати, исторических исследований. Хроника дополнена информацией из местных статистико-справочных и краеведческих изданий. Авторы поставили целью выявить роль досуговых организаций в общественной жизни населения Томской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Классификация организаций по видам занятий дала следующие результаты: литературно-музыкально-драматических обществ – 21, общественных собраний – 18, конно-спортивных – 7, спортивных – 7, любителей спортивной охоты и фотодела – по 3, народных развлечений – 2, художественных обществ, любителей эсперанто, аэрокружков, любителей садоводства – по 1, всего 65. В два раза больше, чем считалось в исторической литературе.

Авторы считают, что в сибирской провинции постепенно шли процессы складывания городского общества с новыми формами проведения свободного времени, отличными от средневековых городов и крестьянского мира. Они включали в свою орбиту прежде всего состоятельных горожан, которые были инициаторами, организаторами и спонсорами новых форм досуга. Это чиновники, лица интеллигентных профессий, предприниматели. Средоточие новшеств был губернский город Томск, от которого шло распространение новаций на уездные города и торгово-промышленные поселения. Наиболее был распространен досуг как развлечение, в меньшей степени как творчество и интеллектуальное развитие. Организованным досугом была охвачена малая доля населения губернии, но очевидна тенденция формирования традиций зарождающегося индустриального городского общества. Советская и современная досуговая культура имела истоки в дореволюционной городской культуре.

Ключевые слова: досуговые общества, Томская губерния, самодеятельность, спорт.

* Корреспондирующий автор

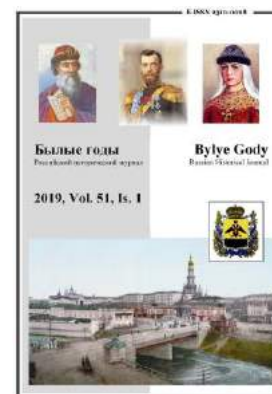
Адреса электронной почты: vpz@tsu.ru (В.П. Зиновьев), vizaneferty@yandex.ru (В.И. Зиновьева), sergei_suleak@rambler.ru (С.Г. Суляк)

Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
 Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 51. Is. 1. pp. 284-295. 2019
 DOI: 10.13187/bg.2019.1.284
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Vladimir Nikolaevich Voyeykov is a Statesman, First «Minister of Sport», the Entrepreneur

Elena G. Lapshina ^{a, *}

^a Penza State University of architecture and construction, Penza, Russian Federation

Abstract

The Russian nobleman V.N. Voyeykov (1868–1947) entered a narrow circle of confidants to the tsar Nicholas II. In 1913 V.N. Voyeykov was appointed the palace commandant and was on this post up to renunciation of the tsar. Since 1913 headed Glavnonablyudayushchego's Office behind physical development of the population of the Russian Empire, actual a prototype of the Ministry of Sport. Being an adherent of a healthy lifestyle, supported development of physical culture and sport in the Russian society, especially in army. From its giving and with active participation measures for improvement of physical training of soldiers and recruits were taken – necessary documentation («Manual for training of troops in gymnastics») was developed, sports institutions (Gymnastic and fencing school) were created, competitions of various level, etc. were held V.N. Voyeykov promoted strengthening of positions of Russia at the international sports level and to folding of the Olympic Movement in the country for what the domestic Olympic Games were held (Kiev – 1913, Riga – 1914). «Mobilization of sport», for which Glavnonablyudayushchy was responsible, provided a complex of actions for preparation of reserves for army during World War I through creation of special military and sports committees from among the military authorities and the sport organizations. V.N. Voyeykov built the estate, interesting in terms of architecture, in the entail property in Kamenka of the Penza province, counting on visit of Crown Prince Alexey; created production on pouring of the Kuvaka mineral water and actively advanced it as in Russia, and abroad, using proximity to the emperor, the official position and own abilities.

Keywords: Russia, nobility, sport, architecture, Vladimir Nikolaevich Voyeykov, Kuvaka, Penza province.

1. Введение

Владимир Николаевич Воейков – фигура весьма неоднозначная в отечественной истории, вызывающая противоположные оценки своей деятельности как со стороны современников, так и специалистов-исследователей.

Учитывая актуализацию в настоящее время проблемы оздоровления общества, развития физической культуры и спорта, интерес к исследованию практики Главнонаблюдающего за физическим развитием народонаселения Российской империи, должность которого занимал В.Н. Воейков, представляется вполне обоснованным. Кроме того, поскольку цели и методы физвоспитания отражают социально-экономические условия общества и его идеологию, изучение деятельности В.Н. Воейкова способствует воспроизведению целостной картины российского социума на рубеже XIX–XX вв. Сведения же об усадьбе В.Н. Воейкова, его предпринимательстве по разработке и реализации минеральной воды «Кувака» разрознены и эпизодичны, поэтому и была предпринята попытка их систематизации.

Владимир Николаевич Воейков родился 14 августа 1868 г. в Санкт-Петербурге, где провел свое детство. Происходил из старинного и знатного дворянского рода, восходившего к XIV в. (Долгоруков,

* Corresponding author

E-mail addresses: elenlaps@mail.ru (E.G. Lapshina)

1857: 335-347). Сын генерала от кавалерии обер-камергера Двора Е.И.В. Николая Васильевича Воейкова, имевшего большое поместье в Пензенской губернии, и Варвары Владимировны Долгоруковой, дочери московского генерал-губернатора князя В.А. Долгорукова. В 1872 г. Варвара Владимировна была внесена во 2-ю часть Дворянской родословной книги Пензенской губернии; в 1890 г. Николай Васильевич был внесен в 6-ю часть ([Список..., 1900: 9](#)).

Рис. 1. Генерал В.Н. Воейков у своего дома с офицерами Лейб-гвардии Гусарского полка // Альбомы А.А. Танеевой-Вырубовой (Альбом № 4)

В.Н. Воейков в 1882–1887 гг. проходил обучение в Пажеском корпусе и был выпущен корнетом в Кавалергардский полк. В Русско-японскую войну 1904–1905 гг. воевал в Маньчжурии; через Красный Крест эвакуировал больных и раненых ([Сборник..., 1908: 348](#)). В сентябре 1906 г., будучи в чине полковника, пожалован во флигель-адъютанты. С 11 августа 1907 г. по 24 декабря 1913 г. командовал лейб-гвардии Гусарским Его Величества полком. В 1911 г. произведен в генерал-майоры, стал членом свиты императора, где на него обратил внимание император Николай II ([Heresch, 1991; Rasputin, 1977](#)). С 24 декабря 1913 г. назначен комендантом Свиты Его Императорского Величества: возглавлял охрану императора и его семьи, сопровождал государя во время поездок по России, обеспечивал их безопасность. Свое назначение дворцовым комендантом Воейков считал в некоторой степени случайным, объяснял близостью к государю, поскольку часто встречал его в полку и бывал во дворце на завтраках командиров царскосельских частей, кроме того, император интересовался его деятельностью в спортивной сфере ([Падение..., 1925: 58-59](#)). Назначение это не всеми было принято благосклонно. Так, тесть Воейкова генерал-адъютант граф В.Б. Фредерикс прочил на это место иных кандидатов и остался недоволен назначением зятя. В то же время князь Ю.И. Трубецкой в разговоре с В.Н. Воейковым не скрыл радости, что его эта участь миновала в такой сложный момент, когда стало заметным влияние старца Распутина ([Воейков, 1995: 25](#)).

2 марта 1917 г. присутствовал при отречении Николая II.

7 марта 1917 г. был арестован в Москве, доставлен в Петроград в Министерский павильон Таврического дворца. До сентября 1917 г. содержался в Петропавловской крепости, затем был переведен в больницу, откуда во время Октябрьских событий бежал. С 1919 г. В.Н. Воейков находился в эмиграции.

2. Материалы и методы

Материалы исследования составляют опубликованные и неопубликованные документы, в том числе архивные источники (документы Российского государственного исторического архива, Центрального государственного военно-исторического архива); научная, справочно-энциклопедическая и мемуарная литература; материалы периодической печати.

Методы и принципы исследования: объективность, историзм, системность, максимально возможная нейтральная позиция в отношении интерпретации и оценки фактического материала, поскольку оценки деятельности любого исторического персонажа и его самого весьма личностны и обычно крайне пристрастны.

3. Обсуждение

В адрес В.Н. Воейкова звучало довольно много негативных отзывов и даже обвинений в стяжательстве, карьеризме и прочих «грехах», особенно в мемуарах (Игнатъев, 1959; Мельник, 1993; Мосолов, 1992; Федорченко, 2003). Так, И.Д. Сытин вспоминал о В.Н. Воейкове: «Война, миллионы убитых и вся русская трагедия, от которой хотелось стать на землю и выть, как воют собаки, – для него просто не существовали. Он щелкал шпорами, мило улыбался и говорил о «Куваке»... (Сытин, 1962: 226).

Тем не менее, В.Н. Воейков – это крупнейший деятель военно-физической подготовки армии, российского спорта, и признание этого все чаще звучит в работах исследователей (Харьков, 1997; Деметер, 2005; Ларькин, Пашута, 2018).

Логично, что о нем упоминается в работах, посвященных олимпийскому движению (Бубка, Булатова, 2013; Бубка, Булатова, 2014), «мобилизации спорта» (Алексеев, 2015; Буценко, 2015; Жохов, 2016).

В краеведческой литературе В.Н. Воейков рассматривался в первую очередь как владелец имения и завода «Кувака» (Фельдман, 1998; Пензенский край..., 2014). Интересно, что одной из краеведческих первых работ, где упоминается В.Н. Воейков, была брошюра Г.И. Крылова «Каменка», в которой генерала представляли как эксплуататора и царского служаку (Крылов, 1980), что вполне соответствовало идеологическим установкам советского времени.

В последнее время интерес к его фигуре усилился в связи с нарастающим позиционированием Пензенского региона как привлекательного для туристов и, как следствие, необходимостью восстановления усадьбы В.Н. Воейкова в Каменке, находящейся в настоящее время в плачевном состоянии (Гришаков, 2001; Тюстин, 2001; Становление..., 2018).

4. Результаты

В.Н. Воейков был сторонником и пропагандистом физической культуры; считал, что России требуется принципиально новый подход к развитию физкультуры и спорта. Особое внимание он уделял организации физподготовки солдат российской армии.

В 1906 г. Великий князь Николай Николаевич при своем штабе создал комиссию, призванную изучить условия жизни нижних чинов гвардии в казармах и систему их физической подготовки. Комиссия состояла из нескольких отделов, и руководство отделом физического развития было поручено В.Н. Воейкову. Зная организацию физподготовки в частях гвардии, он выступил за создание новой модели обучения войск гимнастике, введение в войсках постоянных спортивных состязаний и организацию учебного заведения для подготовки руководителей гимнастики и спорта. Инициатива была поддержана, и в 1907 г. был проведен летний спортивный праздник для служащих I-ой гвардейской пехотной дивизии, собравший значительное количество любопытствующих. Воейков был удовлетворен результатом, указывая на поддержку со стороны самих солдат (Воейков, 1995: 28).

В полку под командованием В.Н. Воейкова была организована специальная команда для внедрения в практику нового разработанного положения об обучении воинов гимнастике. 4 ноября 1910 г. проект утвердили, и «Наставление для обучения войск гимнастике» было принято к исполнению в армии Российской империи. Новое «Наставление...» кардинально отличалось от действовавших с 1859 г. «Правил обучения гимнастике в войсках»: рекомендовались примеры операций с ружьем и палкой, пирамиды, упражнения сокольской гимнастики на снарядах, спортивные элементы военно-прикладной направленности и т.п.; содержались элементарные знания по анатомии и физиологии человека (Деметер, 2005: 145). Таким образом, в войсках начинает складываться физкультурно-спортивное движение, поддерживаемое Николаем II. Император часто бывал на занятиях гимнастической команды в Царском Селе, с подачи В.Н. Воейкова согласился организовать офицерскую гимнастическо-фехтовальную школу (1909 г.).

В 1911 г. стал почетным членом Российского Олимпийского комитета; в 1912 г. возглавил его.

В.Н. Воейков был весьма энергичен на спортивном поприще, занимал высокую должность, пользовался благосклонностью императора, что позволило добиться некоторого усиления финансирования спортивной сферы. Дополнительно привлеченные средства вместе с активностью Воейкова способствовали тому, что уровень мастерства российских спортсменов вырос настолько, что они смогли конкурировать с зарубежными соперниками. В 1912 г. В.Н. Воейков руководил российской делегацией на Олимпиаде в Стокгольме. В 1912–1913 гг. именно по его инициативе проводились первые чемпионаты России по футболу.

По результатам поездки состоялась встреча В.Н. Воейкова с императором, где тот предложил учредить специальное ведомство для решения вопросов, связанных со спортом, и поручил Воейкову проработать данный вопрос. 7 июня 1913 г. В.Н. Воейков возглавил Канцелярию Главнонаблюдающего за физическим развитием народонаселения Российской империи. Усиление интереса государства к данному вопросу в это время объясняется тем, что, с одной стороны, спорт стали рассматривать как средство переключения вектора социальной активности с революционной деятельности на более безопасную и отвлечения подрастающего поколения от политики и асоциальных поступков (Туманова, 2008: 111), и, с другой стороны, как способ повышения военно-

спортивной подготовки населения в условиях обострения международной обстановки (Крючков, 2017: 109). Причем данная тенденция отмечалась и на мировом уровне: «...Правительства большинства европейских держав прилагают ныне настойчивые усилия и тратят крупные денежные средства на правильное телесное воспитание школьной молодежи всех возрастов, на восполнение деятельности частных спортивных организаций, на устройство национальных и международных состязаний и т.п. Вместе с тем по мере утверждения взгляда на спорт как на один из весьма действительных способов оздоровления общественного быта не только в физическом отношении, но и нравственном, заботы об укреплении здоровья и телесной силы населения побудили правительства многих западноевропейских стран обратить особое внимание на подготовку подрастающих поколений к военной службе путем привития им с юных лет вкуса и привычки к военным упражнениям» (РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 70. Л. 2). В деятельности Канцелярии основной акцент ставился на подготовку к олимпийским соревнованиям. Главнаблюдающий подчинялся непосредственно императору. Спортивные организации фактически были в подчинении Канцелярии Главнаблюдающего.

Следует отметить, что в то время общественность рассматривала спорт не как средство оздоровления и популяризации здорового образа жизни, а главным образом как развлечение; а спортивных руководителей подозревали в желании «устроить себе видное служебное положение и угодить государю» (Воейков, 1995: 31).

По инициативе В.Н. Воейкова в декабре состоялось специальное совещание представителей всех ведомств и союзов от почти всех видов спорта, где обсуждались вопросы физического воспитания молодежи, популяризации спорта и пр.

Постепенно происходили некоторые сдвиги в оценке социумом роли физкультуры и спорта, но процесс тормозился объективными обстоятельствами: «В настоящее время признание благотворного значения спортивных занятий стало быстро проникать и в сознание русского общества, выражаясь в заметном увеличении количества возникающих в различных местностях Империи спортивных, гимнастических и других однородных организаций, причем деятельность их мало-помалу охватывает и такие слои населения, которые до сих пор оставались почти совершенно чуждыми правильно поставленным спортивным упражнениям. К сожалению, все такого рода общественные начинания, не будучи объединены каким-либо высшим руководством в одно стройное целое, выливаются лишь в отдельные разрозненные кружки или небольшие организации, работающие вне общей между собою связи и без надлежащей согласованности в своих действиях. Неизбежным последствием отмеченной разрозненности является та характерная для русского спорта особенность, что все подобные обособленные стремления, хотя и приносят известную пользу, распространяя интерес к физическим занятиям, но, в общем, не в состоянии за отсутствием правильного взаимодействия и по недостатку материальных средств оказать действительно серьезное влияние на внедрение таковых занятий в повседневный обиход населения» (РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 70. Л. 2).

Для налаживания работы в сфере физкультуры и спорта В.Н. Воейков обратился к Совету Министров с предложением создать вспомогательное учреждение – Временный совет по делам физического развития населения, который должен был заниматься «1) разработкой и проведением в жизнь методов физического развития в соответствии с научными требованиями и условиями быта населения; 2) подготовкой учебного персонала по вопросам физического развития, содействием к усовершенствованию его в избранной специальности и наблюдением за общим успехом физического развития в школе, и 3) общим ведением и объединением деятельности общественных гимнастических и спортивных организаций с целью поднятия общего уровня физической мощи населения и нравственного его оздоровления» (РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 70. Л. 3). Кроме того, Совет Министров обращал внимание, что в компетенцию Временного Совета входит «разработка предположений об организации физического развития народонаселения Империи и образования правительственного учреждения для дальнейшего заведования этим делом, а также о потребных на такое заведование ежегодных и единовременных ассигнований из средств государственного казначейства с тем, чтобы соответственные законопроекты были вносимы затем Главнаблюдающим на рассмотрение Совета Министров для дальнейшего их направления в установленном порядке» (РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 70. Л. 6 об). Так было положено начало централизованному финансированию спортивных проектов, строительству спортсооружений и т.д.

Для более целенаправленной подготовки к последующей Олимпиаде и для дальнейшего развития физкультурно-спортивного движения в России было предложено провести Всероссийские олимпиады, программа которых бы во многом была аналогична Олимпийской. 20–26 августа 1913 г. в Киеве состоялись первые Российские Олимпийские игры. Организовывал игры Олимпийский комитет, образованный в конце 1912 г. В.Н. Воейков был его почетным председателем. А. Анохин, активно участвовавший в подготовке Олимпиады, сравнивал ее с первым всероссийским спортивным праздником, первым смотром всех спортивных отечественных сил (Анохин, 1913: 4). В Олимпиаде приняло участие 604 спортсмена, представлявших 15 спортивных обществ. Пресса отмечала, что в объединение русского спорта был надежно заложен первый камень, и последователи, которые будут заниматься организацией народных игр, никогда не смогут забыть сердечности и заслуг своих

предшественников на этом поприще (Чаплинский, 1913: 6-7). Член Российского Олимпийского комитета Г.А. Дюперрон заявлял, что в древней столице России, маститом Киеве, состоялся необычайный и редкий спортивный праздник, что явилось следствием складывания в России стремления к многообразному и «оздоровляющему человеческое тело спорту» и доказательством абсолютного признания целесообразности и необходимости физических нагрузок (Дюперрон, 1913: 25).

После Киевской Олимпиады был подготовлен документ «Основания для устройства российских олимпиад, выработанные Российским Олимпийским комитетом», получивший одобрение В.Н. Воейкова.

6–17 июля 1914 г. в Риге состоялась вторая Российская Олимпиада, в которой приняло участие более 1000 спортсменов из 50 спорторганизаций. В.Н. Воейков учредил специальные переходящие кубки Главного наблюдателя лучшей команде гимнастов за исполнение групповых гимнастических вольных упражнений и упражнений на снарядах (Бубка, Булатова, 2014: 9). В. Архипов, атлет, участник Рижской Олимпиады, отмечал большое одушевление и подъем, царившие на соревнованиях, но подчеркивал, что олимпиада является не только праздником, но и экзаменом, к которому надо серьезно готовиться (Спринт..., 1915: 4-5).

Олимпиады провели с большим успехом, это подготовило почву для проведения Олимпийских игр в дальнейшем. Таким образом, В.Н. Воейков стал ключевой фигурой развития Российских Олимпийских спортивных игр.

Следующую III Российскую Олимпиаду планировалось провести в 1915 г. в Петербурге, IV – в Москве, но Первая мировая война внесла свои коррективы. С началом войны В.Н. Воейков начал заниматься организацией курсов допризывной подготовки молодежи к военной службе, которые были организованы при Главной гимнастическо-фехтовальной школе. В 1915 г. их окончили 180 человек, из них 137 – от спортивных обществ, остальные не состояли в обществах, но подлежали призыву.

Постепенно все более ощущался дефицит в квалифицированных физкультурно-спортивных кадрах. В апреле 1915 г. В.Н. Воейков представил докладную записку о необходимости создания центрального Высшего института для подготовки научно-образованных руководителей физического воспитания и образования в России Николаю II. Император счет реализацию данного проекта «весьма желательным» (ЦГВИА. Ф. 61. Оп. 1. Д. 2. Л. 50). В.Н. Воейков отмечал, что развитие физкультуры и спорта в России происходит в «неблагоприятных условиях»: несоординированность действий правительственных и общественных учреждений, отсутствие взаимосвязи между спортивными обществами, несовершенство законодательной сферы, слабая материально-техническая база и т.п. В.Н. Воейков предлагал создать институт, который позволил бы готовить «руководителей физического воспитания, а не только учителей гимнастики в узком смысле, притом могущих преподавать лишь по какой-либо одной системе и совершенно не подготовленных для научной разработки и применения различных методов физического воспитания и образования» (ЦГВИА. Ф. 61. Оп. 1. Д. 2. Л. 51). Однако, учитывая ситуацию, В.Н. Воейков пишет: «Считаюсь, с одной стороны, с необходимостью возможно скорейшего проведения в жизнь этой меры, а с другой – с настоящими событиями, я полагаю, что создание особого Института было бы весьма затруднительно, а посему следовало бы воспользоваться для этих целей имеющейся Главной Гимнастическо-фехтовальной школой, развернув ее в Высший Институт с допущением в него гражданских лиц и с отделением для женщин. Это предположение встретило горячее сочувствие представителей ведомств, входящих в состав Временного Совета при Главном наблюдателе, причем как принцип было признано необходимым передать Институт в мое ведение, но с тем, чтобы содержание Института производилось на средства всех заинтересованных ведомств, которые таким образом будут получать для своих школ кадры вполне подготовленных руководителей по физическому воспитанию, на обязанности коих будет не только преподавание гимнастики, но и измерение учащихся, наблюдение, отчетность о их физическом состоянии, обучение молодежи подвижным играм и проч.» (ЦГВИА. Ф. 61. Оп. 1. Д. 2. Л. 51-52). Воейков в качестве ближайшей задачи определил разработку положения об институте, для чего предполагалось создать особую комиссию под его председательством из числа представителей заинтересованных ведомств и некоторых ученых деятелей по делу физического развития.

Важным направлением деятельности Главного наблюдателя являлась «мобилизация спорта». С началом Первой мировой войны возникает необходимость в использовании спорта и физического воспитания для военных нужд. Для армии требовалось регулярное пополнение новыми солдатами, причем уже обученными военным азам, для чего следовало привлечь имевшиеся спортивные общества, учебные объединения, самостоятельные организации. Разработанная в связи с этим программа «мобилизации спорта» предусматривала интенсивную милитаризацию сферы физкультуры и спорта в контексте усиления государственной безопасности. «Мобилизация спорта» (хотя официально Положение о ней появилось в 1915 г., началась еще в 1914 г.) предусматривала создание военно-спортивных комитетов, сформированных из представителей военных органов и спорторганизаций. Их задача состояла в организации желавших освоить курс допризывной подготовки, поиске средств и мест для проведения занятий по комплексу упражнений военной направленности (ходьба строевым шагом, штыковой бой, стрельба, метание, плавание, бег с преодолением препятствий). Уровень подготовки новобранцев оставлял желать лучшего.

Для исправления ситуации в принятом 8 декабря 1915 г. «Положении о мобилизации спорта» предлагалось создать необходимые условия для облегчения усвоения молодежью знаний и навыков для военно-походных ситуаций и служебной дисциплины, повышения бодрости, понимания каждым призывником своего долга перед государством. Для реализации этих планов в населенных пунктах, где имелись физкультурно-спортивные общества или учебные заведения, на период войны создавались военно-спортивные комитеты (Буценко, 2015: 74-76). Физкультурно-спортивные военизированные навыки планировалось внедрять и поддерживать посредством допризывной подготовки, первоначальным обучением новобранцев, поддержанием физического развития запасных, занятиями спортом во время действительной службы. Правда, общественность отмечала запоздалость этих шагов: «К сожалению, поздно. Нужно было начать 5 лет назад... Но она и сейчас может принести пользу. Благодаря ей, поневоле обращено внимание на физическое воспитание и занятия спортом в учебных заведениях» (Мобилизация спорта..., 1916: 8). К весне 1916 г. интерес общественности к мобилизации спорта угасает. Многие активисты от спорта уже оказались на фронте, некоторые погибли, воодушевление и энтузиазм в обществе заметно спали, наблюдалась социальная апатия. Кроме того, в большинстве своем военно-спортивные комитеты работали неэффективно и несогласованно, отсутствовало грамотное руководство. Канцелярия Главнонаблюдающего не справлялась со своими обязанностями в данном направлении.

Накануне Первой мировой войны было завершено строительство дворянской усадьбы В.Н. Воейкова в с. Каменке Пензенской губернии, который рассчитывал, что имение станет легкой резиденцией его крестника – цесаревича Алексея Николаевича, страдавшего гемофилией. Доброе расположение В.Н. Воейкова к Алексею подтверждается им самим: «Отношения мои с наследником были в высшей степени сердечные. Для меня самого составляло громаднейшее наслаждение доставить ему какое бы то ни было удовольствие. ... С первых дней моего знакомства с наследником у нас установились простые и сердечные отношения» (Воейков, 1995: 169, 216). В.Н. Воейков как-то рассказал цесаревичу, что у него в имении была выведена новая порода кошек – помесь куницы с домашней кошкой, очень похожих на сямских, шоколадного окраса, с голубыми глазами, не выпускавшими коготки. Однажды, вернувшись из Каменки, генерал вручил Алексею корзинку-домик с котом. Цесаревич был в восторге. Поэтому вполне возможным представляется желание Воейкова послужить укреплению здоровья наследника престола, в том числе организовав в своей усадьбе условия, позволяющие вести здоровый образ жизни.

Усадьба была расположена в западной части Каменки на южном склоне, на одном из холмов правого берега реки Атмис. Усадьба включала целый комплекс зданий и сооружений. Имелся дворец, служебный корпус, конюшня, был разбит парк. Здание дворца очень выгодно было поставлено на возвышенности в центральной части территории, занимаемой усадебным комплексом, что обеспечивало ему хорошее обозрение с разных точек.

Усадьба содержала крепко налаженное хозяйство, к которому Воейков планировал вернуться после отставки. Хозяйство включало 10 тыс. дес. земли, лес, сенокосы, в наличии были такие производства, как птицеводство, овцеводство, конный завод. Имелись две водяные мельницы и три паровые мельницы.

Здание дворца усадьбы В.Н. Воейкова состоит из двух объектов – собственно дворца, стоящего по оси всего ансамбля, и флигеля, поставленного вдоль композиционной оси и связанного с дворцом переходом. Собственно дворец был построен в стиле неоклассицизма. Это двухэтажное здание с цоколем, его южный фасад украшен ротондой с колоннами тосканского архитектурного ордена. Ротонда служит завершением встречного движения по двум маршам парадной лестницы и придает монументальную выразительность главному фасаду. Объемно-пространственное решение композиции дворца рассчитано на широкий обзор парка из овального зала, из окон галереи. Дальний пейзаж с включением вида реки Мокши открывается из окон верхнего овального зала, а также с открытой террасы.

Рис. 2. Усадьба В.Н. Воейкова. Каменка. 1938 г. // Лапшина Е.Г., Ганин Д.С. Проблема реконструкции дворянской усадьбы В. Воейкова в Каменке // Проблемы градостроительной реконструкции. Материалы Международной научно-практической конференции. Самара, 2018. С. 51-58.

На карте сельской дворянской усадьбы прочитывается, что корпуса ансамбля образуют в плане анаграмму В.Н. Воейкова – ВНВ. Три главных здания при этом расположены вдоль общей оси. Вогнутый объем конюшни фланкирует центральное пространство ансамбля. На склоне холма был разбит парк, значительная крутизна позволила устроить террасы с подпорными стенками и парадную лестницу, ведущую к дворцу.

Одним из факторов, способствующих такому предположению о создании летней резиденции-лечебницы для цесаревича, являлось то, что местная вода из родников оврага Кувака обладает целебными свойствами. В 1913 г. начал функционировать завод по производству углекислоты, представлявший собой двухэтажную постройку из камней и кирпича, крытую железом (ГАПО. Ф. 457. Оп. 1. Д. 1. Л. 2-4), и цех по выпуску минеральной воды «Кувака» из источника «Гремучий ключ» мощностью около 100 тыс. бутылок ежегодно. Каптаж источника сконструировал горный инженер А.И. Дрейер и построили иностранные специалисты из Германии и Швеции. А.И. Дрейер писал, что «кувака» является превосходной в физическом и безупречной в химическом и санитарном отношении водой, прозрачной, совершенно бесцветной, без какого-либо запаха, имеет приятный освежающий вкус, лишена бактерий и содержит оптимальный для питьевых вод минеральный состав (Дрейер, 1915: 4). Следует уточнить, что в середине XIX в. подобных источников было множество – практически в любом уезде, и кувакинский родник не особо выделялся из многих других. Так что мировая известность к нему пришла, в первую очередь, благодаря предпринимательским качествам В.Н. Воейкова и его близости к царскому двору, что вызывало крайне негативные выпады со стороны политических противников (Аржанов, 2004).

Назначение комендантом Зимнего дворца и женитьба на дочери влиятельного Министра императорского Двора В.Б. Фредерикса позволили В.Н. Воейкову поставлять свою продукцию напрямую к царскому столу. Для популяризации своего товара к 300-летию династии Романовых В.Н. Воейков установил в с. Каменка памятник «царю-освободителю» Александру II, на церемонии которого В.Н. Воейков присутствовал лично с пензенским губернатором Лиilienфель-Тоалем. Постепенно минеральную воду «кувака» начинают поставлять на все местные железнодорожные станции, затем и за пределы губернии – по всей Российской империи. В.Н. Воейков активно продвигал свой товар за границей, для чего использовались весьма новаторские для того времени маркетинговые ходы (Аржанов, 2004). В 1914 г. вода «кувака» была награждена золотой медалью на международной выставке в Риге. Во время Первой мировой войны Воейков открыл в селе лазарет для раненых, при нем – больницу. «Кувакой» сначала он снабжает местный госпиталь, затем добивается того, что производимую им воду за государственный счет начинают поставлять в другие фронтовые госпитали.

Рис. 3. Часть холма, из которого вытекает группа источников «Кувака» // Дрейер А.И. О воде «Кувака»: (ответ на ст. проф. П.П. фон-Веймарна). Петроград: Тип. П.П. Сойкина, 1915. С. 2.

Не все при царском дворе приветствовали предпринимательскую деятельность В.Н. Воейкова, называя его «генералом-от-кувакерии» (Сергеев-Ценский, 1967: 26).

Возможно, В.Н. Воейков намеревался превратить провинциальный город в курорт мирового уровня. Возникновению столь грандиозных планов способствовало то обстоятельство, что еще в 1874 г. отец В.Н. Воейкова сумел добиться того, чтобы через имение была проложена ветка железной дороги из Москвы в Пензу. Железнодорожная станция так и назвалась – «Воейковская». На ней позже была выстроена правительственная платформа. В целом, коммерческая деятельность В.Н. Воейкова способствовала социально-экономическому развитию региона.

5. Заключение

В.Н. Воейков, занимая должность Главнонаблюдающего за физическим развитием народонаселения Российской империи, являлся ключевой фигурой физкультурно-спортивного движения в России на рубеже XIX–XX вв. При его активном участии проводятся отечественные олимпиады, внедряется система «мобилизация спорта» и т.п.

Для своей «малой Родины» В.Н. Воейков также сделал много – построил усадьбу, предположительно резиденцию цесаревича, весьма интересную в архитектурном плане; запустил завод минеральной воды «Кувака», кстати весьма успешный «бизнес-проект».

Литература

ГАПО – Государственный архив Пензенской области.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

ЦГВИА – Центральный государственный военно-исторический архив СССР.

Алексеев, 2015 – Алексеев К.А. Мобилизация спорта и ее освещение в прессе в 1914–1915 годах / *Век информации. Журналистика и войны: к 100-летию Первой мировой войны: материалы Международной научной конференции «Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения»*. С.-Петербург. гос. ун-т, 23–25 апреля 2014 г. СПб., 2015. 274 с.

Анохин, 1913 – Анохин А. К предстоящей Российской Олимпиаде в г. Киеве // *Русский спорт*. 1913. № 26. С. 4.

Аржанов, 2004 – Аржанов Н.П. Обманчивое марево эманации // *Провизор*. 2004. № 14–16.

Бубка, Булатова, 2014 – Бубка С., Булатова М. Вторая российская олимпиада – Рига-1914 // *Наука в олимпийском спорте*. 2014. № 4. С. 4–9.

Бубка, Булатова, 2013 – Бубка С., Булатова М. Первая российская олимпиада // *Наука в российском спорте*. 2013. № 2. С. 5–14.

Буценко, 2015 – Буценко А.В. Значение «Мобилизации спорта» в процессе развития физического воспитания молодежи Юга Украины // *Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов*. 2015. № 7 (109). С. 74–76.

- Воейков, 1995** – *Воейков В.Н.* С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1995. 431 с.
- Гришаков, 2001** – *Гришаков В.Г.* Жизненный крест генерала Воейкова // *Краеведение*. 2001. № 1. С. 83-94.
- Деметер, 2005** – *Деметер Г.С.* Очерки по истории отечественной физической культуры и олимпийского движения. М., 2005. 324 с.
- Долгоруков, 1857** – *Долгоруков П.В.* Российская родословная книга. Ч. 4: Фамилии дворянские, от Рюрика происшедшие, внесенные в Бархатную книгу; существовавшие в России прежде 1600 года. СПб., 1857. 482 с.
- Дрейер, 1915** – *Дрейер А.И.* О воде «Кувака»: (ответ на ст. проф. П.П. фон-Веймарна). Петроград, 1915. С. 4. 26 с.
- Дюперрон, 1913** – *Дюперрон Г.А.* Первая Русская Олимпиада // *Весь мир*. 1913. № 36. С. 25.
- Жохов, 2016** – *Жохов В.С.* Программа «Мобилизация спорта» в Московском регионе / *XXVI Международная научно-практическая конференция по проблемам физического воспитания учащихся «Человек, здоровье, физическая культура и спорт в изменяющемся мире» (Материалы конференции)*. Коломна: ГСГУ, 2016. С. 21-28.
- Игнатъев, 1959** – *Игнатъев А.А.* 50 лет в строю. Т. I. М., 1959. 560 с.
- Крылов, 1980** – *Крылов Г.И.* Каменка. Саратов, 1980. 63 с.
- Крючков, 2017** – *Крючков В.М.* Деятельность спортивных обществ Московской губернии в конце XIX – начале XX вв. // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2017. № 4 (78). С. 108-114.
- Ларькин, Пашута, 2018** – *Ларькин А.И., Пашута В.Л.* Чтобы «народ не вырождался» (К 150-летию В.Н. Воейкова, Главнонаблюдающего за физическим развитием народонаселения Российской империи) / *История, политология, социология, философия: теоретические и практические аспекты: Сборник статей по материалам VIII международной научно-практической конференции*. Новосибирск: СибАК, 2018. № 3 (6). С. 11-17.
- Мельник, 1993** – *Мельник Т.Е.* Воспоминания о царской семье и ее жизни до и после революции. М., 1993. 208 с.
- Мобилизация спорта..., 1916** – Мобилизация спорта и школа // *Русский спорт*. 1916. № 3. С. 8.
- Мосолов, 1992** – *Мосолов А.А.* При дворе последнего императора. СПб., 1992. 262 с.
- Падение..., 1925** – Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства / Под. ред. П.Е. Щеголева. Т. III. Допросы и показания: А.В. Герасимова, А.И. Спиридовича, В.Н. Воейкова, др. Л., 1925. 433 с.
- Пензенский край..., 2014** – Пензенский край в истории и культуре России / Под ред. О.А. Суховой. Пенза, 2014. 526 с.
- Сборник..., 1908** – Сборник биографий кавалергардов. 1826–1908. По случаю столетнего юбилея Кавалергардского Ее Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полка. Составлен под редакцией С. Панчулидзева. СПб., 1908. 437 с.
- Сергеев-Ценский, 1967** – *Сергеев-Ценский С.Н.* Собрание сочинений: В 12 т. Т. 11. Преображение России. Эпопея: Бурная весна. Горячее лето. М., 1967. 508 с.
- Список..., 1900** – Список дворянских родов, внесенных в родословную книгу Пензенской губернии. Издание Пензенского Дворянского Депутатского Собрания. Пенза, 1900. 36 с.
- Спринт..., 1915** – Спринт на Рижской Олимпиаде // *К спорту!* 1915. № 14. С. 4-5.
- Становление..., 2018** – Становление физического развития и спортивного движения народонаселения царской России с 1909 до 1917 г. Материалы Всероссийской научно-практической конференции обучающихся и научно-педагогических работников, посвященной 150-летию со дня рождения В.Н. Воейкова. Пенза, 2018. 346 с.
- Сытин, 1962** – *Сытин И.Д.* Жизнь для книги. М., 1962. 282 с.
- Туманова, 2008** – *Туманова А.С.* Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008. 320 с.
- Тюстин, 2001** – *Тюстин А.В.* Воейков Владимир Николаевич // *Пензенская энциклопедия*. М.–Пенза, 2001. С. 93-94.
- Федорченко, 2003** – *Федорченко В.И.* Императорский Дом. Выдающиеся сановники. Красноярск, 2003. Т. 1. 672 с.
- Фельдман, 1998** – *Фельдман П.А.* Каменка и Каменский район от А до Я: Энциклопедический словарь. Пенза, 1998. 182 с.
- Чаплинский, 1913** – *Чаплинский Л.* Борьба и гири на Первой Российской Олимпиаде // *Русский спорт*. 1913. № 35. С. 6-7.
- Heresch, 1991** – *Heresch E.* Das Zarenreich: Glanz und Untergang. München, 1991. 264 p.
- Rasputin, 1977** – *Rasputin: The Man Behind the Myth - A Personal Memoir by Maria Rasputin and Patte Barham*. Upper Saddle River, 1977. 266 p.

References

- Alekseev, 2015** – *Alekseev K.A.* (2015). Mobilizacija sporta i ee osveshhenie v presse v 1914–1915 godah [Mobilization of sport and its lighting in the press in 1914–1915]. *Vek informacii. Zhurnalistika i vojny: k 100-letiju Pervoj mirovoj vojny: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Sredstva massovoj informacii v sovremennom mire. Peterburgskie chtenija»*. S.-Peterb. gos. un-t, 23-25 aprelya 2014 g. SPb., 274 p. [in Russian]
- Anohin, 1913** – *Anohin A.* (1913). K predstojashhej Rossijskoj Olimpiade v g. Kieve [To the forthcoming Russian Olympic Games in Kiev]. *Russkij sport*. № 26. P. 4. [in Russian]
- Arzhanov, 2004** – *Arzhanov N.P.* (2004). Obmanchivoje marevo jemanacii [Deceptive haze of an emanation]. *Provizor*. № 14-16. [in Russian]
- Bubka, Bulatova, 2013** – *Bubka S., Bulatova M.* (2013). Pervaja rossijskaja olimpiada [The first Russian Olympic Games]. *Nauka v rossijskom sporte*. № 2. pp. 5-14. [in Russian]
- Bubka, Bulatova, 2014** – *Bubka S., Bulatova M.* (2014). Vtoraja rossijskaja olimpiada – Riga-1914 [The second Russian Olympic Games – Riga-1914]. *Nauka v olimpijskom sporte*. № 4. pp. 4-9. [in Russian]
- Bucenko, 2015** – *Bucenko A.V.* (2015). Znachenie «Mobilizacii sporta» v processe razvitija fizicheskogo vospitanija molodezhi Juga Ukrainy [Mobilization of Sport value in development of physical training of youth of the South of Ukraine]. *Zhurnal nauchnyh publikacij aspirantov i doktorantov*. № 7 (109). pp. 74-76. [in Russian]
- CGVIA** – Central'nyj gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv SSSR [Central state military and historical archive of the USSR].
- Chaplinskij, 1913** – *Chaplinskij L.* (1913). Bor'ba i giri na Pervoj Rossijskoj Olimpiade [Fight and weights at the First Russian Olympic Games]. *Russkij sport*. № 35. pp. 6–7. [in Russian]
- Demeter, 2005** – *Demeter G.S.* (2005). Oчерki po istorii otechestvennoj fizicheskoj kul'tury i olimpijskogo dvizhenija [Sketches on stories of national physical culture and the Olympic Movement]. M. 324 p. [in Russian]
- Djuperron, 1913** – *Djuperron G.A.* (1913). Pervaja Russkaja Olimpiada [The first Russian Olympic Games]. *Ves' mir*. № 36. P. 25. [in Russian]
- Dolgorukov, 1857** – *Dolgorukov P.V.* (1857). Rossijskaja rodoslovnaja kniga. Ch. 4: Familii dvorjanskije, ot Rjurika proisshedshie, vnesennye v Barhatnuju knigu; sushhestvovavshie v Rossii prezhde 1600 goda. [Russian genealogical book. Part 4: Surnames are noble, from Rurik occurred, included in the Velvet book; existing in Russia before 1600]. SPb. 482 p. [in Russian]
- Drejer, 1915** – *Drejer A.I.* (1915). O vode «Kuvaka»: (otvet na st. prof. P.P. fon-Vejmarna). [About Kuvaka water: (answer to the article of the prof. P.P. Von-Wejmarn)]. Petrograd. pp. 4. 26 p. [in Russian]
- Fedorchenko, 2003** – *Fedorchenko V.I.* (2003). Imperatorskij Dom. Vydajushhiesja sanovniki [Imperial House. Outstanding dignitaries]. Krasnojarsk. T. 1. 672 p. [in Russian]
- Fel'dman, 1998** – *Fel'dman P.A.* (1998). Kamenka i Kamenskij rajon ot A do Ja: Jenciklopedicheskij slovar' [Kamenk and the Kamensk district from And to I: Encyclopedic dictionary]. Penza. 182 p. [in Russian]
- GAPO** – Gosudarstvennyj arhiv Penzenskoj oblasti [State archive of the Penza region].
- Grishakov, 2001** – *Grishakov V.G.* (2001). Zhiznennyj krest generala Voejkova [Vital cross of the general Voyeykov]. *Kraevedenie*. № 1. pp. 83-94. [in Russian]
- Heresch, 1991** – *Heresch E.* (1991). Das Zarenreich: Glanz und Untergang. München. 264 p.
- Ignat'ev, 1959** – *Ignat'ev A.A.* (1959). 50 let v stroju [50 years in a system]. T. I. M. 560 p. [in Russian]
- Krjuchkov, 2017** – *Krjuchkov V.M.* (2017). Dejatel'nost' sportivnyh obshhestv Moskovskoj gubernii v konce XIX – nachale XX v. [Activity of sports societies of the Moscow province at the end of XIX – the beginning of the 20th century]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. № 4(78). pp. 108-114. [in Russian]
- Krylov, 1980** – *Krylov G.I.* (1980). Kamenka [Kamenk]. Saratov. 63 p. [in Russian]
- Lar'kin, Pashuta, 2018** – *Lar'kin A.I., Pashuta V.L.* (2018). Chtoby «narod ne vyrozhdalsja» (K 150-letiju V.N. Voejkova, Glavnonabljudpjušhego za fizicheskim razvitiem narodonaselenija Rossijskoj imperii) [That «the people did not degenerate» (To V.N. Voyeykov's 150 anniversary, Glavnonabljudpyushchego behind physical development of the population of the Russian Empire)]. *Istorija, politologija, sociologija, filosofija: teoreticheskie i prakticheskie aspekty: sbornik statej po materialam VIII mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii*. Novosibirsk: SibA. № 3(6). pp. 11-17. [in Russian]
- Mel'nik, 1993** – *Mel'nik T.E.* (1993). Vospominanija o carskoj sem'e i ee zhizni do i posle revoljucii [Vospominaniya about imperial family and its life before and after revolution]. M. 208 p. [in Russian]
- Mobilizacija sporta..., 1916** – Mobilizacija sporta i shkola [Mobilization of sport and school]. *Russkij sport*. 1916. № 3. P. 8. [in Russian]
- Mosolov, 1992** – *Mosolov A.A.* (1992). Pri dvore poslednego imperatora [At court of the last emperor]. SPb. 262 p. [in Russian]

Padenie..., 1925 – Padenie carskogo rezhima. Stenograficheskie otchety doprosov i pokazanij, dannyh v 1917 g. v Chrezvychajnoj Sledstvennoj Komissii Vremennogo Pravitel'stva [Falling of the imperial mode. Verbatim records of interrogations and the evidences given in 1917 in Extraordinary Commission of inquiry of Provisional Government]. Pod red. P.E. Shhegoleva. - T. III. Doprosy i pokazaniya: A.V. Gerasimova, A.I. Spiridovicha, V.N. Voejkova, dr. L., 1925. 433 p. [in Russian]

Penzenskij kraj..., 2014 – Penzenskij kraj v istorii i kul'ture Rossii [Penza region in the history and the culture of Russia]. Pod red. O.A. Suhovoj. Penza, 2014. 526 p. [in Russian]

Rasputin, 1977 – Rasputin: The Man Behind the Myth – A Personal Memoir by Maria Rasputin and Patte Barham. Upper Saddle River, 1977. 266 p.

RGIA – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian state historical archive].

Sbornik..., 1908 – Sbornik biografij kavalgardov. 1826-1908. Po sluchaju stoletnego jubileja Kavalgardskogo Ee Velichestva Gosudaryni Imperatricy Marii Fedorovny polk. [Collection of biographies of kavalgard. 1826-1908. On the occasion of a centenary of Kavalgardsky Her Majesty of the Monarchess Empress Maria Fiodorovna of a regiment]. Sostavljen pod redakciej S. Panchulidzeva. SPb., 1908. 437p. [in Russian]

Sergeev-Censkij, 1967 – *Sergeev-Censkij S.N.* (1967). Sobranie sochinenij: V 12 t. T. 11. Preobrazhenie Rossii. Jepopeja: Burnaja vesna. Gorjachee leto [Collected works: In 12 t. T. 11. Transformation of Russia. Epic: Rough spring. Hot summer]. M. 508 p. [in Russian]

Spisok..., 1900 – Spisok dvorjanskijh rodov, vnesennyh v rodoslovnuju knigu Penzenskoj gubernii. Izdanie Penzenskogo Dvorjanskogo Deputatskogo Sobranija [List of the noble childbirth included in the genealogical book of the Penza province. Edition of the Penza Nobility Deputy Assembly]. Penza, 1900. 36 p. [in Russian]

Sprint..., 1915 – Sprint na Rizhskoj Olimpiade [Sprint at the Riga Olympic Games]. *K sportu!* 1915. № 14. pp. 4-5. [in Russian]

Stanovlenie..., 2018 – Stanovlenie fizicheskogo razvitiya i sportivnogo dvizhenija narodonaselenija carskoj Rossii s 1909 do 1917 g. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii obuchajushhihsja i nauchno-pedagogicheskijh rabotnikov, posvjashhennoj 150-letiju so dnja rozhdenija V.N. Voejkova [Formation of physical development and the sports movement of the population of imperial Russia from 1909 to 1917. Materials of the All-Russian scientific and practical conference of students and scientific and pedagogical workers devoted to the 150 anniversary since the birth of V.N. Voyeykov]. Penza, 2018. 346 p. [in Russian]

Sytin, 1962 – *Sytin I.D.* (1962). Zhizn' dlja knigi. [Zhizn for the book]. M. 282 p. [in Russian]

Tjustin, 2001 – *Tjustin A.V.* (2001). Voejkov Vladimir Nikolaevich [Voyeykov Vladimir Nikolaevich]. Penzenskaja jenciklopedija. M. Penza. pp. 93-94. [in Russian]

Tumanova, 2008 – *Tumanova A.S.* (2008). Obshhestvennye organizacii i russkaja publika v nachale XX veka [Public organizations and the Russian public at the beginning of the 20th century]. M. 320 p. [in Russian]

Voejkov, 1995 – *Voejkov V.N.* (1995). S carem i bez carja: Vospominanija poslednego dvorcovogo komendanta gosudarja imperatora Nikolaja II [With the tsar and without tsar: Memoirs of the last palace commandant sovereign emperor Nicholas II]. M. 431 p. [in Russian]

Zhohov, 2016 – *Zhohov V.S.* (2016). Programma «Mobilizacija sporta» v Moskovskom regione [The Mobilization of Sport program in the Moscow region]. XXVI *Mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja konferencija po problemam fizicheskogo vospitanija uchashhihsja «Chelovek, zdorov'e, fizicheskaja kul'tura i sport v izmenjajushhemsja mire» (Materialy konferencii)*. Kolomna: GSGU. pp. 21-28. [in Russian]

Владимир Николаевич Воейков – государственный деятель, первый «министр спорта», предприниматель

Елена Геннадьевна Лапшина ^{a, *}

^a Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Российская Федерация

Аннотация. Русский дворянин В.Н. Воейков (1868–1947 гг.) входил в узкий круг приближенных к царю Николаю II. В 1913 г. В.Н. Воейков был назначен дворцовым комендантом и находился на этом посту вплоть до отречения царя. С 1913 г. возглавлял Канцелярию Главнонаблюдающего за физическим развитием народонаселения Российской империи, фактически прообраз министерства спорта. Будучи приверженцем здорового образа жизни, выступал за развитие физической культуры и спорта в российском обществе, особенно в армии. С его подачи и при активном участии принимались меры по улучшению физической подготовки солдат и новобранцев –

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: elenlaps@mail.ru (Е.Г. Лапшина)

разрабатывалась необходимая документация («Наставление для обучения войск гимнастике»), создавались спортивные заведения (Гимнастическо-фехтовальная школа), проводились соревнования различного уровня и т.п. В.Н. Воейков способствовал укреплению позиций России на международном спортивном уровне и складыванию олимпийского движения в стране, для чего проводились отечественные олимпиады (Киев – 1913 г., Рига – 1914 г.). «Мобилизация спорта», ответственным за которую был Главнаблюдающий, предусматривала комплекс мероприятий по подготовке резервов для армии в период Первой мировой войны через создание специальных военно-спортивных комитетов из числа военных властей и спорторганизаций. В.Н. Воейков построил интересную с точки зрения архитектуры усадьбу в своем родовом имении в Каменке Пензенской губернии, рассчитывая на посещение цесаревича Алексея; создал производство по розливу минеральной воды «Кувака» и активно продвигал ее как в России, так и за рубежом, используя близость к императору, свое служебное положение и собственные способности.

Ключевые слова: Россия, дворянство, спорт, архитектура, Владимир Николаевич Воейков, «Кувака», Пензенская губерния.

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 51. Is. 1. pp. 296-305. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.1.296
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Jewish Community Beyond the Pale of Settlement in late XIXth – the beginning of the XXth centuries: the Case of Ekaterinodar

Ekaterina S. Norkina ^{a, *}

^a St. Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

The Jewish community beyond the Pale of Settlement as a phenomenon have not received sufficient comprehensive scholarly attention. Typically, our knowledge of it is limited to the studies of history of some Jewish communities in different internal regions of the Russian Empire. In the presented article the Jewish community is a group of persons who considers everyday life staying in relations with coreligionists and Jewish tradition. This paper will fill this gap through a contextualized examination of how members of Jewish community stayed “Jewish” despite on high level of their success in the local Russian society. I show that the process of modernization of Jewish life touches even small Jewish community beyond the Pale by the example of small city in Russian province – Ekaterinodar. The study is based on the wide range of historical sources: official documental materials of the Russian imperial bureaucracy, private letters, Russian and Russian Jewish periodicals, Jewish metrical books, ethnographical notes printed in Hebrew. The author came to the conclusion that it is more correctly to use word “society”, but not “community” regarding Jewish society of Ekaterinodar or any similar society in internal Russian city. The Jewish community in its classical definition have not existed there by the beginning of the XXth century.

Keywords: Jews, community, Synagogue, Ekaterinodar, Judaism, Rabbi, Zionism.

1. Введение

К началу XX в. в Екатеринодаре существовала синагога, функционировало еврейское кладбище и один человек официально занимал должность шойхета (ЦАИЕН. НМ 2/8271-1. Л. 165). Местное еврейское население не имело финансовой возможности для содержания постоянного раввина и по религиозным вопросам подчинялось раввину Керчь-Еникальского градоначальства. На практике это означало, что раввин приезжал в Екатеринодар лишь несколько раз в год. В городе действовало только одно еврейское благотворительное общество, необходимость в котором возникла в связи с Первой мировой войной: это Екатеринодарский еврейский комитет помощи жертвам войны, следы существования которого появляются в прессе в начале 1917 г. (Еврейский художественный..., 1917: 3). В целом, для местного еврейского общества была характерна слабая политическая жизнь: имеется одно упоминание о попытке функционирования партии БУНД и личные свидетельства о низкой активности сионистов.

Пожалуй, для небольшого города русской провинции, находившегося за чертой еврейской оседлости с действовавшим дополнительным ограничением для въезда и пребывания евреев, данные характеристики местного еврейского общества вполне закономерны. Еврейское население было малозаметным в общей массе населения: его численность, по данным на 1897 г., составляла менее 1 % городского населения (Первая Всеобщая перепись..., 1905: III), что также примерно соответствовало ситуации в других небольших городах внутренних губерний империи. В Екатеринодаре не существовало четко очерченного «еврейского» района. «Звезда Давида» на фасадах домов дореволюционного Екатеринодара краеведами никогда не отмечалась (Казачек, 2002: 106).

* Corresponding author

E-mail addresses: Norichmail@yandex.ru (E.S. Norkina)

Если в черте оседлости общинная жизнь была традиционным явлением, неотъемлемой частью повседневности жизни, то за ее пределами для малочисленного еврейского населения открывались иные способы существования в нееврейской среде. Община постепенно переставала занимать центральное место в жизни еврейского населения. Находясь в условиях меньшинства на территории, «закрытой» для простых обывателей из числа еврейского населения и тем самым «удобной» для ассимиляции, все же многие его представители продолжали проявлять свою причастность к жизни местного еврейского сообщества, как светской, так и религиозной.

Необходимость изучения еврейской общины за чертой оседлости «изнутри» назрела уже давно. К осознанию существования такого пробела в иудаике пришла современный историк Л.В. Кальмина в 2003 г. в работе по истории еврейских общин Восточной Сибири (Кальмина, 2003: 4). Актуальность представленного исследования сегодня повышается тем, что в многочисленных работах по истории еврейских общин за чертой оседлости мало кто из авторов задается вопросом о параметрах таких общин. Попытка заглянуть «внутрь» общины является более сложной задачей, особенно в связи с недостатком или полным отсутствием документов внутриобщинного делопроизводства. В связи с этим авторы, опираясь на документы имперской бюрократии, последовательно излагают историю появления первых еврейских переселенцев, их социально-демографическую характеристику, роль в местной общественной и экономической жизни, отношение к ним имперской власти.

2. Материалы и методы

Для изучения внутренней жизни еврейской общины необходимо привлечение соответствующих документальных материалов личного происхождения, принадлежащих ее членам, или документов внутриобщинного делопроизводства, которые практически не сохранились. В связи с этим для подобной постановки проблемы целесообразно привлечь материалы, отражающие факты из жизни отдельных личностей – участников внутриобщинной жизни. Они могут косвенно свидетельствовать о том или ином выборе отношения с общиной и единоверцами. В данной работе привлекается широкий спектр источников: делопроизводственные материалы, личная переписка, периодические издания, этнографические заметки, опубликованные на иврите, еврейские метрические книги. Большинство неопубликованных документов (архивов Израиля, России) впервые вводятся в научный оборот.

Указанный спектр источников определил и методы изучения общины в Екатериноударе. Община интересует нас как составляющие ее личности, которые определяют ее, принимают или отторгают новые процессы, связанные с модернизацией иудаизма в Новое время и влияющие на внутреннюю жизнь. В представленной работе мы отходим от исследования еврейской общины как объекта и субъекта права, как, например, это предпринято И. Левитацем в изучении еврейских общин Российской империи (Левитац, 2013). Мы принимаем во внимание, что на формирование местной еврейской общины могли оказывать влияние как еврейские традиции, так и местные административные установки и особенности локального (нееврейского) сообщества.

Проблема сохранения идентичности и облика еврейской общины в Новое время занимала многих исследователей. Они отмечают значительное влияние эмансипации и упразднения традиционных институтов общины на изменения в идентичности и внутриобщинной жизни. В частности, историк Я. Кац определяет общину как подгруппу, отличающуюся от окружающего населения профессиональными предпочтениями, семейным укладом и связями с другими еврейскими общинами. Он подчеркивает, что внутри еврейского сообщества оставалось прежнее единение и сохранилась традиция взаимопомощи (Katz, 1998). По мнению современного израильского историка И. Барталя, общины удалось изменить социальную структуру общины, но она не смогла стереть этническую самобытность евреев. Эта самобытность продолжала существовать в социальной и культурной сферах. Память о прошлом являлась важнейшим элементом в картине мира восточноевропейского еврея. Евреи превратились из религиозной корпорации в нацию в составе полиэтнической империи (Барталя, 2007: 21).

Как Кац, так и Барталя проводили изучение особенностей еврейской общины на материалах территорий, где еврейское население было достаточно заметным, а существование еврейской общины как института являлось доказанным фактом. Современные историки Б. Натанс и И. Кляйнман обратились к внутриобщинной жизни за чертой оседлости в двух столичных городах Российской империи: в Санкт-Петербурге и Москве, в которых также существовали организованные еврейские общины. Их работы представляют собой два разных подхода к изучению проблемы еврейской идентичности и внутриобщинной жизни. Б. Натанс сконцентрировался прежде всего на представителях еврейской элиты в Санкт-Петербурге, показав процесс их интеграции в Российской империи (Натанс, 2007). И. Кляйнман продемонстрировала появление нового типа еврейской общины за чертой оседлости, стремившейся сохранить традиции, но не всегда справлявшейся с задачей. Это было связано как со случаями крещения, так и с безразличием евреев к религиозной жизни в синагоге (Kleinmann, 2006). Кляйнман фокусируется на социальных процессах двух столиц: урбанизации, мотивациях миграции и экономических соображениях, оказавших влияние на повседневную жизнь евреев.

Принимая во внимание исследовательские методы Натанса и Кляйнман, в данной работе мы предпринимаем попытку комбинированного подхода: нас интересует не история общины «извне», а следы внутриобщинной жизни и сохранения идентичности за чертой оседлости. Не обходя вниманием и социально-демографические особенности местного еврейского населения, мы сконцентрируемся на следующих вопросах. Как можно охарактеризовать взаимоотношения в среде еврейского населения? Каково было отношение евреев к участию в религиозной жизни? Каков был статус в местном обществе и роль в общественной жизни? Продолжала ли еврейская община существовать как единое целое? Ощущали ли участники местной общинной жизни связи со своими единомыслителями этого же города и одновременно других городов? Когда появляется светская составляющая жизни местного еврейского сообщества? Мы проведем исследование, привлекая факты из жизни нескольких личностей, принимавших активное участие как в местной общественно-экономической городской деятельности, так и поддерживавших связи в еврейском обществе. Основное внимание будет сосредоточено на фактах, отражающих соотношение уровня ассимиляции и уровня причастности к еврейской общинной жизни и сохранения традиций.

3. Обсуждение

Еврейское население Кубани уже не раз становилось объектом изучения. Некоторые вехи истории еврейского населения Екатеринодара были продемонстрированы историками Н.И. Киреем (Кирей, 2000) и В.И. Колесовым (Колесов, 2007). Исследователей Е. Казачек (Казачек, 2002) и В. Маркова интересовали прежде всего процессы интеграции евреев Кубани в общество и социальная ниша, которую они занимали (Марков, 2006). Е. Казачек пишет о еврейской общине Кубанской области как о «социокультурном образовании, занимавшем важное место во всех структурах общества». Ее внимание сосредоточено на процессе интеграции и демографической характеристике общины, которую она называет «колонией» (Казачек, 2002: 115).

4. Результаты

Исследуя облик любой еврейской общины за чертой оседлости в Российской империи (за исключением общин крупных городов и столицы), следует иметь в виду несколько факторов, которые уже априори определяли ее локальные особенности и влияли на идентичность ее членов. Ограничительное законодательство, позволявшее находиться во внутренних губерниях лишь некоторым категориям евреев, приводило к малочисленности еврейской общины и к определенному социальному и профессиональному ее составу. Зачастую ее формировали лица, проживавшие в городе лишь временно или нелегально.

В целом переезд за черту оседлости был привлекательным для евреев, в частности работающих в сфере ремесла и торговли. Это был их шанс снизить уровень конкуренции. Действительно, заметное количество проживавших в Екатеринодаре евреев занимало нишу ремесленного производства. Это было связано с недостатком квалифицированных специалистов в среде местного казачьего населения, обусловленным исторической особенностью города: он изначально выполнял военную функцию и был закрыт для невоинского населения. Уже в 1830-х гг. в списках выселяемых из города значились еврейские ремесленники. Зачастую властям приходилось идти на уступки и разрешать оставаться евреям портным ввиду необходимости обеспечения казаков военной одеждой (ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 604. Л. 71.).

Массовая официальная приписка евреев к Екатеринодару состоялась в 1869 г. по инициативе Кавказского Наместника Михаила Николаевича. Это событие было вполне закономерным для времени правления Александра II: либеральная политика императора затронула и еврейское население, позволив нескольким его категориям проживание за чертой оседлости. Кроме того, в этот период город открылся для лиц невоинского сословия. Причисляемые к городским жителям евреи были признаны «полезными» по роду своей деятельности – практически все желавшие приписаться к городу были ремесленниками. Кроме общей политики выборочной интеграции стимулом для открытия города пришлому еврейскому населению явилась продолжавшаяся острая нехватка ремесленников в Кубанской области. В списке приписанных к городским жителям числились портные, часовые, ювелиры. Путешественник-этнограф, известный своими трудами по истории и этнографии евреев Кавказа Й. Черный, проезжавший Екатеринодар в конце 1870-х гг., также подчеркивал преобладание среди еврейского населения именно ремесленников – «очень успешных ювелиров и портных» (Черный, 1884: 215). Многие из них к моменту приписки уже проживали в городе не один десяток лет, ежегодно продлевая пребывание документально или оставаясь нелегально с 1830-х–1840-х гг. Как правило, приезжавшие имели большие семьи. География переселенцев охватывала города черты оседлости: значительная часть приезжала из Екатеринославской, Полтавской, Минской, Гродненской губерний. За исключением нескольких человек, почти все были из крупных городов черты оседлости (ГАКК. Ф. 452. Оп. 1. Д. 363). В этом списке значатся Соломон Цытрин, Яков Зон и Хаим Хохловкин, сыгравшие важную роль в функционировании еврейского общества в городе.

Соломон (Зельман) Цытрин проживал в Екатеринодаре с 1856 г. Он был керченским купцом 2-й гильдии и пожелал причислиться в купеческое сословие Екатеринодара. В 1870 г. он уже был в

состоянии обозначить повышение своего статуса до купца первой гильдии, но по каким-то экономическим причинам передумал (ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 736). Соломон Цытрин активно участвовал в общественной жизни города и вкладывал немалые средства в городские нужды Екатеринодара. Очевидно, не забывал и о своем происхождении: имеются свидетельства о посещении им молитвенного дома. Так, в 1867 г. он произнес речь в молитвенном доме по случаю объявления Екатеринодара торговым городом, в которой призывал евреев «жить в согласии, обращая внимание на все общественные потребности» (Заявление евреев..., 1867: 108). Его статус в еврейском обществе и в городе в целом был высок: он был гласным еврейского общества Екатеринодара в местной Думе в 1867 г., наряду с другими шестью представителями от купцов, мещан и дворян города (Жадан, 2007: 41). Примечательно, что путь его успеха был достаточно быстрым, ведь лишь за несколько месяцев до этого Екатеринодар открылся для лиц невойскового сословия. В 1872 г. он был награжден городской властью за усердную службу по общественному управлению (ГАКК. Ф. 454. Оп. 7. Д. 49).

Подобной чести и наград удостоился в те же годы еще один представитель местного еврейского общества в городской Думе Екатеринодара – Яков Зон, царскосельский купец первой гильдии. Он прибыл с семьей в Екатеринодар, приписавшись к городу на волне массового причисления еврейских ремесленников к городу в 1869 г. (ГАКК. Ф. 452. Оп. 1. Д. 736) Как и Цытрин, Зон прославился благотворительной деятельностью – производил пожертвования на общественные нужды, в частности, в 1871 г. имеется упоминание о его пожертвовании на мощение тротуаров в городе (Кубанские областные ведомости. 1871. № 4. 23 января). Тогда же местное начальство ходатайствовало о награждении его Орденом Святого Станислава 3-й степени за бесплатный ремонт здания Екатеринодарского окружного суда (ГАКК. Ф. 454. Оп. 7. Д. 54). Прямых свидетельств о его участии в жизни молитвенного дома не имеется, однако очевидно, что представлять еврейское общество того времени в Думе на практике и означало причастность к религиозному сообществу.

Вероятно, значившиеся в списке среди приписанных к городу ремесленники поддерживали связь друг с другом в повседневной жизни. Об этом косвенно свидетельствует следующий случай: ремесленник Янкель Фейгн настойчиво отстаивал свое право на проживание в Екатеринодаре перед местной администрацией. Фейгн проживал в Екатеринодаре на протяжении 10 лет с 1876 по 1886 гг., но документального подтверждения этому не имел. В этой связи он попросил местные власти обратиться за доказательством этого факта к нескольким лицам, которые значились в списке 1869 г., именно к евреям (РГВИА. Ф. 330. Оп. 35. Д. 1197). Они и выступили в качестве защитников и свидетелей перед местной властью.

Среди приписанных к Екатеринодору еврейских переселенцев значился Хаим Хохловкин, карасубазарский купеческий сын, деятельность которого свидетельствует о существовании религиозной жизни местного еврейского сообщества. Он совмещал обязанности раввина и резника в молитвенном доме, который был организован усилиями местных ремесленников в частном доме. В этом же доме была предпринята попытка устройства училища для еврейских детей (ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 961. Л. 45а). Имя Хаима Хохловкина также прозвучало в связи с конфликтом, произошедшим внутри еврейского общества города. В 1864 возникла ссора по поводу избрания резника. С 1862 г. с позволения Керчь-Еникальского еврейского раввина резником был избран Хаим Хохловкин. Через некоторое время группа евреев избрала себе другого резника, не известив об этом остальную часть общества. Выбор они обосновывали тем, что Хохловкин неаккуратно исполнял свои обязанности, резал птицу в пьяном виде, держал в доме бильярд. Участниками конфликта были лица, приписанные позже к Екатеринодору в качестве ремесленников, проживавших пока на временной основе, продлевая документы. Из списка двух оппозиционных групп нельзя сделать вывод об истинной причине недовольства ни по географическому принципу, ни по профессиональному. Не исключена вероятность и конфликта между лидерами общины, желавшими занять позицию резника. В одном из писем в адрес местной администрации защитники Хохловкина обвиняли своих противников в том, что они образовались «из мастеровых работников, людей грубых, безнравственных, лишенных воспитания» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2332. Л. 37). Вероятно, внутри общества произошел некоторый раскол ввиду прежнего социального статуса прибывших в Екатеринодар. Хаим Хохловкин в качестве резника также упоминается в работе Й. Черного (Черный, 1884: 225). Автор отмечает серьезный конфликт внутри еврейского общества на почве выбора шойхетов. Здесь не было постоянного раввина, постоянно действующей синагоги, а имевшееся здание, служившее в качестве молитвенного дома, делили на три части, и для каждой части был свой шойхет.

Как и в других регионах за чертой оседлости (например, в Сибири (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2332. Л. 37), особенностью еврейской духовной жизни было отсутствие подготовленных людей, обладавших знанием еврейского закона и тонкостей обрядов. Жившие в городе без единого учебного заведения, обучающего правилам и обрядам веры, древнееврейскому языку, евреи Екатеринодара столкнулись с проблемой сохранения тех устоев, которые были основой их идентичности на протяжении многих веков. Уже в конце XIX в. местное еврейское сообщество допускало мысль о том, что раввином можно избрать человека, мало сведущего в еврейской традиции. Об этом свидетельствует продолжающаяся несколько лет полемика о необходимости избрания постоянного раввина.

Введение института раввина в Кубанской области было затруднено по причине предъявлявшихся к раввину требований. Прежде всего он должен был обладать правом жительства, что после закона 1892 г., закрывавшего область для вновь прибывших евреев, заметно осложнилось. Кроме того, он должен был иметь определенный образовательный ценз: окончить курс в раввинском училище или в общем высшем или среднем учебном заведении. К концу XIX в. проблема отсутствия постоянного раввина обострилась. Из-за нехватки финансов еврейская община продолжала подчиняться Керчь-Еникальскому раввину. В 1896 г. еврейское общество Екатеринодара решало вопрос о возможности избрания раввина на постоянной основе, поскольку необходим был человек, который бы имел постоянное нравственное влияние на общество, «утонувшее в материализме» ([Кубанские областные ведомости. 1896. 4 января](#)). Вероятно, вопрос не был решен окончательно, т.к. тематика выборов раввина всплыла в 1908 г. Полемика развернулась на страницах газеты «Новая заря». Один из выступавших считал, что для исполнения этих обязанностей не обязательно иметь специальное образование, достаточно выбрать человека из местной общины с высшим образованием. Противники этой точки зрения полагали, что для раввина обязательно знакомство с еврейской традицией, который смог бы повлиять на молодежь «чуждую не только сущности веры, но и языка, на которой законы этой веры преподаны» ([К выборам раввина, 1908](#)). Подобный дискурс отражает изменения, происходившие в еврейском обществе в связи с интенсивным процессом ассимиляции, при котором намечался отход от традиций и менее строгие требования к их носителям.

Функционирование молитвенного дома в Екатеринодаре в конце XIX в. периодически прерывалось распоряжениями местной администрации о его закрытии. Имеется свидетельство, в частности, что в 1884 г. молитвенный дом был открыт, а через 2 года было избрано духовное правление, переизбранное в 1889 г. ([ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 709. Л. 105](#)). В 1900 г. молитвенный дом был снова закрыт ([РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 117](#)). По описанию одного из корреспондентов русско-еврейского периодического издания «Недельная Хроника Восхода», в 1887 г. состоялось освящение синагоги, на котором присутствовал глава города. По данным автора, в городе проживало около 200 еврейских семей, в основном ремесленников. Раввином числился раввин Керчь-Еникальского градоначальства Гальперн, а его помощником, постоянно жившим в Екатеринодаре, был О.С. Задунайский, совмещавший функции строителя и администратора синагоги. При ней была устроена Талмуд-Тора. Для автора заметки было неожиданностью увидеть вполне благоустроенную синагогу в городе, где евреям жить не разрешалось ([Недельная Хроника Восхода. 1887. № 42. 18 октября](#)).

Следы функционирования синагоги в начале XX вв. отражены в различных источниках. Так, в «Кубанском курьере» упоминается панихида по Александру II в синагоге в 1911 г., а также молебен по случаю юбилея освобождения крестьян от крепостной зависимости ([В синагоге, 1911](#)). По сведениям Начальника Кубанской области, синагогу посещали и субботники, молились и отмечали праздники вместе с евреями ([РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 346](#)).

В жизни синагоги Екатеринодара эпизодически принимали участие несколько человек, которых можно было условно отнести к группе «русско-еврейской интеллигенции». Ее формирование было общим явлением в жизни еврейских обществ как в черте оседлости, так и вне ее. Русско-еврейскую интеллигенцию составляли выпускники гимназий, университетов и казенных еврейских училищ, свободно владеющие русским и еврейскими языками. Вместо желанья культурных преобразований на первый план для них выходила задача социальной эмансипации евреев. Они были интегрированы в русское общество и в его рамках продолжали ощущать себя представителями основной массы еврейства, живущей в черте оседлости. Уроженец Кубанской области, в будущем крупнейший деятель сионизма, М. Гроссман так описывал еврейское население Кубани: «Несмотря на то, что их здесь мало (евреев – Е. Н), что большинство из них принадлежат к интеллигенции – они живут отдельной группой. Правда, они принимают участие в общественных делах, но живут – живут они в одиночестве» ([Гроссман, 1910: 23](#)).

Типичным представителем так называемой русско-еврейской интеллигенции (какой ее определил историк Дж. Клиер (Клиер, 1995) в Екатеринодаре был доктор медицины Исая Яковлевич Меерович. Он имел блестящее медицинское образование – диплом врача Петербургской медико-хирургической академии, особенно выделяясь этим среди местного екатеринодарского общества, не имевшего ни одного местного высшего учебного заведения. Получив диплом, Меерович поступил на государственную службу уездным врачом в Тургайской области, откуда и переехал в Екатеринодар в 1884 г. В городе получил место врача при больнице. Сначала был единственным врачом этой больницы, где было всего 25 мест. Количество мест увеличилось до 400 к началу XX в. Много лет состоял старшим врачом и преподавателем гигиены 1-й мужской гимназии и в местной Общине сестер милосердия, за что получил орден Св. Станислава 4-й степени. В 1887 г. защитил диссертацию на доктора медицины. Он подчеркивал, что воспитывал своих детей в той же вере, что и он (т.е. в иудаизме), впоследствии дети также поступили в разные высшие учебные заведения страны. У него была большая семья – четыре сына и одна дочь. Очевидно, он стремился дать своим детям достойное образование: один из его сыновей получил профессию зубного врача, двое были студентами высших учебных заведений, двое детей учились в гимназиях. За участие в Русско-японской войне получил ордена Св. Станислава 2-й степени, Св. Анны 2-й степени, Владимира 4-й степени и все с мечами.

И. Меерович прославился своей обширной благотворительной деятельностью. Читал популярные лекции по медицине, оказывал бесплатные медицинские услуги бедному населению. Все атамань смотрели снисходительно на его постоянные благотворительные сборы, давали ему разрешение на устройство благотворительных спектаклей. Он жертвовал в основном для больницы, но собирал средства также и для других благотворительных учреждений (в частности для Общины Красного креста). Авторитет И. Мееровича был настолько велик, что распространялся даже на представителей администрации города. Он посещал вечера, где собирались высшие слои местного общества, присутствовал на городских обедах с городской головой. Его жена Берта Абрамовна Меерович поддерживала направления деятельности мужа и совместно с председателем «Общины сестер милосердия», женой начальника Кубанской области Софьей Иосифовной Бабыч, участвовала в сборе средств для общества, была учредителем приюта «Ясли» в Екатеринодаре, членом правления благотворительного «Общества при Екатеринодарской городской больнице» (Оспищева, 2003: 97). Подобная сопричастность жены к благотворительной деятельности, наряду с мужем, была в целом характерна для представителей русско-еврейской интеллигенции империи.

Меерович был заинтересован в просвещении и нравственном оздоровлении местного населения. По его выражению, «Знания зажигают в человеке искру Божью» (Меерович, 1906а). Он нашел единомышленников среди городской интеллигенции, с которыми выработал устав Кубанского Общества народных университетов. Способствовал организации Екатеринодарского общества борьбы с пьянством (ГАКК. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–5).

Вероятно, Меерович оставил свой след и в местной политической жизни. На него было заведено уголовное дело в 1908 г. по обвинению в участии в деятельности революционных партий. Он всячески отрицал свою к ней причастность. После реабилитации уезжал за границу, жил некоторое время в Берлине и был уверен в том, что его реабилитирует местная власть в глазах местного общества. Просвещал население относительно деятельности различных политических партий перед выборами в Думу (Меерович, 1906б).

Несмотря на довольно глубокое погружение в русскую общественную жизнь и сопричастность к городской деятельности, Мееровичу не была чужда внутренняя религиозная жизнь евреев. В частности, он жаловался власти на закрытие еврейского молитвенного дома Кубанским областным правлением в 1900 г. (РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 117). Как сам свидетельствовал, оставался верен иудаизму: «Детей воспитывал в том же направлении, по которому шел я сам: все они остались верны вере своих отцов». Примечательно, что даже в своих речах по поводу различных общественных событий иногда свои тезисы подкреплял цитатами из Библии.

В отличие И. Мееровича, который оставался верен традициям своих родителей, другой известный общественный деятель Екатеринодара, врач А.Я. Рохлин к концу жизни принял христианство. После приобретения медицинского опыта в небольших населенных пунктах Кубанской области Рохлин приехал в Екатеринодар, вносил пожертвования на общественные нужды и занимался благотворительностью в виде бесплатных приемов в своей клинике (Рохлин, 1909). Сотрудничал с И.Я. Мееровичем в области медицины. Стал председателем филиального отделения Санкт-Петербургского врачебного общества взаимной помощи в г. Екатеринодаре и бывал в столице по делам этого общества. В 1905 г. на него была направлена основная агрессия населения с обвинениями его в причастности к деятельности социалистов, как на еврея и представителя интеллигенции, т.е. типичные обвинения во время погромов 1905 г. в Российской империи. А. Рохлин был популярным и уважаемым в городе врачом и общественным деятелем. Некоторые благодарные пациенты до погрома пытались предупредить его об опасности. Однако А. Рохлин, как и многие другие, не верил в серьезность намерений погромщиков и не ожидал от погромщиков жестокости, полагая, что все закончится лишь разбитыми окнами (Норкина, 2012). Вероятно, поддерживал связь с еврейскими общинами других регионов либо был известен как местный еврейский лидер далеко за пределами местной общины: именно к нему и к Мееровичу обратились представители Общества полноправия еврейского народа в России с предложением организовать в Екатеринодаре филиал этого общества (РГИА. Ф. 1565. Оп. 1. Д. 281. Л. 1). О принятии им христианства свидетельствует некролог 1909 г.

Это далеко не единственный случай ухода евреев из общины. На протяжении всей истории пребывания евреев в Кубанской области наблюдаются случаи перехода евреев в христианство в силу разных обстоятельств, не исключая и способ легально остаться на проживании. М. Гроссман пишет, что в Екатеринодаре несколько еврейских семей, проживавших в области на протяжении 10–15 лет по особому разрешению и имевших свои магазины, власть внезапно выселяла по приказу. Часть из них вынуждена была креститься (Гроссман, 1910: 24). В метрических книгах православных приходов зафиксированы случаи перехода из иудаизма в православие в конце XIX в. Священники церкви Александра Невского в Екатеринодаре в течение 1890-х гг. записали в метрические книги «о родившихся» – перешедших из иудаизма в православие. К примеру, только в церкви Александра Невского в 1893 г. были крещены 8 иудеев, а в 1894 – 6 человек (ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 34. Л. 25 об., 35 об., 60 об., 64 об., 71 об., 74 об., 82 об., Д. 37. Л. 22, 32 об., 80 об., 103 об., 117 об., 118 об., Д. 38. Л. 48 об., 58 об., Д. 39. Л. 110б). Принимавшие православие в основном были выходцами из черты еврейской оседлости среднего возраста, проживавшие в Екатеринодаре временно. Вступление в брак

также могло стимулировать переход в православие. Нами выявлены несколько случаев, когда иудеи переходили в православие, чтобы впоследствии вступить в брак с православными (ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 34. Л. 159 об., 171 об., Д. 37. Л. 182 об.). Однако бывали и ситуации, когда в брак вступали два человека, исповедовавшие иудаизм, но перед браком крестившиеся. Приведем пример: в 1893 г. екатеринославский мещанин иудейского вероисповедания К.Б. Брусилевский был крещен в церкви Александра Невского в Екатеринодаре. В этот же день здесь была крещена екатеринославская мещанка Р. Меерова. Спустя некоторое время они вступили в брак, который был зафиксирован в метриках этой же церкви (ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 37. Л. 180 об.).

Не исключено, что даже после перехода в христианство некоторые крещенные оставались верны своей исходной религии. Об этом свидетельствуют случаи возвращения в иудаизм в марте 1917 г., сразу после отмены национальных и вероисповедных ограничений. Начинают поступать прошения о разрешении евреям обратного перехода в иудаизм. В частности, такие разрешения на Кубани получили от раввина Борис Ланда Безверхий (ГАКК. Ф. 449. Оп. 9. Д. 742. Л. 5), Лев Красинский (ГАКК. Ф. 449. Оп. 9. Д. 742. Л. 10 об.), Борис Беркович (ГАКК. Ф. 449. Оп. 9. Д. 749. Л. 1).

Немаловажным показателем особого места еврейского населения в городе является факт погромов 1905 г. Несмотря на то, что основная агрессия населения была направлена на интеллигенцию с обвинением в участии в революционном движении, толпа погромщиков обвиняла конкретных представителей еврейского населения. Разгрому подверглись именно еврейские дома (Мееровича, Рохлина и других). Это означало, что местное городское население все же не забывало о происхождении эти людей, и те, в свою очередь, каким-либо образом идентифицировали себя с еврейским населением или демонстрировали это участием во внутренней жизни еврейского сообщества.

О светской стороне жизни общины свидетельствуют попытки ведения политической деятельности. Несмотря на то, что по агентурным сведениям, на 1908 г. «сионистов в Кубанской области не обнаружено» (ГАКК. Ф. 586. Оп. 1. Д. 11), некоторая активность сионистов среди местного населения все же была. Так, Меерович поддерживал связь с сионистами. Этот факт установлен наличием его письма, адресованного М. Усышкину, возглавлявшему сионистскую деятельность на юге России. Меерович в письме с сожалением сообщал, что все существование сионистского кружка свелось к уплате шекельных взносов. По его словам, «многие местные евреи уже забыли, что они евреи». В письме он также просит о помощи: в Екатеринодаре необходим преподаватель и кто-либо, кто смог бы занимать должность казенного раввина (ЦСА. А.24\659-145).

Следы деятельности БУНДа или попыток организации его отдела в городе имеются лишь в одном источнике: в отчете агента Третьего отделения Департамента полиции. Согласно ему, на ул. Красной в Екатеринодаре в редакции журнала «Самопомощь» были обнаружены отчеты ЦК БУНДа (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1912 г. 6 ч. 36. Л. А).

Упоминание о собрании евреев встречается в одном из документов уже периода Временного правительства: 5 марта было проведено собрание евреев города Екатеринодара в помещении женского клуба, на котором решался вопрос об избрании представителя в Гражданский комитет. В результате этого собрания был составлен протокол (ГАКК. Ф. Р-1260. Оп. 1. Д. 22. Л. 35; Листок войны, 1917. № 911. Л. 4). В «Кубанском курьере» 1917 г. от 15 марта помещено объявление: «Евреи Екатеринодара приглашаются на Общее собрание в воскресенье в 7 часов вечера в помещении женского клуба...» (Кубанский курьер. 1917. 15 марта. Л. 1). Собрание было устроено для выборов представителей в Гражданский комитет, орган областной власти в начальный период правления Временного правительства. Таким представителем от еврейского населения города в Гражданский комитет был избран Исая Хейфец.

Имя Исая Хейфеца также было известно в городском масштабе до революции. Он прибыл в город из Керчи, состоял представителем сахарных заводов Бродского и пользовался известностью и уважением в коммерческом мире Екатеринодара. Он также входил в Екатеринодарский биржевой комитет (ГАКК. Ф. 482. Оп. 1. Д. 35. Л. 2–11). Хейфец занимался благотворительностью в виде пожертвований различным городским организациям сахаром. Наряду с Мееровичем и Рохлиным, он состоял членом Кубанского общества народных университетов.

Примеры из жизни наиболее выдающихся и успешных представителей местного еврейского общества не исключают и факт сохранения своей идентичности простыми обывателями. Так, приписанный к Екатеринодару в 1869 г. ремесленник Ехиель Шварцман прожил в городе до старости и был похоронен на еврейском кладбище в 1915 г. с занесением записи в метрическую книгу раввином (ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 250. Л. 3). Члены семьи Варшавских из группы приписанных к городу ремесленников в конце 1860-х гг., занимавшие прочное экономическое положение в городе, также значились в различных еврейских метрических книгах записей о смерти Кубанской области, что косвенно свидетельствует об их причастности к жизни общины (ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 250).

5. Заключение

На основании приведенных нами примеров применительно к особенностям жизни еврейского населения в Екатеринодаре к началу XX в., пожалуй, более корректно будет говорить о некоем «сообществе», нежели о классической общине. Такой вывод может быть обоснован прежде всего тем,

что та организация, в которой участвовали местные евреи, не могла удовлетворять определению общины, которая существовала в черте оседлости. В последнем случае мы имеем в виду общину как религиозную конгрегацию, способ еврейского самоуправления и сочетание некоторых институтов для выживания в нееврейской среде, в частности развитая и находящаяся на высоком уровне благотворительная деятельность.

Несмотря на довольно успешную общественную деятельность многих евреев города и их вовлеченность в политическую жизнь, некоторые все же участвовали в светских и религиозных событиях местного еврейского сообщества. Это выражалось в благотворительной деятельности, заботе о синагоге и участии в еврейских праздниках.

Модернизация внутриобщинной жизни, произошедшая в Новое время, распространилась и на екатеринодарское еврейское население. Споры об образовательном уровне раввина указывают на динамическое развитие сообщества. Организация еврейских традиционных праздников в городском общественном пространстве свидетельствует о начавшейся тенденции отделения синагоги и религиозной жизни в ней от других важных сторон общинной жизни.

6. Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ (15-18-00062) в СПбГУ.

Литература

- Рохлин, 1909 – Рохлин А.Я. // *На Кавказе*. 1909. № 4. С. 532–534.
- Барталь, 2007 – Барталь И. От общины к нации: евреи Восточной Европы в 1772–1881 гг. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2007. 262 с.
- В синагоге, 1911 – В синагоге // *Кубанский курьер*. 1911. № 717. 22 февраля.
- ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
- Гроссман, 1910 – Гроссман М. Провинция // *Новый Восход*. 1910. № 1. С. 21–24.
- Еврейский художественный..., 1917 – Еврейский художественный вечер // *Кубанский курьер*. 1917. 19 февраля. № 2275. С. 3.
- Жадан, 2007 – Жадан В.А. Становление системы местного самоуправления Екатеринодара (1868–1870 гг.) // *Екатеринодар–Краснодар: 140 лет городского самоуправления. История и современность*. Краснодар, 2007. С. 40–46.
- Заявление евреев..., 1867 – Заявление евреев, проживающих в Екатеринодаре // *Кубанские областные ведомости*. 1867. № 15. 15 апреля. С. 108.
- К выборам раввина, 1908 – К выборам раввина // *Новая заря*. 1908.
- Казачек, 2002 – Казачек Е. Евреи Кубанской Области в XIX–XX веках: историко-культурный аспект // *Грани 2002: Материалы научной сессии ФИСМО*. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2002. С. 101–116.
- Кальмина, 2003 – Кальмина Л.В. Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX в. – февраль 1917 г.). Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2003. 422 с.
- Кирей, 2000 – Кирей Н.И. Евреи Краснодарского края // *Бюллетень Антропология Меньшинства, Мультикультурализм*. 2000. № 2. С. 134–144.
- Клиер, 1995 – Клиер Дж. О русско-еврейской интеллигенции // *Труды по иудаике Петербургского еврейского университета*. Вып. 3. СПб., 1995.
- Колесов, 2007 – Колесов В. Преодолевая Черту: страницы истории еврейской общины Екатеринодара–Краснодара // *Екатеринодар–Краснодар: 140 лет городского самоуправления. История и современность: Материалы межрегион. науч.-практ. конф.*, Краснодар, 12 мая 2007 г. Краснодар: [б.и.], 2007.
- Кубанские областные ведомости – Кубанские областные ведомости.
- Кубанский курьер – Кубанский курьер.
- Левитац, 2013 – Левитац И. Еврейская община в России. М.: Книжники [и др.], 2013. 650 с.
- Листок войны – Листок войны.
- Марков, 2006 – Марков В.Н. Сословные группы евреев южно-российской общины за чертой оседлости // *Общественно-публицистический и культурно-просветительский журнал еврейских общин стран СНГ «Корни»*. М.–Киев, 2006. № 31. С. 34–42.
- Меерович, 1906а – Меерович И.Я. Граждане мещане // *Кубанская жизнь*. 1906. № 25. 27 апреля.
- Меерович, 1906б – Меерович И.Я. Перед выборами в думу // *Заря*. 1906. № 27. 5 мая.
- Натанс, 2007 – Натанс Б. За чертой: евреи встречаются с позднимперской Россией. М.: РОССПЭН, 2007. 464 с.
- Недельная Хроника Восхода – Недельная хроника Восхода.
- Норкина, 2012 – Норкина Е. С. Еврейские погромы на казачьей улице. К истории еврейских погромов на Кубани в октябре 1905 г. // *Тирош*. 2012. Вып. 12.
- Оспищева, 2003 – Оспищева Л.Е. История благотворительных организаций Кубани (конец XIX – начало XX века): опыт изучения. Майкоп: Адыгея, 2003. 255 с.

- Первая Всеобщая перепись... 1897** – Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. СПб., 1905. Т. 65. Кубанская Область. С. III.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Черный, 1884** – *Черный И.Я.* Путешествие по Кавказскому и Закавказскому краю (иврит). СПб., 1884. 350 с.
- ЦАИЕН** – Центральный архив истории еврейского народа (Иерусалим).
- ЦСА** – Центральный сионистский архив (Иерусалим).
- Katz, 1973** – *Katz J.* Out of the ghetto: The social background of Jewish emancipation, 1770-1870 / [By] Jacob Katz. Cambridge (Mass.): Harvard university press, 1973. 271 p.
- Kleinmann, 2006** – *Kleinmann Y.* Neue Orte – neue Menschen: Jüdisches Leben in St. Petersburg und Moskau im 19. Jahrhundert. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2006. 459 p.

References

- Bartal', 2007** – *Bartal I.* (2007). Ot obshhiny k natsii: evrei Vostochnoj Evropy v 1772-1881 gg. [From the Community to the Nation: Jews of the East Europe in 1772-1881]. M.: Mosty kul'tury; Ierusalim: Gesharim. 262 p. [in Russian]
- CAIEN** – Central'nyj Arkhiv Istorii evrejskogo naroda (Ierusalim) [The Central Archive for the History of Jewish People].
- Chernyj, 1884** – *Chernyj I.Ja.* (1884). Puteshestvie po Kavkazskomu i Zakavkazskomu kraju [Travel to Caucasian and Transcaucasian region]. SPb. 350 p. (in Hebrew).
- CSA** – Central'nyj Sionistskij Arkhiv (Ierusalim) [The Central Zionist Archive].
- Evrejskij hudozhestvennyj..., 1917** – Evrejskij hudozhestvennyj vecher [The Jewish Artistic event]. *Kubanskij kur'er*. 1917. 19 fevralja. No 2275. P. 3. [in Russian]
- GAKK** – Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja [State Archive of Krasnodar Region].
- GARF** – Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State Archive of the Russian Federation].
- Grossman, 1910** – *Grossman M.* (1910). Provincija [Province]. *Novyj Voskhod*. No 1. pp. 21-24. [in Russian]
- K vyboram ravvina, 1908** – K vyboram ravvina [To the election of Rabbi]. *Novaja zarja*. 1908. [in Russian]
- Kal'mina, 2003** – *Kal'mina L.V.* (2003). Evrejskie obshhiny Vostochnoj Sibiri (seredina XIX v. – fevral' 1917 g.) [Jewish communities of East Siberia (middle of the XIXth-February 1917)]. *Ulan-Udje: VSGAKI*. 422 p. [in Russian]
- Katz, 1973** – *Katz J.* (1973). Out of the ghetto: The social background of Jewish emancipation, 1770-1870. Cambridge (Mass.): Harvard university press. 271 p.
- Kazachek, 2002** – *Kazachek E.* (2002). Evrei Kubanskoj Oblasti v XIX – XX vekah: istoriko-kul'turnyj aspekt [Jews in the Kuban Area in the XIX th-XXth centuries: historical-cultural aspect]. *Grani 2002: Materialy nauchnoj sessii FISMO*. Krasnodar: Kubanskij gosudarstvennyj universitet. pp. 101–116. [in Russian]
- Kirej, 2000** – *Kirej N.I.* (2000). Evrei Krasnodarskogo kraja [Jews of the Krasnodar Region]. *Bjulleten' Antropologija Men'shinstva, Mul'tikul'turalizm*. No 2. pp. 134-144. [in Russian]
- Kleinmann, 2006** – *Kleinmann Y.* (2006). Neue Orte – neue Menschen: Jüdisches Leben in St. Petersburg und Moskau im 19. Jahrhundert. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. 459 p. [in German]
- Klier, 1995** – *Klier J.* (1995). O russko-evrejskoj intelligencii [About the Russian-Jewish Intelligentsia]. *Trudy po iudaike Peterburgskogo evrejskogo universiteta*. Is. 3. SPb. [in Russian]
- Kolesov, 2007** – *Kolesov V.* (2007). Preodolevaja Chertu: stranicy istorii evrejskoj obshhiny Ekaterinodara-Krasnodara [Overcoming the Pale: the Pages of history of Jewish community in Ekaterinodar-Krasnodar]. Ekaterinodar – Krasnodar: 140 let gorodskogo samoupravlenija. Istorija i sovremennost': Materialy mezhregion, nauch.-nrakt. konf., Krasnodar, 12 maja-2007 g. Krasnodar: [b.i.]. [in Russian]
- Kubanskije oblastnye vedomosti** – Kubanskije oblastnye vedomosti [Kuban Region Bulletin].
- Kubanskij kur'er** – Kubanskij kur'er [Kuban Courier].
- Levitac, 2013** – *Levitac I.* (2013). Evrejskaja obshhina v Rossii [The Jewish community in Russia]. M.: Knizhniki [i dr.]. 650 p. [in Russian]
- Listok Voyny** – Listok vojny [Leaf of war].
- Markov, 2006** – *Markov V.N.* (2006). Soslovnnye gruppy evreev juzhno-rossijskoj obshhiny za chertoj osedlosti [Class Groups of Jews in South-Russian community beyond the Pale of Settlement]. *Obshhestvenno-publicisticheskij i kul'turno-prosvetitel'skij zhurnal evrejskih obshhin stran SNG «Korni»*. M.-Kiev. No 31. pp.34-42. [in Russian]
- Meerovich, 1906a** – *Meerovich I.Ja.* (1906). Grazhdane meshhane [Citizenry Philistines]. *Kubanskaja zhizn'*. No 25. 27 aprelja. [in Russian]
- Meerovich, 1906b** – *Meerovich I.Ja.* (1906). Pered vyborami v dumu [To the elections to the Duma]. *Zarja*. No 27. 5 maja. [in Russian]

Natans, 2007 – *Nathans B.* (2007). *Za chertoj: evrei vstrechajutsja s pozdneimperskoj Rossiej.* [Beyond the Pale: The Jewish Encounter with Late Imperial Russia]. M.: ROSSPEN. 464 p. [in Russian]

Nedel'naja Hronika Voshoda – Nedel'naja hronika Voshoda [Weekly Chronicle of Voskhod].

Norkina, 2012 – *Norkina E.S.* (2012). *Evrejskie pogromy na kazach'ej ulice. K istorii evrejskih pogromov na Kubani v oktjabre 1905 g.* [Jewish pogroms on the Cossack Street. To the history of Jewish Pogroms in Kuban' Region on October 1905]. *Tirosh.* Is. 12. [in Russian]

Ospishheva, 2003 - *Ospishheva L.E.* (2003). *Istorija blagotvoritel'nyh organizacij Kubani (konets XIX – nachalo XX veka): opyt izuchenija* [The History of Charitable Organizations of Kuban'(the end of the XIXth – the beginning of the XXth centuries)]. Majkop: Adygeja. 255 p. [in Russian]

Pervaja Vseobshhaja Perepis'..., 1897 – Pervaja Vseobshhaja perepis' naselenija Rossijskoj Imperii, 1897. [The First General Census of the Population in the Russian Empire, 1897]. SPb., 1905. Vol. 65. Kubanskaja Oblast' S. III. [in Russian]

RGIA – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive].

RGVIA – Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv [Russian State Military History Archive].

Rohlin, 1909 – *Rohlin A.Ja.* (1909). *Na Kavkaze.* 1909. № 4. pp. 532-534. [in Russian]

V sinagoge – V sinagoge [In Synagogue]. *Kubanskij Kurier.* 1911. No 717. 22 fevralja

Zajavlenie evreev..., 1867 – Zajavlenie evreev, prozhivajushhijh v Ekaterinodare [Declaration of Jews living in Ekaterinodar]. *Kubanskije oblastnye vedomosti.* 1867. № 15. 15 aprelja. P. 108. [in Russian]

Zhadan, 2007 – *Zhadan V.A.* (2007). *Stanovlenie sistemy mestnogo samoupravlenija Ekaterinodara (1868-1870 gg.)* [Formation of the local system of self – government in Ekaterinodar]. Ekaterinodar-Krasnodar: 140 let gorodskogo samoupravlenija. *Istorija i sovremennost'.* Krasnodar, pp. 40-46. [in Russian]

Еврейская община за чертой оседлости во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере еврейской общины Екатеринодара)

Екатерина Сергеевна Норкина ^{a, *}

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Еврейская община за чертой оседлости как явление не получила достаточного освещения в историографии. Наши знания о внутренней жизни таких общин ограничены конкретными историями еврейских общин различных «внутренних» регионов Российской империи. В представленной статье община интересует автора как составляющие ее личности, которые определяют ее, принимают или отторгают новые процессы, связанные с модернизацией иудаизма в Новое время и влияющие на ее внутреннюю жизнь. Автор демонстрирует изменения в общине на примере жизни и деятельности отдельных личностей, числившихся ее членами. Поставленная проблема изучается на примере еврейского населения Екатеринодара конца XIX – начала XX вв. В данной работе привлекается широкий спектр источников: делопроизводственные материалы, личная переписка, периодические издания, еврейские метрические книги, этнографические заметки, опубликованные на иврите. Большинство неопубликованных документов (архивов Израиля, России) впервые вводятся в научный оборот.

Автор приходит к выводу, что применительно к особенностям жизни еврейского населения в Екатеринодаре к началу XX в. более корректно будет употреблять термин «сообщество», а не «община». Та организация, в которой участвовали местные евреи, не может удовлетворять определению классической общины, которая существовала в черте оседлости. Налицо тенденции отделения синагоги и религиозной жизни от других важных сторон еврейской общинной жизни.

Ключевые слова: евреи, община, синагога, Екатеринодар, иудаизм, раввин, сионизм.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: Norichmail@yandex.ru (Е.С. Норкина)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 51. Is. 1. pp. 306-313. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.1.306
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Professor-Archpriest Paul Svetlov on the Problems of Development of Higher Theological Education in the Russian Empire in the late 19-th – early 20-th century

German E. Bokov ^{a, *}, Mikhail S. Stetkevich ^a, Elena S. Stetkevich ^b

^a St. Petersburg State University, Russian Federation

^b North-West Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russian Federation

Abstract

The article was prepared on the basis of a study of the theological and polemical works of Professor of theology at the Imperial University of St. Vladimir in Kiev archpriest Paul Svetlov written by him in the late 19-th – early 20-th century. His works have not yet become the subject of special research in modern historiography. This article focuses on his publications on the reforms of higher theological education in the Russian Empire. He himself proposed this formulation of the problem, since in church circles at that time only the next reform of religious education was discussed. However, as archpriest Paul Svetlov stated, theology is a science that can develop only “in the family” of University sciences. In his opinion, the introduction of theological faculties will be useful both for the University itself, and for the Russian Church, and for the Russian state.

In his publications, Svetlov pointed out the great shortcomings of the religious education, which became especially noticeable at the beginning of the 20-th century. He was one of the active participants of the sessions the 1906 Office, Preceding the All-Russia Church Local Council, where discussed the whole complex of Church problems, including of the questions of religious education. Svetlov proved himself to be a bright polemicist, who defended his “special opinion” about the immediate replacement of theological academies by the theological faculties, which, however, was not supported as excessively radical.

In the proposed publication the discussions on the higher theological education in Russian society of the early 20-th century are considered on the basis of the classical principles of strict historicism and scientific objectivity.

Keywords: archpriest Paul Svetlov, Orthodoxy, the Russian Church, the Russian Empire, the 1906 Office Preceding the All-Russia Church Local Council, the Orthodox theological Academies, theology, the Imperial Universities, science, religious education.

1. Введение

Профессор богословия Императорского университета Св. Владимира в Киеве, протоиерей Павел Яковлевич Светлов (1961–1941) – одна из самых парадоксальных, ярких и недостаточно изученных фигур в русской православной богословской и церковной среде конца XIX – начала XX вв. Более всего он известен как человек, аргументированно отстаивавший в печати и во время заседаний Предсоборного Присутствия 1906 г. введение в университетах богословских факультетов. Вопрос этот весьма актуален и для современной России, однако, несмотря на появление за последние десятилетия значительного количества новых научных публикаций по истории духовного образования и церковно-государственных отношений синодального периода, позиция протоиерея П.Я. Светлова еще ни разу не становилась предметом специального исследования.

* Corresponding author

E-mail addresses: g.bokov@spbu.ru (G.E. Bokov), m.stetkevich@spbu.ru (M.S. Stetkevich), stetskevich-es@ranepa.ru (E.S. Stetkevich)

2. Материалы и методы

Статья подготовлена на основе изучения богословских и полемических трудов протоиерея Павла Светлова, написанных в конце XIX – начале XX вв., при этом особое внимание уделяется его публикациям, посвященным реформам высшего богословского образования в Российской империи, а также дискуссиям по этому вопросу, которые велись как в печати, так и на заседаниях Пятого отдела Предсоборного Присутствия 1906 г. Позиция Светлова рассматривается в историко-политическом контексте, который в значительной мере был обусловлен революционными настроениями в обществе накануне и в период Первой русской революции 1905–1907 гг.

Исследование строится на классических принципах строгого историзма и научной объективности, базируется на источниковедческом анализе. Для выяснения причинно-следственных связей рассматриваемых событий и явлений применяется комплексный подход и компаративный анализ. Метод историографического описания используется в сочетании с методами интеллектуальной истории и социокультурного контекстуального анализа. Историко-генетический метод позволяет исследовать изучаемые явления и процессы в динамике. Кроме того, используются нарративный и проблемно-хронологический подходы, благодаря которым рассматривается взаимосвязь между религиозными идеями, политикой, обществом и общественными настроениями в конкретный исторический период.

3. Обсуждение и результаты

На страницах российского исторического журнала «Былые годы» недавно появилась статья, в которой говорилось об изучении истории христианства в России во второй половине XIX – начале XX в. В ней отмечалось, что одной из причин «сравнительно позднего оформления академической, то есть светской, истории христианства в России» было «отсутствие традиции существования теологических факультетов в рамках университетов» и «сосредоточение изучения истории церкви в пределах духовных школ, в которых в целом сохранялось исключительно каноническое отношение к источникам, в основном ограниченным Священным Писанием и сочинениями отцов церкви» (Шахнович, Чумакова, 2017: 1346).

Одним из тех, кто хорошо осознавал существующие в России проблемы в области высшего богословского образования, был протоиерей Павел Светлов. Более всего его не устраивала исторически сложившаяся ситуация, которую он считал пагубной и крайне опасной для Русской церкви, государства и всего российского общества. Дело в том, что «в России богословие никогда не было академической дисциплиной (а значит, не относилось к разряду «наук»), но лишь предметом профессионального обучения в специальных духовных учебных заведениях». Несмотря на то, что во всех императорских университетах существовали межфакультетские кафедры богословия, «их задача заключалась в том, чтобы наставлять учащихся в истинах православной веры, каковая была государственным исповеданием Российской империи, а вовсе не в том, чтобы заниматься исследовательской деятельностью» (Копейкин, 2014: 82–83).

В своих публикациях и публичных выступлениях протоиерей П.Я. Светлов требовал коренных реформ в области высшего богословского образования. Он утверждал, что богословие должно занять свое «законное место» в «семье университетских наук», связывал его с изучением религиозного феномена как такового и с историей христианства в качестве своего рода «богословской пропедевтики». Светлов очень хорошо понимал, что в его время «историко-церковные дисциплины, как и изучение религии в целом, подвергались воздействию перемен, происходивших в исторической и филологической науке, связанной с распространением новых научных методов, сравнительно-исторического и критического анализа источников» (Шахнович, Чумакова, 2017: 1346). В целом, он позитивно оценивал такие перемены, которые были возможны на теологических факультетах западных университетов, прежде всего в тех регионах, где доминировал протестантизм. Однако совершенно иная ситуация сложилась в России, где богословие воспринималось лишь внефакультетской «механической прибавкой» к университетскому образованию, хотя в действительности, по словам протоиерея Павла Светлова, оно соответствует «крупному отделу в области человеческого знания: *знанию религиозному*» (Светлов, 1897: 2).

При внимательном прочтении текстов Светлова становится видно, что хотя он говорил о «религиозном знании», но понимал под этим также и знание о религии. Христианство, пишет он, это явление историческое, и у него «две стороны: внешняя и внутренняя». Вероучительный компонент для богословия непременно важен, он «есть внутренне-субъективный или психологический факт», доступный человеку верующему, имеющему «внутренний личный духовный опыт». Однако вместе с тем христианство «есть факт внешне-объективный или исторический», поэтому изучение его в университете следует начинать с «видимой», «исторической стороны», что доступно «даже неверующему исследующему разуму» (Светлов, 1897: 14–15). Таким образом, протоиерей Павел Светлов утверждает, что без богословия, т.е. «знания религиозного» (включая знания о религии), «университет не может быть университетом, т.е. совокупностью всего наличного человеческого знания» (Светлов, 1897: 3).

Для более адекватного понимания взглядов Светлова следует обратиться к деталям его биографии. Он родился в 1861 г. в погосте Преображенском Рязанской губернии (сегодня это село

Андреевские Выселки Шатурского района Московской области) в семье протоиерея Иакова (Якова) Гавриловича Светлова (1831–1908). В 1882 г. Павел Яковлевич окончил Рязанскую духовную семинарию, а в 1886 г. стал выпускником Московской духовной академии (МДА). Вскоре он получил первый опыт преподавательской деятельности. В 1889 г. Павел Светлов был определен законоучителем в Историко-филологический институт князя А.А. Безбородко в гор. Нежин и в том же году был рукоположен в священники. В 1893 г. в МДА он защитил магистерскую диссертацию под названием «Значение Креста в деле Христовом. Опыт изъяснения догмата искупления» и получил степень магистра богословия (Сухова, 2012с: 256). Однако утверждение Синодом в степени иногда затягивалось более чем на два года». В случае со священником Павлом Светловым, кандидатом МДА, это произошло только в 1896 г. (Сухова, 2012а: 548; Сухова, 2012b: 489, 597; Сухова, 2012с: 179), даже несмотря на то, что один из положительных отзывов на его магистерскую диссертацию представил ректор МДА архимандрит Антоний (Храповицкий). Наконец, в 1897 г. он был назначен профессором богословия Императорского университета Св. Владимира в Киеве.

В 1900 г. специальная статья о Светлове появилась в ХХІХ (57) томе «Энциклопедического словаря» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Помимо прочего, он был назван там «духовным писателем». Отмечалось, что он напечатал «в разных духовных изданиях много статей по богословию (догматическому, нравственному, апологетике и библейской истории)», некоторые из которых «изданы отдельно» (приводилось семь наименований таких книг и брошюр), был автором магистерской диссертации и других трудов (приводились две книги) (ЭСБЕ, 1900: 213).

В 1901 г. Светлов был возведен в сан протоиерея, а в 1904 г. был утвержден Синодом в ученой степени доктора богословия с формулировкой «за совокупность ученых богословских трудов» (Сухова, 2012а: 542; Сухова, 2012b: 579). На степень, присужденную МДА в 1902 г. (Сухова, 2012с: 2010; 237), представлялось «конкретное сочинение», а именно – «Курс апологетического богословия», но «принималась во внимание вся совокупность ученых богословских трудов автора». Словесный отзыв митрополита Санкт-Петербургского Антония (Вадковского) «и о курсе, и о других трудах» защищающегося был учтен «в качестве рецензии» (Сухова, 2012b: 492).

Всего книг и брошюр (не считая статей в различных церковных изданиях – их собиранию, классификации и анализу может быть посвящено отдельное исследование) отца Павла Светлова, изданных до 1917 г., можно насчитать несколько десятков, причем многие его публикации переиздавались по нескольку раз. Профессор Санкт-Петербургской духовной академии (СПбДА) Н.Н. Глубоковский (1863–1937) выделяет четыре фундаментальных богословских труда протоиерея П.Я. Светлова. Помимо уже упомянутых «Значения Креста...» (Киев, 1893; 2-е изд. Киев, 1907) и «Курса...» (Киев, 1900; 2-е изд. Киев, 1905), это также «Опыт апологетического изложения православно-христианского вероучения» в двух томах (Киев, 1896, 1898) и «Идея Царства Божия в ее значении для христианского мирозерцания. (Богословско-апологетическое исследование)» (Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1904) (Глубоковский, 2002: 153).

Протоиерей Павел Светлов был автором большого количества полемических сочинений, среди которых можно отметить такую работу, как «Наука и религия» (СПб., 1912, переизд. СПб., 2014). В ней он развивает тему богословия как академической науки, которую обозначил еще в своих ранних сочинениях. Первой из этой группы работ была брошюра, которая называлась «О месте богословия в семье университетских наук» (Киев, 1897). Она представляла собой публикацию его первой лекции, прочитанной при вступлении в должность профессора богословия в 1897 г. Здесь он утверждал, что богословие есть «наука в полном и точном смысле этого слова, такая же действительная наука, как и всякая из точных наук, входящих в состав университетского курса» (Светлов, 1897: 12). Спустя пятнадцать лет Светлов вновь подчеркивал: «религия и наука не враждебны друг другу», религия вообще, и христианская религия в частности, «наукою не опровергались и никогда не могут опровергаться», тогда как «враждебна вере не наука, а плохая философия, ложно прикрывающаяся именем науки» (Светлов, 1914: 167–168).

В начале ХХ в., когда «среди священнослужителей началось широкое движение за реформирование российского православия», протоиерей Павел Светлов становится одним из лидеров этого достаточно влиятельного течения, направленного на «социализацию христианства» (Шапошников, 2006: 173, 175, 185). Он активно выступал с идеей о том, что христианство не враждебно «прогрессу и культуре». Можно с уверенностью сказать, что целью и принципиальной позицией Светлова являлось, как он выражался, примирение «нашего образованного общества с Церковью и богословием» (Светлов, 1904: 10–11). Он писал об этом во многих своих трудах – и в фундаментальных богословских работах, и в полемических статьях и брошюрах, некоторые из которых издавались в самый разгар первой революции.

В статье «О реформе духовного образования в России» («Церковный вестник», 1906, № 5 и 7), опубликованной в 1906 г. также и отдельной брошюрой, ученый указывает, что одной из причин всех бед, охвативших Россию, является «отчуждение светского образованного общества от Церкви». При этом ответственность за «этот печальный факт в церковно-общественной жизни» Светлов в значительной степени возлагает на саму Русскую церковь. «Духовное оздоровление» русского общества он связывал с христианским просвещением – в первую очередь среди интеллигенции, в университетах (Светлов, 1906b: 9–10).

Требую незамедлительных реформ высшего богословского образования, Светлов пишет на эту тему две докладных записки Совету университета Св. Владимира в Киеве. Одна из них, «Об учреждении богословских факультетов в русских университетах», была издана 16 декабря 1905 г., когда Первая русская революция уже охватила почти всю страну. Протоиерей Павел Светлов выступил с развернутым докладом перед профессорами Киевского университета и в итоге Совет Киевского университета признал проект создания богословского факультета желательным (Тарасова, 2005: 315). Интересно, что с аналогичным предложением в том же месяце в Совете СПбДА выступил профессор Н.Н. Глубоковский.

Другая, более развернутая докладная записка Светлова была издана в 1906 г. и называлась «О необходимости богословских факультетов в университетах или о реформе высшего религиозного образования в России». По словам автора, она была приурочена к рассмотрению «Проекта нового устава российских университетов» с целью «выяснения необходимых в нем изменений» (Светлов, 1906а: 3). Однако следует отметить, что новый устав университетов уже был введен в августе 1905 г. и привел к появлению их автономии. Парадоксально, но по инициативе именно Киевского университета, охваченного студенческими волнениями и беспорядками, Совет которого прежде лояльно отнесся к позиции Светлова, было предложено и вовсе упразднить кафедры богословия в университетах. В дальнейшем, на совещании профессоров по университетской реформе при Министерстве народного просвещения с 5 по 28 января 1906 г., предложение упразднить профессию богословия во всех российских университетах было поддержано единогласно, тогда как Светлов «был последовательным противником этого предложения и сторонником учреждения богословских факультетов» (Емельянов, 2012: 10–11).

В Первой русской революции 1905–1907 гг. активное участие принимали не только студенты светских университетов, но и семинаристы, для которых было важно преодоление сословных преград, поскольку «существенные различия в программах для гимназий и духовных учебных заведений значительно затрудняли поступление в университет выпускников семинарий» (Михащенко, 2005: 151). Как отмечает В.А. Тарасова, эта проблема существовала в течение всего синодального периода: «Понятно, что не каждый сын священника имел склонность к пастырскому служению, от этого получалось, что такие подневольные питомцы духовной школы вносили в нее дух, чуждый церковности» (Тарасова, 2005: 5).

Светлов считал эту проблему фундаментальной и настаивал на незамедлительных реформах духовного образования. Он писал, что «коренное зло нашей духовной школы – смешение и одновременно совмещение общеобразовательной и специальной (богословско-пастырской) задач». «Злом» объявлялся «кастовый сословный характер духовного образования», следствие которого – с одной стороны, «подневольное пасторство и принудительное закрепощение за духовным званием», с другой – препятствие приобщению к богословию людей светских в связи с отсутствием богословских факультетов в университетах (Светлов, 1906b: 2).

Ученый настаивал, что по причине произошедшего превращения религиозного образования в «духовно-кастовое», т.е. «в сословную привилегию», население России «давно лишено общего серьезного христианского просвещения, идущего далее жалких начатков веры». С этим он связывал «глубокий духовный мрак», «подрыв и вред христианской веры и нравственности», смуту и революцию (Светлов, 1906b: 3). Об этом протоиерей П.Я. Светлов писал и в своей очередной публикации, появившейся в 1906 г. на страницах журнала «Церковный голос» (1906, № 17) и выпущенной тогда же отдельным оттиском под названием «Почему духовные академии должны быть заменены богословскими факультетами» (СПб., 1906) (Светлов, 1906с: 2). В то время, как указывает В.А. Тарасова, большинство церковных изданий положительно отнеслось к идее введения богословских факультетов в университетах (Тарасова, 2005: 315).

«Высочайше учрежденное» Предсоборное Присутствие было создано Синодом в 1906 г. в разгар Первой русской революции для подготовки к проведению Поместного Собора. Многие деятели Церкви возлагали на Собор большие надежды в деле решения самых насущных внутрицерковных и церковно-государственных проблем, в том числе и реформы духовного образования. С сентября 1905 г. студенты всех четырех духовных академий (Санкт-Петербургской, Казанской, Московской и Киевской) требовали автономии вслед за предоставлением таковой светским университетам. Студенческие беспорядки и отказ от посещения занятий привели к закрытию академий и роспуску студентов. 19 октября 1905 г. ушел в отставку обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев, прослуживший главой ведомства православного исповедания 25 лет. «Темная революционная година, которой Победоносцев так боялся на протяжении нескольких десятилетий, пришла в Россию», – отмечает С.Л. Фирсов (Фирсов, 2002: 185), а значит, политические и церковные реформы были неизбежны.

16 ноября 1905 г. вступили в силу Временные правила, по которым студентам духовных академий предоставлялись определенные уступки. Однако они были лишь временными мерами, так как «церковная власть не собиралась выпускать духовные академии из-под своего контроля» (Тарасова, 2005: 30). Светлов был категорическим противником такой позиции «полумер». Он настаивал, что должна быть проведена «действительная коренная реформа высшего богословского образования путем превращения духовных академий в богословские факультеты

университетов». По его мнению, это гораздо лучше, чем предлагавшаяся Н.Н. Глубоковским «полуреформа, когда наряду с духовными академиями проектируется учреждение богословских факультетов». Тем более, по словам Светлова, неэффективной будет очередная «поверхностная или мнимая реформа», представляющая собой лишь усовершенствование устава духовных академий. (ЖПП, 1907: 46–47; Светлов, 1906с: 2).

Протоиерей Павел Светлов был известен своей критикой духовных академий. Он отмечал, что они препятствуют распространению «богословского знания», имеют «характер замкнутых сословных учебных заведений», светских людей «пугают и отталкивают сухостью, безжизненностью и схоластичностью преподавания и богословской науки», а также «своеобразностью и кастовой замкнутостью своего общего строя, общей духовно-академической среды» (Светлов, 1906с: 3). Иными словами, он «утверждал полную неспособность академий развивать богословскую науку и осуществлять полноценную подготовку научно-богословских кадров» (Сухова, 2007: 107). В духовных академиях, по мнению Светлова, нет самого главного – «всецелого служения науке как единственной и последней цели всего учреждения» (Светлов, 1906с: 6). Он упрекал академии в «разобщенности от жизни, в деспотизме старых традиций и привычек мысли» и делал вывод: «нет основания ожидать, что положение академий скоро и коренным образом изменится с реформой духовных академий, даже на начале самой широкой автономии» (Светлов, 1906а: 11).

Таким образом, вопрос о том, «что такое духовная академия и чему она должна служить: одному ли высшему богословскому образованию или вместе с тем и подготовке преподавателей для средней духовной школы» (ЖПП, 1907: 46), Светловым «был переведен в плоскость обсуждения “типа богословского образования” и “вызвал бурную реакцию» (Емельянов, 2012: 10). Речь шла о том, «что должна ставить во главу угла высшая богословская школа: научное богословское образование», на чем и настаивал Светлов, или «удовлетворение практических потребностей» (Сухова, 2012b: 187, Сухова, 2007: 117). Участники Предсоборного Присутствия высказались за необходимость повысить научно-богословский статус академий, однако «Церковь и государство по-прежнему главной задачей высшей духовной школы считали ее служение профессиональным нуждам духовного сословия» (Тарасова, 2005: 30).

Светлов был «активным полемистом» (Фирсов, 2002: 234) и полагал, что только богословским факультетом «достигается действительное истинно-христианское знание со всеми присущими ему свойствами, каковы особенно: *всеобщность* или *общедоступность*, его *широта*, *жизненность* и *свобода*» (ЖПП, 1907: 58; Светлов, 1906с: 2). Несмотря на то, что некоторые участники заседания выразили ему свою поддержку, он не добился полного одобрения своих взглядов. Фактически все присутствующие на заседании члены, кроме протоиерея П.Я. Светлова, оставшегося при «особом мнении», высказались за сохранение академий (ЖПП, 1907: 53), тогда как по поводу богословских факультетов мнения разделились. Однако формальные результаты обсуждения этих реформ «не только не отражали всей глубины состоявшегося обсуждения, но и оставили чувство неудовлетворенности и растерянности у участников дискуссии» (Емельянов, 2012: 10), и даже приближения к принятию общего решения не произошло (Сухова, 2007: 117).

5. Заключение

Во II томе «Полного православного богословского энциклопедического словаря» за 1913 г. профессор-протоиерей П.Я. Светлов был назван «выдающимся русским богословом» (ППБЭС, 1913: 2013). Его имя стоит в одном ряду с такими широко известными и влиятельными профессорами богословия, как А.И. Алмазов, А.И. Бриллиантов, Н.Н. Глубоковский, С.Т. Голубев, М.А. Остроумов, принимавшими участие в заседаниях Предсоборного Присутствия 1906 г. Это были «компетентные специалисты», способные предложить «осуществимый в России проект внутрицерковных изменений» (Фирсов, 2002: 217). В данной связи удивляет факт отсутствия вплоть до настоящего времени развернутой историко-богословской публикации, специально посвященной анализу богословских взглядов протоиерея Павла Светлова.

Светлов настаивал, что вопрос о реформе именно всего высшего богословского, а не только духовного образования, должен быть поставлен на обсуждение на предстоящем Всероссийском Церковном Соборе, а также «непременно внесен в программу Государственной Думы», поскольку в его скорейшем разрешении «заинтересованы и государство, и Церковь» (ЖПП, 1907: 54; 61). Он неоднократно обосновывал тезис о богословии как подлинно академической науке, которая имеет «громадное научно-образовательное значение», «содействуя в своих границах выработке миросозерцания и довершению общего научного образования учащейся молодежи» (Светлов, 1906а: 6-7). Богословие, по убеждению ученого протоиерея, неразрывно связано со светским научным знанием и должно быть инкорпорировано в «семью» университетских наук. По его мнению, будучи «точной наукой», богословие не может быть избавлено от тесной связи с другими науками, особенно – историко-филологическими. Вместе с тем, указывал Светлов, богословие выполняет мировоззренческую функцию, оно служит христианскому просвещению.

Требование незамедлительного введения богословских факультетов в университетах казалось Светлову чрезвычайно важным, и, безусловно, борьбу за его реализацию он рассматривал как дело всей своей жизни. В 1906 г. он писал, что «величайшее бедствие нашей православной церкви, от

которого ей необходимо избавиться, это – разделение церкви и интеллигенции, разобщение духовенства и паствы» (Светлов, 1906а: 17). Он отмечал, что «интеллигенция решительно выступила направляющею силою в культурных судьбах нашего отечества», однако в том, что ее общественные стремления «безрелигиозны», заключается «причина их бесплодности и непрочности», и потому «в страхе за будущее многие основательно задают себе вопрос, куда же Россия идет?» (Светлов, 1906b: 10).

Будучи человеком своего времени, богослов и полемист П.Я. Светлов пытался совместить традиционализм и новаторство. Он последовательно выступал за демократизацию Русской Церкви и преодоление принципа сословности в российском обществе, особенно в системе образования, исторически разделенного в России на духовное и светское. При этом он надеялся посредством христианского просвещения оградить русский народ от смут, революций и кровопролития гражданской войны. Однако стремительное развитие политических событий, с одной стороны, и откладывание созыва столь ожидаемого многими в начале XX в. Поместного Собора, – с другой, привели к тому, что идеям Светлова так и не суждено было претвориться в жизнь.

Литература

Глубоковский, 2002 – Глубоковский Н.Н. Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. М., 2002. 189, [2] с.

Емельянов, 2012 – Емельянов Н., прот. Богословие в системе научного знания (по материалам дискуссии о высшем духовном образовании в 1905–1906 гг.) // Вестник Православного Свято-Тихоновского государственного университета. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. 2012. Вып. 2 (45). С. 7–19.

ЖПП, 1907 – Журналы заседаний V Отдела № 8–30 // Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. Т. IV. СПб., 1907. 272 с.

Копейкин, 2014 – Копейкин К., прот. Замечания к истории взаимоотношений науки и богословия в России // Вера и знание: взгляд с Востока: [сборник] / Под ред. Т. Оболевич. М., 2014. С. 82–102.

Михащенко, 2005 – Михащенко А.Л. Духовное образование в Российской империи. Курган, 2005. 186 с.

ППБЭС, 1913 – Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. II. СПб., 1913. 672 с.

Светлов, 1897 – Светлов П.Я., проф., свящ. О месте богословия в семье университетских наук. Киев, 1897. [2], 18 с.

Светлов, 1904 – Светлов П.Я., проф., прот. Идея Царства Божия в ее значении для христианского мирозерцания. (Богословско-апологетическое исследование). [Сергиев Посад], тип. Свято-Троицк. Сергиевой лавры, 1904. [2], 462, [1] с.

Светлов, 1906а – Светлов П.Я., проф., прот. О необходимости богословских факультетов в университетах или о реформе высшего религиозного образования в России. Киев, 1906. 30 с.

Светлов, 1906b – Светлов П.Я., проф., прот. О реформе духовного образования в России / [Извлеч. из журн. «Церковный вестник» 1906 г.] СПб., 1906. 12 с.

Светлов, 1906с – Светлов П.Я., проф., прот. Почему Духовные академии должны быть заменены богословскими факультетами» / Отдельные оттиски из журн. «Церковный голос» за 1906. СПб., 1906. 16 с.

Светлов, 1914 – Светлов П.Я., проф., прот. Религия и наука. СПб., [1914]. 173, [2] с.

Сухова, 2007 – Сухова Н.Ю. Вертоград наук духовный: Сборник статей по истории высшего духовного образования в России XIX – начала XX века. М., 2007. 382, [2] с.

Сухова, 2012а – Сухова Н.Ю. Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX в.). М., 2012. 658 с.

Сухова, 2012b – Сухова Н.Ю. Система научно-богословской аттестации в России в XIX – начале XX в. 2-е изд., испр. М., 2012. 676 с.

Сухова, 2012с – Сухова Н.Ю. Русская богословская наука (по докторским и магистерским диссертациям 1870–1918 гг.). М., 2012. 374 с.

Тарасова, 2005 – Тарасова В.А. Высшая духовная школа в России в конце XIX – начале XX века. История императорских православных духовных академий. М., 2005. 567 с.

Фирсов, 2002 – Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002. 623 с.

Шапошников, 2006 – Шапошников Л.Е. Консерватизм, модернизм и новаторство в русской православной мысли XIX–XXI веков. 2-е изд., доп. и перераб. СПб., 2006. 327 с.

Shakhnovich, Chumakova, 2017 – Shakhnovich M.M., Chumakova T.V. Iz istorii religiovedeniya v Rossii: izuchenie istorii khristianstva (vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.) [From the history of Religious Studies in Russia: The study of the History of Christianity (in the second half of the 19-th – early 20-th century)]. // Bylye Gody, 2017. 46(4), pp. 1345-1356. [in Russian]

ЭСБЕ, 1900 – Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXIX (57). СПб., 1900. 483 с.

References

- Firsov, 2002** – *Firsov S.L.* (2002). Russkaya Tserkov' nakanune peremen (konets 1890-kh – 1918 gg.) [Russian Church on the eve of changes (the late 1890s-1918)]. Moscow, 623 p. [in Russian]
- Glubokovskii, 2002** – *Glubokovskii N.N.* (2002). Russkaya bogoslovskaya nauka v ee istoricheskom razvitii i noveishem sostoyanii. [Russian theological science in its historical development and modern state]. Moscow, 189 p. [in Russian]
- Emel'yanov, 2012** – *Emel'yanov N.* (2012). Bogoslovie v sisteme nauchnogo znaniya (po materialam diskussii o vysshem dukhovnom obrazovanii v 1905-1906 gg.) [Theology in the system of scientific knowledge (on the papers of the discussion concerning to the higher theological education in 1905-1906)]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya II, Nr 2 (45), pp. 7-19. [in Russian]
- ESBE, 1900** – Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona (1900) [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. T. XXXIX (57). Saint-Petersburg, 483 p. [in Russian]
- Kopeikin, 2014** – *Kopeikin K.* (2014). Zamechaniya k istorii vzaimootnoshenii nauki i bogosloviya v Rossii [Notes on the history of science and theology in Russia]. *Vera i znanie: vzglyad s Vostoka / pod red. T. Obolevich*. Moscow, pp. 82-102. [in Russian]
- Mikhashchenko, 2005** – *Mikhashchenko A.L.* (2005). Dukhovnoe obrazovanie v Rossiiskoi imperii. [Religious education in the Russian Empire]. Kurgan, 186 p. [in Russian]
- PPBES, 1913** – Polnyi pravoslavnyi bogoslovskii entsiklopedicheskii slovar'. [Full Orthodox theological encyclopedic dictionary]. T. II. St. Petersburg, 672 p. [in Russian]
- Shakhnovich, Chumakova, 2017** – *Shakhnovich M. M., Chumakova T. V.* (2017). Iz istorii religiovedeniya v Rossii: izuchenie istorii khristianstva (vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.) [From the history of Religious Studies in Russia: The study of the History of Christianity (in the second half of the 19-th – early 20-th century)]. *Bylye gody*, 46 (4), pp. 1345-1356. [in Russian]
- Shaposhnikov, 2006** – *Shaposhnikov L.E.* (2006). Konservatizm, modernizm i novatorstvo v russkoi pravoslavnoi mysli XIX-XXI vekov. [Conservatism, modernism and innovation in the Russian Orthodox thought of the 19-th – 21-st centuries]. 2-nd ed. Saint-Petersburg, 327 p. [in Russian]
- Sukhova, 2007** – *Sukhova N.Yu.* (2007). Vertograd nauk dukhovnyi: sbornik statei po istorii vysshego dukhovnogo obrazovaniya v Rossii XIX – nachala XX veka. [Garden of Religious sciences: collection of articles on the history of higher Religious education in Russia of the 19-th – early 20-th century]. Moscow, 382 p. [in Russian]
- Sukhova, 2012a** – *Sukhova N.Yu.* (2012). Vysshaya dukhovnaya shkola: problemy i reformy (vtoraya polovina XIX v.). [Higher Religious school: problems and reforms (the second half of the 20-th century)]. Moscow, 658 p. [in Russian]
- Sukhova, 2012b** – *Sukhova N.Yu.* (2012). Sistema nauchno-bogoslovskoi attestatsii v Rossii v XIX – nachale XX v. [System of scientific and theological certification in Russia in the 19-th – early 20-th century]. 2-nd ed. Moscow, 676 p. [in Russian]
- Sukhova, 2012c** – *Sukhova N.Yu.* (2012). Russkaya bogoslovskaya nauka (po doktorskim i masterskim dissertatsiyam 1870 – 1918 gg.). [Russian theological science (on doctoral and master's theses for 1870 – 1918)]. Moscow, 374 p. [in Russian]
- Svetlov, 1897** – *Svetlov P. Ya.* (1897). O meste bogosloviya v sem'e universitetskikh nauk. [On the place of theology in the family of university sciences]. Kiev, pp. 18 [in Russian]
- Svetlov, 1904** – *Svetlov P.Ya.* (1904). Ideya Tsarstva Bozhiya v ee znachenii dlya khristianskogo mirosozertsaniya. (Bogoslovsko-apologeticheskoe issledovanie). [The idea of the Kingdom of God in its meaning for the Christian worldview. (Theological and apologetic research)]. Svyato-Troitskaya Sergieva lavra, 462 p. [in Russian]
- Svetlov, 1906a** – *Svetlov P.Ya.* (1906). O neobkhodimosti bogoslovskikh fakul'tetov v universitetakh ili o reforme vysshego religioznogo obrazovaniya v Rossii. [On the need for the theological departments in universities or on the reform of higher Religious education in Russia]. Kiev, 30 p. [in Russian]
- Svetlov, 1906b** – *Svetlov P.Ya.* (1906). O reforme dukhovnogo obrazovaniya v Rossii. [On the reform of Religious education in Russia]. St. Petersburg, 12 p. [in Russian]
- Svetlov, 1906c** – *Svetlov P.Ya.* (1906c). Pochemu Dukhovnye akademii dolzhny byt' zameneny bogoslovskimi fakul'tetami» [Why theological academies should be replaced by the theological departments]. St. Petersburg, 16 p. [in Russian]
- Svetlov, 1914** – *Svetlov P.Ya.* (1914). Religiya i nauka [Religion and science]. St. Petersburg, 173 p. [in Russian]
- Tarasova, 2005** – *Tarasova V.A.* (2005). Vysshaya dukhovnaya shkola v Rossii v kontse XIX – nachale XX veka. Istoriya imperatorskikh pravoslavnykh dukhovnykh akademii. [Higher Religious school in Russia in the late 19-th – early 20-th century. History of the Imperial Orthodox theological academies]. Moscow, 567 p. [in Russian]
- ZhPP, 1907** – *Zhurnaly i protokoly zasedanii Vysochaishe uchrezhdennogo Predsobornogo Pristutsviya. T. IV.* (1907). Zhurnaly zasedanii V Otdela № 8-30 [Journals and records of the meetings of the Highly established Office Preceding the All-Russia Church Local Council. Vol. IV. Journals of the 8-30 meetings of the V-th Department]. Saint-Petersburg, 272 p. [in Russian]

Профессор-протоиерей П.Я. Светлов о проблемах развития высшего богословского образования в Российской империи в конце XIX – начале XX в.

Герман Евгеньевич Боков ^{a, *}, Михаил Станиславович Стецкевич ^a, Елена Сергеевна Стецкевич ^b

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

^b Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации, Российская Федерация

Аннотация. Статья подготовлена на основе изучения богословских и полемических трудов профессора богословия Императорского университета Св. Владимира в Киеве, протоиерея Павла Светлова, написанных им в конце XIX – начале XX в. Его работы еще не становились предметом специального исследования в современной историографии. В данной статье внимание уделяется его публикациям, посвященным реформам высшего богословского образования в Российской империи. Такую формулировку проблемы предложил он сам, поскольку в церковных кругах в тот период обсуждалось проведение только очередной духовной реформы. Однако, как утверждал Светлов, богословие – это наука, которая может развиваться только «в семье» университетских наук. По его мнению, введение богословских факультетов будет полезно и для самого университета, и для Русской церкви, и для Российского государства.

В своих публикациях Светлов указывал на недостатки духовного образования, ставшие вполне очевидными в начале XX в. Он был одним из активных участников заседаний Предсоборного Присутствия 1906 г., на котором обсуждался целый комплекс церковных проблем, включая вопросы духовного образования. Светлов проявил себя как яркий полемист, отстаивавший свое «особое мнение» о немедленной замене духовных академий богословскими факультетами, которое, однако, не было поддержано как излишне радикальное.

В предлагаемой публикации дискуссии о высшем богословском образовании в российском обществе начала XX в. рассматриваются с опорой на классические принципы строгого историзма и научной объективности.

Ключевые слова: протоиерей П.Я. Светлов, православие, Российская империя, Русская церковь, Предсоборное Присутствие, духовные академии, богословие, императорские университеты, наука, духовное образование.

* Корреспондирующий автор

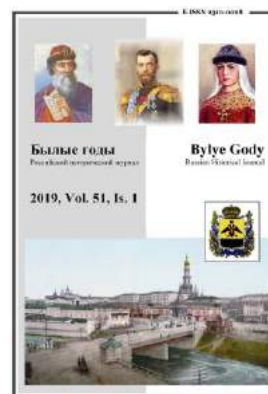
Адреса электронной почты: g.bokov@spbu.ru (Г.Е. Боков), m.stetckevich@spbu.ru (М.С. Стецкевич), stetskevich-es@ranepa.ru (Е.С. Стецкевич)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 51. Is. 1. pp. 314-324. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.1.314
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Standards of Corporate Ethics in the Russian University Environment in the late XIX – early XX century

Mikhail V. Gribovskiy ^{a, *}, Alexander N. Sorokin ^{a, b}

^a National research Tomsk state university, Russian Federation

^b Tyumen State University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the norms of corporate ethics that have developed in the Russian university environment of the late XIX – early XX century. The study, carried out by the method of situational analysis (case method), is based on materials extracted by the authors from the Russian (State Archives of the Russian Federation, the National Archives of the Republic of Tatarstan, the Central State Archives of Moscow) and foreign (State Archives in Warsaw, State Archives of the Odessa Region) archives. It is emphasized that the university lecturers of pre-revolutionary Russia were a rather cohesive professional community, and the forms of manifestation of professional identity consisted in their active participation in the discussion of the "university issue", attempts at self-organization, and the existence of similar ethical principles on which the value system of the university person was based. Development by an University of corporate ethics rules, following them were an integral part of this system of values. The following norms of behavior developed in the Russian university lecturer environment of the turn of the XIX–XX centuries are distinguished: manifestation of nobility towards colleagues, observance of subordination, demonstration of mutual respect, scientific objectivity, striving for scientific truth, prevalence of university interests over personal ones. It is concluded that the presence of similar ideas about corporate and scientific ethics, written and unwritten norms of service at the university, facilitated the infusion of the professor into the new lecturer collegium when moving to a new university, and the observance of ethical standards helped to correctly resolve the sensitive issues that arose at work.

Keywords: university, professors, privat-docents, corporate ethics, scientific ethics, norms of conduct, corporation, Russian Empire.

1. Введение

Дореволюционная университетская история, отдаленная от нас более чем на столетие, неизменно оставалась в фокусе исследовательского внимания, но подходы к изучению университета за прошедшее время заметно эволюционировали: от юбилейных изданий через акцентирование внимания на революционном движении и политической истории к интересу к социальным, культурным аспектам. Учитывая то, что Университет – это, в первую очередь, совокупность людей, последний, антропологический, подход представляется наиболее продуктивным.

Социальная история университета не может обойтись без обращения к феномену университетских преподавательских сообществ, и в частности к теме правил и норм поведения, сложившихся внутри них. Важность изучения последнего аспекта определяется тем, что наличие схожих этических принципов и следование нормам корпоративной этики можно назвать проявлением профессиональной идентичности университетских преподавателей, поэтому для формирования цельного представления о дореволюционном университете важно определить сущность устоявшихся тогда правил отношений между «университетскими людьми».

* Corresponding author

E-mail addresses: mgrib@mail2000.ru (M.V. Gribovskiy), soranhist@yandex.ru (A.N. Sorokin)

Злободневность теме исследования придает тот факт, что в последние годы университеты все чаще начинают задумываться о необходимости создания и внедрения в повседневную практику этических кодексов, что актуализирует обращение к историческим основаниям таких инициатив.

2. Материалы и методы

Историческая реконструкция норм поведения внутри университетских коллективов требует привлечения разнообразных источников. Представления современников о норме и патологии поведения «университетского человека» нашли отражение в делопроизводственных документах (протоколах заседаний университетских и факультетских советов, докладах, записках, рапортах комиссий по разным вопросам), публицистике и, разумеется, в источниках личного происхождения – воспоминаниях, дневниках (особенно широко привлекался дневник московского профессора М.М. Богословского). Значительная часть привлеченного для исследования материала была извлечена авторами из российских (Государственный архив Российской Федерации, Национальный архив Республики Татарстан, Центральный государственный архив Москвы) и зарубежных (Государственный архив в Варшаве/Archiwum Państwowe w Warszawie, Государственный архив Одесской области) архивов.

Помимо общенаучных и привычных специальных исторических методов (историко-типологического, историко-сравнительного), в исследовании был широко применен метод ситуационного анализа – углубленное исследование конкретных ситуаций, событий, казусов для атрибутики их как уникальных или, напротив, типичных, отражающих объективную реальность исследуемой эпохи. Реконструкция отношений внутри преподавательских коллективов продиктовала необходимость привлечения конкретных многочисленных примеров-казусов, демонстрирующих сложившиеся между людьми правила поведения.

3. Обсуждение

Понимание важности анализа феномена Университета в человеческом измерении наметило переход от преимущественного изучения функционирования отдельных элементов университетской системы к социальным, антропологическим и историко-культурным аспектам, чему во многом способствовали труды немецкого исследователя Т. Маурер. Ее монография «Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur russischen Sozial- und Bildungsgeschichte»/«Преподаватели высшей школы в царской России. К изучению российской социальной истории и истории образования» (Maurer, 1998) стала значительным событием в историографии русских университетов как социальных институтов. Фактически, именно Т. Маурер предложила и российским исследователям сместить акценты при постижении прошлого российских университетов с «изучения университетских уставов» на изучение людей и условий их деятельности.

Российские исследователи откликнулись на это предложение. В отечественной историографии в последние 10–15 лет обозначился интерес к истории университетских внутрикорпоративных отношений. Их применительно к разным университетам сегодня изучают Н.Н. Алеврас, А.В. Антощенко, Л.А. Бушуева (Сазонова), Н.В. Гришина, А.Н. Дмитриев, Е.А. Ростовцев (Алеврас, Гришина, 2012; Антощенко, 2002; Бушуева, 2011; Дмитриев, 2013; Ростовцев, 2012). Частным случаем анализа внутрикорпоративных отношений можно признать «университетскую конфликтологию» – работы, в которых через характеристику конфликтных ситуаций реконструируются отношения внутри преподавательской коллегии (Ермичев, 2003; Свешников, 2005; Вишленкова, 2008; Беляева, 2011; Никифоров, 2014; Fominykh, Stepanov, 2018).

Заметим, что, как правило, упомянутые исследования носят локальный (либо с точки зрения географии, либо с точки зрения научной специализации) характер и лишь отчасти затрагивают тему норм поведения, сложившихся в дореволюционном университете. Отсюда вытекает потребность взглянуть на данную проблему цельно.

4. Результаты

Проведенные ранее исследования привели авторов данной статьи к выводу о том, что университетские преподаватели дореволюционной России представляли собой довольно сплоченное профессиональное сообщество, и формы проявления профессиональной идентичности заключались в их активном участии в обсуждении «университетского вопроса» (как признак равнодушия к судьбам университета), попытках самоорганизации, а также наличии схожих этических принципов, на которых базировалась система ценностей университетского человека (Gribovskiy, Sorokin, 2014). Органической частью этой системы ценностей стоит считать выработку университетом норм корпоративной этики и следование им.

Попробуем выявить базовые элементы корпоративной этики, сформировавшейся в университетской среде к концу XIX – началу XX вв., т.е. в период зрелого, сложившегося отечественного университета кануна финала имперской эпохи. Это можно сделать, проанализировав зафиксированные в исторических источниках многочисленные кейсы, отражающие различные стороны университетской жизни.

Разберем выявленные нормы ниже.

Проявление благородства. Источники доносят до нас немало случаев поведения университетских преподавателей по отношению друг к другу, которые можно объединить понятием «благородство»: великодушие, бескорыстие, щедрость, скромность – как его составные элементы.

Довольно часто подобное поведение проявлялось при решении кадровых вопросов. Вот как вспоминал профессор Санкт-Петербургского университета (ИСПБУ) А.А. Иностранцев обстоятельства, связанные с поступившим ему в 1880-х гг. приглашением читать лекции в Академии Генерального штаба: «Лектором у них был академик Шренк, которым, по-видимому, М.И. [Драгомиров – начальник Академии] был очень недоволен. Я решительно отказывался, считая себя вполне обеспеченным имеющимся заработком [...]. В то же время я считал и неудобным содействовать удалению Шренка из Академии – могли принять замену Шренка мною за интригу». А.А. Иностранцев принял приглашение читать лекции в Академии Генерального штаба только после отказа Л.И. Шренка от службы там (Иностранцев, 1998: 130–131).

В связи с характеризуемым сюжетом сошлемся на исследование С.Г. Карпюка, который, разобрав случай, связанный с тем, как сложно в 1900–1902 гг. шел процесс замещения оказавшейся вакантной кафедры древнеклассической филологии Московского университета (ИМУ), сделал вывод о том, что «российские антиковеды стремились к академической карьере, но отнюдь не любой ценой» (Карпюк, 1993: 181).

Следование норме благородного поведения можно увидеть в ярком кейсе, относящемся к 1911 г., известном как «дело Кассо» (по фамилии министра народного просвещения), – уходе из ИМУ в знак солидарности с коллегами 130 профессоров и приват-доцентов. Суть дела заключалась в том, что 28 января 1911 г. в ответ на министерские циркуляры, урезавшие университетскую автономию, профессора ИМУ ректор А.А. Мануйлов, проректор П.А. Минаков и помощник ректора М.А. Мензбир подали в отставку. 2-го февраля отставка была принята, что было воспринято профессурой как нежелание министерства идти на диалог и инициировало их отставку в знак солидарности с руководством университета.

Когда массовая отставка в ИМУ состоялась, то оказалось вакантно большое количество кафедр. Солидарность с ушедшими выражалась в действиях преподавательского сообщества в отношении образовавшихся вакансий. Согласно агентурным данным департамента полиции от 23 февраля 1911 г., среди левых профессоров и приват-доцентов всех университетов велась «агитация ... бойкота московских вакантных кафедр» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 177. Л. 73).

Впрочем, абсолютизировать профессорскую солидарность тоже не стоит. Из дневниковых записей профессора А.Н. Савина следует, что часть экстраординарных профессоров, оставшихся в ИМУ, поторопилась подать прошения и занять вакантные ординатуры. А.Н. Савин сообщает, что медики это сделали к 19 марта, а 23 марта четыре освободившиеся кафедры были уже заняты. Автор дневника (который, между прочим, сам не подавал в отставку) квалифицировал эту ситуацию следующим образом: «Это печальный и грозный признак нравственного разложения в профессорской среде» (Шарова, 2010: 284).

Научный интерес представляет взгляд на «дело Кассо» со стороны оставшихся в ИМУ профессоров. Возможность получить представление об этом дает дневник умеренно правого по взглядам профессора М.М. Богословского. То, что М.М. Богословский не последовал примеру ушедших, он объяснял следующим образом: «Я остался в Университете, потому что считал уход совершенно неправильным ... Я правильно поступил, заняв пустую, за уходом Кизеветтера, кафедру, [иначе] был бы на нее посажен Довнар-Запольский или кто-либо еще хуже и расплодил бы здесь свою школу. Я же сохранил для московской кафедры традиции ... В.О. Ключевского, оберег их в чистоте и этим имею право гордиться» (Богословский, 2011: 165).

Ситуация коренным образом изменилась после Февральской революции. В марте было принято министерское постановление, рекомендовавшее уволить из университетов всех профессоров, назначенных после 1905 г. без прохождения процедуры выборов. В первую очередь это затронуло именно Москву из-за казуса 1911 г. Перед необходимостью пройти через увольнение и дальнейшую процедуру избрания оказался и М.М. Богословский. Эта история окончилась для него благополучно: в конце апреля 1917 г. М.М. Богословский был вновь избран на профессорскую должность, что можно интерпретировать как пример того, как в университетской среде сохранялись нормы поведения, несмотря на произошедшие принципиальные политические изменения.

В дневнике того же М.М. Богословского можно найти пример отступления преподавателя от нормы, предполагавшей скромность в вопросах служебного продвижения: он зафиксировал диалог между своими сослуживцами, состоявшийся 28 апреля 1917 г.: «Яковлев, обращаясь ко всем нам, сказал, что вот уже он 11 лет приват-доцент и как только получит докторскую степень, желает, чтобы его сделали сверхштатным экстраординарным профессором, и потребовал, чтоб товарищи его высказались о нем, начиная с Матвея Кузьмича [Любавского]. Это заявление, как я заметил, было для всех полнейшей неожиданностью. М.К. [Любавский] нашелся сказать, что затруднение тут будет в общем вопросе, нужна ли вообще еще одна профессура. Кизеветтер говорил, что вопрос надо решать лично, применительно именно к Яковлеву и что он готов решать его положительно. Яковлев обратился ко мне, но я сказал, что я пока человек, стоящий вне Университета, и предпочел высказаться Готье. Готье сказал несколько каких-то слов, видимо, был застигнут врасплох. Затем я

сказал, что понимаю чувства А.И. Я[ковлева]: сам я был 13 лет приват-доцентом, из них два года в докторской степени, и что докторская степень Московского университета, по-моему, вполне дает права на такое высокое положение» (Богословский, 2011: 179). Переданное М.М. Богословским замешательство профессоров, очевидно, было вызвано тем, что прямое требование А.И. Яковлева высказаться об его служебных перспективах было воспринято аудиторией как в известной степени беспардонный поступок, впрочем, пожалуй, допустимый в силу товарищеских отношений собеседников. Заметим, что в течение 1917 г. А.И. Яковлев, действительно, защитит докторскую диссертацию и будет избран профессором историко-филологического факультета.

Еще одна область, где проявлялась названная норма корпоративной этики, была связана с феноменом гонорара (по университетскому уставу 1884 г. студенты должны были вносить дополнительную плату за слушание лекций в пользу преподавателей). Дискуссия, развернувшаяся в университетских кругах вокруг этой темы, дает интересный материал о представлениях профессоров относительно норм поведения в преподавательском коллективе (Грибовский, 2018).

Относительно того, какое влияние гонорар оказывал на взаимоотношения внутри преподавательского коллектива, многие современники имели схожее представление. Они полагали, что новая система стала фактором, способным серьезно расстроить отношения между коллегами.

Профессор медицинского факультета Казанского университета (ИКУ) А.Я. Щербаков выразил эту мысль так: «Положим, кто-либо обращается с просьбой о прибавке часов, то в этом случае товарищам по факультету трудно отрешиться от той мысли, что обращающееся с такою просьбою лицо имеет между прочим в виду увеличения для себя гонорарного вознаграждения. Одна эта мысль нередко в состоянии заставить неправильно отнестись к педагогическим нуждам товарища. И единственно ввиду этого многие молчат о своих нуждах или просят о прибавке часов, неоплачиваемых гонораром. ... Еще щекотливее вопрос об уменьшении часов преподавания, если он возбуждается не самим преподавателем данного предмета ... Чего доброго, это сочтется как бы посягательством на карман своего товарища» (НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 9674а. Л. 18 об., 22 – 22 об.).

Профессора Харьковского университета (ИХУ) отмечали, что преподаватель в крайне редких случаях мог открыть курс, параллельный читаемому другим профессором, так как такой курс имел бы «характер посягательства на гонорар своего коллеги по факультету, а это обстоятельство могло бы иметь неприятные последствия личного характера, и потому совершенно неудивительно, что конкуренции между профессорами система гонорара не возбудила». Гонорарная система – заключала комиссия ИХУ – «развивает не конкуренцию, а зависть между университетскими преподавателями, заставляет их иной раз искать дешевой популярности между студентами, имеет своим последствием понижение экзаменационных требований» (Доклад комиссии, 1897: 17, 21). Аналогичная мысль звучала и в докладе профессора Новороссийского университета (ИНУ) А.Н. Деревницкого в ходе работы Комиссии по преобразованию высших учебных заведений (1902 г.): «в среду профессоров гонорар внес чувства розни, взаимного отчуждения, зависти, недоброжелательности, а иногда и враждебности» (Труды, 1903: 295).

С приведенными выше словами об определенных неудобствах морального свойства, которые испытывали преподаватели, вынужденные ходатайствовать об увеличении учебной нагрузки, перекликается фраза профессора Варшавского университета (ИВУ) В.Н. Ульянина о практике принятия решений об отправлении преподавателей в командировку (1888 г.): «всякая попытка обсуждения представленных ходатайствующим мотивов ... превращается в личное против ходатайствующего действие; понятно, что на факультетах и не может привиться желательное обсуждение представленных мотивов командировки. Поступившие в факультеты ходатайства обыкновенно заслушиваются и все утверждаются без обсуждений или же ... без предварительных обсуждений баллотироваться закрытой подачей голосов» (АРВ. Z. 214. S. 398. k. 476). Как видим, профессорской корпорации была свойственна определенная деликатность, которая, впрочем, могла служить и дурную службу для интересов университета в целом.

Соблюдение субординации. Одной из особенностей преподавательской университетской корпорации, которая роднила ее с чиновничеством, была иерархичность; занятие той или иной ступени служебной лестницы не только определялось установленным порядком, но и подкреплялось чинами и званиями. Иерархия преподавательских должностей в университетах была выстроена в следующей последовательности: приват-доценты – лекторы – доценты (в Дерпте/Юрьеве и Варшаве) – сверхштатные экстраординарные профессора – исправлявшие должность (и.д.) экстраординарных профессоров – экстраординарные профессора – сверхштатные ординарные профессора – и.д. ординарных профессоров – ординарные профессора – заслуженные ординарные профессора.

Любая иерархия отличается известной стройностью, но в рассматриваемый период было два обстоятельства – феномен приват-доцентуры и наличие «исправлявших должность» экстраординарных и ординарных профессоров – которые играли роль раздражающего фактора, внося дисбаланс в стройную схему и порождая внутрикорпоративные дискуссии.

Поскольку соблюдение субординации входило в число очевидных правил общения в университетской среде, в источниках отложились не очень многочисленные, но резонансные примеры несоблюдения этой нормы.

Не вполне определенный статус приват-доцентов порой вызывал конфликты на почве несоблюдения правил субординации. Необычный случай произошел в ИМУ в 1887 г. В феврале 1887 г. в «Русских ведомостях» было опубликовано письмо приват-доцента Д.М. Петрушевского с указанием искажений в перечне его трудов, допущенных в университетском отчете за 1886 г. ([Русские ведомости. 1887. 3 февраля](#)). Этот казус вызвал неудовлетворение со стороны университетских властей. Ректор Н.П. Боголепов писал попечителю П.А. Капнисту: «Должное отношение к университету требовало, чтобы он, принадлежа к его составу и касаясь служебных дел, к коим лично причастен, просил ректора о публикации поправок от имени университета. ... Письмо г. Петрушевского, неудовлетворительное со стороны формы и содержания, ставит в неблагоприятное положение некоторые органы университета». Сам ректор полагал, что причиной ошибок было то, что Д.М. Петрушевский подал сведения о своих трудах неразборчивым почерком. Ректор вызвал Д.М. Петрушевского к себе для разъяснений. Последний не принял замечаний начальства («г. Петрушевский поставил мне на вид, что он не подчиняется ректору»), что дало повод ректору в письме на имя попечителя рассуждать о проблеме приват-доцентуры в целом ([ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4940. Л. 1 об., 2 об.](#)).

Пример неподчинения приват-доцента ректору приведен в сообщении (1898 г.) ректора ИМУ Н.А. Зверева попечителю учебного округа П.А. Некрасову. В сообщении без указания имен описывается случай, произошедший 10 февраля: декан одного из факультетов не смог начать вовремя занятие по той причине, что «приват-доцент не прекратил своевременно своей лекции, но и читал ее сверх определенного времени еще 37 минут. По окончании лекции г. декан обратил внимание вошедшего в профессорскую комнату приват-доцента на то, что он почти на сорок минут передержал студентов на своей лекции и что это обстоятельство лишило его возможности своевременно начать собственную лекцию. На это замечание г. декана приват-доцент раздраженным и повышенным тоном ответил: “А позвольте Вас спросить: какое Вы имеете право делать мне замечание?”». Позже приват-доцент, правда, признал свою неправоту ([ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4922. Л. 11–11 об.](#)).

Приведенные выше казусы можно считать косвенной иллюстрацией кризиса монопольного права профессуры на решение университетских дел. Допущение приват-доцентов в университетские Советы, произошедшее в 1917 г., а также возвращение штатной доцентуры, последовавшее за окончанием имперского периода, продемонстрирует дальнейшее углубление процесса демократизации университетов.

Демонстрация взаимного уважения. Еще одной нормой поведения нужно назвать демонстрацию взаимного уважения. В силу широты этого понятия следует выделить несколько различных проявлений.

Вхождение в преподавательскую корпорацию нового члена обставилось определенным ритуалом. Так, при вступлении в должность профессора читали вступительную лекцию, о чем извещались все прочие преподаватели университета, и считалось хорошим тоном эти лекции посетить. Неформальная часть вхождения в корпорацию заключалась в том, что при назначении (или избрании) в университет профессору полагалось «делать визиты» коллегам-профессорам. Так, профессор И.А. Малиновский, прибывший в Томск в 1898 г., вспоминал: «Я делал визиты членам Совета. Отдавали визиты обыкновенно в мое отсутствие» ([Малиновский, 2014: 287](#)). Как видим, этикет предписывал «отдать визит», то есть совершить ответное посещение дома коллеги.

Встречаются указания и на «визиты соболезнования» по поводу увольнения одного из профессоров ([Мягков, Филимонов, 2010: 171](#)), на прощальные визиты в связи со сменой места службы ([Корелин, 2014: 392](#)).

Заметим, что в источниках нашли отражение и редкие случаи отступления от элементов этой нормы. Например, В.В. Вересаев, учившийся на рубеже 1880-х–1890-х гг. на медицинском факультете ИДУ, оставил такое воспоминание о обстоятельствах, связанных с женитьбой профессора анатомии Августа Раубера на своей прислуге: «Женитьба эта произвела в дерптском обществе скандал, Раубер с женою сделал визиты коллегам-профессорам: никто визита не отдал. Раубер стал жить одиночкой» ([Вересаев](#)).

Элементом нормы корпоративной этики было уважение к чужим взглядам. Так, профессор юридического факультета ИЮУ Б.В. Никольский писал в 1914 г. в Особом мнении по поводу избрания одного из претендентов на вакантную кафедру энциклопедии и философии права: «Первое требование к ученому – достоинство и прямота. Он должен быть исповедником своих учений, а не проводить их контрабандою ... Он должен говорить все или молчать. Так, ученый может быть твердо уверен в неизбежности преобразования России в социал-демократическую федерацию и считать наш самодержавный монархический строй обреченным на полную гибель; даже не соглашаясь с ним, мы будем уважать его мнения и признаем их неверными, но учеными теориями» ([ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1373. Л. 15](#)). Заметим, что сам Б.В. Никольский являлся горячим сторонником именно самодержавного устройства России.

Отметим, что, по замечанию харьковского исследователя С.И. Посохова, в научной среде России именно конца XIX в. была сформирована практика ссылок на предшественников в изучении темы, что вполне можно квалифицировать как знак уважения к чужому ученому труду. Это явление наглядно иллюстрируется словами приват-доцента ИСПБУ В.И. Семейского о своей диссертации:

«Не сказать ничего о литературе, не воздать должного моим предшественникам [...] будет с моей стороны научным неприличием» (Посохов, 2012: 138).

Разумеется, сложно было бы ожидать, что норма уважительного отношения к коллегам соблюдалась бы беспрекословно. Тот же профессор М.М. Богословский в дневнике, изначально не предназначавшемся для публикации, мог позволить себе дурно отзываться о профессиональных качествах коллег, включая учителей. Так, 20 октября 1915 г. он писал о профессоре ИНУ И.А. Линниченко, планировавшем перебраться в Москву: «Будет совсем лишний и ненужный. Величина не из таких, какие желательно бы приобретать. Я, между прочим, его ученик... Он нам читал историю Польши, но именно учил тому, как не надо читать лекции» (Богословский, 2011: 47).

Научная объективность (непредвзятость, беспристрастность). С вопросами научной этики университетские преподаватели чаще всего сталкивались в связи с процедурой защит диссертаций.

Одна из распространенных проблем была связана с необходимостью давать объективные отзывы на научные работы, несмотря на товарищеские отношения с диссертантом или его научным наставником. Вспоминая о временах действия Устава 1863 г., профессор И.А. Линниченко писал: «Научный этикет рекомендовал защиту докторской диссертации в чужом университете, у признанных научных авторитетов – этим избегали упрека в кумовстве, семейном деле, товарищеской услуге» (ГАОО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 21. Л. 7).

На страницах дневника М.М. Богословского эта тема поднимается неоднократно. 14 ноября 1915 г.: «Приходил ... Марков, кончивший Духовную академию и издавший переписку Победоносцева с Субботиным ... Это издание он представил в Академию в качестве магистерской диссертации. Если бы дело шло о степени магистра для Победоносцева или Субботина – другое бы дело! Но работа Маркова выразилась только в комментариях исключительно справочного характера. Я говорил ..., чтобы посоветовали ему взять диссертацию обратно... Нас это избавляет от неприятнейшей обязанности писать отрицательный отзыв [курсив наш – авт.] и отвергать книгу» (Богословский, 2011: 51).

2 сентября 1916 г.: «Толковали [...] о книге Веселовского, а также о диссертациях Яковлева... Ну стоило ли тратить столько времени и сил на этот ничтожный Приказ сбора ратных людей, о котором написана ... диссертация [Яковлева]! Ведь это предмет для небольшой статьи – не более того». 3 сентября. «Начал писать рецензию на книгу Веселовского, и выходит довольно резко, но, кажется, справедливо. Знакомство тут ни при чем, передаю правдиво свои впечатления [курсив наш – авт.]» (Богословский, 2011: 117). 22 сентября 1916 г.: «Я считаю книгу Веселовского полной недостатков и не вижу решительно причин проводить ее ... без диспутов ... Диспут тем хорош – что это игра в открытую. Каждый может прийти и высказаться о достоинствах и недостатках книги. Зачем же с В[еселовским] действовать втихомолку?» (Богословский, 2011: 122).

Пример нарушения научной этики, применительно к защите диссертации, нашел отражение в случае, зафиксированном в дневниковых записях профессора ИМУ Н.П. Боголепова (позднее – ректора, попечителя московского учебного округа и министра народного просвещения). В записях за март 1895 г. встречается указание на неприятный эпизод, затронувший его и профессора Ю.С. Гамбарова. Эпизод касался оценки магистерской диссертации Гусакова. Н.П. Боголепов ее оценивал низко, а Ю.С. Гамбаров, напротив, высоко. По дошедшим до Н.П. Боголепова сообщениям, Ю.С. Гамбаров требовал изменения мнения Н.П. Боголепова об обсуждавшейся диссертации, иначе он, «в свою очередь, сочтет своим долгом очень внимательно прочесть диссертацию Хвостова», являвшегося учеником Н.П. Боголепова. «Другими словами, Гамбаров желал дать мне понять, что если я не пропущу диссертацию его приятеля, то он прижучит моих учеников» (Страница из жизни, 1913: 60). Угроза предвзятого отношения к диссертантам, разумеется, воспринималась Н.П. Боголеповым как пример неэтичного поведения профессора Ю.С. Гамбарова.

Стремление к научной истине. Приват-доцент ИСПБУ И.Ю. Крачковский в своих воспоминаниях описывал случай, связанный с защитой магистерской диссертации приват-доцента факультета восточных языков А.Э. Шмидта, на которой сам он выступал оппонентом. Незадолго до диспута И.Ю. Крачковским был обнаружен новый важный исторический источник (рукопись), неизвестный А.Э. Шмидту и, соответственно, не нашедший отражения в его работе. Зная щепетильность А.Э. Шмидта, с которым И.Ю. Крачковского связывали товарищеские отношения, И.Ю. Крачковский, по его словам, сначала не хотел информировать А.Э. Шмидта о своей находке, опасаясь, что тот примет решение снять диссертацию с защиты («зная характер А.Э. Шмидта, я чувствовал, что сказать о ней [рукописи] – значит вызвать в нем приступ отчаяния и, может быть, навсегда расстроить только что наладившееся его возвращение к научной работе»), но позже рассказал о ней («утаить открытие до какого-нибудь срока после диссертации не позволяла мне научная совесть»). И.Ю. Крачковский вспоминает: «Под первым впечатлением он хотел взять свою диссертацию обратно и отложить получение степени. Большого труда мне стоило убедить его не делать этого, а предоставить все своему течению» (Крачковский, 1982: 142–143).

Преобладание интересов университета над личными. Для большинства профессоров было характерно возведение университета как социального явления на наивысшую ступень общественной и государственной жизни.

Как добродетель в корпорации воспринималось и следование известной поговорке, призывающей «не выносить сор из избы». Показателен в этом отношении фрагмент оправдательной речи упомянутого выше Б.В. Никольского, выступавшего адвокатом на процессе против бывшего профессора ИСПБУ А.И. Соболевского, который обвинялся в клевете в адрес руководства университета и был оправдан: «Акад[емик] Соболевский, – говорил адвокат, – ушел, не дослужив полгода до полной пенсии...; но, и уйдя оттуда, он не дал воли своему негодованию, он молчал, он не считал совместимым со званием члена корпорации, со своим достоинством, под влиянием политики, публично выступать» (ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1443. Л. 201). Обратим внимание в приведенном фрагменте на почтительное отношение к университету и университетской корпорации как таковой, несмотря на идейные расхождения А.И. Соболевского с большинством коллег.

5. Заключение

На фоне многочисленных конфликтных ситуаций и наличия «партий» внутри преподавательских коллективов каждого университета, что было типично для рубежа XIX–XX вв., казалось бы, о корпоративной этике говорить не приходится. Но факты доказывают, что соблюдение этики отношений между членами преподавательского коллектива во всяком случае входило в представление о норме, хотя и нередко вступало в противоречие с реальностью. Соблюдение этических норм могло помочь корректно разрешить щекотливые вопросы, возникавшие на службе, которые чаще всего проявлялись при замещении должностей, во время процедуры подготовки и защиты диссертаций.

Наличие схожих представлений о корпоративной и научной этике, о писанных и неписанных нормах несения службы в университете облегчало вливание профессора в состав новой преподавательской коллегии при смене университета. И.М. Сеченов, занявший в 1891 г. кафедру физиологии в ИМУ, а прежде много лет служивший в ИСПБУ, отмечал в воспоминаниях: «За все десять лет ни разу не почувствовал себя пришельцем в чужое гнездо» ([Автобиографические записки, 1945: 166](#)).

Обобщение многочисленных кейсов, зафиксированных в исторических источниках, позволяет составить следующий перечень норм корпоративной этики в университетской среде: проявление благородства в отношении коллег, соблюдение субординации, демонстрация взаимного уважения, научная объективность, стремление к научной истине, преобладание интересов университета над личными.

Пожалуй, следует признать, что выработанные к концу XIX в. правила поведения в университете не устареют в дальнейшем, а, пережив советский XX в., вполне будут восприняты и в веке XXI.

6. Благодарности

Выявление норм научной этики в данном исследовании выполнено при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ (проект № 8.1.31.2018).

Выявление норм корпоративной этики в данном исследовании выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00121).

Изучение кейса приват-доцентуры было выполнено в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых-кандидатов наук (проект МК-2268.2018.6).

Литература

[Автобиографические записки, 1945](#) – Автобиографические записки Ивана Михайловича Сеченова. М., 1945. 185 с.

[Алеврас, Гришина, 2012](#) – *Алеврас Н.Н., Гришина Н.В.* Российский корпус магистрантов-историков: проблемы конструирования корпоративной институции и образа магистранта (вторая половина XIX – начало XX вв.) // *Историческая наука и образование в России и на Западе*. М., 2012. С. 169–172.

[Антощенко, 2002](#) – *Антощенко А.В.* История одной профессорской отставки // *Казус. Индивидуальное и уникальное в истории*. 2002. № 4. С. 234–274.

[Беляева, 2011](#) – *Беляева О.М.* Академическое сообщество Петербургского университета в ректорство Э.Д. Гримма. Конфликты в профессорской среде // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. 2011. № 34. С. 215–235.

[Бушуева, 2011](#) – *Бушуева Л.А.* Профессорская корпорация Казани в эпоху перемен: межличностные коммуникации университетских людей (начало XX века) // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. 2011. № 36. С. 248–266.

[Вересаев](#) – Викентий Викентьевич Вересаев. Воспоминания. Библиотека русской литературы. [Электронный ресурс]. URL: [brusl.ru: http://brusl.ru/index.php?dn=article&to=art&id=1635&p=1](http://brusl.ru/index.php?dn=article&to=art&id=1635&p=1) (дата обращения: 03.06.2018).

[Вишленкова, 2008](#) – *Вишленкова Е.А.* Память о конфликтах: особенности архива Казанского императорского университета // *Эхо веков*. 2008. № 2. С. 248–257.

ГАОО – Государственный архив Одесской области.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Грибовский, 2018 – Грибовский М.В. Профессорский гонорар как зеркало университетского вопроса конца XIX – начала XX века // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. 2018. № 62. С. 144–163.

Дмитриев, 2013 – Дмитриев А.Н. Статусы знания (о социальных маркерах эволюции российского университета первой трети XX века). *Новое литературное обозрение*. 2013. № 4 (122). [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2013/122/16d.html> (дата обращения: 17.06.2018).

Доклад комиссии, 1897 – Доклад комиссии, избранной Советом Императорского Харьковского университета, для обсуждения вопроса о системе вознаграждения преподавателей университета, основанной на взимании со студентов и слушателей особой платы за слушание лекций и руководство их занятиями. Харьков, [1897]. 31 с.

Ермичев, 2003 – Ермичев А.А. О том, как поссорились два ученых мужа. Очерк истории нравов университетской профессуры в России начала XX в. // *Вопросы философии*. 2003. № 5. С. 124–134.

Иностранцев, 1998 – Иностранцев А.А. Воспоминания (Автобиография). СПб., 1998. 272 с.

Карпюк, 1993 – Карпюк С.Г. Дело о назначении ординарного профессора греческой словесности Московского университета // *Вестник древней истории*. 1993. № 1. С. 175–181.

Корелин, 2014 – Корелин М.С. Дневник // *Terra Europa: Интеллектуальное пространство московских историков второй половины XIX века* / Под общ. ред. Д.А. Цыганкова. М., 2014. С. 274–448.

Крачковский, 1982 – Крачковский И.Ю. Впервые оппонентом на диссертации // *Ленинградский университет в воспоминаниях современников*. Т. 2. Л., 1982. С. 138–145.

Малиновский, 2014 – Малиновский И.А. Маруся и дети. Воспоминания // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / Сост. С.Ф. Фоминых (отв. редактор), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский, А.В. Литвинов, С.А. Меркулов, И.А. Дунбинский. Томск, 2014. С. 286–341.

Богословский, 2011 – Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного исторического музея. М., 2011. 423 с.

Мягков, Филимонов, 2010 – Мягков Г.П., Филимонов В.А. Н.И. Кареев в 1899–1906 годы: «Досуговый дискурс» историка // *Ученые записки Казанского государственного университета*. 2010. Т. 152, кн. 3, ч. 1. Гуманитарные науки. С. 169–178.

НАРТ – Национальный архив Республики Татарстан.

Никифоров, 2014 – Никифоров Ю.С. Коммуникативная культура российских историков конца XIX – начала XX в. Взаимодействие и конфликты в университетской среде // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. 2014. № 48. С. 138–164.

Посохов, 2012 – Посохов С.И. «Считаю для себя неприличным...»: Этические аспекты процесса защиты диссертаций в университетах Российской империи XIX – начала XX вв. // *Харківський історіографічний збірник*. Харків, 2012. Вип. 11. С. 131–153.

Ростовцев, 2012 – Ростовцев Е.А. Казус профессора фон Листа (эпизод из университетской истории периода Первой мировой войны) // *Уроки истории – уроки историка. Сборник статей к 80-летию Ю.Д. Марголиса (1930–1996)* / Сост. Т.Н. Жуковская; отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2012. С. 308–315.

Русские ведомости – Русские ведомости.

Сазонова, 2009 – Сазонова Л.А. Корпоративные отношения профессоров Казанского университета. Вторая половина XIX века // *Образование и просвещение в губернской Казани*. Сб. статей. Вып. 2. Казань, 2009. С. 169–175.

Свешников, 2005 – Свешников А.В. «Вот Вам история нашей истории». К проблеме типологии научных скандалов второй половины XIX – начала XX в. // *Мир историка*. Вып. 1. Омск, 2005. С. 256–260.

Страница из жизни, 1913 – Страница из жизни Московского университета: Из записок профессора Н.П. Боголепова // *Русский Архив*. 1913. № 1. С. 8–86.

Труды, 1903 – Труды Высочайше утвержденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений. Вып. 4. СПб, 1903. 491 с.

ЦГАМ – Центральный государственный архив Москвы.

Шарова, 2010 – Шарова А.В. Университетское сообщество и власть в начале XX века (по материалам дневниковых записей А.Н. Савина) // *Вестник Российского государственного гуманитарного университета*. 2010. № 18. С. 270–287.

APW – Archiwum Państwowe w Warszawie.

Fominykh, Stepnov, 2018 – Fominykh S.F., Stepnov A.O. M.A. Reisner and the Provincial Aspect of Academic Conflicts in the Community of the Imperial Tomsk University // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 48. Is. 2. pp. 804–816.

Gribovskiy, Sorokin, 2014 – Gribovskiy M.V., Sorokin A.N. University teaching community of Russia late XIX – early XX centuries: forms of manifestation of corporate identity / *International multidisciplinary conference on social sciences & arts conference SGEM-2014. Anthropology, archeology, history, philosophy. Conference proceedings*. 1–10 September 2014. Albena, Bulgaria. P. 291–296.

Maurer, 1998 – Maurer T. Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur russischen Sozial- und Bildungsgeschichte. Koeln; Weimar; Wien, 1998. 959 p.

References

Aletras, Grishina, 2012 – Aletras N.N., Grishina N.V. (2012). Rossiiskii korpus magistrantov-istorikov: problemy konstruirovaniya korporativnoi institutsii i obraza magistranta (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [The Russian corps of historian undergraduates: the problems of designing a corporate institution and the image of a master student (second half of the 19th – early 20th century)]. *Historical science and education in Russia and in the West*. M., pp. 169–172. [in Russian]

Antoshchenko, 2002 – Antoshchenko A.V. (2002). Istoriya odnoi professorskoj otstavki [The history of one professorial resignation]. *Kazus. Individual'noe i unikal'noe v istorii*. № 4, pp. 234–274. [in Russian]

APW – Archiwum Państwowe w Warszawie.

Avtobiograficheskie zapiski, 1945 – Avtobiograficheskie zapiski Ivana Mikhailovicha Sechenova [Autobiographical notes of Ivan Mikhailovich Sechenov]. M., 1945. 185 p. [in Russian].

Belyaeva, 2011 – Belyaeva O.M. (2011). Akademicheskoe soobshchestvo Peterburgskogo universiteta v rektorstvo E.D. Grimma. Konflikty v professorskoj srede [Academic community of St. Petersburg University in the rector ED. Grimm. Conflicts in the professorial environment]. *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noi istorii*. № 34, pp. 215–235. [in Russian]

Bushueva, 2011 – Bushueva L.A. (2011). Professorskaya korporatsiya Kazani v epokhu peremen: mezhlchnostnye kommunikatsii universitetskikh lyudei (nachalo XX veka) [Professor's Corporation of Kazan in the era of change: interpersonal communication of university people (early XX century)]. *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noi istorii*. № 36, pp. 248–266. [in Russian]

Dmitriev, 2013 – Dmitriev A.N. (2013). Statusy znaniya (o sotsial'nykh markerakh evolyutsii rossiiskogo universiteta pervoi treti XX veka) [Statuses of knowledge (on social markers of the evolution of the Russian university of the first third of the twentieth century)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. № 4 (122). [Electronic resource]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2013/122/16d.html> (accessed 17 June 2018). [in Russian]

Doklad komissii, 1897 – Doklad komissii, izbrannoi Sovetom Imperatorskogo Khar'kovskogo universiteta, dlya obsuzhdeniya voprosa o sisteme voznagrazhdeniya prepodavatelei universiteta, osnovannoi na vzimanii so studentov i slushatelei osoboi platy za slushanie lektsii i rukovodstvo ikh zanyatiyami [Report of the commission elected by the Council of the Imperial Kharkov University to discuss the issue of the university's remuneration system based on charging students and students a special fee for listening to lectures and directing their studies]. Kharkov, [1897]. 31 p. [in Russian]

Ermichev, 2003 – Ermichev A.A. (2003). O tom, kak possorilis' dva uchenykh muzha. Ocherk istorii nravov universitetskoj professury v Rossii nachala XX v. [About how two learned men quarreled. Essay on the history of the morals of university professors in Russia at the beginning of the 20th century]. *Voprosy filosofii*. № 5, pp. 124–134. [in Russian]

Fominykh, Stepnov, 2018 – Fominykh S.F., Stepnov A.O. (2018). M.A. Reisner and the Provincial Aspect of Academic Conflicts in the Community of the Imperial Tomsk University. *Bylye Gody*. Vol. 48. Is. 2. pp. 804–816. [in Russian]

GAOO – Gosudarstvennyi arkhiv Odesskoj oblasti [State archive of the Odessa region].

GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi federatsii [State archive of the Russian Federation].

Gribovskii, 2018 – Gribovskii M.V. (2018). Professorskii gonorar kak zerkalo universitetskogo voprosa kontsa XIX – nachala XX veka [Professorial fee as a mirror of the university issue of the late XIX – early XX century]. *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noi istorii*. № 62, pp. 144–163. [in Russian]

Gribovskiy, Sorokin, 2014 – Gribovskiy M.V., Sorokin A.N. (2014). University teaching community of Russia late XIX – early XX centuries: forms of manifestation of corporate identity. *International multidisciplinary conference on social sciences & arts conference SGEM-2014. Anthropology, archeology, history, philosophy. Conference proceedings*. 1–10 September 2014. Albena, Bulgaria. pp. 291–296.

Inostrantsev, 1998 – Inostrantsev A.A. (1998). Vospominaniya (Avtobiografiya) [Memories (Autobiography)]. SPb. 272 p. [in Russian]

Karpyuk, 1993 – Karpyuk S.G. (1993). Delo o naznachanii ordinarnogo professora grecheskoj slovesnosti Moskovskogo universiteta [The appointment of an ordinary professor of Greek literature at Moscow University]. *Vestnik drevnei istorii*. № 1. pp. 175–181. [in Russian]

Korelin, 2014 – Korelin M.S. (2014). Dnevnik [Korelin M.S. A diary]. *Terra Europa: ntellektual'noe prostranstvo moskovskikh istorikov vtoroi poloviny XIX veka*. M. pp. 274–4481. [in Russian]

Krachkovskii, 1982 – Krachkovskii I.Yu. (1982). Vpervye opponentom na dissertatsii [For the first time as an opponent for the thesis]. *Leningradskii universitet v vospominaniyakh sovremennikov*. Vol. 2. L., pp. 138–145. [in Russian]

Malinovskii, 2014 – Malinovskii I.A. (2014). Marusya i deti. Vospominaniya [Marusya and the children. Memories]. *Imperatorskii Tomskii universitet v vospominaniyakh sovremennikov*. Tomsk, pp. 286–341. [in Russian]

Maurer, 1998 – Maurer T. (1998). Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur russischen Sozial- und Bildungsgeschichte. Koeln; Weimar; Wien. 959 p. [in German]

Bogoslovskii, 2011 – Mikhail Mikhailovich Bogoslovskii. Dnevnik. 1913–1919: Iz sobraniya Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya [Mikhail Mikhailovich Bogoslovsky. The Diaries. 1913–1919: From the collection of the State Historical Museum]. M., 2011. 423 p. [in Russian]

Myagkov, Filimonov, 2010 – Myagkov G.P., Filimonov V.A. (2010). N.I. Kareev v 1899–1906 gody: «Dosugovyi diskurs» istorika [N.I. Kareyev in 1899–1906: "The leisure discourse" of the historian]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 152, book 3, part 1. The humanities, pp. 169–178. [in Russian]

NART – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan [National Archive of the Republic of Tatarstan].

Nikiforov, 2014 – Nikiforov Yu.S. (2014). Kommunikativnaya kul'tura rossiiskikh istorikov kontsa XIX – nachala XX v. Vzaimodeistvie i konflikty v universitetskoj srede [Communicative culture of Russian historians of the late XIX – early XX century. Interaction and conflicts in the university environment]. *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noi istorii*. № 48, pp. 138–164. [in Russian]

Posokhov, 2012 – Posokhov S.I. (2012). «Schitayu dlya sebya neprilichnym...»: Eticheskie aspekty protsessa zashchity dissertatsii v universitetakh Rossiiskoi imperii XIX – nachala XX vv. ["I consider it indecent for myself...": Ethical aspects of the defense of dissertations in the universities of the Russian Empire XIX – beginning of the 20th centuries]. *Kharkivs'kii istoriografichnii zbirnik*. Kharkiv, Is. 11, pp. 131–153. [in Russian]

Rostovtsev, 2012 – Rostovtsev E.A. (2012). Kazus professora fon Lista (epizod iz universitetskoj istorii perioda Pervoi mirovoi voyny) [The case of Professor von List (an episode from the university history of the period of the First World War)]. *Uroki istorii – uroki istorika. Sbornik statei k 80-letiyu Yu.D. Margolisa (1930–1996)*. SPb, pp. 308–315. [in Russian]

Russkie vedomosti – Russkie vedomosti. [in Russian]

Sazonova, 2009 – Sazonova L.A. (2009). Korporativnye otnosheniya professorov Kazanskogo universiteta. Vtoraya polovina XIX veka [Corporate relations of professors of Kazan University. The second half of the XIX century]. *Obrazovanie i prosveshchenie v gubernskoi Kazani. Sbornik statei*. Kazan, Is. 2, pp. 169–175. [in Russian]

Sharova, 2010 – Sharova A.V. (2010). Universitetskoe soobshchestvo i vlast' v nachale KhKh veka (po materialam dnevnikovyx zapisei A.N. Savina) [University community and power in the early twentieth century (based on the materials of the diary entries of AN Savin)]. *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. № 18, pp. 270–287. [in Russian]

Stranitsa iz zhizni, 1913 – Stranitsa iz zhizni Moskovskogo universiteta: Iz zapisok professora N.P. Bogolepova [A page from the life of Moscow University: From the notes of Professor N.P. Bogolepov]. *Russkii Arkhiv*. 1913. № 1, pp. 8–86. [in Russian]

Sveshnikov, 2005 – Sveshnikov A.V. (2005). «Vot Vam istoriya nashei istorii». K probleme tipologii nauchnykh skandalov vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. ["Here is the history of our history". To the problem of typology of scientific scandals of the second half of the XIX – early XX century]. *Mir istorika*. Omsk, Is. 1, pp. 256–260. [in Russian]

Trudy, 1903 – Trudy Vysochaishe utverzhdennoi komissii po preobrazovaniyu vysshikh uchebnykh zavedenii [Proceedings of the highest approved commission for the transformation of higher education institutions]. Is. 4. SPb, 1903. 491 p. [in Russian]

TsGAM – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv goroda Moskvy [Central State Archives of the City of Moscow].

Veresaev – Vikentii Vikent'evich Veresaev. Vospominaniya [Vikentii Vikentievich Veresaev. Memories]. Biblioteka russkoi literatury. [Electronic resource]. URL: <http://brusl.ru/index.php?dn=article&to=art&id=1635&p=1> (accessed 3 June 2018). [in Russian]

Vishlenkova, 2008 – Vishlenkova E.A. (2008). Pamyat' o konfliktakh: osobennosti arkhiva Kazanskogo imperatorskogo universiteta [Memory of Conflicts: Features of the Archives of the Kazan Imperial University]. *Ekho vekov*. № 2, pp. 248–257 [in Russian]

Нормы корпоративной этики в российской университетской среде конца XIX – начала XX вв.

Михаил Викторович Грибовский ^{a,*}, Александр Николаевич Сорокин ^{a,b}

^a Национальный исследовательский Томский государственный университет, Российская Федерация

^b Тюменский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена выявлению норм корпоративной этики, сложившихся в российской университетской среде конца XIX – начала XX вв. Исследование, выполненное методом ситуационного анализа (метод кейсов), базируется на материалах, которые были извлечены авторами

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: mgrib@mail2000.ru (М.В. Грибовский), soranhist@yandex.ru (А.Н. Сорокин)

из российских (Государственный архив Российской Федерации, Национальный архив Республики Татарстан, Центральный государственный архив Москвы) и зарубежных (Государственный архив в Варшаве, Государственный архив Одесской области) архивов. Подчеркивается, что университетские преподаватели дореволюционной России представляли собой довольно сплоченное профессиональное сообщество, и формы проявления профессиональной идентичности заключались в их активном участии в обсуждении «университетского вопроса», попытках самоорганизации, а также наличии схожих этических принципов, на которых базировалась система ценностей университетского человека; органической частью этой системы ценностей была и выработка Университетом норм корпоративной этики, следование им. Выделяются следующие нормы поведения, сложившиеся в российской университетской преподавательской среде рубежа XIX–XX вв.: проявление благородства в отношении коллег, соблюдение субординации, демонстрация взаимного уважения, научная объективность, стремление к научной истине, преобладание интересов университета над личными. Делается вывод о том, что наличие схожих представлений о корпоративной и научной этике, о писанных и неписанных нормах несения службы в университете облегчало вливание профессора в состав новой преподавательской коллегии при смене университета, а соблюдение этических норм помогало корректно разрешать щекотливые вопросы, возникавшие на службе.

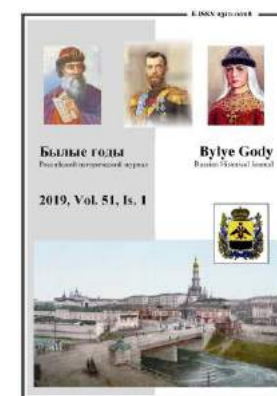
Ключевые слова: университет, профессора, приват-доценты, корпоративная этика, научная этика, нормы поведения, корпорация, Российская империя.

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 51. Is. 1. pp. 325-336. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.1.325
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Aspects of Functioning of the Regional Level of the State Credit Organizations in the second half of the XIXth – beginning of the XXth centuries (on the Example of the Tula Province)

Ekaterina A. Nazirova ^{a, *}, Nadezhda I. Shelkopyasova ^a

^a Financial University, Tula Branch, Tula, Russian Federation

Abstract

The article shows that the changes in the economic domain of the Russian Empire, which occurred in the 50s of the XIX century, led to the reform of the banking sector. As a result, a three-level model was formed by the end of the XIX century, which included state, cross functional commercial credit organizations and microfinance institutions of credit cooperation. The first (state) level was represented by the State, Noble Land, Peasant Land banks, St. Petersburg and Moscow loan coffers and saving banks.

The article analyzes the implementation of credit policy at the state level in the post-reform epoch in the province of the Russian Empire on the example of the Tula province. The legal framework of the organization and functioning of credit institutions on the first level is considered. The specificity of activity of local branches of state banks is revealed. The mechanism of functioning of Tula branches of State, Noble Land, Peasant Land banks and savings banks is shown.

The features of credit policy in the Tula province are confirmed by specific statistics on the basis of archival documents, first introduced into scientific discourse.

In the Tula province, the first Saving Bank was established in 1849 under the Tula Order of public charity. Since 1863, the system of savings banks has been experiencing a protracted crisis, which was caused by intense competition in the lending market. In 1860 the State Commercial Bank was transformed into the State Bank. Tula branch was established on May, 01 in 1882. Mortgage banks functioned successfully in the region. The branch of the Peasant Land Bank was established in 1887, and on February, 15 in 1897 the Tula branch of the state Noble Land Bank was opened.

Keywords: history of the formation of loan institutes in the Tula province, second half of the XIXth-the beginning of the XXth centuries.

1. Введение

В современный период развития российского общества, когда финансовая сфера превратилась в одну из фундаментальных основ экономики, анализ исторического опыта развития банковского дела в Российской империи в XIX – начале XX вв. приобретает особую актуальность. Внимание ученых все чаще обращено на прошлое государственных финансовых институтов. В этом контексте все более явственной становится недостаточная изученность истории региональных институтов финансово-кредитной системы.

Цель статьи: исследовать становление и особенности функционирования государственных институтов кредитования в Тульской губернии в период раннеиндустриальной капиталистической модернизации.

2. Материалы и методы

2.1. При подготовке данной работы были использованы архивные материалы, законодательные документы, периодическая печать.

* Corresponding author

E-mail addresses: ENazyrova@fa.ru (E.A. Nazirova), Schelkopliasova2015@yandex.ru (N.I. Shelkopyasova)

Основу источниковой базы составляют документы государственного архива Тульской области (ГАТО). В фонде 120 «Тульское отделение государственного банка», фонде 11 «Инспекция мелкого кредита при Тульском отделении государственного банка», фонде 29 «Тульский губернаторский комитет по делам мелкого кредита» хранятся циркуляры Министерства финансов, протоколы и журналы заседаний, отчеты о деятельности кредитных учреждений, движении денежных средств и оборотах капитала; дела об открытии кредита, о выдаче денег частным лицам; книги записи вкладов; список кредитующихся лиц, переписка по личному составу; ведомости на выдачу жалованья служащим и др.

В фонде 121 «Тульское отделение Государственного Дворянского земельного банка» имеются копии распоряжений Центрального управления по Тульскому отделению; дела о залоге имений помещиков по уездам; переписка с Петербургским дворянским земельным банком и другими учреждениями о продаже и торговле имений Тульской губернии; акты ревизий кассы и счетоводства Тульского отделения банка и дворянской кассы взаимопомощи; ведомости о количестве земли у владельцев имений Тульской губернии; списки имений, назначенных на продажу; дела о выдаче ссуд заемщикам Тульской губернии, планы земельных владений по имениям уездов Тульской губернии, также отчеты отделения банка; планы участков земли; уведомления о платежах заемщиков банка по ссудам.

В фонде 10 «Тульское отделение крестьянского поземельного банка» находятся циркуляры и постановления Главного управления Крестьянского поземельного банка и его Тульского отделения; отчеты о работе; сведения о количестве земель, находящихся во владении отделения; книги оценочной статистики по уездам, прихода и расхода денежных средств; главные книги, журналы ссуд и лицевые счета заемщиков; дела о покупке помещичьих земель и о продаже их крестьянам; список арендаторов; личные дела служащих отделений.

Деятельность сберегательных касс можно изучить с помощью документов, хранящихся в фондах 503 «Белевская государственная сберегательная касса № 277», 558 «Богородицкая государственная сберегательная касса № 276», 122 «Тульская сберегательная касса № 132», 1077 «Государственная сберегательная касса № 761 при Тульском губернском казначействе», 1092 «Ссудо-сберегательная касса служащих акцизных управлений Тульской и Калужской губерний», 2216 «Фабрично-заводское отделение государственной сберегательной кассы управления акционерного общества тульских меднопрокатных и патронных заводов», 2214 «Ссудо-сберегательная касса служащих акционерного общества тульских меднопрокатных и патронных заводов».

Важнейшей составляющей источникового комплекса являются опубликованные в разные годы отчеты и обзоры деятельности тульских отделений государственных банков, записки, доклады, статьи.

В работе задействованы данные адрес-календарей, обзоров, памятных книжек Тульской губернии, статьи «Тульских губернских ведомостей». В газете публиковались изменения в законодательстве, краткие годовые отчеты о деятельности кредитных учреждений, списки должников отделений Крестьянского поземельного и Дворянского земельного банков.

В качестве источников применены правительственные и административные правовые акты. Региональные материалы рассматривались в контексте с данными по всей стране.

Используемый комплекс источников позволяет проследить эволюцию банковской сферы в провинциальной России и реализацию законодательной инициативы правительства на местах, изучить полномочия центральных органов и региональных представительств государственных кредитных организаций, получить портрет тульских заемщиков.

2.2. Методологической основой работы явился принцип историзма, позволивший рассмотреть события изучаемого периода с учетом общеисторических изменений. Также авторами были использованы системный, междисциплинарный и микроисторический подходы.

Междисциплинарный подход заключается в привлечении исторических, статистических, правовых, экономических знаний к исследованию процесса формирования регионального уровня банковской системы в Российской империи в XIX – начале XX вв.

Микроисторический подход был применен в ходе рассмотрения деятельности конкретных кредитных учреждений Тульской губернии.

Кроме того, данное исследование опирается на классические методы исторической науки: историко-правовой, историко-сравнительный, историко-генетический.

Историко-правовой метод позволил установить влияние принятия нормативно-правовых актов на открытие кредитных учреждений в провинции.

Историко-сравнительный метод проявил себя в ходе выявления типичных черт и особенностей функционирования различных форм кредитных учреждений.

В рамках историко-генетического метода удалось последовательно проследить особенности становления системной организации банковской деятельности в Тульской губернии в XIX – начале XX вв. и выявить влияние изменений в банковской сфере на экономическое развитие региона.

Благодаря системному подходу и структурно-функциональному анализу показано взаимодействие исследуемой региональной системы с системой более высокого уровня — банковской системой Российской империи исследуемого периода в целом.

3. Обсуждение

История регионального финансово-кредитного рынка Российской империи недостаточно изучена. Специфика функционирования кредитно-банковских учреждений в регионах Российской империи рассмотрены в работах (Фролова, 2005; Фролова, 2015; Костылевой, 2017; Саломатиной, 2014 и др.)

Деятельность государственных ипотечных банков в Тамбовской губернии исследуется С.А. Фроловым. В статьях «Крестьянский поземельный банк и аграрная реформа П.А. Столыпина в Тамбовской губернии (1906–1916 гг.) (историко-правовой аспект)», «Специфика функционирования государственного Дворянского земельного банка в Тамбовской губернии (1885–1917 гг.)», «Правовые основы ипотечного кредитования земель сельскохозяйственного назначения в России», «Крестьянский поземельный банк в Тамбовской губернии (1884–1917 гг.)», «Историко-правовые основы залога земли сельскохозяйственного назначения в России (на примере Дворянского банка в 1885–1917 гг.)» подробно освещена деятельность Тамбовских отделений Государственного Дворянского земельного и Государственного Крестьянского поземельного банков.

Работа Костылевой Е.Н. посвящена истории Рязанского отделения Крестьянского поземельного банка. Саломатина С.А. анализирует деятельность российских коммерческих банков в 1897 г.

В рамках данного исследования следует отметить работы С.А. Андриюшина, в которых описаны особенности развития национальных банковских систем ведущих стран мировой экономики с момента их становления и до наших дней. Автор исследует банковскую систему России, выявляет особенности ее эволюции, излагает концепцию развития.

В монографии И.Ф. Гиндина «Государственный банк и экономическая политика царского правительства, 1860–1892 гг.» раскрывается роль Государственного банка в регулировании деятельности частных банков. Автор останавливается на поддержке отдельных предприятий и отраслей.

Среди трудов, позволяющих проследить эволюцию финансовой политики России в 50–90 гг. XIX в., следует отметить работы, посвященные финансовым аспектам крестьянской реформы 1861 г. История Крестьянского банка освещена в работах (Коваленко, 1914; Лященко, 1913; Вдовина, 1959; Пчелиникова, 2014; Фадейкиной, 2007 и др.). Правовые аспекты деятельности банковских учреждений изложены в статье А.Г. Пчелиникова (Пчелиникова, 2014). Вопросам эволюции отечественной банковской системы посвящены работы (Левичевой, 2002, Уразовой, 2010).

Исследования кредитно-банковской деятельности на территории Тульской губернии в XIX–XX вв. отсутствуют. Отдельные аспекты функционирования кредитных учреждений в Тульской губернии представлены в работах (Кохановой, 1999; Назыровой, Шелкоплясовой, 2018). В статье Е.А. Назыровой, Н.И. Шелкоплясовой «Развитие ипотечного кредитования в российской провинции на рубеже XIX–XX вв. (на примере Тульской губернии)» рассмотрена деятельность Тульских отделений Государственного Крестьянского поземельного и Государственного Дворянского земельного банков на рубеже XIX–XX вв. В работе журналиста газеты «Тула вечерняя» Р.Г. Кохановой рассказывается о Тульском банке Сбербанка России. Книга посвящена 150-летию сберегательного дела в Тульской губернии. В издании представлены денежные знаки, портреты банковских служащих, министров финансов России, фотографии дореволюционной Тулы.

4. Результаты

Банковская система, являясь ключевым элементом финансового рынка, отражает состояние экономической сферы жизнедеятельности государства.

До середины XIX в. российская банковская сфера представляла собой Сохранные казны, сберегательные кассы при приказах общественного призрения и два Государственных банка – Коммерческий и Заемный. Все казенные кредитные учреждения, принимая вклады и предоставляя ссуды, призваны были в первую очередь способствовать решению государственных задач: аккумулировать средства на ведение войн, решение национальных конфликтов и освоение новых земель, а также оказывать поддержку основной производственной сфере и имущественному классу с целью сохранения феодально-крепостнических форм землевладения.

Изменения в экономической сфере, произошедшие в 50-е гг. XIX в., привели к финансовому кризису. Предпринимательская активность, проявленная во вложении капиталов в развитие промышленности и железных дорог, способствовала отъезду денежных средств из банковской сферы.

Если в 1857 г. размер вкладов составлял 1276 млн. руб., то в 1859 г. – 900 млн. руб. Количество наличных средств в кассах сократилось с 140 млн. руб. до 20 млн. руб. Государственные кредитные учреждения стояли на грани банкротства. Для выправления положения правительство позаимствовало 77 млн. руб. у государственного казначейства, приостановило выдачу ссуд под число душ в имениях.

13 января 1859 г. была объявлена подписка внутреннего займа, позволившая собрать 22,8 млн. руб. Так как обязательства государственных кредитных учреждений были гораздо выше имеющихся наличных средств и составляли 900 млн. руб., правительство прибегло 20 марта 1859 г. к внешним займам в размере 12 млн. фунтов у Германии.

В сложившейся ситуации были изданы указы, ознаменовавшие начало реформы кредитно-банковской системы в России. С июля 1859 г. Коммерческий банк объявил о том, что вклады принимаются только до 1 января 1860 г., кроме того, процент по вкладам был снижен с 3 % до 2 %.

10 июля 1859 г. была создана комиссия по разработке проекта учреждения земских банков, которая завершила свою работу 30 января 1860 г. Комиссия пришла к выводу о том, что необходимо отказаться от казенной системы поземельного кредита и предоставить частной инициативе открытие земских банков.

Деятельность Коммерческого и Заемного банков была остановлена. 31 мая 1860 г. Санкт-Петербургская Сохранная казна приняла дела Заемного банка. Сохранные казны и приказы перешли в подчинение Министерству финансов.

Государственный Коммерческий банк был преобразован в Государственный банк, основной капитал которого составил 15 млн. руб. Из капиталов Заемного и Коммерческого банков был сформирован резервный фонд в размере 1 млн. руб.

Вкладные свидетельства казенных кредитных учреждений, имеющиеся у частных лиц, заменили 5 % банковскими билетами. Правительственным и благотворительным учреждениям, дворянским, городским, сельским обществам, монастырям и церквям выдали 4 % непрерывно-доходных билетов.

Реформирование банковского сектора российской экономики проходило путем заимствования опыта европейских банков. В Российской империи к концу XIX в. была сформирована трехуровневая модель банковской системы. Первый уровень ввиду значимости в функционировании государства и сложившихся традиций занимали государственные кредитные организации. Вторым уровнем был представлен универсальными кредитными коммерческими организациями. К третьему уровню были причислены микрофинансовые институты кредитной кооперации (Гиндин, 1997: 122).

К первому уровню относились следующие государственные кредитные организации: Государственный банк, Дворянский земельный банк, Крестьянский поземельный банк, Санкт-Петербургская и Московская ссудные казны и 8 553 сберегательные кассы.

До 1897 г. Государственный банк не выполнял эмиссионных функций, а выступал обыкновенным коммерческим банком, который мог открывать кредиты по специальным текущим счетам, учитывать векселя, выдавать ссуды на различные нужды, за свой счет покупать и продавать процентные бумаги, иностранные тратты, осуществлять переводы между отделениями, принимать срочные и бессрочные вклады. До 1860 г. вклады были только бессрочными. По ним банк выплачивал 3 % годовых, по вкладам на срок 5 лет – 4 %, по вкладам на срок 10 лет – 4,5 %. Устав данного кредитного учреждения содержал положение, не позволявшее тратить средства банка на государственные нужды (Гиндин, 1960: 115).

Право эмиссии кредитных билетов, обеспеченных золотом, Государственный банк получил в результате денежной реформы С.Ю. Витте (1895–1898 гг.). В соответствии с уставом 1894 г. Государственный банк Российской империи стал выполнять регулирующие функции и превратился в центр безналичных расчетов страны, перестал конкурировать с коммерческими банками в вопросах аккумуляции денежных средств в виде депозитов (Уразова, 2007: 76).

Правление, возглавлявшее Государственный банк (далее Госбанк), состояло из управляющего, шести директоров, товарищей управляющего, трех депутатов, представлявших Совет государственных установлений. Предполагалось, что учреждения Госбанка будут функционировать в крупных торгово-промышленных центрах в статусе контор, отделений и агентств. Однако, опасаясь излишней децентрализации управления, от последней формы было решено отказаться.

В период с 1862 по 1863 гг. Высочайшим повелением было учреждено 7 контор и непосредственным распоряжением Министерства финансов образовано 47 постоянных отделений Госбанка, подчинявшихся Центральному правлению Госбанка. В 1894 г. Госбанк располагал 50 млн. руб. основного капитала и 5 млн. руб. резервного капитала, в стране действовало 94 отделения и 10 контор.

Тульское отделение Государственного банка России было учреждено 1 мая 1882 г. на основании именного указа «О разрешении открывать отделения Государственного банка в разных городах империи» от 20 декабря 1863 г. (ГАТО. Ф. 120. Оп. 1. Д. 2. Л. 8) (Рис. 1).

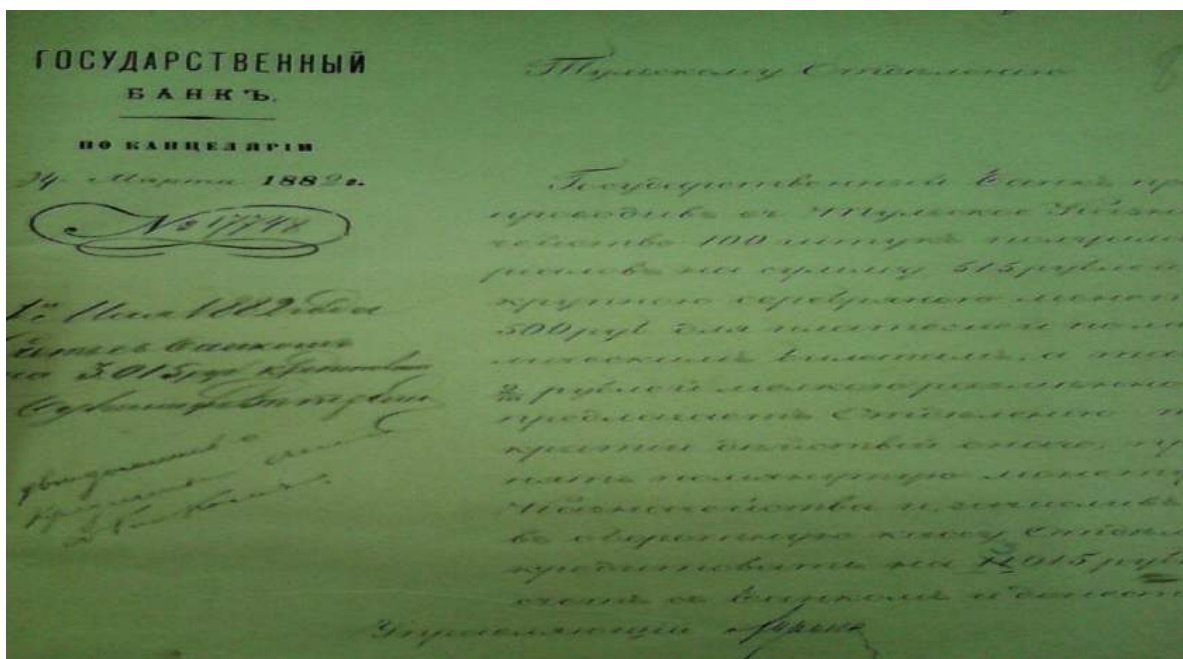

Рис. 1. Дело об открытии Тульского отделения Государственного банка
 Источник: ГАТО. Ф. 120. Оп. 1. Д. 2. Л. 8

Управляющим Тульским отделением Государственного банка был назначен барон Густав Густавович Дрезен. Кроме него в кредитном учреждении трудились контролер Владимир Иванович Такмаков, кассир Помпей Владимирович Андреев, бухгалтер Дамиан Тимофеевич Витренко, старшие помощники: контролер Василий Иванович Федутинов и кассир Григорий Семенович Зарубин. Должностные оклады служащих Тульского отделения представлены на Рис. 2.

Должности	Число лиц	Большой оклад	Малый оклад	Служба
Управляющий	1	2000	87	III - 2
Контролер	1	1500	87	III - 2
Кассир	1	1000	87	III - 2
Бухгалтер	1	1500	87	87
Старший Помощник Контролера	1	750	87	87
Старший Помощник Кассира	1	750	87	87
Младший Помощник Кассира	1	500	87	87
Младший Помощник Бухгалтера	1	500	87	87

Рис. 2. Размер должностных окладов служащих Тульского отделения Государственного банка.
 Источник: ГАТО. Ф. 120. Оп. 1. Д. 2. Л. 27

Региональное отделение кредитного учреждения осуществляло такие операции, как учет векселей и прочих торговых срочных бумаг, ведение текущих счетов, открытие срочных и бессрочных вкладов в размере не более 400 руб.

Срочные вклады на срок 5–10 лет приносили 3 % прибыли, бессрочные – 4,5 %. Ссуды размером не менее 5 000 руб. выдавались под залог процентных бумаг и товаров на срок до 9 месяцев. Переводы денежных средств в размере не менее 25 руб. возможно было переслать по переводным билетам и телеграфу. Плата по переводным билетам составляла не менее 1/8 %,

по телеграфу – 4 %, но не менее 10 коп. Банк выдавал кредиты под сахар и зерно на срок до 6 месяцев в размере 40 % стоимости. Товар в обязательном порядке страховался, страховой полис предоставлялся банку. Погасить кредит разрешалось по частям, при этом сумма должна была составлять не менее 2 000 руб. Принимали векселя для получения по ним платежей. Кроме того, банк производил учет соло-векселей землевладельцев, обмен ветхих бумаг (*Деловая Россия, 1896: 14*).

С целью решения аграрного вопроса в Тульской губернии были открыты отделения ипотечных государственных банков – Крестьянского поземельного и Дворянского земельного.

Крестьянский поземельный банк был основан в 1882 г. Его открытию предшествовала разработка с 20 мая 1881 г. по 26 апреля 1882 г. проекта «Положения о Крестьянском банке». После многочисленных прений в Государственном совете документ был утвержден императором Александром III 18 мая 1882 г.

С 1883 по 1894 гг. численность территориальных отделений Крестьянского поземельного банка выросла с 11 до 43 (*Пчелиников, 2014: 168*).

В Тульской губернии отделение Крестьянского поземельного банка открыли в 1887 г. Располагалось оно в здании Тульского отделения Государственного банка. Возглавлял его Ульяновский В.Г., бухгалтерский учет осуществлял Давыдов И.А. (*Памятная книжка Тульской губернии на 1888 год, 1888: 54*).

Крестьянский банк кредитовал на срок от 13 лет до 51 года сельские общины и отдельные домохозяйства при покупке земли у помещиков (*Фадеекина, Демчук, 2010: 77*). Стоимость десятины земли при этом вырастала вдвое (*Каравалева, 2003: 225*).

В 1883 г. рыночная стоимость десятины составляла 27 руб. 52 коп., при посредничестве Крестьянского банка десятина земли обходилась в 52 руб. 38 коп. (*Кисмина, Благочиннова, 2014: 109*).

Услуги Крестьянского поземельного банка заемщикам обходились в 7,5–8,5 % годовых, просрочка платежа оценивалась в 6 %, в то же время Дворянский земельный банк выдавал ссуды под 3,5 % (*Вдовин, 1959: 39*).

С 1883 по 1899 гг. Крестьянский поземельный банк участвовал в совершении «14 924 операций. При его содействии было приобретено 2 411 700 десятин земли на сумму 98,4 млн. руб., что составляло 11,6 % от общего объема операций учреждений ипотечного кредита» (*Проскурякова, 1980: 68*).

С участием Тульского отделения Крестьянского банка с 1887 по 1899 гг. было приобретено 25062 десятины 2263 кв. сажени земли. Кредитное учреждение оказало содействие в совершении 258 сделок стоимостью 2 289 937 руб. 65 коп. Банк предоставил 84 % от стоимости покупки – 1 916 967 руб., собственные средства крестьян составили 372 970 руб. 65 коп. (16 %). Наибольшее количество сделок (43) было заключено крестьянами Чернского уезда.

В конце 1901 г. при содействии Тульского отделения Крестьянского поземельного банка «45697 человек заключили 727 сделок и приобрели 54557 десятин земли» (*Назырова, Шелкоплясова, 2018: 437*).

Модернизация аграрного сектора российской экономики, осуществляемая под руководством П.А. Столыпина, привела к оттоку населения из малороссийских губерний Российской империи (*Фадеекина, 2007, Демчук, 2007: 110*). Значительная часть переселенцев, располагавшая наличными средствами, решила приобрести наделы в Тульской губернии, что привело к росту стоимости земли не только в черноземных уездах, но и в нечерноземных уездах Тульской губернии: Одоевском, Алексинском, Белевском и Каширском.

Столыпинская реформа внесла коррективы в деятельность и кредитных учреждений. Указ от 15 ноября 1906 г. «О выдаче Крестьянским поземельным банком ссуд под залог наделных земель», утвержденный Думой 5 июля 1912 г., разрешил выдавать ссуды крестьянам не только при наличии собственной земли, но и под залог приобретаемых наделов (*РГИА. Ф. 592. Оп. 44. Д. 521. Л. 10*).

Стали набирать обороты операции по залогом наделных земель. В 1913 г. в залоге у Тульского отделения Крестьянского поземельного банка находилась «земля площадью 512,39 десятин 1 товарищества, 21 имения и 20 единоличных владений. Отделение оформило 8600 ссуд на сумму 1,5 млн. руб. Задолженность составила 266 867 руб. (17 %). За неуплату в установленный срок с торгов был продан всего один участок площадью 9 десятин» (*Назырова, Шелкоплясова, 2018: 438*).

К 1913 г. земельный фонд Тульского отделения Крестьянского банка, приобретаемый с 1895 г. для последующей реализации, был практически ликвидирован. Банк продал 82018 дес. земли из 84732 дес., находившихся у него в собственности. Единоличным владением частного лица стали 58630 дес., учреждения приобрели 2877 дес., хуторяне, отрубники, товарищества и общества купили 20485 дес., 26 дес. уступлено безвозмездно (*Деятельность Крестьянского банка..., 1913: 16*).

Вторым элементом системы государственного земельного кредита являлся Дворянский земельный банк, учрежденный 03.06.1885 г. для выдачи долгосрочных ссуд потомственным дворянам-земледельцам в размере 60 % от стоимости имения под 5,5 % под залог земельной собственности.

Средства банк получал путем правительственного субсидирования. В свою очередь, Государственный банк выпускал 5,5 %-е закладные листы достоинством в 100, 500 и 1 тыс. руб. (ипотечные облигации), погашение которых производилось ежегодно на сумму взносов заемщиков Дворянского земельного банка. В 1899 г. процент был снижен до 4,5 % (*Гиндин, 1997: 109*).

Облигации, высоко котировавшиеся на биржах, могли быть именными и на предъявителя.

С 1885 по 1905 гг. Дворянский земельный банк выдал кредитов на сумму 717 400 тысяч руб., что составило 34,6 % от объема всех земельных ипотечных учреждений. Имения неплатежеспособных заемщиков подлежали продаже с торгов, за всю историю банка их количество составило 1 % (Гиндин, 1997: 115).

Деятельность кредитного учреждения распространялась на европейскую часть страны, кроме территории Польши, Прибалтики, Финляндии. Вскоре после открытия руководство Дворянского земельного банка начало контролировать деятельность Крестьянского поземельного банка, а в июне 1890 г. были объединены и бухгалтерии. С 1890 г. банк начал функционировать в Закавказье.

К началу 1891 года было открыто Московское отделение Государственного дворянского земельного банка, обслуживающее Московскую, Владимирскую, Тульскую, Ярославскую, Костромскую и Тверскую губернии.

15 февраля 1897 года было открыто Тульское отделение Государственного Дворянского земельного банка. Служащие кредитного учреждения принимали заявления от лиц, желающих получить ссуду, проверяли подлинность документов, необходимых для залога, правильность оценивания имений, предоставляли Совету банка заключения о выдаче ссуд для принятия окончательного разрешения, наблюдали за выполнением принятых заемщиками обязательств, рассматривали ходатайства о предоставлении рассрочек заемщикам, застигнутым стихийными бедствиями (ГАТО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 169. Л. 1). Его штат включал управляющего, проживавшего в здании банка на ул. Киевской в доме братьев Ермолаевых-Зверевых, членов-оценщиков и членов от дворянства. В 1897 г. обязанности управляющего исполнял Алексей Порфирьевич Сухотин.

Управляющего и членов-оценщиков назначало Министерство финансов, членов от дворянства выбирало на три года Губернское дворянское собрание. Руководитель отделения контролировал точность исполнения служащими Положения о банке, указов и инструкций Министерства финансов; представлял для назначения членов-оценщиков, занимавшихся описью и оценкой земли, подлежащей залого.

К 1917 г. в Тульском отделении, которое на тот момент возглавлял Иван Александрович Жедринский, служило уже 45 человек (Памятная книжка Тульской губернии на 1917 г., 1917: 23).

Несмотря на то, что промышленность в Тульской губернии была развита, большая часть населения занималась сельским хозяйством. Таким образом, Тульское отделение Дворянского земельного банка, поддерживая помещичье землевладение, играло важную роль в экономике региона.

Тульские отделения земельных ипотечных банков были ликвидированы в марте 1919 г. Основанием послужили декрет Совета Народных Комиссаров от 25.11.1917 г. «Об упразднении Государственного дворянского земельного и Крестьянского поземельного банков» и декрет от 14.12.1917 г. ВЦИК «О национализации банков» (ГАТО. Ф. Р. – 3085. Оп. 1. Д. 25. Л. 2).

Государственными кредитными организациями являлись и сберегательные кассы. Начало сберегательному делу было положено министром финансов России Е.Ф. Канкриным, утвердившим 30.10.1841 г. «Устав Сберегательных касс».

21.10.1846 г. на основании решения Государственного Совета Министерство внутренних дел учредило сберегательные кассы при Приказах общественного призрения, ведавших школами, больницами, богадельнями, приютами, смирительными домами, тюрьмами.

Указ Александра II от 16.10.1862 г. повелел передать сберкассы в ведение Государственного банка России. Все поступающие в кассу суммы, за исключением текущих расходов, переходили в Госбанк. Денежные средства шли на приобретение 5 %-х облигаций государственных займов. Деятельность касс финансировалась за счет разницы между процентами по вкладам и доходом от государственных фондов.

В Тульской губернии Сберегательная касса была открыта в 1849 г. при Тульском Приказе общественного призрения. «Тульские губернские ведомости» сообщили об этом 03.09.1849 г. в 36 номере издания (ТГВ. 1849. № 36). Согласно данным «Журнала Тульской сберегательной кассы», первые вклады на сумму 27 руб. поступили 18.09.1849 г. (ГАТО. Ф. 122. Оп. 1. Д. 1. Л. 8). Денежные средства размещались на трех счетах: вкладчиков, Сохранной казны, штатных расходов. В 1849 г. число вкладчиков составляло 73 чел. В 1850 г. оно возросло на 166 чел. К концу года 50 клиентам были возвращены вклады с процентами на сумму 953 руб. 43 коп., в результате чего на счету Сберегательной кассы имелось 3 318 руб. 47 коп.

Клиентами «приказной кассы» являлись мелкие и средние чиновники, лица духовного звания, военнослужащие, мещане, крестьяне, дворовые люди. С 1849 по 1862 гг. открыли счета 11 647 человек, сотрудниками было совершено 23 448 вкладных операций (Коханова, 1999: 10).

С 1862 г. Сберегательная касса, перестав быть «приказной», состояла при Тульской казенной палате, которая занималась взиманием податей, таможенных, кабацких и других сборов, расходованием бюджетных средств, а также осуществляла надзор за частной торговлей, промышленностью и выдавала свидетельства на право занятия торговлей.

Согласно «Памятной книжке Тульской губернии за 1864 г.» на 01.01.1863 г. Тульская сберегательная касса № 132 располагала 305 447 руб. 33,5 коп., в течение года поступило 83 976 руб.

87,5 коп., выдано 92 569 руб. 82,5 коп. К 1 января 1864 г. на счете хранилось 296 854 руб. 38,5 коп. (Памятная книжка..., 1865: 23).

С 1863 по 1881 гг. система сберегательных касс вступает в затяжной кризис, причиной которого явилась острая конкуренция на рынке кредитования. Государственные и частные банки предлагали более выгодные условия. Сберегательные кассы выплачивали по вкладам 3 %, в то время как банки – 5–6 % годовых. Согласно сведениям журналов Тульской сберегательной кассы, с 1863 по 1872 гг. объем денежных средств уменьшился в десять раз с 33 739 руб. 58 коп. в 1863 г. до 3 347 руб. 73,5 коп. в 1872 г. (Рис. 3).

Рис. 3. Динамика оттока вкладов в Тульской сберегательной кассе № 132. Источник: Ведомость о капитале сберегательной кассы № 132. ГАТО. Ф. 122. Оп. 1. Д. 3. Л. 7-9.

С 1881 г. правительство меняет тактику в отношении сберегательных касс: процент по вкладам возрастает с 3 до 4 %; разрешается покупать государственные ценности без ограничения размера (Белявский, 1896: 101). Результат не замедлил сказаться: с 1883 г. возросло число клиентов, стали открываться новые отделения (Рис. 4).

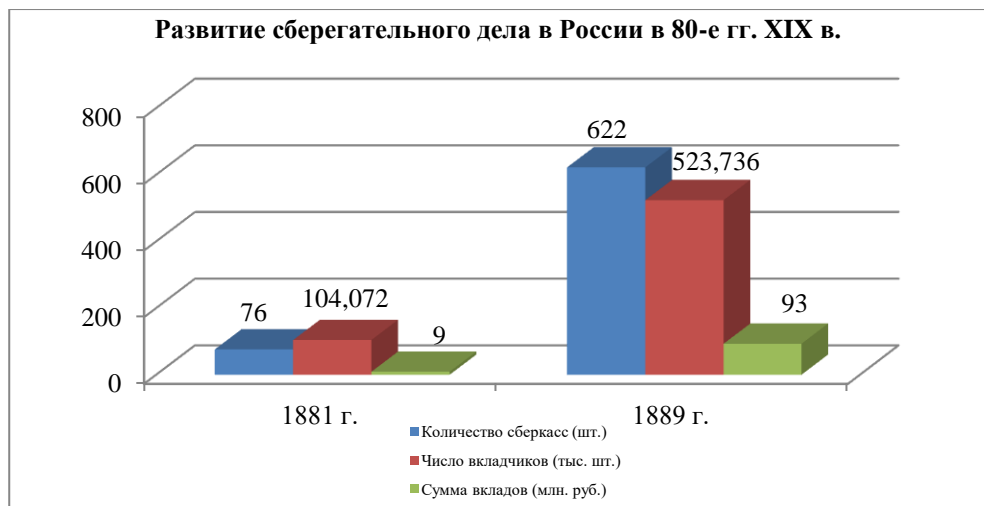

Рис. 4. Динамика деятельности сберегательных касс в Российской империи в 80-е гг. XIX в. Источник: Белявский Н.Н. Сберегательные кассы. СПб., 1896. С. 101

В 1882 г. в связи с открытием отделения Госбанка в Туле сберегательная касса была передана в ведение Министерства финансов. Если в Тульской государственной сберегательной кассе № 132 на 01.01.1883 г. имелось 6 000 руб., то в 1899 г. – уже 8 998 000 руб. Вплоть до 1904 г. движения вкладов – денежных и в процентных бумагах – по Тульской сберкассе не наблюдалось (ГАТО. Ф. 122. Оп. 1. Д. 661. Л. 4). Похожие процессы происходили и в других губерниях.

Государственные кредитные организации, занимавшие ввиду значимости в функционировании государства и сложившихся традиций первый уровень, составлявшие 28,5 % от общероссийского

кредитного рынка, владели 11,3 % совокупного собственного капитала, 42,9 % привлекали в виде депозитов. На них приходилось 40,3 % совокупных активов и 39,9 % всех учетно-ссудных операций (Андрюшин, 2011: 329).

5. Заключение

Важнейшим элементом модернизации российской экономики во второй половине XIX – начала XX вв. явилось формирование кредитно-финансовой системы. С середины XVIII века по середину XIX века в стране функционировали отдельные казенные кредитные учреждения. Финансовый кризис конца 50-х гг. XIX в., вызванный отсталостью финансового сектора российской экономики, привел к осознанию правительственными структурами необходимости реформирования данной сферы общественных отношений. В 1860 г. деятельность казенных учреждений была приостановлена, Государственный Коммерческий банк был преобразован в Государственный банк, который, с одной стороны, являлся эмиссионным банком краткосрочного коммерческого кредита, с другой – выполнял общегосударственные задачи. Банк занимался обслуживанием государственного долга, поддержанием курса национальной валюты и государственных ценных бумаг, обеспечивал выкупную операцию в рамках крестьянской реформы, финансировал железнодорожное строительство и иные стратегические проекты.

После кризиса 1873–1875 гг. официально были закреплены регулирующие функции Государственного банка. Ужесточился контроль над учреждениями коммерческого кредита со стороны Министерства финансов и Государственного банка.

В 1880–1890 гг. основной задачей правительства являлась поддержка с помощью доступного кредита мелких и средних производителей. В уставе Государственного банка 1894 г. была закреплена функция кредитора мелких и средних производителей, но на практике полноценно данные положения не действовали, т.к. в правительственных кругах не было единства в требовании руководствоваться данным подходом. В крупных торгово-промышленных центрах функционировали учреждения государственных банков в статусе контор и отделений.

Комплексный анализ деятельности тульских отделений государственных кредитных учреждений второй половины XIX – начала XX вв. позволяет утверждать, что ситуация в данном регионе соответствовала общероссийской тенденции. Несмотря на то, что финансовая система Российской империи в данный период была инертна, плохо поддавалась корректировке со стороны правительственных органов, что было закономерно и являлось проявлением состояния российского общества, кредитная политика правительства Российской империи была нацелена на модернизацию социально-экономических отношений в стране. Деятельность государственных ипотечных банков способствовала расширению крестьянского землевладения и развитию аграрного сектора российской экономики.

Таким образом, развитие тульских отделений государственных банков во второй половине XIX – начале XX вв. внесло весомый вклад в поступательное развитие регионального производственного сектора российской экономики.

Литература

- Адрес-календарь Тульской губернии на 1868 г. – Адрес-календарь Тульской губернии на 1868 г. Тула, 1868. 221 с.
- Андрюшин, 2011 – Андрюшин С.А. Банковские системы. М., 2011. 384 с.
- Андрюшина, Андрюшин, 2007 – Андрюшина И.А., Андрюшин С.А. Ипотечное кредитование в России: уроки истории // *Имущественные отношения в РФ*. 2007. № 1. С. 47-51.
- Белявский, 1896 – Белявский Н.Н. Сберегательные кассы. СПб., 1896. 215 с.
- Вдовин, 1959 – Вдовин В.А. Крестьянский поземельный банк (1883–1885 гг.). М., 1959. 107 с.
- Гиндин, 1948 – Гиндин И.Ф. Русские коммерческие банки. Из истории финансового капитала в России. М., 1948. 466 с.
- Гиндин, 1960 – Гиндин И.Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства, 1860–1892 гг. М., 1960. 415 с.
- Гиндин, 1997 – Гиндин И.Ф. Банки и экономическая политика в России (XIX – начало XX вв.). Избранное. Очерки истории и типологии русских банков. М., 1997. 208 с.
- ГАТО – Государственный архив Тульской области.
- Деловая Россия, 1896 – Деловая Россия. Тула. 1896. 21 с.
- Деятельность Крестьянского банка..., 1913 гг. – Деятельность Крестьянского банка в Тульской губернии за 1911–1913 гг. Тула. 1913. 65 с.
- Ефимкин, 2007 – Ефимкин А.П. Государственный надзор за кредитными учреждениями России // *Деньги и кредит*. 2007. № 6. С. 65-69.
- Караваева, 2003 – Караваева И.В. Государственные финансы России, XIX – первая четверть XX века. М., 2003. 304 с.
- Кисмина, Благодичнова, 2014 – Кисмина Е.В., Благодичнова Н.А. Государственные банки в системе кредита Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. // *Вестник Самарского государственного экономического университета*. 2014. № 5 (115). С. 103-111.

- [Коханова, 1999](#) – *Коханова Р.Г.* История сберегательного дела в Тульской губернии. Тула, 1999. 320 с.
- [Левичева, 2002](#) – *Левичева И.Н.* Особенности становления банковской системы России во второй половине XIX века // *Деньги и кредит.* 2002. № 10. С. 56-65.
- [Назырова, Шелкоплясова, 2018](#) – *Назырова Е.А., Шелкоплясова Н.И.* Развитие ипотечного кредитования в российской провинции на рубеже XIX – XX вв. (на примере Тульской губернии). Вестник Тульского филиала Финуниверситета. Тула: Издательство Промпилот, 2018. С. 436-438.
- [Обзор Тульской губернии за 1913 год, 1915](#) – Обзор Тульской губернии за 1913 год. Тула, 1915. 198 с.
- [Обзор Тульской губернии за 1913 год, 1916](#) – Обзор Тульской губернии за 1914 год. Тула, 1916. 201 с.
- [Отчет о действиях Тульского..., 1884](#) – Отчет о действиях Тульского городского общественного, И.Д. Сушкина, банка, за 1883 год. Тула, 1884. 56 с.
- [Отчет С.-Петербургского поземельного банка за 1913 г., 1914](#) – Отчет С.-Петербургского поземельного банка за 1913 г. СПб., 1914. 95 с.
- [Памятная книжка Тульской губернии за 1882 г., 1883](#) – *Памятная книжка Тульской губернии за 1882 г.* Тула, 1883. 236 с.
- [Памятная книжка Тульской губернии за 1888 г., 1888](#) – *Памятная книжка Тульской губернии за 1888 г.* Тула, 1888. 228 с.
- [Памятная книжка Тульской губернии за 1900 г., 1901](#) – *Памятная книжка Тульской губернии за 1900 г.* Тула, 1901. 237 с.
- [Памятная книжка Тульской губернии за 1914 г., 1915](#) – *Памятная книжка Тульской губернии за 1914 г.* Тула, 1915. 230 с.
- [Памятная книжка..., 1865](#) – *Памятная книжка Тульской губернии за 1864 г.* Тула, 1865. 230 с.
- [Проскуракова, 1995](#) – *Проскуракова Н.* Ипотека в России в конце XIX – начале XX вв. // *Вопросы истории.* 1995. № 9. С. 9-17.
- [Проскуракова, 1980](#) – *Проскуракова Н.А.* Материалы по истории аграрных отношений в России в конце XIX – начале XX вв.: Статистика долгосрочного кредита в России. М.: Ин-т истории, 1980. 80 с.
- [Пчелиников, 2014](#) – *Пчелиников А.Г.* История зарождения банковских правоотношений в России // *МФЮА.* М., 2014. № 4. С. 166-170.
- [РГИА](#) – Российский государственный исторический архив.
- [Сахаров, 1908](#) – *Сахаров А.Н.* Беседа о мелком кредите. Тула, 1908. 26 с.
- [Семенкова, 2010](#) – *Семенкова Т.Г.* Из истории Российской финансово-экономической мысли XIX века: экономическая программа министра финансов М.Х. Рейтерна // *Финансы. Деньги. Инвестиции.* 2010. № 1. С. 37-40.
- [СУиРП](#) – Собрание узаконений и распоряжений Правительства.
- [Таранков, 1992](#) – *Таранков В.И.* Ценные бумаги Государства Российского. М.–Тольятти, 1992. 648 с.
- [Тульская губернская касса мелкого кредита за 1916 год, 1917](#) – Тульская губернская касса мелкого кредита за 1916 год. Тула, 1917. 31 с.
- [Уразова, 2007](#) – *Уразова С.А.* (2007). Генезис банковской системы России: системно-эволюционный аспект. Ростов на/Д, 2007. 167 с.
- [Фадейкина, Демчук, 2007](#) – *Фадейкина Н.В., Демчук И.Н.* Банковская система Российской империи в период Великих реформ // *Сибирская финансовая школа.* 2007. № 3. С.108-118.
- [Фадейкина, Демчук, 2010](#) – *Фадейкина Н.В., Демчук И.Н.* Эволюция банковской системы России // *Банковское дело.* 2010. № 4. С. 76-84.

References

- [Adres-kalendar Tulskey gubernii na 1868 g., 1868](#) – *Adres-kalendar Tulskey gubernii na 1868 g.* [Address – calendar of Tula province in 1868, 1868-address-calendar of Tula province in 1868]. Тула, 1868. 221 p. [in Russian]
- [Andryushin, 2011](#) – *Andryushin S.A.* (2011). Bankovskie systemi [Banking systems]. М. 384 p. [in Russian]
- [Andryushina, Andryushin, 2007](#) – *Andryushina I.A., Andryushin S.A.* (2007). Ipotechnoe kreditovanie v Rossii: uroki istorii [Mortgage lending in Russia: lessons of history]. *Imuschestvennie otnosheniya v RF.* No. 1. pp. 47-51. [in Russian]
- [Belyavsky, 1896](#) – *Belyavsky N.N.* (1896). Sberegatelnie kassi [Savings banks]. SPb. 215 p. [in Russian]
- [Chumakova, 2010](#) – *Chumakova A.S.* (2010). Zarojdenie i razvitie systemy gorodskih obschestvennih bankov v Rossii vo vtoroy polovine XIX-n.XIX (na materialah Sibirskoy gubernii) [The Origin and development of the system of urban public banks in Russia in the second half of the XIXth – the beginning of the XIXth centuries (on materials of Simbirsk province)]. М. 208 p. [in Russian]
- [Delovaya Russia, 1896](#) – *Delovaya Russia* [Business Russia, 1896-Business Russia]. Тула. 1896. 21 p. [in Russian]

- [Deyatelnost Krestyanskogo banka..., 1913](#) – Deyatelnost Krestyanskogo banka v Tul'skoy gubernii za 1911-1913 [The activities of the Peasant Bank in Tula province in 1911 – 1913]. Tula. 1913. 65 p. [in Russian]
- [Efimkin, 2007](#) – *Efimkin A.P.* (2007). Gosudarstvennyy nadzor za kreditnymi uchrezhdeniyami Rossii [State supervision of credit institutions in Russia]. *Dengi i kredit*. No. 6. pp. 65–69. [in Russian]
- [Fadeikina, Demchuk, 2007](#) – *Fadeikina N.V., Demchuk I.N.* (2007). Bankovskaya sistema Rossiyskoy Imperii v period Velikih reform [Banking system of the Russian Empire in the period of Great Reforms]. *Sibirskaya finansovaya shkola*. No. 3. pp. 108–118. [in Russian]
- [Fadeikina, Demchuk, 2010](#) – *Fadeikina N.V., Demchuk I.N.* (2010). Evolucia bankovskoy sistema Russii [Evolution of the Russian banking system]. *Bankovskoe delo*. No. 4. pp. 76–84. [in Russian]
- [Gindin, 1948](#) – *Gindin I.F.* (1948). Russkie kommercheskie banki. Is istorii finansovogo kapitala v Rossii [Russian commercial banks. From the history of financial capital in Russia]. M. 466 p. [in Russian]
- [Gindin, 1960](#) – *Gindin I.F.* (1960). Gosudarstvennyy bank i ekonomicheskaya politika carskogo pravitelstva, 1860–1892 [The state Bank and the economic policy of the tsarist government, 1860–1892]. 415 p. [in Russian]
- [Gindin, 1997](#) – *Gindin I.F.* (1997). Banki i ekonomicheskaya politika v Rossii (XIX – nachalo XX v.). Izbrannoe. Ocherki istorii i tipologii russkikh bankov [Banks and economic policy in Russia (the beginning of the XX century). Selected writings. Essays on the history and typology of Russian banks]. M. 208 p. [in Russian]
- [GU GATO](#) – Gosudarstvennoe upravlenie Gosudarstvennyy arhiv Tul'skoy oblasti [Public administration, State archive of the Tula region].
- [Karavaeva, 2003](#) – *Karavaeva I.V.* (2003). Gosudarstvennye financy v Rossii, XIX – pervaya chetvert XX veka [Public finances of Russia, XIX – the first quarter of the XXth century]. M. 304 p. [in Russian]
- [Kismina, Deanery, 2014](#) – *Kisina E.V., Deanery N.A.* (2014). Gosudarstvennye banki v sisteme kredita Rossiyskoy Imperii vtoroy poloviny XIX – nachala XX v. [State banks in the credit system of the Russian Empire in the second half of the XIXth – early XXth century]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. № 5 (115). pp. 103–111. [in Russian]
- [Kohanova, 1999](#) – *Kohanova R.G.* (1999). Istoria sberegatel'nogo dela v Tul'skoy gubernii [The history of the savings business in the Tula province]. Tula. 320 p. [in Russian]
- [Levicheva, 2002](#) – *Levicheva I.N.* (2002). Osobennosti stanovleniya bankovskoy sistema Rossii vo vtoroy polovine XIX veka [Specific aspects of the formation of the Russian banking system in the second half of the XIX century]. *Dengi i kredit*. No. 10. pp. 56–65. [in Russian]
- [Nazyrova, Shelkopyasova, 2018](#) – *Nazyrova E. A., Shelkopyasova N. I.* (2018). Rasvitie ipotechnogo kreditovaniya v rossiyskoy provincii na rubege XIX – XX vv. (na primere Tul'skoy gubernii) [The development of mortgage lending in the Russian province in XIX – XX centuries (on the example of Tula region)]. *Vestnik Tul'skogo filiala Finuniversiteta*. Tula: Izdatel'stvo Prompilot. pp. 436–438. [in Russian]
- [Obzor Tul'skoy gubernii za 1913 g., 1915](#) – Obzor Tul'skoy gubernii za 1913 g. [Review of Tula Province for 1913]. Tula. 1915. 198 p. [in Russian]
- [Obzor Tul'skoy gubernii za 1913 g., 1916](#) – Obzor Tul'skoy gubernii za 1914 g. [Review of Tula Province for 1913]. Tula. 1916. 201 p. [in Russian]
- [Otchet o deystviakh Tul'skogo...](#), 1884 – Otchet o deystviakh Tul'skogo gorodskogo obshchestvennogo, I.D. Sushkina, banka, za 1883 god [Report on the activities of the Tula Municipal Public Bank in 1883, I.D. Sushkina]. Tula, 1884. 56 p. [in Russian]
- [Otchet S.-Peterburgskogo pozemel'nogo banka za 1913 g., 1914](#) – Otchet S.-Peterburgskogo pozemel'nogo banka za 1913 g. [Report of the St. Petersburg land Bank in 1913]. 1914, 95 p. [in Russian]
- [Pamyatnaya knizhka Tul'skoy gubernii za 1864 g., 1865](#) – Pamyatnaya knizhka Tul'skoy gubernii za 1864 g. [The memorable book of the Tula Province for 1864]. Tula. 1865. 230 p. [in Russian]
- [Pamyatnaya knizhka Tul'skoy gubernii za 1882 g., 1883](#) – Pamyatnaya knizhka Tul'skoy gubernii za 1882 g. [The memorable book of the Tula Province for 1882]. Tula. 1883. 236 p. [in Russian]
- [Pamyatnaya knizhka Tul'skoy gubernii za 1888 g., 1888](#) – Pamyatnaya knizhka Tul'skoy gubernii za 1888 g. [The memorable book of the Tula province for 1882]. Tula. 1888. 228 p. [in Russian]
- [Pamyatnaya knizhka Tul'skoy gubernii za 1900 g., 1901](#) – Pamyatnaya knizhka Tul'skoy gubernii za 1900 g. [The memorable book of the Tula Province for 1900]. Tula. 1901. 237 p. [in Russian]
- [Pamyatnaya knizhka Tul'skoy gubernii za 1914 g., 1915](#) – Pamyatnaya knizhka Tul'skoy gubernii za 1914 g. [The memorable book of the Tula Province for 1914]. Tula. 1915. 230 p. [in Russian]
- [Pchel'nikov, 2014](#) – *Pchel'nikov A.G.* (2014). Istoria zarozhdeniya bankovskikh pravootnosheniy v Rossii [History of the origin of banking relationships in Russia]. MFUA M. No. 4. From 166 to 170. [in Russian]
- [Proskuryakova, 1980](#) – *Proskuryakova N.A.* (1980). Materialy po istorii agrarnih otnosheniy v Rossii v konce XIX – nachale XX vv.: Statistika dolgosrochnogo kredita v Rossii [Materials on the history of agricultural relations in Russia in the late XIXth-early XXth centuries.: long-term statistics. Credit in Russia]. M.: In-t history. 80 p. [in Russian]
- [Proskuryakova, 1995](#) – *Proskuryakova N.* (1995). Ipoteka v Rossii v konce XIX – nachale XX v. [Mortgage in Russia in the late XIXth-early XXth century]. *Voprosy istorii*. No. 9. pp. 9–17. [in Russian]
- [RGIA](#) – Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arhiv [Russian state historical archive].

[Sakharov, 1908](#) – *Sakharov A.N.* (1908). Beseda o melkom kredite [Talk about a small loan]. Tula. 26 p. [in Russian]

[Semenkova, 2010](#) – Semenkova T.G. (2010). Iz istorii Rossiyskoy finansovo-economicheskoy mysly XIX veka: ekonomicheskaya programma ministra finansov M.H. Reyterna [From the history of Russian financial and economic thought of the XIX century: economic program of the Minister of Finance M.H. Reutern]. *Financy. Dengi. Investicii*. No. 1. pp. 37-40. [in Russian]

[SUIrP](#) – Sobranie uzakoneniy i rasporyageniy Pravitelstva [The Assembly of laws and orders of the Government].

[Tarankov, 1992](#) – *Tarankov V.I.* (1992). Cennie bumagi gosudarstva Rossiyskogo [Securities of the Russian state]. M.-Tolyatti. 648 p. [in Russian]

[Tul'skaya gubernskaya kassa melkogo kredita za 1916 g, 1917](#) – Tul'skaya gubernskaya kassa melkogo kredita za 1916 g. [Tula provincial cash register of small credit for 1916]. Tula, 1917. 31 p. [in Russian]

[Urazova, 2007](#) – *Urazova S.A.* (2007). Genesis bankovskoy systemy Rossii: systemno-evolutionniy aspect [The Genesis of the Russian banking system: the system-evolutionary aspect]. Rostov on/D. 167 p. [in Russian]

[Vdovin, 1959](#) – *Vdovin V.A.* (1959). Krestianskiy pozemelniy bank (1883–1885) [The Peasant Land Bank] (1883–1885)]. M. 107 p. [in Russian]

Особенности функционирования регионального уровня государственных кредитных организаций во второй половине XIX – начале XX вв.» (на примере Тульской губернии)

Екатерина Александровна Назырова ^{a,*}, Надежда Ивановна Шелкоплясова ^a

^a Тульский филиал Финуниверситета, Тула, Российская Федерация

Аннотация. В статье показано, что изменения в экономической сфере Российской империи, произошедшие в 50-е гг. XIX в., повлекли за собой реформирование банковского сектора, в результате чего к концу XIX в. была сформирована трехуровневая модель, включавшая государственные, универсальные коммерческие кредитные организации и микрофинансовые институты кредитной кооперации. Первый (государственный) уровень представляли Государственный Дворянский земельный, Крестьянский поземельный банки, Санкт-Петербургская и Московская ссудные казны и сберегательные кассы.

В исследовании проанализирована реализация кредитной политики на государственном уровне в пореформенную эпоху в провинции Российской империи на примере Тульской губернии. Рассмотрена правовая основа организации и функционирования кредитных организаций первого уровня. Выявлена специфика деятельности местных отделений государственных банков. Показан механизм функционирования Тульских отделений Государственного, Дворянского земельного, Крестьянского поземельного банков и сберегательных касс.

В Тульской губернии первая Сберегательная касса была учреждена в 1849 г. при Тульском приказе общественного призрения. С 1863 г. система сберегательных касс переживает затяжной кризис, причиной которого явилась острая конкуренция на рынке кредитования.

В 1860 г. Государственный Коммерческий банк был преобразован в Государственный банк. Тульское отделение было учреждено 01.05.1882 г.

Успешно функционировали в регионе ипотечные банки. Отделение Крестьянского Поземельного банка учреждено в 1887 г., а 15.02.1897 г. было открыто Тульское отделение Государственного Дворянского земельного банка. Особенности кредитной политики в Тульской губернии подтверждены конкретной статистикой на основе архивных документов, впервые введенных в научных оборот.

Ключевые слова: история становления институтов кредитования Тульской губернии, вторая половина XIX – начало XX вв.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ENazyrova@fa.ru (Е.А. Назырова), Schelkoplyasova2015@yandex.ru (Н.И. Шелкоплясова)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 51. Is. 1. pp. 337-347. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.1.337
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Kazakh Traditional Village in the Works of Russian Scientists (late XIX – early XX century)

Nursan Alimbay ^{a, *}, Gulmira U. Orynbayeva ^a

^a Central State Museum, Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Kazakhstan

Abstract

The traditional Kazakh village of the nomadic mode of life functioned as a structure-forming “block” of the community – the main form of self-organization of the ethnic group, the process of reproduction of conditions and means to a normal existence in pre-industrial society. Unsurpassed sources for the study of the traditional Kazakh village, its economic, social and cultural life are the studies of pre-revolutionary Russian authors – scientists, government officials, etc.

These works, written by highly skilled specialists of their time, provide diverse and extremely important information that helps modern historians restore the picture of the life of nomadic and semi-settled Kazakhs in that post-reform period (late XIX – early XX century). At the same time, the most representative sources giving a complete picture of the life of the nomadic village among the Kazakhs are, undoubtedly, the published results of the statistical commissions researching the territory of Kazakhstan (“Materials on Kyrgyz Land Use...” and others).

Therefore, more attention was paid to this particular group of sources. Published materials of expeditions organized by the royal administration in the second half of the XIX century – the first decade of the XX century, contain well-organized statistical information and very serious analytical materials on such key indicators of Kazakh society as “social structure”, “property relations” about land use in nomadic environment, mediated by ownership of livestock, “subsistence system”, “traditions (methods and strategy) of environmental management”, “relationships with alien population”, “dynamics of the political structure of nomadic society in the historical context”, etc.

Keywords: Russian sources, Materials on Kyrgyz land use, Kazakhs, nomadic cattle breeding, farming, industries, districts, changes.

1. Введение

Проблема кочевой общины до сих пор относится к области догадок и предположений. Одна из причин такой историографической ситуации – это неизученность ее системообразующего компонента – казахского аула, являющегося основной производительной силой в общине-социуме (Алимбай, 2018: 47) и универсальной единицей традиционного казахского поселения; община-социум включала в себя обычно несколько социальных организмов – аулов-поселений (Ажигали, 2002: 155). В условиях кочевого образа жизни казахский аул являлся первичной формой организации процесса воспроизводства условий и средств к нормальному существованию, а также личности общинного типа («коллективная личность»).

Российские источники являются основными при изучении истории и этнографии казахов в дореволюционную эпоху. Однако, несмотря на особую ценность работ российских дореволюционных авторов о казахах, они продолжают оставаться преимущественно малознакомыми широкому кругу исследователей. Кроме того, в среде этнологов случаются даже попытки принизить значение публикаций колониального периода как искаженных и неадекватных казахской действительности (Ажигали, 2009: 189–190).

* Corresponding author

E-mail addresses: orinbaevag@mail.ru (N. Alimbay)

Исследованием трудов российских авторов, освещавших жизнь и быт казахов в дореволюционную эпоху, занимались и продолжают заниматься специалисты в области истории Казахстана нового времени и этнографии казахов. Анализ российских источников на тему социально-экономического устройства традиционного казахского социума содержится в трудах многих исследователей, к примеру, таких, как С.Е. Толыбеков (Толыбеков, 1971), Н.Э. Масанов (Масанов, 2011), В.П. Курьлев (Курьлев, 1998) и др. При всей востребованности в исторической науке Казахстана указанной группы источников изучение казахского минимального поселения – аула как системообразующего компонента и основной производительной силы казахской общины-социума – не производилось. Актуальность темы, таким образом, обусловлена необходимостью изучения трудов дореволюционных российских авторов в качестве источников исследования жизни традиционного казахского аула – первичной общины, как основного механизма функционирования кочевничества.

2. Материалы и методы

Как уже отмечалось выше, в условиях кочевого образа жизни именно казахский традиционный аул функционировал в качестве основной производительной силы в общине-социуме. В целях историко-этнографического и теоретического обоснования данного ключевого положения исследования будут использованы структурный, функциональный и контекстуальный методы, которые вкуче с другими «сопутствующими» приемами работы с источниками способствуют созданию эффективной системы доказательств. При этом преимущественно используется функциональный метод, призванный «отыскать» такие системообразующие элементы изучаемого объекта, которые характеризовались бы четко выраженной функциональностью. Именно благодаря данному методу удалось выявить внутренние механизмы функционирования социума, которые действовали в качестве основных производителей практически всех видов материальных и духовных благ в общине. Также используемый в процессе реализации проекта контекстуальный метод, в свою очередь, предполагает применение факторного анализа, призванного определить комплекс как объективных, так и субъективных факторов-причин изменений в структуре общинных отношений в кочевой среде в послереформенный период (со второй половины XIX до начала XX вв.).

Предварительная камеральная обработка и источниковедческая экспертиза указанного корпуса источников показали, что степень верифицируемости извлеченных данных находится в прямой зависимости от предметно-тематически заданной причинно-следственной коррелируемости всех без исключения типов и видов источников между собой. И это является основополагающим условием обеспечения репрезентативности оперируемых данных. С этой точки зрения так называемая приоритетность того или иного вида (типа) источников чревата принципиальной невозможностью создать теоретически и логически четко верифицируемую источниковую базу изучения вопроса. Даже преимущественное использование отдельных видов источников эффективно лишь в той мере, в какой их данные коррелируются и корректируются с соответствующими данными других источников.

3. Обсуждение и результаты

Дореволюционное казахское поселение-аул, его хозяйственная жизнь, социальное устройство, традиционная материальная и духовная культура широко представлены на страницах трудов российских интеллектуалов дореволюционного периода: ученых, экономистов, агрономов, статистиков, историков, этнографов, а также чиновников, путешественников и т.д. На наш взгляд, наиболее репрезентативными источниками, дающими полное представление о состоянии кочевой общины у казахов, являются, бесспорно, опубликованные итоги работ статистических комиссий, исследовавших территорию Казахстана («Материалы по киргизскому землепользованию...» (или МКЗ) и др.) (казахов до 1925 г. называли киргизами). Поэтому большее внимание было уделено именно этой группе источников. При этом необходимо отметить, что работ российских дореволюционных авторов по нашей теме имеется неизмеримое количество, поэтому, учитывая, что невозможно «объять необъятное», мы осветили небольшую часть источников, отличающихся репрезентативностью, дающих полное и исчерпывающее представление о жизни кочевого казахского аула в определенный нами период.

Одним из таких источников-исследований является труд «Киргизский народ в прошлом и настоящем», в котором автор подводит итоги работы экспедиции по исследованию степных областей, проводимых под началом Ф.А. Щербины в 1896–1901 гг. Позже, в 1909–1913 гг., П.П. Румянцев сам возглавит статистическую экспедицию в Семиреченскую область. Источник представляет интерес, так как посвящен проблеме «социально-экономического состояния киргизского (т.е. казахского – авт.) народа», изучив который, необходимо было, с точки зрения автора, решить вопрос о землеустройстве кочевых казахов.

П.П. Румянцев отмечает, что правительственные издания неизменно констатируют наличие серьезного экономического и социального неравенства среди казахского населения (Румянцев, 1910: 5). Сначала сильные родовые группы, а затем богатые и влиятельные общинники упрочили за собою в больших размерах пастбищные угодья за счет более слабой как по родовым связям, так и по

экономическому обеспечению части кочевого населения (Румянцев, 1910: 6). Власть в родовой общине, по мнению автора, от родоначальников перешла к богатым ее представителям, что также являлось веянием времени.

Согласно источникам, жизнь в казахских общинах в этот период подвергалась значительным необратимым изменениям под влиянием проводимых правительством землеустроительных работ (Румянцев, 1910: 7).

П.П. Румянцев оспаривает тезис о существовании в этот период у казахов родовой аристократии, пользующейся экономическими и социальными привилегиями. Он рассказывает о реформах царского правительства, хотя и достаточно осторожных, но в то же время не могших не влиять на жизнь казахских общин (Румянцев, 1910: 10).

Автор, подытоживая изложенную им историю казахского народа, подчеркивает, что после введения Степного положения уже нет истории казахов, а есть «история жизни сельских обывателей-инородцев России» (Румянцев, 1910: 34). Однако, на наш взгляд, и на это указывают другие источники, население казахских степей, конечно же, подвергаясь изменениям, продолжало существовать в системе прежних кочевых родовых общин, сумев адаптировать указанные реформы под свою жизнь.

П.П. Румянцев акцентирует внимание на происходящих в казахском обществе переменах. Прежде политико-административных реформ, по его мнению, «бесповоротно перестраивали социальные отношения киргизского народа новые хозяйственные условия, победоносно вторгнувшиеся в степь и быстро подчинившие ее себе» (Румянцев, 1910: 36).

Экономическую жизнь казахов в этот период, по мнению П.П. Румянцева, предопределили такие факторы, как колонизация степи русскими переселенцами, быстрое развитие торговых отношений с Россией, ускоренное строительство железной дороги. В результате натуральное скотоводческое хозяйство кочевников-казахов стало превращаться в товарно-денежное, среди них начался процесс оседания и распространения земледелия. Прежние родовые и социальные отношения стали себя изживать вследствие распространения в степи капитализма, положившего начало новому классовому делению среди казахов. Эти процессы замечены всеми российскими исследователями, отмечает П.П. Румянцев, в том числе и авторами такого значительного исследования, как «Материалы по киргизскому землепользованию...», составленные в результате экспедиций по степным областям под руководством Ф. Щербины.

Также автор отмечает, что 96,3 всех казахских хозяйств 10 уездов степной полосы стали употреблять в пищу, а отчасти и на корм скоту, хлеб. Дело в том, что прежде хлеб не был свойственен культуре питания кочевых казахов. Теперь же, как утверждает П.П. Румянцев, процент употребляющих хлеб в пищу приближается к 100. Процент же сеющих хлеб казахов – 46,3. На каждое сеющее казахское хозяйство приходилось в среднем 1,4 десятины посева. Промыслами же занимались 33,1 % всех хозяйств. Таким образом, как указывает исследователь, хотя скотоводство продолжало оставаться главным занятием и источником существования казахов, при этом значительно возросла роль земледелия и промыслов. Более активно неполивное земледелие, сенокосение, промыслы распространялись среди казахов в северных, прииртышских (Омский, Павлодарский уезды) и в Устькаменогорском уездах, т.е. с высоким процентом переселенческого населения (Румянцев, 1910: 38).

По сведениям П.П. Румянцева, в 50-х годах XIX в. прекратились крупные передвижения киргизских родов по степи, и они стали прикрепляться к определенным местам, хотя зачастую отдельные части родов и хозяйства продолжали менять места своих зимних и летних кочеваний (Румянцев, 1910: 54). Родовые группы устанавливали за собой право пользования определенным кстау (зимовкой), но уже границы прилегающей территории не могли быть определены с точностью; еще в большей мере относится это к весенне-осенним пастбищам – кузеу, которые менялись в зависимости от наличия в данный год воды и других условий; места же летних кочевков – джайлау – в основном продолжали оставаться общими (Румянцев, 1910: 55). Автор отмечает, что в землепользовании казахов происходят изменения: от родовой общины кочевники переходят к земельно-соседской (Румянцев, 1910: 56).

П.П. Румянцев обращает внимание на то, что Ф.А. Щербина, руководитель экспедиции в степные области Казахстана, отмечал падение среди казахов обычая гостеприимства (Румянцев, 1910: 58), что также свидетельствует о разложении кочевого образа жизни, диктовавшего необходимость предоставления крова и пищи любому путнику.

Выдающийся казахский политический и общественный деятель, ученый-экономист и этнограф А.Н. Букейханов также принимал участие в многочисленных государственных статистических обследованиях и являлся автором ряда статей, опубликованных по итогам этих экспедиций. В работе «Киргизы» он говорит о широком распространении земледелия среди казахов в начале XX века. Как автор пишет, по данным статистики, земледелием занимались на тот момент 63 % казахских хозяйств, однако главным занятием казахов все же продолжало оставаться скотоводство. Далее он указывает, что все казахи жили 8–10 месяцев в году в зимний период оседло на одном месте и только лишь незначительная часть казахского населения продолжала жить зимой в юртах в полосе Голодной степи, перекочевывая с места на место. Размеры «кыстау» варьировались в зависимости от природных условий уезда: в его величине, как указывал ученый, как бы фиксируется

производительность пастбища и покоса. Там, где покос сена давал возможность извлечь из почвы больше, нежели оставлять скоту на подножный корм, размеры кыстау возрастали.

На Тарбагатае (Зайсанского уезда), Чингистау (Семипалатинского уезда) и в Голодной степи (юг Каркаралинского, Акмолинского уездов) величина зимних пастбищ «кыстау» понижалась до 2 и даже до 1 хозяйства. В пойменных же лугах Иртыша, Ишима, Нуры величина казахского поселения доходила до 20, 30, 50 и даже 80 хозяйств, приближаясь, таким образом, к размерам достаточно большого русского крестьянского поселка. Казахское «кыстау» представляет собой, пишет источник, подобно крестьянской сельской общине, элементарную земельную единицу. Важнейшие уголья – покосы на севере, запасные, охраняемые на черный день пастбища – «корык» на юге, и овечьи пастбища, так называемый «койболик», – находятся в исключительном пользовании и владении зимнего аула-поселения «кыстау». Закон считал эти уголья, как и все земли Казахской степи, казенными, предоставленными лишь в пользование кочевников; но это, однако, нисколько не мешало, замечает автор, казахскому населению арендовать, дарить, завещать, продавать друг другу покосы, «корык» и овечьи пастбища. В горах Тарбагатай, Чингистау и другие покосы, а иногда и овечьи пастбища поделены были в пределах кыстау между отдельными хозяйствами, и каждое из них распоряжалось своей долей на правах частной собственности. Далее, следующая категория пастбищ находилась в совместном пользовании 2–3 и более кыстау. Такая группа зимних поселений кыстау в статистической литературе получила название «общинно-аульной», представляющей последующую за кыстау поземельную единицу, бытовавшую у казахов-кочевников (Букейханов, 1910: 577–600).

Важные сведения о жизни кочевников Пресногорьковской волости содержатся в работе В. Михайлова «Киргизские степи Акмолинской области (по обследованию ветеринарных врачей)». Пресногорьковская волость Петропавловского уезда располагалась в северо-западной части Акмолинских степей. «Заселяющие эти места киргизы принадлежат к средней орде и делятся на восемь родов: Чайгузы, Матакан, Сиваны, Уваки, Кирей, Аргыны, Барджаксы и Кытай. Каждый род, в свою очередь, делится на несколько отделений...». В административном отношении казахи уезда делились на 9 официальных аулов, которые подразделялись на небольшие родовые аулы. Их было 179, в них обитали 1216 кибитковладельцев (6852 души обоего пола). Сенокосные участки и озера были при этом строго распределены (Михайлов, 1893: 4–5).

Нередко владельцы одного и того же аула жили в различных концах волости. Казахи, как описывает В. Михайлов, жили отдельными группами в несколько семейств каждая, и эти группы носили также название аулов с прибавлением имени главы семьи, обыкновенно самого зажиточного, по утверждению автора, в этой группе ее члена. Далее, по сведениям источника, в большинстве случаев каждый владелец более или менее состоятельного хозяйства имел свой собственный аул, в состав которого входили несколько родственных семейств, менее обеспеченных. Нередко сюда примыкали и обедневшие члены общины – джатаки (букв. – «лежащие», т.е. неkochующие). Каждый состоятельный хозяин-казах стремился иметь вблизи зимовки определенную площадь для прокорма своего скота в течение зимы на подножном корму и известную часть сенокосных мест, которыми он мог бы свободно распоряжаться. В отношении пользования степью, как между административными аулами, так и родовыми не было никаких границ, но по обычному праву все зимовочные места, сенокосные участки и озера довольно строго были распределены. Общим достоянием кочевников оставались летовки, куда, по свидетельству автора, летом стекались казахи со всей волости (Михайлов, 1893: 5).

Как указывает В. Михайлов, главным и почти единственным занятием казахов Пресногорьковской волости являлось скотоводство. В источнике приведена таблица, судя по которой, больше всего в волости выращивали овец, затем коров, затем лошадей, коз и очень малое количество верблюдов. Каждый родовой аул в среднем состоял из 7-ми кибиток и 40 душ обоего пола, располагал пространством приблизительно в 2800 десятин, имел 51 лошадь, 54 рогатого скота, $\frac{1}{4}$ верблюда, 90 овец и 20 козлов, а на каждого кибитковладельца в отдельности приходилось 7 душ семьи, 400 десятин земли, 7 лошадей, 8 рогатого скота, 12 овец и 3 козла (Михайлов, 1893: 17–18).

Автор дает описание хозяйственным аулам, состоящим из родовых аулов. Он приводит сведения о количестве кибиток и населения в каждом родовом ауле, о местах зимовок, описывая зимние поселения, и летних кочевков, о расстояниях между кочевьями, времени пребывания на них, сенокосах и др. Согласно В. Михайлову, петропавловские казахи сбывали часть скота для приобретения одежды, чая, сахара, муки, изделий из железа и т.д., а также для уплаты кибиточной подати и других повинностей на ярмарках по казачьей Горькой линии. Автор указывает на широкое распространение в степи Акмолинской области ростовщичества (предоставления денег под расплату скотом и продуктами) как «на самую жестокую эксплуатацию киргиз». Этим занимались и богатые киргизы волости, скупая партии скота по дешевке и сбывая втридорога на ярмарках скотопромышленникам. Некоторое число бедняков-джатаков занималось выделыванием деревянной части юрты, кузнечным ремеслом и проч. В. Михайлов отмечает «попытки киргиз в земледелии» (Михайлов, 1893: 20–21).

Как уже было выше указано, особую группу источников по теме составляют материалы экспедиций, организованных и направленных царской администрацией в различные регионы Казахстана, начиная со второй половины 90-х годов XIX в. Результаты многолетних обследований

хозяйственно-экономической жизни казахов-кочевников, в особенности традиций землепользования в кочевой среде, проведенных этими экспедициями, были опубликованы в виде специальных изданий. По нашим подсчетам общее количество этих изданий по землепользованию у казахов-кочевников составляет 43 тома (а не 35 томов, как полагает ряд исследователей), состоящего из 44 книг («Материалов по киргизскому землепользованию», посвященных Чимкентскому уезду Сыр-Дарьинской области (Ташкент, 1910), представляющих две отдельно изданные объемные части). Изданные материалы экспедиций, как уже было сказано, организованных царской администрацией во второй половине XIX – первом десятилетии XX вв., содержали не только достаточно грамотно систематизированные статистические сведения, но и весьма серьезные аналитические материалы по таким ключевым показателям казахского социума, как «социальная структура», «отношения собственности» по поводу землепользования в кочевой среде, опосредованные собственностью на скот, «система жизнеобеспечения», «традиции (способы и стратегия) природопользования», «взаимоотношения с пришлым населением» (переселенцами), «динамика политической структуры кочевого социума в историческом контексте» и т.д. Эти теоретически значимые «блоки» – концепты выступают организующими началами в процессе изучения и извлечения необходимого объема историко-этнографической информации. Иначе говоря, организация и подача материалов с позиции этих концептов позволяет смоделировать основной механизм самоорганизации этнического коллектива кочевников, понимаемый как община-социум.

Казахстанский исследователь Т.П. Волкова, которая дает разностороннюю и глубокую оценку «Материалам по киргизскому землепользованию...», собранным, изученным и опубликованным группой ученых под руководством основоположника российской статистики Ф.А. Щербины, указывает на чрезвычайную ценность и уникальность этого исследования как источника по казаховедению. По мнению Т.П. Волковой, «Материалы...» восполняют скудость архивных источников, возникшей вследствие недостаточного развития делопроизводства в регионе в свое время и недостаточного комплектования архивных фондов. Казахстанский исследователь предупреждает о необходимости критического подхода к этому источнику, так как царское правительство, проводя статистические исследования Казахстана, стремилось «подвести «научную» базу под изъятие земель у коренного населения». Однако, благодаря Ф.А. Щербине, экспедиция расширила рамки своих задач, произведя разностороннее научное исследование казахского аула, его экономического и социального строения (Волкова, 1983: 225–226).

Казахстанский молодой исследователь Н.А. Тасилова, изучив биографии Ф.А. Щербины и других участников статистического обследования, указывает на увлечение в молодости многими из них народническими, демократическими идеями, за что и подвергались преследованиям со стороны властей. Возможно, именно поэтому в статьях, содержащихся в «Материалах...», мы обнаруживаем указания на неудовлетворительное состояние казахских хозяйств и противоположные ожиданиям царского правительства выводы о необходимости сохранить землевладение за кочевыми общинами (Тасилова, 2016: 11–12).

В советское время ученые вынуждены были выказывать сомнения в репрезентативности «Материалов...» вслед за В.И. Лениным: основатель советского государства критиковал Ф.А. Щербину за увлечение «средними величинами» в одной из своих статей. При этом, в частности, выдающийся советский казахский этнограф М.С. Муканов, указывая на «классовую» заинтересованность руководителя статистической экспедиции в изъятии земель у казахов, признает явную обеспокоенность рядом авторов «Материалов...» плачевным состоянием многих казахских хозяйств (Муканов, 1974: 18).

Рассмотрим вкратце сведения, которые дают нам «Материалы...» по организации социальной жизни в казахском ауле, его связям с родственной общиной и общей хозяйственной деятельностью.

Авторы «Омского уезда» (МКЗ. Т. XI) дают характеристику землепользованию общинно-аульных групп уезда, приводят сведения о совместном пользовании пастбищами и покосами. По их сведениям, основная масса родовых групп владела только зимними пастбищами, летовки же находились на площадях общего пользования. На некоторые угодья у омских казахов уже существовала личная собственность, другие же были в пользовании большего или меньшего числа хозяйств. Группа хозяйств, принадлежащая к одному роду, и владевшая территорией, называлась «одного отца дети» – «бир ата баласы» (прав. *bir ata baldary* – авт.) (Омский уезд, 1902: 32–33).

Призимовочные пастбища находились в полном распоряжении аула: без разрешения его никто не имел права не только передать свое право на пастбище постороннему, но даже перенести на другое место свою зимовку. В томе отмечается, что киргизы (т.е. казахи) начинают ссориться из-за земли. Каждый из аулов группы имел обособленный *койтебин* – пастбище для овец, ближайšie к усадьбам места, так называемые *атаркан*, т.е. площадь, которая может быть вытравлена лошастью, привязанною на аркан, *бзаужери* (телячье пастбище) и *биежери* (пастбище для дойных кобыл) (Омский уезд, 1902: 39–42). Ближайšie к зимовкам участки назывались *кара-малджер*, которые в свою очередь подвергались дроблению (Омский уезд, 1902: 46).

В большинстве случаев осенние пастбища находились в пределах территории, принадлежащей группе «бир ата балдары». По возвращении с летовки каждый аул шел на свою осеннюю стоянку. Хотя границ между соседями на осенних пастбищах не было, но пользование ими все-таки было

ограничено: без разрешения хозяина никто не имел права поставить свои юрты и пригнать скот к чужому водою. Начинали намечаться и некоторые ограничения в праве пользования той или иной летовкой тоже небольшим числом родственных групп. В то же время в Атбасарском или Акмолинском уездах летовки оставались почти абсолютно свободными (Омский уезд, 1902: 42–44).

Характерная особенность омских казахов – это полное отсутствие джатаков (букв. «лежащий»), т.е. неkochующих. Не имеющие средств передвижения пользовались скотом и арбою более состоятельного родственника или всего аула; перекочевка аула с зимовки на джайлау совершалась в течение 2–3 дней. Такая кочевка, известная южным казахам, кочующим за сотни верст, называлась *тасмал*. По приходе на летовку зимние аулы соединяются в более многочисленные группы, составляя летний аул – *котан*. Величина котана зависела, главным образом, от размера стад, так как хозяева, составляющие котан, сообща нанимали пастухов для разного вида скота или устанавливали очереди, если пасли сами, без найма пастухов. Кроме пастбы скота, хозяева, составляющие котан, сообща чистили колодцы, строили или чинили плотины и т.д. Осенью, по возвращении к зимовкам, котан обыкновенно распадался, и зимние аулы стояли каждый на своем кузее, то есть осеннем пастбище, до тех пор, пока не настанет время переходить на зимовки (Омский уезд, 1902: 30–31).

Земледелие в уезде было развито весьма слабо, но по степени развития промысловой деятельности Омский уезд занимал первое место в ряду других Акмолинских уездов. Большинство промысловых занятий приходилось на сельскохозяйственные, лесные, добывающую промышленность и торговлю (Омский уезд, 1902: 64).

Казахское население Кустанайского уезда (расположенного также в северной части Казахской степи), как указывается в пятом томе «Материалов по киргизскому землепользованию», посвященному этому уезду, составляло пять крупных родов: Кирей, Аргын, Кипчак, Джагалбайлы и Джаппас. В томе авторы указывают на развитие земледелия у кустанайских казахов, потребление ими в значительном количестве хлеба, изменение в пищевой норме: понижение пропорций животной пищи и увеличение растительной. Также показаны изменения в составе стад: заметное увеличение рогатого скота, распространение стойлового содержания скота, с соответственной заготовкой сена, развитие извозного промысла (Кустанайский уезд, 1903: IV).

Авторы показывают, как на размер аула и кочевой общины влияло количество разводимого скота. У оседлых или полuosедлых скотоводов главным препятствием для роста количества скота являлась ограниченность пастбищных и сенокосных угодий. У кочевников, кочующих круглый год, единственным тормозом увеличения скота служило возросшее до критических пределов отношение между числом скота и количеством населения (в рабочем возрасте). Размер кочевого стада (овец) также, отмечают авторы, ограничен самой природой. По показаниям кочевников-казахов седьмого старшинства Кентубской волости Перовского уезда, как указано в томе, кочевое овечье стадо не должно заключать в себе более 600 голов, в противном случае, при самых лучших пастбищных условиях, сзади идущие овцы плохо нагуливают жир. По этим причинам многоскотные аулы при переходах на более скудные пастбища разбивают свои стада на 2–3 части, причем и сам кочевой аул распадается на более мелкие группы. Иногда встречаются и случаи обратного характера, когда хорошие пастбищные условия позволяют нескольким аулам соединиться и составить одно стадо. Затем зимнее переносное помещение для кочевки овец, строящееся обыкновенно из разных мелких материалов в виде открытой (без крыши) загорожи, может давать тепло только тогда, когда в него могут вплотную поместиться только 600 голов, при увеличении размеров помещения оно уже плохо защищает от ветров и буранов (Кустанайский уезд, 1903: 11). Известный предел развития крупного скотоводческого хозяйства, таким образом, создает нехватка рабочих рук, как считают авторы. Поэтому существует особая форма отношений между богатыми и бедными – обычай богатыми кочевниками отдавать часть своего скота на выпас менее состоятельным сородичам, которые за это пользуются шерстью, молоком и частью приплода взятого скота. Обычай этот, основанный на сознании обязанности помогать друг другу и на обоюдном доверии, – есть несомненный остаток (пережиток) от тех времен, когда скот и другое имущество состояли в общем пользовании рода (Кустанайский уезд, 1903: 12–13).

При административном обустройстве Казахской территории в 1967–1968 гг. русской администрацией были учтены способы кочевания казахского населения в различных регионах Степи, сохранены традиционные места обитания за родами и племенами, веками сложившиеся пути кочевков с одних пастбищ на другие, обычай и традиции в землепользовании кочевых общин (Муканов, 1991: 16). К слову, нужно отметить значительный объем работы, проделанный царскими чиновниками и учеными при создании уездов в Крае.

В результате некоторые уезды в Казахской степи приобрели вытянутую по меридиану форму, так как наиболее распространенным способом кочевания казахов был меридиональный. Со временем стали складываться различия в хозяйствовании и социальном строе северных и южных кочевников в пределах одного такого уезда. Так, в Атбасарском уезде на одну северную общину уезда приходилось в среднем 5,65 аула или 44 хозяйства, на один аул почти – 8 хозяйств, а на одну же южную общину – 6,85 аулов или 28 хозяйств и на один аул – только 4 хозяйства. На севере мелкий скот, «карамал», зимою питался преимущественно сеном, поэтому там не было необходимости селиться друг от друга на большом расстоянии, как на юге. В южной части уезда скот и зимою находился на подножном

корму, что требовало дисперсного, рассеянного, расселения, чтобы не стеснять пастьбу скота (Атбасарский уезд, 1902: V).

Общины крайнего юга Атбасарского уезда представляли собой родовые группы, связанные общими кочевками. Аулы, входящие в группу, вместе кочевали на северные летовки, а в тех случаях, когда не имели зимних пастбищ, они вместе шли за пределы уезда на арендованные земли. Обычно они платили за котан, т.е. за стадо овец размера, определяемого наибольшими удобствами выпаса на местности, и потом уже раскидывали плату между собой по количеству овец. В некоторых случаях на арендуемой земле скот всей группы пастья смешанно, но бывало, что пастья производилась отдельно каждым аулом, который иногда даже имел свое обособленное пастбище или для всего скота, или для слабой его части (Атбасарский уезд, 1902: VI).

В земельных отношениях атбасарских казахов можно различать владение и пользование землей. Как указано в МКЗ, владение имеет место, когда дело идет о взаимных поземельных отношениях двух или нескольких групп, имеющих более или менее обособленные территории, а пользование, когда дело идет о земельных распоряжках внутри группы, между ее членами (Атбасарский уезд, 1902: VII).

Авторы исследования также отмечают следующую особенность: чем сильнее выражен чисто скотоводческий кочевой характер хозяйства, тем меньшее число хозяйств прибегает к промыслам и заработкам, и наоборот. Из общего числа промысловых занятий атбасарцев приходится на батрачество – 33 %, затем на пастьбу скота – 26,9 %, косари, жнецы и пахари составляют 13,2 %, рыбаки и сапожники – по 7,1 % и т.д. Вообще же на сельскохозяйственные промыслы приходится почти 3/4 всего числа промысловых занятий (72 %), на ремесленные и кустарные – 1/10 (10,5 %), 5 % – на свободные профессии, 2 % – на торговые и прочие промыслы. В ряду других промыслов наиболее характерен извозный, имеющий значение если не по числу лиц, занятых им, то по количеству верблюдов, участвующих в перевозке (Атбасарский уезд, 1902: XXXIV).

Каркаралинский уезд, расположенный в центральной части Казахской степи, являлся одним из наиболее многоскотных, и, как отмечают авторы шестого тома «Материалов...», население продолжало широко придерживаться кочевого образа жизни, хотя и здесь происходили заметные перемены. В труде указывается, что для каркаралинских казахов характерна малая величина аула, так как здесь скот продовольствуется зимой главным образом подножным кормом, они предпочитают жить по 2–3 хозяйства, но зато весьма близко аул от аула. Одноаульцы обычно являются близкими родственниками и связаны общностью хозяйственных интересов: аул имеет общих пастухов, почти всегда вместе кочует. Более состоятельные хозяева помогают кочевать менее состоятельным. Нередко аул связан общностью владения и пользования известными земельными угодьями. При этом аул не представляет собою обособленной земельной единицы, таковой является группа аулов, которой экспедиция присвоила название общинно-аульной группы (т.е. – *бір ата балдары*). Таких общинно-аульных групп в уезде насчитывалось 470; в их состав входил 4891 аул с 17762 хозяйствами, то есть на одну группу приходилось в среднем около 20,5 аулов и почти 38 хозяйств (Каркаралинский уезд, 1905: 19).

Согласно пообщинным таблицам, кочевка разных общин даже в пределах одного и того же района колебалась от нескольких верст до нескольких десятков и сотен верст. Длина кочевки находилась в прямой зависимости от многоскотности общин, требующей обширных пастбищ. При кочевании общины часто разбивались на части, причем аулы многоскотные шли на дальние джайлау, а малоскотные оставались на ближайших к территории общины пастбищах. В целом, кочевые пути значительно сокращались, по сравнению «со стариною». Видимо, в уезде было не редкостью в этот период, когда кочевка имела характер *тасмал*, т.е. имущество членов общины перевозилось обычно в два этапа, зачастую на телегах. Вызывалась такая кочевка недостатком скота и возможна была только на небольшое расстояние. Только лишь южные кочевники Каркаралинского, Акмолинского, Атбасарского уездов продолжали кочевать на верблюдах. Авторы отмечают наличие земельной тесноты (Каркаралинский уезд, 1905: 56).

Все казахское население Казалинского уезда, по сведениям «Материалов...», за исключением аула Сары-Тугайской волости, населенного кара-киргизами (дикокаменными), принадлежало к Малой орде – это роды: Чиекты (Шекті), Кете, Аспап (Аспан), Чуме-Кей (Шөмекей), Алим (Әлім), Алтын с их подразделениями и коленами. В уезде хозяйственный аул представлял собой группу кибитковладельцев, кочующих совместно на зимних пастбищах. Каждый аул имел обособленные от других покосы и пашни и определенную часть степей, лежащих вблизи аула. С изменением формы хозяйственной жизни, с переходом к земледелию – изменился внешне и хозяйственный аул; вместо юрт появились постоянные жилые постройки – глинобитные мазанки, приспособленные для житья в зимнее время (зимовки). По числу жилых построек Казалинский уезд занимал одно из первых мест в Сыр-Дарьинской области, больше половины (57,7 %) всех обследованных хозяйств зарегистрировано как имеющие постройки (Казалинский уезд, 1913: 16–17).

Группа нескольких соседних аулов, пользующихся сообща пастбищами на призимовочной территории, составляла казахскую кочевую общину. Кроме общности хозяйственных интересов, аулы, входящие в состав общины, связаны были еще в большинстве случаев родством, происхождением от одного родоначальника. Занявшая известную территорию семья (или несколько семей), постепенно

увеличиваясь в своем составе, отделяла новые хозяйственные единицы, имеющие обособленные сенокосные угодья, а часто и пашни, сохраняя в то же время общность пользования пастбищами. Величина общины также была неодинакова и колебалась в зависимости от тех же самых причин, какие указаны для хозяйственного аула ([Казалинский уезд, 1913: 19](#)).

В группе кочующих общин подавляющее большинство (93,62 %) было простым, состоящим из одного хозяйственного аула. Эти общины не имели призимовочных территорий, а значит и площадей обособленного пользования, и группировались по кочевкам и по совместному пользованию пахотными землями, расположенными на площадях общего пользования ([Казалинский уезд, 1913: 20](#)). Чисто скотоводческое хозяйство в Казалинском уезде почти исчезло, уступив место хозяйству смешанного типа. Земледельческое население Казалинского уезда находилось, по выражению исследователей, на общинно-передельной стадии развития. Земледелие уже наложило некоторый отпечаток и на формы поселений, и на виды хозяйства и внесло новые представления и понятия в сферу поземельных отношений ([Казалинский уезд, 1913: 29](#)).

Хозяйство казахов Аулиеатинского уезда, согласно сведениям, изложенным в труде «Материалы по киргизскому землепользованию. Сыр-Дарьинская область. Аулиеатинский уезд», в то время носило печать переходного периода. Чисто кочевое хозяйство, основанное на наличии свободных пастбищ, уже почти исчезло, уступив место смешанному земледельческо-скотоводческому типу. Замечающееся ослабление родовых связей постепенно влекло за собой ослабление старых форм общинного землепользования, создавая для отдельных хозяев немислимую ранее возможность распоряжаться своим земельным наделом. Оседание на землю бедных и средних слоев казахов заставляло их устраивать постоянные зимовки с жилыми постройками, и таким образом создавалась новая поселковая форма расселения ([Аулиеатинский уезд, 1911: 75](#)). Скотоводство, несмотря на оседание кочевников, все еще продолжало играть преобладающую роль в казахском хозяйстве ([Аулиеатинский уезд, 1911: 65](#)).

В Аулиеатинском уезде, где оседлость пустила глубокие корни, понятие о личной собственности было распространено уже довольно широко. Не только усадебные площади, но и значительная часть сенокосных угодий перешла в подворное пользование ([Аулиеатинский уезд, 1911: 54](#)). Пастбища зимнего отгона находились обычно в обособленном пользовании отдельных хозяйственных аулов. На площадях как находящихся в обособленном пользовании отдельных общин, так и общего пользования господствовали порядки общинно-родового уклада. Обычай установил за отдельными родовыми группами пользование определенными урочищами, но никаких границ между отдельными аулами и даже общинами при пастьбе не существовало, если не было естественных препятствий. На некоторых больших джайлау (летовках) общего пользования (по Сусамыру), где кочевали как казахи, так и кара-киргизы Сыр-Дарьинской, Ферганской и Семиреченской областей, сохранилось даже право первого захвата; но большей частью и там родовые группы занимали свои обычные стоянки ([Аулиеатинский уезд, 1911: 59](#)).

Чимкентскому уезду посвящены два тома МКЗ. В первом – описана юго-восточная часть уезда, во втором – остальная территория. Относительно юго-востока этого южного уезда Сыр-Дарьинской области указано, что группировка населения в большие общины не имеет смысла, так как сколь угодно значительных перекочевков чимкентские казахи в районе исследования не предпринимают. Самое дальнее расстояние, на которое местное население кочевало на летнее пастбище, не превышало и 30 верст. Большинство же хозяйств вовсе перестало кочевать ([Чимкентский уезд, 1908: 36](#)).

Чтобы земледельческой стороне хозяйства не наносилось ущерба, кочевавшие казахи в этом уезде вынуждены были содержать очень большое количество пастухов, как сообщают авторы. Подавляющее большинство общин пасло свой скот исключительно на призимовочной территории. Определенных границ между летними пастбищами и осенними не было. На летовках у каждого аула имелась определенная стоянка, скот же в большинстве случаев пасся вперемежку. Зимней пастьбы скота в районе почти не было, по свидетельству «Материалов...». Особенностью района исследования являлось отсутствие организации крупных стад. К зимнему отгону прибегали только многоскотные юртовладельцы, в том числе и скототорговцы. Для надзора за стадом овец, например в 400 голов, нанимали пастуха и еще одного работника. Чаще всего скот угоняли на Сыр-Дарью, в степь и в Аулиеатинский уезд. За зимние пастбища чимкентцы почти никогда не платили, так как скот выпасался на пастбищах у родственников ([Чимкентский уезд, 1908: 47–48](#)).

В северной части Чимкентского уезда мелкие аулы преобладали над средними и крупными. Хотя в некоторых районах Чимкентского уезда земледелие имело весьма существенное значение, тем не менее, скотоводство в целом преобладало, что подтверждается и числом кочующих хозяйств – 53,5 %, а не кочующих – 46,5 %. Хозяйственные аулы для удобства пользования, главным образом пастбищными угодьями, как и у всех кочевников, группировались в общины. Последние так же были неодинаковы по своему размеру, как и хозяйственные аулы. Величина общин точно так же, как и величина аулов, имела тесную связь с формами хозяйственной жизни населения ([Чимкентский уезд, 1910: 64–65](#)).

4. Заключение

Таким образом, с целью изучения вопроса был рассмотрен ряд источников – работ российских ученых, чиновников, путешественников и т.д. конца XIX – начала XX вв. Больше внимание было уделено исследованию «Материалов по киргизскому землепользованию...», которые являются уникальным материалом, дающим разносторонние сведения о жизни казахской кочевой общины. На их страницах представлены сведения о состоянии казахских аульных общин, их природной среде обитания, хозяйстве и происходящих в них изменениях. Участники экспедиций по Казахской степи, авторы «Материалов...» Ф.А. Щербина, П.П. Румянцев, П.А. Хворостанский, П.А. Скрыплев, Л.К. Чермак, Б.А. Скалов, А.Н. Букейханов и мн. др., бесспорно, являлись высококвалифицированными специалистами в своем деле, выдающимися учеными своего времени, оставившими серьезное научное наследие. Так как экспедиции проводились с целью выявления «свободных» земель и наделения земельными участками русское переселенческое население, то для исследователей киргизского землепользования было важно установить именно систему землепользования и землевладения у казахских родов. Русские исследователи традиционно уделяли большое внимание хозяйственной деятельности казахов, социальной структуре казахского общества, особенностям жизни казахских общин, что сделало их работы бесценными источниками в области изучения казахского аула.

Внимательный анализ указанных видов источников позволяет сделать однозначный вывод о том, что именно в рамках кочевой общины институционально, идеологически, социокультурно, производственно-экономически и даже экологически обеспечивался необходимый уровень плотности и интенсивности различных типов и уровней социальных связей в кочевой среде, понимаемых как «технология» воспроизводства и регулирования жизнедеятельности и личности (общинного типа), и семьи, и самой общины. То есть именно данная структура функционировала как главный социальный механизм перманентного воспроизводства и жизнеобеспечивающих условий, и средств, и самой жизнедеятельности кочевников.

5. Благодарности

Статья выполнена в рамках реализации проекта грантового финансирования «Кочевая община казахов: контекст, структура, функции (XVIII – начало XX вв.)» (Республика Казахстан).

Литература

Ажигали, 2002 – Ажигали С.Е. Традиционная система скотоводческого поселения казахов (в историческом развитии) // *Этнографо-археологические комплексы. Проблемы культуры и социума*. Новосибирск, 2002. Т. 5. С. 143–190.

Ажигали, 2009 – Ажигали С.Е. О значении российских источников для казахской этнографии (из предисловия к изданию об обычаях и традициях казахов) / *Лавровский сборник: Материалы XXXIII Среднеазиатско-Кавказских чтений 2008–2009 гг.* СПб., 2009. С. 188–193.

Алимбай, 2018 – Алимбай Н. Семипоколенная экзогамная структура «жетиата» как община-социум (к проблеме о совпадении общины и рода у казахов-кочевников) // *Актуальные вопросы изучения историко-культурного наследия народов Евразии: Материалы международного XV Евразийского научного форума*. Астана, 2018. С. 46–53.

Букейханов, 1910 – Букейханов А.Н. Киргизы // *Формы национального движения в современных государствах*. (Под ред. А.Н. Костелянского). СПб., 1910. С. 577 – 600.

Волкова, 1983 – Волкова Т.П. Некоторые проблемы источниковедческого изучения материалов экспедиции Ф.А. Щербина // *Вопросы историографии Казахстана*. Алма-Ата, 1983. С. 225–237.

Курылев, 1998 – Курылев В.П. Скот, земля, община у кочевых и полукочевых казахов (вторая половина XIX – начало XX века). СПб.: МАЭ РАН, 1998.

Масанов, 2011 – Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. Изд. 2-е, дополненное. Алматы, 2011.

Омский уезд, 1902 – Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Т. XI. Акмолинская область. Омский уезд. Омск, 1902.

Атбасарский уезд, 1902 – Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Т. II. Акмолинская область. Атбасарский уезд. Воронеж, 1902.

Кустанайский уезд, 1903 – Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Т. V. Тургайская область. Кустанайский уезд. Воронеж, 1903.

Каркаралинский уезд, 1905 – Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Семипалатинская область. Т. VI. Каркаралинский уезд. СПб., 1905.

Чимкентский уезд, 1908 – Материалы по киргизскому землепользованию. Т. I. Сыр-Дарьинская область. Чимкентский уезд. Ташкент, 1908.

- Чимкентский уезд, 1910** – Материалы по киргизскому землепользованию. Т. II. Вып. 1. Сыр-Дарьинская область. Чимкентский уезд. Ташкент, 1910.
- Аулиеатинский уезд, 1911** – Материалы по киргизскому землепользованию. Сыр-Дарьинская область. Аулиеатинский уезд. Ташкент, 1911.
- Казалинский уезд, 1913** – Материалы по киргизскому землепользованию. Сыр-Дарьинская область. Казалинский уезд. Ташкент, 1913.
- Михайлов, 1893** – Михайлов В. Киргизские степи Акмолинской области (по обследованию ветеринарных врачей) // Записки Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. 1893. Кн. 15. Вып. 3. С. 1–24.
- Муканов, 1974** – Муканов М.С. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. Алма-Ата, 1974.
- Муканов, 1991** – Муканов М.С. Этническая территория казахов в XVIII – начале XX веков. Алма-Ата, 1991.
- Румянцев, 1910** – Румянцев П.П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб., 1910.
- Тасилова, 2016** – Тасилова Н.А. «Материалы по киргизскому (казахскому) землепользованию...» как источник по истории Казахстана (конец XIX – начало XX веков). Алматы, 2016.
- Толыбеков, 1971** – Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века. Политико-экономический анализ. Алма-Ата, 1971.

References

- Azhigali, 2002** – Azhigali, S.E. (2002). Tradicionnaya sistema skotovodcheskogo poseleniya kazahov (v istoricheskom razvitii) [The traditional system of the cattle-breeding settlement of the Kazakhs (in historical development)]. *Ethnografo-arheologicheskie komplekсы. Problemy kul'tury i sociuma*. Novosibirsk. Т. 5. pp. 143–190. [in Russian]
- Azhigali, 2009** – Azhigali, S.E. (2009). O znachenii rossijskikh istochnikov dlya kazahskoj ehtnografii (iz predisloviya k izdaniyu ob obyčajyah i tradiciyah kazahov) [On the significance of Russian sources for Kazakh ethnography (from the preface to the publication on the customs and traditions of the Kazakhs)]. *Lavrovskij sbornik: Materialy XXXIII Sredneaziatsko-Kavkazskih chtenij 2008–2009 gg.* SPb. pp. 188–193. [in Russian]
- Alimbaj, 2018** – Alimbaj N. (2018). Semipokolennaya ehkzogamnaya struktura «zhetiat» kak obshchina-socium (k probleme o sovpadenii obshchiny i roda u kazahov-kochevnikov) [The seven-generation exogamous structure of the “zhetiat” as a community-society (on the problem of the coincidence of the community and kind of Kazakh nomads)]. *Aktual'nye voprosy izucheniya istoriko-kul'turnogo naslediya narodov Evrazii: Materialy mezhdunarodnogo XV Evrazijskogo nauchnogo foruma*. Astana. pp. 46–53. [in Russian]
- Bukejhanov, 1910** – Bukejhanov A.N. (1910). Kirgizy // Formy nacional'nogo dvizheniya v sovremennyh gosudarstvah [Forms of the national movement in modern states]. (Pod red. A.N. Kostelyanskogo). SPb. pp. 577–600. [in Russian]
- Volkova, 1983** – Volkova T.P. (1983). Nekotorye problemy istochnikovedcheskogo izucheniya materialov ehkspedicii F.A. Shcherbiny [Some problems of the source study of the materials of the expedition of F.A. Shcherbiny]. *Voprosy istoriografii Kazahstana*. Alma-Ata, 1983. pp. 225–237. [in Russian]
- Kurylev, 1998** – Kurylev V.P. (1998). Skot, zemlya, obshchina u kochevyh i polukochevyh kazahov (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) [Cattle, land, community of nomadic and semi-nomadic Kazakhs (second half of XIX – early XX century)]. SPb.: MAE RAN.
- Masanov, 2011** – Masanov N.E. (2011). Kochevaya civilizaciya kazahov: osnovy zhiznedeyatel'nosti nomadnogo obshchestva [The nomadic civilization of the Kazakhs: the basics of life of a nomad society]. Izd. 2-e, dopolnennoe. Almaty.
- Omskij uezd, 1902** – Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu, sobrannye i razrabotannye ehkspediciej po issledovaniyu stepnyh oblastej [Materials on Kyrgyz land use collected and developed by the expedition to explore the steppe areas]. Т. XI. Akmolinskaya oblast'. Omskij uezd. Omsk, 1902.
- Atbasarskij uezd, 1902** – Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu, sobrannye i razrabotannye ehkspediciej po issledovaniyu stepnyh oblastej [Materials on Kyrgyz land use, collected and developed by the expedition to explore the steppe areas]. Т. II. Akmolinskaya oblast'. Atbasarskij uezd. Voronezh, 1902.
- Kustanajskij uezd, 1903** – Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu, sobrannye i razrabotannye ehkspediciej po issledovaniyu stepnyh oblastej [Materials on Kyrgyz land use collected and developed by the expedition to explore the steppe areas]. Т. V. Turgajskaya oblast'. Kustanajskij uezd. Voronezh, 1903.
- Karkaralinskij uezd, 1905** – Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu, sobrannye i razrabotannye ehkspediciej po issledovaniyu stepnyh oblastej [Materials on Kyrgyz land use collected and developed by the expedition to explore the steppe areas]. Semipalatinskaya oblast'. Т. VI. Karkaralinskij uezd. SPb., 1905.
- Chimkentskij uezd, 1908** – Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu [Materials on Kyrgyz land use]. Т. I. Syr-Dar'inskaya oblast'. CHimkentskij uezd. Tashkent, 1908.
- Chimkentskij uezd, 1910** – Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu [Materials on Kyrgyz land use]. Т. II, vyp. 1. Syr-Dar'inskaya oblast'. CHimkentskij uezd. Tashkent, 1910.

Aulieatinskij uezd, 1911 – Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu. Syr-Dar'inskaya oblast' [Materials on Kyrgyz land use. Syr-Darya region. Aulieatin County]. Aulieatinskij uezd. Tashkent.

Kazalinskij uezd, 1913 – Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu [Materials on Kyrgyz land use]. Syr-Dar'inskaya oblast'. Kazalinskij uezd. Tashkent, 1913.

Mihajlov, 1893 – *Mihajlov V.* (1893). Kirgizskie stepi Akmolinskoj oblasti (po obsledovaniyu veterinarnyh vrachej) [Kirgiz steppes of the Akmola region (according to a veterinary examination)]. Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva. 1893. Kn. 15. Vyp. 3. pp. 1–24. [in Russian]

Mukanov, 1974 – *Mukanov M.S.* (1974). Ethnicheskij sostav i rasselenie kazahov Srednego zhuzha [Ethnic composition and resettlement of the Kazakhs of the Middle Zhuz]. Alma-Ata.

Mukanov, 1991 – *Mukanov M.S.* (1991). Ethnicheskaya territoriya kazahov v XVIII – nachale XX vekov [The ethnic territory of the Kazakhs in the XVIII – early XX centuries]. Alma-Ata.

Rumyancev, 1910 – *Rumyancev P.P.* (1910). Kirgizskij narod v proshlom i nastoyashchem [Kyrgyz people in the past and present]. SPb. [in Russian]

Tasilova, 2016 – *Tasilova N.A.* (2016). «Materialy po kirgizskomu (kazahskomu) zemlepol'zovaniyu...» kak istochnik po istorii Kazahstana (konec XIX – nachalo XX vekov) [“Materials on Kyrgyz (Kazakh) land use ...” as a source on the history of Kazakhstan (late XIX – early XX centuries)]. Almaty, 2016. [in Russian]

Tolybekov, 1971 – *Tolybekov S.E.* (1971). Kochevoe obshchestvo kazahov v XVII – nachale XX veka. Politiko-ehkonomicheskij analiz [Nomadic Kazakh society in the XVII – early XX century. Political and economic analysis]. Alma-Ata. [in Russian]

Традиционный казахский аул в трудах российских ученых (конец XIX – начало XX вв.)

Алимбай Нурсан ^{a, *}, Орынбаева Гульмира Усенбаевна ^a

^a Центральный государственный музей, Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Казахстан

Аннотация. Традиционный казахский аул в условиях кочевого образа жизни функционировал в качестве основного структурообразующего «блока» общины – основной формы самоорганизации этноса, процесса воспроизводства условий и средств к нормальному существованию в доиндустриальном обществе. Непревозденными источниками по изучению традиционного казахского аула, его хозяйственной, социальной и культурной жизни являются исследования дореволюционных российских авторов – ученых, государственных деятелей, чиновников и т.д. Эти труды, написанные высококлассными специалистами своего времени, дают разнообразные и чрезвычайно важные сведения, помогающие современным историкам восстановить картину жизни кочевых и полуседлых казахов в тот пореформенный период (конец XIX – начало XX вв.). При этом наиболее репрезентативными источниками, дающими полное представление о жизни кочевого аула у казахов, являются, бесспорно, опубликованные итоги работ статистических комиссий, исследовавших территорию Казахстана («Материалы по киргизскому землепользованию...» и др.). Поэтому большее внимание было уделено именно этой группе источников. Изданные материалы экспедиций, организованных царской администрацией во второй половине XIX – первом десятилетии XX вв., содержат достаточно грамотно систематизированные статистические сведения и весьма серьезные аналитические материалы по таким ключевым показателям казахского социума, как «социальная структура», «отношения собственности», землепользование в кочевой среде, опосредованные собственностью на скот, «система жизнеобеспечения», «традиции (способы и стратегия) природопользования», «взаимоотношения с пришлым населением» (переселенцами), «динамика политической структуры кочевого социума в историческом контексте» и т.д.

Ключевые слова: российские источники, «Материалы по киргизскому землепользованию», казахи, кочевое скотоводство, земледелие, промыслы, уезды, изменения.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: orinbaevag@mail.ru (А. Нурсан)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 51. Is. 1. pp. 348-356. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.1.348
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Retrospectives of the Formation of the Social-Economic Infrastructure of the Chinese Eastern Railway

Svetlana Yu. Tsohla ^{a, *}, Nataliia A. Simchenko ^a, Irina G. Pavlenko ^a

^a V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Russian Federation

Abstract

The article analyses the process of creating of the socio-economic infrastructure of the Chinese Eastern Railway (CER) by the Russian Empire. The analysis of the transfer of advanced Russian scientific and technical experience into the construction of the Great Siberian Route is made. The authors have analyzed the implementation of the CER project as the megaproject at the beginning of the 20th century on the territory of another country. Moreover, the role of the labor exploits of Russians is highlighted in the work. It is underlined that the Russian engineering decisions were successful despite on the lack of accurate geographical and topographical data, difficult natural and domestic factors and low level of culture and technical illiteracy of the Chinese. The phenomenon of the labor exploits is analyzed in the framework of implementation of CER project in Russian Empire. The formation of the socio-economic infrastructure of the CER played a huge role in the development of the Russian Empire and China. Due to the construction of the CER, the Chinese Manchuria began to develop as an industrialized and cultural center of China. Furthermore, the creation of the socio-economic infrastructure of the CER allowed the strategy developing of Russian Empire in the Asian region in the conditions of growing challenges and threats.

Keywords: Russian Empire, Chinese Eastern Railway, technologies, infrastructure, labor exploits.

1. Введение

Достижение Россией национальных приоритетов в сфере науки и техники с целью обеспечения научно-технологического лидерства на мировой арене обуславливает необходимость реализации подходов как к аккумуляции научных знаний внутри страны, так и к дальнейшему экспорту передовых наукоемких технологий. В этой связи, несомненно, важным является изучение исторического опыта трансляции Россией технико-технологических методов создания мегаинфраструктурных проектов. В качестве одного из таких масштабных зарубежных проектов является строительство Российской империей Китайско-Восточной железной дороги (далее – КВЖД). Это был исторически первый проект зарубежного строительства России. История строительства КВЖД непосредственно связана с укреплением влияния страны на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX веков.

Несмотря на сложные природно-ландшафтные и экономические условия, военно-политические события, железнодорожный путь общей протяженностью около 3 тыс. км построили на территории Китая за рекордные шесть лет. Признанное одним из величайших транспортных сооружений прошлого века КВЖД остается активно задействованной и в настоящее время. Это большое инженерно-техническое достижение и огромная заслуга талантливых инженеров, многочисленных работников и строителей, а также государственных деятелей. Исторический опыт успешного проектирования, выполнения многоцелевого замысла, организации совместной работы

* Corresponding author

E-mail addresses: s.tsohla@yandex.ru (S.Yu. Tsohla), natalysimchenko@yandex.ru (N.A. Simchenko), pavlenko-irina82@mail.ru (I.G. Pavlenko)

представителей разных народов и культур достойны детального изучения и использования в современных условиях развития общества.

2. Материалы и методы

2.1. В качестве источников исследования использованы архивные и опубликованные данные. Изучены документальные материалы Российского государственного исторического архива о деятельности Общества Китайско-Восточной железной дороги, тематические материалы научных публикаций, а также социально-экономическая статистика.

2.2. Достижение целей исследования обусловило применение методов сравнительно-исторического анализа, функционального и структурно-логического анализа, а также метода контент-анализа архивных материалов, позволяющих провести осмысление сущности успеха международного проекта в сфере строительства КВЖД, способов формирования экономической и социальной инфраструктуры для обеспечения созидательных мотивов и ответственного отношения к общему делу в истории России.

3. Обсуждение

Проект КВЖД вызывал много мнений и споров среди приближенных к российскому императору, которые не утихали практически на всех стадиях ее строительства: от проектирования до подведения итогов. Опубликованные записи государственных деятелей Российского правительства и мемуарная литература позволяют судить об отношении к проекту, условиях подготовки и выполнения строительства магистрали (Нилус, 1923). За многолетний период функционирования КВЖД учеными неоднократно обсуждалось ее значение, в том числе международное, рассматривался ряд вооруженных конфликтов вокруг этого объекта, высказывались различные мнения: от восхваления в качестве «своеобразного феномена» (Аблова, 1993: 71) до обвинений в «стратегической ошибочности» (Широкоград, 2006: 304). Изучение исторического наследия, социокультурного влияния строительства железнодорожной магистрали проводили отечественные (Таскина, 1994) и зарубежные исследователи (Wolff et al., 1999). Строительство КВЖД, имевшее высокую оценку и мировое признание, получило проверку временем. Несомненным остается то, что масштабность проведенных изыскательских и строительно-монтажных работ, умелая организация вспомогательных производств, социальное обустройство в возникших поселениях, распространение образовательных и культурных традиций оказали существенное влияние на дальнейшее социально-экономическое развитие обеих стран. Рассматривая этот, во всех смыслах непростой проект, в настоящем исследовании акцент будет сделан на инфраструктурном обустройстве: формировании экономических и социальных условий не только для материально-технического обеспечения работ, но и жизнедеятельности людей.

4. Результаты

При решении вопроса о выборе направления конечного участка строительства Великого Сибирского пути был выбран вариант проведения железной дороги по территории Китая с целью сокращения расстояния и снижения расхода средств. Активно поддерживая этот проект, министр финансов С.Ю. Витте отмечал, что «... необходима железная дорога, проходящая по кратчайшему направлению во Владивосток; для этого она должна пройти через северную часть Монголии и Маньчжурии; ... дорога эта нужна и в экономическом отношении, так как она подымет производительность и наших русских владений, где она пройдет, и также производительность тех китайских владений, через которые она будет идти. ... Дорога эта, вероятно, будет встречена без всякой злобы ...» (Витте, 1960: 54). России крайне необходимо было наладить надежное транспортное сообщение с территорией Дальнего Востока в первую очередь для укрепления защиты государства, а также «изменения имиджа России за рубежом» (Wolff et al., 1999: 9). При этом открывались новые возможности решения экономических задач – через расширение рынка сбыта товаров наращивать торгово-инвестиционные операции. Помимо этого, весомыми были политические и стратегические цели строительства железной дороги через Маньчжурию.

Обсуждение планов строительства КВЖД сопровождалось подготовительной работой, прежде всего финансово-правового обеспечения. В декабре 1895 года российским императором Николаем II был утвержден Устав Русско-Китайского банка для формирования средств на различные банковские операции по территории Дальнего Востока, международные операции (Quested et al., 1977: 2), а также для получения железнодорожных и иных концессий на всей территории Китая (Собрание законов, 1899: 698). Уже в мае 1896 года подписанный двусторонний договор о союзе и о постройке КВЖД сдержал положение, по которому «китайское правительство дает согласие на постройку железнодорожной линии через китайские провинции, Амурскую и Гириинскую, по направлению к Владивостоку» (Официальные документы, 1958: 73). И по контракту между Китаем и Русско-Китайским банком, именно последнему «вверялась постройка и эксплуатация этой линии» (Официальные документы, 1958: 74). В свою очередь Русско-Китайский банк создает для этих целей «Общество Китайской Восточной железной дороги» с акционерным капиталом в 5 миллионов кредитных рублей (Собрание законов, 1896: 752). Российское правительство, в свою очередь, приняло

на себя обязательство гарантировать «Обществу КВЖД» покрытие всех расходов по эксплуатации дороги, соответствующим платежам и облигациям. Срок концессии устанавливался на 80 лет со времени открытия движения по всей линии. Так определились источники финансирования и основные экономические участники проекта.

При сооружении КВЖД за рубежом, проходившей по отчужденной территории, потребовалось обеспечение безопасности и охраны дороги. Поэтому была сформирована «охранная стража» КВЖД, численность которой от начала до завершения работ увеличилась с 800 до 16 тыс. солдат – «настоящая армия, оснащенная стрелковым оружием и десятками артиллерийских орудий, бронепоездами, канонерками» (РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 1177. Л. 10, 21–23).

Для проведения изыскательских работ сформированные группы русских инженеров и техников были направлены в Маньчжурию в апреле 1897 года. Несмотря на сложности, встречающиеся в новых условиях, изыскания выполнялись результативно. Все здесь было особенным и непривычным: местная природа, погода, бытовые условия, непонятный язык наемных работников, их неопытность, но при этом наблюдался открытый интерес к происходящим изменениям. «Во многих деревнях жители впервые видели европейцев. Нас окружали толпы китайцев, которые ощупывали наши сапоги, платье и с большим любопытством разглядывали тарантасы, русские телеги и все невиданное ими никогда раньше», – отражено в воспоминаниях участников событий (Нилус, 1923: 46).

Изыскания проводились в тяжелых бытовых условиях для участников, необходимо было привыкать к окружению, другому питанию и жилью. Приехавшие «не имели представления о Маньчжурии, поэтому запаслись на дорогу всем, даже крупой. Оказалось, что у китайцев можно было купить везде пшено, разные овощи: картофель, огурцы, капусту китайскую, арбузы. Все это значительно облегчало заботы о пропитании. ... Местность вначале представляла собой голую, незасеянную степь с солончаками; травы для корма лошадей не было, им давали измельченный и посыпанный мукой болотный камыш. Воды также почти не было. Ночевать, несмотря на зимнее время, приходилось в степи, в палатках» (Нилус, 1923: 52).

Хорошо было налажено решение не только производственных, но и социальных вопросов. Проявлялось заботливое отношение к снабжению провизией, расселению во временное жилье, внимательное отношение к подчиненным. Отмечалось, что серьезных конфликтов между работниками не происходило, для контроля обстановки разрешалось объезжать группы изыскательских районов, выявлять настроения и оказывать необходимую поддержку.

Основные изыскания были закончены в январе 1898 года, и тогда в Северо-Восточном Китае началось масштабное строительство и обустройство прилегающей территории: прокладывался железнодорожное полотно, возводились мосты, туннели, станции, а также жилые поселки, города, их инфраструктурные объекты. Проблемы при прокладке магистрали возникали, прежде всего, из-за отсутствия налаженной строительной индустрии и материалов, готовой техники, обученного персонала. В «Историческом обзоре КВЖД» отмечается: «Не было стали, чугуна, железа – словом, все, до последнего гвоздя включительно, приходилось доставлять чуть ли не кругосветным путем; с великими трудностями удалось наладить добывание на местах таких необходимых строительных материалов, как лес, камень, известь» (Нилус, 1923: 58).

Всего на постройке КВЖД работало до 200 тысяч человек многих национальностей (Маркизов, 2003: 13). Должности технического персонала занимали специалисты из России, а для прочих работ набирались желающие среди местного населения и приезжие работники из других провинций Китая. Страна известна многочисленностью своего населения, а проявленные выносливость и надежность были основными достоинствами китайской рабочей силы. В основном использовался ручной труд и соответствующие орудия, приспособления: корзины, носилки, лопаты, ломы, топоры, пилы и др. Прибывших на строительство учили также приемам работы в новом железнодорожном деле. В книге Е.Х. Нилуса отражены такие воспоминания: «Мы показали местным китайцам, какая работа нам от них нужна. Когда они поняли, что насыпь должна иметь откосы известного уклона, они стали применять в деталях приемы, выработанные их долголетним опытом» (Нилус, 1923: 77).

Продуктивность труда китайских работников была значительно меньше, чем русских, но окупалась нетребовательностью к жизненным условиям и трудовой дисциплиной. Замечено, что «продовольствовать китайских рабочих, как показала практика, значительно легче, чем русские артели, ... отпускаемая китайцам провизия ограничивалась только следующими продуктами: мука, пшено, бобовое масло, соль, табак. Все остальное, например, мясо, сахар, рис составляет для них предмет роскоши и отпускается только в большие праздники, которых у китайцев всего три, по сезонам – весенний, летний и осенний праздники» (Нилус, 1923: 78). Также организовывали небольшие развлечения после работы на строительстве, проводили совместные вечера, беседы и танцы, встречи с проезжими путешественниками, которые рассказывали об увиденном и делились своими впечатлениями.

В 1900 году огромный ущерб КВЖД был нанесен восстанием «ихэтуаней» («боксерское восстание») в Китае. Повстанцы убивали людей, работавших на стройке, уничтожали готовые железнодорожные пути, портили технику, разрушали и грабили склады, жгли жилые помещения. Строительство было продолжено только после подавления восстания, и одновременно возобновлялось разрушенное хозяйство, привлекались новые работники.

В июле 1903 года, несмотря на имеющиеся недоделки, КВЖД была передана в эксплуатацию. Общая длина железной дороги, по мнению И.М. Попова, составила 2580 км (Попов, 2004: 258). Однако с учетом возведенных подъездных путей и боковых вспомогательных веток длина всех железнодорожных путей достигала почти 3 тысячи км (Таблица 1).

Таблица 1. Протяженность КВЖД по участкам

Участки дороги	Сроки выполнения	Расстояние, км	Доля, %
Участок: Китайский разъезд – Маньчжурия	1900 г.	374	12,8
Участок: Маньчжурия – Никольское	1903 г.	1520	52,1
Участок: Харбин – Порт-Артур – Дальний	Конец 1903 г.	1025	35,1
Всего		2919	100

Источник: составлено авторами по данным (Широкоград, 2006: 325)

Общую величину стоимости сооружения КВЖД можно определить только примерно из-за малочисленности сохранившихся документов, отсутствия полного учета, а также по причине ведения «слабого финансового контроля в области строительства железных дорог» (Якунин, 2010: 27). При первоначальной смете КВЖД в 228,74 млн. руб., составленной в мае 1899 года, расходы на строительство железной дороги, согласно Отчету по постройке Китайской Восточной железной дороги (по железнодорожному предприятию) на 1 января 1904 года, составляли 374 955 598 руб. 12 коп. (Отчет, 1905: 6). Есть также утверждения, что «в целом расходы по постройке КВЖД за весь период составили почти 500 миллионов золотых рублей» (Маркизов, 2003: 10). Это свидетельствует о том, что проект беспрецедентного строительства потребовал вложения огромных средств для его реализации, и только постоянное финансирование, гарантированное российским правительством, позволило выполнить полный объем работ. М.П. Федоров, исследовавший экономическое положение Сибирской магистрали, писал о том, что «стоимость одной версты КВЖД составила в среднем 158 тыс. руб., что было в 3 раза выше, чем на Сибирской дороге и в 1,5 раза – чем в Европейской части России» (Федоров, 1912: 18).

По завершении строительства железной дороги было сформировано Эксплуатационное управление КВЖД и многочисленные отделы: юридический, военный, технический, земельный, счетно-финансовый, врачебно-санитарный и другие (РГИА. Ф. 323. Оп. 5). Переход от строительства к эксплуатации потребовал для работы новых кадров и иных профессий. Инженерно-техническое обслуживание осуществлялось русскими специалистами. Подбор и расстановка других кадров велась на конкурсной основе. На службу в КВЖД принимали только в возрасте старше 16 лет. При этом российские граждане должны были предоставить набор документов: об образовании, отношении к воинской службе, вероисповеданию и удостоверение личности. На китайских граждан такие правила не распространялись, и их принимали на работу без обязательных документов. Многие из числа строителей остались и продолжили работать на эксплуатации железной дороги, обучаясь новым навыкам у наставников. Число служащих на момент ввода магистрали в эксплуатацию, как указано в книге Г.В. Мелехова, составляло «39 тыс. человек, из них русских было 18 тыс., а китайцев – 21 тыс., австрийцев, итальянцев, швейцарцев и турок было вместе 17 человек, еще 17 японцев и 9 корейцев» (Мелихов, 1991: 55–56).

При остром дефиците кадров создавались особые условия для привлечения квалифицированной рабочей силы путем повышенной оплаты. Имеются отдельные сравнительные данные о расценках в оплате труда разных регионов. С. Рупин указывает, что «на сооружении Южно-Маньчжурской железной дороги простые рабочие получали по 500–700 руб. в год (при средней заработной плате их коллег в России на рубеже XIX–XX вв. в 200 руб.), техники и десятники – 1,2–3 тыс. руб., начальники дистанции – 4–8 тыс. руб., начальник отделения – 30 тыс. руб., начальник КВЖД – 40 тыс. руб., главный инженер – 75 тыс. руб. (для сравнения: генеральный комиссар Маньчжурии, генерал-лейтенант имел оклад по должности в 18 тыс. руб.). Начальнику станции в России платили 35–40 руб. в месяц, тогда как на КВЖД уже 100–125 руб., т.е. в три раза больше» (Рупин, 1904: 124).

Заложенные при строительстве магистрали общественные устои и попытки введения социальных норм продолжали развиваться при ее эксплуатации. Основная масса работавших в железнодорожной компании обеспечивалась жильем в казенных домах, иным – оплачивались квартирные и иные бытовые расходы. Служащие и рабочие пользовались бесплатным проездом. Большое внимание руководством магистрали уделялось медицинскому обслуживанию сотрудников и

обустройству соответствующей инфраструктуры. Для этого по Приказу по КВЖД от 01.07.1903 № 3 было установлено 19 врачебных участков: 7 участков на западной ветке, 7 участков на южной ветке и 5 участков на восточной ветке. Всего лечебная сеть располагала 759 койками, в штате работало 23 врача. П.Э. Ратманов, изучая медицинское обеспечение КВЖД, выделяет такие основные задачи врачебно-санитарного отдела, как «организация врачебного дела на линии, оказание врачебной помощи всем служащим дороги и чинам пограничной стражи, их семьям, а также посторонним лицам, заболевшим или пострадавшим от несчастных случаев на дороге» и др. (Ратманов, 2009: 133). Следовательно, охват медицинским обслуживанием не только работников и пассажиров железной дороги, но и причастного населения способствовал ведению контроля над эпидемиологической ситуацией, которая была очень напряженной в те годы.

Последовавшие события также вносили сложности в работу магистрали: это был период Русско-японской войны 1904–1905 гг., затем 1906 год и эвакуация русских войск из Маньчжурии. В Записке «О значении Восточно-Китайской железной дороги для нашей дальнейшей политики в Манчжурии» от 10 апреля 1906 года военный комиссар Хэйлунцзянской провинции Генерального штаба полковник Линда указывает на обязательность «твердо стоять и настаивать на оставлении за нами на прежних основаниях Восточной Китайской железной дороги», излагает свое мнение о ее военных и экономических преимуществах (РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 940. Л. 1). И только с 1907 года, преодолев трудности и последствия военного периода, КВЖД стала работать в нормальных условиях, ежегодно наращивая объемы грузовых и пассажирских перевозок (Таблица 2).

Таблица 2. Динамика перевозки грузов и доходов КВЖД в период 1907–1911 гг.

Показатели	1907 г.	1908 г.	1909 г.	1910 г.	1911 г.
Перевозки грузов, всего (млн. пуд.)	27,1	33,4	44,7	57,8	74,9
Структура по видам грузов, %					
хлебные грузы	43,6	50,9	57,3	57,6	60,9
лесные материалы	17,3	12,2	6,7	8,5	5,7
чай	11,4	9,0	6,0	5,9	3,9
соль	1,9	5,7	7,6	5,0	4,4
прочие грузы	25,8	22,2	22,4	23,0	25,1
Темпы роста перевозок, %	-	123,2	133,8	129,3	129,6
Доход от перевозок, всего млн. руб.	7,7	8,2	8,4	10,5	12,4
Темпы роста дохода от перевозок, %	-	106,5	102,4	125,0	118,1

Источник: составлено авторами с использованием данных (Буркова, 1997)

Поначалу общая загрузка дороги росла, но достигалось это в основном за счет увеличивающегося потока сельскохозяйственных грузов, предназначенных на вывоз (зерно, сено). Темпы роста доходности отставали от увеличения перевозок, и такая ситуация потребовала выработки дополнительных способов экономического регулирования в работе железнодорожной магистрали. В 1908 году правительство Российской империи выделило КВЖД во Владивостокском порту транзитную гавань. Тогда и стали применяться инструменты стимулирования пассажирских и грузоперевозок. В книге А.Б. Широкограда отмечено, что «дорога ввела льготный тариф. Широко стала практиковаться выдача ссуд предпринимателям под поступающие грузы (до 1 млн. руб. в 1906–1907 гг.)» (Широкоград, 2006: 364). И количество пассажиров железной дороги существенно возросло: 1907 год – 442 тыс. человек, 1910 год – 947 тыс. человек, 1912 год – свыше 1100 тыс. человек. Это укрепило экономические выгоды и увеличило загрузку КВЖД.

Сооружение железнодорожной магистрали изменило статус самой Маньчжурии, превратив ее из отсталой провинции в экономически развитую и культурную территорию. Большие средства инвестировались в благоустройство и жилищное строительство, активно расширялись торговый бизнес и банковский сектор. Внешняя торговля Маньчжурии стала развиваться через экспорт выращиваемых бобовых культур в европейские и другие страны.

Такому успеху во многом способствовала своевременно сформированная инфраструктура в качестве системы материально-технического обеспечения строительства и социально-культурного обустройства жизни населения. Железнодорожники построили многие предприятия, фабрики и заводы, заработали механические мастерские, лесопильни и пр. В городах, растущих вдоль железной дороги, открывались больницы, школы, магазины, библиотеки. По мнению А.П. Суходолова,

«оживилась хозяйственная жизнь вдоль реки Сунгари. На ней и на других реках бассейна специальные отряды проводили гидрографические исследования. Строились пристани, расчищались русла, устанавливались сигнальные маяки» (Суходолов, 2014, 75).

Уникальной стала история города Харбина, который был создан практически на пустыре как место для размещения строителей будущей железной дороги, а через сто лет он стал уже мегаполисом, сейчас – это город, где живут 5,9 млн. чел., всего население Харбинского городского округа составляет 10,6 млн. чел. (Population et al., 2018). Изначально значительную часть населения составляли железнодорожники, приехавшие из России, затем к ним присоединились военные, купцы, промышленники, члены их семей. Они обустроили свою среду проживания, превратив небольшой поселок с названием Сунгари в настоящий русский город, хотя и за пределами Российской империи (Wolff et al., 1999: 27). Рост Харбина связан был «с концентрацией русского населения и активным развитием градообразующих функций» (Козыренко, 2018: 197). С 1901 года площадь вновь построенных жилых помещений в городе возрастала ежегодно на 22 750 кв. м. В связи с ростом численности населения строились разные здания, не только промышленные, но и социальные: Управление дороги, штабы охраны, мужские и женские коммерческие училища, гостиницы, больницы, почтово-телеграфные станции, школы для мальчиков и девочек, др. Зафиксированы статистические сведения о населении Харбина по итогам первой переписи 1903 года, которое «составило 44576 человек (38983 мужчины и 5593 женщины, т.е. 87,5 % и 12,5 % соответственно)» (Широкоград, 2006: 320). При этом структура населения свидетельствует, что русские подданные составляли 34,9 %, китайские – 63,6 %, японские – 1 % и все другие – 0,5 %. Материалы переписи также отразили, что среди трудозанятых 63 % – работали на железной дороге. Такие данные еще раз подтверждают важность функционирования железнодорожной магистрали, дающей и социальное развитие.

В зоне отчуждения железной дороги была выстроена также не только административная, но и образовательная система, включая выпуск учебников, соблюдение сроков обучения, выделение ассигнований для системного образования и функционирования учебных заведений. В Харбине еще активнее, чем в среднем по России, создавались детские организации.

Культура – это память и изображение истории города. Сейчас в Музее провинции Хэйлунцзян, который располагается в здании одного из первых магазинов «Москва», отдельно обустроена экспозиция КВЖД и русского периода. К сожалению, сохранившихся экспонатов немного, но среди предметов быта в интерьерах комнат прежних жителей можно увидеть пианино – символ культурного уровня населения. Харбинцы очень любили хоры (были светские и церковные). Л.А. Быстрянцева пишет, что «первый самодеятельный хор пел на маленькой сцене Железнодорожного собрания. В этом здании ставились оперы, оперетты, драматические спектакли, выступал симфонический оркестр, приезжали знаменитости из России и других стран. Потом появились Коммерческое собрание, другие театры, в том числе летние, много кинематографов, балетные, музыкальные и театральные студии» (Быстрянцева, 2007: 17). Можно только искренне удивляться тем усилиям, которые прилагались для гармонии общества и обогащения культурной жизни города. Нынешний Оперный театр (культурный центр) в Харбине, вошедший в список лучших архитектурных проектов 2016 года, представляет собой прекрасный образец современного искусства и демонстрирует приверженность заложенному в начале прошлого века уровню культурных ценностей.

В Харбине издавались русские газеты и журналы, выпускались литературно-художественные сборники, книги, устраивались литературные и музыкальные конкурсы. Их содержание затрагивало различные сферы интересов общества: политику, экономику, культуру, религию, науку, технику и др. В работе Е.П. Таскиной о печатных изданиях в Харбине отмечено, что «одними из первых газет на русском языке были «Харбин и Харбинский вестник (листок)» (Таскина, 1994: 62). Далее стали издавать «Новый край», «Харбин», «Вестник Востока» («Новая жизнь») и ежедневную газету «Юаньдун бао» на китайском языке (с целью углубления дружественного экономического сотрудничества русской и китайской диаспор Маньчжурии). Создавалась прочная основа взаимного сотрудничества и взаимоуважения, характерная для всего дальнейшего периода эксплуатации железной дороги и жизни русских поселенцев.

Последующие исторические периоды были насыщены событиями, в т.ч. вокруг КВЖД. Но все они неоднократно доказывали важность железной дороги для провинции и страны в целом, неизменную востребованность магистрали. Очень символично, что на рубеже XXI века сооружение первой скоростной железной дороги в Китае, связывающей север и северо-восток страны, проходило параллельно существующей дороге, которая все еще остается главной магистралью, загруженной грузовыми и пассажирскими перевозками.

5. Заключение

Исследование ретроспектив создания социально-экономической инфраструктуры Китайско-Восточной железной дороги Российской империей свидетельствует об имевшем месте значимом государственном опыте трансфера технико-технологических инноваций в процесс формирования инфраструктуры на территории другого государства. Несмотря на все трудности, сопровождавшие

сооружение КВЖД, реализация данного мегапроекта сыграла огромную роль в развитии двух стран. Именно благодаря строительству КВЖД, китайская Маньчжурия сформировалась как промышленно-развитый и культурный центр Китая. Эта магистраль была важна и для России, в первую очередь для наращивания стратегического присутствия в регионе в условиях существования острых угроз и вызовов. При всем этом сформированное инфраструктурное обустройство – активное финансирование, экономическое стимулирование и социальное обустройство жизни – проявлялось в результатах многосторонней деятельности, способствовало рекордным срокам реализации проекта, успешному функционированию магистрали и всего ее хозяйства, укрепляя взаимопонимание и взаимодействие стран. Более того, строительство КВЖД Российской империей демонстрирует положительный опыт трудовых успехов русских тружеников. Понимание сущности трудового подвига, источника происхождения созидательных мотивов и ответственного отношения к труду позволяет объяснить определенные закономерности влияния трудовой деятельности на социально-экономические процессы развития общества, планировать достижение социального и экономического эффектов в практико-преобразовательной деятельности, а также способствует воспитанию у молодежи не только чувства гордости и долга перед Родиной, сохранению памяти о деятельности тружеников, но и ответственному отношению к труду и созидательной деятельности.

6. Благодарности

Исследование проводилось в рамках Программы развития ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» на 2015–2024 годы».

Литература

- Аблова, 1998** – Аблова Н. История КВЖД и российской колонии в Маньчжурии в конце XIX – начале XX вв. (1896–1917 гг.) // *Белорусский журнал международного права и международных отношений*. 1998. № 3. С. 62–72.
- Быстрянцева, 2007** – Быстрянцева Л.А. Исторический очерк строительства и развития КВЖД и Харбина // *Восход*. 2007. № 12 (164), Декабрь. С. 14–19.
- Собрание законов, 1899** – Высочайше утвержденный устав Русско-Китайского банка // Полное собрание законов Российской империи, собрание третье. СПб.: Государственная типография, 1899. Т. XV, 1895, № 12242. С. 698–707.
- Собрание законов, 1896** – Высочайше утвержденный устав Общества Китайской восточной железной дороги // Полное собрание законов Российской империи, собрание третье. СПб.: Государственная типография, 1899. Т. XVI, отделение I, 1896, № 13486. С. 749–757.
- Буркова, 1997** – Дальневосточная магистраль России / Сост. В.Ф. Буркова, В.Ф. Зуев. Хабаровск: Частная коллекция, 1997. 352 с.
- Козыренко, 2018** – Козыренко И.С. Историческое развитие китайского города Фудзядзянь в Харбине // *Новые идеи нового века*. 2018. Том 1. С. 196–202.
- Лукоянов, 2008** – Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб.: Нестор-История, 2008. 668 с.
- Маркизов, 2003** – Маркизов Л.П. До и после 1945: Глазами очевидца. Сыктывкар, 2003. 208 с.
- Мелихов, 1991** – Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая. М.: Наука, 1991. 319 с.
- Нилус, 1923** – Нилус Е.Х. Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги. 1896–1923 гг. [Т. 1]. Харбин: Типографии Кит. Вост. жел. дор. и Т-ва «Озо», 1923. 690 с.
- Отчет, 1905** – Отчет по постройке Китайской Восточной железной дороги (по железнодорожному предприятию). 1897–1903 гг. СПб.: Электро-типография Н.Я. Стойковой, 1905. 101 с.
- Полетика, 1904** – Полетика М.И. Чума в Инкоу и его окрестностях: Прил. к Общему мед. отчету по постройке Китайской Восточной ж. д. старш. врача Строит. упр. д-ра М. Полетика. Санкт-Петербург: тип. Спб. акц. общ. печ. и писчеб. дела «Слово», 1904. 50 с.
- Попов, 2004** – Попов И.М. Россия и Китай: 300 лет на грани войны. М.: ООО «Издательство Астрель», 2004. 511 с.
- Ратманов, 2009** – Ратманов П.Э. Медицинское обеспечение Китайской восточной железной дороги в 1903–1921 гг. // *Дальневосточный медицинский журнал*. 2009. № 3. С. 133–136.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Рупин, 1904** – Рупин С. В Маньчжурии. СПб., 1904. 161 с.
- Официальные документы, 1958** – Русско-китайские отношения, 1689–1916: Официальные документы. М.: Издательство восточной литературы, 1958. 142 с.
- Витте, 1960** – Сергей Юльевич Витте. Воспоминания. Том 2. (1894 – октябрь 1905) Царствование Николая II. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. 639 с.
- Суходолов, 2014** – Суходолов А.П. Китайская восточная железная дорога: опыт России и Китая по совместной реализации крупномасштабных проектов // *Известия ИГЭА*. 2014. № 3 (95). С. 72–77.
- Таскина, 1994** – Таскина Е.П. Неизвестный Харбин. М: Изд-во «Прометей», 1994, 192 с.

[Федоров, 1912](#) – *Федоров М.П.* Экономическое положение Сибирской магистрали // Высочайшие учреждения. Особая высшая комиссия для всестороннего исследования железнодорожного дела в России. Вып. 76. СПб.: Тип. Т-ва «Обществ. Польза», 1912. 65 с.

[Широкоград, 2006](#) – *Широкоград А.Б.* Утерьянные земли России: от Петра I до Гражданской войны. М.: Вече, 2006. 464 с.

[Якунин, 2010](#) – *Якунин В.И.* Железные дороги России и государство. Монография. М.: Научный эксперт, 2010. 432 с.

[Population et al., 2018](#) – *Population of Cities in China (2018)* // World Population Review. [Электронный ресурс]. URL: <http://worldpopulationreview.com/countries/china-population/cities/> (дата обращения: 30.11.2018).

[Quested et al., 1977](#) – *Quested R.* The Russo-Chinese bank: a multi-national financial base of tsarism in China. Birmingham: University of Birmingham, 1977. 69 p.

[Wolff et al., 1999](#) – *Wolff D.* To the Harbin Station. The Liberal Alternative in Russian Manchuria, 1898-1914. Stanford: Stanford University Press, 1999. 255 p.

References

[Ablova, 1998](#) – *Ablova N.* (1998). Istorija KVZhD i rossijskoj kolonii v Man'chzhurii v konce XIX-nachale XX v. (1896-1917 gg.) [History of the CER and the Russian colony in Manchuria at the end of the 19th and the beginning of the 20th c. (1896-1917)]. *Belorusskij zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnyh otnoshenij*. № 3. pp. 62-72. [in Russian]

[Burkova, 1997](#) – *Dal'nevostochnaja magistral' Rossii* [Far Eastern Highway of Russia]. Sost. V.F. Burkova, V.F. Zuev. Habarovsk: Chastnaja kollekcija, 1997. 352 p. [in Russian]

[Bystrjanceva, 2007](#) – *Bystrjanceva L.A.* (2007). Istoricheskij ocherk stroitel'stva i razvitija KVZhD i Harbina [Historical overview of the construction and development of the CER and Harbin]. *Voshod*. № 12 (164), Dekabr'. pp. 14-19. [in Russian]

[Fedorov, 1912](#) – *Fedorov M.P.* (1912). Jekonomicheskoe polozhenie Sibirskoj magistrali// Vysochajshie uchrezhdenija. Osobaja vysshaja komissija dlja vsestoronnego issledovanija zheleznodorozhnogo dela v Rossii [The economic situation of the Siberian highway. Highest institutions. Special Higher Commission for a comprehensive study of the railway case in Russia. Vyp. 76. SPb.: Tip. T-va «Obshhestv. Pol'za». 65 p. [in Russian]

[Jakunin, 2010](#) – *Jakunin V.I.* (2010). Zheleznye dorogi Rossii i gosudarstvo [Russian Railways and the state]. М.: Nauchnyj jekspert. 432 p. [in Russian]

[Kozyrenko, 2018](#) – *Kozyrenko I.S.* (2018). Istoricheskoe razvitie kitajskogo goroda Fudzjad'zjan' v Harbine [The historical development of the Chinese city of Fujiejian in Harbin]. *Novye idei novogo veka*. T. 1. pp. 196-202. [in Russian]

[Lukojanov, 2008](#) – *Lukojanov I.V.* (2008). «Ne otstat' ot derzhav...» Rossija na Dal'nem Vostoke v konce XIX – nachale XX vv. ["Not to be left behind the powers ..."] Russia in the Far East at the end of the 19th – early 20th centuries]. SPb.: Nestor-Istorija. 668 p. [in Russian]

[Markizov, 2003](#) – *Markizov L.P.* (2003). Do i posle 1945: Glazami ochevidca [Before and after 1945: Eyes of the witness]. *Syktyvkar*. 208 p. [in Russian]

[Melihov, 1991](#) – *Melihov G.V.* (1991). Man'chzhurija dalekaja i blizkaja [Manchuria is far and near]. М.: Nauka. 319 p. [in Russian]

[Nilus, 1923](#) – *Nilus E.H.* (1923). Istoricheskij obzor Kitajskoj Vostochnoj zheleznoj dorogi. 1896-1923 gg. [Historical overview of the Chinese Eastern Railway. 1896-1923]. T. 1. Harbin : Tipografii Kit. Vost. zhel. dor. i T-va «Ozo». 690 p. [in Russian]

[Official Documents, 1958](#) – *Russko-kitajskie otnoshenija, 1689-1916: Oficial'nye dokumenty* [Russian-Chinese Relations, 1689-1916: Official Documents]. М.: Izdatel'stvo vostochnoj literatury, 1958. 142 p. [in Russian]

[Otchet, 1905](#) – *Otchet po postrojke Kitajskoj Vostochnoj zheleznoj dorogi (po zheleznodorozhnomu predpriyatiju).* 1897-1903 gg. [Report on the construction of the Chinese Eastern Railway (by railway company). 1897-1903]. SPb.: Jelektro-tipografija N.Ja. Stojkovej, 1905. 101 p. [in Russian]

[Poletika, 1904](#) – *Poletika M.I.* (1904). Chuma v Inkou i ego okrestnostjah : Pril. k Obshhemu med. otchetu po postrojke Kitajskoj Vostochnoj zh. d. starsh. vracha Stroit. upr. d-ra [Plague in Yingkou and its surroundings: To General honey. report on the construction of the Chinese East. d. senior Doctor Builds. ex. dr]. М. Poletika. Sankt-Peterburg : tip. Spb. akc. obshh. pech. i pisheb. dela «Slovo». 50 p. [in Russian]

[Popov, 2004](#) – *Popov I.M.* (2004). Rossija i Kitaj: 300 let na grani vojny [Russia and China: 300 years on the brink of war]. М.: ООО «Izdatel'stvo Astrel'». 511 p. [in Russian]

[Population et al., 2018](#) – *Population of Cities in China (2018)* // World Population Review [Electronic resource]. URL: <http://worldpopulationreview.com/countries/china-population/cities/> (date of access: 30.11.2018).

[Quested et al., 1977](#) – *Quested R.* (1977). The Russo-Chinese bank: a multi-national financial base of tsarism in China. Birmingham: University of Birmingham. 69 p.

[Ratmanov, 2009](#) – *Ratmanov P. Je.* (2009). Medicinskoe obespechenie Kitajskoj vostochnoj zheleznoj dorogi v 1903-1921 gg. [Medical support of the Chinese Eastern Railway in 1903-1921]. *Dal'nevostochnyj medicinskij zhurnal*. № 3. pp. 133-136. [in Russian]

[RGIA](#) – Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv [Russian State Historical Archive].

[Rupin, 1904](#) – *Rupin S. V.* (1904). Man'chzhurii [In Manchuria]. SPb. 161 p. [in Russian]

[Shirokorad, 2006](#) – *Shirokorad A. B.* (2006). Uterjannye zemli Rossii: ot Petra I do Grazhdanskoj vojny [Lost lands of Russia: from Peter I to the Civil War]. M.: Veche. 464 p. [in Russian]

[Sobranie zakonov, 1896](#) – Vysochajshe utverzhdenyj ustav Obshhestva Kitajskoj vostochnoj zheleznoj dorogi [Highest approved charter of the Society of the Chinese Eastern Railway]. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, sobranie tret'e. SPb.: Gosudarstvennaja tipografija, 1899. T. XVI, otdelenie I, 1896, № 13486. pp. 749-757. [in Russian]

[Sobranie zakonov, 1899](#) – Vysochajshe utverzhdenyj ustav Russko-Kitajskogo banka [Highest approved charter of the Russian-Chinese Bank]. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, sobranie tret'e. SPb.: Gosudarstvennaja tipografija, 1899. T. XV, 1895, № 12242. pp. 698-707. [in Russian]

[Suhodolov, 2014](#) – *Suhodolov A. P.* (2014). Kitajskaja vostochnaja zheleznaia doroga: opyt Rossii i Kitaja po sovmestnoj realizacii krupnomasshtabnyh proektov [China Eastern Railway: Russian and Chinese Experience in Jointly Implementing Large-Scale Projects]. *Izvestija IGJeA*. № 3 (95). pp. 72-77. [in Russian]

[Taskina, 1994](#) – *Taskina E. P.* (1994). Neizvestnyj Harbin [Unknown Harbin]. M.: Izd-vo «Prometej». 192 p. [in Russian]

[Vitte, 1960](#) – *Sergej Jul'evich Vitte* (1960). Vospominaniya. Tom 2. (1894 – oktjabr' 1905) Carstvovanie Nikolaja II [Sergei Witte. Memories. Volume 2. (1894 – October 1905) The reign of Nicholas II]. M.: Izdatel'stvo social'no-jekonomicheskoj literatury. 639 p. [in Russian]

[Wolff et al., 1999](#) – *Wolff D.* (1999). To the Harbin Station. The Liberal Alternative in Russian Manchuria, 1898-1914. Stanford: Stanford University Press. 255 p.

Ретроспективы создания социально-экономической инфраструктуры Китайско-Восточной железной дороги

Светлана Юрьевна Цехла ^{a, *}, Наталия Александровна Симченко ^a, Ирина Геннадиевна Павленко ^a

^a Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена исследованию ретроспектив создания социально-экономической инфраструктуры Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) Российской империей. На основе изучения архивных материалов и научных публикаций проведен анализ трансфера передового российского научно-технического опыта в сфере строительства Великого Сибирского пути, устанавливавшего прямое железнодорожное сообщение между западноевропейскими государствами и странами Восточной Азии с выходом в порты на Тихом океане. России строительство КВЖД позволяло установить надежный сухопутный (рельсовый) путь между европейской частью и Дальним Востоком, а также способствовало решению важных экономических задач – увеличению торгового оборота с Китаем, расширению рынка сбыта промышленных товаров, усилению влияния российского капитала. В контексте изучения имперского опыта России по успешной реализации мегапроекта в начале XX века на территории другой страны сделан вывод и о таком важнейшем социально-экономическом феномене, как трудовые подвиги людей различных сословий, принимавших участие в данном историческом мероприятии. Работы проводились быстрыми темпами и успешно, несмотря на отсутствие точных географических и топографических данных, неблагоприятные природные и бытовые факторы, низкий уровень культуры и техническую неграмотность местного населения. Создание социально-экономической инфраструктуры КВЖД сыграло огромную роль в развитии Российской империи и Китая. Именно благодаря строительству КВЖД, китайская Маньчжурия сформировалась как промышленно развитый и культурный центр Китая. Эта магистраль была важна и для России как площадка наращивания стратегического присутствия в регионе в условиях нарастания вызовов и угроз.

Ключевые слова: Российская империя, Китайско-Восточная железная дорога, технологии, инфраструктура, трудовые подвиги.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: s.tsohla@yandex.ru (С.Ю. Цехла),

natalysimchenko@yandex.ru (Н.А. Симченко), pavlenko-irina82@mail.ru (И.Г. Павленко)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 51. Is. 1. pp. 357-365. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.1.357
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Archive and Memory: The Reconstruction of the Family Memory of the Late Russian Empire

Yulia A. Zherdeva ^{a, *}, Elena I. Sumburova ^a, Margarita V. Cherkasova ^b

^a Samara State University of Economics, Samara, Russian Federation

^b Samara State Institute of Culture, Samara, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the problems of reconstruction of the social memory based on the key events of the Russian history of the beginning of the XX century. The authors propose a method of reconstructing “family memory”, considering the autodocumentary texts of one family as a single “family archive” - a virtual repository of family memory modeled by the modern digital environment. Combining the memorial texts of the Russian noblemen Butorovs and Tatishchevs into one “family archive”, the authors restore the key components of their common memory. The study made it possible to see how the central component of the noble family values – the family estate – in wartime becomes the personification of a peaceful personal refuge, and during the period of emigration is perceived as a “lost paradise”. Concepts of education turned out to be closely interwoven into the system of gender identifications: in male texts, they set the movement of the future professional life, and in female texts, they give cause for regrets. Analyzing the attitude to power, the authors note the disappointment in the sacredness of imperial power among the younger generation of the family, and the nostalgic idealization of the royal power of the older generation.

Keywords: archive, memory, digitalization of memory, auto communicative texts, family archives, Russia, Boutorovs.

1. Введение

В современной культуре понятие «архив» утратило однозначность и узкую дисциплинарную принадлежность, превратившись в проблемное поле для исследований в области архивоведения, философии, культурологии, социологии, искусства. Этим обусловлены попытки разных авторов найти собственные методы, сформулировать новые принципы работы с архивом.

Социогуманитарные исследования сегодня ставят вопрос о том, что с изменением условий хранения памяти, распространением цифровой среды, появлением новых способов документации и сохранения воспоминаний (фото/видео-сервисы, облачные хранилища, социальные сети) меняется горизонт памяти. Если в прошлом он был ограничен физическими возможностями сознания индивида и социальными рамками памяти, то в цифровую эру он оказывается зависим от доступности и целостности медийного аккаунта. В условиях, когда человек может сохранить на внешнем носителе слишком многое, под угрозой оказываются сами механизмы запоминания, лежащие в основе человеческой культуры. В этой связи все более актуальным становится изучение механизмов работы памяти и выявление возможностей реконструкции личных и социальных детерминант памяти. Данное исследование посвящено проблемам реконструкции семейного архива.

В последнее время все более заметным становится такое направление социогуманитарного знания, как digital memory studies, изучающее среди прочего влияние информационной среды на формирование личных и социальных мемориальных архивов. Современная медиасреда,

* Corresponding author

E-mail addresses: jujuly@yandex.ru (Yu.A. Zherdeva), elena-sumburova@yandex.ru (E.I. Sumburova), marga-cheshirsky@yandex.ru (M.V. Cherkasova)

объединяющая единой виртуальной сетью различные точки физического пространства, как общественного (государственных архивохранилищ), так и частного (личных архивов), предоставляет исследователю возможность реконструировать «семейный архив» как целостный документальный комплекс даже тогда, когда физически документы этого комплекса находятся в разных архивах, у отдельных частных владельцев, в отдаленных странах и даже на разных континентах. Это новое условие бытования «семейных архивов» позволяет пересмотреть сегодня границы данного понятия и требует формирования новой методики работы с распределенными «семейными архивами».

2. Материалы и методы

2.1. Методы

В данной статье авторы предлагают методику реконструкции семейного архива российского дворянского рода Буторовых – Татищевых, анализируя архивные и опубликованные источники представителей этого рода и объединяя их в единый виртуальный «семейный архив». Целью этих изысканий является не составление всех документов рода в определенную совокупность, но поиск общей для данного рода памяти, представлений о себе и родственниках, общего языка восприятия и интерпретации событий, определение контекста, в котором разворачивались судьбы членов семьи.

Личный архив имеет определенную специфику, в определенном смысле он – упорядоченный хаос. С одной стороны, личный архив хаотичен, поскольку формируется фондообразователем в течение жизни спонтанно, без плана. С другой – он структурирован: любая фраза оценивалась автором как стоящая записи. Несомненно, автор эго-документа не описывал все случившееся за день, это невозможно, но избирал то, что достойно запоминания. Пытался упорядочить настоящее структурированием своей памяти. По словам Мишеля Фуко, «власть записи» сформировалась как существенно важная деталь механизмов дисциплины» (Фуко, 1999: 276). Таким образом, дневники, равно как и воспоминания, являются не столько отражением личности автора, сколько его представлением о своей памяти, о том, какой эта личная память должна быть.

Изучая дневниковые и мемуарные тексты, исследователь работает как с тем, что высказано, так и с тем, что не высказано, «забыто». Такой подход позволяет войти в пространство личной памяти автора дневников/воспоминаний, сделать ее и своей тоже, присвоить чужую память. Кроме того, сопоставление дневников/воспоминаний представителей одной семьи позволяет исследователю не только ориентироваться в пространстве чужой личной памяти, но и выявить те общие предпочтения и умолчания, которые свойственны представителям данного рода, другими словами – это дает возможность построить высказывание рода, выстроить невозможный в реальности диалог между представителями разных поколений одной семьи, представить коллективное высказывание рода.

В основе данного исследования лежит, таким образом, феноменологический подход. По словам одного из основоположников этого подхода в источниковедении, О.М. Медушевской, феноменология позволяет увидеть за эмпирической данностью явление (Медушевская, 2008: 8). Феноменологический подход исходит из системной целостности мира, взаимосвязанности, которую может установить исследователь. Именно он позволяет авторам предположить наличие системного единства в текстах представителей одной семьи, обусловленное общими мировоззренческими установками, семейными традициями, родовыми нормами, а также применить к данным текстам компаративистский инструментарий для поиска оснований идентификации феноменологического единства текстов.

Используемый авторами подход к реконструкции семейных архивов, предполагающий феноменологическое единство семейного архива, физически находящегося в разных архивохранилищах, но способного стать единым архивным комплексом внутри цифрового пространства, позволяет проследить не только объединяющие подобные документы родовые традиции, но и общие мотивы семейной памяти.

2.2. Материалы

Семейный архив Буторовых – Татищевых включает в себя ряд интересных воспоминаний об эпохе Первой мировой войны и времени крушения Российской империи. Буторовы – российский дворянский род Симбирской губернии, потомки известного партизана Отечественной войны 1812 г. Дениса Давыдова (См. подробнее: Сумбурова, 2015). Рассматриваемый как целостное явление, виртуальный семейный архив Буторовых включает в себя мемуары Софьи Николаевны Буторовой (урожденной Давыдовой), ее детей – Николая Владимировича Буторова и Юлии Владимировны Буторовой, а также ее зятя – Алексея Алексеевича Татищева. Среди этих мемориальных текстов есть как опубликованные, так и неопубликованные документы. Местом их физического хранения являются Сызрань и, вероятно, Париж. Половина этих текстов уже оцифрована (воспоминания Николая Буторова и Алексея Татищева) и хранятся на сайте Библиотеки русского зарубежья в сети Интернет.

Оставшиеся эго-документы – мемуары С.Н. Буторовой и дневники Ю.В. Буторовой – представлены в сети лишь во фрагментах и типографским способом никогда целиком не издавались. Центральным компонентом архива авторы считают дневники и письма Юлии Буторовой (в замужестве – Татищевой) 1914–1916 гг., хранящиеся в Сызрани (СФ ЦГАСО. Ф. 63). Это уникальный дневник, записанный на фронтах Первой мировой войны сестрой милосердия. На Восточном фронте

женских военных дневников известно крайне мало, а данный дневник оставался в практически полном забвении вплоть до недавнего времени. Воспоминания матери семейства, С.Н. Буторовой, были напечатаны ее внучкой в 1999 г. в Париже небольшим тиражом нетипографским способом и известны под названием «Мои воспоминания. 1862–1918». Их оригинал, вероятно, находится в семье Паскалис в Париже, а копия хранится в Сызрани вместе с дневниками дочери Юлии.

3. Обсуждение

Недавние исследования, посвященные архивам, ставят целый ряд новых научных проблем, среди которых одно из центральных мест занимает изучение процесса формирования социальной идентичности на уровне нации, государства, этноса, профессии, рода, семьи и пр. Здесь важным является как анализ роли архива в этом процессе, так и влияние самого этого процесса на архивную практику и теорию (Ketelaar, 2009).

Так, в американской архивной науке, испытавшей значительное влияние постмодернистских течений, обратившейся к профессиональной саморефлексии под воздействием работ Жака Деррида (Derrida, 1995), в 1990-х гг. родился призыв «открыть архивы!». Под открытием архивов подразумевалось не столько расширение доступа и популяризация архивных документов, но в первую очередь пересмотр концептуальных оснований архивной науки, «деконструкция архива», разоблачение его власти: «Архивисты постоянно изменяют, переосмысливают и заново изобретают архив. Такие архивные манипуляции демонстрируют власть над памятью и идентичностью, над фундаментальными способами, которыми общество ищет документальные подтверждения тому, откуда оно пришло и куда оно может идти» (Cook, Schwartz, 2002: 181).

В связи с этим требовался и пересмотр роли архивиста, который при новом понимании архива превращается в активного, творческого субъекта, балансирующего на грани между искусством и наукой (Ketelaar, 2011). Появляется даже термин «творческое архивирование» (Velios, 2011). Известный канадский архивист Терри Кук так описывал процесс смены архивной парадигмы: «Для архивистов смена парадигмы требует отхода от идентификации себя в качестве пассивных хранителей генетического наследия до возвеличивания своей роли в активном формировании коллективной (или социальной) памяти. Иными словами, архивный теоретический дискурс смещается от продукта к процессу, от структуры к функции, от архивов к архивированию, от записи к контексту записи, от “естественного” остатка или пассивного побочного продукта административной деятельности к сознательно сконструированной и активно опосредованной “архивизации” социальной памяти» (Cook, 2001: 4). Понимание архива не только как хранителя, но и как актора в конструировании социальной памяти и различных групповых идентичностей потребовало пересмотра архивной практики (Cook, 2013). Таким образом, к настоящему времени обозначился новый подход к определению сущности архива через понятие коллективной памяти. Это в свою очередь создает перспективы к переосмыслению методов работы с архивными фондами, особенно с так называемыми «семейными архивами».

В российском архивоведении на связь архивов с социальной памятью обращал внимание Б.С. Илизаров (Илизаров, 1985), понимание архивов как коллективной памяти обосновывала Т.И. Хорхордина (Хорхордина, 2003). Попытки применения творческого подхода в работе с архивами, в первую очередь с личными архивными фондами, встречаются в российской науке чаще всего у тех исследователей, которые не принадлежат к профессиональному архивному сообществу. Например, Т.И. Селина обращает внимание на формальный подход государственных архивов в структурировании и описании личных фондов и предлагает взглянуть на архив не только как на совокупность ценных документов, но и как на систему определенных идей и смыслов, что дает возможность для более глубокой интерпретации (Селина, 2016: 200).

Однако чаще российские исследователи прибегают к иным методам в работе по реконструкции архивных фондов: личный архив либо восстанавливается так, как он сложился при жизни фондообразователя, либо собирается коллекция всех возможных документов, написанных человеком и сохранившихся в архивах музеев, библиотек, университетов и пр.

Различные варианты реконструкции личных архивов имеют перед собой общую цель – представить целостную информационную систему, создающую возможность для успешной интерпретации исторических фактов, связанных с фондообразователем, приблизиться к пониманию исторической реальности. Такая проблематика близка источниковедению: «Реализованный продукт – исторический источник – восстанавливается в ходе исследовательских изысканий таким, каким его, возможно, не осознавали современники и сам автор: как явление культуры (данной эпохи, страны, народа, государства, личности). В свою очередь, воссоздав культурное явление как целое, гуманитарное знание получает новые возможности для постижения породившей данный феномен культуры» (Медушевская, 2008: 195). Близка к такому пониманию рассматриваемая отечественными исследователями методика реконструкции «виртуальной архивной коллекции», которая включает элементы источниковедения, архивоведения, архивной эвристики и устной истории (Лаптева, 2018: 163).

Важность поставленных задач толкает исследователей на поиск новых методов реконструкции исторических источников – архивных фондов. В условиях цифровой среды, которая меняет практически все современные повседневные социальные и антропологические практики, происходит

изменение архивов, создаваемых человеком. Новые условия ставят вопросы о цифровом наследии и наследстве, хранении и возможностях репрезентации личных архивов, «тирании непреходящей памяти» (*Digital Memory Studies*, 2017). В итоге у современного исследователя личных архивов прошлого появляется уникальная возможность удаленного доступа к этим архивам, с одной стороны, и возникает угроза не распознать в общем «цифровом шуме» персональное измерение сходных внешне массивов личных данных – с другой.

4. Результаты

Семейный архив Буторовых – Татищевых состоит из автодокументальных текстов разного происхождения. Большую их часть составляют воспоминания – тексты, адресованные потомкам и написанные гораздо позднее происшедших с их авторами событий. Единство этим текстам придает как время создания – 1920-е годы, так и содержание – в основных чертах это жизнь до эмиграции из России после революции 1917 г. и Гражданской войны 1917–1922 гг. Мемуары С.Н. Буторовой были написаны в Германии в 1920 г., а воспоминания ее сына Н.В. Буторова и зятя А.А. Татищева – во Франции и Швейцарии в 1927–1930-х гг. Каждый из этих текстов обрывается на событиях, предшествовавших времени написания приблизительно на 5–7 лет. Четвертый документ этого семейного архива уникален. Он представляет собой дневник, который вела Ю.В. Буторова – дочь С.Н. Буторовой и будущая жена А.А. Татищева – находясь на Юго-Западном фронте русской армии в 1914–1916 гг. Это сугубо личный документ, не предназначенный для постороннего читателя, и в этом смысле он является «исповедальным» текстом (*Претерпевший*, 2013). Дневник дополнен личными письмами Юлии Буторовой, адресованными ее фронтовому возлюбленному. На тетради с письмами рукой Юлии Буторовой подписано: «В случае моей смерти отдать Алексею Крейгелю», однако авторам удалось установить, что под этим именем следует понимать Алексея Николаевича Клейгельса. Вероятно, Юлия Владимировна хотела скрыть от случайного постороннего читателя имя подлинного адресата писем, понятное лишь ее фронтовым подругам.

Реконструкция «семейной памяти» (объединяющих всех членов семьи этических норм, моделей поведения, мировоззренческих установок, семейных привычек) по воспоминаниям, дневникам и письмам представителей одной семьи позволяет рассматривать эти семейные традиции как некое «высказывание рода», увидеть за частным, личным, – общее, семейное. Авторы выделяют несколько паттернов общих воспоминаний.

4.1. Образование и служба

Алексей Татищев и Николай Буторов являлись однокурсниками по Александровскому лицезу – знаменитому привилегированному высшему учебному заведению России. Окончив его в 1906 г., они оба воспользовались лицейским правом самостоятельно выбрать место будущей службы. Татищев в воспоминаниях отмечает, что обычно выпускники руководствовались «семейными традициями, наличием связей и знакомых в том или ином учреждении, реже – личными наклонностями» (*Татищев*, 2009: 33). Выбор Татищева был обусловлен скорее вторым. Еще будучи учеником, он написал лучшее в лицее конкурсное сочинение на экономическую тему «Переселение крестьян», посвященное актуальной для России начала XX века аграрной реформе. Увлечшись этим новым направлением российской политики, он поступил на службу в Главное управление землеустройства и земледелия, мечтая, как он признавался в эмиграции, о «самостоятельной, ответственной работе» (*Татищев*, 2009: 98). В отличие от целеустремленного Татищева, его однокурснику Николаю Буторову, по его собственному признанию, было все равно, куда поступать. В воспоминаниях он постоянно подчеркивает, что его более всего привлекала военная служба, однако он отказался от карьеры военного под влиянием матери и при выборе будущей профессии поступил примерно так, как дворяне использовали «русскую рулетку»: «отыскал себе [место] по справочной книжке «Весь Петербург» (*Буторов*, 2009: 5). Стремясь участвовать в государственной жизни, он выбрал работу в Государственном совете.

И Буторов, и Татищев пишут о том, что поначалу были разочарованы своей службой. Оба мечтали «работать для «общей пользы», в то время как на деле один (Татищев) составлял справки и записки для вышестоящего начальства, а второй (Буторов) – вырезал и клеил статьи на бумагу. Вскоре Буторов принял решение уйти в отставку, некоторое время путешествовал за границей, состоял чиновником особых поручений при симбирском губернаторе Д.Н. Дубасове, служил в Земском отделе Министерства внутренних дел, являлся советником Тургайского областного правления и, наконец, сотрудником Первого департамента Правительствующего сената (*Буторов*, 2009: 5, 9, 14). Карьера Татищева, напротив, складывалась целенаправленно и по восходящей – в решении того самого крестьянского вопроса, в котором он был заинтересован с самого начала. Он довольно быстро добился назначения на Дальний Восток в качестве руководителя одного из переселенческих пунктов и уже в ноябре 1912 г. получил должность начальника Туркестанского управления земледелия и государственных имуществ (*Татищев*, 2009: 142), надеясь в итоге дослужиться до места губернатора одной из сибирских губерний (*Татищев*, 2009: 202).

Женские тексты этой семьи дают гораздо меньше представлений об отношении к образованию и профессиональной карьере. Из них понятно лишь, что Софья Буторова поначалу обучалась в частной гимназии А.А. Оболенской в Санкт-Петербурге, готовившей девушек для получения высшего

образования. Однако после смерти матери бабушка, Софья Николаевна Чиркова, перевела внучку в «модный пансион» мадемуазель Труба, о чем Софья Буторова пишет с большим сожалением (Буторова, 1999: 9, 12). Из воспоминаний матери известно, что Юлия Буторова окончила одно из самых престижных учебных заведений для женщин в поздней Российской империи – Екатерининский институт (Буторова, 1999: 34). Она училась вместе с представительницами знатнейших российских семейств, была вхожа в придворные круги. В своих фронтовых дневниках сама Юлия Буторова ничего не пишет о времени своей учебы, однако часто описывает свои разговоры с мужчинами – руководителями Красного Креста или армии, и по тону дневника ясно, что она была очень горда своим умением вести дискуссию, могла блеснуть глубокими познаниями и отличалась убежденностью взглядов. К примеру, она доказывала известному адвокату и одному из лидеров русского либерализма Василию Маклакову, что он был не прав, защищая на знаменитом процессе по «делу Бейлиса» бесосновательно обвиненного в «ритуальном убийстве» приказчика-еврея (СФ ЦГАСО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 2. Л. 13-14). Современному читателю понятен «домовый антисемитизм» этой представительницы русского дворянства, близкий во многом придворной среде.

4.2. Семья

Одно из центральных мест в автодокументальных текстах рассматриваемого архива занимает семья. Семейные связи в них выглядят основными скрепами личной жизни. Представитель старшего поколения семьи, Софья Буторова, с заметной меланхолией вспоминает о поездках в имение старшего брата Николая Давыдова – Мазу, располагавшееся по соседству с ее поместьем, Вязовым. Для нее поездки к брату были возможностью увидеться с семьей: «Я ездила рано утром к обедне в Мазенскую церковь и после пила кофе и завтракала у моих милых Давыдовых. Я так любила этот день проводить с ними, что редко пропускала» (Буторова, 1999: 33). С еще большим чувством вспоминала она об отношениях с младшим братом Петром Давыдовым: «В самых затруднительных обстоятельствах он находил для меня удачный выход, и нигде я не чувствовала столько ласки и любви, как около него» (Буторова, 1999: 34). Похожим образом вспоминает об отношениях родственниках и представитель младшего поколения семьи Буторовых, сын Софьи – Николай. В его воспоминаниях есть, в частности, такой эпизод встречи с матерью: «Бросаюся здороваться с матерью. «Не так поспешно, не так поспешно», – улыбаясь, говорит она. Но я так люблю ее, так люблю ее большие черные выразительные, такие ласковые глаза, что осыпаю поцелуями. «Ну, довольно, довольно, мой милый» (Буторов, 2009: 92).

В мирное время семья была прибежищем личных устремлений авторов, они много и эмоционально пишут о своих родовых «гнездах» – поместьях в европейской части России. Родовое имение выступает в мемуарах семьи Буторовых и Алексея Татищева идеалом семейного быта: это имение Вязовое в Сызранском уезде Симбирской губернии – для Буторовых, и Беляницы в Бежецком уезде Тверской губернии – для Татищева. «Вязовое было частичка меня, в него я так много положила труда, сил и духовных, и физических, и любви, что оно не могло не быть мне дорого» (Буторова, 1999: 33), – пишет о родовом имении Софья Буторова. Николай Буторов в своих воспоминаниях также с большим чувством описывает хутор Вязовой: «Как здесь прохладно и хорошо! Вбегаю в столовую. Из ее большого, открытого в сад окна, под которым цветет куст махровой темно-лиловой сирени, вливается в комнату столько и света, и ароматов, и радости, и счастья, что уже душа полна каким-то туманным восторгом» (Буторов, 2009: 92). Алексей Татищев даже замечает, что подобное отношение к родовому имению было типично для всего русского дворянства: «В представлении нас, детей, ничто и нигде не могло быть выше Беляниц, и мы готовы были жертвовать чем угодно, лишь бы провести там лишнюю неделю. ... Само собой разумеется, что приблизительно такое же чувство к «своей» усадьбе мы видели у всех своих сверстников и любой из родственных или знакомых семей» (Татищев, 2009: 18-19).

В военное время в автокоммуникативных текстах Буторовых семья уходит вглубь эмоциональных переживаний, замещаясь яркими событиями политического быта – войной и революцией. К примеру, Юлия Буторова часто упоминает семью только в первые месяцы своего пребывания на фронте. В 1914 – начале 1915 гг. на страницах дневника чаще всего появляется ее мать. Еженедельно, а порой и ежедневно, она пишет о том, что не получает от родных писем, переживает, представляет их волнение о себе самой, своем брате и зяте, которые также находятся на фронте, просит знакомых при случае позвонить им в Петербург. Особое место в дневнике Буторовой занимает ее племянница, дочь младшей сестры Ольги – София. Незамужняя в то время Юлия Буторова, не имевшая еще своих детей и ушедшая на фронт, в том числе из-за потребности освободиться от сковывавших ее мыслей о собственном замужестве, в первые месяцы войны сильно скучает по девочке. Больше всего она беспокоится о том, чтобы получить ее фотографию, и только после этого пишет удовлетворенно: «Теперь я развесила все фотографии, и мне приятно иметь их всех около меня» (СФ ЦГАСО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 2. Л. 38-39). В дневниках Юлии Буторовой Вязовое предстает символом счастливой довоенной жизни. Она вспоминает свое родовое «гнездо», встречая в Галиции разоренные войной поместья и разграбленные усадьбы: «Невольно глядя на это разорение, вспомнилось наше Вязовое. Как было бы ужасно, если в него ворвались бы люди и устроили такой привал. Выломали бы деревья, уничтожили все мелочи, которые для них ничего не значат, а для живущих вызывают рой воспоминаний, составляют кусочки жизни» (СФ ЦГАСО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 2. Л. 19).

4.3. Отношение к власти

Отношение к власти ярче всего выражено в мужских текстах рассматриваемого семейного архива. И Николай Буторов, и Алексей Татищев, как представители известных дворянских родов, были близки ко двору, хотя и не входили в ближний круг царедворцев. Воспитанные в монархических традициях и православной вере, мемуаристы отмечают, что новые либеральные веяния начала XX в. в какой-то мере повлияли и на их убеждения. Например, Татищев, описывая представление Государю по случаю получения придворного звания камер-юнкера в 1911 г., отметил, что, «как и при предыдущем [представлении] по окончании Лицея, не испытал того чувства трепета перед властью и обожания к монарху, о котором так часто рассказывалось и читалось в отношении наших отцов и дедов» (Татищев, 2009: 97). Он объясняет случившееся тем, что это чувство вообще исчезло у людей их поколения, а также влиянием «воздуха свободы» дней Первой русской революции 1905–1907 гг., которая пришлась как раз на начало их служебной карьеры (Татищев, 2009: 32).

Непродуманные действия власти, военного командования и российских политиков в годы Первой мировой войны привели к разочарованию общества во власти и росту оппозиционных настроений. Выпускники Александровского лицея, люди думающие и неравнодушные, конечно, подмечали недостатки происходивших событий. Николай Буторов в своих воспоминаниях отмечает распад царской армии. «Всего не припомнишь, и все это, вопреки военной истине, что подчиненные должны исполнять, а не рассуждать, давало почву для рассуждений и недовольства рядового офицерства штабами, а солдат – офицерством вообще. Авторитет начальников, вера в них колебались» (Буторов, 2009: 48). Алексей Татищев подмечает роковые ошибки, которые были допущены властью в тылу в отношении беженцев: «Политика эта была, несомненно, ошибочной. Она избавляла наших врагов от необходимости кормить ненужное им в военном смысле население, надолго загромоздило нашу железнодорожную сеть вагонами с десятками, если не сотнями тысяч разоренных семейств и создала в глубине России очаги незанятого люда, способствующие росту общего недовольства и брожения» (Татищев, 2009: 222).

Падение российской монархии не стало неожиданностью ни для Буторова, ни для Татищева. Татищев, вспоминая о настроениях в российском обществе в феврале 1917 г., отмечал, что было «впечатление полной капитуляции правительства» (Татищев, 2009: 260). События 25 октября 1917 г. мемуаристы не приняли. Буторов считал, что Ленин «уверенно повел Россию на Голгофу». По его мнению, в России «загремела стенько-разинщина, грубо подкрашенная под теории Маркса» (Буторов, 2009: 64). Оба мемуариста приняли участие в Гражданской войне: Буторов – на стороне Белой армии, но после ее поражения на Севере России в начале 1920 г. семья Буторовых эмигрировала в Европу. Татищев сначала попытался служить советскому правительству, однако впоследствии окончательно примкнул к его противникам, оставаясь при этом на гражданской службе и до последнего пытаясь принять участие в решении земельного вопроса в России. После поражения Врангеля он эмигрировал в Константинополь, а затем уехал в Европу. Пронзительную запись оставил он о своих последних днях в России в мемуарах: «Странно – у меня не было чувства, что покидаю Россию навсегда» (Татищев, 2009: 357). Похожим образом описывает София Буторова чувства, охватившие ее при отъезде из Вязового в начале октября 1917 г.: «Я уехала с маленьким сундучком, в который положила окорок, масла, цветной капусты, варенья и яблок для моей дочери и внукам; и взяла только немного белья и одно платье, ...я не чувствовала в тот момент, что уезжаю из моего милого Вязового навсегда. Я уезжала почему-то уверенная, что через месяц обязательно вернусь назад» (Буторова, 1999: 57).

5. Заключение

В доцифровую эпоху дневники и частная переписка, а также мемуары-автобиографии, нередко адресованные прямым потомкам, если не уничтожались самим автором или адресатом, то часто хранились небрежно либо гибли и редко сохранялись как целостное высказывание рода. Поиск и использование этих источников до сих пор представляет немалую трудность для исследователя. В современном цифровом мире выявление и систематизация автодокументальных текстов прошлого, например, представителей одной семьи, может стать полезным инструментом их феноменологического анализа. Цифровизация социальной памяти позволяет объединить в единый комплекс личных данных архивные документы, принадлежавшие, с точки зрения классической архивной науки, к разным типам архивных хранилищ. Рассматриваемый в таком виртуальном единстве «семейный архив», как показало исследование мемориальных документов семьи Буторовых – Татищевых, расширяет исследовательские возможности и позволяет приблизиться к реконструкции такого сложного и с трудом поддающегося историческому исследованию явления, как «семейная память».

Исследование показало, как центральный компонент дворянских семейных ценностей – родовое имение – превращается в военное время в олицетворение мирного микрокосма, а в период эмиграции становится олицетворением «потерянного рая». Концепты воспитания и образования в рассматриваемых семейных текстах оказались тесно вплетены в систему гендерных идентификаций: в мужских текстах они задают движение будущей профессиональной жизни, а в женских оказываются на периферии ценностной иерархии. Наконец, столь важный компонент системы

ценностей русского дворянства, как отношение к власти, позволяет отметить плохо скрываемое разочарование в сакральности императорской власти в текстах тех представителей семьи, которые побывали на гражданской или военной службе в годы Первой мировой и Гражданской войн, и ностальгическую идеализацию монаршей власти у старшего поколения семьи. Дальнейшее исследование возможностей реконструкции распределенного семейного архива позволит приблизиться к пониманию феномена семейной памяти и возможностей ее архивирования в цифровой среде.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Самарской области в рамках научного проекта №18-49-630006 «Семейные архивы: проблемы реконструкции и археографии (на примере архива Ю.В. Буторовой)».

Литература

- Буторов, 2009 – Буторов Н.В. Прожитое. 1905–1920. М., 2009. 148 с.
- Буторова, 1999 – Буторова С.Н. Мои воспоминания. 1862–1917. Париж, 1999. 98 с.
- Илизаров, 1985 – Илизаров Б.С. Роль ретроспективной социальной информации в формировании общественного сознания (В свете представлений о социальной памяти) // *Вопросы философии*. 1985. № 8. С. 60–69.
- Лаптева, 2018 – Лаптева Т.Н. Значение термина «реконструкция архивного фонда» в отечественной историографии // *Вестник архивиста*. 2018. № 1. С. 155–168.
- Медушевская, 2008 – Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008. 361 с.
- Претерпевший, 2013 – «Претерпевший до конца спасен будет». Женские исповедальные тексты о революции и гражданской войне в России / Сост. О.Р. Демидова. СПб., 2013. 260 с.
- Селина, 2016 – Селина Т.А. Личный архив Я.А. Чеснова: реконструкция творческого наследия ученого средствами системного подхода // *Гуманитарий Юга России*. Т. 18. № 2. С. 197–211.
- Сумбурова, 2015 – Сумбурова Е.И. Первая мировая война женскими глазами: по дневникам Ю.В. Буторовой // *Человек и общество в условиях войн и революций: материалы Второй Всероссийской научной конференции*. Самара, 2015. Вып. 2. С. 63–68.
- СФ ЦГАСО – Сызранский филиал Центрального государственного архива Самарской области.
- Татищев, 2009 – Татищев А.А. Земля и люди: В гуще переселенческого движения (1906–1921). М., 2009. 362 с.
- Фуко, 1999 – Фуко П.М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: 1999. 480 с.
- Хорхордина, 2003 – Хорхордина Т.И. Российская наука об архивах: история. Теория. Люди. М., 2003. 525 с.
- Cook, 2001 – Cook T. Archival Science and Postmodernism: New Formulations for Old Concepts // *Archival Science*. 2001. Issue 1. P. 3–24.
- Cook, 2013 – Cook T. Evidence, Memory, Identity, and Community: Four Shifting Archival Paradigms // *Archival Science*. 2013. Issue 13. P. 95–120.
- Cook, Schwartz, 2002 – Cook T., Schwartz J.M. Archives, Records, and Power: from (postmodern) Theory to (archival) Performance // *Archival Science*. Issue 2. P. 171–185.
- Derrida, Prenowitz, 1995 – Derrida J., Prenowitz E. Archive Fever: Freudian Impression // *Diacritics*. 1995. Vol. 25. № 2. P. 9–63.
- Digital Memory Studies, 2017 – Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition / Ed. A. Hoskins. New York, 2017. 314 p.
- Ketelaar, 2009 – Ketelaar E. The Genealogical Gaze: Family identities and Family Archives in the Fourteenth to Seventeenth Centuries // *Libraries & the Cultural Record*. Vol. 44. No. 1. P. 9–28.
- Ketelaar, 2011 – Ketelaar E. Archivistics: Science or Art? // *The Future of Archives and Recordkeeping. A Reader*. London, 2011. P. 89–100.
- Velios, 2011 – Velios A. Creative Archiving: a Case Study from the John Latham Archive // *Journal of Society of Archivists*. Vol. 32. № 2. P. 255–271.

References

- Boutorov, 2009 – Boutorov N.V. (2009). Prozhitoe [Lived]. 1905-1920. Moscow. 148 p. [in Russian]
- Boutorova, 1999 – Boutorova S.N. (1999). Moi vospominaniya [My Memoirs]. 1862-1917. Paris. 98 p. [in Russian]
- Cook, 2001 – Cook T. (2001). Archival Science and Postmodernism: New Formulations for Old Concepts. *Archival Science*, No 1. pp. 3–24.
- Cook, 2013 – Cook T. (2013). Evidence, Memory, Identity, and Community: Four Shifting Archival Paradigms. *Archival Science*, No 13. pp. 95–120.
- Cook, Schwartz, 2002 – Cook T., Schwartz J.M. (2002). Archives, Records, and Power: from (postmodern) Theory to (archival) Performance. *Archival Science*, No 2. pp. 171–185.

- Derrida, Prenowitz, 1995 – Derrida J., Prenowitz E. (1995). Archive Fever: Freudian Impression. *Diacritics*, vol. 25, No 2. pp. 9–63.
- Digital Memory Studies, 2017 – Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition / Ed. A. Hoskins. New York, 2017. 314 p.
- Endured, 2013 – “Endured to the End it will be Saved”: Female Confessionary Texts about Revolution and the Civil War in Russia. / Ed. O.R. Demidova. St. Petersburg. 264 p. [in Russian]
- Foucault, 1999 – Foucault P.M. (1999). Nadzirat' i nakazyvat': Rozhdenie tyur'my [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]. Moscow. 480 p. [in Russian]
- Iizarov, 1985 – Iizarov B.S. (1985). Rol' retrospektivnoj social'noj informacii v formirovanii obshchestvennogo soznaniya (V svete predstavlenij o social'noj pamyati) [The role of retrospective social information in the formation of public consciousness. (In the light of ideas about social memory)]. *Questions of philosophy*, No 8. p. 60–69. [in Russian]
- Ketelaar, 2009 – Ketelaar E. (2009). The Genealogical Gaze: Family identities and Family Archives in the Fourteenth to Seventeenth Centuries. *Libraries & the Cultural Record*, vol. 44, No. 1. pp. 9–28.
- Ketelaar, 2011 – Ketelaar E. (2011). Archivistics: Science or Art? *The Future of Archives and Recordkeeping. A Reader*. London. pp. 89–100.
- Khorkhordina, 2003 – Khorkhordina T.I. (2003). Rossijskaya nauka ob arhivah: istoriya. Teoriya. Lyudi [The Russian Science about Archives: History. Theory. People]. Moscow. 525 p. [in Russian]
- Lapteva, 2018 – Lapteva T.N. (2018). Znachenie termina ‘rekonstruktsiya arkhivnogo fonda’ v otechestvennoj istoriografii [The meaning of the term ‘reconstruction of the archival fond’ in the Russian historiography. In Russ.]. *Herald of an Archivist*, No. 1. pp. 155–168. [in Russian]
- Medushevskaya, 2008 – Medushevskaya O.M. (2008). Teoriya i metodologiya kognitivnoj istorii [Theory and Methodology of the Cognitive History]. Moscow, Russian State University for the Humanities. 361 pp. [in Russian]
- SB CSASR – Syzran Branch of the Central State Archive of the Samara Region. [in Russian]
- Selina, 2016 – Selina T.I. (2016). Lichnyj arhiv Ya.V. Chesnova: rekonstruktsiya tvorcheskogo naslediya uchenogo sredstvami sistemnogo podhoda [Personal Archive of Ya.V. Chesnov: Reconstruction of the Scientist’s Artistic Legacy by Means of System Approach]. *Humanist of the South of Russia*, vol. 18. No 2. pp. 197–211. [in Russian]
- Sumburova, 2015 – Sumburova E.I. (2015). Pervaya mirovaya vojna zhenskimi glazami: po dnevnikam Yu.V. Butorovoj [World War I by Female Eyes: According to Diaries of Yu.V. Butorova]. *Person and Society in the Conditions of Wars and Revolutions: Materials of the Second All-Russian Scientific Conference*. Samara. Issue 2. pp. 63–68. [in Russian]
- Tatishchev, 2009 – Tatishchev A.A. (2009). Zemlya i lyudi: V gushche pereselencheskogo dvizheniya [Earth and People: In the Thick of the Resettlement Movement] (1906–1921). Moscow. 362 pp. [in Russian]
- Velios, 2011 – Velios A. (2011). Creative Archiving: a Case Study from the John Latham Archive. *Journal of Society of Archivists*, vol. 32, No 2. pp. 255–271.

Архив и память: проблемы реконструкции семейной памяти о поздней Российской империи

Юлия Александровна Жердева ^{a, *}, Елена Ивановна Сумбунова ^a,
Маргарита Владимировна Черкасова ^b

^a Самарский государственный экономический университет, Самара, Российская Федерация

^b Самарский государственный институт культуры, Самара, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена проблемам реконструкции социальной памяти о ключевых событиях Российской истории начала XX века по автодокументальным документам. В фокусе внимания авторов – понимание иерархии личных ценностей, отношение к воспитанию и образованию разных поколений семьи, восприятие власти и понимание событий, определивших историческое развитие страны. Авторы предлагают методику реконструкции «семейной памяти», рассматривая автодокументальные тексты одной семьи как единый «семейный архив» – виртуальное хранилище семейной памяти, моделируемое современной цифровой средой. Классическая архивная наука понимает под семейным архивом совокупность документов, находящихся в одном архивохранилище. Это затрудняет исследование семейного архива как общего «высказывания рода» в том случае, если автодокументальные тексты представителей разных поколений семьи сохранились в различных, иногда существенно удаленных друг от друга хранилищах. Объединяя в один «семейный архив» мемориальные тексты российских дворян Буторовых и Татищевых, авторы

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: jujuly@yandex.ru (Ю.А. Жердева),

elena-sumburova@yandex.ru (Е.И. Сумбунова), marga-cheshirsky@yandex.ru (М.В. Черкасова)

восстанавливают ключевые компоненты их общей памяти. Исследование позволило увидеть, как центральный компонент дворянских семейных ценностей – родовое имя – превращается в военное время в олицетворение мирного личного прибежища, а в период эмиграции воспринимается как «потерянный рай». Концепты воспитания и образования оказались тесно вплетены в систему гендерных идентификаций: в мужских текстах они задают движение будущей профессиональной жизни, а в женских служат поводом для сожалений. Анализируя отношение к власти, авторы статьи отмечают разочарование в сакральности имперской власти у младшего поколения семьи и ностальгическую идеализацию монаршей власти у старшего.

Ключевые слова: архив, память, цифровизация памяти, автодокументальные тексты, семейные архивы, Россия, Бугорovy.

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 51. Is. 1. pp. 366-379. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.1.366
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Siberian Students' Material Situation in the early 20th century (based on Student Questionnaires)

Oksana V. Ishchenko ^a, Timur A. Magsumov ^{b, c, d, *}

^a Surgut State University, Surgut, Russian Federation

^b International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^d Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the study of student questionnaires conducted in the universities of Tomsk in 1901-1913. The authors analyze the changes of material and social status of Siberian students in the early 20th century. The study revealed that the students' living standard was largely determined by their parents' welfare status. At the same time, the fact of belonging to a certain social class did not play the main role as it failed to determine the family's social status or well-being. Therefore, the offsprings of burghers at the Tomsk Technological Institute were often better off than the children of nobles and clergy at the Tomsk University.

The authors studied the materials of student questionnaires and identified the main sources of the student's budget, which included money received from the family, financial assistance from the state and/or philanthropists as well as personal earnings. Tuition fees are believed to have been the biggest item of the student's expenses along with rent and money spent on food. To have a relatively decent way of living, an average student was supposed to spend at least 300-350 rubles, but many students were below that income level. Therefore, all the students can be divided into low-income, middle-class and upper-class groups, the first and second group being much larger in number.

Analysis of student profiles showed a slight increase in students' material security and improving their living conditions. This was especially true for students of technical universities, because their knowledge and skills were in demand for the industrial development of the Siberian region. However, a relatively slow increase in living standards and short duration of the stabilization period prevented a significant share of poor students from improving their material situation.

Keywords: history of education; students; Russian Empire; Siberia; student questionnaires; Tomsk University; Tomsk Technological Institute; material and living conditions; student budget.

1. Введение

Вопросы материально-бытового положения студенчества России со второй половины XIX в. периодически попадают в фокус исследовательского интереса историков. Произведения научной, публицистической и художественной литературы дореволюционного периода пестрили повествованиями о вопиющей бедности основной массы воспитанников высших учебных заведений. «Ослабление воли к жизни, отчаянная разочарованность, гнетущее одиночество и беспросветная материальная нужда – вот характерные черты современной жизни учащейся молодежи» – утверждалось в сборнике «На помощь молодежи», изданном в 1910 г. (На помощь молодежи, 1910: III). Либеральные газеты и журналы постоянно размещали на своих страницах материалы о бедственном материальном положении студентов, утверждая, что значительная их часть проживает за гранью нищеты. Так, в 1914 г. в газете «Сибирская жизнь» отмечалось: «Заставьте, попробуйте

* Corresponding author

E-mail addresses: okšana5510@yandex.ru (O.V. Ishchenko), nabonid1@yandex.ru (T.A. Magsumov)

студента – немца или француза пройти в русский мороз в таком пальтишке, в каком русский студент ходит..., покормите-ка их «обедом» за 6 копеек... Ни один студент в мире не живет так, как он» (*Сибирская жизнь*, 1914: 8 февр.) Мотив необеспеченности, красной нитью проходивший через воспоминания бывших студентов, стимулировал массовое открытие и усиление деятельности Обществ вспомоществования учащимся (*Магсумов*, 2015: 63–64). Левые политические партии тоже делали акцент на бедности студенчества, связывая его с политикой властей и указывая на этом основании на необходимость кардинальных перемен в обществе.

Вместе с тем, и в наши дни студенчество не может быть отнесено к самым обеспеченным категориям населения. Студенческая молодежь, являясь промежуточной, в терминологии А.Е. Иванова, маргинальной группой социума (*Иванов*, 1999: 5), находится в состоянии подготовки к трудовой деятельности. Необходимость внесения платы за обучение, небольшое количество предоставляемых стипендий и их размер, не дающий возможности удовлетворить базовые потребности, определяли и определяют тяжелое материальное положение учащейся молодежи и сейчас, как и сто лет назад. Фактическое продление детского возраста на срок обучения возлагает значительные дополнительные затраты на родителей, ставя в зависимость материально-бытовое благополучие студента от уровня благосостояния его семьи.

При этом, считая вполне доказанным факт значительной материальной необеспеченности части студенчества на рубеже XIX – XX вв., следует, тем не менее, обратить внимание на вопрос о том, как сами студенты оценивали свое материально-бытовое положение? Действительно ли они были в разряде самых малообеспеченных слоев российского общества? В какой степени на условия существования студентов влияли социальное положение и род занятий их родителей? Ответы на эти вопросы могут дать результаты обследования студенческого быта и условий существования.

2. Материалы и методы

2.1. Исследование материально-бытового положения сибирских студентов в начале XX в. было проведено на основании изучения данных студенческих переписей, проводимых в Томске в 1901–1913 гг. Материалы первой сибирской переписи 1901 г. были обработаны ее инициатором профессором М.Н. Соболевым и представлены в книге «Экономическое положение томских студентов», изданной в Томске в 1902 г. (*Соболев*, 1902). Имеющиеся в указанном труде данные были в ряде случаев нами откорректированы и соотнесены с материалами опросных листов, заполненных студентами Томского технологического института (далее – ТТИ) и Томского университета (далее – ТУ) в период 1906–1913 гг. (*ГАТО*, ф. 194, оп. 1, д. 68). Сохранившиеся в фонде технологического института анкеты представляют собой необработанный массив данных, подвергшийся в ходе проведения исследования обработке и систематизации.

2.2. Проведенное исследование носит историко-социологический характер. Оно близко по своему содержанию и технике к исследовательскому подходу историка российского студенчества А.Е. Иванова (*Иванов*, 1999, 2004). При работе с массивом сведений о сословном происхождении вузовской молодежи, размером доходной и расходной статей студенческого бюджета использовался метод статистического анализа количественных данных, позволивший выделить разные по степени материально-бытовой обеспеченности группы в составе студенчества. Применение проблемно-хронологического метода дало возможность выявить динамику материального положения томских студентов на протяжении 1901–1913 гг.

Важную роль в постановке проблемы и подведении итогов исследования сыграло обращение к теории модернизации, что применительно к теме исследования обусловило возможность связать изменения в жизни сибирского студенчества с трансформациями в социально-экономической жизни страны. При этом сибирский регион Российской империи имел свою вполне определенную специфику, оказывавшую заметное влияние на материально-бытовое положение томского студенчества. Понимание этого обстоятельства потребовало ввести в методологическую базу исследования элементы теории исторической регионалистики.

3. Обсуждение

Научная и публицистическая литература рубежа XIX – XX вв. акцентировала свое внимание на материальной необеспеченности значительной части российского студенчества, Однако детальное изучение условий жизни и быта в ходе проведения студенческих переписей позволило выделить в среде учащейся молодежи группы, различающиеся по своему материальному положению (*Бунге*, 1872).

В исследованиях советского периода тезис о вопиющей бедности российского студента был сохранен и дополнен критикой царского правительства, проводившего антинародную политику и сознательно ограничивавшего доступ демократической молодежи к образованию (*Ерман*, 1966; *Лейкина-Свирская*, 198; *Олесич*, 1982).

Впрочем, и на современном этапе развития отечественной исторической науки материальная необеспеченность значительной части учащейся молодежи определяется в связи с соответствующей политикой власти. Так, А.Е. Иванов отмечает: «Социальное регулирование состава российского студенчества осуществлялось ... путем экономического давления на учащихся посредством различных

видов материального вспомоществования с целью ... подкупа одних и отсева беднейших, с точки зрения полицейской, представлявших политически криминогенную среду» (Иванов, 1999: 393). Во многих статьях и монографических исследованиях положение о необеспеченности значительной части представителей студенческой молодежи подкреплено значительным количеством цифрового материала (статистических сведений, данных обработки студенческих анкет и пр.) (Андреев, 2000; Иванов, 1999, 2004; Ищенко, 2010; Низамова, 2013). В среде исследователей сформировалось понимание того, что материальное положение молодежи во многом зависело от социального происхождения и достатка их родителей (Юркина, 2016: 58), а «условия повседневной жизни в действительности сильно отличались для разных групп студентов» (Андреев, 2000: 219-220).

4. Результаты

Студенческие анкетные опросы или, как их называли сами студенты, «переписи», представлявшие собой эмпирические социологические исследования, стали регулярно проводиться в России с конца XIX в. (Иванов, 2004: 199-200). В начале XX в. ими были охвачены практически все университетские города страны: Петербург, Москва, Киев, Юрьев, Одесса, Томск, Варшава, Казань, Харьков. Исследования, как правило, проводились самими студентами под руководством преподавателей и, как всякое новое дело, не были лишены недостатков в методологическом и организационном аспектах (Марголис, 1996: 657).

Одним из самых удачных образцов подобного исследования стала материально-бытовая «самоперепись» 1901 г. студентов города Томска, осуществленная под руководством профессора М.Н. Соболева студентами – членами руководимого им статистического семинария (Иванов, 2004: 220). Следует отметить, что Михаил Николаевич Соболев преподавал в обоих томских вузах (университете и технологическом институте – авт.), являясь и.д. ординарного профессора по кафедре политической экономики и статистики Томского университета и внештатным преподавателем политэкономии Томского технологического института (Соболев Михаил Николаевич), поэтому анкетирование в Томске не было ограничено рамками одного вуза, как это было во многих других городах. По оценке профессора В.В. Святловского, «эта небольшая перепись являлась одной из наиболее полных студенческих переписей, а по равномерности распределения ответов по различным курсам и факультетам, пожалуй, и наиболее охватывающей обследованные явления» (Иванов, 2004: 221). Высокое качество проводимого в Томске обследования было связано и с тем, что в 1900 г. профессор Соболев был командирован за границу, где он познакомился с передовым опытом организации статистических исследований (Некрюлов, 2000: 69).

В ходе проведения переписи 1901 г. было опрошено 594 студента, в том числе 392 – из ТУ и 202 – из ТГИ (Соболев, 1902: 1). Анкетный бланк переписи состоял из 31 вопроса, 12 из которых дробились на множество уточняющих подвопросов. Ключевой блок составляли вопросы социально-портретирующего респондентов свойства: возраст, тип среднего образования, сословие, семейное состояние, благосостояние родителей. Дальнейшие вопросы переписи охватывали основную проблематику материальной обеспеченности и повседневного студенческого быта: бюджет и формирующие его статьи, жилищные условия, степень удобства студенческого жилья, его стоимость, одежда, досуг и пр. (Иванов, 2004: 220).

В период студенческих волнений 1911 г. М.Н. Соболев был вынужден уволиться и уехать из Томска, но работа организованного им студенческого статистического семинария была продолжена, поэтому сохранилась и практика проведения опросов с целью исследования материально-бытового состояния студенчества, о чем свидетельствуют находящиеся в фонде Томского технологического института Государственного архива Томской области опросные листы студентов за 1906-1913 гг. (ГАТО, ф. 194, оп. 1, д. 68). И хотя количество заполненных анкет относительно невелико – всего 28, анализ приведенных в них сведений дает возможность проследить динамику изменений материально-бытового положения сибирских студентов по сравнению с переписью 1901 г. поскольку в числе респондентов оказались представлены студенты всех факультетов и отделений томских вузов (26 технологов и два студента университета).

Отпечатанные типографским способом опросные листы, розданные студентам в период 1906-1913 гг., включали в себя 110 вопросов. Значительное их число содержало дополнительные подпункты, поэтому заполнение столь большой анкеты требовало от студентов довольно серьезных временных затрат. Возможно поэтому в ряде опросных листов многие вопросы оставлены без ответа.

Сами вопросы в анкете условно могут быть разделены на несколько групп: общие сведения о респондентах; характеристика семьи анкетированного; источники доходов студента; условия проживания; питание; наличие долгов; основные статьи расходов; наличие теплой одежды и обуви; сведения о заболеваемости студентов. Самыми большими по количеству задаваемых вопросов были разделы о материальном состоянии семьи, доходах, расходах, условиях проживания и питании.

Структурно анкета напоминала вопросник М.Н. Соболева 1901 г., но количество вопросов в ней было заметно увеличено. Кроме того, на последней странице было оставлено место для открытых вопросов, где студент мог дать отдельные комментарии о характеристиках занимаемого помещения, питании и высказать свое мнение по актуальным именно для него темам. Подобное новшество появилось в анкетах после 1903 г., когда наряду с обезличенной статистической группировкой стали использоваться

и методы социально-психологического анализа индивидуальных высказываний. По меткому высказыванию автора одного из студенческих опросников А. Петрова, «порой одно оригинальное интересно построенное замечание в анкетном листе может дать для психологического исследования больше, чем сотни бледных, трафаретных, непродуманных ответов» (Марголис, 1996: 658).

Анализ ответов на первую часть вопросов дает возможность выявить ряд социальных характеристик респондентов. Так, по данным опроса 1901 г., в ТУ обучались в подавляющем большинстве выпускники духовных семинарий (76 %), а в ТТИ – выпускники реальных училищ (42,6 %) и гимназий (37,3 %) (Соболев, 1902: 8-9). 14 человек (50 %) из заполнивших опросные листы в 1906-1913 гг. указали, что приехали в Томск для получения образования из других городов страны (Иркутска, Казани, Тобольска, Омска, Екатеринбургa, Минска, Тифлиса, Новониколаевска, Орла и др.) Сложившаяся ситуация с приезжими студентами была вполне характерна для сибирских вузов с самого начала их существования, поскольку наличие особых правил приема и достаточное число студенческих вакансий привлекали в отдаленный регион многих абитуриентов из европейской части страны (Ищенко, 2010: 35-36).

Обязательным пунктом в анкетах был вопрос о принадлежности к определенному сословию. Студенческая перепись 1901 г. показала преобладание в Томском университете выходцев из семей духовенства (57,4 %), второе место занимали чиновники и мещане (по 9,5 % каждая категория), доля детей дворян составляла около 6 %, примерно таким же был удельный вес купцов, а также и крестьян. В ТТИ больше всего было детей мещан – 28,6 %, дворян – 22,2 %, чиновников – 11,8 %, купцов – 11,4 %, крестьян и почетных граждан – примерно по 8 %, духовенства – 5,9 % (Соболев, 1902: 7-8). Таким образом, в университете преобладали выходцы из духовного сословия, в технологическом институте – дети мещан и дворян. Эти показатели были взаимообусловлены с типами школ, оканчиваемыми абитуриентами.

Гораздо больше сложностей при подведении итогов переписи 1901 г. вызвала обработка ответов на вопрос о характере занятий родителей. Неточность формулировки привела к тому, что студенты давали ответы, «основанные на разных принципах классификации» (Соболев, 1902: 11), поэтому авторам исследования пришлось сначала анализировать все представленные варианты ответов, чтобы затем попытаться разделить их на определенные группы. В результате был сделан вывод о том, что по типу занятости среди родителей студентов ТУ преобладали священнослужители (около 60 %), далее шли чиновники и представители «либеральных профессий» (15 %), лица, занимавшиеся торговлей и промышленностью (8 %), состоявшие на частной службе (7 %), занятые в сельском хозяйстве (4,2 %), рабочие и ремесленники (0,8 %) и «жившие на доходы от капитала» (4,2 %). В ТТИ самой многочисленной группой были чиновники и представители «либеральных профессий» (около 39 %), лица, занимавшиеся торговлей и промышленностью (20 %), состоявшие на частной службе (20 %), священнослужители (около 6 %), занятые в сельском хозяйстве (6 %), рабочие и ремесленники (2,7 %) и «жившие на доходы от капитала» (6 %). Около половины студентов университета и порядка трети студентов технологического института родителей не имело (Соболев, 1902: 12).

В силу недостатков опросника полученная характеристика занятий родителей студентов была признана авторами исследования «не вполне удовлетворительной», но, тем не менее, она подтвердила очевидный факт, что сословная принадлежность и занятия родителей обучающихся зачастую не совпадали, а принадлежность к сословию не определяла уровень материального благосостояния семьи.

Не устраненный в ходе проведения дальнейших опросов недостаток анкеты 1901 г. отчетливо проявляется и при анализе опросных листов 1906-1913 гг., поэтому для получения сопоставимых результатов единственным вариантом остается применение методики М.Н. Соболева, т.е. сведение в таблицу всех данных опросных листов по степени убывания доходов семьи с последующей приблизительной группировкой характера занятий родителей студентов.

Таблица 1. Занятия, размер и источники дохода родителей томских студентов (по данным опросных листов 1906-1913 гг.) (ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 68. Л. 1-83)

№ п/п	Занятия родителей	Примерный годовой бюджет родителей (в руб.)	Источники дохода родителей	Количество лиц (из членов семьи), живущих на средства родителей
1.	Торговля	6000	Торговля	6
2.	Служащий	2500	частная служба	11
3.	Ревизор	2400	служба на жел. Дороге	2
4.	Коммерческое предприятие	2000	Торговля	2

5.	Промышленность	2000	дом, частная служба	6-8
6.	Мать – корсетница, отец – пенсионер, живут раздельно	отец – 2000	не указано	3
7.	Служащий	1500	государственная служба	1
8.	Служащий в казенной винной лавке	1400	дом, служба по продаже питания	2
9.	Отец умер, мать занимается хозяйством	1200	мать имеет дом и небольшой участок земли	3
10.	Сельское хозяйство	1000	Собственность	4
11.	Земский служащий	840	Служба	6
12.	Служащий	800	казенная служба	Нет
13.	Мать, занятий нет	720	пенсия 420 руб. и с дома 300 руб.	2
14.	Мать акушерка, отец умер	480	у бабушки пенсия 25 руб., у матери 15 руб. в месяц	2
15.	Одна мать, крестьянское хозяйство	200	хлебопашество на арендованной у кабинета Е.и.в. земле	1
16.	Мать домовладелица	не указано	Доход с аренды дома	1
17.	Отец и мать живут у брата	не указано	не указано	не указано
18.	Врач в военном ведомстве	не указано	врачебная деятельность	5
19.	Торговля	не знаю	дом, торговля	15
20.	Отец бывший торговый служащий, нетрудоспособен, живет у родственников, мать умерла	0	-	Никто
21.	Сироты – 4 человека	-	-	-

Бесспорно, полученные сведения сложно систематизировать, но очевидно, что по роду занятий родителей преобладала служба (казенная, частная, государственная) и торговля. В качестве источника дохода родителей нередко фигурировала пенсия и доходы от сдачи жилья в аренду. Размер получаемого годового дохода колебался в пределах 6000 – 200 руб., причем нередко было указано, что родители никакого дохода не имели.

При этом группировка данных не дает неожиданных результатов. В разряд наиболее обеспеченных семей попали те, где основными занятиями родителей была торговля, промышленность или владение недвижимостью. Довольно обеспеченными оказались и семьи служащих. Приведенные данные не позволяют сделать однозначные выводы о материальной обеспеченности, либо, наоборот, бедности семей участников опроса. Однако дальнейшие вопросы анкеты позволяют конкретизировать сведения о реальном материальном положении студентов.

Первоочередное обращение в опросных листах к оценке благосостояния родителей респондентов было связано с тем, что именно уровень дохода семьи обеспечивал возможность содержания ребенка в высшем учебном заведении. При этом помощь из дома, являясь основой студенческого бюджета, нередко сочеталась с другими источниками дохода – дополнительными заработками, стипендиями, пособиями казенными и частными, суммами, заработанными до поступления в высшую школу, и доходами от личного имущества (Иванов, 1999: 270).

Анализ студенческих анкет, полученных в ходе переписи 1901 г., позволил выявить соотношение денежных получений от родителей, сумм личного заработка и сумм пособий, ссуд и стипендий, приходившихся на одного студента в зависимости от его сословной принадлежности.

Таблица 2. Структура доходов на одного студента Томского университета (ТУ) и Томского технологического института (ТТИ) (по данным переписи 1901 г.) (Соболев, 1902: 21-22)

Сословия	Денежные поступления от родителей в среднем за 3 месяца (в руб.)		Средняя сумма личного заработка на 1 студента в месяц (в руб.)		Средняя сумма всех пособий, ссуд и стипендий на 1 студента (в руб.)	
	ТУ	ТТИ	ТУ	ТТИ	ТУ	ТТИ
Дворяне	63	167	44	32	38	24
Духовенство	61	140	39	5	17	45
Чиновники	27	77	51	20	37	51
Купцы	169	193	16	22	9	11
Мещане	53	106	48	51	34	33
Почетные граждане	49	55	74	43	40	49
Крестьяне	57	61	32	33	62	54
Военные (казаки)	-	111	-	35	208	20
В среднем	60	114	38	44	56	36

В результате проведенного исследования М.Н. Соболевым был сделан вывод о том, что в ТУ больше всего денег присылали своим детям лица купеческого сословия, потому студенты этой категории имели наименьший личный заработок и получали самое малое количество пособий и стипендий. Меньше всего получали от родителей дети чиновников и почетных граждан, они же имели высший средний размер личного заработка и довольно значительную сумму пособий и стипендий (Соболев, 1902: 18). Однако представленная таблица дает возможность расширить сделанные выводы. В частности, материалы переписи свидетельствуют о том, что в университете дети дворян имели денежные поступления из дома, сопоставимые по размеру со средствами, получаемыми детьми духовенства и крестьян. При этом личный заработок дворян был выше, чем у крестьян, а сумма пособий меньше. В этом отношении следует согласиться с мнением историка В.Р. Лейкиной-Свирской, отмечавшей, что на рубеже XIX – XX вв. «сословная принадлежность к дворянству покрывала пеструю массу людей, различных по социальному положению, в том числе деклассированных дворян – фактических разночинцев» (Лейкина-Свирская, 1981: 60).

В ТТИ больше всего денежных поступлений от родителей имели дети купцов, дворян и духовенства, поэтому личный заработок и размер пособий у этих категорий был незначителен. Меньше всего денег своим детям присылали почетные граждане и крестьяне, поэтому у этих студентов был выше размер стипендий и пособий и довольно значительный личный заработок (Соболев, 1902: 23). Однако в технологическом институте при разной сумме поступлений из дома личный заработок дворян был почти равен заработку крестьян, а пособий крестьяне получали больше.

Обращает на себя внимание и то, что дети дворян в ТТИ получали от родителей почти в три раза больше денег, чем дети представителей этого же сословия в ТУ. Инженерное образование в условиях бурного промышленного развития страны в начале XX в. было престижнее и давало больше перспектив в будущем, думается, поэтому более обеспеченные люди выбирали для своих детей технические вузы.

В целом, сумма помощи из дома, получаемая студентами Томского университета в 1901 г., была почти в два раза ниже, чем у технологов, но количество пособий и стипендий в университете, который как первый сибирский вуз пользовался большей поддержкой благотворителей, было заметно выше. Это подтверждают и данные анкетного опроса 1906–1913 гг., согласно которым только пять человек (около 20 %) из числа 26 технологов получали либо стипендию, либо небольшие пособия от земств и обществ вспомоществования, либо были освобождены от платы за учение (ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 68. Л. 1-83). При такой незначительной помощи со стороны государства и благотворительных организаций серьезно возрастала роль денежных средств, получаемых от семьи.

Действительно, в опросных листах 1906–1913 гг. более 70 % студентов указали, что они получают деньги от родителей или других родственников. При этом зачастую помощь родных была довольно невелика, составляя у большинства 15–40 руб. На наличие неденежной помощи, включавшей одежду, обувь, продукты, указали менее половины опрошенных, а личный доход с имущества, пенсий и пр. был только у одного человека. Не получали никакой поддержки от семьи в силу отсутствия родителей или тяжелого материального положения родных пять человек (около 18 %), а некоторые даже высылали деньги своим родным (ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 68. Л. 1-83). Собственные сбережения к моменту поступления в вуз были только у четверти опрошенных. Часть этих средств представляла собой сбережения из заработка личным трудом, и роль этого личного труда, как указывалось выше, была довольно значительна.

Так, по данным переписи М.Н. Соболева большинство опрошенных студентов Томского университета (213 из 392, т.е. 54 %) занимались репетиторством, тратя на это около 17 ч. в неделю и получая 11 руб. в месяц. Значительная часть студентов (около четверти работающих) подрабатывала певчими в церковном хоре, регентами и псаломщиками, что неудивительно, учитывая их предыдущее семинарское образование. На пение в хоре уходило около 7 ч. в неделю, заработная плата при этом составляла 14 руб. в месяц. Наибольший доход (24-37 руб. в месяц) давала служба и канцелярская работа в казенных учреждениях, которой занимались около 20 % студентов Томского университета, но на это уходило более 30 ч. в неделю, что было практически несовместимо с занятиями. Обобщение всех видов заработков показало, что студенты Томского университета работали в среднем по 18 ч. в неделю (то есть по три часа в день), получая при этом около 22 руб. в месяц (Соболев, 1902: 28, 30).

К сожалению, обработка анкет 1901 г. не дала точных сведений о заработках студентов Томского технологического института, поскольку только 62 человека указали количество занятого времени и 19 – величину заработка. Из числа указавших заработок большая часть (около 47 % работающих) тоже назвали занятия репетиторством, дававшие им в среднем 13 руб. в месяц. Наибольший доход приносила работа с документами и занятость в строительстве, но такая деятельность, при заработной плате в 35-42 руб. в месяц, отнимала 36-54 ч. в неделю, что однозначно было несовместимо с учебой. Согласно полученным данным, средний доход студентов-технологов в 1901 г. составлял 17 руб. 31 коп., что было на 5 руб. меньше, чем у студентов университета (Соболев, 1902: 29, 32).

Однако данные опросных листов 1906-1913 гг. показали, что с переходом студентов-технологов на старшие курсы спрос на их услуги у работодателей заметно возрастал. Кроме того, в силу достаточно значительных поступлений из дома, далеко не все студенты стремились найти работу. Так, лишь семь человек (25 %) из числа опрошенных ответили положительно на вопрос о наличии заработка. Основными видами личного труда в анкетах были названы уроки и землемерные работы. Средний размер полученного заработка составлял 43 руб. ежемесячно, но были и те, кто указал гораздо большие суммы. Например, один из опрошенных, работавший землемером, заработал за год 1200 руб. Среднее время, потраченное на работу, составляло около 3 ч. в день, но, с повышением суммы заработка, количество потраченного на него времени возрастало, достигая 40 ч. в неделю (ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 68. Л. 1-83).

Понятно, что постоянная занятость, хотя и давала достойную заработную плату, не оставляла возможности нормально учиться. Поэтому значительная часть студентов предпочитала трудиться летом, в каникулярное время, когда можно было получить более серьезную работу, чем становившееся все менее выгодным репетиторство. «Благодаря конкуренции плата за репетиторство все падает и падает и в настоящее время мы даже можем встретить в газетах объявление, где некоторые репетиторы предлагают свои услуги за 4-5 рублей в месяц», – писал по этому поводу журнал «Сибирский студент» (Ленский, 1914: 118). Полученные же во время летних работ деньги зачастую обеспечивали студенту довольно сносное существование в течение последующего учебного года.

По данным переписи 1901 г., в летний период работал 171 студент ТУ (42,5 %) и 89 студентов ТТИ (43,2 %). В среднем студенты университета заработали за лето по 107 руб., а студенты-технологи по 128,5 руб. (Соболев, 1902: 33-37). Летние заработки студентов института оказались заметно больше, поскольку они работали чаще на железной дороге, промышленных предприятиях, т.е. там, где оплата труда была относительно высока. Из числа студентов, заполнивших опросные листы в период 1906-1913 гг., на наличие летнего заработка указали 13 человек, т.е. почти 50 % от числа опрошенных. При этом средний заработок технологов в месяц составил около 54 руб., хотя некоторым студентам, занятым на землемерных работах и в строительстве, удалось заработать 700-800 руб. за сезон (ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 68. Л. 1-83).

Помимо изучения размеров студенческих доходов и источников их формирования, значительная часть вопросов, входивших в состав студенческих переписей, была посвящена детализации расходной части студенческого бюджета, в которой главное место занимала плата за обучение, составлявшая в томских вузах 100 руб. в год. Как следует из анализа опросных листов 1906-1913 гг., 50 % опрошенных получали от родных деньги на уплату за слушание лекций в размере 50 руб. в семестр. Подчеркнутая адресность указанной помощи и ее поступление даже от очень небогатых родственников свидетельствует о том, что именно взнос платы за обучение воспринимался студентами и их семьями как основная, незыблемая статья расходов. На всем остальном – питании, одежде, обуви можно было сэкономить, но не на плате за обучение.

Еще одним необходимым пунктом расходной части студенческого бюджета была плата за аренду жилья. Как указывалось ранее, значительная часть абитуриентов приезжала в Томск из других городов, поэтому подавляющее большинство студентов проживало на съемных квартирах. По данным переписи 1901 г. наемным жильем в Томске пользовались 75,5 % студентов (Иванов, 1999: 300). Анализ опросных листов 1906-1913 гг. показал, что большинство (22 человека или около 78,5 % из числа опрошенных) снимали комнату или квартиру (ГАТО, ф. 194, оп. 1, д. 68: 1-83).

Средняя стоимость аренды комнаты в Томске в начале XX в. составляла 6 руб. в месяц. При этом 66 % студентов ТУ и 56 % студентов ТТИ снимали комнаты по цене ниже 6 руб., а более дорогое жилье себе могли позволить лишь 34 % воспитанников университета и 44 % технологов

(Соболев, 1902: 40). Очевидно, что более обеспеченные в массе студенты-технологи снимали лучшее жилье и платили за него дороже. И, действительно, в опросных листах 1906-1913 гг., заполненных преимущественно студентами технологического института, отмечено, что 19 из них снимали комнату с отоплением, семь – с освещением, 16 – с прислугой и шесть – со столом. При этом максимальная стоимость снимаемого помещения составляла 45 руб. со столом, а минимальная – 8 руб. на одного или 10 руб. на двоих. Большинство студентов платили за комнату 10-15 руб. Дешевле было снимать комнату в складчину, тогда стоимость жилья на одного человека составляла от 4,5 до 9 руб. (ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 68. Л. 1-83).

При этом серьезной проблемой оставалось качество арендуемого жилья. Согласно исследованию условий проживания студентов, проведенному студентом Ф. Киркевичем в Томске в 1897 г., в большинстве своем студенты жили на густонаселенных грязных улицах в старых деревянных домах с печным отоплением. Обследование 40 квартир, в которых проживало 75 студентов ТУ, показало, что в 30 комнатах размер помещения оказался ниже необходимой нормы, в 14 – было недостаточное освещение, в 18 – повышенная влажность. Некоторые студенты жаловались на низкую температуру воздуха в комнате. Только в трех из 40 обследованных комнат имелись форточки для проветривания, но и они не открывались в зимнее время из-за холода, зато в комнатах изобильно водились клопы и тараканы. Лишь при одной квартире был теплый туалет, но до него нужно было ходить через двор. Следует учесть, что Ф. Киркевичем были обследованы только квартиры, расположенные ближе к университету, т.е. в центре города. Обстановка на окраинах была еще хуже (Жеравина, 2004: 210-211).

Однако анализ опросных листов студентов, заполнявших их в 1906-1913 гг., рисует не столь тягостную квартиру студенческого быта. В частности, пять человек из числа опрошенных занимали отдельную квартиру, а один студент имел в собственности несколько квартир, одну из которых сдавал. Подавляющее большинство студентов по-прежнему проживало в деревянных домах, но в отдельных, а не проходных комнатах. Размер занимаемых комнат колебался в пределах от 11 до 40 м², хотя большие комнаты были редкостью. Большинство проживало в комнатах размером 15-26 м². При этом в шести квартирах уже был водопровод, а в одной даже ванна. Клозет чаще всего находился в квартире (это отметили 22 студента), но только в восьми квартирах он был теплым. Освещение в большинстве комнат давала керосиновая лампа, однако в четырех помещениях уже было электричество (ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 68. Л. 1-83).

Определенное улучшение условий проживания студентов (появление в домах водопровода, теплых клозетов, электричества) во многом было связано со стремительными изменениями, происходившими в российских городах на рубеже XIX-XX вв. Так, по данным Б.Н. Миронова, в этот период времени вечернее освещение улиц появилось в 87 % городов, водопровод – в 20 % и канализация – в 5 %, но все эти блага были лишь в центре, где проживали зажиточные граждане (Миронов, 2003а: 310).

Давая субъективные оценки условиям проживания, 50 % студентов, или 14 человек из числа заполнивших анкету, положительно оценили характеристики своего жилья, назвав его сухим, теплым и светлым. Около 10 человек жаловались на то, что помещение довольно холодное. Малое количество света отметили четыре человека, еще четверо указывали на сырость, восемь студентов были недовольны шумом, мешающим заниматься. То есть в вопросе удовлетворенности занимаемым помещением мнения студентов разделились ровно пополам. При этом многие из них отмечали и достоинства, и недостатки занимаемого помещения: «Удобство – мало шума. Неудобство: холодно, немного пыльно, темно, сыро. Если жарко, то угар», «Комната – мечта: уютно, тихо, располагает к занятиям. Один недостаток – нет форточки», «Комната холодная, небольшая, темная, но недорого». Однако, пожалуй, самой яркой характеристикой арендуемого помещения и сдававшего его хозяина стала сделанная отдельно приписка следующего содержания: «О получении денег с работодателей приходится вымалывать, а благодаря несвоевременной уплате приходится терпеть неприятности от домохозяина, заборной лавки водовоза» (ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 68. Л. 83).

В комментариях к анкете многие студенты отмечали, что они хотели бы жить в студенческом общежитии, где при более низкой плате студент имел гораздо больше удобств. И действительно, проживание в общежитии, где студентам предоставлялось помещение с мебелью, постельными принадлежностями, электрическим освещением, прислугой и кипятком, обходилось в 12 руб. в месяц в одноместном номере, 10 руб. – в двухместном и 8 руб. – в трехместном. Однако вместимость общежития была невелика, и одновременно проживать в нем могли лишь 74 человека (Чепалов, 1914: 75-80).

Следует отметить, что в студенческих переписях вопросы о жилищном устройстве находились в неразрывной связи с вопросами организации питания, поскольку значительная часть студентов питалась именно по месту проживания, платя совокупно за обе оказанные услуги. Так, по данным опроса 1901 г., комнату со столом снимали 32 % опрошенных, комнату с полным содержанием – 17 %, комнату с чаем – 5 %. Из числа студентов Томского технологического института комнату со столом снимали 34 %, комнату с полным содержанием – 22,5 %, комнату с чаем – 4,5 %. Те же, кто не питался дома, тратили на обед ежемесячно в среднем 6-8 руб., причем по данным, обработанным М.Н. Соболевым, обедом на сумму 4-6 руб. питалось около 60 % студентов университета и 65 %

студентов технологического института, 6-8 руб. на него тратили по 35 % студентов обоих томских вузов и свыше 8 руб. платили за обеды 5 % студентов университета (Соболев, 1902: 37, 41-42).

По сведениям, содержащимся в опросных листах 1906-1913 гг., около половины авторов анкет тратили на обед от 6 до 9 руб. Подавляющее большинство студентов получало ежедневный обед из двух блюд, тратя на него в среднем 18-25 коп. 75 % участников опроса указали, что ежедневно едят мясную пищу и получают к обеду молоко, а остальные ели мясо не менее четырех раз в неделю. На нерегулярное получение обеда в силу нехватки денег или времени указало всего два человека (7 %) от числа опрошенных. Больше всего студентов питалось по месту жительства, но значительное число (около 30 %) в качестве места получения обеда указало относительно дешевую студенческую столовую (ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 68. Л. 1-83).

Студенческие переписи показали, что именно обед был основой студенческого питания, поскольку значительная часть опрошенных не имела полноценных завтрака и ужина, заменяя его чаем с хлебом и сахаром. Пожалуй, недостатка студенты не испытывали только в хлебе, поскольку он подавался к чаю у всех без исключения опрошенных.

И все же оценивая общую картину студенческого питания как довольно удовлетворительную, следует обратиться к мнениям самих студентов, высказанным по этому поводу на страницах анкет. «К чаю имею булки и масло», «В настоящего время лучшего не желаю», – писали одни. «Питание сносное, но дороговизна», – отмечал другой студент. Больше всего отзывов оставили посетители студенческой столовой: «Обед в студенческой столовой за 18 коп. и хлеб с чаем – считаю, что мало», «За 15 коп. суп и котлета. К чаю хлеб и масло. Питание удовлетворительное. Но было бы побольше денег, в столовую бы не ходил», «Не питание, а медленное самоубийство!» Однако, пожалуй, наиболее точно мнение студентов при ответе на вопрос «Довольны ли вы обедом» было выражено одной короткой фразой: «Как не быть довольным, когда другого нет» (ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 68. Л. 83).

Помимо качественного питания, другим важным показателем, определявшим комфортность проживания студентов в Сибири с ее холодным климатом, было наличие теплой верхней одежды. По данным переписи 1901 г. большинство опрошенных указали наличие у них зимнего пальто, причем более дешевое ватное пальто носили около половины студентов. Приблизительно 5 % студентов томских вузов теплой одежды не имели (Соболев, 1902: 48).

Опросные листы 1906-1913 гг. показали очень похожие результаты, поскольку из числа 26 человек, ответивших на вопрос о теплой одежде, указал на ее отсутствие только один. Из имеющихся у них видов зимней одежды студенты чаще всего называли ватное пальто (13 человек), шубу (девять человек), барнаулку (пять человек), меховое пальто (один человек) и демисезонное пальто (четыре человека). Интерес представляет появление в этом списке нового вида теплой одежды – барнаулки, которыми называли производимые в г. Барнауле полушубки из крашеной в черный цвет овчины, стоившие 15-18 руб. (Гончаров, 2010). Покупка относительно недорогой по сибирским меркам барнаулки обходилась примерно в половину самостоятельного среднемесячного заработка студента, но и носилась она не один год. Примечательно, что все томские студенты отрицательно ответили на вопрос о покупке поношенной одежды, тогда как, по мнению А.Е. Иванова, в столичных городах это было обычной практикой (Иванов, 1999: 327). В целом, указанные в анкетах расходы на покупку одежды, находились в пределах 6,5-100 руб. в год, большинство же тратило на эти цели 30-50 руб., и лишь один студент коротко указал: «Ничего» (ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 68. Л. 83).

К этим расходам следует добавить затраты на покупку обуви (в среднем 10-15 руб. в год), ремонт обуви и одежды (1-3 руб.), а также стирку белья и чистку вещей, обходившуюся в среднем в 1,5-2 руб. в месяц. Причем заметная минимизация затрат на эти цели прослеживается в ответах «сам чиню» или «дома стирает жена» (ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 68. Л. 83). Кроме того, уход за одеждой был несколько облегчен появлением в Томске в начале XX в. нескольких прачечных и начавшимся распространением в городах края домашних швейных машинок (Гончаров, 2010).

Материалы студенческих переписей дают возможность выявить амплитуду расходов воспитанников сибирских высших учебных заведений на самые необходимые вещи и услуги. Так, на баню студенты тратили от 1 руб. 20 коп. до 16 коп., при этом средний расход студентов составлял 50-80 коп. Стрижка и бритье обходились студентам в среднем в 50 коп. в месяц, но и здесь опрос выявлял как наиболее богатых, позволявших себе тратить на эти цели около двух рублей, так и тех, кто тратил на стрижку от 5 до 20 коп., а брился самостоятельно. Расходы на косметику и парфюмерию имели менее трети от числа опрошенных, причем почти все из них расходовали на флакон одеколона 20-50 коп. один раз в полгода. Столько же респондентов указали в числе трат расходы на прислугу, обходившуюся им в сумму от 50 коп. до 4 руб. К разделу обязательных студенческих трат относились и расходы на учебники и учебные принадлежности, составлявшие в среднем в 10-30 руб. в год (ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 68. Л. 1-83).

Опросные листы 1906-1913 гг. содержат и более детальные сведения о дополнительных тратах и развлечениях томских студентов. Так, 11 человек (около 40 % опрошенных) заявили, что выписывают периодические издания, тратя на это от 3 до 15 руб. Половина опрошенных покупала газеты, в первую очередь, популярную в Томске «Сибирскую жизнь», тратя на это ежемесячно в среднем от 50 коп. до 1 руб., причем ряд опрошенных заявили, что не покупают прессу, а читают ее бесплатно в библиотеке.

Расходы же на пользование библиотекой составляли мизерную часть студенческого бюджета, поскольку не превышали 20-25 коп. Столь же невелики были затраты на лекции (видимо, публичные), которые студенты либо слушали бесплатно, либо тратили на них в год не более 1 руб. (ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 68. Л. 1-83).

По данным переписи 1901 г., более 90 % томских студентов посетили в течение учебного полугодия театры, концерты и танцевальные вечера (Соболев, 1902: 53-54). Но опросные листы 1906-1913 гг. содержат несколько иные сведения: только 16 человек (около 57 % ответивших) посещали театры и концерты, тратя на это в среднем 1,5 руб., а о походах в кинематограф заявило еще меньше – 13 человек, хотя просмотр фильмов обходился значительно дешевле. Ряд респондентов особо отметили, что они не ходят в театры и кино из-за отсутствия денег и времени. Более дорогие развлечения (экскурсии, пикники), обходившиеся в сумму от 1 до 6 руб., могли себе позволить только 5 чел. При этом студенты, даже бедные, не отказывали себе в расходах на табак и спички. Курящих в числе опрошенных оказалось 17 человек, т.е. около 60 %, которым их привычка обходилась в среднем в 1,5-2 руб. (ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 68. Л. 1-83).

В целом, проведенный анализ материалов сибирских студенческих переписей начала XX в. позволяет определить необходимый для относительно нормального жизнеобеспечения среднемесячный доход томского студента. С учетом разделенной на месяцы суммы оплаты годовичного обучения, он может быть представлен в следующем виде: 10 руб. – оплата обучения, 6 руб. – оплата жилья, 6 руб. – стоимость обеда, 3 руб. – чай, сахар и хлеб, 2 руб. – баня, парикмахерская, стирка, 2 руб. – учебные принадлежности, 1 руб. – ремонт одежды и обуви. Таким образом, даже без учета покупки одежды и обуви, затрат на лечение, развлечения или непредвиденные расходы, средний месячный бюджет сибирского студента должен был составлять в начале XX в. не менее 30 руб. или, с учетом каникул, 300-350 руб. в год. Отметим, что указанная цифра даже немного ниже той, которую вывел в 1872 г. организатор первой в России студенческой переписи профессор Н.Х. Бунге. Рассчитанный им «нормальный годовой бюджет» киевского студента в размере 375 руб. включал в себя расходы на квартиру – 80 руб., обеды – 72 руб., чай, сахар, хлеб – 48 руб., одежду – 66 руб., плату за право обучения – 40 руб., освещение и стирку белья – 24 руб., книги и прочее – 45 руб. (Бунге, 1872: 6).

Реальная же средняя величина расходов, согласно переписи 1901 г., составляла у студентов Томского университета – 22 руб. 25 коп., технологического института – 25 руб. 53 коп. в месяц. При этом более 52 % студентов университета в своих анкетах указали, что они проживали в месяц на сумму не более 20 руб., в технологическом институте таких студентов было около 37 %. От 21 до 30 руб. расходовали в месяц около 42 % студентов университета и 50 % технологов. Самая обеспеченная группа, включавшая в себя студентов, имевших возможностью расходовать в месяц от 31 руб. и выше, составляла около 6 % в ТУ и 13 % в ТТИ (Соболев, 1902: 38-39). То есть, в соответствии с методикой Н.Х. Бунге, согласно которой величина бюджета определяла отнесение студента к категории неимущих, среднеобеспеченных и обеспеченных, среди студентов томских вузов к первой и второй группам относилось в среднем по 45 %, к третьей – около 10 %, но грань между беднейшими и среднеобеспеченными студентами была достаточно зыбкой.

Определенные недостатки опросных листов, заполненных томскими студентами в период 1906-1913 гг., к сожалению, не дают возможности установить средний ежемесячный доход их авторов, но позволяют выявить динамику роста доходов студентов технологического института, более 50 % которых, благодаря помощи семьи и получению летнего заработка, могли довольно сносно переживать учебный период. В частности, на вопрос анкеты о желании иметь заработок положительный ответ дали 15 человек или 54 % от общего количества опрошенных, но на реальную нуждаемость в заработке указали всего 12 человек (43 %). Отсутствие желания иметь заработок выразили семь человек (25 %), а на отсутствие необходимости в заработке указали девять человек (32 %), объяснив это нехваткой времени или достаточным количеством средств, полученных в результате работы летом (ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 68. Л. 1-83). Очевидно, что дополнительный доход для части студентов был желателен, но не обязателен.

В этой связи следует отметить, что некоторое улучшение материального положения было характерно в рассматриваемый период не только для томского студенчества. А.Е. Иванов, анализируя статистику студенческих бюджетов за 1893-1913 гг., приходит к выводу о постепенном уменьшении доли нуждающихся среди вузовской молодежи, объясняя это тем, что неимущие абитуриенты еще на этапе отбора не выдерживали конкуренции с более обеспеченными соучениками, а бедных студентов чаще отчисляли из вузов за невзнос платы за обучение, нарушение академической дисциплины и пр. (Иванов, 1999: 268). Однако, вероятнее всего, указанная тенденция сложилась и в силу того, что заметный рост российской экономики в начале XX в. требовал вовлечения в производство высококвалифицированной рабочей силы, поэтому востребованность студентов технических вузов, особенно в Сибири, где активно развивалось добывающее и обрабатывающее производство, была достаточно велика. И опросные листы студентов ТТИ, довольно легко находивших себе возможности для достойного летнего заработка, служат наглядным тому подтверждением.

Однако для получения объективной картины стоит сравнить данные о доходах студентов с заработной платой лиц, работавших на производстве или в сельском хозяйстве. Исторически

сложившаяся в силу ряда причин низкая цена труда в России (например, номинальная среднемесячная заработная плата в промышленности в 1913 г. В США составляла 112 руб., в Великобритании – 61 руб., в Германии – 57 руб., во Франции – 41 руб., в России – 24,2 руб. (Миронов, 2000b: 389)), определяла и преимущественную бедность основной массы тех, кто жил наемным трудом. Так, по имеющимся статистическим данным, годовой заработок промышленного рабочего в Европейской России в начале XX в. составлял около 200-230 руб., сельскохозяйственного рабочего – 62 руб. (Россия, 1995: 324).

В Сибири заработная плата заводского рабочего в Алтайском округе в конце XIX в. варьировалась от 80 до 200 руб. в год (История Сибири, 1968: 54). При таком уровне дохода положение рабочих было очень тяжелым. Так, по данным В.А. Скубневского, при наличии у рабочих обрабатывающей промышленности Алтая в начале XX в. заработной платы в размере 190–270 руб., их семьям не хватало денег на качественное питание, сносное жилье и одежду, а расходы на культурные нужды, обучение детей, медицинскую помощь были мизерными или вовсе отсутствовали (Скубневский, 1991: 154). Таким образом, очевидно, что по сравнению с рабочим, получавшим за свой труд немногим более 20 руб. в месяц, студент, имевший помощь семьи, пособие или стипендию и подрабатывавший параллельно с учебой, имел зачастую более высокий доход. Период некоторого улучшения материального положения студенческой молодежи оказался непродолжительным. Первая мировая война прервала эту тенденцию к улучшению, впрочем, губительно сказавшись на уровне жизни всего населения Российской империи.

Тем не менее, в общественном сознании сложился устойчивый образ бедного студента, примерно такой, каким его описывал журнал «Сибирский студент»: «80 % студенчества состоит из трудового, демократического элемента общественных слоев и при всем желании не имеет бюджета, совершенно обеспечивающего его на время прохождения курса высших учебных заведений. Бюджет студента не более 15–25 рублей и нередко студент испытывает страшную нужду и доходит до нищеты» (Ломидзе, 1914: 43-44).

При этом весьма спорной представляется позиция Н.Н. Юркиной, находящей в необеспеченности значительной части вузовской молодежи ряд положительных моментов. «Студенческая бедность, как социальное явление, имеет определенную стабильность и психологически оправдана. Минимальный достаток, дававший возможность молодому человеку скромно жить и учиться, позволял пройти путь определенного аскетизма, отказа от тех благ, которые он получал до обучения в вузе и после его окончания. Таким образом, повышалась ценность и значимость науки, тех знаний и профессии, которую получал студент, с одной стороны, и приобретался первый опыт самостоятельной жизни – с другой. Совмещение учебы и работы мобилизовало, приучало к собранности и умению рассчитывать время, скромные средства сдерживали от излишеств, форм досуга, которыми изобиловали крупные города», – утверждает исследователь (Юркина, 2016: 59).

Трудно представить, что материальная необеспеченность студентов действительно имела воспитательное значение. Поэтому 10 % беднейших студентов томских вузов вряд ли могли утешиться тем, что вместе с ними обучалась и очень небольшая часть действительно богатых людей. Постоянное сравнение своего униженного положения с вполне обеспеченным существованием более состоятельных соучеников порождало либо пессимизм и разочарование в жизни, либо стремление связать свое тяжелое материальное положение с необходимостью перемен в обществе. Впрочем, точнее об этом написал в анкете один из томских студентов, мечтавший, по его словам, не тратить времени на заработки и не быть в зависимости от получающих гроши родителей: «За последние 4 года зарабатывал на уроках, на работах межевым, дорожным, поземельным устройством, на чертежных работах около 1800 руб., но эта работа губительно отозвалась на моих собственных занятиях. Не могу заниматься дипломом так, как хотел бы. Все лето уходит на заработки, зимой – 5-6 часов на уроки, а большинство в далекой ходьбе. От сестры получаю 40 руб., но привык жить на собственные средства.... Появляется подавленное настроение, ненужные думы, мешающие работать» (ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 68. Л. 82).

5. Заключение

5.1. Сибирское студенчество начала XX в. было стратифицировано так же, как и все российское общество. В составе студенческой молодежи по уровню достатка выделялись как люди, принадлежащие к высоко- и среднеобеспеченным группам, так и те, кто перешагнули грань нищеты. Первые не нуждались в материальной поддержке, а для привлечения внимания государства и благотворителей к проблемам последних необходим был широкий общественный резонанс, переносимый в дальнейшем на всех членов студенческой корпорации. Следует признать, что сложившийся в российском общественном сознании социальный портрет студента, как и любая сложная обобщенная конструкция, не был ни полностью истинным, ни полностью ложным.

5.2. Материальное положение студентов определялось, прежде всего, уровнем достатка их родителей. Поскольку откровенная бедность была характерным признаком значительной части населения страны, вполне естественно, что затраты на обучение достаточно взрослого человека, который по возрасту уже вполне мог быть работником, для многих семей были просто непосильными.

Совокупные расходы семьи за 5–7 лет обучения одного студента при стоимости обучения 100 руб. в год и необходимости выделения ежемесячно определенной суммы на жилье, питание и прочие расходы составляли в итоге более 2-3 тыс. руб. Лишь относительно небольшое количество обеспеченных родителей могли полностью содержать своих детей весь период обучения. Поэтому большая часть студентов должна была искать дополнительные источники дохода, рассчитывая либо на поддержку со стороны государства и общества, либо на собственный заработок. При этом динамичный рост российской экономики в начале XX в. позволил на некоторое время стабилизировать материально-бытовое положение значительной части студентов, прежде всего, обучавшихся в технических вузах, за счет возросшего спроса на их услуги со стороны работодателей, но позитивный процесс повышения благосостояния студенчества был прерван Первой мировой войной.

Литература

- Андреев, 2000** – Андреев А.Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни начала XIX в. М., 2000. 312 с.
- Бунге, 1872** – Бунге Н.Х. По поводу именной ведомости о студентах университета им. Св. Владимира. Киев, 1872. 112 с.
- ГАТО** – Государственный архив Томской области.
- Гончаров, 2010** – Гончаров Ю.М. Одежда горожанок Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // *Вестник НВГУ*. 2010. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/odezhda-gorozhanok-sibiri-vo-vtoroy-pолоvine-xix-nachale-xx-vv> (дата обращения: 10.02.2019).
- Ерман, 1966** – Ерман Л.К. Интеллигенция в первой русской революции. М., 1966. 373 с.
- Жеравина, 2004** – Жеравина А.Н. Повседневная жизнь студентов Томского университета на рубеже XIX–XX вв. // *Вестник Томского государственного университета*. 2004. № 281. С. 207–215.
- Иванов, 1999** – Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба. М., 1999. 414 с.
- Иванов, 2004** – Иванов А.Е. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004. 408 с.
- История Сибири, 1968** – История Сибири. Т. 3. Л., 1968. 532 с.
- Ищенко, 2010** – Ищенко О.В. Студенческая и учащаяся молодежь как фактор общественного движения и культурной жизни Сибири (конец XIX – начало XX вв.) Омск, 2010. 499 с.
- Лейкина-Свирская, 1981** – Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. М., 1981. 285 с.
- Ленский, 1914** – Ленский В. К вопросу о репетиторском труде в Томске // *Сибирский студент*. 1914. № 3–4. Стб. 117–120.
- Ломидзе, 1914** – Ломидзе А. Студенческий кооператив // *Сибирский студент*. 1914. № 1. Стб. 35–48.
- Магсумов, 2015** – Магсумов Т.А. Общества вспомоществования нуждающимся ученикам в Поволжье в конце XIX – начале XX в. // *Российская история*. 2015. № 4. С. 63–69.
- Марголис, 1996** – Марголис Ю.Д. Студенческие переписи в России в 1872–1912 гг. // Средневековая и новая Россия. Сборник научных статей к 60-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. СПб., 1996. С. 656–669.
- Миронов, 2003** – Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.). СПб., 2003. В 2 т. 548 + 583 с.
- На помощь молодежи, 1910** – На помощь молодежи. Сборник статей, писем и заметок о студенческой нужде и самоубийствах учащихся. Киев, 1910. 204 с.
- Некрылов, 2000** – Некрылов С.А. Международные контакты ученых Томского университета в дореволюционный период // *Вестник ТГПУ*. 2000. № 4 (20). С. 67–70.
- Низамова, 2013** – Низамова М.С. Социокультурный облик и повседневность учащихся профессиональных школ дореволюционной Казани // *В мире научных открытий*. 2013. № 11 (47). С. 160–168.
- Олесич, 1982** – Олесич Н.Я. В.И. Ленин и революционное студенчество России. М., 1982. 254 с.
- Россия, 1995** – Россия. 1913 г. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. 548 с.
- Сибирская жизнь, 1914** – Сибирская жизнь. 1914.
- Скубневский, 1991** – Скубневский В.А. Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири. Томск, 1991. 272 с.
- Соболев, 1902** – Соболев М.Н. Экономическое положение томских студентов. Томск, 1902. 312 с.
- Соболев Михаил Николаевич** – Соболев Михаил Николаевич // *Электронная энциклопедия ТПУ* [Электронный ресурс]. URL: http://wiki.tpu.ru/wiki/Соболев_Михаил_Николаевич (дата обращения: 08.02.2019).
- Чепалов, 1914** – Чепалов В.Н. Томский университет в 1913 году // *Сибирский студент*. 1914. № 2. Стб. 75–80.
- Юркина, 2016** – Юркина Н.Н. Материальное положение учащейся молодежи Российской империи XIX – начала XX века // *Преподаватель XXI век*. 2016. № 1. С. 53–61.

References

- Andreev, 2000** – *Andreev A. Yu.* (2000). Moskovskij universitet v obshchestvennoj i kul'turnoj zhizni nachala XIX v. [Moscow University in the social and cultural life of the beginning of the XIX century]. Moscow, 312 p. [in Russian]
- Bunge, 1872** – *Bunge N.Kh.* (1872). Po povodu imennoj vedomosti o studentah universiteta im. Sv. Vladimira [About the personal statements of the students of the University. St. Vladimir]. Kiev, 112 p. [in Russian]
- Chepalov, 1914** – *Chepalov V.N.* (1914). Tomskij universitet v 1913 godu [Tomsk University in 1913]. *Siberian student*, 2: 75-80. [in Russian]
- GATO** – Gosudarstvennyj arhiv Tomskoj oblasti [The State archive of Tomsk region]. Tomsk, Russia.
- Goncharov, 2010** – *Goncharov Yu.M.* (2010). Odezhda gorozhanok Sibiri vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [Clothes of urban dwellers of Siberia in second half XIX – early XX centuries]. *Bulletin NUGU*, 4. [online]. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/odezhda-gorozhanok-sibiri-vo-vtoroy-polovine-xix-nachale-xx-vv> (accessed 10 Feb. 2019) [in Russian]
- History of Siberia, 1968** – *Istoriya Sibiri* [History Of Siberia]. Vol. 3. Leningrad, 532 p. [in Russian]
- Ischenko, 2010** – *Ischenko O.V.* (2010). Studencheskaya i uchashchayasya molodezh' kak faktor obshchestvennogo dvizheniya i kul'turnoj zhizni Sibiri (konec XIX – nachalo XX vv.) [Pupils and students youth as a factor of social movement and cultural life of Siberia (the end of XIX – the beginning of XX centuries)]. Omsk, 499 p. [in Russian]
- Ivanov, 1999** – *Ivanov A.E.* (1999). Studenchestvo Rossii konca XIX – nachala XX veka: social'no-istoricheskaya sud'ba [Students of Russia of the end of the XIX-the beginning of the XX century: social and historical destiny]. Moscow, 414 p. [in Russian]
- Ivanov, 2004** – *Ivanov A.E.* (2004). Studencheskaya korporaciya Rossii konca XIX – nachala XX veka: opyt kul'turnoj i politicheskoy samoorganizacii [Student Corporation of Russia of the XX-the beginning of the XX century: experience of cultural and political self-organization]. Moscow, 408 p. [in Russian]
- Lensky, 1914** – *Lensky V.* (1914). K voprosu o repetitorskom trude v Tomske [On the question of tutoring work in Tomsk]. *Siberian student*, 3-4: 117-120. [in Russian]
- Leykina-Svirskaya, 1981** – *Leykina-Svirskaya V.R.* (1981). Russkaya intelligenciya v 1900–1917 godah [The Russian intelligentsia in 1900-1917]. Moscow, 285 p. [in Russian]
- Lomidze, 1914** – *Lomidze A.* (1914). Studencheskij kooperativ [Students cooperative]. *Siberian student*, 1: 35-48. [in Russian]
- Magsumov, 2015** – *Magsumov T.* (2015). Charity societies for helping needy students in the Volga region, late 19th – early 20th centuries. *Rossiiskaia Istoria*. 4: 63-69.
- Margolis, 1996** – *Margolis J.D.* (1996). Studencheskie perepisi v Rossii v 1872–1912 gg. [Student census in Russia in 1872–1912]. *Medieval and modern Russia. Collection of scientific articles for the 60th anniversary of Professor Igor Froyanov*. St. Petersburg, pp. 656-669. [in Russian]
- Mironov, 2003** – *Mironov B.N.* (2003). Social'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII-nachalo XX v.) [Social history of Russia during the Empire (XVIII–early XX century)]. St. Petersburg, in 2 vol, 548 + 583 pp. [in Russian]
- Nekrylov, 2000** – *Nekrylov S.A.* (2000). Mezhdunarodnye kontakty uchenyh Tomskogo universiteta v dorevolucionnyj period [International contacts of scientists of Tomsk University in the pre-revolutionary period]. *Bulletin TGPU*, 4(20): 67-70. [in Russian]
- Nizamova, 2013** – *Nizamova M.S.* (2013). Sotsiokul'turnyy oblik i povsednevnyy uchashchikhsya professional'nykh shkol dorevolucionnoy Kazani [Socio-cultural image and daily life of vocational schools students in pre-revolutionary Kazan]. *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*, 11: 160-168. [in Russian]
- Olesich, 1982** – *Olesich N.Ya.* (1982). Lenin i revolyucionnoe studenchestvo Rossii [Lenin and the revolutionary students in Russia]. Moscow, 254 p. [in Russian]
- Russia, 1995** – *Russia*. 1913. (1995). Statistiko-dokumental'nyj spravochnik [Statistical and documentary reference]. St. Petersburg, 548 p. [in Russian]
- Siberian life, 1914** – *Sibirskaya zhizn'* [Siberian life] (1914). [in Russian]
- Skubnevsky, 1991** – *Skubnevsky V.A.* (1991). Rabochie obrabatyvayushchej promyshlennosti Sibiri [Workers of the manufacturing industry of Siberia]. Tomsk, 272 p. [in Russian]
- Sobolev, 1902** – *Sobolev M.N.* (1902). Ekonomicheskoe polozhenie tomskih studentov [Economic situation of Tomsk students]. Tomsk, 312 p. [in Russian]
- Sobolev Mihail Nikolaevich** – *Sobolev Mihail Nikolaevich*. Elektronnaya ehnciklopediya TPU [Electronic encyclopedia TPU]. [online]. [Electronic resource]. URL: http://wiki.tpu.ru/wiki/Sobolev_Mihail_Nikolaevich (accessed 08 Feb. 2019) [in Russian]
- To help young people, 1910** – Na pomoshch' molodezhi. Sbornik statej, pisem i zametok o studencheskoj nuzhde i samoubijstvah uchashchihhsya (1910) [To help young people. Collection of articles, letters and notes about student need and suicides of students]. Kiev, 204 p. [in Russian]
- Yerman, 1966** – *Erman L.K.* (1966). Intelligenciya v pervoj russkoj revolyucii [Intelligentsia in the Russian revolution of 1905]. Moscow, 373 p. [in Russian]

Yurkina, 2016 – Yurkina N.N. (2016) Material'noe polozhenie uchashchejsya molodezhi Rossijskoj imperii XIX – nachala XX veka [Financial situation of students of the Russian Empire XIX – early XX century]. *Teacher – XXI century*, 1: 53–61. [in Russian]

Zheravina, 2004 – Zheravina A.N. (2004). Povsednevnyaya zhizn' studentov Tomskogo universiteta na rubezhe XIX–XX vv. [The everyday life of students of the University of Tomsk at the turn of the XIX–XX centuries]. *Bulletin of the Tomsk State University*, 281: 207–215. [in Russian]

Материально-бытовое положение сибирских студентов в начале XX в. (по материалам студенческих переписей)

Оксана Владимировна Ищенко^a, Тимур Альбертович Магсумов^{b, c, d, *}

^a Сургутский государственный университет ХМАО-Югры, Сургут, Российская Федерация

^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^d Набережночелнинский государственный педагогический университет, Набережные Челны, Российская Федерация

Аннотация. На основании данных студенческих переписей, проводимых в томских вузах в 1901–1913 гг., анализируется динамика материально-бытового положения сибирских студентов в начале XX в.

Уровень жизни воспитанников учебных заведений определялся в первую очередь благосостоянием их родителей. При этом фактор сословной принадлежности уже не играл решающего значения ни при определении социального статуса семьи, ни в отношении ее материального благополучия, поэтому дети мещан в Томском технологическом институте зачастую были более обеспечены, чем дети дворян и духовенства в Томском университете.

Изучение материалов студенческих переписей дало возможность определить основные источники пополнения студенческого бюджета, к которым относились поступления средств от семьи, помощь государства и благотворителей, а также личные заработки. В составе расходной части преобладающее место занимали плата за обучение, аренда квартиры и расходы на питание. Критерий установления средней величины студенческого бюджета на уровне 300–350 руб. в год определил разделение томских студентов на группы мало-, средне- и высокообеспеченных, причем грань между первой и второй группами была достаточно условной.

Анализ студенческих анкет позволил выявить положительную динамику материально-бытовой обеспеченности студенчества, особенно заметную в отношении студентов-технологов, чьи знания и умения были в большей степени востребованы работодателями в условиях промышленного освоения сибирского края. Однако достаточно медленное повышение уровня жизни и непродолжительность периода стабилизации материального положения не дали возможности значительной части бедных студентов перейти разряд среднеобеспеченных.

Ключевые слова: история образования, студенчество, Российская империя, Сибирь, студенческие переписи, Томский университет, Томский технологический институт, материально-бытовое положение, студенческий бюджет.

* Корреспондирующий автор

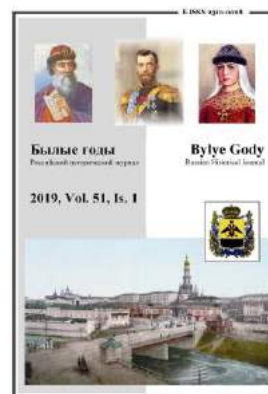
Адреса электронной почты: oksana5510@yandex.ru (О.В. Ищенко), nabonid1@yandex.ru (Т.А. Магсумов)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 51. Is. 1. pp. 380-394. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.1.380
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Tactical and Technical Characteristics of Armored Cruisers of Russian and Japanese Fleets during the War of 1904–1905

Anvar M. Mamadaliev ^{a, b, *}, Andrey V. Venkov ^c, Natal'ya V. Miku ^d, Aude Médico ^e

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

^d Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russian Federation

^e University of Geneva, Geneva, Switzerland

Abstract

The series of articles is devoted to the analysis of the ratio of opposing linear (armored) forces of the Russian 1st Pacific and Japanese squadrons during the Russian-Japanese war of 1904-1905 before the start of hostilities, coverage of the tactical and technical characteristics of armored ships and the strategy of their use by the naval leadership. Also, the article attempts to assess the chances of winning the 1st Pacific squadron, taking into account its combat capabilities on the eve of the war in terms of the general battle.

The materials for the preparation of the article were the pre-revolutionary, Soviet and modern historiography. Traditional for the Russian historiography the principles of historicism, scientific objectivity and consistency formed the methodological basis of the study. In the process of work the historical-comparative method was used, which allowed the authors to consider the military fleets of the warring parties through the prism of comparison of tactical and technical characteristics.

This article analyzes the advantages and disadvantages of the linear forces of the Russian and Japanese fleets based on their conceptual tactical and technical characteristics.

Keywords: Navy, "Far Eastern question", the Russian-Japanese war, the 1st Pacific squadron, the Russian Navy, Japanese Navy, Russian battleships, battleship, battleship, armored cruiser, fleet linear forces.

1. Введение

В предыдущей работе нами рассмотрена дипломатическая ситуация перед Русско-японской войной и порождаемые ею стратегии военных действий двух противоборствующих сторон (Mamadaliev et al., 2018).

Русское военно-морское руководство придерживалось стратегии торговой блокады островной Японии: а) ослабление торговли влечет медленное, но верное разрушение всей экономической системы; б) ослабление экономической системы противника, действуя по «принципу домино», в свою очередь разрушает все остальные сферы – военно-промышленный комплекс, социальную сферу, производство; в) деградация экономики влечет не только экономические, но и политические последствия: нуждающееся население протестует против войны, требуя от власти заключения мира, или же действующая власть меняется в результате революции; появляются все условия для внутривнутриполитического хаоса государства-противника, а сепаратистские группировки, рвущиеся к власти, готовы на большие уступки и весьма сговорчивы со страной-победителем. Исходя из данной стратегии, создавались и соответствующие корабли-«разрушители торговли», у которых, помимо перечисленного, есть еще одно важное преимущество: независимо от успешности действий на

* Corresponding author

E-mail addresses: anvarm@mail.ru (A.M. Mamadaliev)

других фронтах рейдеры способны методично и планомерно выполнять свою работу по разрушению экономики.

Рис. 1. Адмирал Степан Осипович Макаров

Япония нашла адекватный ответ на эту идею, придерживаясь классической стратегии баланса вооруженных сил островного государства, как это в течение многих веков делала Великобритания: а) при распределении ресурсов – приоритет военно-морскому флоту; б) превосходство на море над потенциальным противником; в) ставка на генеральное морское сражение, в ходе которого предполагается уничтожение/кардинальное ослабление главных/линейных сил флота противника; г) пользуясь превосходством на море, уничтожение морских баз рейдеров противника.

Рис. 2. Морской министр Гомбэй Ямомото

2. Материалы и методы

Материалами для подготовки статьи стала дореволюционная, советская и новейшая историография. Применены также опубликованные документы (Например, [Макаров, 1960](#)), материалы личного происхождения, такие, как мемуары, воспоминания и дневники. Среди мемуарных работ использовались труды С.Ю. Витте ([Витте, 1922](#)), а среди дневников – дневники боевых действий М.И. Лилъе ([Лилъе, 2002](#)).

Методологическую основу исследования составили традиционные для российской историографии принципы историзма, научной объективности и системности. В процессе работы использовался историко-сравнительный метод, который позволил авторам рассмотреть военные флоты противоборствующих сторон через призму сравнения тактико-технических характеристик.

3. Обсуждение и результаты

Анализ тактики использования броненосных крейсеров, а также тактико-технических характеристик рассматриваемых в работе судов в разное время выполнили Н. Кладо, В. Семенов, Р. Мельников, В. Крестьянинов, С. Молодцов, В. Черкасов, И. Кокцинский, П. Быков и др.

Проанализируем особенности технического воплощения идеи «уничтожения торговли» русского флота – «капитальные» бронированные корабли-рейдеры.

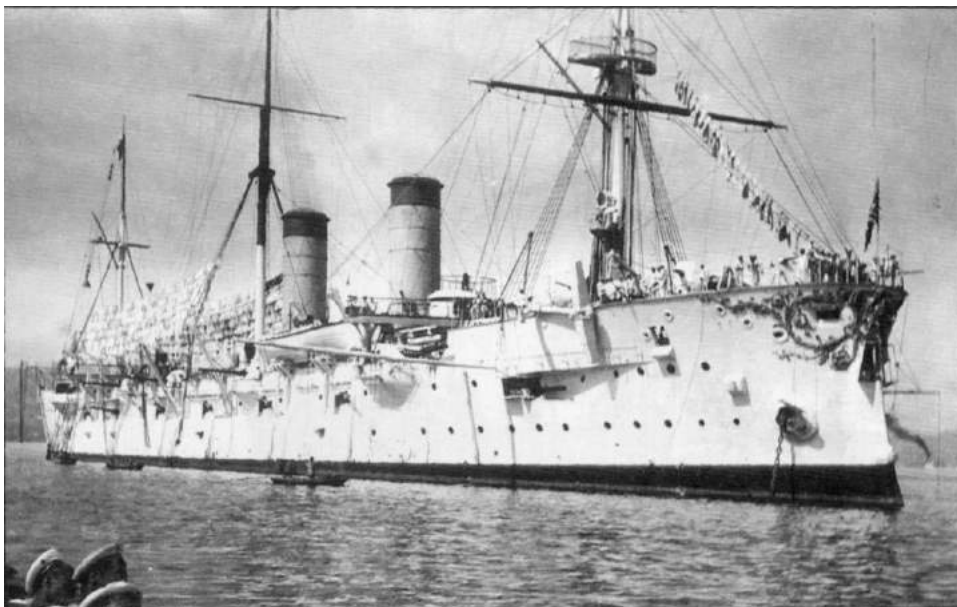

Рис. 3. Броненосный крейсер «Рюрик» (1892) – первое отечественное техническое воплощение полноценного бронированного рейдера

Эпохальным для русского флота и всецело отражающим концепцию «рейдерской войны» конца XIX века стал броненосный крейсер «Рюрик» (1892). Имея полное водоизмещение почти в 12 тысяч тонн (это больше, чем у заложенного в этом же году эскадренного броненосца «Полтава»!), корабль может считаться типичным «мускулистым» рейдером: исключительно мощная средняя артиллерия (шестнадцать 152-мм орудий и шесть – 120-мм) дополнялась четырьмя 8-дюймовками главного калибра, которые располагались хоть и не очень удачно (по два орудия с каждого борта), но своим целям – громить эскортные легкие крейсера – вполне отвечали. От более тяжелого противника (которого, к слову, у японцев еще даже не было!) крейсеру надлежало ретироваться; ход в 18,5 узла вкупе с прекрасной мореходностью в 90-е годы XIX века это вполне позволяли. В числе проектных требований было одно принципиальное: без дополнительной дозаправки углем крейсер должен был достигнуть Владивостока, выйдя из Кронштадта (Мельников, 1989). Даже такие особенности создания «капитальных» военных судов недвусмысленно говорят о том, что Россия к войне с Японией готовилась задолго до ее начала, в силу чего фигурирующая в некоторых монографиях и учебной литературе советская точка зрения о «спонтанности» идеи «маленькой победоносной войны» критики не выдерживает. Более того, Япония стала готовиться к этой войне позже, чем Россия: ее броненосный флот был создан позднее первого русского броненосного рейдера «Рюрик». Также не случайно, что сразу после постройки корабль был срочно отправлен на Дальний Восток.

Не останавливаясь на достигнутом, Морское министерство заложило еще два крейсера по концепции «Рюрика»: «Россия» (1895) и «Громобой» (1899) – каждый из которых был более совершенен, чем предыдущий; улучшения, в основном, сводились к увеличению площади бронирования, а также незначительному повышению скорости хода и дальности плавания.

В духе подобной «рейдерской» стратегии ведения войны были созданы также и бронепалубные (легкие) крейсера: «Варяг» (1899), «Аскольд» (1900), «Богатырь» (1901) и др.: имея водоизмещение в 5900-7500 тонн, они несли весьма мощное вооружение из двенадцати 152-мм орудий, имели хороший ход (22–24 уз.) и приличную дальность плавания (4900–6500 миль). Русские бронепалубные крейсера индивидуально были сильнее любого японского легкого крейсера, но имели немного шансов на успех в дуэльном противостоянии с броненосным крейсером.

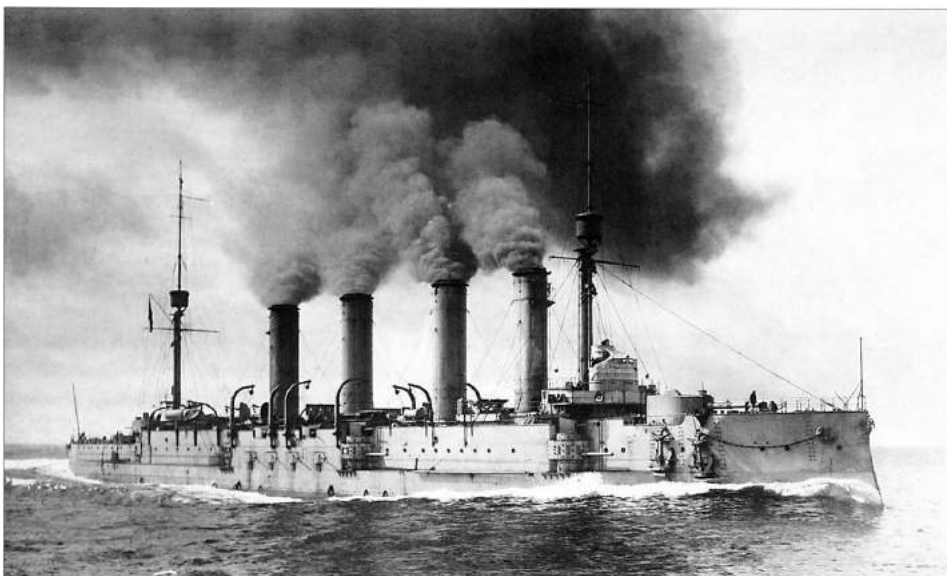

Рис. 4. Броненосный крейсер «Баян» (1900) не предназначался для рейдерских операций, но стал символом эффективности и универсальности Русско-японской войны

Броненосный крейсер «Баян» (1900) французской постройки, водоизмещением чуть более русских бронепалубных крейсеров 1-го ранга (в 7300 тонн), был создан в духе совершенно другой философии – как единичный бронированный разведчик при эскадре, поэтому никоим образом не вписывался в общую канву отечественного крейсеростроения; корабль прямо называли «экспериментальным», и он представлял из себя нечто среднее между отечественными и японскими броненосными крейсерами. Как рейдер он был несостоятелен, имея ничтожную автономность и дальность плавания (менее 2000 миль в реальной эксплуатации ([Мельников, 2005](#))); для сражения в линии он также совершенно не годился по причине очень слабого вооружения (две 8-дм и восемь 6-дм орудий) и дальноточности орудий главного калибра. Вместе с тем корабль имел весьма приличное бронирование, пусть из гарвеированной стали, но с толстым 200-миллиметровым бронепоясом, достойную площадь бронирования при хорошей скорости (21 уз.) и более чем приличной мореходности. Бронирование не сильно уступало японским, но значительно превосходило русские броненосные крейсера; широкий 60-мм верхний пояс и аналогичное бронирование казематов 6-дм орудий (в отличие от прочной 127-мм цементированной брони тех же частей на японских кораблях) было рассчитано лишь на фугасный снаряд, но с учетом отсутствия у японцев «нормальных» бронебойных снарядов, защита применительно к данному противнику оказалась выше всяческих похвал. Бой 27 января 1904 года, когда эскадры сходились вплоть до 19 кбт и в «Баян» попало около десятка 6-дм снарядов, наглядно продемонстрировал эффективность тонкой противобугасной брони, но прикрывающей значительные площади (эта идея позднее будет успешно внедрена на кораблях дредноут-класса и некоторых английских «додредноутах»). Вместе с тем противоречивость концепции вкралась и в непеременные достоинства: низкорасположенные казематы 6-дм и 3-дм орудий в свежую погоду при хорошем ходе заливало водой и без помех могли стрелять разве что две башенные 8-дюймовки главного калибра; таким образом, бонус от мореходности остался только один – возможность поддерживать весьма высокую скорость, близкую к «заводским» показателям. Теоретически оценивая тактико-технические данные «Баяна» разговорным стилем, можно было бы упомянуть фразеологизм «ни рыба ни мясо», однако практика его боевого применения жестко опровергла подобный скептицизм: он стал одним из самых эффективных кораблей всей войны, действуя как на первой линии, так и выполняя крейсерские функции в прибрежных районах. Для ограниченного морского театра военных действий, каковым стало побережье Ляодунского полуострова, «Баян» в итоге стал образцом сбалансированности и универсальности.

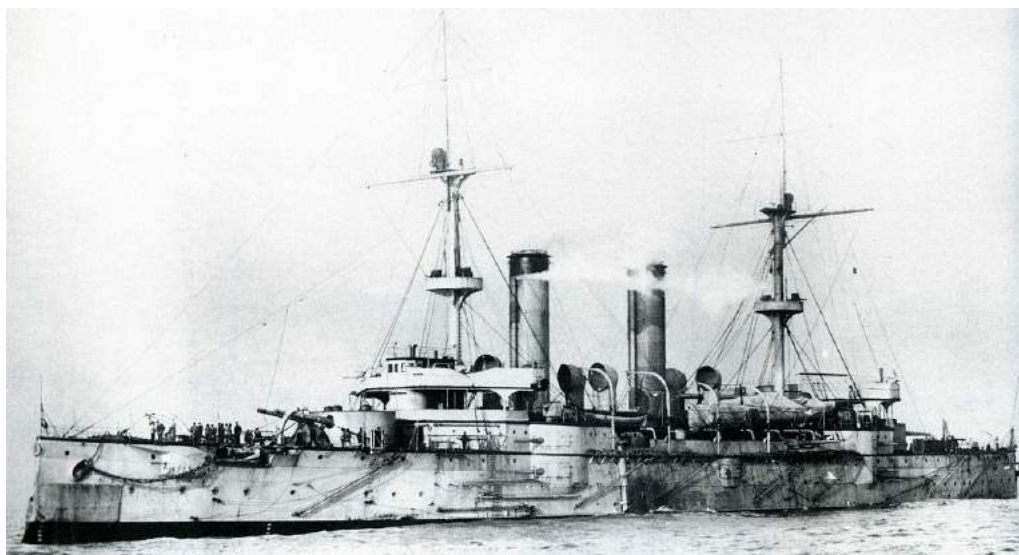

Рис. 5. Броненосный крейсер «Асама» (1898) – японское олицетворение доктрины «мускулистого флота»; один из претендентов на звание «первого линейного крейсера» сочетал в себе прекрасную защиту и вооружение в ущерб чисто крейсерских качествам

Ответный удар Японии на появление русских бронированных крейсеров-рейдеров оказался сокрушающим: Страна восходящего солнца заказала в Британии серию броненосных крейсеров: четыре корабля типа «Асама» (1898) (помимо головного корабля, однотипный «Токива» (1898) и несколько отличающиеся, с улучшенной «крупповской» броней, «Идзумо» (1899) и «Ивате» (1900)), а также два близкие по конструкции, но построенные соответственно во Франции и Германии «Адзума» (1899) и «Якумо» (1899) (для сравнения особенностей кораблестроения ведущих держав). Как бы странно это ни звучало, но крейсера не предназначались для крейсерских операций! Эти корабли с присущей ему «сбалансированностью» в инженерных творениях создавал ни много ни мало будущий главный кораблестроитель Королевского флота Британии, сэр Филип Уотс, автор революционного «Дредноута». Действуя в полном соответствии с техзаданием, Уотс создал шедевр, который своей универсальностью может вполне соперничать с отечественным «Баяном», причем не только на практике, но и в теории. Не случайно «Асамы» стали «долгожителями» на флоте, прослужив без малого 50 лет и будучи списанными только в 1945 году, пережив обе Мировые войны! Нельзя не согласиться с тем, что Гомбэй Ямато, которого считают «отцом японского флота», сделал правильный выбор: и в части стратегии будущей войны, и в части концепции броненосных сил флота.

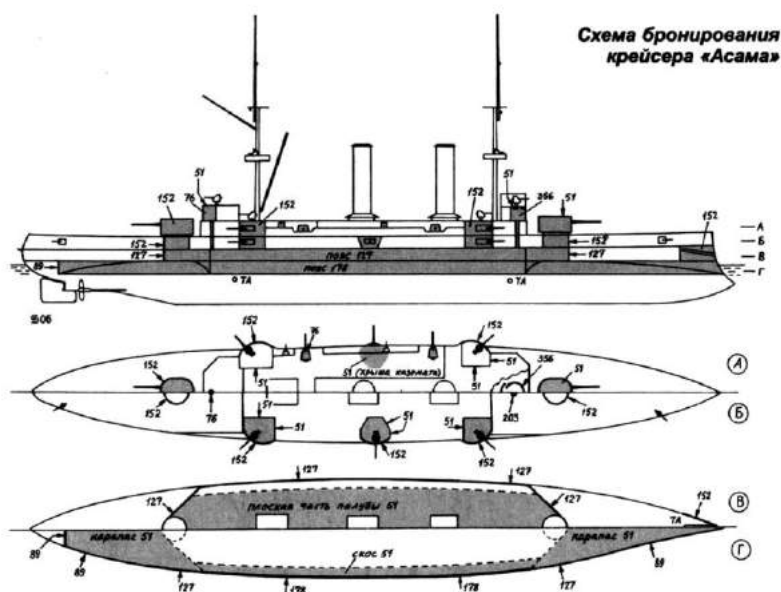

Рис. 6. Бронирование крейсеров типа «Асама» было, пожалуй, лучшим в мире в своем классе ко времени Русско-японской войны

Водоизмещением в 9800–10500 тонн, с протяженным и относительно широким для крейсера бронепоясом максимальной толщиной в 178 мм в средней части корабля, новые корабли создавались прежде всего для эскадренного боя, в то время как их крейсерские качества (скорость, мореходность и дальность плавания) ушли на второй план. Можно сказать, что это были уменьшенные (но совсем не «карманные») броненосцы – с облегченной до 203-мм (8 дм) артиллерией главного калибра и несколько утонченным (с 229 до 178 мм) поясом. По площади бронирования они мало уступали «настоящим» броненосцам (а некоторых даже превосходили), уменьшение толщины также являлось не критичным (особенно для последних четырех кораблей с броней из новомодной стали, закаленной по способу Круппа, которая давала прибавку в 15 % к устойчивости снарядам по сравнению с броней, закаленной по способу Гарвея, будучи при этом еще и дешевле в производстве; 178 мм крупновской брони соответствовали 203 мм гарвеированной). Напомним, что британские броненосцы типа «Дункан» (1901) были заложены значительно позже и тоже имели 178-мм бронепояс. Русские броненосцы типа «Бородино» имели пояс в 194 мм и по своей концепции являлись «самыми что ни на есть эскадренными» линкорами, предназначенными для жесткой и бескомпромиссной баталии на «пистолетных» дистанциях. Защита «Асам» на бумаге сочеталась с неплохой скоростью, однако полученные в идеальных условиях «паспортные» характеристики в 20–21,5 узла в реальной эксплуатации даже в спокойную погоду беззастенчиво снижались до 18–19 узлов. Низкий борт этих кораблей негативно влиял на мореходность, в результате чего в свежую погоду скорость падала ниже 17 узлов, а стрельба из трех (для «Адзумы» и «Якумо» – двух) 6-дм орудий нижней палубы была практически невозможна. Прекрасная защита кораблей типа «Асама» (как и близкой по параметрам бронирования «Адзумы») всецело подтвердилась в бою в Корейском проливе 1 августа 1904 года против указанных русских броненосных рейдеров. Подавляющее превосходство по площади бронирования и башенная артиллерия главного калибра вместо казематной на русских крейсерах привели к тому, что бой прошел «в одни ворота»: «Рюрик» был потоплен, а «Громобой» и «Россия» избежали участи своего сестершипа в основном из-за того, что на японских кораблях закончился боезапас. Справедливости ради отметим, что высокобортные мореходные русские корабли, хоть и с более низкой на бумаге скоростью, без особого труда отрывались от неприятеля, но вынуждены были возвращаться на помощь к подбитому тихоходному «Рюрику»... С учетом универсальности кораблей типа «Асама», японцы (и пожалуй, по праву!) считают их первыми линейными крейсерами в истории флота; и теоретически, и практически они вполне достойно выглядели и в линии, и в преследовании слабого противника.

Рис. 7. Броненосный крейсер «Ниссин» (1903) – «карманный линкор» японского флота, образец эффективности использования веса корабля в угоду первичным, но в ущерб вторичным боевым качествам

Перед самой войной и совершенно неожиданно, Япония оказалась обладателем еще одной пары «крейсеров», которые сложно с определенной долей уверенности отнести к какому-либо классу. Речь идет об однотипных броненосных крейсерах «Ниссин» (1903) и «Касуга» (1902). Серия из 10 таких кораблей была спроектирована другим незаурядным корабелом – Бенедетто Брином.

Построенные в Италии первоначально для себя, суда типа «Джузеппе Гарибальди» (головной корабль) должны были быть одновременно дешевыми (т.е. иметь минимальное водоизмещение), хорошо бронированными и сильно вооруженными. Как ни странно, но это «скромное» желание Брин сумел осуществить, хотя и с известными ограничениями. Сам факт того, что в эпоху стремительного развития военного судостроения, когда корабли устаревали, «задержавшись» на стапеле каких-то 3–4 года, а «Гарибальди» строились непрерывно в течение 10 лет (с 1895 г. по 1904 г.) просто завораживает! Не случайно эта серия стала абсолютным рекордсменом среди непарусных кораблей по срокам нахождения в строю – до 1954 года (более 50 лет службы!). Из-за цены будущие японские крейсера приглянулись небогатому аргентинскому флоту, из-за чего и получили название «аргентинских». Однако Аргентина в итоге с радостью уступила эти крейсера Японии, посчитав наживу лучшей добродетелью, нежели безопасность собственного государства.

Проект получился незаурядным без каких-либо натяжек: по соотношению «вооружение/защита» на тонну водоизмещения является еще более эффективным, чем тип «Асама». Водоизмещением около 7700 тонн и длиной менее 110 метров маленький «кораблик» нес четыре 203-мм орудия главного калибра (вместо спаренных 8-дюймовок могли ставить одно 10-дюймовое, как, например, на «Касуге») и четырнадцать 152-мм орудий. Еще более удивляет бронирование. Пояс из крупновской стали (первые три корабля серии – гарвеевская) был шириной/высотой в 3 метра – показатель, достойный броненосца (для сравнения: главный пояс броненосца «Пересвет» был высотой в 2,35 м...), причем простирался он по всей длине ватерлинии. В средней части его толщина была 152 мм (как и на английских броненосцах типа «Канопус»), утончаясь в оконечностях «всего» до 76 мм (для сравнения: один из наиболее сильных броненосцев своего времени типа «Формидейбл» имел в носу бронирование в 51 мм, т.е. на 1 дюйм меньше, а в корме бронепояса и вовсе не имел! Те же 51 мм имел в носу и русский «Ретвизан»). Таким образом, ватерлиния была защищена очень качественно вплоть до 9-дм снарядов практически на всех боевых дистанциях. 6-дм пояс, безусловно, не защищал корабль от 12-дм снарядов на больши́нстве дистанций, но справедливо ли требовать такого от корабля в 6700–7700 тонн, когда «Канопус» в 14300 тонн имел бронирование хуже маленького «крейсера» (ну и вновь упомянем про «голую» корму «Формидейблов»). Сложно сказать, болела ли голова по этому поводу у главного конструктора самого богатого в мире флота сэра Вильяма Уайта, который, собственно, и претворил на практике предмет британской гордости – two power standard, но у итальянцев Брина и Э. Масдеа (детальная разработка проекта) определенно есть повод для гордости. Но одним поясом дело не ограничивалось. Выше него шла мощнейшая 6-дюймовая цитадель, доходившая до верхней палубы и надежно защищавшая десять 6-дм орудий – в лучших традициях броненосцев Эдварда Рида. Таким образом, по площади бронирования крейсера типа «Гарибальди» были на голову выше любого из других крейсеров своего времени.

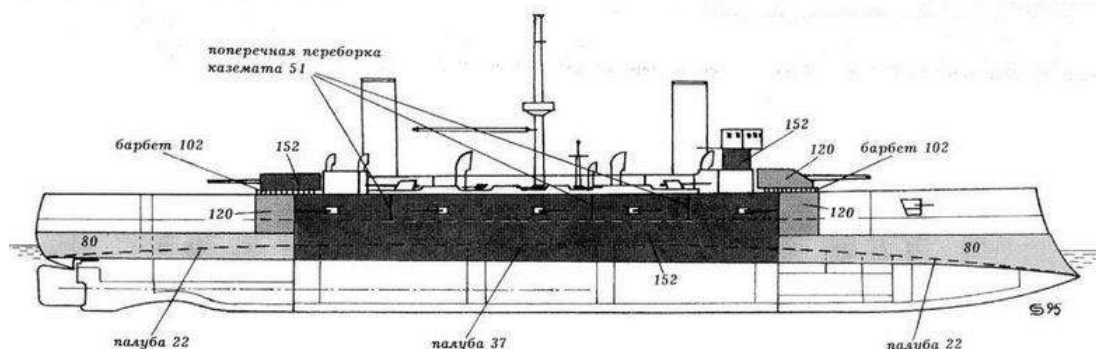

Рис. 8. Схема бронирования «Касуги» наглядно демонстрирует непревзойденную для крейсера площадь защиты корабля

Вместе с тем недостатки корабля стали неизбежным продолжением его достоинств. Уделив главное внимание первостепенным боевым качествам (вооружение/защита/скорость), второстепенные качества (мореходность/ автономность/удобство ведения огня и пр.) остались не у дел. 20-узловая «паспортная» скорость «касуг» никогда не была достигнута японцами даже в идеальных условиях. Реальная скорость была не более 18 узлов, которая катастрофически падала при повышении волнения моря. Не случайно, командуя японским флотом Хейхатиро Того никогда не включал эти корабли в состав своих тяжелых крейсерских сил, находившихся под командованием Х. Камимур. Даже сложности весьма немореходных «Асам» не шли ни в какое сравнение с теми проблемами, которые испытывали в штормовом море корабли Брина: стрелять из казематных 6-дм орудий было априори невозможно, четыре щитовых орудия на верхней палубе также страдали от брызг, поднятая форштевнем вода заливала переднюю башню и не давала возможности полноценно вести огонь, даже при умеренном волнении крейсер «зарывался» носом в воду, не только теряя

скорость, но и создавая дополнительные сложности артиллеристам. Включение же «аргентинцев» в состав 1-го броненосного отряда – наиболее защищенных эскадренных броненосцев японского флота – было со стороны Того, конечно же, мерой вынужденной: в линейном бою с «настоящими» линкорами, такими, как «Цесаревич» или «Ретвизан», русские бронебойные 305-мм снаряды (хоть и облегченные, но в отличие от японских – «полноценные»!) без труда прошивали бы пояс «касут» на средних дистанциях, что вкупе с удачно сработавшим замедлителем могли привести к взрыву снаряда где-нибудь в котельном отделении или орудийном погребе... Эти теоретические измышления всецело подтвердились практикой: в Цусимском сражении, когда в определенный момент головным стал «Ниссин», а вторым мателотом – «Касуга», оба корабля (особенно головной, под флагом адмирала, что автоматически сделало его приманкой для русских комендоров) получили относительно серьезные повреждения и на некоторое время вынуждены были выйти из кильватерного строя. И это в то время, когда броненосцы не понесли какого-либо значимого урона, кроме разрывов собственных снарядов в орудиях.

Нельзя не сказать о том, что два этих крейсера вполне могли бы попасть в русский флот. Продаже их в Японию способствовала настоящая детективная история со стороны русской дипломатии, конечная цель которой – снизить цену кораблей. В итоге неуклюжая попытка «торговли» привела к покупке их Страной восходящего солнца и вместо «двух кораблей у нас» стало «два корабля у них»; почитай, как четыре корабля на стороне противника.

Как бы то ни было, «Ниссин» с «Касугой» с еще более полным правом можно назвать первыми линейными крейсерами, ибо они совершенно на равных сражались с главными силами (1-м броненосным отрядом Х. Того) японского флота и не только смогли выстоять, но еще и нанесли урон нашему флоту: впоследствии на русских кораблях после боя в Желтом море с достаточно высокой долей достоверности были зафиксированы повреждения от 8-дм и 10-дм снарядов (эти орудия были только на данных крейсерах).

Россия, в свою очередь, строительством трех броненосных крейсеров-рейдеров отнюдь не ограничилась. Появилась достаточно интересная идея создать в качестве рейдера броненосец! Хотя это, бесспорно, было «недешевым удовольствием», однако теоретические преимущества от реализации идеи перекрывали все другие аргументы. Повторимся, что идея «торговой блокады» была крайне популярна у самого высшего морского руководства и наиболее авторитетных русских флотоводцев: «...во Франции появилась так называемая молодая школа, проповедовавшая постройку крейсеров размером около 6000 т. Идеи молодой школы заключались в том, что активная боевая служба должна производиться эскадрами этих крейсеров, броненосцы же водоизмещением около 1500 т должны назначаться лишь для прибрежной обороны. Молодая школа считала, что на крейсерах нет надобности иметь орудий большого калибра, что достаточны 6" орудия, но необходим большой ход. У броненосцев полагалось иметь два крупных орудия и четыре 6". При броненосцах береговой обороны молодая школа считает полезным иметь разведчиков в 2500 т. В сущности молодая школа мирится с броненосцами береговой обороны только потому, что такие уже существуют, но истинные идеи молодой школы – передать прибрежную оборону легким, мелкосидящим судам с сильною артиллерией» (Макаров, 1943: 12). Далее С.О. Макаров продолжает: «В Бискайской бухте оба судна были захвачены штормом, и Resolution, находясь в критическом положении вследствие огромной качки и большого количества воды в машине и кочегарных отделениях, должен был возвратиться. В это же время Gleaner продолжал свой путь и прибыл в Гибралтар. Если бы в момент шторма оба вышеназванных корабля были враждебные, то в исходе их столкновения сомневаться было бы невозможно. Resolution, делавший размахи в 45°, был бы совершенно беспомощен против Gleaner, который, разумеется, не счел бы чересчур негуманным выпустить в эту безобразную качающуюся массу свою мину. Шторм есть лучшее условие для минных атак, и надо, чтобы миноносцы имели полную возможность пользоваться такими условиями» (Макаров, 1943: 13). Как видим, не только в России «болели» теорией морской блокады: французские кораблестроители и даже британцы более чем серьезно относились к таким проектам. Франция же и вовсе реализовывала концепцию на практике: ярким примером является постройка броненосного крейсера «Жанна д'Арк» (1899). Корабль имел 11300 тонн водоизмещения, хорошее бронирование (особенно по его площади, учитывая рейдерскую «сущность» корабля), слабое для столь крупного корабля вооружение, очень мощную машинную установку в 33 тысячи л.с., которая позволяла разгоняться огромному (145 м) высокобортному мореходному кораблю до 22 узлов, и огромную дальность плавания в 13500 миль экономическим ходом! Из-за дороговизны «Жанны» последующая серия кораблей типа «Монкальм» (9100–9500 тонн) была значительно скромнее, но отражала совершенно такую же концепцию. Разумеется, англичане не остались в стороне и также понастроили целую тучу броненосных крейсеров «на любой вкус»: 6 кораблей типа «Кресси», 4 типа «Дрейк», 10 типа «Кент», 6 типа «Девоншир», 2 типа «Дьюк оф Эдинбург» и все это – 28 броненосных кораблей от 9800 до 14500 тонн – в 1898–1904 годах! Причем все они – типичные «истребители торговли»; благо в Британии недостатка в средствах, выделяемых на ВМС, в отличие от флотов Франции, Германии, США и России, не было.

Исходя из того, что большое количество «классических» бронированных рейдеров не построить, а также весьма дальновидно прогнозируя появление в Японии «эскадренных» броненосных крейсеров, русское военно-морское руководство наносит «превентивный» удар, закладывая в 1895 году серию из трех кораблей типа «Пересвет» (1898) (помимо головного, «Победа» (1898) и «Ослябя» (1900)). Именно поэтому в данной статье эти корабли отнесены к разряду броненосных крейсеров, так как, по нашему мнению, по совокупности тактико-технических элементов и концепции они были намного ближе к рейдерам, нежели к предназначенным для морских батальи эскадренным броненосцам.

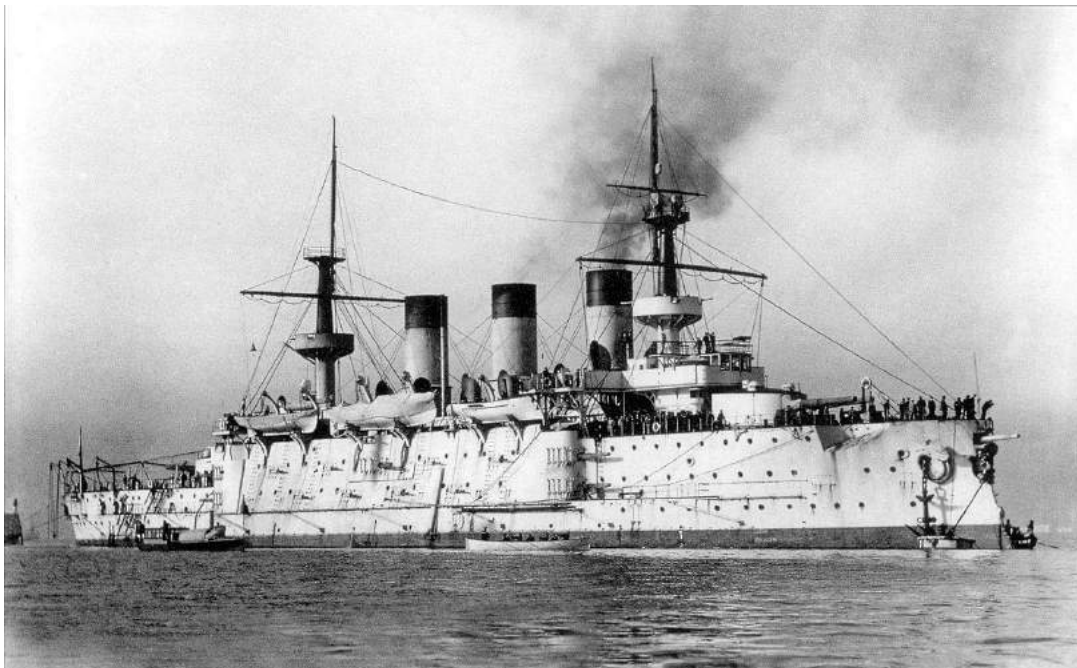

Рис. 9. «Броненосец-крейсер» «Пересвет» (1898) – русское оружие против перспективных японских броненосных крейсеров типа «Асама»: мореходный, но слабо бронированный и вооруженный, он больше предназначался для уничтожения тяжелых крейсеров противника и наиболее рискованных рейдерских операций вблизи военно-морских баз противника, нежели «плотного» эскадренного боя

Несмотря на то, что большинство исследователей считает саму идею «пересветов» глубоко ошибочной, нам представляется, что в истории их создания четко просматривается значительная доля прозорливости российского военного руководства.

Спроектированные как «броненосцы-крейсера» (такая формулировка прямо указывается в рабочей документации!) эти корабли являлись своего рода «истребителями истребителей торговли», т.е. предназначались для уничтожения броненосных крейсеров противника. При необходимости, они могли и встать в линии вместе с эскадренными броненосцами (что, собственно, и произошло в сражениях и в Желтом море, и при Цусиме). По-нашему мнению, именно «мегакрейсера» типа «Пересвет» следует считать первыми в мире линейными крейсерами, даже несмотря на некоторый недостаток в скорости. «Пересветы» с их высоким бортом, хорошими обводами и прекрасной мореходностью «честно» выдавали проектные 18,5 узла не только на мерной миле. Напомним, что те же «асама» в реальной эксплуатации не давали больше 18–19 узлов. То есть при встрече с русским кораблем-«антирейдером» японские крейсера вряд ли смогли бы удрать. Вместе с тем «пересветы» изначально создавались для войны с Великобританией, которая не замедлила ответить шестью броненосцами типа «Канопус» (1897–1899) – быстроходные (до 18,5 уз.) корабли с более сильной 12-дм артиллерией, но уступающие по мореходности и бронезащите жизненно важных частей судна. Многие авторитетные исследователи, такие, как Р. Мельников, В. Кофман, склонны считать русские корабли более сильными, нежели их британские визави; тот факт, что позднее британцы заложили еще шесть быстроходных броненосцев типа «Дункан» (1901), развивавших до 19 узлов хода и лучше бронированных, видимо, подтверждает преимущество «пересветов» над «канопусами».

Что же представлял из себя тип «Пересвет»? С проектным водоизмещением в 12700 тонн, хорошей скоростью свыше 18 узлов (которую, благодаря прекрасной мореходности, вполне можно было поддерживать даже в относительно свежую погоду) корабль вооружался четырьмя облегченными до 254-мм (10-дм) орудиями главного калибра в башнях и одиннадцатью 152-мм (6-дм) скорострельными пушками. Говоря об артиллерии, нельзя не упомянуть о прекрасной проектной дальнбойности, благодаря значительному возвышению орудий. На практике же такие

расстояния давались только последнему кораблю в серии – «Победе»; у двух же первых кораблей дефектные облегченные станки орудий привели к тому, что после проверочных стрельб рекомендованные углы возвышения и величина порохового заряда стали меньше проектных, дабы не допустить выхода орудия из строя. Средняя артиллерия по факту насчитывала лишь 10 орудий; установленная в носу и стреляющая по курсу погонная пушка, благодаря ничтожным углам обстрела, оказалась совершенно бесполезной. Проектная дальность плавания составляла 6200 морских миль, что является отнюдь не выдающимся показателем; на деле же она оказалась еще ниже и не превышала 5900 миль при полной загрузке углем (без учета принятия угля в перегруз).

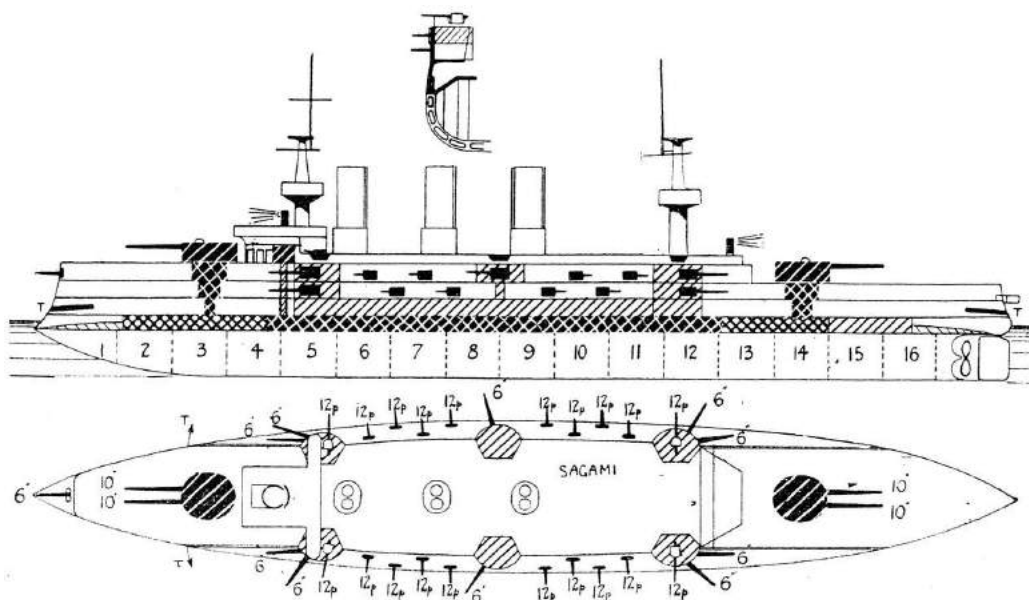

Рис. 10. Бронирование «Пересвета» было принесено в жертву крейсерским качествам (на схеме – захваченный японцами в Порт-Артуре и переименованный в «Сагами»)

Безусловно, такие характеристики «броненосца-крейсера» не могли быть обеспечены при достойном бронировании корабля, которое было принесено в жертву. Несмотря на достаточную 229-миллиметровую толщину «гарвеированной» поясной брони в средней части (эквивалент 192 мм «крупновской» брони, – даже лучше, чем 178-миллиметровый пояс более «продвинутых» «антипересветских» британских быстроходных броненосцев типа «Дункан», он гарантированно не пробивался 8-дм японскими орудиями с дистанций выше 10 кбт, 12-дм орудиями – 35 кбт), главный пояс был очень узким – всего 2,35 м. Даже без учета строительных перегрузок, чем «пересветы» особенно «прославились», пояс погружался в воду на 1,44 м. Безусловно, располагавшиеся над водой оставшиеся 91 см высоты пояса никак не спасли бы от пробоин выше него даже при мало-мальски беспокойном море; при полном же ходе вода гарантированно заливалась бы в пробоину. Верхний пояс из 102-мм плит надежно защищал от среднекалиберной артиллерии на дистанциях от 15 кабельтовых (а применительно к японским 40-калиберным шестидюймовкам – и вовсе от 10 кбт), но орудия калибром свыше 8 дюймов под прямым углом гарантированно пробивали его вплоть до дистанций в 30 кбт. С учетом того, что верхний пояс не обеспечивал непотопляемости, малая высота главного пояса была проблемой. С другой стороны, большинство линкоров того времени имело аналогичные, очень невысоко выступающие над водой, главные бронепоясы (в данном случае приятным исключением является самый сильный русский корабль времен Русско-японской войны – эскадренный броненосец «Цесаревич», который имел второй сплошной пояс в 200 мм толщиной; его же главный 250-мм пояс возвышался над водой и вовсе на 50 см...). Поэтому (и с учетом опыта мирового кораблестроения!) к конструкторам в данном случае претензии были бы безосновательны. А вот где их уместно было бы предъявить, так это в полноте защиты ватерлинии. Пояс простирался на 95 метров из 132 метров длины корабля, и оконечности судна оставались по факту «голыми»: прикрывающая нос и корму карапасная броневая палуба толщиной до 83 мм не представляла из себя серьезной защиты даже с учетом невыгодного для снаряда угла встречи. Японские фугасные боеприпасы даже гипотетически могли разнести «в лоскуты» незащищенную броней носовую обшивку, что привело бы к значительному снижению хода и невозможности уйти от тихоходного, но более сильного противника.

Критики рейдерской и антитейдерской сущности «пересветов» апеллируют, прежде всего, к невысокой для крейсера скорости. Этот же недостаток, по их мнению,¹ не позволяет называть данные корабли первыми линейными крейсерами, как и отсутствие единообразного главного калибра. И если со вторым аргументом сложно не согласиться, то нехватка скорости для решения его задач – мнение, на наш взгляд, достаточно спорное.

Начнем с года создания. Постройка была начата в 1895 году. Еще только строящиеся броненосцы типа «Полтава» имели проектную скорость в 16,5 уз., реальную – не более 15 уз. Похожая ситуация была и со скоростью большинства зарубежных линкоров (бронепалубные итальянские «броненосцы» «Италия» и «Лепанто» (конец 1880-х годов), имеющие ход в 18 узлов за счет того, что не имели поясной брони, нельзя брать в расчет: с появлением скорострельной среднекалиберной артиллерии в начале 90-х годов XIX века, они бы стали легкой добычей любого крейсера, что и продемонстрировала японская «Мацushima» в битве при Ялу). Поэтому уйти от «настоящего» эскадренного броненосца отечественным «броненосцам-крейсерам» было более чем по силам. Учтем еще один момент. Зарубежные (прежде всего английские) корабли тестировались в «тепличных» условиях. Если современный «Пересвету» британский «Маджестик» на мерной миле давал 16 узлов (при форсированном дутье кратковременно – 17 уз.) в полный штиль и прилично недогруженный углем и боезапасом, то в реальных условиях (причем учитывая его неплохую мореходность) его скорость была ниже 15 узлов. С «пересветами» ситуация была в точности до наоборот. Проектная скорость в 18 узлов на испытаниях была превышена всеми кораблями: «Пересвет» – 18,64 уз. (13775 л.с.), «Победа» – 18,5 уз. (15578 л.с.), «Ослябя» – 18,33 уз. (15051 л.с.) при проектной (контрактной) мощности в 14500 л.с. Вопрос: каким образом у перегруженного в ходе строительства на более чем тысячу тонн «Пересвета» могла получиться скорость почти в 19 узлов при недоборе мощности механизмов? Предполагаем, что имела место обычная для любого времени дезинформация. Ибо если задаться вопросом, сколько мог бы дать тот же «Пересвет» при контрактной мощности в 14500 л.с. и около 16 тысяч при форсированном дутье, то гипотетически вполне можно получить и цифру в 19,5 узлов. Вспомним, что «Рюрик», для своего времени отнюдь не тихход, давал 18 уз. Конечно, более поздние 23-узловые «Кресси» и «Кенты» (а в реальности выдававшие все 25!) «Пересвет» догнать бы не смог, но японские «асамы» и «касуги» (также более поздние) с их максимальной фактической скоростью в 16–18 узлов – вполне. Волнение моря играло нашим кораблям только на руку. Поэтому и как рейдеры, и как уничтожители рейдеров эти уникальные «броненосцы-крейсера» оказались бы более чем состоятельны (даже несмотря на огромный перерасход угля, который выяснился в ходе эксплуатации). Что касается боя в линии, то «Победа» и, особенно, «Пересвет» (получивший несколько десятков попаданий в бою в Желтом море, в том числе 305-мм снарядами) его выдержали с честью. «Ослябя» же погиб совсем по другой причине... (об этом ниже). Можно сказать, что суда подобного типа при острой необходимости могли сражаться и в плотной баталии с полноценными линкорами противника. Поэтому называть их предтечей будущих линейных крейсеров, на наш взгляд, более чем уместно.

Итак, «пересветы» стали уникальными кораблями русского флота с вполне определенными, как представляется, задачами: рейдерские операции вблизи морских баз противника, уничтожение или защита от броненосных крейсеров-рейдеров противника (прежде всего – перспективных многочисленных английских «Кресси» и «Кентов»), в исключительных случаях – в эскадренном бою против броненосцев при минимальном огневом контакте.

Однако практика перечеркнула все теоретические планы по тактике. Всем кораблям типа «Пересвет» пришлось участвовать в линии в обоих жестоких генеральных сражениях Русско-японской войны – в Желтом море и при Цусиме. «Пересвет» и «Победа» после боя 28 июля 1904 года смогли сохранить боеспособность, но вернулись назад в Порт-Артур, где были затоплены командами, а впоследствии подняты японцами и включены в состав своего флота под названием «Сагами» и «Суо» соответственно. «Пересвет», будучи кораблем младшего флагмана, жестоко «попал под раздачу», получив 13 попаданий 12-дм снарядами и несколько десятков средними; отсутствие полного пояса по ватерлинии сыграло свою негативную роль – броненосец принял несколько сотен тонн воды из-за попаданий в незащищенную броней носовую часть, что вкупе с поврежденными дымовыми трубами лишили судна его главного преимущества – скорости. «Победа», которая была бронирована «крупновской» броней и не имела «приманки» в виде адмиральского флага, «отделалась» намного легче и получила значительно меньше повреждений; даже 305-мм японский снаряд, пробивший пояс ниже ватерлинии, фактически не привел к утрате боеспособности.

Третьему кораблю в серии – «Ослябя» – повезло значительно меньше. Он первым был потоплен в Цусимской баталии, не причинив какого-либо вреда противнику. И в его случае виной уничтожения стали не конструкторские просчеты, а крайне небрежное техническое воплощение инженерных замыслов. Речь идет о чудовищной строительной перегрузке, которая, отметим

¹ Точка зрения авторитетного исследователя флота Р.М. Мельникова (см., в частности, Мельников Р.М. (Броненосцы типа «Пересвет». М., 2006. 116 с.). Отметим также и тот факт, что специальных фундаментальных исследований по данной серии кораблей, за исключением указанной работы, не проводилось.

справедливости ради, в большей или меньшей степени была характерна для всех судостроительных заводов того времени. Особенно это касалось «капитальных» кораблей. Корабли типа «Пересвет» в этом плане побили все «рекорды». Наименьшей перегрузка была у «Победы» – 13320 т вместо проектных 12674 т (строительная перегрузка 646 т.), у «Пересвета» – 13810 т (строительная перегрузка 1136 т.), у «Осляби» – 14408 т. (строительная перегрузка 1734 т.). Как было описано выше, главный пояс возвышался над водой на 91 см. Увеличение водоизмещения на 20,55 т увеличивало осадку на 1 см., следовательно, уже в Кронштадте без полной загрузки углем корабль сидел в воде на 85 см ниже и главный фактически пояс сравнялся с линией воды. С учетом того, что перед Цусимским сражением командующий объединенной 2-й и 3-й Тихоокеанской эскадрой З. Рождественский приказал «до отказа» грузиться углем, очевидно, что главный пояс ушел под воду. Верхний пояс, во-первых, был короткий, во-вторых, совершенно не защищал от 12-дм снарядов на всех боевых дистанциях, в-третьих (и это главное), совершенно не обеспечивал непотопляемость, а служил лишь дополнительной защитой котельных и машинных отделений. В литературе расхожим является мнение, что крупный японский снаряд сорвал одну из бронеплит в носовой части корабля. Как бы то ни было, но ответственные лица, которые непосредственно строили и контролировали постройку корабля, несут полную ответственность за гибель 531 члена экипажа, включая командира В. Бэра, который отказался покинуть корабль.

Таким образом, несмотря на предвзятое отношение в отечественной научной и популярной литературе к броненосцам типа «Пересвет», нельзя всецело разделить точку зрения авторов. В любом случае к конструкторам претензий нет и быть не может: они создали прекрасный для своих задач корабль. По-нашему мнению, не было ошибки и в создании таких кораблей для флота, так как они четко отражали концепцию ведения будущей войны русского военного руководства; другое дело, что практика показала ошибочность самой концепции в целом. Более того, даже в несвойственной «пересветам» манере ведения эскадренного боя они показали себя весьма неплохо («Ослябя» по указанным выше причинам, разумеется, не в счет).

4. Заключение

«Тяжелая кавалерия» – быстроходные броненосные силы противоборствующих флотов – имели совершенно разные тактико-технические элементы, в полной мере отражающие концепцию ведения войны.

Русские адмиралы сделали ставку на большие «океанские» мореходные и высокоавтономные, но слабо бронированные и нерационально вооруженные для эскадренного боя «Рюрик», «Россию», «Громобой». Адмиралтейство, осознавая «пробел» в «тяжеловооруженности», и не без влияния С.О. Макарова, решило восполнить флот значительно более сильными рейдерскими броненосцами типа «Пересвет», баланс в которых был сделан опять же в пользу крейсерских качеств.

Японские военные, прежде всего морской министр Гомбэй Ямомото, сделали ставку на «мускулистый» тип быстроходных броненосных сил – крейсера типа «Асама», баланс в которых был сдвинут в сторону преобладания боевых качеств. Покупка у Аргентины «карманных линкоров» типа «Касуга» была вполне логичным шагом даже с учетом того, что эти крейсера в итоге толком не вписывались ни во 2-й «крейсерский» отряд Х. Камимуры, ни в 1-й «линкорный» отряд Х. Того.

«Броненосцы-крейсера» типа «Пересвет», действуя одним отрядом вблизи вражеских баз, могли бы стать более чем достойным конкурентом для японских «замаскированных линкоров»: не уступая в реальной эксплуатации в скорости, русские корабли в случае эскадренного боя с «асами» превосходили бы последних в мореходности, имея возможность действовать и в неспокойную погоду, а также отчасти – в дальнобойности орудий и в весе залпа главного калибра. 254-мм снаряды главного калибра «пересветов» представляли для крейсеров Камимуры куда большую опасность, нежели 203-мм снаряды «асам» для русских кораблей. Главный пояс русских кораблей был неуязвим для японских 8-дм снарядов вплоть до 10 кбт, в то время как пояс «асам» был «прозрачен» для 10-дм русского боеприпаса с дистанции ближе 30 кбт; т.е. даже плотный бой «пересветов» с «асами» (в котором на первое место выходит уже не площадь, а толщина броневой защиты важнейших агрегатов корабля) был на руку первым. Как минимум не уступая в скорости, «броненосцы-крейсера» даже с учетом двухкратного превосходства в численности (три против шести; «Ослябя» не попал в Порт-Артур лишь по несчастливой случайности, а «аргентинских» крейсеров еще не было) могли бы сами навязывать условия боя, вступая или уклоняясь от него. Если же в рейдерскую эскадру включить «Россию» и «Громобой» с дальнобойными 8-дм орудиями, действующими в эскадренном бою на дальней дистанции (по примеру действий Х. Камимуры при Цусиме), то преимущество русского отряда стало бы превалирующим.

Русские же броненосные крейсера без «пересветов» (включая даже «Баян») были совершенно не в состоянии сражаться с японскими «накоротке» (из-за слабого их бронирования), но, как было сказано выше, на предельных дистанциях из-за более дальнобойной артиллерии главного калибра шанс поражать противника за пределами действия его артиллерии все же был (71–77 кбт у русских 203 мм 45-калиберных орудий против 60 кбт 40-калиберных японских). Исключение составляет лишь «Рюрик»: его 35-калиберные орудия, а также неудачные станки, не позволявшие высоко возвышать орудия, обусловили предельную дистанцию в идеальных условиях в 51 кбт; более того,

«Рюрик» к началу войны не мог развивать свои «заводские» 18 узлов и, несмотря на выдающуюся мореходность, был не в состоянии уйти от «асам» (бой в Корейском проливе 1 августа 1904 года всецело подтверждает этот факт).

Однако довоенным планам не суждено было реализоваться. «Чиркнув» дно Гибралтара, «Ослябя» не успел в Порт-Артур до начала войны, а военно-морское руководство (прежде всего – адмирал Е.А. Алексеев), опасаясь разделять корабли и ослаблять артурскую эскадру, отправило во Владивосток для крейсерских операций лишь «океанские» броненосные крейсера, оставив оба «броненосца-крейсера» в Порт-Артуре. Это не позволило реализовать их рейдерские качества, вынудив сражаться в эскадренном бою в составе куда более медленных (в данном случае имеем в виду «Севастополь» и «Полтаву»), но значительно лучше бронированных и вооруженных линкоров («Цесаревич» и «Ретвизан», в частности) против наиболее мощных японских кораблей.

5. Благодарности

Статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда «Войны и население юга России в XVIII – начале XXI вв.: история, демография, антропология (проект №17-18-01411)».

Литература

Брокгауз, Ефрон, 1890–1907 – Японско-русская война 1904–1905 г. // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907.

Бубнов, 1907 – Бубнов М.В. Порт-Артур. Воспоминания о деятельности 1-й Тихоокеанской эскадры и морских команд на берегу во время осады Порт-Артура в 1904 г. СПб., 1907. 292 с.

Быков, 2003 – Быков П.Д. Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия на море. 2-е изд. М.: Эксмо, 2003. 672 с.

Золотарев, Козлов, 2004 – Золотарев В.А., Козлов И.А. Три столетия Российского флота, XIX – начало XX века, глава Русско-японская война 1904–1905 г. М.: АСТ, 2004.

Кокцинский, 2002 – Кокцинский И.М. Морские бои и сражения русско-японской войны, или причина поражения: кризис управления. 2-е изд. М.: Фонд Андрея Первозванного, 2002. 436 с.

Крестьянинов, Молодцов, 1998 – Крестьянинов В.Я., Молодцов С.В. Броненосцы типа «Пересвет» // Морская коллекция. 1998. № 1 (19).

Лактионов, 2004 – Лактионов А. Русско-японская война. Осада и падение Порт-Артура. 2-е изд. М.: АСТ, 2004. 736 с.

Макаров, 1943 – Макаров С.О. Рассуждения по вопросам морской тактики. М.: Военмориздат, 1943. С. 12. [Электронный ресурс]. URL: http://militera.lib.ru/science/makarov_so01/index.html (дата обращения 26.10.2018).

Мельников, 1989 – Мельников Р.М. «Рюрик» был первым / Науч. ред. В.Д. Доценко. Л.: Судостроение, 1989. 256 с.

Мельников, 2005 – Мельников Р.М. Броненосный крейсер «Баян» (1897–1904). СПб.: Изд-ль М.А. Леонов, 2005. 92 с.

Мельников, 2006 – Мельников Р.М. Броненосцы типа «Пересвет». М.: ООО «Военная книга», 2006. 116 с.

Мультиатули, Залесский, 2015 – Мультиатули П.В., Залесский К.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. М.: Российский институт стратегических исследований, 2015. 816 с.

Римский-Корсаков, 1903 – Римский-Корсаков М.Н. Наставление командирам батарей, групп и plutонгов эскадренного броненосца «Пересвет». Порт-Артур, 1903. 158 с.

Семенов, 1911 – Семенов В.И. Флот и Морское ведомство до Цусимы и после. М. – СПб., 1911. 112 с.

Семенов, 2008 – Семенов В. Трагедия Цусимы. Расплата. Бой при Цусиме. Цена крови. М.: Эксмо, 2008. 640 с.

Советская историческая энциклопедия, 1962–1976 – Советская историческая энциклопедия. В 16 т. М.: «Советская энциклопедия», 1961–1976. Т. 1. С. 379.

Черкасов, 2000 – Черкасов В.Н. Записки артиллерийского офицера броненосца «Пересвет». СПб.: Бахкра, 2000. 150 с.

Klado, 1905 – Klado N. The Russian navy in the Russo-Japanese war. London: G. Bell, 1905.

Mamadaliyev et al., 2018 – Mamadaliyev A.M., Venkov A.V., Miku N.V., Médico A. On the Ratio of the Linear Forces of the Russian 1st Pacific and Japanese Squadrons during the Russian-Japanese War of 1904–1905 // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 50. Is. 4: 1734-1743.

References

Brogkгаuz, Efron, 1890-1907 – Yaponsko-russkaya voina 1904–1905 g. [Japanese-Russian war of 1904–1905]. Entsiklopedicheskii slovar' Brokgгаuzа i Efrona: v 86 t. (82 t. i 4 dop.). SPb., 1890–1907. [in Russian]

Bubnov, 1907 – Bubnov M.V. (1907). Port-Artur. Vospominaniya o deyatel'nosti 1-i Tikhookeanskoi eskadry i morskikh komand na beregu vo vremya osady Port-Artura v 1904 g. [Memories of the activities of the 1st Pacific Squadron and naval teams on the coast during the siege of Port Arthur in 1904]. SPb., 292 p. [in Russian]

- Bykov, 2003 – *Bykov P.D.* (2003). Russko-yaponskaya voina 1904–1905 gg. Deistviya na more [The Russian-Japanese War of 1904–1905. Actions at sea]. 2-e izd. M.: Eksmo, 672 p. [in Russian]
- Cherkasov, 2000 – *Cherkasov V.N.* (2000). Zapiski artilleriiskogo ofitsera bronenostsa «Peresvet» [Notes of the artillery officer of the battleship Peresvet]. SPb.: Bakhkra. 150 p. [in Russian]
- Klado, 1905 – *Klado N.* (1905). The Russian navy in the Russo-Japanese war. London: G. Bell.
- Koktsinskii, 2002 – *Koktsinskii I.M.* (2002). Morskoe boi i srazheniya russko-yaponskoi voiny, ili prichina porazheniya: krizis upravleniya [Sea battles and battles of the Russian-Japanese war, or the cause of defeat: a crisis of management]. 2-e izd. M.: Fond Andreya Pervozvannogo. 436 p. [in Russian]
- Krest'yaninov, Molodtsov, 1998 – *Krest'yaninov V.Ya., Molodtsov S.V.* (1998). Bronenostsy tipa «Peresvet» [Armados of the “Peresvet” type]. *Morskaya kolleksiya*. № 1 (19). [in Russian]
- Laktionov, 2004 – *Laktionov A.* (2004). Russko-yaponskaya voina. Osada i padenie Port-Artura [The Russian-Japanese war. Siege and fall of Port Arthur]. 2-e izd. M.: AST. 736 p. [in Russian]
- Makarov, 1943 – *Makarov S.O.* (1943). Rassuzhdeniya po voprosam morskoi taktiki [Reasoning on marine tactics.]. M.: Voenmorizdat. P. 12. [Elektronnyi resurs]. URL: http://militera.lib.ru/science/makarov_soo1/index.html (data obrashcheniya 26.10.2018). [in Russian]
- Mamadaliyev et al., 2018 – *Mamadaliyev, A.M., Venkov, A.V., Miku, N.V., Médico, A.* (2018). On the Ratio of the Linear Forces of the Russian 1st Pacific and Japanese Squadrons during the Russian-Japanese War of 1904–1905. *Bylye Gody*. Vol. 50. Is. 4: 1734-1743.
- Mel'nikov, 1989 – *Mel'nikov R.M.* (1989). «Rurik» byl pervym [“Rurik” was the first]. Nauch. red. V.D. Dotsenko. L.: Sudostroenie. 256 p. [in Russian]
- Mel'nikov, 2005 – *Mel'nikov P.M.* (2005). Bronenosnyi kreiser «Bayan» (1897–1904) [The armored cruiser Bayan (1897–1904)]. SPb.: Izd-l' M.A. Leonov. 92 p. [in Russian]
- Mel'nikov, 2006 – *Mel'nikov R.M.* (2006). Bronenostsy tipa «Peresvet» [Armados of the “Peresvet” type]. M.: OOO «Voennaya kniga». 116 p. [in Russian]
- Mul'tatuli, Zalesskii, 2015 – *Mul'tatuli P.V., Zalesskii K.A.* (2015). Russko-yaponskaya voina 1904–1905 gg. [Russian-Japanese War of 1904–1905]. M.: Rossiiskii institut strategicheskikh issledovaniy. 816 p. [in Russian]
- Rimskii-Korsakov, 1903 – *Rimskii-Korsakov M.N.* (1903). Nastavlenie komandiram batarei, grupp i plutonov eskadrennogo bronenostsa «Peresvet» [The instruction to the commanders of the batteries, groups and plutons of the squadron battleship “Peresvet”]. Port-Artur. 158 p. [in Russian]
- Semenov, 1911 – *Semenov V.I.* (1911). Flot i Morskoe vedomstvo do Tsusimy i posle [Fleet and Navy before Tsushima and after]. M.-SPb. 112 p. [in Russian]
- Semenov, 2008 – *Semenov V.* (2008). Tragediya Tsusimy [The tragedy of Tsushima]. Rasplata. Boi pri Tsusime. Tsena krovi. M.: Eksmo. 640 p. [in Russian]
- Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya, 1962–1976 – *Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya* [Soviet historical encyclopedia]. V 16 t. M.: «Sovetskaya entsiklopediya», 1961–1976. T.1. P. 379. [in Russian]
- Zolotarev, Kozlov, 2004 – *Zolotarev V.A., Kozlov I.A.* (2004). Tri stoletiya Rossiiskogo flota, XIX – nachalo XX veka, glava Russko-yaponskaya voina 1904–1905 g. [Three centuries of the Russian fleet, XIX – early XX century, the head of the Russian-Japanese war of 1904–1905]. M.: AST, 2004. [in Russian]

Тактико-технические характеристики броненосных крейсеров русского и японского флотов в период войны 1904–1905 гг.

Анвар Мирзахматович Мамадалиев ^{a, b, *}, Андрей Вадимович Венков ^c,
Наталья Валентиновна Микю ^d, Од Медико ^e

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

^d Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Российская Федерация

^e Университет Женевы, Женева, Швейцария

Аннотация. Серия статей посвящена анализу соотношения противостоящих друг другу линейных (броненосных) сил русской 1-й Тихоокеанской и японской эскадр в период Русско-японской войны 1904–1905 годов перед началом боевых действий, освещению тактико-технических характеристик броненосных кораблей и стратегии их использования военно-морским руководством. Также в работе делается попытка оценить шансы на победу 1-й Тихоокеанской эскадры с учетом ее боевых возможностей накануне войны в условиях генерального сражения.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: anvarm@mail.ru (А.М. Мамадалиев)

Материалами для подготовки статьи стала дореволюционная, советская и новейшая историография. Методологическую основу исследования составили традиционные для российской историографии принципы историзма, научной объективности и системности. В процессе работы использовался историко-сравнительный метод, который позволил авторам рассмотреть военные флоты противоборствующих сторон через призму сравнения тактико-технических характеристик.

В данной статье анализируются преимущества и недостатки линейных сил русского и японского флотов, исходя из их концептуальных тактико-технических характеристик.

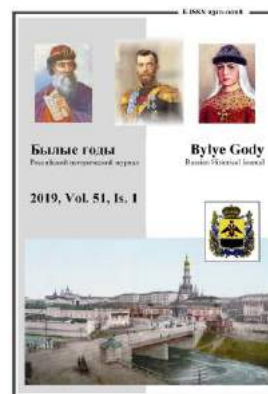
Ключевые слова: Военно-морской флот, «дальневосточный вопрос», Русско-японская война, 1-я Тихоокеанская эскадра, русский флот, японский флот, русские броненосцы, линейный корабль, броненосец, броненосный крейсер, линейные силы флота.

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 51. Is. 1. pp. 395-405. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.1.395
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Conflict of Imperial and Regional Interests on the Introduction of Duty-free Trade Regime in the Mouths of Siberian Rivers during the First World War

Olesya M. Dolidovich ^{a, *}, Vera I. Fedorova ^b, Anna S. Zhulaeva ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

^b Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafeva, Russian Federation

Abstract

The article deals with the conflict of imperial and regional interests on the issue of the introduction of a duty-free trade regime in the mouths of Siberian rivers. The study is based on archival and published documents, materials of the Siberian pre-revolutionary periodicals. The authors claim that imperial power was based on the tasks of integrating the Siberian region into the all-Russian economic space. The proof of which is the construction of the Trans-Siberian Railway, projects for the development of the transport network, which united Siberian rivers. However, the implementation of such projects often did not take into account the interests of the local bourgeoisie, which sought to act as an independent player on the Siberian market. The establishment of a duty-free trade regime in the mouths of Siberian rivers promoted the growth of its competitiveness and would allow it to enter world markets, bypassing its intermediaries from central Russia. But the government for a long time in this matter took the side of large financial and industrial circles in the central part of the country. And only under the influence of the events of the First World War, part of the royal bureaucracy came to understand the development of navigation along the Northern Sea Route as one of the necessary conditions for national security. However, the initiative in this matter has already been seized by foreigners in the person of J. Lida, behind whom stood Norwegian, English and American capital, who viewed Siberia as a platform for strengthening in Central and East Asia.

Keywords: Imperial interests, regional interests of Siberian entrepreneurs, duty-free trade regime, protectionism, Northern sea route, economic policy of the Imperial power in Siberia.

1. Введение

Начало Первой мировой войны внесло серьезные коррективы в российскую экономическую политику и внешнеторговые отношения. Ввоз и вывоз через западную и южную границы европейской части страны стал невозможен, сообщение с Англией и Францией могло осуществляться только через Архангельск и Владивосток. Однако Архангельск был перегружен товарами, предназначенными для военного ведомства, путь через Владивосток – слишком далеким. Эта ситуация значительно актуализировала поиск альтернативной логистики, одним из вариантов которой был Северный морской путь.

Его использование упиралось в вопрос о введении режима беспошлинной торговли (порто-франко), который вызывал неоднозначную реакцию как среди министерской бюрократии, так и деловых кругов. Министерство финансов, Министерство промышленности и торговли выступали против, а Военное министерство, Главное управление землеустройства и земледелия – за. В первых двух ведомствах было очень сильно влияние столичной торгово-промышленной и финансовой верхушки, опасавшейся утратить свое влияние в Сибири из-за того, что местная буржуазия могла получить прямой выход на иностранные рынки. Единства по этому вопросу не было и среди

* Corresponding author

E-mail addresses: dolidovich@mail.ru (O.M. Dolidovich)

сибирских предпринимателей. Та их часть, которая была связана с освоением и переработкой местных ресурсов, активно лоббировала идею порто-франко, дававшую ей возможность использования иностранного капитала без всяких посредников и соответственно укрепления своих позиций на региональном рынке. Торговые и финансовые круги, испытывавшие более сильную зависимость от столичных партнеров и кредиторов, не поддерживали эти проекты, обвиняя своих оппонентов в сепаратизме.

В годы Первой мировой войны в борьбу по вопросу о порто-франко активно включились и представители иностранного капитала, которых привлекали не только перспективы освоения ресурсов. Установление контроля над судоходством по сибирским рекам давало возможности проникновения во внутренние территории Центральной и Восточной Азии. Это придавало ситуации особую политическую злободневность и являлось отражением нараставшего конфликта имперских и региональных интересов, предшествовавшего краху Российской империи.

В данной работе проанализирована борьба среди различных политических и финансово-промышленных группировок по вопросу введения режима беспошлинной торговли в устьях сибирских рек в годы войны. Рассматриваемая проблема отражает особенности отношений центра и периферии, приоритеты экономической политики имперской власти в этом отдаленном регионе.

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составляют делопроизводственные материалы, источники личного происхождения и периодическая печать. Первые включают документы канцелярии иркутского генерал-губернатора: переписку с главами восточносибирских городов, иркутским и енисейским губернаторами, журналы совещаний иркутского Биржевого комитета ([Государственный архив Иркутской области](#)). Кроме того, использованы документы Красноярской городской управы: протоколы журналов заседаний, приговоры купеческого общества ([Государственный архив Красноярского края](#)). Их анализ позволяет определить причины противоречий в торгово-промышленных кругах по вопросу введения порто-франко, проследить эволюцию взглядов купечества под влиянием политики центральных и местных властей в довоенный и военный периоды.

Привлечены опубликованные документы – материалы сборника «Старая» Россия и «новая» Норвегия. Российско-норвежские отношения (1905–1917)», которые проливают свет на характер дипломатического, военно-стратегического, торгово-экономического сотрудничества двух стран в начале XX в., и в том числе попытки иностранных предпринимателей организовать пароходное сообщение между Сибирью и Норвегией через Карское море в военный период ([«Старая» Россия..., 2014](#)).

К источникам личного происхождения относится автобиография Й. Лида – норвежского коммерсанта, дипломата, основателя «Сибирской компании пароходства, торговли и промышленности» ([Лид, 2009](#)). Автобиографическое свидетельство отражает характер личных и деловых связей Й. Лида с сибирскими купцами, российскими политическими деятелями, участниками северных экспедиций, причастными к проекту установления торгового сообщения с Сибирью, его деятельность по организации торговых экспедиций к Енисею.

Материалы сибирской периодической печати («Иркутская жизнь», «Сибирская жизнь», «Сибирские вопросы») отражают дискуссию о введении порто-франко среди деловых кругов и общественности. Прежде всего, это публикации енисейского предпринимателя, общественного деятеля, депутата III и IV Государственной думы С.В. Востротина, последовательно отстаивавшего идею эксплуатации Северного морского пути ([Востротин, 1905, 1906, 1911](#)).

В процессе работы применялись методы: нарративный, историко-генетический и историко-системный. Нарративный метод позволил осуществить процедуру выявления, отбора и анализа исторических фактов по теме исследования, изложить их в контексте социально-экономического развития страны и региона, а также внешнеполитического курса. Историко-генетический метод применен для выявления факторов, повлиявших на эволюцию позиции центральной власти в отношении режима порто-франко в устьях сибирских рек. На основе историко-системного метода показаны единство и отличия подходов различных групп предпринимателей относительно перспектив торговли с европейскими странами, определены обстоятельства, оказавшие влияние на размежевание их интересов.

3. Обсуждение

Дореволюционный период отечественной историографии отмечен большим интересом к вопросам освоения Северного морского пути. На рубеже XIX–XX вв. исследователи концентрировались на исторических и экономических аспектах его эксплуатации ([Студитский, 1883](#); [Турбин, 1891](#) и др.). Вышло немало трудов участников экспедиций с описанием особенностей судоходства в восточной части Баренцева и Карского морей ([Селецкий, 1910](#); [Вилькицкий, 1912](#) и др.). Их авторы рассматривали вопрос об установлении порто-франко в устьях сибирских рек как необходимое условие развития торгового сообщения с европейскими государствами.

В советский период проблема Северного морского пути не потеряла своей актуальности. Однако в публикациях советских ученых главное внимание было сконцентрировано на историко-географических аспектах: истории сибирского речного судоходства, планах и проектах оборудования трассы, деятельности отдельных предпринимателей и ученых по изучению и освоению Севера и т.д. (Рыбин, 1924; Визе, 1935, Белов, 1957; Пинхенсон, 1962 и др.).

Первым, кто непосредственно коснулся проблемы торгового транзита через устье сибирских рек, стал патриарх советского сибирского источниковедения А.А. Преображенский. В фондах Красноярского архива он обнаружил документы, раскрывающие полемику купечества по вопросу использования Северного морского пути. В вводной статье к публикации источников А.А. Преображенский, следуя характерной для советской историографии концепции Сибири как экономической колонии, подчеркивал, что правительство в вопросе о порто-франко исходило из интересов буржуазии европейской части страны в ущерб сибирякам (Преображенский, 1962).

Интерес к проблеме заметно активизировался в постсоветский период, обогатившись такими новыми аспектами, как значение Северного морского пути в системе международных транспортных коридоров. В работах Е.А. Носовой, Н.А. Беляевой, А.Е. Гончарова показаны масштабы торговых операций, соотношение экономической эффективности и рисков судоходства (Носова, 1994; Беляева, 2012; Гончаров и др., 2018). Н.А. Беляева привела данные, что на маршруте Европа–Сибирь с 1874 по 1904 гг. из 87 плаваний только 60 (69 %) были благополучными. По ее мнению, именно по причине высоких рисков и низкой экономической эффективности попытки воплотить в жизнь принципы беспощинной торговли в Сибири на протяжении второй половины XIX в. так и не сложились в систему (Беляева, 2012: 9).

В противовес Н.А. Беляевой А.В. Игнатчик полагает, что главной причиной провала установления порто-франко по Северному морскому пути стали не высокие риски судоходства, а политика царского правительства: «отвергая даже частичное порто-франко, правящая элита «консервировала» Сибирь и ее богатства до того времени, когда буржуазия европейской России будет готова к их освоению» (Игнатчик, 2005: 33).

Историк М.В. Шиловский в целом соглашается с тем, что проект порто-франко не сулил больших перспектив для экономического развития северных территорий. Однако его активно поддерживала сибирская буржуазия, видевшая в нем необходимое условие для укрепления своей конкурентоспособности в борьбе с финансово-промышленными кругами европейской части страны за господство на региональном рынке (Шиловский, 2005). Идеологической платформой порто-франко М.В. Шиловский считает областническую концепцию, сторонники которой выступали за широкое развитие в Сибири собственной промышленности как основу экономической независимости региона от центра.

В статье М.Г. Агапова проблема порто-франко в устьях сибирских рек рассматривается через призму «стратегий ментального присвоения» сибирской территории (Агапов, 2018). Выделяются и анализируются три аспекта восприятия сибирского пространства со стороны российских общественно-политических и деловых кругов: имперский, областнический и транснациональный. К первому он относит представление о Сибири как геополитическом мосте, соединяющем центр с окраинами (Сибирь, Дальний Восток) и сферами влияния (Маньчжурия и Северный Китай). Эта задача была решена строительством Транссибирской магистрали. Сторонники второго подхода ратовали за создание транзитного торгового пути из Сибири в Европу посредством создания разветвленной транспортной сети между сибирскими реками (Великий Сибирский речной путь) и установления сообщения между ними по Северному морскому пути. В транснациональном подходе, по мнению автора, оба проекта представляли как элементы «будущих глобальных транзитных сетей». Отмечая, что второй проект, представлявший региональные интересы, по сути, противостоял имперскому, М.Г. Агапов останавливается лишь на констатации этого факта, не вдаваясь в причины и сущность конфликта, без чего проблема «ментальных стратегий» освоения сибирского пространства, как нам кажется, не имеет полного решения.

Статья В.Ю. Гессена о деятельности норвежского предпринимателя Й. Лида по созданию «Сибирского акционерного общества пароходства, промышленности и торговли» дает обширный фактологический материал, свидетельствующий о попытках иностранного капитала использовать Северный морской путь в интересах укрепления своего влияния на сибирском рынке (Гессен, 2010). Но, поскольку автора больше интересовала фигура Лида как предпринимателя, тему иностранного капитала как третьей силы в конфликте интересов вокруг порто-франко он практически не затронул.

Более определенно об этом высказывается В.И. Федорова. Она утверждает, что созданное Й. Лидом общество поначалу было поддержано сибирскими предпринимателями в надежде, что союз с иностранными коммерсантами обеспечит им шансы противостоять крупному российскому капиталу. Однако в итоге они просчитались. Лид, чтобы получить право беспощинной торговли через устья сибирских рек, сделал ставку не на них, а на представителей столичной бюрократии и финансово-промышленной верхушки, которых ввел в правление общества в 1915 г. (экс-министр торговли и промышленности, председатель совета Русского банка для внешней торговли В.И. Тимирязев, министр торговли и промышленности князь В.Н. Шаховской, московский финансово-промышленный магнат Н.А. Второв и др.). Из сибиряков в обновленном совете

присутствовали только пароходовладельцы Н.Н. Гадалов и Н.И. Корнилов. Вскоре общество скупило акции большинства местных пароходных компаний. В результате компания стала монополистом в судоходстве Сибири. Таким образом, заключает Федорова, «местная буржуазия утрачивает господствующие позиции в отрасли, уступая их более могущественным и влиятельным конкурентам, представлявшим столичный и иностранный капитал» (Федорова, 2016: 136).

В другой публикации В.И. Федорова подчеркнула иллюзорность проектов сибирской буржуазии по либерализации отношений между центром и периферией как предпосылку успешного экономического развития региона. Утверждая, что «в условиях резкой диспропорции в уровне экономического развития регионов, при слабости частного капитала и противоречиях между его отдельными финансово-экономическими и национально-региональными группами, обеспечить хозяйственно-экономический прогресс и политическую целостность страны было возможно только с помощью мобилизации всех экономических ресурсов в руках сильной центральной власти» (Федорова, 2005: 198).

Зарубежная историография представлена работами об экспедициях иностранных и российских мореплавателей второй половины XIX – начала XX вв., которые способствовали развитию торговых отношений европейских государств и России через реки Обь и Енисей (Krypton, 1956; Barr, 1975; Stone, 1994).

Таким образом, анализ научной литературы показывает, что в историографии не сложилось однозначного мнения о значении режима свободной торговли по Северному морскому пути для экономического развития региона. Представляется, что углубленный анализ борьбы вокруг этого вопроса под углом конфликта стратегий имперской власти и близко связанных с ней групп крупного финансового капитала, с одной стороны, и коммерческих интересов предпринимателей Сибири – с другой, поможет разрешить существующие противоречия в изучении проблемы.

4. Результаты

Торговое сообщение между Европейской Россией и Сибирью через Ледовитый океан и Карское море установилось еще в XVI–XVII вв. В XVIII – начале XIX вв. российское правительство снаряжало исследовательские экспедиции вдоль арктического побережья. После успешных плаваний Д. Виггинса и Н. Норденшельда в 1870-х гг. интерес к морскому коммерческому судоходству по Северному морскому пути со стороны отечественных и европейских предпринимателей вырос в связи с появлением судов, отвечавших условиям полярной навигации.

Долгое время режим порто-франко в устьях сибирских рек не был установлен законодательно, а существовал в форме удовлетворения частных ходатайств о беспошлинном ввозе в каждый навигационный сезон. Однако северный экспорт особого интереса у местных предпринимателей не вызывал. В сентябре 1877 г. генерал-губернатор Восточной Сибири П.А. Фредерикс обратился к губернатору А.Д. Лохвицкому с предложением собрать данные, какие именно товары Енисейская губерния, географически ближе всего расположенная к выходу в северные моря, могла бы предложить к вывозу в Европу. Согласно предписанию губернатора 15 ноября того же года состоялось заседание Красноярской городской думы. Гласные высказались против беспошлинного вывоза товаров за границу. Они объяснили свою позицию тем, что губерния была мало населена, весь излишек произведенной сельскохозяйственной продукции потребляли рабочие золотых приисков и ссыльнопоселенцы. В условиях сурового климата, отсутствия запасов, неразвитых путей сообщения в случае неурожая власти не смогли бы быстро и в достаточном количестве получить продукты из других регионов (ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 731. Л. 6–16).

К концу XIX – началу XX вв. экономика Сибири претерпела значительные изменения. Приток крестьянских переселенцев способствовал резкому увеличению производства сельскохозяйственной продукции. Возросшая потребность в ее сбыте постепенно начинает менять отношение к идее экспорта среди той части купечества, которая занималась оптовой торговлей хлебом. Особенно в этом было заинтересовано купечество Енисейска. После проведения Транссиба город оказался отрезанным от торговых магистралей, и, чтобы компенсировать сокращение коммерческих оборотов, местные коммерсанты рассчитывали занять ключевые позиции в торговле по Северному морскому пути. Выразителем интересов этой части купечества стал енисейский городской голова С.В. Востротин. По его инициативе было создано «Товарищество пароходства по Енисею для торговли с европейскими странами по Североморскому пути». Основной капитал товарищества составил 400 тыс. руб., в его собственности числились 3 парохода. Вначале дела шли хорошо. В качестве экспортных товаров пошли кость, рог, щетина, конопля, пенька, лес, хлеб. Кроме того, на севере Енисейской губернии были открыты залежи каменного угля, графита, представлявшие интерес для иностранных промышленников.

Однако позиция центральной власти по этому вопросу в 1890-е гг. изменилась. Если раньше столичные чиновники были не против предоставления иностранным компаниям льготного режима, то к концу века возросшая активность англичан и американцев в Арктике стала восприниматься как угроза российским геополитическим интересам в этом регионе («Старая» Россия..., 2014). В период 1887–1897 гг. практически единственными перевозчиками в Карском море были английские суда, российский торговый флот не мог составить конкуренцию британскому с его современными

морскими судами и опытными командами. Кроме того, на власть давили представители крупного торгово-промышленного капитала центра страны, от имени которых выступил известный свечной фабрикант И.К. Крестовников. Он обратился с претензиями в Министерство финансов, мотивируя их тем, что свободная торговля с иностранными предпринимателями подрывает позиции отечественного капитала в Сибири и наносит вред «русскому делу» (Востротин, 1905: 344).

В результате правительство решило принять меры по ограничению торговой деятельности иностранцев. В 1898 г. режим беспошлинной торговли был свернут (к льготному провозу разрешены только некоторые товары). Товарное сообщение с Европой по Северному морскому пути фактически прекратилось. Это было встречено неудовольствием среди енисейских предпринимателей. С.В. Востротин вместе со своими компаньонами понесли большие убытки. Они вынуждены были свернуть торговлю и распродать пароходы. В 1898 г. Востротин от имени енисейского купечества подал ходатайство министру финансов о продлении режима порто-франко. Его поддержали гласные Красноярской городской думы (Преображенский, 1962: 447).

Тем не менее, вплоть до 1905 г. политика власти в отношении порто-франко в устье сибирских рек не менялась, что не могло не сказаться на росте политической оппозиции местной буржуазии. Среди сибирского купечества все чаще раздавались голоса, прямо обвинявшие центральную власть в односторонности экономической политики, игнорировании экономических интересов регионов. Так С.В. Востротин через печать, не стесняясь, обвинял власть во всех бедах сибиряков: «Сибирь своею отсталостью и медленным развитием своей культурной и экономической жизни всецело обязана русской бюрократии. Всякая инициатива, всякая попытка <...> хотя бы сколько-нибудь поднять слишком медленный темп сибирской жизни губилась бюрократией» (Востротин, 1906: 3). Не случайно в годы Первой русской революции 1905–1907 гг. большая часть сибирской буржуазии оказалась в рядах партии кадетов, выдвигавшей в своей программе идею либерализации экономической политики в отношении регионов, в том числе и Сибири.

Однако гораздо более сильным фактором, повлиявшим на изменение позиции власти по вопросу о Северном морском пути, стали события Русско-японской войны. Они показали, что делать ставку только на Транссиб, не развивая альтернативные логистические направления, ошибочно, потому что из-за возросших потоков военного назначения возник транспортный кризис. Под давлением Министерства путей сообщения в мае 1905 г. правительство восстановило режим порто-франко в устьях сибирских рек, а также ассигновало 3 млн. руб. на приобретение речных судов для организации перевозок по Енисею (Шиловский, 2005: 76). В 1906 г. в Иркутске состоялось Особое совещание о путях сообщения в Сибири, на котором был выдвинут проект единой водной сибирской магистрали от Урала до Тихого океана с последующим соединением с речной сетью Европейской России. Однако это не удовлетворило местную буржуазию, которая настаивала на восстановлении регулярного торгового мореплавания из Сибири в Европу по Карскому морю.

В 1908 г. группа из 34 депутатов Государственной думы от Сибири и Дальнего Востока под руководством С.В. Востротина подала на рассмотрение Совета министров проект введения порто-франко в устьях Оби и Енисея. Против этого выступило Министерство торговли и промышленности, обосновав свою позицию следующими аргументами. Во-первых, Северный морской путь был мало исследованным и совершенно не оборудованным для торгового судоходства – его развитие потребовало бы огромных вложений, которыми казна не располагала. Во-вторых, все преимущества его эксплуатации достались бы иностранцам, поскольку они владели хорошими судами. В-третьих, объемы импортно-экспортных операций в целом не могли быть значительными. Низкая плотность населения имела следствием малую емкость сибирского рынка для импортируемых товаров, а экспорт сырья представлялся делом чрезвычайно сложным – его доставка из отдаленных районов в условиях бездорожья не могла окупиться. В итоге Совет министров пришел к выводу, что, несмотря на положительные стороны проекта, расходы делают его осуществление совершенно неприемлемым (ГАИО. Ф. 25. Оп. ОЦ. Д. 471. Л. 135–138).

В дальнейшем борьба по вопросу о порто-франко в устье сибирских рек продолжалась с переменным успехом. На стороне сибиряков оказалось такое могущественное ведомство, как Морское министерство, под эгидой которого был разработан проект освоения трассы Северного морского пути. В 1912 г. в Архангельске, на островах Вайгач, архипелаге Новая Земля были оборудованы телеграфные станции, изучались берега Енисея, велись систематические метеорологические наблюдения (Беляева, 2012: 7). Все это создавало условия для организации регулярных рейсов под русским флагом в устье Оби и Енисея.

В 1913 г. Отдел торгового мореплавания Министерства торговли и промышленности обратился к енисейскому губернатору И.И. Крафту с просьбой предоставить подробные сведения о видах и количестве грузов, которые можно было бы ввозить и вывозить из губернии морским путем. По распоряжению губернатора в Красноярске, Канске, Ачинске, Минусинске, Енисейске прошли совещания городских дум для обсуждения данного вопроса. В результате были составлены подробные списки товаров, рекомендованные к вывозу (лес, рожь, овес, ячмень, пшеница, лен, шерсть, кожи, мед и др.) и ввозу (изделия легкой и тяжелой отраслей промышленности, медикаменты, продукты питания, цемент, свинец, мебель, велосипеды, автомобили, ткани, сахар и др.). Гласные особо отметили, что наиболее актуальным был вопрос о сбыте сельскохозяйственной продукции, потому

что крестьяне, не имея возможности сбыть хлеб, не могли платить подати. Купцы, работая на кредитных основаниях, разорялись (ГАИО. Ф. 25. Оп. ОЦ. Д. 471. Л. 117–126).

В 1913 г. иркутский Биржевой комитет обратился к министру торговли и промышленности с ходатайством разрешения грузового сообщения по водному пути через устье Енисея и Карское море, установлении тарифных льгот для товаров, ввозимых по этому пути. Министерство торговли высказалось против таможенных льгот, но в порядке эксперимента согласилось субсидировать по одному рейсу в год в устья Енисея и Оби. Сибирские деловые круги такая ограниченная мера не устраивала: «Действие государственной субсидии сведется к тому, что одна или две фирмы, которые пошлют свои суда через Карское море в Сибирь, будут вознаграждены. Но открытие нового пути при таких исключительно тяжелых условиях, с какими сопряжено плавание в полярном море, требует энергии и инициативы не одной или двух мореходных фирм, а усилий весьма большого числа предпринимателей. Только тогда можно надеяться, что приложенная энергия, поощряемая соревнованием, изыщет все способы для разрешения поставленной задачи. В этом отношении, кроме установления в устье Енисея хотя бы частичного порто-франко, другого способа привлечения частной предприимчивости нет» (ГАИО. Ф. 25. Оп. ОЦ. Д. 471. Л. 3–4).

В конце 1913 г. при Министерстве финансов состоялось межведомственное совещание под председательством товарища министра П.Л. Барка, на котором было принято решение до 1 января 1914 г. объявить конкурс пароходных компаний на проведение рейсов через Карское море к устьям сибирских рек. Победителям обещали пособие в 120 тыс. руб. в год и беспроцентную ссуду в 500 тыс. руб. Конкурс выиграло общество Добровольного флота, однако в конце 1914 г. его суда поступили в распоряжение военного ведомства (Гессен, 2010: 214).

С началом Первой мировой войны западные сухопутные и морские границы оказались закрытыми. Правительство и коммерсанты искали возможности переориентировать прежние торговые потоки на другие направления. Так, читинское отделение экспортной палаты высказалось за открытие порто-франко во Владивостоке, снижение железнодорожных тарифов на перевозку иностранных товаров по стране. Харбинский биржевой комитет предлагал усилить вывоз российского сырья в Маньчжурию взамен потерянных немецких рынков сбыта, для этого также установить льготные экспортные тарифы из регионов России на Дальний Восток (Ш–в, 1914: 1).

В августе 1914 г. Совет съездов представителей торговли и промышленности предложил рассмотреть вопрос об установлении прямого русско-британского сообщения с помощью коммерческого флота. Предполагалось выработать комплекс мер по облегчению таможенных формальностей. В этом же году была создана Комиссия по текущим вопросам товарообмена с Англией, которую возглавил С.В. Востротин. В ее работе принимали участие представители британского посольства, шведских, норвежских, финских деловых кругов (Китанина, 2016: 222).

Видя, что правительство склоняется к положительному решению по вопросу введения порто-франко в устьях сибирских рек, а также в целях сбора материалов для детальной проработки текста планируемого закона осенью 1914 г. С.В. Востротин выехал в Иркутск. Здесь по его инициативе состоялся ряд совещаний с участием представителей местной власти и деловых кругов с обсуждением будущего законопроекта.

На заседаниях иркутского Биржевого комитета 23 и 29 ноября 1914 г. присутствовали его председатель А.В. Витте, купцы В.С. Иванов, И.Д. Камов, Я.Д. Фризер, В.И. Винтовкин, А.Д. Кириллов, В.Ф. Федосеев, В.И. Посохин, управляющий иркутским отделением Государственного банка Е.Х. Гадзяцкий, Сибирского банка – В.В. Жарников, а также чиновники канцелярии иркутского генерал-губернатора. Участники поддержали эту инициативу, однако выразили большие сомнения в том, что правительство ее одобрит. Во-первых, это противоречило официальному курсу протекционистской таможенной политики. Во-вторых, проект мог вызвать серьезную оппозицию со стороны деловых кругов европейской части страны, которые рассматривали Сибирь как рынок сбыта фабрично-заводских изделий, сырьевой регион.

19 декабря 1914 г. состоялось межведомственное совещание под председательством иркутского генерал-губернатора Л.М. Князева. Прибыли иркутский губернатор А.Н. Юган, в качестве представителя Енисейской губернии – С.В. Востротин, чиновники канцелярии генерал-губернатора, делегаты от иркутского Биржевого комитета, таможи, банков, купечества. Практически сразу же завязалась дискуссия по вопросу о том, кому сулил выгоды проект развития Северного морского пути? Самому богатому слою сибирских предпринимателей (владельцам золотых приисков, пароходов, винокуренных заводов, торговцам чаем, хлебом, мануфактурой, пушниной) или среднему и малому бизнесу, который количественно преобладал? Управляющий иркутским отделением Сибирского банка В.В. Жарников отметил, что чрезвычайно короткий навигационный период в устьях сибирских рек давал возможность прохода очень немногим судам и не каждый год: «При таких условиях этим путем могут воспользоваться только крупные предприниматели и даже синдикаты. Мелкие же и средние предприниматели при этом ничего не выиграют» (ГАИО. Ф. 25. Оп. ОЦ. Д. 471. Л. 38). С.В. Востротин парировал тем, что понижение пошлин все равно рано или поздно отразится на состоянии рынка, повлияв на снижение цен.

Несмотря на то, что большинство участников совещания выразили несогласие с С.В. Востротиним, проект все же решили поддержать, поскольку неудовлетворительное состояние

транспортной инфраструктуры Восточной Сибири было самым острым вопросом социально-экономического развития региона. При обсуждении списка предметов, подлежащих к беспошлинному провозу, за основу был взят перечень товаров, которые ввозились беспошлинно в Приамурское генерал-губернаторство до отмены режима порто-франко в 1909 г. (Кисловский, 2004: 243–258). Совецание единогласно поддержало беспошлинный ввоз машин и оборудования, в которых нуждалась зарождавшаяся сибирская промышленность (локомотивов, лесопилок, насосов, станков для обработки дерева и металлов, электродвигателей и др.). В список внесли также железные и стальные изделия, хотя они производились в России в достаточном количестве, и циркуляром Министерства внутренних дел было запрещено выписывать их из-за границы. Сибиряки предпочитали приобретать заграничные изделия из-за их высокого качества и низкой цены. Одобрены также беспошлинный ввоз чугуна, стали, меди, оборудования для фабрично-заводских предприятий и городских электрических станций, железной дороги и ряд потребительских товаров (ГАИО. Ф. 25. Оп. ОЦ. Д. 471. Л. 28–46).

Дискуссионным стал вопрос о степени участия государства в этом проекте. Одни считали, что его реализация была сопряжена с серьезными трудностями из-за крайне дорогой страховки, стоимости фрахта, отсутствия подробных карт, наблюдательных пунктов и радиотелеграфных станций вдоль берегов. Требовалось расчистить, расширить и углубить фарватер Енисея для прохода морских судов, оборудовать элеваторы, пристани и склады в Енисейске, возвести таможенные и жилые здания. По этой причине предлагали государству взять под полный контроль развитие Северного морского пути. Хотя все понимали, что оно не могло позволить себе такие затраты во время войны.

Другие выступали категорически против любого участия правительства в проекте, в том числе казенных субсидий для оборудования пути, поскольку это могло вызвать злоупотребления крупных монополистов европейской России: «Они могут внушить правительству мысль о желательности для оборудования этого пути дарования казенных субсидий и захватят таковые в свои руки. <...> Захватив в свои руки морское сообщение, этот кружок крупных предпринимателей набьет товарами всю Сибирь, нисколько не заботясь притом о вывозе. Когда же он наполнит Сибирь товарами, то можно ожидать, что через 3–4 года этот кружок вновь возбудит ходатайство о наложении пошлин на иностранные товары» (ГАИО. Ф. 25. Оп. ОЦ. Д. 471. Л. 54–56).

Материалы иркутских совещаний С.В. Востротин передал на рассмотрение в Министерство финансов для разработки текста законопроекта. В июле 1915 г. Совет министров санкционировал беспошлинный ввоз некоторых иностранных товаров через устье Енисея в военный период. В марте 1916 г. Государственная дума расширила этот список. Но окончательно закон о беспошлинной торговле через устья сибирских рек был утвержден уже после революционных событий в феврале 1917 года (Шиловский, 2005: 80).

Фактически правом беспошлинной торговли за годы войны воспользовалась только компания Й. Лида. Она организовала рейсы в устье Енисея в 1914–1916 гг. (Северные морские..., 1915: 3). Однако ее товарооборот был небольшим: «За 1914–1916 гг. ввоз составил 5931 т, в том числе строительные материалы – 2481, каменный уголь – 1088, машины – 81. Вывезено было 6230 т грузов, в том числе масла животного – 2481, лесоматериалов – 2130, льняного волокна – 1384» (Гессен, 2010: 216). К лету 1917 г. Лид намечал очередную экспедицию к Красноярску на норвежском судне с партией американских промышленных товаров. Корабль не смог пройти Карское море и был вынужден вернуться, разгрузив товары в Архангельске.

В дальнейшем Временное правительство взяло курс на либерализацию условий для деятельности иностранного капитала внутри страны, и в частности в Сибири. Однако в результате этого ввоз импортных товаров в Сибирь вырос в десятки раз, что свидетельствовало о том, что надежды сибирской буржуазии использовать иностранный капитал для промышленного развития края являлись иллюзорными.

5. Заключение

Таким образом, вопрос о порто-франко в устьях сибирских рек в годы Первой мировой войны стал ареной борьбы различных торгово-промышленных группировок и политических сил. В нем проецировались геополитические интересы государства, с одной стороны, с другой – экономические интересы буржуазии центра и сибирской периферии. Третьей силой, которая активно заявила о себе, стал англо-норвежский капитал в лице компании Й. Лида, за спиной которого выступали банки и фирмы, начавшие массированное наступление на сибирский рынок в военный период.

Сложное переплетение интересов субъектов этой борьбы создавало неустойчивую ситуацию в регионе. Нежелание ряда ведомств (Министерства финансов, Министерства торговли и промышленности), испытывавших сильное давление крупных финансово-промышленных групп центра страны, отказаться от упрочения своей монополии на сибирском рынке приводило к экономической стагнации региона. Сибирь служила для них источником сырья и рынком сбыта для товаров, не выдерживавших конкуренции даже на внутреннем рынке.

Сибирская буржуазия, связанная с местной перерабатывающей промышленностью, стремилась закрепить рынок за собой. Для этого ей были нужны передовые технологии и техника, которые она

надеялась получить из-за рубежа. Она стремилась стать самостоятельным игроком, независимым от «московского финансово-промышленного ига». Режим свободной торговли через устья сибирских рек, существенно удешевлявший импортную технику, мог предоставить ей такие возможности. Попытки сибиряков в этой конкуренции опереться на союз с иностранным капиталом через посредство Й. Лида кончились провалом, потому что он сделал ставку на столичную бюрократию и крупный бизнес, представители которого составили ядро правления новой компании, образованной в 1915 г.

Экономические противоречия центра и окраины усугублялись еще и политическими факторами, вызванными нежеланием центральной власти идти на реформы в области расширения местного самоуправления – введения земств в Сибири. Власть просто толкала сибирскую буржуазию на путь политического сепаратизма. С другой стороны, часть бюрократии, преимущественно связанная с военно-морскими ведомствами, выступала с позиций укрепления российского геополитического влияния в Арктике, поэтому рассматривала Северный морской путь как важную стратегическую магистраль, обеспечивавшую защиту северных границ государства и усиление оперативности на военно-морском театре.

Революционные события в России прервали как деятельность компании Й. Лида, так и проект развития Северного морского пути.

Литература

Агапов, 2018 – Агапов М.Г. В поисках «выхода из тупика»: транссибирские транспортные проекты конца XIX – начала XX вв. // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 3, pp. 771–783.

Белов, 1957 – Белов М.И. Северный морской путь. М.: Морской транспорт, 1957. 123 с.

Беляева, 2012 – Беляева Н.А. Порто-франко в устьях сибирских рек в конце XIX – начале XX столетия // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2012. № 1 (17). С. 5–9.

Визе, 1935 – Визе В.Ю. История исследования Советской Арктики. Карское и Баренцево моря. Архангельск: Севкрайгиз, 1935. 233 с.

Вилькицкий, 1912 – Вилькицкий А.И. Северный морской путь. СПб.: Типография Морского министерства, 1912. 40 с.

Востротин, 1911 – Востротин С.В. Непреодолимые заграждения Северного морского пути // *Сибирские вопросы*. 1911. № 42–44. С. 15–30.

Востротин, 1906 – Востротин С.В. Обь-Енисейский канал и внутренний водный сибирский транзитный путь // *Сибирские вопросы*. 1906. № 2. С. 3–48.

Востротин, 1905 – Востротин С.В. Северный морской торговый путь в Сибирь // *Сибирские вопросы*. 1905. № 1. С. 338–361.

ГАИО – Государственный архив Иркутской области. Ф. 25. Оп. ОЦ. Д. 471. Об улучшении товарообмена через Северный морской путь. 24 ноября 1914 г. – 13 марта 1915 г.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края. Ф. 161. Оп. 2. Д. 731. Дело о беспошлинном вывозе товаров Сибири за границу вновь открытым путем через Северо-Ледовитый океан, об оказании помощи экспедиции для расследования торгового пути по реке Оби, Енисею через Ледовитое море в Европу. 25 ноября 1875 г. – 6 июня 1878 г.

Гессен, 2010 – Гессен В.Ю. Норвежский предприниматель Йонас Лид – энтузиаст установления экономических связей с Россией // *Финансы и Бизнес*. 2010. № 1. С. 206–229.

Гончаров и др., 2018 – Гончаров А.Е., Карелин Н.М., Медников Д.М. «Что вывозить?..» Полемика сибирских купцов по вопросу экспорта по Северному морскому пути: 70-е–90-е гг. XIX в. // *Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность*. 2018. № 1. С. 12–16.

Игнатчик, 2005 – Игнатчик А.В. Отражение борьбы сибирского общества за порто-франко в устьях Оби и Енисея на страницах журнала «Сибирские вопросы» // *Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность*. 2005. № 2 (31). С. 30–33.

Кисловский, 2004 – Кисловский Ю.Г. История таможенного дела и таможенной политики России. М.: Русина-пресс, 2004. 592 с.

Китанина, 2016 – Китанина Т.М. Россия в Первой мировой войне 1914–1917 гг.: экономика и экономическая политика. СПб.: «Гуманитарная Академия», 2016. 352 с.

Лид, 2009 – Лид Й. Сибирь – странная ностальгия. Автобиография. М.: Весь Мир, 2009. 304 с.

Носова, 1994 – Носова Е.А. Северный морской путь в планах сибирского купечества (вторая половина XIX века) // *Хозяйственное освоение Сибири: Вопросы истории XIX – первой трети XX вв.* Томск: Томский государственный университет, 1994. С. 61–70.

Пинхенсон, 1962 – Пинхенсон Д.М. Проблема Северного морского пути в эпоху капитализма. Ленинград: Морской транспорт, 1962. 766 с.

Преображенский, 1962 – Преображенский А.А. Буржуазия Енисейской губернии о торговле по северному морскому пути в конце XIX – начале XX века // *Археографический ежегодник за 1961 год*. М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. С. 439–452.

Рыбин, 1924 – *Рыбин С.А.* Северный морской путь из Европы к устьям Оби и Енисея. Его экономическое значение для Сибири и степень использования в настоящее время. Новониколаевск: [б. и.], 1924. 89 с.

Северные морские..., 1915 – Северные морские рейсы // *Иркутская жизнь*. 1915. 2 июля. С. 3.

Селецкий, 1910 – *Селецкий Г.Г.* Морской путь к устьям рек Оби и Енисея. Одесса: Типография и литография М. Прищепова, 1910. 14 с.

«Старая» Россия..., 2014 – «Старая» Россия и «новая» Норвегия. Российско-норвежские отношения (1905–1917). Сб. документов / Сост. В.А. Корелин, Й.П. Нильсен. М.: Ленанд, 2014. 400 с.

Студитский, 1883 – *Студитский Ф.Д.* История открытия морского пути из Европы в сибирские реки и до Берингова пролива. СПб.: Типография Д.И. Шеметкина, 1883. 310 с.

Турбин, 1891 – *Турбин В.* Морской полярный путь в Сибирь и его значение для экономического и культурного развития края. СПб.: Типография Северного телеграфного агентства, 1891. 38 с.

Федорова, 2016 – *Федорова В.И.* Енисейская губерния: 1861–1917 гг.: экономика, общество, культура. Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т, 2016. 344 с.

Федорова, 2005 – *Федорова В.И.* К изучению экономической программы сибирской буржуазии (по материалам политической биографии С.В. Востротина) // Красноярский край – 70 лет исторического пути. Краеведческие чтения. Красноярск: [б.и.], 2005. С. 191–199.

Ш-в, 1914 – Ш-в М. К вопросу о новых торговых отношениях // *Сибирская жизнь*. 1914. № 242. 6 ноября. С. 1.

Шиловский, 2005 – *Шиловский М.В.* История введения порто-франко в устьях Оби и Енисея в последней четверти XIX – начале XX вв. // *Уральский исторический вестник*. № 12. Ямальский выпуск. Екатеринбург–Салехард: «Академкнига», 2005. С. 74–80.

Barr, 1975 – *Barr W.E.* Tsarist Attempt at Opening the Northern Sea Route: The Arctic Ocean Hydrographic Expedition, 1910–1915 // *Polarforschung*. 1975. № 1. pp. 51–64.

Krypton, 1956 – *Krypton C.* The Northern Sea Route: its place in Russian economic history before 1917. London: Methuen, 1956. 219 p.

Stone, 1994 – *Stone I.R.* Joseph Wiggins (1832–1905) // *Arctic*. 1994. Vol. 47. No 3. pp. 405–410.

References

Agapov, 2018 – *Agapov M.G.* (2018). In search of a «way out of the impasse»: TRANS – Siberian transport projects of the late XIX – early XX centuries. *Quaestio Rossica*. Vol. 6. No 3, pp. 771–783. [in Russian]

Belov, 1957 – *Belov M.I.* (1957). Severnyi morskoi put' [The Northern Sea Route]. М.: Morskoi transport. 123 p. [in Russian]

Belyaeva, 2012 – *Belyaeva N.A.* (2012). Porto-franko v ust'yakh sibirskikh rek v kontse XIX – nachale XX stoletiya [Porto Franco at the mouth of Siberian rivers in the late XIX – early XX century]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, No 1 (17), pp. 5–9. [in Russian]

Vize, 1935 – *Vize V.Yu.* (1935). Istoriya issledovaniya Sovetskoj Arktiki. Karskoe i Barentsevo moray [History of Soviet Arctic research. Kara and Barents seas]. Arkhangel'sk: Sevkraigiz. 233 p. [in Russian]

Vil'kitskii, 1912 – *Vil'kitskii A.I.* (1912). Severnyi morskoi put' [The Northern Sea Route]. SPb.: Tipografiya Morskogo ministerstva. 40 p. [in Russian]

Vostrotin, 1911 – *Vostrotin S.V.* (1911) Nepreodolimye zagrazhdeniya Severnogo morskogo puti [Irresistible obstacles of the Northern Sea Route]. *Sibirskie voprosy*, No 42–44, pp. 15–30. [in Russian]

Vostrotin, 1906 – *Vostrotin S.V.* (1906). Ob-Yenisei canal and Siberian inland waterway". *Sibirskie voprosy*, No 2, pp. 3–48. [in Russian].

Vostrotin, 1905 – *Vostrotin S.V.* (1905). Severnyi morskoi torgovyi put' v Sibir' [Northern Sea Trade Route to Siberia]. *Sibirskie voprosy*, No 1, pp. 338–361. [in Russian].

GAIO – Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti [State Archive of the Irkutsk Region]. F. 25. Op. OTs. D. 471. Ob uluchshenii tovaroobmena cherez Severnyi morskoi put' [On improving the exchange of goods through the Northern Sea Route]. 24 noyabrya 1914 g. – 13 marta 1915 g. [in Russian]

GAKK – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraja [State Archive of the Krasnoyarsk Territory]. F. 161. Op. 2. D. 731. Delo o besposhlinnom vyvoze tovarov Sibiri za granitsu vnov' otkrytym putem cherez Severo-Ledovityi okean, ob okazanii pomoshchi ekspeditsii dlya rassledovaniya torgovogo puti po reke Obi, Eniseyu cherez Ledovitoe more v Evropu [The case of duty-free export of goods from Siberia abroad by the newly opened route through the Arctic Ocean, on assisting an expedition to investigate the trade route along the Ob River, the Yenisei River through the Arctic Sea to Europe]. 25 noyabrya 1875 g. – 6 iyunya 1878 gg. [in Russian]

Gessen, 2010 – *Gessen V.Yu.* (2010). Norvezhskii predprinimatel' Ionas Lid – entuziast ustanovleniya ekonomicheskikh svyazei s Rossiei [Norwegian entrepreneur Jonas Lid – enthusiast of establishing economic ties with Russia]. *Finansy i Biznes*, No 1, pp. 206–229. [in Russian]

Goncharov i dr., 2018 – *Goncharov A.E., Karelin N.M., Mednikov D.M.* (2018). «Chto vyvozit'?...» Polemika sibirskikh kuptsov po voprosu eksporta po Severnomu morskomu puti: 70-e–90-e gg. XIX v. ["What to export? .."] The controversy of the Siberian merchants on the issue of export along the Northern

- Sea Route: the 70s – 90s XIX century]. *Omskii nauchnyi vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost*, No 1, pp. 12–16. [in Russian]
- Ignatchik, 2005** – *Ignatchik A.V.* (2005). Otrazhenie bor'by sibirskogo obshchestva za porto-franko v ust'yakh Obi i Eniseya na stranitsakh zhurnala «Sibirskie voprosy» [Description of the struggle of the Siberian society for the free port in the mouths of the Ob and Yenisei in the pages of the journal "Siberian Questions"]. *Omskii nauchnyi vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*, No 2 (31), pp. 30–33. [in Russian]
- Kislovskii, 2004** – *Kislovskii Yu.G.* (2004). Istoriya tamozhennogo dela i tamozhennoi politiki Rossii [The history of customs and customs policy of Russia]. M.: Rusina-press. 592 p. [in Russian]
- Kitanina, 2016** – *Kitanina T.M.* (2016). Rossiya v Pervoi mirovoi voine 1914–1917 gg.: ekonomika i ekonomicheskaya politika [Russia in the First World War of 1914–1917: economy and economic policy]. SPb.: «Gumanitarnaya Akademiya». 352 p. [in Russian]
- Lid, 2009** – *Lid I.* (2009). Sibir' – strannaya nostal'giya. Avtobiografiya [Siberia is a strange nostalgia. Autobiography]. M.: Ves' Mir. 304 p. [in Russian]
- Nosova, 1994** – *Nosova E.A.* (1994). Severnyi morskoi put' v planakh sibirskogo kupechestva (vtoraya polovina XIX veka) [Northern Sea Route in the plans of the Siberian merchants (second half of the XIX century)]. *Khozyaistvennoe osvoenie Sibiri: Voprosy istorii XIX – pervoi treti XX vv.* Tomsk: Tomskii gosudarstvennyi universitet. pp. 61–70. [in Russian]
- Pinkhenson, 1962** – *Pinkhenson D.M.* (1962). Problema Severnogo morskogo puti v epokhu kapitalizma [The problem of the Northern Sea Route in the era of capitalism]. Leningrad: Morskoi transport. 766 p. [in Russian]
- Preobrazhenskii, 1962** – *Preobrazhenskii A.A.* (1962). Burzhuaziya Eniseiskoi gubernii o torgovle po severnomu morskomu puti v kontse XIX – nachale XX veka [The bourgeoisie of the Yenisei province on trade along the northern sea route in the late XIX – early XX century]. *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1961 god.* M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. pp. 439–452. [in Russian]
- Rybin, 1924** – *Rybin S.A.* (1924). Severnyi morskoi put' iz Evropy k ust'yam Obi i Eniseya. Ego ekonomicheskoe znachenie dlya Sibiri i stepen' ispol'zovaniya v nastoyashchee vremya [The Northern Sea Route from Europe to the mouths of the Ob and Yenisei. Its economic significance for Siberia and the extent of its use at present]. Novonikolaevsk: [b. i.]. 89 p. [in Russian]
- Severnye morskie..., 1915** – Severnye morskie reisy [Northern sea voyages]. *Irkutskaya zhizn'*. 2 iyulya, P. 3. [in Russian]
- Seletskii, 1910** – *Seletskii G.G.* (1910). Morskoi put' k ust'yam rek Obi i Eniseya [Sea route to the mouths of the Ob and Yenisei rivers]. Odessa: Tipografiya i litografiya M. Prishchepova. 14 p. [in Russian]
- «Staraya» Rossiya..., 2014** – «Staraya» Rossiya i «novaya» Norvegiya. Rossiisko-norvezhskie otnosheniya (1905–1917) ["Old" Russia and "new" Norway. Russian-Norwegian relations (1905–1917)]. Sb. dokumentov / sost. V.A. Korelin, I.P. Nil'sen. M.: Lenand. 400 p. [in Russian]
- Studitskii, 1883** – *Studitskii F.D.* (1883). Istoriya otkrytiya morskogo puti iz Evropy v sibirskie reki i do Beringova proliva [The story of the discovery of the sea route from Europe to the Siberian rivers and to the Bering Strait]. SPb.: Tipografiya D.I. Shemetkina. 310 p. [in Russian]
- Turbin, 1891** – *Turbin V.* (1891). Morskoi polyarnyi put' v Sibir' i ego znachenie dlya ekonomicheskogo i kul'turnogo razvitiya kraia [Sea polar way to Siberia and its importance for the economic and cultural development of the region]. SPb.: Tipografiya Severnogo telegrafnogo agentstva. 38 p. [in Russian]
- Fedorova, 2016** – *Fedorova V.I.* (2016). Yenisei province: 1861–1917: economy, society, culture. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafeva. 344 p. [in Russian].
- Fedorova, 2005** – *Fedorova V.I.* (2005). To the study of the economic program of the Siberian bourgeoisie (based on the materials of the political biography of S. V. Vostrotin) // Krasnoyarsk region – 70 years of historical path. Local history readings. Krasnoyarsk. pp. 191–199. [in Russian].
- Sh–v, 1914** – *Sh–v M.* (1914) K voprosu o novykh torgovykh otnosheniyakh [On the issue of new trade relations]. *Sibirskaya zhizn'*, No 242, 6 noyabrya, p. 1. [in Russian]
- Shilovskii, 2005** – *Shilovskii M.V.* (2005). Istoriya vvedeniya porto-franko v ust'yakh Obi i Eniseya v poslednei chetverti XIX – nachale XX v. [The history of the introduction of free port in the mouths of the Ob and Yenisei in the last quarter of the XIX – early XX centuries]. *Ural'skii istoricheskii vestnik. Yamal'skii vypusk.* Ekaterinburg–Salekhard: «Akademkniga», No 12, pp. 74–80. [in Russian]
- Barr, 1975** – *Barr W.E.* (1975). Tsarist Attempt at Opening the Northern Sea Route: The Arctic Ocean Hydrographic Expedition, 1910–1915. *Polarforschung*, No 1, pp. 51–64.
- Krypton, 1956** – *Krypton C.* (1956). The Northern Sea Route: its place in Russian economic history before 1917. London: Methuen. 219 p.
- Stone, 1994** – *Stone I.R.* (1994). Joseph Wiggins (1832–1905). *Arctic*, Vol. 47, No 3, pp. 405–410.

Конфликт имперских и региональных интересов по вопросу о введении режима беспошлинной торговли в устьях сибирских рек в годы Первой мировой войны

Олеся Михайловна Долидович ^{a, *}, Вера Ивановна Федорова ^b, Анна Сергеевна Жулаева ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^b Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается конфликт имперских и региональных интересов по вопросу введения режима порто-франко в устьях сибирских рек. Исследование основано на архивных и опубликованных документах, материалах сибирской дореволюционной периодической печати. Утверждается, что имперская власть в целом исходила из задач интеграции сибирского региона в общероссийское экономическое пространство, доказательством чего служило строительство Транссиба, проекты по развитию транспортной сети, объединявшей сибирские реки. Однако их осуществление зачастую не учитывало интересы местной буржуазии, стремившейся выступать самостоятельным игроком на сибирском рынке. Установление режима беспошлинной торговли в устьях сибирских рек позволяло бы ей выходить на мировые рынки, минуя своих посредников из центральной России, и повысить рост своей конкурентоспособности. Но правительство долгое время в этом вопросе занимало сторону крупных финансово-промышленных кругов центра страны. И только под влиянием событий Первой мировой войны часть царской бюрократии пришла к пониманию развития судоходства по Северному морскому пути как одному из необходимых условий национальной безопасности. Однако инициативу в этом вопросе уже перехватили иностранцы в лице Й. Лида, за спиной которого стоял норвежский, английский и американский капитал, рассматривавший Сибирь как площадку для своего укрепления в Центральной и Восточной Азии.

Ключевые слова: имперские интересы, региональные интересы сибирских предпринимателей, порто-франко, протекционизм, Северный морской путь, экономическая политика имперской власти в Сибири.

* Корреспондирующий автор

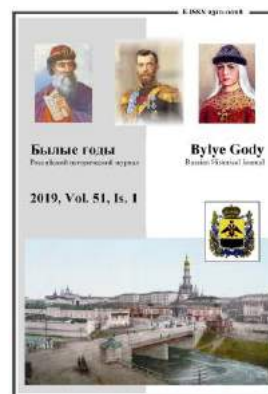
Адреса электронной почты: dolidovich@mail.ru (О.М. Долидович)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 51. Is. 1. pp. 406-412. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.1.406
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

From the History of the Dawn of Aviation: Biplanes of the early XX century

Vladimir B. Karataev ^{a, b, *}, Semen I. Adinyaev ^c, Svetlana F. Artemova ^d, Aleksandr N. Volkov ^e

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation

^d Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russian Federation

^e Sochi State University, Sochi, Russian Federation

Abstract

The article deals with the dawn of aviation in the early XX century before the First world war. The attention is paid to airplanes – type biplane, analyzed varieties of airplanes, especially their designs.

There were involved as materials the specialized literature on the history of the development of airplanes, as well as reference and scientific literature.

The study used a set of scientific methods: multi-factoriality and integration, chronology, typology, comparison, etc., which together provide the reliable results on the studied problem. For example, studying the experience of the development of world and national aeronautics, we paid attention to the features of their designs, which subsequently allowed the use of prototypes, both for civil and military purposes.

In conclusion, the authors state that the development of biplanes in the early XX century was transient. The developments were carried out simultaneously in Europe and in America. At the same time, there was an increased public interest to aeronautics, all this in general formed the necessary conditions for the creation and further development of modifications of airplanes. Already by the beginning of the First world war, the considerable potential was accumulated, which allowed in wartime to equip airplanes with weapons and effectively use a new type of troops on the battlefields.

Keywords: airplanes, biplanes, formation of aviation, early 20th century, tactical and technical characteristics.

1. Введение

В начале XX века в мире происходило активное развитие ряда отраслей воздухоплавания, таких как привязные и управляемые аэростаты, а также аэропланов (бипланы и монопланы). Эти отрасли воздухоплавания развивались как в гражданских, так и в военных целях, а благодаря повышенному интересу к ним общества, успехи, происходившие на этой ниве, были впечатляющими. В данной статье мы хотели бы уделить внимание аэропланам типа – биплан.

2. Материалы и методы

В качестве материалов была привлечена специализированная литература, посвященная истории развития аэропланов, а также справочная и научная литература.

В исследовании использована совокупность научных методов: многофакторности и интегрированности, хронологии, типологизации, сравнения и пр., которые в совокупности обеспечивают надежность результатов по изучаемой проблеме. Так, например, изучая опыт развития мирового и отечественного воздухоплавания, мы обращали внимание на особенности их

* Corresponding author

E-mail addresses: evr2010@rambler.ru (V.B. Karataev)

конструкций, которые в последующем позволяли использовать опытные образцы, как в гражданских, так и в военных целях.

3. Обсуждение

Как известно, вопросы применения аэропланов начали активно обсуждаться в самом начале XX в. Как правило, это были публикации, посвященные разным аспектам военного воздухоплавания, в которых находили свое отражение и аэропланы типа биплан. Среди таких работ можно отметить произведения офицеров русской армии, которые публиковались в центральном издании военного министерства Российской империи – журнале «Военный сборник» (Махров, 1914; Махров, 1914а; Грибоедов, 1900; К.В., 1912; Мильчевский, 1912; Шумков, 1912). Помимо этого в 1911 г. в Санкт-Петербурге вышла в свет работа под названием «Воздухоплавание» (Воздухоплавание, 1911). В начале 1910-х гг. разные модели аэростатов были вытеснены широким распространением более динамичного вида воздушной техники – аэропланом. Что касается современной историографии, то, как правильно отметили в своем исследовании А.И. Каширин и другие, данная тема нашла отражение в контексте юбилейных дат со дня рождения авиаконструкторов, а также юбилеев военно-воздушных сил (Kashirin et al., 2018: 550). Помимо этого было некоторое количество работ, посвященных непосредственно становлению воздухоплавания. Среди таких авторов можно назвать Д. Алексеева (Алексеев, 1993), В.А. Обухович, С.П. Кульбака (Дирижабли, 2000), а также разным вопросам применения аэропланов Ю.В. Кузьмин, В.Б. Каратаев и др. (Kuzmin, 2018; Karataev et al., 2017; Karataev et al., 2018). Конструкторским особенностям аэроплана Фермана уделил внимание Г.В. Галли (Галли, 2005).

4. Результаты

К началу XX века в мире существовало несколько различных систем аэропланов, а именно бипланы и монопланы (Рис. 1). Биплан в качестве отличия имел два крыла расположенных один над другим, в то время как моноплан имел только одну несущую поверхность – крыло.

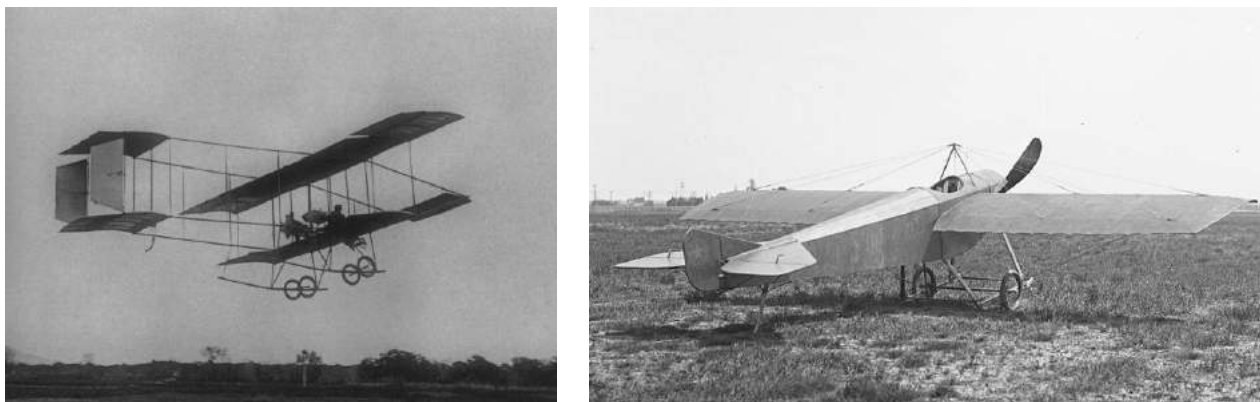

Рис. 1. Аэропланы: а – биплан; б – моноплан

К 1910-м гг. в мире имелись бипланы разных конструкций:

Биплан Райта (Рис. 2).

Американский аэроплан братьев Райт являлся прообразом всех летательных аппаратов. Крылья этого аэроплана имели прямоугольную форму, немного выгнутую сверху; их длина составляла 12,5 метров, а ширина – 2 метра. Каждое крыло состояло из остова, который был обтянут материей. Материя была прорезинена и покрывала остов с обеих сторон. Так как аппарат являлся бипланом, а одно крыло находилось под другим, то крылья соединялись целым рядом деревянных стоек. Длина стоек, а, следовательно, и расстояние между крыльями составляло 1,75 метра. Для большей твердости стойки соединялись между собой поперечными металлическими струнами. Биплан Райта особого корпуса не имел. Двигатель и сиденье для авиатора находились прямо на нижней поверхности крыла, там же имелось и сиденье для пассажира. Биплан имел бензиновый двигатель в 25 лошадиных сил, который при помощи цепи вращал два дулопастных винта. Винты изготавливались из дерева и имели длину в 2,5 метра. Скорость вращения винтов у биплана Райта составляла 400 оборотов в минуту (Воздухоплавание, 1911: 39).

Для управления аэропланом служили рули. Руль глубины для движения вверх или вниз и поворотный руль. Управление рулями достигалось при помощи рычагов, которые находились около кресла авиатора.

Важной проблемой в полете было достижение устойчивости аппарата. Устойчивость различалась на боковую и продольную. Для продольной устойчивости применялся руль глубины. Боковая устойчивость достигалась перекашиванием крыльев, то есть одновременным уклонением задних концов крыльев: с одной стороны вверх, а с другой стороны вниз.

Управление устойчивостью аэроплана производилось при помощи двух рычагов, которые находились по обеим сторонам сиденья авиатора. Левый рычаг служил для уклонения поверхностей руля глубины. Движением рукоятки рычага вперед передний край рулевых поверхностей получал уклон вниз, отчего и аэроплан опускался. Правый рычаг управлял поворотами аэроплана, то есть движением его в стороны и в тоже время перекашиванием крыльев, служащим для сохранения боковой устойчивости.

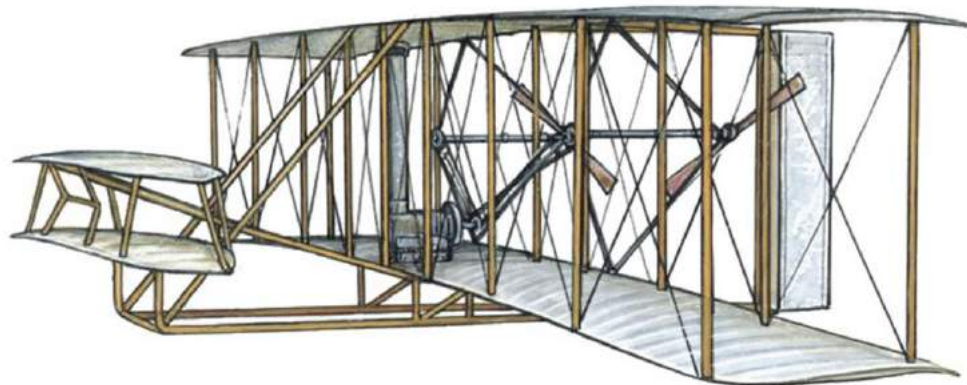

Рис. 2. Биплан братьев Райт

Приспособлений для взлета биплан Райта не имел. Обычно он поднимался с особых рельс. Для спуска на землю служили полозья, укрепленные внизу аэроплана. Обычно аэроплан не сразу останавливался при опускании на землю, а некоторое время скользил по взлетно-посадочной полосе.

Положительными качествами биплана Райта было то, что аппарат не имел особого корпуса и колес, которые бы служили аэроплану для разбега при подъеме, поэтому биплан конструкции Райта даже при слабом двигателе мог поднимать двух человек. В то же время аппарат имел способность долго держаться в воздухе и подниматься на значительную высоту. Скорость полета достигала 65 км/час.

В то же время биплан Райта имел очень крупные недостатки. Одним из главных недостатков являлось отсутствие прибора для осуществления продольной устойчивости. Значительное неудобство у биплана представляло отсутствие колес, что затрудняло взлет, так как для него всегда был необходим рельс, а спуск на землю сопровождался опасностью и поломками. Весьма несовершенным был и двигатель биплана. Помимо довольно большой тяжести он имел еще трудности с запуском. Неудачным было и устройство его винтов.

Тем не менее биплан братьев Райт довольно успешно модернизировался и часть недостатков накануне Первой мировой войны была устранена.

Биплан Фарман (Рис. 3)

Усилия по разработке бипланов предпринимали и французы. Среди конструкторов необходимо назвать братьев Ваузен и Делагранжа. В 1907 г. к ним присоединился автомобильный гонщик Генрих Фарман, который, заинтересовавшись воздухоплаванием, заказа у Ваузена аэроплан, который должен был пролететь не менее 1 км. На этом аэроплане Генрих Фарман в 1908 г. совершает полет по замкнутой линии в 1 км, за что получает приз в 50 тыс. франков. Через два месяца он совершает полет длительностью в 4 минуты. Вместе с Фарманом выступил и Делагранж. В том же 1908 г. Делагранж продержался в воздухе сперва 6,5 минут, а затем 15,5 минут, однако Фарман устанавливает рекорд по продолжительности полета в 20 минут (Галли, 2005: 34).

Важно отметить, что Генрих Фарман являлся не только авиатором, но и человеком, который внес ряд технических усовершенствований в конструкцию своего биплана. К началу Первой мировой войны в биплане Фармана несущие поверхности были не одинаковы; верхняя поверхность имела большие размеры, чем нижняя; расстояние между ними составляло 2 метра. Поверхности аппарата (так же как и у Райта) были обтянуты прорезиненной материей, но только остов у Фармана обтягивался только с одной (верхней) стороны (это новшество позволяло облегчить конструкцию аппарата). Длина аппарата составляла 10 метров. Аппарат оканчивался двумя или одной плоскостью, которая называлась хвостом устойчивости.

Рис. 3. Биплан Фарман

Двигателем служил мотор «Гном» в 50 л.с. Мотор приводил во вращение двухлопастной деревянный винт в 2,5 метра, находящийся позади нижней несущей поверхности ([Воздухоплавание, 1911: 40](#)).

Для управления аэропланом вверх и вниз служил руль глубины, находящийся в 2,5 метра впереди несущих поверхностей. Поворотный руль укреплялся в хвост. Для сообщения боковой устойчивости были устроены два небольших крыла, укрепленные в задней части верхней несущей поверхности. Они были устроены таким образом, что когда аэроплан находится на земле, то они висят, а при движении аэроплана вытягиваются.

Сиденье авиатора находилось впереди двигателя между крыльями, ноги его опирались в стальную перекладину. Сюда же подходил один рычаг, служащий для отклонения поворотного руля; этим рычагом авиатор действовал при помощи ноги. Другой рычаг, служащий для движения рулем глубины, а также для сохранения боковой устойчивости, находился справа от авиатора и передвигался рукой.

Для взлета и спуска на биплане Ферман были установлены две пары колес. Помимо этого устроено особое приспособление для предохранения аэроплана от сильных толчков при спуске ([Галли, 2005: 40](#)).

К Первой мировой войне аэропланы Фирмана пользовались популярностью и были весьма распространены. Эти аэропланы обладали достаточной устойчивостью, поднимали, кроме авиатора, еще двух пассажиров или запас бензина на 5 часов полета. Скорость биплана достигала 75 км/час. Другим плюсом биплана Фарман было то, что управление аппаратом было проще, чем у биплана Райта, так как у авиатора всегда одна рука оставалась свободной.

Биплан Ваузен ([Рис. 4](#))

Аппарат Деллагранжа сначала совсем не отличался от Фармана, однако после внесения Генрихом Фарманом усовершенствований своего аппарата, а также внесение изменений Деллагранжем в свою машину эти два типа французских бипланов стали друг от друга существенно отличаться. Так несущие поверхности Ваузена удалены друг от друга на 1,5 метра, в длину имеют 10 метров, а в ширину – 2 метра. Оба крыла немного вогнуты были снизу. Корпус аэроплана имел вид остова, обтянутого снаружи полотном; он выходил на 2 метра вперед; в задней части находился мотор, посередине имелось сиденье для авиатора. На расстоянии 4 метров от несущих поверхностей располагался хвост. Устройство поверхностей было аналогично устройству поверхностей биплана братьев Райт, то есть они состояли из легкого деревянного остова, обтянутого с обеих сторон прорезиненной материей. Для движения аппарата применялся 60–65 сильный мотор, приводящий в движение двухлопастной винт в 2,5 метра величиной. Важно отметить, что сперва винт делали металлическим, но позднее стали изготавливать из дерева из склеенных особым образом досок ([Воздухоплавание, 1911: 42](#)).

Руль глубины находился у верхней несущей поверхности впереди. Авиатор при помощи рычага или наклоняет этот руль вниз, тогда и аэроплан опускался вниз или наоборот поднимает вверх тогда и аппарат поднимался. Поворотный руль был укреплен сзади между боковыми поверхностями хвоста. Движение этого руля также производилось при помощи рычага.

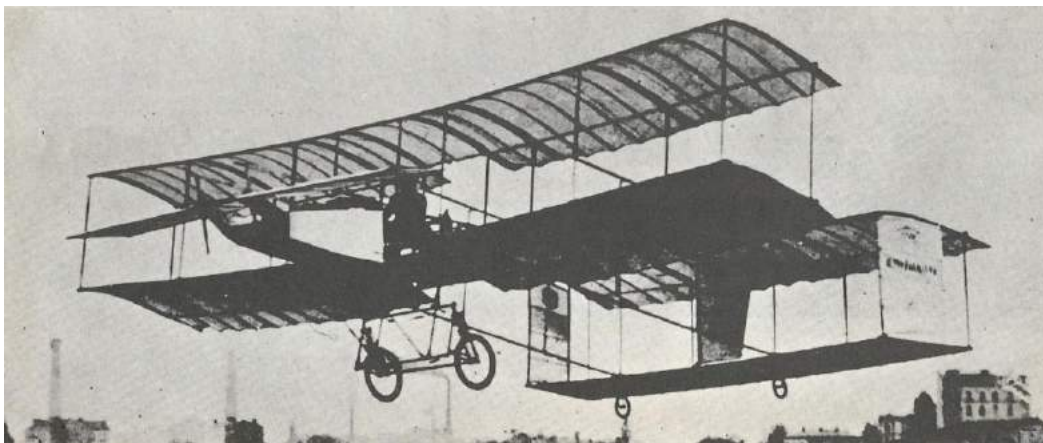

Рис. 4. Биплан Ваузен

Для сохранения устойчивости в воздухе служили поперечные перегородки между крыльями. Для взлета и спуска имелись 4 колеса, укрепленные попарно под корпусом аэроплана. Эти колеса дают возможность делать разбег по земле перед поднятием; на них же аппарат и спускался. У колес были устроены особые приспособления, которые служили для предохранения аппарата от толчков при спуске на землю.

Бипланы системы Ваузен по своим качествам уступали бипланам Райта. Ваузены будучи более тяжелыми по весу, даже и при более сильном двигателе, поднимали только одного человека. При этом аэропланы Ваузен имели меньшую скорость, чем аэропланы Райта. Перегородки между крыльями, служащие для боковой устойчивости мешали аэроплану совершать крутые повороты. Единственное, что являлось достоинством этих аэропланов – это легкость обучения полетам, хорошая устойчивость и возможность удачного и безопасного спуска.

Бипланы французского образца, главным образом бипланы Фарман, вызвали много подражаний, как во Франции, так и в других странах. Во Франции были построены по образцу Ваузена, бипланы Мориса Фармана, брата Генриха Фармана, и Рожера Соммера. Эти аэропланы были очень удачны. Соммер на своем аэроплане, например, достиг возможности поднимать до 7 человек (*Воздухоплавание, 1911: 43*). После переделок Фармана и Соммера, братья Ваузен тоже несколько изменили свой аэроплан: они удалили перегородку между крыльями, заменив их небольшими крыльями, а также сделали другое хвостовое оперение.

Подражания бипланам французского типа, появились и в Германии, и в Англии, и в Российской империи.

5. Заключение

Подводя итоги важно отметить, что развитие бипланов в начале XX века происходило скоротечно. Разработки одновременно велись как в Европе, так и в Америке. При этом наблюдался повышенный интерес общества к воздухоплаванию, все это в целом создало необходимые условия для создания и дальнейшей разработки модификаций аэропланов. Уже к началу Первой мировой войны был накоплен значительный потенциал, который позволил в годы войны оснащать аэропланы оружием и эффективно применять новый вид войск на полях сражений.

6. Благодарности

Публикация подготовлена при поддержке Программы РУДН «5-100».

Литература

- Алексеев, 1993* – Алексеев Д. Конец эры воздушных гигантов // *Гражданская авиация*. 1993. № 7. С. 38–39.
- Арие, 1986* – Арие М.Я. Дирижабли. Киев: Наук. думка, 1986.
- Бойко, 1999* – Бойко Ю.С. Воздухоплавание в изобретениях. 1999. М.: Изд-во «Транспорт». 352 с.
- Воздухоплавание, 1911* – Воздухоплавание. Санкт-Петербург, 1911.
- Галли, 2005* – Галли Г.В. Биплан Фармана. Реконструктивное проектирование по российским первоисточникам, 1910–1918 гг. СПб., 2005.
- Грибоедов, 1900* – Грибоедов. Полевые воздухоплавательные отделения, их деятельность и организация // *Военный сборник*. 1900. № 8. С. 369–382.
- Дирижабли, 2000* – Дирижабли на войне. Сост. В.А. Обухович, С.П. Кульбака. Мн.: Харвест; М.: ООО «Издательство АСТ», 2000.
- К.В., 1912* – К.В. Четвертый род войск // *Военный сборник*. 1912. № 2. С. 65–72.

Коннова, Руднев, 2017 – Коннова Л.А., Руднев Е.А. Дирижабли – история развития и перспективы для спасательных работ в отдаленных и труднодоступных территориях страны // *Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества*. 2017. 4(37). С. 61–69.

Махров, 1914 – Махров П. Воздухоплавательные (летательные) аппараты, их свойства, военное назначение и организация // *Военный сборник*. 1914. № 11. С. 45–60.

Махров, 1914а – Махров П. Воздухоплавательные (летательные) аппараты, их свойства, военное назначение и организация // *Военный сборник*. 1914. № 12. С. 93–108.

Мильчевский, 1912 – Мильчевский. Фотография на войне // *Военный сборник*. 1912. № 2. С. 115–124.

Шумков, 1912 – Шумков Г. Психо-физическое состояние воздухоплавателей во время полета // *Военный сборник*. 1912. № 3. С. 67–78.

Kashirin et al., 2018 – Kashirin A.I., Semenov A.S., Strenalyuk V.V. A Historical Example of the Formation of Unique Technical Competencies in Military Affairs. The Establishment of Aeronautical Intelligence in the XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2018. 48(2): 549-557.

Karataev et al., 2017 – Karataev, V.B., Chursin, A.A., Semenov, A.S. The Russian aviation in the first world war: The features of artillery fire correction. // *Bylye Gody*. 2017. 43(1), pp. 301-308.

Karataev et al., 2018 – Karataev, V.B., Grosheva, P.Y., Shkvarya, L.V. From the history of the development of controlled aerostats (Airships) in the XIX – Early XX centuries. // *Bylye Gody*. 2018. 49(3), pp. 1159-1165.

Kuzmin, 2018 – Kuzmin, Y.V. The numerical history of airplane manufacturing in XX century. 31st Congress of the International Council of the Aeronautical Sciences, ICAS 2018.

References

Alekseev, 1993 – Alekseev D. (1993). Konets ery vozdushnykh gigantov [End of the era of air giants]. *Grazhdanskaya aviatsiya*. № 7. pp. 38–39. [in Russian]

Arie, 1986 – Arie M.Ya. (1986). Dirizhabli [Airships]. Kiev: Nauk. dumka. [in Russian]

Boiko, 1999 – Boiko Yu.S. (1999). Vozdukhoplavanie v izobreteniyakh [Aeronautics in inventions]. M.: Izd-vo «Transport». 352 p. [in Russian]

Dirizhabli, 2000 – Dirizhabli na voine [Dirigibles in the War]. Sost. V.A. Obukhovich, S.P. Kul'baka. Mn.: Kharvest; M.: OOO «Izdatel'stvo ACT», 2000. [in Russian]

Galli, 2005 – Galli G.V. (2005). Biplan Farmana. Rekonstruktivnoe proektirovanie po rossiiskim pervoistochnikam, 1910-1918 gg. [Farman's Biplane. Re-engineering according to russian sources, 1910-1918.]. SPb. [in Russian]

Griboedov, 1900 – Griboedov (1900). Polevye vozdukhoplavatel'nye otdeleniya, ikh deyatel'nost' i organizatsiya [Field aeronautical offices, their activities and organization]. *Voennyi sbornik*. № 8. pp. 369–382. [in Russian]

K.V., 1912 – K.V. Chetvertyi rod voisk. *Voennyi sbornik*. 1912. № 2. pp. 65–72. [in Russian]

Karataev et al., 2017 – Karataev, V.B., Chursin, A.A., Semenov, A.S. (2017). The Russian aviation in the first world war: The features of artillery fire correction. *Bylye Gody*. 43(1), pp. 301-308.

Karataev et al., 2018 – Karataev, V.B., Grosheva, P.Y., Shkvarya, L.V. (2018). From the history of the development of controlled aerostats (Airships) in the XIX – Early XX centuries. *Bylye Gody*. 49(3), pp. 1159-1165.

Kashirin et al., 2018 – Kashirin A.I., Semenov A.S., Strenalyuk V.V. (2018). A Historical Example of the Formation of Unique Technical Competencies in Military Affairs. The Establishment of Aeronautical Intelligence in the XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 48(2): 549-557.

Konnova, Rudnev, 2017 – Konnova L.A., Rudnev E.A. (2017). Dirizhabli – istoriya razvitiya i perspektivy dlya spasatel'nykh rabot v otdalennykh i trudnodostupnykh territoriyakh strany [Airships – the history of development and prospects for rescue work in remote and hard-to-reach areas of the country]. *Psikhologo-pedagogicheskie problemy bezopasnosti cheloveka i obshchestva*. 4(37). pp. 61–69. [in Russian]

Kuzmin, 2018 – Kuzmin, Y.V. (2018). The numerical history of airplane manufacturing in XX century. 31st Congress of the International Council of the Aeronautical Sciences, ICAS 2018.

Makhrov, 1914 – Makhrov P. (1914). Vozdukhoplavatel'nye (letatel'nye) apparaty, ikh svoistva, voennoe naznachenie i organizatsiya [Aeronautical (flying) apparatuses, their properties, military purpose and organization]. *Voennyi sbornik*. № 11. pp. 45–60. [in Russian]

Makhrov, 1914a – Makhrov P. (1914). Vozdukhoplavatel'nye (letatel'nye) apparaty, ikh svoistva, voennoe naznachenie i organizatsiya [Aeronautical (flying) apparatuses, their properties, military purpose and organization]. *Voennyi sbornik*. № 12. pp. 93–108. [in Russian]

Mil'chevskii, 1912 – Mil'chevskii (1912). Fotografiiya na voine [Photo in the war]. *Voennyi sbornik*. № 2. pp. 115–124. [in Russian]

Shumkov, 1912 – Shumkov G. (1912). Psiko-fizicheskoe sostoyanie vozdukhoplavatelei vo vremya poleta [Psycho-physical state of aeronauts during the flight]. *Voennyi sbornik*. № 3. pp. 67–78. [in Russian]

Vozdukhoplavanie, 1911 – Vozdukhoplavanie [Aeronautics]. Sankt-Peterburg, 1911. [in Russian]

Из истории зарождения авиации: бипланы начала XX века

Владимир Борисович Каратаев ^{a, b, *}, Семен Ирсылевич Адиньяев ^c, Светлана Федоровна Артемова ^d, Александр Николаевич Волков ^e

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

^d Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Российская Федерация

^e Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается зарождение авиации в начале XX века до Первой мировой войны. Уделено внимание аэропланам – типа биплан, проанализированы разновидности аэропланов, особенности их конструкций.

В качестве материалов была привлечена специализированная литература, посвященная истории развития аэропланов, а также справочная и научная литература.

В исследовании использована совокупность научных методов: многофакторности и интегрированности, хронологии, типологизации, сравнения и пр., которые в совокупности обеспечивают надежность результатов по изучаемой проблеме. Так, например, изучая опыт развития мирового и отечественного воздухоплавания, мы обращали внимание на особенности их конструкций, которые в последующем позволяли использовать опытные образцы, как в гражданских, так и в военных целях.

В заключении авторы отмечают, что развитие бипланов в начале XX века происходило скоротечно. Разработки одновременно велись как в Европе, так и в Америке. При этом наблюдался повышенный интерес общества к воздухоплаванию, все это в целом создало необходимые условия для создания и дальнейшей разработки модификаций аэропланов. Уже к началу Первой мировой войны был накоплен значительный потенциал, который позволил в годы войны оснащать аэропланы оружием и эффективно применять новый вид войск на полях сражений.

Ключевые слова: аэропланы, бипланы, становление авиации, начало XX века, тактико-технические характеристики.

* Корреспондирующий автор

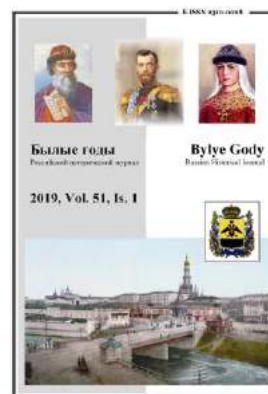
Адреса электронной почты: evr2010@rambler.ru (В.Б. Каратаев)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 51. Is. 1. pp. 413-422. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.1.413
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Last Rector of the Imperial St. Petersburg University: Erwin Davidovich Grimm

Viktor S. Brachev ^a, Matvey F. Polynov ^a, Valeriy A. Ratchkovskiy ^a, Mikhail V. Fedorov ^{a, *}

^a St. Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the study of administrative activity in 1911-1918 of the last rector of the Imperial St. Petersburg University Erwin Davidovich Grimm (1870–1940) – a prominent specialist in the history of Ancient Rome and the revolutions of 1779–1793 and 1848 in France. The authors focus on the development of difficult relations between the Council of professors and the administration of the "Autonomous" St. Petersburg University, headed by E.D. Grimm, and The Minister of public education, in the light of the efforts of the authorities, the failure of the student strike of 1911 to ensure proper order in higher education institutions of the Empire.

Particular urgency of the situation given that reflect the onslaught of the power of E.D. Grimm had in terms of the destructive activities of the social democrats and the socialist-revolutionaries at the University who used every opportunity to organize anti-government gatherings, demonstrations and filibuster the "reactionary" professors.

Unlike L.A. Kasso, the new Minister of P.I. Ignatiev was known as (and partly, probably, was) a liberal. He was impressed by the compromise approach to the Affairs of the rector of the University. As a result, he attracted E. D. Grimm and the moderately liberal part of the faculty behind him to cooperate in the development of a new University Charter. Former liberal opposition of the Board of professors of the University with the Ministry of education is gone. Against this background, the success of E. D. Grimm in pacifying the revolutionary part of the students looks more modest. But here, I must give him credit, he had them. With all possible nuances, the merits of E. D. Grimm, as the rector of St. Petersburg University, confidently conducted his Alma Mater through the storms and thunderstorms of the pre-revolutionary years, it is difficult to overestimate.

Keywords: St. Petersburg University, Erwin Davidovich Grimm, the history of Rome, L. Casso, student unrest.

1. Введение

2019 год – крупная веха в истории Российской высшей школы: 8 февраля этого года исполняется 200 лет со дня учреждения Императорского Санкт-Петербургского университета. Важная роль, которую всегда играли в университетах дореволюционной России их ректоры, не подлежит сомнению. Особого внимания в этой связи заслуживают резко возросшие возможности их влияния на университетскую жизнь после введения Именным высочайшим указом Правительствующему сенату от 27 августа 1905 года т.н. «Временных правил об управлении высшими учебными заведениями ведомства Министерства народного просвещения...», что «по факту» означало пусть ограниченную, но все же автономию российских университетов.

Как и насколько успешно справлялись выборные ректоры Санкт-Петербургского университета (И.И. Боргман, Д.Д. Гримм, Э.Д. Гримм) со своими нелегкими обязанностями в таких условиях – вопрос, в научном плане далеко не праздный. Особый интерес среди них вызывает фигура последнего

* Corresponding author

E-mail addresses: m.fedorov@spbu.ru (M.V. Fedorov), v.brachev@spbu.ru (V.S. Brachev), m.polynov@spbu.ru (M.F. Polynov), v.rachovskii@spbu.ru (V.A. Ratchovskij)

– Э.Д. Гримма. Цель авторов статьи в том, чтобы, мобилизовав источники и литературу вопроса, отдать наконец должное Э.Д. Гримму как талантливому администратору, немало сделавшему в должности ректора во благо Санкт-Петербургского университета.

2. Материалы и методы

Основной источник, использованный авторами при подготовке статьи – протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета начала XX века, дневники и воспоминания современников, газетные и журнальные публикации, материалы Центрального государственного архива Санкт-Петербурга и рукописного отдела Российской национальной библиотеки. Это позволило поставить и решить ряд важных вопросов, связанных с усилиями Э.Д. Гримма, направленными на обеспечение учебно-научной деятельности «автономного» университета в условиях противостояния его профессуры с Министерством народного просвещения, с одной стороны, и иницилируемых левыми партиями студенческих беспорядков – с другой. Много дало для раскрытия темы и обращение авторов к современным работам как специального (О.М. Беляева), так и общего (Е.А. Ростовцев) характера.

В методологическом плане авторы руководствовались принципами системности и историзма, конкретное применение которых заключалось в раскрытии предмета исследования с учетом совокупности условий, влиявших на его формирование и состояние в их взаимной обусловленности и диалектике. Применение структурно-функционального и сравнительно исторического методов позволило выявить личный вклад Э.Д. Гримма в стабилизацию обстановки в университете, увязать его с практическим опытом, накопленным университетской профессурой в ее противостоянии с Министерством народного просвещения и сложных, неоднозначных отношениях с революционным студенчеством, раскрыть причины недооценки в современной историографии роли Э.Д. Гримма как крупного администратора и патриота университета.

3. Обсуждение

Трагические обстоятельства жизненного пути Э.Д. Гримма (будучи арестован в августе 1938 г. органами НКВД, он сошел с ума во время следствия) привели к тому, что научная и административная деятельность ученого так и не привлекла внимание советских историков. Что касается постсоветского времени, то основная заслуга возвращения Э.Д. Гримма в российское историографическое поле принадлежит О.М. Беляевой, защитившей в 2011 году кандидатскую диссертацию о нем и опубликовавшей по результатам своего исследования ряд статей (Беляева, 2009, 2011). Ценным вкладом в разработку научной биографии Э.Д. Гримма следует признать и монографию Е.А. Ростовцева «Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX вв.)» опубликованную в 2017 году (Ростовцев, 2017: 637-650, 665, 697) в той ее части, где речь идет об административной деятельности ученого. Однако общая оценка, которую он дает Э.Д. Гримму как ректору университета, изображая его беспринципным, поднаторевшим в интригах дельцом, умело подлаживающимся, в зависимости от обстановки, «под наших» и «под ваших» (Ростовцев, 2017: 515) глубоко несправедлива и вызывает возражения. Истоки ее в субъективно окрашенных суждениях об Э.Д. Гримме («хитрый бес») ряда его современников (Пуришкевич, 1914: 229). Авторы данной статьи надеются, что предпринятое ими специальное исследование на эту тему позволит, наконец, разъяснить дело.

4. Результаты

Родился Э.Д. Гримм 27 декабря 1870 г. в Санкт-Петербурге в семье профессора архитектуры Императорской Академии художеств Давида Ивановича Гримма и его жены – Эмилии Федоровны, урожденной Мейковой. Кроме Эрвина в семье было еще три сына: Давид, Герман, Максимилиан и дочь Гедвига. После окончания в 1891 г. историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета Э.Д. Гримм был оставлен для подготовки к профессорскому званию. С сентября 1894 г. – приват-доцент Санкт-Петербургского университета по кафедре всеобщей истории. В январе 1896 г. был переведен в Казанский университет и в родные стены вернулся только в 1899 г.

Магистерская и докторская диссертации Э.Д. Гримма посвящены истории развития института императорской власти в Древнем Риме: магистерская (защита 29 мая 1900 г.) – «Римская императорская власть от Августа до Нерона», докторская (защита 31 марта 1902 г.) – «Римская императорская власть от Гальбы до Марка Аврелия». С 1 января 1903 г. Э.Д. Гримм уже экстраординарный профессор по кафедре всеобщей истории. Его научные интересы теперь были сосредоточены на истории Франции XVIII – первой половины XIX веков: «Мирабо. Очерк из истории Великой Французской революции» (Гримм, 1908), «Политические воззрения Ипполита Тэна» (Гримм, 1910). Работам Э.Д. Гримма (1908–1910 гг.) по новой истории Франции, в которых с такой яркостью нашли свое отражение его умеренно-либеральные взгляды, суждено было стать последними серьезными научными публикациями ученого. И дело тут совсем не в творческом кризисе Э.Д. Гримма. Революционные события 1905 г. и пробудившаяся у него на этой волне так называемая «общественная жилка» – вот что предопределило крутой разворот научных интересов

Э.Д. Гримма от истории Древнего Рима к революционным событиям во Франции в 1879–1893 и 1848 гг. Решающее значение в этом плане имело его вступление в октябре 1905 г. в партию народной свободы или конституционных демократов (член ее Петербургского городского комитета), которая, собственно, и стала «рулить» в Санкт-Петербургском университете после получения 27 августа 1905 г. университетской автономии.

Разумность предпринятого им шага Э.Д. Гримм почувствовал, можно сказать, уже почти что сразу в связи с избранием его членом т.н. «Советской» комиссии, т.е. комиссии Совета профессоров университета, которая должна была помогать выборному ректору в подготовке и редактировании постановлений Совета. Проявил себя Э.Д. Гримм в этом качестве хорошо, т.к. быстро нашел общий язык не только с профессурой, но и революционным студенчеством. Это, собственно, и предопределило его последующее избрание 17 ноября 1908 г. на должность проректора по студенческим делам ([Протоколы заседаний, 1909: 278](#)), что было бы невозможно без поддержки кандидатуры Э.Д. Гримма кадетским большинством Совета.

Это было сложное для университета время. Только что закончилась студенческая забастовка 20 сентября – 12 октября 1908 г. в знак протеста против политики министра народного просвещения А.Н. Шварца. Основная вина министра, по мнению забастовщиков, заключалась в его усилиях, направленных на наведение порядка в высшей школе и ликвидацию органов студенческого самоуправления в лице главного зачинщика беспорядков в университетах и других высших учебных заведениях – советов студенческих старост.

Левая кадетская профессура сочувствовала забастовке, хотя в тактических целях и вынуждена была публично осудить ее ([Брачев, 2014](#)). Что касается Э.Д. Гримма, то в выступлении на Совете профессоров по случаю своего избрания он прямо заявил, что будет всецело следовать курсу предшественника Ф.А. Брауна ([Тихонов, 2016](#)): «отказ от репрессивной политики прежних лет» по отношению к революционному студенчеству и поддержка администрацией его «законных» протестов против действий министра, направленных на удушение органов студенческого представительства и отставание традиционного для кадетской профессуры положения, что борьба с разного рода эксцессами вроде студенческой забастовки есть дело не полиции, а исключительно университетской администрации и самих профессоров, которые своим нравственным авторитетом будут «направлять студентов на путь спокойной и интересной научной работы» ([Протоколы заседаний, 1909: 278-279](#)).

Все это должно было, казалось ему, стабилизировать обстановку в университете. Однако ничего этого не произошло и переломить ситуацию новому проректору так и не удалось. Вопреки надеждам Э.Д. Гримма и его кадетских единомышленников, «на поверку» оказалось: последнее, что интересовало радикально настроенную часть студенчества, это как раз и было нравственное руководство им со стороны либеральной профессуры и «спокойная, интересная научная работа».

Напряженными оставались во время проректорства Э.Д. Гримма и отношения администрации и Совета профессоров университета с Министерством народного просвещения. О постепенно нарастающих разногласиях Э.Д. Гримма с руководством ЦК кадетской партии по вопросу об отношении к студенческим беспорядкам речь у нас уже шла. В результате 17 декабря 1909 г. Э.Д. Гримм вынужден был подать заявление о своей отставке с должности проректора. Дальше – больше. 19 декабря состоялся неприятный разговор Э.Д. Гримма и ректора И.И. Боргмана с товарищем министра народного просвещения Г.К. Ульяновым. В ходе его товарищ министра от имени своего «шефа» обвинил их в непринятии должных мер и даже в прямом попустительстве к зачинщикам беспорядков в университете и как следствие – ненадлежащем исполнении ими своих прямых обязанностей. Крайне оскорбленный этим, И.И. Боргман тут же попросился в отставку. 18 января 1910 г. его просьба была удовлетворена. 1 марта 1910 г. новым ректором Санкт-Петербургского университета, явно в пику Министерству народного просвещения, был избран старший брат Э.Д. Гримма декан юридического факультета, видный деятель ЦК кадетской партии Давид Давидович Гримм ([Протоколы заседаний, 1911: 68](#)), и А.Н. Шварцу пришлось с этим смириться.

Что касается Э.Д. Гримма, то, несмотря на свое заявление об отставке, обязанности проректора ему пришлось исполнять до 17 мая 1910 г., когда на эту должность был избран историк церкви, кадет, профессор И.Д. Андреев. Но оставаться без должности Э.Д. Гримму долго не пришлось, и уже 11 декабря 1910 г. он был избран деканом историко-филологического факультета университета ([Протоколы заседаний, 1911: 68](#)).

Как показали дальнейшие события (прежде всего это, конечно же, студенческая забастовка 1911 г.), радикально-прогрессивный курс нового ректора ничего хорошего университету не принес, как, собственно, и следовало ожидать. Да и пробыл Д.Д. Гримм в ректорском кресле недолго и уже в августе 1911 г. в знак протеста против перевода профессора М.Я. Пергаменты из Санкт-Петербургского университета в Юрьевский, попросился в отставку. 12 сентября 1911 г. она была принята министром. А 26 октября на эту должность был избран его брат Э.Д. Гримм ([Протоколы заседаний, 1913: 159-160](#)). Можно, таким образом, констатировать, что неформальные связи со своими бывшими товарищами по кадетской партии Э.Д. Гримм сохранял и по-прежнему считался в их кругу своим, ибо в противном случае об избрании его ректором не могло быть и речи.

Несмотря на заверения самого Э.Д. Гримма, что «как ректор он никогда в университет никакой политики не вносил» (*Дневник Н.Н. Платоновой, 1915: Л. 45*) и «всегда полагал», что «должен быть представителем всего Совета, всех его оттенков и направлений» (*Протоколы заседаний, 1916: 98*), относиться к ним следует все-таки критически. Полагать Э.Д. Гримм мог, конечно, что угодно, но проводить в своей деятельности политику, которая бы не выражала интересы либерально-кадетского большинства в Совете профессоров, он никак не мог. В пользу правильности нашего предположения свидетельствует поразительная легкость, с которой Совет расстался 7 ноября 1911 г. с созданной им же «советской» комиссией, игравшей «по факту» роль своеобразного направляющего деятельности ректора органа кадетской партии (*Ростовцев, 2017: 639–640*), что опять-таки без доверительных отношений Э.Д. Гримма с ее руководством также было бы едва ли возможно. Неудивительно, что Э.Д. Гримм еще дважды (каждый раз на три года) переизбирался кадетским большинством Совета ректором Санкт-Петербургского университета (22 сентября 1914 и 16 октября 1917 гг.), пробыв на этом посту семь лет.

Наиболее трудными для него оказались первые годы ректорства, когда он вынужден был разруливать напряженную ситуацию, связанную с мерами Л.А. Кассо, направленными на резкое ослабление позиций кадетской партии в Совете профессоров университета. Пробным камнем в этом плане стала попытка министра перевести профессора М.Я. Пергамента в Юрьевский университет (*Протоколы заседаний, 1913: 141*), от чего тот отказался и был уволен, вызвав бурю возмущения со стороны его коллег. В декабре 1911 г. кафедра гражданского права М.Я. Пергамента была замещена назначенцем Министерства профессором В.А. Удинцевым из Университета Св. Владимира в Киеве (*Протоколы заседаний, 1914: 9*). Перемещенного же в Московский университет профессора финансового права И.Х. Озерова сменил в ноябре 1911 г. профессор П.П. Мигулин из Харьковского университета. Отношение к ним со стороны профессуры университета, в том числе и самого Э.Д. Гримма (*Ростовцев, 2017: 643*), было резко враждебным, не говоря уже о радикальной части студенчества, нещадно подвергавшей их лекции обструкциям.

Резкий протест со стороны Э.Д. Гримма вызвал демонстративный отказ Л.А. Кассо утвердить в своих должностях законно избранных юридическим факультетом и поддержанных Советом университета прогрессивных профессоров В.М. Гордона, М.И. Туган-Барановского и Ф.В. Тарановского, места которых тут же были заняты назначенцами из Новороссийского университета в Одессе В.М. Грибовским и С.П. Никоновым (*Протоколы заседаний, 1914: 119-120*).

Скандальным увольнением закончилась и попытка перевода в 1912 г. Министерством народного просвещения профессора римского права И.А. Покровского из Санкт-Петербургского университета в Харьковский. Этого вполне хватило, чтобы «левая» кадетская профессура – Д.Д. Гримм, А.А. Шахматов, М.А. Дьяконов, Ф.А. Браун и другие – тут же повели агитацию за коллективный уход в отставку в знак протеста против действий Л.А. Кассо. С большим трудом Э.Д. Гримму все же удалось погасить конфликт, грозивший университету в случае его разрастания непредсказуемыми последствиями.

Особый интерес в этой связи представляют отрывки из писем тогдашнего приятеля Э.Д. Гримма приват-доцента А.Е. Преснякова к жене за 1 и 8 сентября 1912 г. «По-видимому, дорогой Юлек, – читаем в первом из них, – мы в делах университетских сидим вроде как на пороховом погребке. Только что звонил Эрвин и сообщил, что его брат (Д.Д. Гримм – авт.) настаивает на уходе группы профессоров в отставку. Эрвин еще не знает, кто именно к этому склоняется, но больше всего обеспокоен, что, по-видимому, Шахматов – один из решительно настроенных в эту сторону. А Шахматов – такая нравственная сила, что его уход произведет впечатление крупной демонстрации <...>. Я понимаю настроение профессоров, которые хотят уходить, потому что их положение становится унизительным, но согласен с Гриммом и Платоновым, что такой уход загубит наш университет, разрушит преподавание и вдребезги развинтит студентов» (*Пресняков, 2004: 737*).

И далее, уже в письме за 8 сентября: «Поехали мы (т.е. А.Е. Пресняков и его приятель И.И. Гливенко – авт.) в «Вену» (ресторан – авт.). Поужинали, выпили 2 бутылки красного вина. Много болтали, довольно интересно. Я из «Вены» звонил к Эрвину, узнал, как у него дела. Оказывается, что он пришел к решению не допускать никакой демонстрации Совета, чтобы не навлекать на профессоров репрессий, а хочет весь конфликт с министерством взять на себя. Так что заседание Совета, который будет в субботу, 15-го, он скажет речь, где постарается высказать от себя все, что накопилось у профессоров, чтобы Совету ничего не оставалось, как согласиться с ним. А весь конфликт превратится в личное столкновение ректора с министром, потому что Совет ни с чем не выступит. <...> Большую игру ведет человек и душу свою на карту ставит» (*Пресняков, 2004: 742*).

Большой резонанс в университете вызвало увольнение в связи с попыткой перевода 2 августа 1913 г. в Харьковский университет бывшего ректора Санкт-Петербургского университета, члена ЦК партии конституционных демократов Д.Д. Гримма (*Протоколы заседаний, 1913: 153*). Последним аккордом в «операции кадровой санации юридического факультета» (*Ростовцев, 2017: 646*) стала отставка в октябре 1913 г. декана А.Х. Гольмстена и секретаря факультета А.А. Жижиленко. Распоряжением Л.А. Кассо деканом факультета стал назначенец профессор В.А. Удинцев, секретарем – Н.Н. Розин (*Протоколы заседаний, 1913: 176*).

Показателем остроты напряженности в отношениях Э.Д. Гримма и Совета профессоров с Министерством народного просвещения могут служить его попытки оспорить в судебном порядке ряд

циркуляров Л.А. Кассо в отношении Санкт-Петербургского университета ([Протоколы заседаний, 1913: 271-288](#)). До первого департамента Правительствующего сената дошло, впрочем, только представление Э.Д. Гримма от 21 мая 1912 г. о не закономерности циркуляра министра, запретившего приват-доцентам университета чтение общих курсов параллельных профессорским ([Протоколы заседаний, 1914: 89-103](#)).

Непросто складывались взаимоотношения Э.Д. Гримма и с революционно-демократическим студенчеством, хотя можно констатировать, что при всех прочих обстоятельствах его компромиссная политика в этом вопросе все-таки давала свои, пусть и скромные, плоды. Во всяком случае, до того размаха, который приобрела деструктивная деятельность в университетских стенах левых партий при предшественниках Э.Д. Гримма – И.И. Боргмане и Д.Д. Гримме – при нем дело не дошло. Тем не менее и в годы его ректорства представители социал-демократической и эсеровской партий чувствовали себя в университете как дома, с завидной регулярностью организовывая здесь антиправительственные сходки по любому мало-мальскому поводу: очередная годовщина со дня смерти Л.Н. Толстого, Ленского расстрела, сообщения газет об истязаниях заключенных в российских тюрьмах, очередной перевод министром народного просвещения столичного профессора в провинциальный университет, 100-летняя годовщина со дня рождения Т.Г. Шевченко, тюремное заключение профессора И.А. Бодуэна де Куртенэ и т.д. и т.п. ([Лейберов, 1968: 34-35](#)). Одним словом, все шло в ход с целью недопущения восстановления нормального течения учебного процесса в университете.

«Администрация университета, – справедливо пишет в этой связи Е.А. Ростовцев, – вроде бы и противодействует сходкам и докладывает о них и попечителю, и полиции, но при этом не называет ни одного имени, не раскрывается содержание революционных лозунгов, а студенты предупреждаются о приходе полиции» ([Ростовцев, 2017: 661](#)). Можно поэтому не сомневаться, что в глазах Л.А. Кассо и стоящего за ним правительства Э.Д. Гримм был далеко не тот человек, которого они бы хотели видеть во главе Императорского Петроградского университета. Так что ходившие по Петербургу слухи о скором переводе министром народного просвещения одного из наиболее активных вождей кадетской партии в университете декана историко-филологического факультета профессора Ф.А. Брауна в один из провинциальных университетов и предстоящей отставке с должности ректора самого Э.Д. Гримма ([Толстой, 2010: 464](#)) возникли, судя по всему, не на пустом месте. Другое дело, что осуществить задуманное у министра уже не хватило времени.

26 ноября (9 декабря) 1914 г. Л.А. Кассо умер. На его место 9 (22 января) 1915 г. в качестве управляющего Министерством народного просвещения, а затем, с 6 (19 мая) этого же года, уже и министром, был назначен граф П.Н. Игнатъев (1870–1945). В петербургском обществе граф слыл либералом. И хотя либерализм его был умеренным, для профессуры было важно, что жесткий курс своего предшественника новый министр не одобрял, давая понять о склонности к компромиссу по наиболее злободневным вопросам университетской жизни ([Ольденбург, 1917: 1-4](#)).

Не удивительно поэтому, что с новым министром Э.Д. Гримм быстро сумел найти общий язык, чем он и воспользовался, поставив перед ним в мае 1915 г. вопрос о возвращении в университет изгнанных из него ранее Л.А. Кассо кадетских профессоров Л.И. Петражицкого и своего брата Д.Д. Гримма. И, как это ни странно, получил от него согласие. Дали свое согласие на это и Л.И. Петражицкий с Д.Д. Гриммом. И только чрезмерные требования, выдвинутые Д.Д. Гриммом через пару дней, обусловившим свое согласие возвращением в университет М.Я. Пергамента и И.А. Покровского, помешали осуществлению этой комбинации ([Дневник Платоновой, 1915: л. 15 об.-16](#)). А сообщившие о назначении Д.Д. Гримма профессором Петроградского университета газетчики ([Назначение, 1915: 4](#)) явно поспешили.

Деятельное участие принял Э.Д. Гримм и в инициированной П.Н. Игнатъевым работе над уже третьей редакцией нового «либерального» университетского устава ([Новый университетский устав, 1915: 4](#)). Вторая редакция, подготовленная в свое время одним из его предшественников, «реакционером» А.Н. Шварцем, П.Н. Игнатъева не устраивала ([Совещание..., 1915: 4](#)). Обращает на себя внимание и то, что, когда работа над уставом была завершена, именно Э.Д. Гримм взял на себя задачу представления его широкой общественности. Речь идет о его статье «Организация университетского управления по проекту нового устава», напечатанной в апрельском и майском номерах литературно-политического журнала либерального толка «Русская мысль» за 1916 год. Здесь Э.Д. Гримм попытался раскрыть достоинства этого документа как твердо закрепляющего основные начала автономии университетской жизни.

Основная задача университетов после принятия нового устава должна была заключаться, по Э.Д. Гримму, в том, чтобы «сосредоточить все внимание именно на сообщении студентам основного научного образования с устранением профессионального момента, но и без перегрузки собственно ученым материалом... Я не могу не признать, что проект устава представляет огромный шаг вперед к лучшему будущему для наших университетов» ([Гримм, 1916: 67](#)).

Дрейф Э.Д. Гримма в сторону сближения с властью зашел в это время настолько далеко, что он готов был при случае и сам стать ее частью. «Эрвин забежал перед диспутом в университет, чтобы предупредить, что заедет сегодня вечером ко мне, – сообщил 16 мая 1915 г. А.Е. Пресняков в письме к жене, Ю.П. Пресняковой. – Успел только сообщить, что ему Платонов сказал, будто граф Игнатъев имеет на него, т.е. на Эрвина, виды. Эрвин этим взволнован, хотя давно готов к тому, что ему

предложат товарища министра. Об этом мы с ним даже говорили. И, конечно, пойдет, если предложат» (Пресняков, 2004: 769). И, действительно, в октябре 1915 г. Э.Д. Гримм был назначен на должность вице-директора департамента Министерства и членом Совета министра по университетским делам (Русские ведомости, 1915: 3). Что касается товарища министра, то должность эту Э.Д. Гримм получил только в июне 1916 г. (Беляева, 2009: 329). Таким образом, хотя и с опозданием, пророчество А.Е. Преснякова, действительно, сбылось.

Тем временем 24 декабря 1916 г. П.Н. Игнатъев был отправлен в отставку. Его преемником в качестве управляющего Министерством народного просвещения стал бывший попечитель Петроградского учебного округа Н.К. Кульчицкий (Отставка графа Игнатъева, 1917: 8-9). Для Э.Д. Гримма отставка близкого к нему по духу министра стала, как можно предположить, весьма неприятным сюрпризом. Для характеристики отношений Э.Д. Гримма и П.Н. Игнатъева заслуживает внимания его январское 1917 г. предложение на заседании правления университета кандидатуры бывшего министра в почетные члены университета, что было единодушно поддержано его коллегами (К отставке..., 1917: 7).

Февральскую революцию 1917 г. Э.Д. Гримм, как и подавляющее большинство университетской профессуры, безусловно, приветствовал. Конечно же, это была их революция, что и засвидетельствовало единогласно принятое 3 марта 1917 г., с подачи ректора, заявление Совета Санкт-Петербургского университета: «Довести до сведения Временного правительства, опирающегося на полную поддержку народа и армии, чьими героическими усилиями навсегда опрокинут старый порядок, что в этот ответственный момент, переживаемый Родиной, Совет считает своим долгом предоставить в полное распоряжение Временного правительства все свои силы, дабы способствовать прочному насаждению нового порядка» (Протокол, 1917: Л. 30-30 об.).

Наиболее щекотливым вопросом, который пришлось решать Э.Д. Гриму как ректору университета был вопрос о так называемых назначенцах Министерства народного просвещения царского времени. Решил он его довольно кардинально. Из одиннадцати таких профессоров переназначенными на свои должности остались только двое: Н.Н. Розин и Г.Ф. Церетели (Ростовцев, 2017: 728). Отношения Э.Д. Гримма со своими нечаянно оказавшимися у власти коллегами по партии кадетов к этому времени заметно улучшились. Свидетельство тому – избрание его в сентябре 1917 г. одним из трех членов Временного совета Российской республики от Академии наук и высших учебных заведений, хотя активного участия в его работе он не принимал (Руднева, 2006: 70).

Совсем другим было отношение к Э.Д. Гриму со стороны представителей левых партий, которые, конечно же, хорошо помнили о тесных контактах и сотрудничестве ректора Санкт-Петербургского университета с властными структурами только что свергнутого «царского самодержавия», и при случае они всегда были готовы нанести удар по нему. Свидетельство тому – сенсационная публикация 19 октября 1917 г. в «органе социалистической мысли» – газете «День» – разоблачительного письма на его имя, относящегося к 13 ноября 1914 г., от петербургского полицмейстера В.Ф. Галле с просьбой о содействии в деле освобождения от призыва на военную службу сотрудника «охранки» помощника вахтера В.В. Гольцова. Поскольку Гольцов действительно вскоре был освобожден от призыва в вооруженные силы и даже получил повышение по службе (переведен в вахтеры), автор этой, явно провокационной, заметки высказал предположение о «полном контакте» при «старом режиме» между ректором и полицмейстером в деле политического сыска в университете.

Стоит ли удивляться, вопрошал он, что на «сходки полиция являлась в университет раньше, чем студенты?» (Ректор Гримм..., 1917: 1). Являлся ли этот выпад «левой» газеты против Э.Д. Гримма случайностью или же речь может идти о публикации заказного характера, мы не знаем. Однако можно констатировать: его позиций в Петербургском университете, где он был переизбран на новый трехлетний срок 16 октября 1917 г., оно не поколебало. Очень уж нужным оказался Э.Д. Гримм в кресле ректора в это сложное для университета время. Устраивал он как опытный администратор кадетского толка и Временное правительство. Однако с приходом 25 октября 1917 г. к власти большевиков все поменялось.

26 ноября 1917 г. на своем экстренном заседании (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 1. Л. 111-113) Совет профессоров Санкт-Петербургского университета осудил октябрьский переворот, присоединившись к соответствующему воззванию Российской академии наук. 28 ноября 1917 г. уже в качестве «Воззвания ученых» Петрограда оно было опубликовано в социалистической газете «Грядущий день». «Великое бедствие постигло Россию, – читаем мы здесь. – Под гнетом насильников, захвативших власть, русский народ теряет сознание своей личности и своего достоинства. Он продает свою душу и ценою постыдного и непрочного сепаратного мира готов изменить союзникам и предать себя в руки врагов <...>. Россия не заслужила этого позора. Всенародная воля вручает ответственное решение ее судьбы Учредительному собранию. Оно должно охранить ее от внутреннего и внешнего насилия. Оно призвано обеспечить рост ее культуры и упрочить ее положение в среде просвещенных государств» (Воззвание ученых, 1917: 2).

Попытка бойкота, который хотели устроить университетские власти во главе с Э.Д. Гриммом распоряжениям Наркомпроса, успеха не имела. Единственным серьезным последствием ее стала задержка финансирования университета и как результат – прекращение выплаты жалованья

профессуре. Долго так, понятное дело, продолжаться не могло. Ошибочность избранной Советом университета линии поведения по отношению к новой власти, как и двусмысленность положения Э.Д. Гримма как ректора университета, была в этих условиях слишком очевидна. Можно понять поэтому, что, когда в ноябре 1917 г. под предлогом помощи застрявшей на юге России (Ростов-на-Дону) своей бывшей жене и дочерям он покинул Петроград, многие его коллеги решили, что это – навсегда.

На юге, кроме Ростова-на-Дону и Харькова, Э.Д. Гримм посетил Новочеркасск. Здесь его тепло встретил сам атаман Войска Донского А.М. Каледин. Никаких оснований для возвращения в большевистский Петроград у Э.Д. Гримма, казалось бы, быть не должно. Но, к удивлению многих, он уже в конце января 1918 г. вновь объявился в Петрограде и приступил к обязанностям ректора. Кстати, к этому же времени, 25 января 1918 г., относится и первый платеж, поступивший на счет университета от новой власти, позволившей, наконец, возобновить выплату регулярного жалования преподавательскому составу (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 18. Л. 41) Отношения с Наркомпросом стали постепенно налаживаться. Но как бывший кадет чувствовал себя Э.Д. Гримм при большевиках неуверенно, и уже в середине июня 1918 г., воспользовавшись командировкой в Москву, он опять отправляется на юг России и, застряв в августе 1918 г. в Киеве, читает здесь лекции в университете. Обязанности же ректора Петроградского университета исполнял астроном, профессор А.А. Иванов. Тем не менее 26 сентября 1918 г., несмотря на свое отсутствие в Петрограде, Э.Д. Гримм опять был переизбран ректором на новый срок. В тяжелой ситуации, в которой находился в это время Петроградский университет, менять поднагоревшего в университетских делах Э.Д. Гримма на кого-либо другого Совет профессоров не захотел. Но и власть можно понять. Терпеть в должности ректора человека, который, и это все понимали, скорее всего и не собирается возвращаться в Петроград, чтобы приступить к своим обязанностям, с ее стороны было бы странным. 13 октября 1918 г. в петроградской квартире Э.Д. Гримма был произведен обыск. Что искали здесь доблестные чекисты, мы не знаем. Но зато известно обвинение, выдвинутое против него, – сотрудничество с тайной полицией, или царской «охранкой». О публикации на эту тему в газете «День» в 1917 г. у нас уже шла речь. Ею, скорее всего, и воспользовались чекисты. В создавшейся ситуации Совету профессоров университета не оставалось ничего другого как объявить об отставке Э.Д. Гримма (Беляева, 2009: 231) и избрать 17 октября 1918 г. на эту должность уже известного нам профессора А.А. Иванова.

5. Заключение

Более 10 лет посвятил Э.Д. Гримм служению Санкт-Петербургскому университету, сначала в качестве его проректора по студенческим делам, а затем и ректора и, прямо надо сказать, служению истовому.

Наиболее трудным в административной карьере Э.Д. Гримма следует признать тот период его деятельности (октябрь 1911 – ноябрь 1914 гг.), когда во главе Министерства народного просвещения стоял Л.А. Кассо, развернувший после провала студенческой забастовки 1911 г. наступление на университетские права и свободы. Особую остроту ситуации придавало то, что отражать этот натиск власти Э.Д. Гримму приходилось в условиях периодической дестабилизации обстановки в университете со стороны, так сказать, «своих» – радикально настроенной части профессуры и революционного студенчества. Но он выстоял. Не удалась и попытка Л.А. Кассо изменить соотношение сил в Совете профессоров путем фактического изгнания из него ряда кадетских профессоров. И как результат, неожиданное назначение новым министром народного просвещения после скончавшегося «реакционера» Л.А. Кассо «либерала» графа П.Н. Игнатьева, вынужденного смягчить курс и пойти на сотрудничество с университетской профессурой. Крупная заслуга Э.Д. Гримма и стоявшей за ним профессорской корпорации в столь крутом развороте политики власти в университетском вопросе не подлежит сомнению.

Более скромными оказались успехи Э.Д. Гримма «по замирению» революционной части студенчества университета. Но и здесь они, несомненно, были. Во всяком случае, о беспорядках, которые происходили в университете во времена его предшественников И.И. Боргмана и Д.Д. Гримма, при ректоре Э.Д. Грине уже не могло быть и речи. Можно, таким образом, констатировать, что как ректор Э.Д. Гримм оказался, учитывая тяжелейшие условия, в которых ему приходилось действовать, более чем успешен, и имя его по справедливости должно быть отнесено к числу крупнейших университетских деятелей своего времени.

Литература

Пресняков, 2004 – Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. 1889–1927. Санкт-Петербург: «Дмитрий Буланин», 2004. 968 с.

Беляева, 2009 – Беляева О.М. Эрвин Давидович Гримм: судьба ученого на переломе эпох // *Исторические записки*. Выпуск 12 (130) / Отв. ред. академик Б.В. Ананьич. Москва: Наука, 2009. С. 308–352.

Беляева, 2011 – Беляева О.М. Э.Д. Гримм в Петербургском университете: путь к профессорскому званию // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. Выпуск 36. Москва: Институт всеобщей истории РАН, 2011. С. 198–220.

- [Брачев, 2014](#) – *Брачев В.С.* Студенческие беспорядки, профессорская корпорация и власть. Санкт-Петербургский университет в 1907–1911 гг. Санкт-Петербург: Астерион, 2014. 254 с.
- [Воззвание ученых, 1917](#) – *Грядущий день.* Социалистическая газета. 1917. 28 октября.
- [Гримм, 1908](#) – *Гримм Э.Д.* Мирабо. Очерк из истории Великой Французской революции. Санкт-Петербург: Издательство «Общественная польза», 1908. 110 с.
- [Гримм, 1910](#) – *Гримм Э.Д.* Политические воззрения Ипполита Тэна. Санкт-Петербург: Типография Б.М. Вольфа, 1910. 71 с.
- [Гримм, 1916](#) – *Гримм Э.Д.* Организация университетского преподавания по проекту нового устава // *Русская мысль.* Ежемесячный литературно-политический журнал. Петроград. 1916. № 5. С. 52-67.
- [Грядущий день, 1917](#) – *Грядущий день.* Социалистическая газета. 1917. 28 октября.
- [Дневник..., 1915](#) – *Дневник Н.Н. Платоновой.* Запись 7 марта 1915 г. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5694.
- [К отставке..., 1917](#) – *К отставке графа П.Н. Игнатъева* // *Школа и жизнь – одно неразрывное целое.* Газета общественно-политическая. Петроград. 1917. 18 января.
- [Лейберов, 1968](#) – *Лейберов И.П.* Революционное студенчество Петроградского университета накануне и в период Первой мировой войны (март 1914 – февраль 1917 гг.) // *Очерки по истории Ленинградского университета* / Отв. ред. Н.Г. Сладкевич. Ленинград: Издательство ЛГУ, 1968. Т. 2. С. 3-40.
- [Назначение члена..., 1915](#) – *Назначение члена Государственного совета проф. Д.Д. Гримма* профессором Петроградского университета // *Биржевые ведомости.* Утренний выпуск. 1915 г. 30 мая.
- [Новый университетский устав, 1915](#) – *Новый университетский устав* // *Биржевые ведомости.* 1915. 15 апреля.
- [Ольденбург Сергей, 1915](#) – *Ольденбург Сергей.* Граф Павел Николаевич Игнатъев – министр народного просвещения // *Школа и жизнь.* Газета общественно-политическая. 1917. 1 января.
- [К отставке графа..., 1917](#) – *К отставке графа П.Н. Игнатъева* // *Школа и жизнь – одно неразрывное целое.* Газета общественно-политическая. Петроград. 1917. 4 января.
- [Протоколы заседаний, 1909](#) – *Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1908 год.* № 64. Санкт-Петербург: Типография Б.М. Вольфа, 1909. 319 с.
- [Протоколы заседаний, 1910](#) – *Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1910 год.* Санкт-Петербург: Типография Б.М. Вольфа, 1911. № 66. 224 с.
- [Протоколы заседаний, 1911](#) – *Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1911 год.* № 67. Санкт-Петербург: Типография Б.М. Вольфа, 1913. 233 с.
- [Протоколы заседаний, 1912](#) – *Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1912 год.* № 68. Петроград: Типография Б.М. Вольфа, 1914. 183 с.
- [Протоколы заседаний, 1913](#) – *Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1913 год.* № 69. Петроград: Типография Б.М. Вольфа, 1915. 241с.
- [Протоколы заседаний, 1914](#) – *Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1914 год.* № 70. Петроград: Типография Б.М. Вольфа, 1916. 145 с.
- [Пуришкевич, 1914](#) – *Пуришкевич В.М.* Материалы по вопросу о разложении современного русского университета. Санкт-Петербург: Русский народный союз им. Михаила Архангела, 1914. 26 с.
- [Ректор Гримм..., 1917](#) – *Ректор Гримм, полицмейстер Галле и охранник Гольцов* // *День.* 1917. 19 октября.
- [Ростовцев, 2017](#) – *Ростовцев Е.А.* Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX вв.). Москва: РОССПЭН, 2017. 903 с.
- [Ростовцев, 2009](#) – *Ростовцев Е.А.* Испытание патриотизмом. Профессорская коллегия Петроградского университета в годы Первой мировой войны // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории.* Выпуск 29. Москва: URSS, 2009. С. 308-324.
- [Руднева, 277](#) – *Руднева Е.С.* Предпарламент: Октябрь 1917. Опыт исторической реконструкции. Москва: Наука, 2006. 277 с.
- [Русские ведомости, 1915](#) – *Русские ведомости.* 1915. 21 октября (3 ноября).
- [Совещание..., 1915](#) – *Совещание по университетскому уставу* // *Русские ведомости.* 1915. 10 (23 декабря).
- [Тихонов, 2016](#) – *Тихонов И.Л.* Ф.А. Браун: профессор, декан, проректор Санкт-Петербургского университета // *Клио. Журнал для ученых.* 2016. № 8. С. 72-83.
- [Толстой, 1997](#) – *Толстой И.И.* Дневник (1906–1917 гг.) / Публ. Л.И.Толстой. Санкт-Петербург: Европейский дом, 1997. 728 с.
- [Толстой, 2010](#) – *Толстой И.И.* Дневник. В 2 т. / Сост.Б.В. Ананьич. Т. 2. Санкт-Петербург: Лики России, 2010. 944 с.
- [ЦГА СПб](#) – Центральный государственный архив Санкт-Петербурга.

References

- [Presnyakov, 2004](#) – Aleksandr Evgen'evich Presnyakov (1914). Pis'ma i dnevniki. 1889-1927. [Alexander Evgenievich Presnyakov. Letters and diaries. 1889-1927]. Sankt-Peterburg Izd-vo «Dmitrii Bulanin». 968 p. [in Russian]

Belyaeva, 2009 – *Belyaeva O.M.* (2009). Ervin Davidovich Grimm: sud'ba uchenogo na perelome ehpor [Erwin Davidovich Grimm: The Fate of a Scientist at the Turn of ages]. *Istoricheskie zapiski*. Vypusk 12(130). Otv.red. akademik B.V.Anan'ich. Moskva: «Nauka». pp. 308-352. [in Russian]

Belyaeva, 2011 – *Belyaeva O.M.* (2011). E.D. Grimm v Peterburgskom universitete: put' k professorskomu zvaniyu [E.D. Grimm at St. Petersburg University: the path to a professorship]. *Dialog so vremenem. Al'manah intellektual'noj istorii*. Vypusk 36. Moskva: Institut vseobshchei istorii RAN. pp. 198-220. [in Russian]

Brachev, 2014 – *Brachov V.S.* (2014). Studencheskie besporyadki, professorskaya korporaciya i vlast'. Sankt-Peterburgskij universitet v 1907-1911 gg. [Student riots, professorial corporation and power. St. Petersburg University in 1907-1911]. Sankt-Peterburg: Asterion, 2014. 254 p. [in Russian]

Vozzvanie uchenyh, 1917 – Vozzvanie uchenyh [The appeal of scientists]. *Gryadushchij den'*. Socialisticheskaya gazeta. 1917. 28 oktyabrya. [in Russian]

Grimm, 1908 – *Grimm Eh.D.* (1908). Mirabo. Ocherk iz istorii Velikoj Francuzskoj revolyucii [Mirabeau. An essay from the history of the Great French Revolution]. Sankt-Peterburg: «Obshchestvennaya pol'za». 110 p. [in Russian]

Grimm, 1910 – *Grimm Eh.D.* (1910). Politicheskie vozzreniya Ippolita Tehna [Political views Hippolyta Tena]. Sankt-Peterburg: Tipografia. B.M.Vol'fa. 71 p. [in Russian]

Grimm, 1916 – *Grimm Eh.D.* (1916). Organizaciya universitetskogo prepodavaniya po proektu novogo ustava [Organization of university teaching on the draft new statute] *Russkaya mysl'*. Ezhemesyachnyj literaturno-politicheskij zhurnal. Petrograd Nr 5. pp. 52-57. [in Russian]

Dnevnik..., 1915 – Dnevnik N.N. Platonovoj (1985). Zapis' 7 marta 1915 g. [Diary of N.N. Platonova. Written on March 7, 1915]. Otdel rukopisej Rossijskoj nacional'noj biblioteki, F.585. Op.1. D. 5694. [in Russian]

K otstavke grafa..., 1917 – K otstavke grafa P.N.Ignat'eva [To the resignation of Count PN Ignatiev]. *Shkola i zhizn' – odno nerazryvnoe celoe*. Gaz.obshchestvenno-politicheskaya. Petrograd. 1917. 18 yanvarya. [in Russian]

Lejberov, 1968 – *Lejberov I.P.*(1968). Revolyucionnoe studenchestvo Petrogradskogo universiteta nakanune i v period Pervoj mirovoj vojny (mart 1914-fevral' 1917gg.) [Revolutionary students of Petrograd University on the eve of and during the First World War (March 1914-February 1917)]. *Ocherki po istorii Leningradskogo universita*. Ed. By N.G. Sladkevich. Leningrad: Izdatelstvo LGU. Vol. 2. pp. 3-40. [in Russian]

Naznachenie chlena..., 1915 – Naznachenie chlena Gosudarstvennogo soveta prof. D.D. Grima professorom Petrogradskogo universiteta [Appointment of a member of the state Council prof. D. D. Grimm Professor of the Petrograd University]. *Birzhevyje vedomosti*. Utrennij vypusk. 1915. 30 maya. [in Russian]

Novyj universitetskij ustav, 1915 – Novyj universitetskij ustav [New University Charter]. *Birzhevyje vedomosti*. 1915. 15 aprelya. [in Russian]

Ob uchrezhdenii, 1830 – Ob uchrezhdenii universiteta v Sankt Peterburge [On the establishment of the University in St. Petersburg]. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. T. 36 (1819g.), Sankt-Peterburg: Tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoi Ego imperatorskogo. 1059 p. [in Russian]

Ol'denburg Sergej, 1917 – *Ol'denburg Sergej.* (1917). Graf Pavel Nikolaevich Ignat'ev – ministr narodnogo prosveshcheniya [Count Pavel Ignatiev, Minister of national education]. *Shkola i zhizn'*. Gazeta obshchestvenno-politicheskaya. 1917. 1 yanvarya. [in Russian]

Otstavka grafa..., 1917 – Otstavka grafa P.N. Ignat'eva [Resignation of count P. N. Ignatiev]. *Shkola i zhizn' – odno nerazryvnoe celoe*. Gazeta obshchestvenno-politicheskaya. Petrograd. 1917. 4 yanvarya. [in Russian]

Protokoly zasedanij, 1909 – Protokoly zasedanij Soveta imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta za 1908 god. № 64 [Minutes of meetings of the Council of the Imperial St. Petersburg University in 1908. Nr 64]. Sankt-Peterburg: tipografiya B.M. Vol'fa. 319 p. [in Russian]

Protokoly zasedanij, 1910 – Protokoly zasedanij Soveta imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta za 1910 god. № 66 [Minutes of meetings of the Council of the Imperial St. Petersburg University in 1910. Nr 66]. Sankt-Peterburg: tipografiya B.M. Vol'fa. 224 p. [in Russian]

Protokoly zasedanij, 1911 – Protokoly zasedanij Soveta imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta za 1911 god. № 67 [Minutes of meetings of the Council of the Imperial St. Petersburg University in 1911 Nr 67]. Sankt-Peterburg: tipografiya B.M. Vol'fa. 233 p. [in Russian]

Protokoly zasedanij, 1915 – Protokoly zasedanij Soveta imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta za 1913 god. № 69 [Minutes of meetings of the Council of the Imperial St. Petersburg University in 1913. Nr 69]. Sankt-Peterburg: tipografiya B.M. Vol'fa. 241 p. [in Russian]

Protokoly zasedanij, 1916 – Protokoly zasedanij Soveta imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta za 1914 god. № 70 [Minutes of meetings of the Council of the Imperial St. Petersburg University in 1914. Nr 70]. Sankt-Peterburg: tipografiya B.M. Vol'fa. 145 p. [in Russian]

Protokoly zasedanij, 1914 – Protokoly zasedanij Soveta imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta za 1912 god. № 68 [The minutes of the meetings of the Council of the Imperial Saint-Petersburg University in 1912. Nr 68]. Sankt-Peterburg: tipografiya B.M. Vol'fa. 183 p. [in Russian]

Purishkevich, 1914 – *Purishkevich V.M.* (1914). Materialy po voprosu o razlozhenii sovremennogo russkogo universiteta [Material on the question of the expansion of the modern Russian University]. Sankt-Peterburg: Russkij narodnyj soyuz imeni Mihaila Arhangela. 26 p. [in Russian]

Rektor Grimm..., 1917 – Rektor Grimm, polimejster Galle i ohrannik Gol'cov [Rector Grimm, the chief of police in Galle and guard stones]. Den'. Organ socialisticheskoj mysli. 1917. 19 oktyabrya.

Rostovcev, 2017 – *Rostovtsev E. A.* (2017). Stolichnyj universitet Rossijsko jimperii: uchenoe soslovie, obshchestvo i vlast' (vtoraya polovina 19 – nachalo 20 v.) [Capital University of the Russian Empire: academic class, society and power (the second half of 19 – the beginning of 20 digits)]. Moskva: «ROSSPEHN». 903 p. [in Russian]

Rostovtsev, 2009 – *Rostovcev E.A.* (2009). Ispytanie patriotizmom. Professorskaya kollegiya Petrogradskogo universiteta v gody Pervoj mirovoj vojny [the test of patriotism. The professorial Board of the Petrograd University during the First world war]. *Dialog so vremenem. Al'manah intellektual'noj istorii.* Vyp. 29. pp. 308-324 [in Russian]

Rudneva, 2006 – *Rudneva E.S.* (2006). Predparlament: Oktyabr' 1917 goda [Opyt istoricheskoy rekonstrukcii]. Moskva: «Nauka». 277 p.

Russkie vedomosti, 1915 – Russkie vedomosti. 1915. 21 oktyabrya (3 noyabrya).

Soveshchanie po..., 1915 – Soveshchanie po universitetskomu ustavu [Meeting on the University Charter]. Russkie vedomosti. 1915. 10 (23 dekabrya).

Tihonov, 2016 – *Tihonov I.L.* (2016). F.A.Braun: professor, dekan, prorektor Sankt-Peterburgskogo universiteta [F. A. Braun: professor, dean, Vice-rector of St. Petersburg University]. *Klio. Zhurnal dlya uchenyh.* Nr. 8. pp. 72-83. [in Russian]

Tolstoj, 1997 – *Tolstoj I.I.* (1997). Dnevnik (1906-1917gg.). Sost. L.I. Tolstaj. [Diary (1906-1917)]. Sankt-Peterburg: «Evropejskii dom». 728 p.

Tolstoj, 2010 – *Tolstoj I.I.* (2010). Dnevnik. V 2 t. Sost. B.V. Anan'ich. [Diary]. Sankt-Peterburg: «Liki Rossii». Vol. 2. 944 p.

CGA SPb – Central'nyj Gosudarstvennyj Arhiv Sankt – Peterburga [Central State Archive of Sankt – Petersburg].

Последний ректор Императорского Санкт-Петербургского университета: Эрвин Давидович Гримм

Виктор Степанович Брачев ^a, Матвей Федорович Полюнов ^a,
Валерий Александрович Рачковский ^a, Михаил Владимирович Федоров ^{a,*}

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена изучению административной деятельности в 1911–1918 гг. последнего ректора Императорского Санкт-Петербургского университета Эрвина Давидовича Гримма (1870–1940) – видного специалиста по истории Древнего Рима и революций 1779–1793 и 1848 гг. во Франции. В центре внимания авторов – развитие непростых отношений между Советом профессоров и администрацией «автономного» Санкт-Петербургского университета во главе с Э.Д. Гриммом и министром народного просвещения Л.А. Кассо в свете усилий власти по обеспечению должного порядка в высших учебных заведениях империи.

Особую остроту ситуации придавало то, что отражать натиск власти Э.Д. Гримму приходилось в условиях деструктивной деятельности социал-демократов и социалистов-революционеров в университете, использовавших любую возможность для организации антиправительственных сходок, демонстраций и обструкций «реакционным» профессорам.

В отличие от Л.А. Кассо новый министр П.Н. Игнатьев слыл (а отчасти, видимо, и был им) либералом. Компромиссный подход к делам со стороны ректора университета ему импонировал. С этим связано привлечение им Э.Д. Гримма и стоящую за ним умеренно-либеральную часть профессуры к сотрудничеству в деле разработки нового университетского устава. Былое противостояние либерального Совета профессоров университета с Министерством народного просвещения ушло в прошлое. Более скромными выглядят на этом фоне успехи Э.Д. Гримма по замирению революционной части студенчества. Но и здесь, надо отдать ему должное, они у него были. При всех возможных нюансах заслуги Э.Д. Гримма как ректора Санкт-Петербургского университета, уверенно прошедшего свою Альма-матер сквозь бури и грозы предреволюционных лет, трудно переоценить.

Ключевые слова: Санкт-Петербургский университет, Эрвин Давидович Гримм, история Древнего Рима, Л.А. Кассо, студенческие беспорядки.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: m.fedorov@spbu.ru (М.В. Федоров), v.brachev@spbu.ru (В.С. Брачев), m.polynov@spbu.ru (М.Ф. Полюнов), v.rachovskij@spbu.ru (В.А. Рачковский)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 51. Is. 1. pp. 423-436. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.1.423
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Hurricane of 1914 and its Social Consequences in the South-East Azov Sea Region: Based on Periodicals and Archival Documents

Irina V. Pashchenko ^{a, *}, Elena Y. Chuklina ^a

^a Federal Research Centre the Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract

The article discusses the consequences of a hurricane in the Eastern Azov region on February 28, 1914. It became one of the most widespread and tragic natural disasters in the southern regions of the Russian Empire in the early twentieth century.

The storm in the Azov Sea began on February 28 and caused severe flooding. Hydrometeorological services recorded information about the approaching disaster. But it was not used to take the necessary measures. Coastal populations were not promptly notified of flooding.

As a result of the hurricane, almost the entire eastern coast of the Azov Sea was flooded with water. There were about 500 people killed in the Kuban Region and in the Province of the Don Cossack Host, and more than 1,000 people were injured. Losses amounted to more than 1 million rubles. To overcome the negative effects of flooding, Victims Assistance Committees were established. They were created at the local level from among the most respected public figures. First of all, the committees, as public agencies, collected funds, handed out money, clothes, products to the victims. Representatives of the authorities and members of the imperial family also provided funds for assistance. It was necessary to restore the dwellings and property of thousands of people, to resume the work of fishing factories, to re-sow crops. The work of the committees was widely reported in the periodical press of that time. At the same time, the local administration has often been criticized for inaction.

Materials for the article were documents from the funds of the State Archive of the Krasnodar Territory, as well as publications in the press of that time. The authors identify collisions in the assessment of events in official documents and the media.

Keywords: natural disaster, natural hazards, hurricane, surge of flooding, Kuban region, the Province of the Don Cossack Host, committees for assistance to flood victims.

1. Введение

В отечественной историографии немного места занимает изучение вопросов взаимодействия и взаимовлияния человека и природной стихии. При этом основное внимание, как правило, уделяется деструктивным для природы последствиям преобразовательной деятельности человека. Между тем, природа вовсе не является пассивным объектом и может в свою очередь оказывать разрушительное воздействие на различные стороны жизни и весь мир человека в целом. Э. Карантели и Р. Дайнес считают, что сами понятия «природной катастрофы» и «стихийного бедствия» обретают смысл только в социологическом контексте, с точки зрения воздействия природных процессов на жизнедеятельность людей (Quarantelli, Dynes, 1977). В данной связи представляют интерес социальные последствия опасных природных явлений в Приазовье.

Азовское море, несмотря на относительно небольшие размеры и глубины, нередко оказывается чрезвычайно опасным для человека (Матишов, Матишов, 2013 и др.). В основном опасные явления

* Corresponding author

E-mail addresses: pashchenkoirina@gmail.com (I.V. Pashchenko)

вызывают волнения (30 %), нагонные (46 %) и сгонные (21 %) колебания уровня моря, происходящие чаще всего осенью и весной при преобладающих восточных, северо-восточных, западных и юго-западных ветрах (Борисов, Капитонов, 1973). Наиболее часто подвергаются катастрофическим нагонам (в 48 % случаев) и сгонам (в 60 %) восточное побережье моря и Таганрогский залив. Амплитуда сгонно-нагонных колебаний уровня в этих районах Азовского моря нередко колеблется от 2 до 3,5 м. В Таганроге, где существенное влияние оказывает сток реки Дон, амплитуда сгонно-нагонных колебаний максимальна и достигает 6,87 м. В среднем, ежегодно насчитывается 24–34 дня со штормовым ветром скоростью 15 м/с и более (Черкесов и др., 2017: 3–4). Штормы и другие опасные природные явления на Азовском море часто сопровождаются многочисленными трагедиями – гибелью судов, разрушением прибрежной инфраструктуры и человеческими жертвами.

К наиболее опасным явлениям для Азовского моря можно отнести прохождение через его центральную часть глубоких «ныряющих» циклонов, имеющих правое вращение с запада или северо-запада. Почти ежегодно северо-западный ветер (называемый здесь «майстро») вызывает локальные шквалы, ставшие привычными для местных жителей и властей приморских населенных пунктов. Сильные штормы со скоростью ветра, превышающей 20–25 м/с, случаются крайне редко, обычно два – три раза в столетие (Решитько, 2014: 13–14). Такой ураган начался и в последний день зимы 1914 г. Целью настоящей статьи является определение характера и масштаба его социальных последствий в приазовских районах Кубанской области и Области Войска Донского, а также мероприятий власти и общественности по их ликвидации.

2. Материалы и методы

Природные катастрофы на Азовском море традиционно являются предметом изучения географов, прежде всего, советских, а после распада СССР – российских и украинских (Шнюков, Митин, Цемко, 1994; Доценко, Иванов, 2010; Экологический атлас Азовского моря, 2011 и др.). Встречаются в данных работах и упоминания о стихийном бедствии 1914 г., оставившем значительный след в памяти многих очевидцев, что обусловлено масштабом вызванных им разрушений и бедствий. Однако историки, за исключением краеведов (Решитько, 2014: 11–14 и др.), прежде практически не обращались к рассматриваемым событиям. Между тем, ураган 1914 г. и его последствия нашли широкое отражение в многочисленных публикациях в периодике того времени, а также в архивных документах, все еще остающихся невостребованными исследователями.

Данное исследование носит междисциплинарный характер, проводится на стыке истории и географии, что обусловило использование соответствующих подходов и источников. Основу статьи составили впервые вводимые в научный оборот документы из фондов первого и второго казачьих отделений Штаба Кавказского военного округа и Управления работ Ейского порта отдела торговых портов Министерства торговли и промышленности, хранящиеся в Государственном архиве Краснодарского края (ГАКК. Ф. 318; Ф. 792). Наряду с такими традиционными историческими источниками, как отчеты, доклады и другие делопроизводственные документы органов власти и управления, это данные гидрометеорологических наблюдений, позволяющие представить динамику погодных условий. В указанных фондах содержатся и фотографии с мест событий, позволяющие визуализировать масштабы произошедшей трагедии. Широко использовались при подготовке статьи также публикации в местной печати, не только содержащие разнообразные сведения об урагане и его последствиях, но и оценку общественностью действий властей по их ликвидации. В работе использовались общенаучные методы логического анализа, источниковедческий анализ документов, сравнительно-исторический и сравнительно-географический методы, позволившие сопоставить значение природной катастрофы 1914 г. в разных регионах страны, а также статистический метод работы с количественными данными.

3. Обсуждение и результаты

В феврале 1914 г. в Азовском море несколько дней подряд дули сильные южные ветры. В ночь на 28 февраля они сменились сильным северным ветром. В итоге вода поднялась на 4,3 м и залила все юго-восточное побережье Азовского моря от Ейска до Керченского пролива (Шнюков и др., 1994: 15).

Данные наблюдений Темрюкской гидрометеорологической станции позволяют представить динамику состояния погоды и моря накануне урагана в самом эпицентре разворачивающихся событий (см. Таблицу 1). Из приводимых данных видно, что в течение дня, предыдущего урагану, давление воздуха неизменно падало, уровень воды прибывал, а ветер нарастал, достигнув днем 14 м/с и несколько снизив силу к вечеру (до 12 м/с).

Таблица 1. Данные о состоянии погоды и моря 27 февраля 1914 г. по срочным наблюдениям Темрюкской гидрометеорологической станции (составлено на основе: ГАКК. Ф. 318. Оп. 6. Д. 624. Л. 86об.)

Показатели	Утро (7 ч)	День (13 ч)	Вечер (21 ч)	Примечания
Давление (мм)	761,9	760,3	757,4	
Температура воздуха (°С)	12,4	14	12,2	
Ветер (м/с)	7	14	12	В ночь с 26 на 27 сильный ветер
Уровень моря	+ 0,03	+0,04	+0,07	С 19 ч 20 мин дождь

Последующие изменения погоды можно проследить по материалам, характеризующим ситуацию в Темрюкском порту с 24 ч ночи 27 февраля до 10 ч утра 28 февраля (см. [Таблицу 2](#), [Рисунок 1](#)). Упавшее давление с 1 ч ночи быстро и непрерывно нарастало, а температура падала. После 10 ч утра повышение барометра продолжалось в среднем по 0,5 м/м в 1 час. Сила ветра возрастала в течение всей ночи, достигнув в 6 ч 35 мин скорости в 31 м/с, затем пошла на спад. Направление ветра изменилось с южного – юго-западного на западное – юго-западное, затем – западное, утром – на западное – северо-западное. В 7 ч 20 мин. вода поднялась до наивысшего уровня в 0,85 сажений, а к 1 ч дня упала 0,22 сажений.

Таблица 2. Динамика состояния погоды и моря в Темрюкском порту с 12 ч ночи до 10 ч утра 28 февраля 1914 г. по записям самопишущих приборов (на основе: ГАКК. Ф. 318. Оп. 6. Д. 624. Л. 97)

Часы	Давление		Температура		Ветер		Уровень моря	
	м/м	повышение (+)/ понижение (-)	°С	повышение (+)/ понижение (-)	направ- ление	скорость, м/с	сажени	повышение (+)/ понижение (-)
24-1	754,5	-0,7	13,3	-0,9	SSW	15	+0.03	-0.03
1-2	754,8	+0,3	11,2	-2,1	SSW	19	+0.04	+0.01
2-3	754,8	0,0	10,1	-1,1	SW	16	+0.14	+0.10
3-4	755,9	+1,1	6,8	-3,3	WSW	22	+0.29	+0.15
4-5	757,6	+1,7	5,3	-1,5	WSW	26	+0.45	+0.30
5-6	759,1	+1,5	3,8	-1,5	WSW	25	+0.60	+0.15
6-7	761,3	+2,3	3,5	-0,3	W	27	+0.75	+0.15
7-8	763,1	+1,8	3,5	0,0	WNW	22	+0.77	+0.02
8-9	764,9	+1,8	3,3	-0,2	WNW	20	+0.70	-0.07
9-10	766,1	+1,2	3,4	+0,1	WNW	16	+0.40	-0.30

Накануне урагана о нем уже имелась информация, но она так и не была использована для принятия каких-либо превентивных действий или оповещения населения. Газета «Приазовский край» 3 марта 1914 г. писала: «Пулковская обсерватория сообщала на Ахтарский маяк за несколько часов до бедствия о том, что 28 февраля в 4 часа утра начнется буря, но на маяке отнеслись к этому сообщению не серьезно и не предприняли никаких мер» ([Приазовский край, 3.03.1914, № 58: 3](#)). Между тем, существовал шанс если и не предотвратить саму трагедию, то хотя бы снизить масштабы ее последствий. В следующем номере корреспондент с сожалением констатировал: «Предупреди Ахтарский маяк, работающий на Ясенской косе, по телефону, и все, разумеется, спаслись бы» ([Приазовский край, 4.03.1914, № 59: 4](#)). Позже выяснилось, что и на гидрометеорологической станции, находившейся около станицы Приморско-Ахтарской, за несколько часов до катастрофы имелись данные о предстоявшем урагане, но она не побеспокоилась предупредить об этом кого бы то ни было ([Приазовский край, 9.03.1914, № 64: 7](#)).

Стихийное бедствие охватило почти весь Юг России, хотя его интенсивность и характер последствий в разных регионах различались (см. рис. 2). В приказе по Кавказским казачьим войскам № 69 от 1 апреля 1914 г. наказного атамана Кавказских казачьих войск и главнокомандующего войсками Кавказского военного округа, генерал-адъютанта, генерала от кавалерии графа И.И. Воронцова-Дашкова говорилось: «В ночь на 28 февраля над громадным пространством на севере от Кавказского хребта разразилась небывалой силы ураган, причинив населению ужасающие бедствия.

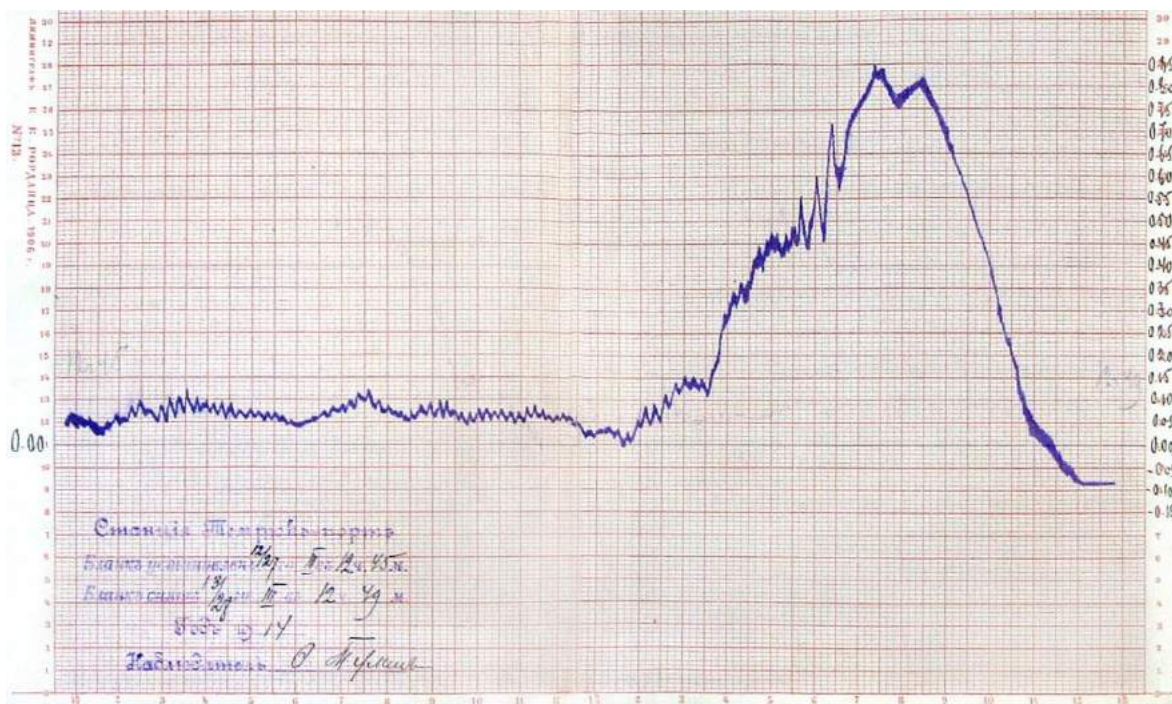

Рис. 1. График колебания уровня моря по срочным наблюдениям Темрюкской гидрометеорологической станции (ГАКК. Ф. 318. Оп. 6. Д. 624. Л. 88–89)

Наиболее пострадавшим оказалось все восточное побережье Азовского моря, на которое необыкновенным прибоем волны хлынула вода и затопила его на далекое пространство. Такому бедствию подверглось все прибрежное население городов, станиц, селений и рыболовных заводов Кубанской области» (ГАКК. Ф. 318. Оп. 6. Д. 624. Л. 45).

Характеристику последствий стихии для Юго-Восточного Приазовья содержал рапорт начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска генерал-лейтенанта М.П. Бабыча от 9 апреля 1914 г.: «В ночь на 28 февраля сего года небывалым прибоем волн, вызванным ураганом, была затоплена вся низменная восточная часть побережья Азовского моря от гор. Ейска до Керченского пролива. В городе Ейск с 4 часов утра 28 февраля подул сильный юго-западный ветер, к 6 часам утра перешедший в бурю, а к 8 часам утра в ураган, вследствие чего вода в порту вышла из берегов и затопила всю площадь земли возле берега, перешла полотно Ейской железной дороги до городских построек, а также захватила цементный завод Варварова и поселок рыбаков на косе...» (ГАКК. Ф. 318. Оп. 6. Д. 624. Л. 58).

Значительный ущерб был нанесен станице Приморско-Ахтарской и ее окрестностям. Общая оценка произошедшей здесь трагедии содержится в телеграмме правления Черноморско-кубанской железной дороги, присланной со станции Ахтари на имя генерал-лейтенанта М.П. Бабыча: «28 февраля в 4 часа утра над Ахтарями и в окрестностях пронесся страшный ураган, которым вода в Азовском море поднята более чем на 4 аршина против ординара. Водой затоплена Ачуевская коса, Ясенская, сорваны крыши, сильно пострадали береговые дома... вода начала спадать к 12 часам дня... Старожилы не помнят подобного подъема воды в Азовском море. 37 лет тому назад (1877 г.) было нечто подобное, но тогда воды было значительно меньше, чем сейчас» (Приазовский край, 3.03.1914, № 58: 3).

Ачуевская и Ясенская косы представляли собой узкие полосы из намытого ракушечника и песка, вдававшиеся в море на несколько километров. На Ачуевской косе находился поселок рыбаков в 380 дворов. На Ясенской косе – карьер подрядчиков Черноморско-кубанской железной дороги Неманова, Петкова и Коваленко. Сюда провели временную железнодорожную ветку для балластных поездов, построили временные зимние бараки для рабочих. Их насчитывалось до 300 человек, «в число которых не входили еще торговцы, приютившиеся около рабочего поселка» (Приазовский край, 05.03.1914, №60: 3). Согласно уточненным данным: «Всех рабочих... было 208 человек, из них 3 грека, 70 персов, несколько русских из хутора Бородинского, а остальные латыши. На месте ужасной катастрофы стояло десять бараков, в которых жили рабочие, и баня» (Приазовский край, 04.03.1914, №59: 4).

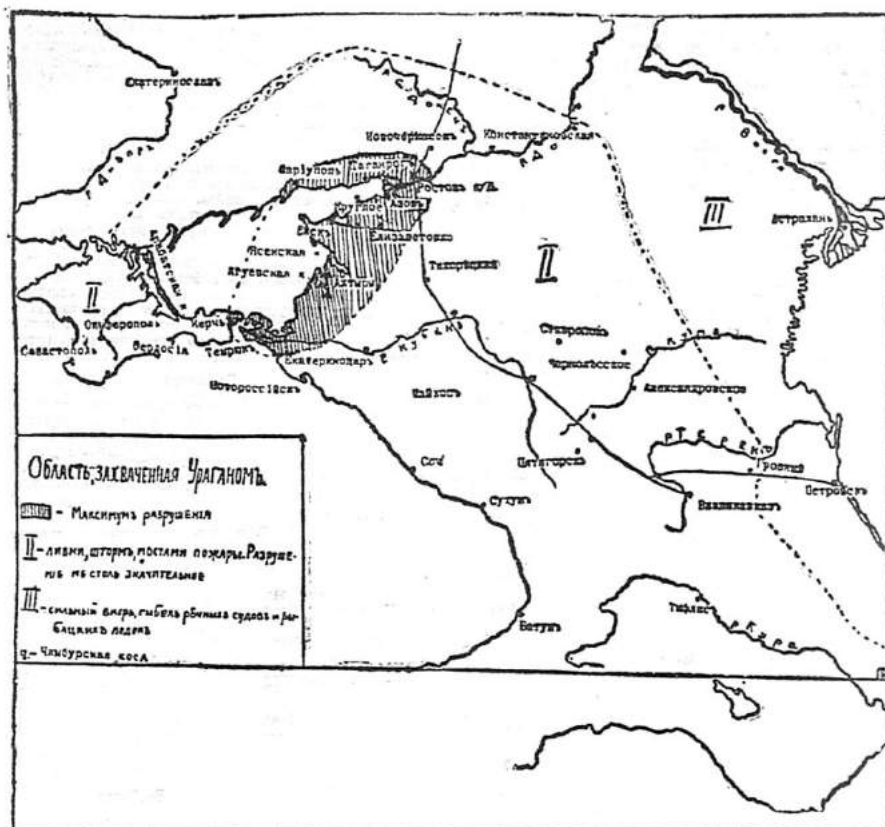

Рис. 2. Области, пострадавшие от урагана (Приазовский край, 09.03.1914, № 64: 5)

Как и все юго-восточное побережье Азовского моря, Ясенская и Ачуевская косы нередко и прежде подвергались ударам стихии. Вследствие сильных ветров вода при шторме поднимается здесь очень быстро, буквально за 5–10 минут. Самое страшное по своим последствиям предыдущее стихийное бедствие на Ясенской косе произошло в 1877 г., когда в море смыло 1,5 тысячи голов скота вместе с пастухами. В предшествующем рассматриваемым событиям 1913 г. произошли два наводнения, но оба обошлись без человеческих жертв, пострадала лишь железная дорога (Приазовский край, 04.03.1914, №59: 4).

Уже к 3 часам ночи 28 февраля вода поднялась на уровень с линией берега Ачуевской и Ясенской кос. Вскоре середина косы оказалась размыта, и рабочие вместе с балластным поездом были отрезаны от материка (Приазовский край, 03.03.1914, №58: 3). В документах сообщалось, что рабочие на карьере «не беспокоились, будучи уверенны, что вода скоро отойдет назад, как это бывало и раньше. Ветер сразу перешел в бурю, и вода стала быстро подниматься, вышла из берегов, залила всю Ясенскую косу и карьер» (ГАКК. Ф. 318. Оп. 6. Д. 624. Л. 580б.). В газетном репортаже приводится детальное описание последующих трагических событий: «По предложению десятников рабочие начали спасаться на крышах вагонов, на тендере и паровозе. Все 70 персов побежали в барак, который они занимали, с целью захватить спрятанные там деньги. Их тамада имел у себя 6 тыс. руб. Когда они пошли в барак... напор воды достиг наивысшей силы, барак затрещал. Часть персов – человек 20 – успели выбежать, остальные вместе с перевернутым бараком были унесены в море. Один из успевших выбежать из барака персов схватился за телеграфный столб. Его товарищи последовали его примеру и около столба, врытого в землю на 2½ аршина, образовалась большая группа обезумевших от ужаса людей, цеплявшихся друг за друга. Вдруг столб начал накреняться, и через мгновение столб вместе с персами был унесен в море, персы погибли. Через несколько минут все постройки – 30 барак, стоящих 30 тыс. рублей, были унесены в море» (Приазовский край, 04.03.1914, №59: 4)

С Ачуевской косы пришли еще более ужасающие известия о том, что все 380 домов рыбаков были снесены в море, погибло свыше 1000 человек. Предполагалось, впрочем, что количество жертв могло быть даже в три раза больше, свыше 3 тысяч человек, так как в каждом доме проживало до 10 человек (Приазовский край, 03.03.1914, №58: 3). Также были уничтожены катер и пароход (Приазовский край, 02.03.1914, №57: 6).

В городе Темрюк и прилегающих к нему войсковых косах 6-го рыболовного участка 4 дня подряд дул сильный ветер при сравнительно теплой погоде, что не причиняло «никаких бедствий городу Темрюку». На рассвете 28 февраля поднялся сильный штормовой ветер, которым в черте городского поселения «кое-где раскрыло крыши, и поломало заборы, и убытки причинены сравнительно малые. Вода вышла из Ахтанизовского лимана и держалась на уровне до 1,5 аршин, а с

полудня начала спадать и ветер совершенно утих. Все плавни, до того бывшие сухими, наполнились водой, а в некоторых местах вода из лиманов соединилась с рекой Кубанью. Сильно пострадали рыбаки, проживающие на косах этого рыболовного участка» (ГАКК. Ф. 318. Оп. 6. Д. 624. Л. 60–60об.). В порту были выброшены на сушу три деревянных судна, затоплен катер портового управления «Канал» (ГАКК. Ф. 318. Оп. 6. Д. 624. Л. 79об.–80).

В станице Камышевской были снесены рыбацьи балаганы и снасти, в юрте станицы повреждены мельницы, разрушены хутора, уничтожена часть корма для скота. Общая сумма ущерба составила в станице Камышевской 50 000 рублей, а в станице Должанской – около 30 000 рублей (ГАКК. Ф. 318. Оп. 6. Д. 624. Л. 79об.–80).

Из Ейска корреспондент передавал: «...в ночь на 28 февраля поднялся сильный низовой ветер. К утру он превратился в ураган. Около 7 часов утра вода [в] море поднялась и залила все пространство от порта и до города на расстоянии 3–4 верст. Волны стремительно понесли по портовой территории, размывая и сокрушая все на своем пути. Через час или два были залиты водой: портовые сооружения, хлебные амбары, селение в 100 домов на косе, селение на берегу лимана, линия железной дороги, вокзал, все станционные здания, лесные биржи и даже некоторые дома города... К 11 часам дня ветер стал утихать, и вода пошла на убыль» (Приазовский край, 3.03.1914, № 58: 3).

В станице Старощербиновской были повреждены мельницы и сараи, снесена часть крыш жилых домов, зданий женского и мужского училищ, ветеринарной аптеки, разрушены 15 торговых помещений. Общий размер убытков составил 20 000 рублей. В хуторе Широчанском бурей были сорваны крыши части домов, повалены заборы, залито водой полотно Ейской железной дороги, но «несчастий с людьми не было» (ГАКК. Ф. 318. Оп. 6. Д. 624. Л. 79об.–80). Газеты сообщали также, что «получены сведения о том, что в районе от Темрюка до Ейска в эти дни, в разных местах похоронено свыше 500 жертв урагана» (Приазовский край, 09.03.1914, №64: 7).

В таганрогском порту шторм начался в 2 ч ночи 28 февраля. Дул юго-западный ветер силой более 10 баллов, в 9 часов утра он сменился на северный – северо-западный. Старший помощник капитана парохода «Бештау» П.М. Завгородний вспоминал: «Я наблюдал очень странное явление: при таком ветре воду обыкновенно сгоняет, а в данном случае ее нагоняло на берег. Таганрогские моряки на протяжении последних 12 лет не помнят такого ветра. У пристани было более 20 ф[утов] воды» (Приазовский край, 2.03.1914, № 57: 5).

Пострадал и Ростов-на-Дону, с наступлением весны традиционно испытывающий угрозы затопления из-за повышения уровня Дона и усиления ветра. По словам очевидцев, «то, что произошло ночью 28 февраля, даже для Ростова необычно». 27 февраля в 9 ч вечера барометр показывал давление 753 мм, а к 7 ч утра оно резко снизилось до 744 мм. Такое резкое падение оценивалось как «явление весьма редкое для Ростова». К 1 ч дня давление также резко повысилось до 757 мм. С 9 ч вечера до 1 ч дня температура упала с 10 до 1 °С. Направление ветра с юго-западного постепенно менялось на южное – юго-западное, затем на западное – северо-западное. Скорость ветра, составлявшая в 9 ч вечера 5 м/с, в 7 ч утра выросла до 19 м/с и сохраняла силу до 1 ч дня. Вода в Дону прибыла и около таганрогского спуска «вышла на мостовую более чем на 3 сажени. И сильно подмывала плотину наплавного моста. Пароходы ни в реку, ни в море не вышли. Около часу дня буря в порту начала утихать...» (Приазовский край, 3.03.1914, № 58: 3).

Значительный ущерб причинил бушевавший 15 часов циклон придонским селам, станицам и хуторам. Он уничтожил немало жилых и нежилых строений, хозяйственный инвентарь крестьян и казаков. Большая часть домашнего скота погибла в воде, почти все сельские мельницы оказались разрушенными. В газетах отмечалось: «Нагон воды с моря был необычайным. Вода шла высокими валами на высоте более двух сажени над обычным уровнем. Разливалась она с необычайной стремительностью и застала жителей врасплох». К полудню 28 февраля были залиты водою низменная часть села Кагальника, села Пешково, Круглое, Головатое, Узьяк, Кочеванчик, Обрывы, хутора Государев и Петровский. В станице Елизаветинской были разрушены жилые и нежилые строения на берегу Дона. Вода проникла в ее верхнюю часть, затопила одну из церквей и народное училище. Только к 3 ч дня вода стала сходить. Общие убытки по Ростовскому округу Области Войска Донского по приблизительным подсчетам составили несколько миллионов рублей (Приазовский край, 05.03.1914, № 60: 3).

Сила урагана была настолько велика, что его воздействие сказывалось далеко за пределами приморских территорий. Почти на всем протяжении Юго-Восточной железной дороги, от Ростова до Воронежа, сила ветра достигала 30 м/с. На Владикавказской железной дороге она была еще более значительной. Например, на станции Куцевской скорость ветра достигала 40 м/с (120 верст/ч) (Приазовский край, 02.03.1914, №57: 5). Вследствие сильного ветра телеграфное сообщение по линии Владикавказской дороги было прервано. В Цимле, по рассказам очевидцев, взмытые ветром волны «достигали до грузов, сложенных от берега на расстоянии несколько десятков сажени. Громадных размеров брезенты, закрепленные пудовыми гирями, срывались ветром и уносились на далекое расстояние» (Приазовский край, 03.03.1914, №58: 3).

Сообщения о действиях урагана 28 февраля поступали также из городов Северного Кавказа – из Пятигорска, Кисловодска и Ессентуков: «...с 10 часов утра поднялся чрезвычайной силы холодный ветер и в короткое время произвел картину полного разрушения и опустошения. Люди... метались...

не зная, как уберечь глаза от едкой пыли и в тоже время устоять против сильнейших порывов ветра. Воздух принял какой-то мутно-желтый цвет... Старожилы Пятигорска не помнят подобного урагана, который затмил собой сильнейшие “норды” в Баку». В Грозном воздух заполнило облако удушливой пыли: «Дома и деревья покрыты желтым налетом». Над городом Темир-Хан-Шура (в настоящее время – Буйнакск) 16 часов свирепствовала буря, покрывая все густым слоем пыли: «Днем, вследствие темноты, в домах зажигали огни». Ураган донесся и до Южного Кавказа. В Тифлисе (в настоящее время – Тбилиси) «с раннего утра небо было обложено тучами желто-грязного цвета. Туман так сгустился, что на улицах царила зловещая мгла. Мокрый снег оказался с примесью грязи» (Приазовский край, 03.03.1914, №58: 3). В то же время почти не пострадал Крым. В телеграмме центральной черноморской метеорологической станции в Феодосии сообщалось: «В то время когда в Ростове и Таганроге свирепствовал шторм, на Черном море было сравнительно тихо...» (Приазовский край, 02.03.1914, №57: 5).

В 8 ч утра 28 февраля из административного центра Кубанской области города Екатеринодара на место катастрофы выехали прокурор окружного суда и следователь по важнейшим делам. На место бедствия также прибыли члены правления и главный инженер Черноморско-кубанской железной дороги. Они обнаружили, что Ясенская коса на протяжении 8 верст залита водой. В бинокль удалось разглядеть колеса перевернутого паровоза, крыши вагонов, на которых сидели несколько человек. О судьбе остальных примерно 150 человек ничего известно не было, пришлось предположить, что они погибли. Начальнику области телеграфировали, что на Ачужевской косе залиты поселки рыбаков, погибли около тысячи человек. В темрюкском порту наблюдалось «страшное опустошение, убытки миллионные» (Приазовский край, 02.03.1914, № 57: 6).

На следующий день в 10.30 экстренным поездом к Ясенской косе выехали начальник Кубанской области и наказной атаман Кубанского казачьего войска генерал-лейтенант М.П. Бабыч и его старший помощник генерал-майор П.И. Косякин. Через 3 часа начальник области был уже на месте катастрофы.

Масштаб бедствий носил беспрецедентный характер как по площади охвата территории, так и по численности погибших и нанесенным убыткам. Однако количество жертв в разных документах различается. Так, согласно сведениям, представленным станичным атаманом, в станице Приморско-Ахтарской и ее окрестностях утонули 200 человек (см. Таблицу 3).

Таблица 3. Численность пострадавших во время наводнения в районе станицы Приморско-Ахтарской (составлено по: ГАКК. Ф. 318. Оп. 6. Д. 624. Л. 102)

Категории	Места	Количество
Утонувшие	Станица Приморско-Ахтарская	1
	Ахтарский лиман	7
	Ачужевская коса	84
	Всего в Приморско-Ахтарской станице и ее ближайших окрестностях	92
Извлеченные трупы утонувших людей	Станица Приморско-Ахтарская	1
	Ахтарский лиман	7
	Ачужевская коса	53
	Всего в Приморско-Ахтарской станице и ее ближайших окрестностях	61
Спасенные	Принесенные водой с Ачужевской косы	22
	Осталось в живых на Ачужевской косе	86
	Всего спасено в Приморско-Ахтарской станице и ее ближайших окрестностях	108
Работавшие на Ясенской косе	Ясенский карьер	200–250, в том числе по показаниям спасшегося десятника Безсмертного 28–45 персидско-подданных
	Два рыболовных заводах	13
Спасенные	Ясенская коса	72
Извлеченные трупы утонувших людей	Русские	59
	Персидско-подданные	23
	Турецко-подданные	2
	В юрте станицы Привольной	13
	Утонувшие в рыболовных заводах	6
	Всего	103 ¹

¹ В тексте документа в этой графе, видимо, допущена ошибка: указано 108 человек.

По донесению атамана Ейского отдела, число пострадавших на этом участке составляло уже 254 человека (см. [Таблицу 4](#)).

Таблица 4. Сведения о числе пострадавших во время наводнения в Ейском отделе (ГАКК. Ф. 318. Оп. 6. Д. 624. Л. 81)

Пострадавшие местности	Погибшие	Отысканных и погребенных	Пострадавших, но спасшихся живыми	Выплата пособий	Погибших детей	Погибло скота	Сумма убытков (рублей)
Ейск			360	86 семейств		Сведений нет	30 255
Темрюк				64 семейств			500
В 6-м рыболовном участке на косах	37		113 семейств и одиночки		26	325	31 210
Коса Жестереватая	43						
Хутор Черноерковский с косами	27	27	Сведений нет		14	100	До 50 000
Ясенская переправа	5						164790
Приморско-Ахтарская	1		335	335	Сведений нет		До 21000
Ясенская коса на Садках и рыболовных заводах	145 20	151					
Ачуевская коса	88	48	402	402		596	79117
Итого	366	226	1210	887			376672

Генерал-лейтенант М.П. Бабыч в своем рапорте от 9 апреля 1914 г. приводит другие данные: «На Ясенской косе проживало 265 человек, из коих утонуло мужчин войскового сословия 3 души и невойскового сословия 179 мужчин и 6 женщин, детей утонуло 5 душ невойскового сословия, а всего утонуло сто девяносто три человека, из них погребено 117 трупов, не отыскано 76 трупов» (ГАКК. Ф. 318. Оп. 6. Д. 624. Л. 59). Газеты же сообщили: «На Ясенской косе... погребено 302 человека. Из них рабочих – 200» (Приазовский край, 10.03.1914, №65: 3).

Об общем числе жертв информировал в своей телеграмме генерал-лейтенант М.П. Бабыч: «По точным полученным сведениям [от] седьмого марта, утонуло людей триста шестьдесят шесть душ, рогатого скота, лошадей шестьсот голов» (ГАКК, Ф. 318, Оп. 6, Д. 624, Л. 15). Но в развернутом рапорте о числе жертв и понесенных убытках он указал другие цифры: «...при наводнении от урагана 28 февраля утонула 341 душа, погребено скота 695 голов, разрушено и повреждено рыбацких хат 323; причинено убытков, включая убытки и крупных хлебопромышленников на сумму 399 960 руб. 50 коп.» (ГАКК. Ф. 318. Оп. 6. Д. 624. Л. 600б.). В свою очередь, начальник штаба Кавказского военного округа генерал-лейтенант Н.Н. Юденич телеграфировал помощнику по военной части Кавказского наместника генералу от инфантерии А.З. Мышлаевскому: «По сведениям, полученным мною от областного начальства и проверенным генералом Бабыч, приехавшим только с мест наводнения, оказалось погибших 366 человек, из них отыскано и погребено 200 человек. Пострадало 1210 человек. Погибло скота 1021 штука. По заявленным, но еще не проверенным сведениям причинено убытков на 396 тыс. рублей сверх стоимости скота. Наказной атаман последнюю цифру считает преувеличенной» (ГАКК. Ф. 318. Оп. 6. Д. 624. Л. 24).

К 17 марта 1914 г. часть сведений удалось уточнить, и в Кубанском областном правлении появились новые данные (см. [Таблицу 5](#)).

Таблица 5. О числе лиц, пострадавших от наводнения в ночь на 28 февраля на побережье Азовского моря и о размерах убытков, причиненных наводнением (ГАКК. Ф. 318. Оп. 6. Д. 624. Л. 790б.–80)

Название местности	Спасено	Утонуло				Из них погребено	Размер причиненных убытков (рублей)
		Всего	мужчин	женщин	детей		
Ейск	360					30 255	
Ясенская переправа		5			5	164790	
Ясенская коса	55	145			99		
Станица Приморско-Ахтарская		1	1		46	56000	
На рыболовных заводах	1	13					

На Садках		7				6	62095
Ачуевская коса	22	88				48	596 голов скота
На Жестерях от Гнилого		43					
До Сладкого гирла							
Хутор Черноерковский		27	5	3	9		50.000 100 голов скота
6-й рыболовный участок на войсковых косах близ Темрюка		35	3	5	27		31.000 325 голов скота, 64 завода снесены, 51 завод поврежден
Темрюк							500
Хутор Голубицкий		2	1	1		1	1815
Итого	438	366	9	9(?)	51	200	396.455 1021 голова скота

Значительным был и материальный ущерб. Из рапорта генерал-лейтенанта М.П. Бабыча следовало, что на Ейской косе было повреждено и разрушено 65 рыбацких хат. Убытков причинено на сумму в 45 625 рублей. В станице Приморско-Ахтарской берег оказался сильно размыт, смыло до основания сторожку при общественной пристани, а саму пристань, до 100 саженей длиной, только поостренную, но еще не укрепленную, снесло, при этом большую часть строительного материала унесло в лиманы. Сильно повреждены оказались здания агентства Азово-Черноморского пароходства и товары, находившиеся на складах, повреждено было до 20 домов. Кроме того, на хуторе Садки в юрте Приморско-Ахтарской станицы было разрушено 9 рыбацких хат. Общий ущерб, причиненный ураганом жителям станицы Приморско-Ахтарской и Садков, достиг суммы 44 645 рублей. На Ясенской косе, кроме железнодорожных сооружений, были разрушены две рыбацких хаты, погибли 24 головы скота, убытки составили 6279 рублей. На Ачуевской косе погибли 578 голов скота, были уничтожены 40 рыбацких хат – заводов и такое же количество сильно повреждено. Всего убытков наводнением было причинено на сумму 80 335 рублей. На войсковых косах 5-го рыболовного участка, находящихся в юрте хутора Черноерковского, погибли 57 голов скота, были разрушены 32 рыбацких хаты. Всего погибло имущества на 21 723 рублей 50 копеек. В городе Темрюк и прилегавших к нему войсковых косах 6-го рыболовного участка утонули 35 голов скота, были разрушены 64 рыбацких хаты и повреждена 51. Общая стоимость погибшего имущества составила 31 000 рублей. На Ясенской паромной переправе были повреждены и разрушены ссыпные амбары крупных хлеботорговцев, унесен хлеб. Ущерб составил 164 790 рублей, в том числе у хлеботорговца Криззи – 119 000 рублей, купца Михаила Варварова – на 33 000 рублей. В рыболовном участке в районе станицы Должанской было уничтожено рыболовных принадлежностей на сумму 2138 рублей. Во 2-м рыболовном участке – на сумму 3425 рублей. Всего было разрушено и повреждено 323 рыбацких хаты, причинен ущерб, включая убытки крупных хлебопромышленников, на сумму в 399 960 рублей 50 копеек (ГАКК. Ф. 318. Оп. 6. Д. 624. Л. 58–60об.).

В связи с гибелью персов, работавших на Ясенском карьере, в станицу Приморско-Ахтарскую из Тифлиса специально приехал представитель персидского консульства «для ознакомления на месте с причинами катастрофы 28 февраля». Консул очень внимательно осмотрел место гибели рабочих, выезжая специально для этого на косу, «по его мнению, подрядчики, устраивая на косе жилища-баракы для рабочих, тем самым совершали преступления, обрекая людей на верную гибель». Корреспонденту он заявил, что «русское правительство должно будет заплатить за жизнь каждого персидского подданного» (Приазовский край, 11.03.1914, №66: 5).

Немалый ущерб был нанесен и приморским районам Области Войска Донского. По частным сведениям, в низовьях Дона и в других поселениях Ростовского округа погибли более 100 человек. По официальным данным, был зарегистрирован 61 погибший (Приазовский край, 08.03.1914, № 63: 4). Посетивший наиболее пострадавшие от урагана и наводнения местности наказной атаман Войска Донского генерал от кавалерии В.И. Покотило выяснил, что в казачьих хуторах было разрушено и сильно повреждено 143 дома, почти такое же количество – в крестьянских поселениях. Утонуло 63 человека (Приазовский край, 11.03.1914, № 66: 4). Один из очевидцев событий А.В. Скуба, на пароходе «Азов» спустившийся вниз по Дону и посетивший места, где 28 февраля свирепствовала стихия, писал: «Обращает внимание по пути масса больших парусных судов, принесенных водой на луг ниже Ростова и застрявших здесь после спада воды. Все они почти совсем разбиты. В ст. Елизаветовке большое судно лежит среди деревни.... Около прежних берегов образовались заплавами новые и из них, раскапывая, вырывают иногда уже разложившиеся трупы... среди прибрежных жителей кажется нет семьи, из которой стихия не вырвала бы отца, мать или ребенка... Господи, сколько новых нищих! Ведь пострадали главным образом иногородние, пришлые» (Приазовский край, 11.03.1914, № 66: 4).

В селе Кагальник сильно пострадала низменная часть, так называемый Замостянский островок и Черепашья сторона. Всего в Кагальнике по предварительным сведениям насчитывалось до 200 разрушенных и наиболее поврежденных хозяйств. У так называемого Мокрого моста до 28 февраля существовало маленькое поселение в несколько домов: «В настоящее время оно

представляет пустое место. Ураган снес все: и хаты, и амбары, и сараи, и вместе с этим живых людей – из 30 обитателей этого поселения 20 человек утонули». Убытков в Кагальницкой волости было нанесено до полумиллиона рублей. На предварительное устройство погибших и разрушенных крестьянских хозяйств требовалась не менее 175 тысяч рублей: «Люди голодают и болеют от простуды» (Приазовский край, 16.03.1914, № 71: 5).

В хуторе Койсуг ураган нанес убытки на 2500 рублей, утонули 3 человека. В хуторе Синявском погиб 1 человек. В станице Елизаветинской убытки составили 1025 рублей, в хуторе Обухов – 5925 рублей, в хуторе Петровском – 8680 рублей. В хуторе Узьяк из 106 дворов пострадало 88, на сумму 11 000 рублей. В хуторе Государевом утонули 11 человек, 31 лошадь, ущерб достиг 2495 рублей. Были уничтожены 16 и повреждены 80 домов, разрушены сараи и амбары на 126 рублей, унесено оград на 12 220 рублей, утонуло 227 голов рогатого скота на 11 320 рублей, унесено рыболовных снастей на 10 890 рублей, платья и домашних принадлежностей – на 12 744 рублей, сена – на 3470 рублей, повреждены 2 училища, разрушено и снесено мостов на 3200 рублей, ограда кладбища на 500 рублей. Общий ущерб составил 108 514 рублей. В селе Кагальник из 1315 дворов пострадало 340, утонул 21 человек, осталось 5 сирот. В хуторе Кочеван из 211 домохозяйств пострадало 106, ущерб составил 48 000 рублей, утонуло 12 человек, осталось 8 сирот. В хуторе Займы из 241 домохозяйств пострадало 96, ущерб исчислялся в 57 000 рублей, утонули 17 человек. В хуторе Головатом из 313 пострадали 45 человек, ущерб составил 5500 рублей, утонули 2 человека, осталась 1 сирота. В хуторе Пешков из 697 домохозяйств пострадало 33, ущерб составил 2750 рублей, утонули 4 человека. В селе Круглом из 915 домохозяйств пострадало 23, ущерб составил 2750 рублей, утонули 6 человек, осталось 18 сирот. В хуторе Стефанидин-Дар пострадало 3 домохозяйства на 500 рублей. В селе Семибалки – 14 домохозяйств на 750 рублей. В селе Чумбурская коса – 23 домохозяева на 1000 рублей. Всего ураганом было причинено убытков на 430 894 рублей, погибли 32 лошади и 76 человек, осталось 32 сироты (Приазовский край, 22.03.1914, № 77: 5).

Таким образом, общий материальный ущерб в Кубанской области и Области Войска Донского достигал почти 1 млн рублей. Тысячи людей остались без крова и средств существования. Наиболее тяжелой была ситуация в первые дни после трагедии, особенно с оказанием врачебной помощи. Следствием того, что многие люди провели значительное время в холодной воде под открытым небом, стали многочисленные случаи переохлаждения, нередко со смертельным исходом, либо простудных заболеваний. Особенно страдали дети. В приказе по Кавказским казачьим войскам №69 от 1 апреля 1914 г. Войсковой наказной атаман Кавказских казачьих войск и Главнокомандующий войсками округа генерал-адъютант, генерал от кавалерии граф И.И. Воронцов-Дашков отмечал: «Захваченные врасплох жители большей частью погибли в холодных водах моря, а избавившиеся от смерти остались совершенно без крова, имущества и насущных средств. Нужна была немедленная и широкая помощь. На стоны и мольбы этих несчастных быстро откликнулось население области. Как отдельными лицами и организовавшимися комитетами, так и местной администрацией, и различными учреждениями была оказана первоначальная медицинская, имущественная и продовольственная помощь» (ГАКК. Ф. 318. Оп. 6. Д. 624. Л. 45).

Более благоприятную картину создавали отчеты областных и местных властей. В рапорте генерал-лейтенанта М.П. Бабыча сообщалось о значительных усилиях, которые предпринимало руководство Кубанской области и он лично по оказанию помощи пострадавшим людям: «По получении сведения о несчастии, причиненном ураганом, я на другой день выехал в станицу Приморско-Ахтарскую – район, наиболее пострадавший, и там лично распорядился безотлагательно оказать помощь спасшемуся с Ачужевской косы населению – немедленно были посланы туда провизия, одежда, охотно приносимые для пострадавших окрестным населением; а потом посетил город Темрюк и окрестные косы, а затем и город Ейск, и в этих пунктах мною были приняты лично меры к оказанию пострадавшим помощи продовольствием и одеждою, – больных отправляли в больницы» (ГАКК. Ф. 318. Оп. 6. Д. 624. Л. 61).

Но газеты писали следующее: «На медицинскую помощь пострадавшие... никак не могут рассчитывать, так как станичное общество при двадцатитысячном ежегодном доходе, который дает главным образом иногороднее население станицы, нашло нужным в прошлом году закрыть существовавшую здесь больницу на 20 кроватей и уволить врача. Сотни людей, пробывших в воде почти 12 часов, обречены на смерть от простуды и истощения» (Приазовский край, 05.03.1914: № 60, 3). Поскольку в Приморско-Ахтарской «нет больницы, нет общественного врача, и уцелевшие от ярости стихии умирали беспомощно, ибо некому было их спасти. Нельзя было подать помощь тем, кого извлекли из воды, привезенным с отморозенными руками и ногами; в целом ряде случаев, когда современная медицина с небольшими усилиями возвращает людей к жизни, там умирали на глазах растерянных людей» (Приазовский край, 05.03.1914: №60, 3). Власть реагировала: в телеграмме от 7 марта 1914 г. М.П. Бабыч сообщал, что в станице Приморско-Ахтарской был открыт лазарет Красного Креста на 200 кроватей (ГАКК. Ф. 318. Оп. 6. Д. 624. Л. 15).

Команда ледокола «Мариупольский 4», возвратившаяся из командировки к Ачужевской косе и к Ахтарской, рассказывала следующие подробности о посещении в сопровождении прикомандированного врача Стоянова и фельдшера уцелевших домов: «Таких относительно уцелевших изб на косе всего лишь 5... Обход начали с дома Глушенко. В этом доме, состоящем из двух

маленьких комнат, ютилось 24 человека. Атмосферой удушливости и невообразимой сырости... Из числа ютившихся в этом доме было 11 детей. Доктор Стоянов приступил к осмотру детей. Все они оказались больными. Больным была оказана медицинская помощь; фельдшер сделал некоторым из них перевязки. В этом доме при больных детях был временно оставлен фельдшер... В четвертой небольшой хижине, отстоявшей от хижины Косолапова на две версты, поместились три семьи – двух братьев Волошиновых и Суковича. Семья Суковича состоит из жены и 7 детей в возрасте от 6 месяцев до 13 лет. Врач констатировал, что все дети больны коклюшем (все они были голы, босы и голодны)... По словам доктора Стоянова, все оставшиеся на косе поголовно простужены, особенно дети, все нуждаются в медицинской помощи» ([Приазовский край, 17.03.1914, № 72: 3](#)).

Перед пережившими трагедию людьми стояли вопросы об обеспечении средствами существования. Рыбакам выдавали денежные пособия на покупку снастей. В рапорте начальника Кубанской области говорилось: «...принимая во внимание, что главным занятием пострадавшего от урагана населения служит рыбный промысел, почему с выдачею местными комитетами пострадавшим рыболовных принадлежностей восстановлена работоспособность пострадавших, поэтому в данное время пострадавшие имеют полную возможность своим трудом добывать средства для продовольствия, я нахожу, что надобности в ассигновании на этот предмет каких-либо новых кредитов для непосредственной выдачи пострадавшему населению или организации с этой целью каких-либо общественных работ не стоит». И далее: «...озимые и яровые посевы в области не пострадали» ([ГАКК. Ф. 318. Оп. 6. Д. 624. Л. 610б.](#)).

Но в газетах приводились другие сведения, в частности, отмечалась гибель хлебов в станице Приморско-Ахтарской. Арендаторы городской земли обратились в городскую управу с просьбой выбрать специальную комиссию для осмотра их озимых посевов, которые оказались совершенно затопленными водой «вследствие того, что черноморско-кубанская ж/д засыпала канаву, пропускающую дождевую воду, а эта вода хлынула на их участки» ([Приазовский край, 13.03.1914, №68: 7](#)).

Еще более многочисленны данные о гибели посевов в Области Войска Донского: «...сила урагана была настолько велика, что на значительном пространстве из земли выдуло зерно пшеницы и ячменя. В Глафиоровской волости пришлось производить заново посевы. Общество обратилось с просьбой о выдаче пособия на обсеменение полей. Распорядительный комитет постановил выдать из запасных магазинов 367 четвертей пшеницы и 708 четвертей ячменя» ([Приазовский край, 15.03.1914, №70: 3](#)). В хуторе Обрыв «унесло зерно, поля засеять нечем... К неурожаю, постигшим хутор в 1912, 1913 гг. прибавился еще и ураган» ([Приазовский край, 08.03.1914, №63: 3](#)). В селе Кагальник «хозяин уничтоженной хаты... заявляет, что получил пожертвование в 3 рубля. Самая главная его забота о посевах. У него 3 десятины земли. На посев надо 30 рублей... и комитет, конечно, не может выдать ему такую большую сумму... приходится терпеть, ждать. А время посева проходит... Есть нечего. Все погибло» ([Приазовский край, 16.03.1914, №71: 3](#)).

В первые же дни после урагана в Ейске, Темрюке, станицах Гривенской и Приморско-Ахтарской и других населенных пунктах, испытавших удар природной стихии, на общественной основе были созданы комитеты по оказанию помощи пострадавшим ([ГАКК. Ф. 318. Оп. 6. Д. 624. Л. 15](#)). Как правило, они состояли из наиболее уважаемых и состоятельных жителей и, в первую очередь, занимались сбором и распределением средств. Так, 4 марта газета «Приазовский край» в статье с пометой «От ейского корреспондента» сообщала: «Для оказания помощи пострадавшим образован при полицейском управлении комитет по сбору добровольных пожертвований... комитет выпустил воззвание к населению города. Начался сбор пожертвований по подписным листам, предполагается и кружечный сбор. Начали поступать пожертвования от частных лиц...» ([Приазовский край, 04.03.1914, №59: 4](#)).

По словам начальника штаба Кавказского военного округа Н.Н. Юденича: «Первая помощь оказана пищевыми продуктами, одеждой, помещением, дальнейшая деньгами на восстановление хозяйств». Созданный в Темрюке комитет к 19 марта имел своем распоряжении 1200 рублей ([ГАКК. Ф. 318. Оп. 6. Д. 624. Л. 31](#)). Свою лепту в оказание помощи пострадавшим вносила и царская семья. Посланный в зону стихийного бедствия генерал-майор Д.Я. Дашков докладывал о результатах своей поездки: «...прибыл морем [в] Ейск, где собранному комитету передал на общие нужды 1000 рублей». Далее он «прибыл на перекрестном ледоколе в Темрюк, вторую после Ахтарска пострадавшую местность, где погибло много детей, в собрании местного комитета передал от имени Ваших Величеств сиротам, вдовам и наиболее потерпевшим семьям 2000 рублей и гривенскому комитету 500 рублей» ([ГАКК. Ф. 318. Оп. 6. Д. 624. Л. 34, 36](#)).

В комитет, созданный 2 марта для оказания помощи пострадавшим в станице Приморско-Ахтарской, на Ясенской косе и Приморско-Ахтарских «Садках», генерал-майор Дашков передал от государя императора Николая II Александровича и государыни императрицы Александры Федоровны еще 3000 рублей. Генерал Н.Н. Юденич передал в данный комитет от наказного атамана Кавказских казачьих войск 1000 рублей. В кратком отчете о деятельности комитета по оказанию помощи пострадавшим от урагана жителям станицы Приморско-Ахтарской и ее окрестностей с 2 по 19 марта сообщалось, что ему удалось собрать 15,6 тысяч рублей, в том числе 4 тысячи от государства, остальные – от частных лиц. Первой задачей Комитета было обеспечить продовольствием, жильем и

медицинской помощью пострадавших. К 19 марта он выделил 2,5 тысячи рублей на помощь продовольствием для 635 человек. Кроме того, выдал наиболее пострадавшим более 100 предметов, пожертвованных одежды и белья, предоставив им также хлеб, муку и другую помощь.

С 5 по 9 марта комитет выдал 2300 рублей наиболее пострадавшим рыболовам в качестве пособий на приобретение рыболовных снастей, ремонт и покупку рыбацких лодок. Пособие в размере от 10 до 50 рублей получили 98 лиц. 30 наиболее пострадавшим комитет выдал пособие на наем квартир и ремонт жилых помещений в размере от 10 до 50 рублей на общую сумму в 400 рублей. До прибытия в станицу Красного Креста, с 2 по 12 марта, пострадавшим оказывалась бесплатная медицинская помощь выехавшим из станицы врачом Кукком. Комитет также организовал несколько самостоятельных и несколько совместных с Красным Крестом поездов на Ачуевскую косу и в соседние лиманы и плавни для оказания помощи оставшимся в живых, отыскания трупов и имущества погибших. На эти цели было израсходовано 186 рублей. На похороны 49 утонувших были израсходованы 245 рублей.

7 марта газета «Приазовский край» сообщала, что комитет общественной помощи «отправил на Ачуевскую косу пароход и несколько десятков лодок» (Приазовский край, 07.03.1914, №62: 4). К 1 апреля в него поступило пожертвований от частных лиц и учреждений, а также из Областного комитета 47 844 рублей 73 копеек. Из этой суммы были выделены пособия для 955 человек на общую сумму в 17 024 рублей 54 копеек. В том числе для 187 пострадавших на Ачуевской косе помощь оказывалась «продовольствием, одеждой, наймом и исправлением жилищ, покупкою рыболовных принадлежностей и лодок». Оставались 30 820 рублей 39 копеек (ГАКК. Ф. 318. Оп. 6. Д. 624. Л. 59–59об.).

В Ейске городская дума избрала комиссию по оказанию помощи пострадавшим от наводнения и урагана под председательством члена городской управы А. Киселева. Она собрала 5 726 рублей 77 копеек: городская дума выделила 5 тысяч рублей, от частных лиц поступили пожертвования в 726 рублей 77 копеек. 191 пострадавшему было выдано 5170 рублей 39 копеек. Оставшуюся в распоряжении комиссии сумму в 556 рублей 38 копеек планировалось выдать «лицам, коим выданного пособия окажется недостаточно». Кроме того, по поручению городской думы, комиссия постановила сложить снять с пострадавших недоимку в 3170 рублей за занятую жильем городскую землю (ГАКК. Ф. 318. Оп. 6. Д. 624. Л. 114).

Генерал М.П. Бабыч сообщал, что в Ейске учреждены для сбора пожертвований и оказания помощи пострадавшему населению комитет из представителей местного общества. К 1 апреля поступило пожертвований, а также было передано из областного комитета 7513 рублей 97 копеек, из которых было выдано пособий на продовольствие, одежду, исправление жилищ, приобретение имущества и на покупку рыболовных снастей 7175 рублей 60 копеек, осталось 338 рублей 37 копеек. Кроме того выдано пожертвованного хлеба, муки, одежды и других продуктов натурою приблизительно на 260 рублей. Оказаны пособия 210 душам: «Острая нужда пострадавшего населения удовлетворена» (ГАКК. Ф. 318. Оп. 6. Д. 624. Л. 58об.).

В Кагальнике 34 жителям Замостянского острова выдано 385 рублей (в среднем, 11 рублей на человека). В помощь жителям Черепашьей стороны было ассигновано 415 рублей. В помощь 75 пострадавшим от урагана в хуторах Обрыв и Кочеван и поселении у Мокрого моста было выдано 460 рублей (в среднем 6 рублей на человека) (Приазовский край, 16.03.1914, № 71: 5).

Деятельность общественных комитетов широко освещалась в местной и общероссийской печати, что позволяло привлечь общественное внимание к судьбам пострадавших людей. В частности, в «Русских ведомостях» А.С. Серафимович писал о необходимости организовать в Москве и провинции комитеты по сбору пожертвований в пользу пострадавших от урагана. Перепечатавший эту информацию «Приазовский край» сообщал: «Комитеты эти должны войти в сношения с комитетами, организующимися на местах и носящими общественный характер» (Приазовский край, 07.03.1914, №62: 4). В следующем номере корреспондент высоко оценивал усилия власти и общественности по оказанию помощи пострадавшим от урагана: «Потрясающим было зрелище, когда сотни людей толпились во дворе полицейского управления в ожидании подачи первой помощи... таковая выдавалась мукой, хлебом, деньгами... Правда, все возможное сделано комитетом и гор. управою безотлагательно» (Приазовский край, 08.03.1914, №63: 5).

Однако в печати публиковались и иные материалы, содержавшие критику действий представителей власти: «Работы по вылавливанию трупов идут медленно, станичники и административные власти принимают очень слабое участие... вся тяжесть спасания и оказания помощи пострадавшим почти всецело лежит на общественных силах, организовавшихся в специальные комитеты по оказанию помощи» (Приазовский край, 07.03.1914, №62: 5). Особой критике подвергались недостатки в установлении численности погибших: «До сих пор, благодаря бездействию администрации, число погибших на Ачуевской косе, а также число погибших по Азовскому побережью не приведено к учету» (Приазовский край, 10.03.1914, №65: 3).

Бездеятельности властей противопоставлялись усилия общественности: «В первый же день комитетом была собрана тысяча рублей. С каждым днем приток пожертвований возрастал. Комитет кормил несчастных, одевал, находил им приют. Все пострадавшие шли прежде всего в комитет; да больше и не к кому было обращаться; все “Станичное начальство” находилось в безвестной отлучке...

станичная администрация и полиция не принимали решительно никаких мер к спасению погибавших, к охране остатков их имущества от хищников и мародеров и к оказанию помощи пострадавшим. Станичный атаман ни разу даже не выходил на берег моря. Из разных чинов местного начальства на берегу важно расхаживал только городской» (*Приазовский край*, 15.03.1914, №70: 5).

5. Заключение

Ураган 1914 г. оказался одной из самых тяжелых по своим последствиям природной катастрофой в южных регионах страны в начале XX в. Особый масштаб разрушений и жертв он принес для Юго-Восточного Приазовья, в то время входившего в состав Кубанской области и Области Войска Донского. Это объясняется не только объективными причинами – силой природной стихии, значительно превзошедшей все предыдущие штормы, как минимум, за столетие, но и отсутствием необходимых превентивных мер и системы оповещения населения. Несмотря на то, что сведения о надвигающемся шторме были получены за несколько часов до того, как он обрушился на приморские населенные пункты, эта информация не была использована соответствующим образом. Негативную роль сыграла не техника, а человеческий фактор, безответственность и нераспорядительность отдельных людей, надежда на то, что все, как всегда, обойдется. Следствием этого стали многочисленные человеческие жертвы и значительный материальный ущерб. И это один из главных уроков, который можно извлечь из анализа обстоятельств произошедшей трагедии.

Ликвидация негативных последствий урагана и наводнения в южных регионах страны шла через присущие той эпохе институты и формы социальной помощи и поддержки: в условиях отсутствия государственной системы социального обеспечения в них преобладающую роль играли общественные инициативы. В качестве частных лиц свою помощь оказывали и члены царской семьи. Следует отметить, что для того времени это была во многом эффективная система взаимодействия между властью и структурами гражданского общества, остро реагирующими на многочисленные социальные проблемы и подвергавшимися через либеральную прессу критике за бездушное отношение отдельных чиновников местной администрации, порой проявлявшееся наряду с широкой общественной поддержкой и сочувствием к потерпевшим.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований «Опасные природные явления и социальные процессы в Причерноморье, Приазовье и Прикаспии: проблемы взаимосвязи и взаимообусловленности» (проект №18-05-80043). Авторы выражают благодарность за предоставленные документы директору и сотрудникам ГАКК С.Г. Темирову, С.В. Самовтору и С.А. Зайцевой.

Литература

- Борисов, Капитонов, 1973** – Борисов В.И., Капитонов Е.И. Азовское море. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1978. 278 с.
- ГАКК** – Государственный архив Краснодарского края.
- Доценко, Иванов, 2010** – Доценко С.Ф., Иванов В.А. Природные катастрофы Азово-Черноморского региона. Севастополь: НАН Украины, 2010. 174 с.
- Матишов, Матишов, 2013** – Матишов Г.Г., Матишов Д.Г. Современные природные и социальные риски в Азово-Черноморском регионе // *Вестник РАН*. 2013. № 12. С. 1059–1067.
- Приазовский край, 1914** – Приазовский край [Политическая, экономическая и литературная газета]. Ростов-на-Дону: Типо-литография С.Х. Арутюнова, 1914.
- Решитько, 2014** – Решитько Б.Т. Атлантические штормы и Азовские потоки // *Копыл*. 2014. №4 (12). С. 11–14.
- Черкесов и др., 2017** – Черкесов Л.В., Шульга Т.Я., Дьяков Н.Н., Станичная Р.Р. Численное исследование сгонно-нагонных процессов и течений Азовского моря в период экстремальных ветров // *Морской гидрофизический журнал*. 2017. № 2. С. 3–20.
- Шнюков и др., 1994** – Шнюков Е.Ф., Митин Л.И., Цемко В.П. Катастрофы в Черном море. Киев: Манускрипт, 1994. 296 с.
- Экологический атлас Азовского моря, 2011** – Экологический атлас Азовского моря / гл. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2011. 328 с.
- Quarantelli, Dynes, 1977** – Quarantelli E., Dynes R. Response to the Social Crisis and Disaster // *Annual Review of Sociology*. 1977. No 3. pp. 23–49.

References

- Borisov, Kapitonov, 1973** – Borisov V.I., Kapitonov E.I. (1973). Azovskoe more [Azov sea]. Krasnodar: Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo. 278 p. [in Russian]
- Cherkesov i dr., 2017** – Cherkesov L.V., Shul'ga T.Ya., D'yakov N.N., Stanichnaya R.R. (2017). Chislennoe issledovanie sgonno-nagonnykh protsessov i techenii Azovskogo morya v period ekstremal'nykh vetrov [Numerical study of surges and currents of the Sea of Azov during the period of extreme winds]. *Morskoi gidrofizicheskii zhurnal*. No 2. pp. 3–20. [in Russian]

Docenko, Ivanov, 2010 – Dotsenko S.F., Ivanov V.A. (2010). Prirodnye katastrofy Azovo-Chernomorskogo regiona [Natural disasters of the Azov-Black Sea region]. Sevastopol': NAN Ukrainy. 174 p. [in Russian]

Ekologicheskii atlas Azovskogo morya, 2011 – Ekologicheskii atlas Azovskogo morya [Ecological atlas of the Azov sea]. Gl. red. akad. G.G. Matishov. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo YuNTs RAN. 328 p. [in Russian]

GAKK – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraia [State archive of the Krasnodar Krai].

Matishov, Matishov, 2013 – Matishov G.G., Matishov D.G. (2013). Sovremennye prirodnye i sotsial'nye riski v Azovo-Chernomorskom regione [Modern natural and social risks in the Azov-Black Sea region]. *Vestnik RAN*. № 12. pp. 1059–1067. [in Russian]

Priazovskii krai, 1914 – Priazovskii krai [Politicheskaya, ekonomicheskaya i literaturnaya gazeta] Priazovsky Krai [Political, economic and literary newspaper]. Rostov-na-Donu: Tipo-litografiya S.Kh. Arutyunova, 1914. [in Russian]

Quarantelli, Dynes, 1977 – Quarantelli E., Dynes R. (1977). Response to the Social Crisis and Disaster. *Annual Review of Sociology*. 1No 3. pp. 23–49.

Reshit'ko, 2014 – Reshit'ko B.T. (2014). Atlanticheskie shtory i Azovskie potopy [Atlantic curtains and the Azov floods]. *Kopyl*. №4 (12). pp. 11–14. [in Russian]

Shnyukov i dr., 1994 – Shnyukov E.F., Mitin L.I., Tsemko V.P. (1994). Katastrofy v Chernom more [Disasters in the Black sea]. Kiev: Manuscript. 296 p. [in Russian]

Ураган 1914 г. и его социальные последствия в Юго-восточном Приазовье: по материалам периодической печати и архивным документам

Ирина Владимировна Пащенко ^{a, *}, Елена Юрьевна Чуклина ^a

^a Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются последствия урагана в Восточном Приазовье 28 февраля 1914 г. Он стал одной из самых масштабных и трагических природных катастроф в южных регионах Российской империи в начале XX в.

Шторм в Азовском море начался 28 февраля и вызвал сильное наводнение. Гидрометеорологические службы зафиксировали информацию о приближавшемся бедствии. Но она не была использована для принятия необходимых мер. Население прибрежных районов не было своевременно оповещено о наводнении.

В результате урагана практически все восточное побережье Азовского моря было залито водой. Погибших в Кубанской области и Области Войска Донского насчитывалось порядка 500 человек, пострадавших – более 1000 человек. Убытки составили более 1 млн рублей. Для преодоления негативных последствий наводнения были созданы Комитеты по оказанию помощи пострадавшим. Они создавались на местах из числа наиболее уважаемых общественных деятелей. В первую очередь, комитеты, как общественные органы, собирали средства, раздавали деньги, вещи, продукты пострадавшим. Представители органов власти и члены императорской семьи также выделяли средства для оказания помощи. Необходимо было восстановить дома и имущество тысяч людей, возобновить работу рыболовных заводов, осуществить повторный сев зерновых культур. Работа комитетов широко освещалась в периодической печати того времени. В то же время местная администрация нередко подвергалась критике за бездействие.

Материалами для подготовки статьи послужили документы из фондов Государственного архива Краснодарского края, а также публикации в печати того времени. Авторы выявляют коллизии в оценках событий в официальных документах и средствах массовой информации.

Ключевые слова: стихийное бедствие, опасные природные явления, ураган, нагонное наводнение, Кубанская область, Область Войска Донского, комитеты по оказанию помощи пострадавшим при наводнении.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: pashchenkoirina@gmail.com (И.В Пащенко)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 51. Is. 1. pp. 437-446. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.1.437
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The First World War as a Factor of the Political Infantilism of the Russian Intelligentsia

Tatiana V. Gryaznukhina ^a, Alexander G. Gryaznukhin ^{a, *}, Denis N. Gergilev ^a, Larisa F. Malyutina ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The First World War, its influence on the creative intellectual society and the attitude of this society to military events are the main issues raised in this article during the research. The article contains the facts from the biographies of the most prominent representatives of the creative intellectual society who are directly related to military events. Used sources such as archival documents, diaries, and memories show that the initial enthusiastic perception of war, as the current events unfold, changes to moods of skepticism and frustration. In the course of the analysis of the actual material, a picture of an ambiguous attitude to the war was revealed, and even among its supporters. In general, the attitude to the war among the intellectual society ranged from its full acceptance to its complete denial. The intellectual society of Siberia, in this respect, did not show originality repeating the trends characteristic of the Russian region. Few representatives of the intellectual society took a real part in the military activity. Basically, their activities were limited to articles in periodicals, reading poems at various meetings, raising funds for the benefit of the wounded, and opening lazarets and hospitals. Due to their disunity and isolation from the realities of life, the creative intellectual society could not significantly influence the socio-political situation in the country and accordingly fulfill the voluntarily assigned function to determine the future path of development for Russia.

Keywords: intelligentsia, creativity, culture, political infantilism, Russia, Siberia, World War I.

1. Введение

Русская творческая интеллигенция рубежа столетий отводила себе поистине мессианскую роль, возлагая на себя ответственность в определении дальнейших путей развития России. В ее сознании преваляло убеждение, что только искусство, суммируя явления типичные, может создать обобщающую картину действительности, проанализировав характер происходящих в обществе изменений. После неудачной войны с Японией и поражения первой русской революции интеллигенция находилась в состоянии растерянности и неопределенности. Не понимая до конца смысла произошедших событий, оторванная от реальной жизни, она находилась в мучительном поиске своего места на исторической сцене России. Решению для интеллигенции «рокового вопроса... – замкнуться в себе, развивая круг эстетических, утонченных ощущений..., или расширить и углубить наши внутренние переживания, не бояться жизни и стать – реально нужными» (Милиоти, 1909: 5) помогло событие огромной исторической важности: Первая мировая война, которая глобально затронула все сферы жизни воюющих стран. Петербург встретил объявление войны патриотическими демонстрациями, организованными властями, антивоенными манифестациями с красными флагами, погромами немецких лавок и магазинов, сменой вывесок с немецкого языка на русский. «По улицам солдаты с котелками. Многие жертвуют на флот – сидит даже военный у кружки» (Чуковский, 1991: 69). Но уже скоро восторженные чувства по поводу первых успехов на фронте стали перемежаться с тревожными слухами о нехватке снарядов на фронте, предательстве в кругах правящей элиты и некомпетентности генералов. В столицу стали прибывать первые эшелоны с ранеными, открывались

* Corresponding author

E-mail addresses: tag-kras@mail.ru (T.V. Gryaznukhina), agagag@mail.ru (A.G. Gryaznukhin), turilak@yandex.ru (D.N. Gergilev), malyutina_48@mail.ru (L.F. Malyutina)

лазареты и пункты сбора пожертвований, в которых поэты читали стихи о войне. Но в целом приподнятое патриотическое настроение захлестнуло практически все слои общества. От интеллигенции начавшаяся война потребовала, прежде всего, переосмысления ценностных ориентиров и определения своего отношения к происходящему. Опыт периода революции 1905 г. показал, что насилие как форма разрешения конфликта было для художественной интеллигенции не приемлемо (Gryaznukhina et al., 2017a: 625, 627). С началом же войны пацифистские настроения интеллигенции вступают в противоречие с чувством патриотизма, требующим ведения войны до победного конца. Попытки некоторых представителей художественной интеллигенции выработать единую позицию по отношению к начавшейся войне, приемлемую для всех, также не имели успеха. Разобщенность творческой элиты была обусловлена еще и тем, что в ее рядах были высокоодаренные талантливейшие люди эпохи, яркие индивидуальности, имевшие свое оригинальное видение и понимание действительности и не желавшие идти на поводу мнений других выдающихся личностей.

2. Материалы и методы

2.1. При анализе поставленной в данной статье проблемы в качестве источников были использованы документы государственных архивов Омской и Иркутской областей, воспоминания, дневники представителей творческой интеллигенции, публицистика, художественные произведения.

2.2. Анализ, синтез, обобщение являются основными методами, использованными при освещении данной проблемы. Исследование общероссийских социально-политических процессов периода Первой мировой войны соответствует использованию метода историзма. Историко-биографический метод дает возможность представить произошедшие события исследуемого периода через призму их восприятия современниками той эпохи. Сравнить процессы, происходившие в России и Сибири, позволяет сравнительно-исторический метод. Анализ событий периода войны, рассмотренный в их последовательности, соответствует проблемно-хронологическому методу исследования.

3. Обсуждение

Первая мировая война, завершив целую эпоху, непосредственным образом затронула творческую деятельность интеллигенции. Помощь в более объективном понимании происходивших в обществе изменений могут оказать свидетельства представителей интеллигенции, которые являлись участниками событий Первой мировой войны. Использование журнальных статей, дневников, мемуарной литературы, художественных произведений дает возможность полнее и объективнее представить сложившуюся на тот момент в России политическую ситуацию. В этом плане большой интерес для исследования представляют воспоминания Ф. Шаляпина (Шаляпин, 1991), дневники К. Сомова (Сомов, 1979), З. Гиппиус (Гиппиус, 1999; Гиппиус, 1991), К. Чуковского (Чуковский, 1991), А. Блока (Блок, 1989), военная корреспонденция В. Брюсова (Брюсов, 2014), очерки А. Белого (Белый, 2014), Ф. Сологуба (Сологуб, 2014). Л. Андреева (Андреев, 2014). Информация о жизни и деятельности таких выдающихся представителей российской интеллигенции, как И. Бунин, А. Куприн, А. Толстой, В. Маяковский, А. Блок, С. Есенин, М. Горький, Н. Гумилев, сведения об их отношении к военным событиям представлены в монографиях О. Михайлова (Михайлов, 2002), С. Боровикова (Боровиков, 1984), В. Лукницкой (Лукницкая, 1990), Ю. Прокушева (Прокушев, 1989), В. Орлова (Орлов, 1980). Несомненный интерес для исследования данной темы представляет творчество омского писателя А. Сорокина (Сорокин, 1987).

Российский взгляд на участие страны в мировой войне 1914–1918 гг. представлен в альманахе «Великая война», составленном членами ассоциации историков Первой мировой войны (Альманах, 2013). Под эгидой ИМЛИ РАН вышли сборники периодики, публицистики и литературы в контексте войны (Сборник, 2013, Сборник, 2014). Они включают в себя статьи, документы, научные доклады, в которых затрагиваются различные аспекты восприятия войны представителями творческой элиты, анализируется отражение военных событий в печати и литературных произведениях.

Отношения русских символистов к войне рассматриваются в монографии финского ученого Бена Хеллмана (Hellman, 1995). Ему же принадлежит статья, написанная в соавторстве с М. Козьменко, посвященная творчеству Л. Андреева военного периода (Хеллман, Козьменко, 2014). Немецко-французский историк Юта Шеррер на базе методов школы «Анналов» проанализировала эволюцию взглядов столичных российских интеллигентов через призму их участия в религиозно-философском обществе, в том числе в период Первой мировой войны (Scherrer, 1973).

Эпистолярное наследие, воспоминания и публицистика времен Первой мировой войны, уже написанные труды и монографии, безусловно, являются ценными источниками при освещении той эпохи. В то же время они требуют к себе нового внимания, которое заключается в поиске и использовании современных методологических подходов при анализе исследуемой эпохи. Это представляет собой основную задачу для современных исследователей, в ходе решения которой должно быть составлено максимально объективное представление о всех событиях Первой мировой войны.

4. Результаты

Творческая интеллигенция России в условиях начавшейся Первой мировой войны не могла остаться в стороне от всеобщей интеллигентской рефлексии этого глобального события. От имени символистов, которые представляли влиятельнейшее течение рубежа столетий, заговорил Федор Сологуб. Он заявил о том, что вместе со всей Россией поэты-символисты принимают войну. «Мы вступили в период решительной борьбы за наше национальное самоутверждение, за самое право наше на жизнь» (Сологуб, 2014: 33). Войну он воспринимал как «величайшее социальное жертвоприношение» (Сологуб, 2014: 83). Главную задачу искусства поэт видел в поддержке в обществе патриотического настроения. Активно публикуясь, ни разу не выезжая на фронт, он, тем не менее, создал определенный образ войны в русском общественном мнении. Война рассматривалась им как возможный путь к новой обновленной России, который через горе и страдание вел к обновлению и очищению, так как «в явлении войны мировое зло само себя истощает и преобразуется в некоторую форму положительного блага». Отвлеченные рассуждения поэта о том, что энергия зла должна преобразиться «в наивысшую степень гражданской доблести», а искусство должно подготовить душу человека к восприятию «трагического очищения», выглядят оторванными от тех реалий, которые происходили действительно в жизни (Сологуб, 2014: 91). Анализируя отношение к войне простого народа, Сологуб писал о том, что «мужик пошел на войну, как на высокое и трудное дело, дело защиты родины от напавшего врага». С интеллигенцией было все гораздо сложнее. Тысячью нитями она срослась с культурой Германии. И «острие меча режет по живому месту, и нам больно». Трагедию интеллигенции он усматривал в том, что перед ней стоял вопрос: «Кто милее: Европа или Россия? Где наша истинная родина? В степях восточной Европы или в парках Версаля?» (Сологуб, 2014: 39, 40). Однозначного ответа у большинства представителей творческой интеллигенции на этот вопрос не было, та или иная позиция принималась с какими-то ограничениями, оговорками, условностями. В стремительном нагромождении событий человеку, далекому от политики, разобраться было порой очень трудно. Сопоставляя все происходящее со своей фактической жизнью, Андрей Белый начало войны воспринял как личную трагедию. «Столкновение двух культур, душ и рас расколело нам душу» (Белый, 2014: 201). Оторванный от России, находясь постоянно в подавленном угнетенном состоянии, в первые военные годы он совсем не мог работать. Для поэта, прекрасно знавшего философию, искусство Германии, в тонкостях знавшего немецкий язык, русская и немецкая культуры были неотделимы одна от другой. И чем стремительнее разворачивались военные действия, тем болезненнее была его реакция на окружающее.

Двойственным было отношение к войне у Зинаиды Гиппиус. Разделяя гуманистические ценности, войну в целом она не принимала. И в то же время «практически» она ее признает. В своем дневнике она писала, что именно эту войну надо принять, «на войну нужно идти». Война необходима прежде всего «для самой Германии», так как, только победив Германию, можно освободить ее «порабощенную живую душу» (Гиппиус, 2014: 633, 635). Приоритет духовной свободы России над механизированным прагматизмом Германии для нее очевиден. И именно им определялось отношение Гиппиус к войне.

Не менее сложным было отношение к войне у Вячеслава Иванова. Осознавая масштабность и трагичность происходящих событий, он понимал, что они могут быть губительны. Но в то же время они могут быть и оправданы тем, что ставят общество перед необходимостью пересмотра ценностных ориентиров. Очевидное преимущество русской культуры над немецкой видится ему в духовной свободе русской культуры. Необходимость войны в этой связи рассматривается поэтом как способ утверждения этого преимущества. Миссия России при этом связана, в его понимании, с божьей волей.

Отношение к начавшейся войне Леонида Андреева, напротив, было однозначным. Никаких сомнений в верности своей позиции у него не возникало. Писатель твердо и четко заявлял: «Мы приняли войну как необходимость – и мы приняли ее без колебаний». В этом он вполне солидарен с Сологубом. Признавая, «что война есть страшнейшее из зол», он в то же время утверждал, что это «из всех необходимостей – самая печальная» (Андреев, 2014: 586, 587). Поэт призвал прекратить все разногласия с властью и объединиться вокруг правительства, содействуя успеху в войне. Германия для него являлась олицетворением деспотизма, и поэтому ради свободы и демократии нужно «стоять за войну до самого конца», так как русский дух всегда стремится к свободе, немецкий – к «порабощению и военным поселениям» (Андреев, 2014: 582). По его мнению, наступило такое время, когда нельзя оставаться сторонним наблюдателем: каждый должен внести свою лепту в дело победы, если не фактическими делами, то эмоциональной поддержкой. Сам писатель продолжал писать и часть прибыли от своих изданий перечислял сербским воинам. Тем не менее реальная жизнь вносила коррективы в восприятие войны Андреевым; наступает время, когда больше нельзя было не замечать ее разрушительного действия и это повергло его в отчаяние.

Для Константина Бальмонта война, которую он принял безоговорочно, также была единственной возможностью защитить ценности европейской цивилизации от постоянной опасности, которая угрожала им со стороны Германии. Россия, по его мнению, просто обязана была принять этот вызов, сделанный немцами.

На фоне восторженных патриотических настроений одиноко выглядела фигура А. Блока. И если для Гиппиус, Мережковского, Филоосова, разделявших идеи пацифизма, были возможны

какие-то оправдания для войны, то для Блока компромисса в этом вопросе не было. Война для него – это логическое завершение политики, проводимой правительством. Никаких вопросов, по его мнению, решить война не способна. После неудач на фронте патриотических настроений в обществе явно поубавилось. И чтобы хоть как-то поднять патриотический дух, при содействии правительства в 1916 г. была организована газета «Русская воля». Редактором ее стал Л. Андреев. К сотрудничеству он приглашал всех известных писателей, обещал солидные гонорары. На приглашение откликнулись Куприн, Бунин, Амфитеатров. Блок приглашения не принял.

Непосредственное деятельное участие в войне принял В. Брюсов, который отправился на фронт корреспондентом. Драматические события военных действий находят отражение в его очерках. Будучи талантливым писателем, он смог донести до читателя свое ощущение войны. По дороге на фронт он общался с попутчиками, которые «говорят разным языком и на разных языках, но все одинаково трезво смотрят на события, не обольщаются излишними надеждами, но и ни на миг не теряют веры в успех» (Брюсов, 2014: 264). Трезвым этот взгляд был в понимании Брюсова, так как, разделявший оптимистические надежды, он пока еще верил в быстрый исход войны. Прощаясь со случайно встретившимся на одной из станций художником М. Ларионовым, ехавшим в расположение своей части, он высказал надежду на скорую встречу с ним в Берлине (Брюсов, 2014: 265). Публикации поэта вызывали большой интерес у читающей публики, так как от его внимательного взгляда не ускользали порой даже мелкие детали военного быта. Так, очень подробно он описывал «блестящее» оборудование лазаретов и госпиталей, в которых местное население и медицинский персонал, охваченные единым патриотическим порывом, окружали больных солдат «заботами и вниманием» (Брюсов, 2014: 273). Такие подробные описания, несомненно, представляют особую ценность и для современных исследователей Первой мировой войны. Брюсова интересует не только военный быт, но и «психология участников боя», хотя он и оговаривается, что «вряд ли теперь время вникать в эту психологию» (Брюсов, 2014: 268). Но все же он делает вывод, что ко всему человек привыкает и к ужасам войны тоже. Смерть уже не воспринимается как нечто неординарное. Захоронение убитых становится явлением обыденным. И это само по себе страшно. Не обходит он вниманием зверства немецкой армии: «факты вопиют, и их слишком много, чтобы в них сомневаться» (Брюсов, 2014: 317). Постепенно, по мере более глубокого понимания сути происходящего, надежды поэта на быстротечность и победоносность войны сменяются более сдержанными оценками событий. Переломным моментом в отношении к войне не только для Брюсова, но и для всей творческой интеллигенции явился 1915 год, когда русская армия понесла колоссальные потери. Проявления жестокости, случаи вандализма и мародерства безвозвратно рассеяли романтический облик войны даже у тех, у кого он еще сохранялся. Как видно, желаемого единства во взглядах на войну среди писателей-символистов не получилось. Стремление увидеть Россию возрожденной и обновленной было у всех, но пути к этой цели виделись по-разному.

Демократическое крыло русской литературы во многом определялось позицией М. Горького, который наконец вернулся на родину с острова Капри. Начавшуюся войну он воспринял как мировую катастрофу. Культура для писателя всегда являлась главной ценностью. Духовные же ценности, в его понимании, не знают национальных границ, они едины для всех народов. Соответственно война для Горького как фактор, разрушающий эти ценности, была вне всякого нравственного закона. «Война – явление позорное и глупое, не говоря о ее преступности; война – это праздник той глупости, против которой так долго боролось разумное человечество, в том числе и немцы» (Горький, 2007: 274). Горький предупреждал об опасности ослепления ненавистью, в котором может погибнуть наследие немецкой культуры. Он заявлял, что не нужно уподобляться немецкому вандализму. В этом плане он решительно выступил против взглядов Ф. Сологуба, Л. Андреева, А. Куприна. Взывая к разуму, он предлагал не разжигать чувство ненависти. Голосом Горького стал журнал «Летопись», вокруг которого он смог объединить своих единомышленников. На страницах журнала печатались, а значит, во многом и разделяли его взгляды А. Блок, И. Бунин, Ф. Гладков, В. Шишков, В. Маяковский. Высшей ценностью, в представлении Горького-гуманиста, являлся человек. И поэтому война, уничтожая человека физически и разлагая нравственно, не могла иметь никаких оправданий. Такая позиция требовала определенного мужества; выступления писателя не только подвергались критике, но и целенаправленно организовывалась его травля. По свидетельству Чуковского в 1916 г. ему присылали не только угрозы, но даже веревку с петлей (Чуковский, 1991: 439).

Начавшаяся война всецело поглотила внимание И. Бунина, его дни начинались и заканчивались просмотром газетных статей о военных событиях. Принеся с собой «великое душевное разочарование», война заставила писателя задуматься о многом и переоценить ценности (Бабореко, 1983: 245). Всегда волновавший Бунина вопрос о роли народа и интеллигенции в истории России, об их взаимоотношениях снова встает перед ним уже в контексте происходящих событий. С упорной настойчивостью он разоблачает миф о народном патриотизме, утверждая, что народу война давно надоела и он не понимает, за что воюет. Являясь противником войны и всего, что с нею связано, Бунин выразил свои взгляды в написанном им воззвании, которое в сентябре 1914 г. было опубликовано в газетах. Оно представляло собой обращение, составленное от имени писателей, художников и артистов (Русские ведомости, 1914, 28 сент.). И. Бунин, М. Горький, К. Коровин, В. Васнецов, С. Коненков, Ф. Шаляпин, К. Станиславский, Л. Собинов, В. Немирович-Данченко и

другие представители творческой интеллигенции протестовали против зверств и насилия немцев, которых сравнивали с дикими варварами, погубившими античный мир. Опасаясь, что справедливое чувство ненависти может перекинуться на все великое, что было создано немецкой культурой в прошлом, они предостерегали от этого гибельного пути. Само обращение было встречено неоднозначно. Критике и довольно жесткой подверг его Л. Андреев, указывая, что оно составлено невнятно и нерешительно (Андреев, 2014: 610). Он не верил, что подписавшиеся думали и чувствовали именно так. Писателю хочется верить, что на самом деле они думали и чувствовали «гораздо больше, сильней и ярче, чем это дано в заявлениях» (Андреев, 2014: 612). Действительно, обращение выглядит несколько витиевато и в силу этого не совсем убедительно. Скорее всего, оно продемонстрировало неудавшуюся попытку найти некую платформу для объединения творческих сил интеллигенции, столь разной и непохожей в своем восприятии происходящих событий. Вероятно, поэтому обращение, опубликованное в московских газетах, петербургские издания печатать не стали. По мнению Бунина, война привела к печальному итогу: страна была брошена «на полный произвол судьбы» и в ней установилась «беспричинная праздность и противоестественная свобода» (Михайлов, 2002: 296).

Общность восприятия каких-либо явлений или событий способна иногда примирить, казалось бы, людей непримиримых. Так произошло с двумя великими поэтами эпохи. В спорах об искусстве, его роли и течениях, о России и ее народе В. Маяковский и С. Есенин занимали разные позиции. И бывало, что очень резко высказывались друг о друге. Но по отношению к войне они стояли по одну сторону баррикады. Сам Маяковский утверждал, что сейчас не время споров об искусстве. Поэзия должна быть деятельной. Стихи, разоблачающие агрессивную сущность войны, должны быть услышаны народом. И поэтому читаться они должны на собраниях, митингах, манифестациях. По мере развития событий перед ним «вплотную встал военный ужас. Война отвратительна. Тыл еще отвратительней». «Чтобы сказать о войне – надо ее видеть» (Маяковский, 1987: 35). Поэт пытался записаться добровольцем, но его не брали на фронт, так как он считался неблагонадежным.

С. Есенин на военные события откликнулся поэмой «Галки», в которой писал о неудачах на фронте, о бедственном положении солдат, о трагической сущности войны, несущей смерть и разрушение. Поэму предполагалось опубликовать в суриковском журнале «Друг народа». С самого начала войны писатели-самоучки, члены кружка, выступили против войны. Есенин был очень близок к кружковцам, занимал должность секретаря. Несмотря на свою любовь к родине, поэт к войне и воинствующему патриотизму всегда относился отрицательно. Цензура поэму «Галки» не пропустила, и напечатать ее поэту так и не удалось. Антивоенная направленность произведения никак не согласовывалась с официальной правительственной идеологией.

Для поэтов-акмеистов цензурные преграды отсутствовали. Они так же искренне любили Россию, переживали за ее судьбу, но для них было «поистине светло и свято дело величавое войны» (Гумилев, 1991: 172). Как же по-разному, испытывая одни и те же чувства, можно было относиться к происходящему. «Форсированно и демонстративно патриотичен» был Сергей Городецкий, «восхищавшийся мобилизацией в деревне», радовавшийся разгрому немецкого посольства (Чуковский, 1991: 68). Н. Гумилев, в политике не разбираясь, проявляет активность, он идет на улицу, чтобы все увидеть и понять лично: участвует в манифестациях в поддержку Сербии, присутствует при разгроме немецкого посольства и верит, что придет день и русские войдут в Берлин. Пройдет немало времени, когда будет уже приобретен опыт фронтовой жизни, и Гумилев наконец поймет всю бессмысленность войны. А в ее начале он был одним из немногих, кто пошел защищать отечество, хотя из-за болезни глаз он мог избежать мобилизации и остаться в тылу. И немало усилий пришлось ему приложить, чтобы его приняли добровольцем. Так проявился патриотический порыв поэта. Чуковский в своих дневниках упоминал о разговоре с поэтом Беню Лившицем, который добровольцем в 1914 г. ушел на фронт, был ранен и удостоен ордена Святого Георгия 4-й степени. Вспоминая войну, Лившиц заявлял: «Только мы двое честно отнеслись к войне: я и Гумилев. Мы пошли в армию – и сражались. Остальные поступили как мошенники» (Чуковский, 1991: 390). Не вдаваясь в справедливость высказывания Лившица в целом (известно, например, что в начале войны в армии служил Куприн, но был демобилизован по состоянию здоровья на следующий год службы), необходимо отметить ту высокую оценку, которую он дает поступку Гумилева, награжденному дважды Георгиевским крестом. Принимая непосредственное участие в боях, поэт успевал посылать материалы в газету «Биржевые ведомости» (Лукницкая, 1990: 179). Его публикации печатались целый год, знакомя читателей с буднями военной жизни без прикрас и преувеличений, просто и деловито.

Корреспондентом «Русских ведомостей» был на фронте и Алексей Толстой. Как и многие его соратники по перу войну он принял восторженно. «Переворот произошел в один день, к вечеру мы стали крепким, решительным, чистым народом» (Толстой, 1949: 9). Война становится основной темой его творчества. Она помогла ему понять подлинную жизнь. Свой патриотический долг писатель видел прежде всего в правдивом отображении войны. Описывая сожженные города и села, разорение простого народа, героические поступки неизвестных солдат, стремясь понять психологию человека на войне, он стал по-другому осмысливать происходившее. И если раньше в одном из писем он писал, «...что это мировая война, в которой погибнет наша цивилизация и настанет, наконец, прекрасный век» (Толстой, 1989: 213), то теперь наступает время разочарований. Действительность не оправдала его

ожиданий на очистительную силу войны. Последовавшее разочарование стало логическим завершением его заблуждений. Нравственного возрождения человека на войне не произошло.

Стремление сочетать свой профессиональный труд с реальной помощью тем, кто в ней нуждался, было далеко не у всех представителей творческой интеллигенции. Часто время проводилось в поисках каких-то смыслов, обоснованиях, несущественных в целом спорах, имеющих определенный смысл только для их участников. Для определенной части интеллигенции патриотизм стал просто модой, чтобы быть модным, нужно было читать стихи о войне. Один такой вечер, организованный Чеботаревской, женой Сологуба, описывает в своем дневнике К. Сомов. Он отмечает большое скопление поэтов, читавших патриотические стихи, звучащие, правда, банально и фальшиво. Сомов выделил два антивоенных стихотворения И. Северянина, несмотря на его самолюбование и «гостинодворский парфюмированный шик» (Сомов, 1979: 138). Подобные вечера проводились и в салоне Мережковских. А вот в понимании Блока пролитие крови на фронте и чтение стихов в тыловых салонах – вещи несопоставимые. Поэт принимал участие лишь в литературных вечерах в пользу раненых. Его стремление быть реально нужным реализовалось в сборе пожертвований для семей мобилизованных. Жена Блока, Любовь Дмитриевна, после окончания медицинских курсов отправилась на фронт лечить раненых. Ф. Шаляпин, «желая так или иначе быть полезным и оправдать... отсутствие в траншее», открыл в столицах два госпиталя общей численностью в 80 человек. Лазареты были хорошо оборудованы. Содержались солдаты на средства певца. «Врачи за работу в госпиталях денег не брали». В течение всей войны в работе им помогала вся семья Шаляпина, который посещал своих подопечных, «иногда развлекал пением». Беседуя с ними, он приходит к печальному убеждению, «что люди эти не знают, за что, собственно, сражаются». Это открытие обескураживает его. А восхищает и удивляет то, что при отсутствии понимания смысла происходящего у них наблюдается «безропотная готовность делать свое дело...» (Шаляпин, 1991: 150).

Откликнулись на военные события и художники объединения «Мир искусства». Собираясь на квартире у Рериха, Бенуа, Добужинский, братья Лансаре, Фомин, Нарбут обсуждали вопрос, каким образом можно помочь фронту (Сомов, 1979: 135). Было решено провести аукцион своих произведений, который состоялся в октябре 1914 г. Продажа картин на аукционе шла бойко, поэтому в ноябре на вырученные деньги был уже открыт лазарет для раненых. Параллельно проводились выставки, при посещении которых плата за вход не бралась, но стояла кружка для сбора денег на нужды раненых (Сомов, 1979: 134). Собираясь вместе, художники вели «разговоры о войне, о патриотизме тупом и мелочном наших интеллигентов и полуинтеллигентов, инспирированных грубыми военными статьями, о патриотизме настоящем...» (Сомов, 1979: 133-135). Разговоры эти носили в основном пессимистический характер. Дневники Сомова дают наглядное представление о том, чем жила творческая элита во время войны: обеды, вечера, прогулки в парке, посещение выставок и театров и бесконечные споры «на тему о войне и будущих судьбах России», споры «ненужные и бесполезные с людьми неинтересными». Даже новогодний праздник 1916 г. у Бенуа закончился «грандиозным спором на тему войны», где «все горячились и кричали» (Сомов, 1979: 140, 152). Отношение Сомова к войне, как к «проклятой», «грубой, несправедливой, ненавистной грязной войне» (Сомов, 1979: 162), не мешало ему и всей творческой элите в целом вести привычный довоенный образ жизни.

Свой голос против войны, в защиту мира подал из далекого сибирского Омска писатель Антон Сорокин. «Развитие культуры Сибири во многом определялось культурно-историческими процессами, происходившими в центральной России, а в качестве проводников этих процессов чаще всего выступала интеллигенция» (Gryaznukhina et al., 2017b: 812) А. Сорокин как представитель сибирской творческой интеллигенции был личностью неординарной, замечательной и непредсказуемой. Так, он сам себя выдвинул на Нобелевскую премию, разослав главам ряда государств письма с просьбой поддержать его кандидатуру (ГАОО. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 373. Л. 52). В своих произведениях он писал не только об ужасах войны, но и вскрывал ее социальные причины. Большую ответственность за все происходившее он возлагал на интеллигенцию. Обращаясь к ней, он говорил: «Вы пророки, вы передовые люди. Люди мысли должны были об этом думать раньше и должны были научить людей не делать этого» (Сорокин, 1987: 152). Упрек этот можно считать вполне справедливым. Русская интеллигенция, действительно добровольно взявшая на себя мессианскую роль по спасению России, в то же время спокойно отсиживалась в салонах, на «башнях», совершенно иногда не понимая и игнорируя происходящее. В 1914 г. в «Омском вестнике» Сорокин опубликовал самую значительную свою вещь о войне – повесть «Хохот Желтого дьявола». Хлестко и гневно бросает он обвинения в лицо Желтого дьявола – капитала, которого считает главным виновником войны. Война представляется им как вселенское сумасшествие. И чтобы нагляднее представить весь ужас войны, Сорокин создает фантастические сцены о том, как на окраине города открылась фабрика, на которой из трупов солдат делали желатин. Желатин этот увозили на европейский рынок. И когда на десерт подадут желе, «никто никогда из гостей не узнает происхождение этого желе-желатина, никогда не узнают, как грохотали пушки, никогда не узнают, как падали убитые». «Подумайте только об этом, долго думайте, и отчаяние сменится ужасом, и ужас перейдет в безумие...» (Сорокин, 1987: 138). Со страниц повести писатель снова обратился к интеллигенции: «Художники, писатели, артисты, музыканты – это вы виноваты, это вы писали картины, это вы веселили людей, это вы

играли на роялях, на скрипках, это вы чеканили деньги своим трудом, и вы виноваты потому, что на ваши деньги палат пушки и взрываются бомбы» (Сорокин, 1987: 126, 138).

В целом восприятие войны сибирской интеллигенцией ничем не отличалось от восприятия ее российской интеллигенцией. Ставились патриотические спектакли, перед которыми представляли фрагменты оперы «Жизнь за царя» М.И. Глинки, в антрактах исполнялись гимны союзников (ГАИО. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1. Л. 74). Устраивались выставки, на которых были представлены военные трофеи. Иркутский историк И. Серебренников отмечал, что, несмотря на свою многочисленность, интеллигенция «вся, за немногочисленным исключением, сидит где-то по углам. И многие, многие только и делают, что зашибают деньгу. Денег, побольше денег!.. Вот, кажется, единственный лозунг, на котором объединяется большинство наших интеллигентов» (ГАИО. Ф. 609. Оп. 1. Д. 3. Л. 25). Но все же интеллигенция находила применение своим талантам. Чтобы быть понятой народом, она обращалась к лубку, который быстро в наиболее доступной народу форме давал отклик на текущие военные события. Увидеть войну глазами народа пытался А. Лентулов, создавая лубки на военно-патриотические темы. Дань лубку отдали М. Ларионов, Н. Гончарова, К. Малевич, тексты составлял В. Маяковский. Выставлялись лубки на благотворительных выставках и должны были возбуждать патриотические чувства народа. Организовывались выставки лубков и в Сибири. Но критика представленные работы оценивала негативно. «В народ брошена неэстетическая, грубо размалеванная картина», – так писал критик Г. Гольдберг о выставке, состоявшейся в 1915 г. в Иркутске (ГАИО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 370. Л. 1).

5. Заключение

Вопросы войны и мира не перестанут волновать человечество никогда. К сожалению, актуальны они и сегодня. Влияние Первой мировой войны как огромного исторического события трудно переоценить. Она поменяла все жизненные уклады и устои, изменила восприятие жизни и само мироощущение человека. Ее масштабы и разрушительные последствия, миллионы погибших дают осознание трагичности любой войны. Война словно пробудила к жизни русскую интеллигенцию, находившуюся в состоянии некоей прострации и растерянности после революции 1905 г. и Русско-японской войны. Нужно было определиться в своей позиции и на происходящее как-то реагировать. Объединиться и выступить с единых мировоззренческих позиций у интеллигенции не получилось: слишком по-разному воспринималась ею окружающая действительность. Она была неповторима в своей индивидуальности, и поэтому оригинальным было и проявление ее самобытности. Отношение интеллигенции к войне разнилось от полного восторженного ее принятия до полного же ее отрицания. Отрезвляюще на многих подействовало столкновение с реальной жизнью и неудачи на фронте. Надежды на быструю победу сменились отчаянием и пессимизмом.

Интеллигенция Сибири не была оригинальной в своем отношении к военным действиям. Она полностью повторила опыт российской интеллигенции. Так же по мере развития событий менялось ее настроение от восторженного восприятия войны до полного разочарования в ней. И только неординарная фигура А. Сорокина с его эксцентрическими поступками придает некоторую оригинальность форме его протеста против войны.

Интеллигенция, занимаясь поисками новых нравственных идеалов и путей дальнейшего развития общества, в роли спасительницы России не состоялась. Оказавшись вплотную перед лицом реальных событий, она, по сути, не сыграла никакой значительной роли в формировании судьбоносных для страны решений. Лишь немногие из ее представителей пошли на фронт, совмещая это иногда с функциями военных корреспондентов. Самым распространенным вкладом в общее дело было открытие лазаретов и госпиталей, сбор денег нуждающимся демобилизованным по ранениям. В основном же интеллигенция продолжала вести привычный довоенный образ жизни: театры, выставки, вечера. «Все шло как будто своим чередом. Магазины торговали, кареты разъезжали... Театры работали весело и были переполнены» (Шаляпин, 1991: 149). Таким образом, задачи, которые творческая интеллигенция ставила перед собой, как показала сама жизнь, оказались не реализованными. Миссию свою она не выполнила, а совершившийся октябрьский переворот поставил под вопрос само существование интеллигенции как самостоятельной социальной группы.

Литература

- Альманах, 2013 – Великая война 1914–1918: Альманах Российской ассоциации историков Первой мировой войны: Россия в Первой мировой войне: Вып. 3. М., 2013. 160 с.
- Андреев, 2014 – Андреев Л. В сей грозный час // Политика и поэтика: русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны. М., 2014. С. 586–627.
- Бабореко, 1983 – Бабореко А.К. И.А. Бунин: Материалы для биографии с 1870 по 1917. 2 изд. М., 1983. 352 с.
- Белый, 2014 – Белый А. Очерки 1916 года для газеты «Биржевые ведомости» // Политика и поэтика: русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны. М., 2014. С. 174–240.
- Блок, 1989 – Блок А.А. Дневник. М., 1989. 512 с.
- Боровиков, 1984 – Боровиков С.Г. Алексей Толстой: Страницы жизни и творчества. М., 1984. 192 с.

- Брюсов, 2014 – Брюсов В. Корреспонденции в газете «Русские ведомости» 1914–1915 гг. // Политика и поэтика: русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны. М., 2014. С. 264-406, 457-576.
- ГАИО – Государственный архив Иркутской области.
- ГАОО – Государственный архив Омской области.
- Гиппиус, 1991 – Гиппиус З.Н. Стихотворения. Живые лица. М., 1991. 471 с.
- Гиппиус, 1999 – Гиппиус З.Н. Дневники: В 2 кн. Кн. 1. М., 1999. 736 с.
- Гиппиус, 2014 – Гиппиус З.Н. Статьи военных лет (1914–1917) // Политика и поэтика: русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны. Публикации, исследования и материалы. М., 2014. С. 635-700.
- Горький, 2007 – Публицистика М. Горького в контексте истории. М., 2007. 642 с.
- Гумилев, 1991 – Гумилев Н.С. Сочинения в 3 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы. М., 1991. 590 с.
- Лукницкая, 1990 – Лукницкая В. Николай Гумилев. Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукиных. Л., 1990. 302 с.
- Маяковский, 1987 – Маяковский В.В. Сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1987. 768 с.
- Милиоти, 1909 – Милиоти В. Забытые заветы // Золотое руно. 1909. № 4. С. 5.
- Михайлов, 2002 – Михайлов О.Н. Жизнь Бунина. Лишь слову жизнь дана... М., 2002. 491 с.
- Орлов, 1980 – Орлов В.Н. Гамаюн. Жизнь Александра Блока. Л., 1980. 726 с.
- Прокушев, 1989 – Прокушев Ю.Л. Сергей Есенин: Образ. Стихи. Эпоха. 5-е изд. М., 1989. 349 с.
- Сборник, 2013 – Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: политика и поэтика. М., 2013. 600 с.
- Сборник, 2014 – Политика и поэтика: русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны. Публикации, исследования и материалы. М., 2014. 880 с.
- Сологуб, 2014 – Сологуб Ф. Статьи и очерки 1914–1918 гг. // Политика и поэтика: русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны. М., 2014. С. 30-161.
- Сомов, 1979 – Сомов К.А. Письма. Дневники. Суждения современников. М., 1979. 624 с.
- Сорокин, 1986 – Сорокин А.С., Вяткин Г.А. Хохот желтого дьявола: Повесть, рассказы. Возвращение: Рассказы. Иркутск, 1986. 464 с.
- Толстой, 1949 – Толстой А.Н. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1949.
- Хеллман, Козьменко, 2014 – Хеллман Б., Козьменко М.В. Леонид Андреев. В сей грозный час // Политика и поэтика: русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны. Публикации, исследования и материалы. М., 2014. 877 с. С. 581-585.
- Чуковский, 1991 – Чуковский К.И. Дневник (1901–1929). М., 1991. 544 с.
- Шаляпин, 1991 – Шаляпин Ф.И. Маска и душа. Мои сорок лет на театрах. М., 1991. 319 с.
- Gryaznukhina et al., 2017a – Gryaznukhina T.V., Sejtkanova A.A., Gryaznukhin A.G. et al. (2017). Intelligentsia and the Folk between Russian Revolutions (1905–1917) // *Bylye Gody*, Vol. 44, Is. 2. pp. 625-634.
- Gryaznukhina et al., 2017b – Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G., Gaydin S.T. et al. (2017). The Siberia of the 19th century through the Russian Intelligentsia's eyes. *Bylye Gody*. Vol. 45. Is. 3. pp. 811–820.
- Hellman, 1995 – Hellman B. Poets of Hope and Despair: The Russian Symbolists in War and Revolution (1914-1918). By Ben Hellman. Helsinki: Institute for Russian and East European Studies, 1995. 421 p.
- Scherrer, 1973 – Scherrer J. Die Petersburger Religiös-Philosophischen Vereinigungen: Die Entwicklung des religiösen Selbstverständnisses ihrer Intelligencia-Mitglieder (1901–1917). Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte, vol. 19. Berlin. 1973. 473 p.

References

- Al'manakh, 2013 – Velikaya voina 1914 – 1918: Al'manakh Rossiiskoi assotsiatsii istorikov Pervoi mirovoi voiny: Rossiya v Pervoi mirovoi voine [Great war 1914-1918: Almanac of the Russian Association of historians of the First world war: Russia in the First world war]. Vyp. 3. Moscow, 2013. 160 p. [in Russian]
- Andreev, 2014 – Andreev L. (2014). V sei grozny chas. Politika i poetika: russkaya literatura v istoriko-kul'turnom kontekste Pervoi mirovoi voiny [In this terrible hour. Politics and poetics: Russian literature in the historical and cultural context of the First world war]. Moscow. pp. 586-627. [in Russian]
- Baboreko, 1983 – Baboreko A. (1983). K. I.A. Bunin: Materialy dlya biografii s 1870 po 1917 [I. Bunin: materials for the biography of 1870 to 1917]. 2 izd. Moscow. 352 p. [in Russian]
- Belyi, 2014 – Belyi A. (2014). Ocherki 1916 goda dlya gazety «Birzhevye vedomosti». Politika i poetika: russkaya literatura v istoriko-kul'turnom kontekste Pervoi mirovoi voiny [Essays of 1916 for the newspaper "Exchange Vedomosti". Politics and poetics: Russian literature in the historical and cultural context of the First world war]. Moscow. pp. 174-240. [in Russian]
- Blok, 1989 – Blok A.A. (1989). Dnevnik [Diary]. Moscow. 512 p. [in Russian]
- Borovikov, 1984 – Borovikov S.G. (1984). Aleksei Tolstoi: Stranitsy zhizni i tvorchestva [Alexey Tolstoy: Pages of life and creativity]. Moscow. 192 p. [in Russian]
- Bryusov, 2014 – Bryusov V. (2014). Korrespondentsii v gazete «Russkie vedomosti» 1914–1915 gg. Politika i poetika: russkaya literatura v istoriko-kul'turnom kontekste Pervoi mirovoi voiny [Correspondence

- in the newspaper "Russian Vedomosti" 1914-1915. Politics and poetics: Russian literature in the historical and cultural context of the First world war]. Moscow. pp. 264-406, 457-576. [in Russian]
- [Chukovskii, 1991](#) – *Chukovskii K.I.* (1991). Dnevnik (1901–1929) [Diary (1901–1929)]. Moscow. 544 p. [in Russian]
- [GAIO](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti [State archive of Irkutsk region].
- [GAOO](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Omskoi oblasti [State archive of the Omsk region].
- [Gippius, 1991](#) – *Gippius Z.N.* (1991). Stikhotvoreniya. Zhivye litsa [Poems. Living person]. Moscow. 471 p. [in Russian]
- [Gippius, 1999](#) – *Gippius Z.N.* (1999). Dnevniki: V 2 kn. Kn. 1 [Diaries: in 2 books. Book 1]. Moscow. 736 p. [in Russian]
- [Gippius, 2014](#) – *Gippius Z.N.* (2014). Stat'i voennykh let (1914–1917) // Politika i poetika: russkaya literatura v istoriko-kul'turnom kontekste Pervoi mirovoi voiny. [Articles of the war years (1914-1917) // Politics and poetics: Russian literature in the historical and cultural context of the First world war]. Moscow. pp. 635-700. [in Russian]
- [Gor'kii, 2007](#) – *Publicistika M.* (2007). Gor'kogo v kontekste istorii [M. Gorky's journalism in the context of history]. Moscow. 642 p. [in Russian]
- [Gryaznukhina et al., 2017a](#) – *Gryaznukhina T.V., Sejtkanova A.A., Gryaznukhin A.G. et al.* (2017). Intelligentsia and the Folk between Russian Revolutions (1905–1917). *Bylye Gody*, Vol. 44, Is. 2. pp. 625-634.
- [Gryaznukhina et al., 2017b](#) – *Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G., Gaydin S.T. et al.* (2017). The Siberia of the 19th century through the Russian Intelligentsia's eyes. *Bylye Gody*. Vol. 45, Is. 3. pp. 811–820.
- [Gumilev, 1991](#) – *Gumilev N.S.* (1991). Sochineniya v 3 t. T. 1. Stikhotvoreniya i poemy [Works in 3 volumes. Vol. 1. Poems and poems]. Moscow. 590 p. [in Russian]
- [Hellman, 1995](#) – *Hellman B.* (1995). Poets of Hope and Despair: The Russian Symbolists in War and Revolution (1914-1918). By Ben Hellman. Helsinki: Institute for Russian and East European Studies. 421 p.
- [Khellman, Koz'menko, 2014](#) – *Khellman B., Koz'menko M.V.* (2014). Leonid Andreev. V sei groznyi chas. Politika i poetika: russkaya literatura v istoriko-kul'turnom kontekste Pervoi mirovoi voiny. Moscow. 877 p. pp. 581-585. [in Russian]
- [Luknitskaya, 1990](#) – *Luknitskaya V.* (1990). Nikolai Gumilev. Zhizn' poeta po materialam domashnego arkhiva sem'i Lukinykh [Nikolai Gumilev. The life of a poet by materialam home archive family Lukins]. Leningrad. 302 p. [in Russian]
- [Mayakovskii, 1987](#) – *Mayakovskii V.V.* (1987). Sochineniya v dvukh tomakh. T. 1. [Works in two volumes. Vol. 1]. Moscow. 768 p. [in Russian]
- [Mikhailov, 2002](#) – *Mikhailov O.N.* (2002). Zhizn' Bunina. Lish' slovu zhizn' dana... [Bunin's Life. Only the word of life...]. Moscow. 491 p. [in Russian]
- [Milioti, 1909](#) – *Milioti V.* (1909). Zabytye zavety [Forgotten covenants]. *Zolotoe runo*. № 4. P. 5. [in Russian]
- [Orlov, 1980](#) – *Orlov V.N.* (1980). Gamayun. Zhizn' Aleksandra Bloka [Gamayun. Alexander Blok's Life]. Leningrad. 726 p. [in Russian]
- [Prokushev, 1989](#) – *Prokushev Yu.L.* (1989). Sergei Esenin: Obraz. Stikhi. Epokha [Sergei Esenin: Image. Verse. Era]. 5-e izd. Moscow. 349 p. [in Russian]
- [Sbornik, 2013](#) – *Russkaya publitsistika i periodika epokhi Pervoi mirovoi voiny: politika i poetika* [Russian journalism and periodicals of the First world war: politics and poetics]. Moscow, 2013. 600 p. [in Russian]
- [Sbornik, 2014](#) – *Politika i poetika: russkaya literatura v istoriko-kul'turnom kontekste Pervoi mirovoi voiny. Publikatsii, issledovaniya i materialy* [Politics and poetics: Russian literature in the historical and cultural context of the First world war. Publications, research and materials]. Moscow, 2014. 880 p. [in Russian]
- [Scherrer, 1973](#) – *Scherrer J.* (1973). Die Petersburger Religiös-Philosophischen Vereinigungen: Die Entwicklung des religiösen Selbstverständnisses ihrer Intelligencija-Mitglieder (1901–1917). Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte, vol. 19. Berlin. 473 p.
- [Shalyapin, 1991](#) – *Shalyapin F.I.* (1991). Maska i dusha. Moi sorok let na teatrakh [Mask and soul. My forty years in theaters]. Moscow. 319 p. [in Russian]
- [Sologub, 2014](#) – *Sologub F.* (2014). Stat'i i ocherki 1914 – 1918 gg. Politika i poetika: russkaya literatura v istoriko-kul'turnom kontekste Pervoi mirovoi voiny [Articles and essays 1914-1918. Politics and poetics: Russian literature in the historical and cultural context of the First world war]. Moscow. pp. 30-161. [in Russian]
- [Somov, 1979](#) – *Somov K.A.* (1979). Pis'ma. Dnevniki. Suzhdeniya sovremennikov [Letters. Diaries. Judgments of contemporaries]. Moscow. 624 p. [in Russian]
- [Sorokin, 1986](#) – *Sorokin A.S., Vyatkin G.A.* (1986). Khokhot zheltogo d'yavola: Povest' rasskazy. Vozvrashchenie: Rasskazy [The laughter of the yellow devil: a Novel stories. Return: Stories]. Irkutsk. 464 p. [in Russian]
- [Tolstoi, 1949](#) – *Tolstoi A.N.* (1949). Poln. sobr. soch.: V 15 t. [Complete works: In 15 vol.]. Moscow. [in Russian]

Первая мировая война как фактор политического инфантилизма российской интеллигенции

Татьяна Владимировна Грязнухина ^а, Александр Григорьевич Грязнухин ^{а, *}
Денис Николаевич Гергилев ^а, Лариса Федоровна Малютина ^а

^а Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Первая мировая война, ее влияние на творческую интеллигенцию и отношение интеллигенции к военным событиям являются основными вопросами, поставленными в ходе исследования в данной статье. В ней рассмотрены факты из биографий наиболее выдающихся представителей творческой интеллигенции, которые имеют непосредственное отношение к военным событиям. Используемые источники в виде архивных документов, дневников, воспоминаний показывают, что первоначальное восторженное восприятие войны по мере развития событий меняется на настроения скепсиса и разочарования. В ходе анализа фактического материала выявлена картина неоднозначного отношения к войне даже среди ее сторонников. В целом отношение к войне среди интеллигенции варьировалось от всецелого ее принятия до полного отрицания. Интеллигенция Сибири в этом отношении оригинальности не проявила, повторив тенденции, характерные для центрального российского региона. Немногие представители интеллигенции приняли реальное участие в военных действиях. В основном сфера их деятельности ограничивалась статьями в периодической печати, чтением стихов на различных собраниях, сбором средств для раненых, открытием лазаретов и госпиталей. В силу своей разобщенности и оторванности от жизненных реалий творческая интеллигенция не смогла существенным образом повлиять на общественно-политическую ситуацию в стране и соответственно выполнить добровольно возложенную на себя функцию по определению дальнейших путей развития России.

Ключевые слова: интеллигенция, творчество, культура, политический инфантилизм, Россия, Сибирь, Первая мировая война.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: agagag@mail.ru (А.Г. Грязнухин), tag-kras@mail.ru (Т.В. Грязнухина), turilak@yandex.ru (Д.Н. Гергилев), malyutina_48@mail.ru (Л.Ф. Малютина)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 51. Is. 1. pp. 447-455. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.1.447
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Image of the "German Conqueror" in the British and Russian Propaganda of the First World War Period: A Comparative Analysis

Pavel V. Ulyanov ^{a, *}

^a Altai State University, Russian Federation

Abstract

The First World War (1914-1918) is an illustrative historical example of the conduct of centralized and large-scale propaganda of the "image of the enemy" in many participating countries. In modern science, when studying propaganda during the First World War, researchers believe that in each participating country agitation was of the same type and had more similarities than differences. In Great Britain, Russia, Germany and even in France, central bodies were created, responsible for mass agitation, leaflets were distributed, rallies, demonstrations and military parades were held. However, the researchers do not take into account the fact that each country is distinguished by its specificity, which greatly influences the formation of the "image of the enemy", considered as the content of propaganda information. At the same time, the "image of the enemy", disseminated by means of campaign materials, was distinguished by certain features and was formed under the influence of various kinds of factors. In this regard, I would like to consider the issue of similarity and difference of images on the example of such distinctive and different from each other states, such as the United Kingdom and the Russian Empire. Therefore, in this article, the author compares the experience of propaganda of the "image of the German conqueror" in Great Britain and in the Russian Empire. His task is to highlight the common and distinctive features of this image, which was distributed among the population of the two countries during the First World War. As a conclusion, it should be said that despite the presence of similar methods and goals of propaganda, its content had distinctive features, which only underlines the identity of a particular country.

Keywords: the "Image of the Enemy", propaganda, propaganda in Great Britain, propaganda in the Russian Empire, propaganda during the First World War, World War I.

1. Введение

Актуальность темы исследования обусловлена увеличением роли пропаганды «образа врага» и воздействия СМИ на человеческое сознание в современном мире. Во многих странах она принимает широкомасштабный характер, так как охватывает все слои населения и распространяется посредством различных методов и технологий. При этом в каждой стране пропаганда проводится под влиянием не только общеизвестных и общедоступных средств и приемов, но и особенностей менталитета, национальных традиций, конкретных исторических событий. Тем самым пропаганда и ее содержание в отдельно взятой стране имеют как отличительные, так и схожие черты.

В связи с этим нами выбран период Первой мировой войны в качестве примера проведения централизованной и широкомасштабной пропаганды для манипулирования массовой аудиторией внутри государства и ориентирования ее в то русло, которое было вызвано военно-политической обстановкой. В этот исторический период в пропаганде распространялся образ мнимого или реального «завоевателя» в качестве «внешней угрозы», символизирующей завоевание и порабощение. Задача пропаганды заключалась в оказании воздействия на психофизиологические чувства людей и побуждении их преодолеть социальное табу на применение физической силы по

* Corresponding author

E-mail addresses: imperialnext@mail.ru (P.V. Ulyanov)

отношению к «врагу» вплоть до его уничтожения. Образ «врага-завоевателя» играл роль возбудителя, приводящего к выработке у человека условного рефлекса. Последний активизировал в мужском сознании защитнические функции и инстинкт самосохранения, проявляемые в форме вынужденного физического насилия над «опасным объектом» с целью защиты территории, женщин и детей с точки зрения своей жизнедеятельности и продолжения рода.

Такая методика воздействия, которая развивалась еще со времен древности, в каждой стране имела схожие и отличительные черты в процессе формирования «образа врага-завоевателя». Поэтому проблема, которая основывается на том, какие особенности проявляются в содержании пропаганды, дает возможность сравнить опыт продвижения в массы «образа немца-завоевателя» в качестве «внешней угрозы» в Великобритании и в Российской империи.

С другой стороны, выбранные нами государства имперского типа с очень богатой историей и отличительными национальными чертами и культурными элементами, накопили к началу XX века богатый опыт имперского владычества и приобрели общего «потенциального противника» в лице Германии. В связи с этим автор ставит целью сравнить британский и российский опыт пропаганды «образа немца-завоевателя» в период Первой мировой войны и выделить общие и отличительные черты продвигаемого в массы образа.

2. Материалы и методы

В качестве исторических источников нами использованы агитационные материалы (плакаты и карикатуры, листовки и прокламации, стихи и песни, речи политических деятелей и царские манифесты), периодическая печать и источники личного происхождения.

Используемые материалы агитационной направленности можно разделить на три группы: к первой – относятся визуальные средства пропаганды, в которые входят плакаты и карикатуры. На них присутствуют образы правителей, государств и народов. В отличие от карикатур, плакаты более простые в плане анализа источники. Главное в них – краткий слоган, отражающий смысл изображения. Во второй группе собрана печатная продукция, среди которой сборник британских прокламаций ([King Albert's Book, 1914: 17-18](#)) и тексты российских листовок, представленных в монографии российского историка А.Б. Асташова ([Асташов, 2012: 307-384](#)). В эту же группу входят речи политических деятелей, например Д. Ллойда Джорджа ([Ллойд Джордж, 2014: 208](#)), и царский манифест об объявлении российским правительством войны с Германией, опубликованный в сборнике документов ([Мировые войны..., 2002: 100-101](#)). В третью группу определены произведения массового характера: стихи британских поэтов-фронтовиков ([Rosenberg, 2014: 18](#)) и записи песен российских исполнителей (Д. Богемского и др.).

Периодическая печать включает в себя журналы и газеты. В качестве примера британской периодики можно привести сатирический журнал «Punch» ([Punch, 1914: 17](#)) и газету «The Daily Mail» ([The Daily Mail, 1915: 87-88](#)). Российская периодика представлена журналами «Русская школа» ([Русская школа, 1914: 129-132](#)) и «Родник» ([Родник, 1915: 52-68](#)).

Источники личного происхождения состоят из мемуарной литературы, дневниковых записей, писем, авторских статей и литературных произведений. Их особенность заключается в отражении личной оценки событий Первой мировой войны и субъективном отношении автора к «немцу-врагу». Мемуары представлены трудами британского дипломата Дж. Бьюкенена ([Бьюкенен, 1991: 334](#)) и сотрудника царской ставки М.К. Лемке ([Лемке, 1989: 388-403](#)). Среди дневниковых записей присутствует работа британского офицера А. Нокса ([Нокс, 2014: 671](#)). Письма британского солдата М. Джеймса ([James, 2014: 43](#)) и российского офицера А.Н. Снесарева ([Снесарев, 2012: 800](#)) также входят в эту группу. Личная оценка событий войны отражена в повести английского писателя Р. Киплинга ([Kipling, 2011: 331](#)) и рассказе советского писателя С.Н. Сергеева-Ценского ([Сергеев-Ценский, 1989: 17-365](#)). Исключением являются статьи английского писателя и журналиста А. Конана Дойла, собранные в его сборнике статей ([Конан Дойл, 2008: 316-319](#)), так как писались по заказу официальной власти, и их можно отнести к периодической печати.

В основе методологии исследования лежит принцип историзма и системный подход, в связи с которыми проблема пропаганды «образа немца-завоевателя» на примере Великобритании и Российской империи во время Первой мировой войны рассматривается как целостная, сложная и динамично развивающаяся система под влиянием внутренних и внешних факторов в конкретный исторический период с учетом его специфики.

В соответствии с методологией исследования использовались анализ и синтез в качестве общелогических методов. Среди специально-исторических методов применялись сравнительно-исторический, системно-исторический и историко-генетический. В качестве междисциплинарных нами были задействованы методы сравнения и гипотетико-дедуктивный.

3. Обсуждение и результаты

В историографии данная проблема отражена очень слабо и поэтому требует комплексного подхода к ее изучению. О ней вскользь упоминают британские историки И. Бэкетт ([Beckett, 2006: 394-517](#)), М. Гилберт ([Гилберт, 2014: 768](#)), Дж. Киган ([Keegan, 2014: 500](#)) и Н. Стоун ([Стоун, 2010: 219](#)). Незначительная попытка сравнения британского и российского опыта пропаганды образа немца как

«врага-завоевателя» показывает, что они в основном делают акцент на общих тенденциях и чертах сформированного образа Германии. Однако историки не выделяют отличительные черты в опыте обоих государств. Конкретный характер проблема приобретает во французской историографии. Ж.-Ж. Беккер (Беккер, 2006: 157) и С. Монтан (Montant, 2014: 154-163), несмотря на то, что, ставя проблему сравнения и выделения отличительных черт в пропаганде «образа немца-завоевателя», делают акцент только на проблеме дегуманизации «врага» в средствах агитационной направленности. Немецкий историк С. Мюллер (Müller, 2002: 427) и американский ученый Н. Гуллейс (Gullace, 1997: 714-747) заостряют внимание только на схожих чертах образа немца как «завоевателя», формируемых в контексте проявления национализма во время войны. В российской историографии В.Б. Миронов (Миронов, 2014: 304), Ю.Ю. Хмелевская (Хмелевская, 2005: 150-158), Н.Н. Юдин (Юдин, 2014: 288), Е.С. Сенявская и В.В. Миронов (Мировые войны..., 2002: 519-537) выделяют моменты, которые сближают и отличают российскую пропаганду от британской. В качестве примера они приводят стереотипы, приписываемые «немцу-врагу», ассоциируемому с завоеванием и порабощением. Однако в процессе поиска было трудно обнаружить конкретные позиции, позволяющие выделить различия между образами «немца-агрессора» в пропаганде обеих стран. Таким образом, при рассмотрении историографии нами не выявлены работы целостного изучения поставленной проблемы. Поэтому, опираясь на выводы и наработки исследователей, попытаемся комплексно рассмотреть данный вопрос.

Сначала выделим общие черты в пропагандируемом образе «немца-завоевателя», предназначенном для выработки у человека условного рефлекса. Главная цель заключалась в том, чтобы побудить людей к пожертвованию своими жизнями с целью защиты территории своего государства от завоевания войсками «врага», а также собственных женщин и детей от порабощения. И Великобритания в лице Бюро военной пропаганды, и Российская империя в лице IV Отдела Генерал-квартирмейстера Генерального штаба использовали этот прием в пропаганде, побуждая мужское население вступать в ряды вооруженных сил и защищать свои дома, жен и детей. В пропаганде на Германию возлагалась ответственность за развязывание военного конфликта. Усилившаяся «патриотическая лихорадка» привела к развитию антинемецких настроений как в Российской империи, так и в Великобритании. Немцев за проявление захватнических настроений, особенно в отношении нейтральных стран, обвиняли в применении вооруженной силы (Бьюкенен, 1991: 118).

В пропаганде обеих стран было отражено побуждение людей к защите отдаленной территории в качестве мотивации их на борьбу с «врагом». Так, для Великобритании необходимо было защитить Бельгию от нападения немецкой армии. Поэтому в пропаганде создавался «образ жертвы германской агрессии» (Grey, 1914: 97-98) и «образ незащитной девушки», подвергшейся насилию со стороны кайзера Вильгельма II (Punch, 1914: 239). Похожая тенденция проявилась и в пропаганде Российской империи. В качестве «жертвы агрессии» выступила Сербия (Мировые войны, 2002: 100). В результате «немец-завоеватель» приобрел черты «верного пса» правителя Германии. Поэтому в обоих государствах пропаганда отражала такой «образ завоевателя», который привлек бы внимание мужского населения и пробудил бы в нем признаки агрессии к «врагу», влекущие к его уничтожению.

Пропаганда, проводимая Великобританией и Российской империей, имела общие цели, что привело к отражению схожих черт в «образе немца-завоевателя». Здесь следует выделить влияние исторического контекста. Так, в Великобритании формирование «образа завоевателя» основывалось на англо-германском антагонизме. Корни этого явления уходили во времена вторжения на Британские острова германских племен англов, саксов и ютов (V-VII века). Во время войны в стихотворениях поэтов-фронтовиков черты антагонизма проявились в форме отрицания родства между британцами, потомками бриттов, и немцами, потомками германцев (Rosenberg, 2014: 18). С другой стороны, историческое событие о вторжении норманнов во главе с Вильгельмом Завоевателем в 1066 году повлияло на формирование образа кайзера Вильгельма II как «нового завоевателя» (Ллойд Джордж, 2014: 61).

В российской пропаганде значимым историческим событием было «Ледовое побоище» 1242 года как столкновение русских и немцев (Лемке, 1989: 401). Это привело к тому, что в пропаганде российский солдат ассоциировался с «богатырем русским», а немец – с «нечестивым тевтоном».

Еще одной общей чертой британской и российской пропаганды было наличие в ее содержании «образа варвара». В британской пропаганде немец был представлен как «воинствующий варвар». Обособление представлений о «миролюбивых» британцах и «воинственных» немцах основывалось на дихотомии «цивилизация» – «варвары». Именно она стала основой образа «немца-завоевателя» и отсылкой к историческому прошлому Великобритании. Посредством ее призывали всех подданных Соединенного Королевства не допустить очередного завоевания Британских островов «континентальными варварами».

В российских средствах массовых коммуникаций «образ немца-варвара» был своеобразным. Первая его особенность заключалась в том, что «тевтонский варвар» отличался «безбожностью», «бездуховностью», «воинственностью», «кровожадностью» и «жестокостью» (Асташов, 2014: 349, 353-355, 357). Вторая сводилась к ассоциации его с «пруссским милитаризмом», шедшим со стороны

Запада. Кстати, образ Пруссии как родины милитаризма имел место и в британской пропаганде, что также роднит ее с российской (Нокс, 2014: 30-31). Поэтому пропагандисты и призывали население Российской империи в очередной раз защитить свою страну от «захватчиков».

Здесь стоит упомянуть про «образ тевтонского рыцаря». В британской пропаганде Германия преподносилась «жесточкой цивилизацией», где силу имели «бронированный кулак» и «блистающие доспехи» (Ллойд Джордж, 2014: 16, 17, 18). В российской пропаганде символ «бронированного кулака» ассоциировался с немецкой армией (Степун, 2008: 8). Помимо этого, Пруссия как «эпицентр военщины» отождествлялась с Германией. Так, в обеих странах «образ немца-завоевателя» ассоциировался с «германским миром» и выполнял функцию обособления британских национальных особенностей (например, идей либерализма) и «черт русскости» (христианской морали) от тевтоно-германских элементов (зверств, проявляемых на оккупированных территориях).

К тому же во время вооруженного конфликта и британцы, и россияне по отношению к немцам использовали однотипное прозвище – «гунны» («Huns» в английских источниках) (Ларионов, 2014: 126-128; Киплинг, 2013: 13). С одной стороны, «образ гунна» был связан с «образом варвара» и подчеркивал в «немце-враге» черты «дикости» и «отсталости». Его нередко сравнивали с «кочевником», сражающимся в чистом поле по отсталой тактике. С другой стороны, «образ гунна» был характеристикой «немца», преподносимой в шуточной форме с целью показать его недалеким и трусливым. Пропагандисты целенаправленно снижали степень дегуманизации образа «немца-завоевателя» и продвигали его в массы, чтобы успокаивать население в военное время.

Наибольшая степень дегуманизации была присуща образам Германии в виде «черного орла» и «дракона». Последние были главными действующими персонажами и олицетворяли «сущест в хищными повадками». На британской карикатуре журнала «Punch» германский «черный орел» изображен в виде хищной птицы, угрожающей белому голубю (символу мира) (Punch, 1914: 17). Как персонаж он отражал возможность Германии продолжать войну и ее жизнеспособность (The War Illustrated..., 1917: 5). «Зеленый дракон» (а точнее «виверна») изображался в сражении с рыцарем. В Российской империи «черный орел» преподносился в форме «опасности» и его рисовали в схватке с двуглавым орлом (символом России) (Великая европейская..., 2014: 253). В свою очередь «дракон» вписывался в сюжет битвы Святого Георгия Победоносца со змеем, что также подчеркивает в Германии стремление к завоеванию (Великая европейская..., 2014: 252), вследствие чего в этих странах популярность приобрели образы «британского рыцаря» времен короля Артура и «русского богатыря», которые были для населения узнаваемыми героями, укрепляющими боевой дух и «оборонное сознание» людей. Спрос на подобных персонажей был вызван военным временем, требующим проявления стойкости и отваги.

В качестве еще одного сходства можно выделить восприятие немца (немецкого солдата) в «образе внешнего визуального врага». В британской армии солдаты Соединенного Королевства видели в немце «врага» «стойкого», «осторожного», «внимательного» и «бесстрашного» (Levine, 2009: 30, 35, 43, 136). С другой стороны, поскольку «образ военного противника» носит амбивалентный характер, то черты «ярости», «жестокости», «стремительности» и «злости» приписывались немецким войскам на войне (Chew, Jopson, 2014: 47, 59, 61). В боевом опыте российских солдат была тенденция воспринимать «врага» «воинственным», «дерзким» и «упорным», приписывая ему черты «целеустремленности». Похожая тенденция свидетельствует о восприятии «немца-завоевателя» в виде «внешней угрозы» в боевом опыте обеих армий, при этом в нем отражались черты, которые свидетельствовали об ужасной силе и поведении во время боя. Также в «военном противнике» можно было увидеть черты «потрепанности» и «беззащитности», что отмечается в письмах российского офицера А.Е. Снесарева (Снесарев, 2012: 45, 63).

Выделенные общие черты британской и российской пропаганды «образа немца-завоевателя», а именно схожие цели, опора на исторический контекст, прозвища немцев и символы говорят о некоей близости между образами «немца-завоевателя». Далее перейдем к выделению отличительных особенностей.

Главным отличием между британской и российской пропагандой «образа немца-завоевателя» было наличие в первой признаков общеимперской идентичности. В этом плане пропагандисты призывали всех подданных Британской империи вступить в борьбу с «внешним врагом» с целью защитить свою империю от «враждебной» (King Albert's Book, 1914: 17). В связи с этим немец рассматривался как «стремительный захватчик» (Паттерсон, 2014: 32, 207). Главную роль здесь сыграл островной менталитет жителей Британских островов, отчего «немец-завоеватель» рассматривался как «потенциальный захватчик», способный осадить Соединенное Королевство, словно крепость. «Идея морского могущества» и «идея содружества наций» в Великобритании слились в единую концепцию борьбы с германским военно-морским флотом за сохранение связи между метрополией и ее владениями (Черчилль, 2016: 102). В ней «немец-враг» преподносился «общеимперским врагом», стремившимся установить свои позиции на атлантических коммуникациях и покончить с Британией как с империей. Образ Бельгии как «жертвы агрессии» подчеркивает захватнические устремления Германии в отношении стран, неспособных оказать сопротивление (The Daily Mail, 1915, 87). Поэтому он приобрел черты общеимперского врага и даже общенационального, так как преподносился в прессе «угрозой» для всей британской нации.

В российской пропаганде черты имперскости были завуалированы и шли в контексте, отчего главным аргументом были этническая и религиозная идентичности, которые были провозглашены еще накануне войны. Защита Сербии как «слабого союзника» и ее православного славянского народа (Головин, 2001: 293; Polyakova, 2016: 14) стала мотивом вступления России в войну. Близость, воплощенная в «идее единства славян», между россиянами и сербами стала одним сюжетов российской пропаганды и развивалась до 1917 года. В результате роста популярности среди россиян «сербского сюжета» российские пропагандисты приписывали Германии черты «врага всего славянства» (Русская школа, 2014: 130). Задача их заключалась в сплочении всего населения империи на борьбу с «внешним врагом», однако препятствием для реализации такой идеи была национальная неоднородность Российской империи.

Также российская пропаганда, в отличие от британской, содержала в себе черты религиозности, так как Русская православная церковь была одним из агитационных акторов. Ее влияние было велико потому, что в обществе господствовало религиозное сознание, и связь россиян с РПЦ была важным фактором, обеспечивающим воздействие на население с целью его успокоения во время войны. О влиянии церкви свидетельствует изображение на плакатах Святого Георгия Победоносца, поражающего копьём «змея» («дракона»). Под влиянием церковных служителей шел призыв среди людей вступать в борьбу с «немцем-завоевателем». Поэтому «святорусские богатыри», защищающие свое отечество, противопоставлялись «нечестивым тевтонам» (Оськин, 2010: XIX).

Еще в Российской империи Первой мировой войне приписали образ «Второй Отечественной войны». Борьба россиян с «немцем-завоевателем», которая носила защитнический характер, стала делом «священным», отчего образ «немца-врага» сочетал в себе дегуманизированные черты, влиявшие на чувства людей. Очень хорошо был вписан в пропаганду «немец-завоеватель» в образе «векового врага», стремившегося с древних времен захватить территорию России (Лемке, 2014: 402). Этот метод воздействия использовали для объяснения населению причин вступления государства в вооруженный конфликт и оправдания агрессии по отношению к «врагу».

Основным символом «векового немца-врага» был «бронированный кулак» (Сергеев-Ценский, 2014: 63). Он приписывался с целью продемонстрировать населению Российской империи, что немцу присущ на подсознательном уровне «воинственный дух». Нечто подобное можно увидеть в письмах британского солдата М. Джеймса (James, 2014: 23-25). На этом отличии шло обособление «воинственного» немца от россиянина-защитника. Пропаганда стирала представления о жителе Германии, а формировала образ «немецкого солдата-захватчика», действующего по приказу кайзера. Поэтому в России во время войны «немец-завоеватель» ассоциировался с воинственностью (Кирш, 2014: 42). Пропаганда оправдывала агрессию по отношению к «немцу-врагу» и была нацелена на демонстрацию защитнической позиции российской армии.

Британская пропаганда, как и российская, также оправдывала действия вооруженных сил Соединенного Королевства. В ней немецкому народу приписывали черты страдающих от «военизированной лихорадки» людей (Берти, 2014: 88). Однако пропаганда Великобритании строилась не на религиозных, а на рациональных началах. Так, на примере Бельгии можно увидеть грамотное оправдание с точки зрения законности ее действия по вводу войск на территорию суверенного государства для предотвращения германской агрессии (King Albert's Book, 1914: 17). Великобритания, оправдывая введение своих войск в Бельгию, обвинила Германию в провокации ее совершить данное действие, отчего немцев изображали «интервентами» и «оккупантами».

Однако здесь имели место отличительные признаки. Зверства германских солдат на территории Бельгии британское правительство расценивало не просто как акт агрессии, а как преступление против человечества в целом. По этому поводу английский писатель А. Конан Дойл в газете «Нью-Йорк таймс» подробно описал германские зверства, чтобы продемонстрировать обществу «варварское поведение врага» (Конан Дойл, 2003: 317-318). В этом плане английское либеральное общество настаивало на силе закона, отчего в пропаганде имел место рациональный взгляд. И все же в немце пропагандисты выделяли черты «военного противника», чтобы не провоцировать британских солдат проявлять враждебность к немцам-военнопленным (Kipling, 2013: 13).

В Российской империи влияние пропаганды зверств немецких солдат в отношении мирного населения на оккупированных территориях основывалось на чувственном восприятии. Особенно негативную реакцию вызывало желание Германии провести «германизацию славянского населения» на захваченных польских территориях (Родник, 1915: 52).

Последнее, что можно выделить в качестве отличительных черт, так это особенности развития образа. В 1917 году в России образ «немца-завоевателя» претерпел изменение в связи с революционными событиями, хотя немец как «захватчик» и «агрессор» сохранялся в российской пропаганде до ноября 1918 года. В Великобритании «образ немца-завоевателя» сохранил основу, но степень его дегуманизации с 1916 года резко снизилась из-за разочарования населения в скорейшем окончании войны. В целом можно сказать, что и в России, и в Великобритании черты, которые были приписаны «немцу-завоевателю», сохранились и проявились в более поздние периоды, например во время Второй мировой и Великой Отечественной войны.

4. Заключение

Таким образом, поскольку «образ немца-завоевателя» использовался в пропаганде в качестве метода воздействия для выработки у человека условного рефлекса на «внешнюю агрессию», то сравнение британской и российской пропаганды позволяет выделить общие и отличительные черты образа, сформировавшегося в сознании населения обоих государств. В качестве общих черт следует отметить защиту своей территории и территории другой страны, схожие символы («черный орел» и «дракон»), позволяющие ассоциировать их с Германией, «образ варвара», «образ военного противника» в форме «внешней угрозы», прозвище немца «гунном» и влияние исторического контекста. Следовательно, можно сказать, что пропаганда носила однотипный характер.

Но были и отличительные черты. Так, в британской пропаганде отмечены признаки имперской идентичности, черты рациональности в отражении «немца-врага» и придание ему черт «общеимперского» и «общенационального врага». Следовательно, в Великобритании пропаганда была направлена на объяснение всему населению и жителям зависимых территорий сущности войны в качестве долга каждого подданного перед империей. Отсюда и образ «немца-завоевателя» преподносился в качестве «вызова», несущего угрозу существованию целой империи.

В российской пропаганде отличительными чертами были признаки этнической и религиозной идентичности, важная роль РПЦ в пропаганде и продвижении «образа святорусского богатыря». Российская пропаганда предполагала воздействие не только на сознание, но и на религиозные чувства, чтобы мотивировать и в то же время успокоить население страны. Понятные и узнаваемые среди россиян образы родины и богатырей были главными отличительными чертами пропаганды Российской империи. Влияние их на «образ немца-завоевателя» носило оправдательный характер проявляемой враждебности российскими солдатами по отношению к «немцу-врагу». В целом и в Российской империи, и в Великобритании пропаганда обладала своими отличительными особенностями, что позволяет говорить об ее специфике.

Литература

- Беккер, 2006** – Беккер Ж.-Ж. Первая мировая война / Пер. с фр. И.В. Меркуловой. М., 2006. 157 с.
- Берти, 2014** – Берти Ф. За кулисами Антанты: дневник британского посла в Париже. 1914–1919. М., 2014. 400 с.
- Бьюкенен, 1991** – Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1991. 334 с.
- Великая европейская, 2014** – Великая европейская война / Сост. А.В. Трофименко. М., 2014. 288 с.
- Мировые войны, 2002** – Высочайший манифест от 20 июля 1914 г. об объявлении состояния войны России с Германией // Мировые войны XX века. Кн. 2. М., 2002. С. 100-101.
- Гилберт, 2014** – Гилберт М. Первая мировая война. М., 2016. 768 с.
- Головин, 2001** – Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. М., 2001. 440 с.
- Конан Дойл, 2003** – Конан Дойл А. Германская политика: ставка на убийство // Уроки жизни. М., 2003. С. 316-319.
- Кириш, 2014** – Кириш Ю.И. Под сапогом Вильгельма II. Из записок рядового военнопленного № 4925. 1914–1918. М., 2014. 160 с.
- Ларионов, 2014** – Ларионов Я.М. Записки участника Мировой войны: 26-я пехотная дивизия в операциях 1-й и 2-й русских армий на Восточно-Прусском и Польском театрах в начале войны: (составлены по дневнику и полевым документам). М., 2009. 176 с.
- Лемке, 2009** – Лемке М.К. 250 дней в царской ставке // Первая мировая / Сост. С.Н. Семанова. М., 1989. С. 388-403.
- Асташов, 2014** – Листовки на Русском фронте Первой мировой войны // Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны / Сост. А.Б. Асташов. М., 2012. С. 307-384.
- Ллойд Джордж, 2014** – Ллойд Джордж Д. Правда нашего дела (Речь, произнесенная 10 ноября 1914 года) // Речи, произнесенные во время войны: Воспоминания. Мемуары. Минск, 2003. С. 57-72.
- Ллойд Джордж, 2014** – Ллойд Джордж Д. Через ужасы – к победе! (Речь, произнесенная 19 сентября 1914 года в Лондоне) // Речи, произнесенные во время войны: Воспоминания. Мемуары. Минск, 2003. С. 7-22.
- Родник, 1915** – Мезиер А. Что за народ поляки и как живет крестьянская Польша? // Родник. 1915. № 1. С. 52-68.
- Миронов, 2014** – Миронов В.Б. Первая мировая война. Борьба миров. М., 2014. 304 с.
- Нокс, 2014** – Нокс А. Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. 1914–1917 / Пер. с англ. А.Л. Андреева. М., 2014. 671 с.
- Оськин, 2010** – Оськин М.В. Первая мировая война. М., 2010. 368 с.
- Русская школа, 2014** – От Высочайшего учреждения Особого Комитета по усилению военного флота // Русская школа. 1914. № 8. С. 129-132.
- Паттерсон, 2014** – Паттерсон Дж. С иудеями в палестинской кампании. СПб., 2014. 254 с.
- Сергеев-Ценский, 2014** – Сергеев-Ценский С.Н. Брусиловский прорыв // Первая мировая / Сост. С.Н. Семанова. М., 1989. С. 17-365.
- Сенявская, Миронов, 2000** – Сенявская Е.С., Миронов В.В. Человек на войне: «свои» и «чужие» // Мировые войны XX века. Кн. 1. М., 2002. С. 519-537.

- Снесарев, 2012 – Снесарев А.Е. Письма с фронта 1914–1917. М., 2012. 800 с.
- Степун, 2008 – Степун Ф.А. (Н. Лунгин). Из писем прапорщика-артиллериста. Томск, 2000. 192 с.
- Стоун, 2010 – Стоун Н. Первая мировая война: краткая история. М., 2010. 219 с.
- Хмелевская, 2005 – Хмелевская Ю.Ю. Британия в 1914–1918 гг.: инструментализация предвоенного социально-психологического опыта «немилитаристской» нации // Война и общество (к 90-летию начала Первой мировой войны). Материалы Межвузовской научной конференции. Самара, 2005. С. 150–158.
- Черчилль, 2016 – Черчилль У. Эта война будет затяжной и изматывающей. 11 сентября 1914 год // Никогда не сдаваться. Лучшие речи Черчилля. 2-е изд. М., 2016. С. 99–106.
- Юдин, 2014 – Юдин Н.В. Патриотический подъем в странах Антанты в начале Первой мировой войны. М., 288. 2017.
- Beckett, 2006 – Beckett I. The Great War. L., 2007. 813 p.
- Punch, 1917 – The Belgian “Menace” // Punch. 1917. Vol. 153. p. 239.
- The Daily Mail, 1915 – Belgium’s Case Against Germany. Revelations in Official Correspondence // The Daily Mail Year Book for 1915. L., 1915. pp. 87–88.
- Chew, Jopson, 2014 – Chew H., Jopson N. Memories From the Front Line. L., 2014. 71 p.
- King Albert’s Book, 1914 – The Earl of Rosebery. It Is a Privilege to Write... // King Albert’s Book. L., 1914. pp. 17–18.
- Grey, 1914 – Grey E. Speeches of the House of Commons // Great Britain and the European Crisis. Correspondence, and Statements in Parliament, Together with an Introductory Narrative of Events. L., 1914. P. 97–98.
- Gullace, 1997 – Gullace N.F. Sexual Violence and Family Honor: British Propaganda and International Law during the First World War // American Historical Review. 1977. Vol. 102. № 3. pp. 714–747.
- James, 2014 – James M. Dear Mother. L., 2014. 43 p.
- Keegan, 2014 – Keegan J. The First World War. L., 2014. 500 p.
- Kipling, 2013 – Kipling R. The Irish Guards in the Great War. Vol. 1: the 1st Battalion. L., 2007. 331 p.
- Levine, 2009 – Levine J. Forgotten Voices of the Somme. L., 2009. 285 p.
- Montant, 2014 – Montant J.-C. L’organisation centrale des services d’informations et de propaganda du Quai d’Orsay pendant la Grande guerre // Les societes europeennes et la guerre de 1914–1918. Paris, 1990. pp. 135–143.
- Müller, 2002 – Müller S.O. Die Nation als Waffe und Vorstellung: Nationalismus in Deutschland und Großbritannien im Ersten Weltkrieg. Göttingen, 2002.
- The War Illustrated..., 1917 – Patience! We Shall Pluck You! The Fate of the German Eagle Shown at Salonika // The War Illustrated News. 1916. Part 14. P. 5.
- Rosenberg, 2014 – Rosenberg I. Break of Day in the Trenches // The Penguin Book of First World War Poetry / Ed. by G. Walter. L., 2006. P. 48.
- Polyakova, 2016 – Polyakova L.G. Caricature as a type of propaganda during World War I (as illustrated by materials published in the Ogoniok magazine) // Propaganda in the World and Local Conflicts, 2016, Vol. (5), Is. 1, pp. 12–29.
- Punch, 1914 – A Tall Order // Punch. 1914. Vol. 149. P. 17.

References

- Astashov, 2014 – Listovki na Russkom fronte Pervoy mirovoy voyny [Leaflets on the Russian Front of the First World War]. Propaganda na Russkom fronte v gody Pervoy mirovoy voyny. Sost. A.B. Astashov. Moscow, 2012. pp. 307–384. [in Russian]
- Beckett, 2006 – Beckett I. (2007). The Great War. L. 813 p.
- Bekker, 2006 – Bekker Zh.-Zh. (2006). Pervaya mirovaya voyna [World War I]. Per. s fr. I.V. Merkulovoy. Moscow, 157 p. [in Russian]
- Berti, 2014 – Berti F. (2014). Za kulisami Antanty: dnevnik britanskogo posla v Parizhe. 1914–1919. [Behind the Scenes of the Entente: Diary of the British Ambassador in Paris. 1914–1919]. Moscow, 400 p. [in Russian]
- B'yukenen, 1991 – B'yukenen Dzh. (1991). Memuary diplomata [Memoirs of a Diplomat]. Moscow, 334 p. [in Russian]
- Cherchill', 2016 – Cherchill' U. (2016). Eta voyna budet zatyazhnoy i izmatyvayushchey. 11 sentyabrya 1914 god [This War Will Be Long and Exhausting. September 11, 1914]. Nikogda ne sdavat'sya. Luchshiyechi Cherchillya. 2-e izd. Moscow, pp. 99–106. [in Russian]
- Chew, Jopson, 2014 – Chew H., Jopson N. (2014). Memories From the Front Line. L. 71 p.
- Gilbert, 2014 – Gilbert M. (2016). Pervaya mirovaya voyna [World War I]. Moscow, 768 p. [in Russian]
- Golovin, 2001 – Golovin N.N. (2001). Voyennyye usiliya Rossii v mirovoy voyne [Russian Military Efforts in World War]. Moscow, 440 p. [in Russian]
- Grey, 1914 – Grey E. (1914). Speeches of the House of Commons. Great Britain and the European Crisis. Correspondence, and Statements in Parliament, Together with an Introductory Narrative of Events. L. pp. 97–98.

- [Gullace, 1997](#) – *Gullace N.F.* (1997). Sexual Violence and Family Honor: British Propaganda and International Law during the First World War. *American Historical Review*. Vol. 102. № 3. pp. 714-747.
- [James, 2014](#) – *James M.* (2014). Dear Mother. L. 43 p.
- [Keegan, 2014](#) – *Keegan J.* (2014). The First World War. L. 500 p.
- [Khmelevskaya, 2005](#) – *Khmelevskaya Yu.Yu.* (2005) Britaniya v 1914-1918 gg.: instrumentalizatsiya predvoyennogo sotsial'no-psikhologicheskogo opyta «nemilitaristskoy» natsii [Britain in 1914-1918: the Instrumentalization of the Pre-war Socio-psychological Experience of a “Non-militarist” Nation]. *Voyna i obshchestvo* (k 90-letiyu nachala Pervoy mirovoy voyny). Materialy mezhdvuzovskoy nauchnoy konferentsii. Samara. pp. 150-158. [in Russian]
- [King Albert's Book, 1914](#) – The Earl of Rosebery. It Is a Privilege to Write... King Albert's Book. L., 1914. pp. 17-18.
- [Kipling, 2013](#) – *Kipling R.* (2013). The Irish Guards in the Great War. Vol. 1: the 1st Battalion. L., 2007. 331 p.
- [Kirsh, 2014](#) – *Kirsh Yu.I.* (2014). Pod sapogom Vil'gel'ma II. Iz zapisok ryadovogo voyennoplenennogo № 4925. 1914-1918 [Under the Boot of Wilhelm II. From the Notes of Ordinary Soldier No. 4925. 1914-1918]. Moscow, 160 p. [in Russian]
- [Konan Doyle, 2003](#) – *Konan Doyle A.* (2003). Germanskaya politika: stavka na ubiystvo [German Politics: Murder Bet]. *Uroki zhizni*. Moscow, pp. 316-319. [in Russian]
- [Larionov, 2014](#) – *Larionov Ya.M.* (2014) Zapiski uchastnika Mirovoy voyny: 26-ya pekhotnaya diviziya v operatsiyakh 1-y i 2-y russkikh armiy na Vostochno-Prusskom i Pol'skom teatrakh v nachale voyny: (sostavleny po dnevniku i polevym dokumentam) [Notes of a World War I Participant: the 26th Infantry Division in the Operations of the 1st and 2nd Russian Armies in the East Prussian and Polish Theaters at the Beginning of the War: (Compiled From a Diary and Field Documents)]. Moscow, 176 p. [in Russian]
- [Lemke, 2009](#) – *Lemke M.K.* (1989). 250 dney v tsarskoy stavke [250 Days in Royal Rate]. *Pervaya mirovaya*. Sost. S.N. Semanova. Moscow, pp. 388-403. [in Russian]
- [Levine, 2009](#) – *Levine J.* (2009). Forgotten Voices of the Somme. L. 285 p.
- [Lloyd Djordj, 2014](#) – *Lloyd Djordj D.* (2014). Cherez ujasy k pobede! (Rech, proiznesennaya 19 sentyabrya 1914 goda v Londone) [Through the Horrors - to Victory! (Speech Delivered on September 19, 1914 in London)]. *Rechi, proiznesennyye vo vremena voyny: Vospominaniya*. Memuary. Minsk, pp. 7-22. [in Russian]
- [Lloyd Djordj, 2014](#) – *Lloyd Djordj D.* (2014). Pravota nashego dela (Rech', proiznesennaya 10 noyabrya 1914 goda) [The Correctness of our Case (Speech, Delivered on November 10, 1914)]. *Rechi, proiznesennyye vo vremena voyny: Vospominaniya*. Memuary. Minsk, pp. 57-72. [in Russian]
- [Mironov, 2014](#) – *Mironov V.B.* (2014). Pervaya mirovaya voyna. Bor'ba mirov [World War I. Worlds Fight]. Moscow, 304 p. [in Russian]
- [Mirovyeye voyny..., 2002](#) – Vysochayshiy manifest ot 20 iyulya 1914 g. ob ob'yavlenii sostoyaniya voyny Rossii s Germaniyey [The Highest Manifesto of July 20, 1914, Declaring War on Germany]. *Mirovyeye voyny XX veka*. Kn. 2. Moscow, 2002. pp. 100-101. [in Russian]
- [Montant, 2014](#) – *Montant J.-C.* (2014). L'organisation centrale des services d'informations et de propaganda du Quai d'Orsay pendant la Grande guerre. *Les societees europeennes et la guerre de 1914-1918*. Paris, 1990. pp. 135-143.
- [Müller, 2002](#) – *Müller S.O.* (2002). Die Nation als Waffe und Vorstellung: Nationalismus in Deutschland und Großbritannien im Ersten Weltkrieg. Göttingen, 2002.
- [Noks, 2014](#) – *Noks A.* (2014). Vmeste s russkoy armiyey. Dnevnik voyennogo attashe. 1914-1917 [Together with the Russian Army. Military Attaché Diary. 1914-1917]. Per. s angl. A.L. Andreyeva. M., 671 p. [in Russian]
- [Os'kin, 2010](#) – *Os'kin M.V.* (2010). Pervaya mirovaya voyna [World War I]. Moscow, 368 p. [in Russian]
- [Patterson, 2014](#) – *Patterson Dzh.* (2014). S iudeyami v palestinskoy kampanii [With the Jews in the Palestinian Campaign]. Sankt-Peterburg, 254 p. [in Russian]
- [Polyakova, 2016](#) – *Polyakova L.G.* (2016). Caricature as a type of propaganda during World War I (as illustrated by materials published in the Ogoniok magazine). *Propaganda in the World and Local Conflicts*, Vol. (5), Is. 1, pp. 12-29.
- [Punch, 1914](#) – A Tall Order. *Punch*. 1914. Vol. 149. p. 17.
- [Punch, 1917](#) – The Belgian “Menace”. *Punch*. 1917. Vol. 153. p. 239.
- [Rodnik, 1915](#) – *Mezier A.* (1915). Chto za narod polyaki i kak zhivet krest'yanskaya Pol'sha? [What Kind of People Is the Poles and How Does Peasant Poland Live?]. *Rodnik*. № 1. pp. 52-68. [in Russian]
- [Rosenberg, 2014](#) – *Rosenberg I.* (2014). Break of Day in the Trenches. *The Penguin Book of First World War Poetry*. Ed. by G. Walter. L., 2006. p. 48.
- [Russkaya shkola, 2014](#) – Ot Vysochayshego uchrezhdeniya Osobogo Komiteta po usileniyu voyennogo flota [From the Highest Establishment of the Special Committee for the Improvement of the Military Fleet]. *Russkaya shkola*. 1914. № 8. pp. 129-132. [in Russian]

Senyavskaya, Mironov, 2000 – *Senyavskaya E.S., Mironov V.V.* (2002). Chelovek na voyne: «svoi» i «chuzhiye» [The Man in the War: "Their" and "Alien"]. Mirovyeye voyny XX veka. Kn. 1. Moskow, pp. 519-537. [in Russian]

Sergeyev-Tsenskiy, 2014 – *Sergeyev-Tsenskiy S.N.* (1989). Brusilovskiy proryv [Brusilovsky Breakthrough]. Pervaya mirovaya. Sost. S.N. Semanova. Moskow, pp. 17-365. [in Russian]

Snesarev, 2012 – *Snesarev A.E.* (2012). Pis'ma s fronta 1914-1917 [Letters From the Front 1914-1917]. Moskow, 800 p. [in Russian]

Stepun, 2008 – *Stepun F.A.* (N. Lungin). (2000). Iz pisem praporshchika-artillerista [From the Letters of the Ensign-artilleryman]. Tomsk, 192 p. [in Russian]

Stoun, 2010 – *Stoun N.* (2010). Pervaya mirovaya voyna: kratkaya istoriya [World War I: A Brief History]. Moskow, 219 p. [in Russian]

The Daily Mail, 1915 – Belgium's Case Against Germany. Revelations in Official Correspondence. The Daily Mail Year Book for 1915. L., 1915. pp. 87-88.

The War Illustrated..., 1917 – Patience! We Shall Pluck You! The Fate of the German Eagle Shown at Salonika. The War Illustrated News. 1916. Part 14. p. 5.

Velikaya yevropeyskaya..., 2014 – Velikaya yevropeyskaya voyna [Great European War]. Sost. A.V. Trofimenko. Moskow, 2014. 288 p. [in Russian]

Yudin, 2014 – *Yudin N.V.* (2017). Patrioticheskiy pod'yem v stranakh Antanty v nachale Pervoy mirovoy voyny [Patriotic Rise in the Entente Countries at the Beginning of the First World War]. Moskow, 288. [in Russian]

Образ «немца-завоевателя» в британской и российской пропаганде периода Первой мировой войны: сравнительный анализ

Павел Владимирович Ульянов ^а, *

^а Алтайский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Первая мировая война (1914–1918 годы) – это показательный исторический пример проведения централизованной и широкомасштабной пропаганды «образа врага» во многих странах-участницах. В современной науке при изучении пропаганды во время Первой мировой войны исследователи полагают, что в каждой стране-участнице агитация носила однотипный характер и имела больше сходств, чем отличий. В Великобритании, России, Германии и даже во Франции создавались центральные органы, отвечавшие за массовую агитацию, распространялись листовки, проводились митинги, демонстрации и военные парады. Однако исследователями не учитывается то, что каждая страна отличается своей спецификой, очень сильно влияющей на формирование «образа врага», рассматриваемого в качестве содержания агитационной информации. При этом распространяемый посредством материалов агитационной направленности «образ врага» отличался определенными особенностями и формировался под влиянием различного рода факторов. В связи с этим хотелось бы рассмотреть вопрос о сходстве и различии образов на примере таких самобытных и отличающихся друг от друга государств, как Великобритания и Российская империя. Поэтому в данной статье автор сравнивает опыт пропаганды «образа немца-завоевателя» в Великобритании и в Российской империи. Его задача заключается в том, чтобы выделить общие и отличительные черты данного образа, распространявшегося среди населения двух стран в период Первой мировой войны. В качестве вывода следует сказать, что, несмотря на наличие схожих методов и целей пропаганды, ее содержание имело отличительные особенности, что только подчеркивает самобытность конкретной страны.

Ключевые слова: «образ врага», пропаганда, пропаганда в Великобритании, пропаганда в Российской империи, пропаганда в период Первой мировой войны, Первая мировая война.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: imperialnext@mail.ru (П.В. Ульянов)